

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ГРЯДУЩАЯ БУРЯ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ - 12

РОБЕРТ ДЖОРДАН
БРЭНДОН САНДЕРСОН

Annotation

Грядущая буря" – долгожданная двенадцатая книга цикла "Колесо времени". Это первая книга, выпущенная после смерти Роберта Джордана. Написанная Брэндоном Сандерсоном по материалам Роберта Джордана и под контролем его вдовы Харриэт, The Gathering Storm станет первой из трех книг, которые завершат собой эпическую историю Дракона Возрожденного.

- [Роберт Джордан, Брэндон Сандерсон](#)

- [Пролог. Что значит буря](#)
- [Глава 1. Слезы стали](#)
- [Глава 2. Природа боли](#)
- [Глава 3. Вопросы Чести](#)
- [Глава 4. Сумерки](#)
- [Глава 5. Рассказ о крови](#)
- [Глава 6. Когда железо тает](#)
- [Глава 7. Планы на Арад Доман](#)
- [Глава 8. Чистые рубашки](#)
- [Глава 9. Покидая Малден](#)
- [Глава 10. Последний табак](#)
- [Глава 11. Смерть Адрина](#)
- [Глава 12. Непредвиденные встречи](#)
- [Глава 13. Предложение и отъезд](#)
- [Глава 14. Шкатулка](#)

открывается

- Глава 15. Начало положено
- Глава 16. В Белой Башне
- Глава 17. Вопросы контроля
- Глава 18. Послание в спешке
- Глава 19. Жертвы
- Глава 20. На разбитой дороге
- Глава 21. Угли и пепел
- Глава 22. Последняя капля
- Глава 23. Сгустившийся воздух
- Глава 24. Новое обязательство
- Глава 25. Во Тьме
- Глава 26. Трещина в камне
- Глава 27. «Пьяный мерин»

- [Глава 28. Ночь в Хиндерстапе](#)
- [Глава 29. В стенах Бандар Эбана](#)
- [Глава 30. Добрый совет](#)
- [Глава 31. Обещание Льюсу Тэрину](#)
- [Глава 32. Реки Теней](#)
- [Глава 33. Разговор с Драконом](#)
- [Глава 34. Легенды](#)
- [Глава 35. Ореол тьмы](#)
- [Глава 36. Смерть Туон](#)
- [Глава 37. Сила Света](#)
- [Глава 38. Новости из Тел'аран'риода](#)
- [Глава 39. Визит Верин Седай](#)

- [Глава 40. Башня сотрясается](#)
 - [Глава 41. Воплощение Силы](#)
 - [Глава 42. Перед Тирской
Твердыней](#)
 - [Глава 43. Запечатано
Пламенем](#)
 - [Глава 44. Неизвестный
запах](#)
 - [Глава 45. Башня выстояла](#)
 - [Глава 46. Перековать](#)
 - [Глава 47. Его потеря](#)
 - [Глава 48. Изучая
Комментарии](#)
 - [Глава 49. Просто человек](#)
 - [Глава 50. Золотые жилы](#)
 - [Эпилог. Проблеск Света](#)
-

**Роберт Джордан,
Брэндон Сандерсон**

Грядущая буря

**(Колесо Времени –
12)**

Пролог. Что значит буря

Ренальд Фэнвар сидел на крыльце, согревая телом прочное кресло из черного дуба, которое для него два года назад вырезал его внук. Он смотрел на север.

На черные с серебром тучи.

Никогда он не видел ничего подобного. Громоздясь в вышине, они закрывали собой весь северный небосклон. И они вовсе не были серыми. Они были именно черными с серебром. Грохочущий грозовой фронт был темным, как погреб в полночь. В абсолютной тишине, где-то в глубине, разрывая тучи на части, сверкали серебристые молнии.

Воздух стал густым. Густым от запахов пыли и грязи, сухих листьев и так и не пролившегося дождя. Пришла весна, но посевы так и не взошли. Ни один росток не решился пробиться сквозь землю.

Он медленно поднялся с кресла — дерево закрипело, кресло мягко

закачалось позади него – и подошел к краю крыльца. Он сжимал в зубах трубку, хотя она давно потухла. Он не стал вновь ее разжигать. Эти тучи завораживали. Они были такими черными – как дым от лесного пожара, хотя дым от пожара никогда не поднимался так высоко в небо. А как понимать серебряные тучи? Они выпирали между черных, словно начищенная сталь сквозь покрывшую ее сажу.

Оглядев двор, он поскреб подбородок. Низкая побеленная изгородь окружала клочок травы и кусты. Они высохли все до единого – не сумели пережить эту зиму. Скоро придется их выкорчевать. Что до

травы... что ж, трава оставалась прошлогодней. Не возшло ни травинки.

Удар грома его ошарашил. Чистый, резкий, словно невероятного масштаба удар металла о металл. От грома задребезжали окна в доме, затряслись доски крыльца — казалось, он потряс до самых костей.

Он отскочил. Этот удар был где-то рядом — возможно, на его подворье. Ему захотелось пойти проверить ущерб. Удар молнии может убить человека, или прогнать с земель, спалив его дом. Здесь, в Пограничье, очень многое может заменить трут — сухая трава, дранка, и даже семена.

Но тучи еще далеко. Значит, молния не могла ударить в его владениях. Черные и серебряные тучи накатывались и кипели, подпитывая и пожирая друг друга.

Он закрыл глаза, успокаиваясь, и глубоко вздохнул. Неужели ему показалось? Неужели он съезжает с катушек, как постоянно шутит Гаффин? Он открыл глаза.

И вдруг тучи оказались рядом — прямо над его домом.

Выглядело так, будто они неожиданно подкатились вперед, решив нанести удар, пока он отвел взгляд. Теперь они господствовали в небе, уносясь вдаль во всех направлениях, массивные и

подавляющие. Он почти физически чувствовал, как их вес сдавливает окружающую атмосферу. Он вдохнул неожиданно тяжелый от влаги воздух, и на его лбу выступил пот.

Облака вспенивались; иссиня черные и серебристые тучи сотрясались от белых, идущих изнутри вспышек. Внезапно они закипели и хлынули вниз прямо на него, словно воронка смерча. Он вскрикнул, подняв руку, словно заслоняясь от невыносимо яркого света. Эта чернота. Эта бесконечная, удушающая чернота. Она поглотит его — он это знал.

И вдруг тучи исчезли.

Трубка с мягким стуком упала

на крыльцо, рассыпав пепел по ступеням. Он не заметил, как выпустил ее. Ренальд помедлил, глядя в чистое синее небо, осознав, что испугался пустоты.

Тучи снова собрались на горизонте, но теперь в сорока лигах отсюда. Они тихонько громыхали.

Трясущейся рукой он поднял трубку. Загоревшая за годы, проведенные на солнце, рука была в старческих пятнах. *«Это тебе показалось, Ренальд»*, — сказал он себе. — *«Ты съезжаешь с катушек, это ясно как день»*.

Он был на взводе из-за посевов. Это они довели его до крайности. Хоть он и пытался приободрить

парней, но выходило неестественно. Что-то уже должно было прорасти. Он пашет эту землю уже сорок лет! Семенам ячменя не нужно столько времени. Чтоб ему сгореть, но не нужно! Что в последнее время творится с миром? Не только нельзя положиться на растения, но и тучи не остаются там, где им положено.

С трудом он опустил обратно в кресло, так как ноги дрожали. «*Старею...*» — решил он.

Он проработал на ферме всю жизнь. Вести хозяйство в Пограничье было нелегко, но, если много работать и получать обильный урожай, то можно неплохо жить. «*Сколько посеешь семян, столько*

удачи и получишь», — все время говорил его отец.

Что ж, Ренальд был одним из самых успешных фермеров в округе. Дела шли настолько хорошо, что он смог купить две соседние фермы, и по осени мог отправлять на ярмарку по тридцать телег. Сейчас на него работало шесть человек — они пахали поля и следили за порядком. Это не означало, что ему не приходилось каждый день лезть в навоз и показывать, в чем соль фермерского труда. Нельзя позволять мимолетному успеху вскружить тебе голову.

Да, он работал на земле, «жил землей», как всегда повторял его

отец. И он разбирался в погоде, насколько это возможно. Эти тучи были необычными. Они тихо рычали, как рычат животные в ночи — выжидая, прячась в ближайшем лесу.

Он подскочил, когда новый удар грома прозвучал, казалось, слишком близко. Эти тучи же были за сорок лиг отсюда? Разве он так не думал? Скорее, если присмотреться, то сейчас похоже на десять лиг. «Не забивай себе голову», — проворчал он себе под нос. Звук собственного голоса успокаивал. В самом деле. Приятно услышать что-то, помимо этого громохання и редкого поскрипывания ставен на ветру. Кстати, разве он не должен слышать,

как Овэйн в доме готовит ужин?

— Ты устал. Вот и все. Устал. — Он запустил руку в карман жилета и выудил кисет с табаком.

Справа донеслось тихое громыхание. Сначала он решил, что это гром — но громыхание было слишком резким и постоянным. Это был не гром. Это гремели колеса.

И точно — большой, запряженный волами фургон взобрался на восточный склон Маллардова Холма. Ренальд придумал холму название сам. Каждой вещи нужно имя. Дорога называлась Маллардов Тракт — почему бы не назвать холм так же?

Он наклонился в кресле вперед,

старательно не обращая внимания на облака, и, сощурившись, постарался рассмотреть возницу. Это не Тулин? Кузнец? Почему это он загрузил фургон чуть ли не до небес? Разве он не должен ковать новый плуг для Ренальда?

Хоть Тулин и был самым худым из кузнечной братии, у него все же было вдвое больше мышц, чем у большинства фермеров. Он был темноволос и загорел, как все шайнарцы. Так же по шайнарскому обычаю он брил лицо, но чуба не носил. Тулин мог проследить свой род от воинов Порубежья, но сам он был обычным крестьянином, как все в округе. Он держал кузницу около

Дубового Ручья, в пяти милях к востоку. Зимними вечерами Ренальд с кузнецом часто с удовольствием играли в камни.

Тулин приближался. Он был моложе Ренальда, но последние несколько зим выдались тяжелыми, из-за чего он начал задумываться, не отойти ли от дел. Кузнечное дело не терпит стариков. Конечно, и фермерство тоже. Да разве есть хоть какое-то ремесло, подходящее старику?

Фургон Тулина катился по накатанной проселочной дороге, приближаясь к белой изгороди Ренальда. «*Как странно*», – подумал Ренальд. За фургоном тянулась

аккуратная цепочка животных: пять коз и две молочных коровы. Снаружи к фургону были привязаны клетки с черными курами, а сам фургон был забит мебелью, тюками и бочками. Юная дочка Тулина, Мирала, сидела на передке, рядом с ним и его женой — златоволосой женщиной с юга. Галлана уже двадцать пять лет была женой Тулина, но Ренальд до сих пор мысленно звал ее «эта южаночка».

Вся семья ехала в фургоне и забрала с собой все, что можно. Очевидно, они переезжают. Но куда? Может, к родственникам? Они с Тулином не садились за партию в камни уже... да, уже три недели. В последнее время выдалось не

слишком-то много времени ходить в гости – пришла весна, и нужно сеять. Кому-то понадобится чинить плуги и точить косы. Кто этим займется, если кузница Тулина опустеет?

Пока Тулин прилаживал фургон рядом с домом, Ренальд набил в трубку щепотку табака. Худощавый, седой кузнец передал поводья дочери и спрыгнул с фургона, подняв облако пыли, когда его ноги коснулись земли. За его спиной зрела далекая гроза.

Тулин распахнул калитку и пошел к крыльцу. Он выглядел растерянным. Ренальд открыл было рот, чтобы его поприветствовать, но Тулин заговорил первым.

— Я закопал мою лучшую наковальню на грядке, где Галлана когда-то выращивала клубнику, — произнес высокий кузнец. — Ты ведь помнишь, где это? Там же я сложил мои лучшие инструменты. Они хорошо смазаны и лежат в моем лучшем сундуке. Я перевязал его, чтобы он не промок. Это на какое-то время должно убереечь инструменты от ржавчины.

Ренальд закрыл рот — его трубка так и осталась набитой наполовину. Если Тулин спрятал наковальню... это значит, что в ближайшее время он возвращаться не собирается.

— Тулин, что...

— Если я не вернусь, — сказал

Тулин, посмотрев на север, — Ты откапашь мои вещи и проследишь, чтобы о них позаботились? Продай их, Ренальд, кому-нибудь, кто знает в этом толк. Я не хочу, чтобы кто ни попадя бил по этой наковальне. Ты ведь знаешь, я собирал эти инструменты двадцать лет.

— Тулин! — пробормотал Ренальд.
— Куда ты собрался?

Тулин вновь повернулся к нему, положив руку на перила крыльца, взгляд его карих глаз был серьезным.

— Надвигается буря, — сказал он.
— Так что я решил — надо ехать на север.

— Буря? — удивился Ренальд. — Ты имеешь в виду ту, что маячит на

горизонте? Верно, Тулин, она выглядит плохо. Да сгни мои кости, она выглядит просто ужасно! Но какой смысл от нее бежать? Мы и раньше видели страшные бури.

– Но не такую, старина, – сказал Тулин. – Эта буря не из тех, что можно пересидеть.

– Это ты о чем, Тулин? – спросил Ренальд.

Прежде чем тот успел ответить, его из фургона окликнула Галлана:

– Ты сказал ему про котлы?

– Ах, да, – произнес Тулин. – Галлана начистила те луженые медью котлы, которые так нравятся твоей жене. Если Овэйн захочет их забрать, то они стоят в кухне на

столе. — Сказав это, Тулин кивнул Ренальду и пошел обратно к фургону.

Ренальд сидел в каком-то оцепенении. Тулин всегда был прямолинейным: он предпочитал высказать все, что у него на душе, а потом пойти дальше. Это было одним из того, что в нем нравилась Ренальду. Но кузнец будто промчался сквозь разговор, подобно валуну, летящему сквозь отару овец, пугая всех до единой.

Ренальд кое-как поднялся на ноги, оставив трубку на кресле, и пошел через двор следом за Тулином к фургону. *«Да чтоб оно все сгорело!»* — Подумал Ренальд, оглядевшись по сторонам и вновь

отметив жухлую траву и сухие кусты. Он отдал этому двору столько сил.

Кузнец проверил, хорошо ли закреплены клетки к бортам фургона. Протянув руку, Ренальд перехватил его, но его отвлекла Галлана.

— Вот, Ренальд, — сказала она изнутри фургона. — Держи. — Она протянула ему корзину с яйцами. Из пучка у нее выбился золотистый локон. Ренальд потянулся, чтобы взять корзину. — Отдай их Овэйн. Я знаю, после того осеннего нашествия лис у вас осталось мало кур.

Ренальд взял корзину. Часть яиц была белыми, часть коричневыми.

— Хорошо. Но куда же вы собрались, Галлана?

– На север, дружище, – сказал Тулин. Проходя мимо, он положил руку Ренальду на плечо. – Я так понимаю, там собирается армия. Им понадобятся кузнецы.

– Пожалуйста, – Ренальд указал на дом корзинкой с яйцами. – Задержитесь хотя бы на пару минут. Овэйн только что поставила хлеб – и пышные медовые пироги, как ты любишь. Мы можем поболтать за партией в камни.

Тулин помедлил.

– Нам лучше отправляться, – мягко сказала Галлана. – Буря приближается.

Тулин кивнул и забрался в фургон.

— Может, тебе тоже стоит отправиться на север? Если решишься, то бери с собой все, что можешь. — Он помолчал. — Ты неплохо обращаешься с молотком, поэтому справишься с простенькой ковкой. Возьми свои лучшие косы и перекуй на алебарды. Возьми две самых лучших — не скупись и не бери те, что похуже. Выбери лучшее, потому что это будет твоим личным оружием.

Ренальд нахмурился.

— Откуда ты знаешь, что там собирается армия? Тулин, чтоб мне сгореть — но я же не солдат!

Тулин продолжал, будто и не слышал ответа.

— Алебардой можно стащить врага с лошади и заколоть его. И я тут подумал, что ты можешь взять те, что похуже, и выковать парочку мечей.

— Откуда я знаю, как делать мечи? И как обращаться с мечом, в конце-то концов?

— Научишься, — сказал Тулин, повернувшись к северу. — Там понадобится каждый, Ренальд. Каждый. Они идут на нас. — Он бросил взгляд на Ренальда. — Сделать меч не так уж и трудно. Берешь лезвие косы и выпрямляешь его, затем ищешь кусок дерева для гарды — чтоб вражеский меч не соскользнул по лезвию и не отрубил тебе руку. У

тебя уже почти все есть.

Ренальд моргнул. Он перестал задавать вопросы, но не мог прогнать их из головы. Они сбились в его мозгу, как стадо, пытающееся прорваться наружу через единственные ворота.

— Бери с собой весь скот, Ренальд, — сказал Тулин. — Вы его съедите, ты сам, или твои люди — и тебе понадобится молоко. А если нет, то встретишь людей, у которых можно что-то обменять на говядину или баранину. Еды будет мало — все портится, а зимние запасы истощаются. Бери все, что есть. Сушеные бобы и фрукты — все.

Ренальд оперся о калитку. Он

чувствовал себя слабым и разбитым. Наконец он выдавил из себя единственный вопрос:

— Зачем?

Тулин помедлил, затем отошел от фургона и вновь положил руку Ренальду на плечо.

— Прости, что все так внезапно. Я... ты знаешь, Ренальд, как у меня обстоят дела с разговорами. Я не знаю, что это за буря — но я знаю, что она означает. Я никогда не брал в руки меча, но мой отец сражался в Айильской войне. Я Порубежник, а эта буря означает, что наступает конец. Когда она явится, мы должны быть на месте.

Он замолчал и обернулся к

северу, глядя на собирающиеся тучи так, как фермер смотрит на ядовитую змею, обнаруженную посреди поля.

— Сохрани нас Свет, дружище. Мы должны быть там.

Он убрал руку с плеча Ренальда и вскарабкался обратно в фургон. Ренальд смотрел, как они подстегнули волов и тронулись на север. Будто оцепенев, Ренальд долго смотрел им вслед.

Вдали раздался треск грома — словно по холмам ударили хлыстом.

Дверь дома открылась и закрылась. К нему подошла Овэйн. Ее седые волосы были собраны в пучок. Они уже давно были такого

цвета; она поседела рано, и Ренальду всегда нравился их цвет, скорее серебряный, чем седой. Как облака.

— Это Тулин? — спросила Овэйн, глядя на пылящий вдалеке фургон. Одинокое черное перо кружило над дорогой.

— Да.

— Он не остался даже поболтать? Ренальд покачал головой.

— О! Галлана передала яйца! — Она взяла корзину и принялась перекладывать яйца в передник, чтобы отнести в дом. — Она такая прелесть. Оставь корзину на земле — я уверена, она кого-нибудь за ней пришлет.

Ренальд глядел на север.

– Ренальд? – спросила Овэйн. –
Что на тебя нашло, старый ты пень?

– Она начистила для тебя котлы,
– сказал он. – Те, что с медным дном.
Они стоят у нее на кухне. Они твои,
если ты хочешь.

Овэйн умолкла. Ренальд
услышал треск и оглянулся. Она чуть
опустила передник, яйца
соскальзывали на землю и
разбивались.

Очень спокойным голосом
Овэйн спросила:

– Она еще что-нибудь сказала?

Он почесал голову, на которой
осталось не так-то много волос.

– Она сказала, что надвигается
буря, и что они едут на север. Тулин

сказал, что нам тоже надо ехать.

Они постояли еще немного. Овэйн перехватила край передника и тем самым спасла большую часть яиц. Она даже не взглянула на те, что упали. Она просто смотрела на север. Ренальд обернулся. Гроза снова перескочила вперед — и каким-то образом стала еще темнее.

— Я думаю, Ренальд, нам стоит их послушать, — сказала Овэйн. — Я соберу в доме то, что нам нужно взять с собой, а ты собери людей. Они не сказали, как долго нам придется отсутствовать?

— Нет, — сказал он. — Они даже толком не объяснили, зачем. Сказали только, что из-за бури нам нужно

идти на север. И... что это конец.

Овэйн резко вдохнула.

– Ладно, ты только проследи, чтоб люди были готовы. Я займусь домом.

Она поспешила в дом, и Ренальд заставил себя отвернуться от бури. Он обошел дом и вошел на скотный двор, созывая работников. Они все были крепкими парнями и хорошими людьми. Его собственные сыновья искали счастья в другом месте, но эти шестеро его работников были ему почти как сыновья. Мерк, Фавидан, Риннин, Вешир и Адамад собрались вокруг. Все еще чувствуя ошеломление, Ренальд отправил двоих собрать животных, еще двоих –

собрать зерно и провизию, оставшуюся после зимы, и последнего – за Гелени, который ушел в деревню за свежими семенами, на случай, если их собственные посевы не взойдут.

Пятеро работников разбежались кто куда. Ренальд немного постоял на скотном дворе, потом пошел в амбар, чтобы вытащить на свет полевую кузню. Это была не просто наковальня, но настоящая компактная кузня, созданная специально для того, чтобы ее перевозить. Она помещалась на колесах – в амбаре работать с кузней нельзя, из-за пыли амбар мог загореться. Он взялся за ручки и

выкатил ее под навес на краю двора — тот был сложен из добрых кирпичей, и Ренальд чинил здесь вещи по мелочам, когда было нужно.

Через час у него в кузне горел огонь. Он был не таким хорошим кузнецом, как Тулин, но отец учил его, что хотя бы немного кузнечное дело знать крайне полезно. Зачем тратить впустую несколько часов на дорогу в город и обратно лишь затем, чтобы починить сломанную дверную петлю?

Тучи все еще были тут. Он старался не смотреть на них, когда отошел от кузни и направился в амбар. Тучи казались ему глазами, подсматривающими за ним через

плечо.

Сквозь трещины в стенах амбара пробивался солнечный свет, освещая пыль и сено. Ренальд построил его сам, лет двадцать пять назад. Он все собирался поменять кривые балки под крышей, но теперь не до того.

Подойдя к инструментам, он, было, потянулся к одной из кос похуже... но остановился. Глубоко вздохнув, он снял со стены лучшую косу. Он вернулся к кузне и сбил косу с рукоятки.

Когда он отбрасывал деревяшку в сторону, к нему подошел Вешир – старший из рабочих – ведя с собой пару коз. Когда он увидел лезвие косы на наковальне, его лицо

потемнело. Он привязал коз к столбу и быстро подошел к Ренальду, но промолчал.

Как сделать боевую косу? Тулин сказал, что она годится на то, чтобы стащить врага с лошади. Значит, ему придется заменить рукоятку косы на более длинное, прямое древко из ясеня. Ограниченный конец будет выступать за пятку лезвия, превратившись в грубый наконечник копья, обитый куском олова для усиления. А потом придется нагреть лезвие и загнуть конец примерно до половины, чтоб получился крюк, которым можно стащить человека с лошади и одновременно его ранить. Он положил лезвие на горящие угли,

чтобы нагреть его, и принялся завязывать фартук.

Вешир постоял с минуту, наблюдая. В конце концов, он подошел к Ренальду и взял его за плечо.

— Ренальд, что мы делаем?

Ренальд сбросил его руку.

— Мы отправляемся на север. Грядет буря, и нам нужно на север.

— Мы собираемся на север из-за какой-то бури? Что за безумие?!

Почти то же самое Ренальд сказал Тулину. Вдали загрохотал гром.

Тулин прав. Посевы... небо... еда портится без предупреждения. Даже до разговора с Тулином

Ренальд знал. Знал глубоко внутри, что буря не пронесется над головой и попусту исчезнет. С ней придется сражаться.

— Вешир, — сказал Ренальд, возвращаясь к работе, — ты проработал на этой ферме... сколько уже, пятнадцать лет? Ты первый, кого я нанял. Как я обращался с тобой?

— Хорошо, — сказал Вешир. — Но, чтоб мне сгореть, Ренальд, прежде ты никогда бы не решился бросить ферму! Посевы, если мы их бросим, превратятся в пыль. Тут же не юг, где влажно. Как мы можем просто взять и уйти?

— Потому что, — ответил Ренальд, — если мы не уедем сейчас,

то потом не будет иметь никакого значения, посеяли мы что-нибудь или нет.

Вешир нахмурился.

— Сынок, — сказал Ренальд, — ты сделаешь, как я скажу, и все тут. Ступай, продолжай собирать скот.

Вешир побрел прочь, но сделал, как велено. Он был хорошим парнем, но немного горячим.

Ренальд вынул лезвие из огня — металл раскалился добела. Он положил его на маленькую наковальню и принялся бить по искривленной области, где пятка лезвия соединялась с острой кромкой. Удары молота о металл казались громче, чем следовало. Они

звенели, будто огромный колокол, и звуки сливались. Как будто каждый удар молота был частью бури.

Он работал, и звон ударов, казалось, превращался в слова. Как будто кто-то бормочет у него в голове все одну и ту же фразу.

«Грядет буря. Грядет буря...»

Он продолжал бить, оставив косе лезвие, но выпрямляя ее и формируя на конце крюк. Он еще не знал, зачем — но это было не важно. Грядет буря, и он должен быть готов.

* * *

Наблюдая, как кривоногие солдаты прилаживают к седлу завернутое в одеяло тело Танеры, Фалендре едва сдерживала слезы и подступающую тошноту. Она была старшей, и, если хотела, чтобы четверо выживших *сул'дам* проявили хоть какое-то самообладание, она должна была служить им примером. Она пыталась убедить себя, что на своем веку повидала худшее, и битвы, в которых гибло больше одной *сул'дам* или *дамани*. Но это только напоминало ей о том, как именно погибли Танера и ее Мири, поэтому она гнала эти мысли прочь.

Ненси

всхлипывала,

прижавшись к ее боку. Фалендре гладила ее по голове, пытаясь направить через *ай'дам* успокаивающие чувства. Такое часто срабатывало, но только не сегодня. Для этого ее собственные чувства были чересчур взбаламучены. Если бы только она могла забыть, что ее *дамани* ограждена, или кем именно. Точнее, чем. Ненси снова всхлипнула.

— Передашь ли ты сообщение, как я тебе приказал? — раздался мужской голос за ее спиной.

Нет, это был не просто мужчина. От его голоса у нее сводило живот. Она заставила себя обернуться к нему лицом, заставила себя

встретить взгляд этих холодных, жестких глаз. Они менялись с каждым поворотом головы — то голубые, то серые — но всегда оставались похожими на отшлифованные драгоценные камни. Она знала много сильных мужчин, но был ли среди них хоть один настолько силен, чтобы, потеряв руку, вел бы себя как ни в чем не бывало, будто потерял всего лишь перчатку? Она почтительно поклонилась, дернув *ай'дам*, чтобы Ненси сделала то же самое. Пока что, для пленников, взятых при подобных обстоятельствах, с ними обходились достаточно снисходительно. Им даже дали воду

для умывания, и, возможно, их скоро освободят. Однако кто знает, что может заставить изменить решение этого мужчину? Обещание свободы могло быть частью какого-то плана.

— Я передам ваше сообщение со всем вниманием, которого оно заслуживает — начала она, но затем запнулась. Как она должна к нему обращаться? — Милорд Дракон! — поспешно закончила она. От этих слов у нее пересохло в горле, но он кивнул — видимо, этого было достаточно.

Одна из *марат'дамани* прошла сквозь эту немыслимую дыру в воздухе. Это была молодая женщина с уложенными в длинную косу

волосами. На ней было надето столько драгоценностей, что с лихвой хватило бы для Высокорожденной. И, как ни странно, посреди лба у нее была красная точка. — Насколько ты решил здесь задержаться, Ранд? — потребовала ответа она, словно молодой человек с безжалостным взглядом был слугой, а вовсе не тем, кем являлся на самом деле. — Насколько близко мы от Эбу Дар? В городе полно Шончан, знаешь ли, и не исключено, что вокруг летает куча дозорных *ракенов*.

— Это Кадсуане тебя отправила спросить? — сказал он, и ее щеки порозовели. — Осталось недолго.

Всего несколько минут.

Молодая женщина перевела свой взгляд на остальных *сул'дам* и *дамани*, которые по примеру Фалендре делали вид, что рядом не было разглядывающей их *марат'дамани*, и, особенно, никаких мужчин в черных куртках. Женщины привели себя в порядок настолько, насколько могли. Сурья смыла кровь с лица и умыла свою Таби, а Малиан перевязала их головы так, что казалось, что на них надеты странные шляпы. А Сайар почти сумела отчистить следы рвоты, которой она испачкала платье.

— И все-таки я считаю, что мне следовало бы их Исцелить, —

неожиданно заявила Найнив. — Ушибы головы могут вызвать побочные явления, которые так легко не проходят.

Сурья с окаменевшим лицом спрятала Таби за спину, пытаясь защитить *дамани* своим телом. Если бы только она могла. Светлые глаза Таби от страха чуть не вылезли из орбит.

Фалендре умоляюще протянула руку к высокому молодому человеку. К Возрожденному Дракону.

— Пожалуйста. Они получают медицинскую помощь, как только мы попадем в Эбу Дар.

— Отстань, Найнив — сказал молодой человек. — Раз не хотят,

значит, не хотят. — *Марат'дамани* сердито нахмурилась, сжав свою косу побелевшими пальцами. — Дорога в Эбу Дар находится где-то в часе езды к западу отсюда. Если поспешишь, сумеешь оказаться в Эбу Дар к ночи. Щиты у *дамани* исчезнут примерно через полчаса. Это верно в отношении щитов из *саидар*, Найнив? — Насупившаяся женщина молча уставилась на него. — Правильно, Найнив?

— Полчаса, — наконец выдавила она. — Но все, что ты делаешь, — неправильно, Ранд ал'Тор. Отправлять этих *дамани* обратно неправильно, и ты это знаешь.

На мгновение, его глаза стали

еще холодней. Не тверже. Это было бы невозможно. Но в эту долгую минуту они, казалось, стали ледяными безднами.

— Поступать правильно было легче, когда я должен был заботиться всего лишь о паре овец, — спокойно ответил он. — Теперь с этим сложнее. — Отвернувшись, он повысил голос. — Логайн, отправляй всех обратно через Врата. Нет, нет, Мериса, я не пытаюсь вам приказывать. Не соблаговолите ли присоединиться к нам? Они скоро закроются.

Марат'дамани, звавшие себя Айз Седай, начали проходить сквозь это безумное отверстие в воздухе, следом вперемишку с горбоносыми

солдатами шли одетые в черные куртки мужчины — Аша'маны. Оставшиеся несколько солдат закончили прикреплять тело Танеры к седлу. Животных дал Возрожденный Дракон. Странно, что ему пришлось сделать им подарок после всего, что произошло.

Мужчина с безжалостным взглядом вновь повернулся к ней.

— Повтори задание.

— Я должна вернуться в Эбу Дар и передать послание нашим лидерам.

— Дочери Девяти Лун — сурово поправил Возрожденный Дракон. — Ты передашь мое послание лично ей.

Фалендре пришла в замешательство. Она была

недостойна говорить с кем-либо из
Высокородных, не говоря уж о
Верховной Леди, дочери самой
Императрицы, да живет она вечно!
Но выражение лица этого человека
не допускало возражений. Фалендре
найдет способ.

– Я передам ей ваше послание, –
продолжила она. – Я скажу ей, что...
что вы не держите на нее зла за это
нападение, и что вы хотите
встретиться.

– Я по-прежнему хочу
встретиться, – решительно поправил
Возрожденный Дракон.

Насколько было известно
Фалендре, Дочь Девяти Лун ничего
не знала о планировавшейся встрече.

Ее тайно организовала Анат. И именно поэтому Фалендре знала точно, что этот человек должен являться Возрожденным Драконом. Поскольку только сам Возрожденный Дракон мог противостоять одной из Отрекшихся, и не просто выжить, а оказаться в итоге победителем.

Неужели Анат и вправду была одной из Отрекшихся? У Фалендре ум за разум заходил от подобной идеи. Невозможно. Но все же, здесь был Возрожденный Дракон. Если он есть, если он ходит по земле, значит, могут быть и Отрекшиеся. Она понимала, что у нее в голове все перепуталось, что ее мысли ходят по кругу. Она подавила страх, с ним она

разберется позже. Она должна взять себя в руки.

Она заставила себя поглядеть в ледяные самоцветы, заменявшие этому человеку глаза. Она должна сохранять хоть каплю достоинства, хотя бы ради того, чтобы подбодрить остальных выживших *сул'дам*. И, конечно, *дамани*. Если *сул'дам* вновь потеряют самообладание, *дамани* потеряют надежду.

— Я передам ей — сказала Фалендре, без дрожи в голосе, — что вы «по-прежнему» желаете с ней встречи. Что вы верите, что между нашими народами возможен мир. И я должна сказать ей, что леди Анат была одной... одной из Отрекшихся.

В стороне она заметила, как несколько *марат'дамани* протолкнули сквозь отверстие в воздухе Анат, которая, несмотря на пленение, сохраняла величественную осанку. Она всегда заносилась. Могла ли она быть тем, в чем ее обвинял этот человек?

Как Фалендре при встрече с *дер'сул'дам* объяснить эту трагедию, эту ужасную путаницу? Она испытывала непреодолимое желание скрыться, найти какое-нибудь место, чтобы спрятаться.

— Между нами должен быть мир — сказал Возрожденный Дракон. — Я прослежу за этим. Передай своей госпоже, что она сможет найти меня

в Арад Домане. Я прекращу там бои против ваших войск. Дай ей знать, что я делаю это в качестве жеста доброй воли — как и то, что я отпускаю вас. Не нужно стыдиться, что вами манипулировала одна из Отрекшихся, особенно эта... тварь. В какой-то степени, теперь я чувствую себя спокойней. Я беспокоился, что кто-то из них проникнет к Шончанской знати. И должен был догадаться, что это будет Семираг. Она всегда любила трудные задачи.

Он говорил об Отрекшейся как о старой знакомой, и Фалендре почувствовала, как мороз пробежал по ее коже.

Он взглянул на нее.

– Вы можете идти – сказал он, затем развернулся и растворился в воздухе. Она многое бы отдала, чтобы Ненси научилась этому фокусу с перемещением. Последняя *марат'дамани* прошла в отверстие, и оно закрылось, оставив Фалендре наедине с ее товарищами. На них было жалко глядеть. Тала продолжала рыдать, а Малиан в любой момент могло стошнить. У других, несмотря на умывание, кожа лица была покрыта плохо оттертыми кровоподтеками и засохшей кровью. Фалендре была рада, что ей удалось отвертеться от Исцеления. Она видела, как один из мужчин Исцелял членов отряда Дракона. Кто знает,

какая порча останется на человеке, побывавшем под этими нечестивыми руками?

— Держитесь! — скомандовала она остальным, чувствуя себя куда неуверенней, чем прозвучало в голосе. Он и вправду их отпустил! Она едва могла надеяться на подобный исход. Лучше отсюда убраться. И как можно скорее. Она заставила остальных забраться на подаренных лошадей, и, через несколько минут, они направлялись на юг, к Эбу Дар. Каждая *сул'дам* ехала рядом со своей *дамани*.

Сегодняшнее происшествие могло закончиться тем, что у нее отберут *дамани* и навсегда запретят

пользоваться *ай'дамом*. В отсутствии Анат, кто-то должен понести наказание. Что скажет Верховная Леди Сюрот? Погибла *дамани*. Оскорблен Возрожденный Дракон.

Конечно, худшим, что может с ней произойти, будет потеря доступа к *ай'дам*. Они же не делают таких, как Фалендре, *да'ковале*, не так ли? От подобной мысли вновь возникли спазмы в желудке.

Ей придется постараться, чтобы очень осторожно объяснить все случившееся. Должен быть способ представить дело таким образом, чтобы сохранить себе жизнь.

Она дала слово Возрожденному Дракону передать послание

непосредственно Дочери Девяти Лун. Она так и делает. Но она не сможет сделать этого сразу. Нужно тщательно обдумать сложившуюся ситуацию. Очень тщательно.

Она склонилась к лошадиной шее, послав ее вперед, возглавляя остальных. Так, чтобы они не смогли заметить в ее глазах слезы разочарования, боли и страха.

* * *

Тайли Кирган, Лейтенант-
Генерал Непобедимой Армии,

расположилась на вершине поросшего деревьями холма. Взгляд ее был устремлен на север. Сколь сильно отличалась эта земля от ее родины — Марам Кашор, где она родилась, был засушливым островом на юго-восточной окраине Шончан. Деревья лумма там были прямыми, огромного размера, с крупными длинными листьями, растущими от вершины, словно гребень волос Высокородных.

По сравнению с ними то, что принимали за деревья в этой стране, было чахлым, кривым, мохнатым кустарником. Их ветки напоминали пальцы старых солдат, пораженные артритом за годы обращения с мечом.

Как местные называли эти растения? Подлесок? Так странно... Подумать только, часть ее предков, возможно, именно отсюда отправилась в Шончан с Лютейром Пейндрагом.

Поднимая в воздух клубы пыли, внизу по дороге маршировала ее армия. Тысяча за тысячей. Их стало немного меньше, чем было раньше. Минуло две уже недели после сражения с Айил, в котором так впечатляюще сработал план Перрина Айбары. Для Тайли всегда было поучительно сражаться бок о бок с подобным человеком — и горько, и приятно одновременно. Приятно потому, что он был гениален. Горько — от беспокойной мысли, что

однажды они могут столкнуться лицом к лицу на поле брани. Тайли никогда не принадлежала к тем, кто радовался трудностям в битве. Она предпочитала побеждать легко.

Некоторые генералы говорили, что без трудностей нет стимула для развития. Тайли же полагала, что для нее, вместе с солдатами, лучше развиваться на учениях, оставив трудности противнику.

Не хотела бы она столкнуться с Перрином в бою. Нет, не хотела бы. И не только потому, что он ей нравился.

Чьи-то копыта медленно зацокали по земле. Она обернулась к Мишиму, подъехавшему к ней на

светлом мерине. Его шлем был привязан к седлу, а покрытое шрамами лицо имело задумчивый вид. Они были очень похожи: на собственном лице Тайли было несколько старых шрамов.

Теперь, после присвоения ей титула Высокородной, он стал более почтительным.

Доставленное *ракеном* сообщение оказалось полной неожиданностью. Тайли была оказана великая честь, к которой она никак не могла привыкнуть.

— Никак не выбросите сражение из головы? — Поинтересовался Мишима.

— Да, — ответила Тайли. Даже

спустя две недели оно не давало ей покоя. — А ты что думаешь?

— Полагаю, вы спрашиваете про Айбару? — Отозвался Мишима. Он продолжал общаться с ней, как со старым другом, хотя и не позволял себе смотреть ей в глаза. — Он — хороший солдат. Возможно, чересчур увлеченный и одержимый. Но хороший.

— Верно, — покачав головой, сказала Тайли. — Мир меняется, Мишима. И в неожиданную сторону. Сперва Айбара, затем все эти странности.

Мишима задумчиво кивнул.

— Люди избегают о них рассказывать.

— Эти чудеса случаются слишком часто, чтобы принимать их за обычный обман зрения, — произнесла Тайли. — Разведчики действительно что-то видели.

— Люди просто так не исчезают, — отозвался Мишима. — Вы считаете, что это — Единая Сила?

— Я не знаю, что это, — ответила она. Тайли посмотрела на окружающие деревья. Хотя некоторые из оставшихся позади растений, почувствовав весну, начали распускать почки, ни одно из этих даже не думало это делать. Они были похожи на скелеты, несмотря на достаточно теплую даже для посевной погоду. — У вас в Халамаке

растут такие деревья?

— Не совсем такие, — ответил Мишима, — но я и прежде видел что-то подобное.

— Разве на них не должны появляться почки?

Он пожал плечами.

— Я — солдат, Леди Тайли.

— А я и не заметила. — Сухо откликнулась она.

Он хмыкнул.

— Я имел в виду, что не обращаю внимания на деревья. Они не проливают кровь. Возможно, почки должны быть, может, и нет. По эту сторону океана слишком много странного. Деревья без почек весной — всего лишь очередная диковина. Но

уж лучше это, чем множество
марат'дамани, заставляющих
кланяться и расшаркиваться перед
ними, словно перед Высокородными.
— Он вздрогнул.

Тайли кивнула, хотя и не
разделяла его отвращения. Не совсем.
Она не была уверена, как относиться
к Перрину с его Айз Седай, не говоря
уже про его Аша'манов. Да и о
деревьях она знала не намного
больше Мишимы. Однако она
интуитивно чувствовала, что почки
уже должны были появиться. И те
люди, которых разведчики
продолжали видеть на полях — как,
даже с помощью Единой Силы, они
умудрялись исчезать так быстро?

Квартирмейстер вскрыл один из сухих пайков и обнаружил одну пыль. Тайли приказала бы искать вора или шутника, если бы тот не заявил, что проверял запасы за мгновение до этого. Карм был хорошим человеком. Он служил квартирмейстером уже много лет и никогда не ошибался.

Гниющее продовольствие было тут обычным явлением. Карм винил во всем стоявшую на этой странной земле жару. Впрочем, сухой паек портиться не должен, или, по крайней мере, не так внезапно. И другие приметы в последнее время были дурными. Ранее сегодня она видела двух дохлых крыс. Одна из них в пасти сжимала хвост другой.

Это было худшее предзнаменование, виденное ею в жизни. При мысли о нем Тайли до сих пор бросало в дрожь.

Что-то случилось. Перрин не желал об этом распространяться, однако Тайли заметила, что на него давит какое-то бремя. Он знал куда больше, чем рассказывал.

«Мы не можем позволить себе сражаться с такими людьми», — думала она. Это была крамольная мысль, и посему она не станет обсуждать ее с Мишимой. И даже сама Тайли не смела думать подобным образом. Императрица, да живет она вечно, объявила, что эта земля должна быть возвращена.

Сюрот с Галганом были выбраны предводителями сил Империи этой рискованной миссии, пока Дочь Девяти Лун не объявит себя. Тайли не были ведомы замыслы Верховной Леди Туон, но Сюрот и Галган были едины в своем желании покорить эту землю. Это было единственным, в чем они были согласны друг с другом.

Ни один из них не пожелал бы даже выслушать предложение видеть в населении этой земли союзников, а не врагов. Даже мысль о подобном была почти изменой, или, по меньшей мере, бунтом. Вздохнув, Тайли обернулась к Мишимае, готовясь отдать приказ отправить

разведку на поиск места, подходящего для ночного лагеря.

И застыла. Шею Мишимы пронзала жуткая, зазубренная стрела, а она даже не слышала, как это случилось. Застыв, он встретился с ней взглядом, пытаясь что-то сказать, но лишь захлебнулся кровью. Мишима выскользнул из седла и рухнул бесформенной грудой. В тот же миг за спиной Тайли нечто огромное продралось сквозь подлесок, ломая узловатые ветви, и бросилось на неё. У нее едва хватило времени высвободить меч и вскрикнуть, когда Буран, верный боевой конь, никогда не подводивший ее в сражениях,

сбросил ее на землю, встав на дыбы.

Это спасло ей жизнь, поскольку нападавший ударил мечом с широким лезвием прямо по седлу, где она была мгновение назад. Загремев броней, она вскочила на ноги и прокричала:

– К оружию! Нападение!

Ее голос слился с сотнями других, в то же самое время пытавшихся поднять тревогу. Отовсюду доносились крики людей и лошадиное ржание.

«Ловушка», – подумала Тайли, поднимая меч. – «И мы в нее попались! Где разведка? Что случилось?» – Она бросилась к пытавшемуся ее убить человеку. Он

крутанулся, фыркнув.

И она впервые разглядела, что это было. Вовсе не человек, а существо с искаженными чертами лица: его голова была покрыта грубой бурой шерстью, а чересчур широкий лоб — толстой, морщинистой кожей. Глаза существа напоминали человеческие, однако нос был сплюснен, словно у борова, и из пасти явственно торчали два внушительных клыка. Существо ревело, брызгая слюной из губ, так похожих на человеческие.

«Ради забытых предков», — подумала она, — *«на кого мы наткнулись?»* - Чудище было воплощением ночных кошмаров,

обретшим плоть и явившимся убивать. Именно тем, что она всегда отрицала, считая суеверием.

Тайли бросилась на существо, отбив в сторону широкий меч, которым оно пыталось ее атаковать. Развернувшись, она выполнила Удар Веткой и по плечо отрубила руку существа. Она ударила снова, и голова существа, отделенная от тела, покатилась по земле. Прежде чем рухнуть без движения, оно сумело сделать еще три шага.

Деревья зашумели, слышался треск веток. Чуть ниже по склону, Тайли увидела, как сотни существ выскочили из подлеска и напали на ее людей, врезавшись в середину

строю и сею хаос. Из-за деревьев появлялось все больше и больше чудовищ.

Как это могло произойти? Как эти создания могли оказаться столь близко к Эбу Дар! Они оказались внутри оборонительных рубежей Шончан, всего в дне пути от столицы.

Тайли бросилась вниз по склону, созывая свою почетную охрану, подрев все новых тварей, выбегавших из леса за ее спиной.

* * *

Грендаль нежилась в украшенной каменным кружевом комнате в окружении обожающих ее прекрасных мужчин и женщин, одетых лишь в прозрачные белые одеяния. Жаркий огонь играл в камине, освещая превосходный кроваво-красный ковер. На ковре было выткано изображение молодых мужчин и женщин в таких позах, которые заставили бы покраснеть даже опытную куртизанку. В открытые окна проникал дневной свет. Расположение ее дворца на возвышенности позволяло любоваться лежащими внизу соснами и мерцающим озером.

Грендаль отхлебнула кисло-сладкий сок. На ней было светло-голубое платье доманийского покроя. Она все больше привязывалась к этой моде, хотя ее платье было прозрачнее, чем следовало. Доманийки привыкли шептать, в то время как Грендаль предпочитала звонкий крик. Она сделала еще один глоток сока. Какой интересный вкус. В эту эпоху он стал экзотикой. Эти фруктовые деревья теперь росли только на далеких островах.

Без предупреждения в центре комнаты появились ворота. Она еле слышно выругалась, когда одна из ее замечательных находок — молодая женщина в самом соку по имени

Тураса, член доманийского Купеческого Совета – из-за этого чуть не потеряла руку. Врата впустили знойную жару, которая испортила созданное ею идеальное сочетание прохлады горного воздуха и тепла камина.

Не теряя самообладания, Грендаль заставила себя откинуться на спинку мягкого бархатного кресла. Сквозь врата шагнул посланник, весь в чёрном, и она догадалась, зачем он явился, еще до того, как он заговорил. Теперь, когда Саммаэль погиб, только Моридин знал, где ее следует искать.

– Миледи, требуется ваше присутствие...

– Да, да, – сказала она. – Встань прямо и дай мне тебя рассмотреть.

Юноша застыл на месте, сделав всего два шага по комнате. Ну, надо же! Какой милашка! Светло-золотистые волосы, столь редкие во многих уголках света, зеленые глаза, мерцавшие как заросшие мхом пруды, стройная подтянутая фигура, мускулов столько, сколько надо. Грендаль прищелкнула языком. Либо Моридин пытается ее подкупить, отправив красивого посланца, либо же это совпадение.

Нет, среди Избранных нет места совпадениям. Грендаль едва удержалась, чтобы не сплести Принуждение и не присвоить парня

себе. Однако сдержалась: стоит только человеку попасть под Принуждение подобной силы, он уже никогда не оправится, да и Моридин может рассердиться. А ей следует побеспокоиться о его причудах. Он никогда, даже в прежнее время, не был полностью нормальным. Если она однажды намеревается стать Ни'блисом, то хорошо бы до времени его не раздражать, пока не настанет момент напасть.

Она выбросила посланника из головы — если нельзя его заполучить, то интересоваться нечем — и взглянула в открытые ворота. Она терпеть не могла, когда ее вынуждали встречаться с

Избранными на чужих условиях. И ненавидела покидать свою крепость и любимцев. А больше всего она ненавидела, когда ее вынуждали пресмыкаться перед тем, кто должен быть ее подчиненным.

Но ничего не поделаешь. Моридин был Ни'блисом. Пока. А это значило, что, невзирая на ненависть, у Грендаль не было выбора – только откликнуться на его призыв. Поэтому она отставила напиток в сторону, встала и прошла сквозь врата. На ее прозрачном светло-голубом платье сверкнула золотая вышивка.

По другую сторону врат стояла нестерпимая жара. Грендаль тут же

сплела Воздух и Воду, охлаждая окружающий ее воздух. Она оказалась в здании из черного камня, в окна лился красноватый свет. Стекол не было. Этот алый оттенок намекал на закат, а в Арад Домане была едва середина дня. Но не могла же она переместиться настолько далеко, правда?

Из мебели в комнате оказались только жесткие стулья из дерева глубокого чёрного цвета. В последнее время Моридину определенно не хватало воображения. Одно только черно-красное, и все мысли сосредоточены на убийстве тех глупых мальчишек из одной деревни с ал'Тором. Неужели только она

видела, что истинной угрозой был сам ал'Тор? Почему бы просто не убить его и не покончить с этим?

Наиболее очевидный ответ — потому, что до сих пор никому не хватило сил его победить, но подобная мысль ей не нравилась.

Она подошла к окну и обнаружила источник странного оттенка света. Поверхность суглинка снаружи была окрашена в красный цвет из-за значительного присутствия в почве железа. Грендаль стояла на втором этаже угольно-черной башни, очертания камней искажались от обжигающего жара, идущего с небес. Снаружи оказалось немного растительности, и

даже та была покрыта черными пятнами. Значит, она где-то далеко в северо-восточной части Запустения. Давно она здесь не была. Похоже, Моридин нашел себе крепость, ну надо же.

В тени крепости расположилось скопление убогих лачуг, а вдали на местности выделялись несколько участков земли, засеянных отравленной Запустением пшеницей. Вероятно, они испытывали новый вид зерна, адаптированный к здешней среде обитания. Возможно, даже несколько разных видов; это объяснило бы деление на участки. Стражники, одетые в чёрное, невзирая на жару, патрулировали

местность. Солдаты были необходимы для отражения атак различных отродий Тени, обитающих в глубине Запустения. Эти существа не повиновались никому, кроме самого Великого Повелителя. Что Моридин здесь забыл?

Ее размышления были прерваны звуком шагов, возвестившим о других прибывших. Демандред вошел через южный вход в сопровождении Месаны. Следовательно, они прибыли вместе? Они полагали, что Грендаль не в курсе их маленького альянса, соглашения, включающего Семираг. Но, честно говоря, если бы они пожелали сохранить эту тайну, то неужели не догадались бы, что не

стоит появляться по вызову вместе?

Скрыв улыбку, Грендаль кивнула обоим, потом выбрала самое большое и, на ее взгляд, самое удобное кресло в комнате. Она провела пальцем по гладкому темному дереву, исследуя его спрятанную под лаком структуру. Демандред и Месана встретили ее холодно, а она знала их достаточно, чтобы заметить признаки удивления в связи с ее присутствием. Значит, для них эта встреча не была неожиданной, не так ли? Но только не присутствие на ней Грендаль? Лучше всего продолжать вести себя, как ни в чем не бывало. Она понимающе улыбнулась им и

заметила гневный блеск в глазах Демандреда.

Он ее раздражал, однако она бы никогда не призналась в этом вслух. Месана была в Белой Башне, выдавая себя за одну из тех, которые в эту Эпоху считались Айз Седай. Она была словно открытая книга. Благодаря собственным агентам в Белой Башне Грендаль была отлично осведомлена обо всей деятельности Месаны. И, конечно же, недавний союз с Аран'гар также оказался полезным. Аран'гар игралась с мятежными Айз Седай, осаждавшими Белую Башню.

Да, Месане не удалось ее запутать, и выследить других было

столь же легко. Моридин собирал силы под знамена Великого Повелителя, готовясь к Последней Битве, и его приготовления оставляли ему совсем мало времени, чтобы заниматься югом. Хотя две его подхалимки, Синдани и Могидин, время от времени там показывались. Они были заняты тем, что собирали Друзей Тьмы, иногда попутно пытаясь исполнить приказ Моридина убить двух та'веренов — Перрина Айбару и Мэтрима Коутона.

Она была убеждена, что Саммаэль убит Рандом ал'Тором во время битвы за Иллиан. Собственно говоря, сейчас — когда Грендаль узнала, что Семираг дергала за

ниточки Шончан – она была уверена, что разгадала планы каждого из семи оставшихся Избранных.

Кроме Демандреда.

Что же задумал этот проклятый мужчина? Она бы променяла все, что знала про Месану с Аран'гар, на единственный намек о планах Демандреда. Он стоял неподалеку, симпатичный, с ястребиным носом, с вечно кривыми от гнева губами. Демандред никогда не улыбался. Казалось, ничто не способно доставить ему радость. Несмотря на то, что среди Избранных он был одним из выдающихся полководцев, было не похоже, что война доставляет ему удовольствие. Как-то

она слышала, как он сказал, что рассмеется в тот день, когда сломает шею Льюсу Тэрину. И только тогда.

Глупо с его стороны цеплялся за эту вражду. Он считал, что, повернись все иначе, он сам мог бы стать Драконом и воевать на другой стороне. И всё же, как бы глупо он себя не вел, он был крайне опасен, и Грендаль не нравилось быть неосведомленной о его планах. Где он устроился? Демандред любил командовать, но в мире уже не осталось ни одной бесхозной армии.

Пожалуй, кроме армии Порубежников. Может, он ухитрился проникнуть к ним? Несомненно, это был бы удачный ход. Но она

наверняка бы что-то узнала – у нее были шпионы и в их лагере.

Она покачала головой, желая выпить что-нибудь, чтобы смочить губы. Северный воздух был слишком сухим; она предпочитала доманийскую влажность. Месана села, а Демандред, скрестив руки на груди, оставался стоять. У нее была короткая стрижка – волосы были острижены на уровне подбородка – и водянистые голубые глаза. Ее белое платье до пола не имело ни единого шва вышивки, и она не носила украшений. Ученый до мозга костей. Порой Грендаль думала, что Месана перешла на сторону Тени из-за широких возможностей для

исследований.

Сейчас Месана, как и все они, была полностью предана Великому Повелителю, но выглядела она второсортной Избранной. Похваляясь, но не в силах выполнить обещанное, она была вынуждена объединиться с более сильными союзниками. Но она не умела ими манипулировать. Она творила зло во имя Великого Повелителя, но не была способна на величайшие злодеяния Избранных, вроде Семираг и Демандреда. Не говоря уж о Моридине.

Едва Грендаль вспомнила про Моридина, как он вошел в комнату. О, он был действительно красив.

Демандред по сравнению с ним выглядел уродливой деревенщиной. Да, это тело куда лучше предыдущего. Он был настолько красив, что почти годился быть одним из ее любимцев, хотя все портил подбородок. Чересчур острый, слишком волевой. Тем не менее, иссиня-черные волосы, высокое, широкоплечее тело... Она улыбнулась, представив, как он, в полупрозрачном белом наряде, преклоняет перед ней колени, смотрит на нее с обожанием, его разум одурманен Принуждением настолько, что он не видит никого и ничего, кроме Грендаль.

При появлении Моридина

Месана поднялась, и Грендаль неохотно последовала за ней. Он не был ее любимцем. Пока. Он был Ни'блисом, и в последнее время стал требовать от них все больше и больше повиновения. Великий Повелитель наделил его полномочиями. Трое Избранных неохотно склонили перед ним головы. Во всем мире они проявляли почтение только к нему. Он отметил их покорность взглядом суровых глаз, прошествовав в ту часть комнаты, где угольно-черная стена была украшена камином. Что за безумие заставило кого-то построить крепость из черного камня посреди знойного Запустения?

Грендаль села обратно. Ждать ли остальных Избранных? Если нет, то что бы это значило?

Месана заговорила прежде, чем Моридин успел что-либо сказать.

— Моридин, — сказала она, шагнув вперед, — мы должны ее спасти.

— Ты будешь говорить, когда я тебе позволю, Месана, — холодно ответил он. — Ты еще не прощена.

Она отпрянула, потом явно разозлилась на себя за это. Моридин проигнорировал ее, мельком взглянув на Грендаль прищуренными глазами. Что означает этот взгляд?

— Можешь продолжать, — в конце концов сказал он Месане. — Но

помни свое место.

Губы Месаны сжались в линию, но она не стала спорить.

— Моридин, — сказала она куда менее требовательным тоном. — Ты поступил мудро, согласившись на встречу с нами. Несомненно, ты шокирован так же, как и мы. У нас недостаточно сил, чтобы спасти ее самостоятельно. Она наверняка хорошо охраняется Айз Седай и этими Аша'манами. Ты должен помочь нам ее освободить.

— Семираг заслужила свое пленение, — ответил Моридин, опершись рукой о каминную полку, не поворачиваясь к Месане.

Семираг захвачена? Грендаль

едва узнала, что она выдавала себя за влиятельную шончанку! Что же она натворила, раз угодила в плен? Если там были Аша'маны, то, видимо, она умудрилась попасться самому ал'Тору!

Несмотря на изумление, Грендаль сохранила на лице понимающую улыбку. Демандред взглянул в ее сторону. Если это они с Месаной просили об этой встрече, тогда почему Моридин позвал Грендаль?

– Но подумай о том, что может выдать им Семираг! – продолжала Месана, игнорируя Грендаль. – Кроме того, она одна из Избранных. Наш долг – помочь ей.

«А еще», – подумала Грендаль, – «она участник вашего маленького союза, от которого остались вы двое. Возможно, самый сильный участник. Ее потеря бьет по вашей ставке на власть среди Избранных».

– Она ослушалась, – ответил Моридин, – Она не должна была пытаться убить ал’Тора.

– Она и не собиралась, – поспешно возразила Месана, – Наша сторонница, присутствовавшая при этом, полагает, что ее удар Огнем был спонтанной реакцией на неожиданное нападение, но никак не намерением убить.

– А что ты скажешь об этом, Демандред? – спросил Моридин,

посмотрев на мужчину ниже ростом.

— Мне нужен Льюс Тэрин, — как всегда мрачно ответил Демандред низким голосом. — Семираг знает это. Также она знает, что если б она его убила, я бы ее нашел и взял взамен ее жизнь. Никто не убьет ал'Тора. Никто, кроме меня.

— Тебя или Великого Повелителя, — с угрозой в голосе сказал Моридин. — Мы все в его власти.

— Да, да, конечно. — Вмешалась Месана, делая шаг вперед, вытирая белым платьем черный, отполированный до зеркального блеска мраморный пол. — Моридин, факт остается фактом, она не

собиралась убивать его, лишь схватить. Я...

– Конечно, она собиралась его схватить! – взревел Моридин, заставив Месану вздрогнуть. – Так ей и было приказано сделать. И она провалила задание, Месана. Показательно провалила, ранив его, вопреки моему недвусмысленному приказу о том, что он не должен пострадать. И за подобную некомпетентность она будет наказана. Никакой помощи для ее спасения я не дам. Более того, я запрещаю вам помогать ей. Вы меня поняли?

Месана снова вздрогнула. Демандред остался тверд как камень.

Он выдержал взгляд Моридина, затем кивнул. Да, он хладнокровен. Пожалуй, она его недооценивала. Вполне возможно, что это он сильнейший в троице, и опаснее Семираг. Верно, она бесстрашна и сдержанна, но в некоторых случаях желательна эмоциональность. Она могла подтолкнуть кого-то вроде Демандреда на действия, которые более хладнокровному человеку даже не пришли бы в голову.

Моридин опустил взгляд, разминая левую руку, словно она онемела. Грендаль уловила в его взгляде намек на боль.

— Пусть Семираг сгниет, — прорычал Моридин. — Пусть узнает,

каково это — быть допрашиваемой. Может быть, несколько недель спустя Великий Повелитель и найдет ей какое-то применение, но это ему решать. А теперь доложите мне о готовности.

Месана слегка побледнела, взглянув на Грендаль. Лицо Демандреда потемнело, словно он не мог поверить в то, что их станут спрашивать в присутствии другой Избранной. Грендаль широко им улыбнулась.

— Я полностью готова, — откликнулась Месана, оборачиваясь к Моридину. — Белая Башня и те глупцы, что ею правят, скоро будут моими. Я преподнесу нашему

Великому Повелителю не просто расколотую Белую Башню, а целое море направляющих, которые, так или иначе, послужат нам в Последней Битве. На этот раз Айз Седай будут сражаться за нас!

— Смелое заявление, — сказал Моридин.

— Я добьюсь своего, — ровно ответила Месана. — Мои последователи поразили Башню, как незримая чума разлагает изнутри кажущихся здоровыми людей на рынке. К нашему делу присоединяется все больше и больше сторонников. Некоторые сознательно, другие невольно. Но результат будет один.

Грендаль внимательно слушала. Аран'гар утверждала, что мятежные Айз Седай в конечном счете овладеют Башней, однако Грендаль не была в этом уверена. Кто победит, ребенок или дурак? Какое это имеет значение?

— А ты? — Моридин обратился к Демандреду.

— Моей власти ничто не угрожает, — просто ответил Демандред. — Я готовлюсь к войне. Мы будем готовы.

Грендаль жаждала, чтобы он открыл больше, но Моридин не настаивал. И всё же она узнала намного больше, чем она смогла выяснить самостоятельно. Очевидно,

Демандред сидел на каком-то троне и имел армию. Те движущиеся на восток Порубежники казались все более и более подходящими.

— Вы двое можете быть свободны, — сказал Моридин.

Месана зашипела, услышав приказ удалиться, но Демандред просто развернулся и зашагал прочь. Грендаль для себя решила, что за ним нужно понаблюдать. Великий Повелитель любил деятельных, и особенно вознаграждал тех, кто был способен выставить под его знамена армию. Очень может быть, что Демандред ее главный соперник. Конечно же, после Моридина.

Он не отпускал ее, поэтому она

осталась сидеть, когда остальные удалились. Моридин остался на прежнем месте, опираясь одной рукой на камин. Какое-то время в черной комнате царила тишина, пока не вошел слуга в безупречной красной форме, несущий два бокала. Он был уродлив – плоское лицо с кустистыми бровями – и не заслуживал более чем одного беглого взгляда.

Она отпила из своего бокала и почувствовала вкус молодого вина, немного терпкого, но неплохого. Становилось все сложнее найти хорошее вино. Прикосновение Великого Повелителя поражало всё вокруг, портило еду, уничтожало

даже то, что никогда не должно было испортиться.

Моридин, не взяв свой кубок, подал слуге знак удалиться. Разумеется, Грендаль боялась отравления. И всегда опасалась, когда пила из чужих бокалов. Тем не менее, у Моридина не было причин ее травить — он был Ни'блисом. Несмотря на то, что большинство из них противилось его приказам, он все сильнее навязывал им свою волю, ставя их на место, как своих подчиненных. Как она подозревала, если бы он пожелал, то мог бы казнить ее тысячей разных способов, и Великий Повелитель ему бы это разрешил. Поэтому она смело

выпила, ожидая, когда он начнет.

— Как много ты поняла из услышанного, Грендаль? — спросил Моридин.

— Столько, сколько возможно, — осторожно ответила она.

— Я знаю, как ты жадна до информации. Могидин прославилась как «паучиха», дергая за нити издали, но ты превосходишь ее во многих отношениях. Она плетет так много паутин, что сама же в них и попадает. Ты осторожнее. Ты нападаешь тогда, когда полностью уверена, но не страшишься борьбы. Великий Повелитель одобряет твои действия.

— Мой дорогой Моридин, —

улыбнувшись себе, произнесла она, — ты мне льстишь.

— Не заигрывай со мной, Грендаль, — сурово ответил Моридин. — Держи свои комплименты при себе и молчи.

Она отшатнулась, как от пощечины, но не проронила ни слова.

— Я предоставил тебе возможность послушать двух других в качестве вознаграждения, — молвил Моридин. — Ни'блис был избран, но будут и другие высокие должности в царстве Великого Повелителя. Некоторые вознесутся выше, чем другие. Сегодня ты познала вкус привилегий, которыми сможешь

насладиться.

— Я живу, чтобы служить Великому Повелителю.

— Тогда послужи ему вот в чем, — сказал Моридин, глядя прямо на нее. — Ал'Тор отправился в Арад Доман. Он должен остаться невредимым, пока не встретится со мной в тот самый последний день. Но ему нельзя позволить принести мир в твои земли. Он попытается восстановить порядок. Ты должна ему помешать.

— Будет сделано.

— Тогда ступай, — сказал Моридин, резко взмахнув рукой.

Она задумчиво встала и направилась к двери.

– И Грендаль! – окликнул он.

Она остановилась, взглянув на него. Он стоял рядом с камином, отвернувшись от нее. Казалось, он уставился в никуда, просто смотрел на черные камни дальней стены. Удивительно, но когда он стоял в этой позе, то был до боли похож на ал'Тора, чье изображение ей во множестве предоставили шпионы.

– Конец близится, – сказал Моридин. – Колесо со скрипом сделало последний оборот, завод часов закончился, Змей издает последние судорожные вздохи. Он должен познать сердечные муки. Он должен почувствовать, что такое отчаяние, и должен испытать боль.

Обеспечь ему это. И ты будешь вознаграждена.

Она кивнула и прошла сквозь открытые Врата обратно в свою крепость в горах Арад Домана.

Плести интриги.

* * *

Похороненная тридцать лет назад в глинистых холмах Арад Домана мать Родела Итуралде особенно любила одну поговорку: «Дела всегда идут хуже некуда, прежде чем пойти на лад». Она

приговаривала так, выдергивая ему зуб, который он сломал, сражаясь игрушечным мечом с другими мальчишками. Повторила ее, когда его первая любовь предпочла ему лордика в шляпе с перьями, чьи нежные руки и усыпанный драгоценностями меч подсказывали, что тот никогда не видел настоящей битвы. И она повторила бы ее сейчас, если бы стояла рядом с ним на гребне холма, наблюдая, как Шончан маршируют в направлении к лежавшему в долине городу.

Сидя на своем спокойном мерине, он изучал город, Дарлуну, в подзорную трубу, левой рукой прикрывая ее конец от вечернего

света. Он и несколько его доманийских соратников укрылись позади росших мелкими группами деревьев. Шончан потребует удача самого Темного, чтобы их обнаружить, даже будь у них собственные подзорные трубы.

Дела всегда идут хуже некуда, прежде чем пойти на лад. Он зажег огромный пожар на землях Шончан, уничтожая их базы снабжения по всей равнине Алмот, и даже в Тарабоне. Не удивительно, что они послали такое большое войско – сто пятьдесят тысяч солдат, как минимум – чтобы потушить этот пожар. Они проявили уважение. Эти шончанские захватчики не

недооценивали его. Хотелось бы, чтобы было наоборот.

Итуралде повернул подозрную трубу, разглядывая группу шончанских всадников. Это были едущие парами женщины. В каждой паре одна из женщин была одета в серое, другая в красное с синим. Несмотря на подозрную трубу, расстояние было слишком велико, чтобы рассмотреть молнии, вышитые на платьях, или соединяющие каждую пару цепочки. *Дамани и сул'дам.*

В этой армии была, по крайней мере, сотня таких пар, а может, и больше. Вдобавок, он заметил в небе одну из этих летающих тварей. Она

снижалась, чтобы наездник смог сбросить послание для одного из военачальников. Эти создания, переносящие разведчиков, давали Шончан серьезное преимущество. Итуралде обменял бы десять тысяч солдат на одну из этих тварей. Другие предпочли бы *дамани*, швыряющих молнии и взрывающих землю под ногами, но Итуралде знал, что информация выигрывает битвы, и даже войны, столь же часто, как оружие.

Разумеется, оружие Шончан было столь же недосыгаемым, как и их разведка. Солдаты их тоже были сильнее. Хотя Итуралде гордился своими доманийцами, многие из них

были плохо обучены или слишком стары для сражений. Себя он уже был готов отнести ко второй группе – прожитые годы порой давили на плечи, словно кирпичи. Но об отставке он даже не думал. Когда он был мальчишкой, его часто охватывало нетерпение – он боялся, что к тому времени, как он повзрослеет, все великие битвы уже отгремят, и вся слава уже будет завоевана кем-то другим.

Иногда он завидовал глупости молодых.

– Они очень торопятся, Родел, – произнес Лидрин. Он был молод, со шрамом на левой половине лица и модными тонкими усиками. – Им не

терпится взять этот город. – Когда началась эта компания, Лидрин был молодым и неопытным офицером. Теперь он был ветераном. Хотя они выиграли практически все схватки с Шончан, Лидрин потерял уже трех своих друзей-офицеров, и среди них беднягу Джаалама Нишура. Из их смертей Лидрин извлек для себя один из горьких уроков войны: победить – не значит выжить. И, если ты следуешь приказам, это еще не означает, что ты победишь или останешься в живых.

На Лидрине не было привычного мундира. Так же, как на Итуралде, и на всех остальных рядом с ними. Их форма была нужна в

другом месте. Им пришлось довольствоваться простыми поношенными куртками и рыжевато-коричневыми штанами, многие из которых были взяты займы или куплены у местных.

Итуралде вновь поднял подзорную трубу, раздумывая о сказанном Лидрином. Шончан действительно шли быстро. Они планировали взять Дарлуну сходу. Они видели, какое преимущество им это даст — умный противник, вернувший Итуралде возбуждение от предстоящей схватки. Прошли годы с тех пор, как он ощущал его последний раз.

— Да, они действительно

торопятся, — сказал он. — А как бы ты поступил на их месте, Лидрин? Позади тебя двухсоттысячное вражеское войско, и стопятидесятитысячное впереди. Будучи окруженным со всех сторон врагами, разве ты не торопил бы изо всех сил своих солдат, зная, что впереди можно найти надежное укрытие?

Итуралде повернул подзорную трубу, рассматривая множество рабочих, занятых весенними посевами на полях. Для этой местности Дарлуна была довольно крупным городом. Будь Итуралде помоложе — до того, как он отправился к Тар Валону, чтобы

сражаться с айильцами — он бы назвал ее внушительной. Разумеется, ни один из городов на западе не мог сравниться с великими городами востока и юга, что бы там не говорили люди из Танчико или Фалме. И все же, прочная гранитная стена Дарлуны была почти двадцать футов в высоту. Не слишком красивое сооружение, но она была прочной и основательной. И город, который она защищала, был достаточно велик, чтобы заставить любого деревенского паренька разинуть в изумлении рот.

В любом случае, эти стены — самое надежное укрепление в округе, и шончанские командиры, несомненно, об этом знали. Они

могли бы закрепиться на вершине холма, и тогда их *дамани* сражались бы особенно эффективно. Но это не только лишало их пути к отступлению, но и отрезало от снабжения. А за стеной, в городе, должны быть колодцы и зимние кладовые, в которых могла еще оставаться провизия. И Дарлуна, чей гарнизон был сейчас далеко, была слишком мала, чтобы оказать серьёзное сопротивление...

Итуралде опустил подзорную трубу. И так понятно, что происходит — шончанские передовые отряды добрались до города и требуют открыть ворота. Он прикрыл глаза, выжидая.

Рядом с ним тихо выдохнул Лидрин.

– Они не заметили, – прошептал он. – Они стягивают войска к стенам, ожидая что их впустят!

– Отдай приказ, – произнес Итуралде, открывая глаза. Есть одна потенциальная проблема, даже если у тебя есть превосходные разведчики-*ракены*. Когда имеешь в своем распоряжении такой замечательный инструмент, то начинаешь слишком на него полагаться. Противник может использовать эту зависимость против тебя.

Вдалеке, «фермеры» побросали свои инструменты, и вынимали из

схронов в земле луки. Ворота города распахнулись, и в них показались солдаты — те самые, что, как полагала шончанская разведка, находились сейчас в четырех днях пути к северу отсюда.

Итуралде поднял подзорную трубу. Битва началась.

* * *

Пророк впивался пальцами в землю, оставляя в ней борозды, взбираясь по поросшему лесом склону холма. Его люди карабкались

позади. Их осталось так мало. Так мало! Но он воспрянет вновь. Его всюду поддерживает слава Возрожденного Дракона, и везде найдутся люди, готовые за ним пойти. Люди с чистыми сердцами, такие, чьи руки жжет жажда искоренять Тень.

Да! Не стоит думать о прошлом, нужно думать о будущем, когда Лорд Дракон будет править всем миром. Тогда все будут подвластны только ему и его Пророку. Это время будет воистину славным, и никто не осмелится над ним насмехаться или противиться его воле. Тогда Пророку не придется терпеть унижение от находящихся поблизости Отродий

Тени, вроде этого существа — Айбары. Славное время. И оно приближалось.

Тяжело было сконцентрироваться на грядущем признании. Окружающий мир полон скверны. Люди отвергают Дракона и падают в Тень, даже его последователи. Да! Вот причина их поражения. Вот причина огромных жертв при штурме Малдена, обороняемого этими предавшимися Тени айильцами.

Пророк был так уверен. Он считал, что Дракон защитит своих последователей и приведет их к великой победе. Тогда Пророк наконец-то смог бы исполнить свое

желание. Он смог бы собственными руками убить Перрина Айбару. Смог бы свернуть его толстую, бычью шею. Сжимать ее, чувствуя, как под пальцами хрустят кости, сминается плоть и останавливается дыхание.

Пророк добрался до вершины холма и отряхнул руки. Тяжело дыша, он огляделся, ожидая, пока горстка его уцелевших последователей, с треском продиравшихся сквозь подлесок, поднимется следом. Лесной полог был густым, и сквозь него почти не проникал солнечный свет. Свет. Ослепительный свет.

В ночь перед штурмом ему явился Дракон. Явился во всем своем величии! Сияющая фигура из света в

мерцающих одеждах. *«Убей Перрина Айбару!»* – приказал Дракон. – *«Убей его!»* – И тогда Пророк направил свое лучшее орудие, близкого друга Айбары.

Но это орудие, этот мальчик – не справился. Айрам мертв. Люди Пророка подтвердили это. Какая потеря! Неужели из-за этого все пошло не так? Неужели из-за этого от тысяч его приверженцев осталась лишь малая горстка? Нет. Нет! Они, должно быть, предали его, втайне поклоняясь Тени. Даже Айрам! Он – Друг Темного! Вот почему он не справился.

Его люди – потрепанные, грязные, измученные и

окровавленные — начали вылезать наверх. На них была рваная одежда, которая не возвышала их над остальными. Одежда скромности и добродетели.

Пророк пересчитал их. Получилось меньше сотни. Как мало. В этом проклятом лесу было темно даже днем. Толстые стволы стояли вплотную друг к другу, а небо над головой потемнело от набежавших облаков. Подлесок из кустов костянника с тонкими переплетенными ветвями представлял собой едва ли не непреодолимую преграду и царапал кожу, словно когтями.

Из-за этого подлеска и крутого

подъема войско не могло его преследовать. И, хотя Пророк сбежал из лагеря Айбары едва ли час назад, он уже чувствовал себя в безопасности. Они направятся на север, где их не смогут найти Айбара с его Приспешниками Тени. Там Пророк воспрянет вновь. Он оставался с Айбарой только пока его людей было достаточно, чтобы не подпускать к нему Друзей Тьмы Айбары.

Его славные люди — храбрые, преданные все до единого. Он оплакал убитых Приспешниками Тьмы, склонив голову и молча помолившись. Выжившие присоединились к нему. Они все

устали, но их глаза горели рвением. Все, кто был слаб или недостаточно предан, бежали или погибли. Остались лучшие: самые сильные и наивернейшие. На счету каждого не один Приспешник Тьмы, убитый во имя Дракона.

Опершись на них, он воспрянет вновь. Но сперва нужно было скрыться от Айбары. Пророк еще слаб, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. Но позже он убьет его. Да... Пальцы, смыкающиеся на его шее... О, да...

Пророк мог припомнить прошлое, когда его называли иначе — Масима. Те дни становились все туманнее, словно воспоминания из

прошлой жизни. Масима и в самом деле переродился, как все перерождающиеся в Узоре. Он отбросил свою старую, суетную жизнь и стал Пророком.

Наконец все его люди собрались на вершине холма. Он плюнул им под ноги. Они подвели его. Трусы! Они должны были сражаться лучше! Он должен был взять этот город.

Он повернулся на север и продолжил свой путь. Пейзаж становился все более узнаваем, хотя ничего подобного в Порубежье не встречалось. Они поднимутся в горы, преодолеют их и спустятся на Равнину Алмот. Там были Принявшие Дракона, последователи

Пророка, несмотря на то, что многие о нем и не знали. Там он сможет восстановиться скорее.

Пророк проломился сквозь заросли кустарника и вышел на небольшую поляну. Его люди неотступно следовали за ним. Скоро им понадобится еда, и их придется отправить на охоту. И никаких костров. Они не могли позволить себе привлечь...

— Здравствуй, Масима, — произнес чей-то тихий голос.

Он зашипел, оборачиваясь, а его люди собрались около него, хватаясь за оружие. Несколько мечей, ножи, дубины, и даже пара алебард. Пророк всмотрелся в темную прогалину,

стараясь рассмотреть говорившего. Он увидел ее стоящей, сложив руки на груди, на небольшом скальном выступе неподалеку. У женщины был характерный салдэйский нос, слегка раскосые глаза и темные волосы до плеч. Она была одета в зеленое платье для верховой езды с разрезами.

Фэйли Айбара, жена Отродья Тени – Перрина Айбары.

– Взять ее! – указывая на нее пальцем, выкрикнул Пророк. Несколько человек из его отряда бросились вперед, но большая часть колебалась. Они увидели то, что не заметил он – тени среди деревьев за спиной жены Айбары. Теней людей с

луками, направленными в их сторону.

Фэйли резко взмахнула рукой, и стрелы сорвались с тетивы. Те, кто последовал его приказу, пали на землю первыми, оглашая безмолвный лес своими воплями. Пророк взревел, словно каждая стрела пронзала его собственное сердце. Его возлюбленные последователи, друзья, братья!

В него попала стрела, отбросив его на землю. Вокруг него снова умирали люди. Почему, почему Дракон не защитил их? Почему? Внезапно он вновь ощутил тот же страх и ужас, что захлестнул его, когда на его глазах сраженные

Предавшимися Тени айильцами один за другим рядами падали его люди.

Во всем виноват Перрин Айбара. Если бы только Пророк прозрел раньше – в те далекие дни, когда он только узнал Дракона Возрожденного!

– Это моя вина, – прошептал Пророк, когда умер последний из его людей. Потребовалась не одна стрела, чтобы остановить некоторых из них. Это наполнило его гордостью.

Медленно, он заставил себя подняться на ноги, придерживая рукой плечо, пронзенное стрелой. Он потерял слишком много крови. Голова закружилась, и он упал на

колени.

Фэйли сошла с камня и вышла на поляну. За ней следовали две женщины, одетые в штаны. Они выглядели обеспокоенными, но Фэйли отмахнулась от их возражений. Она приблизилась к Пророку и достала из-за пояса нож. Превосходный клинок с литой рукоятью, изображавшей волчью голову прекрасной работы. Взглянув на него, Пророк вспомнил день, когда он заслужил свой первый клинок. Тот день, когда он получил его от отца.

– Спасибо за помощь в штурме Малдена, Масима, – встав прямо перед ним, произнесла Фэйли. Затем

она размахнулась и пронзила ножом его сердце. Пророк упал на спину, горячая кровь залила его грудь.

— Порой жене приходится доделать то, чего не может муж, — услышал он обращенные к женщинам слова Фэйли. Его веки затрепетали, пытаясь закрыться. — Сегодня мы совершили плохое, но нужное дело. Не рассказывайте об этом моему мужу. Ему не следует об этом знать.

Ее голос отдалялся. Пророк пал.

Масима. Так его звали. Он заслужил меч на свой пятнадцатый день рождения. Его отец так им гордился.

«Значит, все кончено», — подумал он, не в состоянии удержать

глаза открытыми. Он закрыл их, и стал падать сквозь бескрайнюю пустоту. – *«Отец, я справился или подвел тебя?»*

Ответа не было. И он слился с пустотой, погрузившись в бесконечное море мрака.

Глава 1. Слезы стали

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя после себя воспоминания, которые постепенно превращаются в легенды. Легенды становятся мифами, но и они забываются, когда эпоха, породившая их, возвращается вновь. В эпоху, названную Третьей, Эпоху, которая будет, и которая уже когда-то

была, у белоснежного шпиля, известного как Белая Башня, зародился ветер. Этот ветер не был началом, ибо у вращения Колеса Времени нет ни начала, ни конца. Однако он стал началом.

Ветер обернулся вокруг башни, погладил идеально подогнанные камни и прекрасные колышущиеся флаги. Здание было одновременно грациозным и выражающим мощь. Возможно, для тех, кто жил в нем три тысячи лет, это всего лишь метафора. Но немногие из видевших эту башню, знали, что творится внутри нее — ее сердцевина была разрушена и прогнила. По частям.

Ветер промчался сквозь город,

казавшийся больше произведением искусства, чем обыденной столицей. Каждое здание было чудом, созданным дотошными руками Огир. Даже простые лавки из гранита были превращены в воплощение чуда и красоты. Здесь купол выполнен в форме восходящего солнца. Там бьет фонтан с крыши здания, созданной в виде двух встречных волн. На мостовой одной из улиц напротив друг друга стояла пара трехэтажных зданий, исполненных в форме девушек. Мраморные создания — наполовину строения, наполовину статуи — тянулись друг к другу каменными руками, словно в приветствии. Их волосы

неподвижной волной спадали назад, но они были сделаны столь искусно, что, казалось, каждая прядь трепетала на ветру.

Сами улицы выглядели куда менее величественно. О, они были проложены очень тщательно, расходясь от Белой Башни подобно лучам солнца, но этот свет померк под горами мусора и отбросов, свидетельствующих о перенаселенности, вызванной осадой города. И, возможно, перенаселенность была не единственной причиной царившего на улицах беспорядка. Вывески и навесы долгое время не знали чистки и полировки. Горы отбросов

копились и гнили в переулках, привлекая мух и крыс и отвращая всех прочих. В темных углах таились опасные личности, на что прежде никогда не осмелились бы, тем более так самонадеянно. И уж точно к их присутствию не относились бы с таким равнодушием.

Где же он – знаменитый закон Белой Башни? Юные глупцы, насмехаясь, утверждали, что все это результат войны и осады, и все придет в норму, едва с мятежом будет покончено. Люди постарше только качали седыми головами и ворчали, что дела еще никогда не шли настолько плохо, даже в ту пору, когда двадцать лет назад Тар Валон

осаждали орды свирепых Айил.

Торговцам же не было дела ни до стариков, ни до юнцов. У них были свои проблемы, и в основном в Южном порту, из-за которого снабжение по реке почти полностью остановилось. Здесь, под надзором Айз Седай в окаймленной красной бахромой шали, трудились крепкие рабочие парни. Она с помощью Единой Силы удаляла защитные плетения и ослабляла кладку, а рабочие долбили камень и удаляли его обломки.

Засучив рукава, выставляя напоказ темную выющую растительность на крепких руках, они разбивали древний камень

ломами и кирками. Роняя капли пота на камень и воду, они постепенно продвигались к креплению перекрывшей вход в городскую гавань цепи. Половина этой цепи теперь представляла собой *квейндияр*, так же прозванный камнем мужества. Попытки выдрать цепь и освободить вход в гавань были очень утомительными. Разрушаемая стена гавани — прекрасная и неприступная, которую дополнительно укрепили с помощью Единой Силы — была лишь одним из наглядных свидетельств необъявленной войны, идущей между мятежными Айз Седай и теми, кто удерживал Башню.

Ветер промчался мимо портовых грузчиков, лениво наблюдающих за тем, как рабочие по крупицам откалывают камни, роняя серые крошки и пыль в воду. Те, что поумнее, а может, и наоборот — шептались, что подобные предзнаменования могут означать только одно. Тармон Гай’дон — Последняя Битва — близится.

Покинув пристань, ветер протанцевал вдоль защитных укреплений, прозванных Сияющими Стенами. По крайней мере, тут можно было сразу заметить чистоту, а также внимательность Гвардейцев Башни, стоявших на страже с луками в руках.

Чисто выбритые лучники в белых табардах без единого пятнышка выглядывали из бойниц, словно готовые ужалить змеи. Эти солдаты не позволяют Тар Валону пасть, пока они на страже. Тар Валон и прежде всегда давал отпор врагам. Троллоки сумели проломить его стены, но были выбиты из города. Артур Ястребиное Крыло не сумел взять город штурмом. И даже Айил в черных вуалях, разорившие во время Айильской войны все окружающие земли, так и не сумели захватить его. Многие называли это великой победой. Но были и другие, которые задумывались, что случилось бы, если бы айильцы действительно

захотели попасть в город.

Оставляя остров Тар Валон позади, ветер пересек западный проток Эринин по парящему над рекой Алиндейрскому мосту, словно дразнившему врагов, предлагая перейти его и умереть. За мостом ветер ворвался в Алиндейр, одну из многих окружавших Тар Валон деревушек. Деревня почти обезлюдела, поскольку все семейства укрылись в городе за мостом. Вражеская армия появилась внезапно, без предупреждения, словно принесенная молнией. Немногие удивлялись этому. Мятежное войско возглавляли Айз Седай, а люди, вынужденные

постоянно жить в тени Башни, редко были уверены в том, на что те способны.

Войско мятежниц было готово действовать, и вместе с тем в нем царила неуверенность. Армия насчитывала пятьдесят тысяч бойцов, расположившихся палаточным лагерем в виде гигантского кольца вокруг лагеря поменьше, в котором находились Айз Седай. Между внутренним и внешним периметрами лагеря пролегла недавно проведенная строгая граница, предназначенная для ограничения проникновения внутрь мужчин. Особенно тех, кто мог направлять *саидин*.

Можно было бы подумать, что этот лагерь расположился здесь надолго. В нем чувствовалась обстановка привычной повседневной жизни. По лагерю сновали фигуры в белом, некоторые носили официальное платье послушниц, большинство же было одето во что-то похожее. Присмотревшись внимательнее, можно было увидеть, что многие из них были далеко не юны. Некоторые даже были седы. Но ко всем одинаково обращались «дитя», и они послушно стирали и зашивали одежду, чистили палатки под пристальным взглядом безмятежных Айз Седай. Стороннему наблюдателю могло

показаться, что поскольку Айз Седай слишком часто поглядывали на шпиль Белой Башни, значит, они нервничают или испытывают неудобство. Но у Айз Седай всегда все под контролем. Всегда. Даже сейчас, когда они понесли непоправимую потерю – Эгвейн ал'Вир, их Престол Амерлин, попала в плен и была заключена в Башне.

Ветер поиграл парой платьев, сбросил кое-какое развешенное после стирки белье с веревки и продолжил свой путь на запад. На запад, мимо возвышавшейся Горы Дракона, мимо ее расколотой, дымящейся вершины. Над Черными Холмами, через широкие просторы

Каралейнской Степи. Тут подтаявший снег жался в тень скальных выступов или прятался за редкими стволами горных елей. Весне уже пора было вступать в свои права, молодым побегам — пробить слежавшийся за зиму ковер прошлогодней соломы, а почкам — пустить тонкие листочки и побеги. И кое-где так и случилось. Но земля по-прежнему спала, сдерживая свое дыхание. Неестественная жара прошлой осени перешла прямо в зиму, выжигая из земли любую жизнь, кроме самых стойких растений. И когда, наконец, пришла зима, она явилась всей своей ледяной и снежной мощью, принеся с собой

смертоносные морозы. Теперь, когда холода отступили, у редких фермеров затеплилась тщетная надежда на улучшение.

Ветер пролетел над бурой прошлогодней травой, покачал голые ветви деревьев и полетел дальше на запад. Туда, где лежала земля, которую называли Арад Доман — состоявшая из высоких холмов или невысоких гор. Но что-то незримое внезапно вторглось в этот вихрь, какое-то порождение лежащей далеко на севере тьмы. Это нечто мчалось наперекор естественному потоку и течению. Ветер смешался, дунул к югу сквозь вершины гор и бурых предгорий, к деревянной

усадыбе, которая в одиночестве расположилась посреди поросших соснами холмов в восточном Арад Домане.

Ветер пролетел мимо дома и раскинувшегося перед ним военного лагеря, затрепетал на крышах шатров и ударился о сосновые ветви.

Ранд ал'Тор, Возрожденный Дракон, стоял, заложив руки за спину и глядя в открытое окно. Он по-прежнему думал о них как о «руках», хотя осталась всего одна. Левая рука оканчивалась культей. Под пальцами здоровой руки он чувствовал гладкую, исцеленную *саидар* кожу. Но его чувства подсказывали, что на том месте должна находиться вторая

КИСТЬ.

«Сталь. Я как сталь», – думал он. – «Ничего уже не изменить, и нужно просто продолжать жить».

Сложенное из толстых сосновых и кедровых бревен в предпочитаемом состоятельными доманийцами стиле здание заскрипело и затрепетало под налетевшим порывом. Запахло тухлым мясом. В эти дни такое было не редкостью. Мясо портилось безо всякого намека, иногда всего через несколько минут после забоя. Ни засолка, ни вяление не помогали. Это было прикосновение Темного, и оно становилось все явственнее с каждым днем. Когда оно станет всепоглощающим, словно

маслянистая, отвратительная порча, что прежде окутывала *саидин* — мужскую часть Единой Силы?

Комната, в которой находился Ранд, была широкой и длинной. Внешние стены были сложены из толстых бревен. Внутренние стены из сосновых досок все еще пахли смолой и краской. Обстановка в комнате была скудной: на полу лежала шкура, пара древних перекрещенных мечей украшала стену над камином, на деревянной мебели виднелись клочки старой коры. Все декорации создавали ощущение идиллического домика в лесу, расположенного вдали от суеты крупных городов. Но вовсе не уютной

лачуги — для этого усадьба была слишком большой и благоустроенной, скорее — убежища.

— Ранд? — Позвал тихий голос. Он не стал оборачиваться, но почувствовал, как пальцы Мин дотронулись до его руки. В следующий миг ее руки обхватили его талию, и ее голова легла на его плечо. Через узы он почувствовал ее заботу.

«Я - сталь», — вновь подумал он.

— Я знаю, тебе не нравится... — начала разговор Мин.

— Те ветки, — прервал он ее, кивнув в сторону окна. — Видишь иголки на них — там, сразу за лагерем Башира?

– Да, Ранд, но...

– Они клонятся не в том направлении. – Закончил он

Мин смешалась, и, хотя никак это не проявила, узы подсказали ему, что она встревожена. Их окна были расположены на верхнем этаже усадьбы, и из них были хорошо видны трепещущие над лагерем знамена: Знамя Света, Стяг Дракона, принадлежавший Ранду, и знамя поменьше – три простых красных цветка на голубом поле, три королевских пенни – отмечавшее присутствие Дома Башир. Все три знамени гордо реяли над лагерем... а всего в нескольких шагах от них сосновые иглы качались в

противоположную сторону.

— Темный шевелится, Мин. —
Пояснил Ранд. Он мог бы решить,
что подобный случай — результат его
воздействия как *та'верена*, но то,
что происходило с ним, всегда было
возможно в реальности. Но чтобы
ветер дул в две противоположные
стороны сразу... нет, он чувствовал
что-то неправильное в движении тех
сосен, хотя и не мог различить
отдельных иголок. Его зрение не
восстановилось с того дня, когда он
при нападении потерял руку. Оно
было таким, словно... словно он
смотрел сквозь потревоженную кем-
то воду. Оно улучшалось, но
медленно.

Их сегодняшний приют был одним из длинной цепи особняков, поместий и прочих отдаленных убежищ, использованных Рандом за последние несколько недель. После неудачной встречи с Семираг он хотел оставаться в движении, перемещаясь с одного места на другое. Ему было нужно время, чтобы подумать, собраться с мыслями и, по возможности, сбить со следа врагов. Поместье лорда Алгарина было раскрыто. Жаль, это было идеальное убежище. А теперь Ранду было необходимо постоянно двигаться.

На лугу под окнами салдэйцы Башира занимались установкой

лагеря. Луг представлял собой ровное открытое место прямо перед особняком, окруженное рядами елей и сосен. В такое время лугом это поле можно было назвать только с большой долей иронии. Даже до прибытия армии на нем почти не было и намека на свежую траву. Он был покрыт неровными клочками старой пожухлой соломы, сквозь которую только едва начали пробиваться молодые побеги. Они были хилыми и желтыми, но и их успели вытоптать сапогами и копытами.

Весь луг был покрыт шатрами. С того места на втором этаже, где расположился Ранд, можно было

принять ровные ряды небольших шатров за доску для игры в камни. Солдаты тоже заметили странный ветер. Некоторые остановились, но прочие, пригнув головы, продолжали свою работу — чистили доспехи, таскали воду к коновязи, точили мечи и копья. По крайней мере, не было ходячих мертвецов. Даже самые отважные солдаты теряли присутствие духа при виде восставших из могил привидений, а Ранду была необходима боеспособная армия.

Необходимость. Уже давно не было речи о желаниях самого Ранда, о том, чего он хотел. Он полностью сосредоточился на необходимости, и

больше всего он нуждался в жизнях своих последователей. Нужны солдаты, которые будут сражаться и умирать, чтобы приблизить мир к Последней Битве. Грядет Тармон Гай'дон. И для победы необходимо, чтобы они сохраняли боеспособность.

Крутой склон холма на дальнем левом краю луга, у подножия которого расположилась усадьба, прорезало русло ручья. Он вился среди пожелтевших стрел тростника и дубовой поросли, на которой только набухали почки. К слову сказать, ручей был не слишком полноводный, но он снабжал армию достаточным количеством свежей

ВОДЫ.

Прямо за окном ветер сумел выправиться, и знамена развернулись в противоположную сторону. Значит, что-то неправильное творилось все-таки не с соснами, а со знаменами. Мин вздохнула свободнее, и он ощутил ее облегчение, но беспокойство за него никуда не пропало. В последнее время это чувство было постоянным. Он чувствовал его ото всех, ото всех четырех клубков эмоций где-то в глубине его разума. Три женщины, которым он позволил связаться с собой узами и одна, которая связала его против его воли. Одна из них постепенно приближалась. Авиенда,

шедшая с Руарком, направлялась к усадьбе ему навстречу.

Все четверо еще пожалеют о своем решении соединиться с ним. Ему хотелось чувствовать сожаление о своем решении позволить им это сделать... точнее о разрешении, данном трем его возлюбленным. Но правда была в том, что он нуждался в Мин, в ее силе и любви. И он использует ее, как пользуется другими. Нет, в нем нет места сожалениям. Он лишь желал с такой же легкостью избавиться от чувства вины.

«Илиена!» — где-то глубоко в голове Ранда раздался голос. — «Любовь моя...»

Льюс Тэрин Теламон, Убийца Родичей, в последнее время притих. Ранд старался не задумываться над тем, что сказала Семираг в день, когда он лишился руки. Она была одной из Отрекшихся, и могла наговорить все, что угодно, лишь бы причинить жертве боль.

«Однажды, чтобы показать свои возможности, она замучила целый город». – Прошептал Льюс Тэрин. – «Она убила тысячу людей тысячей способов, чтобы узнать, будут ли их вопли чем-то отличаться. Но лжет она редко. Очень редко».

Ранд заглушил его голос.

– Ранд. – Позвала Мин тише

прежнего.

Он обернулся, чтобы видеть ее лицо. Она была худенькой и гибкой, и ему часто казалось, что он нависает над ней. Ее волосы лежали короткими темными локонами, но не настолько темными, как ее бездонные, полные беспокойства глаза. Как всегда, на ней была куртка и штаны. Сегодня она выбрала темно-зеленый цвет, подходящий к оттенку хвои на соснах за окном. И, словно в противоречие строгому стилю одежды, вышивка на ней подчеркивала ее стройную фигуру. Серебряной нитью были вышиты колокольчики, спускавшиеся вдоль рукавов, из-под манжет которых

выглядывали кружева. От нее шел легкий аромат лаванды, наверное, благодаря мылу, которым она недавно умывалась.

Зачем носить штаны и при этом украшаться кружевами? Ранд уже давно оставил попытки понять женщин. Все равно это не поможет ему добраться до Шайол Гул. Кроме того, не нужно понимать женщин, чтобы их использовать. Особенно, если у них была нужная ему информация.

Он скрипнул зубами.

«Нет», – решил он. – «Есть граница, через которую я не стану переступать. На некоторые вещи даже я не способен».

– Ты снова думаешь о ней. – Почти обвиняющим тоном произнесла Мин.

Он часто задумывался, нет ли таких уз, которые работали бы только в одну сторону? Он многое бы отдал за них.

– Ранд! Она же Отрекшаяся. – Продолжила Мин. – Она бы убила нас, не задумываясь.

– Она не собиралась меня убивать. – Тихо ответил ей Ранд, снова отворачиваясь к окну. – Меня она хотела оставить себе.

Мин сжалась. Боль, беспокойство. Она подумала об отвратительном мужском *ай'даме*, который втайне принесла с собой

Семираг, выдавая себя за Дочь Девяти Лун. В тот раз хитрость Отрекшейся была раскрыта благодаря *тер'ангриалу* Кадсуане, что позволило Ранду опознать Семираг. Или, вернее, это Льюс Тэрин ее узнал.

За пленение одной из Отрекшихся Ранд заплатил потерянной рукой. В прошлый раз в подобной ситуации все тоже закончилось не очень хорошо. Он до сих пор не знал, куда подевался Асмодиан, и почему этот скользкий тип сбежал, но догадывался, что тот выдал многие его планы и намерения.

«Нужно было сразу его убить.»

Нужно было убить их всех».

Ранд кивнул, и вдруг замер. Это его мысли или Льюса Тэрина?

«Льюс Тэрин!» – Подумал Ранд.
– *«Ты здесь?»*

Ему показалось, что он слышит отдаленный смех. Или, возможно, то были рыдания.

«Чтоб ты сгорел!» – Подумал Ранд. – *«Поговори со мной! Время пришло! Мне нужны твои знания! Как ты запечатал темницу Темного? Что пошло не так, и почему ты оставил в ней лазейку? Скажи!»*

Да, это определенно рыдания, а не смех. Иногда у Льюса Тэрина их было тяжело отличить. Несмотря на все сказанное Семираг, Ранд

продолжал думать о мертвеце как об отдельной личности. Он же очистил *саидин*! Порча исчезла и больше не влияет на его разум. Он не должен сойти с ума.

«Переход к полному безумию может быть... внезапным». — Он снова, как наяву, услышал слова, произнесенные Семираг так, чтобы все могли слышать... Его секрет выплыл наружу. Но Мин в своем видении видела, что Ранд должен слиться с другим человеком. Разве это не означает, что он и Льюс Тэрин — два человека, заключенные в одном теле?

«Нет абсолютно никакой разницы в том, реален этот голос

или нет». – Сказала Семираг. – *«На самом деле, от этого положение только хуже...»*

Ранд наблюдал за группой из шести солдат. Те осматривали коновязи, устроенные с правой стороны луга – между крайним рядом шатров и опушкой леса. Они по очереди проверяли копыта лошадей.

Ранд не мог думать о своем безумии. Вместе с тем, он не мог думать о том, что именно Кадсуане делала с Семираг. Оставались только его планы. *«Север и Восток должны быть одним целым, Юг и Запад должны быть одним целым. Два должны быть одним целым».* –

Такой ответ он получил от странных существ в портале из красного камня. Это предстояло сделать.

Север и Восток. Он должен заставить страны примириться, даже против их воли. На востоке сохранялось шаткое равновесие между Иллианом, Майеном, Кайриэном и Тиром. Можно сказать, они были под контролем. На юге – в Алтаре, Амадиции и Тарабоне – правили Шончан. Если они надавят сильнее, Муранди тоже окажется в их руках. Остается Андор и Илэйн.

Илэйн. Она была далеко, на востоке, но он все равно ощущал в голове клубок ее эмоций. На таком расстоянии было трудно сказать что-

то определенное, но ему казалось, что она чувствовала... облегчение. Значит ли это, что ее борьба за власть в Андоре идет успешно? Что с противостоящей ей армией? И чего добиваются эти Порубежники? Они бросили свои посты, собрались вместе и отправились на юг на поиски Ранда, но не дали ни малейшего намека, что им от него нужно. Они были одними из лучших солдат к западу от Хребта Мира. Их помощь в Последней Битве была бы неоценимой. Но почему они бросили северные земли?

Он не желал с ними встречаться, из опасения, что должен будет начать новую войну. Он не мог себе

позволить еще одну. О, Свет! А он-то думал, что хоть на Порубежников можно было положиться в борьбе против Тени.

Неважно, сейчас – неважно. Ему нужен мир, или что-то вроде этого, во всех землях. Он старался не думать о недавних бунтах в Тире или волнениях на границах с оккупированными Шончан землями, о постоянно интригующей кайриэнской знати. Всякий раз, когда он считал, что в какой-то стране наступило затишье, полдюжины других начинали вражду с новой силой. Как примирить этих людей, если они сами этого не хотят?

Хватка Мин на его руке

усилилась, и он глубоко вздохнул. Он делал все, что мог, и теперь у него были две цели. Мир в Арад Домане и перемирие с Шончан. Смысл слов, сказанных в портале, теперь был предельно ясен: он не может воевать одновременно с Шончан и с Темным. Он должен удержать продвижение Шончан до конца Последней Битвы. А после — да пусть хоть Свет испепелит их всех.

Почему Шончан не ответили на его просьбу о встрече? Может, они рассердились из-за пленения Семираг? Он же отпустил всех *сул'дам*. Разве это не говорит о его добрых намерениях? Арад Доман должен подкрепить их веру. Если он

сумеет прекратить бои на равнине Алмот, он продемонстрирует Шончан, что всерьез намерен добиться мира. Он заставит их это увидеть!

Ранд тяжело вздохнул и снова уставился в окно. Восемь тысяч солдат Башира занимались установкой шатров и возведением валов и рвов по периметру лагеря. Растущие укрепления темно-коричневого цвета резко контрастировали с белыми палатками. Ранд приказал Аша'манам помочь с земляными работами, и, хотя он сомневался, что те с восторгом восприняли эту грязную работу, укрепления

возводились с большой скоростью. Кроме того, Ранд подозревал, что они, как и он сам, в тайне желали иметь любой предлог, чтобы прикоснуться к *саидин*. Он увидел небольшую группу в черных куртках, помогавшую копать землю. Вокруг них были заметны потоки. Всего в лагере было десять человек, хотя среди них только Флинн, Нэфф и Наришма были полными Аша'манами.

Одетые в короткие куртки салдэйцы быстро расседывали лошадей и рассылали разъезды. Другие, взявшись за лопаты, строили из извлеченной Аша'манами земли укрепления. Ранд заметил

недовольство на горбоносых лицах многих салдэйцев. Им не по душе была идея поставить лагерь в лесу, даже в столь редком, как на этом холме. Деревья затрудняют атаку кавалерии, кроме того, они скрывают приближение врага.

Даврам Башир собственной персоной медленно ехал верхом через лагерь, выкрикивая приказы сквозь густые усы. Рядом с ним, наряженный в длинный кафтан, шел лорд Теллаэн — дородный мужчина с тонкими доманийскими усами. Он был хорошим знакомым Башира.

Лорд Теллаэн сильно рисковал, принимая у себя Ранда и армию Возрожденного Дракона. Это могли

счесть изменой. Но кто мог его наказать? В Арад Домане царил хаос. Трону угрожали сразу несколько мятежных фракций. А, кроме того, оставался великий доманийский полководец Родел Итуралде, который неожиданно успешно воевал против Шончан на юге.

Подобно своим подчиненным, Даврам Башир был без доспехов, в коротком синем кафтане. Также на нем были его любимые широкие штаны, заправленные в высокие, до колен, сапоги. Что чувствовал Башир, пойманный Рандом в сети *та'верена*? Башир, оказавшийся если не в прямой оппозиции своей королеве, то определенно неприятно

от нее изолированным. Сколько времени он уже не докладывал о себе своему сюзерену? Разве не он обещал Ранду скорую поддержку королевы? Сколько месяцев назад это случилось?

«Я – Возрожденный Дракон», – подумал Ранд. – «Я ломаю устои и клятвы. Прежние союзы не имеют значения. Важен только Тармон Гай’дон. Тармон Гай’дон и прислужники Тени».

– Интересно, найдем ли мы здесь Грендаль? – Задумчиво произнес Ранд вслух.

– Грендаль? – Переспросила Мин. – Почему ты решил, что она тут?

Ранд покачал головой. Асмодиан упоминал, что Грендаль сидит в Арад Домане, хотя это было много месяцев тому назад. Здесь ли она? Звучит правдоподобно. Это одна из немногих крупных держав, в которых ее нужно искать. Грендаль предпочитала скрытно обосноваться подальше от остальных Отрекшихся. Следовательно, она не стала бы скрываться в Андоре, Тире и Иллиане. И, безусловно, для нее было бы нежелательно оказаться на юго-западе во время вторжения Шончан.

Ей где-то было нужно тайное убежище. Таким был привычной способ ее действий. Возможно, она

расположилась где-нибудь уединенно в горах на севере страны. Нельзя с уверенностью утверждать, что она в Арад Домане. Но ему казалось, насколько он ее знал, что так было бы правильно. Знал от Льюса Тэрина. Но это была не более чем вероятность. Выслеживая ее, ему следует быть осторожным. Каждый исключенный им из игры Отрекшийся облегчает победу в Последней Битве. А из этого следует...

За закрытой дверью слышались тихие шаги.

Ранд отпустил Мин, и они оба повернулись. Ранд взялся за меч — бессмысленный жест с его стороны в

текущих обстоятельствах. С потерей руки, даже несмотря на то, что она не была основной рабочей рукой, он станет легкой добычей опытного противника. И, хотя *саидин* представляла собой гораздо более могущественное оружие, его первой реакцией было хвататься за меч. Это следует изменить. Иначе однажды это будет стоить ему жизни.

Дверь открылась, и в нее с достоинством королевы, являющейся своим придворным, всплыла Кадсуане. Она была симпатичной женщиной с темными глазами и угловатым лицом. Ее темно-серые волосы, уложенные в пучок, были украшены золотыми подвесками

тонкой работы. Каждое из украшений было *ангриалом* или *тер'ангриалом*. На ней было простое платье из плотной шерсти, перехваченное на талии желтым поясом. В тон поясу была сделана вышивка, украшавшая воротник платья. Само платье, что не удивительно, было зеленым, учитывая, что таков был цвет ее Айя. Иногда Ранду казалось, что ее строгое лицо, безвозрастное, как у любой Айз Седай, долго проработавшей с Силой, больше подошло бы Красной Сестре.

Он ослабил хватку на мече, но не отпустил его. Он ощупал пальцами обмотку рукояти. Клинок

был длинным и слегка изогнутым. На покрытых лаком ножнах был изображен длинный, извивающийся красно-золотой дракон. Меч выглядел словно специально сделанным для Ранда, хотя был создан много столетий назад и найден совсем недавно. *«Как странно, что его нашли именно сейчас», – подумал Ранд. – «И преподнесли мне в дар, совершенно не догадываясь о его сути...»*

Он почти мгновенно к нему привык. Он чувствовал, что меч идеально ему подходит. Он никому не сказал, даже Мин, что узнал оружие. Что удивительнее всего, не от Льюса Тэрина, а самостоятельно.

Кадсуане пришла не одна. Естественно, с ней оказалась Найнив. В последнее время она часто ходила следом за Кадсуане, словно дикая кошка, заметившая, что на ее территорию вторгся чужак. Вероятно, она делала это ради него. Темноволосая Айз Седай не перестала быть Мудрой из Эмондова Луга, как бы она ни отрицала очевидное, и она не щадила тех, кто обижал ее подопечных. Если только она сама на них не нападала.

Сегодня на ней было серое платье с желтой лентой на талии поверх пояса — как он слышал, последнее веяние доманийской моды. Кроме того, на лбу у нее

красовалась уже привычная красная точка. Она надела длинное золотое ожерелье и тонкий золотой пояс с подходящими по стилю браслетами и кольцами, усеянными крупными красными, зелеными и синими камнями. Украшение было *тер'ангриалом* – или даже набором *тер'ангриалов* и *ангриалов*, сравнимых с теми, что были у Кадсуане. Ранд время от времени слышал, как Найнив ворчала, что к ее *тер'ангриалам* с безвкусными камнями очень трудно подобрать подходящие платья.

В отличие от Найнив, приход Аливии стал неожиданностью. Ранд и не догадывался, что бывшая *дамани*

участвовала в... получении сведений. Хотя, раз предполагалось, что она была сильнее Найнив, то, возможно, ее пригласили для поддержки. Когда поблизости — Отрекшаяся, осторожность не помешает.

Аливия была немного выше Найнив, и в ее волосах встречались белые пряди. Седина впечатляла — у любой женщины, направляющей Единую Силу, она свидетельствует о возрасте. О немалом возрасте. Аливия утверждала, что ей исполнилось четыреста лет. Сегодня на бывшей *дамани* было ярко-алое платье, словно она желала этим бросить вызов. Большинство освобожденных *дамани* оставались

покорными, но только не Аливия. В ней бурлил фанатизм, силой которого она могла бы соперничать с Белоплащниками.

Ранд почувствовал напряжение Мин и ее недовольство. В конечном счете, Аливия поможет Ранду умереть. Это было собственное видение Мин, а ее видения никогда не ввали. За исключением одного случая. Она призналась, что ошиблась на счет Морейн. Возможно, это означает, что ему не придется...

Нет. Все, что позволяет ему надеяться на жизнь после завершения Последней Битвы; все, что вселяет надежду – опасно. Он должен быть твердым, чтобы суметь

принять уготованную ему судьбу. Он должен быть твердым, чтобы принять смерть, когда настанет его час.

«Ты обещал, что мы умрем». — Где-то на задворках сознания произнес голос Льюса Тэрина. — *«Ты обещал!»*

Кадсуане молча пересекла комнату и налила себе кубок вина с пряностями у маленького столика, приставленного к кровати. Потом она села в одно из кресел из красного кедра. По крайней мере, она не заставила его подавать вино. От нее всего можно было ожидать.

— Ну? Что вы узнали? — Спросил он, следом наполняя себе кубок. Мин

направилась к кровати с резным изголовьем из кедра темно-красного цвета и села на нее, сложив руки на коленях. Она внимательно следила за Аливией.

Услышав резкий тон, Кадсуане выгнула бровь. Он вздохнул, подавляя раздражение. Он сам попросил ее стать его советницей и согласился на все ее условия. Мин сказала, что он должен научиться у Кадсуане чему-то важному – это было в другом ее видении – и, говоря начистоту, он мог признать, что ее советы неоднократно оказывались полезными. Это стоило ее претензий на уважение.

– Как прошел допрос, Кадсуане

Седай? – Переспросил он спокойнее.

Она улыбнулась себе под нос.

– Неплохо.

– Неплохо? – Рывкнула Найнив.

Она-то не обещала Кадсуане вести себя прилично. – Да эта женщина способна взбесить кого угодно!

Кадсуане сделала глоток вина.

– Любопытно. А чего еще ожидать от Отрекшейся, дитя? У нее было много времени попрактиковаться в том, как... бесить людей.

– Ранд, эта с... создание тверда как камень. – Сказала, повернувшись к нему Найнив. – За целый день допросов она едва выдавила из себя одно стоящее слово. Она только

объясняет, какие мы тупые и отсталые, а также придумывает новые способы нашего убийства. — Найнив потянулась к своей длинной косе, но замерла, так и не дернув ее. Она справлялась все лучше. Однако Ранд не понимал, почему это ее беспокоит, поскольку всем окружающим был известен ее горячий нрав.

— Подводя итог тем ужасам, про которые рассказала девочка, — продолжила Кадсуане, кивнув на Найнив. — Она довольно точно изложила ситуацию. Пфф! Когда я сказала, что все идет «неплохо», ты должен был понять «точно так, как ты мог ожидать, учитывая все те

ограничения, которые ты для нас установил». Завязав художнику глаза, нечего удивляться, что он ничего не нарисовал.

— Речь не об искусстве, Кадсуане. — Сухо перебил ее Ранд. — А о пытках. — Он заметил брошенный в его сторону взгляд Мин и почувствовал ее тревогу. Она встревожилась из-за него? Это же не его собирались пытаться.

«Сундук», — прошептал Льюс Тэрин. — *«Нужно было умереть, пока нас держали в сундуке. Тогда... все было бы кончено».*

Кадсуане снова отпила вино. Ранд к своему даже не притронулся, так как уже знал, что оно

приправлено настолько, что пить было просто невозможно. Но лучше так, чем без этого.

— Ты требуешь результатов, мальчик. — Сказала Кадсуане. — И отказываешь нам в инструментах, необходимых для их получения. Можешь звать это пыткой, допросом или игрой в куличики, я называю это глупостью. Если б нам было позволено...

— Нет! — Прорычал Ранд, махнув на нее рукой... культей... — Ты не станешь ей угрожать или вредить!

Он провел много времени в темном, неудобном сундуке, периодически выволакиваемый на свет и избиваемый. Он не позволит

подвергнуться подобному ни одной женщине, находящейся в его власти. Даже Отрекшейся.

– Можешь спрашивать ее как угодно, но некоторых вещей я не допущу.

Найнив фыркнула.

– Ранд! Она же – Отрекшаяся, она опаснее любого другого на свете!

– Я в курсе, что она опасна. – Сухо ответил Ранд, сжав обрубок левой руки. Изображение дракона в свете лампы блеснуло металлом. Голову дракона поглотил огонь, который едва не убил его самого.

Найнив сделала глубокий вдох.

– Что ж, тогда ты должен понимать, что обычные правила к

ней не применимы!

— Я сказал, нет! — Ответил Ранд.

— Вы будете ее допрашивать, но и пальцем ее не тронете!

«Больше ни одной женичины. Я сохраню в себе эту крупницу света. Я и так причинил страдания и повинен в смерти слишком многих женичин».

— Как хочешь, мальчик, так и поступим. — Сухо произнесла Кадсуане. — Только потом не жалуйся, что мы не смогли из нее вытащить, что она вчера ела на завтрак, не говоря уже о том, где скрываются остальные Отрекшиеся. И так уже удивительно, с какой стати ты настаиваешь на продолжении этого фарса. Может, просто сдать ее

Белой Башне, и делу конец?

Ранд отвернулся. Солдаты снаружи закончили проверять лошадей. Коновязи были в порядке, ровные и прямые, у каждой лошади места ровно столько, сколько нужно.

Сдать ее Белой Башне? Этого никогда не случится. Кадсуане не позволит Семираг выскользнуть из ее цепкой хватки, пока не получит все нужные ответы. Снаружи все еще было ветрено, и его знамя развевалось прямо у него перед глазами.

— Говоришь, отдать ее Белой Башне? — Переспросил он, оглядываясь на присутствующих в комнате. — А которой из Башен?

Доверишь ее Элайде? Или ты имела в виду других? Сомневаюсь, что Эгвейн обрадуется, если я подсуну ей Отрекшуюся. Скорее, она отпустит Семираг и схватит вместо нее меня самого, чтобы заставить меня преклониться перед правосудием Белой Башни и потом укротить, для ровного счета.

Найнив нахмурилась.

– Ранд! Эгвейн никогда бы не стала...

– Она – Амерлин. – Ответил он, осушив кубок залпом. Вино было таким же мерзким, как он запомнил. – Она Айз Седай до мозга костей. Я для нее всего лишь пешка.

«Да», – Согласился Льюс Тэрин.

– «Нам нужно держаться от них подальше. Ты знаешь, что они отказались нам помочь. Отказались! Сказали, что мой план безрассуден. Они бросили меня, оставив с сотней добровольцев, и ни одной женщины, чтобы сформировать круг. Предательницы! Это целиком их вина. Но... но именно я убил Илиену. Почему?»

Найнив что-то говорила, но Ранд ее не слушал.

«Льюс Тэрин?» – Обратился он к голосу. – «Что именно ты сделал? Женщины отказались помочь? Почему?»

Но Льюс Тэрин снова разразился рыданиями, и звук его

голоса смолк вдали.

— Скажи мне! — Вскричал Ранд, бросив кубок на пол. — Чтоб ты сгорел, Убийца Родичей! Ответь мне!

В комнате повисла тишина.

Ранд заморгал. Никогда еще он... не пытался заговаривать с Льюсом Тэрином вслух при посторонних. Теперь они знали. Семираг рассказала про голоса, что он слышал, выставив Ранда обыкновенным безумцем.

Ранд поднес руку к голове, запуская ладонь в волосы. Вернее, попытался... так как он воспользовался культей, и все закончилось ничем.

«Свет!» — пронеслось у него в

голове. – «Я теряю над собой контроль. В половине случаев я даже не знаю, чей голос я слышу – свой или его. Все должно было исправиться после очистки саудин. Я полагал, что буду в безопасности...»

«Никакой безопасности», – ответил Льюс Тэрин. – «Мы уже сошли с ума. Ничего не исправить». – Он начал хохотать, но вскоре смех превратился в рыдания.

Ранд обвел взглядом комнату. В темных глазах Мин было столько тревоги, что ему пришлось отвернуться. Аливия, наблюдавшая за разговором о Семираг с присущей ей проницательностью, казалась слишком понимающей. Найнив все-

таки сдалась и что было сил дернула себя за косу. Кадсуане, на сей раз, ничего не сказала в ответ на его внезапный срыв. Вместо этого она допила вино. Как только она может пить эту дрянь?

Мысль была глупой и нелепой. Ему захотелось рассмеяться, вот только он не мог издать ни звука. Он вообще не был способен ничего придумать, даже самой глупой шутки.

«Свет! Я так больше не могу. Я словно в тумане, у меня сожжено полруки, а старые раны в боку открываются при любом неосторожном движении. Я иссяк, словно вычерпанный колодец. Нужно

заканчивать дела и отправляться в Шайол Гул. Иначе к моменту битвы с Темным от меня не останется ничего, что он мог бы убить».

Подобной мыслью никого не рассмешишь. Скорее, можно вызвать уныние. Но Ранд не зарыдал, ведь сталь не плачет.

Пока что слез Льюса Тэрина достаточно на двоих.

Глава 2. Природа боли

Эгвейн выпрямилась, ощущая пылающими ягодицами уже ставшую привычной боль от крепкой порки, заданной Наставницей Послушниц. Она чувствовала себя хорошенько выколоченным половиком, но,

несмотря на это, спокойно разгладила свою белую юбку, затем повернулась к зеркалу и хладнокровно смахнула слезинки из уголков глаз. На этот раз – ровно по одной слезинке в каждом глазу. Она улыбнулась отражению, и они удовлетворенно кивнули друг другу.

На серебристой поверхности зеркала отражалась находившаяся за ее спиной маленькая с темной отделкой комнатка. Она выглядела очень строго. В углу стоял прочный стул с потемневшей и отполированной до блеска за долгие годы использования спинкой. Рядом находилась массивная конторка с лежавшей сверху пухлой книгой

Послушниц. Хотя узкий стол, находившийся прямо за спиной Эгвейн, и был украшен кое-какой резьбой, его обивка из кожи была намного примечательней. На этом столике перебивало множество Послушниц и немало Принятых, отбивая наказание за свои провинности. В своем воображении Эгвейн представляла, что стол мог потемнеть от бесконечных потоков их слез. Она тоже приняла в этом участие, но только не сегодня. Всего две слезинки, и ни одна из них не упала со щек.

Это не значит, что ей не было больно – все тело буквально жгло от боли. И в самом деле, чем дольше

она бросала вызов власти Белой Башни, тем безжалостнее становилась порка. Вместе с тем, с нарастанием частоты и боли росла и решимость Эгвейн их сносить. Она еще не научилась принимать и приветствовать боль так, как это делали Айил, но чувствовала, что уже приблизилась к этому. Айил ухитрялись смеяться под самыми жестокими пытками. Что ж, она уже могла улыбаться сразу после экзекуции. Каждый снесенный ею удар, каждый пережитый укол боли был ее победой. А победа — это всегда повод для радости, и неважно, насколько сильно задеты ее гордость или кожа.

За отражавшимся в зеркале столом стояла сама Наставница Послушниц. Ее квадратное безвозрастное лицо казалось несколько озадаченным. Сильвиана хмуро уставилась на кожаный ремень в своих руках. Она разглядывала его словно нож, отказавшийся резать, или лампу, отказавшуюся светить. Женщина принадлежала к Красной Айя, что было заметно по красной кайме ее простого серого платья и бахrome ее шали. Она была высокой и крепко сложенной, с темными волосами, собранными в пучок на затылке. Несмотря на невероятное количество наказаний, назначенных персонально Эгвейн, а, возможно,

именно благодаря им, Эгвейн и сама считала ее превосходной Наставницей Послушниц во многих отношениях. Сильвиана исполняла свой долг. Свет свидетель, в Башне оставалось совсем немного тех, о ком в последнее время можно было сказать подобное.

Сильвиана посмотрела в зеркало и встретила с Эгвейн взглядом. Она быстро отложила ремень и стерла все чувства со своего лица. Эгвейн невозмутимо повернулась к ней.

К ее удивлению, Сильвиана вздохнула.

— Когда же ты сдашься, дитя? — спросила она. — Ты проявила

характер, и, должна заметить, очень сильный, но ты же знаешь, что я буду продолжать наказывать тебя, пока ты не подчинишься. Должен соблюдаться надлежащий порядок.

Эгвейн сдержала изумление. Наставница Послушниц редко обращалась к Эгвейн с чем-нибудь, кроме назначения наказания. Правда, и раньше бывали трещинки...

— Надлежащий порядок, Сильвиана? — спросила Эгвейн. — Тот, что поддерживается в Башне повсеместно?

Губы Сильвианы снова сжались в линию. Она повернулась и сделала запись в свою книгу.

— Увидимся утром. А теперь

живо на ужин.

Утреннее наказание было назначено, потому что Эгвейн назвала Наставницу Послушниц по имени без добавления титула «Седай», и, возможно, потому что они обе знали, что Эгвейн не станет перед уходом делать реверанс.

– Я вернусь утром, – сказала Эгвейн, – но ужин подождет. Мне было приказано сегодня вечером прислуживать Элайде за едой. – Их свидание с Сильвианой затянулось. Эгвейн принесла с собой впечатляющий список нарушений, и теперь на еду у нее времени не осталось. Ее желудок протестовал против подобной перспективы.

На лице Сильвианы на мгновение промелькнуло какое-то чувство. Было ли это удивлением?

— И ты ничего не сказала об этом раньше?

— А разве это что-то изменило бы?

Сильвиана не ответила.

— Значит, ты поешь после того, как послужишь Амерлин. Я отдам распоряжение Госпоже Кухонь оставить для тебя какую-нибудь еду. Учитывая, как часто ты последнее время проходишь Исцеление, дитя, тебе необходимо есть. Я не допущу, чтобы ты валилась с ног от истощения. — Строгая, но справедливая. Как жаль, что она

выбрала путь Красной Айя.

– Хорошо, – ответила Эгвейн.

– А после еды, – добавила Сильвиана, подняв палец, – ты должна вернуться ко мне, потому что оказала неуважение Престолу Амерлин. Для тебя, дитя, она не может быть просто «Элайдой», – она вновь повернулась к своей книге. – Кроме того, только Свет знает, в какие еще неприятности ты впутаешься к вечеру.

Покинув маленький кабинет и входя в широкий отделанный серым камнем коридор с зелеными и красными плитками на полу, Эгвейн размышляла над последним приказом. Возможно, услышав о

визите Эгвейн к Элайде, Сильвиана вовсе не удивилась. Возможно, это было сочувствие. Элайда вовсе не обрадуется, когда Эгвейн будет вести себя с ней так же смело, как со всеми остальными в Башне. Не потому ли Сильвиана решила встретиться с Эгвейн после еды для заключительной порки? Имея такой приказ, Эгвейн будет вынуждена поесть, прежде чем вернуться на порку, даже если Элайда осыплет ее наказаниями. Невелика забота, но и за нее Эгвейн была благодарна. Выносить ежедневные наказания было тяжело и без пропущенных обедов.

Пока она размышляла, к ней

подошли две Красных Сестры: Кэтрин и Барасин. У Кэтрин в руках была латунная чашка – очередная доза вилочника. Видимо, Элайда хотела быть уверенной, что во время ужина Эгвейн не сможет направить даже струйку Силы. Эгвейн приняла чашку без возражений и осушила ее в один прием, чувствуя слабый, но характерный привкус мяты. Небрежным движением она вернула чашку Кэтрин, и у той не оставалось выбора, кроме как принять ее, словно Красная была назначена королевским виночерпием.

Но Эгвейн не отправилась к Элайде немедленно. Затянувшееся наказание, укравшее часть ее ужина,

как бы в насмешку подарило ей несколько свободных минут, и ей не хотелось являться заранее, поскольку это было бы знаком уважения к Элайде. Вместо этого она задержалась у двери Наставницы Послушниц вместе с Кэтрин и Барасин. Интересно, явится ли кое-кто в ее кабинет?

Вдали по красно-зеленым плиткам коридора проходили небольшие группки Айз Седай. Они украдкой шарили вокруг взглядом, словно зайцы, выбравшиеся на лужайку пожевать травку, но опасующиеся притаившейся лисы. Теперь Сестры даже в Башне постоянно носили шали и никогда не

ходили по одиночке. Некоторые даже удерживали Силу, будто даже здесь, в самой Белой Башне, боялись нападения разбойников.

— Вы этому рады? — неожиданно для себя спросила Эгвейн. Она взглянула на Кэтрин и Барасин. Волей случая, обе принадлежали к той группе, которая схватила Эгвейн.

— В чем дело, дитя? — холодно уточнила Кэтрин. — Обращаешься к Сестре, не дожидаясь разрешения? Не терпится получить следующее наказание? — Она носила вызывающее количество красного. На ее алом платье были черные вставки, а темные волосы слегка вились, спадая назад, за спину.

Эгвейн проигнорировала угрозу. Что еще они могут с ней сделать?

– Перестань пререкаться хоть на миг, Кэтрин, – сказала Эгвейн, взглянув на проходившую мимо группу Желтых, ускоривших шаг при виде двух Красных. – И попридержи свои угрозы и демонстрацию силы. Перестань и просто взгляни. Ты гордишься этим? Сотни лет в Башне не было Амерлин из Красной Айя, и теперь, когда у вас, наконец, появился шанс, ваша предводительница сотворила с Башней такое. Женщины не желают встречаться взглядом с незнакомыми Сестрами, ходят группами, а Айя ведут себя так, будто воюют друг с

другом.

Кэтрин презрительно фыркнула, но долговязая Барасин заколебалась, оглянувшись через плечо на удалявшихся по коридору Желтых. Некоторые из них, в свою очередь, оглядывались на двух Красных.

— Амерлин здесь ни при чем, — ответила Кэтрин. — Всему виной предательство твоих глупых мятежниц.

«*Моих мятежниц?* — улыбнувшись про себя, подумала Эгвейн. — *Значит, теперь ты считаешь их моими, и больше не думаешь, что я несчастная обманутая Принятая? Уже прогресс».*

— Разве это мы свергли избранную Амерлин? — спросила Эгвейн. — Разве из-за нас Страж пошел на Стража? Разве мы оказались неспособны сдержать Возрожденного Дракона? Разве это мы избрали Амерлин, которая оказалась настолько деспотичной, что приказала построить ей собственный дворец? Женщину, из-за которой каждая Сестра боится, не ее ли следующей лишат шали?!

Кэтрин не ответила, словно припомнив, что ей не пристало вступать в споры с простой Послушницей. Барасин, широко раскрыв глаза, продолжала обеспокоено глядеть вслед

удаляющимся Желтым.

— Думаю, что Красные, — продолжила Эгвейн, — не только не должны покрывать Элайду, а, напротив, должны стать ее самыми активными критиками. Потому, что наследие Элайды будет и вашим наследием. Запомните это.

Кэтрин сверкнула горящими гневом глазами, и Эгвейн едва не вздрогнула. Возможно, ее последние слова были слишком прямолинейны.

— Сегодня вечером ты явишься к Наставнице Послушниц, дитя, — сообщила ей Кэтрин, — и расскажешь о том, как ты проявляла неуважение к Сестрам и к самой Амерлин. — Эгвейн попридержала язык. Зачем

она попусту тратила время, пытаясь убедить Красных?

За ее спиной хлопнула, закрывшись, старинная деревянная дверь, заставив Эгвейн подпрыгнуть и оглянуться. Гобелены по обеим сторонам двери вздрогнули и застыли. Эгвейн даже не поняла, что, когда выходила, оставила дверь чуточку приоткрытой. Значит, Сильвиана слышала весь их разговор?

Дальше мешкать было нельзя. По-видимому, Алвиарин этим вечером не появится. Куда она подевалась? Она всегда появлялась к тому моменту, когда наказание Эгвейн заканчивалось. Эгвейн

покачала головой и направилась по коридору. Обе Красные последовали за ней. Теперь они оставались с ней все дольше и дольше, приглядывая за ней почти постоянно, за исключением времени занятий, проводившихся в помещениях других Айя.

Она постаралась вести себя так, будто эти двое были не тюремщицами, а ее почетным эскортом. И еще постаралась не замечать боль в ягодицах. Все признаки указывали на то, что она побеждала Элайду. Днем за обедом Эгвейн слышала, как Послушницы сплетничали о том, как с треском провалилась попытка Элайды взять

Ранда в плен. Происшествие случилось несколько месяцев назад, но считалось секретом. Кроме того, ходил слух о том, будто Аша'маны связали узами отправленных расправиться с ними Сестер. Это была еще одна акция Элайды, о которой никто не должен был знать. Эгвейн постаралась, чтобы все эти провалы крепко засели в умах обитателей Башни, равно, как и незаконное наказание Шимерин. А Сестры всегда знали, о чем сплетничали Послушницы.

Да, Эгвейн побеждала... но такая победа не приносила удовлетворения. Кому понравится зрелище распадающихся, словно

старый холст, Айз Седай? Кто обрадуется тому, что Тар Валон, один из величайших городов, завален отбросами? Как бы Эгвейн ни презирала Элайду, она не могла ликовать при виде столь некомпетентного руководства Престола Амерлин.

А этим вечером ей предстояло встретиться с Элайдой лицом к лицу. Эгвейн неторопливо шла по коридору, соразмеряя шаг таким образом, чтобы не явиться к ней раньше назначенного срока. Как вести себя во время ужина? За девять дней, прошедших с момента ее возвращения в Башню, Эгвейн не довелось даже мельком увидеть

Элайду. Предстоящая встреча была опасной. Если она оскорбит Элайду хоть на волосок сильнее допустимого, ее отправят на плаху. И все же она не может унижаться и притворяться. Она не склонится перед этой женщиной, даже если это будет стоить ей жизни.

Эгвейн завернула за угол и резко встала, едва не споткнувшись. Коридор неожиданно кончился каменной стеной, украшенной яркой мозаичной картиной. На ней была изображена древняя Амерлин, восседающая на богато украшенном золотом троне, с поднятой в предостережении королям и королевам рукой. Надпись внизу

гласила, что это изображение Карайган Маконар, пресекающей мятеж в Мосадорине. Эгвейн смутно припомнила, что в последний раз она ее видела на стене Библиотеки Башни, но в тот раз лицо Амерлин не было похоже на кровавую маску, и повешенных на карнизах домов тоже не было.

Побледневшая Кэтрин замерла рядом с Эгвейн. Никому не нравилось обсуждать, что комнаты и коридоры Башни неестественным образом меняли свое расположение. Эти изменения грозно напоминали, что мелкие споры о власти вторичны по сравнению с большими, ужасающими проблемами мира.

Эгвейн впервые видела, чтоб изменился не только коридор, но и стенная роспись. Темный шевелится, потрясая сам Узор.

Эгвейн развернулась и с гордым видом прошествовала прочь от фрески. Эти проблемы не были для нее первостепенными. Заметив пятнышко, ты принимаешься за работу и постепенно натираешь до блеска весь пол. Эгвейн нашла свое пятнышко, нашла, с чего начать. Белая Башня должна вернуть единство.

К сожалению, обходной путь требовал больше времени. Эгвейн с неохотой ускорила шаг. Это вовсе не означало, что она торопилась, но и

опаздывать не стоило. Обе надзирательницы, зашелестев юбками, также пошли быстрее. Пересекая очередной коридор, Эгвейн заметила Алвиарин, в спешке свернувшую за угол по пути к Наставнице Послушниц. Что ж, она, наконец, шла за наказанием. Что же заставило ее задержаться?

Еще два поворота, один пролет холодной каменной лестницы следом, и Эгвейн поймала себя на том, что срезала путь через сектор Красной Айя, поскольку эта дорога была кратчайшей до покоев Амерлин. На стенах висели красные гобелены, гармонируя с алой плиткой пола. У всех женщин, находившихся в

коридорах, был одинаково строгий вид, их шали были одинаково тщательно расправлены, покрывая плечи и руки. Предполагалось, что здесь, в покаях собственной Айя, Красные должны ощущать безопасность, но они выглядели неуверенными и были подозрительны к каждому встречному, даже к идущим по делам слугам в форме с Белым Пламенем Тар Валона на груди. Проходя по коридорам, Эгвейн пожалела, что торопится — это придавало ей испуганный вид — но она ничего не могла с этим поделать.

В центре Башни она поднялась на несколько этажей вверх, и,

наконец, добралась до приемных покоев Амерлин. Обязанности и занятия Послушницы отнимали у нее много времени, отвлекая от противостояния лже-Амерлин. Это женщина свергла Суан, приказала избить Ранда и поставила Айз Седай на самый край гибели. Элайда должна узнать гнев Эгвейн. Она должна быть унижена и пристыжена, она... Эгвейн остановилась перед позолоченной дверью Элайды.

Нет! Она легко представляла себе возможную сцену. Элайда разгневана, и в результате Эгвейн попадает в подземелья Башни. Что в этом хорошего? Она не могла сейчас конфликтовать с этой женщиной.

Пока. Сейчас это привело бы лишь к мимолетному удовлетворению, сопровождаемому полным провалом. Но, Свет, не может она и склониться перед Элайдой! Амерлин так не поступают. Или...

Нет. Амерлин делает то, что должна. Что важнее – Белая Башня или гордость? Единственный способ выиграть эту битву – позволить Элайде считать, что она побеждает.

Нет. Напротив, единственный способ победить – позволить Элайде считать, что никакой битвы и не было. Сумеет ли Эгвейн сдержать язык, чтобы пережить эту ночь? Она не была в этом уверена. Тем не менее, после ужина у Элайды

должно остаться ощущение, что она полностью контролирует ситуацию и что Эгвейн достаточно напугана. Лучшим способом этого добиться, не наступая на свою гордость, будет сохранять молчание. Не говорить ни слова. Сегодня вечером это будет ее оружием. Собравшись с духом, Эгвейн постучалась.

Первым сюрпризом было то, что дверь ей открыла Айз Седай. Неужто у Элайды не было для этого слуг? Эгвейн не узнала Сестру, однако лицо, лишенное признаков возраста, говорило само за себя. Женщина была из Серой Айя, на что указывала ее шаль. Она была стройной, с пышным бюстом. Ее золотисто-

каштановые волосы спадали до середины спины, а в глазах застыло напряженное выражение, словно недавно она испытала большое потрясение.

Элайда находилась внутри. Эгвейн замешкалась на пороге, впервые увидев свою противницу после отбытия из Башни с Илэйн и Найнив на поиски Черных Сестер. Столь значимый момент в их судьбах, казавшийся сейчас столь далеким. Красивая и статная, Элайда, казалось, утратила крупницу своей суровости. Она сидела, слабо улыбаясь, словно размышляя о некой шутке, понятной только ей. Ее стул казался резным позолоченным

троном, окрашенным в красные и белые цвета. У стола стоял второй стул, возможно, предназначенный для незнакомой Серой Сестры.

Прежде Эгвейн не доводилось бывать в покоях Амерлин, но она могла представить, как здесь все выглядело при Суан. Просто, но со вкусом. Украшений ровно столько, чтобы показать, что это — комната важного лица, однако без раздражающих излишеств. При Суан каждый предмет обстановки служил определенной цели, возможно, сразу несколькими. Столы с потайными ящичками, настенные панно, служившие одновременно картами, перекрещенные мечи над камином —

хорошенько смазанные, на всякий случай, если они понадобятся Стражам.

Возможно, это было лишь игрой воображения. Как бы то ни было, Элайда не только переехала в новые покои, но и обзавелась роскошным убранством. До сих пор не все комнаты были обставлены. Поговаривали, что она каждый день добавляет что-то новое, однако и от того, что уже имелось, веяло расточительностью. Стены и потолки были завешаны красным шелком. На тайренском ковре, лежащем на полу, были столь искусно вытканы летящие птицы, что их можно было ошибочно принять за

роспись. По комнате были рассеяны части мебельных гарнитуров дюжины различных стилей и моделей. Каждый предмет был покрыт щедрой резьбой и инкрустирован поделочной костью. Тут – виноградная лоза, там – рифленый зигзаг, здесь – переплетенные змеи.

Но более расточительности приводил в ярость палантин на плечах Элайды. На нем было только шесть полос – не семь, а шесть! Хотя Эгвейн не выбирала себе Айя, да и предпочла бы Зеленую, это не мешало ей чувствовать гнев при виде этого палантина, на котором отсутствовала голубая полоса. Никто

не может распустить Айя, даже Престол Амерлин. Но Эгвейн прикусила язык. Этим вечером речь идет о выживании. Ради блага Башни Эгвейн сумела вытерпеть боль порки. Стерпит ли она высокомерие Элайды?

— Без реверанса? — спросила Элайда, когда Эгвейн вошла в комнату. — Мне сказали, что ты упряма. Что ж, хорошо, после этого ужина ты посетишь Наставницу Послушниц и сообщишь ей о своей ошибке. Что скажешь?

«То, что ты — чума для всех нас. Столь же мерзкая и разрушительная, как любая болезнь, поражавшая в прошлом город и его

жителей. То, что ты...» – Эгвейн отвела взгляд от Элайды, и, чувствуя пронзительный стыд до самых костей, склонила голову. Элайда рассмеялась, очевидно, верно истолковав ее поступок.

– Честно говоря, я ожидала, что ты доставишь больше беспокойства, но, кажется, Сильвиана действительно понимает толк в своих обязанностях. Это хорошо. Я волновалась, что она, как и многие за последнее время в Башне, стала от них уклоняться. Замечательно. С тобой управились. Я не собираюсь ждать ужина всю ночь. – Эгвейн сжала кулаки, но промолчала.

Возле задней стены был

сервирован длинный стол, на котором располагалось несколько больших серебряных блюд. Их выпуклые крышки запотели от жара содержимого. Здесь же стояла глубокая супница из серебра. В стороне, не сойдя с места у дверей, по-прежнему топталась Серая Сестра. Свет! Да женщина была напугана! Эгвейн редко доводилось видеть подобное выражение на лицах сестер. Что же ее напугало?

— Подойди, Мейдани, — обратилась Элайда к Серой. — Или ты собираешься простоять там всю ночь? Садись.

Эгвейн была потрясена. Это — Мейдани? Одна из тех шпионок,

которых Шириам с остальными отправила в Белую Башню? Проверяя содержимое каждого блюда, Эгвейн быстро оглянулась. Мейдани опустилась в кресло поменьше и попроще сбоку от Элайды. Эта Серая всегда надевает столько драгоценностей к ужину? На шее Айз Седай сверкали изумруды, а её тёмно-зелёное платье из дорогого шёлка подчеркивало грудь, не самую пышную для средней женской фигуры, но довольно крупную для стройной Мейдани.

Беонин говорила, что предупредила всех Серых сестер о том, что Элайда их раскрыла. Почему же Мейдани не покинула Башню?

Что ее здесь задержало? Что ж, по крайней мере, теперь испуг женщины был понятен.

— Мейдани, — произнесла Элайда, пригубив вино, — что-то сегодня ты бледнее обычного. Может, ты редко бываешь на воздухе?

— Я много работаю с древними свитками, Элайда, — нервно ответила Мейдани. — Вы не забыли?

— А-а... верно, — нараспев произнесла Элайда. — Полезно знать, как обращались с предателями в прошлом. Лишение головы кажется слишком простым наказанием. Разделившие Башню — те, кто пошел на измену — заслуживают весьма непростой кары. Ладно, продолжай

свои исследования.

Мейдани села, сложив руки на коленях. Любой другой на месте Айз Седай сейчас бы промокнул испарину на лбу. Сжимая половник побелевшими от напряжения пальцами, Эгвейн помещивала суп в серебряной супнице. Элайда знала! Она знала, что Мейдани шпионка, и всё равно пригласила её на обед, чтобы поиграть с нею.

— Поторопись, девочка! — резко окликнула ее Элайда.

Эгвейн подхватила супницу, ощутив под пальцами теплые ручки, и направилась к столу. Она налила коричневатый суп с мелко нарезанными королевскими грибами

в тарелки. Разнесся сильный аромат перца, заглушающий остальные запахи. Так много еды портилось – без специй этот суп был бы несъедобным. Эгвейн действовала механически, как повозка, катящаяся за волами. Ей не нужно принимать решения, не нужно отвечать. Она просто работала.

Наполнив суповые тарелки, она принесла корзинку с хлебом и разложила каждой по кусочку – не слишком черствому – в предназначенные для этого фарфоровые блюдца. Затем она вернулась и поднесла каждой по круглому кусочку масла, быстрыми, но точными движениями

отделенному от основного куска несколькими взмахами ножа. Нельзя быть дочерью владельца постоянного двора и не научиться правильно подавать еду. Но даже за работой она не могла унять волнение. Каждый шаг был мучением, и вовсе не из-за жжения пониже спины. Сейчас эта физическая боль казалась пустяком. Она не могла сравниться с душевной болью, испытываемой Эгвейн в борьбе с желанием бросить вызов этой властной и высокомерной женщине.

Едва женщины принялись за суп, демонстративно не замечая долгоносиков в хлебе, Эгвейн отошла в сторону и застыла, сцепив руки

перед собой. Элайда бросила взгляд в ее сторону и улыбнулась, очевидно, заметив очередной признак раболепия. В действительности же, Эгвейн не доверяла самой себе, опасаясь, что любое движение приведет к тому, что она влепит Элайде пощечину. Свет, как же это было тяжело!

— О чем говорят в Башне, Мейдани? — Спросила Элайда, макая кусочек хлеба в суп.

— Я... У меня нет времени слушать.

Элайда наклонилась вперед:

— О, несомненно, ты что-то знаешь. У тебя есть уши, а даже Серые сплетничают. Что они говорят

о мятежницах?

Мейдани побледнела еще сильнее:

– Я... Я...

– Хм... – произнесла Элайда, – припоминаю, когда мы были Послушницами, Мейдани, ты соображала быстрее. Ты не впечатлила меня за эти несколько недель. Я начинаю сомневаться, как ты вообще получила шаль. Возможно, ты и не была достойной ее носить.

Глаза Мейдани широко распахнулись. В ответ Элайда улыбнулась:

– О, я всего лишь тебя дразню, дитя. Возвращайся к своему ужину.

Она шутила! Шутила! О том, как украла шаль у женщины, унизив ее до такой степени, что та сбежала из Башни. Свет! Что это нашло на Элайду? Эгвейн встречала ее и прежде, и Элайда произвела на нее впечатление человека жесткого, но не деспотичного. Власть меняет людей. Оказалось, что в случае с Элайдой титул Престол Амерлин изменил ее серьезность и строгость на вседозволенность и бессердечие.

Мейдани подняла глаза:

– Я... Я слышала: сестры волнуются из-за Шончан.

Элайда отмахнулась, продолжая прихлебывать суп:

– Вот еще. Они слишком далеко,

чтобы представлять опасность. Интересно, не работают ли они тайно на Возрожденного Дракона? Все равно, я считаю, что слухи о них слишком преувеличены, — Элайда перевела взгляд на Эгвейн. — Меня всегда забавляло, что некоторые верят всему, что слышат.

Эгвейн не ответила, только едва слышно фыркнула. Как бы запела Элайда про эти «преувеличенные слухи», если бы Шончан защелкнули *ай'дам* на ее глупой шее? Иногда Эгвейн вновь кожей ощущала зудящий ошейник, лишаящий возможности двинуться с места. Иногда это чувство лишало ее возможности свободно

передвигаться, внушая слабость, чувство, будто она прикована цепью к стене. Она *знала*, что ей приснилось, и знала: этот ее сон — пророческий. Шончан нападут на Белую Башню. Элайда, очевидно, проигнорировала ее предупреждение.

— Нет, — произнесла Элайда, взмахом приказав Эгвейн добавить супа. — Эти Шончан не представляют опасности. Реальная опасность — это полнейшее неповиновение, демонстрируемое Айз Седай. Что мне сделать, чтобы прекратить эти бессмысленные переговоры на мостах? Сколько Сестер нужно наказать прежде, чем они признают

мою власть?

Она села, отложив ложку. Эгвейн приподняла крышку супницы и вынула половник из серебряного держателя, готовясь наполнить тарелку. – Да, – продолжила Элайда, – если бы Сестры покорились, Башня не разделилась бы. Вместо того, чтобы бежать, как стая глупых испуганных птиц, мятежницам следовало подчиниться. Если бы все Сестры были послушны, мы давно заполучили бы Возрожденного Дракона и разделались с теми ужасными мужчинами из Чёрной Башни. Как думаешь, Мейдани?

– Я... Покорность, конечно же важна, Элайда.

Элайда покачала головой. Эгвейн в это время наполнила супом ее тарелку.

— Так ответил бы каждый, Мейдани. Я же спрашивала о реальных действиях. К счастью, у меня есть идея. Неужели тебе не кажется странным, что в Трех Клятвах не содержится упоминания о повиновении Белой Башне? Сестры не могут говорить ни слова лжи, не могут создавать оружия для убийства людей, не могут пользоваться Силой как оружием, кроме случаев защиты. Эти Клятвы всегда казались мне слишком неопределенными. Почему нет Клятвы о повиновении Амерлин? Если бы это простое обещание было

частью нас, скольких неприятностей и трудностей мы могли бы избежать? Возможно, следует распорядиться об изменении привычного порядка.

Эгвейн застыла. Когда-то она и сама не понимала важности Клятв. Она подозревала, что многие послушницы и Принятые также сомневались в их практичности. Однако, как и любая Айз Седай, она усвоила их значимость. Три Клятвы были тем, что делало их Айз Седай. Они гарантировали, что любое действие Айз Седай направлено на благо мира. Но более всего они служили защитой от обвинений. Изменить их? Это было равносильно невообразимой катастрофе. Элайда

обязана это понимать.

Улыбнувшись своим мыслям, лже-Амерлин вернулась к супу, несомненно, обдумывая четвертую Клятву, требующую повиновения. Неужели она не соображала, насколько сильно это подорвет Башню? Подобное превращало Амерлин из лидера в тирана. Эгвейн кипела от ярости, дымясь, словно суп в ее руках. Эта женщина – это существо – причина всех проблем в Белой Башне. Она вызвала раскол среди Сестер, превратив часть из них в мятежниц. Она захватила Ранда и приказала его избивать. Она была настоящим бедствием! Эгвейн почувствовала, что дрожит. Еще

немного, и она взорвалась бы, высказав Элайде всю правду. Ярость все нарастала, и Эгвейн едва сдерживалась.

«Нет, — думала она. -Если я это сделаю, то моей битве конец. Я проиграю свою войну.» Посему Эгвейн сделала единственное, что было способно, на ее взгляд, ее остановить. Она уронила суп на пол. Жидкость выплеснулась на изысканный ковер, на красных, желтых и зеленых птиц.

Элайда с проклятиями вскочила и отступила от разлившейся лужи. Какая жалость! На нее не попало ни капли. Эгвейн спокойно взяла салфетку со стола и принялась

вытирать лужу.

— Ты неуклюжая идиотка! — С яростью выдохнула Элайда.

— Прошу прощения, — ответила Эгвейн. — Я не хотела. — Да, не хотела. Не хотела, чтобы случился сегодняшний вечер. Не хотела, чтобы у Элайды была власть. Не хотела, чтобы Белая Башня раскололась. Не хотела выливать суп на пол, но пришлось это сделать. Теперь же ей оставалось лишь опуститься на колени и продолжить уборку.

Элайда пробормотала, кивнув:

— Этот ковер стоит больше, чем вся твоя деревня, дичок. Мейдани, помоги ей.

Серая даже не пыталась

возражать. Она поспешно подошла и схватила ведро с водой, в котором охлаждалось вино, и устремилась на помощь Эгвейн. Элайда направилась к дверям на противоположной стороне комнаты, чтобы позвать прислугу.

– Вызови меня, – прошептала Эгвейн, когда Мейдани опустилась на колени.

– Что?

– Отправь за мной, чтобы дать какое-нибудь поручение, – тихо пояснила Эгвейн, оглядываясь на стоявшую к ним спиной Элайду. – Нам надо поговорить.

Сперва Эгвейн собиралась избегать салидарских шпионов,

позволяя Беонин быть связной, однако у нее накопилось слишком много вопросов. Почему Мейдани не сбежала из Башни? Какие планы были у шпионок? Приняла ли Элайда остальных столь же легко, как Мейдани, чтобы полностью их подчинить себе?

Мейдани взглянула на Элайду, затем перевела взгляд на Эгвейн.

– Возможно, временами это не заметно, но я все еще Айз Седай, дитя. Ты не можешь приказывать мне.

– Я – твоя Амерлин, Мейдани, – спокойно ответила Эгвейн, выжимая в кувшин суп, пропитавший салфетку. – И тебе лучше запомнить

это. Если ты не желаешь, чтобы Три Клятвы были заменены обетами вечно служить Элайде.

Мейдани взглянула на нее, а затем отпрянула, когда Элайда стала пронзительно звать слуг. Очевидно, в последнее время ей было нелегко. Эгвейн положила руку ей на плечо.

– Элайда может быть смещена, Мейдани. Белая Башня воссоединится. Я прослежу, чтобы это случилось. Но мы должны быть мужественны. Вызови меня.

Мейдани подняла взгляд, изучая Эгвейн.

– Как... как ты это делаешь? Говорят, что тебя наказывают по три-четыре раза в день. Что в

промежутках тебя Исцеляют, чтобы продолжить порку. Как ты можешь все это вынести?

— Я терплю это, потому что должна, — ответила Эгвейн, опуская руку, — как и все мы делаем то, что должны. Твоя задача следить за Элайдой трудна, и я это вижу. Но знай, что она замечена и оценена, — Эгвейн не знала наверняка, послали ли Мейдани шпионить за Элайдой, но будет лучше, если женщина станет считать, что ее мучения не напрасны.

Должно быть, она сказала нужные слова, так как Мейдани выпрямилась, воспрянув духом и кивнув:

— Спасибо.

Элайда вернулась, приведя с собой трех слуг.

– Пошли кого-нибудь за мной, – снова шепотом приказала Эгвейн. – Я одна из немногих в Башне, у кого есть хороший предлог передвигаться между разными Айя. Я могу помочь исцелить то, что было сломано, но для этого ты должна помочь мне.

Мейдани помедлила, затем кивнула:

– Хорошо.

– Эй, ты! – рявкнула Элайда, приблизившись к Эгвейн. – Вон! Я хочу, чтобы ты сказала Сильвиане выпороть тебя ремнем так, как она еще не порола ни одну женщину. Я хочу, чтобы она наказала тебя, затем

Исцелила, а затем вновь наказала.
Ступай!

Эгвейн встала и передала салфетку одному из слуг, затем она направилась к выходу.

— И не думай, что твоя неуклюжесть позволит тебе избежать обязанностей, — продолжила Элайда за ее спиной. — Позже ты вернешься и будешь снова мне прислуживать. А если прольешь хотя бы каплю, я велю запереть тебя в камере без окон и без света на неделю! Поняла?

Эгвейн вышла из комнаты.

Эта женщина хоть когда-нибудь была настоящей Айз Седай, способной контролировать свои эмоции? Однако и сама Эгвейн

потеряла контроль. Не стоило позволять себе выходить из себя и опрокидывать суп. Она недооценила, насколько раздражающей может быть Элайда, но больше этого не произойдет. Медленно дыша, Эгвейн успокаивала себя на ходу. Гнев ничем не мог ей помочь. Когда хорек пробирается в курятник и душил куриц, на него не злятся. Просто ставят ловушку и избавляются. Гнев здесь бесполезен.

Руки Эгвейн все еще слабо пахли перцем и прочими пряностями. Она спустилась на самый нижний уровень Башни, в столовую для послушниц, находившуюся рядом с основной

кухней. За последние девять дней ей часто приходилось здесь работать. Каждая Послушница была обязана выполнять работу по хозяйству. Местные запахи: древесный уголь и дым, кипящий суп, а также едкое или благовонное мыло — были ей очень знакомы. Как ни странно, они мало отличались от запахов на кухне в двуреченской гостинице ее отца.

В помещении с белыми стенами никого не было, и столы были пусты — за исключением одного, на котором стоял небольшой поднос, накрытый крышкой, чтобы сохранить тепло. Там же была ее подушка, принесенная послушницами, чтобы смягчить твердую скамью. Эгвейн

подошла к столу, но подушкой, как обычно, не воспользовалась, хотя была благодарна за этот жест. Она села и сняла крышку с подноса. К сожалению, под ней оказалась лишь миска все с тем же супом. На жаркое с подливкой и тушеные вытянутые бобы, также причитавшиеся Элайде, не было и намека. Однако это была еда, за что желудок Эгвейн был признателен.

Элайда не приказывала ей отправляться за наказанием немедленно, поэтому приказ Сильвианы «поесть» получил приоритет. По крайней мере, у нее была отговорка. Она ела спокойно, в полном одиночестве. Суп и в самом

деле был острым, и на языке перец чувствовался ничуть не меньше, чем в запахе, но Эгвейн не возражала. Если не обращать на это внимания, то суп был вполне сносным. Ей даже оставили несколько ломтиков хлеба, хотя и горбушки. В целом не столь уж и плохой ужин для того, кто мог остаться вовсе без него.

Эгвейн ела, погрузившись в раздумья, под грохот кастрюль в соседнем помещении, где находилась Ларас с поварятами. Она удивилась собственному спокойствию. Она изменилась. Что-то в ней стало иным. Увидев Элайду, впервые за много месяцев наконец-то встретившись с соперницей, Эгвейн

взглянула на свои действия в новом свете. Раньше она считала, что подорвет авторитет Элайды и захватит власть в Белой Башне изнутри. Теперь она поняла, что подрывать авторитет Элайды ей не нужно — та и сама вполне с этим справлялась. Пожалуй, Эгвейн даже могла вообразить себе реакцию Восседающих и Глав Айя, когда Элайда объявит о своем намерении изменить Три Клятвы. Рано или поздно Элайда падет, с помощью Эгвейн или без нее.

Долг Эгвейн как Амерлин состоял не в том, чтобы ускорить это падение, а в том, чтобы сделать все возможное для сплочения Башни и ее

обитателей. Раздробленность для них более непозволительна. Ее задачей было сдержать грозившие всем хаос и разрушение и восстановить Башню.

Доев суп, используя последний кусочек хлеба, чтобы собрать остатки еды со стенок миски, Эгвейн поняла, что должна стать для Сестер в Башне олицетворением силы. Времени оставалось все меньше. Что делал Ранд с миром, пока за ним никто не присматривал? Когда Шончан двинутся на север? Чтобы добраться до Тар Валона, им придется пройти через Андор. К каким разрушениям это приведет? Конечно, у нее еще есть какое-то время, чтобы восстановить Башню, но его нельзя

терять.

Эгвейн отнесла миску на кухню и сама ее помыла, чем заслужила кивок одобрения от внушительной Госпожи Кухонь. После этого она направилась в кабинет Сильвианы. Ей нужно было как можно скорее закончить с наказанием. Ей еще хотелось этим вечером, как обычно, навестить Лиане. Эгвейн постучала и, открыв дверь, обнаружила Сильвиану сидящей за столом и листающей толстый том при свете двух серебряных ламп. Когда она вошла, Сильвиана заложила страницу кусочком красной материи и захлопнула книгу. Потертая обложка гласила: «Размышления о

разгорающемся Пламени: История
возвышения различных Амерлин.»
Любопытно.

Эгвейн присела на табуретку
перед столом, даже не вздрогнув от
мгновенно нахлынувшей острой боли
в ягодицах, и спокойно заговорила о
прошедшем вечере, умолчав, что она
намеренно опрокинула чашу с супом.
Однако она отметила, что уронила ее
после того, как Элайда заявила о
замене Трех Клятв. Сильвиана при
этом выглядела очень задумчивой.

— Что ж, — произнесла
Наставница Послушниц, поднимаясь
и доставая ремень, — сделаем, как
сказала Амерлин.

Эгвейн встала.

— Да, я сказала, — ответила она и расположилась на столе, задрав юбки и сорочку. Сильвиана помедлила, затем начала порку. Странно, но Эгвейн не чувствовала желания закричать. Было больно, конечно, но она просто не могла кричать.

Каким нелепым было это наказание! Она вспомнила боль, которую испытывала при виде Сестер, встречающихся в коридорах и смотревших друг на друга со страхом, подозрением и недоверием. Она вспомнила муку во время обслуживания Элайды от вынужденной сдержанности и молчания. И тот глубочайший ужас, охвативший ее при мысли, что все в

Башне будут связаны Клятвой подчинения этому тирану.

Эгвейн вспомнила, как ей стало жаль бедную Мейдани. Ни с одной Сестрой не должны обращаться подобным образом. Одно дело — лишить свободы и заточить женщину в темницу, но издеваться, играть с ней, намекая на предстоящие пытки? Это было невыносимо. Каждое из этих воспоминаний причиняло Эгвейн боль, словно нож, пронзающий сердце. Порка продолжалась, и Эгвейн поняла, что ничего из того, что еще они могли сделать с ее телом, не могло сравниться с той душевной болью, что она испытывала при виде

мучений Белой Башни под гнетом Элайды. По сравнению с этими душевными терзаниями порка была нелепой.

И тогда она рассмеялась. Смех не был притворным. Он не был вызывающим. Это был смех недоверия, неверия. Неужели они думали, что эти побои могут что-то изменить? Как нелепо!

Порка прекратилась. Эгвейн обернулась. Несомненно, это был еще не конец.

Сильвиана рассматривала ее с озабоченным выражением лица.

— Дитя? — спросила она. — С тобой все в порядке?

— Вполне.

– Ты... уверена? А с головой?

«Она думает, что я сломалась,
– поняла Эгвейн. – *Она бьет меня, а*
я смеюсь».

– С головой тоже, – ответила Эгвейн. – Я смеюсь не от того, что сломалась, Сильвиана. Я смеюсь, потому что бить меня глупо. – Сильвиана помрачнела. – Разве ты не видишь этого? – спросила Эгвейн. – Разве ты не чувствуешь боли, мучений, наблюдая за тем, как вокруг тебя рушится сама Башня? Может ли любая порка с этим сравниться? – Сильвиана не ответила.

«Теперь я понимаю, – подумала
Эгвейн. – *Я не осознавала, что*
делали айильцы. Я думала, что мне

просто нужно стать жестче, и тогда я научусь смеяться над болью. Но дело совсем не в этом. Не сила воли заставляет меня смеяться, а понимание. Позволить Башне пасть, позволить Айз Седай распасться — вот такая боль для меня страшна. Я должна остановить это, ведь я — Престол Амерлин».

— Я не могу отказаться от этих наказаний, — проговорила Сильвиана. — И ты это понимаешь.

— Конечно, — сказала Эгвейн. — Но, пожалуйста, напомни мне одну вещь. Что ты сказала про Шимерин? Как вышло, что Элайда так легко забрала у нее шаль?

— Шимерин смирилась, —

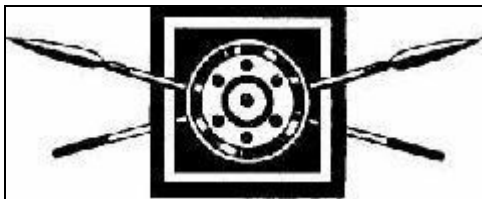
ответила Сильвиана. – Она вела себя так, будто и в самом деле лишилась шали. Она не сопротивлялась.

– Я не совершу этой ошибки, Сильвиана. Элайда может говорить все, что хочет, но это не изменит того, кто я и кто мы. Даже если она попытается изменить Три Клятвы, найдутся те, кто будет сопротивляться, кто будет сражаться за правду. И значит, когда ты бьешь меня, ты бьешь Престол Амерлин. А это так забавно, что мы можем посмеяться вместе.

Наказание продолжилось, и Эгвейн приняла боль, впустила ее в себя и сочла несущественной, с нетерпением ожидая завершения. Ей

столько еще предстояло сделать.

Глава 3. Вопросы Чести

Присев на вершине невысокого, покрытого травой холма в компании сестер по копьё и нескольких разведчиков Истинной Крови, Авиенда наблюдала за беженцами. Они являли собой жалкое зрелище — эти доманийские мокроземцы, чьи грязные лица несколько месяцев не

видели палатки-парильни, а истощенные дети были настолько измучены голодом, что даже не плакали. Единственный несчастный мул тянул свою сиротливую повозку среди сотен бедствующих людей; вещи, не поместившиеся в повозку, тащили на себе. Впрочем, и вещей у беженцев было немного. Они медленно брели на северо-восток вдоль пути, который лишь с большой натяжкой можно было назвать дорогой. Быть может, двигаясь в этом направлении, они надеялись достичь какого-нибудь поселения. Возможно, они просто бежали от неопределенности прибрежных земель.

Открытую холмистую местность изредка разнообразили небольшие группы деревьев. Беженцы не замечали Авиенду и ее спутников, несмотря на то, что их разделяло менее ста шагов. Она не понимала, как мокроземцы могут быть настолько слепы. Неужели они не следят за окрестностями, чтобы вовремя обнаружить опасность? Неужели они не осознают, что, двигаясь так близко к вершине холма, они сами позволяют следить за ними? Прежде, чем выдвигаться в этом направлении, мокроземцам следовало бы отправить на холм собственных разведчиков.

Неужто им все равно? Авиенда

почувствовала, как по коже побежали мурашки. Как можно не тревожиться о глазах, следящих за тобой, глазах, возможно, принадлежащих мужчине или Деве? Или же они так страстно желали очнуться ото сна? Авиенду не страшила смерть, но она знала, что принять смерть и желать ее — это далеко не одно и то же.

«Города, — подумала Авиенда, — в них все дело». Города были зловонными, гноящимися местами, вроде незаживающих язв. Некоторые были лучше других — например, Илэйн провела восхитительную работу с Кэймлином — но даже они вмещали слишком много людей и научили их, что удобнее сидеть на

одном месте. Если бы все эти беженцы привыкли путешествовать и научились использовать свои ноги, вместо того, чтобы полагаться на лошадей, как это часто делают мокроземцы, им было бы гораздо легче расстаться со своими городами. Среди Айил даже ремесленники были обучены постоять за себя, дети в течение многих дней могли самостоятельно добывать себе пищу, и даже кузнецы умели быстро преодолевать большие расстояния. Целый септ в течение часа мог прийти в движение, неся все необходимое на собственных спинах.

Мокроземцы — очень странный народ, вне всяких сомнений. И все

же Авиенде было жаль беженцев. Это чувство ее удивило. Она не была бессердечной, но ее долг находился далеко отсюда – с Рандом ал'Тором. У нее не было причин переживать из-за горстки мокроземцев, которых она никогда раньше не встречала. Однако за время, проведенное в обществе ее первой сестры, Илэйн Траканд, она поняла, что не все мокроземцы – слабые и безвольные люди. Лишь большинство из них. Забота о тех, кто не может позаботиться о себе сам, приносила *джи*.

Наблюдая за беженцами, Авиенда старалась смотреть на них глазами Илэйн, но методы

руководства Илэйн до сих пор оставались для нее загадкой. Это не было похоже на командование Девами в рейде – интуитивное и эффективное. Илэйн не стала бы наблюдать за беженцами в поисках опасности или скрытых врагов. Илэйн почувствовала бы ответственность за них, невзирая на то, что они не являлись ее подданными. Она постаралась бы снабдить их пищей, возможно, отправила бы собственный отряд для обеспечения их безопасности на пути к дому – и, сделав это, приобрела бы власть над этой частью страны.

Не так давно Авиенда не стала

бы забивать себе голову этими мыслями, оставив их вождям кланов или хозяйкам крова. Но она больше не была Девой Копья и уже смирилась с этим. Теперь она жила под другим кровом. Ей было стыдно, что она пыталась противиться этому так долго.

Однако ее положение не давало ей покоя. В чем теперь ее честь? Больше не Дева, еще не Хранительница Мудрости. Вся ее личность была неразрывно связана с копьями, ее «я» было заковано в их сталь так же верно, как уголь, придающий им твердость. Она с детства знала, что, когда вырастет, станет *Фар Дарайз Май*. Так и

случилось, она присоединилась к Девам Копья, как только это стало возможно. Она гордилась своей жизнью и своими сестрами по копью. И она служила бы своему клану и септу до тех пор, пока однажды не пала бы от копья, напоив своей кровью иссушенную почву Трехкратной Земли.

Но Трехкратная Земля была далеко, и Авиенда не раз слышала, как некоторые *алгай'д'сисвай* сомневались, суждено ли Айил когда-нибудь туда вернуться. Их жизнь изменилась. Авиенда не доверяла переменам. Их нельзя обнаружить или заколоть; они тише любого разведчика и смертоносней

любого убийцы. Нет, она никогда им не доверяла, но она их примет. Она обязательно научится поступать как Илэйн и мыслить как вождь.

Она обретет честь в своей новой жизни. Как-нибудь.

– Они не представляют угрозы, – прошептал Гейрн, притаившийся вместе с воинами Истинной Крови по другую сторону от Дев.

Руарк, наблюдавший за беженцами, напомнил:

– Мертвецы ходят, – произнес вождь клана Таардад, – и случайных людей поражает зло Затмевающего Зрение, их кровь портится как вода в прокаженном колодце. Возможно, это бедолаги, бегущие от ужасов

войны. А может быть, кто-то другой. Нам лучше не приближаться к ним.

Авиенда бросила последний взгляд на удаляющуюся колонну беженцев. Она была не согласна с Руарком; эти люди не были привидениями или монстрами. С теми всегда было что-то... не так. В их присутствии она испытывала зуд, словно перед нападением врага.

Впрочем, мудрость Руарка была неоспорима. Трехкратная Земля, где даже крошечная ветка способна убить, учит осторожности. Группа Айил спустилась с вершины холма на равнину, покрытую бурой травой. Даже спустя месяцы пребывания в мокрых землях окружающий пейзаж

казался Авиенде странным. Деревья здесь были высокими, с длинными ветвями, покрытыми слишком большим количеством почек. Когда Айил ступали на участки желтой весенней травы, встречавшиеся посреди опавшей зимней листвы, лиственно-травяной настил казался настолько насыщенным водой, что Авиенда ничуть не удивилась бы, если бы эти листья начали лопаться под ее ногами. Она слышала разговоры мокроземцев о неестественно затянувшемся наступлении этой весны, но даже такая весна была изобильней, чем у нее на родине.

В Трехкратной Земле эта низина

— включая холмы для организации наблюдательных постов и убежищ — была бы немедленно захвачена септом и использована для посевов. Здесь же это был просто один из тысячи других нетронутых клочков земли. Причиной этого опять же были города. Эта местность была слишком удалена от всех поселений, и потому, с точки зрения мокроземцев, была непригодна для ведения хозяйства.

Восемь айильцев скрытно и стремительно пересекли лужайку, расположившуюся между склонами холмов. Лошади не способны сравниться с ногами человека, взять хотя бы их оглушительной галоп.

Кошмарные животные – и почему мокроземцы предпочитают верховую езду? Непостижимо. Авиенда могла со временем понять и принять образ мыслей вождя или королевы, но она была уверена в том, что никогда не сможет полностью постичь мокроземцев. Все они слишком странные. Даже Ранд ал'Тор.

Особенно Ранд ал'Тор. Она улыбнулась, вспомнив его серьезный взгляд. Она помнила его запах – аромат мокроземского мыла, пахнущего маслом, смешанный с тем особенным земляным мускусным запахом, который принадлежал лишь ему одному. Она выйдет за него замуж. Она не сомневалась в этом,

так же как и Илэйн; теперь они стали первыми сестрами и могли вместе выйти за него замуж по всем правилам. Только как могла Авиенда выйти за кого-то замуж? Ее честь заключалась в ее копьях, но они были сломаны, а их наконечники перекованы в пряжку пояса, которую Авиенда сама подарила Ранду ал'Тору.

Однажды он сделал ей предложение. Мужчина! Предложение о браке! Еще один непонятный обычай мокроземцев. Но даже если не брать во внимание всю странность этого поступка и оскорбление, нанесенное им Илэйн, Авиенда никогда не признала бы

Ранда ал'Тора своим мужем. Как он мог не понять, что женщина должна придать браку честь? Что может предложить мужчине простая ученица Хранительниц Мудрости? Неужто он хотел видеть свою жену девчонкой на побегушках? Она бы не пережила такого позора!

Должно быть, он не понимал, что делает. Авиенда не думала, что его поступок вызван намеренной жестокостью — нет, скорее глупостью. Она придет к нему тогда, когда сама будет готова, и положит к его ногам свадебный венок. Но она не может сделать этого до тех пор, пока не познает себя.

Пути *джи'и'тох* очень сложны.

Авиенда знала, из чего складывается честь Девы, но Хранительницы Мудрости были совершенно иными созданиями. Ей казалось, что она начинала приобретать некоторый, пока еще очень малый, вес в их глазах. К примеру, они позволяли ей проводить много времени с первой сестрой в Кэймлине. Но потом неожиданно прибыли Доринда и Надере, и сообщили Авиенде о том, что она слишком мало внимания уделяет своему обучению. Они схватили ее как ребенка, тайком подслушивавшего у палатки-парильни, и отвели в распоряжение клана, направляющегося в Арад Доман.

увеличит ее позор. Пока она не докопается до причины, ей не исполнить свой *тох*. И что хуже всего, существовала опасность повторить ошибку вновь. Если ей не удастся найти выход из сложившейся ситуации, она навсегда останется ученицей Хранительниц Мудрости и никогда не сможет преподнести Ранду ал'Тору достойный свадебный венок.

Авиенда стиснула зубы. Будь на ее месте какая-нибудь другая женщина, она бы уже давно рыдала, но какую пользу могут принести рыдания? Неважно, в чем ее ошибка — она допустила ее сама, и теперь должна была исправить. Она

восстановит свою честь и выйдет замуж за Ранда ал'Тора до того, как он падет в Последней Битве.

А это, в свою очередь, означало, что, в чем бы ни была причина, она должна справиться с трудностями быстро. Очень быстро.

Разведчики вернулись к отряду, ожидавшему их на небольшой поляне под сенью сосен. Земля была усеяна бурой сосновой хвоей, а небеса разрезаны стволами деревьев. По меркам кланов и септов отряд был мал — всего около двух сотен людей. В центре, облаченные в привычные коричневые шерстяные юбки и белые блузы, стояли четыре Хранительницы Мудрости. Авиенда

носила схожие одежды, которые казались ей теперь настолько же естественными, как в свое время *кадин'сор*. Группа разведчиков распалась, мужчины и Девы поспешили присоединиться к членам своих кланов и сообществ. Руарк направился к Хранительницам Мудрости, и Авиенда последовала за ним.

Каждая из Хранительниц Мудрости – Эмис, Бэйр, Мелэйн и Надере – смерила ее взглядом. Бэйр, единственная в отряде айилка, не являвшаяся Таардад или Гошиен, прибыла совсем недавно, возможно для переговоров с другими Хранительницами. Какова бы ни

была причина, все они выглядели недовольными. Авиенда замерла в нерешительности. Если она сейчас улизнет, будет ли это расценено как попытка избежать их внимания? Или же стоит остаться, рискуя навлечь на себя еще большее недовольство?

— Итак? — Эмис обратилась к Руарку. Хотя волосы Эмис были белыми, она выглядела очень молодо. Это не было следствием работы с Силой — ее волосы начали приобретать серебристый оттенок в раннем детстве.

— Все было так, как описали разведчики, прохлада моего сердца, — ответил Руарк. — Еще одна группа несчастных беженцев-мокроземцев.

Я не заметил в них опасности.

Хранительницы Мудрости кивнули, так, как будто именно этого они и ожидали.

— Это десятая группа беженцев менее чем за неделю, — сказала Бэйр, выглядевшая гораздо старше остальных. Ее водянистые голубые глаза смотрели задумчиво.

Руарк кивнул.

— Ходят слухи, что Шончан атакуют западные гавани. Быть может, все эти люди уходят вглубь страны в надежде избежать нападения. — Он взглянул на Эмис. — Эта страна бурлит как вода, пролитая на очаг. Клань не понимают, чего хочет от них Ранд ал'Тор.

– Его указания были достаточно четкими, – заметила Бэйр. – Он будет доволен, если ты и Добрэйн Таборвин обеспечите безопасность Бандар Эбана, как он и просил.

– И все же его намерения мне непонятны, – сказал Руарк, снова кивнув. – Он просит нас восстановить порядок. Значит ли это, что мы должны выполнять функции городской стражи мокроземцев? Это занятие – не для Айил. Мы ничего не захватываем, и потому не можем взять пятую часть.

При этом наши действия больше похожи на завоевание. Приказы *Кар'а'Карна* ясны, но, в то же время, сбивают с толку. Мне кажется, он

обладает особым даром по этой части.

Бэйр улыбнулась, кивая.

— Быть может, он хочет, чтобы мы разобрались с этими беженцами.

— Но что нам с ними делать? — спросила Эмис, покачав головой. — Разве мы Шайдо, чтобы превращать мокроземцев в *гай'шайн*? — Тон Эмис ясно давал понять, что она думает о Шайдо и самой идее брать мокроземцев в качестве *гай'шайн*.

Авиенда кивнула, соглашаясь. Как сказал Руарк, *Кар'а'Карн* отправил их в Арад Доман, чтобы «восстановить порядок». Однако это был порядок в понимании мокроземца; Айил же устанавливали

свой порядок. Невзирая на хаос непрекращающихся войн и сражений, каждый айилец знал свои обязанности и был готов действовать в соответствии с ними. Даже маленькие дети понимали, что значит честь и *тох*, и холд продолжил бы существовать даже в случае гибели всех вождей и Хранительниц Мудрости.

У мокроземцев все было не так. Они вели себя как дикие ящерицы, которые, внезапно выпав из корзины на раскаленные камни, разбегались в стороны, не заботясь о провианте. Как только их предводители бывали заняты или отвлекались, сразу воцарялись разбой и беспорядок.

Сильные принимались притеснять слабых, и даже кузнецы не могли чувствовать себя в безопасности.

Что, по замыслу Ранда ал'Тора, Айил могли с этим поделать? Они не могли обучить *джи'и'тох* целый народ. Ранд ал'Тор приказал им избегать схваток с солдатами доманийцев. Однако эти солдаты — большей частью опустившиеся и превратившиеся в бандитов — сами были частью проблемы.

— Надеюсь, он объяснит больше, когда мы прибудем в его дом, — произнесла Мелэйн, покачав головой; ее рыжевато-золотистые волосы заблестели на солнце. Просторная блуза Хранительницы

Мудрости уже не скрывала ее беременности. — Даже если он не сделает этого, нам лучше остаться в Арад Домане, нежели тратить время на обратный путь в страну древоубийц.

— Как пожелаете, — согласился Руарк. — В таком случае нам следует выдвигаться. Нам еще предстоит долгий бег.

Он отошел, чтобы поговорить с Бэйлом. Авиенда собралась было унести ноги, но твердый взгляд Эмис заставил ее остановиться.

— Авиенда, — в голосе белокурой женщины звучала сталь, — сколько Хранительниц Мудрости отправилось на разведку каравана

беженцев вместе с Руарком?

— Только я, — призналась Авиенда.

— О, так ты теперь Хранительница Мудрости? — поинтересовалась Бэйр.

— Нет, — быстро ответила Авиенда, румянец стыда окрасил ее щеки. — Я неверно выразилась.

— Тогда ты должна быть наказана, — сказала Бэйр. — Ты больше не Дева Копья, Авиенда. Разведка — не твое дело. Это задача других.

— Да, Хранительница Мудрости, — произнесла Авиенда, опустив глаза. Она не думала, что уход с Руарком навлечет на нее позор — она видела,

как другие Хранительницы делают то же самое.

«Но я не Хранительница Мудрости, — напомнила она себе. — Я всего лишь ученица». Бэйр не сказала, что Хранительницы не могут ходить в разведку; она лишь сказала, что Авиенда не должна этого делать. Причина была в ней самой. И в чем-то, что она сделала — или, возможно, продолжала делать — и что сильно раздражало Хранительниц Мудрости.

Быть может, они думали, что она стала слишком мягкой за время, проведенное с Илэйн? Авиенда и сама беспокоилась, что это могло оказаться правдой. Во время

пребывания в Кэймлине она с удивлением обнаружила, что ей нравятся шелка и купание в ваннах. Дошло до того, что она могла выдать из себя лишь слабый протест, когда Илэйн приставала к ней с просьбами надеть какое-нибудь непрактичное и легкомысленное платье, украшенное вышивкой и кружевами. Хорошо, что кто-то в конце концов явился и забрал ее оттуда.

Эти кто-то стояли рядом, выжидаяще глядя на нее, с лицами, столь же бесстрастными и твердыми, как красные камни пустыни. Авиенда вновь стиснула зубы. Она закончит обучение и обретет честь.

Она делает это.

Поступил сигнал выдвигаться, и группы мужчин и женщин, одетых в *кадин'сор*, побежали небольшими группами. Несмотря на громоздкие юбки, Хранительницы Мудрости двигались так же легко, как и воины. Эмис дотронулась до руки Авиенды.

— Мы побежим вместе, и по пути сможем обсудить твое наказание.

Авиенда выбрала такой темп, чтобы не отставать от Хранительницы более чем на один локоть. Любой айилец мог сколь угодно долго удерживать эту скорость. Ее группа, выдвинувшаяся из Кэймлина, встретила с Руарком,

двигавшимся из Бандар Эбана на встречу с Рандом ал'Тором в западной части страны. Кайриэнец Добрэйн Таборвин все еще налаживал порядок в столице, где он, по слухам, обнаружил члена правящего совета Арад Домана.

Вообще, группа Айил могла преодолеть остаток пути при помощи Перемещения. Но поскольку место встречи находилось довольно близко — всего в нескольких днях пути — и они выдвинулись достаточно рано, чтобы прибыть в положенное время, было решено не прибегать к услугам Единой Силы. Руарк планировал сам разведать местность неподалеку от поместья, которое использовалось

Ранда ал'Тором в качестве его базы. После этого остальные отряды Гошиен и Таардад Айил должны были присоединиться к ним в лагере, в случае необходимости — с помощью Врат.

— Что ты думаешь о требовании *Кар'а'Карна* прибыть в Арад Доман, Авиенда? — спросила Эмис на бегу.

Авиенда собралась было нахмуриться, но сдержалась. А как же ее наказание?

— Это необычная просьба, — сказала Авиенда, — но у Ранда ал'Тора всегда много идей, странных даже для мокроземца. Думаю, это далеко не самое необычное поручение из всех, что он приготовил

для нас.

— Тебе не кажется, что Руарку не по себе от этих поручений?

— Не думаю, что они могут смутить вождя клана, — промолвила Авиенда. — Подозреваю, что Руарк передал Хранительницам Мудрости те слова, что слышал от других. Ему не хотелось навлечь на них позор, назвав имена тех, кто говорил о своих страхах.

Эмис кивнула. С какой целью она задала эти вопросы? Наверняка она сама пришла к таким же выводам. Едва ли ей нужен был совет Авиенды.

Некоторое время они бежали в тишине, не вспоминая о наказании.

Неужели Хранительницы Мудрости забыли о ее неизвестном прегрешении? Они не могли обесчестить ее таким образом. Авиенде нужно было время для того, чтобы обдумать свои поступки, иначе ее позор станет нестерпимым. Ведь она могла ошибиться снова, с куда худшими последствиями.

Эмис не внесла ясности в проблему, занимавшую Авиенду. Раньше Хранительница Мудрости была Девой Копья, так же как и она сама. Эмис была очень жесткой женщиной, даже для Айил.

— А сам ал'Тор? — спросила Эмис. — Что ты думаешь о нем?

— Я люблю его, — ответила

Авиенда.

– Я не спрашивала, о чем думает глупая девчонка Авиенда, – резко сказала Эмис. – Я спросила, что думает о нем Авиенда – Хранительница Мудрости.

– Он – человек с тяжким бременем, – Авиенда старалась тщательно подбирать слова. – Боюсь, что часть своего бремени он делает тяжелее, чем она того заслуживает. Раньше я считала, что есть только один способ стать сильной, но благодаря моей первой сестре я поняла, что ошибалась. Ранд ал'Тор... Думаю, он еще не понял этого. Меня беспокоит, что он принимает твердость за силу.

Эмис вновь кивнула головой, будто выражая одобрение. Быть может, все эти вопросы были своего рода проверкой?

— Ты собираешься выйти за него замуж? — спросила Эмис.

«Мне казалось, мы решили не говорить о «глупой девчонке» Авиенде», — подумала Авиенда, но, конечно же, не произнесла этого вслух. Никто не посмел бы сказать такое Эмис.

— Я выйду за него замуж, — сказала она вместо этого. — Это не возможность, а несомненный факт. — Тон, которым это было произнесено, вызвал быстрый взгляд со стороны Эмис, но Авиенда не смешалась.

Если Хранительница Мудрости ошибается – ее нужно поправлять.

– А что насчет мокроземки Мин Фаршав? – спросила Эмис. – Ясно, что она любит его. Как ты собираешься поступить с ней?

– Это мои заботы, – ответила Авиенда. – Мы придем к соглашению. Я разговаривала с Мин Фаршав и уверена, что мы найдем с ней общий язык.

– Вы станете первыми сестрами и с ней тоже? – поинтересовалась Эмис. В голосе Хранительницы чувствовалось, что ответ Авиенды ее позабавил.

– Мы достигнем согласия, Хранительница Мудрости.

— А что если нет?

— Мы сделаем это, — твердо ответила Авиенда.

— Как ты можешь быть в этом уверена?

Авиенда заколебалась. С одной стороны, ей хотелось промолчать, пробираясь сквозь заросли кустарника без листьев, и ничего не ответить Эмис. Но, с другой стороны, она была ученицей, и, хотя никто не мог заставить ее говорить, она знала, что Эмис не успокоится, пока не получит ответа. Авиенда надеялась, что своим ответом не навлечет на себя слишком много *тох*.

— Знаешь ли ты о видениях этой женщины — Мин? — наконец

спросила Авиенда.

Эмис кивнула.

— Одно из этих видений относилось к Ранду ал'Тору и трем женщинам, которых он полюбит. Другое было связано с моими детьми от *Кар'а'Карна*.

Больше она ничего не сказала, и Эмис не стала давить на нее. Этого было достаточно. Обе знали, что легче встретить Каменного Пса, бежавшего с поля боя, нежели отыскать несбывшееся видение Мин.

С одной стороны, хорошо было знать, что Ранд ал'Тор станет ее мужем, даже если ей придется делить его с другими. Она, конечно, не имела ничего против Илэйн, но

Мин... Авиенда даже толком не знала ее. Безусловно, удобно было знать, что с тобой будет. Но, в то же время, это внушало беспокойство. Любовь к Ранду ал'Тору была ее выбором, а не капризом судьбы. По существу, видение Мин не гарантировало, что Авиенда и вправду выйдет замуж за Ранда, поэтому, возможно, она ввела Эмис в заблуждение. Да, он полюбит трех женщин, и три женщины будут любить его, но удастся ли Авиенде сделать его своим мужем?

Нет, будущее не было определено, и, если задуматься, это обнадеживало Авиенду. В кого-то другого это вселило бы

беспокойство, но только не в нее. Она вернет свою честь и выйдет замуж за Ранда ал'Тора. Может быть, он умрет вскоре после этого, но, возможно, и она падет в этот день от стрелы врага, выпущенной из засады. Беспокойство ничем не поможет.

Однако *тох* - совсем другое дело.

— Я оговорилась, Хранительница Мудрости, — произнесла Авиенда. — Я предположила, что видение предрекло мне, что я выйду замуж за Ранда ал'Тора. Это не так. Мы, все трое, будем любить его, а подразумевает ли это замужество, я не знаю наверняка.

Эмис кивнула. Авиенда

поправила себя достаточно быстро, и потому не навлекла на себя *тох*. Это радовало. Ей не хотелось увеличить свой позор.

— Ну хорошо, — сказала Эмис, глядя на дорогу прямо перед собой. — Давай поговорим о твоём сегодняшнем наказании.

Авиенда немного расслабилась. Итак, у нее было достаточно времени, чтобы понять, что она сделала не так. Айильские наказания казались мокроземцам странными, но они вообще имели весьма слабое представление о чести. Честь не в том, чтобы быть наказанным; лишь приняв и выдержав испытание, ты можешь вновь обрести честь. В этом

вся суть *тох* – через добровольное унижение ты возвращаешь то, что было потеряно. Авиенду удивляла неспособность мокроземцев понять это; более того, было странно, что они сами интуитивно не следуют *джи'и'тох*. Зачем жить, не зная чести?

Эмис, правда, не скажет Авиенде, что она сделала не так. Но, поскольку раздумье не приносило никаких результатов, стоило попытаться найти ответ, побеседовав с Эмис. Это не нанесет слишком большого урона ее чести.

– Да, – осторожно начала Авиенда, – я должна быть наказана. За время, проведенное в Кэймлине, я

могла стать слабой.

Эмис фыркнула.

– Ты не слабее, чем была, когда носила копья, девочка. Я думаю, ты даже стала сильнее. Время, которое ты провела с первой сестрой, было очень важным для тебя.

Значит, дело было не в этом. Когда Доринда и Надере пришли за ней, они сказали, что ей необходимо продолжить обучение у Хранительниц Мудрости. Но за все время, пока они двигались в Арад Доман, Авиенда не получила ни одного урока. Ей поручали таскать воду, штопать шали и заваривать чай. Она подвергалась всем видам наказаний, так и не получив

толкового объяснения, в чем же она была не права. И всякий раз, когда она совершала какой-нибудь обыденный поступок — к примеру, сходила в разведку, когда ее не звали — ее наказывали куда строже, чем нарушение того заслуживало.

Ей уже начинало казаться, что наказания и есть та вещь, которой ее учили Хранительницы Мудрости, но этого просто не могло быть. Она не какая-нибудь мокроземка, чтобы ее обучали путям обретения чести. В чем был смысл постоянных необъяснимых наказаний, если не в предупреждении повторения какой-то серьезной ошибки?

Эмис, протянув руку к своему

боку, отвязала что-то, висевшее на талии. Она держала шерстяной мешочек размером с кулак.

— Мы решили, — сказала она, — что были слишком беспечны при твоём обучении. Время не ждёт, и мы больше не можем с тобой нежничать.

Авиенда скрыла свое удивление. Их прежние наказания были *нежными*?

— Поэтому, — продолжала Эмис, протягивая ей мешочек, — ты возьмешь это. Внутри — семена. Одни черные, другие коричневые, третьи белые. Сегодня вечером, перед сном, ты разложишь их по цветам и подсчитаешь число семян каждого цвета. Если ты ошибешься, мы

смешаем их снова, и ты начнешь сначала.

Авиенда обнаружила, что бежит, открыв рот от изумления, и едва не остановилась как вкопанная. Таскать воду — это полезный труд. Чинить одежду — это полезный труд. Готовить пищу также было необходимо, особенно когда в отряде не было *гай'шайн*.

Но это... Это была *бесполезная* работа! Не просто незначительная, а абсолютно ненужная. Это наказание применялось только к самым упрямым или навлекшим на себя наибольший позор людям. Это было... все равно, что услышать, как Хранительницы Мудрости объявили

ее да'тсанг.

— Ослепи меня Свет! —
прошептала Авиенда, заставляя себя
бежать дальше. — Что же я
натворила?

Эмис посмотрела на нее, и
Авиенда отвернулась. Они обе знали,
что ей не хочется услышать ответ на
свой вопрос. Авиенда молча взяла
мешочек. Это было самое
унизительное наказание из всех, что
когда-либо выпадали на ее долю.

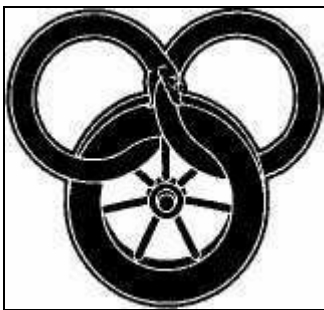
Эмис присоединилась к другим
Хранительницам Мудрости,
бежавшим неподалеку. Авиенда
сбросила оцепенение, к ней
вернулась решимость. Ее вина
оказалась серьезней, чем она

предполагала. Наказание,
придуманное Эмис, лишь
подтверждало это.

Авиенда открыла мешочек и
заглянула внутрь. Там находились
тысячи крохотных семян и три
маленьких мешочка из *алгода*, по
одному для зернышек каждого цвета.
Наказание специально было выбрано
так, чтобы все стали свидетелями
позора Авиенды. Что бы она ни
натворила, она нанесла оскорбление
не только Хранительницам
Мудрости, но и всем окружающим,
даже если они – как и сама Авиенда
– не знали об этом.

Это значит, что ей придется
настойчивей искать причину.

Глава 4. Сумерки

Гавин смотрел на запад, наблюдая за тем, как последние лучи заходящего солнца сжигают облака. Само солнце было окутано завесой беспросветного мрака, той же, что по ночам скрывала звезды. Облака сегодня были неестественно высокими. Часто в пасмурные дни

вершина Драконовой Горы была не видна, но эта густая серая мгла висела так высоко, что большую часть времени она едва касалась острой, сломанной верхушки.

– Нападем на них, – прошептал Джисао, прятаясь на вершине холма рядом с Гавином.

Гавин перевел взгляд с заходящего солнца на небольшую деревушку внизу. В ней все уже должны были разойтись по домам, кроме, возможно, какого-нибудь крестьянина, в последний раз проверяющего свою скотину перед сном. Улицы должны были погрузиться в темноту, и лишь несколько сальных свечей еще могли

светиться в окнах, пока люди завершали свою вечернюю трапезу.

Но темно не было. И не было ночного покоя. Деревня освещалась бушующим пламенем факелов в руках дюжины крепких мужчин. В свете этих факелов и угасающего солнца Гавин различал на них ничем не примечательную черно-коричневую форму. Он не мог видеть трех звезд на их эмблемах, но знал, что они там есть.

Со своей отдаленной позиции Гавин увидел, как из домов вывалились несколько новеньких с напуганными и обеспокоенными лицами и присоединились к остальным на переполненной

людьми площади. Эти крестьяне не были рады встрече с вооруженным отрядом. Женщины вцепились в детей, а мужчины осмотрительно не поднимали глаз. “Мы не хотим неприятностей” — демонстрировал их вид. Несомненно, они слышали от жителей других деревень, что эти захватчики были дисциплинированы. Солдаты платили за товары, а юношей не забирали на службу насильно — хотя и желающих не прогоняли. Очень необычно для нападающей армии. Но Гавин знал, что думали эти люди. Войско возглавляли Айз Седай, а кто мог сказать, что обычно, а что нет, когда в дело были замешаны эти

женщины?

Хвала Свету, с этим патрулем сестер не было. Вежливые, но строгие солдаты выстроили жителей в шеренгу и тщательно их осмотрели. Затем пара патрульных обследовала каждый дом и амбар. Они ничего не взяли и ничего не сломали. Все прошло четко и точно. Гавину даже казалось, что он слышит, как офицер приносит мэру свои извинения.

— Гавин? — спросил Джисао. — Я насчитал только дюжину. Если мы отправим отряд Родика зайти с севера, то отрежем их с обеих сторон и раздавим между нами. Уже достаточно стемнело, и они не заметят нашего приближения. Взять

их будет совсем не сложно.

— А жители? — спросил Гавин. — Среди них есть дети.

— Раньше нас это не останавливало.

— Раньше все было по-другому, — ответил Гавин, качая головой. — Последние три деревни, которые они обыскали, указывают прямо на Дорлан. Если пропадет этот отряд, следующему захочется узнать, что же это они здесь чуть не обнаружили. Мы привлечем внимание целой армии.

— Но...

— Нет, Джисао, — мягко сказал Гавин, — мы должны знать, когда отступить.

– Значит, мы зря проделали весь этот путь.

– Мы проделали его ради возможности, – произнес Гавин, пятясь с вершины, чтобы не выделяться на фоне горизонта. – А теперь, когда я изучил эту возможность, мы не станем ее использовать. Только дурак пускает стрелу лишь потому, что видит перед собой птицу.

– Но почему бы не выстрелить, если птица прямо перед носом? – спросил Джисао, присоединяясь к Гавину.

– Потому, что иногда результат не стоит стрелы, – ответил Гавин. – Идем.

Внизу, в темноте, с занавешенными фонарями стояла часть тех, кого искали солдаты в деревне. Должно быть, Гарет Брин был сильно раздосадован, узнав о разбойничьем отряде, скрывающемся где-то поблизости. Он усердно пытался выдавить их, но местность вблизи Тар Валона была щедро усеяна деревушками, лесами и укромными лощинами, в которых мог укрыться небольшой и подвижный ударный отряд. До сих пор Гавину удавалось скрывать своих Отроков, время от времени совершая удачные вылазки или устраивая засады войскам Бриана. Это было все, что можно было сделать с тремя

сотнями человек. Особенно если имеешь дело с одним из пяти Великих Полководцев.

«Неужели мне суждено сражаться с каждым, кто когда-либо был моим наставником?» — Гавин взял поводья своего коня и отдал безмолвный приказ отступить, подняв правую руку и резко указав ей в направлении от деревни. Люди двинулись без лишних вопросов, пешими, ведя лошадей под уздцы, чтобы не привлекать внимания.

Гавин думал, что уже смирился со смертью Хаммара и Коулина; сам Брин учил его тому, что иногда на поле боя союзники внезапно становятся врагами. Он сразился со

своими бывшими учителями, и он победил. И хватит об этом.

Однако в последнее время его память, казалось, упорно откапывала эти тела и постоянно напоминала ему о них. Почему теперь, когда прошло столько времени?

Гавин подозревал, что чувство вины было вызвано встречей с Брином, его первым и самым важным учителем искусства войны. Он помотал головой, ведя Вызова сквозь сгущающиеся сумерки. Он старался вести людей подальше от дороги, на случай, если разведчики Брина расставили часовых. Полсотни бойцов Гавина старались идти как можно тише, а упругая земля

заглушала стук лошадиных копыт.

Если Брин был удивлен нападением на своих разведчиков, то Гавин был удивлен не меньше, обнаружив те три звезды на форме убитых им людей. Как смогли враги Белой Башни привлечь величайшего военного гения Андора? Что вообще делал Капитан-Генерал Королевской Гвардии, сражаясь на стороне мятежных Айз Седай? Он должен был быть в Кэймлине и защищать Илэйн.

Ниспошли Свет, чтобы Илэйн добралась до Андора. Она не могла оставаться с мятежницами, когда ее страна нуждалась в королеве. Ее долг перед Андором был важнее долга

перед Белой Башней.

«А как же твой долг, Гавин Траканд?» – подумал он про себя.

Он не был уверен в том, что у него все еще оставался долг. Или честь. Возможно, чувство вины перед Хаммаром и кошмары о битве и смерти у Колодцев Дюмай были вызваны постепенным осознанием того, что он мог выбрать не ту сторону. Его верность принадлежала Илэйн и Эгвейн. Что же тогда он до сих пор делал здесь, сражаясь в битве, до которой ему не было дела, на стороне, по всей видимости, противоположной той, что выбрали они?

«Они всего лишь Принятые», –

сказал он себе. – *«Илэйн и Эгвейн не выбирали сторону – они лишь делают то, что им приказано!»* – Но все, сказанное ему Эгвейн месяцы назад в Кайриэне, говорило о том, что решение она приняла сама.

Она выбрала свою сторону. Хаммар выбрал сторону. Гарет Брин, несомненно, выбрал сторону. И только Гавин желал оставаться на обеих сторонах сразу. Это противоречие разрывало его на части.

Через час Гавин приказал сесть на лошадей и двигаться к дороге. Он надеялся, что разведчики Бриана не станут продолжать поиски за пределами деревни. Если же станут,

то следы пятидесяти всадников будет сложно не заметить. Этого не избежать. Поэтому лучшее, что можно сделать, это добраться до твердой земли, где их следы скроет тысячелетнее дорожное движение. Две пары бойцов выдвинулись вперед, еще две пары приотстали, заняв свои посты. Остальные сохраняли тишину, несмотря на оглушительный стук копыт перешедших на галоп лошадей. Никто не спросил, почему они отступают, но Гавин знал, что этот вопрос их интересует так же, как и Джисао.

Они были хорошими людьми. Наверное, даже слишком хорошими.

Пока они ехали, Раджар поравнялся с Гавином. Еще несколько месяцев назад он был юнцом. Но теперь Гавин не мог думать о нем иначе, чем как о солдате, ветеране. Некоторые наживают опыт годами. Другие – в течение месяцев, видя, как гибнут их друзья.

Взглянув наверх, Гавин не увидел звезд. Они прятали от него свои лица за облаками, как айильцы за черными вуалями.

– Где мы ошиблись, Раджар? – спросил он, продолжая скакать.

– Ошиблись, Лорд Гавин? – переспросил Раджар. – Я не думаю, что мы где-то ошиблись. Мы не могли знать заранее, какие деревни

решил осмотреть этот патруль, и что он не повернет на старый Фургонный Тракт, как вы надеялись. Кого-то это, возможно, и озадачило, но отступить было правильным решением.

— Я говорил не о вылазке, — сказал Гавин, покачав головой. — Я говорил о том растреклятом положении, в котором мы оказались. Ты не должен был участвовать в набеге за припасами и тратить время, убивая лазутчиков; сейчас ты уже был бы Стражем у какой-нибудь новоиспеченной Айз Сeday. — *«А я — я должен был вернуться в Кэймлин, к Илэйн».*

— Колесо плетет так, как желает Колесо, — ответил его более низкий

спутник.

— Что ж, тогда оно вплело нас в дыру, — пробормотал Гавин, вновь бросая взгляд на затянутое облаками небо. — И Элайда не очень спешит вытащить нас из нее.

Раджар укоризненно посмотрел на Гавина.

— У Белой Башни свои методы и мотивы, лорд Гавин. Не нам о них судить. Что хорошего в Страже, подвергающем сомнению приказы своей Айз Седай? Это отличный способ погубить обоих, вот что я скажу.

«Ты не Страж, Раджар. Вот в чем проблема!» Гавин промолчал. Похоже, никого из Отроков не

беспокоили эти вопросы. Для них мир был намного проще. Выполняя то, что приказывает Белая Башня и Престол Амерлин. И неважно, если эти приказы кажутся созданными для того, чтобы убить тебя.

Три сотни юнцов против более чем пятидесяти тысяч закаленных солдат под началом самого Гарета Брина? Желала того Амерлин или нет, но это была смертельная ловушка. Единственной причиной, по которой Отроки смогли продержаться столь долго, было знакомство Гавина с методами своего учителя. Он знал, куда Брин будет посылать патрули и разведчиков, и знал, как ускользнуть из его сетей.

И все равно усилия были тщетными. Гавину не хватало людей для серьезных атак, тем более, когда рядом был окопавшийся для осады Брин. Кроме того, поразительной чертой было полное отсутствие линий снабжения. Откуда они брали продовольствие? Они закупались в близлежащих деревнях, но этого было явно мало, чтобы всех прокормить. Как они вообще смогли принести с собой все необходимое, двигаясь при этом так быстро, чтобы неожиданно появиться в середине зимы?

Атаки Гавина были практически бессмысленны. Этого было достаточно, чтобы понять, что

Амерлин просто хочет избавиться от него и его Отроков. До Колодцев Дюмай у него были подозрения на этот счет. Теперь же он все больше в этом уверялся. *«И, несмотря на это, ты продолжаешь следовать ее приказам»*, – подумал он про себя.

Он потряс головой. Разведчики Брина были в опасной близости от его лагеря, и он больше не мог убивать их, не выдавая этим себя. Настало время вернуться в Дорлан. Возможно, у Айз Седай были мысли о том, что делать дальше.

Гавин прижался к коню и продолжил ночную скачку. *«Свет, хотел бы я видеть звезды»*, – подумал он.

Глава 5. Рассказ о крови

Ранд шел по изрытому копытами
лугу мимо развевающихся на ветру
знамен и растянутых палаток. С
дальнего западного конца лагеря со
стороны коновязей слышалось
конское ржание. Повсюду

чувствовался стойкий запах отлично устроенного военного лагеря: дым и запах от готовящейся в походных котлах пищи затмевал изредка доносящийся запах лошадиного навоза и немытых тел.

Люди Башира организовали очень опрятный бивак, занимаясь тысячей разных дел, без которых невозможно представить армию: правкой мечей, промасливанием кожаных доспехов, починкой седел и доставкой воды из ручья. Слева, на противоположном краю луга, где оставалось место между рядами палаток и худосочными деревцами, растущими по берегам ручья, группа всадников проводила учебные атаки.

Пролетая на лошадях по разбитой полоске луга, солдаты старались удерживать на цели свои сверкающие копья. Целью упражнений было не только поддерживать их навыки, но и дать размяться лошадям.

Как всегда, за Рандом следовал целый хвост из свиты. Девы несли стражу, при этом Айил с опаской поглядывали на солдат-салдэйцев. С каждой стороны от Ранда находилось несколько Айз Седай – теперь он без них никуда. Узор не оставил места его прежнему желанию держать всех Айз Седай на расстоянии вытянутой руки. Колесо плело так, как желало само, и, как показал опыт, Ранд нуждался в этих Айз Седай. Его

желания больше не имели значения, теперь он это ясно понимал.

Лишь небольшое облегчение доставляло то, что многие Айз Седай, находившиеся в лагере, поклялись ему в верности. Всякий знает, что Айз Седай по-своему понимают любую клятву, и они сами решат, что для них будет означать их «верность».

Элза Пенфелл – его сегодняшняя спутница – была одной из тех, кто принес клятву верности. У Зеленой сестры было довольно милое лицо, если забыть про накладываемый на него отпечаток безвозрастности Айз Седай. Для Сестры она была приятной, несмотря на то, что

участвовала в похищении Ранда и держала его в ящике, извлекая на свет только ради очередных побоев.

На задворках его разума зарычал Льюс Тэрин.

Это все в прошлом. Элза принесла Ранду клятву. Этого достаточно, чтобы ее использовать. Вторая его спутница была менее предсказуема — она была частью свиты Кадсуане. Худая Желтая сестра с голубыми глазами, темными пышными волосами и вечной улыбкой — Кореле Ховиан — не давала никакой клятвы поступать так, как он требовал. Несмотря на это, он чувствовал соблазн доверять ей, поскольку она уже однажды

пыталась спасти ему жизнь. Только благодаря ей, и еще Самитзу и Дамеру Флинну, Ранд смог выжить. Одна из двух незаживающих ран в его боку осталась напоминанием о том дне, как подарок от проклятого кинжала Падана Фейна. Нескончаемая боль от ее разлагающегося зла перекрывала боль прежней раны, полученной давным-давно в схватке с Ишамаэлем.

Скоро из одной из этих ран, а может, и из обеих сразу, прольется его кровь на камни Шайол Гул. Он не был уверен, они ли станут причиной его смерти или нет; с таким обилием источников угрозы для жизни Ранда

даже Мэт не смог бы сделать верной ставки...

Едва Ранд подумал о Мэте, его взор заслонило видение – жилистый кареглазый парень в широкополой шляпе готовился к броску костей в окружении небольшой группы зрителей, состоящей из солдат. На губах Мэта была усмешка, он как обычно выступал на публику, но не было похоже, чтобы кто-то делал ставки на этот бросок.

Видения появлялись, едва он начинал думать о Мэте или Перрине, и Ранд перестал пытаться от них избавиться. Он понятия не имел, почему они возникали. Возможно, это его природа *та'верен*

пересекалась с двумя другими *та'верен* из его родной деревни. Чем бы это ни было, он пользовался этой возможностью. Всего лишь еще один инструмент. Похоже, Мэт оставался с Отрядом Красной Руки, но больше не скрывался по лесам. Было тяжело определить под этим углом, но, похоже, он находился где-то неподалеку от города. По крайней мере, поблизости от широкой дороги.

Уже какое-то время рядом с Мэтом не появлялась крохотная темнокожая женщина. Кто она? Куда исчезла?

Видение пропало. Хорошо бы Мэт поскорее вернулся. Мэт нужен ему у Шайол Гул, с его тактическим

гением.

Один из квартирмейстеров Башира — сутулый мужчина с кривыми ногами и пышными усами — заметил Ранда и быстрым шагом направился навстречу. Ранд махнул ему рукой. Ему сейчас было некогда выслушивать рапорт о снабжении. Квартирмейстер мгновенно отдал честь и вернулся к своим делам. Когда-то Ранд удивлялся, насколько быстро ему подчиняются. Теперь удивление прошло — для солдат исполнительность была естественным делом. Ранд был своего рода королем, хотя и не носил сейчас Корону Мечей.

Пройдя мимо всех палаток и

коновязей, Ранд миновал незаконченную земляную насыпь и вышел из лагеря. Здесь начиналась сосновая роща, которой порос плавно спускающийся склон холма. Притаившись среди деревьев, здесь находилась площадка для Перемещений — огороженный веревками в целях безопасности квадратный кусок земли.

Один проход как раз был открыт. Небольшая группа людей проходила сквозь него, ступая на покрытую опавшей сосновой хвоей землю. Ранд мог видеть плетение Врат, значит, они были созданы с помощью *саидин*.

Большая часть прибывших была

одета в разноцветные одежды Морского Народа. Несмотря на прохладную погоду, торсы мужчин были обнажены, а на женщинах были свободные яркие блузы. На всех были надеты широкие штаны, и все они носили серьги в ушах или носах — сложную систему украшений, указывающую на соответствующий статус каждого человека...

Пока он ждал прибытия оставшихся представителей Морского Народа, один из солдат, охранявших площадку для Перемещений, подошел к нему с запечатанным посланием. Письмо было отправлено с помощью Аша'мана от одного из союзников

Ранда на востоке. И в самом деле, когда он вскрыл его, оказалось, что оно от Дарлина, короля Тира. Покидая его, Ранд отдал приказ готовить армию к маршу на Арад Доман. Теперь сборы армии закончились и Дарлин – в который раз – запрашивал новые приказы. Разве никто не может просто делать то, что им было сказано?

– Отправьте гонца, – приказал Ранд солдату, нетерпеливо убирая письмо. – Передайте Дарлину продолжать мобилизацию. Я желаю, чтобы он собрал каждого тайренца, способного держать в руках оружие, а так же обучил их сражаться или определил в походные мастерские.

Последняя Битва близко. Очень близко.

– Да, милорд Дракон, – отдав честь, ответил солдат.

– Передайте ему, что я отправлю Аша'мана, когда захочу, чтобы он выступил, – продолжил Ранд. – Я не отказался от мысли задействовать его в Арад Домане, но сперва хочу узнать, что выяснили Айил.

Солдат поклонился и отступил в сторону. Ранд повернулся к Морскому Народу. Одна из них как раз направлялась в его сторону.

– Корамур, – обратилась она, кивнув. Харине была симпатичной женщиной средних лет с сединой в волосах. Ее светло-голубого цвета

блуза была настолько яркой, что была способна впечатлить даже Лудильщика. У нее было по пять колец в каждом ухе и золотая цепочка с золотыми медальонами, идущая от носа.

— Я не ожидала, что ты придешь встретить нас лично, — продолжила она.

— У меня есть к вам вопросы, не терпящие отлагательства.

Харине выглядела пораженной. Она была послом Морского Народа к Корамуру, как звали у них Ранда. Они так взбесились из-за того, что Ранд столько времени провел без их присутствия, что он пообещал постоянно держать кого-нибудь из

них поблизости, хотя Логайн отметил, что они с неохотой отправили Харине обратно. Почему? Может она получила повышение и стала слишком важной персоной, чтобы состоять при нем? Разве кто-то может быть слишком важным для посла к Корамуру? Чем больше он узнавал о Морском Народе, тем меньше понимал.

— Я постараюсь на них ответить, — осторожно ответила Харине. За ее спиной носильщики проносили через ворота остатки ее вещей. Флинн оставался по другую сторону, удерживая проход открытым.

— Хорошо, — сказал Ранд, прохаживаясь перед ней взад-вперед

во время разговора. Порой он чувствовал невероятную усталость — до самых печенок — но знал, что должен продолжать двигаться. Никогда не останавливаться. Если он остановится, враги его обнаружат. Либо из-за умственного и физического переутомления он тут же упадет.

— Скажи, — приказал он, не останавливая движения. — Где обещанные вами корабли? Доманийцы голодают, а зерно гниет в восточных портах. Логайн говорит, вы согласились с моими требованиями, но я что-то не вижу кораблей. Прошло несколько недель!

— Наши корабли быстры, —

раздраженно ответила Харине. – Но не забывайте про большое расстояние и то, что нам приходится плыть через воды, патрулируемые Шончан. Захватчики очень скрупулезны, и нашим кораблям приходится их избегать и даже в некоторых случаях спастись бегством. Вы ожидали, что мы сумеем доставить провизию немедленно? Возможно, из-за уверенности в этих ваших Вратах вы стали слишком нетерпеливым, Корамур. Мы же вынуждены мириться с реалиями мореплавания и войной, даже если вам этого не хочется.

Тон, которым она это

произнесла, говорил о том, что и ему придется с этим смириться.

– Я жду от вас результатов, – покачив головой, ответил Ранд. – Никаких задержек. Я знаю, вам не нравится, когда вас принуждают выполнять обязательства, но я не потерплю от вас никаких задержек только затем, чтобы отстоять собственную позицию. Из-за вашего промедления умирают люди.

Харине словно дали пощечину:

– Корамур, конечно, на самом деле не думает, что мы можем не выполнить нашу Сделку?

Морской Народ по своей природе упрям и горд, а Госпожи Волн из них – самые-самые. Им бы

посоревноваться с Айз Седай. Он помедлил. *«Мне не следовало давить на нее так сильно только потому, что я расстроен из-за других дел».*

— Нет, — наконец, ответил он. — Конечно же, я так не думаю. Ответь мне, Харине, как сильно тебя наказали за твою часть соглашения?

— Меня подвесили за ноги обнаженной и секли, пока я не обессилела и не перестала кричать, — едва она это произнесла, ее глаза расширились от шока. Часто, под воздействием природы *та'верен* Ранда, люди выбалтывали то, о чем не собирались рассказывать.

— Так сурово? — искренне пораженный, воскликнул Ранд.

– Все не так уж плохо, как могло быть. Я осталась Госпожой Волн моего клана.

Но было очевидно, что она потеряла часть авторитета, или заработала огромный *тох*, или как там треклятый Морской Народ называет честь. Даже в свое отсутствие он причиняет боль и страдания!

– Я рад твоему возвращению, – выдавил он из себя, наконец, без улыбки, но более мягким тоном. Это было лучшее из всего, на что он был способен. – Ты меня потрясла, Харине, своей стойкостью.

Она благодарно кивнула.

– Мы исполним нашу Сделку,

Корамур. Можете о ней не беспокоиться.

Но его беспокоил еще один вопрос:

— Харине. Я хотел бы задать один деликатный вопрос о вашем народе.

— Можете спрашивать. —
Ответила она настороженно.

— Как Морской Народ поступает с мужчинами, способными направлять?

Она заколебалась.

— Эти знания не положено знать привязанным к суше.

Ранд посмотрел ей в глаза.

— Если ты ответишь, я в ответ отвечу на любой твой вопрос, —

лучший способ общаться с Ата'ан Миейр не давить или угрожать, а предложить обмен.

Она подумала и сказала:

– Согласна, но только если вы ответите на два моих вопроса.

– Я отвечу на один вопрос, Харине, – ответил он, подняв палец. – Но обещаю ответить максимально правдиво. Это честная сделка, и ты это знаешь. Я теряю терпение.

Харине прижала палец к губам:

– Значит, в Свете – согласие достигнуто.

– Верно, – согласился Ранд. – В Свете. Итак, ответ на мой вопрос?

– Мужчинам, которых вы имели в виду, дают выбор, – ответила

Харине. – Они могут сделать шаг с носа своего корабля с камнем в руках, который привязан к ногам, либо их высадят на необитаемый остров без пищи и воды. Второй вариант более позорный, но некоторые, чтобы пожить еще немного, делают этот выбор.

Не так уж отличается от обычая его собственного народа укрощать мужчин.

– *Саидин* теперь чиста, – сказал он, обращаясь к ней. – Теперь этот обычай следует прекратить.

Она надула губы, глядя на него.

– Ваши... мужчины говорили об этом, *Корамур*. Некоторым будет трудно это принять.

– Это правда, – твердо ответил он.

– Я не сомневаюсь, что вы в это верите.

Ранд сжал зубы, сдерживая очередной взрыв гнева. Его здоровая рука сжалась в кулак. Он *убрал* порчу! Он, Ранд ал'Тор, исполнил то, чего не бывало со времен Эпохи Легенд! И как это воспринимается окружающими? С сомнением и подозрением. Большинство просто считают его сумасшедшим, вообразившим «очищение», которого в действительности никогда не было.

К способным направлять мужчинам всегда относились подозрительно. Но только они могли

подтвердить слова Ранда! Он рассчитывал на радость и восхищение его победой, но ему следовало бы понять, что так не будет. Несмотря на то, что когда-то мужчины Айз Седай были столь же уважаемы, как их коллеги-женщины, это было слишком давно. Дни Джорлена Корбесана прошли и потерялись в веках. Все вокруг помнят только Разлом и Безумие.

Они ненавидят направляющих мужчин. И тем не менее, следуя за Рандом, они служат одному из них. Разве для них не очевидно это противоречие? Как же их убедить, что больше нет причин убивать тех, кто может прикасаться к Единой

Силе? Они *нужны* ему! Среди тех, кого Морской Народ бросил в пучину океана, мог оказаться второй Джорлен Корбесан!

Он застыл. До Разлома Джорлен Корбесан был одним из самых талантливых Айз Седай, создавшим одни из самых потрясающих *тер'ангриалов*, когда-либо виденных Рандом. Правда, Ранд их не видел. Это были воспоминания Льюса Тэрина, а не его собственные. Лаборатория Джорлена в Шароме была уничтожена, а сам он погиб из-за отдачи Силы при бурении Скважины.

«О, *Свет!*», — подумал в отчаянии Ранд. — «*Я растворяюсь...*

растворяюсь в нем».

А самым пугающим было то, что Ранд больше не желал отталкивать Льюса Тэрина. Он знал способ запечатать Скважину, пусть не идеально, но Ранд-то вообще не имел представления, с какой стороны подступить к этой задаче. Судьба всего мира могла зависеть от воспоминаний погибшего безумца.

Окружающие Ранда люди выглядели потрясенными, а у Харине был одновременно неловкий и слегка испуганный вил. Ранд понял, что снова бормотал себе под нос, и резко себя оборвал.

— Я принимаю твой ответ, — выдавил он. — Каков твой вопрос?

– Я задам его позже, – ответила она. – Мне нужно подумать.

– Как пожелаешь, – он развернулся. Его свита из Айз Седай, Дев и прочих, последовала за ним. – Стража площадки для Перемещений проводит тебя в твою комнату и доставит вещи. – Их оказалась целая гора. – Флинн, за мной!

Пожилой Аша’ман проскочил во Врата, едва последний носильщик прошел на другую сторону к портовым докам. Он дождался, пока проход не сожмется в тонкую сверкающую полосу и исчезнет совсем, а затем поспешил следом за Рандом. Он перемигнулся и обменялся улыбками с Кореле,

связавшей его узами Стража.

— Извините, что заставил столько ждать моего возвращения, лорд Дракон.

У Флинна было покрытое морщинами лицо, и на макушке остался всего лишь клочок волос. Он был скорее похож на фермера, каких Ранд неоднократно встречал в Эмондовом Лугу, но, несмотря на это, он всю жизнь был солдатом. Флинн явился к Ранду, так как хотел научиться Исцелению, а вместо этого Ранд превратил его в смертоносное оружие.

— Ты исполнил приказ, — ответил Ранд, возвращаясь к лугу. Ему хотелось обвинить именно Харине в

предвзятости целого мира, но это было бы нечестно. Нужен иной выход — способ заставить остальных прозреть.

— У меня всегда неважно получались Переходные Врата, — продолжил Флинн. — Не то, что у Андрола. Мне бы следовало...

— Флинн! — оборвал его Ранд. — Достаточно.

Аша'ман покраснел.

— Прошу прощения, милорд Дракон.

В стороне Кореле мягко рассмеялась, потрепав Флинна по плечу.

— Не злись на него, Дамер, — пожурела она его с легким

мурандийским акцентом. — Он с самого утра похож на зимний буран.

Ранд оглянулся на нее, но в ее улыбке не было и признака фальши. Независимо от того, что Айз Седай в целом думали о мужчинах, способных направлять Силу, те, что взяли себе в Стражи Аша'манов, были заботливы, словно наседки со своим потомством. Она связала узами одного из его людей, но это не отменяло факт того, что он остался его человеком. Он — Аша'ман, и это основное, и уже потом — Страж.

— Что скажешь, Элза? — спросил Ранд, поворачиваясь ко второй Айз Седай. — Я имею в виду порчу и то, что сказала Харине?

Круглолицая женщина не торопилась с ответом. Она шла, заложив руки за спину. На ее темно-зеленом платье был совсем немного вышивки. Очень практично для Айз Седай.

— Если милорд Дракон утверждает, что порча была очищена, — осторожно ответила она, — не стоит высказывать сомнение при посторонних слушателях.

Ранд поморщился. Типичный ответ Айз Седай. С клятвой или без, Элза поступает так, как хочет.

— О! Мы же обе были в Шадар Логоте, — закатила глаза Кореле. — Мы обе видели то, что ты сделал, Ранд. Кроме того, когда мы

соединяемся с милым Дамером, я могу чувствовать мужскую половину Силы. Она изменилась. Порча ушла. И это ясно как день, хотя направлять мужские потоки все равно, что бороться со смерчем.

– Да, – ответила Элза. – Но, тем не менее, вам, лорд Дракон, нужно понимать, насколько трудно остальным будет в это поверить. Во времена Безумия потребовались десятилетия, чтобы осознать, что мужчины Айз Седай приговорены сойти с ума. Скорее всего, потребуется не меньше времени, чтобы вновь преодолеть столь въевшееся во всех недоверие.

Ранд заскрипел зубами. Они

добрались до небольшого холма на краю лагеря, находившегося сразу за земляным валом. Он продолжил подниматься наверх, Айз Седай последовали следом. Здесь был устроен невысокий деревянный помост – подобие защитной башни для лучников, чтобы было удобнее стрелять поверх насыпи.

Ранд ступил на самый верх холма. Его тут же окружили Девы. Оглядывая четко спланированный салдэйский лагерь, он едва замечал солдат, отдающих ему честь.

И это все, что останется после него? Порча очищена, но мужчин до сих пор убивают или изгоняют за то, с чем они не могут справиться? Он

связал с собой большинство народов. Но ему было отлично известно, чем туже привязь, тем сильнее она щелкает, если ее разрезать. Что случится после его смерти? Войны и опустошение, сравнимые с Разломом? Он ничем не смог помочь в прошлый раз, когда им овладели безумие и печаль после гибели Илиены. Способен ли он предотвратить повторение подобного? Существует ли выбор?

Он — *та'верен*. Вокруг него изгибался и формировался Узор. И, вдобавок, он быстро выучил один урок о королевской жизни: чем больше власти у короля, тем меньше он властен над собой. Долг

действительно тяжелее горы. Он не реже пророчеств толкает тебя под руку. Или они – одно и то же? Едины ли долг и пророчество? Природа *та'верен* и место в истории? Способен ли он изменить свою жизнь? Может ли он оставить после себя лучший мир, а не напуганное, растерзанное и истекающее кровью человечество?

Он смотрел на лагерь, в котором шли по своим делам люди, паслись в поисках клочка пожухлой недоеденной травы лошади. Несмотря на то, что Ранд приказал армии двигаться налегке, все равно остался обоз – женщины, что стирают и готовят еду, кузнецы,

конюхи, чтобы приглядывать за лошадьми и имуществом, мальчишки, которых использовали на посылках и учили обращаться с оружием. Салдэя была страной на границе с Запустением, и война была их образом жизни.

— Порой я им завидую, — прошептал Ранд.

— Милорд? — переспросил Флинн, шагнув ближе.

— Людям в лагере, — пояснил Ранд. — Они исполняют приказы, каждый день исполняют, и порой весьма жесткие, но, несмотря на это, они гораздо свободнее меня.

— Свободнее вас, милорд? — почесав узловатым пальцем

покрытое морщинами лицо, снова переспросил Флинн. – Вы же самый могущественный человек на свете! Вы – *та’верен*! Я думал, вам подчиняется даже Узор!

Ранд покачал головой.

– Все не так, Флинн. Те люди внизу, они в любой момент могут уехать, куда глаза глядят. Сбежать, если будет угодно. Оставить битвы другим.

– Я знавал прежде парочку салэйцев, милорд, – ответил Флинн. – Простите, но я сомневаюсь, что кто-нибудь из них способен поступить так, как вы сказали.

– Но они *могут*, – ответил Ранд. – Это возможно. Несмотря на законы

и клятвы, они свободны. А я, несмотря на то, что кажется, что я поступаю как хочу, связан по рукам и ногам так сильно, что путы врезаются в мою плоть. Вся моя власть и могущество ничто по сравнению с судьбой. Моя свобода всего лишь иллюзия, Флинн. Поэтому я им завидую. Иногда.

По всей очевидности, затруднившись с ответом, Флинн сложил руки за спиной.

«Мы все делаем то, что должны.», — из памяти Ранда всплыли слова Морейн. — «Как велит Узор. У некоторых свободы меньше, чем у других. И нет разницы, сами мы выбираем или оказываемся

избраны. Что должно быть, то обязательно случится.».

Она понимала. «*Мореин, я пытаюсь*», — мысленно ответил он ей. — «*Я исполню то, что должно*».

— Мирод Дракон! — позвал его чей-то голос. Ранд обернулся и увидел одного из разведчиков Башира, взбегающего на холм. Девы с опаской позволили приблизиться темноволосому юноше.

— Милорд! — отсалютовав, повторил разведчик. — К лагерю приближаются Айил. Мы заметили двоих, крадущихся среди деревьев в полумиле ниже по склону.

Девы тут же начали обмениваться знаками на своем

тайном языке жестов.

— Никто из этих Айил вам при этом не помахал рукой, солдат? — сухо уточнил Ранд.

— Милорд? — переспросил тот. — С какой стати им так делать?

— Они — Айил. Если вы их заметили, значит, они хотели, чтобы вы их увидели. А это значит, что они наши союзники, а не враги. Сообщите Баширу, что мы скоро увидим Руарка и Бэила. Пора позаботиться об Арад Домане.

Или пришло время его уничтожить. Порой трудно понять разницу.

Был черед Мерисы:

– Планы Грендаль. Расскажи все, что ты про них знаешь, – на лице у высокой Айз Седай, из Зеленой Айя, как и сама Кадсуане, застыло безжалостное выражение. Она стояла, сложив руки на груди, сбоку в ее темных волосах был воткнут серебряный гребень.

Тарабонка была отличным выбором для допроса. Или, скорее, она была лучшим из того, что было у Кадсуане под рукой. Мериса не проявляла ни капли беспокойства от такой близости к самому пугающему

из всех созданий и была настойчива при допросе. Только она слегка перестаралась с суровостью. Например, то, как сильно она затянула волосы в пучок, или как бравировала своим Стражем-Аша'маном.

Комната, в которой они находились, была расположена на втором этаже доманийского особняка, занятого Рандом. Внешние стены были сложены из круглых бревен, а внутренние были из подходящих по оттенку темных досок. Эта комната прежде была спальней, но сейчас в ней остался минимум мебели. Не осталось даже коврика на ошкуренном деревянном

полу. Из всей мебели остался единственный стул, на котором сидела Кадсуане.

Она сделала маленький глоток чая, намеренно демонстрируя спокойствие. Это важно, особенно если внутри не чувствуешь ни капли спокойствия. В данный конкретный момент Кадсуане хотелось раздавить чашку руками, а затем провести час или около того, прыгая на осколках.

Она сделала еще один глоток.

Источник ее разочарования — и объект допроса Мерисы — со связанными за спиной руками висел вверх ногами, удерживаемый в воздухе потоками Силы. У пленницы были короткие вьющиеся волосы и

темная кожа. Своей безмятежностью, несмотря на обстоятельства, ее лицо было похоже на лицо Кадсуане. Отгороженная щитом пленница, одетая в простое коричневое платье, примотанное потоками Воздуха к ногам, чтобы подол не загораживал лицо, каким-то образом выглядела хозяйкой положения.

Мериса стояла перед пленницей. Наришма – последний из присутствующих в комнате – стоял, прислонившись к стене.

Кадсуане не контролировала допрос. Пока до этого не дошло. Позволить другому вести допрос – большое преимущество: можно подумать и все хорошенько

спланировать. За дверью находились Эриан, Сарен и Несан — они поддерживали щит. Их было ровно на две больше, чем считалось необходимым в обычной ситуации.

С Отрекшимися нельзя рисковать.

Их пленницей была Семираг. Чудовище, которое многие считали легендой. Кадсуане не знала, какие истории про эту женщину считать правдой. Но то, что она знала наверняка — эту женщину не так-то просто запугать, вывести из равновесия или управлять ей. В этом и была проблема.

— Итак? — потребовала Мериса. — У тебя есть ответ на мой вопрос?

Семираг наградила Мерису холодным презрением в голосе:

— Знаешь, что случается с человеком, если заменить его кровь чем-нибудь другим?

— Я не...

— Он, конечно же, умирает, — отрезала Семираг, словно полоснула Мерису бритвой. — Смерть часто случается внезапно, и мгновенная смерть наименее интересна. Экспериментируя, я выяснила, что кое-что способно заменить кровь куда эффективнее, позволяя объекту прожить немного дольше после переливания.

Она замолчала.

— Ответ на вопрос, —

продолжила Мериса, – или тебе снова предстоит повисеть за окном...

– Разумеется, переливание тоже требует использования Силы, – снова прервала ее Семираг. – Другие способы недостаточно быстрые. Я даже придумала собственное плетение. С его помощью можно мгновенно выкачать кровь из тела и поместить ее в емкость и одновременно закачать заменитель в вены.

Мериса заскрипела зубами и покосилась на Наришму. На Аша'мане как обычно были черные куртка и штаны. Его длинные темные волосы были заплетены в косички с

колокольчиками на концах. Нарешма стоял, расслабленно прислонившись спиной к бревенчатой стене. У него было юное лицо, с каждым днем приобретавшее опасные черты. Возможно, это был результат совместных тренировок с другими Стражами Мерисы, или, может, из-за общения с людьми, которые собирались допрашивать одну из Отрекшихся.

– Я предупреждаю... – начала Мериса.

– Один объект прожил целый час после переливания, – спокойным тоном, словно поддерживая беседу, продолжила Семираг. – Я считаю это одним из своих величайших

достижений. Разумеется, он все это время испытывал чудовищную боль. Чистую боль, настоящую агонию, каждым сосудом своего тела, вплоть до самых мелких в пальцах. Не знаю лучшего способа причинить боль всему телу разом.

Она посмотрела Мерисе в глаза.

— Когда-нибудь я покажу тебе это плетение.

Мериса слегка побледнела.

Взмахнув рукой, Кадсуане сплела из Воздуха щит вокруг головы Семираг, блокировав ее слух, затем сплела из потоков Огня и Воздуха два шара света и поместила их прямо напротив глаз Отрекшейся. Свет не был настолько ярким, чтобы ее

ослепить или повредить глаза, зато мешал смотреть. Это было личное изобретение Кадсуане. Многие Сестры додумывались лишить пленников слуха, но оставляли им зрение. Никто не знает наверняка, кто умеет читать по губам, а Кадсуане не хотелось недооценивать свою пленницу.

Мериса перевела взгляд на Кадсуане. В ее глазах промелькнуло раздражение.

— Ты теряешь над ней контроль, — решительно заявила Кадсуане, поставив чашку на пол рядом со стулом.

Мериса помедлила, но потом кивнула, не скрывая вспышки гнева.

Скорее всего, на себя саму.

— Эта женщина! На ней ничто не срабатывает! — воскликнула она. — Она ни разу не изменила тон, что бы мы с ней ни делали. Любое наказание, которое я успеваю придумать, порождает новые угрозы. И каждая ужаснее предыдущей. Свет! — она снова скрипнула зубами, сложила руки на груди по-новому и засопела носом. Нарышма выпрямился, словно хотел подойти, но она успокаивающе махнула ему рукой. Мериса была примечательно тверда в обращении со своими Стражами, хотя была способна покусать любого, кто попытался бы указать им их место.

– Мы *можем* ее сломать, – сказала Кадсуане.

– Сумеем ли?

– Ха! Безусловно. Она же человек, как и любой другой.

– Это верно, – ответила Мериса.

– Хотя, ей ведь три тысячи лет. Три *тысячи*, Кадсуане!

– Большую часть жизни она провела в заточении, – с презрительным фырканьем парировала Кадсуане. – Подумай, быть веками запертой в темнице Темного в каком-нибудь трансе или сне. Вычти все эти годы, и она тут же станет похожей на одну из нас. И, могу себе вообразить, гораздо моложе, чем некоторые.

Это был мягкий намек на ее собственный возраст, что редко являлось предметом обсуждения среди Айз Седай. То, что этот разговор вообще состоялся, было очевидным доказательством того, насколько Мериса была выведена из равновесия этой Отрекшейся. Айз Седай учились сохранять внешнее спокойствие, но были причины, почему Кадсуане убрала из комнаты удерживающих ограждающий щит. Они слишком много выдавали. Даже непробиваемая в обычных условиях Мериса во время допросов слишком часто теряла над собой контроль.

Безусловно, и Мериса, и остальные, как многие нынешние

женщины из Башни, еще не до конца научились быть истинными Айз Седай. Этим девочкам позволили вырасти мягкими и слабыми, склонными к спорам. Некоторых даже удалось запугать так, что они принесли присягу Ранду ал'Тору. Иногда Кадсуане хотелось всех их отправить отбывать наказание на пару десятков лет.

А может это просто в Кадсуане заговорил возраст. Она была стара, и от этого стала слишком нетерпима к глупости. Два столетия назад она поклялась себе, что доживет до Последней Битвы, независимо от того, сколько на это потребуется времени. Использование Единой

Силы продлевает жизнь, а она установила, что решимость и упорство способны продлить жизнь еще дольше. Она была одной из самых старых среди ныне живущих людей на свете.

К сожалению, прожитые годы научили ее, что ни точное планирование, ни решимость не могут заставить жизнь идти так, как тебе хочется, но она не переставала досадовать, когда это происходило. Кто-нибудь мог подумать, что прожитые годы научат ее еще и терпению, но случилось с точностью до наоборот. Чем старше она становилась, тем меньше она была намерена ждать, поскольку точно

знала, как мало ей осталось.

Любой старик, заявляющий, что старость научила его терпению — либо лжец, либо маразматик.

— Ее *можно* сломать, и она *будет* сломлена, — повторила Кадсуане. — Я не собираюсь позволить кому-то, кто знает плетения Эпохи Легенд, просто отправиться на виселицу. Мы выдавим из нее все знания до последней крупинки из ее мозга, даже если нам придется применить к ней ее же собственные плетения.

— *Ай'дам*. Если бы только лорд Дракон позволил нам применить к ней... — начала Мериса, взглянув на Семираг.

Если Кадсуане когда и подмывало изменить данному слову, то это как раз был тот самый случай. Только *ай'дам* на женщину и... но нет, чтобы заставить кого-нибудь говорить с помощью *ай'дама*, ты будешь вынужден причинить ему боль. А это все равно, что пытка, а ал'Тор запретил их применять.

Под действием огоньков Кадсуане Семираг закрыла глаза, но по-прежнему была сдержанной и собранной. Что творится у этой женщины в голове? Может, она ждет спасения? Или она старается вынудить их побыстрее ее казнить, чтобы избежать пыток? Возможно, она действительно считает, что

способна сбежать, а потом излить месть на своих бывших тюремщиков Айз Седай? Скорее всего, последнее, и было сложно не чувствовать хотя бы намек на страх. Женщина знала много трюков с Единой Силой, которые не сохранились за прошедшие века. Три тысячи лет это очень, очень долгий срок. Может ли Семираг неизвестным способом пробить ограждающий щит? Если да, почему до сих пор не сумела? Кадсуане не могла чувствовать себя полностью спокойно, пока не доберется до этого чая из корня вилочника.

— Кадсуане, ты можешь ее освободить от плетений, —

выпрямляясь, заявила Мериса. – Я собралась. Боюсь, как я и предупреждала, нам придется вывесить ее на какое-то время за окно. Возможно, нам удастся напугать ее ожиданием боли. Она не знает про глупое требование ал'Тора.

Кадсуане наклонилась, распуская плетение огней перед глазами Отрекшейся, но не распустила щит из Воздуха, мешающий слышать. Глаза Семираг резко распахнулись и встретились взглядом с Кадсуане. *«Да, она знает, кто здесь главный»*. Их взгляды встретились.

Мериса продолжила расспросы про Грендаль. Ал'Тор решил, что

другая Отрекшаяся может скрываться где-то в Арад Домане. Кадсуане же была больше заинтересована в других вопросах, но Грендаль тоже хорошее начало.

На этот раз Семираг ответила Мерисе молчанием, и Кадсуане поймала себя на размышлениях об ал'Торе. Мальчишка сопротивлялся ее урокам с таким же упорством, как Семираг – допросам. О, по правде, он научился кое-чему малозначительному: как обращаться к ней с должной степенью уважения, как, по крайней мере, притворяться цивилизованным. Но ничему более.

Кадсуане ненавидела расписываться в собственном

поражении. Хотя это было еще не поражение, но близко к этому. Парню было предначертано судьбой разрушить мир и, может быть, одновременно спасти. Первое было неизбежно, второе спорно. Она бы предпочла поменять их местами, но желания столь же бесполезны, как монеты из дерева. Можете раскрашивать их как пожелаете, но они останутся деревянными.

Скрипнув зубами, она прогнала мальчишку из головы. Ей нужно приглядывать за Семираг. Каждый раз, когда она заговаривает, может стать ключом. Семираг, игнорируя Мерису, снова сцепилась с ней взглядом.

Как же сломать одну из самых могущественных из когда-либо живших женщин? Женщину, совершившую в легендарном прошлом бесчисленные зверства, даже до освобождения Темного? Вглядываясь в эти темные, ониксовые глаза, Кадсуане осознала одну вещь. Запрет ал'Тора причинять боль этой женщине был бессмысленным. Ее невозможно сломать болью. Семираг была величайшим палачом среди всех Отрекшихся, замороженным смертью и агонией.

Нет, так ее не сломать, даже если им разрешат применить пытки. Вглядываясь в эти глаза, Кадсуане с

неприятным холодком поняла, что заметила в этом создании что-то от себя самой. Возраст, хитрость и нежелание уступать.

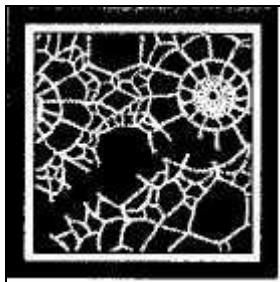
Это ставило перед ней вопрос. Если бы ей дали поручение сломить Кадсуане, как бы она приступила к этой задаче?

Эта мысль была настолько беспокоящей, что она почувствовала облегчение, когда парой мгновений позже допрос был прерван появлением Кореле. Худенькая неунывающая мурандийка была предана Кадсуане и была сегодня приставлена приглядывать за ал'Тором. Сообщение Кореле о том, что мальчишка ал'Тор скоро

встретится с айильскими вождями, послужило сигналом к концу допроса. Трое сестер, удерживающих ограждающий щит, увели Семираг в комнату, где они ее свяжут и вставят кляп с помощью потоков Воздуха.

Кадсуане проводила взглядом Отрекшуюся, удерживаемую плетениями Воздуха, и покачала головой. Семираг только открывала сегодняшнее представление. Пора разобраться с мальчишкой.

Глава 6. Когда железо тает

Родел Итуралде повидал много полей боя. Кое-что остается неизменным. Мертвецы, лежащие грудами, как кучи тряпья. Торопящиеся поживиться вороны. Стоны, крики, всхлипы и бормотание тех, кому не повезло умереть сразу.

Но каждое поле боя имело и свой собственный образ. Битву можно читать, как след пробежавшей дичи. Трупы, лежащие необычно ровными рядами, указывали на пехотинцев, попавших во время атаки под залпы стрелков. Разбросанные и растоптанные тела говорили о пехоте, разбежавшейся от атаки тяжелой кавалерии. Эта битва видела массу Шончан, раздавленных о стены Дарлуны, подле которых они отчаянно бились. И были расплющены о ее камни. Одна часть стены там, где *дамани* пытались прорваться в город, была полностью разрушена. Уличные бои были бы выгодны для Шончан. Но они не

успели.

Итуралде ехал через этот беспорядок на своем чалом мерине. Битва — это всегда беспорядок. Аккуратные битвы встречаются только в сказках или в исторических книгах. В них они отчищены и отскоблены шершавыми руками ученых, ищущих краткости. "Нападавшие победили, пятьдесят три тысячи погибших" или "Оборонявшиеся устояли, двадцать тысяч павших".

Что напишут об этой битве? Это зависит от того, кто будет писать. Они не станут описывать кровь, пропитавшую превратившуюся в грязь землю. Или тела —

разломанные, продырявленные и искалеченные. Изуродованную разбушевавшимися *дамани* местность. Возможно, они запомнят числа; это часто кажется важным книжникам. Здесь полегла половина стотысячной армии Итуралде. На любом другом поле боя потеря пятидесяти тысяч разозлила бы его и покрыла позором. Но он противостоял превосходящей его втрое армии, да еще и поддерживаемой *дамани*.

Он последовал за разыскавшим его юным посыльным, мальчиком лет двенадцати, в красно-зеленой шончанской форме. Они миновали упавшее знамя, свисающее со

сломанного, торчащего из грязи древка. На нем были изображены шесть чаек на фоне солнца. Итуралде ненавидел незнание Домов и имен своих противников, но с заморскими Шончан узнать их не представлялось возможным.

Тени, отбрасываемые заходящим вечерним солнцем, располосовали землю. Скоро покрывало тьмы укроет тела, и выжившие смогут на время сделать вид, что поле стало братской могилой для их друзей. И для тех, кого их друзья убили. Он обогнул небольшой холмик, выехав к россыпи тел шончанской элиты. Большинство погибших носили похожие на головы жуков шлемы.

Побитые, сломанные или пробитые. Мертвые глаза пусто смотрели из отверстий за искривленными жвалами.

Шончанский генерал был жив, пусть жизнь и едва в нем теплилась. Он был без шлема, на губах выступала кровь. Он прислонился к большому, покрытому мхом валуну, опершись на свернутый плащ, словно в ожидании трапезы. Конечно, этот образ портили его вывернутая нога и обломок копья, торчащий из живота.

Итуралде спешил. Как и большинство его подчиненных, он был одет в рабочую одежду — простые штаны и куртку коричневого цвета, позаимствованные у тех, кто,

устроив ловушку, переоделся в его военную форму.

Без формы он чувствовал себя неправильно. Такой человек, как этот генерал Туран, не заслуживал солдата в лохмотьях. Итуралде жестом приказал посыльному остаться за пределом слышимости, и подошел к шончанину в одиночестве.

— Так значит, это ты. — Сказал Туран, глядя на него снизу вверх, с протяжным шончанским акцентом. Он был плотного сложения, совсем невысоким, с горбатым носом. Его коротко стриженные черные волосы были выбриты на два пальца в ширину с каждой стороны головы. Его шлем с тремя белыми перьями

лежал рядом с ним на земле. Он с трудом поднял руку в черной перчатке и стер кровь с края рта.

– Я. – Ответил Итуралде.

– В Тарабоне тебя зовут «Великим Генералом».

– Зовут.

– И заслуженно. –

Закашлявшись, подтвердил Туран. – Как у тебя это получилось? Наши разведчики... – он зашелся в кашле.

– *Ракены*. – сказал Итуралде, как только стих кашель. Он опустился на корточки рядом со своим врагом. Заходящее солнце медленно опускалось за горизонт, освещая поле боя проблеском красно-золотого света.

– А армия позади нас?

– В основном, женщины и подростки. – Сказал Итуралде. – Ну и изрядное количество фермеров. В форме, позаимствованной у моих солдат.

– А что, если бы мы развернулись и атаковали?

– Вы бы не стали. Ваши *ракены* доложили, что та армия больше вашей. Лучше преследовать меньшие силы впереди вас. Еще лучше идти к городу, который, согласно докладам ваших разведчиков, почти незащищен, даже если это означало заставлять ваши войска двигаться маршем почти до полного изнеможения.

Туран закашлялся опять, кивая.

— Да. Да, но город был пуст. Как ты сумел поместить туда войска?

— Разведчики в воздухе, — сказал Итуралде, — не могут заглянуть внутрь домов.

— Вы приказали, чтобы Ваши войска так долго прятались внутри зданий?

— Верно. — Ответил Итуралде. — Ежедневно чередуясь, небольшая часть могла выходить для работы на полях.

Туран недоверчиво покачал головой.

— Ты понимаешь, что ты сделал. — В его голосе не было угрозы. На самом деле, там была изрядная доля

восхищения. — Верховная Леди Сюрот никогда не смирится с этим поражением. Теперь, она должна будет разгромить вас, хотя бы для того, чтобы сохранить лицо.

— Я знаю. — Сказал Итуралде, поднимаясь. — Но я не могу победить, атакуя вас в ваших крепостях. Нужно было, чтобы вы пришли ко мне сами.

— Ты не понимаешь, какой численностью мы располагаем... — сказал Туран. — Те, кого ты разбил сегодня, это лишь ветерок по сравнению с тем штормом, который ты поднял. Сегодня спаслось достаточно моих людей, чтобы рассказать о твоей хитрости. Больше она не сработает. Он был прав.

Шончан быстро учились. Итуралде вынужден был прекратить свои набеги в Тарабоне из-за быстрой реакции Шончан.

— Ты знаешь, что не можешь нас победить. — тихо сказал Туран. — Я вижу это в твоих глазах, Великий Генерал. Итуралде кивнул.

— Тогда почему? — спросил Туран.

— Почему ворона летает? — спросил Итуралде.

Туран слабо кашлянул.

Итуралде и вправду знал, что не может выиграть войну с Шончан. Как ни странно, каждая из его побед все более убеждала его в конечном поражении. Шончан были умны,

хорошо укомплектованы и очень дисциплинированы. Более того, они были настойчивы.

Туран должен был понять, что обречен, как только открылись ворота. Но он не сдался; он сражался до тех пор, пока его армия не была рассеяна, разбежавшись во всех направлениях, так, что уставшие войска Итуралде не сумели их догнать. Туран понимал. Иногда капитуляция обходится слишком дорого. Никто не радуется смерти, но для солдата бывают намного худшие исходы. Оставить свою родину захватчикам... нет, Итуралде не мог так поступить. Даже если победить невозможно.

Он делал то, что необходимо, и тогда, когда необходимо. И прямо сейчас Арад Доману нужно было сражаться. Они проиграют, но их дети будут помнить, что их отцы сражались. И их сопротивление будет важно через сотню лет, когда начнется восстание. Если оно начнется.

Итуралде встал, намереваясь вернуться к ожидавшим его солдатам.

Туран напрягся, потянувшись за мечом. Итуралде приостановился, повернувшись обратно.

– Ты сделаешь это? – спросил Туран.

Итуралде кивнул, вынув свой собственный меч из ножен.

– Это честь для меня. – Сказал Туран и закрыл глаза. Отмеченный цаплей меч Итуралде моментом позже срубил его голову. На мече Турана тоже была цапля, едва видная на сверкающей части клинка, что сумел вытащить шончанин. Жаль, что им не довелось скрестить клинки, хотя, в некотором смысле, они это делали на протяжении последних нескольких недель, пусть и на ином уровне.

Итуралде вытер меч, затем вложил его в ножны. В качестве последнего жеста он поднял меч Турана и вогнал его в землю рядом с павшим генералом. Затем Итуралде вновь сел на коня и, кивнув на

прощание посыльному, направился обратно через погрузившееся в тень поле трупов.

Пришло время воронов.

* * *

— Я пыталась соблазнить некоторых слуг и стражников, — тихо сказала Лиане, сидя рядом с прутьями камеры — но это трудно. — Она улыбнулась, глядя на Эгвейн, которая сидела на табурете за пределами камеры. — Мне кажется, сейчас я не слишком-то

привлекательна.

Эгвейн ответила ей кривой улыбкой — по-видимому, она понимала. На Лиане было то же самое платье, в котором ее схватили, и его с тех пор ни разу не стирали. Раз в три дня она полоскала его в тазу в той же воде, что ей по ведру предоставляли по утрам, после того, как обтиралась сама с помощью влажной тряпки. Но это было пределом тому, что можно добиться без мыла. Она заплела волосы в косу для того, чтобы придать им видимость аккуратности, но ничего не могла поделать с обломанными ногтями.

Лиане вздохнула, думая об

утренних часах, проведенных ею в углу камеры, обнаженной, в ожидании, когда просохнут белье и платье. То, что она была доманійкой, не значило, что ей нравилось расхаживать у всех на виду без единой нитки. Правильное соблазнение требует умения и утонченности; в нагоде нет ни того, ни другого.

Ее камера была не так уж и плоха в сравнении с другими. У нее была небольшая кровать, ей приносили пищу, много воды, и ежедневно меняли ночной горшок. Но не выпускали наружу и держали под надзором двух сестер, удерживающих ограждающий щит.

Единственным посетителем, не считая тех, кто пытался выудить из нее информацию о Перемещении, была Эгвейн.

Амерлин сидела на табурете с задумчивым выражением лица. И она действительно была Амерлин. Было невозможно думать о ней иначе. Как могло столь юное дитя так быстро освоиться? Эта прямая спина, это самообладание. Умение управлять состояло не столько из той силы, которая у тебя есть, сколько из той, которую ты демонстрируешь людям. На самом деле это похоже на то, как следует обходиться с мужчинами.

— Ты что-нибудь... слышала? — Спросила Лиане. — О том, что они

собираются со мной делать?

Эгвейн покачала головой. Две Желтые сестры сидели на лавке неподалеку, болтая при свете лампы, стоявшей на столе рядом с ними. Лиане не ответила ни на один вопрос, который ей задали ее тюремщицы, а закон Башни был весьма строг касательно допроса Сестры. Они не могли причинить ей вред, особенно с использованием Силы. Но они могли просто оставить ее гнить в одиночестве.

– Спасибо, что навещаешь меня по вечерам, – сказала Лиане, дотянувшись сквозь прутья решетки до руки Эгвейн. – Думаю, я обязана тебе тем, что не сошла с ума.

— Это доставляет мне удовольствие. — Ответила Эгвейн, хотя в ее глазах можно было заметить намек на изнеможение, которое она, несомненно, испытывала. Некоторые из Сестер, посещавших Лиане, упоминали о побоях, которые Эгвейн сносила в качестве "наказания" за свою непокорность. Странно, что находившаяся в обучении Послушница могла подвергаться побоям, а пленница, которую допрашивали, — нет. Но, несмотря на боль, Эгвейн навещала Лиане практически каждую ночь.

— Я увижу тебя свободной, — пообещала Эгвейн, продолжая держать ее за руку. — Тирания Элайды

долго не продержится. Я уверена, что осталось недолго.

Лиане кивнула, отпустив руку, и поднялась. Эгвейн ухватила за прутья решетки, помогая себе встать на ноги, слегка при этом поморщившись. Она кивнула Лиане на прощание и затем, нахмурившись, заколебалась.

– Что такое? – спросила Лиане.

Эгвейн отняла руки от решетки и поглядела на ладони. Казалось, они покрыты блестящей, похожей на воск субстанцией. Нахмурившись, Лиане поглядела на прутья и была потрясена, увидев на железе отпечатки ладоней Эгвейн.

– Что, ради Света... – сказала

Лиане, ткнув в один из прутьев. Он прогнулся под ее пальцем, как теплый воск на краю подсвечника.

Неожиданно камни под ногами Лиане прогнулись, и она почувствовала, что тонет. Она закричала. Капли растопленного воска начали дождем падать с потолка, растекаясь по ее лицу. Они не были теплыми, но каким-то образом оказались жидкими. И они были цвета камня!

Запаниковав, она открыла рот, пошатнулась и заскользила, все глубже погружаясь в расплавившийся пол. Ее поймала чья-то рука; она взглянула вверх, туда, где за нее ухватилась Эгвейн. На глазах у Лиане

решетка таяла, железные прутья оплавлялись по краям, а затем растекались.

— Помогайте! — Закричала Эгвейн Желтым за пределами камеры. — Чтоб вы сгорели! Хватит таращиться!

Напуганная Лиане нащупывала точку опоры, пытаясь вытянуть себя по прутьям ближе к Эгвейн, но хватала руками лишь воск. Кусок решетки остался в ее руке, растекаясь под пальцами, а пол свернулся вокруг нее, засасывая вниз.

А затем ее обхватили потоки Воздуха и выдернули наружу. Комната накренилась, когда ее отбросило на Эгвейн, сбивая девушку

с ног. Две Желтые, беловолосая Мусарин и низенькая Джеларна, вскочили на ноги, окруженные сиянием *саидар*. Мусарин звала на помощь, глядя широко раскрытыми глазами на тающую камеру.

Лиане выпрямилась, слезая с Эгвейн, и поковыляла прочь от камеры, разглядывая свои ноги и платье, покрытые странным воском. Здесь, в коридоре, пол казался прочным. Свет, как бы ей сейчас хотелось, чтобы она могла обнять Источник сама! Но она была слишком опоена вилочником, не говоря уже о щите.

Эгвейн с помощью Лиане поднялась на ноги. В комнате стало

тихо, все они вглядывались в камеру при мерцающим свете лампы. Таяние прекратилось, прутья были разорваны, верхние половинки застыли с каплями металла на кончиках, нижние прогнулись вовнутрь. Многие были буквально размазаны по камню во время спасения Лиане. Пол комнаты воронкой прогнулся внутрь – камни вытянулись. На этих камнях были заметны глубокие борозды там, где Лиане пыталась вырваться.

Лиане стояла с бешено бьющимся сердцем, осознавая, что прошло только несколько секунд. Что им делать? Бежать в страхе? Будет ли таять остальной коридор?

Эгвейн шагнула вперед и постучала носком ноги по одному из прутьев. Тот не поддался. Лиане тоже шагнула вперед, и ее платье хрустнуло, кусочки камня посыпались с него словно известка. Она нагнулась и отряхнула подол, почувствовав, что его покрывает камень, а не воск.

— Подобные события стали происходить все чаще. — Спокойно сказала Эгвейн, глянув на двоих Желтых. — Темный становится сильнее. Последняя Битва приближается. Что ваша Амерлин предпринимает по этому поводу?

Мусарин взглянула на нее. Высокая пожилая Айз Седай

выглядела сильно обеспокоенной. Лиане, беря пример с Эгвейн, заставила себя стать спокойной и встала рядом с Амерлин. С ее платья продолжали сыпаться крупинки камня.

– Да, ладно. – Сказала Мусарин.

– Послушница, тебе следует вернуться в свою комнату. А ты... – она взглянула сначала на Лиане, потом на остатки камеры. – Нам придется... тебя переселить.

– И, полагаю, выдать мне новое платье, – сказала Лиане, скрестив руки на груди.

Мусарин сверкнула глазами на Эгвейн.

– Ступай. Это больше не твое

дело, дитя. Мы позаботимся о заключенной.

Эгвейн стиснула зубы, но затем повернулась к Лиане.

— Будь сильной. — Сказала она и поспешила прочь по коридору.

Изнуренная, обеспокоенная плавающим камни пузырем зла, Эгвейн, шелестя подолом, шла по направлению к тому крылу Башни, где находились помещения послушниц. Что же нужно, чтобы эти глупые женщины поняли, что времени на препирания не осталось!

Час был поздним, и в коридорах только изредка встречались женщины, но послушниц среди них не было. Эгвейн миновала

нескольких слуг, выполнявших ночную работу, их обутое в тапочки ноги тихо ступали по каменным плиткам. Эта часть Башни была достаточно населена, поэтому на стенах горели притушенные лампы, дававшие оранжевый отсвет. Сотни полированных плиток отражали мерцающее пламя, напоминая глаза, следившие за движением Эгвейн.

Трудно было осознать, как этот тихий вечер мог обернуться ловушкой, едва не погубившей Лиане. Если нельзя доверять даже земле, то чему можно? Эгвейн потрянула головой, слишком уставшая, слишком измученная, чтобы в данный момент думать о решении.

Она едва заметила, что плитки из серых превратились в темно-коричневые. Она просто продолжала идти вперед, углубляясь в крыло Башни, считая двери, которые прошла. Ее была седьмой...

Она замерла, хмуро уставившись на пару Коричневых сестер: Мэйнадрин, салдейку, и Нигайн. Эти двое говорили приглушенным шепотом, и нахмурились, заметив Эгвейн, когда та проходила мимо. С чего бы им быть в помещении послушниц?

Постой-ка. В помещении послушниц не было коричневых плиток. В этой части они должны бы были быть неопределенно-серыми. И

двери в коридоре были расставлены слишком широко. Это совсем не похоже на помещение послушниц! Неужели она настолько устала, что шла совсем в другом направлении?

Она вернулась назад, снова миновав двух Коричневых сестер, нашла окно и выглянула наружу. Широкий белый прямоугольник крыла Башни простирался вокруг нее, как и должно было быть. Она не потерялась.

Озадаченная, она оглянулась назад на коридор. Мэйнадрин скрестила руки на груди, разглядывая Эгвейн своими темными глазами. Высокая и тонкая Нигайн приблизилась к Эгвейн.

– Что ты делаешь здесь в такое позднее время, дитя? – Потребовала ответа она. – За тобой послала Сестра? Ты должна спать у себя в комнате.

Эгвейн, не говоря ни слова, указала на окно. Нигайн, хмурясь, выглянула наружу. И замерла, тихонько охнув. Она оглянулась на коридор, затем обратно в окно, как будто не могла поверить, где она оказалась.

В считанные минуты Башня погрузилась в безумие. Всеми забытая Эгвейн стояла в сторонке в коридоре вместе с группой сонных послушниц, глядя, как сестры спорят друг с другом возбужденными

голосами, пытаясь решить, что делать. Оказалось, что две части Башни поменялись местами, и спящие Коричневые сестры были перемещены с верхних уровней в это крыло. Комнаты послушниц — нетронутые — оказались в Коричневом секторе. Никто не помнил ни движения, ни вибрации в момент переноса, и никаких швов не осталось. Ряд плиток был разрезан ровно посередине и затем соединен с плитками той секции, которая была передвинута.

«Становится все хуже и хуже», — подумала Эгвейн, когда Коричневые сестры решили, что, на данный момент, им придется

принять это изменение. Не могут же они, в конце концов, переселиться в крохотные комнатухи послушниц.

Это оставляло Коричневых разделенными, половина в крыле, половина на старом месте, с кучкой послушниц среди них. Разделение, хорошо отражающее менее заметные разделения, которые терпели Айя. В конце концов, вымотанная Эгвейн с остальными послушницами были отправлена спать, хотя теперь ей пришлось преодолеть множество лестничных пролетов, прежде чем она добралась до своей постели.

Глава 7. Планы на Арад Доман

– Надвигается буря, – сказала Найнив, посмотрев в окно усадьбы.

– Да, – Дайгиан, сидевшая в кресле перед камином, даже не удосужилась бросить взгляд за окно.
– Я думаю, ты права, дорогая. Могу

покаясь, кажется, что эта облачность не пропадает несколько недель.

– Всего лишь одну неделю, – сказала Найнив, держа в руке длинную темную косу, и посмотрела на Айз Седай. – Уже более десяти дней я не видела ни клочка ясного неба.

Дайгиан нахмурилась. Это была Сестра из Белой Айя, пухленькая, с пышными формами. Она носила на лбу подвеску с камешком, как давным-давно Морейн – но у Дайгиан это был подобающий ей белый лунный камень. Видимо, эта традиция была связана с принадлежностью к кайриэнской

знати, как и четыре цветных разреза на платье.

– Десять дней, говоришь? – произнесла Дайгиан. – Ты уверена?

Еще бы! Найнив всегда обращала внимание на погоду – ведь это одна из обязанностей деревенской Мудрой. Теперь она Айз Седай, но это не значит, что она перестала быть собой. Погода всегда оставалась с ней, в глубине разума. В шепоте ветра Найнив могла почувствовать дождь, солнце или снег.

Впрочем, с недавних пор ее ощущения совсем не походили на шепот. Скорее, они были будто далекие крики – и становились все громче. Или как волны, что

разбиваются друг о друга, все еще далеко к северу, но так, что их все труднее не замечать.

— Что ж, я уверена, — сказала Дайгиан, — что не впервые в истории облачность продолжается десять дней подряд!

Найнив покачала головой, дергая за косу.

— Это ненормально, — сказала она. — И когда я говорю о буре, то не имею в виду облака в небе. Буря еще далеко, но она идет, и она будет ужасной. Хуже всего, что я когда-либо видела. Гораздо хуже.

— Ну, значит, — произнесла Дайгиан слегка неловко, — мы разберемся с ней, когда она придет.

Может, присядешь, чтобы мы могли продолжить?

Найнив бросила взгляд на пухленькую Айз Седай. Дайгиан была крайне слаба в Единой Силе. Вероятно, Белая сестра была слабейшей Айз Седай, встречавшейся Найнив. По традиции — по негласному правилу — это значило, что Найнив позволялось руководить.

К несчастью, положение Найнив все еще было под вопросом. Эгвейн пожаловала ей шаль специальным указом, равно как и Илэйн; она не проходила испытания и не клялась на Жезле. Для большинства — даже тех, кто принял Эгвейн как истинную Амерлин — эти упущения делали

Найнив чем-то меньшим, чем Айз Седай. Она уже не воспринималась как Принятая, но и не вполне была равна сестре.

С сестрами в компании Кадсуане было особенно трудно, поскольку они не приняли сторону ни Белой Башни, ни мятежниц. А с сестрами, давшими клятву Ранду, дело обстояло еще хуже: большая часть до сих пор сохраняла верность Элайде, не видя никакой проблемы в том, чтобы поддерживать сразу обоих. Найнив никак не могла понять, о чем думал Ранд, когда позволил сестрам поклясться ему в верности. Она несколько раз ему объясняла, в чем он ошибся —

довольно разумно — но в эти дни говорить с Рандом было все равно что с камнем, только с еще меньшими результатами. И бесконечно сильнее приводило в ярость.

Дайгиан терпеливо ждала, пока она сядет. Найнив предпочла не устраивать поединок воли и послушалась. Дайгиан все еще страдала от потери Стража — Аша'мана Эбена, который погиб в бою с Отрекшимися. Сама Найнив в это время была полностью поглощена передачей Ранду огромного количества *саидар*.

Найнив все еще помнила переполнявший ее восторг —

невероятную эйфорию, мощь и острое чувство *жизни* – который пришел, когда она зачерпнула так много Силы. Это пугало ее. Она была рада, что *тер'ангриал*, через который она прикоснулась к такой мощи, разрушился.

Но мужской *тер'ангриал*, ключ доступа к мощному *са'ангриалу*, все еще оставался невредим. Насколько она знала, Ранду не удалось убедить Кадсуане вернуть статуэтку ему. Ей и не следует. Ни один человек – даже Дракон Возрожденный – не должен направлять столько Единой Силы. То, что он может захотеть совершить...

Она *говорила* Ранду, что ему

следует забыть о ключе доступа. Но это было все равно, что обращаться к камню... большому рыжеволосому каменному идиоту с непробиваемым лицом. Найнив хмыкнула под нос, и Дайгиан подняла бровь. Она хорошо справлялась со своим горем, хотя Найнив – ее комната в доманийской усадьбе находилась рядом с комнатой Дайгиан – слышала, как та плачет по ночам. Тяжело потерять Стража.

«Лан...»

Нет, о *нем* сейчас лучше не думать. С Ланом все будет в порядке. Ему угрожает опасность только в конце пути длиной в тысячи миль – именно там он хотел броситься на Тень, как одинокая стрела,

выпущенная в кирпичную стену...

«Нет! – сказала она себе. – Он будет не один. Я об этом позаботилась».

– Хорошо, – сказала Найнив, заставив себя сосредоточиться, – давай продолжим.

Она не проявляла почтения к Дайгиан. Она оказывала ей услугу, отвлекая ее от горя. Во всяком случае, так ей объяснила Кореле. И, разумеется, они встречались не ради пользы для *Найнив* – ей ничего не надо доказывать, она – Айз Седай, и не важно, что думают или на что намекают все остальные!

Это всего лишь уловка, чтобы помочь Дайгиан. Только уловка, и

ничего более.

— Вот восемьдесят первое плетение, — сказала Белая сестра. Свечение *саидар* окружило ее, и она направила, свивая очень сложное плетение из Воздуха, Огня и Духа. Сложное, но бесполезное: плетение создало три огненных кольца, пылавших в воздухе необычным светом. Зачем это нужно? Найнив уже знала, как создавать огненные шары и шары света; зачем попусту тратить время и учить плетения, повторяющие то, что она уже знает, только гораздо сложнее? И почему цвет каждого из колец должен чуть-чуть отличаться?

Найнив равнодушно взмахнула

рукой, повторяя плетение в точности.

— Честно говоря, — сказала она, — это самое бесполезное из всего списка! Какой смысл во всем этом?

Дайгиан поджала губы. Она ничего не ответила, но Найнив знала, что та думает, что все это должно было даваться Найнив гораздо труднее, чем у нее выходило сейчас. В конце концов Белая сестра заговорила:

— Нам не положено много рассказывать тебе об испытании. Единственное, что я могу сказать — ты будешь должна повторять эти плетения в точности в условиях, когда тебя будут постоянно и сильно отвлекать. Когда придет время, ты

поймешь.

— Сомневаюсь, — отрезала Найнив, три раза повторив плетение, пока говорила. — Поскольку — как мне *кажется*, я уже сказала дюжину раз — я не собираюсь проходить испытание. Я уже Айз Седай.

— Конечно, дорогая.

Найнив заскрипела зубами. Все это было плохой идеей. Когда она попробовала сойтись с Кореле — предположительно, с членом ее собственной Айя — та отказалась признать ее равной. О, она была, как обычно, очень мила, но намек прозвучал ясно. Казалось, что она даже полна сочувствия. Сочувствия! Как будто Найнив нужна ее жалость!

Она намекнула, что если Найнив будет знать сто плетений, которые каждая Принятая учит для испытания на Айз Седай, то это может помочь придать ей убедительности.

Проблема состояла в том, что таким образом Найнив угодила в ситуацию, когда с ней по сути снова обращались как с ученицей. *Разумеется*, она видела пользу в том, чтобы знать сто плетений – слишком мало времени она изучала их, а фактически все сестры их знали. Но когда она согласилась на занятия, она не хотела дать понять, что она *все еще* считает себя ученицей!

Она потянулась к косе, но

остановилась. По ней видны все чувства — и это еще одна причина подобного отношения к ней остальных сестер. Ах, если бы только у неё было безвозрастное лицо!...

Следующее плетение Дайгиан создало хлопок в воздухе, и вновь плетение было без нужды сложным. Найнив скопировала его, едва задумавшись — и одновременно фиксируя его в памяти.

Дайгиан уставилась на плетение с отсутствующим выражением лица.

— Что? — раздраженно воскликнула Найнив.

— Хм? А, ничего. Просто... когда я в последний раз это сплела, я

хотела им напугать... я... не важно.

Эбен, ее Страж, был совсем юным – пятнадцать или шестнадцать лет, и она была очень к нему привязана. Эбен и Дайгиан играли вместе, как мальчик со старшей сестрой, а не как Айз Седай со Стражем.

«Юноше было всего шестнадцать, – подумала Найнив, – и он мертв. Ранду действительно нужно вербовать таких юных?»

Лицо Дайгиан застыло. Она гораздо лучше управлялась со своими чувствами, чем это вышло бы у Найнив.

«Свет, пусть я никогда не окажусь в такой ситуации, –

подумала она. – *По крайней мере много, много лет*». Лан пока не был ее Стражем, но она собиралась заполучить его, как только будет такая возможность. В конце концов, он теперь ее муж. Ее все еще злило, что его узы принадлежали Мирелле.

– Я могла бы помочь, – сказала Найнив, наклонившись вперед и положив руку Дайгиан на колено. – Если попробовать Исцеление, возможно...

– Нет, – отрезала та.

– Но...

– Я сомневаюсь, что тебе удастся помочь.

– Все на свете можно Исцелить, – упрямо сказала Найнив, – даже

если мы еще не знаем, как. Все, кроме смерти.

— И что ты сделаешь, дорогая? — спросила Дайгиан. Найнив задумалась, не нарочно ли та отказывается звать ее по имени — или это невольное следствие их отношений. Она не могла использовать «дитя», как с настоящей Принятой, но звать ее «Найнив» подразумевало равенство.

— Я могла бы что-нибудь сделать, — ответила Найнив. — Твоя боль *должна* быть последствием уз, а значит, имеет отношение к Единой Силе. Если Сила причиняет тебе боль, то Сила может и убрать ее.

— А зачем бы мне этого хотеть? —

спросила Дайгиан; она снова владела собой.

– Ну... потому что это больно. Ты страдаешь.

– Мне и должно быть больно. Эбен мертв. *Ты* захочешь забыть боль, потеряв своего громадного увальня? Отсечь твои чувства к нему, как отрезают отмершую плоть, а оставшуюся здоровой прижигают?

Найнив открыла рот, но остановилась. Захочет ли она? Это не такой простой вопрос – ее чувство к Лану было подлинным, а не привнесенным узами. Он был ее мужем, она любила его. Дайгиан собственнически относилась к Стражу, но это была привязанность

тетушки к любимому племяннику. Это совершенно разные вещи.

Но захотела бы Найнив, чтобы пропала боль? Она закрыла рот, внезапно осознав, как благородны слова Дайгиан.

– Я понимаю. Прости.

– Ничего страшного, дорогая, – ответила Дайгиан. – Временами мне это кажется простым и логичным, но я боюсь, что остальные не могут это принять. В самом деле, некоторые могут утверждать, что логичность решения зависит от момента и от человека. Показать тебе следующее плетение?

– Да, пожалуйста, – Найнив нахмурилась. Она была настолько

сильна в Единой Силе – одна из сильнейших ныне живущих Айз Седай – что редко задумывалась о своих способностях. Примерно так же очень высокий человек редко обращает внимание на рост других людей – поскольку все остальные ниже его, и их разница в росте не имеет значения.

Каково быть этой женщиной, которая в памяти многих пробывала Принятой дольше любой другой? Женщиной, которая еле-еле добилась шали – как говорили многие, «зацепилась кончиком пальца»? Дайгиан должна быть почтительна ко всем без исключения Айз Седай. Если встречались две сестры,

Дайгиан всегда оказывалась подчиненной. Если встречалось более двух сестер, Дайгиан подавала им чай. Предполагалось, что перед более сильными сестрами Дайгиан будет лебезить и расшаркиваться. Ну, не совсем — она все же *была* Айз Седай — но, тем не менее...

— С этой системой что-то не так, Дайгиан, — рассеянно сказала Найнив.

— С испытанием? Мне кажется целесообразным, что должен быть способ проверить пригодность каждого, и сплетать потоки в трудных условиях — на мой взгляд, полностью отвечает такой необходимости.

– Я не об этом, – сказала Найнив. – Я говорю о системе, как к нам относятся. Как мы относимся друг к другу.

Дайгиан вспыхнула. Ссылаться на чужие способности в Силе было неуместно – но у Найнив никогда не получалось соответствовать чьим-то ожиданиям. Особенно когда от тебя ожидают глупости.

– Вот ты сидишь здесь, – сказала она, – зная столько же, сколько остальные Айз Седай – да, держу пари, даже больше, чем некоторые – но ты обязана слушаться любую Принятую, только что отцепившуюся от материнского передника, едва она получит шаль.

Дайгиан покраснела еще больше.

– Нам надо продолжать.

Это просто было неправильно. Тем не менее, Найнив оставила этот вопрос. Она уже один раз попала в эту западню, когда учила женщин Родни отстаивать свои интересы перед Айз Седай. Довольно скоро они стали спорить и с Найнив, чего она *совершенно* не добивалась. Она не была уверена, что хотела подобного переворота и среди самих Айз Седай.

Она попыталась вернуться к учебе, но ощущение неминуемой бури продолжало притягивать ее взгляд к окну. Комната находилась на

втором этаже и предоставляла хороший обзор лагеря, находящегося снаружи. Совершенно случайно Найнив заметила мелькнувшую Кадсуане: этот седой пучок с невинно выглядящими *тер'ангриалами* невозможно не узнать даже издалека. Айз Седай быстрым шагом пересекала двор бок о бок с Кореле.

«*Что она делает?*» – подумала Найнив. Быстрота, с которой шла Кадсуане, вызвала у нее подозрения. Что случилось – что-то с Рандом? Если он опять попал в беду...

– Дайгиан, извини, – Найнив встала. – Я только что вспомнила, что мне надо кое за чем

присмотреть.

Та вздрогнула.

— Да... конечно, Найнив. Я полагаю, мы сможем продолжить в другой раз.

Только выбежав за дверь и слетев вниз по лестнице, Найнив осознала, что Дайгиан только что назвала ее по имени. Она улыбалась, выходя на лужайку.

В лагере были айильцы. Само по себе это не было необычным; Ранда часто сопровождал целый отряд Дев, служивших охраной. Но эти айильцы были мужчинами в пыльном коричневом *кадин'сор* и с копьями. Многие из них носили головные повязки с эмблемой Ранда.

Именно поэтому Кадсуане так торопилась: если прибыли айильские клановые вожди, то Ранд захочет с ними встретиться. Найнив в раздражении пересекла лужайку – ту едва ли можно было назвать зеленой. Ранд не послал за ней. Вероятно, дело было не в том, что он не хотел ее участия, а попросту в том, что шерстеголовый болван и не подумал об этом. Возрожденный Дракон он или нет, но он редко считал нужным посвящать других в свои планы. Ей казалось, что в конце концов он должен уже был понять, насколько важны советы кого-то слегка поопытнее, чем он сам. Сколько раз его похищали, ранили и лишали

свободы из-за его безрассудства?

Все остальные в лагере могут кланяться, расшаркиваться или сходить по нему с ума, но Найнив знала, что он всего лишь овечий пастух из Эмондова Луга. Он попадает в неприятности точно так же, как в детстве, когда они проказничали на пару с Мэтримом. Только теперь вместо суматохи, посеянной среди деревенских девушек, он мог ввергнуть в хаос целые народы.

На дальнем северном конце лужайки – прямо напротив усадьбы, близко к передней части вала – пришедшие айильцы разбивали лагерь и ставили палатки песочного

цвета. Они располагали их не так, как салдэйцы: вместо прямых рядов айильцы предпочитали небольшие группы, организованные по сообществам. Некоторые из людей Башира приветствовали проходящих мимо айильцев, но помощи никто не предлагал. Айильцы порой были вспыльчивы, а салдэйцы, хотя Найнив и считала их разумнее многих, все же были Порубежниками. Раньше стычки с айильцами составляли их образ жизни, да и Айильская война не так далеко ушла в прошлое. Сейчас они сражались на одной стороне, но это не мешало салдэйцам быть настороже — теперь, когда явилось

айильское войско.

Найнив огляделась в поисках Ранда или хоть какого-нибудь знакомого айильца. Она сомневалась, что Авиенда окажется с ними; она должна быть вместе с Илэйн в Кэймлине и помогать той удерживать трон Андора. Найнив все еще чувствовала себя виноватой за то, что бросила их, но *кто-то* же должен был помочь Ранду очистить *саудин*. Нельзя оставить человека с подобным наедине... но где же он?

Найнив остановилась на границе между салдэйским и новым айильским лагерями. Солдаты с пиками уважительно ей кивнули. Айильцы в коричневом и зеленом

скользили по траве, двигаясь плавно, словно вода.

Женщины в зеленом и синем носили белье от ручья невдалеке от усадьбы. Сосны с широкими иголками дрожали на ветру. В лагере царил переполох, как на деревенской лужайке в Бел Тайн. В какую сторону пошла Кадсуане?

Она почувствовала, как на северо-востоке направляют Силу. Найнив улыбнулась и решительным шагом тронулась с места, ее желтая юбка со свистом рассекала воздух. Направлять станет только Айз Седай или Хранительница Мудрости. Само собой, вскоре она увидела айильскую палатку побольше, возведенную у

края лужайки. Она направилась прямо к ней, и ее взгляды — а может, ее репутация — заставляли салдэйских солдат убираться у нее с дороги. Охранявшие вход Девы не попытались остановить ее.

Ранд, одетый в черное и красное, стоял внутри и перелистывал карты на прочном деревянном столике. Левую руку он держал за спиной. Рядом стоял Башир, кивая сам себе и изучая маленькую карту, которую держал перед собой.

Когда Найнив вошла, Ранд поднял глаза. Когда он стал так похож на Стража, откуда у него взялся этот быстрый оценивающий взгляд? Эти

глаза замечают любую угрозу, а тело напряжено, как будто он ждет нападения в любую минуту. *«Я не должна была позволить этой женщине забрать его из Двуречья, — подумала она. — Посмотрите-ка, на кого он стал похож».*

Тут же она нахмурилась — это было глупо. Останься Ранд в Двуречье, он сошел бы с ума и, вероятно, уничтожил бы всех — конечно, если бы троллоки, Исчезающие и сами Отрекшиеся не выполнили эту задачу первыми. Не приди Морейн за Рандом, он сейчас был бы мертв, и с ним ушел бы свет и надежда мира. Ей попросту было трудно избавиться от старых

предубеждений.

— А, Найнив, — сказал Ранд, расслабившись и вернувшись к картам. Он жестом показал Баширу, что надо внимательно рассмотреть одну из них, затем обернулся к ней. — Я как раз хотел послать за тобой. Руарк и Бэйл здесь.

Найнив подняла бровь и скрестила руки на груди.

— Н-да? — спросила она ровно — А я было решила, что все эти айильцы в лагере значат, что на нас напали Шайдо...

От ее тона его лицо напряглось, и его глаза вдруг стали... опасными. Но затем он просветлел, встряхнув головой, как будто хотел, чтобы та

прояснилась. Что-то от прежнего Ранда — того Ранда, который был простым пастухом — казалось, вернулось.

— Да, разумеется, ты бы заметила, — произнес он. — Я рад, что ты здесь. Мы начнем, когда вернутся клановые вожди. Я настоял на том, чтобы прежде, чем мы начнем, они проследили, как устроятся их люди.

Он жестом предложил ей сесть; на полу лежали подушки, а стульев не было. Айильцы презирали стулья, а Ранд, конечно, хотел, чтобы им было удобно. Найнив разглядывала его, удивляясь тому, как сильно натянуты ее собственные нервы. Он всего лишь шерстеголовая

деревенщина – неважно, сколько он приобрел влияния. Да, именно так.

Но она не могла выбросить из головы это выражение его глаз, эту вспышку гнева. Говорят, что корона многих меняет к худшему. Она собиралась проследить, чтобы такого не произошло с Рандом ал'Тором, но где ей искать убежище, если он вдруг решит заключить ее под стражу? Он же не станет так поступать, правда? Только не Ранд.

«Семираг сказала, что он безумен, – подумала Найнив. – Сказала... что он слышит голоса из прошлой жизни. Именно это происходит, когда он наклоняет голову, будто прислушиваясь к чему-

то, неслышному другим?»

Ее пробрала дрожь. Мин, само собой, была здесь в палатке – она сидела в углу и читала книгу «Зарождение Разлома». Мин слишком внимательно смотрела на страницы: она, конечно, слушала разговор Ранда с Найнив. Что она думала о переменах в нем? Она была к нему ближе, чем кто-либо другой – настолько близка, что, будь они все в Эмондовом Лугу, Найнив бы устроила им словесную порку, пока у них не закружится голова. Но хоть они уже не были в Эмондовом Лугу, и она перестала быть Мудрой, она удостоверилась в том, чтобы ее недовольство дошло до Ранда. Он

просто ответил:

— Если я женюсь на ней, моя смерть причинит ей еще больше боли.

Само собой, это была очередная глупость. Если ты собрался ввязаться во что-то опасное, то *тем более* следует пожениться. Это очевидно. Найнив устроилась на полу, расправила юбки и *намеренно* не стала думать о Лане. Ему нужно пройти такой длинный путь, и...

И она должна убедиться, что получит его узы до того, как он доберется до Запустения. На всякий случай.

Внезапно она выпрямилась. Кадсуане. Ее тут не было; если не

считать охраны, в палатке находились только Ранд, Найнив, Мин и Башир. Неужели она задумала что-то, что Найнив...

И тут вошла Кадсуане. Седая женщина была одета в простое платье бронзового оттенка. Она привлекала внимание самим присутствием, а не одеждой — и, конечно, в ее седых волосах блестели золотые украшения. Кореле вошла вслед за ней.

Кадсуане сплела стража от подслушивания — Ранд не стал возражать. Он должен больше проявлять себя — эта женщина практически приручила его, и Найнив тревожило, сколько всего

Кадсуане сходило с рук. Взять, к примеру, допрос Семираг. Отрекшиеся слишком могущественны и опасны, чтоб с ними нежничать. Семираг надо было усмирить в момент, когда они схватили ее... хотя мнение Найнив на этот счет и было напрямую связано с тем, как они держали в плену Могидин.

Кореле улыбнулась Найнив; у нее была склонность расточать всем улыбки. Кадсуане, как обычно, не обратила на Найнив внимания. Очень хорошо — Найнив не требовалось ее одобрение. Кадсуане считала, что она может всем указывать только потому, что

пережила всех остальных Айз Седай. Но Найнив знала, что мудрость мало зависит от возраста. Кенн Буйе был совсем старым, а разума у него было не больше, чем у кучи камней.

Многие из остальных Айз Седай и командиров просочились в палатку за следующие несколько минут; быть может, Ранд *на самом деле* послал гонцов, в том числе и за Найнив. В числе новоприбывших были Мериса и ее Стражи — одним из них был Аша'ман Джахар Нарисма, с колокольчиками, звеневшими на концах косичек. Также пришли Дамер Флинн, Элза Пенфелл и кое-кто из офицеров Башира. Когда кто-то входил, Ранд бросал на него

внимательный, настороженный взгляд — но быстро возвращался к своим картам. У него развивается паранойя? Иногда безумцы начинают подозревать всех.

В конце концов появились Руарк и Бэйл вместе с еще несколькими айильцами. Они вступили в большой вход палатки, будто крадущиеся коты. Странно, что с ними пришла группа Хранительниц Мудрости — Найнив почувствовала их, когда они оказались близко. Подобные собрания у айильцев часто считались либо делом вождей кланов, либо делом Хранительниц Мудрости — примерно так же, как в Эмондовом Лугу дела обстояли с Советом

Деревни и Кругом Женщин. Попросил ли Ранд присутствовать всех, или они сами решили прийти вместе, имея на это свои причины?

Оказывается, Найнив ошиблась насчет Авиенды; она была потрясена, увидев высокую рыжеволосую айилку за спинами Хранительниц. Когда та покинула Кэймлин? И зачем она таскает эту старую тряпку с обтрепанными краями?

Найнив не удалось ничего спросить у Авиенды, поскольку Ранд кивнул Руарку и остальным, приглашая их сесть. Они сели, а Ранд остался стоять у стола с картами. Он заложил руки за спину, сжимая ладонью культю, и задумчиво

воззрился на окружающих. Без всякого вступления он обратился к Руарку:

— Расскажи, что ты делал в Арад Домане. Мои разведчики сообщают, что этот район вряд ли можно назвать мирным.

Руарк принял у Авиенды чашку чая — значит, она все еще считается ученицей — и повернулся к Ранду. Пить он не стал.

— У нас было очень мало времени, Ранд ал'Тор.

— Мне не нужны извинения, — сказал Ранд. — Только результаты.

Лица некоторых Айил вспыхнули от гнева, а Девы у выхода обменялись яростными жестами.

Сам Руарк не выказал гнева, хотя Найнив заметила, что его рука крепче сжала чашку.

— Я разделил с тобой воду, Ранд ал'Тор, — сказал он. — Я не думаю, что ты пригласил бы меня сюда, чтобы оскорблять.

— Не ради оскорблений, Руарк, — ответил Ранд. — Только ради правды. Нам нельзя попусту тратить время.

— Нет времени, Ранд ал'Тор? — произнес Бэил. Вождь клана Гошиен был очень высоким мужчиной и, казалось, нависал над людьми, даже когда сидел. — Ты оставил многих из нас в Андоре без дела на целые месяцы — точить копья и пугать мокроземцев! Теперь ты посылаешь

нас в эту землю с невыполнимым приказом, а через какие-то недели прибываешь сам и требуешь результат?

— Вы были в Андоре, чтобы помочь Илэйн, — сказал Ранд.

— Она не хотела нашей помощи и не нуждалась в ней, — фыркнул Бэйл. — И она была права. Я бы лучше бегом пересек всю Пустыню с единственным мехом с водой, чем позволил кому-то вручить мне руководство моим кланом.

Лицо Ранда вновь потемнело, взгляд предвещал бурю — и Найнив опять вспомнила о шторме, назревавшем на севере.

— Эта земля разбита на части,

Ранд ал'Тор, – сказал Руарк гораздо более спокойным голосом, чем Бэйл. – Говорить об этом не значит приносить извинения, а быть осторожным при виде трудного задания не значит струсить.

– Нам *нужен* здесь мир, – прорычал Ранд. – Если вы не способны...

– Мальчик, – произнесла Кадсуане, – может, тебе стоит остановиться и подумать? Сколько ты знаешь случаев, когда айильцы тебя подводили? Сколько раз ты сам подводил их, оскорблял их и причинял им боль?

Ранд захлопнул рот, а Найнив закрипела зубами – почему она не

сказала это сама? Она посмотрела на Кадсуане, которой дали стул, — Найнив не помнила, чтобы та когда-либо сидела на полу. Стул с мягким красным сиденьем явно принесли из усадьбы — он был из светлых рогов элгилрима, которые тянулись, будто открытые ладони. Авиенда подала Кадсуане чай, и та осторожно отпила из чашки.

С явным усилием Ранд овладел собой.

— Руарк, Бэйл, прошу меня извинить. Последние несколько месяцев были... утомительными.

— У тебя нет к нам *тох*, — сказал Руарк. — Но прошу тебя, сядь. Давайте разделим тень и поговорим

вежливо.

Ранд громко вздохнул, кивнул и сел перед двумя вождями. Присутствующие Хранительницы — Эмис, Мелэйн, Бэйр — похоже, не собирались участвовать в беседе. Они наблюдали, вдруг поняла Найнив, совсем как она.

— Нам *нужен* мир в Арад Домане, друзья, — с этими словами Ранд развернул карту на полу палатки.

Бэйл покачал головой.

— Добрэйн Таборвин добился больших успехов в Бандар Эбане, — сказал он, — но Руарк был прав, когда назвал эту землю разбитой. Она как фарфоровая чаша Морского Народа,

которую сбросили с вершины горы. Ты приказал нам узнать, кто тут заправляет, и выяснить, сможем ли мы восстановить порядок. Ну, судя по всему — здесь не заправляет *никто*. Каждый город остался сам по себе.

— А Совет Торговцев? — спросил Башир, сев рядом и потирая костяшками пальцев усы, пока он разглядывал карту. — Мои разведчики говорят, что власть в какой-то степени все еще принадлежит им.

— Это верно для тех городов, где они правят, — ответил Руарк. — Но их влияние слабое. Только одна из них осталась в столице, но там от нее мало что зависит. Мы остановили

бои на улицах, но на это ушло много сил. — Он покачал головой. — Вот что получается, когда пытаешься подчинить больше земель, чем холды и клан. Без короля эти доманийцы не знают, кто отвечает за все.

— Где он? — спросил Ранд.

— Никто не знает, Ранд ал'Тор. Он исчез. Кто-то говорит, несколько месяцев назад, другие — что прошли годы.

— Его могла заполучить Грендаль, — пробормотал Ранд, пристально изучая карту. — Если она здесь. Да, вероятно, она здесь. Но где? Она не поселится в королевском дворце — это на нее не похоже. У нее должен быть *свой* дом, такой, где она

сможет демонстрировать трофеи. Какое-то место, которое само по себе трофеей... но не такое, о котором подумают сразу. Да... я знаю. Ты прав. Раньше она поступала именно так...

Какая фамильярность! Найнив пробрала дрожь. Авиенда встала на колени рядом с ней и протянула чашку чая. Найнив взяла ее, встретившись с девушкой глазами, и шепотом начала формулировать вопрос, но Авиенда коротко мотнула головой. «Позже», казалось, читалось в ее жесте. Она поднялась и удалилась в глубину комнаты, и там, поморщившись, взяла тряпку и принялась по одной выдергивать из

нее нитки. Какой в этом смысл?

— Кадсуане, — Ранд перестал бормотать и заговорил нормальным голосом. — Что ты знаешь о Совете Торговцев?

— Там в-основном женщины, — ответила Кадсуане, — и очень хитроумные, должна сказать. Впрочем, это эгоистичный народец... Их обязанность — выбрать короля, и после исчезновения Алсалама они должны были найти ему замену. Слишком многие видят в этом открывающиеся возможности, и поэтому они не могут прийти к согласию. Можно предположить, что перед лицом беспорядка они разделились, чтобы укрепить власть

в родных городах, и борются за положение и союзы, предлагая друг другу на рассмотрение собственные кандидатуры короля.

— А доманийская армия, которая сражается с Шончан? — спросил Ранд. — Это их работа?

— Я ничего об этом не знаю.

— Ты имеешь в виду этого Родела Итуралде, — сказал Руарк.

— Да.

— Он хорошо сражался двадцать лет назад, — произнес Руарк, потирая квадратный подбородок. — Он один из тех, кого вы зовете великим полководцем. Я был бы не прочь станцевать с ним танец копий.

— Ни в коем случае, — отрезал

Ранд. – По крайней мере, пока я жив. Нам нужно защитить эту землю.

– И ты хочешь, чтобы мы сделали это без боя? – удивился Бэйл. – Этот Родел Итуралде, по слухам, бьется с Шончан как песчаная буря, вызывая их ярость даже лучше тебя, Ранд ал'Тор. Он не будет спать, пока ты захватываешь его родину.

– Еще раз, – произнес Ранд, – мы пришли не захватывать.

Руарк вздохнул.

– Тогда зачем посылать нас, Ранд ал'Тор? Почему не твоих Айз Седай? Они понимают мокроземцев. Эта страна – будто целое королевство детей, а мы – горстка взрослых,

которые должны заставить их слушаться. А ты еще и запрещаешь нам их шлепать.

— Вы можете сражаться, — сказал Ранд, — но только если необходимо. Руарк, все это вышло за границы возможностей Айз Седай вернуть порядок; ты — можешь это сделать. Люди боятся айильцев — они будут вас слушаться. Если мы остановим войну доманийцев с Шончан, то, возможно, Дочь Девяти Лун поймет, что я всерьез хочу мира. Тогда она, может быть, согласится на встречу со мной.

— Почему не поступить так, как ты делал раньше? — спросил Бэйл. — Захватить эту землю для себя?

Башир кивнул, бросив взгляд на Ранда.

— В этот раз не сработает, — ответил Ранд. — Война здесь потребует слишком много усилий. Ты говорил об Итуралде — он сдерживает Шончан с совсем скудными запасами и небольшой группой людей. Стоит ли бросать вызов настолько изобретательному человеку?

Казалось, Башир задумался — как будто он и правда прикидывал, как бросить вызов этому Итуралде. Мужчины! Все они одинаковы. Предложи им попробовать силы в чем-нибудь сложном, и им уже интересно — какая разница, что их, вероятно, в итоге насадят на пику?

– Немного на свете найдется людей, подобных Роделу Итуралде, – сказал Башир. – Он бы невероятно помог нашему делу. Мне всегда было интересно, удалось бы мне победить его.

– Нет, – повторил Ранд, глядя на карту. Найнив видела только, что на ней обозначены скопления войск, помеченные записями. Айильцы представляли собой организованный беспорядок угольно-черных меток в верхней части Арад Домана; силы Итуралде находились глубоко внутри Равнины Алмот, где они сражались с Шончан. Центр Арад Домана походил на море беспорядочных черных пометок – скорее всего,

личные войска дворян.

— Руарк, Бэил, — сказал Ранд. — Я хочу, чтобы вы захватили членов Совета Торговцев.

В палатке воцарилась тишина.

— Мальчик, а ты уверен, что это разумно? — спросила Кадсуане в конце концов.

— Им угрожает опасность со стороны Отрекшихся, — ответил Ранд, отсутствующе барабанив пальцами по карте. — Если Грендаль и вправду завладела Алсаламом, то не будет никакого толку в том, чтобы получить его назад. Ее Принуждение настолько сильное, что у него едва сохранится разум младенца. Она не отличается утонченностью и никогда

не отличалась. Нам нужно, чтобы Совет Торговцев избрал нового короля. Это единственный способ вернуть королевству мир и покой.

Башир кивнул.

— Смело.

— Мы не похитители людей, — нахмурился Бэйл.

— Вы то, что я скажу, — тихо произнес Ранд.

— Мы все еще свободный народ, Ранд ал'Тор, — сказал Руарк.

— Своим пришествием я изменю Айил, — Ранд потрянул головой. — Я не знаю, чем вы станете, когда всему этому придет конец, но вы не сможете остаться такими, как раньше. Мне нужно, чтобы вы

взялись за это задание. Среди моих последователей я доверяю вам больше всех. Если нам нужно захватить членов Совета и не развязать этим еще большую войну, то мне понадобится ваша изобретательность и скрытность. Вы можете проникнуть в их дворцы и поместья так же, как вы пробрались в Тирскую Твердыню.

Руарк и Бэйл, хмурясь, поглядели друг на друга.

— Как только вы захватите Совет Торговцев, — продолжил Ранд, очевидно не интересуясь их беспокойством, — отправьте айильцев в города, где те правили. Убедитесь, что положение в городах не

ухудшится. Восстановите порядок так же, как в Бандар Эбане. Начните охоту на грабителей и силой добейтесь, чтоб исполняли закон. Скоро придут припасы от Морского Народа. Сначала займитесь городами у побережья, затем двигайтесь вглубь страны. Через месяц доманийцы должны бежать к вам, а не от вас! Предложите им безопасность и пищу, и порядок восстановится сам.

Удивительно разумный план. Ранд и вправду умен — для мужчины. В нем много хорошего, и, может быть, у него душа предводителя — если только он сможет держать себя в руках.

Руарк продолжал тереть

подбородок.

— Даврам Башир, нам бы очень помогло, будь с нами кто-то из ваших салдэйцев. Мокроземцам не нравится идти за Айил. Если они будут думать, что всем заправляют мокроземцы, то они скорее явятся к нам за помощью.

Башир расхохотался.

— Из нас к тому же получатся неплохие мишени! Едва мы схватим нескольких членов Совета, остальные тут же подошлют к нам убийц.

Руарк рассмеялся, как будто счел это хорошей шуткой. У айильцев было весьма странное чувство юмора.

— Мы позаботимся, чтобы ты выжил, Даврам Башир. Если у нас ничего не выйдет, то мы сделаем из тебя чучело, посадим на твою лошадь, и из тебя получится прекрасный колчан для их стрел!

Бэил громко расхохотался, а Девы у входа вновь принялись обмениваться жестами.

Башир хмыкнул, хотя он тоже вряд ли понял шутку.

— Ты уверен, что хочешь именно этого? — спросил он Ранда. Тот кивнул.

— Отдели часть своего войска и пошли ее с айильскими отрядами, как решит Руарк.

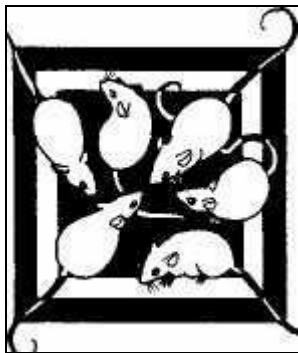
— А что будем делать с

Итуралде? – Башир снова посмотрел на карту. – Как только он поймет, что мы вторглись на его родину, миру конец.

Ранд легонько побарабанил пальцами по карте.

– Я разберусь с ним сам, – наконец сказал он.

Глава 8. Чистые рубашки

Небо хозяина доков, так оно называлось. Эти серые облака, закрывающие солнце, бурные и мрачные. Возможно, в отличие от Суан, остальные в этом лагере

вблизи Тар Валона не замечали постоянных облаков. Но ни один моряк их не пропустит — они недостаточно темные, чтобы предвещать бурю, но и недостаточно светлые, чтобы намекать на спокойную воду.

Такое небо, как это, было неоднозначным. Ты можешь уйти в море и не увидеть ни капли дождя или намека на бурю. Или в мгновение ока оказаться посреди бури. Он обманчив, этот облачный покров.

В большинстве портов берут ежедневную пошлину с каждого корабля, вставшего на якорь в их гавани, но в дни шторма, когда

рыбаки сидять без улова, плата уменьшается вдвое или не взимается вообще. В такие, как этот, облачные, но без уверенности в предстоящем шторме, дни хозяева доков брали плату за день в полном размере. И тогда рыбаку приходилось выбирать: оставаться в порту и ждать или отправиться на лов, чтобы оплатить портовые сборы. Чаще всего буря не начиналась. Большинство таких дней были безопасными.

Но если в подобный день начинался шторм, он всегда был очень скверным. Много самых ужасных бурь возникло именно из неба хозяина дока. Вот почему некоторые рыбаки звали подобные

облака иначе. Они называли их покрывалом рыбы-льва. Прошло много дней с тех пор, как на небе можно было увидеть какую-либо иную картину. Суан вздрогнула, плотнее закутавшись в шаль. Такие облака – плохой знак.

Она сомневалась, что много рыбаков решили сегодня выйти в море.

– Суан? – позвала ее Лилейн слегка раздраженным голосом. – Поторопись. И я не хочу больше слышать суеверную ерунду про небо. Честное слово. – Высокая Айз Седай развернулась и пошла дальше.

«Суеверную? – подумала Суан негодуя. – *Тысяча поколений*

мудрости не может быть суеверием. Это здравый смысл!» Но она промолчала и поторопилась за Лилейн. Вокруг нее лагерь Айз Седай, верных Эгвейн, продолжал жить своей обычной жизнью, четкой, как механизм часов. Есть вещь, которая у Айз Седай получается особенно хорошо, – устанавливать порядок. Палатки были разделены на группы по Айя, будто подражая планировке Белой Башни. Там было мало мужчин, и большинство из тех, кто проходил мимо – солдаты из армии Гарета Брина с поручениями, конюхи, ухаживающие за лошадьми – спешно исполняли свои обязанности. Среди работающих было значительно

больше женщин, многие из которых дошли до того, что вышили пламя Тар Валона на юбках и лифах.

Единственной странностью этого лагеря, не считая того, что вместо комнат были палатки, а вместо выложенных плитками коридоров — деревянные мостки, было количество послушниц. Их были сотни и сотни. Действительно, их число, должно быть, превысило тысячу — куда больше, чем было в Башне в последнее время. Когда Айз Седай воссоединятся, пустовавшие десятилетиями покои послушниц снова будут открыты. Им даже, наверное, потребуется вторая кухня.

Семейки послушниц суетились

вокруг, и большинство Айз Седай старались их не замечать. Некоторые делали это по привычке – кто обращает внимание на послушниц? Другие поступали так из недовольства. По их мнению, женщины, по возрасту годящиеся в матери и бабушки – более того, многие *уже* являлись матерями и бабушками – не должны были быть вписаны в книгу послушниц. Но что поделать? Эгвейн ал'Вир, Престол Амерлин, объявила, что так должно быть.

Проходя мимо, Суан все еще чувствовала замешательство некоторых Айз Седай. Эгвейн должна была находиться под их

контролем. Что пошло не так? Когда Амерлин ускользнула от них? Суан могла бы еще сильнее раздуться от самодовольства, наслаждаясь их видом, если бы не волновалась об Эгвейн, остающейся в плену в Белой Башне. Это действительно было покрывало рыбы-льва. Возможно, великий успех, но возможно, и великая катастрофа. Она поторопилась за Лилейн.

— Каково положение на переговорах? — спросила Лилейн, не удосужившись посмотреть на Суан.

«Могла бы сходить на одно из собраний и выяснить сама», — подумала Суан. Но Лилейн хотела казаться контролирующей ситуацию,

а не предпринимающей активные действия. И ее вопрос Суан там, где все могли слышать, также был умышленным шагом. Суан была известна как одно из доверенных лиц Эгвейн, и все еще помнили, что когда-то она сама была Амерлин. Что именно Суан ответит Лилейн было неважно, однако отчет перед ней в присутствии свидетелей увеличивал влияние Лилейн в лагере.

— Они проходят не очень хорошо, Лилейн, — сказала Суан. — Посланницы Элайды ничего не обещают и принимают возмущенный вид, когда мы поднимаем важные вопросы, такие, как восстановление Голубой Айя. Я сомневаюсь, что у

них есть полномочия от Элайды на заключение соглашений.

— Хмм, — глубокомысленно протянула Лилейн, кивая группе послушниц. Они присели в реверансе. Проявив прозорливость, Лилейн стала благосклонно отзываться о новых послушницах.

Нелюбовь же к ним Романды была хорошо известна. Теперь, когда Эгвейн не было, Романда начала намекать, что, как только примирение будет достигнуто, с этой глупостью — пожилыми послушницами — должно быть быстро покончено. Несмотря на это, все больше и больше других сестер видели мудрость Эгвейн. Среди

новых послушниц были очень сильные, и немало из них будут возвышены до Принятых в момент, когда они попадут в Белую Башню. Выражая молчаливое одобрение этим женщинам, Лилейн за последнее время привязала себя еще одной ниточкой к Эгвейн.

Суан пристально посмотрела на удаляющуюся семью послушниц. Они приседают в реверансе перед Лилейн почти так же быстро и с тем же почтением, как и перед Амерлин. Становилось ясно, что после месяцев равновесия Лилейн начала с заметным перевесом выигрывать битву против Романды.

И это было очень большой

проблемой.

Не то, чтобы Суан не нравилась Лилейн. Она способная, волевая и решительная. Когда-то они были подругами, хотя их отношения коренным образом изменились, когда изменилось положение Суан.

Да, можно сказать, что ей нравится Лилейн. Но она не доверяет этой женщине и очень не хочет видеть ее в качестве Амерлин. В другое время Лилейн бы хорошо справилась с этой ролью. Но этот мир нуждался в Эгвейн, и, несмотря на дружбу, Суан не могла позволить этой женщине занять место законной Амерлин. И ей было необходимо убедиться в том, что Лилейн не

предпримет никаких действий, чтобы предотвратить возвращение Эгвейн.

– Ну, – сказала Лилейн, – нам надо будет обсудить переговоры в Совете. Амерлин хочет, чтобы они продолжались, так что, разумеется, мы не можем позволить им прекратиться. Но все-таки должен быть способ сделать их эффективными. Пожелания Амерлин должны быть учтены, не так ли?

– Несомненно, – решительно ответила Суан.

Лилейн уставилась на нее, и Суан прокляла себя за то, что позволила себе показать эмоции. Лилейн должна была поверить в то,

что Суан на ее стороне.

– Прости, Лилейн. Эта женщина приводит меня в бешенство. Почему Элайда продолжает переговоры, если она не соглашается ни с одним пунктом?

Лилейн кивнула.

– Да. Но кто может сказать, почему Элайда делает то, что она делает? Сообщения Амерлин указывают на то, что правление Элайды в Башне было... в лучшем случае беспорядочным.

Суан просто кивнула. К счастью, кажется, Лилейн не подозревала Суан в отсутствии преданности. Или ее это не волновало. Примечательно, какой безобидной считали Суан

теперь, когда ее сила так сильно уменьшилась.

Быть слабой было для нее чем-то новым. С первых ее дней в Белой Башне сестры заметили ее силу и острый ум. Слухи о том, что она станет Амерлин, возникли почти сразу же. Временами казалось, что Узор сам толкал Суан прямо на Престол Амерлин. Хотя ее поспешное восшествие на него, когда она была столь молодой, стало сюрпризом для многих, сама она не была шокирована. Когда забрасываешь как наживку кальмара, не стоит удивляться, что поймаешь клыкастую рыбу. Если хочешь поймать угря, используй что-нибудь

совершенно иное.

Сначала, когда она только была Исцелена, ее уменьшившаяся сила стала разочарованием. Но это изменилось. Да, это приводило в бешенство – быть ниже столь многих по положению и испытывать недостаток в уважении от окружающих. Тем не менее, из-за того, что она стала слабее в силе, многие, похоже, решили, что она также стала слабее в политике. Разве могут они так быстро все позабыть? Она находила свое новое положение среди Айз Седай более свободным.

– Да, – сказала Лилейн, кивая другой группе послушниц. – Я думаю, пора отправить посланников

в незавоеванные ал'Тором королевства. Мы можем не удерживать саму Белую Башню, но это не повод забрасывать руководство миром.

– Да, Лилейн, – сказала Суан. – Но можешь ли ты быть уверена в том, что Романда не будет с этим спорить?

– А почему она должна? – Презрительно спросила Лилейн. – В этом нет смысла.

– Немногое из того, что делает Романда, имеет смысл, – сказала Суан. – Я думаю, она не соглашается, только чтобы досадить тебе. Но я действительно видела на неделе, как она болтает с Маралендой.

Лилейн

нахмурилась.

Мараленда была дальней родственницей дому Траканд.

Суан скрыла улыбку.

Удивительно, сколько ты можешь совершить, когда люди списывают тебя счетов. На скольких женщин она не обращала внимания, потому что им не доставало видимой силы? Насколько часто ею манипулировали так же, как она сейчас манипулирует Лилейн?

— Я разберусь с этим, — сказала Лилейн. Неважно, что она выяснит. Пока она занята Романдой, она не сможет тратить много времени на захват власти у Эгвейн.

Эгвейн. Амерлин необходимо

поторопиться и закончить со своими интригами в Белой Башне. Какой смысл подрывать положение Элайды, если без присмотра Эгвейн сестры вне Башни разделятся? Суан могла только сбивать с толку Романду и Лилейн как можно дольше, особенно сейчас, когда у Лилейн было столь явное преимущество. О Свет! Иногда она чувствовала себя так, будто пытается жонглировать живой и смазанной маслом щукой-серебрянкой.

Суан проверила расположение солнца за небом хозяина доков. Был поздний вечер.

– Рыбий потрох! – проворчала она. – Мне нужно идти, Лилейн.

Лилейн бросила на нее беглый взгляд.

– У тебя стирка, полагаю? Для этого твоего бандита-генерала?

– Он *не* бандит, – огрызнулась Суан и выругалась про себя. Она потеряет большую часть своего преимущества, если продолжит огрызаться на тех, кто считает себя выше нее.

Лилейн улыбнулась, ее глаза светились, будто она знала что-то особенное. Несносная женщина. Друзья они там или нет, но Суан уже наполовину решила стереть...

Нет.

– Извини, Лилейн, – выдавила из себя Суан. – Я едва не выхожу из

себя, когда думаю о том, что этот мужчина требует от меня.

– Да, – сказала Лилейн, изогнув губы в улыбке. – Я обдумывала это, Суан. Амерлин, возможно, сносила запугивание Брином сестры, но я не буду это поддерживать. Ты теперь одна из моих помощниц.

«Одна из твоих помощниц?» – подумала Суан. - «Я думала, что буду поддерживать тебя до возвращения Эгвейн».

– Да, – Лилейн задумалась. – Я считаю, что пора положить конец твоей службе Брину. Я выплачу твой долг, Суан.

– Выплатишь мой долг? – переспросила Суан, чувствуя

подступающую панику. — Разумно ли это? Не то, чтобы я возражала против освобождения от этого человека, но мое положение предоставляет мне весьма полезные возможности подслушивать его планы.

— Планы? — нахмурившись, спросила Лилейн.

Суан внутренне сжалась. Последнее, что она хотела, — это намекать на непорядочность Брина. Свет, этот мужчина настолько прямодушен, что рядом с ним *Стражи* с исполнением своих клятв выглядят жалко.

Ей следовало просто позволить Лилейн покончить с этим глупым прислуживанием, но от этой мысли у

нее скрутило желудок. Брин уже был разочарован тем, что она нарушила свою клятву несколько месяцев назад. Ну, она не нарушала клятву, она просто отсрочила время ее исполнения. Но попробуй убедить в этом упрямого дурака!

Если сейчас она выберет простой путь, что тогда он подумает о ней? Он подумает, что он победил, что она показала свою неспособность держать слово. Она ни за что не позволит этому случиться.

Кроме того, она не собиралась позволить Лилейн стать своей освободительницей. Это всего лишь передало бы ее долг от Брина к

Лилейн. Эта Айз Седай потребует его выплаты куда более изощренными способами; за каждую монету придется платить, и не только преданностью.

– Лилейн, – мягко сказала Суан. – Я ни в чем не подозреваю хорошего генерала. Но, как бы то ни было, он контролирует наши армии. Можем ли мы доверить ему делать то, что требуется, без какого-либо присмотра?

Лилейн фыркнула.

– Я не уверена, что хоть одному мужчине можно доверять, не руководя им.

– Я ненавижу стирать его белье, – сказала Суан. Действительно,

ненавидела. Несмотря на то, что она не перестанет этого делать за все золото Тар Валона. – Но если долг требует от меня находиться рядом, держа ухо востро...

– Да, – сказала Лилейн, медленно кивая. – Да, я понимаю, ты права. Я не забуду твоей жертвы, Суан. Хорошо, ты свободна.

Лилейн развернулась, мельком взглянув на свою руку, будто тоскуя о чем-то. Возможно, о том дне, когда она в качестве Амерлин сможет подставить кольцо Великого Змея для поцелуя, прощаясь с другой сестрой. Свет, Эгвейн надо срочно возвращаться. Щука-серебрянка в масле! Проклятая щука-серебрянка в

масле!

Суан отправилась к окраине лагеря Айз Седай. Армия Брина окружала этот лагерь большим кольцом, но она была на дальней от Брина стороне этого кольца. Чтобы дойти до шатра генерала, придется потратить добрых полчаса. К счастью, она нашла возницу, который грузил припасы для армии, доставленные через Врата. Невысокий седой мужчина немедленно согласился позволить ей доехать вместе с репой, хотя он выглядел озадаченным тем, что она не поехала на лошади, как подобало Айз Седай. Ну, было не так уж далеко, и поездка вместе с овощами

была куда менее унижительной, чем тряска на лошади. Если Гарет Брин захочет пожаловаться на ее медлительность, то получит нагоняй. Точно получит!

Она устроилась сзади, напротив бугристого мешка с репой, свесив прикрытые коричневой юбкой ноги с телеги. Повозка поехала под небольшим уклоном, и Суан могла рассмотреть лагерь Айз Седай с его белыми шатрами, напоминающий своей организацией город. Армия окружала его кольцом с шатрами меньшего размера, расположенными прямыми линиями, и уже вокруг *них* разрасталось кольцо тех, кто прибил к лагерю.

Окружающий ландшафт был коричневым, зимний снег растаял, но лишь кое-где пробивались редкие ростки. Сельская местность была покрыта зарослями дубов; тени в долинах и выющиеся струйки дыма из труб указывали на далекие деревни. Удивительно, какими знакомыми, какими желанными казались эти луга. Когда она впервые пришла в Белую Башню, она была уверена, что никогда не полюбит эту окруженную сушей страну.

Теперь большую часть своей жизни, куда больше, чем в Тире, она прожила в Тар Валоне. Порой было трудно припомнить ту девчонку, которая чинила сети и ранним утром

отправлялась с отцом их ставить. Она стала кем-то другим, женщиной, которая торговала секретами охотнее, чем рыбой.

Тайны, могущественные, господствующие надо всем тайны. Они стали ее жизнью. Никакой любви после юношеских увлечений. Не было времени на привязанности или на дружбу. Она сосредоточилась на одной вещи – на поиске Дракона Возрожденного. Помогать ему, направлять, в надежде его контролировать.

Мореин погибла, преследуя ту же цель, но, в конце концов, она-то смогла выбраться из Башни и увидеть мир.

Суан стала старше – духом, если не телом – запертая в Башне, дергая за ниточки и подталкивая мир в нужном направлении. И у нее неплохо получалось. Время покажет, было ли этих попыток достаточно.

Она не сожалела о своей жизни. Но в данный момент, проезжая мимо армейских шатров, когда повозка тряслась на ямах и выбоинах, гремя как сухие рыбные кости в котле, она завидовала Морейн. Как часто Суан смотрела в окно на прекрасный зеленый пейзаж до тех пор, пока её не начало от него воротить? Они с Морейн истово боролись за спасение мира, но при этом отреклись от многих радостей в жизни.

Возможно, Суан сделала ошибку, оставшись в Голубой Айя, в отличие от Лиане, которая воспользовалась их усмирением и последующим Исцелением, чтобы сменить Айя на Зеленую. «*Нет*», – подумала Суан, пока повозка грохотала, распространяя запах горькой репы. – «*Нет, я все еще сосредоточена на спасении этого проклятого мира*». Для нее не будет возможности стать Зеленой. Хотя при мыслях о Брине ей хотелось, чтобы Голубые, в определенном отношении, были немного более похожи на Зеленых.

У Суан-Амерлин не было времени на привязанности, но что насчет Суан-помощницы? Чтобы

направлять людей тихими манипуляциями, требовалось куда больше навыков, чем чтобы заставлять их, пользуясь силой Престол Амерлин, и это доставляло большее удовлетворение. Но это также сняло с нее сокрушительную тяжесть ответственности, которую она ощущала в течение тех лет, когда возглавляла Белую Башню. Может быть, в ее жизни еще есть место еще для некоторых перемен?

Повозка достигла дальней стороны военного лагеря, и она тряхнула головой, коря себя за собственную глупость, затем спрыгнула и поблагодарила возчика. Разве она девочка, едва

повзрослевшая, чтобы в первый раз на целый день отправиться на лов черной рыбы? Бесполезно так думать о Брине. По крайней мере, сейчас. Предстояло очень многое сделать.

Она шла по окраине лагеря, оставляя армейские шатры по левую руку. Темнело; фонари, сжигающие драгоценное масло, освещали неорганизованно расставленные лачуги и палатки справа от нее. Впереди она видела небольшой круговой частокол на армейской стороне лагеря. Он не был достаточно большим, чтобы окружить целую армию, его хватало всего лишь на то, чтобы оградить несколько дюжин офицерских

шатров и большие шатры командования. В случае крайней необходимости он мог быть использован как укрепление, однако большую часть времени он был командным центром – Брин полагал, что полезно установить физический барьер, отделяющий основной лагерь от места, где он проводил совещания со своими офицерами. В противном случае, с беспорядком в той части лагеря, где находились гражданские, и с такой длинной границей, которую требовалось патрулировать, для шпиона было бы слишком просто подобраться к его шатрам.

Частокол был закончен всего на три четверти, но работа продвигалась

быстро. Возможно, если осада продлится достаточно долго, он огородит так всю армию. Но на данный момент Брин считал, что небольшой укрепленный командный пост не только даст солдатам ощущение безопасности, но и научит их должной субординации.

Впереди из земли вырастали восьмифутовые деревянные колья, словно стоящая плечом к плечу шеренга часовых с поднятыми вверх копьями. Пока шла осада, было немало тех, кто тратил свои силы на подобную работу. Часовые у ворот знали, что ее следовало пропустить, и она быстро направилась к шатру Брина. У нее было белье для стирки,

правда, большая его часть, возможно, останется на утро. Она намеревалась встретиться с Эгвейн в *Тел'аран'риоде*, как только стемнеет, а зарево заката уже начинало блекнуть.

Палатка Бриана, как обычно, была освещена очень скупо. Пока люди снаружи безрассудно растрачивали свое масло, он экономил. Большинство его подчиненных жили лучше него. Глупый мужчина. Суан вошла в шатер, не спросив разрешения.

Если он достаточно глуп, чтобы переодеваться, не зайдя за ширму, он достаточно глуп и для того, чтобы его за этим увидели.

Он сидел за своим столом при тусклом свете одинокой свечи. Оказалось, он читал рапорты разведчиков.

Позволив пологу шатра опуститься за ней, Суан фыркнула. Ни одной лампы! Мужчина!

– Ты испортишь себе зрение, если будешь читать при таком скудном свете, Гарет Брин.

– Я читал при свете одной свечи большую часть своей жизни, Суан, – сказал он, переворачивая страницу и даже не поднимая глаз. – И, чтобы ты знала, мое зрение осталось таким же, каким было, когда я был мальчишкой.

– Да? – спросила Суан. – Так ты

говоришь, что твое зрение было плохим изначально?

Брин ухмыльнулся, но продолжил чтение. Суан снова фыркнула, достаточно громко, чтобы быть уверенной, что он это услышит. Затем она сплела шар света и повесила его рядом со столом. Глупый мужчина. Она не позволит ему ослепнуть настолько, чтобы пасть в битве от удара, который он не увидит. Оставив свет возле его головы, возможно, слишком близко к нему, чтобы он не чувствовал себя удобно, не отодвинувшись, она пошла снимать одежду с веревки для сушки белья, которую она натянула посередине шатра. Он не возмутился

тому, что она использовала *внутреннее* пространство его шатра для сушки белья, и даже ничего не убрал. Вот разочарование. Она уже предвкушала, какое ему за это будет наказание.

— Женщина из наружного лагеря подходила ко мне сегодня, — сказал Брин, отодвигая свой стул в сторону, и взял еще одну стопку страниц. — Она предлагала мне услуги прачки. Она организовала группу прачек в лагере, и заявила, что сможет стирать мои вещи куда лучше и быстрее, чем одна растерянная служанка.

Суан замерла, задержав взгляд на Брине, который просматривал свои бумаги. Его челюсть

подсвечивалась слева ровным белым светом от ее шара, а справа — мерцающим светом оранжевой свечи. Одни мужчины с возрастом становились слабее, другие начинали выглядеть уставшими или неряшливыми. Брин же просто стал изысканным, как колонна, сделанная мастером-каменотесом, а потом предоставленная стихиям. Возраст не уменьшил его полезность или его силу. Он просто дал ему характер, посыпав серебром виски, покрыв его твердое лицо морщинами мудрости.

— И что ты ответил этой женщине? — спросила она.

Брин перевернул страницу.

— Я сказал ей, что меня все

устраивает, — он посмотрел на нее. — Должен сказать, Суан, я удивлен. Я предполагал, что Айз Седай мало знают о подобной работе, но моя форма раньше редко представляла собой такое совершенное сочетание жесткости и удобства. Тебя стоит похвалить.

Суан отвернулась от него, пряча румянец. Глупый мужчина! Перед ней короли опускались на колени! Она правила Айз Седай и планировала спасение человечества! А он похвалил ее за то, что она хорошо *стирает*?

Что самое главное, со стороны Бриана это был честный и значимый комплимент. Он не смотрел свысока

на прачек или посыльных. Он со всеми обращался одинаково. Человек не становился достойным в глазах Гарета Брина из-за того, что был королем или королевой; заработать уважение мог тот, кто держал свое слово и выполнял свой долг.

Для него комплимент хорошо постиранным вещам значил столько же, сколько и медаль, врученная солдату, защитившему свою землю в бою с врагом.

Она оглянулась на него. Он все еще смотрел на нее. Глупый мужчина! Она торопливо взяла другую его рубашку и начала складывать ее.

— Ты так вразумительно и не

объяснила, почему ты нарушила свою клятву, – сказал он.

Суан замерла, глядя на дальнюю стенку шатра, покрытую тенями от висящего белья. -

– Я думала, ты понял, – сказала она, продолжая складывать. – У меня была важная информация для Айз Седай в Салидаре. Кроме того, не могла же я позволить сбежать Логайну, не так ли? Я должна была найти его и доставить в Салидар.

– Это оправдания, – сказал Брин. – О, я знаю, что все это правда. Но ты – Айз Седай. Ты можешь привести четыре факта и использовать их, чтобы скрыть правду, так же успешно, как другие используют

ЛОЖЬ.

— Ты обвиняешь меня во лжи? — требовательно поинтересовалась она.

— Нет, — сказал он. — Только в клятвопреступлении.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами. Что ж, сейчас она выскажет ему все, что...

Она колебалась. Он смотрел на нее, с двух сторон облитый светом, глаза были задумчивы. Взгляд сдержанный, но без обвинения.

— Этот вопрос привел меня сюда, — сказал он. — Именно поэтому я искал тебя все это время. Именно поэтому я принес клятву мятежным Айз Седай, хотя у меня было мало желания быть втянутым в очередную

войну в Тар Валоне. Я сделал все это, потому что мне необходимо было понять. Я должен был узнать. Почему? Почему женщина с такими глазами — с такими страстными, преследующими меня глазами — нарушила свою клятву?

— Я же сказала тебе, что собиралась вернуться и исполнить эту клятву, — сказала Суан, отворачиваясь от него и хватая рубашку, висящую перед ней, чтобы расправить ее.

— Еще одно оправдание, — сказал он мягко. — Еще один ответ Айз Седай. Я когда-нибудь услышу от тебя всю правду, Суан Санчей? Кому-нибудь хоть когда-нибудь это

удавалось?

Он вздохнул, и она услышала шорох бумаги, пламя свечи слабо колыхалось от его плавных движений, когда он вернулся к своим рапортам.

— Когда я была Принятой в Белой Башне, — тихо сказала Суан. — Я была одной из четверых людей, которые присутствовали при том, как Пророчество возвестило о появлении на свет Дракона Возрожденного на склоне Драконовой Горы, — Шуршание замерло.

— Одна из двух других присутствовавших, — продолжила Суан, — умерла на месте. Другая умерла вскоре после этого. Я

уверена, что она – Престол Амерлин – была убита Черными Айя. Да, они существуют. Если ты кому-нибудь скажешь, что я это подтвердила, я вырву тебе язык.

– Как бы то ни было, перед смертью Амерлин отправила Айз Седай на поиски Дракона Возрожденного. Все эти женщины исчезли одна за другой. Наверное, Черные под пыткой вытянули их имена у Тамры, прежде чем убить ее. Она вряд ли так легко выдала эти имена. Я все еще иногда вздрагиваю, думая о том, через что ей пришлось пройти.

– Вскоре нас осталось только двое, тех, кто знал, – продолжила

Суан. – Морейн и я. Мы не должны были услышать Пророчество. Мы были всего лишь Принятыми, случайно оказавшимися тогда в комнате. Я уверена, что Тамра каким-то образом смогла скрыть наши имена от Черных, ведь если бы она не смогла этого сделать, нас бы убили, как и остальных.

– Нас осталось двое. Всего двое в целом мире, кто знал, что надвигается. В конце концов, всего двое тех, кто служил Свету. И потому я делала то, что должна была, Гарет Брин. Я посвятила свою жизнь подготовке прихода Дракона. Я поклялась довести нас до того момента, когда Последняя Битва

окончится. Сделать все возможное — *все* возможное — чтобы вынести выпавшую мне ношу. Был всего один человек, кому я была уверена, что могу доверять, и теперь она мертва.

Суан повернулась, встретив его взгляд. Легкий ветерок колебал стенки шатра и заставил колыхаться пламя свечи, но Брин сидел неподвижно, глядя на нее.

— Теперь ты понимаешь, Гарет Брин, — сказала она. — Мне *пришлось* отсрочить исполнение клятвы, данной тебе, из-за других клятв. Я поклялась пройти через это до конца, а Дракон еще не встретил свою судьбу в Шайол Гул. Клятвы, данные человеком, должны быть исполнены

в порядке их важности. Когда я принесла тебе клятву, я не обещала тут же начать служить тебе. Я была очень внимательна к этому. Ты назовешь это игрой слов Айз Седай, но я назову это иначе.

— Как? — спросил он.

— Делать то, что необходимо, чтобы защитить тебя, твои земли и твоих людей, Гарет Брин. Ты винишь меня в потере сарая и нескольких коров. Ну, тогда, я полагаю, ты примешь во внимание, чего будет стоить твоим людям, если Дракон Возрожденный не справится. Иногда платить по счетам стоит так, чтобы отдать более важный долг. Я надеюсь, что солдат это поймет.

– Ты должна была рассказать мне, – сказал он, не отводя глаз. – Ты должна была объяснить мне, кто ты.

– Что? – спросила Суан. – И ты бы мне поверил?

Он заколебался.

– Кроме того, – прямо сказала она. – Я не доверяла тебе. Наши предыдущие встречи не были особенно... дружественными, насколько я помню. Могла ли я взять на себя такой риск, Гарет Брин, в отношении человека, которого я не знала? Могла ли я передать ему контроль над секретами, которые знала я одна, над секретами, которые должны были быть переданы новой Престол Амерлин? Должна ли я

была тратить хотя бы мгновение, когда у всего мира на шее затягивается петля? — она не отводила взгляд, в ожидании ответа.

— Нет, — наконец признал он. — Чтоб мне сгореть, Суан, нет. Ты не должна была ждать. И в первую очередь ты не должна была давать той клятвы!

— *Тебе* следовало внимательнее слушать, — сказала она, фыркнув и, наконец, отведя от него взгляд. — Когда ты в следующий раз поклянешься служить кому-то, советую тебе заранее обговаривать временные рамки.

Брин поворчал, а Суан сдернула последнюю рубашку с веревки,

заставив ее трястись, оставляя размытую тень на задней стенке шатра.

— Ну, — сказал Брин, — я сказал себе, что ты будешь у меня работать ровно столько, сколько потребуется на то, чтобы добиться от тебя этого ответа. Теперь я знаю. И я бы сказал, что...

— Стой! — рявкнула Суан, обернувшись, и наставив на него палец.

— Но...

— Не говори этого, — пригрозила она. — Или я заткну тебе рот и оставлю висеть в воздухе до завтрашнего заката. Не думай, что я так не поступлю.

Брин сидел молча.

— Я еще не закончила с тобой, Гарет Брин. — она взмахнула рубашкой, находившейся у нее в руке, а затем сложила ее. — Я скажу тебе, когда закончу.

— Свет, женщина, — пробормотал он почти шепотом. — Если бы я знал, что ты Айз Седай, прежде чем гнаться за тобой в Салидар... Если бы я знал, что я делаю...

— Что? — требовательно поинтересовалась она. — Ты не стал бы за мной охотиться?

— Конечно, стал бы, — сказал он негодуя. — Я бы просто был осторожнее и, возможно, пришел бы более подготовленным. Я отправился

охотиться на кабана с ножом для кролика вместо копья!

Суан опустила последнюю сложенную рубашку поверх остальных, затем подняла всю кучу. Она бросила на него страдальческий взгляд:

— Я сделаю все возможное, чтобы представить, что ты *не сравнивал* меня с кабаном, Брин! Будь добр быть поосторожнее со своим языком, иначе останешься без служанки, и тебе придется *позволить* тем женщинам из лагеря стирать твоё бельё.

Он озадаченно посмотрел на нее. А затем просто рассмеялся. Ей самой не удалось сдержать усмешку.

Ну, после этого обмена он будет знать, кто контролирует ситуацию.

Но... Свет! Почему она рассказала ему о Пророчестве? Она редко кому о нем говорила! Сложив все рубашки в корзину, она взглянула на Брина, который все еще качал головой и посмеивался.

«Когда клятвы больше не будут сдерживать меня», – думала она, – «когда я буду уверена, что Дракон Возрожденный делает то, что должен, возможно, тогда будет еще время... На этот раз я действительно с нетерпением жду окончания этого дела. Удивительно.»

– Тебе стоит идти спать, Суан, – сказал Брин.

– Еще рано, – ответила она.

– Да, но солнце уже зашло.

Каждый третий день ты ложишься спать необычайно рано, вешая на шею то странное кольцо, которое ты прячешь под подушкой на своем тюфяке, – Он перевернул лист бумаги на столе. – Пожалуйста, передай мои наилучшие пожелания Амерлин.

Она повернулась к нему с отвисшей челюстью. Он ведь *не мог* знать о *Тел'аран'риоде*, верно? Она заметила, что он удовлетворенно улыбается. Ну, возможно, он не знал о *Тел'аран'риоде*, но, очевидно, он догадался, что кольцо и ее режим каким-то образом связаны с общением с Эгвейн. Ловко. Он

посмотрел в ее сторону поверх стопки бумаг, когда она проходила, и его глаза сверкнули.

— Невыносимый человек, — пробормотала она, садясь на свой тюфяк и распуская шар света. Потом, медленно вытащив кольцо-*тер'ангриал* и повесив его на шею, она повернулась к Брину спиной и попыталась заставить себя уснуть. Каждый третий день она следила за тем, чтобы проснуться рано и к вечеру быть усталой. Как бы ей хотелось засыпать так же легко, как и Эгвейн.

Невыносимый... *невыносимый* мужчина! Ей нужно чем-то отплатить ему. Мыши в простынях.

Это было бы хорошей расплатой.

Она слишком долго лежала, но, в конце концов, смогла уговорить себя заснуть, едва улыбаясь своим мыслям, представляя подходящий план мести. Она очнулась в *Тел'аран'риоде*, одетая в аморальную, едва прикрывающую ее сорочку. Она взвизгнула и, сосредоточившись, немедленно избавилась от нее, заменив на зеленое платье. Зеленое? Почему зеленое? Она сделала его голубым. Свет! Почему Эгвейн всегда так хорошо удается контролировать вещи в *Тел'аран'риоде*, в то время как Суан с трудом удерживает свою одежду от того, чтобы та не менялась от каждой

праздной мысли? Наверняка это как-то связано с тем, что Суан приходится носить эту неполноценную копию *тер'ангриала*, которая не работает так же хорошо, как и оригинал. Из-за него она выглядела ненастоящей для тех, кто видел ее.

Она стояла в середине лагеря Айз Седай, окруженная шатрами. Полог любого сооружения в одно мгновение мог быть открыт, в следующее же закрыт. Небо было взволновано яростной, неистовой, но странно беззвучной бурей. Любопытно, однако вещи в *Тел'аран'риде* часто бывают странными. Она закрыла глаза, желая

оказаться в кабинете Наставницы Послушниц в Белой Башне. Открыв глаза, она оказалась именно там. Маленькая комнатка, обитая деревянными панелями, с крепким письменным столом и кушеткой, на которой пороли провинившихся.

Ей бы хотелось, чтобы у нее было кольцо-оригинал, но оно бдительно оберегалось Восседающими. Она должна быть благодарна даже за малый улов, как любил говорить ее отец. Она *могла* вообще остаться без кольца. Сестры считали, что этот экземпляр находился у Лиане, когда та была захвачена.

Все ли с ней в порядке? В любой

момент лже-Амерлин могла
распорядиться о казни. Суан
слишком хорошо знала, какой
злой могла быть Элайда. Порой
ее пронзало острое чувство грусти
при мысли о бедном Алрике.
Чувствовала ли Элайда хоть каплю
вины, хладнокровно убивая Стража,
прежде чем женщина, которую она
уничтожала, была должным образом
смещена?

— Меч, Суан? — неожиданно
прозвучал голос Эгвейн. — Это что-то
новенькое.

Суан потупила взгляд,
шокированная тем, что держит
проклятый меч, явно
предназначенный для сердца

Элайды. Она заставила его исчезнуть, а затем посмотрела на Эгвейн. Эта девушка выглядела как подобает Амерлин, одетая в великолепное золотое платье, а ее каштановые волосы были замысловато уложены и украшены жемчужинами. Ее лицо еще не было безвозрастным, но Эгвейн уже *очень* хорошо давалось спокойствие Айз Седай. Действительно, она, казалось, заметно преуспела в этом с момента ее захвата.

– Вы хорошо выглядите, Мать, – сказала Суан.

– Спасибо, – сказала Эгвейн, слегка улыбнувшись. Она раскрывалась перед Суан больше,

чем перед кем-либо другим. Они обе знали, как сильно Эгвейн полагалась на обучение Суан, чтобы стать той, кто она есть.

«Хотя, вероятно, она все равно бы этого достигла, – признала Суан. – Но не настолько быстро».

Эгвейн осмотрела комнату вокруг, ее лицо чуть искривилось в гримасе.

– Я понимаю, что это я предложила это место для встречи в прошлый раз, но в последнее время я достаточно насмотрелась на эту комнату. Встретимся в столовой для послушниц. – Она исчезла.

Странный выбор, очень неподходящий для того, чтобы

избавиться от нежелательных ушей. Суан и Эгвейн не единственные, кто использует *Тел'аран'риод* для тайных встреч. Суан закрыла глаза – это не было необходимо, но, казалось, помогало ей – и представила столовую послушниц, с ее рядами скамеек и голыми стенами. Когда она открыла глаза, она была там, как и Эгвейн. Амерлин опустилась на величественный стул, появившийся позади нее и грациозно подхвативший ее в этот момент. Суан недостаточно доверяла себе, чтобы делать что-нибудь настолько сложное; она просто села на одну из скамеек.

– Мне кажется, нам стоит чаще

встречаться, Мать, – сказала Суан, постукивая по столу, чтобы привести в порядок мысли.

– О? – спросила Эгвейн, выпрямившись. – Что-нибудь случилось?

– Есть немного, – сказала Суан, – и, боюсь, что-то из этого пахнет так же мерзко, как улов недельной давности.

– Говори.

– Одна из Отрекшихся была в нашем лагере, – сказала Суан. Она не хотела думать об *этом* слишком часто. Это знание заставляло ее кожу покрыться мурашками.

– Кто-нибудь умер? – спросила Эгвейн. Ее голос звучал спокойно,

хотя глаза напоминали сталь.

— Нет, благословение Свету, — сказала Суан. — кроме тех, о ком ты уже знаешь. Романда связала события. Эгвейн, эта тварь какое-то время скрывалась среди нас.

— Кто?

— Делана Мосалэйн, — сказала Суан. — Или ее служанка — Халима. Скорее всего, Халима, ведь я знала Делану долгое время.

Глаза Эгвейн лишь немного расширились. Халима прислуживала Эгвейн. До Эгвейн дотрагивалась и служила одна из Отрекшихся. Она достойно приняла новости. Как и подобает Амерлин.

— Но Анайя была убита

мужчиной, – сказала Эгвейн. – Это были разные убийцы?

– Нет. Анайя была убита не мужчиной, а женщиной, направляющей *саидин*. Это должно быть так – это единственное, в чем есть смысл.

Эгвейн медленно кивнула. Где дело касается Темного, там все возможно. Суан улыбнулась с гордостью и удовлетворением. Девочка училась быть Амерлин. Свет, она и *есть* Амерлин!

– Еще что-то? – спросила Эгвейн.

– Не очень много по этому поводу, – сказала Суан. – К несчастью, они сбежали от нас.

Исчезли в тот же день, как мы их раскрыли.

— Что послужило предупреждением для них, хотела бы я знать.

— Ну, это касается одной из двух других вещей, о которых мне надо тебе рассказать, — Суан глубоко вздохнула. Худшее было позади, но и следующую часть будет немногим легче перенести. — В тот день было заседание Совета, на котором была Делана. На том собрании Аша'ман заявил, что почувствовал, как в лагере направляет мужчина. Мы думаем, что именно это известило ее. Мы смогли связать эти события уже после того, как Делана сбежала.

Тот же Аша'ман, который рассказывал, что его товарищ наткнулся на женщину, которая направляла *саидин*.

— И почему в лагере был Аша'ман? — спокойно спросила Эгвейн.

— Он пришел как посол, — объяснила Суан. — От Дракона Возрожденного. Мать, по-видимому, некоторые из мужчин, следовавших за ал'Тором, связали узами Айз Седай.

Эгвейн моргнула.

— Да, я слышала об этом. Но надеялась, что эти слухи были преувеличением. Этот Аша'ман сказал, кто дал Ранду разрешение

совершать подобное зверство?

– Он – Дракон Возрожденный, – сказала Суан, состроив недовольную гримасу. – Не думаю, что он считает, будто ему *нужно* разрешение. Но, говоря в его защиту, кажется, он не знал, что это произошло. Женщины, которых связали его мужчины, были посланы Элайдой уничтожить Черную Башню.

– Да, – Эгвейн, наконец, проявила каплю эмоций. – Значит, эти слухи верны. Слишком верны.

Ее красивое платье сохраняло свою форму, но изменило свой цвет на коричневый – цвет одежды айильцев. Кажется, Эгвейн не заметила этой перемены.

– Неужели катастрофическое правление Элайды никогда не закончится?

Суан потрянула головой.

– Нам предложили сорок семь Аша’манов, чтобы связать их в качестве своего рода возмещения ущерба за женщин, которых связали люди ал’Тора. Едва ли равноценный обмен, но Совет, тем не менее, решил принять это предложение.

– Как будто у них был выбор, – сказала Эгвейн. – Позже нам придется разобраться с глупостью Дракона. Возможно, его люди действовали без его прямых указаний, но Ранд должен принять за это ответственность. Мужчины.

Связывающие женщин!»

– Они утверждают, что *саидин* очищена, – сказала Суан. Эгвейн подняла бровь, но возражать не стала.

– Да, – сказала она. – Полагаю, что это может быть правдой. Конечно, нам потребуется дополнительное подтверждение. Но порча появилась, когда все выглядело так, будто победа достигнута. Почему бы ей не исчезнуть, когда все приближается к чистому безумию?

– Я не смотрела на это с такой стороны, – сказала Суан. – Ну, что мы будем делать, Мать?

– Позволим Совету заняться этим вопросом, – сказала Эгвейн. –

кажется, это на время займет их руки.

– Было бы лучше держать *их самих* в руках, если бы вы вернулись, Мать

– Со временем вернусь, – сказала Эгвейн. Она откинулась на спинку и сплела пальцы на коленях, каким-то образом выглядя куда старше, чем ее лицо позволяло предположить. – Сейчас моя работа – здесь. Тебе придется приглядеть, чтобы Совет делал то, что следует. Я верю в тебя.

– И я ценю это, Мать, – сказала Суан, сдерживая разочарование. – Но я теряю над ними контроль. Лилейн начала считать себя второй Амерлин,

и она делает это, притворяясь, что поддерживает тебя. Она поняла, что притворство — будто бы она действует от твоего имени — идет ей на пользу.

Эгвейн поджала губы.

— Я думала, что Романда получит преимущество, учитывая то, что она вычислила Отрекшуюся.

— Я думаю, она предполагала, что удерживает преимущество, — сказала Суан. — но она потратила слишком много времени, наслаждаясь своей победой. Лилейн без малейшего усилия стала самой преданной слугой Амерлин из когда-либо живших. Если ее послушать, можно подумать, что вы с ней

лучшие друзья! Она причислила меня к своим помощницам, и каждый раз, когда Совет собирается, звучит это постоянное «Эгвейн хотела этого» и «помните, что Эгвейн сказала, когда мы это сделали.»

– Умно, – сказала Эгвейн.

– Блестяще, – сказала Суан, вздыхая, – Но мы знали, что одна из них, в конечном счете, уберет другую со своей дороги. Я продолжаю обращать ее внимание на Романду, но не знаю, сколько еще смогу сбивать ее с толку.

– Делай все возможное, – сказала Эгвейн, – но не волнуйся, если Лилейн перестанет вестись.

Суан вздрогнула.

— Но она захватывает твое место!

— Укрепляя его, — сказала Эгвейн, улыбаясь. Она наконец заметила, что ее платье стало коричневым, и в мгновение ока вернула ему изначальный цвет, не прерывая разговора. — Уловка Лилейн увенчается успехом, только если я не смогу вернуться. Она использует мое имя, как источник власти. Когда я вернусь, у нее не будет выбора, кроме как признать мое лидерство. Она потратит все свои силы, укрепляя мои позиции.

— А если вы не вернетесь, Мать?
— мягко спросила Суан.

— Тогда для Айз Седай будет

лучше, если у них будет сильный лидер, – сказала Эгвейн. – Если Лилейн станет той, кто обеспечит эту силу, так тому и быть.

– Ты знаешь, у нее есть серьезные основания сделать так, чтобы ты не вернулась, – сказала Суан. – Как минимум, она ставит против тебя.

– Ну, нельзя ее за это винить. – Эгвейн позволила своему лицу расслабиться настолько, чтобы пропустить легкую гримасу. – Я бы тоже соблазнилась поставить против себя, если бы была снаружи. Тебе просто придется иметь с ней дело, Суан. Я не могу позволить сбить себя с толку. Не тогда, когда я вижу так

много возможностей здесь, и не тогда, когда за провал придется заплатить куда более высокую цену.

Суан знала, что значит, когда Эгвейн так упрямо стискивает зубы. Сегодня больше не будет уговоров. Суан просто придется попытаться на следующей их встрече.

От всего этого – очищение, Аша’маны, раскол в Башня, – Суан бросало в дрожь. Хотя она большую часть жизни готовилась к этим дням, ее беспокоило то, что они наконец настали.

– Последняя Битва действительно приближается, – сказала Суан, больше для себя.

– Да, – откликнулась Эгвейн

серьезным тоном.

— И я встречу ее с жалкими остатками моих прежних сил, — сказала Суан, соорудив недовольную гримасу.

— Ну, возможно, мы сможем достать тебе *ангриал*, когда Башня снова воссоединится, — сказала Эгвейн, — мы будем использовать все, что у нас есть, когда выступим против Тени.

Суан улыбнулась.

— Это было бы неплохо, но не необходимо. Полагаю, я всего лишь ворчу по привычке. Я все-таки учусь справляться со своим... новым положением. Теперь, когда я увидела в нем определенные преимущества,

это не так уж сложно сделать.

Эгвейн нахмурилась, будто пытаюсь понять, как преимущества могут быть в том, что твои силы уменьшились. Наконец она тряхнула головой.

— Илэйн однажды упомянула в разговоре со мной комнату в Башне, наполненную предметами Силы. Я полагаю, она действительно существует?

— Конечно, — сказала Суан, — подземное хранилище. Это на втором уровне подвала, на северо-восточной стороне. Маленькая комнатка с неприметной деревянной дверью, но ты не сможешь ее пропустить. Она единственная запертая в том

коридоре.

Эгвейн кивнула для себя.

– Ну, я не могу победить Элайду грубой силой. Но все же полезно об этом знать. Есть еще что-нибудь примечательное, о чем ты можешь мне сообщить?

– В данный момент нет, Мать, – сказала Суан.

– Тогда возвращайся и поспи, – Эгвейн поколебалась. – И в следующий раз мы встретимся через два дня. Здесь, в столовой для послушниц, хотя, возможно, нам захочется начать встречаться снаружи в городе. Я не доверяю этому месту. Если в нашем лагере была Отрекшаяся, я готова поспорить на

половину отцовской гостиницы, что в Белой Башне тоже шпионит кто-то из них.

Суан кивнула.

— Очень хорошо.

Она закрыла глаза и очень скоро обнаружила, что моргает, проснувшись в шатре Бриана. Свеча не горела, и она могла слышать тихое дыхание Бриана с его тюфяка на другой стороне шатра. Она села и посмотрела на него, хотя было слишком темно, чтобы увидеть что-нибудь помимо теней. Странно, но после разговора об Отрекшихся и Аша'манах присутствие стойкого генерала успокаивало ее.

«Если ли еще что-то

примечательное, о чем я могу тебе сообщить, Эгвейн?» - подумала Суан, вставая, чтобы переодеться в ночную сорочку. – *«Думаю, что я, должно быть, влюбилась. Это достаточно примечательно?»* Для нее это казалось куда более странным, чем очищение от порчи или женщина, способная направлять *саидин*.

Тряхнув головой, она засунула *тер'ангриал* обратно в тайник, затем уютно закуталась в одеяло.

Она воздержится от мышей, но только на этот раз.

Глава 9. Покидая Малден

Холодный весенний ветерок коснулся лица Перрина. Такой ветерок должен был бы нести с собой запахи пыльцы и бодрящей утренней росы, запахи почвы, взрытой ростками, пробивающимися

к свету, новой жизни и переродившейся земли.

Этот ветер нес с собой только запахи крови и смерти.

Перрин повернулся спиной к ветру, присел и начал проверять колеса фургона. Повозка была крепкой конструкцией из древесины ореха, потемневшей от времени. На первый взгляд она выглядела исправной, но Перрин приучился уделять особое внимание снаряжению из Малдена. Шайдо относились к фургонам и волам не с таким презрением, как к лошадям, но они, так же, как и все Айил, предпочитали путешествовать налегке. Они не ухаживали за

фургонами и телегами, и Перрин во время проверки находил немало скрытых изъянов.

— Следующий! — громко крикнул он, проверив ступицу первого колеса. Это было адресовано толпящимся людям, ожидающим возможности поговорить с ним.

— Милорд, — прозвучал голос. Он был низким и грубым, похожим на звук трения дерева по дереву. Герард Арганда, Первый Капитан Гэалдана. Он пах хорошо смазанными доспехами.

— Я вынужден поднять вопрос о нашем отбытии. Позвольте мне отправиться вперед вместе с Ее Величеством.

Под «Ее Величеством» подразумевалась Аллиандре, королева Гэалдана. Перрин продолжал заниматься колесом; он не был настолько же хорошо знаком с плотницким делом, как с кузнечным, но его отец обучил каждого из своих сыновей распознавать признаки неполадок у фургонов. Лучше решить проблемы до выезда, чем застрять, как рак на мели, посреди путешествия. Пальцы Перрина пробегали по гладкому, темному орешнику. Рисунок дерева был хорошо виден, и он выискивал пальцами трещины, проверяя каждую из точек напряжения. Все четыре колеса выглядели неплохо.

– Милорд? – спросил Арганда.

– Мы отправимся все вместе, – сказал Перрин. – Таков мой приказ, Арганда. Я не хочу, чтобы беженцы решили, что мы их бросаем.

Беженцы. Ему надо было заботиться о сотне с лишним тысяч человек. Сотня тысяч! Свет, это было много больше населения всего Двуречья. И Перрин отвечал за обеспечение каждого из них. Фургоны. Многим невдомек важность хорошего фургона. Он лег на спину, собираясь проверить оси, и ему открылся вид на хмурое небо, частично скрытое ближайшей городской стеной Малдена.

Город был велик по меркам

северной Алтары. Это скорее была крепость, чем город, с устрашающими стенами и башнями. До вчерашнего дня земли вокруг нее служили пристанищем Шайдо, но теперь их не осталось: многие убиты, другие бежали, их пленники освобождены силами союза Перрина и Шончан.

Шайдо оставили ему две вещи: запах крови и сотню тысяч беженцев на попечении. Хотя он и был рад, что освободил их, его задача была совсем другой – спасти Фэйли.

Еще одна группа Айил приближалась к его позиции, но они сначала замедлились, а потом встали лагерем, более не стремясь к

Малдену. Возможно, они были предупреждены спасшимися Шайдо о том, что перед ними находится большая армия, которая нанесла им поражение, несмотря на их способных направлять Хранительниц Мудрости. Похоже, эта новая группа позади Перрина имела так же мало желания нападать на него, как и он на них.

Это давало ему время. По крайней мере, немного.

Арганда продолжал смотреть. На капитане была начищенная кираса, а шлем с прорезью для глаз зажат под мышкой. Коренастый мужчина не принадлежал к раздувшимся от собственной

важности офицерам, он был простолудином, тянувшим лямку, начав с простого солдата. Он хорошо сражался и выполнял приказы. Обычно.

— Я не собираюсь уступать, Арганда, — сказал Перрин, подтягиваясь по влажной земле под днище фургона.

— Можем мы хотя бы использовать Врата? — спросил Арганда, встав на колени и едва не касаясь коротко стриженной сидящей головой земли, пока он заглядывал под фургон.

— Аша'маны едва не мертвы от усталости, — рявкнул Перрин. — И ты это знаешь.

– Они слишком устали, чтобы делать большие Врата, – сказал Арганда, – но, может быть, они смогут Переместить небольшую группу. Миледи изнурена пленом! Ты же не собираешься заставить ее проделать этот путь пешком!

– Беженцы тоже устали, – ответил Перрин. – Аллиандре может ехать на лошади, но отправится одновременно с остальными. Дай Свет, чтобы поскорее.

Арганда вздохнул, но кивнул головой. Он поднялся, пока Перрин ощупывал ось. Он мог бы определить напряжение в дереве на глаз, но предпочитал ощупать. Прикосновение было надежней. Там,

где дерево ослабло, всегда можно было найти трещину или скол и понять, что оно готово сломаться. На дерево в этом можно было положиться.

В отличие от людей. В отличие от него самого.

Он стиснул зубы. Ему не хотелось думать об этом. Он должен был работать, должен был делать *хоть что-нибудь* для того, чтобы отвлечься. Он любил работать. В последнее время для этого предоставлялось слишком мало возможностей.

— Следующий! — его голос эхом отразился от днища фургона.

— Милорд, мы должны атаковать!

— прозвучал возбужденный голос позади повозки.

Перрин, закрыв глаза, откинул голову на утопанную траву. Бертайн Галенне, Лорд-Капитан Крылатой Стражи, был в Майене тем же, кем Арганда в Гэалдане. За исключением этого единственного совпадения, оба капитана были настолько разными, насколько это вообще возможно. Из-под фургона Перрин мог видеть большие, ладно скроенные сапоги Бертайна, украшенные пряжками в виде ястребов.

— Милорд, — продолжил Бертайн, — я уверен, хорошая атака Крылатой Гвардии рассеет этот айильский сброд. Да ведь мы легко разделались

с айильцами здесь, в городе!

— Тогда с нами были Шончан, — сказал Перрин, закончив осмотр задней оси и пробираясь к передней. Он надел свою старую, запачканную куртку. Фэйли отчитает его за это. Он должен был изображать из себя лорда. Но неужели она и вправду хочет, чтобы он надевал красивую куртку, собираясь час валяться на грязной траве, уставившись в днища фургонов?

В первую очередь, Фэйли не хотела бы видеть его лежащим на грязной траве. Перрин задумался, положив руку на переднюю ось, размышляя о ее волосах цвета воронова крыла и выдающемся

салдэйском носе. Ей принадлежала вся его любовь без остатка. Она была для него всем.

У него получилось – он ее спас. Так почему же он чувствовал себя едва ли не так же плохо, как раньше? Он должен был радоваться, впасть в восторг и почувствовать облегчение. Он так за нее волновался. И вот теперь, когда она в безопасности, все равно все было не так. Почему-то. В чем-то, что он не мог объяснить.

Свет! Неужели ничто не работает так, как должно? Он потянулся к карману, желая потрогать завязанную узлами веревку, которую он когда-то там носил. Но он выбросил ее.

«Прекрати!» – подумал он. – *«Она вернулась. Мы можем продолжить, как ни в чем не бывало, ведь так?»*

– Ну ладно, – продолжил Бертайн, – я допускаю, что уход Шончан может осложнить атаку. Но эта вставшая лагерем группа Айил меньше той, что мы уже разбили. А если ты волнуешься, можно послать известие той шончанской генеральше и позвать ее назад. Она, конечно, захочет опять биться рядом с нами!

Перрин заставил себя вернуться к реальности. Его собственные глупые проблемы были неважны; сейчас ему было нужно, чтобы фургоны поехали. Передняя ось была в норме. Он повернулся и выбрался

из-под фургона.

Бертайн был среднего роста, хотя три пера, торчащие из шлема, заставляли его казаться выше. На нем были начищенные до блеска доспехи, а на глазу, как всегда, красная повязка — Перрин не знал, где он потерял глаз. Он выглядел воодушевленным, словно решил, что молчание Перрина означает, что они будут атаковать.

Перрин встал, отряхивая свои простые коричневые штаны.

— Мы уходим, — сказал он, затем поднял руку, пресекая дальнейший спор. — Мы победили септы здесь, но они были накачаны вилочником, и на нашей стороне были *дамани*. Мы

устали, изранены и вернули Фэйли. У нас нет больше причин для битвы. Мы отступаем.

Бертайн не выглядел довольным, но кивнул и пошел прочь, топча грязь, к своим всадникам. Перрин взглянул на небольшую группу людей, которые собрались вокруг фургонов, чтобы поговорить с ним. Когда-то подобное занятие его удручало. Оно казалось бесполезным, поскольку многие просители уже знали, что именно он ответит.

Но им нужно было услышать эти ответы от него самого, и Перрин начинал понимать важность этого. Кроме того, их вопросы помогали

ему отвлечься от странного напряжения, которое он ощущал после освобождения Фэйли.

Перрин перешел к следующему фургону, его маленькая свита последовала за ним. Около пятидесяти фургонов выстроились в длинный обоз. Первые были уже загружены спасенным из Малдена имуществом; середина обоза была в процессе погрузки, и оставалось осмотреть только два фургона. Он хотел оказаться подальше от Малдена еще до захода солнца. Возможно, это даст ему достаточно форы, чтобы оказаться в безопасности.

Если только эти новые Шайдо не решат преследовать его ради

мести. С такой толпой людей под началом Перрина их мог бы выследить даже слепой.

Солнце — сияющее пятно за покрывалом облаков — начало клониться к горизонту. Свет, что за неразбериха, весь этот хаос с организацией беженцев и отдельными армейскими лагерями! А ведь предполагалось, что отход будет самой простой частью!

Лагерь Шайдо был разрушен. Его люди обчистили и сложили многие из брошенных палаток. Земля вокруг города, теперь расчищенная, представляла собой вытопанную траву и грязь, усыпанную мусором. Шайдо, как и все Айил,

предпочитали располагаться за *пределами* городских стен, а не внутри. Несомненно, странные люди. Кто станет с презрением отвергать хорошую кровать, не говоря уж о выгодной позиции, в пользу палатки за городской стеной?

Вот только Айил презирали города. Большинство зданий были либо сожжены во время первого штурма Шайдо, либо разграблены. Двери выломаны, окна разбиты, пожитки брошены на улицах и втоптаны в грязь *гай'шайн*, бегавшими за водой.

Люди, как муравьи, все еще суетились вокруг, проходя через городские ворота и по бывшему

лагерю Шайдо, забирая все, что могли погрузить на повозки. Им придется бросить фургоны, как только они решат Перемещаться — Грейди не мог создавать достаточно большие для фургонов Врата — но на данный момент они будут весьма кстати. Кроме того, нашлось достаточное число волов; их проверял кто-то другой, чтобы убедиться, что они годятся для перевозки фургонов. Какая досада, что Шайдо позволили многим из городских лошадей разбежаться. Однако приходится пользоваться тем, что есть.

Перрин подошел к следующему фургону, начав проверку с длинного

дышла, в которое будут запряжены
волы.

– Следующий!

– Милорд, – произнес
скрипучий голос, – я полагаю, что
следующий – это я.

Перрин бросил взгляд на
говорившего: Себбан Балвер, его
секретарь. У него было сухое, узкое
лицо и вечная сутулость, делавшие
его похожим на сидящего на ветке
стервятника. Хотя его куртка и
штаны были чистыми, Перрину
казалось, что с них при каждом шаге
должны осыпаться клубы пыли. От
него пахло плесенью, как от древней
книги.

– Балвер, – сказал Перрин,

проводя рукой по дышлу, затем проверяя сбрую. — Я думал, ты беседуешь с пленниками.

— Я и вправду был занят своей работой, — сказал Балвер. — Но мне стало любопытно. Так ли необходимо было позволять Шончан забрать с собой *всех* захваченных Шайдо, способных направлять?

Перрин глянул на заплесневелого секретаря. Хранительницы Мудрости, которые могли направлять, были приведены в бессознательное состояние вилочником; пока они были без сознания, их отдали Шончан в полное распоряжение. Это решение не добавило Перрину популярности

среди его айильских союзников, но он *не мог* позволить этим способным направлять Силу женщинам слоняться вокруг, решая, как ему отомстить.

– Не понимаю, зачем они мне, – сказал он Балверу.

– Ну, милорд, есть множество вещей, представляющих большой интерес. Например, выяснилось, что многие из Шайдо стыдятся поведения своего клана. Между самими Хранительницами Мудрости были трения. Кроме того, они имели дело с весьма любопытными личностями, которые предоставили им предметы Силы из Эпохи Легенд. Кем бы они ни были, они могли

создавать Врата.

— Отрекшиеся, — сказал Перрин, пожимая плечами, и опустился на колено, проверяя правое переднее колесо. — Сомневаюсь, что мы сможем определить, кто именно. Вероятно, они маскировались.

Краем глаза он увидел, как Балвер скривил губы на его ответ.

— Ты не согласен? — спросил Перрин.

— Нет, милорд, — сказал тот — По моему мнению, эти "предметы", которые получили Шайдо, весьма подозрительны. Айильцев одурачили, хотя зачем, я пока не могу определить. Однако если бы у нас было больше времени на обыск

города...

Свет! Неужели *каждый* человек в лагере придет просить его о чем-нибудь, чего, как он сам знает, получить не может? Он опустился на землю, чтобы проверить заднюю часть ступицы. Что-то в ней его беспокоило.

— Мы уже знаем, Балвер, что нам противостоят Отрекшиеся. Вряд ли они примут с расprostертыми объятиями то, что Ранд вновь их запечатает, или что он там собирается сделать.

Проклятые цветные пятна, показывающие Ранда его внутреннему взору! Он снова заставил их исчезнуть. Они

появлялись, когда бы он ни подумал о Ранде или Мэте, принося с собой их образы.

– В любом случае, – продолжил Перрин, – я не понимаю, чего ты хочешь лично от меня? Мы забираем с собой Шайдо-гай'шайн. Девы набрали их достаточно. Ты можешь их допрашивать. Но отсюда мы уходим.

– Да, милорд, – сказал Балвер – Просто жаль, что мы потеряли этих Хранительниц Мудрости. Мой опыт показывает, что среди Айил они обладают наибольшим... пониманием.

– Шончан их хотели, – сказал Перрин, – так что они их и получили.

Я не позволю Эдарре давить на меня по этому поводу, а, кроме того, что сделано, то сделано. Чего ты от меня ждешь, Балвер?

— Полагаю, можно послать сообщение, — сказал Балвер, — с просьбой задать несколько вопросов Хранительницам Мудрости, когда они проснутся. Я... — Он остановился, а затем склонился вниз, чтобы взглянуть на Перрина. — Милорд, это несколько отвлекает. Нельзя ли найти кого-нибудь другого для проверки фургонов?

— Все остальные или слишком устали, или слишком заняты, — сказал Перрин. — Я хочу, чтобы беженцы ожидали в лагерях, готовые

двигаться по первому приказу. А большинство солдат обшаривают город в поисках припасов — каждая горстка зерна, которую они найдут, будет нужна. Половина запасов уже испорчена. Я не могу им в этом помочь, потому что мне надо быть там, где люди могут меня найти.

Он это принял, как бы его это ни злило.

— Да, милорд, — сказал Балвер, — но, конечно же, вы можете быть где-то, где будете доступны, без ползания под фургонами.

— Это работа, которую я могу делать, пока люди говорят со мной, — сказал Перрин. — Вам не нужны мои руки, только мой язык. И этот язык

говорит тебе, чтобы ты забыл об Айил.

– Но...

– Я больше ничего не могу сделать, Балвер, – твердо сказал Перрин, глядя на него сквозь колесные спицы. – Мы направляемся на север. Я покончил с Шайдо, по мне так пусть они хоть сгорят.

Балвер вновь скривил губы, от него пахло легкой досадой.

– Конечно, милорд, – сказал он, быстро поклонившись. После чего ретировался.

Перрин вылез наружу и встал, кивнув молодой женщине в грязном платье и стоптанных туфлях, стоявшей рядом с вереницей

фургонов.

— Ступай приведи Линкона, — сказал он. — Скажи ему, чтобы взглянул на ступицу этого колеса. Думаю, втулка раскололась, и, похоже, проклятая штука готова развалиться на месте.

Молодая женщина кивнула, сорвавшись с места. Линкон был мастером-плотником, неудачливым настолько, что навещал родственников в Кайриэне как раз во время нападения Шайдо. Воля была почти полностью из него выбита. Возможно, именно ему следовало бы проверять фургоны, но Перрин не знал, мог ли он доверить провести надлежащую проверку человеку с

таким затравленным взглядом. Хотя он казался вполне пригодным для того, чтобы поправлять то, на что ему указывали.

И, правду говоря, пока Перрин двигался, он чувствовал, что он что-то делал, продвигался вперед. И не задумывался о других проблемах. Фургоны починить было просто. Не то, что людей, совсем не то.

Перрин повернулся, оглядывая пустой лагерь, пестрый от кострищ и брошенного тряпья. Фэйли возвращалась к городу; она отправляла некоторых из своих последователей разведать окрестности. Она была поразительна.

И красива. Эта красота была не только в ее лице или худощавой фигуре, красота была в том, как легко она командовала людьми, как быстро все схватывала на лету. Она была талантлива в том, в чем никогда не был Перрин.

Он не был тупым; он просто любил все обдумывать. Но он никогда не умел ладить с людьми, не то, что Мэт или Ранд. Фэйли доказала, что ему и не надо ладить с людьми, даже с женщинами, до тех пор, пока его понимает *один* человек. Ему не надо уметь разговаривать с другими людьми до тех пор, пока он может разговаривать с ней.

Но теперь он не мог найти слов.

Он беспокоился о том, что произошло с ней во время ее плена, но вероятности не волновали его. Они злили его, но ничего из того, что произошло, не было ее виной. Ты делаешь то, что должен, чтобы выжить. Он уважал ее за ее силу.

«Свет!» — подумал он. — «Я опять думаю! Надо продолжать работать.»

— Следующий! — крикнул он, склоняясь, чтобы продолжить осмотр фургона.

— Если б я видел только твое лицо, парень, и ничего больше, — сказал веселый голос, — я бы решил, что мы проиграли эту битву.

Перрин с удивлением обернулся.

Он даже не заметил, что Тэм ал'Тор был среди тех, кто хотел с ним поговорить. Толпа поредела, но в ней все еще оставалось некоторое количество посыльных и слуг. Позади, опираясь на свой посох, ждал коренастый и крепкий пастух. Вся его голова покрылась серебром. Перрин помнил время, когда она была черной, как смоль — когда Перрин был всего лишь мальчишкой и еще не был знаком с молотом и наковальней.

Пальцы Перрина потянулись вниз, к молоту у пояса. Он предпочел его топору. Это было правильное решение, хотя он опять потерял над собой контроль в битве за Малден.

Не это ли его беспокоило?

Или то, как ему нравилось убивать?

— Что тебе, Тэм? — спросил он.

— Я просто пришел с отчетом, милорд, — сказал Тэм. — Двуреченцы готовы к маршу, каждый человек, на всякий случай, с парой палаток за спиной. Из-за вилочника мы не можем воспользоваться водой из города, так что я направил нескольких парней к акведуку, чтобы они наполнили несколько бочек. Мы могли бы воспользоваться фургоном для того, чтобы привезти их обратно.

— Отлично, — сказал Перрин, улыбаясь. Наконец-то кто-то делает то, что нужно, не нуждаясь в его

приказе. – Скажи двуреченцам, что я намерен отправить их домой, как только будет возможно. Сразу же, как только Грейди и Неалд окрепнут настолько, чтобы создать Врата. Хотя это может потребовать времени.

– Я ценю это, милорд, – сказал Тэм. Странно было слышать, как он использовал этот титул. – Не мог бы я недолго поговорить с тобой с глазу на глаз?

Перрин кивнул, видя, что к фургону приближается Линкон, приметный благодаря своей хромоте. Перрин с Тэмом отошли от группы охранников и слуг в тень Малденской стены. Мох зеленел у подножия тяжелых глыб, лежавших в

основании крепости; странно, что мох был зеленее затоптанной, покрытой грязью травы. Этой весной не зеленело ничего, кроме мха.

— Что такое, Тэм? — спросил Перрин, как только они отошли на достаточное расстояние.

Тэм потер лицо; на нем выступала седая щетина. В последнее время Перрин сильно подгонял своих людей, так что времени на бритье не было. Тэм носил простую синюю куртку, а толстый плащ был, наверное, желанной защитой от горного ветра.

— Парни интересуются, Перрин, — сказал Тэм чуть менее официальным тоном, когда они

оказались наедине. — Ты имел в виду именно то, что сказал, по поводу отказа от Манетерен?

— Ага, — сказал Перрин. — Это знамя не принесло ничего, кроме проблем, с тех пор, как было поднято. Пусть Шончан, да и все остальные, знают. Я не король.

— У тебя есть королева, которая принесла тебе вассальную клятву.

Он обдумывал слова Тэма, пытаясь найти лучший ответ. Когда-то такое поведение заставляло людей думать, что он тугодум. Теперь люди полагали, что его задумчивость означает, что Перрин хитер и обладает острым умом. Вот какую разницу создают несколько

причудливых слов перед твоим именем!

– Я думаю, ты правильно сделал, – неожиданно сказал Тэм. – Называя Двуречье Манетереном, можно было бы восстановить против себя не только Шончан, но и саму королеву Андора. Это могло бы подразумевать, что ты хочешь владеть не только одним Двуречьем, но что, возможно, ты хочешь завоевать все земли, которые когда-то принадлежали Манетерен.

Перрин покачал головой.

– Я не собираюсь ничего завоевывать, Тэм. Свет! Я не собираюсь удерживать даже то, что люди называют моим. Чем раньше

Илэйн займет трон и направит приличного лорда в Двуречье, тем лучше. Мы могли бы покончить со всем этим "Лордом Перрином", и все могло бы быть как раньше.

— А королева Аллиандре? — спросил Тэм.

— Она могла бы взамен принести клятву Илэйн, — упрямо сказал Перрин. — А то и прямо Ранду. Ему вроде нравится копить королевства. Как ребенку, играющему в трясучку.

От Тэма пахло беспокойством. Озабоченностью. Жизнь могла бы быть и попроще. Ей *следовало* бы быть.

— Что?

— Я уж было решил, что ты

смирился с этим, – сказал Тэм.

– Ничего не изменилось со времени перед пленением Фэйли, – сказал Перрин. – И мне по-прежнему не нравится это знамя с волчьей головой. Возможно, настало время убрать и это знамя тоже.

– Люди верят в это знамя, Перрин, парень, – тихонько сказал Тэм. Он обычно говорил негромко, но это заставляло прислушиваться к его словам. Кроме того, обычно он говорил дело. – Я отозвал тебя в сторону, чтобы предупредить. Если ты дашь парням возможность вернуться домой, кое-кто ею воспользуется. Но не многие. Я слышал, как большинство клялись,

что последуют за тобой до Шайол Гул. Они знают, что приближается Последняя Битва, да и кто этого не знает со всеми этими знамениями, что происходят последнее время. Они не хотят оставаться позади.

Он поколебался.

— Да, полагаю, и я не хочу, — от него пахло решимостью.

— Поглядим, — сказал, нахмурившись, Перрин. — Поглядим.

Он отослал Тэма с приказом забрать фургон и отправить его за этими бочками с водой. Солдаты подчинятся; Тэм был Первым Капитаном Перрина, хотя для Перрина все это выглядело задом наперед. Он мало знал о прошлом

Тэма, но тот воевал давным-давно на Айильской Войне; он держал меч в руках еще до того, как Перрин появился на свет. А теперь он выполнял приказы Перрина.

Как и все. И они хотели продолжать выполнять! Неужели они не поняли? Он оперся спиной о стену Малдена, стоя в тени, а не пошел обратно к своей свите.

Только теперь, прокрутив в голове, он понял, что это было частью того, что его беспокоило. Не совсем, но отчасти, вместе с тем, что его заботило. Даже теперь, когда Фэйли была спасена.

В последнее время он не был хорошим руководителем. Конечно, он

никогда не был образцовым, даже тогда, когда Фэйли была с ним и могла его направлять. Но в ее отсутствие у него получалось еще хуже. Намного хуже. Он игнорировал приказы Ранда, игнорировал все на свете, лишь бы ее вернуть.

Но что еще мог он делать? Его жена была похищена!

Он ее спас. Но, делая это, он бросил всех остальных. И из-за него погибли люди. Хорошие люди. Люди, которые ему верили.

Стоя в этой тени, он вспоминал момент — всего день назад — когда его товарищ пал под айильскими стрелами, с сердцем, отравленным Масимой. Айрам был другом,

которого Перрин отбросил в своей погоне за Фэйли. Айрам заслуживал лучшего.

«Я не должен был позволять этому Лудильщику взять в руки меч», – думал он, но ему не хотелось решать эту проблему прямо сейчас. Он *не мог*. Слишком многое нужно было сделать. Он отошел от стены, собираясь проверить последний фургон.

– Следующий! – крикнул он, приступив к делу.

Аравайн Карнел вышла вперед. Амадицийка больше не носила одежду *гай'шайн*; вместо этого на ней было надето простое, не очень чистое светло-зеленое платье,

найденное среди уцелевших в Малдене вещей. Она была пухлой, но на её лице всё ещё были видны следы измождения, оставленного пленом. В ней была решимость. Она удивительно хорошо справлялась с управлением, и Перрин подозревал, что она благородных кровей. Было в ней что-то такое: уверенность в себе, умение отдавать приказы. Чудо, что эти качества пережили ее плен.

Склоняясь к фургону, чтобы проверить первое колесо, он подумал, как странно, что Фэйли выбрала Аравайн для руководства беженцами. Почему не какого-нибудь юнца из Ча Фэйли? Эти щеголи могли раздражать, но порой они

проявляли удивительные способности.

– Милорд, – сказала Аравайн, ее отработанный реверанс служил еще одним свидетельством ее происхождения. – Я закончила подготовку людей к отбытию.

– Так скоро? – спросил Перрин, подняв взгляд от колеса.

– Это было не настолько трудно, как мы полагали, милорд. Я приказала им разобраться по национальности, потом по месту рождения. Неудивительно, что кайриэнцы образуют самую большую группу, за ними идут алтаранцы, потом амадицийцы, ну и немного остальных. Несколько доманийцев,

немного тарабонцев и отдельные Порубежники и тайренцы.

— Многие ли смогут выдержать одно- или двухдневный переход, не передвигаясь в фургонах?

— Большинство, милорд, — сказала она. — Больных и стариков выгнали из города, как только Шайдо его взяли. Эти люди привыкли, что их принуждают к тяжелой работе. Они утомлены, милорд, но никто не желает ждать здесь, учитывая этих других Шайдо, ставших лагерем в полудне хода отсюда.

— Хорошо, — сказал Перрин — Пусть начинают двигаться немедленно.

— Немедленно? — удивленно

спросила Аравайн.

Он кивнул.

– Я хочу, чтобы они поскорее отправились по этой дороге на север, как только ты сможешь это организовать. Я отправлю Аллиандре с ее гвардейцами возглавить движение.

Это должно сдержать жалобы Арганды, а беженцев уберет с дороги. Девы справятся лучше и эффективнее со сбором припасов. В любом случае, сбор почти закончен. Его людям придется выдерживать дорожные тяготы всего несколько недель. После этого они смогут переместиться через Врата куда-нибудь, где безопасней. Возможно, в

Андор, или Кайриэн.

Эти Шайдо за спиной нервировали его. Они могут решить напасть в любой момент. Лучше убратъся подальше и лишить их соблазна.

Аравайн сделала реверанс и поспешила начать приготовления, а Перрин возблагодарил Свет за то, что нашелся еще кто-то, кто не видел необходимости о чем-то просить или сомневаться в его решениях. Он послал мальчишку уведомить Арганду о предстоящем выступлении и закончил проверку фургона. Затем он поднялся, вытирая руки о штаны.

— Следующий! — сказал он.

Никто не вышел. Вокруг него

оставалась только охрана, посыльные и несколько возчиков, которые ждали своей очереди, чтобы запрячь волов и отправить фургоны на погрузку. Девы собрали большую кучу продовольствия и припасов посреди бывшего лагеря, и Перрин смог разглядеть стоящую там Фэйли, управляющую погрузкой.

Перрин отослал свою свиту к ней на помощь и остался один. Без дела.

Как раз то, чего он хотел избежать.

Опять подул ветер, принесся с собой ужасный смрад смерти. Он также принес и воспоминания. Ярость битвы, страсть и возбуждение

от каждого удара. Айил были великолепными воинами, лучшими на земле. Каждый обмен ударами был почти равным, и Перрин получил свою долю ран и синяков, хотя все они уже были Исцелены.

Схватка с Айил заставляла его чувствовать себя живым. Каждый убитый им был мастером копий, каждый из них мог бы убить его. Но он победил. В те моменты боя он чувствовал влекущее возбуждение. Возбуждение от того, что он наконец-то что-то *делал*. После двух месяцев ожидания, каждый удар на шаг приближал его к Фэйли.

Больше никаких разговоров. Больше никакого планирования. У

него была цель. А теперь она пропала.

Он чувствовал себя опустошенным. Это было как... как тогда, когда отец пообещал ему подарок на Ночь Зимы. Перрин ждал месяцы, был в нетерпении, выполняя работы по хозяйству, чтобы заслужить неведомый подарок. Когда он, наконец, получил маленькую деревянную лошадку, он на мгновение был в восторге. Но на следующий день его охватила ужасная тоска. Не из-за подарка, а из-за того, что ему больше было нечего ждать. Восторг прошел, и только потом он понял, насколько более ценным было для него

предвкушение, чем сам подарок.

Вскоре после этого он начал ходить к Мастеру Лухану в кузницу, в конце концов став его подмастерьем.

Он был рад, что Фэйли вернулась. Он ликовал. Но все же, что ему теперь делать? Эти проклятые люди видели в нем своего предводителя. Некоторые даже считали его своим королем! Он никогда не просил об этом. Он заставлял их свернуть знамена каждый раз, как они доставали их, до тех пор, пока Фэйли не убедила его в том, что они могут принести пользу. Он до сих пор не верил, что знамя с головой волка находилось на своем месте, надменно рея над его лагерем.

Но мог ли он спустить его? Люди и *вправду* равнялись на это зная. Он мог чувствовать запах гордости, когда они проходили мимо него. Он не мог отвернуться от них. Их помощь понадобится Ранду – ему нужна будет помощь каждого в Последней Битве.

Последняя Битва. Мог ли такой человек, как он, человек, не желавший командовать, вести эти силы к самому важному моменту в их жизни?

Цвета закружились, показав ему Ранда, сидящего, по всей видимости, в каменном тайренском доме. Старый друг Перрина сидел с сумрачным выражением лица, как

человек, озабоченный тяжкими думами. Даже просто сидя, он выглядел величественно. Вот *он* выглядел так, как полагалось выглядеть королю — в богатой красной куртке, с благородной осанкой. А Перрин был простым кузнецом.

Он вздохнул, качая головой, и развеял образ. Ему нужно было найти Ранда. Он мог чувствовать, как что-то тащило его, *тянуло* его.

Ранд нуждался в нем. Теперь он сосредоточится на этом.

Глава 10. Последний табак

Родел Итуралде тихо пыхтел трубкой. Поднимающийся из нее дым вился подобно змеиным кольцам. Дымные завитки свивались между собой, собирались под потолком и просачивались наружу сквозь щели в рассохшейся деревянной крыше. Доски стен покорибило от старости

— посеревшая древесина треснула и расщепилась, раскрыв широкие сквозные дыры. В углу горела жаровня, а в щелях свистел ветер. Итуралде даже немного беспокоило, не унесет ли этот домик следующим порывом ветра.

Он сидел на табурете за столом, на котором были разложены карты. На краю стола лежал его кисет, придавив помятый листок бумаги — тот был потрепанным от многократного сворачивания и длительного ношения в кармане кафтана.

— Итак? — спросил Раджаби. Вместе с решительным характером ему достались толстая шея, карие

глаза, широкий нос и подбородок, похожий на картофелину. Он был уже абсолютно лыс и слегка напоминал огромный валун. И действовал он тоже как валун. Его было очень тяжело сдвинуть с места, но если вы преуспели, ужасно трудно остановить. Он одним из первых присоединился к делу Итуралде, несмотря на то, что незадолго перед этим бунтовал против короля.

После победы Итуралде у Дарлуны прошло почти две недели. Эта победа выжала из него много сил.

Возможно, даже слишком много. «Ах, Алсалам», — подумал он. — «Надеюсь, все это того стоило,

дружище. И также надеюсь, что ты не спятил. Раджаби, может быть, и валун, но Шончан – лавина, и мы спустили ее прямо себе на головы».

– Что теперь? – не унимался Раджаби.

– Ждем, – ответил Итуралде. Свет, как же он ненавидел ждать. – Потом будем сражаться. Или снова сбежим. Я пока не решил.

– Тарабонцы...

– Не придут, – ответил Итуралде.

– Но они обещали!

– Обещали, – Итуралде сам к ним ездил, воодушевлял, просил сразиться с Шончан еще раз. Они кричали, приветствовали его, но не

торопились действовать. Они будут тянуть до последнего. Он уже с полдюжины раз водил их сражаться «в последний раз». Они уже поняли, к чему идет дело в этой войне, и он уже больше не мог на них положиться, если даже когда-то мог.

— Проклятые трусы, — пробормотал Раджаби. — Испепели их Свет! Мы справимся без них. Как раньше.

Итуралде задумчиво выдул большое облако дыма из трубки. Он решил наконец докурить двуреченский табак. Эти листья были в его запасах последними. Он берег их уже несколько месяцев. Отличный аромат. Лучший из всех.

Он вновь изучил карты, положив меньшую из них прямо перед собой. Он был уверен, что карты могли бы быть и получше.

— Этот новый шончанский генерал, — сказал Итуралде, — ведет триста тысяч солдат с двумя сотнями *дамани*.

— Мы раньше били войска и покрупнее. Смотри, как мы справились в Дарлуне! Ты разбил их в пух и прах, Родел!

И чтобы это проделать, от Итуралде потребовались все его мастерство, знания и удача — до капли. И даже при этом, он потерял намного больше половины своих людей. Теперь он бежит, хромая, от

второй, ещё более крупной армии Шончан.

На этот раз они не допустят прежних ошибок. Шончан не стали полагаться на одних только *ракенов*. Его бойцы перехватили несколько пеших разведчиков, что означало, что дюжины остались *непойманными*. В этот раз Шончан были точно известны и силы Итуралде, и их дислокация.

Теперь его враги не позволяли себя пасти и погонять, наоборот, они охотились на него без устали, избегая всех расставленных им ловушек. Итуралде планировал отступать все глубже и глубже в Арад Доман, это давало преимущество его войскам, и

растягивало пути снабжения Шончан. Он прикидывал, что так сможет протянуть еще месяца четыре или пять. Но теперь эти планы превратились в дым. Он строил их до того, как обнаружил, что целая проклятая армия Айил резвится в Арад Домане. Если верить донесениям — а когда они касались Айил, они часто были преувеличены, и поэтому он не был уверен, насколько этим отчетам можно верить — на севере, включая Бандар Эбан, находилось свыше сотни тысяч айильцев.

Сотня тысяч! Это все равно, что две сотни тысяч доманийцев. Или даже больше. Итуралде отлично

помнил Битву Кровавого Снега, которая была двадцать лет назад — тогда, кажется, он за каждого павшего айильца заплатил десятью бойцами.

Он оказался загнан в угол, как орех, попавший меж двух камней. Лучшее, что он смог придумать, это отступить сюда, в заброшенный *стеддинг*. Это даст ему преимущество против Шончан, но очень небольшое. Их армия в шесть раз больше, и даже самый зеленый командир знает, что сопротивление в таких условиях равно самоубийству.

— Ты когда-нибудь видел выступление мастера-жонглера, Раджаби? — спросил Итуралде,

изучая карту.

Краем глаза Итуралде заметил замешательство на лице похожего на быка мужчины.

— Я видел менестрелей, которые...

— Нет, я говорю не про менестреля, а про мастера.

Раджаби покачал головой.

Итуралде задумчиво пыхнул трубкой, перед тем как продолжить:

— А я однажды видел. Он был придворным бардом в Кэймлине. Проворный малый, очень остроумный, но в том стиле, что больше пришелся бы по вкусу простому обществу. Барды обычно не жонглируют, но этот парень не

отказывался, когда его просили. Я так понимаю, ему нравилось таким образом развлекать Дочь-Наследницу

Он вынул трубку изо рта, примяв табак.

— Родел, — напомнил Раджаби — Шончан...

Родел поднял палец, зажав трубку в зубах перед тем, как продолжить:

— Бард начал жонглировать тремя шарами. Потом он спросил нас, сумеет ли он справиться, если добавить еще один. Мы подбодрили его, и он жонглировал сперва четырьмя, потом пятью, шестью. С каждым добавленным шаром наши аплодисменты становились громче, и

всякий раз он спрашивал, справится ли он со следующим. Мы, естественно, отвечали «да».

— Их стало семь, восемь, девять. Наконец в воздухе оказалось десять шаров, летающих в таком сложном узоре, что я не мог за ними уследить. От него требовалось много мастерства, чтобы удержать их в движении, но он успевал наклоняться и подхватывать почти упущенные шары. Он был слишком сосредоточен, чтобы спрашивать, сможет ли он справиться с новым шаром, но толпа не унималась, и просила еще. Одиннадцать! Давай одиннадцатый! И вот его помощник добавляет в этот хаос еще один шар.

Итуралде выдохнул дым.

— Он их уронил? — спросил Раджаби.

Родел покачал головой.

— Последний «шар» оказался вовсе не шаром. Это был своего рода трюк, как у Иллюминаторов. На полпути к барду он внезапно ярко вспыхнул и окутал все дымом. Когда дым рассеялся, бард уже пропал, а на полу в ряд лежали десять шаров. Когда я огляделся, то заметил его сидящим с кубком вина за столом вместе с нами и флиртующим с женой лорда Финндала.

Бедняга Раджаби выглядел окончательно сбитым с толку. Он любил короткие и предельно ясные

ответы. Итуралде был солидарен с ним в этом, но в эти дни, при необычно облачном небе и ощущении постоянных сумерек, он чувствовал философский настрой.

Он протянул руку и взял со стола из-под кисета измятый лист бумаги, затем передал его Раджаби.

«Нанесите Шончан мощный удар», — прочел Раджаби. — «Отбросьте их, заставьте забраться в лодки и убраться обратно за их проклятый океан. Полагаюсь на тебя, старый друг. Король Алсалам», — Раджаби опустил письмо. — Я знаю о его приказах, Родел. Я пришел сюда не из-за него, я здесь из-за тебя.

— Да, но я сражаюсь за него, —

ответил Итуралде. Он был человеком короля, им и останется. Он поднялся, выбил золу из трубки и растер её каблуком сапога. Он отложил трубку, забрал у Раджаби письмо и направился к дверям.

Ему нужно принять решение: остаться и принять бой, или сбежать в место похуже, но выиграть время?

Когда Итуралде вышел навстречу облачному утру, лачуга скрипела, и деревья качались от ветра. Конечно, хижина не была огирской постройки. Для этого она была слишком хрупкой. *Стеддинг* был заброшен долгое время. Его бойцы разбили лагерь между деревьев. Не самое лучшее место для военного лагеря,

но нужно варить суп из того, что есть под рукой, а *стеддинг* был слишком удобен, чтобы просто пройти мимо. Кто-нибудь другой отступил бы в город и попытался укрыться за его стенами, но здесь, среди этих деревьев, Единая Сила была бесполезной. Бессилие шончанских *дамани* было важнее, чем стены любой высоты.

«*Нам следует остаться*», — решил Итуралде, наблюдая за работой своих людей, возводящих частокол и копающих рвы. Ему претила мысль о вырубке деревьев в *стеддинге*. Раньше он был близко знаком с несколькими огир и очень их уважал. Эти массивные дубы,

возможно, почерпнули живительную силу еще в те дни, когда здесь жили огир. Срубить их было преступлением. Но нужно делать то, что должно. Бегство дало бы ему немного времени, но вместе с тем могло с легкостью *отнять* его. У него была пара дней до атаки Шончан. Если ему удастся хорошенько окопаться, то, возможно, им придется начать осаду. *Стеддинг* заставит их колебаться, а лес послужит дополнительным укрытием для его небольшого войска.

Он ненавидел быть загнанным в угол. Возможно, поэтому он так долго собирался с мыслями, хотя глубоко внутри уже знал, что пришло

время остановиться. Шончан все-таки загнали его в угол.

Он пошел дальше вдоль укреплений, кивая работающим, чтобы они увидели его. У него осталось сорок тысяч бойцов, что было чудом, учитывая все странности, с которыми им пришлось столкнуться. Эти люди уже должны были дезертировать, но они своими глазами видели, как он выигрывал самые невероятные сражения, подбрасывал в воздух шар за шаром под все нарастающие аплодисменты. Они считали его непобедимым. Они просто не понимали, что, когда подбрасываешь в воздух всё больше шаров, не только

само представление становится более зрелищным.

Падение в конце тоже будет более впечатляющим.

Он держал эти мрачные мысли при себе, обходя вместе с Раджаби лесной лагерь, проверяя частокол. Он возводился с приличной скоростью – бойцы устанавливали толстые колья в свежевырытые ямы. Закончив проверку, Итуралде кивнул своим мыслям:

– Мы остаемся, Раджаби. Сообщи командирам отрядов мое решение.

– Некоторые считают, что оставаться здесь означает верную смерть, – откликнулся Раджаби.

— Они ошибаются, — ответил Итуралде.

— Но...

— Никто не знает наверняка, Раджаби, — сказал Итуралде. — Посадить на эти деревья внутри частокола лучников, и они станут почти такими же эффективными, как крепостные башни. Нам нужно будет подготовить подступы к укреплениям. Расчистить столько леса, сколько сумеем, затем поставить заграждения из этих бревен внутри частокола для второй линии обороны. Мы укрепимся. Возможно, я ошибся в тарабонцах, и они придут на помощь. Или король приведет откуда-нибудь спрятанную

армию, чтобы нас вытащить. Кровь и пепел, а может, мы и сами с ними справимся! Посмотрим, как им понравится сражаться без своих *дамани*. Мы выживем.

Раджаби заметно распрямился, став гораздо увереннее. Итуралде догадывался, что именно это он и хотел услышать. Как и все остальные, Раджаби верил в Маленького Волка. Они не верили, что он *может* проиграть.

Итуралде знал правду. Но если суждено умереть, то нужно сделать это достойно. В юности Итуралде часто мечтал о войнах и воинской славе. Постаревший Итуралде отлично знал, что в битве нет

никакой славы, зато есть честь.

— Милорд Итуралде! — закричал посыльный, спешивший к нему вдоль незаконченной стены частокола. Это был юный мальчуган — такому Шончан, возможно, сохранили бы жизнь. В противном случае, Итуралде отправил бы его и таких же, как он, восвояси.

— Да? — повернувшись ему навстречу, спросил Итуралде. Раджаби, словно небольшая скала, застыл рядом.

— Человек, — запыхавшись, пояснил мальчишка. — Разведчики задержали его на входе в *стеддинг*.

— Явился, чтобы сражаться в наших рядах? — спросил Итуралде.

Добровольцы были частым явлением. Многих привлекали жажда славы, или, по крайней мере, желание получать регулярный паек.

— Нет, милорд, — отдуваясь, ответил мальчишка. — Он сказал, что ему нужно встретиться с вами.

— Шончанин? — рывкнул Раджаби.

Мальчишка покачал головой:

— Нет. Но у него богатые одежды.

Значит, какой-то посланец от знати. Доманиец или, возможно, ренегат-тарабонец. Кто бы он ни был, он уже вряд ли что-то испортит.

— Он пришел один?

— Да, сэр.

Храбрец.

– Тогда веди его, – приказал Итуралде.

– Где вы его примете, милорд?

– Что? – выпалил Итуралде. – Ты думаешь, я какой-нибудь капризный купец с шикарным дворцом? Вон та поляна вполне сойдет. Давай, веди его, но поторопись. И проследи, чтобы его хорошо охраняли.

Паренек кивнул и убежал. Итуралде махнул рукой паре солдат и отправил гонцов за Вакедой и другими офицерами. Шимрон погиб, сгорел дотла, попав под удар огненного шара *дамани*. И это было скверно. Итуралде с радостью променял бы на него многих других офицеров.

Большинство офицеров явились раньше незнакомца. Долговязый Анкаер, одноглазый Вакеда, который до увечья мог бы быть привлекательным, коренастый Меларнед, юный Лидрин, который не бросил Итуралде даже после гибели отца.

— Что это я слышал? — спросил Вакеда, скрещивая руки на груди. — Мы остаемся в этой западне? Родел, у нас не хватит сил, чтобы сражаться. Если они придут, то нас зажмут.

— Ты прав, — просто ответил Итуралде.

Вакеда обернулся к остальным, потом обратно к Итуралде. Часть его раздражения ушла от столь прямого

ответа.

— Что ж... тогда почему мы не бежим? — в последнее время он горячился не так часто, как всего несколько месяцев ранее, когда Итуралде только начинал свою кампанию.

— Я не стану лгать или подслащать правду, — ответил Итуралде, обращаясь сразу ко всем. — Мы попали в тяжелое положение. Но мы окажемся в еще *более* плохом положении, если сбежим. Не осталось щели, в которой мы могли бы спрятаться. Эти деревья дают нам преимущество, и мы можем укрепиться. *Стеддинг* не позволит использовать *дамани*, и одно это

стоит того, чтобы здесь остаться. Мы примем бой здесь.

Анкаер кивнул, по-видимому, поняв всю тяжесть ситуации.

— Мы должны довериться ему, Вакеда. До сих пор он был прав.

Вакеда кивнул.

— Я согласен.

Проклятые глупцы. Четыре месяца назад половина из них убили бы его при первой же встрече за то, что он оставался верен королю. Теперь же они считали, что он способен совершить невозможное. Какая жалость, а он уже начал надеяться, что сможет убедить их поддержать Алсалама. — Ну, ладно, — сказал он, указывая на полосу

укреплений. – Вот, что нам следует сделать, чтобы укрепить слабые места в обороне. Я хочу...

Он остановился, заметив приближающуюся сквозь просеку группу. Посыльный мальчишка бежал рядом с отрядом солдат, сопровождавших человека в красно-золотом кафтане.

Что-то в этом пришельце привлекло внимание Итуралде. Возможно, его рост. Молодой человек был таким же высоким, как айилец, и таким же светловолосым. Но Айил не носят прекрасные кафтаны с богатой золотой вышивкой. При нем был меч, и то, как пришелец двигался, навело

Итуралде на мысль, что он умел с ним обращаться. Он шел твердым, размеренным шагом, словно считал окружавших его солдат почетным караулом. Стало быть, какой-то лорд, и притом привыкший повелевать. Почему же он явился один, а не отправил какого-нибудь посыльного?

Молодой лорд остановился неподалеку перед Итуралде и его генералами, поочередно всех оглядев, и затем обратился к Итуралде:

— Родел Итуралде? — спросил он. Что у него за акцент? Андорский?

— Да, — осторожно подтвердил Итуралде.

Молодой лорд кивнул.

— Описание Башира очень

точное. Похоже, ты сам себя здесь запер. Ты в самом деле надеешься выстоять против армии Шончан? Их больше в несколько раз, а ваши тарабонские союзники не проявляют... должного рвения укрепить вашу оборону.

Он проницателен, кем бы он ни был.

— У меня нет привычки обсуждать мою оборону с незнакомцами, — ответил Итуралде, изучая молодого человека. Он был крепким, худым и поджарым, хотя тяжело что-то сказать, не видя того, что под кафтаном. Он был правшой, а при внимательном изучении Итуралде отметил, что его левая

кисть отсутствует. На обеих его руках были заметны странные красно-золотые татуировки.

Но эти глаза. Это были глаза, много раз видевшие смерть. Он не просто молодой *лорд*. Он молодой *генерал*. Итуралде прищурился.

— Кто ты?

Незнакомец встретился с ним взглядом.

— Я — Ранд ал'Тор, Возрожденный Дракон. И ты мне нужен. Ты и твоя армия.

Несколько человек за спиной Итуралде выругались, и Итуралде оглянулся на них. Вакеда был настроен скептически, Раджаби удивлен, а юный Линдрин

откровенно пренебрежителен.

Итуралде опять посмотрел на новоприбывшего. Возрожденный Дракон? Этот юнец? Очень может быть. Большинство слухов сходились на том, что Дракон – юноша с рыжими волосами. Но, вместе с тем, одни слухи утверждали, что он десяти футов роста, а другие – что у него глаза в полутьме светятся. И еще о нем ходят сказки, будто его видели в небе над Фалме. Кровь и пепел, Итуралде даже не знал, верит ли в то, что Дракон *действительно* возродился!

– У меня нет времени на споры,
– продолжил незнакомец невозмутимо. Он выглядел... старше,

чем казался на первый взгляд. И его вовсе не волновало то, что его окружали вооруженные солдаты. На самом деле, то, что он явился один... должно было походить на глупый жест. Но вместо этого заставило Итуралде задуматься. Только человек, подобный Возрожденному Дракону, мог бы прийти вот так в военный лагерь — абсолютно один — и ожидать при этом повиновения.

Чтоб ему сгореть, если одно это не заставляет Итуралде ему поверить. Либо этот человек тот, кем он себя назвал, либо он полный идиот.

— Если мы выйдем за пределы *стеддинга*, я докажу, что могу направлять, — продолжил

незнакомец. – Возможно, это что-то будет значить. Дайте мне уйти, и я приведу десять тысяч Айил и несколько Айз Седай, которые поклянутся, что я тот, за кого себя выдаю.

Еще слухи говорили, что Айил подчиняются Дракону. Люди вокруг Итуралде закашляли и принялись озираться, чувствуя себя неуютно. Многие из них до перехода к Итуралде были Принявшими Дракона. Сказав пару верных слов, этот Ранд ал'Тор, или кто он там на самом деле, может посеять смуту в лагере Итуралде.

– Даже, если мы предположим, что я тебе поверил, – осторожно

начал Итуралде, – я не понимаю, что это меняет. У меня есть война. У тебя, полагаю, есть свои дела.

– *Ты* и есть мои дела, – заявил ал'Тор с жестким взглядом, готовым, как казалось, проникнуть внутрь черепа Итуралде и поискать внутри что-нибудь полезное. – Ты должен заключить мир с Шончан. Эта война ничего не дает. Я хочу отправить тебя в Приграничье. У меня нет людей, чтобы сторожить Запустение, а Порубежники бросили свои посты.

– У меня есть приказы, – ответил Итуралде, покачав головой. Постой-ка. Он бы не стал выполнять требование этого юноши, даже если бы у него не было приказов. Разве

что... эти глаза. У Алсалама были почти такие же глаза, когда они оба были моложе. Глаза, требующие повиновения.

— А, твои приказы, — сказал ал'Тор. — От короля? Значит, поэтому ты с такой настойчивостью борешься с Шончан?

Итуралде кивнул.

— Я о тебе слышан, Родел Итуралде, — продолжил ал'Тор. — Люди, которым я доверяю и которых я уважаю, доверяют тебе и уважают тебя. Вместо того, чтобы убегать и прятаться, ты окопался здесь, чтобы принять заведомо смертный бой. И все из-за твоей преданности королю. Это я одобряю. Но настало время

свернуть и принять бой, который чего-то стоит. Который стоит *всего на свете*. Идем со мной, и я дам тебе трон Арад Домана.

Встревоженный Итуралде резко выпрямился:

– Похвалив меня за преданность, ты предлагаешь мне свергнуть моего короля!

– Твой король *мертв*, – ответил ал'Тор. – Либо мертв, либо его разум стал мягче воска. Чем больше я размышляю, тем больше уверен, что его захватила Грендаль. В хаосе, царящем в этой стране, я чувствую ее руку. Все полученные тобой приказы, скорее всего, исходят от нее. Но вот почему она хочет, чтобы ты сражался

с Шончан, я понять пока не могу.

Итуралде фыркнул.

– Ты так говоришь про одну из Отрекшихся, словно приглашал ее в гости на ужин.

Ал'Тор вновь скрестил с ним взгляды.

– Я помню каждого из них – их лица, их привычки, то, как они говорят и действуют – словно знаком с ними тысячу лет. Порой я помню их лучше, чем собственное детство. Я – Дракон Возрожденный.

Итуралде моргнул. *«Чтоб мне сгореть»*, – подумал он. – *«Я ему верю. Проклятый пепел!»*

– Давай... давай взглянем на твои доказательства.

Конечно, последовали возражения, в основном от Лидрина, который решил, что это слишком опасно. Остальные выглядели потрясенными. И это люди, которые присягнули ему в верности, ни разу его не видев. В ал'Торе чувствовалась некая... *сила*, которая затягивала Итуралде, требуя выполнять все, что ему сказано. Что ж, сперва посмотрим на его доказательства.

Они отправили гонцов за лошадьми, чтобы выехать из *стеддинга*, но ал'Тор уже говорил с ним так, будто Итуралде стал его подчиненным.

— Возможно, Алсалам жив, — сказал он, пока они ждали. — Если

так, я понимаю, почему ты не хочешь занять этот трон.

Может, тогда Амадиция? Мне нужен кто-то, чтобы там править и присматривать за Шончан. Там сейчас сражаются Белоплащники, и я не уверен, сумею ли я остановить этот конфликт до начала Последней Битвы.

Последняя Битва. О, Свет!

– Я не приму эту корону, если ты убьешь их короля, – ответил Итуралде. – Если Белоплащники сами его уже убили, или Шончан, тогда возможно.

Король! О чем это он? *«Что б тебе сгореть!»* – подумал он. – *«Дождись сперва доказательств, а*

после уже думай о тронах!». Было что-то в этом человеке, рассуждавшем о событиях, подобных Последней Битве, которой человечество боялось тысячи лет, словно об обыденном рапорте дневального.

Прибыли солдаты с лошадьми, и все – Итуралде, ал'Тор, Вакеда, Раджаби, Анкаер, Миларнед и еще полдюжины офицеров – сели в седла.

– Я привел в вашу страну много Айил, – начав движение, сказал ал'Тор. – Я надеялся использовать их для восстановления порядка, но это заняло больше времени, чем я хотел. Я планирую держать под охраной членов Совета Торговцев; если они

будут в моих руках, мне, возможно, удастся наладить стабильность в Арад Домане. Как ты считаешь?

Итуралде не знал, что и думать. Держать под охраной Совет Торговцев? Звучит очень похоже на их похищение. Во что Итуралде дал себя втянуть?

— Может сработать, — неожиданно для себя ответил он. — Свет, если подумать, возможно, это лучший план из всех.

Ал'Тор кивнул, глядя перед собой, двигаясь мимо частокола вдоль просеки к границе *стеддинга*.

— И все равно, мне нужно обеспечить безопасность Порубежья. Я позабочусь о твоей родине.

Проклятые порубежники! Что они затевают? Но нет, нет. Не сейчас. Они могут подождать. Нет, он справится. Он сможет продержаться. Я отправлю его с Аша'манами, — внезапно ал'Тор повернулся к Итуралде. — Как бы ты поступил, если бы я дал тебе сотню мужчин, способных направлять Единую Силу?

— Безумцев?

— Нет, большинство из них вполне нормальны, — ответил ал'Тор без малейшей обиды. — То безумие, что охватило их до того, как я очистил *саидин*, не пропало, потому что очищение порчи не может их исцелить, но только несколько из

них совсем спятили. И им не станет хуже, так как *саудин* теперь чиста.

Саудин? Чиста? Если б только у Итуралде были собственные люди, способные направлять... Собственные *дамани*, в каком-то смысле. Итуралде задумчиво поскреб подбородок. Все произошло слишком быстро, но генерал обязан уметь принимать быстрые решения.

— Я бы сумел использовать их разумно, — ответил он, наконец. — Весьма разумно.

— Хорошо, — сказал ал'Тор. Они выбрались из *стеддинга*. Воздух здесь ощущался иначе. — Тебе придется присматривать за большой территорией, но большинство

способных направлять мужчин, которых я тебе передам, умеют создавать Переходные Врата.

— Врата? — переспросил Итуралде.

Ал'Тор посмотрел на него, потом сжал зубы и закрыл глаза, содрогнувшись, словно от приступа тошноты. Встревоженный Итуралде выпрямился, положив руку на меч. Яд? Или он ранен?

Но нет, ал'Тор открыл глаза, и в их глубине появилась искра экстаза. Он повернулся, взмахнув рукой, и воздух перед ним разрезала полоса света. Раздались проклятья со стороны окружавших Итуралде офицеров, они попятились. Одно

дело, когда мужчина заявляет о том, что способен направлять Силу, другое – увидеть, как это происходит прямо под твоим носом!

– Это – Переходные Врата, – сказал ал’Тор, когда полоса света развернулась в огромную черную дыру, висящую в воздухе. – Их размер зависит от силы Аша’мана, они могут быть достаточно широкими для фургона. Вы сможете перемещаться практически куда угодно с огромной скоростью, иногда и мгновенно, в зависимости от обстоятельств. С несколькими обученными Аша’манами твоя армия может позавтракать в Кеймлине утром, и спустя пару часов пообедать

в Танчиго.

Итуралде вновь поскреб подбородок.

— Что ж, на *это* стоило посмотреть. Воистину стоило.

Если верить этому человеку, и эти Врата *действительно* работают так, как он описывает... — С помощью этой штуки я смог бы очистить Тарабон от Шончан, а может и все земли!

— Нет, — выпалил ал'Тор. — Мы заключим с ними мир. По донесениям моих разведчиков, это будет трудно сделать без обещания отдать им твою голову. Я не хочу их сердить еще больше. У нас нет *времени* на свары. Есть дела и

поважнее.

– Нет ничего важнее моей родины, – ответил Итуралде. – Даже если эти приказы поддельные, я знаю Алсалама. Он бы со мной согласился. Мы не потерпим врага на земле Арад Домана.

– Тогда обещаю, – сказал ал’Тор, – что я прослежу, чтобы Шончан убрались из Арад Домана. Даю слово. Но мы не станем с ними больше сражаться. В обмен на это ты отправишься в Порубежье и защитишь его от вторжения. Сдерживай троллоков, если они явятся, и одолжи мне несколько офицеров, чтобы помочь сохранить Арад Доман. Будет проще

восстановить порядок, если люди увидят собственных дворян, сотрудничающих со мной.

Итуралде задумался, хотя уже знал свой ответ. Эти Врата способны вытащить его людей из смертельной ловушки. С айильцами на своей стороне – с таким союзником, как Возрожденный Дракон – у него на самом деле есть шанс сохранить Арад Доман. Славная смерть, конечно, хороша, но возможность с честью продолжить битву... это была куда более ценная награда.

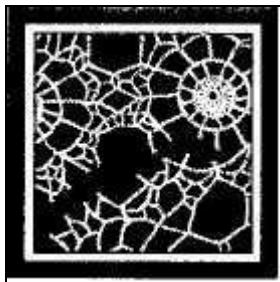
– Согласен, – сказал Итуралде, протянув руку.

Ал'Тор пожал ее.

– Сворачивай лагерь. К вечеру

ты окажешься в Салдэе.

Глава 11. Смерть Адрина

«Я думаю, его снова стоит наказать», – сказала Лериан на языке жестов Дев Копья. – «Он как ребенок. А когда ребенок лезет во что-то опасное, его наказывают. Если дитя порежется потому, что его вовремя не научили, что надо

держаться подальше от ножей, позор ляжет на его родителей».

«Предыдущее наказание не пошло впрок», – возразила Суриал. – «Он принял его, как подобает мужчине, а не ребенку, но не изменил своего поведения».

«Тогда мы обязаны попытаться снова», – ответила Лериан.

Авиенда сбросила свой булыжник в груды камней около сторожевого поста, затем развернулась обратно. Она сделала вид, что не знает Дев, которые следили за подступами к лагерю, и они отвечали ей взаимностью. Говорить с ней, пока она отбывает наказание, значило лишь усилить ее

позор, и ее сестры по копью никогда бы такого не сделали.

Также она ничем не показала, что понимает их разговор. Хотя никто и не ждал, что бывшая Дева Копья забудет язык жестов, сейчас стоило промолчать. Язык жестов принадлежал Девам.

Авиенда выбрала большой камень из второй груды и зашагала обратно в лагерь. Она не могла сказать, продолжили ли Девы свой разговор, потому что больше не могла видеть их руки. Но тема их разговора ее задела. Их возмущение касалось того, что Ранд отправился на встречу с генералом Роделом Итуралде без охраны. Это был не

первый случай, когда он поступал так глупо. Казалось, он не желает — или не способен — научиться вести себя подобающим образом. Каждый раз, когда он подвергал себя опасности, отказываясь от охраны, он оскорблял Дев, словно давал каждой из них пощечину.

Вероятно, у Авиенды был небольшой *тох* к своим сестрам по копьё. Обучить Ранда ал'Тора айильским обычаям было ее прямой задачей, и она явно с ней не справилась. Увы, ее *тох* к Хранительницам Мудрости был еще больше, даже если она пока и не смогла понять его причину. Меньшему долгу перед сестрами по

копью придется ждать своего часа.

Ее руки болели от таскания камней, тяжелых и скользких, которые пришлось доставать из реки, протекавшей возле поместья. Лишь время, проведенное с Илэйн, когда она была вынуждена купаться в воде, придало ей сил входить в эту реку. Здесь ей не в чем было себя упрекнуть. И, в конце концов, эта река была небольшой – мокроземцы, возможно по ошибке, называли ее ручьем. Ручей – это маленький горный поток, в который можно окунуть руки или наполнить бурдюк водой. Все, что нельзя перешагнуть, определенно является рекой.

День, как всегда, выдался

пасмурный, и в лагере было тихо. Люди, еще недавно суетившиеся после прибытия Айил, теперь стали квелыми. Лагерь никак нельзя было назвать неухоженным. Даже будучи мокроземцем, Даврам Башир был слишком аккуратным командиром, чтобы позволить такое. Тем не менее, люди *действительно* передвигались не спеша. Она слышала, что некоторые жаловались, будто вид темного неба их угнетает. Какие все же странные эти мокроземцы! Как погода может влиять на настроение? Она могла понять, когда раздражались из-за отсутствия набегов или плохой охоты. Но из-за туч в небе? Неужели здесь

так мало ценили прохладу?

Продолжая идти, она покачала головой. Она выбирала камни потяжелее. Поступить иначе — значило облегчить наказание, и она не сделала бы этого, хотя каждый шаг ранил ее честь. Она должна была пройти через весь лагерь, у всех на виду, выполняя бесполезную работу! Она предпочла бы предстать перед всеми нагой вне палатки-парильни, или пробежать тысячу кругов вокруг лагеря, или быть побитой так, что не сможет ходить.

Добравшись до поместья, она опустила камень, тайком вздохнув от облегчения. Два солдата-мокроземца из отряда Башира охраняли вход в

здание, в дополнение к двум Девам, стоявшим на другом конце пути Авиенды. Наклонившись, чтобы взять большой камень из второй груды, сваленной под стеной, она случайно услышала их разговор.

— Чтоб мне сгореть, как жарко! — пожаловался один из мужчин.

— Жарко? — спросил другой, поглядев на пасмурное небо. — Ты шутишь.

Первый часовой обмахивался рукой, пыхтя и потея. — Разве ты не чувствуешь?

— Может, у тебя лихорадка или что-то вроде нее?

Мужчина покачал головой.

— Мне всего лишь не нравится

жара, вот и все.

Авиенда подняла свой булыжник и начала обратный путь через луг. После некоторых раздумий она пришла к заключению, что мокроземцев объединяет одна отличительная черта: они любят жаловаться. В течение первых месяцев пребывания в мокрых землях она считала это постыдным. Неужели этого стражника совсем не заботило то, что показывая свою слабость, он терял лицо перед товарищем?

Они все были такими, даже Илэйн. Если послушать ее разговоры о болях, недомоганиях и нервных срывах во время беременности,

можно было подумать, что она при смерти! Но если жаловалась и Илэйн, Авиенда отказывалась принимать жалобы как проявление слабости. Ее первая сестра не станет так себя позорить.

Следовательно, в таком поведении присутствовала некая скрытая честь. Возможно, мокроземцы демонстрируют свои слабости товарищам как знак доверия и расположения. Если друзьям известны твои слабости, это даст им преимущество, если вы решите станцевать с ними танец копий. А может, жалобы были лишь мокроземским способом выразить смирение, как *гай'шайн*

демонстрируют честь своим служением.

Она поделилась своими предположениями с Илэйн, а в ответ услышала лишь теплый смех. Возможно, это был один из аспектов общества мокроземцев, который запрещалось обсуждать с чужаками? Может, Илэйн рассмеялась, потому что Авиенда узнала что-то, что для нее не предназначалось?

В любом случае, это, несомненно, был способ продемонстрировать честь, и это удовлетворило Авиенду. Если бы только ее собственные проблемы с Хранительницами Мудрости были столь же просты! Если бы

мокроземцы вели себя столь неестественно и непоследовательно, Авиенда не стала бы удивляться. Но что прикажете ей делать, когда именно поведение Хранительниц Мудрости было таким странным?

Она была недовольна, но не поведением Хранительниц, а собой. Она была сильной и храброй. Не настолько, конечно же, как некоторые другие; ей оставалось лишь мечтать стать такой же бесстрашной, как Илэйн. Тем не менее, проблем, с которыми Авиенда была не в состоянии справиться с помощью копий, Единой Силы или своего ума, существовало не много. И все же разобраться в причинах своего

текущего затруднительного положения никак не удавалось.

Достигнув другого конца лагеря, она положила свой камень и отряхнула руки. Девы неподвижно застыли в раздумьях.

Авиенда подошла к другой груди и подхватила продолговатый камень с зазубренными краями. Он был в три ладони шириной и из-за гладкой поверхности так и норовил выскользнуть из пальцев. Ей пришлось порядком повертеть его, прежде чем она приноровилась. Авиенда направилась обратно к дому мимо палаток салдэйцев по вытоптанной, сухой после зимы траве.

Илэйн сказала бы, что Авиенда недостаточно обдумала проблему. Илэйн сохраняла спокойствие и рассудительность, когда все другие нервничали. Авиенда порой приходила в отчаяние оттого, насколько ее первая сестра любила поговорить, прежде чем действовать. *«Мне нужно стать больше похожей на нее. Я должна помнить, что больше не являюсь Девой Копья. Я не могу решать задачу с помощью оружия».*

Она должна была подойти к решению проблемы так же, как это делала Илэйн. Это было единственным способом вернуть свою честь, и лишь после этого она

могла заявить свои права на Ранда ал'Тора и сделать его своим так же, как Илэйн или Мин. Она ощущала его через узы. Ранд находился в комнате, однако не спал. Он был слишком требовательным к себе и спал очень мало.

Камень едва не выскользнул из пальцев, и она чуть не споткнулась, с трудом сохранив равновесие и ухитрившись его не выронить из ослабевших рук. Некоторые из проходивших мимо солдат Башира выглядели удивленными, и Авиенда почувствовала, что краснеет. Хотя они могли и не знать, что она несла наказание, ей стало перед ними стыдно.

Как в данной ситуации поступила бы Илэйн? Хранительницы Мудрости были сердиты на Авиенду за то, что она «недостаточно быстро учится». Но по-прежнему отказывались ее учить. Они лишь задавали ей вопросы. Вопросы о том, что она думает об их нынешнем положении, что она думает о Ранде ал'Торе или о том, как Руарк провел встречу с *Кар'а'карном*.

Авиенда не могла избавиться от ощущения, что эти вопросы были испытанием. Может, она ответила неправильно? Если так, то почему они не научили ее, как следует отвечать?

Хранительницы не считали ее мягкой. Что же она упустила? Что сказала бы Илэйн? Авиенде хотелось, чтобы ее копья снова были при ней и она могла пустить их в ход. Атаковать, испытать себя в поединке, излить свой гнев.

«Нет», – яростно подумала она. – *«Я намерена научиться поступать, как подобает Хранительнице Мудрости. Я снова обрету честь!»*

Она дошла до дома, опустила свой камень и вытерла пот со лба. Хотя Илэйн и научила ее не замечать жару и холод, она все равно потела, выполняя тяжелую работу.

– Адрин? – обратился к товарищу один из часовых у дверей. –

Свет, ты в самом деле выглядишь паршиво.

Авиенда взглянула в сторону входа в поместье. Жаловавшийся на жару часовой прислонился к дверному косяку, приложив руку ко лбу. Он действительно выглядел неважно. Авиенда обняла *саидар*. Исцеление не было ее сильной стороной, но, возможно, она могла бы...

Внезапно мужчина вскинул руки, вцепившись в кожу на висках. Его глаза закатились, а пальцы оставляли глубокие раны в его плоти. Однако вместо крови из ран брызнуло угольно-черное вещество. Даже на расстоянии Авиенда

ощущала исходивший от него нестерпимый жар.

Другой стражник в ужасе отпрянул, когда из разодранных щек его товарища потек струями черный огонь. Наружу, вскипая и шипя, сочилась черная смола. На мужчине загорелась одежда, и от жара начала съезживаться плоть. Он не проронил ни звука.

Авиенда пришла в себя от потрясения и мгновенно сплела Воздух в незамысловатое плетение, чтобы оттащить второго часового на безопасное расстояние. Его друг теперь представлял собой дрожащую гору смолы с торчавшими из нее почерневшими костями. Черепа не

осталось совсем. Жар был столь велик, что Авиенде пришлось отступить, потянув за собой уцелевшего стражника.

— Нас... нас атаковали! — прошептал мужчина. — С помощью Единой Силы!

— Нет, — произнесла Авиенда. — Это нечто гораздо хуже. Беги за помощью!

Казалось, от шока он не может сдвинуться с места, но она подтолкнула его, заставляя двигаться, и он побежал. Не похоже, чтобы смола начала растекаться, что само по себе уже было благословением, но от нее уже загорелась дверная рама. Это грозило тем, что все здание

могло вспыхнуть прежде, чем кто-либо внутри узнает об опасности.

Авиенда сплела Воздух и Воду, намереваясь погасить пламя. Однако потоки задрожали и начали истончаться, едва достигнув пламени. Плетение не распалось, но огонь ему каким-то образом сопротивлялся.

Авиенда отступила еще на шаг от ужасного, нестерпимого пламени. Лоб щипало от пота, и ей пришлось поднять руку, защищая лицо от жара. Она едва могла различить обугленные остатки в самом его центре, которые начали мерцать темно-красным и белым, подобно раскаленным до предела углям.

Вскоре чернота почти совсем исчезла. По фасаду здания принялось распространяться пламя. Авиенда слышала раздавшиеся изнутри крики.

Встряхнувшись и зарычав, она свила Землю и Воздух, вырвав вокруг себя куски земли. Она швырнула их в огонь, стремясь сбить пламя. Ее плетения не способны были вытянуть жар из пламени, однако это не мешало девушке использовать плетения, чтобы швырять предметы в огонь. Куски поросшей травой земли шипели и посвистывали, бледные стебли вспыхивали, обращаясь в пепел под действием невероятного жара. Авиенда продолжала работать,

истекая потом как от усилий, так и от жары.

Вдалеке она слышала крики людей, требовавших ведра; возможно, выживший стражник был среди них.

Ведра? Конечно же! В Трехкратной Земле вода была слишком ценна, чтобы использовать ее для борьбы с огнем. Ее заменяли грязь и песок. Однако здесь для этих целей *использовали* бы воду. Авиенда отступила еще на несколько шагов, высматривая реку, текущую вокруг поместья. Она смогла только различить ее поверхность, в которой отражались танцующие оранжево-красные языки пламени. Огонь

охватил уже практически весь фасад здания! Она почувствовала, что внутри направляли: Айз Седай или Хранительницы Мудрости. Хотелось надеяться, что им удастся покинуть здание через черный ход. Огонь проник во внутренний коридор, и выбраться наружу из комнат больше не представлялось возможным.

Авиенда сплела огромную колонну из Воздуха и Воды, вытягивая струю прозрачной жидкости из реки, направляя ее к себе. Столб воды трепетал в воздухе, словно изображенное на стяге Ранда существо: прозрачный извивающийся дракон, который обрушился на огонь. Пар с шипением вырвался наружу и

захлестнул ее.

Жар был силен, и ее кожу ошпарило волной пара, однако она не отступила. Она продолжала вытягивать больше, переправляя толстый столб воды к темному холмику, который едва могла разглядеть сквозь пар.

Как нестерпимо жарко! Авиенда вновь сделала несколько шагов назад и, стиснув зубы, продолжила работать. Внезапно раздался новый взрыв, когда второй столб воды из реки врезался в огонь. В итоге, вместе с ее собственным, этот направил сюда почти весь речной поток. Авиенда моргнула. Другой столб управлялся потоками, которые

она не могла видеть, однако она смогла заметить в окне второго этажа фигуру со вскинутой рукой и сильно напряженным лицом. Нэфф, один из Аша'манов Ранда. Поговаривали, что он был особенно силен в обращении с Воздухом.

Огонь отступил, осталась лишь смолистая грудa, пышущая сильным жаром. Рядом с ней в стене возле входа в поместье зияло черное отверстие. Авиенда продолжала вытягивать воду и направлять ее на черную массу, хотя начинала ощущать нарастающую усталость. Чтобы справиться с таким огромным количеством воды, ей пришлось черпать *саидар* почти на пределе

своих возможностей.

Вскоре шипение воды прекратилось. Авиенда ослабила поток, а потом свела его на нет. Земля вокруг нее превратилась в мокрую раскисшую грязь, в воздухе витал тяжелый запах влажной золы. В грязной воде плавали головешки и щепки, а в тех местах, где Авиенда вырвала из земли куски грунта, образовались глубокие лужи. Она нерешительно шагнула вперед, разглядывая глыбу — все, что осталось от невезучего солдата. Вещество было гладким и черным, словно обсидиан, и влажно поблескивало. Подобрал длинную обугленную деревяшку, вырванную из

стены напором воды, она ткнула ею в субстанцию. Та застыла и стала твердой.

— Чтоб ты сгорел! — проревел голос. Авиенда подняла глаза. Ранд ал'Тор шагнул в дыру, которая теперь красовалась в фасаде особняка. Он всматривался в небо, потрясая кулаком. — Я — тот, кто тебе нужен! Очень скоро ты получишь свою битву!

— Ранд, — нерешительно позвала Авиенда. Солдаты окружили лужайку и выглядели так, словно готовились принять бой. Из комнат поместья выглядывали изумленные слуги. Все происшествие с пожаром заняло не больше пяти минут.

– Я остановлю тебя! – проревел Ранд, вызвав у солдат и слуг испуганные возгласы. – Слышишь меня! Я приду за тобой! Не трать впустую свою силу! Она понадобится тебе, когда я приду!

– Ранд! – позвала Авиенда.

Он замер, затем ошеломленно посмотрел на нее. Она встретила с ним взглядом и почувствовала его гнев, что пылал так же, как страшные языки пламени всего пару минут назад. Он развернулся и ушел обратно в здание, поднявшись по почерневшим от огня ступеням.

– Свет! – раздался обеспокоенный голос. – И часто происходят подобные вещи, когда *он*

рядом?

Авиенда повернулась и увидела молодого человека в незнакомой форме, стоящего и наблюдающего за случившимся. Он был долговяз, со светло-каштановыми волосами и смуглой кожей медного оттенка. Она не помнила его имени, но была твердо уверена, что это был один из офицеров, которые вернулись с Рандом после встречи с Роделом Итуралде.

Она повернулась спиной к суматохе, прислушиваясь к командам, которые неподалеку выкрикивали солдаты. Прибыл Башир и сразу же принял на себя командование, распорядившись взять под

наблюдение периметр лагеря, хотя, похоже, он просто пытался чем-то занять людей. Это не было началом вражеской атаки. Всего лишь очередное прикосновение Темного к миру, как и портившееся мясо, появляющиеся из ниоткуда жуки и крысы и люди, внезапно умирающие от странных болезней.

— Да, — ответила Авиенда на вопрос мужчины. — Часто. По крайней мере, чаще рядом с *Кар'а'карном*, чем в других местах. А у вас случилось что-то подобное?

— Я слышал разные слухи, — сказал он. — Но не придавал им значения.

— Не все, что говорят — является

преувеличением, — сказала она, глядя на почерневшие останки солдата. — Узилище Темного слабеет.

— Проклятый пепел, — отворачиваясь, произнес молодой человек. — Во что ты втянул нас, Родел? Покачав головой, мужчина двинулся прочь.

Офицеры Башира начали отдавать приказы, организуя уборку. Покинет ли теперь Ранд поместье? Когда появлялись пузыри зла, многим людям хотелось бежать. Но пока ее узы с Рандом не доносили никакого чувства спешки. Скорее... казалось, он отправился отдыхать! Его настроение становилось столь же изменчивым, как и у Илэйн во

время беременности.

Покачав головой, Авиенда, взявшись помогать, принялась собирать головешки. Пока она трудилась, из здания вышли несколько Айз Седай и принялись осматривать повреждения. Фасад дома был покрыт черными пятнами, а вместо дверей зияла дыра, по крайней мере, футов пятнадцать шириной. Одна из женщин, Мериса, оценивающе взглянула на Авиенду. — Жаль, — сказала она.

Авиенда выпрямилась, подняв головню, ее одежда оставалась мокрой. Из-за этих скрывающих солнце облаков пройдет еще много времени, прежде чем она высохнет.

– Жаль что? – спросила она. – Поместье?

Грузный Лорд Теллаэн, хозяин поместья, сидел на стуле в холле здания и стонал, вытирая лоб и качая головой.

– Нет, – сказала Мериса. – Жаль тебя, дитя. Твои навыки в работе с плетениями впечатляют. Если бы мы забрали тебя в Белую Башню, то к этому времени уже стала бы Айз Седай. Твои плетения несколько грубоваты, но под руководством сестер ты бы быстро исправила этот недостаток.

Сзади слышалось фыркание, и Авиенда резко повернулась. Позади нее стояла Мелэйн. Золотоволосая

Хранительница Мудрости сложила руки под грудью, ее растущий вместе с ребенком живот уже начал выпирать. Она не выглядела довольной. Как Авиенда позволила ей неуслышанной подобраться к себе со спины? Из-за усталости она стала беспечной.

Мериса с Мелэйн уставились друг на друга; затем высокая Айз Седай резко развернулась, взметнув зеленые юбки, и ушла, чтобы поговорить со слугами, оказавшимися в огненной ловушке, и узнать, не требуется ли кому-то из них Исцеление. Мелэйн проводила ее взглядом, затем покачала головой.

— Несносная женщина! —

пробормотала она. – Подумать только, как мы когда-то их перевозносили!

– Хранительница Мудрости? – переспросила Авиенда.

– Я сильнее большинства Айз Седай, Авиенда, а ты намного сильнее меня. Ты можешь контролировать и понимать плетения, которые большинство из нас ставят в тупик. Другим, чтобы изучить то, что дано тебе от природы, требуется стараться изо всех сил. А она говорит: «Твои плетения несколько грубоваты»! Сомневаюсь, что любая из Айз Седай, исключая, возможно, Кадсуане Седай, сможет справиться с

тем, что ты сотворила с той водой. Чтобы переместить воду на такое расстояние, тебе пришлось использовать силу реки и скорость её течения.

— Я правда так сделала? — моргнув, спросила Авиенда.

Мелэйн кинула на нее быстрый взгляд, затем снова тихо фыркнула себе под нос. — Да, именно это ты и сделала. Ты *очень* талантлива, дитя.

Авиенда была польщена: Хранительницы Мудрости хвалили редко, но от чистого сердца.

— Однако ты отказываешься учиться, — продолжила Мелэйн. — Времени почти не осталось! Сейчас я хочу спросить тебя о другом. Что ты

думаешь о плане ал'Тора похитить этих доманийских торговых вождей?

Авиенда снова захлопала глазами, поскольку от усталости почти не могла думать. В первую очередь, то, что доманийцы используют купцов в качестве правителей, никак не укладывалось в ее голове. Как может торговец вести за собой людей? Разве им не положено все внимание уделять своим товарам? Это просто нелепо. Неужели мокроземцы никогда не перестанут ее удивлять своими странными обычаями?

И почему Мелэйн задала ей этот вопрос именно *сейчас*?

— Вроде бы его план хорош,

Хранительница Мудрости, – сказала Авиенда. – Тем не менее, копьям не понравилось, что их хотят использовать для похищения. Мне кажется, *Кар'а'карн* должен был озвучить его как предложение защиты – принудительной защиты – торговцев. Вождям намного легче принять то, что их используют для защиты, а не для похищения.

– Это одно и то же, как ни назови.

– Тем не менее, очень важно, как это назвать, – сказала Авиенда. – Если бы оба определения были равноценны, то не было бы бесчестия.

Глаза Мелэйн сверкнули, и

Авиенда уловила намек на улыбку на ее губах. — Что еще ты думаешь об этой встрече?

— Ранд ал'Тор, кажется, до сих пор считает, что *Кар'а'карн* может повелевать, подобно королю мокроземцев. Это мой позор. Я не смогла указать ему верный путь.

Мелэйн махнула рукой.

— Никакого позора здесь нет. Всем нам известно, насколько упрям *Кар'а'карн*. Его пытались наставить на правильный путь и Хранительницы Мудрости, но никто в этом не преуспел.

Вот оно как... Стало быть, ее провинность перед Хранительницами Мудрости не в

этом. В чем же тогда? Авиенда раздраженно скрипнула зубами, заставив себя продолжать.

– Все равно ему стоит об этом напоминать, снова и снова. Руарк – мудрый и терпеливый человек, но не все клановые вожди такие. Я знаю, что некоторые из них задаются вопросом, не было ли решение следовать за Рандом ал'Тором ошибочным.

– Ты права, – сказала Мелэйн. – Однако взгляни, что произошло с Шайдо.

– Я не сказала, что они правы, Хранительница, – ответила Авиенда. Несколько солдат неловко пытались поднять блестящую черную глыбу.

Она словно вплавилась в землю. Авиенда понизила голос. — Они неправы, сомневаясь в *Кар'а'карне*, но они также *обсуждают* все между собой. Ранд ал'Тор должен понять, что они не будут бесконечно одно за другим терпеть его оскорбления. Они не восстанут против него, как Шайдо, но я считаю вполне вероятным, что Тимолан, например, может просто вернуться в Трехкратную Землю и оставить *Кар'а'карна* наедине с его высокомерием.

Мелэйн кивнула.

— Не волнуйся. Нам известна такая... возможность.

Это означало, что

Хранительницы Мудрости были отправлены успокоить Тимолана, вождя Миагома Айил. И это был не первый раз. Знал ли Ранд ал'Тор, как тяжело приходится Хранительницам Мудрости, старающимся за его спиной поддерживать к нему лояльность среди Айил? Похоже, нет. Он рассматривал их всех как единую, присягнувшую ему группу, которую он мог использовать. Это было одним из главных заблуждений Ранда. Он не понимал, что Айил, как и многие другие люди, не терпят, когда их используют в качестве инструментов. Он связал кланы не так сильно, как ему хотелось бы верить. Ради него кровную месть

лишь отложили. Как он не мог понять, насколько это было неслыханно? Разве он не видел, сколь шаток возникший союз?

Однако, кроме того, что он был мокроземцем по рождению, он еще и не был Хранительницей Мудрости. Немногие из самих Айил замечали то, что делали Хранительницы в разных областях повседневной жизни. Насколько проще казалась жизнь, когда она была Девой Копья! Она сама была бы поражена, узнав, как много их труда оставалось ею не замечено.

Мелэйн слепо уставилась на разрушенное здание.

– Жалкие остатки, – произнесла

она, словно разговаривая сама с собой. — А если он бросит нас опаленными и сломанными, как те доски? Что тогда станет с Айил? Побредем ли мы обратно в Трехкратную Землю и продолжим жить, как раньше? Многие не захотят уходить. Эти земли предлагают слишком многое.

На мгновение Авиенда опешила под весом этих слов. Она едва ли задумывалась, что произойдет *после* того, как *Кар'а'карн* закончит с ними. Она сосредоточилась на настоящем — на обретении чести и защите Ранда ал'Тора в Последней Битве. Однако Хранительница Мудрости не может раздумывать лишь над тем, что будет

сегодня или завтра. Она должна мыслить на годы вперед и рассчитывать все для тех времен, что еще принесут ветры.

Жалкие остатки. Он навсегда изменил Айил как народ. Что будет с ними?

Мелэйн оглянулась на Авиенду, выражение ее лица смягчилось. — Ступай к палаткам, дитя, и отдохни. Ты выглядишь, как *шарадан*, три дня ползший на животе по песку.

Авиенда взглянула на свои руки и увидела на них хлопья сажи от пожара. Одежда ее промокла и испачкалась, и, как она полагала, лицо было не чище. Руки болели оттого, что она весь день таскала

камни. Едва она осознала свою усталость, как та, казалось, обрушилась на нее, словно буря. Авиенда сжала зубы и заставила себя выпрямиться. Она не опозорит себя тем, что свалится с ног! Но, едва она повернулась, чтобы уйти, как ей было сказано:

— Да, кстати, Авиенда, — окликнула Мелэйн. — Твое наказание мы обсудим завтра.

Она обернулась, потрясенная.

— За то, что ты не закончила с камнями, — пояснила Мелэйн, вновь осматривая повреждения. — И за то, что ты недостаточно быстро учишься. Ступай.

Авиенда вздохнула. Очередные

вопросы и очередное незаслуженное наказание. Взаимосвязь *была*, но в чем она заключалась?

Сейчас она была слишком измождена, чтобы думать об этом. Она мечтала лишь о своей постели. Как назло, в памяти всплывали мягкие, роскошные перины во дворце Кэймлина. Она постаралась выкинуть эти мысли из своей головы. Если крепко спать, уткнувшись в подушки и накрывшись одеялом, то слишком расслабишься и не проснешься, если кто-то попытается убить тебя посреди ночи! И как только она позволила Илэйн убедить себя спать в одной из этих мягких перьевых смертельных ловушек?

Очередная мысль пришла ей в голову, едва она отогнала подальше предыдущую – предательская мысль. Мысль о спящем в своих покоях Ранде ал'Торе. Она могла пойти к нему...

Нет! Ни за что, пока она не вернет обратно свою честь. Она не явится к нему как бродяжка. Она придет как женщина чести. Если только она когда-нибудь поймет, что она делает неправильно.

Покачав головой, Авиенда направилась к палаткам Айил с краю луга.

Глава 12.

Непредвиденные встречи

Погруженная в размышления, Эгвейн шла по гулким залам Белой Башни,. За ней следовала пара ее Красных охранниц. В последнее время они выглядели недовольными

– Элайда все чаще велела им следить за Эгвейн, и, хотя они менялись, их почти всегда оставалось двое. И еще, казалось, они чувствовали, что Эгвейн считала их скорее своим сопровождением, чем конвоем.

Прошло уже больше месяца с тех пор, как Суан в *Тел'аран'риоде* сообщила ей тревожные новости, но Эгвейн никак не могла выбросить их из головы. Происходящее свидетельствовало о том, что мир разваливается на части. В такое время Белая Башня должна быть источником стабильности. Вместо этого она погрязла в раздорах, а в это время люди Ранда ал'Тора связывают сестер узами. Как Ранд мог такое

позволить? Очевидно, в нем мало осталось от того юноши, с которым она росла. Эгвейн, конечно, тоже повзрослела. Прошли те дни, когда, казалось, что им судьбой предназначено пожениться и жить на маленькой ферме в Двуречье.

Это, как ни странно, навело ее на мысли о Гавине. Сколько прошло с тех пор, как она виделась с ним в последний раз, украдкой целуясь в Кайриэне? Где он сейчас? Все ли с ним в порядке?

«Соберись», – сказала она себе. – *«Приберись там, где стоишь, перед тем приступить к уборке в остальном доме. Гавин может сам о себе позаботиться; он уже не раз*

это доказывал. Порой слишком старательно».

Суан с остальными сами справятся с Аша'манами. Другие новости были куда тревожнее. Отрекшаяся была в лагере? Женщина, но направляющая *саидин*, а не *саидар*? Когда-то Эгвейн сказала бы, что такое невозможно. Но она видела в залах Башни призраков, и ее коридоры, похоже, меняли свое положение каждый день. Это был просто еще один знак.

Она вздрогнула. Халима *прикасалась* к Эгвейн, массируя ее голову, будто бы помогая от головных болей. Но боли прошли, едва Эгвейн была захвачена. Почему она раньше

не додумалась, что Халима, должно быть, сама же их и вызывала? Что еще замышляла эта женщина? С какими скрытыми препятствиями придется столкнуться Айз Седай, какие еще ловушки она расставила?

Не торопись, убирай по чуть-чуть. Очисти то, до чего можешь дотянуться, потом двигайся дальше. Суан вместе с остальными придется разобраться и с тем, что натворила Халима.

Сзади у Эгвейн все болело, но боль для нее становилась все более несущественной. Иногда она смеялась во время наказания, иногда нет. Порка не имела значения. Боль намного сильнее — из-за того, что

творилось в Тар Валоне – требовала куда больше внимания. Она кивнула группе проходивших мимо послушниц в белых платьях, и они ответили ей реверансами. Эгвейн нахмурилась, но не стала их отчитывать – только понадеялась, что их не накажут идущие следом Красные за проявленное к Эгвейн уважение.

Ее целью были покои Коричневой Айя, та часть, которая теперь находилась в нижней части крыла. Мейдани не спешила вызвать Эгвейн на урок до сегодняшнего дня. И только сегодня, спустя несколько недель после обеда с Элайдой, она вызвала ее к себе. Удивительно, но

Бенней Налсад *тоже* решила провести с ней сегодня урок. Эгвейн не разговаривала с шайнаркой из Коричневых с той первой встречи несколько недель назад. Ее уроки никогда не повторялись дважды у одной и той же сестры. И все же это имя было первым в списке ее визитов на сегодня.

Оказавшись в восточном крыле, в котором теперь размещались покои Коричневых, двое Красных неохотно остались снаружи, ожидая ее возвращения. Наверняка Элайда хотела бы, чтобы они пошли с Эгвейн, но, раз Красные сами ревностно охраняли свои владения, то было маловероятно, чтобы сестры

из других Айя, даже такие спокойные, как Коричневые, пустили пару Красных сестер на свою территорию. Войдя в помещение с узором из коричневых плиток на полу, Эгвейн ускорила шаг, проходя мимо суетящихся женщин в простых неярких платьях. День обещал быть напряженным, наполненным встречами с сестрами, наказаниями и привычной для послушниц работой – уборкой пола или другими делами по хозяйству.

Она подошла к двери в апартаменты Бенней, но замерла в нерешительности. Большинство сестер соглашались учить Эгвейн только по приказу, и чаще всего это

заканчивалось неприятностями. Некоторые из обучавших Эгвейн относились к ней неприязненно из-за ее связи с мятежницами, других раздражало то, с какой легкостью она могла сплестать потоки, а третьи по-прежнему приходили в ярость из-за того, что послушница не проявляла к ним должного почтения.

И все же, эти "уроки" были для Эгвейн одним из лучших вариантов посеять семена сомнений против Элайды. Одно было посеяно во время их первой встречи с Бенней. Интересно, дало ли оно всходы?

Эгвейн постучала и, услышав приглашение, вошла. Гостиная была завалена всевозможными учебным

хламом. Похожие на миниатюрные башенки стопки и стопки книг, опиравшиеся друг на друга. Скелеты разнообразных существ на различных стадиях сборки — их хватало на целый зверинец. Эгвейн вздрогнула, заметив стоящий в углу скрепленный бечевкой полный человеческий скелет с пометками, сделанными чернилами прямо на костях.

Пройти можно было с трудом, а свободным оставалось лишь личное мягкое кресло Бенней с одинаково потертыми подлокотниками, на которых, очевидно, лежали локти Коричневой сестры во время долгих ночей, проведенных за чтением книг. Низкий потолок казался еще ниже

из-за подвешенных к нему чучел птиц и хитрых астрономических приборов. Чтобы добраться до Бенней, которая рылась в кипе книг с кожаными переплетами, Эгвейн пришлось пригнуться, проходя под моделью Солнца.

— А, — сказала она, заметив Эгвейн. — Отлично.

Она была худой, даже скорее костлявой, а ее темные волосы с возрастом тронула седина. Они были собраны в пучок, и Коричневая сестра, как и многие остальные, носила простое платье, вышедшее из моды пару веков назад.

Бенней направилась к своему мягкому креслу, не обращая

внимания на пару жестких кресел у камина, которые со времени прошлого визита Эгвейн обросли кипами бумаг. Эгвейн расчистила для себя табурет, сняв на пол пыльный скелет крысы и поместив его между двумя стопками книг о правлении Артура Ястребиное Крыло.

— Ну что ж, полагаю, можно начать урок, — сказала Бенней, устраиваясь в кресле.

Эгвейн сохраняла внешнее спокойствие. Сама ли Бенней вызвалась вновь учить Эгвейн? Или ей приказали? Эгвейн допускала, что на простодушную Коричневую сестру могли постоянно сваливать обязанности, за которые никто не

хотел братьяся.

По просьбе Бенней Эгвейн выполнила несколько плетений, уровень которых намного превосходил навыки большинства послушниц, но легких для Эгвейн, даже ослабленной корнем вилочника. Она попыталась вывести отношение Коричневой сестры к случившемуся перемещению ее комнат, но Бенней, как и большинство Коричневых, с которыми об этом беседовала Эгвейн, предпочитала не касаться этой темы.

Эгвейн выполнила еще несколько плетений. Вскоре она начала гадать, в чем же смысл этой

встречи. Разве во время предыдущего урока Бенней не просила ее выполнить практически те же самые плетения?

— Очень хорошо, — повторила Бенней, наливая себе чай из чайника, греющегося на маленькой жаровне. Эгвейн она чаю не предложила. — Ты действуешь умело. Но интересно, насколько острый у тебя ум, сможешь ли ты найти выход из сложной ситуации, как должна уметь это делать Айз Седай?

Эгвейн не ответила, вместо этого демонстративно налив себе чаю. Бенней не возражала.

— Предположим... — задумалась Бенней, — Предположим, ты

оказалась в ситуации, когда между тобой и несколькими сестрами из твоей Айя возник конфликт. Ты узнала то, чего знать не должна, и лидеры твоей Айя очень тобой недовольны. Тебя вдруг начинают назначать на самую неприятную работу, словно пытаются затолкать под ковер и забыть о твоём существовании. Скажи-ка, как бы ты поступила в этой ситуации?

Эгвейн чуть не поперхнулась чаем. Коричневая сестра сделала не слишком тонкий намек. Значит, она начала наводить справки о Тринадцатом Хранилище? И из-за этого попала в неприятности? Немногим полагалось знать про

секретные хроники, о которых походя упомянула Эгвейн во время своего прошлого визита.

— Ну что ж, — начала Эгвейн, прихлебывая чай, — попробую судить объективно. Думаю, лучше взглянуть на ситуацию с позиции лидеров Айя.

Бенней слегка нахмурилась.

— Возможно.

— Значит, можем ли мы предположить в описанной тобой ситуации, что эти секреты были доверены Айя на хранение? Что ж, хорошо. Тогда, с их точки зрения, тщательно оберегаемая информация оказалась под угрозой разоблачения. Представь, как это выглядит со стороны. Некто узнал секрет,

который знать не должен. Это наводит на тревожную мысль об утечке среди посвященных в тайну людей.

Бенней побледнела.

– Полагаю, это так.

– Лучший способ выйти из ситуации состоит из двух частей, – продолжила Эгвейн, отпив еще чаю. Вкус был ужасным. – Во-первых, лидеров Айя нужно успокоить. Они должны знать, что в утечке информации нет *их* вины. На месте предполагаемой сестры, попавшей в неприятности, – если бы я не сделала ничего плохого – я бы пошла и все им объяснила. Тогда бы они смогли прекратить поиски

ВИНОВНОГО.

— Но, — возразила Бенней, — скорее всего, это не поможет сестре, которая, как мы предполагаем, оказалась в этой неприятной ситуации, избежать наказания.

— Но не навредит, — сказала Эгвейн. — Наверняка ее "наказывают", чтобы она не мешала, пока лидеры Айя ищут предателя. Когда они узнают, что на самом деле его нет, они, скорее всего, с симпатией отнесутся к сестре, попавшей в такое положение, особенно после того, как она предложит им хороший выход из ситуации.

— Выход? — переспросила

Бенней. В ее руках застыла позабытая чашка чая. — И какой выход ты бы предложила?

— Самый лучший — это доверие. Очевидно, *кое-кто* из сестер знает эти секреты. Поэтому, если наша сестра доказала свою надежность и способности, возможно, лидеры ее Айя поймут, что лучше всего будет сделать ее одной из хранительниц этих секретов. Если подумать, это довольно простой выход.

Беннай задумалась, прямо над ее головой медленно крутилось на нитке чучело маленькой птички.

— Да, но сработает ли это?

— Это определенно лучше, чем работать в какой-нибудь

заброшенной кладовой, сортируя свитки, – ответила Эгвейн. – Иногда незаслуженного наказания избежать не удастся, но лучше не давать другим забыть, что оно действительно незаслуженно. Если она смирится со своим положением, то скоро все решат, что она заслуживает такого обращения.

«Спасибо тебе, Сильвиана, за этот небольшой урок».

– Да, – сказала Бенней, кивая. – Да, я думаю, ты права.

– Всегда готова помочь, Бенней, – ответила Эгвейн тихо, продолжая пить чай. – В подобных, разумеется, гипотетических ситуациях.

На секунду Эгвейн испугалась,

что зашла слишком далеко, обратившись к Кориичневой по имени. Но Бенней встретила с ней взглядом, и потом даже чуть-чуть склонила голову в знак благодарности.

Если бы этот час, проведенный с Бенней, был единственной встречей на сегодня, Эгвейн все равно решила бы, что день прошел не зря. Несмотря на это, выйдя из «логова» Бенней, она неожиданно обнаружила послушницу, ожидающую её с указанием явится к Белой сестре по имени Нагора. У Эгвейн еще оставалось время до встречи с Мейдани, поэтому она пошла. Она не могла пренебречь вызовом к сестре,

хотя ей, несомненно, потом придется отрабатывать за то, что не скребла полы.

У Нагоры Эгвейн пришлось тренироваться в логике, а заданные ей «логические задачки» были сильно похожи на просьбу о помощи – помочь разобраться со Стражем, который все больше впадал в уныние от старости и неспособности сражаться. Эгвейн помогла как могла; Нагора заявила, что у нее «блестящая логика», после чего отпустила ее. После этого Эгвейн получила еще один вызов, на этот раз от Суаны, одной из Восседающих Желтой Айя.

От Восседающей! Впервые одна

из них позвала Эгвейн к себе. Она поспешила на встречу и была встречена горничной. Покои Суаны были больше похожи на сад, чем на жилье. Должность Восседающей позволяла Суане иметь апартаменты с окнами, и на всем внутреннем пространстве балкона она разбила сад. Кроме того, у нее были расставлены зеркала, отражающие солнечный свет внутрь комнаты, которая была уставлена горшками с миниатюрными деревцами и кустами в больших чанах с землей. Даже имелась маленькая грядка с морковью и редиской. Эгвейн с легкой брезгливостью заметила в одном из ящиков небольшую кучку

гнилых клубней – вероятно, только что собранных, но каким-то образом уже успевших испортиться.

В комнате сильно пахло базиликом, чабрецом и дюжиной других трав. Несмотря на проблемы Башни, несмотря на гнилые растения, она почувствовала воодушевление от витавшего в комнате запаха *жизни* – вспаханной земли и свежей зелени. А Найнив еще жаловалась, что сестры в Белой Башне пренебрегали полезными свойствами трав! Если бы только она могла провести немного времени с пухлой, круглолицей Суаной!

Женщина показалась Эгвейн необыкновенно приятной. Суана

повторила с ней серию плетений, многие из которых относились к Исцелению, которым Эгвейн никогда особо не блистала. И все же, должно быть ее мастерство произвело впечатление на Восседающую, потому что в середине урока – Эгвейн в это время сидела на табурете с подушкой между двумя деревцами в кадках, а Суана в более удобном кресле с кожаной обивкой – тон беседы изменился.

– Думаю, мы были бы очень рады видеть тебя среди Желтых, – сказала женщина.

Эгвейн открыла рот от удивления:

– У меня никогда не было

таланта к Исцелению.

– Дело не в таланте, дитя, – сказала Суана. – Для того, чтобы быть Желтой, нужна страсть. Если ты любишь все исправлять, чинить то, что сломано, ты найдешь здесь свое призвание.

– Благодарю, – ответила Эгвейн. – Но Амерлин не принадлежит ни к одной Айя.

– Да, но она избирается из одной из них. Подумай об этом, Эгвейн. Я думаю, тебе у нас понравится.

Разговор получился неожиданно интересным. Суана явно не считала Эгвейн Амерлин, но факт того, что она пыталась завербовать Эгвейн в

свою Айя, кое о чем говорил. Это значило, что она относилась к Эгвейн, как к законной сестре, по крайней мере, в какой-то степени.

— Суана, — сказала Эгвейн, проверяя, как далеко она может зайти, — Восседающие решили, что делать с напряженными отношениями между Айя?

— Я не представляю, что тут *можно* сделать, — ответила Суана, бросив взгляд на заросший балкон. — Если другие Айя решили, что Желтые их враги, то я не могу заставить их поумнеть.

«Они, наверно, говорят то же самое про вас», — подумала Эгвейн, но вместо этого сказала:

– Кто-то должен сделать первый шаг. Скорлупа недоверия становится все прочнее, и скоро ее будет трудно разбить. Может, если некоторые Восседающие из разных Айя вместе пообедают за одним столом, или их увидят прогуливающихся по коридорам в компании друг друга, то это послужит примером для всей Башни.

– Возможно... – сказала Суана.

– Они вам не враги, Суана, – сказала Эгвейн, позволив себе более твердый тон.

Женщина посмотрела на Эгвейн, нахмурившись, словно вспомнив, от кого она слышит совет.

– Ну что ж, я думаю, тебе пора.

Уверена, у тебя на сегодня еще много дел.

Эгвейн вышла, осторожно обходя склоненные ветви и ряды горшков. Как только она покинула Желтый сектор Башни и вновь встретила свой эскорт из Красной Айя, на ум ей пришла интересная закономерность. Она была на трех встречах, и ей не было назначено ни одного наказания. Она не знала, что и думать. Она ведь даже двоих из них прямо в лицо назвала по имени!

Они были почти готовы ее признать. К сожалению, это была лишь малая часть битвы. Основной задачей было сделать так, чтобы Белая Башня выжила, несмотря на

раздор, который сеяла Элайда.

* * *

Апартаменты Мейдани оказались неожиданно удобными и уютными. Эгвейн всегда считала Серых сестер похожими на Белых – полностью лишенными страстей, отличными дипломатами, у которых не было времени на лишние эмоции и легкомыслие.

Здесь же вся обстановка указывала на страсть к путешествиям. На стенах, словно

произведения искусства, были развешены карты в изысканных рамах. По бокам одной из них висела пара айильских копий, на другой были изображены острова Морского Народа. В то время как многие предпочли бы фарфор, который обычно ассоциируются с Морским Народом, у Мейдани имелась небольшая коллекция серег и цветных раковин, заботливо обрамленная и снабженная небольшой табличкой с датами приобретения.

Гостиная походила на музей, посвященный путешествиям ее хозяйки. Брачный нож из Алтары, украшенный четырьмя сверкающими

рубинами, висел рядом с небольшим кайриэнским флагом и шайнарским мечом. Под каждым предметом была маленькая табличка, разъясняющая его значимость. Брачный нож, например, был подарен Мейдани за ее помощь в разрешении спора между двумя знатными родами после смерти очень влиятельного землевладельца. Его жена подарила этот нож в знак благодарности.

Кто бы мог подумать, что женщина, которая всего несколько недель назад за обедом вела себя так беспомощно, обладает такой замечательной коллекцией? Даже ковер, привезенный из таинственной Шары – подарок Мейдани от купца в

благодарность за исцеление его дочери – имел собственную табличку. Ковер был необычным. Свитый из какого-то материала, напоминающего тонкий крашеный тростник, он по краям был украшен кисточками из необычного серого меха. На узоре были изображены странные животные с длинными шеями.

Сама Мейдани сидела в причудливом кресле, сплетенном из ивовых прутьев и больше похожем на куст, случайно принявший форму кресла. В любом другом месте Башни оно было бы совершенно неуместно, но отлично смотрелась здесь, где каждый предмет был по-

своему необычным. Они не подходили друг к другу, но, тем не менее, были единой коллекцией даров, обретенных в странствиях.

К удивлению Эгвейн, Серая выглядела совсем не так, как на обеде у Элайды. Вместо яркого платья с глубоким вырезом она была одета в простое закрытое белое платье, длинное и расклешенное. Оно было скроено словно специально, чтобы скрыть грудь. Ее темно-золотые волосы были собраны на затылке, и на ней не было никаких украшений. Интересно, был ли этот контраст умышленным?

— Ты не спешила вызывать меня,
— сказала Эгвейн.

— Я не хотела вызвать подозрения Амерлин, — ответила Мейдани, пока Эгвейн шла по экзотическому ковру из Шары. — Кроме того, я до сих пор не уверена, как к тебе относиться.

— Мне не важно, как ты ко мне относишься, — спокойно сказала Эгвейн, усаживаясь в большое дубовое кресло с табличкой, утверждающей, что это подарок ростовщика из Тира. — Амерлин не нуждается в расположении тех, кто за ней следует, пока они ей повинуются.

— Ты захвачена и повержена.

Эгвейн вскинула бровь, встретив взгляд Мейдани.

– Захвачена, верно.

– Совет мятежниц, должно быть, уже избрал новую Амерлин.

– Я точно знаю, что не избирал.

Мейдани помедлила. Раскрытие наличия связи с мятежными Айз Седай было рискованным шагом, но если она не сможет сохранить верность Мейдани и других шпионок, тогда она действительно влипла. Эгвейн полагала, что сможет легко добиться ее поддержки, с учетом того, какой испуганной Мейдани выглядела за ужином. Но, похоже, женщиной было не так просто управлять, как показалось на первый взгляд.

– Ну что ж, – сказала Мейдани. –

Даже если это так, ты должна знать, что они выбрали тебя, чтобы сделать своей марионеткой – куклой, которой можно управлять.

Эгвейн посмотрела женщине в глаза.

– У тебя нет реальной власти, – слегка дрожащим голосом продолжила Мейдани.

Эгвейн продолжала смотреть ей в глаза. Разглядывая ее, Мейдани постепенно мрачнела. На безвозрастном, гладком лице Айз Седай появились морщинки. Она всматривалась в глаза Эгвейн словно каменщик, исследующий трещины в кирпиче перед тем, как использовать его в кладке стены. Видимо, то, что

она увидела, лишь еще больше ее смутило.

– Итак, – продолжила Эгвейн, как будто не услышав предыдущее высказывание, – объясни, почему ты не сбежала из Башни. Хотя я верю, что слежка за Элайдой важна, ты должна понимать, что теперь, когда Элайда знает, кому ты на самом деле верна, ты находишься в большой опасности. Почему же ты не уходишь?

– Я... не могу сказать, – ответила Мейдани, отведя глаза.

– Я приказываю тебе как твоя Амерлин.

– Я все равно не могу сказать. – Мейдани опустила глаза, словно

стыдясь.

«Занятно», – подумала Эгвейн, скрывая разочарование.

– Очевидно, ты не понимаешь всю серьезность ситуации. Или ты признаешь мою власть, или признаешь власть Элайды. Середины нет, Мейдани. И я обещаю тебе: если Элайда останется на Престоле Амерлин, ты почувствуешь, как жестоко она расправляется с теми, кого считает предателями.

Мейдани продолжала смотреть в пол. Несмотря на ее начальное сопротивление, казалось, что вся ее решимость испарилась.

– Ясно. – Эгвейн встала. – Ты предала нас, не так ли? Ты перешла

на сторону Элайды до того, как тебя раскрыли, или после того, как созналась Беонин?

Мейдани тут же встрепенулась.

— Что? Нет! Разумеется, я нас не предавала! — Вид у нее был нездоровый: лицо побледнело, губы сжались в тонкую линию. — Как ты только могла *подумать*, что я поддерживаю эту ужасную женщину? Мне отвратительно то, что она сделала с Башней.

Что ж, это было весьма недвусмысленно; очень сложно найти лазейку в этом ответе, чтобы обойти Три Клятвы. Или Мейдани говорила правду, или она из Черной Айя, хотя Эгвейн не верилось, что

Черная сестра подставит себя, высказывая открытую ложь, которую довольно легко можно разоблачить.

— Почему же тогда ты не сбежала? — спросила Эгвейн. — Зачем осталась?

Мейдани помотала головой.

— Я не могу сказать.

Эгвейн сделала глубокий вдох. Что-то в этом разговоре ее раздражало.

— Ты, по крайней мере, скажешь мне, почему ты так часто обедаешь с Элайдой? Уж наверно не потому, что тебе нравится такое обхождение.

Мейдани покраснела.

— Мы с Элайдой были подругами по подушке, когда были

послушницами. Остальные решили, что, если я возобновлю наши отношения, то, возможно, смогу узнать что-нибудь ценное.

Эгвейн скрестила руки на груди.

— Очевидно, безрассудно полагать, что она тебе поверит. Хотя жажда власти толкает Элайду на необдуманные действия, поэтому, возможно, этот план не был совсем уж глупым. Несмотря на это, она никогда не станет тебе доверять, ведь теперь она знает, на чьей ты стороне.

— Я знаю. Но было решено, что я не подам вида, что знаю об этом. Если бы я ушла, это выдало бы нашу осведомленность о том, что нас разоблачили, а это одно из немногих

ценных преимуществ, которые у нас есть.

Не настолько ценное, чтобы она не могла сбежать из Башни. Своим присутствием она ничего не могла добиться. Тогда почему? Казалось, что-то держит женщину. Что-то серьезное. Может, обещание?

– Мейдани, – сказала Эгвейн, – я должна знать, что ты мне не договариваешь.

Она помотала головой, вид у нее был испуганным. *«Во имя Света!»* – подумала Эгвейн. – *«Я не стану обходиться с ней так же, как это делает Элайда за ужином».*

Эгвейн откинулась.

– Выпрямись, Мейдани. Ты же

не какая-нибудь жеманная
послушница. Ты Айз Седай. Так и
веди себя соответственно.

Женщина встрепелулась и
сверкнула глазами в ответ на
язвительное замечание. Эгвейн
одобрительно кивнула.

— Мы исправим весь вред,
нанесенный Элайдой, и я займу свое
законное место Амерлин. Но у нас
много работы.

— Я не могу...

— Да, — перебила ее Эгвейн. — Ты
не можешь рассказать мне, в чем
дело. Я подозреваю, здесь замешаны
Три Клятвы, хотя Свет знает как
именно. Мы можем обойти это
препятствие. Ты не можешь

рассказать, почему ты осталась в Башне. Но ты можешь мне показать?

Мейдани вздернула подбородок.

— Я не уверена. Я бы могла отвести тебя... — она внезапно смолкла. Да, одна из Клятв не позволяла ей продолжить. — Должно быть, я смогу показать, — нескладно закончила Мейдани. — Я не уверена.

— Так давай выясним. Насколько опасно будет позволить моим Красным надзирательницам последовать за нами?

Мейдани побледнела.

— Очень.

— Тогда мы должны от них избавиться, — сказала Эгвейн, размышляя, с отсутствующим видом

постукивая ногтем по подлокотнику своего большого дубового кресла. — Мы могли бы выйти из сектора Серых другим путем, но если нас заметят, это может вызвать лишние вопросы.

— В последнее время Красные постоянно шпионят у выходов из нашего сектора, — сказала Мейдани. — Подозреваю, что все Айя так же следят друг за другом. Уйти незамеченными будет трудно. За мной они не пойдут, но если увидят тебя...

Шпионки, следящие за другими Айя? Свет! Неужели все так плохо? Смахивает на разведку вражеского лагеря. Она не могла пойти на риск

быть замеченной вместе с Мейдани, но, если пойти одной, то это тоже привлечет внимание – Красные знали, что Эгвейн должна быть под охраной.

Проблема могла быть решена только одним способом. Эгвейн посмотрела Мейдани в глаза. Насколько можно ей доверять?

– Ты даешь слово, что не поддерживаешь Элайду и признаешь мой авторитет?

Женщина заколебалась, потом кивнула.

– Даю.

– Если я кое-что тебе покажу, клянешься ли ты не открывать этого никому без моего разрешения?

Она нахмурилась.

– Да.

Эгвейн решилась. Глубоко вздохнув, она обняла Источник.

– Смотри внимательно, – сказала она, сплетая потоки Духа. Ослабленная корнем вилочника, она была недостаточно сильна, чтобы открыть врата, но могла показать Мейдани плетение.

– Что *это*? – спросила Мейдани.

– Это называется "врата", – ответила Эгвейн. – Они используются для Перемещения.

– Перемещение невозможно! – быстро возразила Мейдани. – Эта способность утеряна вот уже... – она запнулась, вытаращив глаза.

Эгвейн позволила плетению исчезнуть. И тут же Мейдани с решительным видом обняла Источник.

— Подумай о месте, куда ты хочешь попасть, — инструктировала ее Эгвейн. — Ты должна хорошо знать место, из которого перемещаешься, чтобы это сработало. Полагаю, твоя собственная комната тебе хорошо знакома. Выбери место, где наверняка никого нет — ворота могут быть опасны, если откроются не там, где надо.

Мейдани кивнула, качнув золотистой прической, и сосредоточилась. Она искусно скопировала плетение Эгвейн, и

прямо между ними открылись ворота – сверкающая белая линия прорезала воздух и развернулась в прямоугольник. Вход оказался со стороны Мейдани, Эгвейн видела только мерцающее пятно, похожее на поток теплого воздуха, искажающего свет. Она обошла ворота и увидела сквозь них темные плиты коридора. Белые и коричневые плиты пола чередовались между собой, и в коридоре не было видно окон. *«Подвалы Башни»*, – догадалась Эгвейн.

– Быстрее, – сказала Эгвейн. – Если я не выйду из вашего сектора через час, мои Красные спутницы начнут интересоваться, что это меня

так задержало. То, что ты вызвала меня, уже подозрительно. Будем надеяться, что Элайда не настолько подозрительна, чтобы все сопоставить.

– Да, Мать, – ответила Мейдани, поспешно подхватив со стола бронзовый светильник с трепещущим язычком пламени. Внезапно она остановилась.

– Что? – спросила Эгвейн.

– Просто я удивлена.

Эгвейн чуть не спросила, что тут такого удивительного, но потом она все поняла по глазам Мейдани. Она была удивлена тому, как быстро подчинилась. Тому, насколько естественна была мысль об Эгвейн

как Амерлин. Женщина пока признала ее власть не полностью, но была к этому близка.

— Скорее, — повторила Эгвейн.

Мейдани кивнула и шагнула во врата, за ней последовала Эгвейн. Хотя в коридоре по другую сторону не было пыли, воздух был затхлым. На стенах не было украшений, которые встречались в коридорах верхних ярусов, и единственным звуком было тихое шуршание крыс. Крысы в Белой Башне! Когда-то это показалось бы невероятным. Неработающие малые стражи были лишь еще одной невероятностью поверх постоянно растущей кучи.

Это место не пользовалось

частым вниманием слуг. Вероятно, поэтому Мейдани выбрала его для открытия врат. Хорошо и правильно, но все же она, наверно, проявила излишнюю осторожность. Подъем из подвалов Башни в главные коридоры, чтобы найти то, что Мейдани хочет ей показать, отнимет драгоценное время. И это, в свою очередь, вызовет дальнейшие проблемы. Что произойдет, если другие сестры обратят внимание на то, что Эгвейн ходит по коридорам без привычного эскорта Красных?

Не успела Эгвейн высказать вслух свои опасения, как Мейдани двинулась вперед. Но не вверх по коридору к лестнице, а вглубь, в

подвалы Башни. Эгвейн нахмурилась, но последовала за ней.

– Я не уверена, что мне будет позволено показать тебе, – тихо сказала Мейдани, шурша на ходу юбками, что по звуку напоминало шуршание крыс за стеной. – И все же должна предупредить – то, что ты узнаешь, будет для тебя неожиданным. И, возможно, опасным.

Имела ли Мейдани в виду физическую или политическую опасность? Что касается последней, то Эгвейн и так уже увязла по уши. Все же она кивнула, серьезно относясь к предостережению.

– Понимаю. Но если в Башне

происходит что-то опасное, я должна об этом знать. Это не только мое право, но и обязанность.

Мейдани ничего больше не сказала. Она вела Эгвейн извилистыми переходами, бормоча, что не мешало бы взять с собой Стража. Видимо, он был в городе с каким-то поручением. Коридор извивался почти как тело Великого Змея. Как раз когда Эгвейн начала проявлять нетерпение, Мейдани остановилась у закрытой двери. Она ничем не выделялась среди дюжины дверей других позабытых кладовых основного коридора. Мейдани нерешительно подняла руку, затем резко стукнула.

Дверь немедленно распахнулась, и в ней показался рыжеволосый Страж с квадратным подбородком, который окинул их острым взглядом. Он посмотрел на Мейдани, затем повернулся к Эгвейн, и его лицо помрачнело. Его рука дернулась, словно он с трудом удержался, чтобы не вцепиться в меч, висевший у него на боку.

– Это, должно быть, Мейдани, – прозвучал женский голос изнутри комнаты, – пришла доложить о своей встрече с девочкой. Адсалан?

Страж сделал шаг в сторону, открывая вид маленькой комнаты с ящиками вместо стульев. На них сидели четыре женщины, все Айз

Седай. И, что удивительно, все они были из разных Айя! Эгвейн давно не видела, чтобы четверо разных Айя даже прогуливались вместе по коридорам, не говоря уж о совместном совещании. Среди них не было Красных, и все четверо были Восседающими.

Сине — пышная женщина в белом платье, отделанном серебром, Восседающая из Белой Айя — имела густые черные волосы и брови, ее бледно-голубые глаза рассматривали Эгвейн безо всякого выражения. Рядом с ней сидела Дозин, Восседающая из Желтой Айя. Она была стройной и высокой для кайриэнки, ее дорогое розовое платье

было украшено золотой вышивкой. Ее волосы украшали сапфиры, в тон камню в подвеске на лбу.

Юкири, Серая сестра, сидела рядом с Дозин. Юкири была одной из самых маленьких женщин, которых Эгвейн когда-либо встречала, но она всегда вела себя так, что казалась главной, даже когда рядом находились высокие Айз Седай. Последней была алтаранка Саэрин, Восседающая от Коричневых. Как и многие Коричневые сестры, она носила платье без украшений – сейчас на ней было рыжевато-коричневое. На ее оливковой коже, на левой щеке темнела царапина. Эгвейн очень

мало знала о ней. Из всех сестер в комнате она казалась менее других потрясенной появлением Эгвейн.

— Что ты наделала? — ошеломленно воскликнула Сине, обращаясь к Мейдани.

— Адсалан, затащи их внутрь, — сказала Дозин, вставая и поспешно взмахивая рукой. — Если кто-нибудь будет проходить мимо и увидит здесь эту девчонку ал'Вир...

Мейдани сжалась при этих резких словах, — да, с ней еще придется много поработать, прежде чем она опять станет вести себя как Айз Седай. Эгвейн сама шагнула в комнату, чтобы грубый Страж не втащил ее силком. Мейдани вошла за

ней, и Адсалан со стуком захлопнул дверь. Комната была освещена парой светильников, которые не давали достаточно света, как будто добавляя скрытности этому тайному собранию.

Судя по тому, как на ящиках расположились Восседающие, их можно было счесть тронами, поэтому Эгвейн тоже уселась на один из них.

— Тебе не давали разрешения садиться, девочка, — холодно сказала Саэрин. — Мейдани, что означает этот произвол? Твоя клятва должна была удержать тебя от такой ошибки!

— Клятва? — переспросила Эгвейн. — И о какой же клятве идет

речь?

– Помолчи, девочка, – бросила Юкири, хлестнув Эгвейн потоком Воздуха поперек спины. Это было столь слабое наказание, что Эгвейн чуть не рассмеялась.

– Я не нарушила клятву! – быстро сказала Мейдани, встав рядом с Эгвейн. – Вы приказали мне не говорить никому об этих встречах. Что ж, я подчинилась – я ей не сказала. Я показала. – В женщине тлела искра сопротивления. Это хорошо.

Эгвейн не до конца понимала, что происходит, но собрание четырех Восседающих было очень благоприятным стечением

обстоятельств. Она никогда бы не подумала, что ей представится шанс поговорить со столькими сразу, и, если они встретились по собственному желанию, то, возможно, не поддались всеобщему разложению, происходящему в Башне.

Или их встреча была устроена с темными намерениями? Неизвестные Эгвейн клятвы, встречи вдали от обитаемых покоев Башни, Страж у дверей... эти женщины были из четырех Айя или из одной? Не угодила ли она невольно в самое гнездо Черных?

Ее сердце забилося сильнее, и Эгвейн заставила себя не делать

поспешных выводов. Если они были Черными, тогда она попалась. Если нет, тогда у нее много работы.

— Весьма неожиданная оплошность, — спокойно сказала Сине, обращаясь к Мейдани. — Теперь, Мейдани, мы будем внимательнее относиться к формулировке приказов.

Юкири кивнула.

— Я не думала, что ты, как маленькая, из одной только злости нас выдашь. Мы должны были помнить, что ты, как и все мы, попытаешься обойти или исказить клятву в своих интересах.

«Подожди-ка», — подумала Эгвейн. — «Это похоже на...»

– Разумеется, – сказала Юкири.

– Думаю, наказание будет соответствовать твоему проступку. Но что мы будем делать с девочкой, которую она привела? Она не клялась на Жезле, поэтому было бы...

– Вы взяли с нее четвертую клятву, так? – перебила Эгвейн. – О чем, ради Света, вы думали?

Юкири глянула на нее, и Эгвейн почувствовала очередной удар потоком Воздуха.

– Тебе не давали разрешения говорить.

– Амерлин не нуждается в разрешении, чтобы говорить, – ответила Эгвейн, свысока глядя на

женщин. – Что вы наделали, Юкири? Вы предали все, что делает нас теми, кто мы есть! Клятвы не должны использоваться, как инструмент управления. Неужели вся Башня обезумела заодно с Элайдой?

– Это не безумие, – вдруг сказала Саэрин, вклиниваясь в разговор. Коричневая покачала головой увереннее, чем Эгвейн могла ожидать от кого-то из ее Айя. – Это было сделано лишь по необходимости. Ей нельзя было верить после того, как она участвовала в мятеже.

– Ты думаешь, мы не знаем о твоём собственном участии в этом, Эгвейн ал'Вир? – спросила Юкири.

Заносчивая Серая с трудом контролировала свой гнев. — Если мы тобой займемся, не жди, что с тобой будут нянчиться так же, как это делает Элайда.

Эгвейн сделала неопределенный жест рукой.

— Усмирите меня, казните или побейте, Юкири. Хаос в Башне все равно никуда не денется. И нельзя обвинять в этом тех, кого вы с такой легкостью окрестили мятежниками. А тайные собрания в подвалах, незаконное принуждение к клятвам — эти преступления, по крайней мере, равны отделению от Элайды.

— Ты не имеешь права нас допрашивать, — тише сказала Сине.

Она казалась неувереннее остальных. — Иногда приходится принимать трудные решения. Мы не можем терпеть Друзей Темного среди Айз Седай и приняли меры, чтобы их выловить. Все здесь присутствующие доказали Мейдани, что мы не друзья Тени, поэтому в том, что она принесла нам клятву, нет никакого вреда. Это был обоснованный шаг, чтобы быть уверенными, что у нас общие цели.

Эгвейн сохраняла внешнее спокойствие. Сине только что признала существование Черной Айя! Эгвейн никогда бы не подумала, что услышит подобное из уст Восседающей, особенно в

присутствии стольких свидетелей. Так значит, эти женщины использовали Клятвенный Жезл для поисков Черных сестер. Если взять любую сестру, освободить ее от всех клятв и заставить ее опять принести Три Клятвы, можно прямо спросить, Черная она или нет. Отчаянный метод, но приемлемый в тяжелые времена, решила Эгвейн.

— Я признаю, что план разумный, — сказала Эгвейн. — Но не было необходимости заставлять эту женщину принести новую клятву!

— А если известно, что она нелояльна? — потребовала ответа Саэрин. — Только потому, что она не Друг Темного, еще не значит, что она

не предаст нас иначе.

Наверно именно из-за данной клятвы о подчинении Мейдани не могла уйти из Башни. Эгвейн ощутила внезапный прилив сочувствия к бедной женщине. Отправленная в Башню салидарскими Айз Седай шпионить, но обнаруженной этими женщинами, вероятно, при поисках Черных сестер, затем разоблаченная при попытке войти в доверие к Элайде. Она оказалась между трех огней.

– Все равно это недопустимо, – сказала Эгвейн. – Но мы вернемся к этому позже. Что насчет Элайды? Вы установили, Черная она или нет? Кто дал вам это задание, и как

образовалась ваша группа?

– Ха! Почему мы вообще с ней *говорим*? – возмутилась Юкири, вставая и упирая руки в боки. – Мы должны решить, что с ней делать, а не отвечать на ее вопросы!

– Чтобы помочь вам в этом деле, – сказала Эгвейн, – я должна знать факты.

– Ты здесь *не* для того чтобы помогать, дитя, – возразила Дозин. Голос стройной кайриэнки из Желтой Айя был твердым. – Очевидно, Мейдани привела тебя, чтобы продемонстрировать свое неподчинение. Как капризный ребенок.

– А что насчет остальных? –

спросила Сине. — Мы должны собрать их и убедиться, что приказы для них сформулированы как надо. Не хотим же мы, чтобы кто-то из них пошел к Амерлин до того, как мы узнаем, кого они на самом деле поддерживают.

«Остальные?» — Подумала Эгвейн. — «Неужели они взяли клятву со всех шпионов? Это было логичным. Найди одну, и легко узнаешь имена остальных».

— Так вы обнаружили кого-нибудь из Черной Айя? — спросила Эгвейн. — Кто они?

— Помолчи, дитя, — сказала Юкири, сверля Эгвейн своими зелеными глазами. — Еще слово, и я

позабочусь, чтобы тебя пороли, пока ты не выплачешь все слезы.

– Сомневаюсь, Юкири, что ты сможешь назначить мне больше наказаний, чем я уже получаю, – спокойно ответила Эгвейн. – Если только я не буду брать уроки у Наставницы Послушниц каждый день напролет. Кроме того, если бы ты отправила меня к ней, что бы я ей сказала? Что ты лично назначила мне наказание? Она знает, что сегодня я не должна была с тобой встречаться. У нее бы возникли вопросы.

– Мы могли бы назначить тебе наказание через Мейдани, – сказала Сине, Белая сестра.

— Она не сделает этого, — возразила Эгвейн. — Она признает меня Амерлин.

Сестры уставились на Мейдани. Эгвейн задержала дыхание. Мейдани сумела сделать кивок, хотя выглядела испуганной из-за противостояния остальным сестрам. Эгвейн облегченно выдохнула.

Саэрин смотрела с удивлением и любопытством. Юкири, все еще стоящую со скрещенными на груди руками, было не так легко переубедить:

— Это не имеет значения. Мы просто *прикажем* ей назначить тебе наказание.

— Неужели? — сказала Эгвейн. —

Я думала, вы сказали, что четвертая клятва предназначена для восстановления единства и для того, чтобы она не выдала ваши секреты Элайде. Теперь вы хотите использовать эту клятву как дубину, чтобы вертеть Мейдани как вам захочется?

В комнате повисла тишина.

— Вот почему клятва повиновения — ужасная идея, — сказала Эгвейн. — Ни одна женщина не должна иметь столько власти над другой. От этого всего лишь один маленький шаг до Принуждения. Я еще не решила, обоснована ли эта мерзость хоть в какой-то мере. То, как вы обращаетесь с Мейдани и с

остальными, скорее всего, повлияет на это решение.

— Я что, должна повторять? — резко сказала Юкири, обращаясь к сообщницам. — Зачем мы тратим время на болтовню с этой девчонкой, словно курицы в курятнике? Нам нужно принять решение!

— Мы разговариваем с ней потому, что она, похоже, твердо решила стать для нас помехой, — бросила Саэрин, разглядывая Эгвейн. — Сядь, Юкири. Я разберусь с девочкой.

Эгвейн встретила взглядом с Саэрин, ее сердце учащенно билось. Юкири фыркнула, но села, и, похоже, вспомнив наконец, что она Айз

Седай, приняла невозмутимый вид. Эта группа находится под сильным давлением. Если выплывет наружу то, чем они занимаются...

Эгвейн продолжала смотреть на Саэрин. Она полагала, что главная среди них Юкири – она и Саэрин были почти равны по силе, а Коричневые обычно покорны. Но она ошибалась; слишком просто судить о женщине по ее Айя.

Саэрин подалась вперед и твердо сказала:

– Дитя, нам *необходимо* твое послушание. Мы не можем заставить тебя поклясться на Клятвенном Жезле, и, в любом случае, сомневаюсь, что ты бы согласилась

дать клятву повиновения. Но ты не можешь продолжать эту игру в Престол Амерлин. Все мы знаем, как часто тебя наказывают, и все мы знаем, как мало от этого проку. Поэтому позволь мне попробовать другой подход, который никто, я полагаю, не пытался использовать: разумные доводы.

– Можешь продолжать, – сказала Эгвейн.

Коричневая сестра хмыкнула в ответ.

– Хорошо. Во-первых, ты не можешь быть Амерлин. С этим корнем вилочника ты едва способна направлять!

– А разве власть Амерлин

заклучается в силе ее способности направлять? – спросила Эгвейн. – Значит, она не более чем тиран, и люди подчиняются ей потому, что она может их заставить?

– Ну, нет, конечно, – сказала Саэрин.

– Тогда я не вижу связи между моей властью и корнем вилочника.

– Ты была понижена до послушницы.

– Только Элайда может быть настолько глупой, чтобы полагать, что кто-то имеет право лишить Айз Седай ее звания, – возразила Эгвейн.

– Прежде всего, ей нельзя было позволять даже подумать, что у нее может быть *такое* право.

– Если бы она так не думала, – сказала Саэрин, – ты была бы уже мертва, девочка.

Эгвейн опять встретила взглядом с Саэрин.

– Иногда я думаю, что было бы лучше умереть, чем видеть то, что Элайда сотворила с женщинами Белой Башни.

Эти слова вызвали тишину в комнате.

– Должна сказать, – тихо сказала Сине, – твои притязания совершенно абсурдны. Элайда Амерлин, потому что по всем правилам была возвышена Советом. Поэтому ты *не можешь* быть Амерлин.

Эгвейн покачала головой.

– Она была "возвышена" после позорного и незаконного смещения Суан Санчей. Как ты при этом можешь называть положение Элайды "законным"? – Внезапная догадка пришла ей на ум, рискованное предположение, но оно показалось ей правильным. – Ответь мне. Вы допрашивали кого-нибудь из Восседающих? Вы нашли среди них Черных?

Хотя взгляд Саэрин оставался спокойным, Сине смущенно отвела глаза.

– «Точно!» - Подумала Эгвейн.

– Нашли, – сама себе ответила Эгвейн. – Логично. Если бы я была из Черной Айя, я бы очень

постаралась, чтобы одну из моих сообщниц, Друзей Темного, сделали Восседающей. С этой должности им легче управлять Башней. А теперь скажите мне. Среди тех, кто возвел Элайду на Престол, был ли кто-нибудь из этих Черных Восседающих? И встал ли кто-то из них при низложении Суан?

Ответом ей была тишина.

— Отвечайте! — потребовала Эгвейн.

— Мы нашли Черную сестру среди Восседающих, — наконец сказала Дозин. — И... да, она одна из тех, кто встал за смещение Суан Санчей. — Ее голос был унылым. Она поняла, к чему клонит Эгвейн.

– Суан была смещена при *минимально* необходимом числе голосов Восседающих, – сказала Эгвейн. – Одна из них была Черной, что делает ее голос недействительным. Вы низложили и усмирили свою Амерлин, убили ее Стража, и все это сделано *незаконно*.

– Во имя Света, – прошептала Сине. – Она права.

– Это все надумано, – снова вставая, сказала Юкири. – Если мы будем судить задним числом, пытаясь выяснить, какая из Амерлин, возможно, была избрана сестрами из Черной Айя, тогда у нас появятся основания подозревать каждую Амерлин, которая когда-либо носила

палантин!

— О? — спросила Эгвейн. — И сколько из них были избраны с минимумом присутствующих членов Совета? Это лишь одна причина, по которой смещать Суан таким образом было роковой ошибкой. Когда возводили меня, мы убедились, что каждая Восседающая в лагере знала, что происходит.

— Лже-Восседающие, — подчеркнула Юкири. — Получившие свои места незаконно!

Эгвейн повернулась к ней, радуясь, что они не могли слышать, как сильно от волнения бьется ее сердце. Она должна удерживать контроль над ситуацией. Обязана.

– Ты называешь нас ложными, Юкири? И за какой Амерлин ты хочешь следовать? За той, что делает из Айз Седай послушниц и Принятых, расформировывает целые Айя и вызывает раздоры в Башне опаснее любой когда-либо ее осаждавшей армии? За женщиной, которая была избрана при содействии Черной Айя? Или лучше служить Амерлин, которая пытается все это исправить?

– Ты, конечно, не имеешь в виду, что мы служили интересам Черных, выбирая Элайду, – сказала Дозин.

– Я думаю, мы *все* служим интересам Тени, – резко сказала Эгвейн, – пока мы позволяем себе

оставаться разделенными. Как, по-вашему, Черные отреагировали на почти тайное смещение Престола Амерлин, за которым последовал раскол среди Айз Седай? Я бы не удивилась, проведя расследование и обнаружив, что эта безымянная Черная сестра, которую вы обнаружили, не единственный Друг Темного среди тех, кто приложил руку к смещению законной Амерлин.

Эти слова вызвали очередную паузу в разговоре.

Наконец, Саэрин расслабилась и вздохнула.

— Мы не можем изменить прошлого. Хотя твои доводы и проливают свет на некоторые

вопросы, Эгвейн ал'Вир, но, в конечном счете, они тщетны.

– Я согласна, что мы не можем изменить то, что уже произошло, – кивнув ей, сказала Эгвейн. – Зато мы можем думать о будущем. Я считаю вашу работу по поиску Черной Айя превосходной, но еще больше меня радует ваша готовность работать над этой задачей сообща. Сейчас это большая редкость для Башни. Я прошу вас сделать именно *это* своей основной целью – возвращение единства Белой Башне. Чего бы это ни стоило.

Она встала, почти уверенная, что получит замечание, но казалось, они забыли, что разговаривают с

"послушницей" и мятежницей.

— Мейдани, — сказала Эгвейн. — Ты признаешь меня Амерлин.

— Да, Мать, — подтвердила женщина, склоняя голову.

— Тогда я поручаю тебе продолжить работать с этими женщинами. Они нам не враги и никогда ими не были. Посылать тебя шпионить было ошибкой, которую я бы хотела предотвратить. Тем не менее, раз ты все-таки здесь, твоя помощь будет полезной. Сожалею, что тебе придется продолжить притворяться перед Элайдой, но я одобряю проявленное тобой мужество.

— Я сделаю все, что потребуется,

Мать, – сказала она, хотя выглядела удрученной.

Эгвейн окинула взглядом остальных.

– Верность лучше заработать, чем взять силой. Клятвенный Жезл здесь?

– Нет, – сказала Юкири. – Его трудно унести незаметно. Мы можем брать его только при okazji.

– Жаль, – сказала Эгвейн. – Я бы хотела принести Клятвы. Несмотря на это, вы срочно возьмете его и освободите Мейдани от четвертой клятвы.

– Мы подумаем, – сказала Саэрин.

Эгвейн выгнула бровь.

– Как хотите. Но знайте, что, как только Белая Башня восстановит единство, Совет узнает о вашем поступке. Мне бы хотелось рассказать им, что вы сделали это из предосторожности, а не в стремлении к недозволенной власти. Если я вам понадоблюсь в ближайшие несколько дней, вы можете послать за мной, но, естественно, найдите способ избавиться от двух наблюдающих за мной Красных сестер. Я бы не хотела опять использовать Перемещение в Башне, чтобы случайно не открыть слишком много тем, кому лучше оставаться в неведении.

Ее последние слова повисли в

воздухе, когда она направилась к двери. Страж не остановил ее, хотя смотрел на нее подозрительно. Она гадала, чьим он был Стражем – ей казалось, что ни у кого из сестер, сидящих в комнате, не было Стража, хотя она не была в этом уверена. Возможно, он принадлежал одной из шпионок, посланных из Салидара, и был позаимствован Саэрин и остальными. Это объяснило бы его присутствие.

Мейдани поспешно вышла за Эгвейн из комнаты, оглядываясь через плечо, словно ожидая возражения или неодобрения из-за того, что она последовала за ней. Страж просто захлопнул за ними

дверь.

— Не могу поверить, что у тебя получилось! — воскликнула Серая. — Они должны были подвесить тебя за лодыжки и заставить вопить!

— Они слишком умны для этого, — сказала Эгвейн. — Они единственные в этой треклятой Башне, кроме, может, Сильвианы, у кого на плечах есть что-то наподобие головы.

— Сильвианы? — удивленно переспросила Мейдани. — Разве она не бьет тебя каждый день?

— Несколько раз в день, — рассеянно ответила Эгвейн. — Она очень исполнительная, не говоря уже о серьезном отношении к

обязанностям. Если бы среди нас было больше таких, как она, Башня уж точно не дошла бы до такого состояния.

Мейдани посмотрела на Эгвейн со странным выражением на лице.

– Ты *действительно* Амерлин, – сказала она, наконец. Странное замечание. Разве она не поклялась, что признает авторитет Эгвейн?

– Скорее, – сказала Эгвейн, ускоряя шаг. – Я должна успеть вернуться до того, как Красные что-либо заподозрят.

Глава 13.

Предложение и отъезд

Гавин замер лицом к двум Стражам, держа меч наизготовку. Сквозь щели сарая лился солнечный свет, искрились пыль и частицы

соломы, поднятые в воздух сражающимися. Гавин медленно попятился, ступая по земляному полу, прямо по солнечным бликам. Воздух, касавшийся кожи, казался горячим. По вискам стекал пот, но когда два Стража атаковали его, хватка не ослабла.

Того, что был спереди, звали Слит. Это был ловкий длиннорукий мужчина с рублеными чертами лица. В неровном свете его лицо напоминало одну из незавершенных работ, что можно найти в мастерской скульптора: длинные тени поперек глаз, раздвоенный подбородок, кривой нос, когда-то сломанный и не Исцеленный. Слит носил длинные

волосы и черные бакенбарды.

Хаттори была очень рада, когда ее Страж наконец-то прибыл в Дорлан. Она потеряла его у Колодцев Дюмай, и его история была из тех, о которых поют барды и менестрели. Слит пролежал несколько часов раненым, прежде чем в полузабытии смог ухватить поводья своего коня и втащить себя в седло. Преданное животное везло его, едва живого, несколько часов, пока они не добрались до близлежащей деревни. Ее жители сперва намеревались выдать Слиту местной шайке бандитов — их главарь незадолго до этого навестил деревню и обещал никого не трогать, если жители

найдут и выдадут им любого, кто участвовал в битве, состоявшейся неподалеку. Однако дочь местного мэра отстояла жизнь Слита, убедив жителей, что за ранеными Стражами могут охотиться только Приспешники Темного. Жители деревни решили спрятать Слита, и девушка ухаживала за ним, пока он не поправился.

Слиту пришлось сбежать, как только он достаточно окреп, чтобы ехать верхом: дочка мэра, кажется, в самом деле в него влюбилась. Среди Отроков ходили слухи, что одной из причин побега Слита было то, что он и сам начал испытывать к девчонке симпатию. Большинство Стражей

были не настолько глупы, чтобы привязываться к кому-либо. Слит ушел ночью, когда девушка и ее семья уже уснули, но в знак благодарности за милосердие жителей он нашел тех бандитов и сделал так, чтобы они больше никогда не беспокоили деревню.

Подобные истории были основой для сказаний и легенд — по крайней мере, среди нормальных, простых людей. Для Стражей история Слита была почти обычной. Люди, подобные ему, притягивают к себе легенды, как обычные люди — блох. На самом деле, Слит не хотел распространяться о том, что с ним приключилось, но сдался под

напором Отроков. Он вел себя так, будто то, что он выжил, было недостойной внимания ерундой. Он был Стражем. Выжить вопреки обстоятельствам, проскакать в беспамятстве мили по голой степи, с едва затянувшимися ранами расправиться с бандой разбойников – все это в порядке вещей, если ты Страж.

Гавин уважал их. Даже тех, кого убил. Особенно тех, кого убил. Это были люди особого сорта, проявлявшие такую преданность, такую бдительность. Такое смирение. В то время как Айз Седай дергали мир за ниточки, и чудовища вроде ал'Тора получали всю славу,

такие люди, как Слит, изо дня в день незаметно делали героическую работу. Без славы и признания. Если их и вспоминали, то лишь как приложение к Айз Седай. Или их вспоминали другие Стражи – своих не забывают.

Слит атаковал, меч устремился вперед в прямом уколе, выполненном с максимальной скоростью. «Гадюка Высовывает Язык», смелый удар, был эффективнее из-за того, что Слит работал в паре с тощим невысоким мужчиной, что обходил Гавина слева. Марлеш был одним из двух Стражей в Дорлане – и его прибытие было куда менее драматичным, чем у Слита. Марлеш сопровождал

основную группу из одиннадцати Айз Седай, которым удалось спастись у Колодцев Дюмай, и оставался с ними все время. Его собственная Айз Седай, хорошенькая молодая доманейка из Зеленой Айя по имени Вэша, с лентой наблюдала за тренировкой от стены сарая.

Гавин встретил «Гадюку» «Котом, Танцующим на Стене», одним взмахом отбив удар в сторону и атаковав ноги. Он и не пытался достать Марлеша, это было защитное движение, призванное дать ему возможность следить за обоими противниками. Марлеш попробовал «Ласку Леопарда», но Гавин скользнул в «Объятия Воздуха»,

аккуратно отбив его удар в сторону и ожидая атаки Слита, который из двоих был наиболее опасен. Слит, мягко ступая, отвел свой меч в сторону, как только уткнулся спиной в большой стог сена в задней части душного сарая.

Гавин перешел в «Кота На Горячем Песке», когда Марлеш попытался провести «Колибри Целует Медвяную Розу». «Колибри» был не слишком подходящим приемом для подобной атаки, он редко был полезен против обороняющегося, но Марлешу, очевидно, надоело, что Гавин отражает каждый его удар. Он становился нетерпеливым. Гавин мог

бы использовать это. И он использует.

Слит атаковал снова. Гавину пришлось уйти в защиту, так как Стражи насели вдвоем. Гавин немедленно перешел к «Яблоневому Цвету На Ветру». Его меч сверкнул трижды, заставив Марлеша отшатнуться с широко раскрытыми глазами. Марлеш выругался, бросившись вперед, но Гавин поднял меч и плавно перешел из предыдущей стойки к «Стряхивая Росу с Ветки». Он шагнул вперед в серии из шести резких ударов, по три на каждого противника, опрокинув Марлеша на землю — тот вступил в бой слишком быстро — и, дважды

отбросив меч Слита в сторону, завершил прием, приставив свой клинок к горлу мужчины.

Оба Стража потрясенно смотрели на Гавина. У них была такая же реакция, когда он победил их в прошлый раз, и в позапрошлый тоже. Слит носил меч со знаком цапли на клинке и был почти легендой в Башне из-за своего мастерства. Поговаривали, что ему удалось выиграть у Лана Мандрагорана две схватки из семи, еще в то время, когда Мандрагоран участвовал в тренировочных боях с другими Стражами. Марлеш был не так знаменит, как его напарник, но он был искусный и вполне

обученный Страж – вовсе не легкий противник.

Но Гавин победил. Снова. Когда он сражался, все казалось таким простым. Мир сжимался – как ягоды, из которых давят сок – во что-то поменьше и попроще, что можно разглядеть вблизи. Все, чего хотел Гавин – защищать Илэйн. Он хотел стоять на страже Андора. Возможно, научиться быть чуточку больше похожим на Галада.

Почему жизнь не может быть такой же простой, как поединок на мечах? Противники ясны и находятся прямо перед тобой. Награда очевидна: жизнь. Когда люди сражаются, между ними образуется

связь. Обмениваясь ударами, они становятся побратимами.

Гавин убрал клинок и отступил назад, вкладывая меч в ножны. Он протянул руку Марлешу, и тот принял ее, тряхнув головой, как только поднялся.

— Ты поразителен, Гавин Траканд. Когда ты двигаешься, ты словно создан из света, цвета и тени. Против тебя я чувствую себя младенцем, взявшим в руки палку.

Слит не сказал ничего, вложив свой меч в ножны, но кивнул головой Гавину в знак уважения — так же, как и последние два раза, когда они сражались. Он был немногословный человек. Гавин ценил это.

В углу сарая стоял бочонок с водой, и, как только мужчины приблизились к нему, Корбет, один из Отроков, торопливо наполнил ковш и передал его Гавину. Гавин отдал его Слиту. Старший Страж снова кивнул и сделал глоток, а Марлеш взял кубок с пыльного подоконника и зачерпнул себе воды.

— Я говорю, Траканд, — продолжил невысокий Страж, — неплохо бы найти тебе клинок с какими-нибудь цаплями. Никто не должен сталкиваться с тобой, не зная, во что ввязался!

— Я не мастер клинка, — тихо сказал Гавин, забрав у кривоносого Слита ковш и сделав глоток воды.

Вода была теплой и приятной на вкус. Это помогало избавиться от напряжения и почувствовать себя естественней.

— Ты убил Хаммара, не так ли? — спросил Марлеш.

Гавин заколебался. Та простота, что он чувствовал прежде, в бою, уже улетучивалась.

— Да.

— Что ж, тогда ты мастер клинка, — заявил Марлеш. — Тебе стоило забрать его меч, когда он погиб.

— Это было бы неуважением, — сказал Гавин. — К тому же, у меня не было времени на трофеи.

Марлеш рассмеялся, будто услышал нечто смешное, но Гавин не

имел в виду ничего подобного. Он бросил взгляд на Слита, который с любопытством наблюдал за ним.

Шелест юбок возвестил о приближении Вэши. У Зеленой были длинные черные волосы и поразительные зеленые глаза, которые иногда казались едва ли не кошачьими.

— Ты наигрался, Марлеш? — спросила она с легким доманийским акцентом.

Марлеш усмехнулся.

— Тебе следует радоваться, что я играю, Вэша. Кажется, пару раз мои «игры» спасали твою шею на поле боя.

Она фыркнула и подняла бровь.

Гавину не часто доводилось видеть столь неофициальные отношения между Айз Седай и Стражем, как у этих двоих.

— Пойдем, — сказала она, развернувшись на каблуках и направившись к открытой двери сарая. — Я хочу посмотреть, почему Наренвин и остальные так долго не выходят. Это пахнет заговором.

Марлеш пожал плечами и бросил свой кубок Корбету.

— Что бы они ни решили, надеюсь, это предполагает действия. Мне не нравится сидеть без дела в этом городке, пока к нам медленно подбираются солдаты. Если здесь станет еще напряженнее, я убегу и

присоединюсь к Лудильщикам.

Гавин кивнул в ответ. Прошло несколько недель с тех пор, как он в последний раз осмелился отправить Отроков в рейд. Поисковые отряды Бриана подбирались все ближе и ближе к городку, что давало все меньше и меньше возможности для вылазок по окрестностям.

Вэша уже вышла на улицу, но Гавин все еще слышал ее голос, сказавший: «Иногда ты говоришь, как ребенок». Марлеш только пожал плечами и, прежде чем покинуть сарай, махнул Гавину и Слиту на прощание рукой.

Гавин тряхнул головой, зачерпнул ковшом еще воды и сделал

ГЛОТОК.

— Иногда эти двое так напоминают мне брата и сестру.

Слит улыбнулся.

Гавин положил ковш, кивнул Корбету и направился к выходу. Он собирался проверить, что ждет Отроков на ужин, и убедиться, что еда будет распределена должным образом. Некоторые юнцы заладили устраивать тренировочные бои в то время, когда они должны были есть.

Однако когда он выходил, Слит догнал его и взял за руку. Гавин удивленно обернулся.

— У Хаттори всего один Страж, — сообщил Слит мягким, скрипучим голосом.

Гавин кивнул.

— Не так уж и неслыханно для Зеленой.

— Но не потому, что она не хочет иметь больше, — сказал Слит. — Много лет назад, когда она связала меня узами, она сказала, что возьмет другого Стража только при условии, если я признаю его достойным. Она попросила меня поискать такого человека. Она не очень-то задумывается о подобных вещах. Слишком занята другими вопросами.

«Конечно», — подумал Гавин, недоумевая, зачем Страж рассказывает ему все это.

Слит повернулся, встретившись взглядом с Гавином.

— Прошло более десяти лет прежде, чем я нашел кого-то достойного. Если ты пожелаешь, она свяжет тебя узами сейчас же.

Гавин удивленно моргнул, глядя на Слита. Долговязый Страж снова завернулся в свой меняющий цвета плащ, под которым носил одежду неопределенных коричневых и зеленых оттенков. Кое-кто выражал недовольство тем, что из-за своих длинных волос и бакенбард Слит выглядит слишком неряшливо для Стража. Но «неряшливый» было неверным словом в отношении этого мужчины. Возможно, грубоватый, но естественный. Как неотесанный камень или искривленный, но еще

крепкий дуб.

— Это честь для меня, Слит, — сказал Гавин. — Но я поступил на обучение в Белую Башню согласно традициям Андора, а не потому, что собирался стать Стражем. Мое место рядом с моей сестрой.

«И если кто и свяжет меня узами, то это будет Эгвейн».

— У тебя *были* эти причины, — возразил Слит, — но их больше нет. Ты сражался в нашей войне, ты убивал Стражей и защищал Башню. Ты один из нас. Ты наш.

Гавин замер в нерешительности.

— Ты ищешь, — продолжил Слит. — Словно ястреб, рыщешь взглядом тут и там, пытаешься решить, сесть тебе

или гнать добычу. Со временем ты устанешь летать. Присоединяйся к нам и стань одним из нас. Ты поймешь, что Хаттори – хорошая Айз Седай. Она мудрее многих и гораздо менее склонна к безрассудствам и спорам по пустякам, чем большинство в Башне.

– Я не могу, Слит, – сказал Гавин, покачав головой. – Андор...

– Хаттори не считается влиятельной в Башне, – ответил Слит. – Других редко заботит, что она делает. Чтобы заполучить тебя, она проследит за тем, чтобы быть назначенной в Андор. Ты мог бы получить и то, и другое, Гавин Траканд. Подумай над этим.

Гавин помедлил снова, затем кивнул.

– Хорошо. Я подумаю.

Слит выпустил его руку.

– Большого мужчине просить незачем.

Гавин шагнул было к выходу, но остановился, оглянувшись на Слита в пыльном сарае. Затем Гавин резким жестом подал знак Корбету, означавший *«выйди и покарауль снаружи»*. Отрок с энтузиазмом кивнул – он был одним из самых младших среди них и всегда искал возможность показать, на что он способен. Он будет сторожить вход и предупредит, если кто-то приблизится.

Слит с любопытством проследил, как Корбет расположился у дверей, положив ладонь на рукоять меча. Теперь Гавин шагнул вперед и заговорил тише, чтобы Корбет не мог слышать.

— Что *ты* думаешь о том, что произошло в Башне, Слит?

Похожий на грубый валун Страж нахмурился, затем попятился и привалился спиной к стене сарая. При этом Слит будто бы случайно взглянул в окно, проверяя, что никто не подслушивает с той стороны.

— Это плохо, — наконец тихо сказал Слит. — Страж не должен сражаться против Стража. Айз Седай не должны сражаться против Айз

Седай. Такого никогда не должно было произойти. Ни сейчас, ни когда-либо еще.

— Но это произошло, — сказал Гавин.

Слит кивнул.

— И теперь у нас две противостоящие друг другу фракции Айз Седай, — продолжил Гавин, — с двумя разными армиями, одна из которых осаждает другую.

— Не стоит высовываться, — сказал Слит. — В Башне есть горячие головы, но и разумных тоже немало. Они все сделают правильно.

— Как именно?

— Покончат с этим, — ответил Слит. — Кровопролитием, если

придется, или другими путями, если будет возможность. Ничто не стоит этого раскола. Ничто.

Гавин кивнул.

Слит покачал головой.

– Моей Айз Седай не нравилось происходящее в Башне. Она хотела сбежать от этого. Она мудрая... мудрая и хитрая. Но она все же не слишком влиятельна, и остальные к ней не прислушиваются. Айз Седай... Иногда кажется, их всех заботит только, у кого самая большая палка.

Гавин наклонился ближе. Мало кто говорил о степенях влиятельности и иерархии Айз Седай. У них не было званий, как у

военных, но все они инстинктивно знали, кто среди них главней. Как это работало? Слит, казалось, имел какое-то представление, но не желал распространяться, так что этому было суждено пока остаться тайной.

— И Хаттори сбежала, — тихо продолжил Слит. — Отправилась с посольством к ал'Тору, не подозревая, во что ввязалась. Она просто не хотела находиться в Башне. Разумная женщина.

Слит вздохнул, выпрямившись и положив руку на плечо Гавину.

— Хаммар был хорошим человеком.

— Был, — повторил Гавин, чувствуя, как внутри все скрутило.

– Но он убил бы тебя, – сказал Слит. – Убил бы тебя чисто и быстро. Он атаковал тебя, а не ты его. Он понимал, почему ты сделал то, что ты сделал. В тот день никто не принял верных решений. Ни одно из решений не могло быть верным.

– Я... – Гавин просто кивнул. – Спасибо.

Слит убрал руку и пошел было к выходу, но затем оглянулся.

– Кое-кто говорит, что Хаттори следовало вернуться за мной, – сказал он. – Эти твои Отроки думают, что она бросила меня у Колодцев Дюмай. Но она не делала этого. Она знала, что я жив. Она знала, что я ранен. Но еще она

доверяла мне исполнить мой долг, пока она выполняла свой. Она должна была сообщить Зеленым о том, что произошло у Колодцев Дюмай, о том, что повлекли за собой истинные приказы Амерлин в отношении ал'Тора. Я должен был выжить. Мы оба исполняли свой долг. Но, как только сообщение было отправлено, не почувствуй она, что я иду к ней, она бы отправилась за мной сама. Чего бы это ни стоило. И мы оба знаем это.

С этими словами он ушел. Гавин покинул сарай, размышляя над тем, что Страж сказал ему на прощание. Со Слитом было сложно разговаривать. Такой ловкий с мечом,

он плохо умел обращаться со словами.

Гавин потрянул головой, выходя из сарая, и взмахом руки дал Корбету понять, что тот свободен. Он не может согласиться стать Стражем Хаттори. Это предложение на мгновение показалось ему привлекательным, но лишь как способ убежать от проблем. Он знал, что не будет счастлив ни как ее Страж, ни как Страж любой из сестер, кроме Эгвейн.

Он обещал Эгвейн делать все, что ей будет угодно. Все, что угодно, до тех пор, пока это не вредит Андору или Илэйн. Свет! Он обещал ей не убивать ал'Тора. По крайней

мере, пока Гавин не сможет доказать, что Дракон убил его мать. Почему Эгвейн не видит, что человек, с которым она выросла, превратился в чудовище, извращенное Единой Силой? Ал'Тора следовало остановить. Так будет лучше для всех.

Гавин сжимал и разжимал кулаки, направляясь к центру деревни, желая продлить спокойствие и гармонию поединка на мечах на всю жизнь. Воздух был наполнен едким запахом коров и навоза из конюшен. Было бы неплохо вновь вернуться в настоящий город. Размер и удаленность Дорлана делали его подходящим местом для

укрытия, но Гавин искренне желал, чтобы Элайда выбрала для расквартирования Отроков менее вонючее место. Казалось, его одежда пропахла скотным двором на всю оставшуюся жизнь — при условии, что в течение нескольких следующих недель армия мятежниц не обнаружит и не уничтожит их всех.

Гавин тряхнул головой, подходя к дому мэра. Двухэтажное здание с остроконечной крышей было расположено в самом центре деревни. Большинство Отроков стояли лагерем на небольшом лугу за особняком. Когда-то на том клочке земли росла ежевика, но слишком жаркое лето и последовавшая за ним

вьюжная зима погубили ее. Это была одна из многих неприятностей, указывавших на то, что будущая зима будет еще суровей прошлой.

Луг был не лучшим местом для лагеря – Отроки постоянно ворчали, что им приходится вытаскивать из кожи колючки- но он был близок к центру деревни и в то же время скрыт от посторонних. Пара колючек стоила этих преимуществ.

Чтобы дойти до луга, Гавину пришлось срезать путь через немощеную площадь и пройти мимо канала, текущего перед домом мэра. Он кивнул группе женщин, стиравших там белье. Айз Седай наняли их для стирки одежды сестер

и офицеров Гавина. Им платили слишком мало за такое количество работы, и Гавин доплачивал им из своего кармана, сколько мог позволить. Наренвин Седай посмеялась над этим поступком, но деревенские женщины были ему благодарны. Мать Гавина всегда учила его, что простые работяги — хребет королевства: сломай его, и вскоре ты поймешь, что не можешь пошевелиться. Жители этой деревни не были подданными его сестры, но все же он не хотел, чтобы его отряд злоупотреблял их услугами.

Он прошел мимо дома мэра, отметив закрытые ставни на окнах. Марлеш неспешно прогуливался

снаружи, его изящная Айз Седай стояла, уперев руки в бедра и хмуро уставившись на дверь. Очевидно, ей не разрешили войти. Почему? Вэша занимала не слишком высокое положение среди Айз Седай, но все же она не стояла так же низко, как Хаттори. Если Вэше не дали войти... что ж, возможно, там и в самом деле говорят о чем-то важном. Это заинтересовало Гавина.

Его люди предпочли бы оставить это без внимания — Раджар сказал бы ему, что дела Айз Седай лучше оставить им самим, ведь чьи-то длинные уши могут все испортить. По этой причине из Гавина не выйдет хорошего Стража. Он не

доверял Айз Седай. Его мать им доверяла, и что с ней случилось? А как Белая Башня обошлась с Эгвейн и Илэйн... Что ж, может, он и поддерживал Айз Седай, но определенно не доверял им.

Он обошел здание, проводя совершенно обоснованный смотр часовых. Большая часть Айз Седай в Дорлане была без Стражей – они либо были Красными, либо где-то оставили своих Стражей. Некоторые из сестер прожили достаточно, чтобы потерять Стражей от старости и никого не выбрать взамен. Двум женщинам не повезло – они потеряли своих Стражей у Колодцев Дюмай. Гавин и остальные

старательно притворялись, что не замечают их покрасневших глаз или рыданий, периодически доносящихся из их комнат.

Айз Седай, конечно же, заявляли, что не нуждаются в защите часовых-Отроков. Возможно, они были правы. Но Гавин уже видел мертвых Айз Седай у Колодцев Дюмай; они не были неуязвимы.

У задних дверей особняка Хэл Мэйр отсалютовал Гавину и позволил ему войти, чтобы тот мог продолжить проверку. Гавин поднялся по узкой прямой лестнице и вошел в верхний коридор. Там он сменил стоявшего на страже Бердена, смуглого Отрока из Тира. Берден был

офицером, и Гавин приказал ему проследить за распределением пищи в лагере. Мужчина кивнул и ушел.

Гавин в нерешительности замер перед дверью комнаты Наренвин Седай. Если он хотел узнать, что происходит у Айз Седай, очевидной вещью было подслушать. Пост Бердена был единственным на втором этаже, и здесь не было Стражей, чтобы защищать от лишних ушей. Но одна лишь мысль о подслушивании оставляла кислый привкус во рту Гавина. Ему *не надо* подслушивать. Он командир Отроков, и его отряд весьма помог Айз Седай. Они задолжали ему информацию. Поэтому вместо того, чтобы

попытаться подслушать, он решительно постучался в дверь.

Его стук был встречен тишиной. Затем дверь скрипнула, и в приоткрывшейся щелке показалось хмурое лицо Коварлы. Светловолосая Красная была главной среди сестер в Дорлане, пока ее не заменили, но она все еще была здесь одной из самых влиятельных.

— Нас не должны были беспокоить, — резко сказала она через приоткрытую дверь. — Твои солдаты получили указания не пускать никого, даже других сестер.

— Эти правила не относятся ко мне, — сказал Гавин, встретившись с ней взглядом. — Мои люди в этой

деревне находятся в серьезной опасности. Если вы не позволите мне участвовать в разработке плана, то я требую, чтобы мне позволили хотя бы присутствовать.

На бесстрастном лице Коварлы, казалось, появилось раздражение.

— Твоя дерзость растет с каждым днем, дитя, — сказала она. — Возможно, нам следует заменить тебя кем-то более подходящим для командования этим отрядом.

Гавин стиснул зубы.

— Ты считаешь, что они не сместят тебя, если сестры потребуют этого? — с легкой улыбкой спросила Коварла. — Твои Отроки всего лишь жалкое подобие армии, но они знают

свое место. Жаль, нельзя сказать того же об их командире. Возвращайся к своим людям, Гавин Траканд.

Сказав это, она захлопнула перед ним дверь.

Гавин испытывал непреодолимое желание проложить себе путь в комнату силой. Но он пожалел бы об этом уже через пару вдохов — столько времени займет у Айз Седай, чтобы скрутить его с помощью Силы. Как это отразится на боевом духе Отроков, когда они увидят, как их командира, отважного Гавина Траканда, вышвырнут из особняка с кляпом из Воздуха во рту? Он подавил досаду и вернулся на первый этаж. Гавин прошел на

кухню и привалился спиной к дальней стене, уставившись на лестницу на второй этаж. Теперь, когда он отослал Бердена, он чувствовал, что должен либо сам покараулить, либо послать кого-то за другим Отроком. Гавин хотел сперва немного поразмыслить; если собрание наверху затянется, он отправит за кем-нибудь, чтобы его сменили.

Айз Седай. Разумные мужчины, когда это возможно, держатся от них подальше и с готовностью подчиняются им, когда иначе не выходит. У Гавина не получалось ни то, ни другое: его происхождение не давало возможности держаться от

них подальше, а его гордость не позволяла им повиноваться. Он поддержал Элайду во время мятежа не потому, что она ему нравилась — она всегда была холодна в течение тех лет, что провела в качестве советницы его матери. Нет, он встал на ее сторону, потому что ему не нравилось, как Суан обошлась с его сестрой и Эгвейн.

Но позаботилась бы Элайда о девушках хоть немного лучше? Обходилась бы с ними лучше хоть кто-то из Айз Седай? Гавин принял решение в пылу ярости; это не было хладнокровное проявление верности, как считали его люди.

Кому же тогда принадлежала

его верность?

Несколько минут спустя шаги на лестнице и приглушенные голоса из коридора наверху возвестили о том, что секретный разговор Айз Седай закончился. Одетая в желтое и красное, Коварла спустилась вниз по лестнице, говоря что-то сестрам позади нее: «...не могу поверить, что мятежницы избрали свою собственную Амерлин».

Наренвин — худая женщина с квадратным лицом — появилась следующей, кивая. Затем, к его удивлению, за ними по лестнице спустилась Кэтрин Алруддин. Гавин выпрямился, пораженный. Кэтрин покинула лагерь несколько недель

назад, на следующий день после приезда Наренвин. Красная сестра с волосами цвета воронова крыла не была с основной группой сестер, которым приказали оставаться в Дорлане, и воспользовалась этим как предлогом, чтобы вернуться в Белую Башню.

Когда она успела вернуться в Дорлан? Каким образом? Если бы ее заметили, то Гавину доложили бы. Он сомневался, что дозорные могли пропустить ее прибытие.

Она посмотрела на Гавина, лукаво улыбнувшись, когда все три Айз Седай проходили через кухню. Она заметила его потрясение.

— Да, — сказала Кэтрин,

повернувшись к Коварле. — Представьте себе -Амерлин без Престола, чтобы на нем восседать! Это кучка глупых девчонок, играющих в кукольный театр, где куклы одеты, как старшие. Конечно, для этой роли они выбрали дичка, да еще и всего лишь Принятую. Они понимали, как жалко выглядит это решение.

— Но, по крайней мере, ее схватили, — заметила Наренвин, остановившись в проходе, чтобы пропустить вперед Коварлу.

Кэтрин внезапно рассмеялась.

— Схватили и заставили по полдня выть. Не хотела бы я сейчас оказаться на месте этой девчонки

ал'Вир. Конечно, от этого она не заслуживает меньше наказания за то, что позволила им возложить палантин Амерлин себе на плечи.

«*Что?*» – пораженно подумал Гавин.

Три женщины покинули кухню, голоса стали затихать. Гавин едва заметил это. Он пошатнулся, оперевшись о стену, чтобы не упасть. Этого не может быть! Похоже, что... Эгвейн... Он *наверняка* ослышался!

Но Айз Седай не могут лгать. До него доходили слухи, что у мятежниц есть свой Совет и Амерлин... но Эгвейн? Это смешно! Она всего лишь Принятая!

Но кого лучше подставить при

возможной неудаче? Скорее всего никто из сестер не был готов подвергать себя такому риску, приняв этот титул. Женщину помоложе, вроде Эгвейн, можно сделать идеальной пешкой.

Взяв себя в руки, Гавин поспешил прочь из кухни следом за Айз Седай... Он вышел на улицу, где уже было сильно за полдень, и обнаружил Вэшу, которая стояла с открытым ртом, уставившись на Кэтрин. Оказывается, Гавин был не единственным, кого поразило внезапное возвращение Красной.

Гавин поймал за руку Тандо, одного из Отроков, несших стражу у фасада дома.

– Ты видел, как она входила в здание?

Юный андорец покачал головой.

– Нет, милорд. Один из ребят внутри сообщил, что видел, как она встретилась с остальными Айз Седай – кажется, она неожиданно спустилась с чердака. Но никто из часовых не знает, *как* она туда попала!

Гавин отпустил солдата и бросился за Кэтрин. Он догнал трех женщин посреди пыльной деревенской площади. Все три безвозрастных лица повернулись к нему с одинаково поджатыми губами. Коварла смотрела на него особенно сурово, но Гавину было все равно,

отберут ли они у него Отроков или свяжут и подвесят в воздухе. Унижение не имело значения. Значение имело только одно.

— Это правда? — спросил он. Затем, вспомнив, с кем говорит, он добавил уважительности в голосе. — Пожалуйста, Кэтрин Седай. Правда ли то, что, как я нечаянно услышал, вы говорили о мятежниках и их Амерлин?

Она смерила его взглядом.

— Я думаю, неплохо бы передать эти новости твоим солдатам. Да, Амерлин мятежниц захвачена.

— И как ее имя? — спросил Гавин.

— Эгвейн ал'Вир, — ответила

Кэтрин. — Пусть слухи будут правдивы, на сей раз.

Она кратко кивнула ему, отпуская, и продолжила свой путь вместе с остальными двумя сестрами.

— Используйте верно то, чему я научила вас. Амерлин настаивает, что рейды должны проводиться чаще, а это плетение должно предоставить вам небывалую подвижность. Впрочем, не удивляйтесь, если мятежницы будут наготове. Они знают, что их так называемая Амерлин у нас, и скорее всего догадываются, что и их новые плетения тоже. Пройдет немного времени, прежде чем Перемещением

будут владеть все. Используйте клинок, что вам дали, пока он не затупился.

Гавин слушал вполуха. Какая-то часть его разума была потрясена. Перемещение? Штука из легенд. Так вот как Гарет Брин поддерживал снабжение своей армии?

Однако большая часть разума Гавина все еще пребывала в оцепенении. Суан Санчей усмирили и пороли в наказание, а она была всего лишь смещенной Амерлин. Что же они сделают с *лже*-Амерлин, с главой мятежниц?

Заставили выть по полдня...

Эгвейн пытаются. Ее усмирят! Если уже не сделали этого. А после

этого ее казнят. Гавин проследил, как уходят три Айз Седай. Затем он медленно развернулся, странно спокойный, положив ладонь на эфес меча.

Эгвейн в беде. Он медленно прикрыл глаза, стоя посреди площади. Где-то вдали мычали коровы, в канале неподалеку плескалась вода.

Эгвейн казнят.

«Кому принадлежит твоя верность, Гавин Траканд?»

Он пошел по деревне, шагая на удивление уверенно. На Отроков нельзя положиться в действиях против Белой Башни. Он не мог использовать их для организации

побега. Но и в одиночку он тоже не мог сделать это. Оставался лишь один вариант.

Десять минут спустя он был в своей палатке, аккуратно пакуя седельные сумки. Большую часть вещей придется бросить. Было несколько дальних дозоров, и Гавин и прежде приезжал к ним с неожиданной проверкой. Это будет хорошим предлогом, чтобы покинуть лагерь.

Он не мог вызвать подозрений. Коварла была права. Отроки следовали за ним. Они уважали его. Но они не были его собственностью – они принадлежали Белой Башне, и обернулись бы против него так же

быстро, как он сам обернулся против Хаммара, будь на то воля Амерлин. Если кто-то из них едва заподозрит, что планирует Гавин — ему не проехать и сотни ярдов.

Он закрыл и застегнул седельные сумки. Придется обойтись этим. Он решительно вышел из шатра, перекинув сумки через плечо, и направился к коновязи. По пути он подал знак подойти к нему Раджару, который показывал группе солдат сложные приемы с мечом. Раджар приказал подменить его и поспешил к Гавину, нахмурившись при виде седельных сумок.

— Я собираюсь на проверку к четвертому дозору, — сообщил Гавин.

Раджар бросил взгляд на небо – спускались сумерки.

– Так поздно?

– Последний раз я проверял утром, – пояснил Гавин. Удивительно, почему его сердце не рвалось из груди. Оно билось спокойно и ровно. – Предпоследний раз я проверял после полудня. Но самое опасное время, когда тебя могут застать врасплох – это вечер, когда еще достаточно светло для атаки, но достаточно поздно для того, чтобы люди уже устали и набили животы едой.

Раджар кивнул и последовал за Гавином.

– Свет знает, как нам сейчас

нужны бдительные разведчики, – согласился он. Дозоры Брина прочесывали деревни менее чем в полудне пути от Дорлана. – Я пришлю сопровождающих.

– Не стоит, – сказал Гавин. – В последний раз Четвертый Дозор заметил мое приближение за добрые полмили. Отряд поднимает слишком много пыли. Я хочу проверить, так ли остры их глаза, если нужно заметить одинокого всадника.

Раджар снова нахмурился.

– Я буду в безопасности, – сказал Гавин, выдавив кривую улыбку. – Раджар, ты же знаешь, это так и будет. Что? Ты боишься, меня схватят бандиты?

– У тебя вид человека, который на что-то решился, – неожиданно произнес чей-то тихий голос.

Гавин развернулся, схватившись за меч. Одна из теней неподалеку двигалась. Присмотревшись, Гавин смог различить затененный силуэт кривоносого человека. Будь прокляты эти плащи Стражей!

Гавин постарался напустить на себя непринужденный вид, как с Раджаром.

– Скорее человека, счастливого от того, что ему есть чем заняться, – сказал он, отвернувшись от Слита к подошедшему помощнику конюха. Гавин бросил ему монетку и отпустил мальчика, взяв седло сам.

Слит продолжил наблюдать из тени громадной сосны, как Гавин водрузил седло на спину Вызова. Страж знал. Поведение Гавина могло обмануть кого угодно, но он чувствовал, что с этим человеком оно не сработает. Свет! Неужели ему придется убить еще одного человека, которого он уважает? *«Чтоб тебе сгореть, Элайда! Чтоб тебе сгореть, Суан Санчей, и всей вашей Башне! Прекратите использовать людей. Прекратите использовать меня!»*

— Когда мне сказать твоим людям, что ты не вернешься? — спросил Слит.

Гавин затащил подпругу,

подождав, пока конь сделает выдох. Он посмотрел поверх Вызова, хмурясь.

– Ты не собираешься остановить меня?

Слит усмехнулся.

– Сегодня я бился с тобой трижды и не выиграл ни единой схватки, хотя мне помогал неплохой боец. Ты выглядишь как человек, который убьет при необходимости, а я не жажду смерти так, как некоторые могут предположить.

– Ты мог бы сразиться со мной, – сказал Гавин, закончив с седлом и водрузив сумки на место, закрепляя их. Вызов фыркнул. Коню никогда не нравилось таскать на себе лишний

вес. – Ты бы даже умер, если бы счел это необходимым. Если бы ты напал на меня, даже если бы я убил тебя, это подняло бы шум. Я бы никогда не смог объяснить, почему убил Стража. Ты мог бы остановить меня.

– Это так, – сказал Слит.

– Тогда почему ты отпускаешь меня? – спросил Гавин, обходя мерина и взяв его поводья. Он встретился взглядом с глазами человека в тени, и ему показалось, он уловил слабый намек на улыбку на его губах.

– Возможно, мне просто нравится видеть, что тебе не все равно, – ответил Слит. – Возможно, я надеюсь, ты найдешь способ

покончить с этим. Возможно, меня одолели лень и горечь от израненной столькими поражениями души. Да найдешь ты то, что ищешь, юный Траканд, — легкий шелест плаща возвестил о том, что Слит ушел, растворившись в темноте спускающейся ночи.

Гавин рывком забросил себя в седло. Ему в голову приходило лишь одно место, где можно искать помощи для спасения Эгвейн.

Пришпорив коня, он оставил Дорлан позади.

Глава 14. Шкатулка открывается

— Значит, это одна из
Предавшихся Тени, — сказала
Сориля. Беловолосая
Хранительница Мудрости обошла
пленницу кругом, задумчиво
разглядывая Семираг. Разумеется,

Кадсуане не ожидала страха от кого-то вроде Сорилеи. Айилка была крепкой, как статуя, выдержавшая шторм за штормом, стойкая к ветрам. Среди Айил эта Хранительница Мудрости была особенным воплощением силы. Она прибыла в поместье совсем недавно, с теми, кто доставил ал'Тору сообщение из Бандар Эбана.

Среди Айил, следующих за Рандом ал'Тором, Кадсуане предполагала обнаружить многое: свирепых воинов, странные обычаи, честь и преданность, неискушенность в политике и коварстве. Она оказалась права. И все же, кое-что она, определенно, *не*

ожидала найти — кого-то равного себе. Особенно, если это Хранительница Мудрости, едва способная направлять. Но, как ни странно, именно так она расценивала эту айилку с жестким лицом.

Не то чтобы она доверяла Сорилее. У Хранительницы Мудрости были свои цели, и они могли не совсем совпадать с целями Кадсуане. Как бы то ни было, она *действительно* находила Сорилею толковой, а в эти дни в мире насчитывалось всего проклятые несколько человек, заслуживающих этого слова.

Семираг внезапно вздрогнула, и

Сориля задрала голову кверху. В этот раз Отрекшаяся не висела в воздухе; она стояла прямо, одетая в жесткое коричневое платье, ее короткие, темные, непричесанные волосы спутались. Она все еще демонстрировала превосходство и самообладание. Точно так же, как вела бы себя Кадсуане в подобной ситуации.

— Что это за плетения? — поинтересовалась Сориля, взмахнув рукой. Плетения, о которых спрашивала Хранительница Мудрости, и были причиной периодических содроганий Семираг.

— Мое собственное изобретение,
— ответила Кадсуане, убирая

плетения и сплетая их снова, чтобы показать, как они создаются. — Они издают звон в ушах каждые несколько минут и вспышки света перед глазами, не давая уснуть.

— Ты надеешься настолько ее изнурить, что она заговорит, — сказала Сориля, вновь изучающе глядя на Отрекшуюся.

Разумеется, Семираг была ограждена от возможности слышать их. Невзирая на отсутствие хорошего сна уже двое суток, женщина имела безмятежный вид, глаза открыты, но блокированы яркими светящимися шарами. Она, вероятно, владела каким-то ментальным трюком, помогающим от переутомления.

– Я сомневаюсь, что это ее сломает, – призналась Кадсуане. – Ха! Это еле-еле заставляет ее вздрагивать. – Она, Сорилея и Бэйр – старая Хранительница Мудрости, неспособная направлять – были одни в комнате. Айз Седай, поддерживающие щит Семираг, сидели на своих местах снаружи.

Сорилея кивнула.

– Манипулировать одной из Предавшихся Тени будет не так легко. Тем не менее, ты благоразумно решила попробовать, принимая во внимание твои... ограничения

– Мы могли бы поговорить с *Кар'а'карном*, – сказала Бэйр. – Убедить его передать эту женщину на

время нам. Несколько дней... деликатного айильского допроса, и она расскажет все, что ты пожелаешь.

Кадсуане уклончиво улыбнулась. Разве она разрешила бы кому-то другому вести допрос! Секреты этой женщины были слишком ценными, чтобы доверить их даже союзникам.

— Что ж, вы можете спросить, — сказала она, — но я сомневаюсь, что ал'Тор послушает. Вы знаете, каким глупым может быть этот мальчишка, когда речь идет о том, чтобы причинить боль женщине.

Бэйр вздохнула. Было тяжело представить эту даму, похожую на бабушку, принимающей участие в

«деликатном айильском допросе».

— Да, — сказала она. — Я полагаю, ты права. Ранд ал'Тор вдвое упрямее любого вождя клана, которого я знаю. И вдвое заносчивей тоже. Надо же — предположить, что женщины не могут переносить боль так же, как мужчины!

Кадсуане фыркнула.

— Честно говоря, я подумывала подвесить и высечь ее, наплевав на запрет ал'Тора! Но не думаю, что это сработает. Ха! Чтобы сломать эту женщину мы должны найти что-нибудь другое, кроме боли.

Сориля не сводила глаз с Семираг.

— Я поговорю с ней.

Кадсуане сделала приглашающий жест, распустив плетения, которые не давали Семираг слушать, видеть и говорить. Женщина мигнула — единожды, — чтобы прояснить зрение, потом повернулась к Сорилее и Бэйр.

— А, — произнесла она, — Айил. Когда-то вы были такими хорошими слугами. Скажите мне, насколько больно сознавать, что вы предали свои клятвы? Ваши предки плакали бы, требуя наказания, узнай они, сколько смертей на руках их потомков.

Сорилея никак не отреагировала. Кадсуане знала кое-какие интересные факты, которые

ал'Тор раскрыл ей об Айил, данные, полученные из вторых, а то и из третьих рук. Ал'Тор заявлял, что когда-то, еще до предательства своих клятв, Айил следовали Пути Листа, поклявшись не совершать насилия. Эти слухи вызвали интерес Кадсуане, который только увеличился, когда Семираг подтвердила их.

— Она выглядит намного человечнее, чем я предполагала, — обратилась Сорилея к Бэйр. — Ее мимика, ее тон, ее акцент, пусть и странные, но их легко понять. Этого я не ожидала.

Только на мгновение глаза Семираг сузились, отреагировав на комментарий. Необычно. Эта

реакция была сильнее любой другой, вызванной разными наказаниями. Вспышки света и звук вызывали только легкие непроизвольные подергивания. Однако этот комментарий Сорилеи, казалось, подействовал на Семираг на эмоциональном уровне. Неужели Хранительницы Мудрости на самом деле без труда преуспеют там, где Кадсуане так долго терпела неудачу?

— Я думаю, это то, о чем мы должны помнить, — сказала Бэйр. — Женщина остается женщиной, независимо от того, сколько ей лет, и не важно, какие секреты она хранит. Плоть можно порезать, кровь можно пролить, кости можно сломать.

— На самом деле, я почти разочарована, Кадсуане Меледрин, — сказала Сорилея, качая седой головой. — У этого чудовища очень маленькие клыки.

Семираг больше не реагировала. Она вернула контроль над собой, безмятежное лицо и высокомерный взгляд.

— Я немного слышала про вас — нынешних Айил, не знающих клятв, и про ваше толкование чести. Я получу истинное наслаждение, исследуя, сколько боли и страдания потребуется испытать членам ваших кланов, чтобы они обесчестили себя. Скажи мне, как ты думаешь, насколько далеко я должна зайти,

чтобы один из вас убил кузнеца и пообедал его плотью?

Она знала больше, чем «немного», если понимала, что кузнец среди Айил – фигура почти неприкосновенная. Сорилея напряглась, услышав комментарий, но затем выкинула его из головы. Она еще раз сплела стража от подслушивания, потом помедлила и разместила светящиеся шары напротив глаз Семираг. Да, она была слаба в Силе, но училась очень быстро.

– Разумно ли это, держать ее вот так? – спросила Сорилея, а ее тон давал понять, что от кого-либо другого она бы требовала ответ. Для

Кадсуане она смягчила свои слова, и это почти вызвало улыбку на губах Айз Седай. Они были как две старых соколицы, Сориля и она, привыкшие править со своего насеста, а сейчас вынужденные гнездиться на соседних деревьях. Ни одной из них почтительное отношение не давалось легко.

— Если бы решала я, — продолжила Сориля, — то, думаю, я перерезала бы ей горло, а труп выбросила валяться в пыли. Оставлять ее в живых — это все равно, что держать в доме древесную копьеголовку, словно питомца.

— Ха! — поморщившись, сказала Кадсуане. — Ты права насчет

опасности, но убить ее было бы хуже. Ал'Тор не может — или не хочет — дать мне точное число убитых им Отрекшихся. Но он предполагает, что, по меньшей мере, половина из них все еще жива. Они будут сражаться в Последней Битве, и чем больше плетений мы узнаем от Семираг, тем меньше будет плетений, которыми нас смогут застать врасплох.

Казалось, это не убедило Сорилею, но она больше не настаивала на своем.

— А тот предмет? — спросила она. — Могу я его увидеть?

Кадсуане чуть было не рявкнула "нет", но... Сорилея научила

Кадсуане Перемещению, невероятно мощному инструменту. Это было предложение, жест навстречу. Кадсуане надо было работать с этими женщинами, в особенности с Сорилеей. Управиться с ал'Тором было не по плечу одной женщине.

— Идем со мной, — сказала Кадсуане, покидая комнату. Хранительницы Мудрости последовали за ней. Снаружи Кадсуане дала сестрам — Дайгиан и Сарен — указания, чтобы Семираг находилась в сознании и с открытыми глазами. Вряд ли сработает, но на данный момент это была лучшая стратегия Кадсуане.

Впрочем... *был* еще краткий

взгляд Семираг, эта нотка гнева, вызванная комментарием Сорилии. Если ты можешь контролировать гнев человека, значит, сможешь контролировать и другие его эмоции. Именно поэтому Кадсуане настолько сосредоточилась на том, чтобы научить ал'Тора обуздывать свой нрав.

Контроль и гнев. Что же из сказанного Сорилеей вызвало ту реакцию? Что Семираг разочаровывающе человечна. Словно Сорилия ожидала, что одна из Отрекшихся будет так же искажена, как Мурддраал или Драгкар. А почему бы и нет? Отрекшиеся были легендарными личностями на

протяжении трех тысяч лет, смутными тенями тьмы и таинственности. Можно разочароваться, обнаружив, что во многих отношениях они самые человеческие последователи Темного: мелочные, вредные и вздорные. По крайней мере, ал'Тор заявлял, что они действовали именно так. Странно, но они были для него, как давние знакомые.

Однако Семираг считала себя больше, чем человеком. Манера держаться, контроль над окружающими — это было источником ее силы.

Кадсуане покачала головой. Слишком много проблем и слишком

мало времени.

Деревянный коридор являл собой еще одно напоминание о глупости мальчишки ал'Тора; Кадсуане до сих пор чувствовала запах дыма, сильный и потому неприятный. Зияющая дыра в фасаде поместья, прикрытая только тканью, весенними ночами впускала холодный воздух. Отсюда надо было уйти, но мальчишка заявил, что его не удастся прогнать.

Казалось, ал'Тор почти жаждал Последней Битвы. Или, возможно, просто смирился. Он предполагал, что для достижения цели будет вынужден прорываться через мелкие человеческие дразги, как

полуночный путник пробирается на постоянный двор через сугробы. Проблема была в том, что ал'Тор не был готов к Последней Битве. Кадсуане могла чувствовать это в том, как он говорил, в том, как он себя вел. В том, как он смотрел на мир этим мрачным, почти оцепенелым взглядом. Если такой человек, каким он был сейчас, столкнется с Темным, чтобы решить судьбу мира – тогда Кадсуане боится за всех людей.

Кадсуане и две Хранительницы Мудрости добрались до ее покоев в поместье, добротной, неповрежденной комнаты с хорошим видом на истоптанную лужайку и

лагерь на переднем плане. В отношении обстановки она была нетребовательна: большая кровать, запирающийся сундук и зеркало на подставке. Кадсуане была слишком стара и нетерпелива, чтобы волноваться о чем-нибудь еще.

Сундук был обманкой: она хранила в нем немного золота и другие мало чего стоящие предметы. Ее самое ценное имущество было либо на ней — ее *тер'ангриалы* в форме украшений, — или же заперто для сохранности в потрепанной шкатулке для документов, которая стояла на подставке для зеркала. Истертый дуб, неровная краска — шкатулка имела много сколов и

царапин, чтобы выглядеть подержанной, но не была настолько ветхой, чтобы не подходить к другим ее вещам. Как только Сориля закрыла за ними дверь, Кадсуане сняла со шкатулки ловушки.

Ей казалось странным, насколько мало нового изобретали Айз Седай в использовании Единой Силы. Они заучивали традиционные и проверенные временем плетения, но едва ли задумывались над тем, что еще могут сделать. Да, эксперименты с Единой Силой могут закончиться катастрофой, но можно сделать множество простых изменений и не подвергаясь опасности. На этой шкатулке было одно из таких

плетений. До последнего времени она использовала стандартное плетение Огня, Духа и Воздуха, которое бы уничтожило документы в шкатулке, если ее откроет чужой. Эффективно, хотя и слегка лишено воображения.

Ее новое плетение было намного практичней. Оно не уничтожало предметы внутри шкатулки — Кадсуане не была уверена, могут ли они вообще быть уничтожены. Вместо этого, при открытии шкатулки потоки — инвертированные, чтобы быть невидимыми — появлялись в виде свитых нитей Воздуха и хватали каждого в комнате. Затем другое плетение издавало

сильный звук, имитируя игру сотни труб, в то время как в воздухе вспыхивали огни, поднимая тревогу. Плетения также срабатывали, если кто-то открывал шкатулку, передвигал ее или едва дотрагивался до нее тончайшей нитью Единой Силы.

Кадсуане откинула крышку. Крайние меры предосторожности были необходимы, поскольку внутри этой шкатулки находились две вещи, которые представляли серьезную угрозу.

Сориля подошла и заглянула внутрь, разглядывая содержимое. Один из предметов был фигуркой мудрого бородатого мужчины,

высотой примерно в фут, держащего над головой сферу. Вторым был черный металлический ошейник и два браслета: *ай'дам*, созданный для мужчины. С этим *тер'ангриалом* женщина могла превратить мужчину, способного направлять, в своего раба, контролируя его способность касаться Единой Силы. Возможно, контролируя его целиком и полностью. Они не испытывали ошейник. Ал'Тор запретил это.

Сориля тихонько присвистнула, игнорируя статуэтку и сосредоточив внимание на ошейнике и браслетах.

– Эта вещь – зло.

– Да, – ответила Кадсуане. В редких случаях она бы назвала

простой предмет «злом», но этот был именно таков.

– Найнив ал’Мира заявляет, что немного знакома с этой вещью. Однако я была не в состоянии выжать из девчонки, *откуда* она знает про эти штуковины; она утверждает, что существовал только один мужской *ай’дам*, и она убеждена, что он покоится в океане. Впрочем, она также признает, что сама лично не видела, как тот был уничтожен. Он мог быть использован Шончан как образец.

– Тревожно видеть такое, – сказала Сорилея. – Если один из Предавшихся Тени или даже кто-то из Шончан поймает его этим...

– Свет, сохрани нас всех, – прошептала Бэйр.

– И люди, владеющие этим – это те же люди, с которыми ал’Тор желает мира? – Сорилея покачала головой. – Одно только создание этой мерзости должно гарантировать кровную вражду. Я слышала, что были и другие. Что о них известно?

– Хранятся в другом месте, – ответила Кадсуане, опуская крышку. – Вместе с женскими *ай’дамами*, которые мы забрали. Кое-какие мои знакомые – Айз Седай, удалившиеся от мирских дел – испытывают их, ищут их слабые места. – *Калландор* также был у них. Кадсуане не желала выпускать его из виду, но

чувствовала, что меч все еще хранил секреты, которые из него можно было вытащить.

— Этот я храню здесь, потому что собираюсь найти возможность опробовать его на мужчине, — сказала она. — Это будет лучший способ выяснить слабые места этой вещи. Однако ал'Тор не позволит надеть этот поводок на кого-нибудь из своих Аша'манов. Даже на кратчайшее время.

Бэйр почувствовала себя неуютно.

— Как если бы проверить прочность копья, пронзив им кого-нибудь, — пробормотала она.

Тем не менее, Сориля кивнула

соглашаясь. Она понимала.

Первое, что сделала Кадсуане после того, как заполучила женские *ай'дамы* – это надела один из них и искала способ избавиться от него. Конечно, она это сделала при тщательно контролируемых обстоятельствах, с женщинами, которые, она знала, помогут ей освободиться. В конечном счете им пришлось это сделать. Кадсуане обнаружила, что не в состоянии освободиться самостоятельно.

Но если твой враг планирует что-то с тобой сделать, ты должен знать, как противостоять этому. Даже если это значит, что ты обязан посадить себя на поводок. Ал'Тор

этого не понимал. Когда она спросила, он попросту начал бормотать об «этом проклятом сундуке» и избиении.

— Мы должны что-то делать с этим мужчиной, — сказала Сориля, встретив взгляд Кадсуане. — Он стал еще хуже с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Да, — ответила Кадсуане. — Он удивительно преуспел в уклонении от моего обучения.

— Тогда давай обсудим, — сказала Сориля, пододвигая табурет. — Должен быть разработан план. Для всеобщего блага.

— Для всеобщего блага, — согласилась Кадсуане. — И более

всего для блага самого ал'Тора.

Глава 15. Начало положено

Ранд очнулся на полу в коридоре. Он сел, вслушиваясь в отдаленное журчание воды. Ручей возле поместья? Нет... не похоже. Стены и пол в этом месте были каменными, а не деревянными. Под каменным сводом не было ни свечей, ни светильников, свет был словно

рассеян в воздухе.

Ранд поднялся и разгладил свой красный кафтан. Он чувствовал себя на удивление спокойно. Это место откуда-то было ему знакомо, но воспоминания о нем были сокрыты в отдаленных закоулках памяти. Как он сюда попал? События недавнего прошлого были покрыты мглой и, казалось, ускользали от него, как следы утреннего тумана...

«*Хватит!*» – твердо сказал себе Ранд. Воспоминания подчинились ему, спасовав перед его решимостью, и вернулись на свои места. До того, как попасть сюда, он находился в доманийском поместье, ожидая доклада Руарка о захвате первых

членов Совета Торговцев. Мин, сидя на широком зеленом кресле, читала биографию «Каждый Замок».

Ранд чувствовал себя утомленным, но в последнее время для него это было привычно. Он собирался прилечь. Значит, он спит. Быть может, это Мир Снов? Хотя Ранду и случалось посещать его, он знал о нем слишком мало. Эгвейн и айильские Ходящие по Снам всегда были очень сдержаны.

Это место не было похоже на Мир Снов, и в то же время было до боли знакомым. Ранд посмотрел вглубь коридора; тот был настолько длинным, что его конец терялся в тених. Вдоль стен располагались

двери, разошедшиеся и
потрескавшиеся от времени. «Да», —
подумал Ранд, цепляясь за
воспоминание. — *«Я уже был здесь,
но очень давно».*

Он выбрал одну из дверей наугад
— он знал, что выбор не имеет
значения — и, толкнув, открыл. По ту
сторону двери оказалась небольшая
комната. Дальняя её стена
представляла собой ряд серых
каменных арок, сквозь которые
виднелся маленький дворик и небо с
пылающими багряными облаками.
Облака вырастали и разлетались друг
от друга, как пузыри в кипящей воде.
Это были грозовые облака,
неестественные, но оттого не менее

реальные.

Приглядевшись внимательнее, Ранд заметил, что каждое облако имело вид искаженного мукой лица, чей рот был открыт в беззвучном крике. По мере того, как облако разбухало, увеличивалось в размерах, лицо искажалось, челюсти сводило судорогой, щеки перекашивались, а глаза будто вылезали из орбит. Затем оно разделялось на части, и на его поверхности вспучивались другие лица, вопящие и безумные. Это зрелище было одновременно захватывающим и ужасным.

За пределами дворика не было земли. Только это жуткое небо.

Ранду не хотелось смотреть в

левую часть комнаты. Там находился камин. Камни, из которых были сделаны пол, очаг и колонны, были деформированы, словно они оплавилась под действием страшного жара. Ему померещилось, что на границе поля зрения они продолжают двигаться и меняться. Углы и пропорции комнаты были неправильными. Точно такими же они были и тогда, когда он пришел сюда впервые, давным-давно.

И все же, в этот раз что-то было не так. Что-то с цветами. Многие камни были черными, будто обугленными, их испещряли трещины. Изнутри они тускло светились красным, словно в каждом

из них было ядро из раскаленной лавы. Кажется, раньше в комнате находился стол – отполированный, хорошего дерева. Его обыденность резала глаз на фоне перекошенных камней.

Стола не оказалось, но перед камином, обращенные к пламени, стояли два кресла с высокими, скрывавшими сидевших, спинками. Ранд заставил себя пойти вперед, стуча каблуками по обугленным плитам. Он не чувствовал от камней или огня никакого тепла. Когда он приблизился к креслам, у него перехватило дыхание, и сильнее забилося сердце. Он боялся того, что мог встретить.

Ранд обошел вокруг. В кресле слева сидел мужчина. Он был молодым и высоким, с квадратным лицом и мудрыми голубыми глазами, в которых отражалось пламя камина, окрашивавшее их радужку в пурпурный цвет. Второе кресло было свободно. Ранд подошел к нему и сел, стараясь успокоить сердцебиение и наблюдая за пляшущим пламенем. Он видел этого человека в видениях, вроде тех, что являлись ему, когда он думал о Мэте или Перрине.

На этот раз при мысли о друзьях цвета в его голове не появились. Это было странно, но почему-то не показалось Ранду неожиданным. Видения, в которых появлялся

человек, сидевший рядом на стуле, отличались от тех, в которых фигурировали Перрин и Мэт. Они были более четкими, какими-то более реальными. Иногда во время этих видений Ранду казалось, что он мог бы протянуть руку и дотронуться до этого человека. И боялся того, что могло произойти в этом случае.

Он встречался с этим человеком лишь однажды. В Шадар Логоте. Тогда незнакомец спас ему жизнь, и Ранд не раз ломал себе голову над тем, кто же это мог быть. Сейчас, в этом месте, он наконец это понял.

— Ты мертв, — прошептал Ранд. — Я убил тебя.

Мужчина рассмеялся, не

отрывая взгляда от огня. Это был низкий, грубый смех, в котором не чувствовалось искренней радости. Когда-то Ранд знал этого человека под именем Ба'алзамон — что было одним из имен Темного — и наивно полагал, что, убив его, навсегда поверг Тень.

— Я видел, как ты погиб, — произнес Ранд. — Я вонзил в твою грудь *Калландор*, Иша...

— Это не мое имя, — оборвал его мужчина, продолжая смотреть в огонь. — Теперь меня зовут Мюридин.

— Имя не имеет значения, — гневно ответил Ранд. — Ты мертв, а это всего лишь сон.

— Всего лишь сон, — сказал

Моридин, посмеиваясь. – Конечно.

Он был одет в черную куртку и штаны, черный цвет разнообразила лишь красная вышивка на рукавах.

Моридин наконец взглянул на Ранда. Пламя отбрасывало ярко-красные и оранжевые отблески на его угловатое лицо и немигающие глаза.

– Что ты заладил одно и то же? Всего лишь сон. А знаешь ли ты, что многие сны куда правдивее, чем реальный мир?

– Ты мертв, – упрямо повторил Ранд.

– Как и ты. Знаешь, я видел, как *ты* умер, устроив светопреставление и взгромоздив целую гору, чтобы

отметить свою могилу. Как заносчиво!

Льюс Тэрин – после того, как осознал, что убил всех, кто был ему дорог – зачерпнул слишком много Единой Силы и уничтожил себя, в результате чего возникла Драконова Гора. Воспоминания об этом всегда вызывали в сознании Ранда стоны горя и гнева.

Но в этот раз он ничего не услышал.

Моридин отвернулся и стал смотреть на пламя, не дававшее тепла. В стороне, среди камней камина, Ранду почудилось какое-то движение – мерцающие частички тени, едва заметные в трещинах

камней. Внутри камни были раскалены докрасна, будто плавилась, а эти тени неистово двигались. Ранду едва слышалось слабое царапанье. Крысы, понял Ранд. За камнями были крысы, которых уничтожал ужасный жар, сдерживаемый пределами комнаты. Их когти скреблись о камни, протискиваясь сквозь трещины, словно в попытках избежать сожжения.

Некоторые из этих крошечных лапок были похожи на человеческие. *«Всего лишь сон»*, – старался убедить себя Ранд. Всего лишь сон. Но он знал, что Моридин говорил правду. Враг Ранда был все еще жив. Свет!

Сколько других тоже вернулось к жизни подобным образом? Он с яростью сжал подлокотник стула. Возможно, он должен был испугаться, но он уже давно прекратил убегать от этого создания и его повелителя. В сердце Ранда не было места страху. На самом деле, это Моридин должен был испытывать страх, ведь при их последней встрече Ранд убил его.

— Как? — спросил Ранд.

— Давным-давно я обещал тебе, что Великий Повелитель воскресит твою потерянную любовь. Так неужели же ты думаешь, что он не сможет сделать этого с теми, кто ему служит?

Другим именем Темного было Повелитель Могил. Да, это было правдой, как бы Ранду ни хотелось это отрицать. Ему не стоило удивляться, что его враги возвращаются, раз Темный мог воскрешать мертвых.

— Все мы перерождаемся, — продолжил Моридин, — вплетаемые в Узор снова и снова. Смерть — не преграда для моего повелителя, за исключением тех, кто столкнулся с погибельным огнем. Они вне его власти. Удивительно, что мы можем о них помнить.

Значит, некоторые из них и впрямь были *мертвы*. Погибельный огонь — вот ключ к успеху. Но как

Моридин проникал в сны Ранда? Каждую ночь Ранд устанавливал стражей. Бросив взгляд на Моридина, он заметил нечто странное в его глазах. Маленькие черные пятнышки проплывали в белках глаз, двигаясь взад и вперед, словно частички пепла, гонимые слабым ветерком.

— Знаешь, Великий Повелитель может исцелить твое безумие — проговорил Моридин.

— Твоя последняя попытка вернуть мне рассудок была не очень приятна, — сказал Ранд, удивившись произнесенным словам. Это были воспоминания Льюса Тэрина, а не его собственные. А ведь Льюс Тэрин покинул его сознание. Странно, но

здесь, где все было таким изменчивым, Ранд почему-то чувствовал себя более постоянным. Словно кусочки его личности были лучше подогнаны друг к другу. Не идеально, конечно, но прочнее, чем в недавнем прошлом.

Моридин приглушенно фыркнул, но ничего не сказал. Ранд отвернулся и стал следить за тем, как переплетаются и дрожат язычки пламени. Они складывались в образы, как облака, однако в данном случае это были безголовые тела, тощие, с изогнутыми от муки спинами, мгновение корчившиеся в огненных конвульсиях, затем вспыхивавшие и обращавшиеся в

ничто.

Некоторое время Ранд, задумавшись, смотрел на огонь. Могло показаться, что они были двумя старыми друзьями, наслаждавшимися теплом у камина в зимние холода. Однако пламя не давало тепла, а Ранд когда-нибудь снова убьет этого человека. Или погибнет от его руки.

Моридин постучал пальцами по своему креслу.

— Зачем ты пришел?

«*Я пришел?*» — подумал Ранд в замешательстве. Разве не Моридин вызвал его сюда?

— Я так устал, — продолжил Моридин, закрывая глаза. — Это ты

или это я? Я готов задушить Семираг за то, что она сделала.

Ранд нахмурился. Был ли Моридин сумасшедшим? Ишамаэль перед смертью казался абсолютно безумным.

— Сейчас нам не время сражаться, — сказал Моридин, махнув рукой в сторону Ранда. — Уходи. Оставь меня в покое. Я не знаю, что произойдет с нами, если мы убьем друг друга. Великий Повелитель скоро получит тебя. Его победа несомненна.

— Он уже терпел поражение и проиграет вновь, — ответил Ранд. — Я *повергну* его.

Моридин рассмеялся вновь, его

смех был так же бездушен, как и ранее.

– Возможно, тебе это удастся, – сказал он. – Считаешь, это имеет значение? Подумай – Колесо вращается вновь и вновь. Сменяются эпохи, а люди все сражаются с Великим Повелителем. Но однажды он победит, и когда это случится, Колесо остановится.

Вот почему я не сомневаюсь в его победе. Думаю, это произойдет в этой Эпохе, но если нет, значит, в другой. Твоя победа лишь приведет к новой битве. Его победа будет означать конец всему. Разве ты не видишь, что твое дело обречено?

– Поэтому ты принял его

сторону? – спросил Ранд. – У тебя всегда было слишком много идей, Элан. Разве не собственная логика тебя же и погубила?

– Нет пути, ведущего к победе, – сказал Моридин. – И потому единственный верный путь – следовать за Великим Повелителем и править до тех пор, пока не настанет конец всему. Глупцы те, кто этого не понимают. Они хотят получить в награду вечную жизнь, но никакой вечности не будет. Только настоящее, самые последние дни.

Он опять рассмеялся, на этот раз с наслаждением. Истинным наслаждением. Ранд поднялся на ноги. Моридин взглянул на него с

опаской, но остался сидеть.

— Путь, ведущий к победе, *существует*, Моридин, — сказал Ранд. — Нужно убить его. Уничтожить Темного. Дать возможность Колесу вращаться, не испытывая его постоянного порочного влияния.

Моридин никак не отреагировал. Он все еще вглядывался в огонь.

— Мы связаны, — наконец произнес Моридин. — Полагаю, именно поэтому ты попал сюда, хотя я и сам не понимаю природу нашей связи. Сомневаюсь, что тебе удастся осознать, насколько глупым является твое утверждение.

Ранд ощутил вспышку ярости,

но подавил ее. Он не позволит себя спровоцировать.

– Это мы еще посмотрим.

Он потянулся к Источнику. Тот был далеко, очень далеко. Ранд коснулся Источника и почувствовал, как его, словно притянутого *саидин*, выдергивает из этого места. Комната исчезла, также как и Единая Сила, и Ранд попал в непроглядную тьму.

* * *

Ранд наконец перестал метаться во сне, и Мин задержала дыхание в

надежде, что этого больше не повторится. Подобрав под себя ноги и закутавшись в шерстяное одеяло, она сидела в кресле в углу комнаты, как всегда делала, когда читала книги. Мерцавший свет крохотной лампы, плясавший на соседнем столике, освещал стопку ветхих книг. «Осыпающаяся глина», «Заметки и Замечания», «Памятники Прошлого». В основном это были сочинения по истории.

Ранд тихо вздохнул, но не проснулся. Мин перевела дыхание и откинулась на спинку кресла, отметив пальцем место, на котором остановилась в «Думах» Пилатеоса. Хотя ставни были закрыты на ночь,

ей слышался легкий шум ветра в сосновой хвое. В комнате чувствовался едва заметный запах дыма. Благодаря находчивости Авиенды возможная катастрофа причинила лишь небольшое беспокойство. Хотя ее за это не наградили. Хранительницы Мудрости продолжали нагружать ее работой, как купец своего единственного мула.

Несмотря на то, что уже некоторое время они находились в одном лагере, Мин не удавалось приблизиться к Авиенде, чтобы побеседовать по душам. Она не знала, что и думать об этой женщине. Им удалось немного сгладить

возникшую напряженность — за *оосквай*, тем самым вечером. Но за один день невозможно стать друзьями, и ей определенно было не по себе от сложившейся ситуации.

Мин снова посмотрела на Ранда, лежавшего на спине с закрытыми глазами. Наконец-то он начал дышать ровно. Его левая рука лежала поверх покрывала, выставляя напоказ культю. Мин не понимала, как он ухитрялся спать с этими ранами в боку. Всякий раз, когда она думала о них, она испытывала боль, которая была частью скрученного клубка эмоций Ранда где-то внутри ее сознания. Она научилась не замечать боль. Ей пришлось. Ему было гораздо

труднее. Она не понимала, как он мог выносить эти муки.

Хвала Свету, она не была Айз Седай, но каким-то образом она была с ним связана. Это было удивительно: она знала, где он находится сейчас, знала, когда ему плохо. Ей удавалось сдерживать эмоции Ранда, не поддаваться им, кроме тех моментов, когда они были в плену страсти. Но какой женщине не хотелось бы отдаться страсти в такие моменты? Это был чрезвычайно... волнующий опыт — иметь связь, позволявшую одновременно чувствовать собственное влечение и ту неистовую огненную бурю, которая передавала,

как сильно Ранд желал ее.

Эти мысли заставили ее покраснеть и, чтобы отвлечься, она придвинула к себе томик «Дум». Ранд нуждался во сне, и она не хотела ему мешать. Да и потом, необходимо было продолжить изучение, хотя Мин и пришлось столкнуться с умозаключениями, которые не пришлись ей по вкусу.

Все эти книги раньше принадлежали Гериду Филу, милому старому ученому, присоединившемуся к школе Ранда в Кайриэне. Мин улыбнулась, вспомнив его рассеянную манеру говорить и запутанные, но оттого не менее блестящие рассуждения.

Сейчас же Герид Фил был мертв, убит, разорван на части Отродьем Тени. Он отыскал что-то в этих книгах, что-то, о чем собирался сообщить Ранду. Что-то о Последней Битве и печатях на Узилище Темного. Фила убили до того, как он успел передать эти сведения. Возможно, это было случайностью; быть может, эти книги не были связаны с его смертью. Но, может, причина была именно в них. Мин твердо решила найти ответы. Ради Ранда и ради самого Герида.

Она отложила «Думы» и взяла в руки «Размышления Среди Развалин», труд, чей возраст превышал тысячу лет. Она заложила

место в книге тонкой полоской бумаги, той самой запиской, ныне сильно истертой, которую Герид послал Ранду незадолго до смерти. Мин повертела ее в своих пальцах, в который раз перечитывая короткий текст.

«Вера и порядок дают силу. Не начинай строить, не расчистив площадку. Придешь в следующий раз – все объясню. Девчонку не приводи, уж больно хорошенькая».

Она выяснила, что после прочтения этих книг она стала понимать его образ мышления. Ранду нужна была информация о том, как запечатать Узилище Темного. Нашел ли Фил то же самое, что, как ей

казалось, нашла она сама?

Она покачала головой. Чем *она* занималась, пытаясь решить научную загадку? Но кто мог заменить ее? Для этого куда больше подошла бы сестра из Коричневой Айя, но кому из них можно доверять? Даже те, кто принесли клятву Ранду, могли решить, что в его же интересах будет лучше, если они будут держать свои открытия в тайне от него. Сам Ранд был слишком занят, к тому же в последнее время он был слишком взвинчен, чтобы читать книги. Поэтому оставалась только Мин. Она начала по кусочкам воссоздавать то, что ему предстоит сделать, но многое — очень многое — еще было неясно.

Она чувствовала, что приближается к разгадке, но беспокоилась о том, как открыть это Ранду. Как он это воспримет?

Мин вздохнула, просматривая книгу. Она никогда бы не подумала, что именно она, из всех женщин в мире, будет сходиться с ума по какому-то мужчине. И вот, пожалуйста: она следует за ним повсюду, ставя его интересы выше своих собственных. Однако это не значило, что она была его домашней зверушкой, что бы там не говорили некоторые люди в лагере. Она сопровождала Ранда потому, что любила его, и знала — действительно знала — что это чувство взаимно. Несмотря на

суровость, которая все больше искажала его личность, несмотря на гнев и безрадостность его жизни, он любил ее. И потому она делала все что возможно, чтобы ему помочь.

Если бы ей удалось поспособствовать решению этого единственного вопроса, вопроса о том, как заточить Темного в Узилище, она достигла бы чего-то не только для Ранда, но и для всего мира. Не все ли равно, что солдаты в лагере ничего не знали о том, насколько она важна? Возможно, так даже лучше, что все считали, что она бесполезна. Убийца, который захочет напасть на Ранда, должен считать, что Мин не представляет опасности.

Тогда-то он и познакомится с ножами, спрятанными в ее рукавах. Она не так хорошо обращалась с ножами, как Том Меррилин, но вполне достаточно, чтобы убить.

Ранд заворочался во сне, но потом успокоился. Она любила его. Не она сделала этот выбор, но ее сердце – или Узор, или Создатель, или что там управляло этими вещами – решили все за нее. Теперь же она не изменила бы свои чувства, даже появись у нее такая возможность. Даже если это означало жить в постоянной опасности, даже если это означало терпеть взгляды мужчин в лагере, даже если это означало... делить его с другими.

Ранд снова пошевелился. На этот раз он застонал и открыл глаза, сев на кровати. Он поднял руку к голове; почему-то сейчас он выглядел усталым сильнее, чем когда ложился спать. На нем было лишь нижнее белье, его грудь была обнажена. Некоторое время он сидел в таком положении, затем поднялся на ноги и подошел к закрытому ставнями окну.

Захлопнув книгу, Мин спросила:

— Что это ты делаешь, овечий пастух? Ты проспал всего пару часов!

Он открыл ставни и окно; снаружи стояла темная ночь. Поток воздуха ворвался в комнату, задрожало пламя лампы.

— Ранд? — спросила Мин.

Она с трудом расслышала его ответ.

– Он внутри моей головы. Во сне его не было, но сейчас он снова там.

Мин подавила желание откинуться на спинку кресла. Свет, она не желала слушать о безумии Ранда. Она надеялась, что, исцелив *саидин* от порчи Темного, он освободится от этого проклятия.

– Он? – спросила Мин, стараясь говорить спокойно. – Голос... Льюса Тэрина?

Он повернулся; за его спиной было ночное небо, покрытое тучами, в неровном свете было трудно определить выражение его лица.

– Ранд, – сказала Мин и,

отложив книгу в сторону, встала рядом с ним около окна. – Тебе нужно с кем-то поговорить. Нельзя все держать внутри себя.

– Я должен быть сильным.

Она потянула его за руку, повернув лицом к себе.

– Избегая меня, ты становишься сильнее?

– Я не...

– Не отрицай этого. Что-то происходит там, за твоими айильскими глазами. Ранд, неужели ты думаешь, что я перестану любить тебя из-за того, что ты слышишь?

– Ты испугаешься.

– О, – сказала Мин, сложив руки на груди. – Значит я хрупкий цветок,

ты так считаешь?

Он открыл было рот, пытаясь подобрать слова, как уже делал когда-то раньше, в прошлом, когда был пастухом, для которого все это было лишь приключением.

— Мин, я знаю, что ты сильная. Правда, знаю.

— Тогда поверь, что я достаточно сильна, чтобы принять то, что находится внутри тебя, — сказала Мин. — Мы больше не можем притворяться, будто ничего не происходит. — Она подалась вперед. — Порча оставила в тебе свой отпечаток. Я знаю, что это так. Но если ты не поделишься этим со мной, к кому еще ты можешь

обратиться?

Взъерошив рукой свои волосы, он отвернулся и начал ходить по комнате.

— Чтоб все сгорело, Мин! Если врагам станут известны мои слабости, они их используют. Я чувствую себя слепым, бегущим в темноте по незнакомой дороге. Я даже не знаю, есть ли на пути ямы, и не закончится ли эта проклятая штука обрывом!

Останавливая Ранда, Мин взяла его за руку.

— Поделись со мной.

— Ты решишь, что я чокнутый.

Она фыркнула.

— Я и так думаю, что ты

шерстеголовый болван. Что может быть хуже?

Ранд внимательно посмотрел на нее и немного расслабился. Тихо вздохнув, он присел на краешек кровати. Одно это уже было успехом.

– Семираг была права, – сказал Ранд. – Я слышу... нечто. Голос. Голос Льюса Тэрина, Дракона. Он разговаривает со мной и реагирует на окружающий мир. Временами он даже пытается перехватить у меня *саидин*. И... иногда ему удастся это сделать. Он необуздан, Мин. Безумен. Но то, что он вытворяет с Единой Силой, поразительно.

Ранд отрешенно смотрел в пространство. Мин вздрогнула. Свет!

Он разрешал голосу в его голове прикасаться к Единой Силе? Что это значит? Что он позволяет безумию взять над собой верх?

Он покачал головой.

– Семираг утверждает, что это просто умопомешательство, причуды моего сознания, но Льюс Тэрин знает такие вещи, которых не знаю я. О прошлом, о Единой Силе. У тебя было видение обо мне, в котором два мужчины слились в одном. Это означает, что мы – Льюс Тэрин и я – различны! Два человека, Мин. Он *реален*.

Мин обошла его и села напротив.

– Ранд, он – это *ты*. Или ты –

это он. Вновь вплетенный в Узор. Эти воспоминания и вещи, которые ты можешь делать — все это остатки того, кем ты был ранее.

— Нет, — сказал Ранд. — Мин, он безумен, но я-то нет. Кроме того, он потерпел неудачу. Но не я. Со мной этого не случится, Мин. В отличие от него я не причиню боль тем, кого люблю. А когда я нанесу поражение Темному, я не оставлю ему возможности вернуться чуть позже и вновь вселять в нас страх.

Три тысячи лет — это «чуть позже»? Она обвила его руками.

— Разве это имеет значение? — спросила Мин. — Скрывается ли в твоей голове другая личность, или

это всего лишь воспоминания из прошлого — информация полезна в любом случае.

— Да, — сказал Ранд, его взгляд вновь стал отсутствующим. — Но я боюсь использовать Единую Силу. Ведь всякий раз, когда я делаю это, *он* может захватить контроль. Ему нельзя верить. Он не хотел убивать ее, но он все же сделал это. О, Свет... Илиена...

Может, со всеми это случилось именно так? Быть может, каждый из них полагал, что находится в своем уме, и что существует *другой* человек внутри них, который и совершает ужасные вещи?

— Все закончилось, Ранд, —

произнесла Мин, прижавшись к нему. — Чем бы ни был этот голос, ничего худшего уже не случится. *Саидин* очищена.

Ранд ничего не ответил, но расслабился. Мин закрыла глаза, наслаждаясь ощущением его тепла — в комнате стало холодно, потому что Ранд оставил окно открытым.

— Ишамаэль жив, — сказал Ранд.

Она резко открыла глаза.

— Что?

А ведь она только почувствовала себя лучше!

— Я посетил его в Море Снов, — ответил Ранд. — Знаю, что ты хочешь спросить, но нет. Это не было кошмаром или приступом безумия.

Это было на самом деле, и я не могу объяснить, откуда я это знаю. Ты просто должна мне поверить.

– Ишамаэль, – прошептала Мин.
– Ты ведь убил его!

– Да, – сказал Ранд. – В Твердыне Тира. Он вернулся, и, хоть теперь у него новая личина и другое имя, это он. Нам следовало догадаться, что это случится. Темный не откажется без борьбы от таких полезных инструментов. Он может вытаскивать их из могилы.

– Тогда как же нам выиграть? Если все, кого мы убиваем, возрождаются вновь...

– Погибельный огонь, – ответил Ранд. – Он уничтожит их навеки.

– Но Кадсуане сказала...

– Меня *не волнует*, что сказала Кадсуане, – огрызнулся Ранд. – Она мой советник, и ее дело – советовать. Ничего больше. Я Дракон Возрожденный, и я *сам* буду решать, как мне сражаться.

Он сделал паузу, переводя дыхание.

– В любом случае, неважно, что Отрекшиеся возвращаются, неважно, кого или что еще натравит на нас Темный. В конце концов, я уничтожу его, если смогу. Если нет, я, по крайней мере, запечатаю его Узилище так плотно, что мир сможет о нем забыть.

Он взглянул на нее.

– Для этого... Мне нужен голос, Мин. Льюс Тэрин знает многое. Или... Или я это знаю. Не знаю, откуда они взялись, но эти знания находятся в моей голове. В некотором смысле порча Темного уничтожит его самого, потому что из-за нее у меня установилась связь с Льюсом Тэрином.

Мин бросила взгляд на книги. Тонкая полоска бумаги Герида Фила выглядывала из «Размышлений Среди Развалин».

– Ранд, – сказала она. – Ты должен уничтожить печати узилища Темного.

Нахмурившись, он посмотрел на нее.

– Я не сомневаюсь в этом, – продолжила Мин. – Все это время я читала книги Герида Филадельфа, и я думаю, что именно это он подразумевал под «расчисткой площадки». Для того, чтобы построить новое узилище для Темного, ты прежде должен открыть старое. Нужно избавиться от заплатки, закрывающей Скважину.

Она ожидала, что Ранд отнесется к этому скептически. К ее удивлению, он всего лишь кивнул.

– Да, – сказал Ранд. – Да, это звучит правильно. Сомневаюсь, что люди будут рады это услышать. Неизвестно, что произойдет, если сломать печати. Если мне не удастся

сдержать его...

В пророчествах ничего не говорилось о победе Ранда. Только о том, что он будет сражаться. Мин вновь задрожала – проклятое окно! – но ощутила на себе пристальный взгляд Ранда.

– У тебя получится. Ты одержишь над ним победу!

Ранд вздохнул.

– Ты веришь в безумца, Мин?

– Верю в тебя, пастух.

Внезапно вокруг его головы закружились образы. Обычно она старалась не замечать их, если только они не были новыми, но на этот раз она обратила на них внимание. Светлячки, гаснущие в

темноте. Три женщины у погребального костра. Вспышки света, тьма, тень, предвестие смерти, короны, раны, боль и надежда. Вокруг Ранда ал'Тора бушевала целая буря образов, неистовей, чем любой природный катаклизм.

– Мы до сих пор не знаем, что делать, – сказал он. – Печати настолько хрупки, что я могу сломать их своими руками, но что дальше? *Как* мне его остановить? В твоих книгах есть что-нибудь об этом?

– Сложно сказать, – призналась Мин. – Ключи к разгадке – если они и впрямь там есть – слишком туманны. Я не перестану искать. Обещаю. Я найду для тебя ответы.

Он кивнул, и Мин с удивлением почувствовала через узы его веру. В последнее время она крайне редко ощущала эти его эмоции, но ей казалось, что он стал мягче, чем в последние дни. Все тот же камень, но с парой трещинок, позволивших ей проникнуть внутрь. Это было уже что-то.

Она обняла его и снова закрыла глаза. Начало было положено, но осталось так мало времени. Придется обойтись тем, что есть.

* * *

Тщательно прикрывая рукой пламя свечи, Авиенда зажгла укрепленный на шесте фонарь. Его мерцающее пламя освещало окружающую лужайку. Из палаток доносился храп спящих солдат. Вечер был холодным, воздух — свежим и чистым, вдали был слышен шум ветра в ветвях деревьев. Раздавался одинокий крик совы. Авиенда была измучена.

Она пересекала поляну уже раз пятьдесят, зажигая фонарь, затем задувая его и бегом отправляясь к особняку, чтобы зажечь свечу, а потом осторожно — не давая ее пламени потухнуть — возвращалась

назад, чтобы снова зажечь фонарь.

Еще месяц подобных наказаний, и, вполне возможно, она станет такой же сумасшедшей, как мокроземцы.

Хранительницы Мудрости проснутся однажды утром и увидят ее, направляющуюся к речке, чтобы поплавать, или несущую полупустой бурдюк с водой, или даже скачущую верхом на лошади — просто для удовольствия! Она вздохнула, слишком уставшая, чтобы думать о чем-то ином, и повернула к лагерю Айил, желая наконец лечь спать.

Кто-то стоял позади нее.

Она вздрогнула, потянулась к кинжалу, но расслабилась, узнав

Эмис. Из всех Хранительниц Мудрости лишь она одна – бывшая Дева Копья – могла незаметно подкрасться к Авиенде.

Хранительница Мудрости стояла, сложив руки на груди, ее коричневая шаль и юбка слабо колыхались на ветру. Кожу Авиенды покалывало от ледяного ветра. Серебристые волосы Эмис казались призрачными в вечернем свете; в них застряла принесенная ветром сосновая иголка.

– Ты подходишь к своим наказаниям так... самоотверженно, дитя, – сказала Эмис.

Авиенда опустила взгляд. Обращая внимание на ее действия,

Эмис ее позорила. Разве она не уложилась в срок? Или же Хранительницы Мудрости наконец махнули на нее рукой?

— Пожалуйста, Хранительница Мудрости. Я делаю лишь то, чего требует от меня долг.

— Да, это так, — сказала Эмис. Подняв руки, она провела ими по волосам, обнаружила сосновую иголку и скинула ее на пожухлую траву. — Но в то же время это не так. Иногда, Авиенда, мы бываем настолько озабочены совершенными поступками, что не останавливаемся подумать о том, чего не сделали.

Авиенда была благодарна темноте, скрывшей позорный

румянец стыда, заливший ее щеки. В отдалении солдат, отмечая время, ударил в вечерний колокол; Авиенда услышала грустный тихий металлический перезвон, повторившийся одиннадцать раз. Как ей следовало отреагировать на замечание Эмис? Она не видела никакого подходящего ответа.

Авиенду спасла вспышка света на другом конце лагеря. Она была слабой, но хорошо заметной в темноте.

— В чем дело? — спросила Хранительница Мудрости, обернувшись, чтобы проследить за взглядом Авиенды.

— Свет, — сказала Авиенда. — С

площадки для Перемещений.

Эмис нахмурилась, и они обе двинулись по направлению к площадке. Вскоре они повстречали Дамера Флинна и Даврама Башира, идущих к лагерю в сопровождении небольшого отряда салдэйцев и Айил. Авиенда не знала, что и думать о таких, как Флинн. *Саудин* была очищена от порчи, но этот мужчина — как и многие другие — пришел сам, попросив учить его задолго до того, как это произошло. Авиенда скорее бросилась бы в объятия Затмевающего Зрение, чем поступила так, как он, но Аша'маны на деле доказали, что являются могущественным оружием.

Эмис и Авиенда присоединились к небольшой группе людей, спешивших к поместью Ранда, освещенному только дальними мигающими факелами и затянутым тучами небом. Хотя большую часть отряда, отправленного на встречу с Шончан, составляли воины Башира, среди них также было несколько Дев. Эмис пристально посмотрела на одну из них, пожилую женщину по имени Корана. Та замедлила шаг, и, хотя из-за темноты нельзя было сказать наверняка, она выглядела озабоченной, возможно даже рассерженной.

— Какие новости? — спросила

Эмис.

— Захватчики, эти Шончан, — Корана словно выплевывала каждое слово, — они согласились еще на одну встречу с *Кар'а'карном*.

Эмис кивнула. Корана, однако, громко фыркнула; ледяной ветер трепал ее короткие волосы.

— Говори, — сказала Эмис.

— Слишком на многое идет *Кар'а'карн* ради перемирия, — ответила Корана. — Эти Шончан дали ему все основания для объявления кровной мести, а он им потворствует. Я чувствую себя как сторожевая собака, которую заставили лизать ноги незнакомцу.

Эмис взглянула на Авиенду.

– Что скажешь, Авиенда?

– Сердцем я согласна с ее словами, Хранительница Мудрости. Но, хотя нередко *Кар'а'карн* поступает глупо, это не тот случай. Разумом я чувствую, что он прав, и в этот раз я следую разуму.

– Как ты можешь так говорить?

– возмутилась Корана. Она сделала ударение на слове «ты», намекая на то, что Авиенде – бывшей Деве Копья – должна была быть близка ее точка зрения.

– Скажи мне, Корана, что важнее, – ответила Авиенда, вздернув подбородок, – твоя личная неприязнь к другой Деве или вражда между твоим и чужим кланом?

– Конечно же, клан для меня на первом месте. Но при чем тут это?

– Шончан заслуживают того, чтобы сражаться с ними, – сказала Авиенда, – и ты права в том, что просить их о перемирии мучительно. Но ты забыла о том, что у нас есть более серьезный враг. Затмевающий Зрение враждебен всему человечеству, и потому наш долг – противостоять ему, а не разжигать внутренние междоусобицы.

Эмис кивнула.

– Шончан еще почувствуют, насколько остры наши копья. Но сейчас не время для этого.

Корана покачала головой.

– Хранительница Мудрости,

такие речи больше подобают мокроземцам. Какое мы имеем отношение к их пророчествам и сказкам? Долг Ранда ал'Тора как *Кар'а'карна* сильнее, чем его обязанности перед мокроземцами. Он *должен* привести нас к славе.

Эмис пронзила взглядом светловолосую Деву.

– Ты говоришь, как Шайдо.

Корана посмотрела прямо в глаза Эмис, но, не выдержав ее взгляда, поникла и отвернулась.

– Прости меня, Хранительница Мудрости, – произнесла она через некоторое время. – Я имею *тох*. Но ты должна знать, что в лагере Шончан находятся Айил.

– Что? – спросила Авиенда.

– Они были на привязи, – сказала Корана, – как их прирученные Айз Седай. Полагаю, что их продемонстрировали нам как трофеи. Среди них я узнала многих Шайдо.

Эмис тихо присвистнула. Держать Айил, неважно, Шайдо или нет, в качестве *дамани* было смертельным оскорблением. А Шончан еще и похвалялись своими пленниками. Она сжала свой кинжал.

– Что ты скажешь на этот раз? – Эмис взглянула на Авиенду.

Авиенда стиснула зубы.

– То же самое, Хранительница

Мудрости. Хотя я бы лучше отрезала себе язык, чем признала это.

Эмис кивнула, обернувшись к Коране.

— Не думай, что мы снесем это оскорбление, Корана. Мы *отомстим*. Лишь только окончится эта война, мы обрушим на Шончан град стрел, и они на собственной шкуре испытают остроту наших копий. Но это будет *потом*. Иди и поведай двум клановым вождям то, что сейчас рассказала мне.

Корана кивнула — она исполнит свой *тох* позже, когда останется наедине с Эмис — и покинула их. Дамер Флинн и его спутники уже дошли до поместья; решатся ли они

разбудить Ранда? Сейчас он спал, но Авиенде пришлось замаскировать узы прямо посреди исполнения вечернего наказания, чтобы избавиться от ощущения подсматривания. То, что передавалось ей тогда от Ранда, она предпочла бы испытать напрямую.

— Эти слова вызовут немало волнения среди копий, — произнесла Эмис задумчиво. — Последуют призывы к войне, от *Кар'а'карна* потребуют оставить его попытки решить дело миром.

— Останутся ли они с ним, когда он откажется? — спросила Авиенда.

— Конечно, — ответила Эмис. — Ведь они — Айил, — она посмотрела

на Авиенду. – У нас мало времени, дитя. Пора прекращать тебя баловать. С завтрашнего дня я придумаю для тебя более действенные наказания.

«Баловать меня?» – Авиенда уставилась в спину удалявшейся Эмис. – «Разве можно придумать что-то еще более бесполезное или унижительное?»

Но она давно знала, что не стоит недооценивать Эмис. Испустив тяжкий вздох, Авиенда побежала по направлению к своей палатке.

Глава 16. В Белой Башне

– Было бы любопытно узнать, что думает послушница. Скажи мне, Эгвейн ал'Вир, как бы поступила ты в этой ситуации?

Эгвейн оторвала взгляд от чаши со скорлупой. В одной руке её были

стальные щипцы, в другой – похожий на луковицу орех. Впервые одна из присутствовавших Айз Седай обратилась к ней лично. Она уже начинала думать, что время на визит к трём Белым сестрам окажется в очередной раз потраченным впустую.

Местом её сегодняшнего урока была маленькая лоджия на третьем этаже Белой Башни. Восседающие имели право на комнаты не только с нормальными окнами, но и с лоджией – необычно для простых сестер, но нельзя сказать, что неслыханно. Эта лоджия имела форму крохотной башенки, с крепкой каменной стеной, вроде бортика, оббегающего выступ по дуге, и второго

точно такого же, нависающего с потолка. Между ними было достаточно места, и открывался довольно красивый вид на восток, на холмы, поднимающиеся к Кинжалу Убийцы Родичей, который можно было разглядеть вдалеке в ясный день.

Лоджию продувал прохладный ветерок, на такой высоте он был свежим, не испорченным вонью находящегося внизу города. По паре изогнутых лиан-колючек — с листьями в форме трезубцев и с цепкими плетями — росло по бокам лоджии; их ползучие усы заполнили всю внутреннюю кладку, сделав её похожей на заброшенные в дремучем

лесу руины. Растения в покоех Белой оказались неожиданным для Эгвейн украшением, но было известно, что Феране немного тщеславна. Возможно, ей нравилось, что её лоджия выглядела так необычно, пусть протокол и требовал, чтобы она подстригала свои растения, чтобы те не портили блестящий внешний вид Башни.

Три Белых сестры расположились в плетёных креслах за низким столом. Эгвейн сидела перед ними на плетёной табуретке спиной к улице, не имея возможности любоваться пейзажем, и колола для них орехи. Для этого можно было вызвать сколько угодно

кухонной прислуги. Но сёстры всегда поручали такую работу тем послушницам, которые, как они считали, слишком много болтались без дела.

Сначала Эгвейн решила, что колка орехов была только предлогом. Час спустя, когда про нее, казалось, забыли, она начала в этом сомневаться, но теперь все трое смотрели на неё. Следует доверять своей интуиции.

У Феране, как у каждой доманийки, была медного оттенка кожа и доманийский же, несвойственный Белым, темперамент. Она была невысокой, с тёмными блестящими волосами, ее

лицо по форме напоминало яблоко. Её платье каштанового цвета было просвечивающим, но в рамках приличий, с широким белым поясом на талии, под цвет накинутой на плечи шали. На платье было довольно много вышивки, и ткань выдавала, возможно, преднамеренно, доманийское происхождение Сестры.

Остальные двое, Мийаси и Тезан, обе были одеты в белое, словно опасались, что платья другого цвета будут предательством их Айя. Подобная точка зрения становилась всё более распространённой среди Айз Седай. Тезан была тарабонкой; её тёмные волосы были заплетены в украшенные белым и золотым

бисером косички, которые обрамляли узкое лицо, выглядевшее так, будто его ухватили сверху и снизу и потянули. Она вечно выглядела обеспокоенной. Хотя, возможно, дело было в нынешних временах. Свет свидетель, у них у всех были серьёзные основания для беспокойства.

Мийаси была спокойней. На ее макушке был собран серо-стальной пучок волос. Её лицо Айз Седай не выдавало того преклонного возраста, на который указывали сильно поседевшие волосы. Она была высокой и пухлой и предпочитала тщательно очищенные орехи. Никаких осколков или

поврежденных ядрышек ореха, только целые половинки. Эгвейн аккуратно извлекла половинку ореха из только что расколотой скорлупы и отдала. Маленькое коричневое ядрышко было сморщено и усеяно бороздками, словно мозг крохотного животного.

— О чём именно ты спрашиваешь, Феране? — спросила Эгвейн, раскалывая следующий орех и выбрасывая скорлупу в ведро около ног.

Белая только немного нахмурилась, услышав непочтительное обращение Эгвейн. Они все постепенно привыкали к тому, что эта «послушница» редко

ведет себя подобающим образом.

– Я спросила,- холодно ответила Феране,- что бы ты предприняла, будь ты на месте Амерлин. Считай это частью своего обучения. Ты знаешь, что Дракон возродился, и ты знаешь, что Башня должна контролировать его в преддверии Последней Битвы. Как бы обращалась с ним ты?

Любопытный вопрос. Не очень-то он похож на «обучение». Но в тоне Феране также не было намёка и на недовольство Элайдой. Зато её голос был переполнен презрением к Эгвейн.

Другие две Белые молчали. Феране была Восседающей, и они

подчинялись ей.

«Она слышала, как часто я упоминаю провал Элайды с Рандом, – глядя в твёрдые чёрные глаза Феране, подумала Эгвейн. – Значит, это проверка?» Нужно быть очень аккуратной.

Эгвейн взяла очередной орех:

– Прежде всего, я бы направила группу сестёр в его родную деревню.

Феране приподняла бровь:

– Для того, чтобы запугать его семью?

– Конечно, нет,- сказала Эгвейн,- чтобы распросить их. Каков Дракон Возрождённый? Является ли он человеком настроения, человеком страсти? Или он спокойный

мужчина, аккуратный и предусмотрительный? Часто ли он проводил время в одиночестве в поле или легко заводил друзей среди молодёжи? Где бы вы с большей вероятностью встретили его — в таверне или в мастерской?

— Но ты и так его знаешь,- вставила Тезан.

— Я — знаю,- ответила Эгвейн, раскалывая орех,- Но мы говорим о гипотетической ситуации.

Хорошо бы вам не забывать, что в реальном мире я знаю Возрождённого Дракона. Так, как никто другой в Башне.

— Предположим, что ты — это ты,- сказала Феране,- И что он —

Ранд ал'Тор, твой друг детства.

— Замечательно.

— Скажи мне,- произнесла Феране, подавшись вперёд,- Какому из названных тобой типов людей больше всего соответствует Ранд ал'Тор?

Эгвейн поколебалась.

— Всем сразу,- сказала она, бросив разбитое на куски ядро в небольшую миску к другим таким же. Мийаси их есть не станет, но прочие не настолько щепетильны. — Если предположить, что я — это я, а Дракон — это Ранд, то я знаю его как разумного, хотя временами и слегка упрямого человека. Ну, может, большую часть времени. Важнее то,

что я знаю, что в глубине души он хороший. Поэтому следующим моим шагом было бы послать к нему Сестёр, чтобы предложить ему руководство.

— А если бы он не принял их? — поинтересовалась Феране.

— Тогда я послала бы шпионов,- ответила Эгвейн,- и наблюдала бы, не изменился ли он по сравнению с тем, которого я когда-то знала.

— И пока ты ждёшь и шпионишь, он будет вселять ужас в сельское население, принося опустошения и собирая армии под свои знамёна.

— Разве это не то, чего мы от него хотим? — спросила Эгвейн. — Я не верю, что ему могли помешать

взять Калландор, даже если бы мы этого захотели. Он восстановил порядок в Кайриэне, объединил под властью единого правителя Тир и Иллиан и, вероятно, также завоевал расположение Андора.

— Не говоря уже о покорении этих Айил,- сказала Мийаси, потянувшись за пригоршней орехов.

Эгвейн одарила её жёстким взглядом.

— Никто не может покорить Айил. Ранд завоевал их уважение. Я была с ним в то самое время.

Мийаси застыла с протянутой к миске, где находились очищенные орехи, рукой. Она встрепенулась, отведя взгляд от Эгвейн, схватила

миску и отклонилась обратно на спинку кресла. Через лоджию подул холодный ветер, зашелестев в листьях растений, которые, как пожаловалась Феране, этой весной росли хуже, чем обычно. Эгвейн вернулась к своим орехам.

– Похоже, ты просто позволишь ему сеять хаос, как ему вздумается, – отметила Феране.

– Ранд ал’Тор – как река, – сказала Эгвейн. – Спокойная и безмятежная, если ее не трогать, и неистовый смертельный поток, если нажать слишком сильно. То, что сделала с ним Элайда, равносильно попытке втиснуть Манетерендрелле в каньон два фута в ширину.

Выжидание с целью выяснить характер человека – не глупость и не слабость. Действие без информации – безумие, и Белая Башня заслужила бурю, которую сама вызвала.

– Возможно,- произнесла Феране,- но ты так и не ответила мне, как бы ты поступила, когда вся информация была бы собрана, и время ожиданий прошло. – Феране славилась своей вспыльчивостью, но сейчас её голос был холоден, как у любой Белой. С таким холодком говорят без эмоций, думая лишь о логике и не допуская посторонних влияний.

Не лучший подход к проблемам. Люди устроены гораздо сложнее –

они не набор правил или чисел. Иногда логика нужна, это верно, но порой нужны чувства.

Она не позволяла себе заикливаться на проблеме Ранда — нужно решать только одну задачу за раз. Но ей было что сказать на счет планов. Если не думать о том, что делать с Возрождённым Драконом, то в результате она окажется в столь же плачевном положении, что и Элайда.

Он изменился по сравнению с тем, которого Эгвейн когда-то знала. И, несмотря на это, основа личности в нём должна остаться прежней. Она видела его гнев, когда они вместе месяцами путешествовали по

Айильской пустыне. Он нечасто проявлялся в детстве, но теперь она понимала, что он, должно быть, скрывался внутри. Это была не внезапная вспыльчивость, просто в Двуречье его ничто не огорчало.

За месяцы совместного путешествия, он, казалось, с каждым шагом становился твёрже. На нём лежало чрезмерное бремя. Как иметь дело с подобным человеком? Она не имела понятия.

Но их беседа на самом деле была не о том, что делать с Рандом. Феране пыталась определить, что представляет собой Эгвейн.

— Ранд ал'Тор считает себя императором, — сказала Эгвейн, — И я

полагаю, что сейчас он таковым является. Если он узнает, что его подталкивают в определённом направлении, его реакция будет плохой. Если бы мне пришлось с ним разбираться, я бы направила к нему делегацию, чтобы оказать ему честь.

— Пышную процессию? — спросила Феране.

— Нет,- сказала Эгвейн,- но и не бедную. Группу из трёх Айз Седай под руководством Серой, дополненную Зелёной и Голубой. Благодаря старым связям, он настроен благожелательно к Голубым. Зелёные всегда воспринимались как противоположность Красным,

тонкий намёк, что мы собираемся работать с ним, а не укрощать. А Серая – потому что это ожидаемо, а также потому, что это означает переговоры, а не войну и всё остальное.

– Хорошая логика,- кивнула Тезан.

Однако Феране было не так просто убедить.

– Подобные делегации проваливались в прошлом. Уверена, что делегация Элайды находилась под руководством Серой.

– Да, но делегация Элайды имела коренной изъян,- возразила Эгвейн.

– Почему это?

— Конечно потому, что ее направила Красная, — ответила Эгвейн, расколов орех. — Не могу понять логики в избрании Амерлин из Красной Айя в дни, когда возродился Дракон. Разве одно это не предрешило вражду между ним и Башней?

— Некоторые считают, — возразила Феране, — что в эти беспокойные дни Красная необходима, поскольку они наиболее опытны в обращении с мужчинами, способными направлять.

— ‘Обращаться’ и ‘работать’ — разные вещи, — сказала Эгвейн. — Возрождённому Дракону не следовало предоставлять полную

свободу, но с каких это пор Белая Башня похищает людей и насильно подчиняет их своей воле? Разве мы не известны, как самые тонкие и осторожные дипломаты? Разве мы не гордимся тем, что можем убедить других поступать, как следует, с мыслью, что это их собственная идея? Разве мы когда-то раньше запирали королей в ящиках и били за неповиновение? Почему теперь — впервые за всю историю — мы отреклись от собственных методов и стали простыми разбойниками?

Феране выбрала орех.
Остальные Белые выглядели
выбитыми из колеи.

— В том, что ты говоришь, есть

смысл, — в итоге признала
Восседающая.

Эгвейн отложила в сторону
щипцы для орехов.

— В глубине души Ранд ал'Тор -
хороший человек, но ему нужно
руководство. В такое время мы
должны применять всю свою
ловкость. Следовало добиться того,
чтобы он доверял Айз Седай больше,
чем кому бы то ни было, и полагался
на наши советы. Необходимо было
показать ему нашу мудрость. Вместо
этого ему показали, что мы будем
обращаться с ним как с
непослушным ребёнком. Даже если
это так, нельзя было давать ему
понять, что мы так считаем. Из-за

нашей неуклюжести несколько Айз Седай оказались в плену, а других он разрешил *связать узами* своим Аша'манам.

Феране выпрямилась, её спина как будто задеревенела.

– Лучше не упоминать об этом провале.

– О чём это ты? – спросила поражённая Тезан, её рука приподнялась к груди. Некоторые Белые, похоже, не замечали происходящего вокруг них. – Феране? Ты знала об этом?

Феране не ответила.

– До меня... доходил этот слух, – ответила полная Мийаси. – Если это правда, надо что-то делать.

– Да, – согласилась Эгвейн, – К сожалению, мы не можем сейчас заниматься ал’Тором.

– Он – самая большая проблема, с которой сталкивался мир, – сказала узколицая Тезан, подавшись вперёд. – Прежде всего, надо разобраться с ним.

– Нет, – возразила Эгвейн, – сейчас есть другие проблемы.

Мийаси нахмурилась.

– Грядёт Последняя Битва, и я не вижу более важных проблем.

Эгвейн тряхнула головой.

– Пытаясь договориться с Рандом сейчас, мы будем как фермер, который, глядя на свой фургон, расстраивается, что внутри

нет ничего ценного, что можно продать, не обращая внимания на то, что ось треснула. Нагрузив неисправный фургон, вы его доломаете и окажетесь в ещё худшем положении, чем были в начале.

– Что конкретно ты имеешь в виду? – потребовала разъяснения Тезан.

Эгвейн взглянула на Феране.

– Я понимаю, – сказала Феране, – Ты говоришь о расколе Белой Башни.

– Может треснутый камень быть хорошим фундаментом для здания? – спросила Эгвейн. – Может истёртая верёвка удержать взбесившуюся лошадь? Так как можем мы, в нашем

нынешнем состоянии, надеяться управлять самим Возрождённым Драконом?

— Почему тогда ты поддерживаешь этот раскол, настаивая на том, что ты Престол Амерлин? — сказала Феране. — Ты противоречишь собственным рассуждениям.

— Если бы я отказалась от претензий на Престол Амерлин, воссоединило бы это Башню? — спросила Эгвейн.

— Это помогло бы.

Эгвейн вздернула бровь.

— Давайте предположим на минутку, что, отказавшись от своих претензий, я смогу убедить

мятежниц вернуться в Белую Башню и принять Элайду. — Её бровь поднялась ещё выше, показав, насколько маловероятным она считала подобный исход. — Разве раскол был бы исцелен?

— Ты только что сказала, что был бы, — нахмурившись, сказала Тезан.

— Правда? — возразила Эгвейн. — Разве сёстры перестали бы передвигаться по Башне бегом, бояться остаться одни? Разве разные Айя, встречаясь в коридорах, перестали бы смотреть друг на друга враждебно? При всём уважении, разве мы перестали бы чувствовать необходимость всё время носить шали, чтобы напомнить, кто мы и

кому преданны?

Феране бросила мимолётный взгляд на свою шаль с белой бахромой.

Продолжая, Эгвейн подалась вперёд:

— Конечно, вы больше, чем кто-либо в Белой Башне, понимаете важность сотрудничества Айя. Нам нужно, чтобы женщины с разными способностями и интересами собирались в различных Айя. Но разве есть смысл в том, чтобы отказываться от совместной работы?

— Не Белые были причиной этого... досадного конфликта. — негромко фыркнув, сказала Мийаси. — Причина в других, действующих

слишком эмоционально.

— Конфликт спровоцирован существующей ныне властью, — сказала Эгвейн, — властью, которая учит, что в порядке вещей тайно усмирять сестёр, казнить Стражей до суда над их Айз Седай. Что можно отбирать у Сестры шаль, понизив её до Принятой, что можно расформировать целую Айя. А как насчёт воплощения в жизнь такого опасного плана, как похищение Возрождённого Дракона, без решения Совета? Не удивительно, что сёстры обеспокоены и напуганы. Разве всё, что произошло с нами, не является логичным?

Трое Белых молчали.

– Я не сдамся, – сказала Эгвейн – По крайней мере, до тех пор, пока все происходящее продолжает нас разделять. Я буду продолжать заявлять, что Элайда – не Амерлин. Её действия это доказали. Хотите помочь в битве с Тёмным? Тогда первый ваш шаг – не разбираться с Возрождённым Драконом; первым вашим действием должно быть установление связей с сёстрами из других Айя.

– Почему мы? – спросила Тезан. – Мы не отвечаем за остальных.

– Разве вас совсем не в чем упрекнуть? – поинтересовалась Эгвейн, позволив капле своей злости просочиться наружу. Неужели ни

одна из сестёр не признает и крупницы вины? – Вы, Белые, должны были понять, к чему всё это приведёт. Действительно, Суан и Голубые не были безгрешны – но вы должны были увидеть ошибку в её низложении, а потом и в позволении Элайде расформировать Голубую Айя. Более того, я уверена, что несколько членов вашей Айя участвовали в возведении Элайды на Престол Амерлин.

Мийаси немного отпрянула. Белые не любили, когда им напоминали о провале Алвиарин на посту Хранительницы Элайды. Вместо того, чтобы восстать против Элайды за то, что она выгнала

Белую, они, казалось, обратились против члена собственной Айя за тот позор, который она на них навлекла.

– Всё-таки я думаю, что это работа для Серых, – сказала Тезан, но голос её звучал менее уверенно, чем за мгновение до этого. – Тебе следует поговорить с ними.

– Я пробовала, – сказала Эгвейн. Её терпение подходило к концу. – Некоторые не захотели со мной разговаривать и назначали мне новые наказания. Остальные считали, что эти трещины – не их вина, но после уговоров соглашались сделать что смогут. Жёлтые проявили разумность, и мне кажется, они теперь смотрят на проблему в Башне

как на рану, которую необходимо исцелить. Я до сих пор работаю с некоторыми Коричневыми сёстрами — похоже, они больше очарованы проблемой, чем обеспокоены. Я отправила нескольких из них на поиски расколов в прошлом, надеясь, что они наткнутся на историю Реналы Мерлон. Будет нетрудно найти связь, и может быть, они увидят, что наши проблемы можно решить.

— Зелёные, как ни смешно это звучит, были самыми упрямыми. Во многих аспектах они похожи на Красных, что не может не выводить из себя, поскольку они должны были бы хотеть, чтобы я оказалась среди

них. Остаются только Голубые, которые были изгнаны, и Красные. Сомневаюсь, что последние станут прислушиваться к моим советам.

Феране в задумчивости подалась назад, а Тезан сидела, уставившись на Эгвейн, забыв об орехах в руке. Мийаси, выпучив от удивления глаза, вцепилась в свои седые волосы.

Может быть, Эгвейн наговорила слишком много? Айз Седай были в значительной мере похожи на Ранда ал'Тора. Они не любили знать о том, что ими манипулируют.

— Вы потрясены, — сказала девушка. — Вы считаете, что я, как остальные, должна была просто сидеть и ничего не делать, пока

рушится Башня? Эта белая одежда была надета на меня силой, я не признаю того, что она означает, но я буду её использовать. Женщина в белом платье послушницы — одна из немногих, кто в наше время может свободно перемещаться между покоями Айя. Кто-то должен воссоединить Башню, и я для этого подхожу лучше всего. Кроме того, это — моя обязанность.

— Как... разумно с твоей стороны, — сказала Феране, нахмурившись.

— Спасибо, — ответила Эгвейн. Были ли они обеспокоены тем, что она переступила границы дозволенного? Разозлены, что она

манипулировала Айз Седай? Полны холодной решимости снова подвергнуть её наказанию?

Феране подалась вперёд.

– Предположим, что мы хотим что-то предпринять, чтобы восстановить Башню. Какие действия ты бы порекомендовала?

На Эгвейн нахлынула волна возбуждения. В последние несколько дней её преследовали одни неудачи. Тупоголовые Зелёные! Как глупо они будут себя чувствовать, когда её признают Амерлин.

– Суана, из Жёлтой Айя, скоро пригласит вас разделить с ней трапезу, – сказала Эгвейн. По крайней мере, Суана пообещала,

когда Эгвейн её подтолкнула. — Примите это предложение и встретьтесь в общественном месте, например, в одном из садов Башни. Сделайте так, чтобы вас увидели приятно проводящими время в компании друг друга. Я постараюсь убедить одну из Коричневых сестёр позже снова вас пригласить. Старайтесь, чтобы вас чаще видели в обществе женщин из других Айя.

— Это довольно просто, — сказала Мийаси. — Усилий почти не требуется, но есть великолепная возможность достичь результата.

— Посмотрим, — сказала Феране. — Ты можешь идти, Эгвейн.

Она не любила, когда её

отпускали подобным образом, но выбора не было. К тому же, женщина показала своё уважение к Эгвейн, назвав её по имени. Девушка встала и – очень осторожно – кивнула Феране. Хотя реакция Тезан и Мийаси не была бурной, глаза обеих слегка расширились. К настоящему моменту в Башне было хорошо известно, что Эгвейн никогда не делала реверансы. К ее удивлению, Феране склонила голову, совсем немного, в ответном жесте.

– Если ты решишь выбрать Белую Айя, Эгвейн ал’Вир, – произнесла женщина, – знай, что здесь тебе будут рады. Твоя логика, продемонстрированная сегодня, была

выдающейся для столь юной девушки.

Эгвейн спрятала улыбку. Всего четыре дня назад Бенней Налсад почти что предложила ей место в Коричневой Айя, и Эгвейн была удивлена, с какой настойчивостью Суана рекомендовала ей Жёлтую. Они почти убедили её изменить своё мнение — в основном из-за разочарования Зелеными на данный момент.

— Спасибо, — сказала девушка. — Но вы должны помнить, что Амерлин представляет все Айя. Наша дискуссия доставила мне удовольствие. Я надеюсь, вы дадите мне возможность присоединиться к

вам когда-нибудь ещё раз.

С этими словами Эгвейн удалилась, позволив себе широко улыбнуться, кивнув крепкому кривоногому стражу Феране, который стоял на страже у выхода на лоджию. Она продолжала улыбаться до тех пор, пока не покинула сектор Белых и не обнаружила поджидавшую ее в коридоре Кэтрин. Красную в этот день не назначали следить за Эгвейн, а слухи в Башне твердили, что Элайда всё больше и больше полагалась на Кэтрин сейчас, когда её Хранительница исчезла с загадочным заданием.

На суровом лице Кэтрин тоже была улыбка. Это был плохой знак.

– Вот, – сказала женщина, протягивая деревянную чашку с прозрачной жидкостью. Пришло время дневной дозы корня вилочника.

Эгвейн поморщилась, но взяла чашку и выпила содержимое. Она вытерла рот носовым платком и начала идти по коридору.

– Куда это ты собралась? – спросила Кэтрин.

Самодовольство, звучавшее в ее голосе, заставило Эгвейн остановиться. Она повернулась, нахмурившись.

– Мое следующее занятие...

– У тебя больше не будет уроков,
– ответила Кэтрин. – По крайней

мере, таких, как раньше. Все согласны, что, для послушницы, твои навыки в плетениях производят впечатление.

Эгвейн нахмурилась. Может, они собирались снова возвести её в Принятые? Она сомневалась, что Элайда даст ей больше свободы, и она редко находилась в своей комнате, поэтому более просторная комната ей была не нужна.

— Нет, — сказала Кэтрин, лениво играя бахромой своей шали. — Было решено, что тебе стоит научиться смирению. Амерлин слышала о твоём глупом нежелании делать реверанс перед сёстрами. Она считает это символом твоего

непокорства, и поэтому твоё обучение примет другую форму.

На мгновение Эгвейн овладел страхом.

— Какую форму? — спросила девушка, сохраняя тон голоса ровным.

— Хозяйственные работы, — ответила Кэтрин.

— Я и так выполняю хозяйственные работы, как все послушницы.

— Ты не поняла меня, — сказала Кэтрин. — С настоящего момента всё, что ты будешь делать — это работать. Ты должна немедленно отправиться на кухню — дневное время ты будешь проводить, работая там. По вечерам

ты будешь драить полы. По утрам – работать в саду, в полном распоряжении главного садовника.

– В этом будет состоять твоя жизнь, одни и те же три задания каждый день – по пять часов на каждое – до тех пор, пока ты не отбросишь свою глупую гордость и не научишься кланяться перед теми, кто выше тебя.

Это был конец свободы Эгвейн, даже той немногой, которая у нее была. Глаза Кэтрин были переполнены ликованием.

– А! Ты поняла, – продолжила Кэтрин. – Больше никаких посещений сестёр, пустой траты их времени на обучение плетениям,

которые ты и так уже освоила. Никаких послаблений, вместо этого ты теперь будешь работать. Что скажешь?

Но не сложность работы так расстроила Эгвейн — её не беспокоила работа, которую она выполняла каждый день. Угнетало отсутствие контакта с другими сёстрами. Как без этого ей воссоединить Белую Башню? Свет! Это было катастрофой.

Стиснув зубы, она подавила чувства. Она встретилась взглядом с Кэтрин и ответила:

— Отлично. Идем.

Кэтрин хлопала глазами. Очевидно, она ожидала вспышки

гнева или, как минимум, возражений. Но для этого было неподходящее время. Эгвейн отправилась на кухню, оставив покои Белых позади. Она не могла позволить им узнать, насколько эффективным было это наказание.

Пройдя по похожим на пещеры внутренним коридорам Башни, в которых были установлены сдвоенные лампы, высокие и извилистые, словно головы змей, извергающие узкие языки пламени к каменному потолку, девушка справилась с паникой. Она может справиться. Она справится. Они не сломают её.

Может быть, она должна

поработать несколько дней, а потом притвориться, что смирилась. Следует ли ей делать реверанс, как того требует Элайда? Это было нетрудно. Один реверанс, и она сможет вернуться к более важной работе.

«Нет,- решила она. – Нет, на этом не закончится. Я проиграю, едва сделаю первый реверанс». Уступить – значит показать Элайде, что Эгвейн можно сломать. Реверансы станут началом поражения. Вскоре после этого Элайда решит, что Эгвейн должна выражать почтение в разговоре с Айз Седай. Лже-Амерлин отправит Эгвейн обратно на работы, зная, что

это уже помогло. И тогда Эгвейн снова прогнётся? Сколько пройдёт времени прежде, чем вся убедительность, которой она добилась, забудется, затоптанная в плитки коридоров Белой Башни?

Она не может уступить. Телесные наказания не изменили её поведения, работы тоже не изменят.

Три часа работы на кухне не улучшили настроения. Ларас, пышнотелая Госпожа Кухонь, поручила Эгвейн отчистить один из похожих на духовку очагов. Это была грязная работа, не способствующая размышлениям. Кроме того, иного выхода из ситуации всё равно не было.

Стоя на коленях, Эгвейн подняла руку и вытерла лоб. Рука оказалась покрыта сажей. Эгвейн тихо вздохнула, её рот и нос были закрыты влажной тряпкой, чтобы защитить их от пепла. Её дыхание было жарким и тяжелым, а кожа — липкой от пота. Капли, стекавшие с её лица, были испачканы чёрной сажей. Сквозь тряпку она чувствовала тяжелый, раздражающий запах пепла, многократно пережженного в этой печи.

Очаг представлял собой большую прямоугольную конструкцию, сложенную из обожжённого красного кирпича. Он был открыт с обеих сторон, и места в

нѐм было больше, чем достаточно, чтобы заползти внутрь – что Эгвейн и приходилось делать. На внутренней поверхности дымохода и камина образовалась тѐмная корка, и ее нужно было отскоблить, пока она не засорила трубу или не отвалились, упав прямо в пищу. Снаружи, из обеденного зала, Эгвейн слышала голоса болтавших друг с другом и смеявшихся Кэтрин и Лирен. Красные периодически заглядывали внутрь, чтобы ее проверить, но настоящим надзирателем была Ларас, которая драила горшки на другой стороне комнаты.

Перед работой Эгвейн переоделась в другую одежду.

Некогда белая, она многократно использовалась очищающими очаги послушницами, и сажа впиталась в нити. Платье было покрыто серыми пятнами, как тенями.

Она потёрла спину, снова встала на четвереньки и заползла глубже в очаг. С помощью маленького деревянного скребка она отскабливала комья сажи из швов между кирпичей, потом собирала их в латунное ведро, края которого стали бело-серыми от покрывавшего их пепла. Первым её заданием было выгрести весь пепел и собрать его в вёдра. Её руки так почёрнели, что она опасалась, что даже самые активные попытки их оттереть не

увенчаются успехом. Колени болели и казались странным дополнением зада, который по-прежнему страдал от регулярной утренней порки.

Она продолжила отскабливать почерневшую часть кирпича, при слабом освещении от фонаря, который она оставила в углу очага. Ее подмывало воспользоваться Единой Силой, но Красные, стоявшие снаружи, почувствовали бы это; кроме того, она выяснила, что её дневная доза корня вилочника была необычно сильной, не оставив ей возможности направить и струйку. На самом деле, доза была настолько велика, что Эгвейн стала сонной, от чего работа была ещё труднее.

И такой будет её дальнейшая жизнь? Запертая внутри очага, скобящая кирпичи, которые никто даже не видит, отрезанная от всего мира? Она не может сопротивляться Элайде, если о ней все забудут. Девушка тихонько кашлянула, звук эхом разнёсся по очагу.

Ей нужен был план. Похоже, единственной возможностью было использовать сестёр, которые пытались вычислить Чёрных Айя. Но как с ними увидеться? Без уроков у сёстер у нее не было никакой возможности избавиться от опеки Красных, посещая другие Айя. Может ли она как-нибудь ускользнуть во время работы? Если

её отсутствие обнаружится, она, наверное, окажется в ещё худшей ситуации.

Но она не может позволить, чтобы её жизнь была заполнена только черной работой! Последняя Битва приближается, Возрождённый Дракон делает что вздумается, а Престол Амерлин стоит на четвереньках и чистит очаги! Она сжала зубы, яростно работая скребком. Нагар был таким старым, что образовал на камне блестящую чёрную плёнку. Ей никогда не отчистить его полностью. Ей нужно только убедиться, что убрано всё, что могло отвалиться.

В отражении в блестящей

плёнке девушка увидела тень, промелькнувшую в дальнем выходе очага. Эгвейн немедленно потянулась к Источнику – но, конечно, ничего не обнаружила из-за вилочника, затмевающего разум. Но снаружи определённо кто-то был, пригнувшийся, двигавшийся бесшумно...

Эгвейн стиснула скребок в одной руке, другой медленно потянувшись к щётке, которую она использовала, чтобы сметать пепел. Затем она резко повернулась.

В проеме очага, заглядывая внутрь, застыла Ларас. На Госпоже Кухонь был большой белый фартук, на котором красовались несколько

пятен от сажи. Её пухлое круглое лицо повидало немало зим, волосы начинали седеть, и в уголках её глаз были морщины. Когда она наклонялась как сейчас, на её шее образовывались второй, третий и четвёртый подбородки; её рука с толстыми пальцами ухватила край очага.

Эгвейн успокоилась. Почему она была так уверена, что кто-то к ней подкрадывался? А это была всего лишь Ларас, которая пришла, чтобы ее проверить.

Но почему женщина двигалась так тихо? Ларас оглянулась, прищурившись, и поднесла палец к губам. Эгвейн снова почувствовала

напряжѐние. Что происходит?

Ларас отодвинулась от очага, взмахом руки показав Эгвейн следовать за ней. Госпожа Кухонь двигалась легко, гораздо тише, чем это казалось возможным Эгвейн. Повара и поварята гремели в других частях кухни, но ни один не находился в прямой видимости. Эгвейн вылезла из очага, заткнув скребок за пояс и вытирая руки о платье. Она сняла с лица повязку, наполняя лёгкие сладким, не содержащем сажи воздухом. Она глубоко вдохнула и вновь поймала резкий взгляд Ларас, которая снова приложила палец к губам.

Эгвейн кивнула и последовала

за Ларас через череду кухонь. Через несколько мгновений Эгвейн и Ларас стояли в кладовой, наполненной запахами крупы и созревающих сыров. Вместо плитки здесь была более долговечная кирпичная кладка. Ларас подвинула несколько мешков, потом открыла кусок пола. Это был деревянный люк, прикрытый сверху кирпичами, чтобы казалось, что это — часть пола. Он вёл в маленькую комнатку с каменными стенами, расположенную под кладовой, достаточно большой, чтобы вместить человека, хотя высокому пришлось бы сутулиться.

— Подождешь здесь до ночи, — произнесла Ларас вполголоса. — Я не

могу вывести тебя наружу прямо сейчас, когда Башня переполошена как курятник, в который пробралась лиса. Но мусор вывозят поздно вечером, и я спрячу тебя среди девушек, которые его разгружают. Работник доков возьмёт тебя на лодку и перевезёт через реку. У меня есть друзья в страже, они будут смотреть в другую сторону. Как только ты переправишься через реку – тебе решать, что делать дальше. Я бы не советовала возвращаться к тем дурам, которые сделали тебя своей марионеткой. Найди какое-нибудь место, чтобы переждать, пока всё утихнет, потом вернись, и может быть, тебя примет тот, кто будет

главным. Учитывая то, как идут дела, маловероятно, что это будет Элайда...

Эгвейн удивлённо моргнула.

— Так, — сказала крупная женщина, — Полезай.

— Не время болтать! — добавила Ларас, как будто не она этим занималась. Судя по тому, как она оглядывалась по сторонами и притопывала ногой было видно, что женщина нервничает. Но также было очевидно, что она и раньше проделывала подобные вещи. Почему простая повариха в Белой Башне умела так хорошо красться и подготовила такой искусный план, как вывести Эгвейн из укреплённого,

находящегося в осаде города? И прежде всего, почему у неё на кухне схрон? Во имя Света! Как она его сделала?

— За меня не беспокойся, — продолжила Ларас, глядя на Эгвейн. — Я сама могу о себе позаботиться. Я буду держать всю прислугу подальше от того места, где ты работала. Айз Седай проверяют тебя только раз в полчаса или около того — и поскольку они заглядывали с минуту назад, пройдёт какое-то время, прежде чем они это сделают снова. Когда же они, наконец, проверят, я изобразю полное неведение, и все решат, что ты ускользнула из кухни. Вскоре мы вывезем тебя из города, и

никто не догадается.

– Да, – произнесла Эгвейн, наконец обретя речь, – но почему? – Она полагала, что после того, как Ларас помогла Мин и Суан, она не будет стремиться помочь другим беженцам.

Ларас взглянула на неё, решимость в её глазах была такой же твёрдой, как у Айз Седай. Однозначно, Эгвейн проглядела эту женщину. Кем она была на самом деле?

– Я не собираюсь помогать тем, кто ломает дух девушки. – Твёрдо заявила Ларас. – Эти побои настоящий позор! Глупые Айз Седай. Я верно служила все эти годы, но

теперь они говорят мне, что ты должна работать столько, сколько я смогу тебя заставить, бесконечно. Что ж, я знаю, когда девушек перестают учить и начинают забивать. И не позволю совершаться подобному на моей кухне. Испепели Свет Элайду за то, что она считает себя в праве творить такие вещи! Пусть казнит тебя или делает послушницей, меня это не беспокоит. Но подобное унижение недопустимо!

Женщина стояла, упершись руками в бёдра, от её фартука поднималось облачко муки. Странно, но Эгвейн поймала себя на том, что обдумывает её предложение. Она

отказалась от предложения о спасении от Суан, но если бы она бежала сейчас, она вернулась бы в лагерь мятежниц, освободившись самостоятельно. Это лучше, чем быть спасённой. Она могла бы избавиться от всего, от побоев, от тяжёлой работы.

Но для чего? Для того, чтобы сидеть снаружи и смотреть, как рушится Башня?

— Нет, — ответила она Ларас. — Твоё предложение очень щедрое, но я не могу принять его. Извини.

Ларас нахмурилась.

— Теперь ты послушай...

— Ларас, — прервала её Эгвейн, — Никому не позволено говорить с Айз

Седай в подобном тоне, даже Госпоже Кухонь.

Ларас запнулась.

– Глупая девчонка. Ты не Айз Седай.

– Соглашаешься ты с этим или нет, я всё равно не могу бежать. Если ты, конечно, не намерена затолкать меня в эту дыру силой – связать и вставить в рот кляп, чтобы я не кричала, а потом лично перевезешь меня через реку,- тогда я советую позволить мне вернуться к работе.

– Но почему?

– Потому, – сказала Эгвейн, оглядываясь на очаг, – что кто-то должен с ней бороться.

– Ты не можешь сражаться так, –

возразила Ларас.

— Каждый день это битва, — ответила Эгвейн. — Каждый день, когда я отказываюсь прогнуться, что-то значит. Даже если Элайда и Красные — единственные, кто это знает, это уже что-то. Немного, но больше, чем я могу сделать, находясь снаружи. Пойдём. Мне ещё два часа работать.

Она повернулась и пошла обратно, к очагу. Ларас неохотно закрыла люк, ведущий в её схрон, и присоединилась к ней. Теперь женщина производила гораздо больше шума, задевая полки, кирпич издавал под её ногами громкие звуки. Любопытно, как ей удавалось быть

такой тихой, когда хотела.

Через кухню промелькнула вспышка красной ткани, словно кровь мёртвого кролика на снегу. Эгвейн застыла, когда её заметила Кэтрин, одетая в платье с малиновой юбкой и жёлтой отделкой. Губы Красной вытянулись в нитку, глаза прищурились. Заметила ли она, что Эгвейн с Ларас уходили?

Ларас застыла.

— Теперь я поняла, что делала неправильно, — быстро сказала Эгвейн Госпоже Кухонь, глядя на второй очаг, рядом с которым они стояли у двери кладовой. — Спасибо, что показала мне. Впредь я буду внимательнее.

– Да уж, постарайся, – сказала Ларас, стряхивая оцепенение. – Иначе ты узнаешь, что такое настоящее наказание, а не эти похлопывания вполсилы, которые устраивает Наставница Послушниц. А теперь за работу.

Эгвейн кивнула и поспешила к очагу. Кэтрин останавливая, подняла руку. Сердце Эгвейн предательски забилося в груди.

– Нет необходимости, – сказала Кэтрин. – Амерлин потребовала, чтобы эта послушница прислуживала ей сегодня за ужином. Я сказала Амерлин, что один день работы едва ли сломает такую упрямую девчонку, но она настаивала. Думаю, тебе дают

первый шанс проявить покорность, дитя. Советую им воспользоваться.

Эгвейн взглянула на свои почерневшие руки и запачканное платье.

– Давай, беги, – сказала Кэтрин. – Умойся и переоденься. Амерлин не будет ждать.

Выяснилось, что отмываться не легче, чем чистить очаги. Сажа впиталась в руки Эгвейн почти так же, как в рабочую одежду. Она потратила почти час, отмываясь в ванне, наполненной чуть тёплой водой, пытаясь привести себя в приличный вид. Её ногти были поломаны во время отскабливания кирпичей, и каждый раз, когда она

ополаскивала волосы, было похоже, что с водой смывалось целое ведро сажки.

Несмотря на это, она была рада представившейся возможности. У неё редко было время как следует помыться, обычно приходилось всё делать впопыхах. Моесь в маленькой выложенной серой плиткой ванной комнате, она обдумывала свой следующий шаг.

Она отвергла побег. Это означало, что ей придется иметь дело с Элайдой и Красными — единственными сёстрами, которых она может видеть. Но можно ли заставить их увидеть свои ошибки? Как жаль, что нет возможности

назначить им всем епитимью и таким образом от них избавиться.

Нет. Она была Амерлин, она представляла все Айя, в том числе и Красную. Она не могла обойтись с ними также, как Элайда обошлась с Голубыми. Они были настроены к ней наиболее враждебно, но это означало только усложнение задачи. Похоже, наметился какой-то прогресс с Сильвианой, и разве Лирен Дореллин не признала, что Элайда совершала серьёзные ошибки?

Возможно, Красные не будут единственными, на кого она смогла бы повлиять. Всегда есть шанс встретиться в коридоре с другими

сёстрами. Если одна из них захочет с ней поговорить, Красные не смогут насильно её увести. Они будут до определённой степени соблюдать приличия, и это даст Эгвейн шанс немного пообщаться с другими сёстрами.

Но как поступить с самой Элайдой? Правильно ли позволять лже-Амерлин считать, что Эгвейн напугана? Или пришло время дать бой?

К концу мытья Эгвейн чувствовала себя гораздо чище и увереннее. Её положение в войне существенным образом ухудшилось, но она ещё могла сражаться. Она быстро прошлась расчёской по

влажным волосам, надела новое платье послушницы и вышла к своим сопровождающим. Свет, как было приятно ощущать на коже мягкую, чистую ткань!

Они проводили её наверх, к покоям Амерлин. Эгвейн прошла мимо нескольких групп сестёр; в их присутствии она прошла с гордо поднятой головой, для их же пользы. Сопровождающие вели ее через ту часть башни, где находился сектор Красных. Плитки на полу здесь имели красный и тёмно-серый цвет. Тут ходило больше людей: женщин в шaliaх, слуг с Пламенем Тар Валона на груди. Никаких Стражей. Это всегда казалось Эгвейн странным – в

других частях Башни они были привычным зрелищем.

Закончив длинное восхождение и преодолев несколько поворотов, они прибыли к апартаментам Элайды. Эгвейн неосознанно поправила юбку. По пути она решила, что должна вести себя с Элайдой так же, как в прошлый раз – сохранять молчание. Продолжать раздражать её означает заработать ещё больше ограничений. Эгвейн не будет унижаться, но также не станет и отступать со своего пути свержения Элайды. Пусть она думает что хочет.

Слуга открыл дверь, пропуская Эгвейн в столовую. Она была поражена тем, что увидела. Она

полагала, что будет прислуживать одной Элайде, или, возможно, ещё будет Мейдани. Эгвейн даже не предполагала, что столовая будет полна женщин. Здесь были пятеро, по одной от каждой Айя, кроме Красной и Голубой. И каждая из гостей была Восседающей. Здесь была Юкири, а также Дозин, обе тайные охотницы за Чёрной Айя. Феране тоже была здесь, и казалось, что она была удивлена, увидев Эгвейн. Разве Белая не знала об этом ужине заранее? Или она просто о нем запаматовала?

Рубинде из Зелёной Айя сидела рядом с Шеван из Коричневой. С ней Эгвейн тоже хотела бы встретиться.

Шеван была одной из тех, кто поддерживал переговоры с мятежными Айз Седай, и Эгвейн надеялась, что будет нетрудно убедить её помочь в объединении Белой Башни изнутри.

За столом не было Красных сестёр, за исключением Элайды. Было ли это из-за того, что все Красные Восседающие находились за пределами Башни? Или, возможно, Элайда решила, что собрание дополнено ею самой, поскольку всё ещё продолжала считать себя Красной, хотя, в качестве Амерлин, и не имела на это права.

Стол был длинным, кубки из хрусталя искрились, отражая свет,

исходящий из богато украшенных бронзовых напольных светильников, расставленных вдоль стен ржавого красно-жёлтого цвета. На каждой женщине было платье цвета её Айя. Комнату наполняли запахи сочного мяса и приготовленной на пару моркови. Женщины беседовали. Дружелюбно, но натянуто. Напряжённо. Им не хотелось здесь находиться.

Дозин кивнула Эгвейн через всю комнату, почти уважительно. Это что-то значило. Как будто говорило: «Я здесь, потому что ты сказала, что подобные вещи важны». Элайда сидела во главе стола. На ней было красное платье с длинными

рукавами, их и лиф платья украшали неогранённые гранаты. На лице её была удовлетворённая улыбка. Слуги сновали туда и сюда, наливая вино и разнося еду. Почему Элайда устроила ужин с Восседающими? Была ли это попытка залечить трещины в Белой Башне? Возможно, Эгвейн напрасно её осуждала?

– О, хорошо, – сказала Элайда, увидев Эгвейн. – Наконец-то ты пришла. Иди сюда, дитя.

Эгвейн так и сделала. Девушка прошла через комнату, и остальные Восседающие её заметили. Некоторые казались смущёнными, другим была любопытна причина её присутствия. Подходя, Эгвейн кое-

что поняла. Один этот вечер запросто мог разрушить всё, над чем она трудилась последнее время.

Если бы находящиеся здесь Айз Седай увидели, как она покорно прислуживает Элайде, Эгвейн потеряла бы в их глазах свою принципиальность. Элайда объявила, что Эгвейн покорила, но Эгвейн доказала обратное. Если сейчас она подчинится воле Элайды, даже немного, это будет рассматриваться как доказательство.

Испепели Свет эту женщину! Почему она пригласила так много сестёр из тех, на кого Эгвейн пыталась повлиять? Было ли это простым совпадением? Эгвейн

подошла к лже-Амерлин, сидевшей во главе стола, и слуга передал ей хрустальный кувшин, наполненный искрящимся красным вином.

— Ты будешь следить, чтобы мой кубок был полон, — сказала Элайда. — Стой здесь, но не подходи слишком близко. Я бы предпочла не вдыхать исходящий от тебя запах сажи.

Эгвейн сжала зубы. Запах сажи? После целого часа мытья? Сомнительно. Со стороны она видела удовлетворение, наполнявшее глаза отпивающей вино Элайды. Та повернулась к Шеван, которая сидела на соседнем стуле справа от неё. Коричневая была худой женщиной с узловатыми руками и угловатым

лицом, вся словно сделанная из шишковатых палок. Она с задумчивым видом изучала хозяйку.

– Скажи, Шеван, – произнесла Элайда. – Ты по-прежнему настаиваешь на этих глупых переговорах с мятежницами?

– Сёстры должны получить шанс помириться, – ответила Шеван.

– У них был шанс, – сказала Элайда. – Честно говоря, я ожидала большего от Коричневой. Ты ведёшь себя упрямо, ни на йоту не понимая, как устроен реальный мир. Даже Мейдани согласна со мной, а ведь она Серая! Ты знаешь, каковы они.

Шеван отвернулась. Выглядела она гораздо тревожнее, чем раньше.

Зачем Элайда пригласила их на ужин, если собирается лишь оскорблять их и их Айя? Пока Эгвейн размышляла, Красная обратила своё внимание на Феране и пожаловалась ей на Рубинде, Восседающую из Зелёных, которая также сопротивлялась усилиям Элайды прекратить переговоры. За разговором, она протянула бокал Эгвейн, постукивая по нему. Элайда едва ли сделала из него несколько маленьких глотков.

Скрежеща зубами, Эгвейн наполнила бокал. Остальные и раньше видели её за работой – к примеру, она колола орехи для Феране. Это не испортит её

репутацию, пока Элайда не заставит её унижить себя каким-либо образом.

Но в чём была цель ужина? Элайда, казалось, даже не пыталась что-то предпринимать, чтобы примирить Айя. Если она что-то и делала, то только расширяла трещины, унижая несогласных. Иногда она заставляла Эгвейн наполнить её кубок, но никогда не делала больше, чем один-два глотка.

Постепенно Эгвейн начала понимать. Этот ужин был организован не для того, чтобы поработать с Айя. Он имел целью запугать сестёр, чтобы они делали то, что считает нужным Элайда. А Эгвейн здесь присутствует только

для демонстрации! Чтобы показать, сколько власти у Элайды – она могла взять девушку, которую другие называли Амерлин, надеть на неё платье послушницы и назначить ей ежедневные наказания.

Эгвейн снова почувствовала злость. Почему Элайде так легко удавалось влиять на её чувства? Суповые тарелки убрали и принесли морковь, приготовленную на пару со сливочным маслом. В воздухе чувствовался слабый запах корицы. Эгвейн не ужинала, но чувствовала себя слишком плохо, чтобы беспокоиться о еде.

«Нет,- подумала она, успокаивая себя, – я не прерву это в

зародыше, как в прошлый раз. Я буду терпеть. Я сильнее Элайды. Сильнее её безумия».

Разговор продолжался; Элайда делала обидные замечания другим, иногда намеренно, иногда с кажущимся непониманием. Остальные меняли тему разговора, переводя его с мятежниц на небо, странным образом затянутое облаками. В конце концов Шеван упомянула слух о Шончан, встретившихся с Айил на юге.

— Опять Шончан? — вздохнула Элайда. — Вам незачем о них беспокоиться.

— Мои источники говорят об обратном, Мать, — сухо сказала

Шеван. — Думаю, нам следует обратить пристальное внимание на то, что они делают. Несколько моих сестёр расспросили это дитя о её длительном опыте общения с ними. Вы должны услышать о том, что они делают с Айз Седай.

Элайда рассмеялась звонким мелодичным смехом.

— Конечно, вы знаете, как это дитя склонно преувеличивать! — она бросила взгляд на Эгвейн. — Ты распространяла ложь ради своего друга, глупого ал'Тора? Что он велел тебе рассказать об этих захватчиках? Они на него работают, разве нет?

Эгвейн не ответила.

— Говори, — сказала Элайда,

взмахнув бокалом. — Скажи этим женщинам, что ты солгала. Сознайся, девчонка, или я снова назначу тебе наказание.

Наказание, которое она получит за нежелание говорить, будет лучше, чем гнев Элайды, если Эгвейн посмеет ей перечить. Молчание было дорогой к победе.

Однако когда Эгвейн взглянула на длинный стол из красного дерева, уставленный ярким белым фарфором Морского народа и мерцающими красными свечами, она увидела пять пар изучающих её глаз. Она догадывалась, какие вопросы они хотели задать. Эгвейн отважно говорила с ними наедине, но будет ли

она придерживаться своих слов сейчас, лицом к лицу с самой влиятельной женщиной мира? Женщиной, в руках которой была жизнь Эгвейн.

Была ли Эгвейн Амерлин? Или она была только девчонкой, которая любила воображать?

«Испепели тебя Свет, Элайда» - подумала девушка, сжав зубы, понимая, что была неправа. Молчание на глазах у этих женщин не приведёт к победе. *«Вряд ли тебе понравится то, что сейчас будет».*

— Шончан не работают на Ранда,
— сказала Эгвейн. — И они представляют большую угрозу для Белой Башни. Я не распространяла

никакой лжи. Сказать иное означало бы нарушить Три Клятвы.

– Ты не давала Трёх Клятв, – строго сказала Элайда, поворачиваясь к ней.

– Давала, – возразила Эгвейн. – Я не держала в руках Клятвенный Жезл, но не жезл делает мои слова правдивыми. Я храню слова клятвы в сердце, и мне они ещё дороже, поскольку ничто не заставляет меня их выполнять. И согласно этой клятве, я скажу ещё раз. Я Сновидица, и мне приснилось, что Шончан нападут на Белую Башню.

Глаза Элайды на мгновение вспыхнули, и она сжала вилку так сильно, что побелели костяшки

пальцев. Эгвейн не отводила взгляда, и наконец Элайда снова рассмеялась.

— Ах, я смотрю, упряма, как всегда. Придётся мне сказать Кэтрин, что она была права. Ты получишь наказание за свои преувеличения, дитя.

— Эти женщины знают, что я не лгу, — спокойно ответила Эгвейн. — И каждый раз, когда ты настаиваешь, что это не так, ты роняешь себя в их глазах. Даже если ты не веришь моему сну, ты должна признать, что Шончан представляют опасность. Они надевают ошейники на женщин, которые могут направлять, используют их как оружие с помощью извращённого

тер'ангриала. Я опробовала это на своей шее. Я и сейчас иногда чувствую ошейник. В своих снах, в кошмарах.

Комнату наполнила тишина.

— Ты, глупое дитя, — сказала Элайда, очевидно, пытаясь делать вид, что никакой угрозы Эгвейн не представляла. Ей стоило обернуться и посмотреть в глаза остальным. Если бы она это сделала, то поняла бы правду. — Ты меня вынуждаешь. Ты встанешь передо мной на колени, дитя, и будешь просить прощения. Прямо сейчас. Иначе я запру тебя в одиночке. Ты этого хочешь? Но не надейся, что побои прекратятся. Ты по-прежнему будешь нести

ежедневное наказание, просто каждый раз после этого тебя будут бросать в твою камеру. Теперь вставай на колени и проси прощения.

Восседающие переглянулись. Пути к отступлению теперь не было. Эгвейн не хотела, чтобы до этого дошло. Но это случилось, и Элайда потребовала сражения.

Пришло время дать ей бой.

— А если я не склонюсь перед тобой? — спросила Эгвейн, глядя Элайде в глаза. — Что тогда?

— Ты преклонишь колени, так или иначе, — прорычала Элайда, обнимая Источник.

— Ты собираешься использовать на мне Единую Силу? — спросила

Эгвейн спокойно. – Ты вынуждена прибегать к этому? У тебя нет никакой власти, если ты не направляешь?

Элайда помедлила.

– В мои права входит наказание тех, кто не проявляет должного уважения.

– И ты заставишь меня подчиняться? – спросила Эгвейн. – То же ты будешь делать с каждым в Башне, Элайда? Айя противостоит тебе – и ты расформировываешь её. Женщина раздражает тебя – и ты пытаешься уничтожить её право быть Айз Седай. В конце концов, ты заставишь каждую сестру прогнуться перед тобой?

– Вздор!

– Разве? – спросила Эгвейн. – А ты рассказала им про свою идею новой клятвы? Клятвы подчиняться Амерлин и поддерживать её, данной на Клятвенном Жезле каждой сестрой?

– Отрицай это, – продолжила девушка. – Опровергни это утверждение. Позволят ли тебе Клятвы?

Элайда застыла. Если бы она была Чёрной, она смогла бы отрицать это, несмотря на Клятвенный Жезл. Но в любом случае, Мейдани может подтвердить то, что сказала Эгвейн.

– Это была пустая болтовня, –

сказала Элайда. — Просто размышления, мысли вслух.

— В размышлениях часто бывает истина. — Ответила Эгвейн. — Ты заперла самого Возрождённого Дракона в ящик, ты только что угрожала сделать то же со мной, перед всеми этими свидетелями. Люди называют его тираном, но ты — человек, разрушающий наши законы и правящий с помощью страха.

Глаза Элайды широко распахнулись, в них была видна её злость. Она выглядела... поражённой. Словно не могла понять, как от воспитания непокорной послушницы она перешла к спору на равных. Эгвейн

увидела, как женщина начала сплетать поток Воздуха. Это необходимо было остановить; кляп из Воздуха прекратит спор.

— Продолжай, — спокойно сказала Эгвейн. — Используй Силу, чтобы заставить меня замолчать. Разве Амерлин не должна быть способна уговорить оппонента подчиниться, а не прибегать к силе?

Уголком глаза Эгвейн уловила, как миниатюрная Юкири кивнула.

Глаза Элайды расширились от злости, и она отпустила поток Воздуха.

— Мне нет необходимости спорить с какой-то послушницей, — бросила Элайда. — Амерлин не

объясняет своих поступков таким, как ты.

– "Амерлин понимает самые сложные убеждения и дискуссии", – произнесла Эгвейн, цитируя по памяти. – "В конце концов, она является слугой всех, даже самых последних рабочих".

Это было сказано Балладар Арандайл, первой Амерлин, возведённой из Коричневой Айя. Она написала эти слова в одном из предсмертных писем. Эти письма были объяснением её правления и того, что она делала во время Кавартенских войн. Арандайл чувствовала, что после того, как кризис прошёл, нравственный долг

Амерлин – объяснить свои поступки простым людям.

Сидящая за Элайдой Шеван довольно кивнула. Цитата была неизвестна широкой публике. Эгвейн мысленно поблагодарила Суан за тайное обучение премудрости прошлых Амерлин. Большая часть того, что она рассказывала, хранилась в секретных хрониках, но было и несколько великолепных фраз, произнесённых такими женщинами, как, например, Балладар.

– Что за ерунду ты бормочешь? – фыркнула Элайда.

– Что ты намеревалась делать с Рандом ал'Тором, когда схватила его?

– спросила Эгвейн, не обращая внимания на комментарий.

– Я не...

– Ты отвечаешь не мне – сказала Эгвейн, кивая в сторону стола и женщин, – а им. Ты объяснила свои действия, Элайда? Каковы были твои планы? Или ты намерена уклониться от этого вопроса так же, как ты уклонилась от моих остальных?

Лицо Элайды начало краснеть, но, не без усилий, ей удалось с собой справиться.

– Я собиралась держать его в безопасности и надёжно отрезанным от Источника здесь, в Башне, пока не пришло бы время Последней Битвы. Это предотвратило бы те страдания и

хаос, которые он породил во многих странах. Это стоило риска его разозлить.

– "Как плуг рыхлит землю, разрушая ее и все живое в ней, так будут разрушены человеческие жизни, и все, что было, истребит огонь его глаз", – сказала Эгвейн. – "Трубный глас войны последует за ним по пятам, и вороны слетятся на звук его голоса, и он наденет корону мечей".

Элайда нахмурилась, застигнутая врасплох.

– Кариатонский цикл, Элайда, – сказала Эгвейн. – Когда ты заперла Ранда, чтобы сохранить его "в безопасности", он уже захватил

Иллиан? Он уже носил то, что он называл Коронай Мечей?

— Что ж, нет.

— И как, ты думаешь, он бы выполнил пророчества, если бы он был спрятан в Белой Башне? — спросила Эгвейн. — Как смог бы он вызвать войны, которые должен вызвать, согласно пророчествам? Как должен он был разрушать народы и привязывать их к себе? Как смог бы он "поразить своих людей мечом мира" или "обязать девять лун служить себе", если бы он был заперт? Разве пророчества говорят, что он будет "раскован"? И разве в них не говорится о "хаосе с его приходом"? Как что-то вообще может

произойти, если он закован в кандалы?

– Я...

– Твоя логика поразительна, Элайда. – холодно произнесла Эгвейн. Феране украдкой улыбнулась на это. Возможно, она снова подумала, что Эгвейн подошла бы Белая Айя.

– Пф, – сказала Элайда, – ты задаёшь не имеющие смысла вопросы. Пророчества должны были исполниться. Иначе и быть не могло.

– Значит, ты утверждаешь, что твоя попытка схватить его, была обречена на неудачу.

– Нет, совсем нет, – вновь покраснев, сказала Элайда. – Нам не

следует об этом беспокоиться – и не тебе об этом думать. Нет, нам стоит поговорить о твоих мятежницах и о том, что они сделали с Белой Башней!

Хорошая смена темы, попытка заставить Эгвейн обороняться. Элайда не была полностью некомпетентна. Всего лишь высокомерна.

– Я вижу, что они пытаются исцелить трещины, возникшие между нами, – сказала Эгвейн. – Мы не можем изменить того, что случилось. Мы не можем изменить того, что ты сделала с Суан, даже несмотря на то, что мои сторонницы открыли способ Исцелить её

усмирение. Мы можем только двигаться вперёд и сделать всё, что возможно, чтобы сгладить рубцы. Что делаешь ты, Элайда? Отвергаешь переговоры, пытаешься запугать Восседающих, чтобы они отступились? Оскорбляешь все Айя, кроме Красной?

Дозин, из Жёлтой, что-то тихо пробормотала в знак согласия. Это привлекло взгляд Элайды, и она на мгновение застыла, словно поняла, что потеряла контроль над спором.

– Достаточно.

– Трусиха, – сказала Эгвейн.

Глаза Элайды расширились.

– Как ты *смеешь*!

– Я осмелилась сказать правду,

Элайда, – произнесла Эгвейн тихо. – Ты трусиха и тиран. Я бы также назвала тебя Другом Тёмного, но подозреваю, что Тёмный постыдился бы связываться с тобой.

Элайда взвизгнула и направила поток Силы, отбросив Эгвейн назад, ударив ее о стену так, что та выронила кувшин с вином. Он разбился о деревянный пол за ковром, разбросав брызги похожей на кровь жидкости на стол и на половину тех, кто за ним сидел, залив белую скатерть красными пятнами.

– Ты меня называешь Другом Тёмного? – завопила Элайда. – Это ты Друг Тёмного. Ты и твои

мятежницы, которые стараются отвлечь меня от того, что должно быть сделано.

Поток Воздуха ударил Эгвейн о стену снова, и она упала на пол, на осколки разбитого кувшина, которые оставили порезы на руках. Дюжина хлыстов била её, разрывая платье. Кровь сочилась из её рук, она начала брызгать, оставляя с каждым ударом Элайды пятна на стене.

— Элайда, прекрати это! — сказала Рубинде, зашуршав зелёным платьем. — Ты сошла с ума?

Элайда, задыхаясь, повернулась.

— Не искушай меня, Зелёная!

Хлысты продолжали бить Эгвейн. Она переносила боль

беззвучно. С усилием она встала. Она уже чувствовала, как распухают лицо и руки. Но продолжала спокойно смотреть на Элайду.

– Элайда! – вскрикнула Феране, вставая. – Ты нарушаешь закон Башни! Ты не имеешь права использовать Силу для наказания ученицы!

– Я и есть закон Башни! – взревела Элайда, указывая на сестер. – Вы высмеиваете меня. Я знаю, что вы делаете это. В глаза вы выказываете мне почтение, но я знаю, что вы говорите, о чем вы шепчетесь за спиной. Вы, неблагодарные глупцы! После всего, что я для вас сделала! Вы думаете, я

буду терпеть вас вечно? Смотрите на это, как на пример!

Она повернулась, показывая на Эгвейн, потом отшатнулась, поражённая тем, что Эгвейн спокойно наблюдала за ней. Элайда начала задыхаться, подняла руку к груди, а хлысты продолжали бить девушку. Все они могли видеть плетение, и все они могли видеть, что Эгвейн не кричала, хотя во рту у неё и не было кляпа из Воздуха. С её рук текла кровь, тело было избито, и всё-таки она не находила оснований кричать. Вместо этого она безмолвно благословляла айильских Хранительниц Мудрости за их знания.

– И чему именно, – спокойно сказала Эгвейн, – я должна послужить примером, Элайда?

Избиения продолжались. О, как было больно! Слёзы лишь наметились в уголках глаз Эгвейн, но ей бывало и хуже. Гораздо хуже. Каждый раз, когда думала о том, что эта женщина делала с Башней. Истинная её боль была не от ран, а от того, как Элайда вела себя перед Восседающими.

– Во имя Света, – прошептала Рубинде.

– Как я хотела бы, чтобы я не была нужна, Элайда, – негромко произнесла Эгвейн. – Как я хотела бы, чтобы Башня обрела в твоём лице

великую Амерлин. Я хотела бы, чтобы я могла уступить и признать твою власть. Я хотела бы, чтобы ты этого заслуживала. Я с удовольствием приняла бы казнь, если бы это означало, что я оставляю сведущую Амерлин. Белая Башня важнее, чем я. Можешь ли ты сказать то же?

— Хочешь казни? — завопила Элайда, вновь обретя дар речи. — Но ты её не получишь! Смерть — слишком хорошее наказание для тебя, Друг Тёмного! Я буду смотреть, как тебя избивают — все будут смотреть, как тебя избивают — пока я с тобой не закончу. Только после этого ты умрёшь! — Она повернулась к слугам,

которые стояли в изумлении, прижавшись к стенам комнаты. — Отправьте за солдатами! Я хочу, чтобы ее бросили в самую глубокую камеру, которая только найдется в Башне! Пусть по всему городу объявят, что Эгвейн ал'Вир — Друг Тёмного, отвергший милость Амерлин!

Слуги побежали выполнить ее приказание. Хлысты продолжали бить, но тело Эгвейн начало неметь. Она закрыла глаза, чувствуя слабость — она потеряла много крови из раны на левой руке.

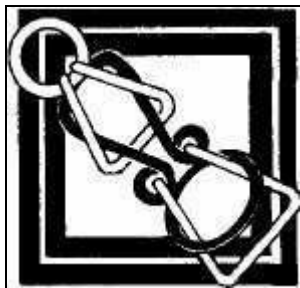
Как она и боялась, настала развязка. Она бросила свой жребий.

Но она не боялась за свою

жизнь. Нет, она боялась за судьбу Белой Башни. Эгвейн переполняла печаль, она прислонилась к стенке и начала проваливаться во тьму.

Так или иначе, ее битва внутри Башни подходила к концу.

Глава 17. Вопросы контроля

– Тебе лучше быть более старательной, – донесся из комнаты голос Сарен. – Мы обладаем большим влиянием на Престол Амерлин. Мы можем убедить ее облегчить твое наказание, если ты окажешься полезной.

До

Кадсуане,

прислушивающейся к
происходящему, сидя в
комфортабельном деревянном
кресле в галерее у входа в комнату,
где проходил допрос, отчетливо
долетело презрительное фырканье
Семираг. Кадсуане потягивала
зеленый чай. Галерея была отделана
деревом, пол устлан длинным
бордово-белым ковром, на стенах
мерцало пламя ламп с
призматическими абажурами.

Рядом с ней в галерее
находились еще несколько женщин –
Дайгиан, Эриан, Элза – сейчас была
их очередь удерживать щит над
Семираг. Кроме Кадсуане, все Айз

Седай в лагере по очереди принимали в этом участие. Было бы слишком опасно переложить эту обязанность только на Айз Седай низшего статуса, потому что они быстро устали бы. Щит должен всегда быть прочным. Свет знает, что случится, если Семираг вырвется на свободу.

Сидящая спиной к стене Кадсуане отхлебнула чаю. Ал'Тор настоял, чтобы «его» Айз Седай тоже имели возможность допрашивать Семираг наравне с теми, кого выбрала Кадсуане. Она не была уверена, было ли это попыткой продемонстрировать свою власть или он искренне полагал, что они

добьются успеха там, где она – пока – потерпела неудачу.

В любом случае, именно по этой причине Сарен вела сегодня допрос. Тарабонка из Белой Айя была задумчивой особой, находящейся в полном неведении о том, что она была одной из самых красивых женщин, получивших шаль за последние несколько лет. Ее безразличное отношение в этом вопросе не было неожиданным, ведь она была из Белой Айя, а они часто были такими же рассеянными, как Коричневые. К тому же, Сарен не знала, что Кадсуане подслушивала снаружи при помощи едва заметного плетения Духа. Это была простая

уловка, часто используемая послушницами. Применение к ней недавно обнаруженного способа инвертировать плетения означало, что Кадсуане могла все слышать, и никто внутри об этом не догадывался.

Конечно, оставшиеся снаружи Айз Седай видели, что она делает, но ничего не говорили. Даже несмотря на то, что двое из них – Элза и Эриан – были из тех дурочек, которые присягнули на верность мальчишке ал'Тору. В ее присутствии они вели себя смирно, зная, как она к ним относится. Глупые женщины. Временами казалось, что половина ее сторонниц твердо решили

усложнить ей задачу.

Внутри Сарен продолжала свой допрос. Большинство Айз Седай в поместье уже сделали свою попытку. Коричневые, Зеленые, Белые и Желтые – все потерпели неудачу. Сама Кадсуане еще должна будет лично задать несколько вопросов Отрекшейся. Другие Айз Седай видели в ней почти легендарную личность, и она поддерживала эту репутацию. Она держалась в стороне от Белой Башни по несколько десятков лет кряду, заставляя многих решить, что она давно умерла. Когда она снова появлялась, вокруг поднимался переполох. Она вела охоту на Лжедраконов с одной

стороны потому, что это было необходимо, с другой – потому, что каждый пойманный ею мужчина подтверждал ее репутацию среди Айз Седай.

Все, что она делала прежде, было ради этих последних дней. Ослепи ее Свет, если теперь она позволит этому мальчишке ал'Тору все это разрушить!

Она скрыла свое раздражение глотком чая. Нить за нитью она постепенно теряла над ним контроль. Когда-то нечто столь существенное, как раскол в Белой Башне, немедленно привлекло бы ее внимание. Но она не могла отвлечься на решение этой проблемы. Когда на

части распадалось даже само мироздание, для нее единственный способ этому противостоять заключался в концентрации всех усилий на ал'Торе.

А он сопротивлялся любой попытке ему помочь. Мало-помалу он каменел душой, становясь неподатливым и неспособным приспособливаться. Бесчувственная статуя не может противостоять Темному.

Проклятый мальчишка! А тут еще эта Семираг, которая продолжает ей сопротивляться. Кадсуане не терпелось войти и потягаться с женщиной, но Мериса уже задавала вопросы, которые задала бы сама

Кадсуане, и у нее ничего не получилось. Надолго ли хватит репутации Кадсуане, если она проявит себя не способнее других?

Сарен возобновила допрос.

– Тебе не следует так вести себя с Айз Седай, -спокойно произнесла она.

– Айз Седай? – переспросила Семираг, рассмеявшись. – Вам не стыдно так себя называть? Как щенки, называющие себя волками!

– Я признаю, что мы знаем не все, но...

– Вы ничего не знаете, – перебила ее Семираг. – Вы – дети, играющие в игрушки родителей.

Кадсуане

постучала

указательным пальцем по своей чашке с чаем. Ее снова поразило сходство между ней самой и Семираг, и снова это сходство вызвало зуд внутри.

Краем глаза она заметила стройную служанку, поднимающуюся по ступенькам с тарелкой бобов и пареной редьки в руках, предназначенной на обед Семираг. Уже время обеда? Сарен допрашивала Отрекшуюся в течение трех часов, и все это время разговор шел по кругу. Служанка подошла к двери, и Кадсуане махнула ей рукой, разрешая войти.

Секунду спустя, поднос с грохотом упал на пол. При этом звуке

Кадсуане вскочила, обнимая саидар и едва не вбегая в комнату. Голос Семираг заставил Кадсуане остановиться.

— Я не буду это есть, — сказала Отрекшаяся, как всегда с полным самообладанием. — Мне надоели ваши помои. Вы принесете мне что-нибудь более достойное.

— Если принесем, — спросила Сарен, очевидно готовая ухватиться за любую возможность, — ты ответишь на наши вопросы?

— Возможно, — ответила Семираг. — Посмотрим, буду ли я в настроении.

В комнате повисла тишина, Кадсуане глянула на женщин в

коридоре, которые тоже вскочили на звук, хотя они не могли слышать разговор. Она сделала им знак сесть.

– Иди принеси ей что-нибудь другое, – сказала Сарен, обращаясь к служанке. – И пришли кого-нибудь здесь прибраться. – Дверь открылась, потом быстро захлопнулась за поспешно удалившейся служанкой.

Сарен продолжила:

– Ответ на следующий вопрос покажет, получишь ты еду получше или нет. – Несмотря на твердый тон, Кадсуане уловила поспешность в словах Сарен. Внезапное падение подноса с едой поразило ее. Они были такими нервными в присутствии Отрекшейся! В их

отношении к ней не было почтения, но они относились к Семираг с долей уважения. А как же еще? Она была легендой. В присутствии этого создания — одного из самых злых существ, когда-либо живших — невозможно было не чувствовать хотя бы капли благоговения.

Благоговения...

— Вот в чем наша ошибка, — прошептала Кадсуане. Она моргнула, затем повернулась и распахнула двери в комнату.

Семираг стояла в центре небольшого помещения. Она была связана потоками Воздуха, скорее всего в тот момент, когда бросила свой поднос. Медное блюдо лежало

отброшенным, сок из бобов впитывался в старые доски пола. В комнате не было окон. Вообще-то, это была кладовка, превращенная в "камеру", чтобы изолировать Отрекшуюся. При этом вторжении сидевшая на стуле перед Семираг Сарен удивленно повернула красивое лицо в украшенных бисером косичках. Ее бледный широкоплечий Страж Витальен стоял в углу.

Голову Семираг ничто не удерживало, и ее взгляд метнулся к Кадсуане.

Кадсуане приняла решение; она немедленно должна бросить вызов этой женщине. К счастью, то, что она задумала, не требовало особой

деликатности. Все сводилось к единственному вопросу. Как бы Кадсуане сломала саму себя? Сейчас, когда решение созрело, оно казалось таким простым.

— А, — произнесла Кадсуане безапелляционным тоном. — Я смотрю, дитя отказывается есть. Сарен, распусти-ка плетение.

Семираг вздернула брови и открыла рот, собираясь ответить насмешкой, но, едва Сарен распустила потоки Воздуха, Кадсуане сгребла волосы Семираг и небрежной подножкой сбила женщину на пол.

Она могла бы использовать Силу, но ей показалось *правильнее*

использовать для этого руки. Она подготовила несколько плетений, хотя надобности в них, вероятно, не возникнет. Семираг была хоть и высокого роста, но худощавой, а Кадсуане всегда была скорее плотной, чем худой. Плюс Отрекшаяся, казалось, была совсем ошарашена подобным обращением.

Кадсуане коленом прижала женщину к полу, затем пихнула ее лицом в разбросанную еду:

— Ешь, — сказала она. — Я не одобряю трату продуктов, дитя, особенно в такие времена, как сейчас.

Семираг отплевывалась, что-то бессвязно пробормотав, на что

Кадсуане предположила, что это были проклятия, хотя она не поняла ни слова. Скорее всего, их значение затерялось в веках. Вскоре проклятия иссякли, и Семираг затихла. Она не сопротивлялась. Кадсуане бы тоже не стала; это только повредило бы ее имиджу. Сила Семираг как пленницы держалась на страхе и уважении, которым окружили ее Айз Седай. Кадсуане должна была это изменить.

— Твой стул, пожалуйста, — обратилась она к Сарен.

Белая сестра с потрясенным видом встала. Они испробовали все возможные доступные пытки с учетом ограничений ал'Тора, но ни одна из них не была для пленницы

оскорбительной. Они обращались с Семираг, как с опасным человеком и достойным врагом. Это только раздувало ее самомнение.

— Ну что, ты будешь есть? — спросила Кадсуане.

— Я убью тебя, — спокойно ответила Семираг. — Первой, раньше всех прочих. Я заставлю их слушать твои вопли.

— Понятно, — ответила Кадсуане. — Сарен, пойдя, передай трем сестрам снаружи зайти сюда. — Кадсуане помедлила, задумавшись. — Еще я видела несколько служанок, убирающих комнаты на другой стороне галереи. Приведи их тоже.

Сарен кивнула и поспешила

прочь из комнаты. Кадсуане села, потом направила потоки Воздуха и подняла ими Семираг. Элза и Эриан с любопытством заглянули в комнату. Затем они вошли, а за ними и Сарен. Через несколько секунд вошла Дайгиан с пятью слугами: трое доманиек в передниках, долговязый мужчина с испачканными коричневыми пятнами руками после подновления краски на стенах, и с ними мальчик. Просто замечательно.

Как только они вошли, Кадсуане потоками Воздуха перевернула Семираг и положила ее себе на колено. А потом начала шлепать Отрекшуюся.

Сначала Семираг сдерживалась.

Потом начала сыпать проклятиями. Затем выкрикивать угрозы. Кадсуане продолжала так, что отбила руку. Угрозы Семираг сменились криками гнева и боли. Служанка, уходившая за едой, вернулась в самый разгар действия, от чего позор Семираг стал еще сильнее. Айз Седай наблюдали за происходящим с отвисшими челюстями.

— Ну что, — не обращая внимания на крики Семираг, спросила Кадсуане через некоторое время. — Будешь есть?

— Я найду всех, кто тебе дорог, — простонала в ответ Отрекшаяся, в глазах ее стояли слезы. — Я скормлю их друг другу, и заставлю тебя

смотреть. Я...

Кадсуане цокнула языком и начала заново. Толпа вокруг пораженно наблюдала в молчании. Семираг начала рыдать – не от боли, а от унижения. Это и был ключ. Семираг нельзя было победить болью или убеждением, а вот разрушить ее легендарный образ – в ее представлении это должно быть намного ужаснее, чем любое иное наказание. Точно так же было бы с Кадсуане.

Кадсуане остановилась спустя несколько минут, отпустив плетения, удерживавшие Семираг:

– Ты будешь есть? – спросила она.

– Я...

Кадсуане подняла руку, и Семираг практически соскочила с ее колена и, грохнувшись на пол, начала подбирать и есть бобы.

– Она – человек, – сказала Кадсуане, оглядывая окружающих. – Просто человек, как каждый из нас. У нее есть секреты, но у любого мальчишки может быть секрет, который он откажется рассказывать. Запомните это.

Кадсуане встала и направилась к дверям. Она задержалась около Сарен, которая не отрываясь следила за тем, как Отрекшаяся ест бобы прямо с пола:

– Подумай, не захватить ли тебе

с собой в следующий раз щетку для волос, – добавила Кадсуане. – Она бы тебе очень пригодилась.

Сарен улыбнулась:

– Да, Кадсуане Седай.

«А теперь», подумала Кадсуане, выходя из комнаты, «надо подумать, что же делать с ал'Тором?».

* * *

– Милорд, – сказал Грейди, потирая обветренное лицо. – Думаю, вы не понимаете.

– Тогда объясни мне, – сказал

Перрин. Он стоял на склоне холма, глядя вниз, на огромное скопление беженцев и солдат. Разношерстные палатки самых различных форм — островерхие, песочного цвета айильские, большие разноцветные палатки кайриэнцев и самые простые, с двумя вершинами — возникали тут и там по мере того, как люди готовились к ночлегу.

Как он и надеялся, Шайдо не бросились в погоню. Они позволили армии Перрина уйти, хотя его разведчики доносили, что они подошли к городу, чтобы его осмотреть. Так или иначе, это означало, что у Перрина есть время. Время отдохнуть, время уползти

подальше, время — как он надеялся — чтобы использовать Врата для переброски беженцев в безопасное место.

Свет, их было так много. Тысячи и тысячи людей, управление которыми и снабжение едой было похоже на кошмар. Последние несколько дней были заполнены бесконечным потоком жалоб, протестов, решений и бумаг. И где только Балвер нашел столько бумаги? Похоже, ее хватило на всех пришедших к Перрину. Решения тяжб и споров казались им намного весомее, когда были записаны на бумаге. Еще Балвер заявил, что Перрину понадобится печать.

Работа отвлекала, и это было хорошо. Но Перрин знал, что ему не удастся надолго избавиться от проблем. Ранд тянул его на север. Перрин должен идти на Последнюю Битву. Остальное неважно.

И все же, именно эта его заикленность — отрицание всего окружающего, кроме единственной цели — была источником стольких проблем во время его охоты за Фэйли. Ему каким-то образом нужно найти золотую середину. Он должен решить для себя, хочет ли он вести этих людей за собой. Ему необходимо найти компромисс с волком внутри, с тем зверем, что, когда Перрин вступал в бой, впадал в ярость.

Но до того, как решить эти вопросы, ему нужно отправить беженцев домой. Это оказалось проблемой.

— У тебя было время отдохнуть, Грейди, — сказал Перрин.

— Усталость только часть проблемы, милорд, — ответил Грейди. — Хотя, честно говоря, я до сих пор чувствую, что мог бы проспать целую неделю.

Он действительно выглядел усталым. Грейди был крепким мужчиной с лицом и характером фермера. Перрин скорее доверился бы ему, чем большинству знакомых лордов. Но Грейди уже выбился из сил. Что происходит с тем, кто

вынужден так много направлять? У Грейди появились мешки под глазами, и посерело лицо, несмотря на смуглый цвет кожи. Хотя он был молодым человеком, у него уже появилась седина.

«Свет, я заставляю его работать слишком много, – подумал Перрин. – Обоих, его и Неалда». Это, как он начинал понимать, был еще один результат его заикленности. То, что он сделал с Айрамом, то, как он бросил окружающих без руководства... «Я должен все исправить. Должен найти способ со всем разобраться».

Если не исправит, то может и не дотянуть до Последней Битвы.

– Дело вот в чем, милорд, – Грейди опять потер подбородок, обзревая лагерь. Разные сообщества людей – майенцы, гвардия Аллиандре, двуреченцы, Айил, беженцы из различных городов – все располагались по отдельности, собираясь кольцами. – Здесь около ста тысяч людей, которым нужно попасть домой. Тех, кто уйдет в любом случае. Но многие говорят, что чувствуют себя безопасней здесь, с вами.

– Они могут и передумать, – сказал Перрин. – Им место там, где их семьи.

– А те, чьи семьи теперь находятся на территории Шончан? –

пожал плечами Грейди. – Если б не захватчики, многие из них с радостью бы вернулись. Но теперь... Теперь они говорят, что лучше остаться там, где есть еда и защита.

– И все же мы можем отправить тех, кто хочет уйти, – сказал Перрин. – Нам будет легче идти без них.

Грейди помотал головой.

– В том-то и дело, милорд. Ваш человек, Балвер, подсчитал. Я могу создавать врата такого размера, что через них одновременно проходят два человека. Если предположить, что они будут проходить за одну секунду... Тогда, чтобы пройти им всем, понадобится много-много часов. Я не знаю точной цифры, но

он утверждал, что это займет несколько дней без перерыва. И еще он сказал, что его расчеты, скорее всего, слишком оптимистичны. Милорд, при том, как я устал, я мог бы держать врата открытыми не больше часа.

Перрин стиснул зубы. Он должен был лично запросить эти цифры у Балвера, но внутреннее чувство подсказывало ему, что Балвер окажется прав.

— Тогда мы пойдем дальше, — сказал Перрин. — Будем двигаться на север. Каждый день ты и Неалд будете создавать врата, и мы будем отправлять часть людей по домам. Но не изматывайте себя.

Грейди кивнул; его глаза были запавшими из-за сильного утомления. Возможно, будет лучше не начинать и подождать еще несколько дней. Перрин кивком отпустил Посвященного, и Грейди не спеша поехал вниз, к лагерю. Перрин остался на склоне холма, оглядывая все секции лагеря, пока люди готовились к ужину. В центре лагеря стояли повозки, груженные провиантом, который — он опасался — закончится еще до того, как он доберется до Андора. Или стоит направиться в Кайриэн? Там он в последний раз видел Ранда, хотя, судя по видениям, тот не был ни в одной из этих стран. Он сомневался,

что после слухов о нем и этом треклятом знамени с Красным Орлом королева Андора примет его с распростертыми объятиями.

Перрин на секунду отвлекся от этой проблемы. Похоже, лагерь устроился. От каждого кольца палаток к центральному складу провизии направились представители за вечерним пайком. Каждая группа сама отвечала за готовку; Перрин наблюдал только за распределением продуктов. Он узнал вдалеке своего квартирмейстера — кайриэнца по имени Бавин Рокшо — стоящего на краю повозки и по очереди разбиравшегося с каждым из представителей.

Удовлетворенный результатами осмотра, Перрин спустился в лагерь, пройдя мимо палаток кайриэнцев, которые располагались на пути к его собственным, стоявшим рядом с двуреченскими.

Он уже привык к своему обостренному восприятию. Оно пришло к нему вместе с желтым цветом глаз. Большинство людей вокруг, похоже, больше не обращали на них внимания, но ему быстро напоминали об этом те, кого он встречал впервые. Например, многие кайриэнские беженцы бросали возню со своими палатками и наблюдали, как он проходит мимо, шепча: «Златоокий».

Он не беспокоился из-за прозвища. Имя его рода было Айбара, и он носил его с гордостью. Он был одним из немногих, кто мог передать его по наследству. Троллоки об этом позаботились.

Он глянул на ближайшую группу беженцев, и они поспешно принялись вбивать колья. Тем временем Перрин миновал пару парней из Двуречья – Тода ал'Каара и Джори Конгара. Они увидели его и поприветствовали, прижав кулак к груди. Для них Перрин Златоокий был не страшилищем, а человеком достойным уважения, хотя они все еще перешептывались о той ночи, что он провел в шатре Берелейн. Как

Перрин хотел бы избавиться от напоминания о том событии. Его люди были в восторге и возбуждении от разгрома Шайдо, но еще совсем недавно Перрин чувствовал, что они ему не рады.

И все же сейчас эти двое, похоже, забыли о недовольстве. Вместо этого они его приветствовали. Неужели они забыли, что Перрин вырос вместе с ними? Как насчет тех времен, когда Джори посмеивался над медленной речью Перрина, или когда он ходил к кузне хвастаться, кого из девчонок он поцеловал?

Перрин просто кивнул в ответ. Бесплезно копать в прошлом, раз

их преданность «Перрину Златоокому» помогла спасти Фэйли. Хотя он, проходя мимо, своим чутким слухом уловил, что они болтают о прошедшей недавно битве и своем участии в ней. От одного из них еще пахло кровью, он не удосужился почистить сапоги. Вероятно, он даже не замечал на них спекшейся крови из-за грязи.

Порой Перрин сомневался, что его чувства острее, чем у других. Он просто замечал то, что другие оставляли без внимания. Как они могут не замечать этот запах крови? И морозный воздух с гор на севере? Он пах родиной, хотя они находились за много лиг от Двуречья. Если бы

другие попытались закрыть глаза и сосредоточиться, смогли бы они почувствовать то же, что и он? Если бы они открыли глаза и внимательней посмотрели на окружающий мир, смогли бы они назвать свои глаза «острыми», как говорили про Перрина?

Нет. Это была лишь иллюзия. Его чувства были острее. Его изменило родство с волками. Какое-то время он не думал об этом – был слишком сосредоточен на Фэйли. Но он перестал стесняться своих глаз. Они были частью его. Жаловаться на это было бесполезно.

И все же, эта ярость, которую он чувствовал во время сражения... эта

потеря контроля над собой. Это беспокоило все больше и больше. Первый раз он почувствовал ее в ту далекую ночь, когда сражался с Белоплащниками. На время Перрин забыл, кто он — волк или человек.

И сейчас — во время одного из недавних волчьих снов — он пытался убить Прыгуна. В волчьем сне смерть была окончательной. В тот день Перрин едва не потерял свое «я». Мысль об этом пробудила в нем старые, забытые было страхи. Страхи, связанные с запертым в клетке человеком, ведущим себя словно волк.

Он двинулся дальше, к своей палатке, приходя к определенному

решению. Он как одержимый гнался за Фэйли, игнорируя волчьи сны, как и все свои обязанности. Он заявлял, что ничто другое не имело значения. Но он знал, что истина намного сложнее. Он полностью сосредоточился на Фэйли потому, что очень сильно ее любил, но в то же время и потому, что так было удобно. Ее спасение было предлогом для того, чтобы избавиться от беспокойства из-за руководства людьми и за зыбкое перемирие внутри него между ним и волком.

Он спас Фэйли, но так много осталось проблем! Ответы должны быть в его снах.

Настало время вернуться.

Глава 18. Послание в спешке

Едва войдя в лагерь Айз Седай, Суан замерла, уперев корзину с грязным бельем в бедро. На сей раз это были ее собственные вещи для стирки. Она наконец-то поняла, что ей обязательно стирать сразу и

Брину, и себе. Почему бы не позволить постирать ее вещи послушницам? Вот уж кого в эти дни было предостаточно.

И, похоже, они все разом столпились на дорожке вокруг шатра в центре лагеря. Они стояли плечом к плечу, словно белая стена, поверх которой торчали разноцветные головы. Обычное заседание Совета не привлекло бы такого внимания. Определенно, что-то происходит.

Поставив ивовую корзину с бельем на пень, Суан накрыла её полотенцем. Она не доверяла этому небу, хотя дождя не было уже давно, если не считать той мелкой мороси на прошлой неделе. Не доверяй небу

хозяина доков. Девиз на всю жизнь. Даже если возможные последствия — всего лишь корзина с мокрой одеждой, притом еще и грязной.

Она поспешила перейти грязную дорогу и ступила на один из деревянных тротуаров. По пути к шатру необработанные доски немного прогибались и скрипели при каждом шаге. Ходили разговоры о том, чтобы заменить эти мостки чем-то более долговечным, возможно, таким же дорогим, как брусчатка.

Она добралась до задних рядов собравшихся женщин. В последний раз на вызвавшем схожий ажиотаж Совете открылось, что Аша'маны

связали узами сестер, и что саидин очищена от порчи. Да ниспошлет Свет, чтобы её не ждали сюрпризы подобного масштаба! Её нервы и без того были туго натянуты с тех пор, как она связалась с Гаретом проклятым Брином. Чего, например, стоит одно его предложение научить её обращаться с мечом, так, на всякий случай. Она никогда не считала, что от мечей много пользы. Кроме того, где это видано, чтобы Айз Седай сражалась с помощью оружия, словно эти сумасшедшие Айил? Действительно, только этот мужчина мог придумать такое.

Она проложила себе путь через толпу послушниц, недовольная тем,

что приходится привлекать к себе их внимание, чтобы ей дали пройти. Послушницы, конечно же, уступали ей дорогу, как только замечали, что сквозь толпу пробивается сестра, но были настолько поглощены происходящим, что ей пришлось потрудиться, чтобы отодвинуть их с пути. Она сделала выговор нескольким послушницам за невыполнение ими своих обязанностей. Где же Тиана? Она должна вернуть девочек к обычным делам. Даже если Ранд ал'Тор собственной проклятой персоной заявится в лагерь, послушницы должны продолжать занятия!

Наконец, около входа в шатер,

она обнаружила ту, кого искала. Шириам, Хранительница Летописей Эгвейн, не могла присутствовать на Совете без Амерлин, и поэтому была обречена ждать снаружи. Вероятно, это было лучше, чем киснуть в своей палатке.

Огненноволосая женщина за прошедшие недели порядком подрастеряла свою прежнюю округлость. Ей действительно стоило бы заказать себе новые платья, старые уже начинали висеть на ней мешком. Тем не менее, казалось, она вновь обрела толику спокойствия, став менее дерганой в последнее время. Что бы ее ни беспокоило, это, вероятно, прошло. Сама Шириам всё

время настаивала, что у неё всё в порядке.

– Рыбий потрох, – проворчала Суан, когда послушница случайно пихнула её локтем. Суан наградила девочку взглядом, от которого та сникла и поспешила убраться, её семья послушниц неохотно последовала за ней. Суан опять повернулась к Шириам. – И что тут происходит? Выяснилось, что один из помощников конюха на самом деле король Тира?

Шириам вскинула бровь.

– Элайде известно

Перемещение.

– *Что?* – заглянув в шатер, переспросила Суан. Все места были

заняты Айз Седай, и долговязая Ашманайлла из Серой Айя что-то им говорила. Почему это заседание не Запечатано Пламенем?

Шириам кивнула.

— Мы выяснили это, когда послали Ашманайллу получить деньги от Кандора.

Подношения были одним из главных источников доходов для Айз Седай из лагеря Эгвейн. В течение многих столетий каждое государство посылало пожертвования в пользу Тар Валона. Белая Башня больше не полагалась на этот вид дохода: у неё были способы намного лучше обеспечить себя, не зависящие от чужого великодушия. Но от подарков

никогда не отказывались, и большинство государств Пограничья всё еще придерживалось старых обычаев.

До раскола Белой Башни в обязанности Ашманайллы входило ведение учета пожертвований и ежемесячная рассылка благодарственных писем от имени Амерлин. Благодаря расколу в Белой Башне и открытию Перемещения для Айз Седай из лагеря Эгвейн отправить делегацию и собрать пожертвования лично стало очень просто. Кандорскому главному клерку было всё равно, какую из сторон расколовшейся Белой Башни поддерживать, лишь бы

пожертвование было отправлено, поэтому он был счастлив вручить деньги Ашманайлле лично в руки.

Из-за осады Тар Валона стало просто изъять эти деньги из тех пожертвований, что могли уйти Элайде, и использовать их вместо этого на оплату солдат Брина. Очень ловкий поворот судьбы. Но ни одно море не остается спокойным вечно.

– Главный клерк был весьма зол, – сказала Ашманайлла деловым тоном: «Я уже заплатил вам в этом месяце», сказал он мне. «Я отдал деньги женщине, которая приходила менее суток назад. Женщина принесла письмо от самой Амерлин, надлежащим образом запечатанное, в

котором мне приказывалось отдавать деньги только сестре из Красной Айя».

— Это не доказывает, что у Элайды есть Перемещение, — заметила Романда в шатре. — Красная сестра могла добраться в Кандор иным способом.

Ашманайлла покачала головой.

— Они видели Переходные Врата. Главных клерк нашел ошибку в расчетах и послал писца вслед за посланниками Элайды, чтобы передать им еще немного монет. Мужчина очень точно описал то, что увидел. Лошади проходили через черную дыру в воздухе. Это настолько ошеломило его, что он

позвал стражу – но к тому моменту люди Элайды уже ушли. Я расспросила его лично.

– Не люблю доверять словам какого-то мужчины, – сказала Морайя, сидевшая в первых рядах.

– Главный клерк в деталях описал женщину, которая забрала у него деньги, – ответила Ашманайлла.

– Уверена, это была Несита. Возможно, мы могли бы выяснить, в Башне ли она сейчас? Это послужило бы еще одним доказательством.

Остальные начали возражать, но Суан не стала вслушиваться. Возможно, это был очень умный ход, чтобы отвлечь их, но они не могли так рисковать. Свет! Неужели она

единственная, у кого есть голова на плечах?

Она поймала ближайшую послушницу, робкую девчонку, которая, похоже, была старше, чем казалась на вид — девочка просто обязана была быть старше, потому что выглядела она не старше девяти лет.

— Мне нужен курьер, — сообщила ей Суан. — Позови одного из вестовых, которых Лорд Брин оставил в лагере, чтобы доставлять ему новости. Быстро.

Девочка с писком умчалась.

— Что это значит? — спросила Шириам.

— спасаю наши жизни, —

ответила Суан, неодобрительно посмотрев на толпящихся послушниц.

— Ладно! — прорычала она. — Хватит таращиться! Если ваши уроки отложили из-за этого провала, то найдите себе, чем заняться. Через десять секунд любая послушница, все еще стоящая здесь, будет отбывать наказание, пока не научится считать правильно!

Эти слова вызвали массовый исход белого, семьи послушниц заспешили прочь быстрыми шагами. Через пару мгновений, кроме Шириам и Суан, осталась только небольшая группа Принятых. Они съежились под взглядом Суан, но та

ничего не сказала. Большая свобода была частью привилегий Принятых. Кроме того, Суан была удовлетворена тем, что можно было двигаться, не толкаясь.

— Почему это заседание с самого начала не было Запечатано Пламенем? — спросила она Шириам.

— Понятия не имею, — призналась Шириам, заглядывая в большой шатер. — Это пугающие новости, если всё это правда.

— Рано или поздно, это должно было случиться, — сказала Суан, хотя внутренне она не была так спокойна, как стремилась изобразить внешне. — Новости о Перемещении наверняка уже распространяются.

«Что произошло? - подумала она. – Они не сломили Эгвейн, так? Да ниспошлет Свет, чтобы ни её, ни Лиане не заставили выдать эту тайну. Беонин. Это просто обязана быть она. Чтоб всё сгорело!»

Она покачала головой.

– Ниспошли Свет, чтобы нам удалось держать Перемещение втайне от Шончан. Когда они всё же нападут на Белую Башню, нам понадобится хотя бы это преимущество.

Шириам весьма скептически смерила её взглядом. Большинство сестер не верили пророческим снам Эгвейн об атаке Шончан. Дуры! Они хотели поймать рыбу, но не хотели

потрошить её. Нельзя, избрав
женщину Амерлин, потом
несерьезно относиться к её
предупреждениям.

Суан ждала, постукивая ногой от
нетерпения и прислушиваясь к
разговору в шатре. Едва она начала
подумывать, не послать ли ей еще
одну послушницу, как один из гонцов
Брина рысью подъехал к шатру.
Вредная зверюга, на спине которой
сидел курьер, была полуночно-
черного цвета с белыми манжетами у
копыт, и фыркнула на Суан, когда
всадник в аккуратном мундире и с
коротко стриженными
каштановыми волосами резко
натянул поводья. Неужели

обязательно было приводить с собой это чудовище?

– Айз Седай? – обратился к ней мужчина, кланяясь со спины лошади.
– У вас послание для Лорда Брина?

– Да, – ответила Суан. – И ты проследишь, чтобы оно было доставлено со всей поспешностью. Понятно? От этого могут зависеть наши жизни.

Солдат резко кивнул.

– Передай Лорду Брину... – начала Суан. – Передай ему, чтобы он следил за флангами. Наши враги научились тому способу, которым мы попали сюда.

– Будет сделано.

– Повтори мне всё это, – сказала

Суан.

— Конечно, Айз Седай, — снова поклонившись, ответил мужчина. — Но чтобы вы знали, я служу курьером у генерала больше десяти лет. Моя память...

— Хватит, — перебила его Суан. — Мне наплевать, сколько ты уже этим занимаешься. Мне наплевать, насколько у тебя хорошая память. Мне наплевать, если, по какой-то шутке судьбы, тебе пришлось доставлять точно такое же сообщение уже тысячу раз. Ты повторишь его мне.

— Хм, да, Айз Седай. Я должен сообщить Лорду Генералу, чтобы он следил за флангами. Наши враги

научились тому способу, которым мы попали сюда.

– Хорошо. Иди.

Мужчина кивнул.

– Немедленно!

Он поднял на дыбы эту ужасную лошадь и поскакал во весь опор прочь из лагеря. Его плащ развевался за его спиной.

– Что это значит? – спросила Шириам, отвлекшись от наблюдения за происходящим на Совете.

– Хочу убедиться, что мы не проснемся окруженными армией Элайды, – ответила Суан. – Готова поспорить, я единственная, кому пришло в голову предупредить нашего генерала о том, что враги,

возможно, уже свели на нет наше самое большое тактическое преимущество. Поосаждали — и хватит.

Шириам нахмурилась, словно даже не подумала об этом. И она не одна такая. О, кто-то, возможно, вспомнил о Брине и даже собирался со временем послать генералу сообщение. Но для большинства катастрофой было не то, что армии Элайды могут теперь зайти им с фланга, и не то, что теперь осада, которую вел Брин, стала бесполезна. Катастрофой для них было нечто более личное: тщательно хранимое в тайне знание попало в руки других. Перемещение принадлежало им, а

теперь оно есть и у Элайды! Очень по-айзсейдайски! Сперва возмутиться, потом уже просчитывать последствия.

Или, возможно, Суан просто было горько. Кто-то в шатре наконец-то додумался объявить собрание Совета Запечатанным Пламенем, и Суан ушла, сойдя с мостков на утопанную землю. Послушницы поспешно проходили мимо, склонив головы, чтобы не встречаться с ней взглядом, однако не забывали приседать в реверансе. «У меня сегодня плохо получается казаться слабой», – с гримасой подумала Суан.

Белая Башня рушилась. Айя

ослабляли друг друга мелкими склоками. Даже здесь, в лагере Эгвейн, больше времени уделяли политической грызне, чем подготовке к надвигающейся буре.

И Суан была частично ответственна за эти неудачи.

На Элайде и её Айя лежала львиная доля вины. Но если бы Суан стимулировала взаимодействие между Айя, может, и не было бы раскола? У Элайды было не так уж много времени, чтобы повернуть дело. Каждая трещинка, появлявшаяся в Башне, должно быть, родилась из маленьких сколов, появившихся во время правления Суан. Если бы она больше старалась

быть посредником между
группировками в Башне, может, она
сумела бы укрепить этих женщин?
Могла ли она удержать их от того,
что они пошли друг на друга как
рассвирепевшие рыбы-бритвы?

Дракон Возрожденный был
важен. Но он был всего лишь одной
из фигур в сплетении этих последних
дней. Было слишком легко забыть
это, слишком легко приковать всё
свое внимание к драматическому
персонажу легенд и забыть обо всех
остальных.

Она вздохнула, поднимая
корзину с бельем и — по привычке —
проверяя, всё ли на месте. Но едва
она сделала это, к ней по одной из

боковых дорожек подошла фигура в белом.

– Суан Седай?

Суан, нахмурившись, подняла взгляд. Послушница, стоявшая перед ней, была одной из самых необычных во всем лагере. У почти семидесятилетней Шарины было обветренное морщинистое лицо бабушки. Ее серебристые волосы были уложены в пучок, и, когда женщина не горбилась, в ней чувствовалась определенная особая значимость. Она так много повидала, так много сделала за все прожитые годы. И в отличие от Айз Седай, Шарина действительно прожила все эти годы. Работая, воспитывая детей,

даже хороня их.

У неё был высокий потенциал. Что примечательно: она определенно получит шаль, и, как только это произойдет, она займет положение намного выше, чем Суан. Но пока что Шарина присела в глубоком реверансе. Она почти идеально демонстрировала почтение. Из всех послушниц Шарина слыла самой непритязательной, покладистой и усердной. Будучи послушницей, она понимала вещи, о которых не знали большинство Айз Седай – либо позабыли в тот же миг, как получили шаль. Как быть покорной, когда это необходимо; как принимать наказание; как определить, что

лучше научиться, а не притвориться, что уже знаешь. «Если б только у нас было побольше таких, как она, — подумала Суан, — и поменьше таких, как Элайда и Романда».

— Да, дитя? — спросила Суан. — В чем дело?

— Я увидела, как вы поднимаете корзину с бельем, Суан Седай, — ответила Шарина. — И подумала, что, возможно, я могла бы понести её вместо вас.

Суан заколебалась.

— Я бы не хотела, чтобы ты утомляла себя.

Шарина вскинула брови с совершенно не свойственным послушницам выражением.

— Эти старые руки носили тяжести в два раза больше этой к реке и обратно еще в прошлом году, Суан Седай, да еще и всю дорогу жонглируя тремя внуками. Думаю, я справлюсь.

Было что-то в её глазах, какой-то намек, что её предложение — не совсем то, чем кажется. Как оказалось, эта женщина была искусна не только в плетении Исцеления.

Сгорая от любопытства, Суан позволила пожилой женщине забрать корзину. Они направились по дорожке к палаткам послушниц.

— Удивительно, — сказала Шарина, — как много беспокойства

может доставить такое незначительное на вид событие, не так ли, Суан Седай?

— То, что Элайда узнала Перемещение — значительное событие.

— И всё равно, это и близко не стоит по значительности с тем, что, по слухам, произошло на собрании пару месяцев назад, когда нас посетил способный направлять мужчина. Странно, что на этот раз подняли такой переполох.

Суан покачала головой.

— Мышление толпы всегда выглядит странно на первый взгляд, Шарина. Все до сих пор обсуждают этот визит Аша'мана, и им хочется

большого. Поэтому они так возбужденно хватаются за возможность услышать что-нибудь еще. Таким образом, большие открытия могут происходить втайне, из-за чего меньшие появляются со взрывом беспокойства.

— Кто-то мог бы найти этому наблюдению неплохое применение, я полагаю, — Шарина кивнула группе послушниц, которые прошли мимо. — Например, если бы кто-то пожелал устроить панику.

— О чем это ты? — прищурившись, спросила Суан.

— Ашманайлла сначала отчиталась перед Лилейн Седай, — тихо сообщила Шарина. — Я слышала,

что именно Лилейн позволила новостям разлететься по лагерю. Она едва ли не прокричала их неподалеку от семьи послушниц, пока объявляла созыв Совета. Еще она отклонила несколько поступивших ранее призывов объявить собрание Запечатанным Пламенем.

— Ах, — сказала Суан. — Так вот почему!

— Конечно, я всего лишь пересказываю слухи, — объяснила Шарина, остановившись в тени корявого черного дерева. — Возможно, это всё глупости. Ведь Айз Седай статуса Лилейн наверняка знала бы, что если она допустит утечку информации в пределах

слышимости послушниц, то новости скоро дойдут до всех любопытных ушей.

— А в Башне все уши любопытны.

— Именно так, Суан Седай, — с улыбкой сказала Шарина.

Лилейн хотела сделать из заседания цирк — она хотела, чтобы всё слышали послушницы, и все сестры в лагере присоединились к обсуждению. Зачем? И почему Шарина поделилась своим весьма необычным для послушницы мнением?

Ответ был очевиден. Чем больше женщины в лагере чувствовали себя под угрозой гибели — чем большую

опасность они видели в Элайде – тем легче перехватить контроль чьей-то твердой руке. Хотя сестры сейчас были возмущены всего лишь потерей тщательно охраняемого секрета, скоро они поймут ту опасность, которую уже увидела Суан. Скоро они начнут опасаться. Забеспокоятся. Перепугаются. Осада не сработает, раз осажденные Айз Седай могут Перемещаться куда угодно и когда угодно. Армия Бриана, стоящая у мостов, стала бесполезной.

Если Суан не ошиблась со своим предположением, Лилейн попытается убедиться, что все остальные тоже осознали последствия.

— Она хочет, чтобы мы испугались, — сказала Суан. — Она хочет создать кризис.

Это был умный ход. Суан следовало предугадать его. То, что она не смогла сделать этого, как и то, что она и намека не имела на планы Лилейн, открывало важный факт. Женщина, очевидно, не доверяла Суан так сильно, как казалось. Проклятье!

Она сосредоточилась на Шарине. Седая женщина терпеливо стояла, ожидая, пока Суан обдумает всё, что ей открылось.

— Зачем ты рассказала мне это? — спросила Суан. — Как всем известно, я — лакей Лилейн.

Шарина подняла брови.

– Пожалуйста, Суан Седай. Эти глаза не слепы, и они видят женщину, изо всех сил старающуюся, чтобы враги Амерлин были чем-то заняты.

– Хорошо, – сказала Суан. – Но ты всё же подвергаешь себя опасности за слишком малую награду.

– Малую награду? – переспросила Шарина. – Простите, Суан Седай, но как вы полагаете, какова будет моя судьба, если Амерлин не вернется? Не важно, что Лилейн Седай говорит сейчас, но мы чувствуем, что она на самом деле думает.

Суан задумалась. Пускай сейчас

Лилейн играла роль верной сторонницы Эгвейн, но еще недавно она, как и прочие, была недовольна староватыми послушницами. Немногим нравилось, когда менялись традиции.

Теперь же, когда новые послушницы были вписаны в Книгу Послушниц, будет весьма сложно выгнать их из Башни. Но это не означает, что Айз Седай и дальше будут принимать женщин постарше. Кроме того, был неплохой шанс, что Лилейн — или кто-то еще, кто окажется на Престоле Амерлин — найдет способ препятствовать или откладывать продвижение женщин, которые были приняты вопреки

традициям. Это, определенно, затронуло бы и Шарину.

– Я расскажу Амерлин о твоём содействии, – сказал Суан. – Ты будешь награждена.

– Моей наградой будет возвращение Эгвейн Седай, Суан Седай. Молюсь, чтобы это случилось поскорей. Она сплела наши судьбы со своей в тот момент, когда приняла нас. После всего того, что я увидела и почувствовала, я не имею ни малейшего желания прекращать обучение, – женщина подняла корзину. – Полагаю, вы бы хотели, чтобы всё это было выстирано и возвращено вам?

– Да, спасибо.

– Я послушница, Суан Седай. Это и обязанность, и удовольствие для меня.

Пожилая женщина поклонилась в знак уважения и продолжила путь дальше по дорожке, шагая так, будто сбросила с себя часть груза лет.

Суан понаблюдала, как она уходит, а затем остановила другую послушницу. Нужен еще один гонец к Брину. На всякий случай. «Поторопись, девочка, – мысленно обратилась Суан к Эгвейн, глядя на шпиль Белой Башни. – Шарина не единственная, чья судьба туго сплетена с твоей. Ты всех нас вплела в свою сеть».

Глава 19. Жертвы

Хаос. Весь мир охвачен хаосом. Сложив руки за спиной, Туон стояла на балконе своего зала для приемов в эбударском дворце. На дворцовой площади, плиты которой были отмыты добела, как и почти всё в городе, отряд алтарцев в золотой с

черным форме практиковал построения под бдительным взором пары ее офицеров. Вдалеке над ними возвышались городские здания; по стенам высоких, белых башен бежали разноцветные полосы, обрамляющие купола.

Порядок. Здесь, в Эбу Дар, и даже на территории вокруг города, уставленной повозками и палатками, был порядок. Шончанские солдаты занимались патрулированием и следили за соблюдением законов. В будущем надо еще вычистить Рахад. Бедность — это не причина, да и не оправдание жизни в беззаконии.

Но этот город был лишь небольшим островком спокойствия в

бушующем мире. С тех пор как умерла Императрица, в Шончан разгорелась гражданская война. Коринне продолжалось, но из-за Возрожденного Дракона на востоке и армий Домани на севере возвращение земель Артура Ястребиное Крыло продвигалось медленно.

Она все еще ждала новостей о Лейтенанте-Генерале Туране, хотя приметы не предвещали ничего хорошего. Галган утверждал, что они, возможно, будут приятно удивлены результатом, но в час, когда Туон была извещена о затруднительном положении Турана, она видела черного голубя. Знамение было

недвусмысленным. Живым он не вернется.

Хаос. Прошел уже день, как Туон вернулась в Эбу Дар. Немного в стороне от нее стоял верный Карид в тяжелой броне, покрытой алым и темно-зеленым, почти черным лаком. Это был высокий человек с квадратным, твердым, почти как его собственные доспехи, лицом. Вместе с ним было две дюжины Стражей Последнего Часа, не считая шести Садовников-огир. Сейчас они выстроились по обе стороны комнаты с белыми колоннами, поддерживающими высокий потолок. Карид тоже ощущал хаос, и намеревался не допустить

повторного похищения Туон. Хаос наиболее смертельно опасен тогда, когда делаешь предположения о том, на что он может повлиять, а на что нет. Здесь, в Эбу Дар это проявилось в намерении лишить жизни Туон.

Она успешно избегала покушения на свою жизнь с тех самых пор, как научилась ходить. Она ожидала их. В некотором смысле, они помогали ей взрослеть. Как понять, насколько ты влиятельна, пока кто-нибудь не подойдет к тебе наемных убийц?

Однако предательство Сюрот... Несомненно, это проявление хаоса, когда сам лидер Предвестников оказывается предателем.

Восстановление порядка в мире становится делом очень, очень сложным. Практически невозможным.

Туон выпрямила спину. Она считала, что еще не скоро наступит время, когда она станет Императрицей. Но она исполнит свой долг.

Она развернулась и прошла обратно в приемную ко всем собравшимся. Как и у всех Высокородных, у нее на щеках темнели полосы пепла — знак скорби по Императрице. У Туон никогда не было сильной привязанности к матери, но императрице не нужна чья-либо

привязанность. Она обеспечивает порядок и стабильность. Туон начала понимать важность таких вещей, только когда ей на плечи взвалилась эта ноша.

Просторный прямоугольный зал освещало пламя канделябров, расположенных между колонн, а сквозь широкий балкон пробивался лучистый солнечный свет. Туон приказала убрать ковры, предпочитая им яркие белые плиты. Стены комнаты были окрашены в мягкий лазурный цвет. На потолке можно было увидеть фреску, изображающую рыбаков в море, над ними в чистом небе кружили чайки. Справа от Туон, прямо перед светильниками, на

коленях стояло десять да'ковале в тонких одеждах, ожидающие приказаний. Сюрот среди них не было. Стражи Последнего Часа будут следить за ней по меньшей мере до той поры, пока у нее не отрастут волосы.

Как только Туон вошла в зал, все простолюдины встали на колени, коснувшись лбами пола. Высокородные преклонили колени и опустили головы.

Напротив да'ковале, на другом конце зала на коленях стояли Ланелле и Мелитене. Как и положено сул'дам, они носили платья с изображением серебряных молний на красных вставках в юбках.

Их обузданные дамани также стояли на коленях, лица смотрели в пол. Для некоторых дамани похищение Туон стало настоящим потрясением, и они безутешно рыдали в её отсутствие.

Ее кресло для аудиенций было сравнительно простым: деревянное сидение с отделанными черным бархатом подлокотниками и спинкой. Туон села, белая накидка на ее темно-синем плиссированном платье слегка подернулась от движения. Сразу же после этого, все, кроме да'ковале поднялись. Селусия встала и подошла к креслу, на котором сидела Туон. Левая половина головы была полностью выбрита, а оставшиеся золотистые

волосы были заплетены в косу, свисавшую справа. Поскольку она не была Высокородной, то пепла на ее щеках не было, хотя белая повязка на руке указывала, что она, как и вся Империя, скорбела по Императрице.

С другой стороны кресла встал Юрил – секретарь Туон, который, кроме того, был и ее негласной Рукой. Стражи Последнего Часа в темных доспехах, сверкающих в солнечном свете, незамедлительно окружили трон. Последнее время они проявляли чрезвычайное рвение в защите Туон, но она не винила их за это, принимая во внимание последние события.

«И вот я здесь, – подумала Туон,

— окруженная мощью, дамани с одной стороны, Стражи Последнего Часа с другой. И тем не менее, тут я не чувствую себя безопаснее, чем с Мэтримом». Как же все-таки странно, что она ощущала себя в безопасности рядом с ним.

Прямо перед ней, освещенные косыми солнечными лучами с балкона, собрались все Высокородные, Капитан-Генерал Галган был самым знатным среди них. Сегодня он был в доспехах с темно-синим, почти черным нагрудником. Его припудренные белые волосы были выбриты на висках, образовав гребень, и, заплетенные в косу, свисали чуть

ниже плеч, указывая на то, что он был Верховным Выхокородным. Рядом с ним стояли двое Низших Выхокородных – генералы Знамени Наджира и Ямада – и несколько офицеров-простолюдинов. Они терпеливо ждали, стараясь не встретиться с Туон взглядом.

Остальные Выхокородные стояли в нескольких шагах позади, чтобы засвидетельствовать её действия, их возглавляли гибкая Фаверде Нотиш и длиннолицый Аменар Шумада. Оба имели высокое положение – достаточно высокое, чтобы быть опасными. Сюрот не была единственной, кто хотел извлечь пользу из происходящих

событий, поэтому любая ошибка Туон могла привести к тому, что любой сможет стать Императрицей. Или Императором.

Война в Шончан будет продолжаться еще долго, но когда она завершится, победитель, кем бы он ни был, несомненно займет Хрустальный Трон. И тогда будет два правителя Империи Шончан, разделенные океаном, но единые в желании завоевать земли друг друга. Ни один не позволит другому остаться в живых.

«Порядок, — подумала Туон, постукивая ногтем, покрытым синим лаком, по подлокотнику из черного дерева. — Я должна быть источником

порядка, штилем для тех, кто бежит от бури».

– Селусия – моя Говорящая Правду, – объявила она собравшимся. – Пусть это донесут до всех Высокородных.

Заявление не стало ни для кого сюрпризом. Селусия склонила голову в знак подтверждения, хотя она и не очень желала занимать любую должность, а хотела просто служить и защищать Туон. Она не была обрадована назначением, но честность и прямолинейность Селусии сделают её замечательной Говорящей Правду.

По крайней мере, сейчас Туон была уверена, что ее Говорящая

Правду не была Отрекшейся.

Можно ли было верить словам Фалендре? То, что она рассказала, можно было лишь с натяжкой принять за правду. История походила на одну из сказок Мэтрима о воображаемых чудовищах, притаившихся в темноте. Но другие сул'дам и дамани полностью подтверждали рассказ Фалендре.

Тем не менее, некоторые факты говорили сами за себя. У Сюрот с Анат были общие дела. Сюрот — после недолгих уговоров — созналась, что она встречалась с одной из Отрекшихся. Или, по крайней мере, она так считала. Она не знала, действительно ли за личиной Анат

скрывалась Отрекшаяся, но считала такое возможным.

Была ли на самом деле Анат Отрекшейся или нет, но она встретилась с Драконом Возрожденным под видом Туон и пыталась убить его. «Порядок, – подумала Туон, стараясь сохранить невозмутимое лицо. – Я олицетворяю порядок».

Туон сделала быстрый жест, адресованный Селусии, которая, несмотря на новые полномочия Говорящей Правду, все же оставалась Голосом и тенью Туон. Поэтому Туон не будет сама приказывать своим подданным, она поручит это дело Селусии.

– Ты отправишься впустить его, – приказала Селусия да'ковале, находившемуся рядом с тронem. Он поклонился, касаясь головой пола, и поспешил к другому концу большой комнаты, чтобы открыть дверь.

Вошел Беслан, Король Алтары и Верховная Опора Дома Митсобар – стройный молодой человек с черными глазами и волосами. Кожа его была с оливковым оттенком, как и у многих алтаранцев, но в одежде он отдавал предпочтение стилю Высокородных. На нем были свободные желтые штаны, желтая рубашка выглядывала из-под куртки с высоким воротником. Сама куртка доходила лишь до половины груди

короля. Высокородные расступились, освободив небольшой проход, по которому с опущенным взглядом прошел Беслан. Не доходя до трона, он встал на колени и низко поклонился. Образ идеального подданного если не брать во внимание тонкую золотую корону на его голове.

Туон сделала жест в сторону Селусии.

— Тебе велено подняться, — сказала Селусия.

Беслан встал, продолжая держать глаза опущенными. Он был отличным актером.

— Дочь Девяти Лун выражает соболезнования твоей потере, —

произнесла Селусия.

– Я также соболезнаю ей в ответ,
– сказал он. – Мое горе не более чем
пламя свечи в сравнении с пожаром,
ощущаемым народом Шончан.

Вот тут он перестарался. Так
или иначе, Беслан – король, и ему
незачем так раболепствовать, ведь он
был ровней многим Высокородным.

Можно было подумать, что он
выражал покорность перед
женщиной, которая скоро станет
Императрицей, но она слишком
хорошо знала его характер, благодаря
слухам и шпионским доносам.

– Дочь Девяти Лун желает
узнать причину, по которой ты
больше не устраиваешь приемов при

дворе, – сказала Селусия, наблюдая за движением рук Туон. – Ее огорчает то, что твои люди не могут увидеть своего правителя. Смерть твоей матери, конечно, печальное и шокирующее событие, но королевство нуждается в короле.

Беслан поклонился:

– Пожалуйста, дайте ей знать, что я не считаю должным ставить свои интересы превыше ее. Я не хотел ее оскорблять, я просто не знаю, что мне делать.

– Ты уверен, что поступаешь так именно по этой причине? – Провозгласила Селусия. – А не потому, что ты, возможно, готовишь восстание против нас, и у тебя

просто нет времени выполнять свои обязанности?

От неожиданности Беслан резко взглянул вверх, широко открыв глаза:

– Ваше Величество, я ...

– Тебе не нужно больше лгать, дитя Тайлин, – вступила Туон, вызвав вздохи удивления у собравшихся Высокородных. – Я знаю о разговорах с Генералом Хабигером и с твоим другом, Лордом Малалином. Я знаю о твоих тайных встречах в подвале «Трех Звезд». Я знаю все, Король Беслан.

В комнате воцарилось молчание, Беслан склонил голову на мгновение. Затем, неожиданно он поднялся и пристально взглянул

прямо ей в глаза. Туон никогда бы не подумала, что этот льстивый юноша способен хоть на какую-нибудь дерзость.

– Я не позволю моим людям...

– На твоём месте я бы попридержала язык, – прервала Туон. – Ты сейчас не в самом лучшем положении.

Беслан пребывал в нерешительности. Она могла прочитать вопрос в его глазах. Разве она не собирается казнить его? «Да, я хотела это сделать, ты был бы мертв и даже не увидел бы ножа».

– В Шончан сейчас творятся беспорядки, – сказала Туон, взглянув на него. Эти слова шокировали

короля. — Ты думаешь, что я не придам этому значения, Беслан? Я не собираюсь глазеть на звезды, пока вокруг меня рушится моя Империя. Нельзя больше скрывать правду: моя мать мертва. Императрицы больше нет.

— Как бы то ни было, силы Коринне более чем достаточно укрепили свои позиции по эту сторону океана, в том числе и в Алтаре, — она подалась вперед, стараясь излучать властность и непоколебимость. Ее мать могла делать это постоянно. Туон не обладала высоким ростом матери, но ей нужна была эта аура. Другие должны чувствовать себя безопаснее,

более уверенно от одного ее присутствия.

– В такое время, – продолжала Туон, – нельзя допускать угрозы восстания. Многие захотят извлечь пользу из слабости Империи, и внутренние распри – если их не уладить – плохо закончатся для нас всех. Поэтому я должна быть твердой. Очень твердой. С теми, кто противостоит мне.

– Тогда почему, – спросил Беслан, – я все еще жив?

– Ты начал готовить восстание до того, как стало известно о событиях в Империи.

Потрясенный этими словами, он нахмурился.

– Ты задумал свое восстание еще тогда, когда здесь управляла Сюрот, – сказала Туон, – а королевой была твоя мать. Многое изменилось с тех пор, Беслан. Очень многое. В такое время существует возможность для больших свершений.

– Вы должны знать, у меня нет жажды власти, – сказан Беслан. – Я лишь желаю, чтобы мои люди были свободны.

– И я знаю это, – сказала Туон, сложив перед собой руки с покрытыми лаком, изогнутыми ногтями; локти по-прежнему покоились на подлокотниках кресла. – И это другая причина, по которой ты все еще жив. Восстание было

следствием твоего полнейшего невежества, а не желания самоутвердиться. Ты заблуждался, а это означает, что ты еще можешь измениться, если получишь должное знание.

Смущенный, он посмотрел на нее. «Опусти глаза, глупец! Не заставляй меня выпороть тебя за дерзость!» Будто услышав ее мысли, он сначала отвел, а затем и опустил взгляд. Да, у нее сложилось правильное мнение об этом человеке.

В каком же шатком положении она находилась! Да, у нее были армии, но большинство из них было загублено — благодаря

разрушительным действиям Сюрот.

В конце концов, все королевства по эту сторону океана склонятся перед Хрустальным Троном. Каждая марат'дамани будет посажена на привязь, каждый король или королева принесут клятвы. Но Сюрот перестаралась, и это привело к поражению Турана. Сотни тысяч людей полегли в одной битве. Это безумие.

Туон нуждалась в Алтаре. Нуждалась в Эбу Дар. Народ любил Беслана. Выставить его голову на пику после загадочной смерти матери... Нет, Туон добьется стабильности в Эбу Дар, но лучше бы ей не пришлось отвлекать военные

силы с фронтов.

– Смерть твоей матери – это большая утрата, – сказала Туон. – Она была хорошей женщиной, хорошей королевой.

Беслан поджал губы.

– Можешь говорить, – сказала Туон.

– Ее смерть... так и не объяснена, – сказал он. Было понятно, что он подразумевал.

– Я не знаю, была ли причиной её смерти Сюрот, – мягко произнесла Туон. – Она утверждает, что не имеет к этому отношения. Но расследование ведется. Если окажется, что за смертью стояла Сюрот, Алтаре и тебе лично будут

принесены извинения от самого Трона.

Еще один вздох Высокородных. Она бросила на них взгляд, чтобы те успокоились, а затем снова повернулась к Беслану.

— Смерть твоей матери — действительно огромная потеря. Ты должен знать, что она была верна своим клятвам.

— Да, — сказал он с горечью. — И отреклась от трона.

— Нет, — отрезала Туон. — Трон принадлежит тебе. Это и есть невежество, о котором я говорила. Ты должен вести за собой людей. У них должен быть король. У меня нет ни времени, ни желания выполнять

твои обязанности вместо тебя.

— Ты полагаешь, что власть Шончан на твоей родине ограничивает свободу твоего народа? Это не так. Он будет более свободным, более защищенным и более могущественным, когда признает наше господство.

— Я занимаю более высокое положение. Но разве это так неприемлемо? С мощью империи ты сможешь удерживать границу и охранять свои земли за пределами Эбу Дар. Ты говорил о своем народе? Я приказала кое-что подготовить для тебя. — Она кивнула в сторону, и грациозная да'ковале сделала шаг вперед, держа в руках кожаную

папку.

– Внутри,- сказала Туон, – ты найдешь цифры, собранные моими разведчиками и стражей. Ты сможешь сам посмотреть отчеты о преступлениях, совершенных во время нашего пребывания здесь. У тебя будут доклады и доказательства – показывающие, как люди жили до Возвращения и как после.

– Я думаю, ты знаешь, что там найдешь. Империя – это шанс для тебя, Беслан. Могущественный, сильный союзник. Я не стану оскорблять тебя, предлагая престолы, которых ты не хочешь. Я хочу заинтересовать тебя, пообещав стабильность, продовольствие и

защиту твоему народу. Все это за небольшую цену твоей верности.

Немного помедлив, он взял папку.

— Я предлагаю тебе выбор, Беслан,- сказала Туон. — Если желаешь, можешь выбрать казнь. Я не сделаю тебя да'ковале. Я позволю тебе умереть с честью. Народу скажут, что ты погиб из-за того, что отверг клятвы и отказался подчиняться Шончан. Если хочешь, я позволю этому свершиться. Твой народ узнает, что ты умер непокорившимся.

— Но ты можешь и лучше послужить своим людям. Ты можешь выбрать жизнь. Если поступишь так,

то тебя возвысят до Верховного
Высокородного. Ты будешь править,
как подобает, своим народом и
оказывать ему помощь. Обещаю, что
я не буду вмешиваться в дела твоего
народа. Я буду лишь требовать
положенные ресурсы и людей для
моей армии, и ты не сможешь
отменять мои приказы или
противоречить им. А в остальном
твоя власть в Алтаре будет
абсолютной. Никто из Высокородных
не будет иметь права приказывать,
причинять вред или лишать свободы
твоих людей без твоего разрешения.

– Я приму и рассмотрю список
знатных семей, которые по твоему
мнению должны быть возвышены до

Низших Высокородных. И я возвышу не менее двадцати семей. Алтара станет постоянной резиденцией Императрицы по эту сторону океана. А значит, здесь она станет самым могущественным королевством. Можешь выбирать.

Она двинулась вперед, расставив пальцы.

— Но учти. Если решишь присоединиться к нам, то будешь должен поклясться в верности в сердце, не только на словах. Я не позволю тебе пренебрегать клятвами. Я даю тебе этот шанс, потому что считаю, что ты можешь быть сильным союзником. Я также считаю, что ты был сбит с толку,

возможно из-за того, что попал в
изохрененные интриги Сюрот.

– У тебя есть один день, чтобы
принять решение. Хорошо подумай.
Твоя мать считала, что это лучший
выбор, а она была мудрой женщиной.
Империя означает стабильность. А
восстание – только страдания, голод
и безвестность. Сейчас не время
обособляться, Беслан.

Она расслабилась, увидев, что
Беслан разглядывает папку в своих
руках. Он поклонился в просьбе
удалиться, хотя движение было
неловким,

будто из-за растерянности.

– Можешь идти, – сказала она
ему.

Он встал, но не развернулся, чтобы уйти. Как только Беслан устоялся на руки и папку в них, в комнате воцарилась тишина. Она могла прочитать внутреннюю борьбу на его лице. Да'ковале подошел к нему, чтобы поторопить, но Туон подняла руку, останавливая слугу.

Она подалась вперед, несколько Высокородных переминались с ноги на ногу в нетерпении. Беслан продолжал разглядывать папку. Наконец, он решительно посмотрел на Туон. А затем, неожиданно, снова встал на колени.

– Я, Беслан из Дома Митсобар, присягаю в служении Дочери Девяти Лун и в ее лице всей Империи

Шончан, отныне и навеки, пока она не освободит меня по ее собственной воле. Свои земли и трон я передаю в ее руки. В чем клянусь перед Светом.

Туон позволила себе улыбнуться. Позади Беслана Капитан-Генерал Галган сделал несколько шагов, направляясь к Королю.

– Так не подобает...

Туон жестом указала ему замолчать.

– Мы требуем от этих людей принятия наших порядков, Генерал, – сказала она. – Будет подобающе, если и мы позаимствуем кое-что у них.

Немногое, конечно. Она поняла это благодаря долгим беседам с госпожой Анан. Возможно, Шончан

ошибались, заставляя этот народ приносить клятвы покорности. Так, Мэтрим незамедлительно пренебрег клятвами, когда того потребовала ситуация. Но он сдержал слово, данное Туон, и его люди отзывались о нем, как о человеке чести.

Как странно, что они могут превозносить одну клятву над другой. Этот народ был необычным. Но она должна понимать их, чтобы править, а править ими она должна, чтобы набрать силы для возвращения в Шончан.

— Я довольна твоей клятвой, Король Беслан. Я возвышаю тебя до Верховного Выхокородного и даю тебе и твоему Дому власть над всей

Алтарой, отныне и навеки, и ничто не будет ограничивать твою волю в управлении этой страной, кроме воли Императорского Трона. Поднимись.

Он встал на дрожащих ногах.

— Вы уверены, что вы не та'верен, Миледи?- спросил он. — Потому что я совсем не ожидал, что совершу такое, когда направлялся сюда.

Та'верен. Этот народ с его глупыми предрассудками!

— Я довольна тобой, — сказала она ему. — Я знала твою мать недолгое время, но находила ее вполне достойной. И мне бы не пришлось по сердцу казнь ее

единственного сына.

Он признательно кивнул. Селусия сбоку сделала едва заметное движение: «Использовала ситуацию наилучшим образом. Не совсем обычно, но изящно».

Туон почувствовала тепло от переполнявшей ее гордости. Она повернулась к беловолосому Генералу Галгану.

– Генерал, я понимаю, что вы все это время хотели поговорить со мной, и благодарю за ваше терпение. Король Беслан, можете либо уйти, либо остаться. Это ваше право – без разрешения или приглашения присутствовать на открытых собраниях, которые я провожу в

вашем королевстве.

Беслан кивнул, а затем, кланяясь, отошел в сторону, чтобы наблюдать оттуда.

— Спасибо, Верховная Дочь, — уважительно сказал Галган, делая шаг вперед. Он махнул рукой своим со'джин, которые стояли снаружи в холле. Они вошли и, сначала упав ниц перед Туон, быстро поставили стол и разложили на нем несколько карт. Один из слуг принес Галгану сверток, Капитан-Генерал взял его и подошел к Туон. Справа от нее встал Карид, слева — Селусия, но Галган держался на почтительном расстоянии. Он наклонился и расправил сверток на полу. Это было

красное знамя с изображенным посередине кругом, разделенным волнистой линией. Одна половина круга – черная, другая – белая.

– Что это? – спросила Туон и подалась вперед.

– Знамя Возрожденного Дракона,- сказал Галган. – Он прислал его вместе с гонцом, чтобы попросить еще об одной встрече.

Он посмотрел вверх, не встречаясь с ней взглядом, но выражая задумчивость и обеспокоенность.

– Сегодня утром, когда я проснулась, – сказала Туон, – я видела в небе образ в виде трех башен и ястреба высоко в воздухе,

пролетающего между ними.

Несколько Высокородных понимающе кивнули. Только Беслан, казалось, растерялся. Как могут эти люди жить, не разбираясь в знамениях? Разве они не хотят понимать знаки судьбы, которые подает им сам Узор? Ястреб и три башни – это знамение предстоящего трудного выбора. Оно указывает на необходимость быть решительным.

– Что ты думаешь о просьбе Возрожденного Дракона о встрече? – спросила Галгана Туон.

– Возможно, будет неблагоприятно встречаться с этим человеком, Верховная Дочь. Я сомневаюсь в его притязаниях на это

звание. Кроме того, разве у Империи нет сейчас более важных дел?

– Ты хочешь знать, почему наши войска не отступили, – сказала Туон.

– Почему мы не вернулись в Шончан, чтобы сохранить Трон.

Он склонил голову.

– Я доверяю вашей мудрости, Верховная Дочь.

– Это действительно Возрожденный Дракон, – сказала Туон. – А не просто самозванец. Я уверена в этом. Он должен преклонить колени перед Хрустальным Троном до того, как начнется Последняя Битва. Так что мы должны остаться. Не случайно Возвращение произошло именно

сейчас. Мы нужны здесь. К сожалению, нужны даже больше, чем на нашей родине.

Галган медленно кивнул. Он был согласен с ней не отступать обратно в Шончан; он просто предполагал, что Туон захочет отступить. Заявив, что они остаются, Туон получила уважение Галгана. Он, конечно же, все еще не исключал возможности захватить трон для себя. Человек не может дослужился до такого звания, не будь у него изрядной доли честолюбия.

Тем не менее, он прослыл человеком не только честолюбивым, но и рассудительным. Он не нанесет удар, пока не убедится, что это

приведет к лучшему. Галган должен будет верить, что у него есть благоприятная возможность, и что устранение Туон пойдет на пользу Империи. В этом и есть различие между честолюбивым глупцом и честолюбивым мудрым человеком. Последний понимает, что чье-то убийство — это только начало. Убийство Туон и захват Трона ничего не даст, если это отвратит от него остальных Высокородных.

Он подошел к столу с картами.

— Если вы желаете продолжать войну, Верховная Дочь, позвольте мне доложить о состоянии вашей армии. Один из наших самых грандиозных планов был разработан

Лейтенантом-Генералом Юланом.

Галган сделал жест собравшимся офицерам, и невысокий, темнокожий Низший Выхокородный выступил вперед. Он носил черный парик, чтобы скрыть лысину. Юлан подошел к Туон и, кланяясь, встал на колени.

— Тебе приказано подняться и говорить, Генерал, — Провозгласила Селусия.

— Выражаю свою признательность Верховной Дочери, — сказал Юлан, поднимаясь. Он сделал знак слугам приподнять карты, чтобы Туон могла видеть их.

— Не считая неудач в Арад Домане, возвращение земель

продвигается, как и ожидалось. Не так быстро, как бы нам хотелось, но крупные победы все же есть. Люди в этих королевствах не склонны объединяться для защиты соседей. Мы успешно захватываем их по одному. Только две проблемы вызывают у нас опасение. Первая – Ранд ал’Тор, Возрожденный Дракон, который развязал напористую войну за объединение на севере и востоке. Нам понадобится мудрость Верховной Дочери, чтобы научить нас, как покорить его.

– Другая проблема состоит в большом количестве *марат’дамани*, сосредоточенных в месте, известном как Тар Валон. Я думаю, Верховная

Дочь слышала об оружии, которое они использовали для уничтожения большого участка земли к северу от Эбу Дар.

Туон кивнула.

– Сул'дам никогда не видели ничего подобного, – продолжал Юлан. – Мы считаем, что этому можно обучить дамани, если захватить подходящую марат'дамани. Если они действительно владеют этим поразительным умением мгновенно перемещаться из одного места в другое, то это второе, чему мы обязательно должны научиться для того, чтобы получить огромное тактическое преимущество.

Туон снова кивнула, изучая

карту, на которой было изображено место, называемое Тар Валонем. Селусия провозгласила:

– Твои планы заинтересовали Верховную Дочь. Тебе позволено продолжать.

– Выражаю свою глубочайшую благодарность, – сказал Юлан, кланяясь. – Для меня честь, как для Капитана Воздуха, командовать *ракенами* и *то'ракенами*, служащими силам Возвращения. Я надеюсь, что удар в самое сердце врага будет не только возможным, но и очень выгодным. Нам еще не приходилось сражаться с большим количеством этих *марат'дамани*, но продвижение в земли, контролируемые Драконом

Возрожденным, предполагает, что мы, несомненно, столкнемся с их большим количеством.

— Они думают, что сейчас находятся в безопасности. Удар по ним сейчас может сильно повлиять на будущее. Каждая *марат'дамани*, посаженная на привязь, будет не только могущественным орудием в наших руках, но и потерей для врага. В предварительных докладах утверждается, что в этом месте, называемом Белой Башней — сотни и сотни *марат'дамани*.

«Так много?» — подумала Туон. Подобная сила может коренным образом изменить ход войны. Те

марат'дамани, которые путешествовали вместе с Мэтримом, говорили, что они не будут принимать участие в войнах. Действительно, до сих пор марат'дамани, ранее бывшие Айз Седай, показывали себя абсолютно бесполезными в качестве оружия. Но, может быть, существует какой-нибудь хитрый способ, позволяющий обойти их клятвы? Иногда Мэтрим мимоходом делал замечания о чем-то подобном, что заставило Туон подозревать, что такой способ все же существует.

— Дочь Девяти Лун желает знать, как можно провести эту атаку, — провозгласила Селусия. — Расстояние

очень большое. Сотни лиг.

— Мы используем большинство то'ракенов,- сказал Генерал Юлан. — И несколько ракенов для разведки. На захваченных картах отмечены большие, травянистые, практически ненаселенные территории. Их можно использовать для отдыха. Мы можем ударить через Муранди здесь, — он показал на второй карте, которую держали помощники, — и выйти на Тар Валон с юга. Если будет угодно Верховной Дочери, мы устроим нападение ночью, когда марат'дамани спят. Нашей целью будет захватить как можно больше.

— Удивительно, если этот план действительно осуществим, —

Провозгласила Селусия. Туон была заинтересована. — Сколько ресурсов мы можем задействовать в этой атаке?

— Если мы получим полное одобрение? Я думаю, что для атаки наберется от восьмидесяти до ста то'ракенов,- сказал Юлан.

От восьмидесяти до ста то'ракенов. То есть около трехсот солдат в полном снаряжении и еще остается место для захваченных марат'дамани. Три сотни — это значительная сила для подобной атаки. Но им придется двигаться быстро и незаметно, чтобы не попасть в ловушку.

— Если будет угодно Верховной

Дочери, – сказал Генерал Галган, снова выступая вперед. – Я нахожу план Юлана весьма достойным. Вероятность большого проигрыша не исключается, но у нас никогда больше не будет подобной возможности. Будучи вовлеченными в конфликт, эти *марат'дамани* смогут нанести крупный ущерб. Но если мы заполучим их оружие, или даже способность перемещаться на большие расстояния... Я думаю, что риск потерять всех *то'ракенов* нашей армии вполне оправдан.

– Если будет угодно Верховной Дочери, – продолжил Генерал Юлан.
– Наш план предполагает задействовать двадцать отрядов

Небесных Кулаков – итого двести человек, и пятьдесят сул'дам. Мы также считаем, что будет уместна небольшая группа Кровавых Ножей.

Кровавые Ножи – самые элитные представители Небесных Кулаков – их задействуют только в исключительных ситуациях. Юлан и Галган все посвящали этой операции! Никто не стал бы использовать этот элитный отряд, если на то нет серьезных причин, ведь Кровавые Ножи никогда не возвращаются со своих заданий. Их задача – оставшись, прикрывать отступающих Небесных Кулаков, нанося противнику как можно больший урон. Если они смогут

отправить нескольких в Тар Валон с приказом убить как можно больше марат'дамани...

— Возрожденный Дракон будет недоволен этим нападением, — сказала Туон Галгану. — Разве он не связан с этими марат'дамани?

— Если верить некоторым докладам, это так, — сказал Галган. — Другие же источники говорят, что он противостоит им. Третьи — что они его пешки. Наша малая осведомленность об этой территории принижает мой взор, Верховная Дочь. Я был не в состоянии отличить правду ото лжи. И пока мы не будем знать больше, надо быть готовыми к худшему: это

нападение сильно разозлит
Возрожденного Дракона.

– И вы все еще думаете, что это стоящее дело?

– Да, – без колебания ответил Галган. – Если эти марат’дамани заодно с Возрожденным Драконом, то мы должны ударить сейчас, до того, как он сможет использовать их против нас. Возможно, нападение приведет Возрожденного Дракона в ярость, но это также и ослабит его, позволяя вам занять более выгодную позицию на переговорах.

Туон задумчиво кивнула. Несомненно, это и есть то трудное решение, о котором говорилось в знамении. Но ее выбор казался

очевидным. Это совсем нетрудно. На всех мараф'дамани из Тар Валона нужно надеть ошейник. Это замечательный способ ослабить сопротивление, оказываемое Непобедимой Армии, одним мощным ударом.

Но знамение предвещало именно трудное решение. Она сделала жест Селусии.

— Есть ли в зале те, кто не одобряет этот план? — спросила Голос. — Те, кто возражает против того, что предлагает Генерал Юлан и его люди?

Высокородные переглянулись. Казалось, Беслан заволновался, но продолжал молчать. Жители Алтары

не слишком протестовали, когда на их марат'дамани надевали ошейники, похоже, они сами не очень доверяли тем, кто может направлять. Алтаранцы не преследовали Айз Седай так же благоразумно, как Амадийцы, но и не слишком приветствовали их. Беслан не будет возражать против атаки на Белую Башню.

Она расслабилась, ожидая... Ожидая чего? Возможно, в знамении говорилось не об этом решении. Она уже собиралась отдать приказ начать подготовку к нападению, как ее прервал звук открывающейся двери.

Мгновение спустя Стражи Последнего Часа, охранявшие дверь,

отошли в сторону, чтобы пропустить со'джин, который до этого ожидал в холле. Ма'комбе — мускулистый мужчина — низко поклонился, его черная коса, свисавшая справа, упала через плечо, подметая плиточный пол.

— Если будет угодно Дочери Девяти Лун, Лейтенант-Генерал Тайли Кирган просит об аудиенции.

Галган выглядел потрясенным.

— Что такое?- спросила у него Туон.

— Я не знал, что она вернулась, Верховная Дочь, — сказал он. — Я покорно предлагаю выслушать ее. Тайли Кирган одна из моих лучших офицеров.

— Она может войти, —
Провозгласила Селусия.

В зал вошел мужчина —
да'ковале в белой одежде, ведя за
собой темнокожую женщину в
доспехах, которая несла под мышкой
свой шлем. Она была высокой и
худой, седина уже коснулась висков
ее коротких вьющихся волос темного
цвета. На перекрывающих друг друга
пластинах ее брони, которые
скрипели, когда она шла, виднелись
полосы красного, желтого и синего
лака. Женщина была Низшей
Высокородной — ее недавно
возвысили по приказу Генерала
Галгана и сообщили об этом
повышении с помощью ракена. На

висках её были выбриты полосы шириной в палец.

Глаза Тайли были красными от усталости. От нее исходил запах пота и лошадей: по-видимому, после прибытия в город, она сразу отправилась к Туон. Ее сопровождало несколько солдат помоложе, тоже сильно уставших, один из них нес большой бурый мешок.

Дойдя до места прошения — квадратного куска красной ткани — все встали на колени. Солдаты-простолюдины дотронулись лбами пола, и Тайли уже дернулась было сделать то же самое, но остановилась. Она еще не привыкла считать себя одной из Высокородных.

– Заметно, что ты устала, воин, –
Провозгласила Селусия. Туон
наклонилась вперед. – Это означает,
что у тебя есть важные новости?

Тайли поднялась на одно колено
и сделала жест в сторону. Один из ее
солдат встал и поднял свою ношу.
Внизу виднелось пятно от темной,
запекшейся жидкости. Кровь.

– Если будет угодно Верховной
Дочери, – сказала Тайли, голос
выдавал сильную усталость. Она
кивнула своему солдату, и тот открыл
мешок, вываливая содержимое на
пол. Несколько голов животных.
Кабан, волк и... ястреб? По спине
Туон пробежал холодок. Голова
ястреба была почти такой же по

размеру, как и голова человека. Возможно даже больше. Но они какие-то... неправильные. Головы были жутко искажены.

Она могла поклясться, что у головы ястреба, которая подкатилась так, что Туон могла в подробностях разглядеть морду, были человеческие глаза. И... у других голов...тоже были человеческие черты лица. Туон едва сдержала дрожь. Что за омерзительное знамение?

— Что все это значит? — спросил Галган.

— Полагаю, Верховная Дочь знает о моем военном деле, направленном против Айил, — сказала Тайли, по-прежнему стоя на

одном колене. Туон знала лишь то, что Тайли захватила дамани во время сражения. Генерал Галган с любопытством ждал ее возвращения, намереваясь услышать историю целиком.

— Во время этого дела, — продолжала Тайли, — ко мне присоединились люди из разных стран, никто из них не приносил клятвы. Я дам полный отчет об этих событиях, когда придет время.

Она остановилась, затем посмотрела на головы.

— Эти... твари... атаковали мой отряд во время нашего возвращения за десять лиг до Эбу Дар. Мы понесли большие потери. Кроме

голов, мы принесли также и несколько их тел. Они ходят на двух ногах, как люди, но внешность у них животная, — она снова заколебалась. — Я думаю это те, кого по эту сторону океана называют троллоками. И я думаю, что они направляются сюда.

Хаос. Сразу же начались споры между Высокородными о неправдоподобности этого. Генерал Галган немедленно приказал своим офицерам собрать патрули и послать гонцов, чтобы предупредить о возможной атаке на город. *Сул'дам*, стоявшие у стены зала, поспешили осмотреть головы, в то время как Стражи Последнего Часа для большей защиты бесшумно

обступили Туон, с одинаковым подозрением наблюдая за Выходородными, слугами и солдатами.

Туон думала, что увиденное шокирует ее. Но, как ни странно, она не чувствовала ничего подобного. «Так значит, Мэтрим был прав», – несколько быстрых жестов Селусии. Она считала, что троллоки – это не более, чем предрассудки. Туон снова посмотрела на головы. Как отвратительно.

Селусия выглядела взволнованной. Интересно, есть ли еще вещи, о которых он говорил, а мы не приняли их во внимание?

Туон находилась в

нерешительности. «Мы должны бы спросить у него. Как бы я хотела его вернуть!» – Туон застыла; она не хотела признаваться себе в этом. Тем не менее, это чувство было необычным. Как же она хотела, чтобы Мэтрим был рядом с ней, ведь только с ним Туон чувствовала себя в безопасности, как бы нелепо это не звучало.

Головы служили еще одним доказательством того, что она слишком мало о нем знала. Она взяла под контроль спорящую толпу. Селусия Провозгласила:

– Всем замолчать.

В комнате стало тихо, хотя Высокородные и сул'дам все еще

выглядели беспокойными. Тайли продолжала стоять на коленях с опущенной головой, солдат, который принес мешок с головами, преклонил колени рядом с ней. Да, ее придется тщательно расспросить.

— Эта новость практически ничего не меняет, — Провозгласила Селусия. — Мы уже знали, что Последняя Битва приближается. Мы ценим откровения Лейтенанта-Генерала Тайли. Она будет вознаграждена. Но это нападение лишь еще одно подтверждение тому, что мы как можно скорее должны подчинить Возрожденного Дракона.

От собравшихся в комнате последовало несколько кивков, в том

числе и от Генерала Галгана. Но видимо эти слова не убедили Беслана, он выглядел взволнованным.

– Если будет угодно Верховной Дочери, – кланяясь, сказала Тайли.

– Тебе позволено говорить.

– Последние несколько недель я видела много вещей, которые заставили меня задуматься, – сказала Тайли. – Я беспокоилась еще до того, как мой отряд был атакован. Несомненно, благосклонность и мудрость Верховной Дочери позволяют ей видеть намного дальше обычного человека, такого как я, но я думаю, что до сих пор завоевания этих земель шли легко по сравнению

с тем, что будет дальше. Если мне дозволено осмелиться... я думаю, что Возрожденного Дракона и его сторонников лучше сделать союзниками, нежели врагами.

Это *было* смелое заявление. Туон подалась вперед, покрытые лаком ногти постукивали по подлокотникам кресла. Многие Низшие Высокородные в присутствии членов Императорской семьи, даже стоящих по положению намного ниже Верховной Дочери, испытывают такой благоговейный трепет, что даже не осмеливаются говорить. И все же эта женщина высказывала предложения? Причем такие, что полностью противоречили

объявленной воле Туон?

— Трудное решение — это не всегда выбор из двух равнозначных вариантов, Туон, — неожиданно сказала Селусия. — Возможно в нашем случае, трудность заключается в том, что правильное решение требует признания ошибки.

Туон моргнула от неожиданности. «Да, — поняла она. — Отныне Селусия — моя Говорящая Правду». Ей понадобится еще какое-то время, чтобы вжиться в эту роль. Прошло много лет с тех пор, как Селусия прилюдно упрекала ее или делала замечание.

И все же, личная встреча с Возрожденным Драконом? Ей нужно

встретиться с ним, она уже запланировала это. Но не лучше ли будет предстать перед Возрожденным Драконом в полной силе, когда его армии побеждены, а Белая Башня повержена? Ей нужно очень осторожно доставить его к Хрустальному Трону, осознающим, что он обязан признать ее власть.

И все же... в Шончан — восстание... а ее позиции в Алтаре только начали стабилизироваться... Возможно, немного времени на обдумывание — немного времени вздохнуть посвободнее и защитить то, что уже есть — стоит отложенной атаки на Белую Башню.

— Генерал Галган, отправьте

ракена нашим войскам на Равнину Алмот и в восточную Алтару, — сказала она твердо. — Скажите им удерживать наши завоевания, но избегать столкновений с Возрожденным Драконом. И ответьте на его просьбу о встрече. Дочь Девяти Лун встретится с ним.

Генерал Галган поклонился, кивая.

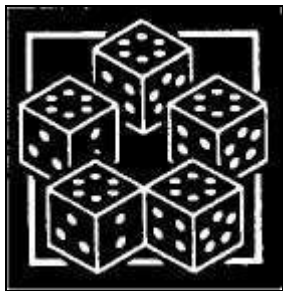
В мир нужно привести порядок. И если для этого ей придется слегка принизить взор и встретиться с Возрожденным Драконом, то так и будет.

Странно, но она опять хотела, чтобы Мэтрим оказался рядом. Она могла бы использовать его знания о

Ранде ал'Торе для подготовки к встрече. «Держись, странный мужчина, – подумала она, посмотрев через балкон на север. – И не закапывайся в неприятности глубже, чем сможешь выбраться. Теперь ты Принц Воронов. Так и поступай в соответствии с титулом».

«Где бы ты ни был».

Глава 20. На разбитой дороге

– Женщины, – выпалил Мэт, направляя Типуна по пыльной, неезженной дороге, – сродни мулам, – он наморщил лоб. – Погоди-ка. Нет! Скорее – козам. Женщины сродни козам! Хотя каждая, проклятье, считает себя лошадью, да притом

еще и настоящей скаковой кобылой. Понимаешь, Талманес?

— Очень поэтично, Мэт, — ответил Талманес, набивая трубку табаком.

Мэт щелкнул поводьями, и Типун поплелся дальше. Вдоль каменистой дороги вытянулись ряды высоких треххвойных сосен. Им повезло, что они наткнулись на эту древнюю дорогу — ее, наверное, мостили еще до Разлома. Она совсем заросла, камни во многих местах растрескались, а некоторых, довольно протяженных кусков дороги, ну... что ж, их просто не было

Сосновая поросль —

миниатюрные копии возвышающихся над ними родителей – пробила не только по обочине, но и прямо между камней. Дорога была неровной, хоть и широкой, что было неплохо. За Мэтом следовало семь тысяч человек, все конные. С тех пор, как Туон отправили обратно в Эбу Дар, они уже почти целую неделю не слезали с седел.

– Женщину невозможно в чем-то убедить, – продолжил Мэт, глядя вперед. – Спорить с ней, ну... словно, играть с друзьями в кости. Только женщине нет никакого дела до проклятых правил игры. Парень, тот постарается тебя надуть... но сделает это по-честному.

Воспользуется утяжеленными костями, так, что ты подумаешь, что проиграл случайно. И если ты достаточно глуп, чтобы не заметить подвох, возможно, он отберет у тебя все деньги заслуженно. И это правильно.

А женщина? Она сядет за ту же игру, будет улыбаться и делать вид, что собирается играть. А когда черед дойдет до нее, она бросит пару собственных костей, пустых со всех шести сторон. На всех гранях «пусто», без единого очка. Она взглянет на результат, а потом посмотрит на тебя и скажет: «Вот видишь, я выиграла».

Тебе останется только чесать

репу, глядя на проклятые кости. И вот ты таращишься то на нее, то на кости. «Послушай, но на этих костях нет ни единого очка», – попытаешься ты ей возразить.

«Нет, есть», – не соглашается она, – «на обеих костях выпало по единице».

Ты говоришь: «Ровно столько нужно для выигрыша».

«Какое совпадение», – ответит она, собирая твои деньги. А ты остаешься сидеть, ломая голову над тем, что же стряслось. И тут до тебя доходит. Пара единиц вовсе не выигрышный бросок! Потому что у тебя-то была шестерка! А значит, ей требовалось выбросить пару двоек!

Ты лихорадочно начинаешь ей объяснять то, что ты только что заметил. И знаешь, что она сделает?

— Понятия не имею, Мэт, — ответил Талманес, сжимая в зубах трубку, из чашки которой поднимался легкий дымок.

— Она возьмет да и потрет пустые грани костей, — ответил Мэт. — И с абсолютно честным лицом заявит: «Извини, тут на кости было пятнышко. Ясно, что на самом деле выпали двойки!» И она в это верит. Проклятье! Она в это верит!

— Невероятно, — сказал Талманес.

— Но это еще не конец!

— Я так и думал, Мэт.

– Она заберет все твои деньги, – Мэт жестикулировал одной рукой, второй удерживая ашандарей поперек седла. – И каждая женщина в комнате подойдет и поздравит ее с удачным броском! И чем больше ты возмущаешься, тем больше проклятых женщин станет с тобой спорить. Тебя моментально задавят количеством, и каждая будет тебе доказывать, как ясно видно двойки на костях, и что нужно перестать вести себя подобно капризному ребенку. Каждой проклятой бабе будет очевидно, что выпали двойки! И даже та чопорная, которая с рождения терпеть не может твою женщину – может, из-за того, что ее

бабка украла у бабки той, другой, рецепт любимого пирога, когда они обе были девчонками — даже она будет против тебя.

— Они и в самом деле бесчестные создания, — ровным тоном откликнулся Талманес. Он редко улыбался.

— Когда они закончат, — скорее для себя продолжал Мэт, — ты останешься без гроша в кармане, с целым списком поручений и указаний, что тебе носить и как одеваться, и с жуткой головной болью. И вот ты сидишь, уставившись в стол, и думаешь, только для того чтобы сохранить рассудок: а вдруг там и вправду были

двойки? Вот что, я тебе скажу, означает спорить с женщиной.

– А ты это делал. И долго.

– Смеешься надо мной, да?

– С какой стати, Мэт? – ответил

кайриэнец. – Ты же знаешь – я никогда такого не сделаю.

– Плохо, – пробормотал Мэт, подозрительно покосившись в его сторону. – Я не прочь посмеяться, – он оглянулся через плечо. – Ванин! На какую еще прыщавую задницу Темного нас занесло?

Толстый бывший конокрад встрепенулся. Он двигался сразу следом за Мэтом. У него была развернута и приложена к доске карта, так, что он мог читать ее в

седле. Он провел, уставившись в проклятую штуковину, добрую половину утра! Мэт потребовал от него скрытно провести отряд сквозь Муранди, а не блуждать в горах месяцами!

— Там Утес Ослепляющего, — ответил Ванин, ткнув толстым пальцем в гору с ровной вершиной, которая была едва видна над верхушками сосен. — Точнее, я думаю, что это он. Это может быть гора Сардлен.

Кряжистый холм был не слишком-то похож на обычную гору. На нем практически не было снежной шапки. Конечно, немногие здешние «горы» были способны

поразить воображение в сравнении с Горами Тумана в Двуречье. Здесь, севернее Дамонского хребта, раскинулась цепь низких предгорий. Местность была сложной, но проходимой, если преисполниться решимости. А Мэт *был* настроен решительно. Во-первых, решительно не дать Шончан снова себя зажать, во-вторых, решительно не попадаться на глаза тем, кому не положено знать, что он здесь. Слишком велика та кровавая дань, что он уже уплатил. Он хотел убраться из этой страны, больше похожей на петлю висельника.

— Итак, — сказал Мэт, натянув поводья Типуна, чтобы поравняться с

Ванином. — Которая из этих гор наша? Может, нам еще раз уточнить у мастера Ройделле?

Карта принадлежала картографу, и только благодаря его присутствию они сумели отыскать эту дорогу. Но Ванин настоял, чтобы именно он вел отряд, потому что «картограф» — не значит «разведчик». По словам Ванина, нельзя заставлять покрытого пылью картографа лезть на лошадь и указывать путь.

И верно, мастер Ройделле не имел навыков следопыта. Он был ученым, теоретиком. Он мог прекрасно читать карту, но точно так же, как и Ванин, попал бы впросак с определением их текущего

местонахождения, поскольку и дорога, по которой они двигались в настоящее время, была едва видна и разбита, и высокие сосны скрывали основные ориентиры на местности. Холмы были похожи друг на друга как близнецы.

Конечно, факт того, что Ванина пугало присутствие картографа, был налицо, словно он опасался, что его могут сместить с поста главного разведчика Мэта и всего Отряда. Мэт даже не ожидал такого волнения от толстого конокрада. Он бы мог даже посмеяться над этим, если бы они не потеряли столько проклятого времени.

Ванин насупился.

– Думаю, это *должна* быть гора Сардлен. Да. Должна быть.

– Что означает...?

– Что означает, что мы продолжаем двигаться вдоль тракта, – ответил Ванин, – как я и говорил вам час назад. Мы же не можем двинуть всю армию проклятым маршем прямо через густой лес, так ведь? А это значит, что мы остаемся на дороге.

– Я просто поинтересовался, – сказал Мэт, натягивая шляпу поглубже, чтобы не слепило солнце.

– Командиру приходится задавать подобные вопросы.

– Мне нужно ехать вперед, – снова насупился Ванин. Он обожал

хмуриться. — Если это и в самом деле гора Сардлен, то неподалеку — в часе или двух езды — должна быть крупная деревня. Я надеюсь разглядеть ее со следующего пригорка.

— Тогда давай, — ответил Мэт. Они, конечно, уже выслали вперед разведчиков, но те и в подметки не годились Ванину. Несмотря на размеры, он мог легко подкрасться к вражеской позиции так близко, что мог пересчитать волоски в бородах у часовых, оставшись незамеченным, и, возможно, удрать с их обедом.

Ванин еще раз сверился с картой и покачал головой.

— Я еще раз хорошенько подумал... Вообще-то, это может

быть и Фавлендская гора... — и он пустил своего коня рысью, не дав Мэту даже раскрыть рта.

Мэт вздохнул, прищипорил Типуна и догнал Талманеса. Кайриэнец покачал головой. Талманес не был особенно эмоциональным. После первого знакомства Мэт было решил, что он просто мрачный тип, неспособный веселиться. Но, узнав его поближе, понял, что Талманес вовсе не был мрачным, он был просто сдержан. Но порой, несмотря на сжатые челюсти и не улыбочивые губы, в глазах дворянина будто загорались огоньки, словно его веселил весь окружающий мир.

Сегодня на нем был красный кафтан с золотой вышивкой. Его лоб по кайриэнскому обычаю был выбрит и припудрен. Это выглядело довольно глупо, но кто такой Мэт, чтобы об этом судить? Может у Талманеса и не все в порядке с чувством стиля, зато он преданный офицер и отличный парень. Кроме того, он прекрасно разбирается в винах.

— Не смотри так угрюмо, Мэт! — пыхтя позолоченной трубкой, обратился к нему Талманес. Где он ее достал? Мэт никак не мог припомнить, чтобы у него она была раньше. — У твоих бойцов набиты животы и карманы, они только что

одержали славную победу. Чего еще желать солдату?

— Мы схоронили почти тысячу человек, — ответил Мэт. — Какая уж тут победа, — его память, которая на самом деле не была его собственной, подсказывала, что ему стоит гордиться. Битва прошла превосходно, но оставались еще и мертвецы, висевшие на нем тяжелым грузом.

— Потери неизбежны, — возразил Талманес. — Нельзя позволять, чтобы тебя это грызло изнутри, Мэт. Так бывает.

— Ну, во-первых, потерь можно избежать, если не сражаться.

— Тогда зачем ты так часто

дерешься?

— Я дерусь только если не могу этого избежать! — выпалил Мэт. Кровь и проклятый пепел! Он дрался только тогда, когда его вынуждали. Когда его загоняли в угол! Почему это происходило всякий раз, едва его дела начинали идти на лад?

— Что бы ты ни говорил, Мэт, — вынув трубку изо рта и ткнув ею в его сторону, сказал Талманес. — Но тебя что-то тяготит. И это не люди, которых мы потеряли.

Вот проклятые дворянчики. Даже те, кого еще можно терпеть, вроде Талманеса, воображают, что знают все на свете.

Конечно, Мэт теперь и сам

превратился в дворянина. «Просто не думай об этом», – приказал он себе. Талманес несколько дней звал его «Вашим Высочеством», пока терпение Мэта не лопнуло, и он не накричал на своего заместителя. Кайриэнцы очень щепетильно относятся к титулам.

Когда Мэт осознал, во что для него выливается женитьба на Туон, он расхохотался. Но это был смех сквозь слезы. И люди еще называют его везунчиком. Почему же его везение не помогло ему избежать такой участи? Треклятый Принц Воронов?! Что это значит?

Ладно, сейчас стоит больше беспокоиться о его людях. Он

оглянулся через плечо на ряды кавалеристов и едущих позади арбалетчиков. И тех, и других было по нескольку тысяч, тем не менее Мэт приказал свернуть знамена. Вряд ли они встретят путников на этой захолустной дороге, но если это случится, ему бы не хотелось, чтобы те сболтнули лишнее.

Станут ли Шончан и дальше его преследовать? Они с Туон понимали, что теперь находятся по разные стороны, и она видела, на что способна его армия.

Любит ли она его? Он женился на ней, но Шончан думают иначе, чем обычные люди. Она была в его власти, стойко переносила плен и не

пыталась сбежать. Но у него не было и тени сомнения — если она сочтет это выгодным для своей империи, то тут же выступит против него.

Да, она бы послала за ним свои армии, хотя возможное преследование беспокоило его вдвое меньше, чем ее безопасное возвращение в Эбу Дар. Кто-то объявил за голову Туон огромную награду. Действовал ли тот предатель, предводитель армии Шончан, которую разбил Мэт, в одиночку или у него были сообщники? На что Мэт обрек Туон, отпустив ее?

Вот какие вопросы тяготили Мэта.

– Как думаешь, я правильно поступил, что разрешил ей уйти? – услышал Мэт свой вопрос.

Талманес пожал плечами.

– Ты дал слово, Мэт. Кроме того, не думаю, что тот здоровый шончанин в черных доспехах и с решительными глазами оценил бы, вздумай ты ее удержать.

– Ей все еще может грозить опасность, – скорее для себя сказал Мэт, уставившись перед собой. – Мне не стоило выпускать ее из вида. Глупая женщина.

– Мэт, – Талманес снова ткнул в его сторону трубкой. – Я тебе удивляюсь. Ты начал ворчать как самый настоящий семьянин.

Мэт вздрогнул. Потом он обернулся в седле Типуна к Талманесу.

— Как это? Что ты имеешь в виду?

— Ничего, Мэт, — быстро ответил Талманес. — Просто то, как ты по ней сохнешь...

— Вовсе я не сохну, — выпалил Мэт, потянув за край шляпы и поправив шарф. Его медальон уютной тяжестью висел на шее. — Просто я обеспокоен. Только и всего. Она столько знает про наш Отряд, что может выдать наши силы.

Выдохнув облако дыма, Талманес снова пожал плечами. Некоторое время они ехали в

тишине, слушая шелест сосновых игл на ветру. Внезапно Мэт услышал позади, где небольшой группой ехали Айз Седай, женский смех. Несмотря на то, что они со всей очевидностью недолюбливали друг друга, при посторонних они держались дружно. Но, как он говорил Талманесу, женщины ссорятся только тогда, когда под рукой нет мужчины, на которого можно напасть вместе.

Солнце снова было скрыто за облаками. Мэт уже несколько дней не видел настоящего солнечного света. А Туон он не видел еще дольше. Эти два события каким-то образом соединились в его голове. Есть ли между ними связь?

«Вот дурак! – подумал он про себя. – Еще чуть-чуть, и станешь думать как она.

Начнешь видеть знамения и знаки в каждом чихе, когда заяц перебежит дорогу или лошадь пустит ветры».

Такое гадание было полной ерундой. Хотя, нужно признать, он стал вздрагивать при каждом двойном крике совы.

– Ты когда-нибудь любил женщину, Талманес? – спросил Мэт.

– Несколько, – ответил коротышка, оставляя дым из трубки виться позади.

– А собирался на ком-нибудь из них жениться?

– Нет, упаси Свет, – ответил Талманес. Потом, видимо подумав о том, что только что ляпнул, добавил. – Я имел в виду, Мэт, что в тот момент это было не для меня. Но уверен, что у тебя все будет в порядке.

Мэт нахмурился. Если Туон собиралась завершить проклятое обручение, неужели она не могла сделать так, что бы никто посторонний этого не слышал?

Но нет. Взяла да и выпалила все в присутствии остальных, включая Айз Седай. Это означало, что Мэту подписан приговор. Айз Седай – величайшие хранители секретов, пока эти самые секреты не способны

побольнее уколоть или унижить Мэтрима Коутона. Тогда можешь быть уверен, что новость разлетится по всему лагерю в течение дня и еще по трем деревням по пути. Даже его собственная проклятая мать — за много лиг отсюда — уже, возможно, прослышала обо всем.

— Я ни за что не брошу играть. И пить тоже, — пробормотал Мэт.

— Думаю, ты уже это говорил, — откликнулся Талманес. — Кажется, три или четыре раза. И почти уверен, что, если загляну к тебе в палатку среди ночи, то услышу то же самое: «Я буду продолжать играть в проклятые игры! В проклятые-распроклятые игры и пить! Где моя

проклятая выпивка? Никто не хочет сыграть на нее?» – он произнес это с очень серьезным лицом, но вновь в глубине глаз, если знать, что искать, была видна искорка насмешки.

– Просто хотел убедиться, что все знают, – ответил Мэт. – Не хочу, чтобы кто-нибудь начал думать, что я размяк из-за того, что... ну, ты знаешь.

Талманес бросил на него утешительный взгляд.

– Ты не размякнешь только оттого, что женился, Мэт. Знаешь, насколько мне известно, некоторые Великие Полководцы женаты. Даврам Башир и Родел Итуралде – точно. Нет, из-за женитьбы ты не

размякнешь.

Мэт коротко кивнул. Хорошо, с этим разобрались.

— Но ты можешь заскучать, — отметил Талманес.

— Ладно. Так и есть, — заявил Мэт. — В следующей же деревне нужно будет сыграть в кости в таверне. Вдвоем, ты и я.

Талманес скривился.

— Под третьесортное вино, которое есть в этих горных деревушках? Умоляю, Мэт! Еще немного, и ты заставишь меня пить эль.

— Не спорь, — услышав знакомые голоса, Мэт оглянулся. Привычно лопоухий и непривлекательный

Олвер сидел верхом на Ветерке, болтая с Ноэлом, который ехал рядом на костлявом мерине. Скрюченный старик радостно кивал каждому сказанному Олвером слову. Мальчуган выглядел чрезвычайно сосредоточенным и без сомнения излагал свою очередную теорию, как лучше всего пробраться в Башню Генджей.

— О, погляди-ка! — сказал Талманес. — А вот и Ванин.

Мэт обернулся и увидел всадника, приближающегося к ним по каменистой тропе. Ванин всегда выглядел очень глупо, будучи похожим на мешок, лежащий на спине лошади, с болтающимися по

бокам ногами. Но у парня, несомненно, был талант к верховой езде.

— Это *точно* Гора Сардлен, — заявил Ванин, оказавшись прямо перед ними и вытирая вспотевшую лысину. — Деревня прямо перед вами. На карте она называется Хиндерстап. И это, проклятье, точная карта, — мрачно добавил он.

Мэт вздохнул с облегчением. Он уже начинал думать, что им придется кружить по этим горам, пока не закончится Последняя Битва.

— Прекрасно, — откликнулся он. — Мы сможем...

— Деревня? — властно переспросил резкий женский голос.

Мэт со вздохом обернулся навстречу трем всадницам, движущимся в голову колонны. Талманес спокойно поднял руку, останавливая солдат, когда Айз Седай накинулись на беднягу Ванина. Скрючившийся в седле толстяк выглядел так, будто предпочел бы попасться за конокрадство и пойти на казнь, чем отвечать на вопросы Айз Седай.

Группу возглавляла Джолин. Однажды Мэт решил, что она в целом милая: стройная фигурка, большие, манящие карие глаза. Однако теперь это безвозрастное лицо Айз Седай служило для него отличным предупреждением.

Нетушки. Теперь-то он ни за что не подумал бы, что Зеленая – милашка. Нет, позволишь себе считать Айз Седай симпатичной, и в два счета обнаружишь себя обведенным вокруг пальца и прыгающим по ее приказу. А Джолин и вовсе прозрачно намекнула, что хотела бы сделать Мэта своим Стражем.

Неужели она до сих пор дуется на то, что он ее отшлепал? Она не может навредить ему с помощью Силы, и его медальон тут ни при чем – просто все Айз Седай приносят клятву не использовать Силу для убийства, кроме разве что особых случаев. Но его не одурачишь. Он-то знает, что в клятвах ничего не

сказано про ножи.

С Джолин были две товарки: Эдесина из Желтой Айя и Теслин из Красной. Эдесина была в целом симпатичной, если не считать безвозрастного лица, но Теслин была не привлекательнее палки. У иллианки были резкие черты лица, и вдобавок она была костлявой и высохшей, словно старая бродячая кошка. Но, как заметил Мэт, она неплохо соображала, и порой она проявляла к нему некоторое уважение. Только представьте себе — уважение от Красной.

И все же, по тому, как каждая из этих Айз Седай смотрела на Мэта, когда они добрались до головы

колонны, никто бы не подумал, что они обязаны ему своими жизнями. Так всегда с женщинами. Спасашь ее, спасаешь, а она, не моргнув глазом, заявляет, что и сама бы справилась, стало быть, и говорить не о чем. А потом надоедает тем, что укоряет за то, что сорвал ее замечательный план.

Какое ему вообще до них дело? Однажды, чтоб ему сгореть, он поумнеет и бросит всю их компанию ревушей в цепях.

— Что там? — потребовала ответа от Ванина Джолин. — Ты, наконец, определился, где мы?

— Будь я проклят, если не так, — ответил Ванин и невозмутимо

почесался. Отличный он парень, этот Ванин. Мэт улыбнулся. Со всеми обращается одинаково, хоть с Айз Седай, хоть с кем.

Джолин уставилась Ванину прямо в глаза, нависнув, словно горгулья с крыши дворянского особняка. Ванин сперва вздрогнул, потом побледнел, затем смущенно опустил глаза.

– Я имел в виду, совершенно верно, Джолин Седай.

Улыбка Мэта потускнела. «Чтоб ты сгорел, Ванин!»

– Отлично, – ответила Джолин. – Значит, впереди деревня. Я верно расслышала? Возможно, мы наконец-то найдем сносную гостиницу. И я

смогу попробовать что-то более «съедобное», чем то, что головорезы Коутона называют едой.

— Ну вот, — сказал Мэт. — Они вовсе не...

— Насколько мы далеко от Кэймлина, мастер Коутон? — оборвала его Теслин. Она как могла игнорировала Джолин. Они обе в последнее время готовы были вцепиться друг другу в глотки, однако, разумеется, в предельно вежливой манере и с невозмутимыми лицами. Айз Седай не скандалят. Ему как-то пришлось выслушать целую лекцию, когда он неосторожно назвал их «дискуссии» скандалом. Это притом, что у Мэта были родные

сестры, и он-то знал, на что походит хороший скандал.

– О чем ты там говорил, Ванин? – уточнил Мэт, посмотрев на него. – Что мы в двух сотнях лиг от Кэймлина?

Ванин кивнул. Их план заключался в том, чтобы сперва двинуть в сторону Кэймлина, встретиться с Истином и Дайридом, обменяться информацией и пополнить запасы. После чего он бы занялся выполнением обещания, данного Тому. Башня Генджей может подождать пару недель.

– Значит, две сотни лиг, – повторила Теслин. – И когда мы туда прибудем?

– Ну, как сказать, – начал Ванин.
– Я бы управился с парой сотен лиг чуть более чем за неделю, но это если бы я был один с парой сменных лошадей и двигался по знакомой местности. Но армия, по подобным пригоркам, да по разбитой дороге? Я бы сказал, дней за двадцать. А может дольше.

Джолин взглянула в сторону Мэта.

– Мы не бросим Отряд, – сказал Мэт. – Это не выход, Джолин.

Она отвернулась с явно недовольным видом.

– Но вы можете попробовать самостоятельно, – продолжил Мэт. – Это касается вас всех. Вы – Айз

Седай, а не мои пленники. Уходите, когда захотите, и двигайте на север. Я бы не советовал отправляться в противоположную сторону, прямо в лапы Шончан.

Как было бы здорово путешествовать только с Отрядом, без единой Айз Седай на шее? Эх, мечты, мечты!

Теслин выглядела задумавшейся. Джолин взглянула на нее, но Красная никак не показала, желает она уезжать или нет. Эдесина же, поколебавшись, кивнула Джолин. Она решилась.

— Отлично, — с гордым видом ответила Джолин. — Будет прекрасно избавиться, наконец, от твоего

хамства, Коутон. Подготовьте-ка для нас, скажем, двадцать лошадей, и мы отправимся.

— *Двадцать?* — переспросил Мэт.

— Да, — ответила Джолин. — Твой человек упомянул, что для преодоления этого расстояния в разумное время ему понадобились бы две лошади. Следовательно, он собирался менять их, когда одна из них устанет.

— Я так понимаю, вас двое, — закипая, ответил Мэт. — Это значит, что вам нужно четыре лошади. Я думал, Джолин, что вы достаточно умны, чтобы сосчитать это, — и потом чуть тише добавил. — Хотя вряд ли.

Джолин выпучила глаза, а Эдесина была шокирована. Теслин наградила его пораженным взглядом, по всей видимости, чем-то разочарованная. Сбоку от него Талманес вынул трубку изо рта и присвистнул.

— Этот твой медальон, Мэтрим Коутон, делает тебя невыносимым, — холодно произнесла Джолин.

— Мой язык делает меня невыносимым, Джолин, — вздохнув, ответил Мэт и дотронулся до медальона, скрытого под неплотно завязанной рубахой. — А медальон просто делает меня честным. И надеюсь, вы поясните, зачем вам двадцать лошадей, когда я их едва

наскреб для собственных людей?

– По две для меня с Эдесиной, – выдавила из себя Джолин. – По две для каждой бывшей *сул'дам*. Ты же не думаешь, что я брошу их здесь, морально разлагаться в обществе твоей банды?

– Две *сул'дам*, – проигнорировав ее выпад, ответил Мэт. – Получается восемь лошадей.

– Две для Сеталль. Полагаю, ей тоже захочется убраться от вас подальше.

– Десять.

– Еще две для Теслин, – продолжила Джолин. – Она, несомненно, отправится с нами, хотя сейчас молчит. И нам потребуется

минимум четыре вьючные лошади. Их так же придется менять, значит, будут нужны еще четыре им на замену. Итого двадцать.

— И чем вы их будете кормить? — поинтересовался Мэт. — Если собираетесь ехать так быстро, у вас не будет времени пасти лошадей. А вокруг и нет ничего, чем бы их можно было накормить. — Это было огромной проблемой. Свежей весенней травки не было и в помине. Все луга, мимо которых они проезжали, были покрыты пожухлой, слежавшейся под снегом травой и палой листвой. Едва ли на них попадались пучки свежей травы. Конечно, лошадь может жевать

старую траву и опавшую листву, но есть еще олени и другие дикие животные, которые съедают все подчистую.

Если земля не опомнится в скором времени и не начнет давать всходы... что ж, их ждет очень трудное лето. Но это уже совершенно другая проблема.

— Значит, несомненно, ты дашь нам провизию, — ответила Джолин. — И денег на гостиницу...

— А кто будет ухаживать за лошадьми? Ты сама будешь чистить их каждый вечер, проверять копыта, задавать корм?

— Я полагаю, ты выделишь нам в сопровождение несколько твоих

солдат, — неудовлетворенно ответила Джолин. — Необходимое неудобство.

— Единственное, что необходимо, — спокойно ответил Мэт, — это чтобы мои люди оставались там, где они нужны, а не там, где их называют «неудобством». Нет. Они останутся со мной. И вы не получите от меня ни монетки. Если желаете уйти — берите по одной лошади для себя и одну вьючную лошадь для своих вещей. Я выделю вам немного корма для бедных животных, и это мое самое щедрое предложение.

— Но, не имея сменных лошадей, мы едва ли сможем двигаться быстрее армии! — заявила Джолин.

— Вот именно, — ответил Мэт и

отвернулся. — Ванин, ступай к Мандеввину. Передай, мы встаем лагерем. Я знаю, что еще едва перевалило за полдень, но я хочу быть подальше от деревни, чтобы мы не выглядели угрозой, и достаточно близко, чтобы можно было быстро обернуться небольшим отрядом и разнюхать, что и как.

— Ладно, — без капли почтения, которое он проявил к проклятым Айз Седай, ответил Ванин. Он развернул лошадь и направился вдоль строя.

— Эй, Ванин! — окликнул Мэт. — Удостоверься, что Мандеввин верно понял, что раз я сказал «небольшой отряд», я имел в виду очень небольшой, во главе со мной и

Талманесом. Я не хочу, чтобы в деревню в поисках развлечений завалились сразу все семь тысяч солдат! Я куплю телегу и весь эль, какой найду, и отправлю вам. В лагере должен быть полный порядок, и чтобы никто не шлялся по округе, ясно?

Ванин мрачно кивнул. Нет никакой радости в том, чтобы сообщить парням, что им придется безвылазно сидеть в лагере. Мэт обернулся к Айз Седай.

— Итак? — спросил он. — Вы принимаете мое щедрое предложение или нет?

Джолин только фыркнула, повернула лошадь и направилась

вдоль строя, очевидно, не желая ехать в одиночестве. Какая жалость. Он бы улыбался на каждом шагу, думая об этом. С другой стороны, у Джолин ушло бы не менее трех дней, чтобы достать в деревне достаточно еды и раздобыть лошадей, необходимых для быстрого движения ее отряда.

Эдесина направилась следом, за ней Теслин, наградившая Мэта на прощанье странным взглядом. И она по-прежнему выглядела разочарованной им. Он отвернулся и вдруг почувствовал злость на самого себя. Да какое ему дело до ее мнения?

Оказалось, что Талманес тоже смотрел на него.

– Это было странно даже для тебя, Мэт, – сказал он.

– Что именно? – переспросил Мэт. – Запрет покидать лагерь? В Отряде отличные ребята, но я не знаю никого из солдат, кто бы не начал тут и там искать приключений, особенно, если под рукой найдется эль.

– Я не об этом, Мэт, – ответил Талманес, выбивая трубку о стремя. Пепел просыпался на дорожные камни рядом с лошадьё. – Я про то, как ты обращался с Айз Седай. Ради Света, Мэт, мы могли бы от них избавиться! Думаю, двадцать лошадей и немного монет – отличная сделка, чтобы освободиться от пары

Айз Седай.

— Не люблю, когда мной помыкают, — упрямо заявил Мэт, махнув Отряду, чтобы продолжить движение. — Даже ради избавления от Джолин. Если ей что-то от меня надо, пусть попросит с должной степенью уважения, а не заставляет дать ей все, что хочет. Я не домашний песик.

Нет, чтоб им сгореть! И он не превратился в семьянина, чтобы там не говорили.

— Ты и в самом деле по ней скучаешь, — с легким удивлением сказал Талманес, когда они снова поехали рядом.

— Что это ты выдумал?

— Мэт. Должен сказать, ты не самый изысканный человек на свете. Иногда твой юмор действительно не к месту, а тон на грани оскорбления. Но ты редко полностью переходишь все границы и оскорбляешь намеренно. Значит, ты встревожен, не так ли?

Мэт ничего не ответил, просто еще глубже натянул шляпу.

— Уверен, Мэт, с ней все в порядке, — успокаивающим тоном продолжил Талманес. — Она же из королевской семьи. Они знают, как за себя постоять. И с ней ее солдаты, они за ней присмотрят. Не считая Огир. Воины-Огир! Кто бы мог подумать? С ней все будет в порядке.

– Закончили с этим, – ответил Мэт, поднимая копье лезвием вверх к невидимому солнцу, поместив пятку древка в петлю для пики рядом с седлом.

– Я просто...

– Хватит, – ответил Мэт. – У тебя не осталось табака?

Талманес вздохнул.

– Это была последняя щепотка. Отличный табак, двуреченский. Единственный кисет за последнее время. Подарок от короля Роэдрана вместе с трубкой.

– Он высоко тебя оценил.

– Это была хорошая, честная работа, – ответил Талманес. – И ужасно скучная. Не то, что

путешествовать с тобой, Мэт. Хорошо, что ты вернулся, задира. Но твои разговоры с Айз Седай о корме для лошадей меня беспокоят.

Мэт кивнул.

— А что с нашим продовольствием?

— Маловато, — ответил Талманес.

— Купим в деревне все, что сможем, — сказал Мэт. — После того, как Роэдран с тобой расплатился, у нас деньги разве что из ушей не лезут.

Небольшая деревенька вряд ли в состоянии прокормить целую армию. Но, судя по карте, скоро они выберутся в более обжитые места. При той скорости, с какой движется

Отряд, они ежедневно будут проезжать через одну-две деревни. Чтобы остаться на плаву, нужно скупать все, что можно, в каждой проезжаемой деревне. Фургон фуража там, телегу здесь, ведро или два яблок у попавшегося фермера. Чтобы накормить семь тысяч человек, требуется много провизии, но хороший командир знает, что нельзя разбрасываться даже горсткой зерна. Это и так понятно.

— Да, но продадут ли селяне? — поинтересовался Талманес. — По пути на встречу с тобой, у нас были непростые времена, когда мы пытались найти кого-нибудь, кто бы продал нам хоть что-то. Похоже, в

эти дни не так уж много чего на продажу. Продовольствия не хватает, независимо от того, куда ты идешь и сколько денег у тебя есть.

Проклятье, просто прекрасно! Мэт заскрипел зубами, затем еще больше рассердился на себя. Что ж, может он и был немного встревожен. Но точно не из-за Туон.

В любом случае, ему необходимо расслабиться. А тут как раз деревня поблизости, как там назвал ее Ванин – Хиндерстап?

– Сколько у тебя с собой денег?

Талманес нахмурился.

– Пара золотых марок и полный кошель серебряных крон. А что?

– Мало, – ответил Мэт, почесав

подбородок. — Нужно сперва прихватить еще немного из моего сундучка. А может, и взять весь целиком, — он развернул Типуна. — Поехали.

— погоди, Мэт, — натягивая поводья, произнес Талманес. — Куда мы собираемся отправиться?

— Мы собираемся последовать моему предложению и развлечься в таверне, — ответил Мэт. — И, заодно, пока мы будем там, займемся покупками. Если мне повезет, мы сделаем их бесплатно.

Если бы рядом оказались Эгвейн или Найнив, они бы надрали ему уши, приговаривая, чтобы он не смел выполнять задуманное. Туон бы с

интересом посмотрела на него, а потом сказала что-нибудь, отчего ему стало бы стыдно до подметок сапог.

Но чем ему нравился Талманес, это тем, что тот с невозмутимым лицом просто пришпорил лошадь, и, выдав себя только довольным взглядом, произнес:

– Отлично! Тогда я *должен* это увидеть!

Глава 21. Угли и пепел

Открыв глаза, Перрин обнаружил, что висит в воздухе. Барахтаясь в небе, он испытал вспышку ужаса. Над головой бурлили черные тучи, темные и зловещие. А внизу была равнина, покрытая дикой

бурой травой, покачивающейся на ветру, и никаких признаков человека. Ни шатров, ни дорог, даже следов не было.

Перрин не падал, он просто висел. Паникуя, он машинально принялся грести руками, в то время как его разум пытался сообразить, что происходит.

«Волчий сон, — подумал он. — Я в волчьем сне. Я лег спать, надеясь попасть сюда».

Он заставил себя вдохнуть, выдохнул и прекратил размахивать руками, несмотря на то, что было трудно сохранять спокойствие, висая в небе в сотнях футов над землей. Внезапно перед ним прыжками

пронеслась серая, покрытая мехом фигура. Волк устремился вниз, к равнине, и легко приземлился.

— Прыгун!

«Спрыгивай, Юный Бык. Прыгай. Это безопасно». Как всегда, послание от волка пришло в виде смеси запахов и образов. Перрин становился все искуснее в их толковании: мягкая земля означала почву; порыв ветра — образ прыжка; запах отдыха и спокойствия указывал на то, что нет необходимости бояться.

— Но как?

«Раньше ты всегда слишком торопился, как недавно отлученный от матери щенок. Прыгай.

Спрыгивай!» Далеко внизу, в поле, скалясь на Перрина, сидел Прыгун.

Перрин скрипнул зубами и проворчал парочку проклятий про упрямых волков — похоже, что мертвые волки были самыми упрямыми из них. Тем не менее, Прыгун говорил дело. Перрин уже передвигался здесь прыжками раньше, пусть даже и не с самих небес.

Он сделал глубокий вдох, затем закрыл глаза и вообразил себя прыгающим. Воздух закружился вокруг него во внезапном порыве, а затем ноги ударились о мягкую землю. Он открыл глаза. Большущий серый волк, покрытый шрамами от

многих драк, сидел подле него, а вокруг широко простиралось поле дикорастущего проса, обильно перемешанного с тянущейся вверх длинной тонкой травой. Царапающиеся стебли, вызывая зуд, терлись на ветру о руку Перрина. Запах от травы шел очень сухой, словно от оставленного на зиму в хлеву сена.

Некоторые вещи в Волчьем Сне были мимолётны. Одно мгновение листья лежали грудой возле его ног, а в другое — уже исчезли. Запахи словно немного выдохлись, как будто все было не совсем здесь.

Он посмотрел вверх. Небо было грозовым. Обычно облака в этом

месте были также мимолетны, как и другие вещи. Небо могло быть полностью затянуто тучами, а затем, в один миг, внезапно проясниться. Но сейчас тёмные грозовые тучи и не думали исчезать. Они бурлили, вращались, а между облаками проносились разряды молний. Пока что молнии еще ни разу не ударили в землю и не издали ни звука.

Равнина была странно тихой. Тучи зловеще затянули всё небо. И они не уходили.

«Последняя Охота наступает. – Прыгун посмотрел вверх на небо. – И тогда мы побежим вместе. Если только не уснем вместо этого».

– Уснем? – спросил Перрин. – А

как же Последняя Охота?

«Она наступает, — согласился Прыгун. — Если Убийца Тени падет перед бурей, всё заснет вечным сном. Если он будет жить, тогда мы поохотимся вместе. Ты и мы».

Перрин потер свой подбородок, пытаясь разобраться в полученных образах, запахах, звуках, ощущениях. Он мало что понял.

Ну и ладно, в конце концов, сейчас он был здесь. Он хотел прийти и решил добиться, если сможет, кое-каких ответов от Прыгуна. Было приятно снова его видеть.

«Бежим, — передал Прыгун. Его послание не было сигналом тревоги.

Это было предложение. – *Давай побежим вместе*».

Перрин кивнул и неторопливо побежал по полю. Прыгун бежал вприпрыжку рядом с ним, посылая удивление. *«Две ноги, Юный Бык? Две ноги – это медленно!»* Это послание было образом людей, спотыкающихся на ровном месте, падающих из-за своих вытянутых жалких ног.

Перрин заколебался.

– Я должен сохранять контроль, Прыгун, – сказал он. – Когда я позволяю волку брать верх... ну, я творю страшные вещи.

Задрав голову, волк трусил рядом с Перрином через покрытое травой

поле. Под хруст ломающихся под ногами стеблей они отыскивали небольшую звериную тропу и свернули на нее.

«Беги», – настаивал Прыгун, явно сбитый с толку нежеланием Перрина.

– Я не могу, – останавливаясь, ответил Перрин. Прыгун развернулся и сделал несколько прыжков ему навстречу. От него пахло замешательством.

– Прыгун, я боюсь себя, когда теряю контроль над собой, – сказал Перрин, – Впервые это случилось со мной сразу после того, как я встретил волков. Ты должен помочь мне разобраться.

Прыгун просто продолжал пристально смотреть, слегка свесив язык из открытой пасти.

«Зачем я это делаю? – подумал Перрин, качая головой. Волки не мыслили так, как люди. – Не все ли равно, что думает обо всем этом Прыгун?»

«Мы будем охотиться вместе»,
– передал Прыгун.

– А что, если я не хочу охотиться с вами? – спросил Перрин. Эти слова заставили его сердце сжаться. Ему нравилось это место – волчий сон – несмотря на то, каким оно могло быть опасным. Все же с ним случились удивительные вещи после того, как он покинул Двуречье.

Но Перрин не мог и дальше терять контроль над собой. Ему нужно найти равновесие. То, что он выбросил топор, было важно. Топор и молот были разным оружием — одно могло использоваться только для убийства, тогда как другое предлагало ему выбор.

Но этот выбор должен быть правильным. Перрин должен управлять собой. И, видимо, первый шаг к этому — научиться управлять волком внутри себя.

«Побежали со мной, Юный Бык, — послал Прыгун. — Забудь эти мысли. Беги как волк».

— Я не могу, — ответил Перрин. Он повернулся, изучая равнину. — Но

мне нужно узнать про это место, Прыгун. Мне нужно научиться использовать его, контролировать его.

«Люди, – подумал Прыгун, посылая запахи пренебрежения и гнева. – *Контроль. Всегда контроль*».

– Я хочу, чтобы ты меня научил, – сказал Перрин, оборачиваясь к волку. – Я хочу управлять этим местом. Ты покажешь мне, как?

Прыгун снова уселся.

– Хорошо, – сказал Перрин, – Я разыщу других волков, которые покажут.

Он развернулся, сойдя со звериной тропы. Перрин не узнавал это место, но он усвоил, что волчий

сон был непредсказуем. Этот луг с доходящей до пояса травой и тисовыми деревьями мог быть где угодно. Где он найдет волков? Он попробовал искать мысленно, но обнаружил, что здесь это делать гораздо труднее.

«Ты не хочешь бегать. Но ты ищешь волков. Почему ты такой сложный, щенок?» – Прыгун снова сидел напротив него.

Перрин заворчал, потом сделал прыжок, который перенес его на сто ярдов. Он приземлился, его ноги опустились на траву, словно это был обычный шаг.

А Прыгун опять оказался перед ним. Перрин не видел прыжка волка.

Тот находился в одном месте, а теперь в другом. Перрин заскрежетал зубами. Поискав снова других волков, он почувствовал что-то отдаленное. Нужно стараться лучше. Он сконцентрировался, каким-то образом втягивая в себя больше силы, и ухитрился послать свой мысленный призыв дальше.

«Это опасно, Юный Бык, — передал Прыгун. — Ты вошел сюда слишком сильно. Ты умрешь».

— Ты всегда так говоришь, — ответил Перрин. — Скажи мне то, что я хочу знать. Покажи мне, как научиться.

«Упрямый щенок, — передал Прыгун. — Возвращайся, когда

*решишь не совать морду в логово
огненной гадюки».*

Затем что-то ударило Перрина, придавило его разум. Все исчезло, и он был выброшен из волчьего сна, словно попавший в бурю листок.

* * *

Фэйли почувствовала, как ее муж заворочался во сне. Она взглянула на него в сумраке комнаты. Она не спала, хоть и лежала возле Перрина на соломенном тюфяке. Она ждала, прислушиваясь к его

дыханию. Он перевернулся на спину, что-то бормоча во сне.

«Ну почему ему плохо спится именно этой ночью...» – подумала Фэйли с раздражением.

Прошла неделя, как они ушли от Малдена. Беженцы разбили лагерь – или, скорее, лагеря – возле реки, что вела прямо к находившемуся неподалеку Джеханнахскому тракту.

Последние несколько дней всё шло гладко, хотя Перрин по-прежнему считал Аша'манов слишком уставшими для открытия Врат. Она провела вечер с мужем, напомнив ему несколько важных причин, из-за которых он, в первую очередь, на ней женился. Он,

несомненно, был полон энтузиазма, и все-таки у него в глазах было что-то странное. Не опасное, а скорее печальное. Пока они были порознь, он стал беспокойнее. Она могла это понять. Ее так же преследовали тени прошлого. Никто не ждет, что всё будет как прежде, но она видела, что он по-прежнему любил ее – любил неистово. Этого было достаточно, и потому она более не беспокоилась.

Но Фэйли планировала ссору, чтобы вытянуть из Перрина его секреты. Она выждет еще несколько дней. Было полезно напоминать мужу, что не стоит почивать на лаврах, но это не значит, что она не ценит того, что он опять рядом с ней.

Совсем

наоборот.

Повернувшись, она положила руку на его волосатую грудь, а голову — на обнаженное плечо. Она любила этого крепкого, подобного сходящей лавине, мужчину. Воссоединение с ним было даже слаще, чем торжество избавления от Шайдо.

Его глаза распахнулись, и она вздохнула. Пусть Фэйли и любила его, но этой ночью она желала, чтобы он оставался спящим! Неужели она недостаточно его утомила?

Он посмотрел на нее; его золотые глаза, казалось, слабо светились в темноте, но она знала, что это только игра света. Затем он притянул ее немного ближе.

– Я не спал с Берелейн, – сказал он мрачным голосом. – Неважно, что твердят слухи.

Дорогой, милый, *глупый* Перрин.

– Я знаю, – сказала она утешающе. Фэйли слышала сплетни. Практически каждая женщина в лагере, с кем ей приходилось беседовать – от Айз Седай до служанки – притворяясь, что пытается держать свой язык за зубами, рассказывала об одной и той же новости. Перрин провел ночь в шатре Первенствующей Майена.

– Нет, правда, нет, – сказал Перрин, в его голосе появились умоляющие нотки. – Я не делал

этого, Фэйли. Пожалуйста.

– Я же сказала, что верю тебе.

– Мне показалась... не знаю.

Стори оно все, женщина, но мне показалось, ты ревнуешь.

«Неужели он никогда не поймет?»

– Перрин, – решительно ответила она. – Мне потребовался почти год, не говоря уже о преодолении множества сложностей, чтобы тебя покорить, и даже при этом, все получилось только потому, что была назначена свадьба! У Берелейн не хватит мастерства, чтобы прибрать тебя к рукам.

Видимо в растерянности, Перрин поднял правую руку, чтобы

почесать бороду. Затем просто улыбнулся.

— К тому же, — добавила она, прижимаясь сильнее, — ты ведь рассказал мне. И я тебе верю.

— Значит, ты не ревнуешь?

— Конечно же, я ревную, — ответила она, шлепнув его по груди. — Перрин, неужели я этого не объясняла? Муж должен знать, что жена ревнует, иначе он не поймет, насколько она его любит. Ты охраняешь самое ценное, что у тебя есть. Честно, если ты и дальше будешь заставлять меня объяснять подобные вещи, то у меня не останется никаких секретов!

Он тихонько фыркнул, услышав

последнее заявление.

— Сомневаюсь, что это возможно.

Перрин замолчал, и она закрыла глаза, надеясь, что он опять уснет. Она слышала отдаленные голоса охранников, непринужденно беседовавших во время патрулирования, и кузнеца — Джерасида, Аймина или же Фалтона — работающего ночью над подковой или гвоздем, чтобы подготовить одну из лошадей к завтрашнему маршу. Было приятно опять слышать этот звук. Айил не умели обращаться с лошадьми, и Шайдо либо отпускали захваченных скакунов, либо превращали их в тягловую силу. Во

время своего пребывания в Малдене она видела множество хороших верховых кобыл, впряженных в телеги.

Должна ли она, вернувшись, чувствовать себя странно? Она провела в плену меньше двух месяцев, но, казалось, это были годы. Годы, проведенные на побегушках у Севанны, годы наказаний ни за что. Но они не сломили ее. Удивительно, но на протяжении тех дней она чувствовала себя дворянкой в больше мере, чем до того.

Словно до Малдена она не совсем понимала, что значит быть леди. Да, у нее были победы. Ча Фэйли, народ Двуречья, Аллиандре и

люди в лагере Перрина. Ее воспитание пригодились ей, когда она помогала Перрину научиться быть лидером. Все это было важно и требовало от нее использовать то, к чему ее готовили мать с отцом.

Но Малден открыл ей глаза. Там она нашла людей, которые нуждались в ней больше, чем кто-либо прежде. При жестокой диктатуре Севанны не было времени для игр, не было места ошибкам. Ее унижали, били и даже едва не убили. И это дало ей настоящее понимание того, что значит быть сеньором. Она даже испытала угрызения совести за то, как распоряжалась Перрином, пытаясь принудить его и других

подчиниться ее воле. Быть дворянкой значило во всем идти первой. Это значило быть битой, чтобы не били других. Это значило жертвовать, рисковать жизнью, чтобы защитить тех, кто от тебя зависит.

Нет, вернувшись, она не чувствовала себя странно, так как она взяла с собой ту часть Малдена, которая имела значение. Сотни гай'шайн поклялись ей в верности, и она их спасла. Она сделала это с помощью Перрина, но у нее были и свои планы. Так или иначе, она бы сбежала и привела армию, чтобы освободить присягнувших ей.

За это пришлось заплатить. Но она разберется с этим сегодня ночью,

если на то будет воля Света. Она приоткрыла один глаз и взглянула на Перрина. Он, казалось, спал, но стало ли его дыхание ровным? Она высвободила руку.

– Мне безразлично, что с тобой случилось, – сказал он.

Она вздохнула. Нет, не спал.

– Что со мной случилось? – переспросила она в замешательстве.

Он открыл глаза, уставившись вверх.

– Шайдо, тот мужчина, который был с тобой, когда я спас тебя. Что бы он ни сделал... что бы ни сделала ты для того, чтобы выжить. Всё в порядке.

Так вот что беспокоило его?

Свет!

— Ты — здоровый буйвол, — сказала она, ударив его кулаком в грудь и заставив его крикнуть. — О чем ты говоришь? Что мне можно быть неверной? И это сразу после твоих истовых заверений в собственной верности?

— Что? Нет, это разные вещи, Фэйли. Ты была пленницей и...

— И, значит, я не могу позаботиться о себе? Ты и есть буйвол. Никто меня и пальцем не тронул. Они Айил. Ты знаешь, что они бы не посмели навредить гай'шайн.

Это было не совсем правдой. В лагере Шайдо -переставших вести

себя, как Айил – женщины часто подвергались надругательствам.

Но в лагере были и другие айильцы – которые не были Шайдо. Люди, которые отказались принять Ранда как Кар'а'карна, но и признать господство Шайдо им тоже было непросто. Безродные были людьми чести, и, хотя называли себя изгнанниками, они были единственными в Малдене, кто сохранял старые традиции. Когда женщины-гай'шайн оказались в опасности, Безродные выбрали и защитили тех, кого могли. Они ничего не просили взамен.

Ну... и это была не вся правда. Они просили много, но не требовали

ничего. Для нее Ролан всегда был айильцем не на словах, а на деле. Но, как и о смерти Масимы, о ее отношениях с Роланом Перрин знать не должен. С Роланом она даже не целовалась, но при этом использовала его желание в своих целях. И подозревала, что он об этом знал.

Перрин убил Ролана. Это была еще одна причина, по которой ее мужу не стоит знать о доброте Безродных. Если он узнает, что наделал, то это ранит его душу.

Перрин расслабился, закрывая глаза. Он изменился за эти два месяца, возможно так же сильно, как она. И это хорошо. В Пограничных

землях, у ее народа была пословица: «Только Тёмный остается прежним». Человек растет и совершенствуется, Тень остается неизменной – злом.

– Завтра нам нужно собраться вместе и подумать, – зевая, сказал Перрин. – Как только будут доступны Врата, придется решать, надо ли принуждать людей уйти, и кто пойдет первым. Кто-нибудь разузнал, что случилось с Масимой?

– Насколько я знаю, нет, – осторожно ответила она. – Но столько имущества пропало из его палатки...

– Масиме плевать на имущество, – тихо пробормотал Перрин с закрытыми глазами. – Хотя он мог

бы забрать его для того, чтобы начать все с начала. Полагаю, он сумел сбежать, хотя странно, что никто не знает, куда и как.

— Должно быть, он ускользнул во время переполоха сразу после битвы.

— Вероятно, — согласился Перрин. — Хотел бы я знать... — он зевнул. — Хотел бы я знать, что скажет Ранд. Масима был причиной всего этого путешествия. Я должен был взять его и привести к Ранду. Думаю, я не справился.

— Ты уничтожил людей, которые грабили и убивали именем Дракона, — сказала Фэйли, — и ты подрубил сердцевину Шайдо, не говоря уже обо всем, что ты вызнал про Шончан.

Думаю, Дракон решит, что твои достижения значительно перевешивают неудачу с Масимой.

— Может, ты и права, — сонно пробормотал Перрин. — Проклятые цвета... Я не хочу смотреть, как ты спишь, Ранд. Что случилось с твоей рукой? Ослепленный светом дурак, получше заботься о себе... Ты всё, что у нас есть... грядет Последняя Охота...

Она еле смогла разобрать последнюю часть. Чего ради он заговорил о руке Ранда, отправляющейся на охоту? На этот раз он действительно заснул?

Так и есть — вскоре он начал тихонько похрапывать. Она

улыбнулась, с любовью покачивав головой. Порой он был вылитым буйволом. Но он был ее буйволом. Она поднялась с постели и прошла через шатер, надевая халат и завязывая пояс. Затем надела сандалии и выскользнула сквозь полог палатки. Аррела и Ласиль стояли на страже вместе с двумя Девами. Девы кивнули; они сохраняют ее секрет.

Фэйли оставила Дев охранять шатер и скрылась в темноте, забрав с собой Аррелу и Ласиль. Аррела была темноволосой тайренкой, выше большинства Дев, прямолинейной и резкой. Ласиль была низкорослой, бледной, очень стройной и с

грациозной походкой. Пожалуй, они были разными настолько, насколько вообще возможно, но плен объединил их. Они обе состояли в Ча Фэйли, были захвачены с нею вместе и уведены в Малден как гай'шайн.

Вскоре по пути к ним присоединились две Девы — видимо их подговорили Байн и Чиад. Они выбрались из лагеря, направляясь к двум растущим рядом ивам. Там Фэйли поджидала пара женщин, до сих пор не снявших белые одежды *гай'шайн*. Байн и Чиад тоже были Девами, первыми сестрами, и они были дороги Фэйли. Их верность превосходила даже верность ее вассалов. И без всяких клятв —

противоречие, понятное одним только Айил.

В отличие от Фэйли и остальных, для Байн и Чиад то, что их захватчиков разбили, не было достаточной причиной, чтобы снять белое. Они продолжают носить его год и день. Более того, приход сюда этой ночью означал признание прошлого, пережитого до пленения – что почти выходило за допустимые рамки их чести. Тем не менее, они признали, что жизнь гай'шайн в лагере Шайдо была какой угодно, только не нормальной.

Фэйли встретила их улыбкой, но не опозорила, поприветствовав по имени или используя язык жестов.

Однако не смогла сдержаться и не спросить:

– У вас все в порядке? – в тот момент, когда принимала из рук Чиад узелок.

Чиад была красивой сероглазой женщиной с короткими рыжеватыми волосами, спрятанными под капюшон одеяния гай'шайн. В ответ она скривилась.

– В поисках меня Гаул перерыл весь лагерь Шайдо и, говорят, он пронзил своим копьем двенадцать алгай'д'сисвай. Возможно, когда всё это закончится, мне все же придется сплести ему свадебный венок.

Фэйли улыбнулась.

Чиад улыбнулась в ответ.

– Он не ожидал, что один из убитых им мужчин окажется тем, кто сделал Байн гай'шайн. Не думаю, что Гаул счастлив от того, что мы обе ему прислуживаем.

– Глупый мужчина,- сказала Байн, которая была выше Чиад. – Это так на него похоже – тыкать копьем не глядя. Никогда не может убить нужного человека, не поубивав случайно несколько других.

Обе женщины захихикали.

Фэйли улыбнулась и кивнула; айильский юмор был за гранью ее понимания.

– Большое спасибо за то, что все разыскали, – сказала она, держа маленький тряпичный узелок.

– Это было нетрудно, – ответила Чиад. – В тот день там было слишком много рабочих, так что это было легко. Аллиандре Марита Кигарин уже ждет тебя среди деревьев. Мы должны вернуться в лагерь.

– Да, – добавила Байн. – Возможно, Гаул захочет, чтобы ему снова потерли спинку или сходили за водой. Он так злится, когда мы спрашиваем, но, только служа, гай'шайн получают честь. Что еще нам остается делать?

Женщины снова засмеялись и побежали обратно к лагерю, шурша белыми одеяниями. Фэйли покачала головой. Она поежилась при одной только мысли о том, чтобы опять

надеть такую одежду — та навевала воспоминания о днях ее службы Севанне.

Долговязая Аррела и грациозная Ласиль присоединились к ней у ив. Охраняющие их Девы держались позади, наблюдая издалека. Из тени вышла еще одна Дева и присоединилась к первым двум. Вероятно, ее направили Байн с Чиад для защиты Аллиандре. Фэйли обнаружила темноволосую королеву стоящей под деревьями. Она снова выглядела как леди — в дорогом красном платье и с украшенной золотыми цепочками прической. Все было сделано нарочито напоказ, словно она решила отвергнуть все те

дни, которые провела в качестве служанки. Платье Аллиандре заставило Фэйли вспомнить про свой простенький халатик. Но она не смогла бы надеть ничего лучше, не разбудив Перрина. Аррела и Ласиль были одеты только в вышитые штаны и обычные для Ча Фэйли блузы.

Аллиандре держала небольшой фонарь с закрытыми затворками, пропускавшими едва достаточно света, чтобы осветить ее юное лицо, увенчанное темными волосами.

— Они что-нибудь нашли? — спросила она. — Пожалуйста, скажи, что нашли.

Она всегда была очень благоразумной для королевы, хотя и

несколько придиричивой. Время, проведенное в Малдене, казалось, смягчило эту черту.

— Да.

Фэйли приподняла узелок. Она опустилась на колени, а четверо женщин столпились вокруг. Кончики стеблей короткой травы, освещенные фонарем, сияли точно языки пламени. Фэйли развернула узелок. Внутри не было чего-то необычного. Маленький желтый платок из шелка. Ремень из выделанной кожи с вытисненным с обеих сторон узором в виде птичьих перьев. Чёрная вуаль. И тонкий кожаный шнурок с привязанным по центру камешком.

— Этот ремень принадлежал

Кингуину, — сказала Аллиандре, указывая на него. — Я видела, как он носил его, прежде чем... — Она замолчала, потом опустилась на колени и подняла его.

— Эта вуаль Девы, — сказала Аррела.

— Они разные? — удивленно уточнила Аллиандре.

— Конечно, да, — ответила Аррела, взяв вуаль. Фэйли никогда не встречала ту Деву, что стала защитницей Аррелы, но та женщина пала в битве, пусть и не столь драматично, как Ролан и другие.

Кусок шелка принадлежал Джорадину. Ласиль помедлила, затем взяла его в руки и, переворачивая его

в руках, обнаружила на нем пятно крови. Остался только кожаный шнурок. Ролан иногда носил его на шее под своим кадин'сор. Фэйли задавалась вопросом, что он значил для него, и был ли вообще важен один единственный кусочек камня, грубо обработанный кусок бирюзы. Она подняла его, потом взглянула на Ласиль. Поразительно, но, казалось, стройная женщина плакала. Ласиль так быстро забралась в постель здоровяка Безродного, что Фэйли сочла их отношения необходимостью, а не привязанностью.

— Четыре человека мертвы, — сказала Фэйли, во рту у нее внезапно

пересохло.. Она говорила официальным тоном, это был единственный способ сдержать эмоции в голосе. — Они защищали нас, даже заботились о нас. Несмотря на то, что они были врагами, мы скорбим о них. Помните, несмотря ни на что, они были Айил. Для айильца смерть в бою — не самый худший конец.

Остальные кивнули, но Ласиль встретила глазами с Фэйли. Для них двоих это было по-другому. Когда Перрин выбежал из того переулка и заревел в гнев, увидев Фэйли и Ласиль, которых, очевидно, тащили Шайдо, все случилось очень быстро. В той стычке Фэйли в подходящий

момент отвлекла Ролана, заставив его замешкаться. Он сделал это потому, что волновался за нее, но эта заминка позволила Перрину его убить.

Сделала ли Фэйли это умышленно? Она до сих пор не знала. Когда она увидела Перина, в ее голове пронеслось столько разных мыслей, столько эмоций. Она вскрикнула, и... Фэйли так и не смогла решить, сделала ли это, пытаясь отвлечь Ролана, чтобы дать ему умереть от руки Перрина.

У Ласиль не было подобных сомнений. Джорадин выпрыгнул вперед, закрывая ее собой и поднимая оружие против

надвигающегося противника. Она всадила ему нож в спину, впервые в жизни убив человека. И им оказался тот, с кем она делила постель.

Фэйли убила Кингуина, еще одного защитившего их Безродного. Он не был первым человеком, жизнь которого она забрала, и не первым, которого убила со спины. Но он был первым убитым ею, кто видел в ней друга.

Иначе было нельзя. Перрин видел только Шайдо, а Безродные видели только нападающего врага. Этот конфликт мог закончиться лишь смертью Перрина или Безродных. Никакой крик их бы не остановил.

Но это только усиливало

трагичность ситуации. Фэйли одернула себя, чтобы не расплакаться, как Ласиль. Она не любила Ролана и была рада, что в схватке выжил Перрин. Но Ролан был благородным человеком, и она чувствовала себя... некоторым образом запачканной, словно Ролан погиб по ее вине.

Этого не должно было случиться, но случилось. Ее отец часто рассказывал про ситуации, когда ты вынужден убивать тех, кто тебе нравится, только потому, что ты встретил их не на той стороне поля боя. Тогда она никак не могла понять этого. Но если б она могла вернуться и пережить это еще раз, то

действовала бы так же. Она не могла бы рискнуть Перрином. Ролан должен был умереть.

Но по этой причине мир для нее казался куда печальнее.

Тихонько всхлипывая, Ласиль отвернулась. Фэйли опустилась на колени и достала из узелка, оставленного Чиад, небольшой пузырек с маслом. Она взяла кожаный ремешок, оторвала камешек и положила шнурок в центр тряпчного узелка. Она вылила на него масло и зажженной от фонаря сухой палочкой подожгла узелок.

Она смотрела, как он горит, на маленькие синие и зеленые язычки пламени с оранжевым отблеском

сверху. Запах горячей кожи был поразительно схож с запахом паленой человеческой плоти. Ночь была тихой, ветер не тревожил пламя, и его язычки танцевали свободно.

Аллиандре пропитала ремень маслом и опустила в миниатюрный костер. Аррела сделала тоже самое с вуалью. В конце концов, Ласиль присоединила платок. Она все еще плакала.

Это было все, что они могли сделать. В том хаосе, в котором они покидали Малден, не было возможности позаботиться о телах. Чиад сказала, что оставить их не было бесчестьем, но Фэйли нужно

было что-то сделать. Хотя как-то почитать Ролана и остальных.

– Убитые нашими руками, – сказала Фэйли, – или просто погибшие в бою, эти четверо показали нам, что такое честь. Как сказали бы айильцы, у нас к ним большой тох. Не думаю, что он может быть оплачен. Но мы можем помнить о них. Трое Безродных и одна Дева проявили к нам доброту, когда не были обязаны. Они сохранили свою честь, когда другие от нее отказались. Если существует искупление для них, и для нас, оно в этом.

– В лагере Перрина есть Безродный, – сказала Ласиль, в ее

глазах отражалось пламя погребального костра. — Его имя Ниаген, он гай'шайн Сулин, Девы. Я ходила рассказать ему, что сделали для нас остальные. Он добрый человек.

Фэйли закрыла глаза. Ласиль, наверное, имела в виду, что легла с этим Ниагеном в постель. Гай'шайн это не возбранялось.

— Ты не сможешь таким образом заменить Джорадина, — сказала она, открывая глаза. — Или исправить содеянное.

— Я знаю, — ответила Ласиль защищаясь. — Но они были веселыми, несмотря на ужасное положение. Что-то в них было эдакое. Джорадин

хотел забрать меня в Трехкратную землю, сделать своей женой.

«А ты никогда бы на это не согласилась, — подумала Фэйли. — Я знаю, что нет. Но теперь, когда он мертв, ты понимаешь, что потеряла».

Но кто она такая, чтобы судить? Пусть Ласиль поступает, так, как ей хочется. Если этот Ниаген был хотя бы вполовину похож на Ролана и других, тогда, пожалуй, Ласиль будет с ним хорошо.

— Кингуин только начинал присматривать за мной, — сказала Аллиандре. — Я знаю, чего он желал, но он никогда этого не требовал. Думаю, он планировал покинуть Шайдо, и помог бы нам сбежать.

Даже если бы я отвергла его, он все равно бы нам помог.

— Мартэя ненавидела то, что вытворяли другие Шайдо, — сказала Аррела. — Но она осталась с ними из-за клана. Ее преданность погубила ее. Есть вещи и похуже, за которые можно умереть.

Фэйли следила, как гасли последние угли миниатюрного погребального костра.

— Думаю, Ролан действительно меня любил, — сказала она. И всё.

Все четверо встали и вернулись в лагерь. «Прошрое было полем, покрытым углями и пеплом, — гласила старая салдэйская пословица, — остатками того

пламени, которое было настоящим». И эти угли уносил ветер позади нее. Но она сохранила камешек бирюзы Ролана. Не ради сожалений, а на память.

* * *

Проснувшись, Перрин лежал в ночной тишине, ощущая запах материи шатра и неповторимый запах Фэйли. Ее не было, хотя еще недавно была здесь. Он задремал, и она исчезла. Возможно, пошла в уборную.

Он всматривался в темноту, пытаясь понять Прыгуна и волчий сон. Чем больше он думал об этом, тем больше набирался решимости. Он отправится на Последнюю Битву — и когда это случится, он хотел уметь контролировать волка внутри себя. Он также хотел либо освободиться от всех следовавших за ним людей, либо научиться принимать их верность.

Ему нужно было кое-что решить. Это будет непросто, но он должен. Мужчине приходится совершать трудные поступки. Такова жизнь. Вот что было неправильно в том, как он принял пленение Фэйли. Вместо того чтобы принимать решения, он

их избегал. Мастер Лухан был бы им разочарован.

И это подводило Перрина к еще одному выводу, самому трудному. Похоже, ему придется позволить Фэйли столкнуться с опасностью, возможно, рисковать ею вновь. Было ли это выходом? Мог ли он вообще принять такое решение? Его замутило при одной лишь мысли, что Фэйли может оказаться в опасности. Но он должен будет что-то сделать.

Три проблемы. Он столкнется с ними — и разберется. Но сначала он их обдумает, потому что всегда так делал. Только глупец принимает решения, не обдумав их перед этим хорошенько.

Но принятое решение
посмотреть в лицо своим проблемам
принесло ему немного покоя,
поэтому он повернулся, возвращаясь
ко сну.

Глава 22. Последняя капля

Семираг в одиночестве сидела в небольшой комнате. Они забрали стул и не оставили ей даже светильника или свечи. Будь проклята эта мерзкая Эпоха и ее мерзкие люди! Она бы многое отдала

за световые колбы на стенах. В ее время пленников не лишали света. Конечно, она запирала нескольких своих подопытных в полной темноте, но это совсем другое. Необходимо было выяснить, как на них повлияет отсутствие света. У этих так называемых Айз Седай, которые держали ее в плену, не было никакой разумной причины оставлять Семираг в темноте. Они просто хотели унижить ее.

Она плотнее обхватила себя руками, прижавшись спиной к деревянной стене. Она не плакала. Она Избранная! Ее вынудили унижаться, и что с того? Она не сломлена.

Но... эти дурочки Айз Седай перестали относиться к ней, как подобает. Семираг не изменилась, но изменились они. Каким-то образом, проклятая женщина с паралич-сетью в волосах в одночасье разрушила среди них авторитет Семираг.

Как? Как она потеряла контроль так быстро? Ее бросило в дрожь от одного воспоминания о том, как эта женщина перекинула ее через колено и отшлепала. И с каким безразличием она это проделала. В голосе той женщины чувствовалась единственная эмоция — легкое раздражение. Она обращалась с Семираг — одной из Избранных! — будто та едва заслуживала внимания.

И это уязвляло её сильнее, чем побои.

Этого больше не случится. Семираг будет готова к побоям, она не будет придавать им значения. Да, это должно сработать. Не так ли?

Она снова вздрогнула. Семираг пытала сотни, возможно даже тысячи людей во имя понимания. В пытках есть здравый смысл. Ты действительно понимаешь, из чего состоит человек, — во многих смыслах — когда начинаешь нарезать его на кусочки. Это было своего рода девизом Семираг. Обычно он вызывал у нее улыбку.

Но не сейчас.

Почему они не могли дать ей

боль? Сломать пальцы, взрезать плоть, положить тлеющие угли на сгиб локтя. Мысленно она закалила себя, ко всему подготовилась. Небольшая ее часть даже жаждала этих пыток.

Но такое! Заставлять ее есть с пола? Обращаться с ней, как с ребенком, на глазах у тех, кому она до этого внушала благоговейный страх?

«Я убью ее, – подумала она уже не в первый раз. – Одно за другим я вытяну ее сухожилия, Исцеляя, чтобы она жила, страдая от боли... Нет. Нет, я сделаю с ней что-нибудь новое. Она переживет мучения, невиданные во всех Эпохах!»

“Семираг”, – раздался шепот.

Она застыла, вглядываясь в темноту. Голос был тихим, как ледяной ветерок, и столь же едким и колючим. Может, ей показалось? Его не может быть здесь, разве не так?

– Ты потерпела большую неудачу, Семираг, – тихо продолжил голос. Тусклый свет пробивался из-под двери, но голос звучал изнутри ее камеры. Свет становился все ярче, разгораясь рубиновым пламенем, и, наконец, выхватил из темноты контуры стоящей перед ней фигуры в черном плаще. Она взглянула наверх. Багровый свет озарил белёсое, цвета мертвой кожи, лицо. На лице не было глаз.

Она упала на колени, распростёршись на старом деревянном полу. Хоть посетитель и выглядел как Мурддраал, он был намного выше и значительно могущественнее обычного Получеловека. Ее бросило в дрожь, как только она вспомнила голос говорившего с нею Великого Повелителя.

Когда ты подчиняешься Шайдару Харану, ты подчиняешься мне. Когда ты не подчиняешься...

– Тебе было приказано захватить мальчишку, а не убивать его, – прошептало существо с шипением, словно пар пробивался из-под крышки котла. – Ты лишила его руки

и чуть не лишила жизни. Ты разоблачила себя, потеряв ценных марионеток. Тебя захватили наши враги, и сейчас ты сломлена ими.

Ей показалось, будто она чувствует улыбку у него на губах. Шайдар Харан был единственным известным ей Мурддраалом, который мог улыбаться. Но, разумеется, она не считала это создание обычным Мурддраалом.

Она никак не ответила на его обвинения. Никто не будет лгать или извиняться перед этим существом.

Внезапно ограждающий щит исчез. У нее перехватило дыхание. Саидар вернулся! Сладостная сила. Тем не менее, она потянулась к ней и

остановилась. Если она начнет направлять, те жалкие подобия Айз Седай это почувствуют.

Холодная рука с длинными ногтями дотронулась до ее подбородка, приподняв голову так, чтобы она встретила безглазый взгляд. Кожа на руке на ощупь напоминала мертвую плоть.

— Тебе дается еще один, последний шанс, — прошептал Шайдар Харан похожими на личинок губами. — Не. Подведи.

Свет померк. Рука с подбородка исчезла. Она продолжала стоять на коленях, подавляя в себе ужас. Последний шанс. Великий Повелитель всегда вознаграждает за

неудачи... необычными способами. Подобные награды она раздавала раньше, и у нее не было никакого желания получать их. По сравнению с ними любая пытка или наказание этих Айз Седай показались бы детской забавой.

Она заставила себя встать, на ощупь дошла до двери и, затаив дыхание, попробовала ее открыть.

Дверь поддалась. Семираг выскользнула из комнаты, стараясь не скрипеть дверными петлями. Снаружи, на полу рядом со стульями, лежало три тела. Женщины, которые поддерживали щит. Над телами кто-то стоял на коленях. Одна из Айз Седай. Женщина в зеленом платье со

стянутыми в хвост каштановыми волосами преклонила перед ней голову.

— Я живу, чтобы служить, Великая Госпожа, — прошептала женщина. — Мне велели сказать, что вам нужно снять с меня Принуждение.

Семираг приподняла бровь. Она и не подозревала, что среди здешних Айз Седай есть Черные. Снятие Принуждения может иметь... очень неприятные последствия. Снятие даже слабого или тонкого плетения может серьезно повредить мозг. Если же Принуждение сильно... ну что ж, было бы интересно взглянуть на результат.

— Кроме того, — сказала женщина, протягивая обернутый тканью предмет, — я должна передать это вам.

Под тканью оказалась пара браслетов и матовый металлический ошейник — «Узы Господства». Изготовленный во времена Разлома предмет, поразительно похожий на ай'дам, которым Семираг так часто пользовалась.

С помощью этого *тер'ангриала* можно контролировать направляющего мужчину. Наконец-то сквозь страх Семираг пробились улыбка.

Ранд только один раз был в Запустении, но у него остались смутные воспоминания о том, что ему случалось бывать в этих местах и раньше, еще до того, как Запустение поразило земли. Это были воспоминания Льюса Тэрина. Не Ранда.

Безумец в голове Ранда сердито шипел и бормотал все то время, пока они ехали через покрытую кустарниками пустошь Салдэйи. По мере их продвижения на север, даже Тай'дайшар становился пугливее.

Пейзаж Салдэйи был бурым из-

за зарослей кустарника и темной почвы, куда более плодородной, чем в Айильской Пустыне, но сама страна едва ли была мягкой или цветущей. Ничем не примечательные фермы были укреплены, как крепости, и даже маленькие дети вели себя, как опытные бойцы. Лан однажды сказал ему, что в Пограничье мальчик становится мужчиной, когда получает право носить меч.

— Вам не кажется, — сказал Итуралде, ехавший верхом слева от Ранда, — что наши действия здесь могут быть расценены как вторжение?

Ранд кивнул в сторону Башира,

который ехал сквозь заросли справа от Ранда. — Я взял с собой солдат-салдэйцев. Они мои союзники.

Башир рассмеялся.

— Сомневаюсь, что Королева придерживается такого же мнения, мой друг! Месяцы прошли с тех пор, как она отдавала мне приказы. И не удивлюсь, если окажется, что она назначила за мою голову награду.

Ранд посмотрел вперед.

— Я Дракон Возрожденный. И это не вторжение — выступить против сил Темного.

Прямо перед ними возвышались предгорья Гор Рока — темные, будто бы их склоны были покрыты сажей.

Как бы он поступил, узнав, что

другой правитель переправил на его территорию с помощью Переходных Врат около пятидесяти тысяч солдат? Это было актом войны, но силы Порубежников были далеко и занимались Свет знает чем, а Ранд не оставит эти земли без защиты. Примерно в часе езды на юг доманийцы Итуралде разбили укрепленный лагерь рядом с рекой, берущей свое начало в высокогорьях Края Мира. После того, как Ранд осмотрел лагерь и шеренги солдат, Башир предложил ему осмотреть Запустение. Разведчики были поражены тем, как быстро оно наступает, поэтому Башир считал важным, чтобы Ранд и Итуралде

увидели все собственными глазами. Ранд согласился. Иногда карты не могут передать истинное положение дел, которое можно увидеть своими глазами.

Солнце садилось за горизонт, как будто закрывая свой глаз для долгого сна. Тай'дайшар ударил копытом и замотал головой. Ранд поднял руку, останавливая процессию – два генерала, пятьдесят солдат и столько же Дев, а также едущий чуть позади Нарисша. Ранд взял его, чтобы сплести Врата.

К северу на пологом склоне колыхались заросли широколистной травы и низкорослого кустарника. Не существовало определенной

границы, за которой начиналось Запустение. Пятнышко на листе тут, стебель болезненного оттенка там. Каждый отдельный признак был незначительным, но этих признаков было много, слишком много. Все растения на вершине этого холма были покрыты пятнами. Казалось, что сыпь гноится прямо на глазах.

Тут уже чувствовался маслянистый привкус смерти из Запустения. Растения едва выживали в таких условиях, они будто пленники голодали на пороге смерти. Если бы Ранд увидел подобное на полях в Двуречье, он бы сжег весь урожай, недоумевая, почему никто не сделал этого

раньше.

Рядом Башир пригладил темные длинные усы. — Я помню время, когда ничего подобного не было на несколько лиг вокруг, — заметил он. — Это было не так уж давно.

— Я разослал разведчиков по всем направлениям, — сказал Итуралде. Он охватил взглядом болезненный пейзаж. — Все доклады схожи. Там все спокойно.

— Этого достаточно, чтобы опасаться, что тут не все в порядке, — сказал Башир. — Набеги и патрули троллоков здесь — обычное дело. Если их нет, значит, их напугало нечто более страшное. Черви или кровомары.

Итуралде положил одну руку на седло и, качая головой, продолжал вглядываться в Запустение.

— Я никогда не сражался с подобными тварями. Я знаю, как мыслят противники-люди, но банды троллоков не нуждаются в линиях снабжения, а о том, что могут сделать черви, я слышал одни лишь *слухи*.

— Я оставлю в качестве советников несколько офицеров Башира, — сказал Ранд.

— Это должно помочь, — сказал Итуралде, — но не лучше ли будет оставить здесь его? Солдаты Башира могут патрулировать эту территорию, а мои войска вы сможете

использовать в Арад Домане. Не хочу вас оскорблять, милорд, но не думаете ли вы, что это странно, заставляя каждого из нас служить в чужой стране?

— Нет, — сказал Ранд. Это не было странным. В этом был горький смысл. Он доверял Баширу, и салдэйцы хорошо служили Ранду, но было бы опасно оставлять их на родине. Башир приходился родственником Королеве, но как поступят его люди? Как они отреагируют, если их спросят, почему они стали Принявшими Дракона? Как бы странно это ни звучало, но Ранд знал, что, оставляя чужеземцев на салдэйской земле, он

вызовет гораздо меньше
противоречий.

И так же жестоко он поступал с Итуралде. Тот принес клятву Ранду, но его лояльность может измениться. А здесь, рядом с Запустением, у Итуралде и его армии будет меньше шансов ополчиться против Ранда. Они находились на враждебной территории, и Аша'маны Ранда были их единственной возможностью быстро вернуться в Арад Доман. Если оставить Итуралде на его родине, то он смог бы управлять всеми своими войсками и, чего доброго, решить, что совсем не нуждается в защите Дракона Возрожденного.

Было значительно безопаснее держать армии на враждебной им территории. Ранду претило думать таким образом, но это, пожалуй, было главным различием между человеком, которым он был и которым стал – и только один из этих двоих мог сделать то, что нужно. Как бы это ему ни было ненавистно.

– Нарешма, – позвал Ранд. – Врата.

Ему не нужно было оборачиваться, чтобы почувствовать, как Нарешма ухватился за Источник и начал плести. У Ранда побежали мурашки от соблазнительного желания дотянуться до Единой Силы, но он поборол его. Последнее

время ему становилось все сложнее ухватиться за Источник без того, чтобы его не вывернуло наизнанку. А Ранд не хотел, чтобы его стошнило перед лицом Итуралде.

— К концу недели у тебя будет сотня Аша'манов, — сказал Ранд Итуралде. — Я полагаю, ты найдешь им хорошее применение.

— Да, думаю, что смогу.

— Мне нужны ежедневные отчеты, даже если ничего не произошло, — ответил Ранд. — Посылай курьеров через Врата. Я снимусь с лагеря и отправлюсь в Бандар Эбан через четыре дня.

Башир заворчал; Ранд впервые упомянул об этом манёвре. Ранд

развернул лошадь к большим Переходным Вратам, открытым позади них. Несколько Дев, как всегда, уже проскользнули перед ним. Наришма стоял в стороне, его темные волосы были заплетены в косички с колокольчиками. Прежде чем стать Аша'маном, он тоже был Порубежником. Слишком многим он может быть предан. Непонятно, кому в первую очередь верен Наришма. Своей родине? Ранду? Айз Седай, Стражем которой он являлся? Ранд практически не сомневался в нем, ведь Наришма был одним из тех, кто спас его у Колодцев Дюмай. Но самые опасные враги скрываются среди тех, кому ты доверяешь.

«Никому из них нельзя доверять! — воскликнул Льюс Тэрин. — Мы не должны близко подпускать их. Они ополчатся против нас!»

Безумец всегда опасался других мужчин, способных направлять. Ранд пришпорил Тай'дайшара, не обращая внимания на бормотание Льюса Тэрина, хотя его голос напомнил ему о той ночи. О ночи, когда он встретил во сне Моридина, и Льюса Тэрина не было в его голове. У Ранда скрутило живот от мысли, что теперь и во снах стало небезопасно. Он привык находить в них убежище. Случалось, что снились и кошмары, но это были его собственные кошмары.

Зачем Моридин помог Ранду в

Шадар Логоте во время сражения с Саммаэлем? Какую хитроумную паутину он плел? Он утверждал, что это Ранд вторгается в его сны, но была ли это очередная ложь?

«Я должен уничтожить всех Отрекшихся,- подумал он, – и на сей раз – окончательно. Я должен быть твердым».

Разве что Мин не хотела видеть его таким твердым. Меньше всего он хотел пугать именно ее. С Мин он мог вести себя непосредственно, она могла назвать его дураком, но она не лгала – и именно поэтому он хотел бы быть таким, каким его желала видеть она. Но осмелится ли он? Может ли человек, способный

смеяться, предстать перед тем, что должно быть сделано на склонах Шайол Гул?

«Чтобы жить, ты должен умереть», – таков был ответ на один из трех вопросов. Если все пройдет, как задумано, его память – его наследие – переживет его. Неутешительные мысли. Он не хотел умирать. Никто не хочет. Айильцы утверждают, что они не ищут смерть, но принимают ее объятья.

Он вошел в Переходные Врата, Перемещаясь обратно в поместье в Арад Домане. Сосны кольцом окружали утопанную бурую землю лагеря и длинные ряды палаток. Придется быть твердым, чтобы

столкнуться с собственной смертью и пролить свою кровь на скалы, сражаясь с Темным. Кто сможет смеяться перед лицом такого?

Он потряс головой. Присутствие Льюса Тэрина в его голове не помогало.

«Она права», — неожиданно сказал Льюс Тэрин.

«Она?» — переспросил Ранд.

«Хорошенькая. С короткой стрижкой. Она говорит, нам нужно сломать печати. Она права».

Ранд застыл, осадив Тай'дайшара и не обращая внимания на конюха, который пришел забрать лошадь. Услышать согласие Льюса Тэрина...

«И что мы будем делать после этого?»- спросил Ранд.

«Умрем. Ты обещал, что мы сможем умереть!»

«Только если одержим победу над Темным, – сказал Ранд. – Ты знаешь, что если победит он, то мы ничего не получим. Даже смерти».

«Да... ничего, – сказал Льюс Тэрин. – Это было бы прекрасно. Ни боли, ни сожаления. Ничего».

Ранда пробрал озноб. Если у Льюса Тэрина появились такие мысли... «Нет, – сказал Ранд, – кое-что все-таки останется. У него будет наша душа. Боль станет сильнее, намного сильнее».

Льюс Тэрин зарыдал.

«Льюс Тэрин! – с яростью окликнул его Ранд внутри своего разума. – Что нам нужно сделать? Как ты запечатал Скважину в прошлый раз?»

«Это не сработало, – прошептал Льюс Тэрин. – Мы использовали саидин, но прикоснулись ею к Темному. Это был единственный способ! Нужно было чем-то дотронуться до него, чем-то, что смогло бы закрыть дыру. Но он смог наложить порчу на саидин. Нам не удалось полностью запечатать его!»

«Да, но что тогда мы должны сделать иначе?» – подумал Ранд.

Тишина. Ранд подождал еще мгновение, а затем спешился,

позволяя взволнованному конюху увести коня. Оставшиеся Девы проходили сквозь Врата, Башир и Нарешма замыкали шествие. Ранд не стал их ждать, хотя заметил, что рядом с площадкой стояла жена Даврама Башира – Дейра Башир. Это была высокая величественная женщина, темноволосая, с сединой на висках. Она бросила на Ранда оценивающий взгляд. Что она сделает, если Башир умрет, выполняя приказы Ранда? Продолжит ли она следовать за ним или отведет войска обратно в Салдэйю? У нее была такая же сила воли, как и у ее мужа – возможно, даже еще сильнее.

Кивнув и улыбнувшись, Ранд

прошел мимо нее и через вечерний лагерь направился к особняку. Значит, Льюс Тэрин не знал, как запечатать узилище Темного. Какая тогда была польза от этого голоса в его голове? Чтоб ему сгореть, но он был одной из немногочисленных надежд Ранда.

Большинство людей были достаточно разумны, чтобы, увидев Ранда вышагивающим через лагерь, убратся с его пути. Ранд помнил время, когда подобное дурное расположение духа было ему незнакомо — когда он был простым пастухом. Ранд-Возрожденный Дракон — это совершенно другой человек. Человек ответственности и

долга. Он должен быть таким.

Долг. Долг подобен горе. Ранд чувствовал, что он пойман в ловушку доброй дюжиной гор, каждая из которых движется и пытается раздавить его. Посреди этих сил, его чувства, казалось, кипят под высоким давлением. Разве удивительно, что порой они вырываются наружу?

Он покачал головой, приближаясь к поместью. К востоку лежали Горы Тумана. Солнце почти село, и горы купались в багровом свете. За ними на юге, удивительно близко, лежали Эмондов Луг и Двуречье. Дом, который он никогда больше не увидит, ведь стоит Ранду

посетить его, как враги узнают о его привязанности к этим местам. Он так старался заставить их думать, что у него нет никаких привязанностей. Временами Ранд боялся, что его уловки уже стали реальностью.

Горы. Горы подобны долгу. В его случае, долг означает одиночество. Где-то на юге этих слишком близких гор находился его отец. Тэм. Много времени прошло с тех пор, как он видел его. Тэм был его отцом. Ранд твердо решил это для себя. Он никогда не знал своего кровного отца — айильского вождя Джандуина, и хоть тот, несомненно, был человеком чести, у Ранда не было никакого желания называть его отцом.

Временами Ранду не хватало голоса Тэма, его мудрости. Это случалось в моменты, когда он обязан был быть тверже всего, в моменты слабости, когда он был готов бежать за помощью к отцу, и это уничтожило бы все, над чем он так долго работал. И, вероятно, это также означало бы и смерть Тэма.

Ранд вошел в поместье через прожженную в фасаде дыру. Он отодвинул плотную занавеску из холстины, теперь заменявшую собой дверь, оставляя за спиной Горы Тумана. Он был один. Он должен быть один. Когда Ранд достигнет Шайол Гул, он не должен ни на кого полагаться, ведь это сделает его

слабым. В Последней Битве он не сможет ждать помощи ни от кого, кроме себя.

Долг. Сколько гор может унести один человек?

Внутри особняка все еще пахло гарью. Лорд Теллаэн нерешительно, но с завидным упорством жаловался на случившийся пожар. Это продолжалось до тех пор, пока Ранд не приказал выплатить ему денежное возмещение, хотя Ранд и не был причиной пузыря зла. Или был? Та'верен мог оказывать самое неожиданное влияние: заставить людей говорить то, чего они и не намеревались, или вынудить присягнуть в верности тех, кто

сомневался. Он был средоточием неприятностей, включая и пузыри зла. Не Ранд решил стать этим средоточием, но остановиться в этом особняке решил именно он.

В любом случае, ущерб возмещен. Но это были жалкие гроши по сравнению с деньгами, которые Ранд тратил на содержание армии, что, в свою очередь, не могло сравниться с затратами на доставку еды в Арад Доман и другие беспокойные районы. Такими темпами, беспокоились управляющие, он в скором времени лишится всего своего имущества в Иллиане, Тире и Кайриэне. Но Ранд не говорил им, что его это не

волнует.

Он должен привести мир к Последней Битве.

«А разве тебе больше нечего оставить после себя?» – прошептал голос где-то на задворках сознания. Это был голос не Льюса Тэрина, а его собственный, та его часть, которая побудила основать школы в Кайриэне и Андоре. – Хочешь жить после смерти? Оставишь ли ты тем, кто следует за тобой, только войну, голод и хаос? Будет ли твоя жизнь состоять из одних разрушений?»

Ранд покачал головой. Он не мог исправить абсолютно все! Он был просто человеком. Было бы глупо задумываться о том, что будет после

Последней Битвы. Он не мог беспокоиться о том, что будет после неё, не мог. Это отвлекло бы его от главной цели.

«А какова цель? – казалось, спрашивал тот голос. – Выжить или благоденствовать? Подготовишь ли ты почву для второго Разлома или для новой Эпохи Легенд?»

У него не было ответа. Льюс Тэрин зашевелился и несвязно забормотал. Ранд по ступенькам поднялся на второй этаж особняка. Свет, как же он устал.

Так что же сказал безумец? Во время запечатывания Скважины он использовал саидин, потому что многие Айз Седай обернулись

против него, и только Сто Спутников – самые могущественные мужчины Айз Седай – остались с ним. Ни одной женщины. Они назвали его план слишком опасным.

Смутно, но Ранд все же как будто припоминал эти события – не то, что произошло, а гнев, отчаяние и решимость. Заключалась ли ошибка в том, что женская половина Источника не была использована вместе с мужской? Может, именно это позволило Темному нанести ответный удар и запятнать саидин порчей, отчего Льюс Тэрин и выжившие из Ста Спутников впали в безумие?

Могло ли быть все так просто?

Сколько ему понадобится Айз Седай? Если будет нужно, многие Хранительницы Мудрости могут направлять. Но, несомненно, нужно что-то еще.

Есть одна игра, в которую играют дети: «Змеи и Лисички». Говорят, что единственный способ победить в ней — это нарушить правила. Тогда что насчет его другого плана? Можно ли нарушить правила, убив Темного? Посмеет ли даже он, Возрожденный Дракон, думать о подобном?

Он пересек коридор со скрипучим деревянным полом и открыл дверь в свою комнату. Мин в зеленых штанах с вышивкой и в

льняной рубашке лежала на сколоченной из бревен кровати. Она обложилась подушками и под светом лампы читала очередную книгу. Пожилая служанка, хлопоча, собирала тарелки, оставшиеся после ужина. Ранд скинул куртку и, вздохнув, принялся разминать руку.

Он сел на кровать, и Мин отложила в сторону свою книгу. Надпись на томе гласила «Всестороннее исследование созданных до Разлома реликвий». Она села и одной рукой погладила его шею. Тарелки стукнули, когда служанка собрала их, и она поклонилась в знак извинения и с еще большей спешкой продолжила

укладывать посуду в свою корзину.

— Ты опять слишком много от себя требуешь, овечий пастух, — сказала Мин.

— Я должен.

Она сильно ущипнула Ранда за шею, отчего он вздрогнул и что-то проворчал.

— Нет, не должен, — прошептала Мин ему на ухо. — Разве ты не слушал меня? Какая от тебя будет польза в Последней Битве, если ты изнуришь себя еще до ее начала? Свет, Ранд, я уже месяцами не слышала твоего смеха!

— Разве сейчас подходящее время для смеха? — спросил он. — Ты хочешь, чтобы я радовался, в то время

как дети умирают от голода, а люди убивают друг друга? Я должен рассмеяться, услышав, что троллоки все еще пробираются через Пути? Я должен быть счастлив оттого, что большинство Отрекшихся все еще скрываются. Свет знает где, обдумывая, как бы лучше прикончить меня?

— Ну, нет, — ответила Мин. — Конечно, нет. Но мы не можем позволить всем бедам мира нас уничтожить. Кадсуане говорит, что...

— Постой, — резко оборвал он, поворачиваясь так, чтобы увидеть ее лицо. Мин сидела на кровати, поджав под себя ноги, темные волосы кудряшками обрамляли щеки.

Казалось, она потрясена интонацией его голоса.

— Какое отношение к этому имеет Кадсуане? — спросил он.

Мин нахмурилась.

— Никакого.

— Она указывала тебе, что говорить, — сказал Ранд. — Она использовала тебя, чтобы добраться до меня.

— Не будь идиотом, — посоветовала Мин.

— Что она сказала обо мне?

Мин пожала плечами.

— Она беспокоится о том, что ты стал слишком жестким. В чем дело, Ранд?

— Она пытается подобраться ко

мне, манипулировать мной, — ответил он. — Кадсуане использует тебя. Что ты ей рассказала, Мин?

Мин опять резко ущипнула его.

— Мне не нравится, как ты со мной разговариваешь, дурачок. Я думала, Кадсуане — твоя советница. Почему я должна следить за словами в ее присутствии?

Служанка продолжала стучать тарелками. Разве не может она просто уйти! Он не хотел, чтобы при этом разговоре кто-то присутствовал.

Ведь Мин не может быть *заодно* с Кадсуане? Ранд несколько не доверял этой женщине. Если она уже добралась до Мин...

Ранд почувствовал, как у него

сжалось сердце. Неужели он подозревал Мин? Она была единственным человеком, кто не играл с ним ни в какие игры и с кем он мог говорить откровенно. Что он будет делать, если потеряет ее? «Чтоб мне сгореть! – подумал Ранд. – Она права. Я действительно стал слишком жестким. В кого я превращусь, если начну подозревать тех, про кого я знаю, что они любят меня? Я буду ничем не лучше безумца Льюса Тэрина».

– Мин, – сказал Ранд, смягчая голос. – Возможно, ты права. Наверно, я перегибаю палку.

Расслабившись, Мин повернулась, чтобы посмотреть на

него. Но в следующее мгновение она словно окаменела с широко раскрытыми от неожиданности глазами.

Что-то холодное защелкнулось на шее Ранда.

Ранд немедленно обернулся и ухватился за шею. Облик служанки замерцал, затем исчез, и спустя мгновение перед ним стояла темнокожая женщина с черными глазами — на ее лице было написано ликование. Семираг.

Рука Ранда дотронулась до холодного металла. Ледяной ошейник плотно обхватил шею. В ярости Ранд попытался достать свой меч из черных ножен с

изображением драконов, но обнаружил, что не может этого сделать. Его ноги согнулись, будто под огромным весом. Он попытался снять ошейник — пальцы еще могли двигаться — но, казалось, металл был абсолютно цельным.

И тут Ранда охватил ужас. Он встретился взглядом с Семираг, и она широко улыбнулась.

— Я так долго ждала момента, когда смогу надеть на тебя Узы Господства, Льюс Тэрин. Удивительно, как иногда удачно складываются обстоятельства, разве не...

Что-то мелькнуло в воздухе, и Семираг едва успела вскрикнуть,

прежде чем нечто едва успело отбить мелькнувшее лезвие. Ранд мог только предполагать, что это был поток Воздуха, ведь он не видел плетения саидар. Но, пролетая, нож Мин все же оставил глубокую царапину на лице Семираг, прежде чем воткнулся в деревянную дверь.

– Стража! – закричала Мин. – Девы, к оружию! Кар’а’карн в опасности!

С проклятьем, Семираг взмахнула рукой, и Мин резко замолчала. Ранд встревоженно обернулся, безуспешно пытаясь ухватиться за саидин. Что-то мешало ему. Потоки Воздуха отбросили Мин с кровати, плотно запечатав ей рот.

Ранд попытался подбежать к ней, но понял, что не в состоянии этого сделать. Его ноги просто отказывались двигаться.

Вдруг дверь открылась, и в комнату торопливо вошла еще одна женщина. Выглянув в коридор, будто проверяя, пуст ли он, женщина закрыла за собой дверь. Элза. У Ранда появилась слабая надежда, но невысокая Айз Седай подошла к Семираг и взяла второй браслет, контролирующий ай'дам на шее Ранда. Покрасневшими глазами она посмотрела на него, как будто её оглушили чем-то тяжелым. Тем не менее, она улыбнулась, когда увидела Ранда стоящим на коленях.

— Наконец-то твоя судьба свершилась, Ранд ал'Тор. Ты сразишься с Великим Повелителем. И ты проиграешь.

Элза. Элза была Черной, чтоб ей сгореть! Ранд ощутил слабое покалывание, когда она обняла саидар, стоя рядом со своей госпожой. Обе женщины — у каждой был браслет — сдерживали его, и Семираг выглядела в высшей степени уверенной.

Ранд зарычал, поворачиваясь к Семираг. Так его не захватят.

Отрекшаяся дотронулась до кровоточащей раны на щеке и прищелкнула языком. На Семираг было грязное коричневое платье. Как

ей удалось сбежать? И откуда она взяла этот проклятый ошейник? Ранд отдал его Кадсуане на сохранение. И она клялась, что до него никто не доберется.

— Охрана не придет, Льюс Тэрин, — отсутствующим тоном сказала Семираг, подняв руку с браслетом, в точности похожим на ошейник Ранда. — Я поставила стража от подслушивания. Ты даже не сможешь двинуться без моего разрешения. У тебя уже была одна попытка, и ты должен был понять, насколько она тщетна.

В отчаянии, Ранд снова попытался дотянуться до саидин, но ничего не нашел. В его голове начал

рыдать и стонать Льюс Тэрин, и Ранд уже был готов присоединиться к нему. Мин! Он должен добраться до нее. Он должен быть достаточно сильным!

Он попытался сопротивляться Семираг и Элзе, но это было столь же бессмысленно, как пытаться двигать чужими ногами. Как и Льюс Тэрин, он был в ловушке собственного разума. Ранд открыл было рот, чтобы выругаться, но из его горла вырвался только хрип.

— Да, — сказала Семираг, — говорить без моего разрешения ты тоже не можешь. И я бы не советовала тебе тянуться к саидин снова. Последствия этого будут

неприятными. Мне приходилось проверять Узы Господства в действии и раньше, и они показались мне куда более изысканным инструментом, чем эти шончанские ай'дам. Их ай'дам все же предоставляют небольшую степень свободы, используя тошноту как сдерживающий фактор. А Узы Господства требуют намного большего подчинения. Ты будешь делать только то, что я пожелаю. Например...

Ранд поднялся с кровати, ноги двигались против воли. Затем его собственная рука резко взметнулась вверх, сдавливая горло чуть выше ошейника. Он безуспешно ловил

ртом воздух, ноги заплетались. В исступлении Ранд попытался дотянуться до саидин.

Но нашел боль. Он словно окунулся в котел с кипящим маслом, втягивая огненную жидкость в свои вены. Ранд закричал и упал на деревянный пол, корчась от нестерпимой боли. В глазах потемнело.

– Вот видишь, – прозвучал голос Семираг будто издалека. – О, я и забыла, какое это приносит удовольствие.

Миллионы термитов вгрызались в кожу Ранда, прокладывая себе путь к костям. Он извивался в конвульсиях.

«Мы снова в сундуке!» — закричал Льюс Тэрин.

И неожиданно Ранд понял, что это действительно так. Он видел черные стенки, сдавливающие его. Тело стонало от непрекращающихся ударов, а разум неистово пытался сохранить хоть каплю рассудка. Льюс Тэрин был единственным его спутником. Ранд припоминал, что безумец начал разговаривать с ним незадолго до того дня, когда его посадили в сундук.

Ранд не был готов принять Льюса Тэрина как часть себя. Безумную часть себя, часть, которая могла выдержать муки только потому, что и так уже была измучена.

Бессмысленно было причинять еще больше боли и страданий. Нельзя наполнить чашу, вода из которой уже переливается через край.

Он перестал кричать. Боль никуда не делась, от нее у Ранда выступили слезы, но он не издал больше ни единого звука. Комната погрузилась в тишину.

Нахмурившись, Семираг свысока посмотрела на Ранда, с ее подбородка капала кровь. На него накатила еще одна волна боли. Кем бы он ни был.

Он уставился на нее. Безмолвно.
— Что ты делаешь? — спросила Семираг, а затем приказала. — Говори.

– Со мной больше ничего нельзя сделать, – прошептал Ранд.

Еще одна волна боли. Она сотрясала его, внутри что-то сжалось, но Ранд никак не реагировал. Не потому что он сдерживал крики, но потому что он не мог ничего чувствовать. Сундук, две портящие кровь раны в боку, побои, унижения, скорбь и собственное самоубийство. Самоуничтожение. Все отчетливо пронеслось перед его мысленным взором. И после всего этого, что еще могла Семираг сделать с ним?

– Великая Госпожа, – сказала Элза, поворачиваясь к Семираг. Её взгляд был все еще будто чем-то

затуманен. – Наверное, сейчас мы должны...

– Молчи, червь, – рявкнула Семираг, а затем стерла кровь с подбородка и посмотрела на свою руку. – Это второй случай, когда этим ножам удалось испробовать мою кровь, – она потрясла головой, повернулась и улыбнулась Ранду. – Говоришь, с тобой больше ничего нельзя сделать? Ты забыл, с кем разговариваешь, Льюс Тэрин. Я знаю о боли всё, а ты нисколько не повзрослел. Люди в десятки раз сильнее тебя были сломлены мной. Встань.

Он встал. Боль никуда не делась. Пожалуй, так будет продолжаться,

пока она не увидит хоть какую-нибудь реакцию.

Повинуясь мысленной команде, он обернулся и увидел Мин, подвешенную над полом невидимыми потоками Воздуха. Ее глаза расширились от страха, руки были связаны за спиной, а рот заткнут сплетенным из Воздуха кляпом.

— Говоришь, я больше ничего не смогу сделать? — рассмеялась Семираг.

Ранд дотянулся до саидин, но не по своей, а по ее воле. С ревом Сила влилась в него и принесла с собой ту странную тошноту, которую Ранд так и не мог объяснить. Комната

поплыла у него перед глазами, и он упал на четвереньки, со стоном опустошая желудок.

– Как странно, – услышал он голос Семираг будто издалека. Удерживая Единую Силу, Ранд помотал головой. Как всегда, приходилось бороться с саидин, подчиняя бурлящий поток энергии. Даже когда Ранд был здоров и силен, это было так же трудно, как пытаться усмирить бурю. А сейчас – практически невозможно.

«Используй Силу, – прошептал Льюс Тэрин. – Убей ее, пока еще можно».

«Я не убью женщину, – память обманчиво подбросила Ранду

упрямую мысль на грани сознания. — Это черта, которую я никогда не пересеку...»

Льюс Тэрин взревел и безуспешно попытался перехватить контроль над саидин. В действительности, Ранд понял, что для того, чтобы направлять, ему так же нужно позволение Семираг, как и для того, чтобы шагать.

Он подчинился команде, головокружение немного уменьшилось, тошнота отступила. И после этого Ранд начал сплетать сложные потоки Огня и Духа.

— Да, — будто бы сама себе сказала Семираг. — Сейчас, если мне удастся припомнить... Иногда

мужчины делают это так странно.

Ранд закончил плетение и направил его к Мин.

– Нет, только не это! – закричал он.

– О, вот видишь, – сказала Семираг. – Не так уж сложно было тебя сломать, в конце концов.

Плетение дотронулось до Мин, и она скорчилась от боли. Ранд продолжал направлять, слезы текли из его глаз, пока его принуждали пропускать это сложное плетение через ее тело. Оно приносило только страдания, но делало это очень хорошо. Семираг, должно быть, убрала кляп – изо рта Мин вырвались крики и рыдания.

– Пожалуйста, Ранд! – умоляла она. – Пожалуйста!

От злости Ранд зарычал, пытаясь остановиться, но неспособный это сделать. Он чувствовал боль Мин через Узы, чувствовал, как причинял ее.

– Останови это! – закричал Ранд.

– Умоляй, – приказала Семираг.

– Пожалуйста, – зарыдал он. – Пожалуйста, умоляю тебя.

Внезапно пытка прекратилась, потоки распустились. Мин висела в воздухе, всхлипывая, её глаза были затуманены болью. Ранд обернулся к Семираг. Невысокая Элза стояла рядом с ней, на лице Черной читался

ужас, словно случилось нечто такое, чего она совсем не ожидала.

– Сейчас, – сказала Отрекшаяся, – ты понял, что твое предназначение – служить Великому Повелителю. Мы покинем комнату и займемся теми так называемыми Айз Седай, которые меня заточили. Затем мы отправимся в Шайол Гул, и ты предстанешь перед Великим Повелителем. А потом все будет кончено.

Он склонил голову. Должен быть выход! Ранд представил, как она использует его, чтобы прорваться сквозь ряды его собственных солдат. Он знал, что они побоятся напасть, опасаясь нанести ему вред. Он

увидел кровь, смерть и разрушения, причиной которых он станет. И от этого у него побежали мурашки, а внутри все похолодело.

Они победили.

Семираг посмотрела на дверь, затем обернулась к Ранду и улыбнулась.

– Но, боюсь, сначала мы должны разобраться с ней. Давай сделаем это прямо сейчас.

Ранд развернулся и направился к Мин.

– Нет! – воскликнул он. – Ты обещала, если я стану умолять...

– Я ничего не обещала, – со смехом сказала Семираг. – Мне понравилось, как ты умолял, Льюс

Тэрин, но я решила пренебречь твоей просьбой. Впрочем, можешь отпустить саидин. Здесь нужно что-то более личное.

Отпустив саидин, Ранд испытал сожаление. Мир вокруг него снова стал тусклее. Он подошел к Мин и посмотрел в ее умоляющие глаза. Затем Ранд крепко схватился рукой за ее горло и начал сдавливать.

— Нет... — с ужасом прошептал он, наблюдая, как против его воли ее душила его собственная рука. Мин задержалась, и он, не желая того, придавил ее к полу, не обращая внимания на сопротивление. Ранд навис над ней, рука давила, сжимала горло, не давая ей вздохнуть. Она

смотрела на него, и ее глаза начали
вылезать из орбит

Этого не может произойти.

Семираг расхохоталась.

«Илиена! – завыл Льюс Тэрин. –

О, Свет! Я убил ее!»

Ранд склонился над ней и
надавил еще сильнее, впиваясь
пальцами в кожу Мин и сжимая её
горло. Он словно сжимал свое
собственное сердце, мир вокруг него
померк, и все померкло, кроме Мин.
Под пальцами он мог чувствовать
биение ее пульса.

Эти прекрасные темные глаза
смотрели на Ранда и любили его,
даже когда он убивал ее.

Этого не может произойти!

Я убил ее!
Я безумец!
Илиена!

Должен быть выход! Должен!

Ранд хотел закрыть глаза, но не мог. Она бы не позволила – не Семираг, а Мин. Она приковала к себе его взгляд, слезы текли по щекам, темные кудряшки растрепались. Такая красивая.

Он с трудом попытался дотянуться до саидин, но не смог. Всеми силами Ранд старался расслабить пальцы, но они продолжали сжимать ее горло. Он почувствовал ужас, он почувствовал ее боль. Лицо Мин начало синеть, глаза закатываться.

Ранд взвыл. ЭТО НЕ МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ! Я НЕ СДЕЛАЮ ЭТОГО СНОВА!

Что-то сломалось у него внутри. Его наполнил холод, затем холод исчез, и никаких чувств не осталось. Ни эмоций. Ни гнева.

В этот момент он осознал присутствие странной силы. Она была похожа на источник бурлящей, пенящейся воды где-то за самым краем его поля зрения. Он мысленно дотянулся до нее.

Смутное лицо, черты которого Ранд не смог разобрать, промелькнуло в его сознании и пропало в мгновение ока.

И Ранд понял, что его наполняет

иная сила. Не саидин, не саидар, что-то иное. Это было новое ощущение.

«О, Свет, – неожиданно завопил Льюс Тэрин. – Это невозможно! Мы не можем этим пользоваться! Избавься от нее! У нас в руках смерть, смерть и предательство».

Это ОН.

Ранд закрыл глаза, стоя на коленях перед Мин, а потом направил странную, незнакомую силу. Энергия и жизнь хлынули в него, стремительный поток силы, похожей на саидин, но в десятки раз прекрасней и в сотни раз неистовей. Сила оживила его, заставила понять, что до этого он никогда не был по-настоящему живым. Она дала ему

такую мощь, которой он и представить не мог. Она могла даже соперничать с мощью, которую он черпал, используя Чойдан Кэл.

Ранд закричал, испытывая одновременно восторг и ярость, и сплел чудовищные копыя Огня и Воздуха. Он обрушил потоки на ошейник, и комната взорвалась мельчайшими кусочками расплавленного металла, каждый из которых Ранд мог отчетливо видеть. Он чувствовал каждый осколок, который отлетал от его шеи и искажал воздух своим жаром, оставляя дымный след при ударе в стену или пол. Он открыл глаза и выпустил Мин. Всхлипывая, она

начала ловить ртом воздух.

Ранд встал и повернулся, по его венам бежала раскаленная добела магма. Что-то похожее он чувствовал, когда его пытала Семираг, но, тем не менее, это было полной противоположностью: к такой же боли добавилось ощущение чистого экстаза.

Семираг выглядела потрясенной до крайности.

— Но... это невозможно, — выдавила она. — Я ничего не чувствую. Ты не можешь... — она подняла взгляд, уставившись на него широко открытыми глазами. — Истинная Сила. Почему ты предал меня, Великий Повелитель? Почему?

Наполненный непонятной силой, Ранд поднял руку и сплел единственное плетение. Полоса чистого белого света вырвалась из его руки и ударила в грудь Семираг. В яркой вспышке Отрекшаяся исчезла, Ранд еще какое-то мгновение мог видеть ее неясный образ. Ее браслет упал на пол.

Элза побежала к двери. Вспыхнув на мгновение, она исчезла в другой полосе света. Ее браслет упал на пол — обе женщины, на запястья которых они были надеты, навсегда были выжжены из Узора.

«Что ты наделал? — спросил Льюс Тэрин. — О, Свет. Лучше снова убить, чем сделать такое... О, Свет.

Мы обречены».

Ранд еще какое-то время наслаждался силой, а затем с сожалением отпустил ее. Он бы продолжил удерживать ее, но был слишком измучен. После того, как сила ушла, осталось только онемение.

Или... нет. Это онемение не было связано с силой, которую он удерживал. Он обернулся и посмотрел на Мин; она тихо кашляла и терла шею. Когда Мин подняла на него взгляд, Ранду показалось, что она напугана. Он сомневался, что она когда-нибудь сможет относиться к нему по-прежнему.

Он был неправ, на самом деле

существовала еще одна вещь, которую могла совершить Семираг. Заставить его почувствовать, как он своими руками убивает любимого человека. Задолго до этого, будучи еще Льюсом Тэрином, безумным и неспособным контролировать себя, он уже поступил так. Он очень плохо, будто неясный сон, помнил убийство Илиены. Осознание совершенного поступка пришло к нему только после того, как его пробудил Ишамаэль.

И наконец, только сейчас он ясно понял, каково это — своими глазами видеть, как ты убиваешь тех, кого любишь.

— Вот и все, — прошептал Ранд.

– Что все? – кашляя, спросила Мин.

– Это была последняя капля, – ответил он, удивляясь собственному спокойствию. – Теперь они отобрали у меня всё.

– Что ты говоришь, Ранд? – спросила Мин. Она снова потерла шею, на которой уже начали проявляться синяки.

Он помотал головой – наконец-то в коридоре зазвучали голоса. Наверное, Аша’маны почувствовали, как он направлял, мучая Мин.

– Я сделал свой выбор, Мин, – сказал он, повернувшись к двери. – Ты хотела, чтобы я был более гибким и смеялся, но я больше не могу

позволить себе таких вещей. Извини.

Однажды, несколько недель назад, он решил, что должен стать сильнее. Когда-то он был железом, а тогда решил стать сталью. Оказалось, что сталь тоже слишком слаба.

Теперь он будет тверже. И он понял как. Когда-то он был сталью, а теперь превратился в нечто иное. Отныне он стал квейндияром. Ранд опустился в пустоту, наподобие той, о которой ему так давно рассказывал Тэм. Но в этой пустоте он не испытывал никаких чувств. Никаких.

Они не смогут сломать или согнуть его.

Вот и все.

Глава 23.

Сгустившийся воздух

– Что с сестрами, охранявшими ее камеру? – спросила Кадсуане, поднимаясь по деревянной лестнице вместе с Мерисой.

– Кореле с Несан живы, хвала Свету, хотя были оставлены очень

слабыми, – ответила Мериса; она придерживала подол юбки, торопливо шагая вперед. За ней шел Наришма. Колокольчики на концах его косичек тихо позвякивали. – Дайгиан мертва. Мы не вполне уверены, почему две другие остались живы.

– Стражи, – ответила Кадсуане. – Убей Айз Седай, и их Стражи тут же узнают об этом, а мы поймем, что случилась беда,

Стражи и так должны были это заметить. Нужно будет допросить мужчин, чтобы выяснить, что именно они почувствовали. Но, скорее всего, здесь была взаимосвязь.

У Дайгиан не было живых

Стражей. Кадсуане почувствовала укол сожаления из-за смерти этой приятной сестры, но отмела это чувство в сторону. Нет времени на это.

– Они были погружены в своего рода транс, – продолжала Мериса. – Я не смогла увидеть никаких остатков плетений, и Нарিশма тоже. Мы обнаружили сестер как раз перед тем, как прозвучал сигнал тревоги, и бросились за тобой, как только убедились, что ал’Тор жив, а с врагами покончено.

Кадсуане коротко кивнула. Надо же случиться так, что именно этим вечером ей понадобилось навестить шатер Хранительниц Мудрости!

Сориля с небольшой группой Хранительниц следовала за Нарিশмой, и Кадсуане не осмеливалась замедлить шаг — айильские женщины вполне могли затоптать её в спешке к ал'Тору.

Они добрались до конца лестницы и устремились через холл к комнате ал'Тора. Как он *снова* ухитрился вляпаться в такие неприятности! И как эта проклятая Отрекшаяся сумела освободиться из камеры? Должно быть ей кто-то помог, но это значит, что в лагере есть Приспешники Тени. Это не так уж невероятно — если они сумели пробраться в Белую Башню, то и здесь они, без сомнения, есть. Но

какой Приспешник Тени сумел бы вывести из строя трех Айз Седай? Плетение такой силы должны были почувствовать каждая сестра или Аша'ман в лагере.

— Чай не находили? — тихо поинтересовалась Кадсуане у Мерисы.

— Нет, насколько мы можем сказать, — ответила Зеленая. — Мы узнаем больше, когда очнутся две оставшиеся в живых. Они потеряли сознание, как только мы вывели их из транса.

Кадсуане кивнула. Дверь комнаты ал'Тора была распахнута, и снаружи, словно рой ос, обнаруживший пропажу улья,

суетились Девы. Кадсуане не смогла бы их осудить. Очевидно, что ал'Тор мало что сказал о случившемся. Глупому мальчишке очень повезло остаться в живых! *«Что за проклятый Светом беспорядок!»* – подумала Кадсуане, минуя Дев и переступая порог комнаты.

Небольшая группа Айз Седай, тихо переговариваясь, сгрудилась в дальнем конце комнаты. Сарен, Эриан, Белдейн – все оставшиеся в лагере сестры, что были в живых и в сознании. Все, кроме Элзы. А где же Элза?

Все трое кивнули Кадсуане, увидев, что она вошла, но та едва удостоила их взглядом. Мин с

покрасневшими глазами сидела на кровати, потирая шею. Ее короткие волосы были растрепаны, в лице ни кровинки. Ал'Тор стоял у распахнутого окна на дальней стороне комнаты, вглядываясь в ночную темень. Здоровой рукой он сжимал за спиной культю. Его смятая куртка валялась на полу, он был в одной белой рубашке. Холодный ветер врывается в окно и теребил его рыжевато-золотистые волосы.

Кадсуане быстро оглядела комнату. За ее спиной в холле Хранительницы Мудрости принялись допрашивать Дев.

— Итак? — произнесла Кадсуане.
— Что здесь произошло?

Мин подняла голову. На ее шее были видны красные отметины, которые скоро превратятся в синяки. Ранд даже не обернулся от окна. *«Что за несносный мальчишка»*, — подумала Кадсуане, проходя вглубь комнаты.

— Говори же, мальчик! — приказала она. — Нам следует знать, если лагерь в опасности.

— С опасностью покончено, — тихо ответил он. Что-то в его голосе заставило ее занервничать. Она ожидала вспышки ярости или, возможно, удовлетворения. На крайний случай — усталости. Вместо этого его голос был холоден.

— Не объяснишь ли, что все это

значит? – потребовала Кадсуане.

Наконец он обернулся и взглянул на нее. Она невольно отступила на шаг, хотя не смогла бы объяснить, почему. Он оставался все тем же глупым мальчишкой – высоченным, слишком самоуверенным и тупоголовым. Но теперь он был преисполнен странного спокойствия, и в этом была некая обреченность. Похожее спокойствие видишь в глазах осужденного на казнь за миг до того, как он шагнет в петлю палача.

– Наришма, – сказал Ранд, посмотрев за спину Кадсуане. – У меня для тебя есть новое плетение. Запомни его. Я покажу его тебе

только один раз, – с этими словами ал'Тор вытянул руку в сторону. Между его пальцами сверкнул белый огонь, который ударил в валявшуюся на полу куртку. Она исчезла во вспышке света.

Кадсуане зашипела:

– Я говорила тебе, мальчик, никогда не использовать это плетение! *Никогда* так больше не делай! Слышишь! Это не...

– Это плетение мы должны использовать в случае боя с Отрекшимися, Наришма, – тихий голос ал'Тора прервал Кадсуане. – Если убить их чем-нибудь еще, их смогут возродить. Это опасный инструмент, но всего лишь

инструмент. Как любой другой.

— Это запрещено, — сказала Кадсуане.

— Я решил, что нет, — спокойно ответил ал'Тор.

— Ты и понятия не имеешь, на что способно это плетение! Ты — ребенок, играющий с...

— Я видел, как погибельный огонь уничтожал целые города, — сказал ал'Тор с нарастающим беспокойством во взгляде. — Я видел, как его очищающим пламенем выжгли из Узора тысячи жизней. Если ты называешь меня ребенком, Кадсуане, то кто же тогда те из вас, что младше меня на тысячи лет?

Он взглянул ей в глаза. Свет! Что

это с ним? Она изо всех сил пыталась собраться с мыслями.

– Стало быть, Семираг мертва?

– Хуже, чем мертва, – ответил ал'Тор. – И, полагаю, в некотором смысле гораздо лучше.

– Что ж, тогда... мы можем продолжить с...

– Ты узнаешь это, Кадсуане? – спросил ал'Тор, кивнув на что-то металлическое, брошенное на кровать, что было почти скрыто в складках одеяла.

Она нерешительно шагнула поближе. Сорилея невозмутимо изучала обстановку. Ей, определенно, не хотелось вступать в разговор, когда ал'Тор в подобном настроении.

Кадсуане не могла ее винить за это.

Кадсуане откинула одеяло, явив свету пару знакомых браслетов. Ошейник отсутствовал.

– Это невозможно, – прошептала она.

– Я тоже так полагал, – пугающе спокойным тоном ответил ал'Тор. – Я сказал себе, что это определенно не может быть одним из тех самых тер'ангриалов, что я передал тебе. Ты пообещала, что они будут защищены и спрятаны.

– Что ж, – расстроено сказала Кадсуане. Она вновь накрыла вещи одеялом. – С этим ясно.

– Верно. Я отправил в твою комнату людей. Скажи мне, это не та

шкатулка, в которой ты хранила браслеты? Мы нашли ее открытой на полу в твоих апартаментах.

Дева показала знакомую дубовую шкатулку. Это совершенно точно была она. Рассвирепев, Кадсуане развернулась к нему:

– Ты обыскивал мою комнату!

– Я не знал, что ты отправилась навестить Хранительниц Мудрости, – ответил ал’Тор. Он почтительно кивнул Сорилее и Эмис, на что те нерешительно ответили тем же. – Я отправил за тобой слуг, поскольку боялся, что Семираг могла попытаться отомстить тебе.

– Им не следовало это трогать, – ответила Кадсуане, забирая шкатулку

у Девы. — Она была защищена очень замысловатыми стражами.

— Видимо недостаточно замысловатыми, — отворачиваясь, заявил ал'Тор. Он оставался возле того же темного окна, глядя на лежащий за ним лагерь.

В комнате повисла тишина. Наришма тихо расспрашивал Мин о её самочувствии, но тут же замолчал, едва смолк ал'Тор. Определенно, Ранд считал Кадсуане ответственной за то, что мужской *ай'дам* был похищен, но это было абсурдно. Она сплела свое лучшее охранное плетение, но кто знает, какие способы по преодолению защиты известны Отрекшейся?

Как же ал'Тору удалось выжить? И что случилось с остальным содержимым шкатулки? Завладел ли ал'Тор ключом доступа, или статуэтку забрала Семираг? Смеет ли Кадсуане спрашивать? Все молчали.

— Чего же ты ждешь? — наконец спросила она, собрав в кулак всю свою храбрость. — Моих извинений?

— Твоих извинений? — переспросил ал'Тор. В его голосе не было ни тени юмора, все то же ледяное равнодушие. — Нет. Полагаю, я скорее выжму извинения из камня, чем дождусь их от тебя.

— Тогда...

— Ты изгнана, Кадсуане, — тихо продолжил он. — Если после

сегодняшнего вечера я хоть раз увижу
твое лицо, я тебя убью.

– Нет, Ранд! – воскликнула Мин,
вставая рядом с кроватью. Но он к
ней не повернулся.

Кадсуане почувствовала
мгновенный приступ паники, но
подавила его, как и свой гнев.

– Что? – заявила она. – Это
глупость, мальчик. Я...

Он повернулся, и вновь взгляд
этих глаз заставил ее отступить. В
них притаилась опасность,
поразившая ее большим ужасом, чем
она ожидала от своего старого
сердца. На её глазах воздух вокруг
него словно сгустился, и ей
показалось, что в комнате стало

темнее.

— Но... — она поняла, что заикается. — Но ты не убиваешь женщин. Всем это известно. Ты даже Девам не даешь опасных заданий из страха причинить им вред!

— Меня заставили пересмотреть именно этот мой принцип, — ответил ал'Тор. — Как раз этим вечером.

— Но...

— Кадсуане, — тихо сказал он. — Веришь ли ты, что я могу убить тебя? Прямо здесь, прямо сейчас, не используя ни меча, ни Силы? Веришь ли ты, что, если я только захочу, Узор изогнется вокруг меня и остановит твое сердце? Будто бы... случайно?

Та'верен так не срабатывает.

Свет! Так или не так? Он же не может подчинять *Узор* своей воле, верно?

Но вновь встретившись с ним взглядом, она *поверила*. Против всей логики, она глядела в эти глаза и знала, что если сейчас не уйдет, то умрет.

Она медленно кивнула, ненавидя себя за это и чувствуя странную слабость.

Он отвернулся от нее, снова уставившись в окно.

– Убедись, что я не увижу твое лицо вновь. Никогда, Кадсуане. А теперь можешь идти.

Пораженная, она повернулась... и краем глаза заметила темное

излучение, идущее от ал'Тора, еще сильнее уплотняющее окружающий его воздух. Когда она оглянулась, все пропало. Скрипнув зубами, она вышла.

– Готовьтесь сами и подготовьте ваши армии, – приказал оставшимся ал'Тор. Его голос эхом разнесся по комнате за ее спиной. – К концу недели я собираюсь выступить.

Кадсуане поднесла руку к голове и прислонилась к стене в холле. Ее сердце бешено колотилось, рука была влажной от пота. Прежде она противостояла упрямому, но доброму мальчику. Кто-то подменил его мужчиной – самым опасным мужчиной, которого ей приходилось

встречать. С каждым днем он ускользал от них все дальше.

И сейчас у нее не было ни малейшего проклятого представления, что же с этим делать.

Глава 24. Новое обязательство

Вымотанный двухдневной скачкой, Гавин верхом на Вызове остановился на невысоком холме к юго-западу от Тар Валона. С наступлением весны всё вокруг должно было уже зазеленеть, но

склон холма перед ним покрывала только торчащая клочками сухая трава, погубленная зимними снегами. То тут, то там виднелись небольшие заросли тиса и ели, внося некоторое разнообразие в бурый пейзаж. Он насчитал уже несколько мест, где теперь красовались только пни. Военный лагерь уничтожал деревья, пожирая их, словно рой голодных короедов, используя для стрел, костров, сооружений и осадных машин.

Гавин зевнул — у него выдалась нелегкая ночь. Военный лагерь Бриана неплохо закрепился и был наполнен движением и энергией. Армия таких размеров порождала в

лучшем случае организованный хаос. Небольшой отряд кавалеристов мог двигаться налегке, как Отроки Гавина. Подобное войско могло увеличиться до нескольких тысяч и не обрасти лишними вещами. Поговаривали, что опытные наездники, например салдэйцы, могли передвигаться большими отрядами по семь-восемь тысяч воинов и сохранять мобильность.

Но сила, подобная той, у подножия холма, была совершенно другим зверем. Это было громадное, разросшееся существо, вроде огромного пузыря с маленьким лагерем в центре, который, вероятно, занимали Айз Седай. Также отряды

Брина заняли все городки у мостов по обеим сторонам реки Эринин, успешно отрезав остров от снабжения.

Армия, занявшая земли возле Тар Валона, походила на паука, наблюдающего за бабочкой, порхающей прямо возле его паутины. Отряды въезжали и выезжали на патрулирование, закупать провизию, доставлять сообщения. Дюжины и дюжины отрядов, одни верховые, другие пешие. Словно пчелы — одни покидают улей, а другие возвращаются обратно. Восточная часть главного лагеря была наполнена мешаниной лачуг и палаток — обычный сброд,

сопровождающий каждую армию. Рядом, прямо в пределах основного лагеря, кольцом примерно пятидесяти ярдов в диаметре возвышался деревянный частокол. Вероятно, это был штаб.

Гавин знал, что разъезды Брина заметили его приближение, но пока никто не пытался его задержать. Возможно, и не станут, пока он не попытается уехать прочь. Одиноким всадник, одетый в приличный серый плащ и штаны, в белой рубашке на шнуровке, не вызвал особого интереса. Он мог быть наемником, приехавшим просить места в войске. Он мог быть посланником местного лорда с жалобой на разведчиков. Он

даже мог быть одним из военных. Не все в войске Брина имели униформу, часть солдат носили простую желтую ленту на рукавах кафтанов, будучи пока не в состоянии оплатить подходящие нашивки.

Нет, одинокий всадник, приближающийся к войску, опасности не представлял. Однако одинокий всадник, скачущий в обратном направлении, вызвал бы тревогу. Человек, приближающийся к лагерю, мог быть другом, врагом или ни тем, ни другим. Человек, осматривающий лагерь, а потом уезжающий прочь, практически наверняка являлся шпионом. До тех пор, пока Гавин не уедет, так и не

продемонстрировав своих намерений, разъезды Брина не станут его беспокоить.

Свет, но он поспал бы в настоящей кровати. Он провел две беспокойные ночи, вздремнув не более пары часов за каждую, завернувшись в плащ. Он чувствовал раздражение и усталость, так как был вынужден избегать постоянных дворов из-за возможного преследования Отроками. Юноша сонно поморгал глазами и направил Вызова вниз по склону. Теперь он решился.

Нет. Он принял окончательное решение в тот самый момент, как оставил Слита в Дорлане. Сейчас

Отрокам уже стало известно о предательстве их лидера. Слит не позволил бы им тратить время на пустые поиски. Он рассказал бы им все, что знал. Как Гавин хотел бы убедить себя, что они удивятся, но на него и раньше бросали недовольные и косые взгляды после его высказываний об Элайде и Айз Седай.

Белая Башня не заслуживала его преданности, но Отроки... Но теперь он не сможет к ним вернуться. Досадно. Впервые колебания Гавина стали очевидны для стольких посторонних глаз. Никто не знал, что он содействовал спасению Суан, да и о его отношениях с Эгвейн мало кому

было известно.

И все же его уход был верным решением. Впервые за многие месяцы он действовал по велению собственного сердца. Он спасет Эгвейн. Вот во что он хотел верить.

Сохраняя невозмутимый вид, Гавин приблизился к лагерю. Ему претила сама идея о сотрудничестве с мятежницами почти так же, как и мысль о том, что он был вынужден бросить своих товарищей. Мятежницы были ничем не лучше Элайды. Именно они выставили Эгвейн как Амерлин, сделав ее мишенью. Эгвейн! Простую Принятую. Пешку. Если их попытка захвата Башни провалится, сами они

смогут избежать наказания. А Эгвейн казнят.

«Я проберусь внутрь, – решил Гавин. – Я спасу ее, так или иначе. Тогда я смогу образумить её и увезу ее ото всех этих Айз Седай. Возможно, я сумею даже образумить Брина. Мы сможем все вместе вернуться в Андор и помочь Илэйн».

Вновь обретя решимость, немного вытеснившую усталость, он направился вперед. Чтобы добраться до штаба, ему необходимо было проехать через весь лагерь маркитантов, численностью превышающих само войско. Здесь находились повара, которые готовили еду; женщины, которые разносили

эту еду и мыли грязную посуду; возницы фургонов, в которых перевозили еду; колесные мастера, которые ремонтировали фургоны, в которых перевозили еду; кузнецы, которые подковывали лошадей, которые тащили фургоны, в которых перевозили еду; купцы и снабженцы, которые закупали и распределяли эту самую еду. Были еще мелкие торговцы, пытающиеся заработать на нуждах солдат, и женщины, надеявшиеся на то же. И мальчишки на посылках, мечтающие когда-нибудь сами носить меч.

Здесь царил полный хаос: скопище шалашей и палаток разных цветов и оттенков, разных форм и

степени изношенности. Даже такой выдающийся генерал, как Брин, мог обеспечить среди маркитантов только видимость порядка. Его люди более или менее поддерживали в лагере спокойствие, но не могли привить военную дисциплину примкнувшим к войску гражданским.

Гавин проехал через весь этот хаос, игнорируя тех, кто предлагал ему отполировать клинок или купить сладких булочек. Цены, должно быть, были низкими — солдаты были здесь основным источником дохода — но из-за боевого коня и хорошей одежды Гавина принимали за офицера. Купи он любую мелочь у одного торговца,

его тотчас бы окружили остальные, почуяв легкий заработок.

Он двигался вперед к самому войску, глядя прямо перед собой и игнорируя крики зазывал. Военные шатры располагались ровными рядами, по отрядам и знаменам, хотя иногда они теснились небольшими группами. Гавин, даже не глядя, мог сказать, что войска разместятся именно таким образом. Брин во всем любил порядок, однако он также верил в самоуправление. Он позволял офицерам руководить отрядами по своему усмотрению. Это приводило к подобному размещению: менее однообразному, но более управляемому.

Гавин направился напрямиком к деревянному частоколу. Однако не замечать маркитантов было непросто. Их предложения висели в воздухе, смешиваясь с ароматами еды, выгребных ям, конского пота и дешевых духов. Лагерь был не столь многолюден, как город, однако поддерживать порядок в нем было труднее. Дым походных костров смешивался с запахом немытых тел, затхлой воды и пота. Гавину хотелось прижать к лицу платок, но он сдержался. Иначе он выглядел бы безгловым аристократом, воротящим нос от простых людей.

Зловоние, беспорядок и вопли не способствовали поднятию его

настроения. Он стиснул зубы, стараясь сдерживаться и не проклинать каждого торговца. Путь преградила женская фигура, заставив натянуть поводья. Женщина была одета в коричневую юбку и белую блузу, ее руки были грязны.

— Прочь с дороги! — рывкнул Гавин. Свет, его мать была бы возмущена, услышав подобный гнев в голосе сына. Что ж, она уже умерла, пав от руки ал'Тора.

Женщина подняла голову и шарахнулась в сторону. У нее были светлые волосы, спрятанные под желтым платком, и полноватое тело. Когда она повернулась, Гавин лишь мельком увидел ее лицо. Он застыл.

Это было лицо Айз Седай! Безо всяких сомнений. Он замер, потрясенный, а женщина поправила платок и поспешила прочь.

— Пойдите! — крикнул он, повернув коня. Однако женщина не остановилась. Юноша заколебался, опустив руку, поскольку заметил, что незнакомка присоединилась к группе прачек, работающих между несколькими деревянными корытами неподалеку. Если ей вздумалось притворяться обычной женщиной, значит, на то были особые, понятные лишь Айз Седай причины, и она вряд ли отблагодарит Гавина, если он ее выдаст. Отлично. Гавин подавил раздражение. Эгвейн. Он должен

сосредоточиться на Эгвейн.

Когда он добрался до штаба, то смог вздохнуть свободней. Четверо солдат стояли в карауле, прижимая к бокам алебарды. Стальные шлемы на их головах ярко блестели, как и кирасы, украшенные тремя звездами Брина. У ворот развевалось знамя с пламенем Тар Валона.

— Рекрут? — спросил один из них, когда Гавин приблизился. На предплечье здоровяка была красная повязка, и это означало, что перед ним дежурный сержант. Вместо алебарды он носил меч. Кираса была ему немного мала, а подбородок украшала рыжая щетина.

— Тебе нужно к капитану Элдану,

— проворчал мужчина. — Большой синий шатер в четверти пути вокруг лагеря. У тебя есть собственные лошадь и меч, значит, ты можешь рассчитывать на хорошую плату.

Мужчина ткнул куда-то в сторону основной части армейского лагеря далеко за пределами частокола. Это Гавина не устраивало, он уже разглядел стяг Бриана, реявший внутри.

— Я не рекрут, — отозвался Гавин, поворачивая Вызова так, чтобы получше рассмотреть собеседника. — Меня зовут Гавин Траканд. Я должен немедленно переговорить с Гаретом Брином по вопросу, не терпящему отлагательства.

Солдат приподнял бровь. Затем усмехнулся сам себе.

— Ты мне не веришь, — равнодушно произнес Гавин.

— Ты должен идти к капитану Элдану, — лениво протянул вояка, вновь указывая на далекий шатер.

Гавин перевел дыхание, пытаясь унять раздражение. — Если бы ты всего лишь послал за Брином, сам убедился бы, что...

— Нарываешься на неприятности? — спросил солдат, расправляя плечи. Остальные парни взяли алебарды наизготовку.

— Никаких неприятностей, — ровным тоном ответил Гавин. — Мне лишь надо...

– Если ты собираешься остаться в нашем лагере, – перебил его солдат, шагнув вперед, – тебе придется научиться поступать так, как тебе говорят.

Гавин встретился с ним взглядом.

– Очень хорошо. Можем сделать по-другому. Возможно, так будет быстрее.

Сержант положил руку на свой меч.

Гавин выдернул ноги из стремян и спешил. Было слишком трудно не убить этого мужчину, оставаясь в седле. Он выхватил меч из ножен с легким звуком, напоминающим вздох, как только его ноги коснулись

земли. Гавин применил «Дуб Трясет Ветвями», не смертельный прием, часто применяющийся мастерами для обучения подопечных. Этот прием также был эффективен против большой группы людей с различным оружием.

Прежде чем сержанту удалось вытащить меч, Гавин врезался в него, целясь локтем в живот — прямо под плохо подогнанный нагрудник. Мужчина хрюкнул и согнулся. Тогда Гавин нанес ему удар в висок рукоятью меча — в следующий раз стражник хорошенько подумает, прежде чем надеть шлем набекрень, как сейчас. Затем Гавин перешел в стойку «Рассечение Шелка», чтобы

разобраться с первым алебардщиком. Пока второй стражник звал на помощь, лезвие меча Гавина со звоном хлестнуло поперек кирасы первого, отбросив его назад. Гавин сбил его с ног и перешел в «Вихрь», чтобы блокировать удары двух других часовых.

К несчастью, ему пришлось нанести удары по ногам обоих алебардщиков. Гавин предпочел бы не ранить их, однако чем дольше длится схватка — даже такая же, как эта, против настолько неискушенных противников — тем более непредсказуемой становится. Он обязан был справиться быстро и основательно, а значит, нужно

уложить двух солдат с
кровоточащими ранами в бедрах.
Сержант оставался без сознания от
удара по голове, но первый солдат,
пошатываясь, уже пытался подняться.
Гавин отпихнул его алебарду в
сторону, а затем впечатал сапог в
лицо противника, повалив того на
спину и разбив ему нос в кровь.

Вызов тихо заржал за спиной,
фыркая и роя землю копытом.
Боевой конь чувствовал схватку, но
был хорошо обучен. Он знал, если
поводья брошены, он должен стоять
смирно. Гавин вытер лезвие меча о
штанину, затем вложил его обратно в
ножны. Раненые бойцы стонали на
земле. Он похлопал Вызова по носу и

вновь взял поводья. Позади Гавина обитатели лагеря начали пятиться, а затем и разбегаться. Из-за частокола показалась группа солдат с натянутыми луками. Это было плохо. Гавин обернулся к ним, сняв ножны с мечом и отбросив их на землю перед солдатами.

— Я безоружен, — сказал он, перекрикивая стоны раненых. — И никто из этих четверых сегодня не умрет. Ступайте и скажите своему генералу, что один мастер клинка только что свалил его охрану за десять ударов сердца. Я — его давний ученик. Он захочет меня повидать.

Один из мужчин бросился вперед, чтобы поднять меч Гавина, а

другой махнул посыльному. Остальные даже и не подумали опустить луки. Один из поверженных бойцов принялся отползать прочь. Гавин развернул Вызова, приготовившись укрыться за ним, если солдаты начнут стрелять. Он предпочел бы, чтобы до этого не дошло, однако из них двоих Вызов с большей вероятностью переживет несколько выстрелов из лука с близкого расстояния, нежели сам Гавин.

Несколько солдат рискнули приблизиться, чтобы помочь своим пострадавшим друзьям. Рослый сержант пришел в себя и сейчас сидел, вполголоса сыпля

проклятиями. Гавин застыл, стараясь не делать угрожающих движений.

Возможно, ввязавшись в драку с солдатами, он сделал ошибку, но он и так уже потратил впустую слишком много времени. К этому моменту Эгвейн уже могла быть мертва! Когда такой человек, как этот сержант, пытается утвердить свое превосходство, остается лишь два варианта. Можно прорываться через толщу бюрократии, убеждая каждого встречного вояку в своей полезности. Либо можно спровоцировать беспорядки. Второй путь был быстрее, тем более что в лагере, очевидно, находилось достаточное количество Айз Седай, способных

Исцелить несколько раненых солдат.

Наконец, из-за частокола показалась небольшая группа людей. Их форма была безупречна, движения опасны, а лица суровы. Во главе шел плотный коренастый мужчины с квадратным лицом и седыми висками. Гавин улыбнулся: Брин собственной персоной. Ставка оправдалась.

Капитан-Генерал заметил Гавина, затем прошел дальше и быстро осмотрел раненых. Наконец он качнул головой:

– Встать, сержант Кордс, – приказал он солдату.

Коренастый сержант поднялся:
– Сэр!

Брин оглянулся на Гавина:

— В следующий раз, когда к воротам подъедет человек, который заявит о благородном происхождении и попросит о встрече со мной, посылай за офицером. Немедленно. Даже если он зарос двухмесячной бородой и пропах дешевым элем. Понятно?

— Да, сэр, — ответил сержант, покраснев. — Ясно, сэр.

— Проследите, чтобы вашим людям оказали помощь, сержант, — велел Брин, все еще глядя на Гавина. — А ты, следуй за мной.

Гавин стиснул зубы. Гарет Брин не обращался так к нему с тех пор, как он начал бриться. Однако он и не

ждал, что тот будет доволен. Внутри частокола Гавин заметил мальчишку, вероятно, конюха или посыльного. Он вручил юнцу поводья Вызова с указанием проследить, чтобы о коне позаботились. Затем Гавин забрал у солдата свой меч и поспешил следом за Брином.

— Гарет, — начал Гавин, догнав его. — Я...

— Придержите свой язык, молодой человек, — не оборачиваясь, ответил Брин. — Я еще не решил, что с вами сделать.

Гавин захлопнул рот. Это было слишком! Он все еще являлся братом законной Королевы Андора, и будет Первым Принцем Меча, если Илэйн

займет и удержит престол! Брин должен выказывать ему уважение!

Но порой Брин был упрямее вепря. Гавин прикусил язык. Они подошли к высокому остроконечному шатру с двумя часовыми у входа. Брин, нагнувшись, шагнул внутрь, и Гавин последовал за ним. Внутри было чище и опрятнее, чем ожидал юноша. Стол был заполнен свернутыми картами и тщательно сложенными листами бумаги, постель в углу была заботливо застлана, углы одеяла аккуратно заправлены. Вероятно, у Бриана кто-то тщательно прибирался.

Брин сложил руки за спиной, лицо Гавина отразилось в его

начищенном нагруднике, когда он повернулся к юноше.

— Ладно. Объясни, что ты здесь делаешь.

Гавин выпрямился.

— Генерал, — сказал он. — Полагаю, вы что-то путаете. Я более не ваш ученик.

— Я знаю, — коротко бросил Брин. — Мой ученик никогда бы не позволил себе столь ребяческую выходку, дабы привлечь мое внимание.

— Дежурный сержант был слишком воинственно настроен, а у меня не хватило терпения вразумить дурака. Это казалось лучшим выходом.

– Лучшим для чего? – спросил Брин. – Разозлить меня?

– Послушай, – сказал Гавин, – возможно, я несколько поспешил, но у меня важная цель. Ты должен меня выслушать.

– А если нет? – спросил Брин. – Если вместо этого я вышвырну тебя из своего лагеря как испорченного мальчишку-принца с чрезмерной гордыней и недостатком ума?

Гавин нахмурился.

– Осторожнее, Гарет. Я многому научился со времен нашей последней встречи. Думаю, ты обнаружишь, что тебе не одержать надо мной верх на мечах так легко, как когда-то прежде.

– Даже не сомневаюсь, –

ответил Брин. — Во имя Света, мальчик! Ты всегда был талантлив. Но неужели тебе кажется, что одно только твое мастерство владения мечом делает твои слова весомее? Я должен слушать тебя лишь потому, что иначе ты убьешь меня? Я считал, что обучил тебя куда лучше.

Брин постарел с тех пор, как Гавин видел его последний раз. Однако возраст не согнул Брина, лишь придал ему большую солидность. Чуть больше седины на висках, чуть больше морщин у глаз, но еще крепкая и достаточно стройная фигура, чтобы он казался моложе своих лет. Увидев Гарета Брина, каждый сразу сказал бы, что

видит мужчину в расцвете, а не на закате его сил.

Гавин встретился глазами с генералом, стараясь подавить рвущийся наружу гнев. Брин спокойно выдержал его взгляд. Несгибаемый, каким и должен быть генерал. Таким должен быть и Гавин.

Гавин отвернулся, ему вдруг стало стыдно.

— Свет, — прошептал он, отпустив рукоять меча и поднеся руку к голове. Внезапно он почувствовал смертельную усталость. — Мне жаль, Гарет. Ты прав. Я вел себя как дурак.

Брин хмыкнул.

— Рад это слышать. А то я начал

было задаваться вопросом, что же с тобой случилось.

Гавин вздохнул, вытерев лоб, и ощутил желание глотнуть чего-нибудь прохладного. Его гнев таял, и усталость все сильнее брала свое.

— Год выдался тяжелым, — произнес он, — и я чуть не загнал себя, добираясь сюда. Я на грани безумия.

— Ты не одинок в этом, парень, — отозвался Брин. Глубоко вздохнув, он подошел к маленькому столику и плеснул что-то в кубок для Гавина. Это оказался теплый чай, но Гавин с радостью принял его и отпил.

— Нынешние времена — серьезное испытание для людей, —

сказал Брин, наполняя свой кубок. Сделав глоток, он поморщился.

— Что? — спросил Гавин, взглянув на его кубок.

— Ничего. Я презираю эту микстуру.

— Тогда почему пьешь? — поинтересовался Гавин.

— Считается, что она укрепляет мое здоровье, — проворчал Брин. Прежде, чем Гавин успел задать следующий вопрос, генерал продолжил — Так что, ты собираешься ждать, пока я надену на тебя колодки, прежде чем поведать, что заставило тебя пробиваться в мой штаб?

Гавин шагнул вперед.

– Гарет, это из-за Эгвейн. Они схватили ее.

– Айз Сeday из Белой Башни?

Гавин упрямо кивнул.

– Я знаю, – Брин сделал еще один глоток и вновь поморщился.

– Мы должны отправиться за ней! – воскликнул Гавин. – Я приехал, чтобы просить тебя о помощи. Я намерен ее спасти.

Брин тихо фыркнул.

– Спасти? И как ты намереваешься проникнуть в Белую Башню? Даже Айил не смогли прорваться в город.

– Они просто не хотели, – возразил Гавин. – Да и мне нет нужды захватывать город, мне

необходимо всего лишь провести небольшой отряд внутрь, а затем вывести одного человека. В каждой скале есть трещины. Я найду способ.

Брин отставил кубок. Он посмотрел на Гавина, непреклонный, закаленный жизнью — само воплощение благородства.

— Скажи мне вот что, парень. Как ты собираешься уговорить ее уйти с тобой?

Гавин вздрогнул.

— Она будет рада уйти. Почему должно быть иначе?

— Потому что она запретила нам спасти ее, — ответил Брин, вновь складывая руки за спиной. — По крайней мере, так я понял. Айз

Седай не слишком со мной откровенничают. Кто-то скажет, что они должны больше доверять человеку, которому поручили вести всю эту осаду. Как бы то ни было, Амерлин каким-то образом может с ними связываться, и она велела им оставить всё как есть.

Что? Это просто смехотворно! Очевидно, Айз Седай подтасовывают факты.

— Брин, она пленница! Я слышал разговор Айз Седай о том, что ее ежедневно избивают. Они ее казнят!

— Не знаю, — отозвался Брин. — Она там уже несколько недель, а они все еще ее не убили.

— Убьют, — настойчиво произнес

Гавин. – Ты знаешь, что убьют. Возможно, порой нужно провести поверженного врага перед своими солдатами, но, в конце концов, все равно придется выставить его голову на пике, чтобы все узнали, что он уже мертв. Ты знаешь, что я прав.

Брин внимательно посмотрел на него, затем кивнул.

– Возможно, да. Однако я все равно бессилён что-либо сделать. Я связан присягой, Гавин. Я не могу ничего сделать, пока эта девочка мне не велит.

– Ты позволишь ей умереть?

– Если это необходимо, чтобы
сдержать присягу, – значит, позволю.

Если Брина связывала

присяга.... Что ж, скорее он услышит, как солжет Айз Седай, чем увидит Гарета Брина нарушающим свое слово. Но Эгвейн! Должно быть что-то, что он сможет сделать!

– Я попытаюсь добиться для тебя встречи с некоторыми из Айз Седай, которым служу, – сообщил Брин. – Возможно, они смогут что-либо сделать. Если тебе удастся убедить их, что спасение необходимо, и Амерлин сама хотела бы этого, тогда посмотрим.

Гавин кивнул. По крайней мере, это было уже кое-что.

– Благодарю.

Брин безразлично отмахнулся.

– Хотя я должен был бы сейчас

лицезреть тебя закованным в колодки. Хотя бы за то, что ты ранил трех моих людей.

— Заставь Айз Седай Исцелить их, — ответил Гавин. — Как я слышал, у тебя хватает сестер, которые заставляют что-то делать тебя.

— Ба! — произнес Брин. — Мне редко удастся убедить их Исцелить солдата, если его жизни ничто не угрожает. На днях один из моих людей получил серьезную травму, упав с лошади, а мне сказали, что Исцеление лишь приучит его быть беспечным. «Пусть боль будет ему уроком», — заявила проклятая баба. — «Возможно, в следующий раз, когда сядет на лошадь, он не захочет

становиться посмешищем для своих приятелей».

Гавин поморщился.

— Но, конечно, для этих солдат они сделают исключение. В конце концов, они пострадали от руки противника.

— Посмотрим, — повторил Брин.

— Сестры редко посещают солдат. У них хватает и своих забот.

— Я видел одну из них во внешнем лагере, — рассеянно произнес Гавин, бросив взгляд через плечо.

— Молодую девушку?

Темноволосая, лицо не безвозрастное?

— Нет, именно Айз Седай. Я так

говорю как раз *из-за* ее лица. Слегка полноватая, светловолосая.

– Вероятно, просто ищет себе Стража, – произнес Брин, вздохнув. – Они так делают.

– Я так не думаю, – отозвался Гавин, глядя через плечо. – Она пряталась среди прачек.

Как только он подумал об этом, то понял, что она вполне могла быть шпионом сторонников Белой Башни.

Брин еще больше помрачнел. Вероятно, он подумал о том же самом.

– Показывай, – сказал он, шагнув к откидным створкам палатки. Отбросив их в сторону, Брин вновь ступил на утренний свет,

и Гавин последовал за ним.

— Ты так и не объяснил, что здесь делаешь, Гавин, — напомнил Брин по пути через хорошо устроенный лагерь. Встречные солдаты приветствовали своего генерала.

— Я уже говорил, — ответил Гавин, его рука удобно покоилась на рукояти меча. — Я намерен найти способ спасти Эгвейн из смертельной западни.

— Я спрашиваю, не что ты делаешь в моем лагере. Я подразумевал, почему ты оказался в этом районе. И почему не вернулся в Кэймлин, чтобы помочь сестре?

— У тебя есть новости об Илэйн,

– выпалил Гавин, останавливаясь. Свет! Он должен был спросить об этом раньше. Он действительно устал. – Я слышал, что прежде она находилась тут, в лагере. Она вернулась в Кэймлин? Она в безопасности?

– Она давно покинула нас, – сказал Брин. – Но, кажется, у неё всё хорошо.

Он остановился, взглянув на Гавина.

– Ты хочешь сказать, что ничего не знаешь?

– Что именно?

– Что ж, слухи ненадежны, – сказал Брин, – но многое подтвердили те Айз Седай, что

Перемещались в Кэймлин, чтобы узнать новости. Твоя сестра заняла Львиный Трон. Кажется, она смогла справиться с большей частью того беспорядка, который достался ей в наследство от вашей матери.

Гавин глубоко вздохнул. «Хвала Свету! – подумал он, закрыв глаза. – Илэйн жива. Илэйн удерживает трон». Он открыл глаза, и пасмурное небо, казалось, просветлело. Гавин продолжил идти; Брин шел в ногу рядом с ним.

– Значит, ты действительно не знал, – произнес Брин. – Где ж тебя носило, парень? Теперь ты – Первый Принц Меча, или будешь им, когда вернешься в Кэймлин. Твое место

рядом с сестрой.

– Сначала Эгвейн.

– Ты поклялся, – жестко сказал Брин. – В моем присутствии. Неужели ты позабыл об этом?

– Нет, – ответил Гавин. – Однако если Илэйн заняла трон, то она в безопасности. Я спасу Эгвейн и хоть на веревке притащу её в Кэймлин, где смогу за ней присматривать. Где я смогу присматривать за ними обеими.

Брин фыркнул.

– Мне было бы интересно увидеть, как ты попытаешься исполнить первую часть плана, – заметил он. – И, тем не менее, почему тебя не было вместе с Илэйн,

когда она пыталась занять трон? Чем ты был занят, что оно стало для тебя важнее этого?

— Я... запутался, — ответил Гавин, глядя прямо перед собой.

— Запутался? — переспросил Брин. — Ты был в Белой Башне, когда всё это... — он внезапно умолк. Некоторое время они шли рядом.

— Где ты слышал разговор сестер о пленении Эгвейн? — спросил Брин. — Как узнал, что ее подвергают наказаниям?

Гавин промолчал.

— Кровь и проклятый пепел! — воскликнул Брин. Генерал редко сквернословил. — Я знал, что человек, совершавший те вылазки

против меня, был слишком хорошо осведомлен. А я искал предателей среди своих офицеров!

— Теперь это не имеет значения.

— Об этом судить мне, — сказал Брин. — Ты убивал моих людей. Возглавлял рейды против меня!

— Они были направлены против мятежниц, — произнес Гавин, устремив на Брина твердый взгляд. — Ты можешь обвинять меня за то, как я добился с тобой встречи, но неужели ты искренне ждешь, что я почувствую вину за то, что помогал Белой Башне защищаться против осаждающих ее войск?

Брин умолк. Затем коротко кивнул.

– Хорошо. Но это превращает тебя в командующего вражеской армией.

– Уже нет, – ответил Гавин. – Я ушел в отставку.

– Но...

– Я помогал им, – сказал Гавин, – однако больше я этого не делаю. Ничто из того, что я увижу здесь, не станет известно твоим врагам, Брин. Клянусь Светом.

Брин не спешил с ответом. Они миновали палатки, в которых расположились офицеры, и приблизились к частоколу.

– Хорошо, – произнес Брин, – я готов поверить, что ты не слишком изменился, чтобы нарушить данное

тобой слово.

— Я не изменил бы такой клятве,
— резко отозвался Гавин. — Как ты
мог в этом усомниться?

— За последнее время я
познакомился с довольно
неожиданными способами
трактовать слова клятв, — ответил
Брин. — Я сказал, что верю тебе,
парень. И я действительно верю. Но
ты *все еще* не объяснил мне, почему
не вернулся в Кэймлин.

— Эгвейн была с Айз Седай, —
сказал Гавин. — Насколько мне было
известно, Илэйн тоже. Вот и мне
остаться с Айз Седай показалось
хорошим выходом, хотя я не был
уверен, что мне по нраву правление

Элайды.

— Что для тебя значит Эгвейн? — тихо спросил Брин.

Гавин встретил его взгляд.

— Не знаю, — признался он. — Хотел бы я сам это знать.

К его удивлению, Брин рассмеялся.

— Вижу — и понимаю. Ну, давай поищем ту Айз Седай, которую, как ты думаешь, ты видел.

— Я действительно видел ее, Гарет, — произнес Гавин, кивнув часовым у ворот. Бойцы отсалютовали Брину, но продолжили внимательно следить за Гавином, словно за древесной копьеголовкой. Так и должно быть.

– Посмотрим, – сказал Брин. – Как бы там ни было, я хочу, чтобы ты дал слово, что, как только я добьюсь для тебя встречи с лидерами Айз Седай, ты вернешься в Кэймлин. Оставь Эгвейн нам. Ты должен помочь Илэйн. Твое место рядом с ней, в Андоре.

– То же самое я мог бы сказать о тебе, – Гавин всматривался в многочисленных гражданских, населявших лагерь. Где он видел ту женщину?

– Мог бы, – резко ответил Брин, – и ошибся бы. Твоя мать позаботилась об этом.

Гавин уставился на него.

– Она отправила меня в

отставку, Гавин. Выпроводила меня под угрозой смерти.

– Это невозможно!

Брин помрачнел.

– Я тоже так считал. Но, тем не менее, это правда. Вещи, которые она говорила... Их было больно слышать, Гавин. Действительно больно.

Больше Брин не сказал ни слова, однако это говорило о многом. Гавин никогда не слышал от этого человека хоть слово недовольства своим положением или приказами, отданными ему. Он был предан Моргейз, настолько предан, насколько любой правитель мог лишь надеяться. Гавин не знал никого более надежного, и никого

менее расположенного к жалобам.

— Вероятно, это было частью какого-то плана, — сказал Гавин. — Ты знаешь Мать. Если она причинила тебе боль, значит, на то была причина.

Брин покачал головой.

— Никаких причин, кроме глупой любви к этому щеголю Гейбрилу. Она практически разрушила Андор из-за своей одержимости им.

— Она никогда бы такого не допустила! — воскликнул Гавин. — Гарет, кому, как не тебе это знать!

— Точно, — ответил Брин, понизив голос. — Хотел бы я и вправду это знать.

— У нее была иная причина, —

упрямо повторил Гавин. Он почувствовал, как в нем закипает новая волна гнева. Попадавшиеся по пути торговцы провожали их взглядами, но не говорили ничего. Вероятно, они знали, что к Брину лучше не приставать.

— Однако теперь мы никогда не узнаем этого наверняка, раз она мертва. Проклятый ал'Тор! Не могу дождаться того дня, когда проткну его.

Брин решительно посмотрел на Гавина.

— Ал'Тор спас Андор, сынок. По крайней мере, сделал все, что было в его силах.

— Как ты можешь так говорить?

— сказал Гавин, отдергивая прочь руку. — Как можешь хорошо отзываться об этом чудовище? Он убил мою мать!

— Я не уверен, верю ли я этим слухам, — произнес Брин, потирая подбородок. — Но даже если они и верны, возможно, он оказал Андору услугу. Ты не представляешь, насколько тогда все было плохо, особенно под конец.

— Не верю своим ушам, — сказал Гавин, опуская руку на рукоять меча. — Я не собираюсь слушать, как порочат ее имя, Брин. Я не шучу.

Брин посмотрел ему в глаза. Его пристальный взгляд был как никогда *тверд*. Словно его глаза были

вырезаны из гранита.

— Я всегда говорю правду, Гавин. И мне плевать, если кто-то оспаривает это. Тяжело слышать? Что ж, прожить это было еще тяжелее. Ничего хорошего в жалобах нет. Но ее сын должен знать. Под конец, Гавин, твоя мать, околдованная Гейбрилом, обернулась против Андора. Ее нужно было сместить. Если ал'Тор сделал это вместо нас, мы должны благодарить его.

Гавин покачал головой: гнев и шок боролись в нем друг с другом. Неужели это Гарет Брин?

— И это не слова отвергнутого любовника, — произнес Брин с

окаменевшим лицом. Он говорил негромко, на ходу, гражданские расступались, освобождая им дорогу. — Я могу признать, что женщина могла отказать в особом расположении одному мужчине и даровать его другому. Да, Моргейз как женщину я могу простить. Но Моргейз — королеву? Она отдала государство тому змею. Она приказала бичевать и бросить в темницу своих сторонников. Она была не в себе. Иногда, когда рука солдата начинает гнить, ее необходимо ампутировать, дабы сохранить человеку жизнь. Мне больно это говорить, и я доволен успехом Илэйн, а ты должен

похоронить свою ненависть к ал'Тору. Проблема была не в нем. Проблемой была твоя мать.

Гавин стиснул зубы. «Никогда, – подумал он. – Я никогда не прощу ал'Тора. Не за это».

– По твоему взгляду несложно угадать твои намерения, – сказал Брин. – Тем разумнее будет для тебя вернуться в Андор. Сам увидишь. Если не веришь мне, спроси свою сестру. Послушай, что она обо всем этом думает.

Гавин резко кивнул. Достаточно об этом. Впереди он заметил место, где увидел ту женщину. Он всмотрелся в ряды прачек вдалеке, затем развернулся и зашагал

прямиком к ним, протиснувшись между двумя продававшими яйца торговцами с клетками, полными цыплят.

— Сюда, — возможно излишне резко произнес он.

Он не смотрел, последовал ли Брин за ним. Вскоре генерал догнал его с рассерженным видом, однако не сказал ни слова. Они пробирались сквозь толпу, лавируя среди людей в коричневых и уныло серых одеждах, и вскоре приблизились к ряду женщин, стоящих на коленях перед парой длинных деревянных желобов, медленно наполнявшихся водой. Стоящие в дальнем конце мужчины лили туда воду, а женщины сначала

стирали одежду в мыльной воде, затем ополаскивали ее в желобе с чистой. Неудивительно, что земля вокруг была пропитана влагой! По крайней мере, тут пахло мылом и чистотой.

Рукава платьев были закатаны, обнажая руки. Большинство женщин праздно болтали за работой, пока стирали одежду на досках, прислоненных к бортам желоба. На всех были коричневые юбки – вроде той, что Гавин видел на Айз Седай. Не снимая руку с эфеса меча, Гавин оглядел женщин со спины.

– Которая из них? – спросил Брин.

– Минутку, – отозвался Гавин.

Женщин было много. Действительно ли он видел то, о чем подумал? Почему Айз Седай оказалась именно в этом лагере? Вряд ли Элайда отправила бы шпионить Айз Седай: их лица были слишком узнаваемы.

Конечно, если их лица были столь узнаваемы, почему он не мог узнать ее сейчас?

А потом он увидел ее. Она была единственной, кто не болтал с товарками во время работы. Она стояла на коленях, склонив голову. Её лицо скрывал желтый платок, повязанный вокруг головы, из-под которого виднелось лишь несколько выбившихся светлых локонов. Ее поза была столь покорна, что он едва не

прошел мимо, однако она выделялась своими формами. Она была полновата, и у нее единственной из всех женщин был желтый платок. Гавин зашагал вдоль ряда работающих женщин, некоторые из них поднялись, уперев руки в бедра, и недвусмысленно говорили, что «солдаты с их большими ногами и неуклюжими локтями» должны держаться подальше от занятых работой женщин. Гавин проигнорировал их, продолжив свой путь, пока не оказался рядом с желтым платком.

«Это безумие, – подумал Гавин. – За всю историю не существовало ни одной Айз Седай, которая могла

бы заставить себя принять столь покорную позу».

Брин остановился рядом с ним. Гавин наклонился, пытаясь разглядеть лицо женщины. Она еще сильнее согнулась, яростней терзая рубаху в желобе перед собой.

– Женщина, – сказал Гавин, – могу ли я увидеть твоё лицо?

Она не ответила. Гавин взглянул на Брина. Генерал наклонился и нерешительно потянул платок полной женщины назад. Лицо под ним определено было лицом Айз Седай, с характерными безвозрастными чертами. Она даже не подняла взгляд. Просто продолжала работать.

— Я говорила, что это не сработает, — пробормотала крупная женщина неподалеку. Она поднялась и вразвалочку пошла вдоль линии прачек, на ней было коричневое с зеленым платье свободного покроя. — Миледи, говорила я ей, вы можете делать, что вам угодно, я не вправе отказывать вам, но кто-нибудь обязательно обратит на вас внимание.

— Ты главная среди них, — сказал Брин.

Крупная женщина решительно кивнула, потряхнув рыжими кудрями.

— Верно, Генерал, — она обернулась к Айз Седай, присев в реверансе. — Леди Тагрин, я

действительно вас предупреждала. Испепели меня Свет, но это так. Мне действительно жаль.

Женщина по имени Тагрин склонила голову. Неужели на ее щеках были слезы? Как такое вообще было возможно? Что происходит?

— Миледи, — произнес Брин, опускаясь на корточки возле нее. — Вы Айз Седай? Если это так, и вы велите мне уйти, я так и сделаю, не задав ни одного вопроса.

Хороший заход. Если она действительно Айз Седай, то не сможет солгать.

— Я не Айз Седай, — прошептала женщина.

Нахмурившись, Брин посмотрел

на Гавина. Раз она отрицает это, то что это значит? Айз Седай не могут лгать. Значит...

Женщина тихо продолжила:

— Меня зовут Шимерин. Когда-то я была Айз Седай. Но больше ею не являюсь. С тех пор, как... — она вновь опустила взгляд. — Прошу вас, просто оставьте меня наедине с моим позором.

— Хорошо, — ответил Брин. Однако он колебался. — Тем не менее, мне нужно, чтобы вы побеседовали с некоторыми сестрами из лагеря. Они отрежут мне уши, если я не приведу вас к ним.

Женщина, Шимерин, вздохнула, но поднялась.

– Пойдем, – сказал Брин Гавину.

– Не сомневаюсь, что они также захотят поговорить с тобой. Лучше покончить с этим побыстрее.

Глава 25. Во Тьме

Шириам заглянула в свою темную палатку, подождала, но ничего не заметила внутри. Удовлетворенно улыбнувшись, она шагнула внутрь и закрыла створки палатки. На этот раз все было хорошо.

До сих пор она, прежде чем

войти, непременно проверяла палатку в поисках кого-то, кто несколько раз поджидал ее внутри. Кто-то, кого она ни разу не смогла почувствовать, хотя чувствовала, что была должна. Да, Шириам была начеку, и, вероятно, не потеряет бдительность еще много месяцев, но сейчас в этом не было необходимости. Никаких призраков, поджидавших, чтобы наказать ее.

Небольшая квадратная палатка была достаточно велика, чтобы выпрямиться в полный рост. Вдоль одной стенки стояла раскладушка, вдоль другой — сундук. Поставь в комнатку стол, и места останется столь мало, что она с трудом сможет

передвигаться. Кроме того, поблизости, в пустующем шатре Эгвейн, был вполне приличный стол.

Поговаривали, что тот пустующий шатер стоит передать другим. Несмотря на то, что каждую неделю устанавливали новые палатки, многим сестрам приходилось ютиться в одной. Но палатка Амерлин была символом. Пока есть надежда на возвращение Эгвейн, ее палатка будет оставаться свободной. Безутешная Чеза, которую Шириам до сих пор заставляла плачущей по своей хозяйке, сохраняла жилище в чистоте. Что ж, пока Эгвейн отсутствует, ее палатку Шириам использовала для всех своих

нужд. Единственное – она там не ночевала. В конце концов, все ожидали, что Хранительница Летописей Амерлин будет вести ее дела.

Присев на койку, Шириам вновь улыбнулась. Совсем недавно ее жизнь представляла собой нескончаемую череду отчаяния и боли. Сейчас все закончилось благодаря Романде. Что бы ни думала Шириам об этой глупой женщине, именно Романда прогнала Халиму из лагеря, а вместе с ней исчезли и наказания.

Боль вернется. Мука и кара всегда были частью ее служения. Но она научилась ценить и лелеять

мгновения покоя.

Временами она сожалела, что не смогла удержать свой рот на замке и не задавать вопросы. Но так случилось, и теперь она здесь. Ее преданность, как и было обещано, принесла ей власть. Однако никто не предупреждал ее, что будет еще и боль. Нередко она жалела, что не выбрала Коричневую Айя и не спряталась в какой-нибудь библиотеке, чтобы никогда никого не видеть. Но теперь она там, где есть. И бесполезно задаваться вопросом о том, что *могло бы быть*.

Вздохнув, она сняла платье и сменила сорочку. Все это она проделала в темноте. Расход свечей и

масла строго контролировался, а при постепенно истощавшихся запасах мятежниц она вынуждена была беречь то, что имела, для более подходящего момента.

Она улеглась в постель, укрывшись одеялом. Шириам не была столь наивной, чтобы чувствовать вину за свои поступки. Каждая сестра в Белой Башне стремилась возвыситься. В этом заключался смысл жизни! Не существовало Айз Седай, которая не ударила бы своим сестрам в спину, если надеялась получить преимущество. Друзья Шириам были всего лишь более... искусны в подобных вещах.

Ну почему конец всех времен должен был наступить именно сейчас? Прочие ее сподвижницы говорили о том, какая честь и слава им выпала — жить в подобные времена, но Шириам была не согласна. Она примкнула к ним, чтобы возвыситься на политическом поприще в Белой Башне, получить власть, чтобы наказать тех, кто ей досаждал. Она никогда не хотела участвовать в окончательном расчете с Возрожденным Драконом, и, конечно же, никогда не желала иметь никаких дел с Избранными!

Но теперь ничего не поделаешь. Лучшим выходом было наслаждаться покоем свободы от побоев и

самодовольной болтовни Эгвейн. Это уж точно...

Около ее палатки появилась женщина, обладающая большим потенциалом в Силе.

Шириам распахнула глаза. Она, как и любая сестра, могла ощущать женщин, способных направлять. «Проклятый пепел! – нервно подумала она, зажмуриваясь. – Только не снова!»

Створки палатки слегка колыхнулись. Шириам открыла глаза, чтобы разглядеть угольно-черную фигуру, стоявшую возле ее раскладушки. Блики лунного света, проникающие сквозь колышущиеся створки, лишь обрисовывали

контуры фигуры. Женщина была окутана неестественной тьмой, которая лентами черной ткани развевалась за ее спиной. Лицо скрывали глубокие тени. Затаив дыхание, Шириам вскочила с постели и склонилась в низком полоне. В палатке едва хватало места, чтобы она могла преклонить колени. Она съежилась, ожидая, когда боль снова обрушится на нее.

— А... — раздался резкий голос. — Очень хорошо. Ты послушна. Я довольна.

Это была не Халима. Когда та появлялась, Шириам не была способна ее ощутить. Как оказалось, та все это время направляла саидин.

К тому же Халима никогда не являлась столь... театрально.

Какая мощь! Похоже на то, что это была одна из Избранных. Или, по крайней мере, одна из самых сильных слуг Великого Повелителя, занимающая заметно более высокое положение, нежели Шириам. Это пробрало ее до костей, и, дрожа, она склонилась.

— Я живу, чтобы служить, Великая Госпожа, — быстро проговорила Шириам. — Я — та, кто счастлива склониться перед вами, жить в эти времена...

— Прекрати мямлить, — рявкнул голос. — Ты неплохо здесь устроилась, я права?

– Да, Великая Госпожа, –
отозвалась Шириам. – Я –
Хранительница Летописей.

Фигура фыркнула:

– Хранительница у кучки
оборванок, так называемых Айз
Седай, да еще и мятежных. Но это
несущественно. Ты нужна мне.

– Я живу, чтобы служить,
Великая Госпожа, – повторила
Шириам, разволновавшись. Что
этому существу от нее нужно?

– Эгвейн Ал'Вир. Она должна
быть низложена.

– Что? – пораженно
переспросила Шириам. Поток
Воздуха, обжигая, хлестнул ее по
спине. «Дура! Решила умереть?»

– Прошу прощения, Великая Госпожа, – быстро произнесла она. – Простите мою несдержанность. Однако именно по приказу одного из Избранных я помогла возвысить ее до Амерлин!

– Верно, но она оказалась... скверным выбором. Нам нужен был ребенок, а не женщина с детским лицом. Ее нужно убрать. Ты должна убедить эту кучку глупых мятежниц прекратить ее поддерживать. И положить конец тем проклятым встречам в Тел'аран'риоде. Как столь многие из вас проникают туда?

– У нас есть тер'ангриалы, – нерешительно ответила Шириам. – Некоторые в форме янтарных

пластинок, некоторые в форме железных дисков. А также несколько колец.

— А, ткачи снов, — произнесла фигура. — Да, они могли бы пригодиться. Сколько?

Шириам заколебалась. Первым желанием было солгать или уклониться от ответа — похоже, эту информацию возможно было утаить от фигуры. Но лгать одной из Избранных? Плохой выбор.

— Их было двадцать, — честно ответила она. — Но один остался у женщины по имени Лиане, которая была захвачена. Поэтому их осталось лишь девятнадцать.

Как раз достаточно для встреч с

Эгвейн в Мире Снов: по одному на каждую Восседающую и один непосредственно для Шириам.

— Да, — прошипела скрытая тенью фигура. — Действительно пригодятся. Укради ткачей снов и отдай их мне. Эта чернь не смеет мешаться под ногами у Избранных.

— Я... — украсть *тер'ангриалы*? Как ей *это* проделать! — Я живу, чтобы служить, Великая Госпожа.

— Да, ты живешь для этого. Достань для меня эти вещи и будешь вознаграждена. Подведешь меня... — фигура мгновение помедлила. — В твоём распоряжении три дня. Каждый из ткачей снов, который ты не сумеешь раздобыть за это время,

будет стоять тебе пальца руки или ноги.

С этими словами Избранная открыла Переходные Врата прямо посреди палатки и, шагнув в них, исчезла. Шириам успела мельком заметить знакомые плиты коридоров Белой Башни по ту сторону Врат.

Украсть ткачи снов! Все девятнадцать? За три дня? «Великая Тьма! – подумала Шириам, – Я должна была солгать об их количестве! Почему я не солгала?»

Долгое время, выравнивая дыхание и размышляя о своем незавидном положении, она оставалась коленопреклоненной. Похоже, спокойное время кончилось.

Оно было недолгим.

* * *

– Конечно же, ее будут судить, – сказала Сине. Тихая Белая сидела на стуле, который принесли ей две Красные, поставленные следить за камерой Эгвейн.

Дверь в темницу была открыта, и находившаяся внутри Эгвейн сидела на стуле, также принесенном Красными. Обе ее надзирательницы – и пухлая Кариандра и жесткая Патринда – внимательно следили за

ними из коридора, поддерживая щит вокруг Эгвейн. Они выглядели так, словно ожидали, что она вот-вот сорвется бежать, вырываясь на свободу.

Эгвейн не обращала на них внимания. Два дня заточения не были приятными, однако она перенесла их с достоинством. Несмотря на то, что они заперли ее в крохотной камере за дверью, не пропускающей свет. Несмотря на то, что они запретили ей переодеть окровавленное платье. Несмотря на то, что они били ее каждый день за ее обращение с Элайдой. Эгвейн *не* склонится.

Красные пускали к ней

посетителей, как то предусматривал закон Башни, но весьма неохотно. Эгвейн была удивлена, что ее кто-то *навещает*, но Сине оказалась не единственной. Некоторые из тех, кто приходил к ней, были Восседающими. Любопытно. Тем не менее, Эгвейн истосковалась по новостям. Как Башня отреагировала на ее заключение? Сохранялся ли глубокий и широкий раскол между Айя, или ее действия положили начало их воссоединению?

— Элайда слишком явно нарушила закон Башни, — объяснила Сине. — И это засвидетельствовали Восседающие пяти различных Айя. Она пыталась настоять на суде, но

неудачно. Однако были некоторые, кто прислушивались к ее аргументам.

— Каким именно? — Спросила Эгвейн.

— Что ты — Приспешница Темного, — сказала Сине. — И именно поэтому она изгнала тебя из Башни и *потом* подвергла наказаниям.

Эгвейн похолодела. Если Элайда получит поддержку своим доводам...

— Это не пройдет, — успокаивающе сказала Сине. — Здесь не какая-то захудалая деревушка, где достаточно намалевать на дверях Клык Дракона, чтобы обвинить человека.

Эгвейн приподняла бровь. Она

выросла в «захудалой деревушке», и они никогда никого не обвиняли, основываясь на одних лишь слухах. Однако промолчала.

– Доказать подобное обвинение по канонам Башни достаточно трудно, – продолжила Сине. – Посему я полагаю, что она не будет пытаться это сделать на суде. Отчасти потому, что для этого ей пришлось бы дать тебе слово, а я подозреваю, что она хочет упрятать тебя ото всех.

– Да, – сказала Эгвейн, всматриваясь в бездельничавших неподалеку Красных. – Вероятно, ты права. Однако если она не может доказать, что я – Приспешница, и не

сможет избежать суда...

— Это — не тот проступок, за который ее можно низложить, — ответила Сине. — Максимальное наказание, которого она заслуживает — формальное порицание со стороны Совета и епитимья на месяц. Палантин она сохранит.

«Однако теряет большую часть доверия», — подумала Эгвейн. Это вдохновляло. Но где уверенность, что Элайда просто не упрячет ее подальше? Ей необходимо было продолжать давить на Элайду. Свет свидетель, как же это было трудно, будучи запертой целыми днями в крошечной камере! Хотя заключение было недолгим, упущенные

возможности угнетали Эгвейн.

– Ты будешь присутствовать на суде? – спросила она.

– Конечно, – сказала Сине невозмутимо, как Эгвейн и ожидала от Белой. Некоторые Белые были слишком холодны и рациональны. Сине была более сердечна, однако, вместе с тем, весьма сдержанна. – Я же Восседающая, Эгвейн.

– Я полагаю, вы все еще видите следы активности Темного? – Эгвейн вздрогнула и посмотрела на пол своей темницы, вспомнив происшествие с Лиане. Ее собственная камера была куда более аскетичной, чем у Лиане, возможно, из-за обвинений ее в

Приспешничестве.

— Да, — голос Сине стал тише. — Кажется, становится все хуже. Слуги умирают. Продовольствие портится. Целые сектора Башни беспорядочно перемещаются. Вчера вечером вторая кухня оказалась на шестом этаже, а весь сектор Желтых оказался в подвале. Это похоже на то, что случилось с Коричневыми ранее, и ту проблему *до сих пор* не решили.

Эгвейн кивнула. Учитывая то, как поменялись местами комнаты, тем послушницам, чьи комнаты не переместились внезапно, теперь пришлось разместиться на двадцать первом и двадцать втором этажах, где ранее находились покои Коричневой

Айя. Все Коричневые – неохотно – переезжали в нижнее крыло. Были ли эти изменения постоянны? Прежде сестры жили непосредственно в Башне, а послушницы и принятые располагались в ее крыле.

– Ты должна обратить на это внимание, – тихо произнесла Эгвейн. – Продолжай напоминать сестрам, что Темный шевелится и что грядет Последняя Битва. Сосредоточь их внимание на объединении, а не на расколе.

Позади Сине одна из Красных проверила свечу на столе. Время, отведенное Эгвейн на прием посетителей, заканчивалось. Скоро ее вновь запрут, и она сможет лишь

вдыхать запах пыльной, лежалой соломы за спиной.

— Ты *должна* хорошо потрудиться, Сине, — сказала Эгвейн, поднимаясь, когда Красные приблизились. — Сделай то, чего не могу я. И попроси о том же остальных.

— Я попытаюсь, — ответила Сине. Она стояла, наблюдая, как Красные забирали табурет Эгвейн и жестами велели ей вернуться в каморку. Потолок в ней был слишком низок, чтобы стоять в полный рост.

Эгвейн неохотно пошла, пригибаясь.

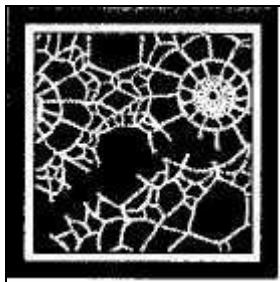
— Грядет Последняя Битва, Сине. Помни.

Белая кивнула, и дверь захлопнулась, оставив Эгвейн в темноте. Эгвейн села. Она чувствовала себя ослепшей! Что произойдет на суде? Даже если Элайда будет наказана, что будет с Эгвейн? Элайда попытается добиться ее казни. И у нее до сих пор на то есть основания, поскольку Эгвейн, по определению Белой Башни, выдавала себя за Престол Амерлин.

«Я должна быть тверда, — сказала себе Эгвейн, сидя в темноте. — Я сама заварила эту кашу и теперь должна вариться в ней, если это поможет защитить Башню». — Им известно, что она продолжала сопротивляться. Это было все, что

она могла им дать.

Глава 26. Трещина в камне

Авиенда обвела взглядом земли поместья, заполненные занятыми сборами людьми. Для мокроземцев, и мужчины и женщины Башира были хорошо подготовлены – они быстро и со знанием дела убирали палатки и готовили упряжь. И все же, по

сравнению с Айил, остальные мокроземцы — кроме солдат — только создавали неразбериху. Женщины носились туда и обратно, словно боясь оставить какое-то дело неоконченным, а какую-то вещь не уложенной. Мальчишки-посыльные бегали с друзьями, пытаясь казаться занятыми, хотя, по сути, делать им было нечего. Палатки и имущество гражданских только-только начинали убирать и упаковывать, а ведь еще понадобятся лошади, фургоны и возницы, чтобы доставить все это туда, куда требовалось.

Авиенда покачала головой. Айил брали лишь то, что могли унести, и их военный отряд включал только

воинов и Хранительниц Мудрости. Когда же в затяжных войнах одних копий было недостаточно, все рабочие и ремесленники знали, как быстро и с толком подготовиться к отбытию. В этом была честь. Честь, предполагающая, что каждый человек должен быть способен позаботиться о себе и своих вещах, не задерживая клан.

Она покачала головой, возвращаясь к своему заданию. Единственными, кто действительно не имел чести в такой день, были те, кто не работал. Она опустила палец в стоявшее перед ней на земле ведро с водой, затем подняла руку и занесла ее над вторым ведром. Капля воды

свободно упала вниз. Она переместила руку и повторила все с начала.

Для любого мокроземца подобное наказание показалось бы бессмысленным. Они решили бы, что это легкая работа: сидеть на земле, прислонившись спиной к деревянным бревнам поместья, двигать рукой вперед и назад, опустошая одно ведро и по капле наполняя второе. Для них это едва ли было бы наказанием.

А все потому, что зачастую мокроземцы ленивы. Они предпочитают по капле набирать воду в ведра, а не таскать камни. Как бы там ни было, таскание камней

предполагало активные движения, а они полезны для тела и разума. Переливание воды – бессмысленно. Бесполезно. Это наказание не позволяло размять ноги или поработать мускулами. Но она занималась им в то время, как остальные собирали палатки, готовясь выступить. Это делало наказание в десятки раз позорнее! Ее тох рос с каждым мгновением, которое Авиенда не тратила на помощь в сборах, но она ничего не могла с этим поделать.

Только переливать воду. Капля за каплей, капля за каплей.

Это злило ее. А злость вызывала стыд. Хранительницы Мудрости в

таких ситуациях никогда не позволяют своим эмоциям взять над собой верх. Она должна быть терпеливой и попытаться понять, за что наказана. Однако даже попытка подобраться к решению проблемы вызывала у нее желание кричать. Сколько можно перебирать в уме одни и те же выводы? Возможно, она слишком глупа, чтобы в этом разобраться. Возможно, она не заслуживает быть Хранительницей Мудрости.

Она снова опустила руку в ведро, затем перенесла очередную каплю воды. Ей не нравилось то, что с ней делали эти наказания. Авиенда была воином, даже если больше не

носила копье. Ни наказания, ни боль ее не страшили. Но она все сильнее и сильнее боялась, что падет духом и станет столь же бесполезной, как помраченные песками.

Она хотела стать Хранительницей Мудрости, отчаянно хотела. Осознав это, девушка очень удивилась, поскольку никогда не думала, что сможет желать чего-либо столь же страстно, как когда-то давно хотела получить копья. Однако, поскольку за последние месяцы она многое узнала о Хранительницах Мудрости, и её уважение к ним возросло, она сочла себя равной им, чтобы помочь им направлять Айил в эти труднейшие

времена.

Последняя Битва станет испытанием, какого ее народ еще не знал. Эмис с остальными Хранительницами направляла все силы на защиту Айил, а Авиенда сидела и по капле переливала воду!

— С тобой все в порядке? — спросил чей-то голос.

Авиенда подскочила, столь резко дернув руку к своему ножу, что чуть не опрокинула ведра с водой.

В тени здания неподалеку от нее стояла женщина с коротко стриженными темными волосами. Руки Мин Фаршав были сложены на груди, она была одета в вышитую серебром синюю куртку. На шее она

носила шарф.

Авиенда опустилась на землю, отпустив нож. Теперь она позволяет мокроземцам незаметно к себе подкрадываться?

— Я в порядке, — отозвалась она, изо всех сил пытаясь не покраснеть.

Ее тон и действия должны были показать, что она нисколько не пристыжена разговором, однако Мин, казалось, не обратила на это внимания. Женщина развернулась и посмотрела на лагерь.

— Тебе что.... нечем заняться?

На сей раз Авиенде не удалось сдержать румянец.

— Я делаю то, что должна.

Мин кивнула, и Авиенда

постаралась выровнять дыхание. Она не могла позволить себе злиться на эту женщину. Ее первая сестра просила быть добрее к Мин Фаршав. Авиенда решила не обижаться. Мин не понимала, о чем говорила.

— Мне кажется, я должна поговорить с тобой, — сказала Мин, по-прежнему уставившись на лагерь. — Не уверена, к кому еще я могу обратиться. Я не доверяю Айз Седай, и он тоже. Я уверена, что сейчас он почти никому не доверяет. Возможно, даже мне.

Авиенда покосилась в сторону и увидела, что Мин наблюдает за Рандом ал'Тором, который шел через лагерь, одетый в черную куртку.

Золотисто-рыжие волосы сверкали в полуденном свете. Он возвышался над сопровождавшими его салдэйцами.

Авиенда слышала о событиях предыдущей ночи, когда на него напала Семираг — одна из Предавшихся Тени собственной персоной. Авиенда пожалела, что не посмотрела на эту тварь прежде, чем та была убита. Она вздрогнула.

Ранд Ал'Тор сражался и победил. И хотя по большей части он вел себя глупо, он был опытным и удачливым воином. Кто еще из ныне живущих мог заявить, что лично сразил столько же Предавшихся Тени, сколько он? В нем было много

чести.

Его сражения оставили в нем страшные раны, последствия которых были недоступны ее пониманию. Она ощущала его боль. Она чувствовала ее и во время нападения Семираг, хотя поначалу приняла эти ощущения за ночной кошмар. Она быстро поняла, что ошибалась. Ни один ночной кошмар не мог быть столь ужасен. Она до сих пор ощущала отголоски той невероятной боли, те волны муки, безумие внутри него.

Авиенда подняла тревогу, но недостаточно быстро. Из-за своей ошибки она имела к нему тох. Она займется этим, как только разберется

со своими наказаниями. Если когда-нибудь разберется.

— Ранд Ал'Тор справится со своими проблемами, — отозвалась она, продолжая переливать воду по каплям.

— Как ты можешь так говорить? — спросила Мин, бросив на нее взгляд. — Неужели ты не чувствуешь его боль?

— Я чувствую всю боль и каждое ее мгновение, — процедила Авиенда сквозь зубы. — Но он должен встретиться лицом к лицу со своими испытаниями так же, как и я со своими. Возможно, настанет день, когда я и он сможем встретить их вместе, но это время еще не пришло.

«Сначала я должна стать ему ровней, — мысленно добавила она. — Я не буду стоять за его спиной, словно подчиненный».

Мин внимательно посмотрела на нее, и Авиенда ощутила холодок, задумавшись, какие видения явились женщине. Ее предсказания, как говорили, всегда сбывались.

— Ты не оправдала мои ожидания, — наконец произнесла Мин.

— Я обманула тебя? — нахмурясь отозвалась Авиенда.

— Нет, я не это имела в виду, — с легким смешком ответила Мин. — Я хотела сказать, что видимо ошибалась в отношении тебя. Я не

была уверена, что думать после той ночи в Кэймлине, когда... ну когда мы все вместе связали узами Ранда. Я чувствую, что мы с тобой близки и в то же время далеки друг от друга, — она пожала плечами. — Я считала, что ты по прибытии в лагерь найдешь меня. Нам есть, о чем поговорить. Когда этого не произошло, я начала волноваться. Решила, что, возможно, оскорбила тебя.

— Ты не имеешь ко мне тох, — сказала Авиенда.

— Хорошо, — отозвалась Мин. — Я все еще иногда переживаю, что мы... дойдем до драки.

— И к чему хорошему это привело бы?

— Не знаю, — сказала Мин, пожимая плечами. — Я считала, что это будет в духе Айил. Бросить мне вызов на поединок чести. Из-за него.

Авиенда фыркнула.

— Драться из-за мужчины? Кто станет такое делать? Если бы ты имела ко мне тох, возможно, я могла бы потребовать, чтобы мы станцевали танец копий, но и это лишь в том случае, если бы ты была Девой Копья. И если бы я тоже по-прежнему оставалась ей. Полагаю, мы могли бы сразиться на ножах, однако это сложно назвать честным поединком. Какую честь можно приобрести в поединке с тем, кто не обладает нужными навыками?

Мин вспыхнула, словно Авиенда ее оскорбила. Какая любопытная реакция.

— Это еще не известно, — произнесла Мин, резко вытряхнув нож из рукава и быстро вращая его между костяшками пальцев. — Едва ли я беззащитна.

Нож исчез в другом ее рукаве. И почему мокроземцы постоянно хвастаются своими ножами? Том Мериллин этим тоже грешил. Неужели Мин не понимает, что Авиенда успеет трижды перерезать ей горло, пока она, словно уличный актер, вытаскивает свой нож? Тем не менее, Авиенда промолчала. Очевидно, Мин гордилась своим

мастерством, и не было никакой необходимости ее смущать.

— Это не имеет значения, — сказала Авиенда, возвращаясь к своей работе. — Я стала бы сражаться с тобой только в том случае, если бы ты нанесла мне серьезное оскорбление. Моя первая сестра считает тебя другом, и я хотела бы относиться к тебе так же.

— Ладно, — произнесла Мин, складывая руки на груди и оглядываясь на Ранда. — Что ж, думаю, это неплохо. Должна заметить, что мне не слишком нравится идея делить его с кем-то.

Авиенда помедлила, затем опустила палец в ведро:

— Как и мне.

По крайней мере, ей не нравилась идея делить его с женщиной, которую она знает недостаточно хорошо.

— Тогда что будем делать?

— Оставим все, как есть, — ответила Авиенда. — У тебя есть то, что тебе нужно, а я занята другими проблемами. Когда что-то изменится, я скажу тебе.

— Как... откровенно с твоей стороны, — Мин казалась смущенной. — Говоришь, что занята другими проблемами? Вроде макания пальца в ведро с водой?

Авиенда снова покраснела.

— Да, — выпалила она. — Вот

именно. Извини меня.

Она поднялась и, оставив ведра, зашагала прочь. Она понимала, что должна была сдерживать свой нрав, но ничего не могла с этим поделать. Мин, постоянно напоминая про наказание.

Собственная неспособность понять, чего от нее ждут Хранительницы Мудрости. Ранд ал'Тор, постоянно подвергающий себя опасности, и сама Авиенда, неспособная пошевелить даже пальцем, чтобы ему помочь.

Больше она не могла это выносить. Она прошла по бурой соломе на лужайке поместья, сжимая и разжимая кулаки, стараясь

держаться от Ранда на расстоянии. Судя по тому, что уготовил ей этот день, мужчина вполне мог заметить ее сморщенный палец и спросить, зачем она так его вымочила! А если он обнаружит, что ее наказали Хранительницы Мудрости, то вполне может выкинуть какую-то глупость и выставить себя дураком. Мужчинам это было свойственно, а Ранду ал'Тору особенно.

Авиенда шла, пробираясь через снующих туда-сюда мокроземцев, по утоптанной земле, на которой, в тех местах, где раньше стояли палатки, темнела солома. Она миновала цепочку солдат, передающих друг другу мешки с зерном, чтобы

сложить их в фургон, в который были впряжены два тяжеловоза.

Она шла, стараясь не лопнуть от возмущения. Честно говоря, она была близка к тому, чтобы как Ранд ал'Тор «выкинуть какую-нибудь глупость». Почему? Ну почему ей никак не удавалось понять, что она делала неправильно? Остальные айильцы в лагере, казалось, недоумевали вместе с ней, хотя, конечно же, не заговаривали с ней о наказании. Она хорошо помнила, как еще Девой Копья много раз наблюдала за подобными наказаниями, и всегда знала, что в дела Хранительниц Мудрости вмешиваться нельзя.

Она обогнула фургон и

обнаружила, что вновь оказалась недалеко от Ранда ал'Тора. Он разговаривал с тремя квартирмейстерами Даврама Башира, возвышаясь над ними на целую голову. Один из них, мужчина с длинными черными усами, указывал на коновязи и что-то говорил. Ранд заметил Авиенду и протянул к ней руку, однако она быстро повернулась и направилась к северной части лужайки, где разместились айильцы.

Она стиснула зубы, без особого успеха пытаясь укротить свой гнев. Разве она не имела права злиться на саму себя? Миру вот-вот придет конец, а она день за днем отбывает наказания! Впереди она заметила

небольшую группу Хранительниц Мудрости – Эмис, Бэйр и Мелэйн – стоявших рядом с горой собранных коричневых палаток. Компактные продолговатые свертки были снабжены ремнями для удобства переноски на плече.

Авиенде следовало вернуться к своим ведрам и удвоить усилия. Однако она этого не сделала. Словно ребенок, грозящий палкой болотному коту, кипящая от злости Авиенда направилась к Хранительницам Мудрости.

– Авиенда? – удивилась Бэйр. – Ты уже закончила со своим наказанием?

– Нет, не закончила, – ответила

Авиенда, встав перед ними, уперев руки в бока. Ветер трепал ее юбку, но она не обращала на это внимания. Суется рабочие – и айильцы, и салдэйцы – обходили их стороной.

– Так что же тогда? – спросила Бэйр.

– Ты недостаточно быстро учишься, – добавила Эмис, покачив беловолосой головой.

– Недостаточно быстро учусь? – возмутилась Авиенда. – Я научилась всему, что вы от меня требовали! Я запомнила все уроки, рассказала по памяти все факты, повторила каждое действие, выполнила все обязанности. Я ответила на все ваши вопросы и видела, как вы

одобрительно кивали на каждый ответ!

Она пристально посмотрела на них, прежде чем продолжить.

— Я могу направлять лучше, чем любая из живущих айильских женщин, — сказала она. — Я оставила копья и приняла то, что мое место среди вас. Я исполнила свой долг и стремилась исполнить его с честью. И, тем не менее, вы продолжаете меня наказывать! Все, больше никаких наказаний. Или скажите, чего от меня добиваетесь, или прогоните меня прочь.

Она ожидала, что они разгневаются. Она ожидала, что они разочаруются. Она ожидала, что они

пустятся в рассуждения о том, что простая ученица не должна задавать вопросы Хранительницам Мудрости. Наконец, она ожидала, что за свое безрассудство будет наказана еще сильнее.

Эмис взглянула на Мелэйн и Бэйр.

– Дитя, не мы наказываем тебя,
– произнесла она, осторожно подбирая слова. – Эти наказания – дело твоих собственных рук.

– Что бы я ни сделала, – отозвалась Авиенда, – это не давало вам повода объявлять меня да'тсанг. Вы сами позорите себя, обращаясь со мной подобным образом.

– Дитя, – произнесла Эмис,

встретившись с ней взглядом. — Ты отказываешься от наших наказаний?

— Да, — сказала она с колотящимся сердцем. — Отказываюсь.

— Ты считаешь, что твой вклад в дело Айил столь же значителен, как наш, не так ли? — спросила Бэйр, прикрывая рукой свое морщинистое лицо. — Ты полагаешь, что равна нам?

«Равна им? — подумала Авиенда, ощутив панику. Я не равна им! Мне предстоят еще годы обучения. Что я делаю?»

Могла ли она сейчас отступить? Попросить прощения, каким-то образом принять тох? Ей следует как

можно быстрее вернуться к наказанию и переливать воду. Да! Именно это она и должна сделать. Она должна пойти и...

— Я больше не вижу необходимости в обучении, — вместо этого произнесла она. — Если эти наказания — все, чему вам осталось научить меня, тогда, полагаю, я узнала все, что была должна узнать. Я готова стать одной из вас.

Она стиснула зубы, ожидая яростного взрыва недоверия. О чем она только думала? Ей не следовало позволить глупым рассуждениям Мин так себя рассердить.

А потом Бэйр расхохоталась.

Это был мощный звук,

казавшийся невероятным для столь хрупкой женщины. Мелэйн присоединилась к ней. Златоволосая Хранительница Мудрости поддерживала свой слегка выпирающий от беременности живот.

– Она продержалась еще дольше тебя, Эмис! – воскликнула Мелэйн. – Самая упрямая девчонка из всех, кого я только видела.

Выражение лица Эмис было непривычно теплым.

– Добро пожаловать, сестра, – сказала она Авиенде.

Авиенда захлопала глазами:

– Что?

– Теперь ты одна из нас,

девочка! – Произнесла Бэйр. – Или скоро станешь.

– Но я вас ослушалась!

– Хранительница Мудрости не может позволять другим помыкать собой, – сказала Эмис. – Если она входит под сень нашего сообщества, размышляя, как ученица, тогда она никогда не воспримет себя как одну из нас.

Бэйр поглядела на Ранда ал'Тора, который неподалеку от них беседовал с Сарин.

– Я никогда не задумывалась о том, как важны наши традиции, покуда не узнала этих Айз Седай. Те, что в самом низу, завидуют и скулят, как собаки – и не принимаются в

расчет теми, кто считает себя выше них. Удивительно, как они вообще чего-либо добиваются!

— Но среди Хранительниц Мудрости тоже существует иерархия, — сказала Авиенда. — Или нет?

— Иерархия? — Эмис казалась озадаченной. — Некоторые из нас имеют больше чести, чем другие, заработав эту честь мудростью, поступками и опытом.

Мелэйн подняла палец.

— Тем не менее, это — важно, даже жизненно важно, чтобы каждая Хранительница Мудрости отстаивала свои взгляды. Если она верит в свою правоту, она не может позволить задвинуть себя в угол, даже другим

Хранительницам Мудрости, не важно, насколько они старше и мудрее.

— Ни одна женщина не будет готова присоединиться к нам, пока не заявит, что она готова к этому, — продолжила Эмис. — Она должна прийти к нам как равная.

— Наказание не будет истинным, покуда ты не примешь его, Авиенда, — произнесла Бэйр, продолжая улыбаться. — Мы считали, что ты была готова еще несколько недель назад, однако ты упрямо продолжала повиноваться.

— Я уже почти начала думать, что ты спесива, девочка, — добавила Мелэйн с нежной улыбкой.

– Более не девочка, – сказала Эмис.

– О, она все еще девочка, – произнесла Бэйр. – Покуда не сделано еще кое-что.

Авиенда была ошеломлена. Они говорили, что она учится недостаточно быстро. Не учится постоять за себя! Авиенда никогда не позволяла другим направлять себя, но это были не «другие», это – Хранительницы Мудрости, а она всего лишь их ученица. Что произошло бы, если бы Мин ее не разозлила? Авиенда обязана ее поблагодарить, хотя Мин и не понимала, что сделала.

«Покуда не сделано еще кое-

что...»

— Что еще я должна сделать? — спросила Авиенда.

— Руидин, — отозвалась Бэйр.

Конечно же! Хранительницы Мудрости посещали священный город дважды за свою жизнь. Один раз — когда становились ученицами, второй — когда становились полноправными Хранительницами Мудрости.

— Сейчас все будет иначе, — сказала Мелэйн. — Руидин уже не тот, каким был когда-то.

— Это не повод менять традиции, — парировала Бэйр. — Может город и открыт, но не найдется такого глупца, который решится пройти сквозь

колонны. Авиенда, ты должна...

— Бэйр, — перебила ее Эмис, — если ты не против, я хотела бы сказать ей все сама.

Поколебавшись, Бэйр кивнула.

— Да, конечно. Так будет правильнее. Сейчас мы отвернемся от тебя, Авиенда. Мы не увидим тебя, покуда ты не возвратишься к нам как сестра, вернувшаяся после долгого пути.

— Сестра, которую мы знали когда-то, но забыли о ней, — произнесла Мелэйн, улыбаясь. Две Хранительницы Мудрости отвернулись. Затем Эмис направилась в сторону площадки для Перемещений. Авиенда бросилась

вдогонку.

— На этот раз, ты можешь остаться одетой, — сказала Эмис, — потому что одежда указывает на твой статус. Вообще-то я бы посоветовала тебе отправиться в город пешком, даже учитывая, что теперь мы знаем Перемещение. Тем не менее, полагаю, в данном случае лучше закрыть глаза на традицию. И все же ты не должна Перемещаться прямо к городу. Я предлагаю тебе переместиться к холду Холодные Скалы и оттуда отправиться пешком. Ты должна побыть на Трехкратной Земле, чтобы обдумать свой путь.

Авиенда кивнула.

— Мне понадобится фляга с

водой и припасы.

— Они подготовлены и ожидают тебя в холде, — отозвалась Эмис. — Мы ожидали, что тебе вскоре придется через это пройти. Ты должна была сделать это давно, учитывая все подсказки, что мы тебе давали.

Она взглянула на Авиенду, изучающую землю под ногами.

— У тебя нет причин для стыда, — сказала Эмис. — Мы несем это бремя. Несмотря на шутки Бэйр, ты добилась успеха. Некоторым требуются долгие месяцы наказаний, чтобы решить, что с них достаточно. Мы обязаны были быть строги с тобой, дитя, строже, чем с любой

готовой к испытанию ученицей на моей памяти. У нас осталось так мало времени!

— Я понимаю, — сказала Авиенда. — И... спасибо вам.

Эмис фыркнула.

— Ты заставила нас постараться проявить воображение. Помни потраченное время и тот позор, который испытывала, поскольку подобный позор познает любой да'тсанг, если ты обречешь его на такую судьбу. И он не сможет избежать ее, просто заявив о том, что все кончено.

— Что вы делаете, если ученица объявит себя готовой стать Хранительницей Мудрости в течение

первых месяцев обучения?

— Полагаю, выпорем ее несколько раз и заставим рыть ямы, — сказала Эмис. — Мне не известны подобные случаи. Хотя Севанна была наиболее близка к этому.

Авиенда уже думала над тем, почему Хранительницы Мудрости без всяких претензий приняли женщину Шайдо. Ей достаточно было провозгласить себя: и Эмис, и остальные были вынуждены принять ее.

Эмис плотнее запахнула шаль.

— У Дев, охраняющих площадку для Перемещения, есть для тебя сумка. Как только ты доберешься до Руидина, следуй к центру города.

Разыщи стеклянные колонны. Пройди сквозь их центр, затем возвращайся. Разумно расходуя время, пока будешь добираться до города. Мы давили на тебя, чтобы дать тебе время для размышлений. Возможно, это последний раз в ближайшее время, когда оно у тебя будет.

Авиенда кивнула.

– Приближается битва.

– Да. Возвращайся сразу, как только пройдешь сквозь колонны. Нам надо будет обсудить, как лучше справиться с Кар'а'карном. Он... изменился после минувшей ночи.

– Я понимаю, – глубоко вздохнув, сказала Авиенда.

– Ступай, – сказала Эмис. – И возвращайся.

Она особо выделила последнее слово. Некоторые женщины не пережили визита в Руидин.

Авиенда встретила взглядом с Эмис и кивнула. Во многих ситуациях Эмис была для нее второй матерью. В ответ она получила странную улыбку. Затем Эмис повернулась к ней спиной, как и две другие Хранительницы.

В очередной раз глубоко вздохнув, Авиенда бросила взгляд через истоптанный луг перед поместьем туда, где Ранд разговаривал с квартирмейстерами. Выражение его лица было суровым,

искалеченную руку он заложил за спину, а другой оживленно жестикулировал. Она улыбнулась ему, хоть он и не смотрел в ее сторону.

«Я вернусь к тебе», – подумала Авиенда.

Затем она поспешила к площадке для Перемещений, забрала сумку, и сплела Переходные Врата, которые доставят ее на безопасное расстояние от Холда Холодные Скалы рядом с горным массивом, известным как Копье Девы. Оттуда она побежит в холд, чтобы подготовиться. Врата открылись; по ту сторону был столь хорошо знакомый, сухой воздух Пустыни.

Торжествуя, она прошла сквозь
врата – наконец-то это случилось.

Она вернула свою честь.

* * *

– Я выбралась через небольшую
Речную Калитку, Айз Седай, –
сказала Шимерин, склонив голову
перед другими женщинами в палатке.
– По правде говоря, это было не
трудно сделать, после того как я
покинула Башню и оказалась в
городе. Воспользоваться одним из
мостов я не осмелилась. Я не могла

позволить Амерлин узнать, на что решилась.

Романда наблюдала, сложив руки под грудью. Ее палатку освещали две медные лампы, кончики пламени, казалось, танцевали. Историю беглянки слушали шесть женщин. Лилейн также присутствовала, несмотря на все усилия Романды не дать ей прознать о собрании. Романда надеялась, что стройная Голубая, наслаждаясь приобретенным статусом в лагере, будет слишком занята, чтобы обратить внимание на столь незначительное событие.

Подле нее была Суан. Бывшая Амерлин присосалась к Лилейн

словно рыба-прилипала. Романда была весьма довольна недавно открытым способом Исцеления Усмирения, все же она была Желтой, но какая-то часть ее желала, чтобы Суан не была исцелена. Как будто на ее голову было недостаточно одной Лилейн. Романда помнила о коварной натуре Суан, даже если большинство в лагере, казалось, об этом позабыло. Уменьшение мощи в Силе не означало снижения способностей к плетению интриг.

Конечно, тут же была и Шириам. Рыжеволосая Хранительница сидела возле Лилейн. В последнее время Шириам ушла в себя и с трудом поддерживала

видимость достоинства,
подобающего Айз Седай. Глупая
женщина. Ее следует снять с
должности, это всем ясно. Если
Эгвейн когда-нибудь вернется, — а
Романда молилась, чтобы вышло
именно так, еще и потому, что это
расстроит планы Лилейн — такая
возможность появится. Новая
Хранительница Летописей.

Еще одной из присутствовавших
в палатке была Магла. Романда и
Лилейн спорили — в рамках
приличий, конечно же — о том, кто
первой будет допрашивать Шимерин.
В итоге было решено, что
единственным справедливым
решением будет сделать это вместе.

Поскольку Шимерин была Желтой, Романда получила возможность созвать собрание в своей палатке. И для нее поистине ударом стало появление Лилейн в сопровождении не только Суан, но и Шириам в придачу. Они не обговаривали, сколько приближенных приведут с собой. Таким образом, Романда осталась лишь с Маглой. Широкоплечая женщина сидела подле Романды, невозмутимо слушая покаяние. Следовало ли Романде послать за кем-то еще? Задержать ради этого собрание было бы само собой разумеющимся.

Допросом, как таковым, эту встречу назвать было трудно.

Шимерин говорила свободно, не увиливая. Она сидела перед ними на маленьком стуле. От подушки она отказалась. Романде редко доводилось видеть женщину, которая с подобной решимостью наказывала бы саму себя, подобно этому бедному дитя.

«Не дитя, – подумала Романда. – Полноправная Айз Седай, чтобы она ни говорила. Чтоб тебе сгореть, Элайда! Довести до такого одну из нас!»

Шимерин была Желтой. Свет, она и есть Желтая. Она разговаривала с ними уже битый час, отвечая на вопросы о ситуации в Белой Башне. Суан первая спросила,

как женщине удалось сбежать.

— Прошу вас простить меня за то, что я принялась искать работу в лагере, не известив вас, Айз Седай, — сказала Шимерин, поклонившись. — Но я сбежала из Башни, нарушив закон. Так как я покинула Башню без дозволения, я — беглянка. Я знаю, что буду наказана, если меня обнаружат.

— Я осталась здесь, потому что все это знакомо мне, и мне сложно от этого отказаться. Когда ваша армия прибыла, я увидела шанс найти работу и воспользовалась им. Прошу: не принуждайте меня возвращаться. Я для вас не опасна. Я хочу жить, как обычная женщина, и буду осторожна чтобы не выдать свои

способности.

– Ты – Айз Седай, – сказала Романда, пытаясь говорить спокойно. Поведение этой женщины подтверждало правоту слов Эгвейн насчет господства упивающейся своей властью Элайды в Белой Башне. – Независимо оттого, что сказала Элайда.

– Я... – Шимерин лишь покачала головой. Свет! Она никогда не была самой уравновешенной Айз Седай. Но как же поразительно было видеть, сколь низко она пала.

– Расскажи мне поподробней про эту калитку, – попросила Суан, подавшись вперед сидя на стуле. – Где она находится?

– На юго-западной стороне города, Айз Седай, – сказала Шимерин. – Примерно в пяти минутах ходьбы на восток от древних статуй Элейан ал'Лэндерин и ее Стражей.

Она замолчала, внезапно забеспокоившись.

– Но это – лишь маленькая калитка. Армию провести через нее вы не сможете. Я знаю о ней лишь потому, что на мне лежала обязанность заботиться о живущих неподалеку нищих.

– В любом случае, мне нужна карта, – сказала Суан, поглядев на Лилейн. – В конце концов, должны же мы ее иметь.

– Светлая мысль, – сказала Лилейн тошнотворно великодушным тоном.

– Я хочу узнать побольше о твоей... ситуации, – сказала Магла. – Как вообще Элайда могла решить, что будет мудро взять и понизить Сестру? Эгвейн рассказывала про этот случай, и я действительно сочла это невероятным. О чем Элайда только думала?

– Я... не могу говорить о мыслях Амерлин, – сказала Шимерин. Она съежилась, поскольку взгляды присутствовавших в комнате женщин дали ей понять, что называть Элайду Амерлин не стоит. Романда не присоединилась к ним. Нечто

маленькое ползло под парусиновым полом палатки, передвигаясь от угла к центру. Свет! Может, мышь? Нет, слишком маленькое для мыши. Возможно, это сверчок. Она встревожено отодвинулась.

– Но, определенно, ты сделала нечто, что вызвало ее негодование, – продолжила Магла. – Что-то, что спровоцировало такое решение?

– Я... – замялась Шимерин. Она почему-то продолжала смотреть на Суан.

«Глупая женщина». – Романда почти уверилась в том, что Элайда приняла верное решение. Шимерин нельзя было давать шаль. Но и понижение ее до Принятой – не

лучший способ исправить ситуацию. У Амерлин не должно быть подобных полномочий.

Да, что-то действительно двигалось под полом, приближаясь к центру. Крошечный холмик, двигавшийся урывками.

— Я проявила в ее присутствии слабость, — наконец сказала Шимерин. — Мы разговаривали о... событиях в мире. Я оказалась не в состоянии принять их. Я не смогла показать невозмутимость, подобающую Айз Седай.

— И все? — спросила Лилейн. — Ты не участвовала в заговоре против нее? Ты не перечила ей?

Шимерин покачала головой.

– Я была верна ей.

– Мне трудно в это поверить, – сказала Лилейн.

– Я верю ей, – сухо заявила Суан.

-Шимерин ясно показала, что она неоднократно поддерживала Элайду.

– В любом случае, это опасный прецедент, – отметила Магла. – Стори моя душа, но так и есть!

– Да, – согласилась Романда, наблюдая за чем-то-там, ползущим под полом в дюйме от нее. – Полагаю, она использовала Шимерин как пример, чтобы Башня привыкла к самой идее такого понижения. Это позволит ей поступить подобным образом с ее истинными врагами.

Разговор стих. Восседающие, лояльные Эгвейн, скорее всего находятся в начале списка тех, кого понизит Элайда, если сохранит свою власть, и Айз Седай заключат мир.

— Это — мышь? — спросила Суан, глядя на пол.

— Слишком маленькое, — ответила Романда. — И оно не стоит нашего внимания.

— Маленькое? — переспросила Лилейн, наклоняясь.

Романда нахмурилась, взглянув на холмик снова. Он и вправду становился больше. И в самом деле...

Внезапно холмик дернулся вверх. Парусиновый пол палатки разорвался, и оттуда вылез жирный

таракан размером с ягоду фиги. Романда отпрянула от отвращения.

Таракан быстро пополз по парусине, шевеля усами. Суан сняла туфлю, чтобы прихлопнуть его. Но рядом с разрывом днище палатки снова вздулось, и второй таракан вылез на поверхность. Затем третий. А потом целая волна насекомых, подобно слишком горячему чаю, который невозможно удержать во рту, хлынула сквозь брешь. Коричнево-черный ковер из ползущих, скребущихся, суесящихся, подталкивающих одна другую в стремлении выбраться, тварей.

Женщины, визжа от отвращения, вскочили на ноги, отбросив табуреты

и стулья. Спустя мгновение в палатке оказались Стражи; широкоплечий Рорик, связанный Узами с Маглой, и тот меднокожий мужчина, Бурин Шарен, связанный Узами с Лилейн. С криком они вытащили мечи из ножен, однако, тараканы их, казалось, озадачили. Остановившись, мужчины вглядывались в поток мерзких насекомых.

Шириам запрыгнула на свой стул. Суан направила саидар и принялась давить ближайших к ней тварей. Романда ненавидела использовать Единую Силу для убийства даже столь омерзительных тварей, однако обнаружила, что также направляет Воздух, уничтожая

насекомых рядами, однако существа прибывали слишком быстро. Вскоро дно палатки кишело ими, и Айз Седай были вынуждены выбраться наружу; в лагере было темно и тихо. Рорик закрыл откидные створки палатки, хотя это и не могло остановить выползающих наружу насекомых.

Снаружи Романда не смогла сдержаться и на всякий случай пробежалась пальцами по своим волосам, чтобы увериться, что ни одна из тварей в них не запуталась. Она задрожала, представив, как эти существа ползают по ее телу.

— Там есть что-то, что тебе дорого? — спросила Лилейн,

оглядываясь на палатку. В свете ламп было видно, как насекомые принялись взбираться на стенки.

Романда вспомнила о своем дневнике, но поняла, что не сможет прикоснуться к этим страницам впредь, после того, как ее палатку наводнили эти твари.

– Ничего, чем бы я стала теперь дорожить, – сказала она, сплетая Огонь. – И ничего незаменимого.

Остальные присоединились к ней, и палатку охватили языки пламени. Рорик отскочил назад, едва они направили Силу.

Романде казалось, что она слышит, как внутри палатки лопаются и поджариваются

насекомые. От внезапной волны жара Айз Седай попятилась. Через мгновение вся палатка превратилась в пекло. Из близлежащих палаток выскакивали женщины, чтобы посмотреть на происходящее.

– Не думаю, что случившееся – в порядке вещей, – мягко произнесла Магла. – Это действительно были четырехшипные тараканы. Моряки видели подобных тварей на кораблях, которые побывали в Шаре.

– Что ж... Это – не самое худшее, что мы видели со стороны Темного, – сказала Суан, сложив руки под грудью. – Худшее нам еще предстоит увидеть, запомните мои слова. – Она взглянула на Шимерин.

– Пойдем, мне нужна карта..

Они удалились в сопровождении Рорика и остальных, которые оповестят лагерь о том, что сегодня ночью Темный коснулся мира. Романда стояла, наблюдая, как горит палатка. Вскоре от нее остались лишь тлеющие угли.

«Свет, – подумала она. – Эгвейн была права. Она приближается. И быстро». А девочка сейчас находилась в темнице. Прошлой ночью она встречалась с Советом в Море Снов, сообщив им о результатах провального ужина с Элайдой и последствиях оскорбления лже-Амерлин. Тем не менее, Эгвейн по-прежнему

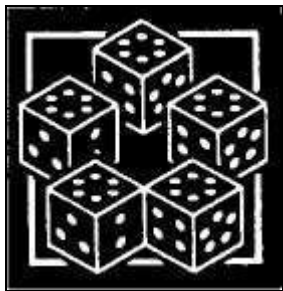
отказывалась от спасения.

Зажглись факелы, и были разбужены Стражи на случай, если повторится явление зла. Она вдохнула дым. Это были останки всего, чем она владела в мире.

Башня должна стать единой. Любой ценой. Сможет ли она ради этого склониться перед Элайдой? Сможет ли она снова надеть платье Принятой, если это принесет единство перед Последней Битвой?

Она не знала ответа. И это взволновало ее почти так же сильно, как и те мерзкие тараканы.

Глава 27. «Пьяный мерин»

Мэту, конечно же, не удалось улизнуть из лагеря без Айз Седай. Треклятые женщины. Он снова ехал по мощеному древнему тракту, но уже без Отряда, зато в сопровождении трех Айз Седай, двух Стражей, пяти солдат, Талманеса,

вьючной лошади и Тома. Хорошо хоть Алудра и Аматаера с Эгинин не стали настаивать на поездке. Их отряд и так оказался слишком большим.

Вдоль дороги с обеих сторон выстроились сосны. Пахло смолой, в воздухе раздавались трели горных зябликов. До заката оставалось еще несколько часов. Мэт остановил отряд на привал около полудня. Он ехал чуть впереди группы Айз Седай и Стражей. После того, как Мэт отказался дать Джолин лошадей и деньги, они не собирались позволить ему заработать следующее очко. Особенно сейчас, когда могли заставить его проводить их до

деревни, где можно провести хотя бы одну ночь в гостинице в мягких постелях и принять горячую ванну.

Он не стал с ними долго пререкаться. Ему не хотелось плодить болтливые языки, распускающие слухи про Отряд, а женщины — известные сплетницы, даже Айз Седай. Но у Отряда в любом случае было мало шансов миновать деревню, не наделав шуму. Если хоть один шончанский патруль проберется через эти запутанные горные перевалы... Что ж, тогда Мэту с Отрядом придется только продолжать двигаться на север, вот и всё. И нечего об этом переживать.

К тому же, стоило проехаться по

этой дороге верхом на Типуне, ощутить свежесть весеннего ветерка в воздухе — и вот он уже начал чувствовать себя лучше. Он был в одном из своих старых кафтанов, который полюбился ему в последнее время — красный с коричневой отделкой. Мэт носил его расстегнутым, демонстрируя старую коричневую рубашку под ним.

Вот она настоящая жизнь — путешествовать по незнакомым местам, играть в кости в тавернах и тискать официанток. И выбросить Туон из головы. Треклятая шончанка. С ней все будет в порядке, не так ли?

Нет. Руки так и чесались сыграть в кости. Давненько он не сиживал

где-нибудь в уголке таверны в компании обычных людей. Пусть их лица почумазее, а выражения поглубже, но они радушны. Не чета иным лордам.

Талманес ехал чуть впереди. Возможно, он предпочел бы таверну получше, чем нужно Мэту, место, где можно переброситься в карты, а не метать кости. Но у них может и не оказаться большого выбора. Деревенька хоть и приличных размеров, ее даже можно назвать городом, но вряд ли в ней найдется больше трех-четырёх таверн. Выбор будет невелик.

«Приличных размеров, как же!»
— подумал Мэт, улыбаясь своим

мыслям, и, сняв шляпу, почесал затылок. В Хиндерстапе *всего-то* может оказаться три-четыре таверны, что делает его «небольшим городом». А когда-то, припомнил Мэт, ему Байрлон казался большим городом, а он, может статься, не крупнее Хиндерстапа!

Чья-то лошадь поравнялась с Типуном. Том снова изучал то проклятое письмо. Долговязый менестрель с задумчивым видом уставился в текст, его седые волосы трепал ветер. Будто он и не перечитывал это письмо уже тысячу раз.

– Почему ты не избавишься от него? – спросил Мэт. Том оторвался

от письма. Пришлось повозиться, пока Мэту удалось уговорить менестреля выбраться с ними в деревню, но Тому это было необходимо — ему нужна была встряска.

— Я серьезно, Том, — продолжил Мэт. — Я знаю, что тебе не терпится отправиться на выручку Морейн, но пройдет еще несколько недель, пока мы сумеем выкроить на это время. А перечитывая одно и то же, ты только сильнее себя накручиваешь.

Том кивнул и благоговейно сложил письмо.

— Ты прав, Мэт. Но я не расстаюсь с ним уже несколько месяцев. Сейчас, когда я вам все

рассказал, я чувствую... Мне просто нужно, чтобы оно было со мной.

— Понимаю, — ответил Мэт, вглядываясь в горизонт. Морейн. Башня Генджей. Мэт легко мог вообразить себе ее призрачные очертания. Именно она была целью их пути, а Кэймлин был всего лишь промежуточной остановкой. Если Морейн еще жива... Свет! Что это может означать? Как к этому отнесется Ранд?

Предстоящее спасение Морейн было еще одной причиной хорошенько поиграть в кости.

Чего ради он согласился лезть с Томом в Башню? Все эти треклятые лисы и змеи — у него не было ни

малейшего желания снова с ними встречаться.

Но... Он не мог позволить Тому лезть туда в одиночку. Это было необходимо сделать. Какая-то часть Мэта всегда знала, что придется вернуться и повстречаться с этими созданиями вновь. Они уже дважды с ним справились, а Илфин даже влезли ему в голову и прикрутили к мозгу чужие воспоминания. Он должен с ними по квитаться, это уж точно.

Мэт не испытывал любви к Морейн, но им он ее точно не оставит, невзирая на то, что она Айз Седай. Проклятый пепел! Да он бы сорвался спасти даже Отрекшихся,

если бы они оказались там в плену!

И... Возможно, так и есть. Ланфир упала в ту же раму. Чтоб ему сгореть, что делать, если он там с ней столкнется? Станет ли он в самом деле ее спасать?

«Ты идиот, Мэтрим Коутон. Никакой ты не герой, а обычный идиот».

— Мы доберемся до Морейн, Том, — сказал Мэт. — Вот тебе мое слово, чтоб я сгорел. Мы ее найдем. Но мы должны подыскать Отряду безопасное местечко, и нужно собрать кое-какую информацию. Байл Домон утверждает, что знает, где искать башню, но я не успокоюсь, пока мы не окажемся в каком-нибудь

крупном городе, где я смогу разнюхать, какие слухи и истории о ней существуют. Кто-то наверняка что-то знает. Кроме того, нам потребуются припасы, и сомневаюсь, что мы найдем все необходимое в этих горных селениях. Если получится, лучше добраться до Кэймлина, хотя по пути мы может быть задержимся в Четырех Королях.

Том кивнул, хотя Мэту показалось, что он беспокоится о Морейн, оставленной в плену, истязаемой, и кто знает, что еще с ней творится. Ярко-голубые глаза Тома видели что-то свое, далекое. Почему он так беспокоится? Кто ему Морейн, как не еще одна Айз Седай —

одна из тех, что стоила жизни его племяннику?

– Да гори оно всё! – буркнул Мэт. – Не стоит терзать себя подобными вещами, Том! Нам предстоит классная ночь с партией в кости и кучей веселья. Может, даже выкроим время на пару-другую песен.

Том кивнул, посветлев лицом. Футляр с арфой был приторочен к седлу, и было бы здорово увидеть, что он снова его откроет.

– Постараешься снова заработать на ужин жонглированием, ученичок? – спросил, подмигнув, Том.

– Уж лучше так, чем пытаться

играть на проклятой флейте, — сварливо ответил Мэт. — У меня никогда не получалось, не то, что у Ранда, верно?

В голове Мэта вспыхнули цветные пятна, сложившись в образ Ранда, сидящего в одиночестве в какой-то комнате. Он сидел, расставив ноги. На нем была богато украшенная рубашка, а смятая черная с красным куртка с вышивкой по краю была отброшена к бревенчатой стене позади него. Одной рукой Ранд сжимал лоб, словно преодолевая головную боль, а вторая...

Эта рука оканчивалась культей. Когда Мэт увидел ее впервые, пару недель назад, он был потрясен. Как

Ранд умудрился остаться без руки? Его друг выглядел едва живым, неподвижным, лишенным сил. Однако его губы шевелились, и, казалось, что-то шептали или бормотали. — «Свет! — пронеслось в голове Мэта. — Чтоб ты сгорел! До чего ты себя довел?»

Что ж, Мэт, по крайней мере, не был с ним. — «Считай, что тебе повезло», — сказал он себе. Конечно, в последнее время жизнь была отнюдь не легкой, но будучи вместе с Рандом, он вполне мог и умереть. Разумеется, Ранд его друг, но Мэту вовсе не улыбалось оказаться рядом, когда тот сойдет с ума и станет убивать всех, кого знает. Дружба

дружбой, но глупость врозь. И то, что им предстоит вместе сражаться в Последней Битве, ничуть не помогало. Мэт желал оказаться на другом конце поля боя от любого владеющего саидин безумца.

— Ах, да, Ранд, — сказал Том. — Клянусь, парень мог бы стать менестрелем. А может и сносным бардом, если б занялся этим пораньше.

Мэт помотал головой, отгоняя видение. — «Чтоб ты сгорел, Ранд. Оставь меня в покое».

— Хорошенькое было время, да, Мэт? — улыбнулся Том. — Когда мы втроем путешествовали по Эринелле.

— Мурддраалы гонялись за нами

непонятно почему, — мрачно добавил Мэт. То время тоже было нелегким. — Приспешники Темного пытались пырнуть нас ножом в спину, стоило только отвернуться.

— Лучше так, чем голам или Отрекшийся.

— Это все равно, что выбирать между петлей на шее и ударом мечом в потроха.

— Из петли, по крайней мере, можно выскользнуть, Мэт, — Том потянул свой длинный седой ус. — А вот если тебя проткнут мечом, то тут уже ничего поделать нельзя.

Мэт оторопел, но потом обнаружил, что смеется. Он потеревил шарф, обвязанный вокруг

шей.

— Полагаю, тут ты прав, Том. Но почему бы нам на сегодня не забыть про все это? Сделаем вид, что мы вернулись в прошлое, и все по-старому!

— Не знаю, приятель, возможно ли такое.

— Конечно, возможно, — упрямо заявил Мэт.

— О? — потешаясь, воскликнул Том. — Ты хочешь припомнить, что старый Том Меррилин самый мудрый и постраниствовавший из встреченных тобой людей? А ты снова изобразишь простофилю-крестьянина, цепляющегося за мой рукав, каждый раз, как мы проезжаем деревню, в

которой больше одного постоянного двора?

– Погоди-ка. Я не был настолько плох.

– Должен не согласиться, Мэт, – ответил Том, посмеиваясь.

– Правда, я многого не помню, – Мэт снова поскреб затылок. – Но зато я точно припоминаю, что когда мы отбились от тебя, то отлично справились. По крайней мере, мы самостоятельно добрались до Кэймлина. И вернули целехонькой твою треклятую арфу, не так ли?

– А я заметил парочку трещин в деке...

– Чтоб тебя, их там нет! – ткнув в него пальцем, заявил Мэт. – Ранд

едва ли не спал в обнимку с твоей арфой. Заметь, нам и в голову не пришло ее продать, даже когда мы от голода готовы были сожрать собственные сапоги, не будь они нужны были нам, чтобы добраться до другого города, — те дни для Мэта казались смазанными, полными дыр, словно насквозь проржавевшее железное ведро. Но ему удалось воссоздать какую-то часть воспоминаний.

Том рассмеялся:

— Мы не можем ничего вернуть, Мэт. Колесо повернулось, к лучшему это или к худшему. И оно будет вращаться, пока гаснут огни, темнеют леса, гремят бури и

раскалываются небеса. Оно
вращается. На Колесо не стоит
полагаться, ему наплевать, оно
просто есть. Но пока оно существует,
люди могут надеяться, и им не все
равно. Несмотря на то, что здесь свет
гаснет, где-то он разгорается вновь, и
какой бы жестокой ни была буря, она
когда-нибудь кончится. Так будет,
пока вращается Колесо. Пока оно
вращается...

Мэт направил Типуна в объезд
глубокой ямы, образовавшейся на
дороге. Впереди Талманес беседовал
с группой сопровождавших их солдат.

— Это похоже на какую-то
песню, Том.

— Да, — со вздохом ответил Том.

– Есть одна очень древняя, почти забытая. Я знаю три ее версии, во всех одни слова, но разный мотив. Думаю, эти окрестности навеяли мне воспоминания о ней. Говорят, что стихи были написаны самой Дорейлле.

– Эти самые места? – удивленно переспросил Мэт, оглядываясь на окружающие сосны.

Том задумчиво кивнул.

– Это старый тракт, Мэт. Очень древний тракт. Возможно, он был здесь еще до Разлома. Похожие достопримечательности часто попадают в истории и песни. Думаю, эту местность когда-то называли Разбитые Холмы. Если это так,

значит мы там, где некогда была Кореманда, неподалеку от Орлиных Пределов. Готов поспорить, если мы заберемся на те холмы, что повыше, то обнаружим развалины древних укреплений.

— А как это связано с Дорейлле?

— уточнил Мэт, поежившись. Когда-то она была королевой Аридола.

— Она тут бывала, — ответил Том.

— Она написала несколько великолепных поэм в Орлиных Пределах.

«Чтоб меня!» — подумал Мэт. — «Я помню». Он вспомнил, как стоял на стене высокого форта, замершего на вершине горы, глядя вниз на длинную извивающуюся дорогу, всю

разбитую и разломанную, и армию с фиолетовыми вымпелами, штурмующую под ливнем стрел склон холма. Разбитые Холмы. И женщину на балконе – королеву.

Он вздрогнул, отгоняя воспоминание. Когда-то, давным-давно, Аридол, наряду с Манетерен, был могущественной державой. Потом столицу Аридола назвали по-другому – Шадар Логот.

Мэт уже давно не чувствовал притяжение кинжала с рубином на рукояти. Он уже почти забыл, каково это быть к нему привязанным, если это вообще можно забыть. Но порой он вспоминал тот рубин – красный, словно его собственная кровь. И

старую страсть, старое желание
вновь в него вцепиться...

Мэт тряхнул головой,
отбрасывая эти воспоминания.
Проклятье, он собирался
развлекаться!

— Что это было за время, —
протянул Том. — Теперь я чувствую
себя старым, Мэт. Я словно
вывешенный сушиться на ветру,
выцветший ковер, хранящий лишь
намек на то, как великолепны когда-
то были его краски. Иногда я думаю,
могу ли еще тебе чем-то помочь.
Едва ли ты во мне нуждаешься.

— Что? Конечно, ты мне нужен,
Том!

Старый менестрель

внимательно посмотрел на него.

— Проблема в том, Мэт, что ты действительно отлично врешь. В отличие от двух других парней.

— Я так считаю! Чтоб я сгорел, но это так! Думаю, ты можешь уйти и бродить сам по себе, рассказывая сказки, как ты привык. Но дела у нас пойдут не так отлично, и мне будет не хватать твоей мудрости. Чтоб я сгорел, но это правда. Людям нужны друзья, которым можно верить, а тебе я всегда могу доверить мою жизнь.

— Зачем, Мэтрим, — спросил Том, подняв на него блестящие от радости глаза, — поддерживать того, кто пал духом? Убеждать его остаться и

заняться делом, а не отправиться на поиски приключений? Определенно, это похоже на ответственное отношение. Что на тебя нашло?

Мэт поморщился.

– Полагаю, женитьба. Чтоб я сгорел, но я не собираюсь отказываться от игры и выпивки! – едущий впереди Талманес обернулся в седле, посмотрел на Мэта и закатил глаза.

Увидев реакцию Талманеса, Том расхохотался.

– Что ж, парень, я не хочу, чтоб ты пал духом. Мы просто поболтали. У меня еще есть, что показать этому миру. И если я в самом деле сумею освободить Морейн... Что ж,

посмотрим. Тем не менее, должен же кто-то быть рядом с тобой, чтобы быть всему свидетелем и потом когда-нибудь сложить об этом песню. Думаю, из всего этого получится не одна баллада.

Он обернулся, порывшись в седельных сумках.

— Ага! — воскликнул он, вытаскивая свой лоскутный менестрельский плащ, и картинно набросил его на плечи.

— Что ж, — откликнулся Мэт, — когда будешь про нас писать, сможешь заработать пару золотых, если сумеешь вставить несколько добрых строф про Талманеса. Знаешь, что-нибудь про то, что у него

один глаз косит, и что от него часто пахнет, как из загона для коз.

– Я все слышу! – прокричал спереди Талманес.

– На это я и рассчитывал! – крикнул в ответ Мэт.

Том хохотнул, расправляя свой плащ поживописнее.

– Ничего не могу обещать, – он снова засмеялся. – Хотя, если тебе, Мэт, все равно, я отделюсь от вас, как только мы доберемся до деревни. Уши менестреля могут слышать то, о чем умолчат в присутствии солдат.

– Информация – это здорово! – почесав подбородок, заявил Мэт. Впереди дорога делала поворот. Ванин сказал, что деревня будет как

раз за поворотом. — Сейчас мне кажется, что я месяцами странствовал по туннелю, без малейшего намека на звук и виды из окружающего мира. Чтоб мне сгореть, но будет здорово узнать, куда подевался Ранд, только чтобы знать, куда не надо идти. — Цветные пятна снова закружились, сложившись в изображение Ранда. Но тот находился в комнате, из которой не было видно внешнего мира, поэтому у Мэта не было ни малейшего представления, где тот мог находиться.

— Боюсь, что жизнь очень часто похожа на туннель, — ответил Том. — Люди ждут от менестреля новостей,

значит, мы должны вытащить их наружу и стряхнуть с них пыль, чтобы можно было показать товар лицом, но большинство этих «новостей» всего лишь очередная куча слухов. Порой они менее правдивы, чем сложенные тысячу лет назад баллады.

Мэт кивнул.

— И посмотрю, — добавил Том, — не сумею ли раскопать что-то полезное для нашей прогулки.

Башня Генджей. Мэт пожал плечами.

— Скорее, мы отыщем что-то полезное в Четырех Королях или в Кэймлине.

— Да, знаю. Но Олвер взял с

меня слово проверить. Если ты не поручал Ноэлу отвлечь мальчишку, то боюсь, открыв седельную сумку, обнаружу его там. Он очень хотел отправиться с нами.

— Ночные игры и танцы — неподходящее место для мальчишки, — пробормотал Мэт. — Мне бы только хотелось верить, что ребята в лагере не испортят его больше, чем могли бы в той же таверне.

— Что ж, он стал значительно спокойнее с тех пор, как к нам присоединился Ноэл.

Олвер верил, что тренируясь в игре в Змей и Лисичек, он сумеет раскрыть тайную стратегию, как победить Элфин и Илфин.

– Парень до сих пор уверен, что полезет с нами в башню, – чуть тише добавил Том. – Он знает, что не может быть одним из трех, но планирует дожидаться нас снаружи. Может, думает броситься внутрь нас спасать, если мы не выберемся достаточно быстро. Не хотелось бы мне быть рядом, когда он узнает правду.

– Сам не хочу, – ответил Мэт.

Впереди деревья расступились, открыв небольшую долину со стремящимися вверх по склонам холмов зелеными пастбищами. Между холмами расположился город в несколько сотен домов, через его середину протекала горная река.

Дома были сложены из темно-серого камня, из большинства торчащих из каждой крыши труб шел дым. Скаты крыш были очень крутыми, чтобы справляться с самыми снежными зимами, хотя сейчас снег оставался только на самых высоких вершинах. На некоторых крышах уже работали мастера, меняя поврежденную за зиму дранку. На склонах холмов под присмотром мальчишек-пастухов паслись козы и овцы.

Оставалось еще несколько часов до наступления темноты, и люди еще занимались ремонтом фасадов домов и заборов. Другие жители неторопливо шли по своим делам по улицам городка. В целом, атмосфера

в этом месте была смесью усердия и расслабленности.

Мэт догнал Талманеса с солдатами.

— Какой приятный вид, — отметил Талманес. — Я уж начал думать, что все города мира лопаются по швам от напора беженцев или завоеваны захватчиками. Этот, по крайней мере, не должен пропасть прямо у нас из-под носа...

— Да будет это угодно Свету, — Мэт поежился, вспомнив внезапно исчезнувший вместе со всеми жителями город в Алтаре. — В любом случае, будем надеяться, что они не откажутся поторговать с

несколькими чужеземцами.

Он оглядел солдат; все пятеро были бойцами Отряда Красной Руки, лучшими из тех, что у него были.

— Трое из вас пойдут с Айз Седай. Подозреваю, им захочется найти постоянный двор подальше от меня. Встретимся утром.

Бойцы отдали честь, а Джолин фыркнула, проезжая мимо и демонстративно не глядя в сторону Мэта. Их небольшая группа, сопровождаемая по пятам тремя солдатами Мэта, направилась к городу.

— То строение очень похоже на постоянный двор, — отметил Том, указав на крупное здание на

восточной стороне городка. — Ищите меня там.

Он махнул рукой, пришпорил коня, пустив его рысью, и поскакал вперед в развевающемся за спиной менестрельском плаще. Опередив остальных, он получит больше шансов на эффектное появление.

Мэт посмотрел на Талманеса, тот пожал плечами. В сопровождении оставшейся пары солдат они направились вниз по склону. Из-за изгиба дороги они оказались на юго-западе. На северо-востоке поселения было видно продолжение древнего тракта. Было странно видеть такую широкую дорогу рядом с таким городком как

этот, даже если дорога была древней и вдрызг разбитой. Мастер Ройделле утверждал, что по ней можно добраться до самого Андора. Она была слишком неровной, чтобы пользоваться ею как основным трактом, и в этом направлении по дороге не встречалось крупных городов, поэтому ее забросили. Но Мэт поблагодарил свою удачу за то, что им удалось ее отыскать. Все основные дороги в Муранди теперь кишели Шончан.

Судя по карте Ройделле, специализацией Хиндерстапа были козий сыр и овцы для соседних городов и дворянских усадеб в этой местности. Жители должны быть

привычны к чужакам. В самом деле, несколько мальчишек, едва завидев Тома и его разноцветный плащ, бросились с полей в сторону домов. Его прибытие вызвало привычную суматоху. Однако встречу с Айз Седай они запомнят.

«Ну и ладно», – решил он, пока они с Талманесом ехали по заросшей травой дороге. Он вернул себе хорошее настроение и на этот раз он *не позволит* Айз Седай его испортить.

К тому моменту, когда Мэт с Талманесом добрались до городка, Том успел собрать небольшую толпу. Он стоял на седле и жонглировал тремя разноцветными шариками

правой рукой, одновременно рассказывая о своих приключениях на юге. Жители городка были одеты в жилеты и зеленые плащи из плотной бархатистой ткани. Плащи выглядели теплыми, хотя при ближайшем рассмотрении, как заметил Мэт, многие плащи, штаны и жилеты были рванными, но тщательно заштопанными.

Другая группа горожан, в основном женщин, собралась вокруг Айз Седай. Отлично. Мэт был почти уверен, что они запугают всех жителей. Один из зрителей, стоявший сбоку от толпы, окружившей Тома, бросил оценивающий взгляд на Мэта и

Талманеса. Это был крепкий парень с сильными руками. Рукава его рубашки были закатаны до локтей, несмотря на прохладную погоду. Его руки были покрыты темными курчавыми волосами, такими же, как в его бороде и на голове.

— Вы похожи на лорда, — заявил мужчина, подходя к Мэту.

— Он целый пр... — заикнулся было Талманес, но Мэт его резко оборвал.

— Думаю, похож, — ответил Мэт, не спуская глаз с Талманеса.

— Я — Барлден. Здешний мэр, — ответил человек, скрещивая руки на груди. — Добро пожаловать к нам, и хорошей торговли. Но учтите, у нас

мало что есть для обмена.

— Уверен, у вас, по крайней мере, в достатке имеется сыр, — откликнулся Талманес. — Вы его делаете сами, так?

— Все, что не испортилось и не заплесневело, нужно нам самим, — ответил мэр Барлден. — Сейчас это в порядке вещей, — он помедлил. — Но если у вас есть ткань или одежда на продажу, мы сможем кое-то наскрести, чтобы прокормить вас день.

«Прокормить нас день?» — пронеслось у Мэта в голове. — *«Одиннадцать человек?»*

Ему нужно привезти с собой как минимум фургон еды, не считая

обещанного эля.

— Кроме того, вам нужно знать про комендантский час. Вы можете торговать, греться у очага, но все чужаки должны до ночи покинуть город.

Мэт взглянул на затянутое облаками небо.

— Но осталось едва три часа!

— Таковы наши правила, — сухо ответил Барлден.

— Это смешно, — сказала Джолин, отворачиваясь от горожанок. Она подвела лошадь чуть ближе к Мэту с Талманесом. Ее Стражи, как всегда, последовали за ней. — Мастер Барлден, мы не можем согласиться со столь глупым

запретом. Я понимаю ваше беспокойство в столь опасное время, но вы, безусловно, способны понять, что к нам данное правило не применимо.

Человек стоял, сложив руки и не проронив ни слова в ответ.

Джолин надула губки и сложила руки на поводьях так, чтобы стало хорошо видно ее кольцо Великого Змея:

— Разве символ Белой Башни уже ничего не значит?

— Мы уважаем Белую Башню, — ответил Барлден, глядя на Мэта. Он был умен. Встретившись взглядом с Айз Седай легко изменить свое решение. — Но наши правила

нерушимы, миледи. Мне жаль.

Джолин фыркнула.

— Подозреваю, что ваших трактирщиков это предписание не сильно радует. Как они еще не разорились, если им не разрешают сдавать комнаты путешественникам?

— Им все возмещается, — грубо ответил мэр. — Три часа. Заканчивайте свои дела и уезжайте. Мы доброжелательны к проезжим, но нам не нравится, когда нарушают наши правила, — с этими словами он повернулся и ушел. По пути к нему присоединилась небольшая группа дюжих молодцев, часть из них была вооружена топорами. Никаких угроз. Словно они просто рубили

неподалеку дрова и случайно оказались в городе. Все вместе. И им по пути с мэром.

– Должен сказать, они весьма гостеприимны, – пробормотал Талманес.

Мэт кивнул. В то же мгновение в его голове вновь покатались кости. – «Чтоб им сгореть!» – Он решил не обращать на них внимания. От них все равно мало проку.

– Давай найдем подходящую таверну, – предложил он, направляя Типуна вперед.

– Все еще намерен весело провести ночь, а? – улыбнувшись, Талманес присоединился к Мэту.

– Посмотрим, – ответил Мэт,

неосознанно прислушиваясь к костям. — Посмотрим.

Проезжая по городу, Мэт заметил три постоянных двора. Один был в конце главной городской улицы, на его фасаде ярко светились два фонаря, хотя ночь еще даже не наступила. На этот чистенький выбеленный фасад и вымытые окна Айз Седай слетятся, словно мотыльки на огонь. Видимо это постоянный двор для проезжих купцов и высокопоставленных лиц, которым не посчастливилось оказаться среди этих холмов.

Но теперь чужеземцам запрещено оставаться на ночь. Давно ли здесь такие порядки? И за счет

чего живут постоялые дворы? Они могут предлагать ванну и еду, но, не сдавая комнаты...

Мэт не купился на отговорку мэра про «возмещение». Если они не приносят городку никакой пользы, с какой стати им платить? Это очевидная нелепость.

В любом случае, Мэту не по пути в приличный постоялый двор или тот, что избрал Том. Этот стоял не на главной улице, но все-таки на довольно широкой, уходящей на северо-восток отсюда. В нем бы расположились средние постояльцы, почтенные мужчины и женщины, которые не любят тратить деньги зря. Здание было ухоженным — значит,

постели будут чистыми, а еда приличной. Местные по случаю будут забредать пропустить стаканчик-другой, особенно, если чувствуют, что за ними не следят их супруги.

Если б Мэт не знал, где искать, последний постоянный двор найти было бы труднее всего. Он находился в трех улицах от центра, в дальнем западном конце поселения. Никакой вывески, только вставленная в оконную раму, деревянная табличка, на которой было вырезано изображение чего-то похожего на пьяную лошадь. И ни в одном из окон не было стекол.

Изнутри пробивался свет и

хохот. Большую часть чужаков отпугнуло бы отсутствие вывески и фонарей над входом. Это была скорее таверна, а не постоянный двор. Мэт сомневался, было ли там что-то еще, кроме пары тюфяков в задней комнате, которые можно было бы занять за медяк. Это было место для отдыха местных трудяг. Раз был уже вечер, многие из них уже должны были собраться внутри. Это было место, где можно пообщаться и расслабиться, выкурить трубку табака с приятелями или сделать пару бросков в кости.

Мэт улыбнулся и спешил. Затем он привязал Типуна снаружи к столбику.

Талманес вздохнул.

— Ты понимаешь, что они скорее всего разбавляют выпивку?

— Значит, нам придется заказывать вдвое больше, — ответил Мэт, отвязывая от седла несколько кошель с деньгами и распахивая их по карманам кафтана. Он сделал знак солдатам оставаться снаружи и охранять лошадей. На вьючной лошади находился сундук с деньгами. В нем хранился личный золотой запас Мэта. Он бы не стал рисковать полковой кассой Отряда на ставках.

— Ну, тогда ладно, — сказал Талманес. — Но ты понимаешь, что мне нужна уверенность в том, что, добравшись до Четырех Королей, мы

с тобой посетим пристойную таверну. Мне нужно подготовить тебя, Мэт. Ты теперь принц. И тебе следует...

Мэт поднял руку, заставив Талманеса замолчать. Затем он ткнул пальцем в коновязь. Талманес еще раз вздохнул, спешился и привязал лошадь. Мэт шагнул к входной двери, глубоко вздохнул и вошел.

Люди сгрудились вокруг столов. Их плащи были брошены на стулья или весели на гвоздях. Латанные-перелатанные жилеты были расстегнуты, а рукава рубаш закатаны до локтей. Почему здесь все носят одежду, которая когда-то была очень приличной, а теперь вся в заплатках?

У них полно овец, и значит должна быть шерсть для продажи.

Мэт не стал заострять внимания на этой странности. Люди играли в кости на липких столах, пили эль из кружек и шлепали по задницам проходивших служанок. Они выглядели изнуренными, у многих были запавшие от усталости глаза. Такое может быть только после тяжелой повседневной работы. Несмотря на утомление, зал был наполнен почти осязаемым гомоном, голоса накладывались друг на друга, рождая низкий, рокочущий гул. Всего несколько человек заметили появление Мэта, и пара из них нахмурились, заметив на нем

отличную одежду, но основная масса даже не обратила на него внимания.

Талманес безмолвно последовал за ним, но он не был из тех, кто побрезговал бы похлопать по плечу худородного собеседника. Когда-то и он частенько посиживал в захудалых тавернах, хотя в последнее время нередко пенял Мэту за скверный вкус в выборе заведения. Так что Талманес, как и Мэт, быстро подсел к столу, занятому всего несколькими людьми. Мэт широко улыбнулся, и, сверкнув золотой монетой, отдал ее служанке, заказав выпивку. Это привлекло внимание и сидевших за столом и Талманеса.

— Что ты творишь? — зашипел

Талманес, наклонившись к Мэту. — Хочешь, чтобы нас порезали, когда мы будем выползать отсюда?

Мэт только улыбнулся. За одним из соседних столов шла игра в кости. Правила были похожи на Кошачью Лапку... Или, так ее называли тогда, когда Мэта впервые учили в нее играть. Так же ее называли Третьей Жемчужиной в Эбу Дар, а в Кайриэне, как он слышал, ее называли Летящие Перья. Это игра замечательно подходила к задуманному им плану. В этой игре кости бросает только один игрок, остальные участники делают ставки за и против.

Мэт глубоко вздохнул и

передвинул свой табурет к столу, шлепнув золотой кроной по деревянной столешнице, прямо в центр влажного пятна, оставленного кружкой с элем. Саму кружку держал в руках низкорослый мужик, почти растерявший всю свою седую шевелюру, а что осталось, свисало до самого воротника. Он едва не поперхнулся элем.

– Можно я тоже попробую? – поинтересовался Мэт у сидевших за столом.

– Я... Даже не знаю, сможем ли мы сделать равную ставку, – ответил мужик с короткой черной бородкой. – Милорд, – добавил он запоздало.

– Мой золотой против вашего

серебра, – просто ответил Мэт. – Сто лет не играл.

Талманес, заинтригованный, тоже придвинулся ближе. Он видел, как Мэт проделывал этот трюк прежде, делая ставку золотом и выигрывая серебро. Удача Мэта лучше всего проявлялась при крупных ставках, и он всегда оставался в выигрыше. Иногда он умудрялся выигрывать, ставя золото против медяков. Это не приносило крупных барышей. Надо продержаться, пока окружающие не втянутся и не потратят все деньги или решат выйти из игры. После чего Мэт останется с кучей серебра и без соперников.

Но это не поможет. У армии куча денег, а им нужна еда, поэтому пришло время изменить тактику. Несколько человек поставили по серебряной монете. Мэт потряс кости и сделал бросок. К счастью, на костяшках выпало один и два. Очевидный проигрыш.

Талманес моргнул, и люди за столом посмотрели на Мэта, который выглядел расстроенным проигрышем. Чувствуя, что могут попасть в неприятности, они выглядели смущенными тем, что ставили против лорда, который вовсе не ожидал проигрыша.

— Глядите-ка, — сказал Мэт. — Похоже, что вы выиграли. Забирайте,

– Он катнул монету в центр стола, чтобы они поровну разделили выигрыш между собой согласно правилам.

– Попробуем еще раз? – сказал Мэт, делая ставку в две золотых кроны. На этот раз ставок было больше. Он снова сделал бросок и проиграл, едва не отправив этим Талманеса на тот свет. Мэт проигрывал и раньше – такое случалось даже с ним. Но чтобы два броска подряд?

Он катнул по столу две проигранные кроны и поставил на кон четыре. Талманес положил руку ему на плечо.

– Не хочу тебя обидеть, Мэт, –

тихо сказал он. — Но может лучше остановиться. У каждого может не задаться. Давай допьем и купим всю провизию, что сможем, пока не стемнело.

Мэт только улыбался и смотрел, как растут против него ставки. Он даже выложил пятую крону, так много было желающих поучаствовать в игре. Он ничего не ответил Талманесу и сделал бросок, снова проиграв. Талманес застонал, потянулся и выхватил кружку у служанки, которая, наконец, принесла заказ Мэта.

— Ну, не дуйся, — тихо посоветовал ему Мэт, взвешивая кошель в руке, и тоже взял кружку. —

Все идет по плану.

Талманес выгнул бровь и опустил кружку.

Мэт пояснил.

– Я могу проиграть, если захочу. Если так нужно для дела.

– В каком деле нужен проигрыш? – недоумевал Талманес, глядя, как игроки спорят, как лучше делить золото Мэта.

– Погоди, – Мэт сделал глоток эля. Он был сильно разбавлен, как и опасался Талманес. Мэт вернулся к игровому столу, отсчитывая новые золотые.

Шло время, и вокруг стола собиралось все больше людей. Мэт не забыл выиграть пару ставок – так

же, как должен был проиграть, если бы ему везло всю ночь, просто чтобы не вызвать подозрений из-за слишком долгого невезения. Так, ставка за ставкой, все деньги из его кошельков перекочевали в руки его противников. Вскоре таверна примолкла, все сгруппировалось вокруг Мэта, ожидая своей очереди сделать против него ставку. Сыновья и приятели сбегали и притащили своих отцов и родственников в «Пьяного Мерина», как называлась таверна.

В один из перерывов, когда Мэт поджидал очередную кружку эля, Талманес оттащил его в сторонку:

— Мэт, мне все это не нравится, — тихо заявил его жилистый приятель,

склонившись к нему. Из-за стекавшего пота он давно уже стер пудру с выбритого лба, оставив чистую кожу.

— Я же сказал тебе, — Мэт сделал глоток водянистого эля. — Я знаю, что делаю, — толпа вокруг радостно закричала, когда один из игроков разом опорожнил три кружки подряд. Воздух пропитался запахом пота и мутного эля, пролитого на деревянный пол и растертого ботинками пришедших с пастбищ посетителей.

— Ничего подобного, — ответил Талманес, оглядываясь на веселящуюся толпу. — Ты можешь тратить свои деньги как пожелаешь,

пока у тебя остается хоть монетка, чтобы купить выпивку и мне. Но меня беспокоит не это.

Мэт нахмурился.

— А что тогда?

— Что-то с этими людьми не так, Мэт, — Талманес говорил очень тихо, оглядываясь через плечо. — Пока ты играл, я с ними разговорился. Им наплевать на окружающий мир. На всех, на Дракона Возрожденного, на Шончан. Им нет до них дела.

— И что? Они обычные люди, — откликнулся Мэт.

— Как раз обычные люди беспокоятся больше всех, — ответил Талманес. — Их окружают готовые к войне армии, а они только пожимают

плечами, когда я им это говорю, и продолжают пить. Словно они... слишком заняты собственной попойкой. Словно только она и имеет для них значение.

— Значит, они идеальны, — ответил Мэт.

— Скоро стемнеет, — заметил Талманес, взглянув в окно. — Мы потратили час, или больше. Может нам следует...

В этот момент дверь распахнулась, и в таверну вошел тот самый здоровенный мэр в сопровождении присоединившегося к нему ранее эскорта, только на этот раз без топоров. Они не были в восторге, обнаружив половину

населения города играющими в таверне с Мэтом.

— Мэт, — снова затянул свое Талманес.

Мэт поднял руку, обрывая его на полуслове.

— Этого мы и ждали.

— Правда? — спросил Талманес.

Мэт с улыбкой повернулся к игровому столу. Он почти опустошил все кошельки, но у него еще оставались деньги на пару ставок, не считая, конечно же, того, что осталось снаружи. Он взял кости и отсчитал несколько золотых крон, и толпа принялась бросать на стол свои монеты, многие из которых теперь были золотыми,

выигранными ранее у Мэта.

Он сделал бросок и снова проиграл, вызвав у зевак рев восторга. Барлден выглядел так, словно хотел вышвырнуть Мэта из таверны — и вправду уже темнело, и до заката оставалось мало времени — но он замешкался, увидев, как Мэт вытащил новую горсть золота. Жадность свойственна всем, и даже самые строгие «правила» можно поменять, если вам благосклонно подмигнет проходящая мимо возможность.

Мэт сделал новый бросок и снова проиграл. Рев восторга оглушал. Мэр скрестил руки на груди.

Мэт полез в кошель и не обнаружил там ничего, кроме пустоты. Окружающие выглядели удрученными, и кто-то из толпы проставил всем выпивку «чтобы юный лорд смог забыть о своей неудаче».

«Ничего *растреклято-подобного*», – подумал Мэт, скрывая усмешку. Он встал, подняв руки:

– Как вижу, становится поздно, – громко сказал он в зал.

– Слишком поздно, – перебил его Барлден, протискиваясь между парой вонючих козопасов в плащах с меховыми воротниками. – Тебе пора уходить, чужестранец. И не думай, что я попрошу этих людей вернуть

тебе то, что ты честно им проиграл.

— И не мечтал об этом, — ответил Мэт, слегка заплетающимся языком. — Гарнан, Деларн! — крикнул он. — Тащите сундук!

Спустя мгновение внутри оказались двое поспешивших солдат с небольшим деревянным сундуком, который раньше был на вьючной лошади. Таверна умолкла, глядя, как солдаты поднимают и водружают его на стол. Мэт, слегка пошатываясь, выудил из кармана ключ, затем открыл замок и откинул крышку.

Золото. Много золота. Здесь были практически все его деньги:

— Думаю, настал момент для решающей ставки, — сказал Мэт

потрясенному залу. — Есть желающие?

Люди принялись бросать на стол монеты, пока не набралась куча, почти равная всему проигрышу Мэта. Но этого не хватало, чтобы уровнять ставку с поставленным на кон сундуком. Он огляделся и поскреб подбородок.

— Этого недостаточно, друзья. Я могу принять столь скверную ставку, но если у меня остался последний шанс отыгаться, я хочу выйти отсюда с чем-то стоящим.

— Это все, что мы имеем, — заявил один из игроков, перебивая крики, призывающие Мэта не обращать внимания на ставку и

бросать кости.

Мэт вздохнул и закрыл крышку сундука:

– Нет, – сказал он. Даже Барлден следил за ним с блеском в глазах. – Если только... – остановился Мэт, – я ведь приехал сюда в поисках продовольствия. Предлагаю обмен. Можете оставить выигранные монеты себе, а я поставлю сундук против провизии. Еда для моих людей и несколько бочек эля. Вместе с телегой, чтобы все это вывезти.

– Не хватит времени, – заявил Барлден, оглядываясь на темнеющие окна.

– Уверен, хватит, – возразил Мэт, наклоняясь вперед. – После этого

броска я ухожу. Даю слово.

— Мы здесь не нарушаем правила, — ответил мэр. — Слишком высока цена.

Мэт ожидал возмущенных и протестующих криков от горожан, возражающих своему мэру, умоляя его сделать исключение. Но их не было. Мэт почувствовал внезапный укол страха. После стольких проигрышей... Если они просто выкинут его за дверь...

В отчаянии он вновь откинул крышку сундука, продемонстрировав лежащее внутри золото.

— Я дам тебе эль, — внезапно сказал трактирщик. — И Мардри — у тебя есть фургон и люди. Они на

соседней улице.

— Ага, — подтвердил Мардри, широколицый мужчина с короткими темными волосами. — Я ставлю.

Люди принялись выкрикивать свои предложения еды — зерна из кладовых и картошки из подвалов. Мэт оглянулся на мэра.

— У нас же еще остается примерно полчаса до заката? Почему бы нам не посмотреть, что они смогут наскрести? Если я проиграю, часть этого может получить городской склад. Спорю, вы сумеете распорядиться парой лишних монет после такой зимы, что мы все пережили.

Барлден засомневался, потом

кивнул, не отрывая глаз от сундука с деньгами.

Люди засуетились и разбежались — кто за фургоном, кто выкатывал бочки с элем. Немало из них припустило по домам или к городским закромам. Мэт следил, как они расходились, ожидая в быстро опустевшем зале таверны.

— Я догадался, что тут происходит, — сказал мэр Мэту. Не похоже, чтобы он торопился что-то предпринимать.

Мэт удивленно повернулся в его сторону.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты надул нас под конец, подстроив чудесный выигрыш, — Барлден снова

сложил руки на груди. – Ты возьмешь мои личные кости. И ты будешь делать бросок смирно и медленно. Я знаю из того, что мне донесли, ты много проиграл. Но полагаю, если я прикажу тебя хорошенько обыскать, мы найдем у тебя пару-другую наборов костей.

– Прошу покорно, обыскивайте, – заявил Мэт, подняв руки.

Барлден заколебался:

– Ты, конечно же, от них уже избавился, – наконец сказал он. – Хороший план – переодеться лордом и использовать утяжеленные кости, будто всегда проигрываешь. Никогда не слышал ни о ком набравшемся смелости проиграть столько золота с

шулерскими костями.

— Если ты так уверен, что я мошенничаю, зачем ты продолжаешь? — спросил Мэт.

— Потому, что я знаю, как тебя остановить, — ответил мэр. — Как я сказал, ты будешь бросать мои кости.

Он заколебался, потом с улыбкой взял со стола кости, которые бросал Мэт. Он встряхнул и бросил их. Выпали единица и двойка. Он сделал новый бросок — с тем же результатом.

— Еще лучше, — широко улыбнулся мэр. — Будешь бросать эти. Или даже... Я брошу вместо тебя.

В тусклом свете лицо Барлдена решительно приобрело зловещий

вид.

Мэт почувствовал укол страха.

Талманес взял его за локоть:

— Ладно, Мэт. Думаю, нам нужно идти.

Мэт отдернул руку. Сработает ли его везение, если бросать будет другой? Иногда оно проявлялось в бою, не позволяя его ранить. В этом он был уверен. Или все не так?

— Давай, — обратился он к Барлдену.

Мужчина выглядел пораженным.

— Можешь сделать бросок, — продолжил Мэт. — Но он будет засчитан, словно бросал я сам. В случае выигрыша я забираю все и ухожу. Проиграю — и уеду на лошади

в одной шляпе, а тебе достанется треклятый сундук. Согласен?

– Согласен.

Мэт протянул руку для пожатия, но мэр отвернулся, сжав кости в руке:

– Нет, – ответил он. – Тебе не удастся подменить кости, чужестранец. Давай просто выйдем наружу и подождем. И держись от меня подальше.

Так и сделали – они вышли из провонявшей грязью и прокисшим элем таверны на свежий воздух. Солдаты Мэта прихватили сундук. Барлден потребовал, чтобы сундук оставался все время открытым, чтобы его тоже не могли подменить.

Один из его громил порылся внутри, надкусив ряд монет, чтобы убедиться, что все они целые и не фальшивые. Мэт ждал, прислонившись к косяку. Приехал фургон, и слуги из таверны втащили на него несколько бочек с элем.

Солнце за проклятыми облаками уже едва светило над горизонтом. Во время ожидания Мэт заметил, что мэр становится все нетерпеливее. Кровь и проклятый пепел, парень и вправду был сторонником своих правил! Ладно, Мэт ему еще покажет, и всем остальным. Он им покажет...

А что он им покажет? Что его нельзя победить? И что это докажет? Пока Мэт ждал, гора провизии на

телеге росла все выше и выше, и он стал испытывать угрызения совести.

«Я не делаю ничего плохого», — уговаривал он себя. — «Мне нужно кормить людей, не так ли? Они играли честно, и я играю честно. Ни утяжеленных костей, ни шулерства».

Одно везение. Но это везение — его собственное, как и везение любого другого человека. Кто-то рождается с талантом к музыке и становится бардом или менестрелем. Кто завидует тому, что они зарабатывают на хлеб тем, что им дал Создатель? У Мэта было везение, и он им пользовался. Ничего дурного в этом нет.

И все же, когда люди стали

возвращаться в таверну, Мэт стал замечать, что имел в виду Талманес. Чувствовалось, что эти люди на грани отчаяния. Может они заморожены игрой? Может они слишком безрассудны в ставках? Что-то было в их взглядах, что Мэт вначале ошибочно принял за усталость. Они пили, чтобы отпраздновать окончание трудного дня, или заливали выпивкой собственные страхи?

— Возможно, ты был прав, — сказал Мэт Талманесу, наблюдавшему за солнцем с таким же нетерпением, что мэр. Его прощальный свет осветил острые крыши домов, окрасив коричневую

черепицу в темно-оранжевые тона. Закат, скрытый за облаками, был похож на пожар.

— Значит мы можем идти? — спросил Талманес.

— Нет, мы остаемся, — ответил Мэт.

При этих словах кости в его голове замерли. Это произошло столь внезапно, а наставшая тишина была так неожиданна, что он замер. Он начал думать, что принял неверное решение.

— Чтоб мне сгореть, мы остаемся, — повторил он. — Я никогда не отказывался от доброй ставки и сейчас тоже не собираюсь.

Вернулась группа всадников,

они привезли на спинах лошадей мешки с зерном. Удивительно, как могут подзадорить людей всего несколько монет. Прибыли еще всадники, с ними по дороге примчался мальчуган.

— Мэр, — сказал он, дергая Барлдена за фиолетовый жилет. Спереди на этом жилете были крестообразно зашитые прорехи. — Матушка говорит, что чужестранки не закончили мыться. Она пытается их поторопить, но...

Мэр занервничал. Он гневно взглянул на Мэта.

Мэт фыркнул.

— Не думаю, что могу как-то повлиять на этих дам, — ответил он. —

Как только я прошу их поторопиться, они становятся упрямее мулов, и в результате тратится вдвое больше времени. Настал треклятый черед кому-нибудь другому с ними спорить.

Талманес не отрывал глаз от удлинняющихся теней вдоль дороги.

– Чтоб я сгорел, – пробормотал он. – Но если эти призраки начнут появляться вновь, Мэт...

– Тут что-то еще, – ответил Мэт, глядя, как вновь прибывшие перекладывают зерно в фургон. – Что-то иное.

Фургон уже был забит провизией до верха. Большая гора покупок для поселения такого размера. Именно это и было нужно

Отряду, чтобы продержаться какое-то время при переходе до другого городка. Вся эта еда, конечно, не стоила целого сундука золота, но была почти равноценна его сегодняшнему проигрышу, особенно с учетом фургона и лошадей. Они были приличными тягловыми животными, выносливыми, за которыми, судя по их шкурам и копытам, заботливо ухаживали.

Мэт открыл было рот, чтобы сказать «достаточно», но замешкался, заметив, что мэр о чем-то шушукается с группой людей. Их было шестеро, с темными нечесаными волосами и в бурых поношенных жилетах. Один указал

рукой в сторону Мэта, в другой он держал что-то похожее на листок бумаги. Барлден покачал головой, но человек с бумагой стал жестикулировать сильнее.

— Началось, — тихо сказал Мэт. — Что на этот раз?

— Мэт, солнце уже... — сказал Талманес.

Мэр резко отмахнулся, и оборвыш удалился прочь. Жители, принесшие провизию, толпились на темнеющей улице, стараясь держаться ближе к середине. Большая часть наблюдала за горизонтом.

— Мэр, — позвал Мэт. — Достаточно. Давай, бросай!

Барлден, поглядев на него, занервничал, затем посмотрел на кости в руке, словно про них позабыл. Люди вокруг оживленно закивали, тогда он поднял руку, трясая в кулаке кости. Мэр взглянул через улицу в глаза Мэта и бросил кости на разделяющую их землю. Показалось, что они упали слишком громко, покотившись, словно крохотный гром или ломающиеся одна за другой кости.

Мэт затаил дыхание. Давно ему не приходилось беспокоиться об исходе броска костей. Он нагнулся, глядя, как белые костяшки катятся по грязи. Как его везение может влиять на чужой бросок?

Кости замерли. Пара четверок. Великолепная выигрышная комбинация. Мэт испустил длинный, долго сдерживаемый вздох, и почувствовал, как со лба стекает пот.

— Мэт... — тихо сказал Талманес, заставив его поднять глаза. Стоящие на дороге жители не выглядели довольными. Несколько из них завопили от радости, но их приятели объяснили им, что выигрыш мэра означает, что приз забирает Мэт. Толпа становилась все напряженнее. Мэт встретился взглядом с Барлденом.

— Уходи, — недовольно заявил здоровяк, махнув рукой на Мэта, и отвернулся. — Забирай свои отбросы

и убирайся. И никогда не возвращайся.

— Что ж, — расслабившись, сказал Мэт. — Тогда благодарю покорно за игру. Мы...

— УХОДИ! — крикнул мэр. Он поглядел на последние серебристые отблески заката на горизонте, затем выругался и начал загонять своих людей обратно в «Пьяного Мерина». Некоторые задержались, ошарашено или враждебно глядя на Мэта, но призывы мэра загнали их под крышу невысокого строения. Он захлопнул дверь, оставив Мэта, Талманеса и пару солдат одиноко стоять на улице.

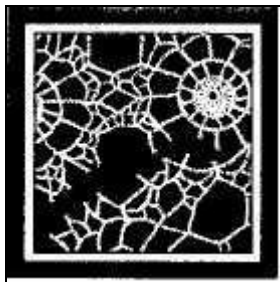
Внезапно повисла напряженная тишина. На улице не осталось ни

одного жителя. Но разве изнутри таверны не должно доноситься хоть чуточку шума? Стук кружек, ворчание проигравших?

— Что ж, — сказал Мэт, и его слова тут же эхом разнеслись между затихших фасадов. — Полагаю, это все, — он прошел к Типуну, чтобы успокоить лошадь, которая вдруг начала нервно перебирать копытами. — Ну что, видишь, я же говорил тебе, Талманес. Не о чем беспокоиться.

И тут же раздался крик.

Глава 28. Ночь в Хиндерстапе

— Чтоб тебе сгореть, Мэт! —
выругался Талманес, высвобождая
свой меч из брюха скорчившегося
горожанина. А Талманес почти
никогда не ругался. — Чтоб тебе
дважды сгореть и потом еще раз!

— Мне? — выпалил Мэт,

уворачиваясь. Его ашандарей сверкнул, подрезав поджилки паре мужчин в светло-зеленых жилетах. Они рухнули на утоптанную землю улицы, выпучив глаза в приступе ярости, рыча и брызгая слюной. — Мне? Это же не я пытаюсь тебя убить, Талманес. Их и вини!

Талманес умудрился забраться в седло.

— Они просили нас уйти!

— Ага, — сказал Мэт, за поводья оттаскивая Типуна от «Пьяного Мерина». — А теперь они пытаются нас убить. Нельзя же меня винить за их недружественное поведение!

Вой, крики и вопли доносились со всех сторон городка. Некоторые

были свирепыми, некоторые — криками ужаса, остальные — полными боли.

Из таверны с воплями и рычанием выскакивали все новые и новые жители, и каждый изо всех сил старался прикончить всех вокруг. Несколько из них бросились на Мэта, Талманеса и Красноруких. Но в основном они нападали на своих товарищей, раздирая руками им кожу и царапая ногтями лица. Они дрались очень безыскусно, мало кто догадался воспользоваться в качестве оружия камнями, кружками или куском доски.

Это не было похоже на обычную драку в баре. Эти люди пытались

убить друг друга. На улице уже можно было насчитать полдюжины трупов или полутрупов, и, насколько мог судить Мэт, схватка внутри таверны была не менее жестокой.

Мэт бок о бок с Типуном попытался пробиться ближе к фургону с провизией. Его сундук с золотом всё еще лежал на улице. Дерущиеся не обращали внимания ни на деньги, ни на еду, сосредоточившись друг на друге.

Талманес, как и два его солдата Гарнан и Деларн, отступали вместе с ним, нервно таща следом собственных лошадей. Группа разъяренных людей уже добралась до двоих горожан, раненых Мэтом,

принявшись бить их головами о землю снова и снова, пока они не перестали шевелиться. Потом толпа заметила Мэта и его людей. Их глаза были затуманены жаждой крови — совершенно неподходящее выражение для чистых лиц этих людей с причесанными волосами и в аккуратных жилетах.

— Кровь и проклятый пепел! — выпалил Мэт, запрыгивая в седло. — По коням!

Гарнану и Деларну не нужно было повторять дважды. Они выругались и, сбросив мечи в ножны, взлетели в седла. Полдюжины горожан бросились в атаку, но Мэт с Талманесом сумели ее отразить. Мэт

старался не наносить смертельных ран, но горожане были удивительно сильными и быстрыми. И скоро он понял, что он отбивается уже только для того, чтобы его не стащили с лошади. Он выругался и против собственного желания перешел на смертельные удары, взмахами ашандарея достав двоих нападавших по шеем. Типун лягнулся и вырубил еще одного, засветив ему копытом по лбу. Спустя пару мгновений Гарнан с Деларном присоединились к схватке.

Горожане и не думали отступать. Они продолжали драться в приступе бешенства, пока все восемь не пали. Краснорукие сражались с полными ужаса глазами, и Мэт не мог их за

это винить. Было нечто ужасающе злое в подобном поведении обычных горожан! Видимо, в них не осталось ничего человеческого. Они не говорили, только издавали крики, шипение и вопли. Их лица были налиты гневом и жаждой крови. Теперь прочие горожане, те, что еще не нападали на товарищей Мэта, собравшись в отряды, стали уничтожать группы поменьше, громя их дубинками, даже пустив в ход ногти и зубы. Это пугало.

Мэт увидел, как одно из тел вылетело на улицу, пробив оконную раму таверны. Труп со сломанной шеей покатился по земле. По другую сторону окна стоял Барлден с

дикими, почти потерявшими все человеческое глазами. Он издал вопль, затем заметил Мэта и всего на секунду в его глазах промелькнула тень узнавания. Потом все пропало, мэр снова завопил и, выпрыгнув через выбитое окно, набросился на пару людей, неосторожно повернувшихся к нему спинами.

– Ходу! – крикнул Мэт, подняв Типуна на дыбы – другая группа горожан заметила их.

– Золото! – напомнил Талманес.

– Чтоб оно сгорело! – ответил Мэт. – Выиграем еще, и еда тоже не стоит наших жизней. Ходу!

Талманес с бойцами повернули лошадей следом и помчались

галопом по улице. Мэт, бросив и золото, и фургон, пришпорил Типуна, чтобы от них не отстать. Это действительно не стоило их жизней. Возможно, завтра он вернется сюда с войском, чтобы забрать брошенные вещи. Но прежде им нужно выбраться живыми.

Некоторое время они скакали во весь опор, и на ближайшем перекрестке Мэт подал отряду знак притормозить, подняв руку. Он оглянулся через плечо. Жители все прибывали, но галопом отряд сумел от них оторваться.

— И тем не менее, я виню во всем тебя, — заявил Талманес.

— А мне казалось, тебе нравятся

драки, — парировал Мэт.

— Мне нравятся только некоторые драки, — ответил Талманес. — Когда это происходит на поле боя или в баре. А это... какое-то безумие, — несколько горожан бросилось к четверке беглецов, передвигаясь странными скачками. Талманес явственно вздрогнул.

Было недостаточно светло, чтобы хорошенько осмотреться. Теперь, когда солнце окончательно зашло, горы и низкая облачность закрыли собой последний источник света. На улицах имелись фонари, но было не похоже, чтоб кто-нибудь озаботился тем, чтобы их зажечь.

— Мэт, они приближаются, —

сказал Талманес, держа меч наготове.

— Нельзя отнести это только на наш счет, — ответил Мэт, прислушиваясь к крикам и воплям. Они раздавались по всей округе. Ниже по улице из верхнего окна дома вылетела пара борющихся тел. Это оказались женщины, которые рвали и царапали друг друга в полете и ударились о землю с неприятным стуком. Больше они не двигались.

— Вперед, — сказал Мэт, поворачивая Типуна. — Нужно разыскать Тома и женщин.

Они поскакали дальше по боковой улице, которая должна была пересекать основной тракт, миновав

группы мужчин и женщин, дерущихся в канавах. Какой-то толстяк с окровавленными щеками заслонил им дорогу, и Мэту пришлось сбить его лошадью. Вокруг было слишком много дерущихся по обеим сторонам дороги, чтобы рисковать своими людьми и пытаться объехать безмозглого беднягу. Мэт заметил даже детей, кусающих за ноги старших, душащих своих ровесников.

— Весь треклятый город сошел с ума, — мрачно пробормотал Мэт, когда их небольшой отряд вылетел на главную улицу и свернул к дорожному постоялому двору. Они заберут Айз Седай, а затем махнут на восток

искать Тома. Выбранный им кабак был самым дальним.

К сожалению, главная улица оказалась даже хуже той, с которой выбрался Мэт. К этому времени уже окончательно стемнело. На самом деле, ему показалось, что темнота в здешних краях наступает слишком быстро. Неестественно. Вся улица была наполнена сражающимися тенями, визжащими, сцепившимися в яростной борьбе в сгущающемся мраке. В темноте каждая группа дерущихся порой походила на единое существо – ужасающего монстра с дюжиной извивающихся щупалец и сотней кричащих из тьмы глоток.

Мэт погнал Типуна вперед.

Ничего не оставалось, только прорываться прямо по центру этого монстра.

— Свет! — завопил Талманес, мчась к постоянному двору. — Свет!

Мэт сжал зубы, склонился к шее Типуна, прижав копье к боку, и помчался навстречу кошмару. Ночную тьму потрясало рычание, по улице катались тела. Мэт содрогнулся от ужаса и выругался себе под нос. Казалось, сама ночь пыталась смять, задушить их и отдать на растерзание своим кровожадным чудовищам из тьмы.

Типун и другие лошади были хорошо вышколены, и четверо животных ринулись напролом прямо

посреди улицы. Мэт чудом ухитрился не вылететь из седла, когда темные фигуры хватали его за ноги и пытались стащить вниз. Они кричали и шипели, словно легионы утопленников, пытающихся сбросить его с коня в глубокое, таинственное море.

Рядом с Мэтом конь Деларна внезапно встал, как вкопанный. Прямо перед ним возникли темные фигуры, и мерин от страха взвился на дыбы, сбросив седока.

Мэт натянул поводья, поворачиваясь на вопль парня, единственный членораздельный и человеческий в общем море криков.

— Мэт! — закричал Талманес,

пролетая мимо. – Не останавливайся!
Нельзя останавливаться!

«Нет», – решил Мэт, справляясь с паникой. – «Нет. Я никого не оставлю в этом кошмаре».

Он вздохнул поглубже, не обращая внимания на Талманеса, пришпорил Типуна и ринулся к темной куче тел, в которую свалился Деларн. Со лба ручьем тек пот, остужаемый на скаку встречным ветром. Казалось, все стоны, крики и шипение обрушились прямо на него.

Мэт заорал и соскочил со спины Типуна. Он не мог дальше ехать верхом из страха затоптать того, кого хотел спасти. Он ненавидел сражаться в темноте – зверски

ненавидел. Он атаковал темные фигуры, чьих лиц не было видно, за исключением редкого отблеска зубов или безумных глаз в угасающем свете. Это внезапно напомнило ему другую ночь, во время битвы с созданиями Тени. Только эти фигуры, с которыми приходилось сражаться, не обладали грацией мурдраалов. Они не обладали даже координацией троллоков.

На секунду показалось, что он сражается именно с тенями, порожденными взвившимся пламенем, хаотичными и бешеными, но очень опасными, поскольку он не мог предугадать их удары. Ему едва не разmozжили голову серией

беспорядочных ударов. Днем подобные удары были бы смешны, но наносимые из темноты группой мужчин и женщин, которым было наплевать, кого, как и за что бить, эти удары были ошеломительными. Мэт чувствовал, что бьется за жизнь, вращая ашандарей по широкой дуге и совершая им подсечки не реже, чем наносил смертельные удары. Если он замечал в темноте движение, он бил туда. Как, во имя Света, ему разыскать в этой сумятице Деларна!

Неподалеку метнулась какая-то тень, и Мэт внезапно узнал фехтовальный прием. «Крыса Грызет Зерно»? Вряд ли простому крестьянину он известен.

Молодчина!

Мэт метнулся навстречу этой тени, рубанул две другие тени поперек груди и услышал стоны и вопли боли. Фигура Деларна повалилась под массой других теней. Мэт взревел, отказываясь принять поражение, и перепрыгнул через свалившиеся тела, широко взмахнув копьем. Там, где оно достигло теней, пролилась кровь — всего лишь еще один кусочек тьмы, и Мэт использовал пятку древка для того, чтобы сбить с ног других. Он нагнулся и поднял одну из теней на ноги, услышав в ответ проклятья. Это был Деларн.

— Пойдем, — сказал Мэт,

подтолкнув его к Типуну, который, пофыркивая, смиренно стоял в темноте. Атакующие словно не замечали животных, что было только на руку. Мэт потащил спотыкающегося Деларна к лошади, затем обернулся и контратаковал группу, которая, как он знал, наверняка бросится следом. И снова Мэту пришлось потанцевать с тьмой, вновь и вновь нанося удары, пытаюсь расчистить путь, чтобы забраться в седло. Он рискнул обернуться и заметил, что Деларн сумел забраться на спину Типуна, но неуклюже осел, сгорбившись. Как тяжело он ранен? Похоже, что он едва может держаться прямо. Кровь и проклятый пепел!

Мэт развернулся к атакующим, вращая копье, пытаясь отогнать их дальше. Но они не боялись ранений и не понимали, насколько Мэт был опасен. Они просто продолжали идти, постепенно окружая! Они наступали со всех сторон. Проклятый пепел! Он развернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как темная фигура напала со спины.

Что-то сверкнуло в ночи, отразив какой-то далекий свет.

Темная фигура за спиной Мэта повалилась на землю. Следующая вспышка и другая – впереди – тоже упала. Внезапно мимо пронеслась фигура на белой лошади, и в воздухе сверкнул третий нож, повалив

третьего противника.

— Том! — крикнул Мэт, узнав плащ.

— Забирайся на лошадь! — донесся голос Тома. — У меня кончаются ножи!

Мэт взмахнул копьем, свалив еще двоих горожан, а затем бросился вперед и запрыгнул в седло, позволяя Тому прикрывать ему спину. И действительно услышал, как сзади кричат от боли. Мгновение спустя громовой топот на дороге возвестил о приближении группы всадников. Мэт как раз успел взобраться в седло, когда в черную массу, раскидывая горожан, вломились лошади.

— Мэт, ты идиот! — заорали с

одной из лошадей голосом Талманеса. Он был едва видимым силуэтом в ночи.

Мэт благодарно ему улыбнулся, развернул Типуна и едва успел подхватить Деларна – тот готов был упасть. Краснорукий был жив, так как слабо шевелился, но на боку расплывалось пятно. Мэт старался удерживать парня перед собой, бросив в темноте поводья и управляя Типуном только коленями. Сам он не знал искусства управления конем в бою, но ему помогли эти треклятые воспоминания, и он обучил Типуна повиноваться.

Том проскакал мимо, и Мэт пристроил Типуна позади, удерживая

одной рукой Деларна, а другой – копье. Талманес и Гарнан пристроились по бокам, пробиваясь сквозь коридор безумия к постоялому двору на другом конце улицы.

– Давай, парень, – шептал Мэт Деларну. – Держись. Айз Седай уже рядом. Они тебя подлатают.

Деларн что-то прошептал в ответ.

Мэт наклонился поближе: – Ты о чем?

– ... и кости мы метнем, ну а потом скорей, на танец с Джаком-из-Теней... – шептал Деларн.

– Отлично, – пробормотал Мэт. Впереди были видны огни, и он

заметил, что они горят со стороны постоянного двора. Возможно, они нашли во всем треклятом городке единственное место, где у людей ум не зашел за разум.

Хотя нет. Эти вспышки света были ему знакомы. Огненные шары, которые сверкали на верхнем этаже гостиницы.

— Что ж, — заметил слева от Мэта Талманес. — Похоже, Айз Седай еще живы. Хоть что-то хорошее.

Перед зданием толпились дерущиеся в темноте фигуры, изредка озаряемые вспышками в окнах верхнего этажа.

— Поворачиваем к задней двери, — предложил Том.

— Идем, — приказал Мэт, проскакивая мимо дерущихся. Талманес, Том и Гарнан не отставали от Типуна. Мэт поблагодарил свое везение, что они не свалились в яму или канаву, пока перебирались по рыхлой земле на задворки постоянного двора. Лошади легко могли оступиться и сломать ногу, из-за чего ужасающие последствия не заставили бы себя ждать.

На заднем дворе гостиницы было тихо, и Мэт натянул поводья. Том спрыгнул с коня — зря он жаловался на потерю ловкости с возрастом. Он занял позицию сбоку от здания, и выглянул, чтобы посмотреть, не появились ли

преследователи.

— Гарнан! — сказал Мэт, ткнув копьем в сторону конюшни. — Выводи лошадей для Айз Седай и подготовь их. Оседлай, если получится, но будь готов при необходимости отправляться, как есть. Если угодно Свету, нам не придется скакать далеко, всего милю-другую, чтобы просто выбраться из этого городка, подальше от этого безумия.

Гарнан отсалютовал в темноте, потом спешил и бросился к конюшне. Мэт выждал ровно столько, чтобы убедиться, что никто не собирается набрасываться на них из темноты, затем обратился к

Деларну впереди себя: – Ты еще с нами?

Деларн слабо кивнул: – Да, Мэт, но я заработал дырку в брюхе. И я...

– Мы доберемся до Айз Седай, – ответил Мэт. – Все, что от тебя требуется – сидеть смирно. Просто держись в седле, ладно?

Деларн снова кивнул. Мэта беспокоила его слабость, но Деларн подхватил поводья Типуна и, казалось, был полон решимости. Поэтому Мэт соскользнул из седла, держа ашандарей наготове.

– Мэт, – позвал его Деларн.

Мэт обернулся.

– Спасибо, что вернулся за мной.

— Я не собираюсь никого бросать в этом кошмаре — вздрогнув, ответил Мэт. — Погибнуть в бою — это одно дело, но сдохнуть тут, в темноте... Не позволю такого. Талманес! Посмотри, нельзя ли раздобыть где-нибудь света.

— Уже думаю над этим, — откликнулся кайриэнец от задней двери. Он нашел висевший над дверью фонарь. Пара ударов огнива, и маленький мягкий огонек осветил задний двор гостиницы. Талманес быстро закрыл щиток, почти перекрыв поток света.

К ним вернулся Том.

— За нами никто не пошел, Мэт, — сообщил он.

Мэт кивнул. При свете фонаря он заметил, что Деларн очень плох. Он был ранен не только в живот, у него было расцарапано все лицо, вся форма разодрана в клочья, заплыл один глаз.

Мэт вытащил носовой платок и, встав рядом с раненым у Типуна, прижал платок к ране в животе.

— Держи крепче. Как это случилось? Я не видел у них оружия.

— Одному удалось отобрать мой собственный меч, — со стоном ответил Деларн. — Он довольно ловко им воспользовался.

Талманес распахнул заднюю дверь гостиницы. Он оглянулся на Мэта и кивнул. Путь чист.

— Мы скоро вернемся, — пообещал Мэт Деларну. Перехватив ашандарей посвободней, он быстро пересек двор по направлению к двери и кивнул Талманесу с Томом. Они втроем вошли внутрь.

Дверь вела на кухню. Мэт оглядел темное помещение, Талманес толкнул его, указав на несколько бугорков на полу. Свет фонаря выхватил пару мертвых поварят едва ли десяти лет, лежавших со свернутыми шеями. Мэт отвернулся, скрепя сердце, и прошел внутрь. Свет! Они же еще дети, и теперь они мертвы из-за всего этого безумия.

Том мрачно покачал головой, и

они втроем поспешили дальше. В следующем коридоре они наткнулись на повара с ворчанием молотившего по голове кого-то, кто мог быть хозяином гостиницы. По крайней мере, он был в белом фартуке. Он уже был мертв. Толстяк-повар с диким бешенством в глазах повернулся навстречу Мэту с Талманесом, едва они вошли. Мэт неохотно ударил, утихомирив безумца прежде, чем тот смог закричать и привлечь внимание остальных.

— На лестнице драка, — сказал Талманес, кивнув вперед.

— Спорю, там есть лестница для слуг, — отметил Том. — По мне, ей как

раз там место.

И точно, срезав путь через два коридора на задворках гостиницы, они отыскивали узкую, крутую лестницу, ведущую наверх во тьму. Мэт глубоко вздохнул и стал подниматься, держа наготове свой ашандарей. Постоялый двор был двухэтажным, и вспышки света исходили со второго этажа, ближе к фасадной части здания.

Они добрались до второго этажа и открыли дверь, из которой остро несло сгоревшей плотью. Здесь стены коридоров были деревянными, скрытыми под толстым слоем белой краски. На полу лежал толстый ковер каштанового цвета. Мэт кивнул

Талманесу с Томом, и – с оружием наготове – они пробежали от лестницы в коридор.

В их сторону немедленно полетел огненный шар. Мэт выругался, отшатнувшись, врезался в Талманеса, чудом избежав попадания. Том, проявив менестрельскую ловкость, распростерся на полу, проскочив под огнем. Мэт же с Талманесом едва не скатились по лестнице.

– Проклятый пепел! – завопил Мэт в коридор. – Вы что, сдурели?

Сперва было тихо. Наконец, раздался голос Джолин: – Коутон?

– А кто, так твою растак, ты думаешь, это может быть? – крикнул

ОН В ОТВЕТ.

— Не знаю! — ответила она. — Вы так быстро вошли, с оружием наперевес. Пытались умереть?

— Пытались вас спасти! — завопил в ответ Мэт.

— Разве похоже, что нас нужно спасти? — последовал ответ.

— Что ж, вы всё ещё здесь, не так ли? — парировал Мэт.

В ответ — тишина.

— О, ради Света! Ты выберешься оттуда? — наконец отозвалась Джолин.

— А ты не собираешься снова запустить в меня огненным шаром? — пробормотал Мэт, выходя в коридор, как раз когда Том поднимался на

ноги. Талманес последовал за ним. Он обнаружил троих Айз Седай стоящими у большой широкой лестницы на другом конце коридора. Теслин с Эдесиной продолжали швыряться огнем в невидимых горожан внизу. Волосы женщин были мокрыми, одежда в беспорядке, словно одевались в страшной спешке. На Джолин была одна только белая сорочка, её симпатичное лицо сохраняло спокойное выражение, влажные темные волосы были расчесаны и перекинуты через правое плечо. Верх сорочки был слегка порван, приоткрывая то, что под ней пряталось. Талманес тихонько присвистнул.

– Она не женщина, Талманес, – предупреждая, прошептал Мэт. – Она Айз Седай. Даже не думай о ней как о женщине.

– Пытаюсь, Мэт, – ответил Талманес. – Но это сложно, – он помедлил и добавил: – Чтоб я сгорел.

– Поаккуратней при ней с желаниями. Иначе она их исполнит, – сказал Мэт, поглубже надвинув шляпу на глаза. – На самом деле, так едва не случилось мгновение назад.

Талманес вздохнул, и они втроем пошли навстречу женщинам. Двое Стражей Джолин с оружием наготове стояли прямо внутри ванной комнаты. Дюжина, или около того, слуг были связаны в углу комнаты:

пара молоденьких девиц, возможно банщиц, и несколько мужчин в штанах с жилетами. Видимо платье Джолин было разорвано на полосы, которыми были связаны пленники. Шелк подходит лучше шерстяных полотенец. Рядом с верхним пролетом, прямо у ног Айз Седай, Мэт смог различить сваленные тела, павшие от мечей, а не сожженные огнем.

Джолин внимательно наблюдала за подходящим Мэтом. Ее взгляд подсказывал, что она решила, что каким-то образом он виновен во всем происходящем. Она сложила руки на груди, прикрыв верх сорочки, хотя он не был уверен, было ли это в

ответ на взгляды Талманеса или просто случайный жест.

— Нам нужно уходить, — обратился Мэт к женщинам. — Город весь сбрендил.

— Мы не можем, — ответила Джолин. — Мы не оставим этих слуг безумной толпе. Кроме того, нам нужно разыскать мастера Тобрада и убедиться, что он в безопасности.

— Мастер Тобрад — это хозяин гостиницы? — уточнил Мэт. Вниз к подножию лестницы прожужжал огненный шар.

— Да, — ответила Джолин.

— Слишком поздно, — ответил Мэт. — Его мозги уже украшают стены внизу. Послушай, как я уже

говорил, весь город спятил. Эти слуги пытались вас убить, не так ли?

Джолин заколебалась: — Да.

— Бросьте их, — ответил Мэт. —

Мы ничем им не поможем.

— Но если мы дождемся рассвета... — неуверенно сказала Джолин.

— И что тогда? Спалите дотла любого, кто попытается подняться по лестнице? Вы тут наделали шуму, он привлекает все больше и больше людей. Чтобы это прекратить, вам придется убить всех.

Джолин посмотрела на двух других женщин.

— Слушай. У меня внизу раненый Краснорукий, и я намерен

вытащить его отсюда живым. Вы не можете помочь этим людям. Подозреваю, что ваши Стражи зарубили этих на лестнице еще до того, как вы почувствовали достаточную угрозу своим жизням, чтобы воспользоваться Силой. Вам известно, насколько решительно они настроены.

— Ладно, — сказала Джолин. — Я иду. Но мы захватим двух служанок. Их могут нести Блэрик и Фен.

Мэт вздохнул. Он предпочел бы оставить руки Стражей свободными для мечей на случай неприятностей, но ничего не сказал. Он кивнул Талманесу с Томом и нетерпеливо дождался, пока Стражи не подхватят

связанных служанок, взвалив их себе на плечи. После этого вся группа двинулась по служебной лестнице. Талманес показывал путь, Мэт замыкал шествие. Он услышал вопли — наполовину яростные, наполовину радостные — когда горожане у подножия лестницы поняли, что в них перестали лететь огненные шары. Послышались удары, крики и стук дверей, и Мэт вздрогнул, представив, как связанные слуги, оставшиеся в ванной, попали в руки толпы.

Мэт с остальными выскочили из двери на задний двор, где обнаружили лежащего на земле возле Типуна Деларна. Рядом с ним стоял

на коленях Гарнан. Бородатый солдат выглядел взволнованным: – Мэт! Он упал с лошади, и я...

Эдесина оборвала его, метнувшись к Деларну, и опустилась рядом с ним на колени. Она прикрыла глаза, и Мэт почувствовал холод, повеявший от медальона. Он поежился, представив, как от женщины исходит Единая Сила и втекает в раненого мужчину. Это не намного лучше смерти. Проклятый пепел, но это так! Он сжал медальон под рубахой.

Деларн напрягся, но затем с широко распахнутыми глазами начал ловить воздух ртом.

– Сделано, – сказала Эдесина,

поднимаясь. – Он будет чувствовать слабость после Исцеления, но я успела вовремя.

Слава Свету, Гарнан собрал и оседлал всех лошадей. Молодчина. Женщины сели в седла и бросили через плечо прощальный взгляд на постоянный двор.

– Кажется, будто их отравляет сама тьма, – заметил Том, пока Мэт помогал Деларну подняться в седло. – Словно их отверг сам Свет, оставив им только Тень...

– Мы ничего не можем поделать, – сказал Мэт, втаскивая себя в седло позади Дерлана. Боец был слишком слаб после Исцеления, чтобы ехать в одиночку. Мэт оглянулся на

связанных служанок, которых Стражи перекинули через луку седел. Они извивались в путах, их глаза горели от ненависти. Он повернулся и кивнул Талманесу, который, привязав фонарь к палке, прилаживал его к седлу. Кайриэнец снял щиток, осветив всю конюшню. Дорога уходила со двора во тьму, на север. Она уводила прочь от армии, но зато прямо прочь из поселения к холмам. Мэта это вполне устраивало.

— Поехали, — сказал он, пришпорив Типуна. Остальные последовали за ним.

— Я говорил тебе, что пора уходить, но ты настаивал на последнем броске, — через плечо

заметил Талманес, едущий слева от Мэта.

Мэт не оглянулся:

— В этом нет моей вины, Талманес. Откуда мне было знать, что если мы останемся, они примутся рвать друг другу глотки?

— Что? — уставился на него Талманес. — Разве это не обычная реакция людей на твои намерения провести ночь в городе?

Мэт закатил глаза, но был не в состоянии смеяться, пока они выбирались прочь из города.

Часом позже Мэт сидел на камне, торчащем из склона темного холма, глядя на лежащий внизу Хиндерстап. В поселении было

темно. Ни единого огонька. Было невозможно сказать, что происходит там, но он продолжал наблюдать. Как можно спать после всего случившегося?

Но бойцы в самом деле уснули. Он не мог винить Деларна. Исцеление Айз Седай способно иссушить кого угодно. Мэт несколько раз по случаю испытал его ледяное прикосновение на себе и не собирался повторять такой опыт. Талманеса с Гарнаном Исцеление не оправдывало, но они были солдатами. Солдаты умеют спать всегда, когда выпадает свободная минутка, и ночное происшествие ничуть этому не помешало, не то, что

Мэту. О, они волновались, пока были в центре заварушки, но теперь для них это была всего лишь еще одна прошедшая битва. Еще один бой, в котором они выжили. Даже здоровяк Гарнан шутил и улыбался, пока они укладывались спать.

Но Мэт так не мог. Он чувствовал некую странную неправильность в этом происшествии. Мог ли комендантский час каким-то образом помочь избежать всего этого? Не мог ли Мэт, оставшись, спровоцировать все эти смерти? Кровь и проклятый пепел! Неужели весь мир сошел с ума?

— Мэт, паренек, — обратился к

нему Том, подходя ближе, знакомо прихрамывая. У него оказалась сломана рука, хотя он не сказал об этом, пока Эдесина не заметила, что он морщится от боли, и не настояла на Исцелении. — Тебе нужно поспать, — теперь, после восхода луны, скрытой облаками, стало достаточно светло, чтобы заметить его озабоченность.

Их отряд разместился в небольшой лощине в стороне от тракта. Она давала отличный обзор в сторону города, и, — что важнее, — с неё просматривалась дорога, по которой спутники Мэта оттуда выбрались. Эта лощина находилась на крутом склоне холма, и

единственный подход к ней был снизу. Один часовой был способен просматривать все подходы, с которых кто-то мог подобраться к их стоянке.

Айз Седай улеглись спать рядом со стеной котловины, хотя Мэт не был уверен, что они в самом деле уснули. Стражи Джолин догадались захватить скатки с постелями, просто на всякий случай. В этом все Стражи. У бойцов Мэта не было ничего, кроме плащей, но это не помешало им уснуть. Талманес, несмотря на весенний холод, даже тихо похрапывал. Мэт запретил разжигать огонь. Было не так холодно, чтобы нужно было его

разводить, в противном случае он выдал бы их с головой.

— Я в порядке, Том, — ответил Мэт, подвинувшись, освобождая для менестреля местечко на камне. — А вот тебе стоит немного поспать.

Том покачал головой: — Что хорошего я нахожу в старости, это то, что тело все меньше нуждается во сне. Полагаю, умирание требует меньше сил, чем рост.

— Только не заводи эту песню заново, — ответил Мэт. — Может мне тебе напомнить, как ты только недавно вытащил мою тощую задницу из неприятностей? Об этом ты так беспокоился? О том, что больше мне не нужен? Если б тебя не

было сегодня рядом, если б ты не появился в тот момент, то я бы погиб в том городке. И Деларн тоже.

Том улыбнулся, сверкнув глазами в лунном свете: — Ладно, Мэт. Обещаю, я больше не буду.

Мэт кивнул. Какое-то время они вдвоем молча сидели рядом на камне, глядя на лежащий внизу городок: — Меня не оставят в покое, Том, — наконец произнес Мэт.

— Что?

— Я про все это, — устало пояснил Мэт. — Проклятый Темный и его твари. Они преследуют меня с той самой ночи в Двуречье, и ничто их не останавливает.

— Думаешь, это все из-за него?

— А что еще это может быть — если тихие сельские жители вдруг превратились в жутких безумцев? — спросил Мэт. — Это работа Темного, и ты сам это знаешь.

Том промолчал.

— Да, — сказал он наконец. — Полагаю, так и есть.

— Они преследуют меня, — яростно продолжил Мэт. — Этот проклятый голам где-то рядом, уверен, но он лишь часть остального. Мурддраалы, Приспешники Темного, чудища и даже призраки. Преследуют меня и охотятся. Я влипаю в одну напасть за другой, с самого начала едва ухитряясь держаться на плаву. Я твержу, что

всего лишь хочу найти где-нибудь безопасную нору, чтобы выпить и поиграть, но это не останавливает их. И ничто не остановит.

— Ты та'верен, парень, — ответил Том.

— Я не напрашивался. Чтоб я сгорел, пусть они все надоедают Ранду. Ему это нравится, — он покачал головой, отмахиваясь от возникшего видения: Ранд спал в кровати, Мин лежала, свернувшись калачиком, рядом.

— Ты в самом деле так думаешь? — спросил Том.

Мэт помедлил.

— Хотел бы, — признался он. — Все стало бы проще.

— В итоге, ложь никогда не делает жизнь проще. Если только она не сказана подходящему лицу — обычно женщине — в подходящее время. А если ты лжешь сам себе, то только навлекаешь на себя больше неприятностей.

— Я уже навлек большие неприятности на тех людей. В городе, — он оглянулся на их небольшой лагерь, где сидели двое Стражей, сторожившие связанных служанок. Они продолжали бороться. Свет! Откуда в них только берутся силы? В этом было что-то нечеловеческое.

— Не думаю, что ты был тому виной, Мэт, — задумчиво произнес

Том. — О, я не отрицаю, что тебя преследуют неприятности — и их причина в Темном. Но в Хиндерстапе... что ж, когда я пел в таверне, я кое-что слышал. Казалось, им ничего не нравится. Но постаравшись вспомнить, я поразился: они ожидали, что это случится! Или что-то вроде того.

— Как это может быть? Если такое случалось и прежде, они все должны быть мертвы, — сказал Мэт.

— Не знаю, — задумчиво сказал Том. Потом его вдруг пронзила какая-то мысль. Он принялся рыться в карманах плаща. — О, как я забыл. Может быть и есть кое-какая связь между тобой и происшествием. Я

стащил это у одного пьяного вдрызг бедолаги, — менестрель вытащил свернутый листок бумаги и протянул его Мэту.

Мэт, нахмурившись, взял его и развернул. Он повернулся к свету, поднес поближе к глазам, и охнул, поняв, что там было — не слова, а очень точный портрет Мэта в шляпе. Был даже нарисован висевший на шее медальон с лисьей головой. Проклятый пепел.

Он сдержал досаду: — Милый парень. Прямой нос, ровные зубы, модная шляпа.

Том фыркнул.

— Я видел, как пара типов совали мэру под нос какую-то бумагу, —

сказал Мэт, сворачивая рисунок. – Я не разглядел, что в ней было, но ручаюсь, что то же самое. А что об этом говорил тот парень, у которого ты ее увел?

– Их раздавала чужеземка в какой-то деревне к северу отсюда, предлагая награду всем, кто тебя опознает. Он получил листовку от своего приятеля, поэтому он не знает, ни как она выглядела, ни названия деревни. Либо его приятель не хотел ему говорить, чтобы получить награду самому, либо он был слишком пьян, чтобы вспомнить.

Мэт записнул листовку в карман кафтана. На востоке засветились зарницы ложного рассвета. Он

просидел всю ночь напролет, но не чувствовал себя уставшим. Только... будто бы выжатым.

– Я возвращаюсь, – сказал он.

– Что? – удивленно переспросил

Том. – В Хиндерстап?

Мэт кивнул, поднимаясь на ноги.

– С первым светом. Я должен...

Его прервали раздавшиеся приглушенные ругательства. Он быстро повернулся за своим ашандареем. У Тома в мгновение ока в руках наготове очутилась пара ножей. Ругался Фен, Страж Джолин из Салдэйи. Он стоял, рассматривая землю под ногами, схватившись за меч. Блэрик стоял с обнаженным

оружием, прикрывая Айз Седай.

– Что? – сухо спросил Мэт.

– Пленницы, – ответил Фен.

Мэт вздрогнул, заметив, что связанные, как кули, пленницы, лежавшие возле Стражей, исчезли. С проклятиями он метнулся туда. Храп Талманеса смолк. Видимо, происшествие его разбудило, и он сел. Путы, сделанные из полос платья Джолин, валялись на земле, но служанки исчезли.

– Что случилось? – оглядываясь, уточнил Мэт.

– Я... – темноволосый Страж выглядел озадаченным. – Не имею понятия. Они были тут всего мгновение назад!

– Ты точно не задремал? – уточнил Мэт.

– Фен ни за что бы не задремал, – ответила вместо него Джолин, сядясь на постели. Ее тон был холоден. На ней по-прежнему была только нижняя рубашка.

– Парень, – сказал Том. – Мы оба видели этих девушек на месте всего минуту назад.

Талманес выругался и разбудил двух Красноруких. Деларн выглядел гораздо лучше. Судя по тому, как уверенно он поднялся на ноги, слабость от Исцеления уже почти не беспокоила его. Стражи занялись было поисками, но Мэт повернулся в сторону города: – Все ответы там, –

сказал он. – Том, ты идешь со мной. Талманес, присмотри за женщинами.

– За нами не нужно «присматривать», Мэтрим, – сердито ответила Джолин.

– Отлично, – выпалил он. – Том, ты идешь со мной. Джолин, ты присмотришь за бойцами. В любом случае, вы все останетесь здесь. Я сейчас не в том настроении, чтобы переживать за весь отряд.

Он не дал им и шанса оспорить свое решение. Спустя минуту они с Томом уже были в седлах, спускаясь по тропе обратно к Хиндерстапу.

– Парень, – сказал Том. – Что ты надеешься найти?

– Не знаю, – ответил Мэт. – Но

если б знал, не думаю, что захотел бы искать.

– Честный ответ, – тихо сказал Том.

Мэт немедленно заметил странность. Козы на западном лугу. Он не мог сказать с полной уверенностью, но ему показалось, что их кто-то пасет. И откуда появились все эти мерцающие огни? Целую ночь не было ни единого. Он пришпорил Типуна, Том молча последовал за ним.

На дорогу ушел почти час – Мэт не решился останавливаться на ночлег слишком близко, хоть и не был расположен плутать в темноте в поисках вставшей лагерем армии.

Когда они попали обратно на конюшню гостиного двора, уже рассвело, хотя было еще очень рано. Пара людей в серых куртках возились с задней дверью, которая была сорвана с петель уже после ухода Мэта с остальными. Один из парней, увидев подъезжающих Мэта с Томом, заметно занервничал и снял шапку. Ни в одном из мужчин не было ни намека на опасность.

Мэт остановил Типуна. Один из слуг что-то прошептал другому, и тот вбежал внутрь. Мгновение спустя из дверей вышел лысый человек в белом фартуке. Мэт почувствовал, что бледнеет.

— Трактирщик! Чтоб мне

сгореть, я видел, как ты умер! — заявил Мэт.

— Тебе лучше сходить за мэром, сынок, — обратился хозяин к одному из работников. Он посмотрел на Мэта и добавил. — Быстро!

— Что, во имя проклятой левой руки Ястребиного Крыла, здесь происходит? — спросил Мэт. — Что это было за извращенное представление? Вы...

В дверной проем из-за спины хозяина высунулась голова и уставилась на Мэта. Пухлое лицо венчали кудрявые светлые волосы. В последний раз, когда Мэт видел повара, ему пришлось перерезать ему горло.

– Эй, ты! – сказал он, ткнув в него пальцем. – Я же тебя убил!

– А теперь успокойся, сынок, – обратился к нему хозяин гостиницы. – Пойдем, выпьем чайку, а потом...

– Я с тобой никуда не пойду, ты, привидение, – ответил Мэт. – Том, ты их видишь?

Менестрель поскреб подбородок: – Возможно, нам стоит его выслушать, Мэт.

– Одни духи и привидения, – пробормотал Мэт, разворачивая Типуна. – Едем, – он свернул за угол, поехав к фасаду таверны. Том последовал за ним. Здесь он заметил, что внутри снует множество рабочих, таскающих ведра с белой краской.

Видимо, чтобы закрасить отметины, оставленные огнем Айз Седай.

Том встал рядом с Мэтом:

— Никогда не видел ничего подобного, Мэт, — заявил он. — Зачем привидениям красить стены и чинить двери?

Мэт покачал головой. Он заметил место, где он сражался с горожанами, спасая Деларна. Он натянул поводья, задержав Типуна, и Тому с проклятьями пришлось разворачиваться, чтобы к нему присоединиться.

— Ну что еще? — спросил Том.

Мэт показал. На земле и на придорожных камнях были видны пятна крови.

– Здесь ранили Деларна, – пояснил он.

– Ладно, – сказал Том. Вокруг них, отводя глаза, по улице шли люди. При этом они старались держаться от Мэта с Томом подальше.

«Кровь и проклятый пепел! – подумал Мэт. – Я снова позволил нас окружить. Что если они набросятся разом? Проклятый идиот!»

– Значит, здесь кровь, – продолжил Том. – А чего ты еще ожидал?

– А где же остальная кровь, Том? – прорычал Мэт. – Я убил здесь дюжину людей и видел, как пролилась их кровь. А ты убил здесь

троих своими ножами. И где же кровь?

— Исчезла, — произнес чей-то голос.

Мэт повернул Типуна и увидел стоявшего неподалеку здоровяка мэра с волосатыми руками. Он, должно быть, уже был где-то поблизости. Невозможно, чтобы рабочие позвали его так быстро. Конечно, если учесть, что творится в этом городке, кто может быть уверен, что возможно, а что нет? На плаще и рубашке Барлдена красовались несколько свежих прорех.

— Кровь исчезает, — повторил он устало. — Никто из нас ее не видит. Мы просыпаемся, и она исчезает.

Мэт помедлил, оглядываясь по сторонам. Из домов выходили женщины, держа на руках детей. Мужчины направлялись в поле с мотыгами и пастушьими посохами в руках. Если не учитывать нервную атмосферу вокруг Мэта с Томом, никто бы не подумал, что в этом городке что-то не так.

— Мы не хотели причинить вам вреда, — продолжил мэр, отворачиваясь от Мэта. — Так что не нужно так беспокоиться. По крайней мере, до заката. Я все объясню, если пожелаешь. Либо ступай следом и выслушай, либо уходи. Мне все равно, лишь бы ты оставил мой город в покое. У нас много работы. И

благодаря тебе, ее стало больше обычного.

Мэт покосился на Тома, который пожал плечами:

— Не будет вреда, если мы послушаем, — сказал менестрель.

— Даже не знаю, — ответил Мэт, разглядывая Барлдена. — Если только ты не считаешь, что нам не повредит быть окруженными безумными горцами-убийцами.

— Значит, уходим?

Мэт медленно покачал головой: — Нет. Чтоб меня, но у них осталось мое золото. Давай послушаем, есть ли ему, что сказать.

— Все началось несколько месяцев назад, — начал рассказ мэр,

встав у окна. Они расположились в аккуратной, хотя и простенькой гостиной особняка мэра. Занавески и ковер были светло-зелеными, почти одного тона с листом бычьего глаза, а стены отделаны деревянными панелями цвета бронзы. Жена мэра подала им чай из сушеных ягод. Мэт решил ничего не пить и предпочел расположиться у стеночки рядом с дверью, ведущей на улицу. Копье он поставил рядом.

Жена Барлдена оказалась невысокой, немного полноватой темноволосой женщиной с материнским лицом. Она вернулась из кухни, неся в руках чашу меда для чая, но, увидев прислонившегося к

стене Мэта, заколебалась. Покосилась на копье, поставила чашу на стол и удалилась.

— Что случилось? — спросил Мэт, посмотрев в сторону Тома, который тоже не стал садиться. Старый менестрель стоял рядом с дверью в кухню, скрестив руки на груди. Он кивнул Мэту: женщина не осталась подслушивать у двери. Он сделает знак, если услышит, что кто-то собирается войти.

— Мы не уверены, стали виной всему наши проступки или это просто жестокое проклятие Темного, — ответил мэр. — Был обычный день, в самом начале года, прямо перед Днем Эбрама. Насколько я помню, в

нем не было ничего особенного. Погода к тому времени уже испортилась, но снега еще не было. На следующее утро многие, как обычно, собирались по своим делам, ни о чем не догадываясь.

Были, знаете ли, некоторые странности: сломанная дверь, порванная одежда — и никто ни о чем не помнит. И кошмары. Они были у всех. Кошмары о смертях и убийствах. Несколько женщин начали было болтать и поняли, что не могут припомнить, чем закончился предыдущий вечер. Они помнили, как проснулись в целости и сохранности в собственных уютных постелях, но мало кто помнил, как в

них ложился. Те, кто помнил, легли спать рано, до заката. Для остальных вечер остался смутным воспоминанием.

Он замолчал. Мэт посмотрел на Тома, который никак не прокомментировал рассказ. По выражению его голубых глаз Мэт догадался, что менестрель тщательно запоминает историю. — «Раз он решил впихнуть меня в балладу, лучше бы ему постараться, — подумал Мэт, сложив руки на груди. — И не забыть про шляпу. Проклятье, это отличная шляпа!»

— В ту ночь я был на пастбище, — продолжил мэр. — Помогал старику Гаркину со сломанной оградой. А

потом... ничего. Муть. Следующим утром я проснулся рядом с женой в собственной кровати. Мы чувствовали усталость, словно плохо выспались, — он вновь замолчал, затем тише добавил: — И мне снились кошмары. Они были нечеткими и тусклыми. Но я вспомнил один яркий образ. Мертвый старик Гаркин, лежащий у моих ног, словно убитый диким зверем.

Барлден стоял, уставившись в окно, у восточной стены напротив Мэта: — Но я решил навестить Гаркина на следующий день, и с ним все было в порядке. Мы закончили ограду. Но едва я успел добраться до города, как услышал пересуды. Все

обсуждали кошмары и выпавшее из памяти время после заката. Мы собрались вместе, все обсудили, и потом все случилось снова. Солнце зашло, потом взошло, и я проснулся в своей кровати уставшим, с головой забитой кошмарами.

Он поежился, потом подошел к столу и налил себе чай.

— Мы не знаем, что происходит ночью, — продолжил мэр, размешивая в чашке мед.

— Как не знаете? — спросил Мэт. — Да я могу рассказать, что творится вашей проклятой ночью. Вы...

— Мы не знаем, что происходит, — перебил его мэр, пронзив Мэта взглядом. — И знать не желаем.

— Но...

— Нам не нужно знать это, чужеземец, — резко сказал мэр. — Мы желаем жить своей собственной жизнью так, как можем. Многие из нас возвращаются рано и ложатся спать до заката. В таком случае никаких провалов в памяти не случается. Мы ложимся и просыпаемся в одной и той же кровати. Случаются кошмары, порой приходится чинить дом, но ничего такого, чего нельзя было бы исправить. Другие предпочитают идти в таверну и напиться до захода солнца. Полагаю, в этом есть какое-то счастье. Пить, сколько хочешь, и не беспокоиться о том, как вернуться

домой. Всякий раз просыпаешься целым и невредимым в собственной кровати.

— Вы не можете полностью этого не замечать, — тихо сказал Том. — Вы не можете делать вид, что ничего не изменилось.

— Мы и не делаем, — ответил Барлден, отхлебнув чай. — У нас есть правила. Те самые, которые вы нарушили. Не зажигать огня после заката, нам не нужен ночной пожар, потому что его некому будет тушить. И мы запретили чужакам оставаться в городе после заката. Мы быстро усвоили этот урок. Первыми людьми, попавшими здесь в ловушку после заката, были родственники бондаря

Саммри. Следующим утром мы обнаружили кровь на стенах его дома. Но его сестра с семьей преспокойно спали в предоставленных кроватях, — мэр сделал паузу. — Теперь у них те же кошмары, что и у нас.

— Так уезжайте, — предложил Мэт. — Просто бросьте это проклятое место и куда-нибудь уезжайте!

— Мы уже пытались, — ответил мэр. — Но мы снова просыпаемся здесь, как бы далеко мы ни уехали. Некоторые пытались покончить с жизнью. Мы хоронили тела. На следующее утро они просыпались в своих кроватях.

В комнате повисла тишина.

– Кровь и проклятый пепел, – прошептал Мэт. Его бросило в дрожь.

– Вы выжили ночью, – отхлебнув чай, продолжил мэр. – Я думал, вы не справились, когда увидел ту кровь. Нам было интересно посмотреть, где вы проснетесь. Большая часть комнат в гостинном дворе заполнена путешественниками, которые на благо или на беду теперь стали частью нашего города. Мы не можем выбирать, где кому просыпаться. Это просто случается. Пустая кровать сама находит владельца, и потом он просыпается на ней каждое утро.

– Все равно. Когда я услышал, как вы рассказываете то, что видели,

я понял, что вам удалось спастись. Вы слишком ясно запомнили ночные события. Другие, кто... присоединились к нам, помнят одни кошмары. Так что считайте, что вам повезло. Я предлагаю вам двигаться дальше и забыть про Хиндерстап.

— С нами есть Айз Седай, — сказал Том. — Может они смогут вам чем-нибудь помочь? Мы можем передать весть Белой Башне, они пришлют...

— Нет! — резко ответил мэр. — Наша жизнь не так уж плоха, раз мы знаем, как справляться с ситуацией. Нам не нужно здесь внимание Айз Седай, — он отвернулся. — Мы чуть не прогнали вас. Мы иногда так

поступаем, когда чувствуем, что путешественники не станут следовать нашим правилам. Но с вами были Айз Седай. Они задавали вопросы и интересовались. Мы испугались, если мы вас прогоним, они что-то заподозрят и потребуют остаться.

— Заставляя их уехать до заката, вы еще больше их интересовали, — сказал Мэт. — А если служанки пытаются убить вас прямо во время купания, то это тоже не лучший способ сохранить секрет.

Мэр побледнел:

— Некоторые хотели... ну, чтоб вы остались. Они думали, раз Айз Седай окажутся привязаны к этому

месту, они найдут способ нас спасти. Мы не пришли к согласию. В любом случае, это наша проблема. Пожалуйста, просто... Просто уезжайте.

— Хорошо, — Мэт выпрямился и взял копье. — Но сперва скажи, откуда взялось это.

Он вытащил из кармана листовку со своим портретом.

Барлден взглянул: — Их можно найти по всем окрестным деревням, — ответил он. — Вас кто-то ищет. Как я объяснил прошлой ночью Ледрону, я не собираюсь продавать своих гостей. Я не собирался вас похищать, рискуя задержать на ночь за какое-то вознаграждение.

— Кто меня ищет? — повторил Мэт.

— Где-то лигах в двадцати к северо-востоку отсюда есть небольшой городок под названием Трустейр. По слухам, если хочешь подзаработать, нужно туда передать новости про человека, похожего на этот портрет или на другой. Зайдите в Трустейре в таверну «Трясущийся кулак» и найдете того, кто вас ищет.

— Другой портрет? — переспросил Мэт, нахмурясь.

— Да. Крупный парень с бородой. В пометке на картинке значилось, что у него золотые глаза.

Мэт посмотрел на Тома, который выгнул косматую бровь.

— Кровь и проклятый пепел, — пробормотал Мэт и натянул шляпу. Кто же ищет их с Перрином, и чего они хотят? — Полагаю, нам пора, — сказал он и взглянул на Барлдена. Бедняга. Ведь это творится со всем городом. Но что Мэт может с этим поделать? Есть то, с чем можно справиться, и то, что нужно оставить на кого-то другого.

— Ваше золото на улице в фургоне, — сказал мэр. — Мы ничего не взяли из вашего выигрыша. Еда там же, — он взглянул Мэту в глаза. — Мы держим слово. Все остальное мы контролировать не в состоянии, особенно для тех, кто не прислушивается к нашим правилам.

Но мы не собираемся никого грабить просто потому, что он чужестранец.

— Вы очень снисходительны, — спокойно сказал Мэт, отворяя дверь. — Хорошего вам дня, и, когда настанет ночь, постарайтесь не убивать никого, кого не стал бы убивать я. Том, ты идешь?

Том последовал за ним, слегка прихрамывая из-за старой раны. Мэт оглянулся на Барлдена, стоявшего посреди гостиной с закатанными рукавами, уставившись в чашку. Казалось, что он желал бы обнаружить в ней нечто покрепче.

— Бедолага, — сказал Мэт, выходя на свет следом за Томом, и захлопнул дверь.

– Полагаю, дальше мы займемся тем, что поищем того, кто распространяет твои портреты? – спросил Том.

– Точно, как Свет. Так и поступим, – ответил Мэт, привязывая ашандарей к седлу Типуна. – Все равно это по дороге к Четырем Королям. Я поведу твою лошадь, если ты справишься с фургоном.

Том кивнул. Он разглядывал дом мэра.

– Ну, что? – спросил Мэт.

– Ничего, парень, – ответил менестрель. – Просто... получается печальная история. Что-то не так в этом мире. В Узоре появилась прореха. Ночью город распускается,

и каждое утро мир переделывает всё заново, пытаясь привести его в порядок.

— Что ж, им следовало бы быть пооткровенней, — сказал Мэт. Пока они беседовали с мэром, горожане подогнали фургон с едой. В него были впряжены две поджарые лошади рыжего цвета с широкими копытами.

— Пооткровенней? — спросил Том. — И как? Мэр прав. Они действительно нас предупреждали.

Мэт хмыкнул и направился к сундуку проверить золото. Все было на месте, как и обещал мэр.

— Не знаю, — ответил он. — Может им нужно повесить

предупреждение или что-то еще. Привет. Добро пожаловать в Хиндерстап. Мы убьем вас ночью и сожрем ваше треклятое лицо, если посмеете остаться после заката. Попробуйте наши пирожки. Марта Бейли печет их каждый день.

Том даже не улыбнулся: — Дурной вкус, парень. В этом месте слишком много несчастья, чтобы над этим шутить.

— Забавно, — сказал Мэт. Он отсчитал приблизительно столько золота, сколько бы стоила еда вместе с фургоном и лошадьми. Потом, спустя миг, он добавил сверху десять серебряных крон. Он оставил деньги в кошельке на крыльце мэра и

захлопнул сундук. — Чем печальнее идут дела, тем больше мне хочется смеяться.

— Ты в самом деле хочешь забрать этот фургон?

— Нам нужна еда, — ответил Мэт, привязывая сундук позади фургона. Рядом с бочонками эля многообещающе лежали несколько огромных головок сыра и полдюжины бараньих ног. Еда пахла нормально, и его желудок заурчал. — Я все это честно выиграл.

Он оглянулся на идущих по улице горожан. Когда он впервые увидел их вчера, он решил, что их вялые движения соответствуют ленивой натуре жителей гор. Теперь

он понял, что все иначе.

Он вернулся к проверке лошадиной упряжи:

— И мне нисколько не жаль забирать у них фургон с лошадьми. Сомневаюсь, что эти ребята в будущем собираются путешествовать

...

Глава 29. В стенах Бандар Эбана

«Мореин Дамодред, погибшая из-за моей слабости».

Проезжая через массивные городские ворота Бандар Эбана, Ранд замедлил шаг Тай'дайшара. Его свита следовала позади, а Айил рядами шли впереди. Согласно рассказам, на воротах была выгравирована

городская печать, но распахнутые створки не позволили Ранду ее рассмотреть.

«Безымянная Приспешница Темного, обезглавленная мной в мурандийских холмах. Я не помню лиц ее спутников, но мне не забыть ее лица».

Список прокручивался в его голове. Едва ли не ежедневный ритуал — имя каждой женщины, погибшей от его рук или по его вине. Земляные улицы города были исчерчены колеями от колес, которые скрещивались на перекрестках. Местная почва была светлее любой, виденной им ранее.

«Колавир Сайган, умершая,

потому что я обрек ее на нищету».

Он проезжал мимо рядов доманийцев — женщин в полупрозрачных платьях и мужчин с тонкими усами, одетых в яркие кафтаны. Дощатые тротуары по бокам дорог были заполнены зеваками. Ранд слышал, как хлопают на ветру знамена и флаги. Казалось, они заволокли весь город.

Список всегда начинался с Морейн. Это имя больше всех причиняло боль — ведь он мог бы ее спасти. Должен был. Он ненавидел себя за то, что позволил ей принести себя в жертву ради него.

Какой-то ребенок спустился с тротуара, намереваясь выбежать на

дорогу, но отец ухватил его за руку и утащил вглубь толпы. Кто-то тихонько покашливал, кто-то вполголоса переговаривался, но большинство хранило молчание. В сравнении с этим звуки шагающего по утоптанной земле отряда Ранда казались громом.

Ожила ли Ланфир? Если Ишамаэлю удалось вернуться, то почему бы не суметь и ей? Если так, то смерть Морейн была напрасной, а его собственное малодушие еще более удручающим. Это не должно повториться. Список имен останется, но его слабость никогда больше не помешает сделать то, что должно быть сделано.

Собравшиеся на тротуарах люди никак его не приветствовали. Что ж, он пришел сюда не освобождать. Он пришел исполнить то, что должно было быть исполнено. Может быть, он отыщет здесь Грендаль. Асмодиан говорил, что она где-то в этих местах, но это было давным-давно. Если удастся ее отыскать, то, возможно, это уменьшит муки его совести из-за этого вторжения.

Испытывал ли он их теперь вообще? Он не мог решить.

«Лиа из Косайда Чарин, которую я убил, сказав себе, что так будет лучше для нее», — к его удивлению, Льюс Тэрин, словно странное эхо, звучащее речитативом

внутри головы, начал вслед за ним монотонно повторять имена.

Впереди его поджидала большая группа Айил, расположившаяся на городской площади, украшенной по углам медными фонтанами, изображающими лошадей, вырывающихся из пенистых волн. Перед фонтаном его ждал мужчина верхом на лошади, в окружении почетного караула. Плотного сложения, с квадратной челюстью, морщинистый и седой. Его лоб был выбрит и напудрен по моде Кайриэнских военных. Добрэйн заслуживал доверия, насколько вообще может этого заслуживать кайриэнец.

«Сендара из Железной Горы клана Таардад. Ламелле из Дымного Ручья клана Миагома. Андилин из Красной Соли клана Гошиен».

«Илиена Тэрин Моерелле», — добавил Льюс Тэрин, вставив имя между двух других. Ранд позволил. По крайней мере, безумец не стал снова кричать.

— Лорд Дракон, — учтиво обратился Добрэйн, кланясь подъехавшему Ранду. — Я вверяю Вам город Бандар Эбан. По Вашему приказу порядок был восстановлен.

— Я просил тебя, Добрэйн, восстановить порядок по всей стране, — тихо сказал Ранд, — а не только в городе.

Дворянин слегка сник.

— Нашел мне кого-нибудь из Совета Торговцев? — спросил Ранд.

— Да, — ответил Добрэйн. — Милисайр Чадмар удалось спастись в этом хаосе. — Его глаза горели энтузиазмом. Он всегда был стойким приверженцем Ранда, но не было ли это уловкой?

Последнее время у Ранда были проблемы с доверием. Те, кто казался наиболее надежными, нуждались в наибольшем присмотре. А Добрэйн был родом из Кайриэна. Отважился бы Ранд доверять кайриэнцам с их играми?

«Мореин была кайриэнкой. Я доверял ей. В основном».

Возможно, Добрэйн надеялся, что Ранд изберет его королем Арад Домана. Он был Наместником в Кайриэне, но, как и остальные, знал, что Ранд прочит Илэйн на Солнечный Трон.

Итак, Ранд мог бы отдать это королевство Добрэйну. Он был лучше других. Ранд кивком предложил ему возглавить шествие, что тот и сделал, свернув в широкий переулок в сопровождении айильцев. Ранд последовал за ними, продолжая мысленно прокручивать список.

Здесьние здания были высокими и прямоугольными, напоминая поставленные друг на друга коробки. Многие строения имели балконы,

которые, как и тротуары под ними, были заполнены людьми.

Каждое имя из списка Ранда причиняло ему боль, но теперь эта боль казалась странной и далекой. Со дня убийства Семираг его чувства стали... иными. Она преподавала ему урок, как похоронить вину и боль. Ей хотелось захватить его в плен, а вместо этого она дала ему силу.

Он добавил в список имена ее и Элзы. У них не было права там находиться. Семираг была скорее чудовищем, а не женщиной. Элза предала его, служа все это время Тени. Но он добавил их имена. Они взывали к нему, как к своему убийце, наравне со всеми. И даже более. Он

не пожелал убивать Ланфир ради спасения Морейн, зато использовал погибельный огонь, чтобы выжечь из узора Семираг, лишь бы не быть плененным вновь.

Он дотронулся до предмета, хранящегося в седельной сумке. Это была гладкая статуэтка. Он не сказал Кадсуане, что его слуги забрали статуэтку из ее комнаты. Теперь, когда Кадсуане изгнана, он и не скажет. Ему было известно, что она следовала за ним по пятам, оставаясь вместе с его свитой, испытывая границы своих возможностей после запрета показывать ему свое лицо. Впрочем, приказ она исполнила, так что он оставил все как есть. Он не

собирался разговаривать с ней, а она с ним.

Кадсуане была всего лишь инструментом, причем доказавшим свою негодность. Он отбросил его в сторону без сожалений.

«Джендилиин, Дева из Холодного Пика клана Миагома», – подумал он. Льюс Тэрин пробормотал вслед за ним. Список был длинным. И он будет расти до самой смерти Ранда.

Смерть более не страшила его. Наконец-то он понял стенания Льюса Тэрина о том, чтобы положить конец всему. Ранд заслуживал смерти. Была ли на свете такая смерть, чтоб человек никогда не смог возродиться заново? Он

наконец-то добрался до конца списка. Раньше он повторял его, чтобы не дать себе забыть эти имена. Теперь это было невозможно. Он просто не смог бы их забыть, даже если бы захотел. Он повторял их в память о том, кем он был.

Но у Льюса Тэрина нашлось еще одно имя для внесения в список: «Элминдред Фаршав», – прошептал он.

Ранд натянул поводья Тай'дайшара, остановив посреди улицы коня, колонну айильцев, салдэйскую конницу и идущий следом обоз. Добрэйн вопросительно повернулся на своем белом жеребце.

«Я не убивал ее! – подумал Ранд. – Льюс Тэрин, она жива. Мы не убивали ее! И в любом случае, это вина Семираг».

В ответ тишина. Он продолжал ощущать под своими пальцами ее плоть, сжимая ее все сильнее и сильнее, не в силах этому противостоять. Даже если за всем этим стояла Семираг, то Ранд был повинен в том, что не прогнал Мин от себя ради ее же безопасности.

Он и теперь не прогнал ее. Не потому, что он был слишком слаб, а потому, что в нем умерло беспокойство. Не о ней – он беззаветно любил ее, и всегда будет любить. Но он знал, что с его

возрождением пришли смерть, боль и разрушение, и он тянет их за собой, словно плащ. Мин могла умереть здесь, но если бы он прогнал ее, то опасность не уменьшилась бы. Вероятно, его враги подозревают, что он ее любит.

Безопасности нет. Если бы она погибла, он добавил бы ее имя в список и страдал от этого.

Он продолжил движение прежде, чем его поступок вызвал вопросы. Копыта Тай'дайшара глухо стучали по глине улиц, размякшей от влаги. Дожди здесь шли часто. Бандар Эбан был основным портом на северо-западе. Уступая по размеру южным портовым городам, он все же

производил впечатление. Ряды деревянных прямоугольных домов в два-три этажа с остроконечными крышами с мансардами на втором и третьем этажах. Они были похожи на детские кубики, поставленные друг на друга, безупречно квадратные и разделенные на этажи. Они заполнили город, плавно спускаясь к большому порту.

Шире всего город был в районе порта, напоминая очертаниями голову человека, открывшего широкий рот в стремлении выпить океан. Доки были почти пусты: лишь группа трехмачтовых гонщиков Морского Народа, да несколько рыболовных судов стояли у причалов.

Огромные размеры порта лишь подчеркивали отсутствие других кораблей.

Это было первым признаком того, что в Бандар Эбане не все в порядке.

Помимо практически пустой гавани, самым впечатляющим зрелищем в городе были флаги. Они реяли или свисали с каждого здания, даже с самой ветхой лачуги. Большинство из них объявляли, какой товар продается в данном здании. В Кэймлине тем же целям служила скромная деревянная вывеска. Еще более вычурные и яркие трепетали на ветру над зданиями. Сходные с ними

напоминающие гобелены полотнища были развешаны по сторонам большинства зданий, пестрыми надписями рассказывая о владельце, мастере и торговце каждой лавки. Даже на частных домах висели флаги с именами проживающих в них семейств.

Меднокожие и темноволосые доманийцы предпочитали одежду ярких расцветок. О доманійках ходила скандальная слава из-за их столь прозрачных платьев. Поговаривали, что доманийские девочки с юных лет практикуются в искусстве манипулирования мужчинами, готовясь к взрослой жизни.

Стоящие вдоль дороги, они представляли собой зрелище, способное отвлечь даже Ранда от его раздумий. Может, год назад он таращил бы глаза, но сейчас он едва удостоил их взглядом. В сущности, до него дошло, что, собравшись вместе, доманийцы стали менее экстравагантными. Одинокий цветок всегда заметишь среди бурьяна, но если каждый день ходишь через цветник, ни один не привлечет особого внимания.

Но, даже отвлекшись, он увидел признаки голода. Ни с чем невозможно было спутать эти испуганные глаза детей, эти осунувшиеся лица взрослых. Всего

несколько недель назад в этом городе царил хаос, хотя Добрэйн с помощью Айил восстановил власть закона. Окна в нескольких зданиях носили следы спешной починки, кое-какие доски были сломаны, а некоторые флаги, очевидно, недавно были разорваны и потом кое-как залатаны. Порядок был восстановлен, но память о беспорядках еще свежа.

Процессия достигла центрального перекрестка, который, судя по надписям на больших развевающихся знаменах, являлся Площадью Аранди. Добрэйн повернул процессию на восток. Многие из прибывших с кайриэнцами айильцев носили

красную повязку на голове, указывающую на их принадлежность к сисвай'аман – Копьям Дракона. Примерно двадцать тысяч Айил Руарка стояли лагерем вокруг города и в соседних городках. К настоящему моменту большинство доманийцев знали, что эти Айил следуют за Возрожденным Драконом.

Ранд был рад обнаружить наконец-то прибывшие с юга с зерном гонщики Морского Народа. Надо надеяться, что этого, вкупе с усилиями Добрэйна и Айил, хватит для восстановления порядка.

Процессия вошла в зажиточную часть города. Он знал, где она будет, еще до того, как дома стали

роскошными: подальше от доков, но, в то же время, оставаясь на удобном расстоянии от городских стен. Ранд мог бы отыскать дома состоятельных горожан даже без карты. Городской ландшафт четко предопределял их расположение.

Рядом раздалось цоканье копыт. Он было решил, что это Мин, но та ехала позади — рядом с Хранительницами Мудрости. Теперь она смотрит на него иначе, или это ему просто кажется? Вспоминает ли она всякий раз, глядя на него, пальцы, сомкнувшиеся на ее горле?

Это оказалась Мериса, подъехавшая к нему на спокойной мышастой кобыле. Айз Седай

разъярило изгнание Кадсуане. Неудивительно. Пусть Айз Седай и любят внешне сохранять невозмутимость и контроль, но Мериса и прочие старались угодить Кадсуане, напоминая хозяина гостиницы, глупо улыбающегося посетившему его королю.

Сегодня тарабонка надела свою шаль, подчеркивая свою принадлежность к Зеленой Айя. А возможно, она ее надела в попытке утвердить свое влияние. Ранд мысленно вздохнул. Он ожидал тренировок, но надеялся, что хлопоты на марше позволят потянуть время до исчезновения напряженности. В какой-то мере он уважал Кадсуане,

но никогда ей не доверял. У проступков должны быть последствия, и он ощутил огромное облегчение, избавившись от нее. Больше не будет идущих к ней опутывающих его ниточек.

Или их, хотя бы, станет меньше.

– Это изгнание – глупость, Ранд ал'Тор, – сказала Мериса пренебрежительно. Может, она специально пыталась рассердить его, полагая, что так им проще будет управлять? Пообщавшись столько месяцев с Кадсуане, смешно видеть слабые потуги ей подражать.

– Ты должен молить ее о прощении, – продолжила Мериса. – Она соизволила продолжить путь

вместе с нами, хотя твое дурацкое ограничение вынуждает ее носить плащ с капюшоном даже в такой теплый день. Тебе должно быть стыдно.

Вновь Кадсуане. Ему не нужно было оставлять ей свободы маневра искажать его приказы.

– Итак? – осведомилась Мериса.

Ранд повернул голову и посмотрел Мерисе в глаза. За последние несколько часов он обнаружил нечто поразительное. Став квендийяром, сдерживая в себе кипящую ярость, он обрел знание, столь долго от него ускользавшее.

Люди не реагируют на гнев. Не реагируют они и на требования.

Молчание и вопросы действуют лучше. И вот даже Мериса — обученная Айз Седай — сникла под его взглядом.

Он не вкладывал в этот взгляд эмоции. Его ярость, его гнев, его страсть, никуда не девшись, были сокрыты глубоко внутри. Но он сковал их, обездвижив, льдом. Это был лед того места, путь к которому указала ему Семираг. Места, подобного пустоте, но куда более опасного.

Возможно, Мериса ощутила таящуюся в нем ледяную ярость или почувствовала нечто другое. То, что он тогда воспользовался той... силой. В отдалении начал рыдать

Льюс Тэрин. Безумец делал это всякий раз, когда Ранд задумывался о том, что он сделал, чтобы избавиться от ошейника Семираг.

— То, что ты сделал, было глупо,
— продолжила Мериса. — Ты должен...

— Значит, ты считаешь меня глупцом? — тихо осведомился Ранд.

Отвечай на требования молчанием, отвечай на вызов вопросом. Поразительный результат. Мериса осеклась, потом явственно вздрогнула. Она бросила быстрый взгляд на его седельную сумку, в которой хранилась статуэтка, изображавшая воздевшего над собой сферу мужчину. Ранд дотронулся до

нее, слегка ослабив поводья.

Он не выставял напоказ статуэтку. Он просто держал её под рукой, но Мериса и большинство других знали, какой практически неограниченной силой он при желании мог бы воспользоваться. Это было сильнейшее из известных оружий. С его помощью ему было по силам уничтожить весь мир. А оно преспокойно лежало у его седла. Это производило должное впечатление.

— Я... Нет, я не считаю, — призналась она. — Не всегда.

— Ты полагаешь, что проступки должны оставаться безнаказанными? — вопрошающий голос Ранда по-прежнему оставался тихим. Почему

он раньше так легко выходил из себя? Небольшие неудобства не стоили ни его гнева, ни ярости. Если же кто-то причинял ему слишком много беспокойства, то все что было нужно — это задуть его, как свечу.

Опасная мысль. Была ли она его собственной? Была ли она Льюса Тэрина? Или... может быть, она пришла... откуда-нибудь еще?

— Без сомнений, ты поступил слишком жестоко, — возразила Мериса

— Слишком? — спросил он. — Ты осознаешь ее ошибку, Мериса? Ты осознаешь, что могло случиться? Что должно было случиться?

— Конец всему, Мериса, —

прошептал он. — Темный, управляющий Драконом Возрожденным. Мы с ним сражались бы на одной стороне.

Она погрузилась в молчание, затем промолвила:

— Да, но ты и сам совершал ошибки. Они могли закончиться подобной трагедией.

— Я сам расплачиваюсь за свои ошибки, — ответил он, отвернувшись. — Я расплачиваюсь за них каждый день. Каждый час. Каждый вздох.

— Хватит, — Он не выкрикнул это слово. Он произнес его твердо, но тихо. Мериса ощутила на себе всю силу его недовольства, его взгляд скрестился с ее собственным.

Внезапно она сникла в седле, взирая на него широко распахнутыми глазами.

В стороне раздался громкий треск, с последовавшим за ним внезапным грохотом. Воздух наполнили крики. Ранд с тревогой обернулся. Балкон, заполненный зрителями, сломав подпорки, рухнул на мостовую. От сильного удара он раскололся, словно бочонок о камни. Люди громко стонали от боли, другие взывали о помощи. Но звуки доносились с обеих сторон улицы. Ранд нахмурился и обернулся. Второй балкон, расположенный точно напротив первого, тоже рухнул на землю.

Мериса побледнела, затем быстро развернула лошадь, направившись к раненым. Прочие Айз Седай уже спешили Исцелять пострадавших.

Ранд пустил Тай'дайшара вперед. Произошедшее было вызвано не Силой, а природой та'верена, изменявшей вероятность событий. Где бы он ни появлялся, происходили поразительные и уникальные случаи. Множество рождений и смертей, свадеб и происшествий. Он научился не обращать на них внимания.

Однако до этого редко встречались происшествия настолько... жуткие. Не было ли причиной несчастья некое

взаимодействие с новой силой? Тот невидимый, но заманчивый источник силы, который нашел Ранд, которым воспользовался и наслаждался? Льюс Тэрин считал, что подобное было невозможно.

Истинной причиной, по которой человечество пробило отверстие в узилище Темного, была сила. Новый источник энергии для направляющих, подобный Единой Силе, но отличный от нее. Неизвестный и странный, но с бесконечным потенциалом. Этот источник силы оказался самым Темным.

Льюс Тэрин завыл.

Была причина, по которой Ранд

держал ключ доступа при себе. Ключ, связывавший его с одним из величайших са'ангриалов когда-либо созданных в мире. С этой силой при помощи Найнив Ранд очистил саидин. Ключ давал возможность прикоснуться к невообразимой реке, бурной и бескрайней, словно океан. Это была величайшая вещь, познанная им в жизни.

До того момента, пока он не использовал безымянную силу.

Та другая сила звала, манила его. Так много силы, так много неземного чуда. Но это-то и пугало. Он не рискнул бы коснуться ее вновь.

И поэтому с ним был ключ. У него не было уверенности в том,

какой из двух источников энергии опаснее, но пока они оба взывали к нему, он мог сопротивляться обоим. Словно два человека, криками привлекающие его внимание, они заглушали друг друга. До поры до времени.

Вдобавок на него не смогут снова надеть ошейник. Ключ доступа был бы не в состоянии помочь ему против Семираг — никакая мощь Единой Силы не в состоянии помочь, когда застают врасплох — но может помочь в будущем. Раньше он не осмеливался носить его при себе, боясь того, что он сулил. Он больше не мог позволить себе подобную слабость.

Конечную точку пути было легко определить по примерно полусотне кайриэнских солдат, расположившихся лагерем на лужайках громадного, величественного особняка. Айильцы тоже поставили здесь свои палатки, а, кроме того, заняли близлежащие здания и даже несколько ближайших крыш. Если айильцы располагаются лагерем в каком-либо месте, по существу это равносильно его охране. Даже отдыхающий айилец вдвое внимательнее находящегося в патруле обычного солдата. Ранд оставил большую часть армии за пределами города, предоставив Добрэйну и его управляющим беспокоиться о

размещении остальных людей внутри городских стен.

Ранд остановил Тай'дайшара, затем осмотрел свой новый дом.

«У нас нет дома, — раздался шепот Льюса Тэрина. — Мы его разрушили. Выжгли, расплавили в шлак, как песок в горниле».

Огромный особняк, безусловно, был скачком вверх по сравнению с деревянным домом. Большой парк вокруг него был огражден железной решеткой с воротами. Цветники были пусты — этой весной цветы отказывались распускаться — но лужайки были зеленее всех им виденных. О, они, разумеется, в основном были желтыми и бурыми,

но на них были и пятна зелени. Садовники приложили все свое старание, о чем так же говорили расположившиеся по бокам от газонов ряды аритских тисов, подстриженных в виде причудливых животных.

Сам по себе особняк практически являлся дворцом. Разумеется, в городе был дворец, принадлежащий королю. Но, по слухам, он в подметки не годился этому, служившему пристанищем Совету Торговцев. Развевающееся в вышине яркое черно-золотое знамя возвещало о том, что здание является резиденцией Дома Чадмар. Возможно, Милисайр увидела в

бегстве других благоприятную возможность. Если так, то единственной реальной возможностью, что она получила, стала возможность попасть в плен к Ранду.

Ворота в парк особняка были распахнуты. Айильцы из свиты Ранда уже входили в них, присоединяясь к своим сообществам или кланам. Раздражало, что они редко ждали от Ранда команды или приказа, но айильцы есть айильцы. Любое предложение подождать было бы встречено смехом – словно удачная шутка. Было легче приручить ветер, чем ждать от айильцев, что они станут вести себя как мокроземцы.

Это навело его на мысли об Авиенде. Куда она пропала так внезапно? Он мог ощущать ее через узы, но слабо — она была очень далеко. На востоке. Что она делает в Пустыне?

Он покачал головой. Женщин трудно понять, но айильские женщины были непостижимее в десятки раз. Он надеялся провести с ней немного времени, но она откровенно его избегала. Ладно, возможно ее удерживало на расстоянии присутствие Мин. Может быть, ему удастся не причинить ей боль, пока его не заберет смерть. Хорошо, что Авиенда ушла. Его враги еще о ней не знают.

Он направил Тай'дайшара в ворота и поскакал по подъездной аллее к особняку. Спешившись, он вынул статуэтку и переложил ее в увеличенный карман своего кафтана, спешно пришитый специально для нее. У Ранда принял поводья конюх — один из слуг поместья, одетый в зеленую куртку и ослепительно белую рубашку с гофрированным воротником и манжетами. Слуги поместья уже знали о том, что Ранд будет использовать его как собственную резиденцию, а его прежним постояльцам будет... дарована его защита.

Добрэйн присоединился к нему, когда он широким шагом

направлялся к зданию — тщательно побеленному, с рядом деревянных колонн перед фасадом. Ранд вошел в парадную дверь. Даже прожив в нескольких дворцах, он все еще находился под впечатлением. И испытывал отвращение. Судя по роскоши, обнаруженной им за парадными дверями, никогда не подумаешь, что в городе голод. В передней оказалась шеренга взбудораженных слуг. Он ощущал их страх. Не каждый день их дом присваивал Возрожденный Дракон.

Ранд стянул перчатку, прижав кисть локтем к телу, затем заткнул перчатку за пояс.

— Где она? — спросил он,

повернувшись к паре Дев. Берална и Риаллин наблюдали за слугами.

– На втором этаже, – ответила одна из Дев. – Пьет чай трясущимися руками, аж фарфор чуть не трескается.

– Мы продолжаем уверять ее, что она не пленница, – добавила другая Дева. – Просто ей нельзя уйти.

Обе они находили положение забавным. Ранд посмотрел в сторону – к ним в передней присоединился Руарк. Высокий рыжеволосый вождь клана оглядел помещение с блестящей люстрой и узорчатыми вазами. Ранд знал, о чем тот думает.

– Ты можешь забрать пятую

часть, — сказал он. — Но только у богатых, живущих в этом районе.

Это было не по правилам — айильцы забирали пятую часть у всех. Но Руарк не стал спорить. Действия айильцев при взятии Бандар Эбана вряд ли походили на настоящее завоевание, хотя они сражались с разбойниками и ворами. Может быть, вовсе не стоило им ничего давать. Но, увидев подобные особняки, было правильным поделиться добычей с айильцами, по крайней мере, за счет богачей.

Девы кивнули, словно только этого и дожидались, а затем отправились прочь, вероятно, выбирая себе добычу. Добрэйн

наблюдал за ними с испугом. С Кайриэна айильцы брали пятую часть несколько раз.

— Никогда не понимала, почему ты позволяешь им грабить словно разбойникам, напавшим на караван со спящей охраной, — заявила Кореле, с улыбкой влетев в комнату. Она вскинула бровь, впечатленная обстановкой. — Особенно столь милое место, как это. Все равно, что приказать солдатам топтать весенние цветы, не правда ли?

Подослали ли ее к нему вместо выведенной из равновесия Мерисы? Она в своей приятной манере встретила пристальный взгляд Ранда, но он не отводил его, пока она не

поддалась и не отвернулась. Он мог припомнить время, когда с Айз Седай подобный трюк не прошел бы. Он повернулся к Добрэйн.

— Ты хорошо потрудился, — сказал он лорду. — Пусть тебе и не удалось, как мне хотелось, восстановить порядок повсеместно. Собери своих воинов. Нарিশме велено открыть для вас ворота в Тир.

— В Тир, милорд? — удивленно переспросил Добрэйн.

— Да, — ответил Ранд. — Передай Дарлину, чтобы он прекратил донимать меня посыльными. Он должен продолжать копить силы. Я заберу его в Арад Доман, как только решу, что пришло время.

Это должно было произойти после встречи с Дочерью Девяти Лун, которая должна многое расставить по своим местам.

Добрэйн казался слегка удрученным. Или это всего лишь игра воображения Ранда? Выражение лица Добрэйна редко менялось. Может, он решил, что его надежды на трон этого королевства обратились в дым? Может, он замыслил заговор против Ранда?

— Да, милорд. Полагаю, я должен отправиться немедленно?

Добрэйн никогда не давал повода в себе усомниться. Он даже собирал сторонников в поддержку претензий Илэйн на Солнечный

Трон.

Ранд слишком долго был от него вдали. Слишком долго, чтобы ему доверять. Лучше всего отправить его сейчас, пока он не обрел поддержку здесь. Ранд не доверял никому из жителей Кайриэна, чтобы избежать игр в политику.

— Да, ты отправишься в течение часа, — ответил Ранд, повернувшись, чтобы подняться по изящной белой лестнице.

Оставшись бесстрастным, как обычно, Добрэйн отдал честь и вышел через парадные двери. Он подчинился незамедлительно. Без возражений. Он был хорошим человеком. Ранд знал, что это так.

«Свет, что со мной происходит? – подумал Ранд. – Я должен кому-то доверять. Разве не так?»

«Доверять? – прошептал Льюс Тэрин. – Да, возможно, мы можем ему доверять. Он не способен направлять Силу. Свет! Единственные, кому нельзя доверять – это мы сами...»

Ранд сжал зубы. Он коронует Добрэйна, если Алсалам не найдется. Итуралде этого не захотел.

Широкая и прямая лестница вела к площадке, там разделялась и поднималась на второй этаж по спирали, заканчиваясь площадками с обеих сторон.

– Мне нужен зал для аудиенций,

— объявил Ранд слугам внизу, — и трон. Быстро.

Меньше, чем через десять минут, Ранд сидел в роскошно украшенной гостиной на втором этаже, ожидая, пока к нему приведут купчиху Милисайр Чадмар. Его богато изукрашенное резьбой кресло из белого дерева не было настоящим тронном, но сойдет и оно. Возможно, сама же Милисайр использовала его для аудиенций. Из-за небольшого помоста комната действительно походила на тронный зал. И помост, и пол комнаты были устланы ткаными коврами зеленого и красного цвета с причудливым рисунком, который сочетался с

фарфоровыми вазами Морского Народа, стоявшими на подставках по углам. Четыре широких окна прямо у него за спиной – каждое достаточно большое, чтобы через него мог пройти человек – пропускали в комнату приглушенный свет. Он сидел в кресле, наклонившись вперед, положив единственную руку на колено. Фигурка стояла на полу прямо перед ним.

Вскоре сквозь дверной проем мимо айильских часовых прошла Милисайр Чадмар. На ней было одно из знаменитых доманийских платьев. Оно закрывало ее тело от шеи до пальцев ног, но было полупрозрачным, подчеркивая

каждый изгиб ее тела, которых было более чем достаточно. Платье было темно-зеленым, шею женщины украшал жемчуг. А ее темные волосы тугими кудрями ниспадали на плечи, несколько локонов обрамляли лицо. Он не думал, что она окажется такой молодой, едва отметившей свой тридцатый день рождения.

Было бы стыдно казнить такую женщину.

«Прошел всего день, – подумал он, – а я уже думаю о казни женщины, которая не согласилась принять мою сторону. А ведь было время, когда я не мог решиться на казнь отпетых преступников». – Но он должен будет исполнить то, что

должно исполнить.

Глубокий реверанс Милисайр, казалось, подразумевал, что она принимает его волю. Или был просто способом лишний раз продемонстрировать подчеркиваемые платьем прелести. Уловка в духе доманиек. К несчастью для нее, он был по горло сыт женскими уловками, так что ему было известно, как с этим справиться.

— Милорд Дракон, — произнесла Милисайр, завершив реверанс. — Чем могу служить?

— Когда в последний раз ты получала известия от короля Алсалама? — задал вопрос Ранд. Он подчеркнуто не предложил ей

присесть в одно из кресел.

— От короля? — удивленно переспросила она. — Прошло уже несколько недель.

— Мне необходимо поговорить с гонцом, доставившим последнее послание, — сказал Ранд.

— Не уверена, что его можно найти, — в голосе женщины прозвучало беспокойство. — Я не слежу, милорд, за каждым прибывающим и убывающим из города гонцом.

Ранд подался вперед.

— Ты мне лжешь? — тихо спросил он.

Она открыла рот, возможно шокированная его грубостью.

Доманийцы не чета кайриэнцам — у тех политическое лукавство, казалось, было в крови — но и они были тонкими политиками. Особенно женщины.

Ранд не был ни тонким, ни искусным. Он всего лишь пастух, ставший завоевателем, а в сердце он простой двуреченец, даже если в его жилах течет айильская кровь. Какие бы политиканские увертки она не использовала, на нем они бы не сработали. У него не было терпения играть в игры.

— Я... — вымолвила Милисайр, уставившись на него. — Милорд Дракон...

Что она скрывает?

– Что вы с ним сделали? – спросил Ранд наугад. – С гонцом?

– Он ничего не знал о местонахождении короля, – быстро ответила Милисайр. Слова хлынули из нее потоком. – Мои дознаватели были очень старательны.

– Он мертв?

– Я... Нет, милорд Дракон.

– Тогда приведите его ко мне.

Она побледнела и скосила глаза в сторону, возможно бессознательно разыскивая путь к бегству.

– Милорд Дракон, – нерешительно вымолвила она, подняв на него взгляд. – Сейчас, когда вы здесь, может быть королю стоит остаться... ненайденным?

Может, в дальнейших поисках нет нужды?

«Она тоже считает его мертвым, — подумал Ранд. — Поэтому рискует».

— Необходимо найти Алсалама, — ответил Ранд, — или, по крайней мере, узнать, что с ним случилось. Необходимо выяснить его судьбу, чтобы избрать нового короля. Это ведь происходит так, верно?

— Уверена, вас быстро коронуют, милорд Дракон, — вкрадчиво произнесла она.

— Я не стану здешним королем, — ответил Ранд. — Доставь мне гонца, Милисайр, и, возможно, ты доживешь до коронации нового короля. Ступай.

Она помедлила, вновь сделала реверанс и ушла. Ранд мельком заметил Мин, стоявшую снаружи вместе с Айил и наблюдавшую за уходом купчихи. Он поймал ее взгляд, она выглядела обеспокоенной. Может, у нее было видение, связанное с Милисайр? Он едва не окликнул ее, но она исчезла, ушла быстрым шагом. В стороне за ними с любопытством наблюдала Аливия. Бывшая дамани держалась неподалеку, словно ожидая исполнения своего предназначения — помочь Ранду умереть.

Он обнаружил, что встал. Этот взгляд в глазах Мин... Она рассердилась на него? Вспомнила его

пальцы на своей шее? Его колено, прижимающее ее к полу?

Он вновь сел. Мин могла подождать.

— Хорошо, — сказал он, обратившись к айильцам. — Приведите сюда моих писцов и управляющих, а также Руарка, Бэила и всех городских старейшин, не сбежавших из города и не погибших во время беспорядков. Нам нужно пройтись по планам раздачи зерна.

Айил отправили посыльных, и Ранд откинулся в кресле. Он присмотрит, чтобы накормили людей, восстановили порядок и избрали новый Совет Торговцев. И еще он присмотрит, чтобы был

избран новый король.

Но, кроме этого, ему хотелось узнать, куда подевался Алсалам. А там, как подсказывал ему его инстинкт, лучше всего было поискать и Грендаль. Это было лучшей подсказкой.

Если он ее найдет, то убедится, что она, как и Семираг, умрет от погибельного огня. Он должен исполнить то, что должно быть исполнено.

Глава 30. Добрый совет

Гавин мало что помнил о своем отце — тот был не слишком хорошим родителем, по крайней мере, для Гавина — но он отчетливо помнил один день в дворцовом саду Кэймлина. Гавин стоял рядом с

маленьким прудом, бросая в него камешки. Тарингейл с юным Галадом неспешно проходили мимо по аллее Роз.

Эта картина вставала в его памяти, как живая: тяжелый аромат распустившихся роз, серебристая рябь на пруду и мелкие рыбешки, брызнувшие врассыпную от только что брошенного в них камешка. Он с легкостью мог припомнить своего отца. Высокий, симпатичный, со слегка вьющимися волосами. Галад уже тогда был угрюмым и прямым, как палка. Несколько месяцев спустя он спасет Гавина, не дав ему утонуть в этом самом пруду.

Гавин подслушал слова отца и

никогда их не забывал. Что бы там ни думали о Тарингейле Дамодреде, но эта часть совета звучала искренне: «Есть две категории людей, которым ты никогда не должен доверять, — говорил он Галаду, когда они проходили мимо. — Первая — это хорошенькие женщины. Вторая — Айз Седай. Храни тебя Свет, сынок, если ты когда-нибудь столкнешься с той, что соединит их в одном лице». Храни тебя Свет, сынок.

— Я просто не вижу в этом неповиновения ясно выраженной воле Амерлин. — чопорно сказала Лилейн, помешивая чернила в маленькой баночке на своем столе. Ни один мужчина не доверял

красивым женщинам, несмотря на все их очарование. Но только единицы поняли бы, что именно сказал Тарингейл: что хорошенькая девушка, словно угли, остывшие ровно настолько, чтобы не казаться обжигающими, может быть гораздо, гораздо опаснее.

Лилейн не была красавицей, но она была хорошенькой, особенно когда улыбалась. Стройная, изящная, с темными волосами без намека на седину и пухленькими губками на миндалевидном лице. Она смотрела на него снизу вверх чересчур милостивыми для столь хитрой женщины глазами. И, казалось, она знает об этом. Она понимала, что

достаточно привлекательна, чтобы на нее обращали внимание, но недостаточно эффектна, чтобы вызвать у мужчин подозрение.

Она принадлежала к наиболее опасному типу женщин. К тем женщинам, кто знает себе истинную цену, к тем, кто может заставить мужчину решить, что он в силах завоевать их внимание. Она не была такой же хорошенькой, как Эгвейн, которая заставляла искать ее общества. От улыбки этой женщины так и хотелось пересчитать ножи на поясе и в сапогах, просто чтобы убедиться, что ты не зазевался, и ни один из них не торчит у тебя из спины.

Гавин стоял возле ее рабочего стола внутри голубой палатки с плоским верхом. Ему не предложили сесть, а просить разрешения он не хотел. Разговор с Айз Седай, особенно с важной фигурой, требует рассудительности и уравновешенности. Он лучше постоит. Возможно, это поможет ему сохранять бдительность.

— Эгвейн пытается вас защитить, — сказал Гавин, сдерживая свое разочарование. — Именно поэтому она велела вам отказаться от идеи её спасения. Она, очевидно, не хочет, чтобы вы рисковали. Ее готовность к самопожертвованию чрезмерна. «А если бы не была такой, — добавил он

мысленно, — она бы никогда не позволила вам всем запугать себя до такой степени, чтобы изображать Престол Амерлин»

— Похоже, она уверена в своей безопасности, — возразила Лилейн, обмакивая перо в чернила, и начала писать кому-то записку на листе пергамента. Гавин дипломатично не стал читать через плечо, хотя и заметил ее намек. Он был недостаточно значительной фигурой, чтобы требовать к себе ее полного внимания. Он решил не считать это оскорблением. Попытки надавить на Брина ни к чему не привели, а на эту женщину они вообще не действуют.

— Она пытается вас успокоить, Лилейн Седай, — вместо этого произнес он.

— Я отлично разбираюсь в людях, юный Траканд. Не думаю, что она считает свое положение опасным.

Она покачала головой. От нее пахло духами с запахом цветов яблони.

— Я не сомневаюсь в вас — ответил он. — Но, вероятно, если бы я знал, как вы с ней связываетесь, я бы смог лучше оценить ситуацию. Если бы я мог...

— Тебя предупреждали, не задавать об этом вопросов, дитя, — сказала Лилейн своим мягким

мелодичным голосом. — Оставь дела Айз Седай — для Айз Седай.

По сути, все сестры, у кого бы он ни спросил о способе связи с Эгвейн, отвечали так же. Он стиснул зубы от разочарования. А чего он ждал? Это связано с Единой Силой. Проведя столько времени в Белой Башне, он все еще имел смутное представление о том, что можно сделать с помощью Силы, а что нельзя.

— Несмотря на все, — продолжала Лилейн, — Амерлин считает, что находится в полной безопасности. Все, что рассказала Шимерин, лишь подтверждает то, что говорила нам Эгвейн. Власть настолько вскружила Элайде голову, что она не считает

угрозой даже законную Амерлин.

Она о многом умолчала. Гавин был в этом уверен. Он никогда не получит от них прямого ответа на вопрос о положении Эгвейн. До него дошли слухи, что Эгвейн в темнице, и о том, что ей, как послушнице, не позволяют свободно перемещаться. Но получить ответы от Айз Седай не легче, чем выжать из камня масло.

Гавин перевел дыхание. Не следует выходить из себя. Если он сделает это, то никогда не добьется, чтобы Лилейн его выслушала. А она нужна ему. Без приказа Айз Седай Брин и с места не двинется, и, насколько Гавин мог судить, с наибольшей вероятностью приказ

могли отдать Лилейн или Романда. Создавалось впечатление, что все прислушиваются к той или другой из них.

К счастью Гавин обнаружил, что может сравнить их друг с другом. Визит к Романде почти всегда влек за собой приглашение от Лилейн. Конечно, причина, по которой они хотели его видеть, имела мало общего с Эгвейн. Не стоит сомневаться, что беседа скоро повернет в другое русло.

– Вероятно, вы правы, Лилейн Седай, – сказал он, меняя тактику. – И вероятно, Эгвейн действительно верит в свою безопасность. Но разве так уж невозможно, что она

ошибается? Не можете же вы искренне верить, что Элайда позволит женщине, объявившей себя Амерлин, беспрепятственно разгуливать по Белой Башне? Очевидно, что это просто способ продемонстрировать захваченного врага, перед тем как казнить его.

– Возможно, – ответила Лилейн, продолжая писать. Почерк у нее был плавный и витиеватый. – Но разве я не должна поддерживать Амерлин, даже если она ошибается?

Гавин промолчал в ответ. Она, конечно же, могла не подчиниться воле Амерлин. Он знал достаточно о политике Айз Седай, чтобы понимать, что это делалось

постоянно. Но говорить это было бессмысленно.

— Однако, — рассеянно произнесла Лилейн, — я могу передать твою просьбу Совету. Возможно, мы сумеем убедить Амерлин прислушаться к новым доводам. Посмотрим, удастся ли мне представить новые аргументы.

«Посмотрим» или «возможно, сумеем», или «я подумаю, что можно сделать». Ни одного твердого обязательства, сплошь туманные обещания, обильно смазанные гусиным жиром, чтобы легче было выскользнуть. Свет, ему уже начинают надоедать ответы Айз Седай!

Лилейн посмотрела на него снизу вверх с благосклонной улыбкой.

— А теперь, когда я согласилась сделать кое-что для тебя, не согласишься ли ты оказать мне ответную услугу. Ты наверняка знаешь, что великие дела не вершатся без помощи.

Гавин вздохнул.

— Говорите, что вам нужно, Айз Седай

— Судя по всем донесениям, твоя сестра замечательно проявила себя в Андоре, — сказала Лилейн так, словно не говорила этого почти слово в слово во время трех последних встреч с Гавином.

– Впрочем, чтобы взойти на трон, ей пришлось наступить кое-кому на любимую мозоль. Что ты думаешь о ее будущей политике в отношении фруктовых садов Дома Трэмана? При твоей матери налоговые ставки на земли были очень выгодны для Трэмана. Отменит ли Илэйн эту привилегию или попытается использовать ее для умасливания противников?

Гавин сдержал вздох. Все всегда возвращается к Илэйн. Он был убежден, что ни Лилейн, ни Романда на самом деле не заинтересованы в спасении Эгвейн – они были слишком довольны своим, возросшим в ее отсутствие,

влиянием. Нет, они встречались с Гавином из-за новой королевы на Львином Троне.

У него не было никаких соображений, с чего бы Айз Седай из Голубой Айя интересоваться налогами на яблоневые сады. Лилейн не стала бы искать материальной выгоды — это не свойственно Айз Седай. Но ей хотелось бы иметь некую систему влияния, средство, обеспечивающее благосклонность благородных Домов Андора. Гавин воздержался от ответа. Зачем помогать этой женщине? Что в этом хорошего?

Но все же... уверен ли он в том, что она ничего не предпримет для

освобождения Эгвейн? Если он не предоставит Лилейн ничего полезного, то откажется ли она от них? Не обнаружится ли, что он отрезан от своего единственного источника влияния в лагере — неважно насколько незначительного?

— Что ж, — сказал он, — думаю, моя сестра будет строже моей матери. Она всегда считала, что нет смысла предоставлять садоводам льготы.

Он заметил, что Лилейн стала незаметно делать пометки в нижней части пергамента. Не это ли было истинной причиной появления чернил и гусиного пера?

Иного выбора у него не было, и

он отвечал насколько мог честно, тем не менее, заботясь о том, чтобы не выдать под нажимом слишком многого. Его родство с Илэйн было единственным, что он мог предложить для заключения сделки, и он должен был поддерживать свою полезность как можно дольше. Это его бесило. Илэйн не предмет торга, она его сестра!

Но больше у него ничего не было.

— Я поняла, — сказала Лилейн, — а что насчет северных вишневых садов? Последнее время они не очень урожайны, и...

Покачивая головой, Гавин наконец покинул палатку. Лилейн

почти час гоняла его по налоговым ставкам. И снова Гавин не был уверен в том, будет ли от этого визита польза. Такими темпами он никогда не освободит Эгвейн!

Как всегда, снаружи поджидала послушница в белом, чтобы вывести его из внутреннего лагеря. На этот раз послушница была невысокой полной женщиной, выглядевшей намного старше того возраста, в котором принимают в Башню послушниц.

Гавин позволил ей вести себя, пытаясь сделать вид, что она скорее проводник, чем охранница, которой поручено проследить, что он покинул лагерь Айз Седай, как

приказано. Брин был прав: женщинам не нравились в лагере чужаки — особенно, солдаты — бродившие вокруг их точной имитации Белой Башни в миниатюре. Он проходил мимо оживленных групп одетых в белое женщин, пересекавших тротуары и наблюдавших за ним с едва различимым недоверием, которое люди часто проявляют к посторонним. Гавин миновал как всегда самоуверенных Айз Седай, независимо от того, во что те были одеты — в дорогие шелка или грубую шерсть. Он миновал несколько групп работниц, гораздо более опрятных, чем те, что были в солдатском

лагере. Подражая Айз Седай, они ходили с важным видом, словно попав в настоящий лагерь, обрели большой авторитет.

Все эти группы сходились на островке земли с вытоптанной травой, который превратился в площадь. Самая обескураживающая вещь, обнаруженная им в лагере, относилась непосредственно к Эгвейн. Он все больше и больше убеждался в том, что люди, находящиеся здесь, действительно считают ее Амерлин. Она не была всего лишь подставным лицом, на которое падет весь гнев, или расчетливым оскорблением, призванным вывести из себя Элайду.

Эгвейн действительно была их Амерлин.

Очевидно, ее избрали потому, что мятежницам нужен был кто-то, кем было бы легко управлять. Но они не относились к ней как к марионетке. И Лилейн, и Романда — обе говорили об Эгвейн с уважением. Вместе с тем, в ее отсутствии была своя выгода, так как оно создавало пустоту во власти. Таким образом, они признали верховенство Эгвейн. Неужели он был единственным, кто помнил, что всего пару месяцев назад она была Принятой?

Крепко же она вляпалась. Тем не менее, на людей в лагере она произвела впечатление. Это

напоминало приход к власти его матери в Андоре много лет тому назад.

Но почему же она не позволяет себя спасти? Перемещение было открыто вновь — и, как он слышал, Эгвейн сама его открыла! Ему необходимо с ней поговорить. Тогда он сможет решить, исходит ли ее нежелание бежать из страха подвергнуть опасности других, или причина кроется чем-то иным.

Он отвязал поводья Вызова от коновязи, находившейся на границе между Айз Седай и лагерем солдат, кивнул в знак прощания своей провожатой и сел в седло, проверив время по солнцу. Гавин развернул

коня на восток вдоль дороги между армейскими палатками и пустил его быстрой рысью. Он не лгал Лилейн, что у него назначена другая встреча; он обещал встретиться с Брином. Конечно, Гавин назначил встречу, потому что знал, что ему может понадобиться предлог, чтобы прервать визит к Лилейн. Брин сам учил его: «Подготовка путей отступления заранее — не признак страха. Это просто хорошая стратегия».

Час спустя Гавин нашел своего старого учителя в условленном месте — на одном из отдаленных постов. Брин проводил смотр, подобный тому, с помощью которого Гавин

замаскировал свой побег от Отроков. Генерал как раз садился на своего носатого гнедого мерина, когда по невысокой траве и чахлой весенней поросли рысью подъехал Гавин. Пост располагался в ложбине на пологом склоне, откуда отлично просматривались пути подхода с севера. В присутствии своего генерала солдаты вели себя почтительно и скрывали враждебность к Гавину. Все уже знали, что он возглавлял силы противника, которые так успешно совершали на них налеты. Стратег, подобный Брину, мог уважать Гавина за его мастерство, невзирая на то, что они находились по разные стороны,

но эти люди помнили товарищей, убитых солдатами Гавина.

Брин пристроил свою лошадь рядом, кивнув Гавину.

— Ты прибыл позже, чем обещал, сынок.

— Но не позже, чем ты ожидал? — парировал Гавин, натянув поводья Вызова.

— Нисколько, — улыбаясь, ответил Брин. — Ты же был у Айз Седай.

Гавин улыбнулся в ответ, они повернули лошадей и поехали на север по открытой холмистой местности. Брин планировал проинспектировать все сторожевые посты с западной стороны Тар

Валлона. Данное дело требовало длительных поездок, и Гавин предложил составить ему компанию. Ему все равно нечем было убить время. Мало кто из солдат соглашался с ним пофехтовать, а кто соглашался, непременно старался чуточку переусердствовать и довести дело до «несчастливого случая». Айз Седай едва терпели его настойчивые просьбы, а к игре в камни Гавин в последнее время не был расположен. Он был слишком раздражен, обеспокоен за жизнь Эгвейн и расстроен отсутствием положительных сдвигов. Сказать по правде, в отличие от своей матери, он никогда не был силен в игре в камни.

Хотя Брин настаивал, чтобы Гавин все равно практиковался — как-никак это тоже способ изучения стратегии.

Склоны холмов были покрыты жухлой порослью и жаворонковым кустарником с мелкими голубоватыми листочками и кривыми веточками. В это время года все склоны уже должны были быть покрыты полевыми цветами, но ни один не распустился. Болезненный пейзаж — местами желто-бурый, местами белесо-голубой, с большими коричневыми пятнами высохшего низкорослого кустарника, так и не ожившего после суровой зимы.

— Не собираешься рассказать мне, как прошла встреча? — спросил

Брин, пока они ехали, сопровождаемые отрядом солдат.

— Бьюсь об заклад, ты уже догадался как.

— О, вот уж не знаю, — ответил Брин. — Сейчас необычное время, и необычные события становятся обычным явлением. Возможно, Лилейн решила на время отказаться от интриг и действительно прислушаться к твоим просьбам.

Гавин поморщился.

— Думаю, скорее среди троллоков можно будет разыскать ткача, чем среди Айз Седай ту, что откажется от интриг.

— Уверен, что тебя предупреждали, — сказал Брин.

Возразить Гавину было нечего, и они какое-то время просто молчали, проезжая далекую реку справа. За нею находились башни и крыши Тар Валона. Тюрьма.

— Гавин, нам в конце концов придется поговорить о тех солдатах, что ты бросил, — неожиданно произнес Брин, глядя прямо перед собой.

— Не понимаю, о чем тут говорить, — ответил Гавин, слегка покривив душой. Он подозревал, что Брин об этом спросит, и не желал этого разговора.

Брин покачал головой.

— Мне нужна информация, парень. Дислокация, численный

состав, перечень снаряжения. Мне известно, что вашей базой служила какая-то деревня на востоке, но какая именно? Сколько у тебя людей и какую поддержку оказывают им Айз Седай Элайды?

Гавин уставился вперед.

– Я пришел помочь Эгвейн, а не предавать тех, кто мне доверился.

– Ты их уже предал.

– Нет, – твердо сказал Гавин. – Я их бросил, но не предал. И не собираюсь.

– И ты ждешь, что я не воспользуюсь представившейся возможностью? – спросил Брин, разворачиваясь к нему. – То, что хранится в твоей голове, может

спасти жизни.

— Или может стоять жизней, — ответил Гавин, — если взглянуть на это с другой стороны.

— Не усложняй, Гавин.

— А то что? — спросил Гавин. — Станешь меня пытаться?

— Ты готов страдать ради них?

— Они мои люди, — просто ответил Гавин. — «По крайней мере, были». В любом случае, он уже предостаточно служил игрушкой в руках обстоятельств и войны. Он не отдаст свою верность Белой Башне, тем более не предложит ее этим мятежницам. Его сердце и честь принадлежат Эгвейн и Илэйн. А если он не сможет предложить это им, то

он отдаст все Андору и всему миру —
выследив и убив Ранда ал'Тора.

Ранд ал'Тор. Гавин не верил
тому, что Брин говорил в защиту
этого человека. О, он верил, что Брин
имел в виду именно то, о чем
говорил — но он ошибался. Такое
может случиться даже с лучшими
людьми, подпавшими под обаяние
тварей, подобных ал'Тору. Он
одурачил даже Илэйн. Единственный
способ им помочь — разоблачить
этого Дракона и избавиться от него.

Гавин посмотрел на
отвернувшегося Брина. Вероятно, тот
все еще размышлял об Отроках. Вряд
ли Брин подвергнет его допросу.
Гавин слишком хорошо знал генерала

и его понятия о чести. Этого не случится. Но Брин может решить поместить Гавина под стражу. Возможно, было бы разумным пойти на небольшую уступку.

— Они всего лишь юнцы, Брин, — сказал Гавин.

Брин нахмурился.

— Юнцы, — повторил Гавин, — едва закончившие обучение. Им место на тренировочной площадке, а не на войне. Они смелы и достаточно умелы, но после моего ухода они не представляют для тебя большой угрозы. Среди них я один был знаком с твоей манерой ведения боевых действий. Без меня им будет гораздо труднее проводить налеты. Полагаю,

если они продолжат сражаться, то очень скоро будут перебиты. И мне нет нужды приближать их исход.

– Очень хорошо, – ответил Брин.
– Я подожду. Но если их набеги останутся столь же успешными, я вернусь к этому разговору.

Гавин кивнул. Все, что он мог сделать для Отроков – это помочь положить конец расколу между мятежницами и Белой Башней. Но это превосходило его возможности. Возможно, что после спасения Эгвейн он сможет что-нибудь придумать. Свет! Не собираются же они на самом деле сражаться друг с другом? Стычка во время низложения Суан Санчей вышла

очень скверной. Что же произойдет, если прямо здесь, под стенами Тар Валона, сойдутся армии, Айз Седай против Айз Седай, Стражи против Стражей? Это будет катастрофа.

— Этого не должно случиться, — он понял, что сказал это вслух.

Брин посмотрел на него, направив лошадь напрямик через поле.

— Ты не можешь атаковать, Брин, — сказал Гавин. — Осада — это одно. Но что ты будешь делать, если они прикажут тебе начать штурм?

— То, что делал всегда, — ответил Брин. — Выполнять приказ.

— Но...

— Я дал слово, Гавин.

– И скольких смертей будет стоять твое слово? Штурм Белой Башни – это катастрофа. И не имеет значения, насколько сильно обижены эти мятежные Айз Седай, воссоединения не будет, если в дело вмешаются мечи.

– Это не наше решение, – сказал Брин. Он задумчиво бросил взгляд на Гавина.

– Что? – переспросил Гавин.

– Интересно, почему это волнует тебя. Я думал, ты здесь только из-за Эгвейн.

– Я... – не нашелся с ответом Гавин.

– Кто ты, Гавин Траканд? – продолжил напирать Брин. – Кому на

самом деле ты предан?

— Ты знаешь меня лучше всех, Гарет.

— Я знаю, кем ты должен быть, — ответил Брин. — Первым Принцем Меча, обученным Стражами, но не связанным ни с одной женщиной.

— И я им не являюсь? — раздраженно уточнил Гавин.

— Успокойся, сынок, — сказал Брин. — Это не оскорбление. А всего лишь наблюдение. Я знаю, что ты никогда не был столь же прямолинейным, как твой брат. Но, полагаю, кое-что мне следовало заметить в тебе раньше.

Гавин развернулся к пожилому генералу. О чем он толкует?

Брин вздохнул.

— Есть такая штука, Гавин, с которой большинство рядовых воинов не сталкиваются. Да, они могут задумываться над этим, но они никогда этим не мучаются. Эта дилемма предназначена другим, тем, кто стоит выше их.

— Какая дилемма? — спросил сбитый с толку Гавин.

— Выбор стороны, — ответил Брин. — И, как только ты его сделал, размышления о том, правильное ли решение ты принял. Простые воины лишены выбора, но те, кто их ведет... да, я вижу — в тебе это присутствует. Твое умение обращаться с мечом — талант не малый. Где ты его

применишь?

— Для защиты Илэйн, —
поспешно ответил Гавин.

— Как делаешь сейчас? — весело
спросил Брин.

— Ну, как только я спасу Эгвейн.

— А если Эгвейн не пойдет? —
спросил Брин. — Парень, мне знаком
этот взгляд. И еще, я немножко
знаком с Эгвейн ал'Вир. Она не
выйдет из боя, пока не определится
победитель.

— Я увезу ее, — сказал Гавин. —
Назад в Андор.

— Принудишь силой? — спросил
Брин. — Так же, как ворвался в мой
лагерь? Неужели ты готов
превратиться в громилу и

разбойника, известного только благодаря возможности убивать и карать несогласных?

Гавин не ответил.

— Кому служить?— задумчиво произнес Брин. — Порой наши собственные умения нас же и пугают. Чем станет умение убивать, если ему не найти применения? Растраченным впустую талантом? Тропинкой к превращению в убийцу? Полученная власть — защищать и оберегать — пугает. Значит, ты подыскиваешь кого-то, кому сможешь посвятить свое мастерство, кого-то, кто сможет распорядиться им мудро. Ты размышляешь о необходимости выбора даже после того, как его

сделал. Я чаще вижу смятение у молодых людей. Мы, старые псы, счастливы уже тем, что у нас есть местечко у очага. И если кто-то приказывает нам сражаться, мы не желаем больших перемен. Но молодые... они задумываются.

— Ты когда-нибудь сомневался? — спросил Гавин.

— Да, — ответил Брин. — И не раз. Во время Айильской войны я еще не был Капитан-Генералом, но уже был Капитаном. И задумывался неоднократно.

— Как ты мог задаться вопросом о выборе стороны во время Айильской войны? — спросил Гавин, нахмутив брови. — Они же пришли,

чтобы устроить кровавую резню.

— Они пришли не к нам, — сказал Брин. — Им были нужны только кайриэнцы. Конечно, этого нельзя было понять вот так, сразу, но, честно говоря, некоторые из нас задумались. Ламан заслуживал смерти. Зачем умирать нам, встав у них на пути? Возможно, многим из нас следовало задаться этим вопросом.

— И каков ответ? — Спросил Гавин. — Кому ты доверяешь? Кому служить мне?

— Я не знаю, — откровенно ответил Брин.

— Тогда зачем вообще спрашивать? — огрызнулся Гавин,

резко осадив коня.

Брин придержал коня, и обернулся.

— Я не знаю ответа, потому что однозначного ответа не существует. В конце концов, каждый решает сам для себя. Когда я был молод, я сражался ради славы. Со временем я понял, что в убийстве мало чести, и обнаружил, что изменился сам. Потом я сражался потому, что был на службе у твоей матери. Я верил ей. А когда она предала меня, я вновь засомневался. Какова цена всех этих лет службы? Какова цена всех, кого я ради нее убил? Имело ли хоть что-то из всего этого значение?

Он отвернулся и тронул поводья,

снова двинувшись в путь. Гавин, догоняя, пришпорил Вызова.

– Ты удивлялся тому, что я здесь, а не в Андоре? – спросил Брин. – Это потому, что я не могу уйти. Потому, что мир меняется, и мне необходимо быть частью этого процесса. Потому, что однажды в Андоре меня лишили всего, и мне необходимо кому-то служить. Узор дал мне такую возможность.

– И ты вцепился в нее только потому, что она появилась?

– Нет, – ответил Брин. – Потому что я глупец, – он встретился взглядом с Гавином. – Но я остался потому, что так было правильно. То, что разрушено, должно снова стать

целым. Мне уже довелось видеть, что плохой правитель может сделать с королевством. Нельзя позволить Элайде разрушить мир вместе с собой.

Гавин вздрогнул.

– Да, – продолжил Брин, – Я докатился до того, что поверил им. Глупым женщинам. Но, ради Света, Гавин – они правы. То, что я делаю – правильно. Она права.

– Кто?

Брин покачал головой, пробормотав: «Проклятая женщина».

«Может Эгвейн?» – подумал Гавин.

– Мои мотивы для тебя несущественны, сынок, – сказал

Брин. — Ты не мой солдат. Но тебе необходимо принять какое-то решение. Совсем скоро тебе будет необходимо определить, на чьей ты стороне, и так же необходимо знать, почему ты выбрал именно ее. Вот и все, что я могу сказать по этому поводу.

Он пришпорил коня, пустив его быстрым аллюром. Вдалеке Гавин смог различить следующий сторожевой пост. По мере приближения к нему Брина с солдатами, Гавин постепенно отстал.

Решить, на чьей он стороне. А если Эгвейн не согласится с ним идти?

Брин прав. Что-то надвигается.

Это ощущалось в воздухе, чувствовалось в слабом солнечном свете, которому с трудом удавалось пробиться сквозь облака. Это ощущалось вдали, на севере, словно разряды невидимой энергии на темном горизонте.

Война, битвы, столкновения, перемены. Гавин чувствовал, что не понимает, в чем разница между предложенными сторонами. Не говоря уже о том, какую из них выбрать.

Глава 31. Обещание Льюсу Тэрину

Несмотря на жуткую влажность, которая постоянно испытывала ее способность «не замечать» жару, Кадсуане была вынуждена ходить в плаще с надвинутым на лицо капюшоном. Она не решалась

откинуть капюшон или снять плащ. Угрозы ал'Тора были недвусмысленными: если он увидит ее лицо, ее казнят. Она не собиралась рисковать собственной жизнью из-за пары часов неудобства, даже если думала, что ал'Тор преспокойно сидит в своем недавно присвоенном дворце. Мальчик часто появлялся там, где его не ждали или не желали видеть.

И, естественно, она не даст ему себя прогнать. Чем больше у мужчины власти, тем больше шанс, что он будет управляться с ней, как идиот. Дай мужчине одну корову, и он будет тщательно за ней ухаживать, используя ее молоко для прокорма

семьи. Дай ему десять коров, и он возомнит себя богачом — тогда все десять умрут от голода из-за недостатка внимания.

Она шла, стуча башмаками по тротуару, мимо увешанных флагами зданий, похожих на поставленные друг на друга ящики. Ей было вовсе не по душе вновь оказаться в Бандар Эбане. Она ничего не имела против доманийцев. Просто предпочитала менее густонаселенные города. А учитывая проблемы в окрестных деревнях, перенаселенность была выше обычной. Беженцы продолжали прибывать, несмотря на слухи о появлении в городе ал'Тора. Она как раз миновала нескольких из них в

проходе между домами слева от неё – семью с грязными, давно немытыми лицами.

Ал'Тор пообещал еду. Это привлекло сюда множество голодных ртов, не желающих возвращаться на свои фермы, даже получив провизию. В деревнях до сих пор было слишком небезопасно, и продовольствие здесь всё ещё было в диковинку. Беженцы не были уверены, что зерно не испортится, как часто происходило в последнее время. Но нет, они оставались, наводняя и заполняя все улицы.

Шагая, Кадсуане покачала головой. Эти ужасные «месилки» нещадно цокали по деревянному

тротуару. Город был знаменит своими длинными, крепкими тротуарами, позволявшими ходить по улицам, не опасаясь перепачкаться в заполнявшей дорогу грязи. Им могла помочь обычная мостовая, но доманийцы гордились своей непохожестью на прочий мир. Неудобоваримая, острая пища и чудовищные столовые приборы. Столица, основанная в огромной гавани и увешанная легкомысленными флагами. Вызывающие платья у женщин, длинные, тонкие усы у мужчин и тяга к серьгам, сопоставимая с любовью к ним Морского Народа.

Вокруг Кадсуане ветер трепал

сотни флагов, и ей пришлось сжать зубы, чтобы противостоять желанию сорвать ненавистный капюшон и подставить лицо ветру. Проклятый Светом океанский воздух. Обычно в Бандар Эбанае было прохладно и дождливо. Здесь редко было так жарко, как сейчас. Но, в любом случае, влажность была чудовищной. Разумные люди остаются в глубине материка!

Она миновала несколько улиц, перейдя вброд грязь на перекрестках. На ее взгляд, это было главным недостатком тротуаров. Местным было известно, где срезать дорогу, не утонув в грязи, а Кадсуане, не зная, приходилось шлепать напрямик

езде, где можно. Вот почему она отыскала эти «месилки» – башмаки, сделанные по тайренскому обычаю для ношения поверх обычной обуви. Оказалось, удивительно трудно найти торгующего ими купца. Доманийцы, очевидно, ими не интересовались, потому что большинство прохожих ходили по грязи босыми или знали обходные пути, чтобы не пачкать обувь.

Нужное ей место находилось на полпути к докам. Вывешенный перед зданием красивый флаг бился об инкрустированный деревянный фасад таверны, объявляя, что она называется «Любимица Ветра». Кадсуане оставила «месилки» в

грязной прихожей и вошла внутрь. Здесь она, наконец, позволила себе откинуть капюшон. Если ал'Тору по какой-то причине вздумается посетить эту самую таверну, ему придется ее повесить.

Общий зал был скорее похож на королевскую столовую, чем на обычную таверну. Столы были застелены белоснежными скатертями, а покрытый лаком деревянный пол натерт до блеска. Стены были увешаны прекрасными натюрмортами: на картине, украшавшей стену за баром, была изображена чаша с фруктами, а на полотне напротив – ваза с цветами. Бутылки на полке за стойкой были

почти сплошь винными, лишь несколько из них были с бренди или с настойками.

Худощавый хозяин, Квиллин Тэсил, был высоким андорцем с овальным лицом. Вместе с поредевшей на макушке темной шевелюрой, коротко стриженной на висках, он носил аккуратную седую бородку. Белоснежные кружева выбивались из рукавов его бледно-лилового кафтана, поверх которого был надет фартук. У него всегда были точные сведения, и вдобавок он был готов добывать для нее информацию среди своих знакомых. В самом деле, очень полезный человек.

Он улыбнулся вошедшей Кадсуане, вытирая руки о полотенце, и жестом пригласил ее за стол. Затем вернулся за стойку, чтобы налить для нее вина. Пока Кадсуане устраивалась, на другом конце зала разгорелся громкий спор между парой мужчин. Остальные четверо посетителей — две женщины за одним из столов и еще пара мужчин у бара — не обратили на это ни малейшего внимания. Не научившись оставлять без внимания частые вспышки темперамента, долго в Арад Домане не проживешь. Доманийские мужчины взрывоопасны, как вулканы, и большинство сходились на том, что все дело в доманийках. У

этих двоих до дуэли, как было бы в Эбу Дар, не дошло. Вместо этого, покричав пару секунд, они помирились и начали новый спор, кто кого угостит вином. Драки здесь были обычным делом, но кровопролитие — явлением не частым. Раны мешают бизнесу.

Подошел Квиллин с бокалом вина — несомненно, одного из его лучших урожаев. Она никогда от него ничего подобного не требовала, но и не отказывалась.

— Госпожа Шор, — произнес он приветливо, — мне жаль, что я не узнал заранее о вашем возвращении в город! Впервые я прочитал об этом в вашем письме!

Кадсуане приняла поднесенный бокал.

– Я не привыкла всем и каждому докладывать о своих перемещениях, мастер Тэсил.

– Конечно же, нет, – согласился он без малейшего следа обиды в голосе за столь резкий ответ. Ей еще ни разу не удалось вывести его из себя. Это всегда вызывало у неё интерес.

– Похоже, дела в таверне идут отлично, – вежливо заметила она, заставив его обернуться к посетителям. Кажется, они чувствовали себя неловко, сидя за безукоризненно чистыми столами, стоявшими на сверкающем полу.

Кадсуане не была точно уверена, в чем причина того, что клиенты избегали «Любимицу Ветра» – невероятная чистота или то, что Квиллин наотрез отказывался нанимать менестрелей и музыкантов для развлечения публики. Он заявлял, что они испортят атмосферу. Пока Кадсуане рассматривала зал, он увидел, что вошедший новый посетитель оставил на полу грязные следы. Было видно, что у Квиллина так и чешутся руки смыть с пола грязь.

– Эй, ты! – крикнул он посетителю. – Будь любезен, вытирай ноги, перед тем как войти!.

Человек застыл, нахмурился, но

вернулся и сделал, как было велено. Квиллин вздохнул, обошел стол и сел напротив нее.

— Если честно, госпожа Шор, на мой вкус здесь становится несколько многолюдно. Порой даже не успеваю уследить за всеми посетителями! Люди сидят без выпивки, дожидаясь, пока я их обслужу.

— Вы всегда можете нанять кого-то в помощь, — заметила она. — Служанку или двух.

— Что? И отдать им все удовольствие? — на полном серьезе возразил он.

Кадсуане отпила вино. Действительно, превосходное. Возможно, настолько дорогое, что ни

одна таверна — несмотря на всю роскошь — не должна бы держать подобное наготове в баре. Она вздохнула. Жена Квиллина, доманийка, была одной из самых преуспевающих в торговле шелком купчих этого города. Морской Народ плыл сюда торговать лично с ней. Квиллин, был более двадцати лет основным счетоводом всей торговли жены, пока не вышел на пенсию. Оба они были очень богаты.

И что он сделал с богатством? Открыл таверну. Видимо, это была мечта всей его жизни. Кадсуане давно поняла, что не стоит обращать внимание на странности тех, у кого полно свободного времени.

— Какие в городе новости, Квиллин? — спросила она, передвинув на его сторону небольшой кошель с деньгами.

— Госпожа хочет меня обидеть, — произнес он, подняв руки. — Я не могу взять ваши деньги.

Она вздернула бровь.

— Сегодня у меня нет терпения на игры, мастер Тэсил. Если не желаете взять их себе, значит, раздайте бедным. Свет знает, в эти дни их в этом городе предостаточно.

Он вздохнул, но неохотно спрятал кошель в карман. Возможно, именно по этой причине в зале было так мало посетителей. Не алчный до денег хозяин таверны — странный

зверь. Многие считали Квиллина столь же приводящим в смятение, как чистый пол и изысканный интерьер.

Однако Квиллин был первоклассным информатором. Его жена неизменно делилась с ним сплетнями. Он, безусловно, понял по лицу Кадсуане, что она Айз Седай. Намина, его старшая дочь, тоже отправилась в Белую Башню, в итоге выбрав Коричневую Айя и устроившись там в библиотеке. Среди доманийцев библиотекари не были чем-то неслыханным. Например, библиотека Терхана в Бандар Эбане была одной из величайших в мире. Однако

небрежное, но очень острое понимание Наминой происходящих событий так заинтересовало Кадсуане, что она проследила ее родственные связи, надеясь, что у неё найдутся преуспевающие родители. Подобные привязанности, вроде обучающейся в Белой Башне дочери, часто располагают людей к Айз Седай. Так ей достался Квиллин. Кадсуане не доверяла ему полностью, но очень ценила.

— Новости? — переспросил Квиллин. Ну, правда, какой еще хозяин таверны наденет под фартук расшитый шелковый жилет? Не удивительно, что люди находят его таверну странной. — С чего мне

начать? В последнее время столько всего случилось!

— Начни с Алсалама, — подсказала Кадсуане, отпив вина. — Где его видели в последний раз?

— Заслуживающие доверия свидетели или по слухам?

— Давай тех и других.

— Есть какой-то бродяга и несколько купцов, миледи, которые заявляют, что всего неделю назад получили от Короля личные послания, но я бы отнесся к ним с недоверием. Вскоре после... исчезновения Короля стали появляться поддельные письма, объявляющие его волю. Я видел парочку подобных указов

собственными глазами, и верю, что, по крайней мере, печать на них настоящая. Но чтобы они исходили от самого Короля? Я бы сказал, что прошло уже полгода с тех пор, как его видел тот, за кого я мог бы поручиться.

– И где же он сейчас?

Хозяин виновато пожал плечами.

– До последнего времени мы были уверены, что за его исчезновением стоит Совет Торговцев. Они редко когда позволяли Королю исчезать из их поля зрения, и мы решили, что после беспорядков на юге они увезли Его Величество в безопасное место.

– Но?

– Но мои источники, – это он имел в виду жену, – в этом больше не уверены. В последнее время Совет Торговцев не был сплочен, каждый из них пытался урвать себе собственный кусок от разваливающейся страны. Если б Король был у них, к настоящему моменту они бы его уже показали.

Кадсуане беспокойно постучала ногтем по бокалу. А может, мальчишка ал'Тор прав, утверждая, что Алсалам в плену у Отрекшейся?

– Что еще?

– В городе Айил, леди, – сказал Квиллин, стирая невидимое пятнышко со стола.

Она ответила ему спокойным взглядом.

– А я и не заметила.

Он усмехнулся.

– Да, да. Полагаю, это очевидно.

Но точное их количество в этом районе двадцать четыре тысячи. Некоторые утверждают, что Возрожденный Дракон привел их, просто чтобы утвердить свою власть и влияние. В конце концов, кто слышал про Айил, раздающих еду? Половина городских бедняков боится идти к пунктам раздачи, они опасаются, что зерно отравлено каким-нибудь айильским ядом.

– *Айильским ядом?* - раньше она не слышала эту сплетню.

Квиллин кивнул.

— Некоторые утверждают, миледи, что пища портится именно по этой причине.

— Но продукты портились и до прибытия в страну Айил, не так ли?

— Да, да, конечно, — сказал Квиллин, — но тяжело вспомнить подобные факты, увидев столько пропавшего зря зерна. Кроме того, с прибытием лорда Дракона порча продуктов многократно усилилась.

Кадсуане скрыла свое недовольство за плотком вина. С прибытием ал'Тора порча усилилась? Правда это или всего лишь слух? Она опустила бокал.

— А другие странности в городе

случались? -спросила она
осторожно, чтобы узнать, не
выплывет ли что-то еще.

— Значит, вы тоже слышали об этом? — наклонившись, сказал Квиллин. — Люди не любят об этом болтать, но мои источники кое-что слышали. Мертворожденные дети, люди, умершие при падениях, когда должны были отделаться лишь парой ушибов, торговли, погибшие от свалившегося с дома на голову камня. Настали опасные времена, миледи. Боюсь скатиться до банальных сплетен, но многое я видел собственными глазами!

Сами по себе данные события не были неожиданностью.

– Но, конечно, они были уравновешены.

– Уравновешены?

– Внезапными свадьбами, – сказала она, взмахнув рукой, – детьми, повстречавшими голодных зверей, но чудесным образом спасшимися, кладами, неожиданно обнаруженными под половицей в доме бедняка. Чем-то подобным.

– Да, это было бы здорово, – усмехнувшись, ответил Квиллин. – Будем надеяться и ждать, миледи.

– Что, ничего такого не слышно? – удивленно уточнила Кадсуане.

– Нет, миледи. Но я могу поспрашивать, если пожелаете.

– Да, поспрашивай, – Ал’Тор –

та'верен, но Узор любит все уравнивать. Любой внезапной смерти, вызванной присутствием Ранда в городе, всегда противопоставлялось чудесное спасение.

Если все изменилось, то, что это может значить?

Она начала задавать Квиллину отдельные вопросы, в первую очередь о местоположении членов Совета Торговцев. Ей было известно, что мальчишка ал'Тор хочет захватить их всех. Если ей удастся раздобыть информацию, которой не будет у него, это можно будет выгодно использовать. Кроме того, она попросила Квиллина узнать

экономическую ситуацию в других крупных доманийских городах и сообщать любые новости о мятежниках или прорывах тарабонцев через границу.

Выйдя из таверны на грязную вечернюю улицу, с неохотой натянув капюшон, Кадсуане поняла, что разговор с Квиллином оставил больше вопросов, чем было до визита к нему.

Похоже, собирался дождь. Конечно, в последнее время часто казалось, что он вот-вот пойдет. Пасмурно и сумрачно, серое небо в облаках, слившихся воедино в тусклую дымку. По крайней мере, прошлой ночью и вправду шел дождь.

Почему-то из-за него мрачное небо переносилось легче, словно оно было более естественным, позволяя ей представить, что вечный сумрак не являлся еще одним знаком того, что Темный шевелится. Он иссушал человечество неслыханной жарой, он морозил его внезапными холодами, а теперь он собрался уничтожить его глубоким унынием.

Кадсуане покачала головой, потопав, убедилась, что месилки крепко сидят на ногах, и пошла по грязным тротуарам в сторону порта. Нужно проверить, насколько верны эти слухи о порче продовольствия. Странные события вокруг ал'Тора в самом деле становятся

разрушительнее, или она, как пуганая ворона, уже каждого куста боится?

Ал'Тор. Ей нужно признать: она с ним не справилась. Конечно, что бы ал'Тор ни говорил, никаких ошибок с мужским ай'дамом она не совершила. Кто бы ни сумел выкрасть ошейник — он был чрезвычайно силен и искусен. Любой, способный на такой подвиг, с той же легкостью мог добыть у Шончан еще один мужской ай'дам. Судя по всему, этого добра у них предостаточно.

Нет, ай'дам забрали из ее комнаты, чтобы посеять к ней недоверие. Она была в этом уверена.

Возможно даже, эта кража была призвана скрыть нечто иное: возвращение ал'Тору статуэтки. Его характер стал таким мрачным, что уже нельзя предсказать, на какие разрушения он может решиться.

Бедный, глупый мальчик. Ни за что на свете он не заслужил страданий в ошейнике от рук одной из Отрекшихся. Это только напомнило ему о пленении и издевательствах Айз Седай. Это сделает ее работу во сто крат труднее, или вообще невыполнимой.

Вот вопрос, на который ей нужно ответить. Можно ли его спасти? Не поздно ли его изменять? И если поздно — то что, если еще

возможно, ей делать? Возрожденный Дракон *должен* сразиться с Темным на склонах Шайол Гул. Если этого не случится, все будет потеряно. Но что, если его битва с Темным обернется такой же катастрофой?

Нет, она отказывалась верить, что их борьба уже проиграна.

Должно быть нечто, способное изменить ал'Тора. Но что именно?

Ал'Тор вел себя иначе, чем простой крестьянин, на которого внезапно обрушилось могущество. Он не стал эгоистичным и мелочным. Он не стремился к богатству, не заиклился на детской мстительности тем, кто донимал его в юности. Безусловно, многие его

решения были мудрыми – те, где он не заигрывал с опасностью.

Кадсуане шла по тротуару, проходя мимо доманийских беженцев в нелепых, ярких одеждах. Ей неоднократно приходилось обходить сидящих на мокрых бревнах людей, их импровизированные стоянки близ переулков или у заколоченных боковых входов в здания. Никто не уступал ей дорогу. Какой толк иметь лицо Айз Седай и прятать его? Этот город совсем переполнен.

Кадсуане задержалась у гирлянды флажков, на которой было выведено имя чиновника доков. Порт находился впереди, наполненный

вдвое большим числом кораблей Морского Народа, чем раньше. Большинство из них были гонщиками — крупнейшими судами Ата'ан Миэйр. Другие — переделанными шончанскими кораблями из числа угнанных из Эбу Дар во время недавнего массового побега.

Порт был заполнен желающими получить зерно. Толпа кричала и толкалась, нимало не беспокоясь об упомянутом Квиллином «яде». Конечно, голод отметаёт многие страхи. Рабочие доков старательно сдерживали толпу. Айильцы с копьями и в коричневых кадин'сор оглядывали толпу зорким взглядом. Здесь же ошивалось немало

торговцев, которые надеялись выкупить часть запасов для последующей перепродажи.

Порт выглядел так же, как в любой другой день после прибытия ал'Тора. Что же заставило ее остановиться? Какое-то покалывание в спине, словно...

Она резко обернулась и увидела приближающуюся по грязной улице процессию. Впереди на темном жеребце гордо восседал ал'Тор, одетый в тон лошади — в темную одежду со скромной красной вышивкой. С ним, как обычно, была пара десятков солдат, советники и все возрастающее число доманийских подхалимов.

Что-то слишком часто она сталкивается с ним на улицах. Она заставила себя остаться на месте, сдержав желание отступить в переулок, хотя и натянула капюшон чуть глубже, чтобы скрыть лицо. Проезжая рядом, ал'Тор не подал вида, что узнал ее. Как обычно, он был полностью поглощен собственными мыслями. Ей хотелось прикрикнуть на него, что он должен шевелиться быстрее: брать корону Арад Домана и двигаться дальше — но прикусила язык. Она не позволит своей почти трехсотлетней жизни прерваться от руки Возрожденного Дракона.

Его свита прошла. Как и ранее,

когда она отвернулась от него, ей показалось, что она видела... лишь краешком глаза... окружавшую его тьму — словно его накрыла тень от закрывших небо туч. Когда она смотрела прямо на него, тень исчезала. На самом деле, как ни пыталась Кадсуане ее разглядеть — ничего не удавалось. Её можно было заметить только мельком, случайно.

Она ни разу не слышала и не читала ни о чем подобном за все прожитые годы, но видеть подобное вокруг Возрожденного Дракона было ужасно. Этот страх пересилил гордость, горечь от неудач. Нет — для нее он всегда был на первом месте. Направлять ал'Тора было совсем не

то же, что править скачущей лошадью. Скорее это было похоже на попытку управлять глубоким бушующим морем.

Ей никогда не удастся изменить его поведение. Он не доверяет Айз Седай – и по понятным причинам. Похоже, он не доверяет никому, кроме, возможно, Мин. Но та сопротивлялась каждой попытке Кадсуане привлечь ее на свою сторону. Девчонка почти так же несносна, как сам ал'Тор.

Визит в порт был пустышкой. Беседы с ее информаторами так же были бесполезны. Если она в кратчайшие сроки не предпримет ничего стоящего, они все будут

обречены. Но что предпринять? Она прислонилась спиной к дому. Треугольные флаги, реющие прямо перед ее глазами, указывали на север. В Запустение, навстречу основному предназначению ал'Тора.

Внезапно ее пронзила мысль. Она ухватилась за нее, как утопающий за соломинку. Кадсуане не знала, с чем это связано, но это была ее единственная надежда.

Она развернулась на месте и, пригнув голову, поспешила обратно, едва осмеливаясь думать о своем плане. Он легко мог провалиться. Если ал'Тора в самом деле, как она тревожилась, пожирает его собственный гнев, значит даже это

последнее средство ей не поможет.

Но если он зашел настолько далеко, значит, ему уже ничто не поможет. А это означает, что ей нечего терять. Нечего терять, кроме самого мира.

Пробиваясь сквозь толпу и иногда соскакивая с тротуара на грязную улицу, чтобы обойти людей, Кадсуане добралась до особняка. Некоторые айильцы заняли оставшийся после ухода солдат Добрейна лагерь. Одни разместились в крыле дворца, другие на лужайках вокруг, а остальные – в прилегающих строениях.

Кадсуане направилась к той части дворца, что была занята

айильцами, и ее никто не остановил. Ей нравились привилегии среди Айил, которых не удостоились другие Айз Седай. Она застала Сорилею и других Хранительниц Мудрости за беседой в одной из библиотек. Они, конечно, сидели на полу. Сорилея кивнула вошедшей Кадсуане. Она была сплошь костлявая, сухопарая, покрытая морщинами, но никто на свете не смог бы назвать ее хрупкой, хотя бы из-за глаз на ее лице, которое было слишком молодым для её возраста, пусть и иссушенным ветром и солнцем. Каким образом Хранительницы Мудрости могут жить так долго и не приобретать

безвозрастных лиц Айз Седай? На этот вопрос Кадсуане пока не смогла найти ответ.

Она откинула капюшон и присоединилась к Хранительницам Мудрости, усевшись прямо на пол, отказавшись от подушек. Она посмотрела Сорилее прямо в глаза и призналась:

– Я не справилась.

Хранительница Мудрости кивнула, словно соглашаясь. Кадсуане насилу сдержалась, чтобы не показать своего раздражения.

– В твоей неудаче нет позора, – сказала Бэйр, – раз в твоей неудаче виновен другой.

Эмис кивнула:

– Кар’а’карн упрямее других мужчин, Кадсуане Седай. У тебя нет к нам тох.

– Что позор, что тох, – ответила Кадсуане, – скоро все будет не важно. Но у меня есть план. Вы мне поможете?

Хранительницы Мудрости переглянулись.

– В чем он состоит? – спросила Сориля.

Кадсуане улыбнулась и принялась объяснять.

* * *

Ранд оглянулся через плечо, наблюдая за бегством Кадсуане. Наверное, она решила, что Ранд не заметит, как она притаилась с краю улицы. Плащ скрыл лицо, но ничто не могло скрыть самоуверенной осанки, даже неуклюжая обувь. Даже в ее бегстве чувствовался полный контроль, и все сами непроизвольно убирались с ее пути.

Она играла с его запретом, повсюду следовала за ним по пятам. Однако она не показывала лица, а значит, пусть идет. Возможно, изгонять ее было просчетом с его стороны, но обратного хода нет. В будущем ему придется следить за

своим нравом -клокочущим, пульсирующим глубоко в груди, как второе сердце – и держать его в ледяной узде.

Он повернулся лицом к порту. Возможно, не было смысла проверять раздачу продовольствия лично. Однако он обнаружил, что еда чаще попадает в нужные руки, если всем известно, что за этим приглядывают. Эти люди слишком долго жили без королевской власти. Они заслужили право знать, что кто-то держит ситуацию под контролем.

Добравшись до пристани, Ранд повернул Тай'дайшара, огибая доки, двигаясь неспешным шагом. Он оглянулся на сопровождавшего его

Аша'мана. У Нэффа было волевое квадратное лицо и худощавое сложение настоящего воина. До появления «лорда Гейбрила» он служил в Королевской Гвардии Андора, откуда он потом с отвращением вышел в отставку. Нэфф сам пришел в Черную Башню и теперь носил отличительные знаки меча и Дракона.

Однажды Ранду либо придется отпустить Нэффа к его Айз Седай — он был одним из первых, связанных с ними узами — либо позволить привести ее к нему. Ранду не хотелось подпускать к себе еще одну Айз Седай, хотя эта Зеленая — Нелавейр Демасиллин — по

сравнению с остальными Айз Седай была довольно милой.

— Продолжай, — не останавливаясь, сказал Нэффу Ранд. Аша'ман был посыльным и участвовал в переговорах Башира с Шончан.

— Хорошо, милорд, — сказал Нэфф. — Это всего лишь мое внутреннее ощущение, но не думаю, что они согласятся утвердить Катар местом встречи. Они увивают от ответа всякий раз, как я или лорд Башир заводим о нем разговор, заявляя, что им требуется получить инструкции от Дочери Девяти Лун. Судя по их тону, «инструкции» назовут это место неприемлемым.

Ранд тихо ответил:

— Катар — нейтральная территория. Он расположен ни в Арад Домане, ни на земле Шончан.

— Мне это известно, милорд. Мы старались. Клянусь, мы старались.

— Прекрасно, — произнес Ранд. — Раз они продолжают упираться, я выберу другое место. Возвращайся к ним и передай: мы встретимся в Фалме.

Находившийся позади Флинн тихо присвистнул.

— Милорд, — сказал Нэфф. — Это же глубоко на территории Шончан.

— Я знаю, — ответил Ранд, оглянувшись на Флинна, — но он имеет определенное... историческое

значение. Мы будем там в безопасности. Эти Шончан связаны строгими законами чести. Если мы придем под белым флагом, они не нападут.

– Вы уверены? – тихо уточнил Нэфф. – Мне совсем не нравится, милорд, то, как они на меня смотрят. Это презрение в каждом взгляде. Презрение и жалость, словно я приبلудный пес, рыщущий в поисках объедков на помойке позади таверны. Чтоб мне сгореть, но меня уже тошнит от всего этого.

– Милорд, у них есть те самые ошейники, – добавил Флинн. – И у них чешутся руки надеть их на нас, несмотря на белый флаг.

Ранд закрыл глаза, сдерживая гнев в глубине себя, чувствуя принесенный порывом ветра соленый запах моря. Он открыл глаза и взглянул в затянутое тучами небо.

Он не будет вспоминать об ошейнике на своей шее, о руке, душившей Мин. Это все в прошлом.

Он стал прочнее стали. Его не сломать.

— Мы должны заключить мир с Шончан, — произнес Ранд, — несмотря на разногласия.

— Разногласия? — переспросил Флинн. — Не думаю, милорд, что мог бы назвать это разногласиями. Они хотят всех нас поработить или даже казнить. Они и то, и другое считают

милостью!

Ранд выдержал взгляд мужчины. Флинн не был мятежником, он был предан, как и прежде, но Ранд все равно заставил его отвести взгляд и склонить голову. Несогласие неприемлемо. Именно несогласие и ложь довели его до ошейника. Отныне — никогда.

— Прошу прощения, милорд, — наконец сказал Флинн. — Чтоб мне сгореть, если Фалме не лучший выбор для этого! Вы заставите их снова со страхом смотреть в небо. Заставите.

— Доставь сообщение, Нэфф, — сказал Ранд. — Я желаю уладить этот вопрос.

Кивнув, Нэфф развернул лошадь и отъехал рысью прочь от колонны. К нему присоединилась небольшая группа охранявших его айильцев. Перемещаться можно только из мест, которые очень хорошо знаешь, поэтому Нэфф не мог открыть ворота прямо из порта. Ранд продолжил движение, встревоженный молчанием Льюса Тэрина. В последнее время безумец был необычно отстранен. Это должно было радовать Ранда, но вместо этого вызывало тревогу. Это как-то было связано с безымянной силой, к которой прикоснулся Ранд. Он всё еще часто слышал вопли безумца, его испуганное перешептывание с самим

собой.

– Ранд?

Он обернулся, не заметив приближения лошади Найнив. На женщине было надето откровенное зеленое платье, хотя и скромное по доманийским стандартам. Оно открывало слишком много того, о чем она и не помышляла когда-то в Двуречье. – «Она имеет право меняться, – подумал Ранд. – Что значат фривольные платья по сравнению с отданными мной приказами об изгнании или смертными приговорами?»

– Что ты решил? – спросила она.

– Мы встретимся в Фалме, – ответил он.

Она что-то тихо пробурчала.

— О чем это ты? —

поинтересовался он.

— О, так — кое-что о том, какой ты набитый шерстью болван, — ответила она с вызовом во взгляде.

— Фалме будет приемлемым для них выбором, — пояснил он.

— Да, — сказала она. — Там ты окажешься прямо в их лапах.

— Я не могу больше ждать, Найнив, — сказал он. — Это риск, на который нам нужно пойти. Но я сомневаюсь, что они нападут.

— Не в этом ли ты сомневался в прошлый раз? — уточнила она. — Когда потерял руку?

Он опустил глаза на свою

культю.

— Вряд ли на этот раз с ними окажется кто-то из Отрекшихся.

— Уверен?

Он встретился с ней взглядом, и она его выдержала, что за последнее время сумели сделать лишь несколько человек. Наконец, он покачал головой:

— Нет, не уверен.

Она фыркнула в ответ, показав, что выиграла спор.

— Что ж, значит, нам потребуется быть чрезвычайно осторожными. Возможно, воспоминания о твоём прошлом визите в Фалме доставят им некоторое неудобство.

— Надеюсь, — сказал он.

Она что-то еще пробормотала себе под нос, но он не уловил, что именно. Найнив никогда не стать идеальной Айз Седай. Она плохо контролировала собственные эмоции, а именно – свой нрав. Ранд не видел в этом изъяна. По крайней мере, рядом с ней он всегда знал, чего ожидать. Она не умела юлить, и именно в этом была ее ценность. Он ей доверял – одной из немногих.

«Мы верим ей, не так ли? – переспросил Льюс Тэрин. – Но можем ли?»

Ранд не ответил. Он закончил осмотр порта. Найнив осталась рядом. Видимо, она была не в настроении, хотя Ранд не мог понять,

почему. После отставки Кадсуане Найнив могла стать его главной советницей. Разве это ее не радует?

Возможно, она беспокоится о Лане. Повернув процессию обратно к центру города, Ранд поинтересовался у нее:

— Что-нибудь слышала о нем?

Найнив покосилась на него, прищулив глаза:

— О ком?

— Ты знаешь о ком, — ответил Ранд, минуя ряд домов, с крыш которых свешивались разноцветные флаги с именами всех отпрысков одного семейства.

— Его дела — не твоя забота, — ответила Найнив.

– Весь мир – моя забота,
Найнив, – он посмотрел в ее сторону.
– Разве ты не согласна?

Она открыла рот, чтобы непременно огрызнуться, но запнулась, встретившись с ним взглядом. – «Свет, – пронеслось у него в голове при виде испуга на ее лице. – Теперь я могу сделать такое и с Найнив. Что же они во мне видят?»

Выражение ее глаз едва не заставило Ранда испугаться самого себя.

– С Ланом все будет хорошо, – отвернувшись, произнесла Найнив.

– Ведь он отправился в Малкир, не так ли?

Она покраснела.

– Давно? – уточнил Ранд. – Он же еще не добрался до Запустения? – Отпущенный преследовать то, что он одновременно считал своей долгом и судьбой, Лан бы в одиночку бросился в Малкир. Королевство – его королевство – было поглощено Запустением десятки лет назад, когда он был еще младенцем.

– Два или три месяца назад, – откликнулась она. – Возможно, чуть дольше. Он направляется в Шайнар, чтобы перекрыть Ущелье, даже если ему придется делать это в одиночку.

– Он жаждет мщения, – тихо сказал Ранд, – воздаяния за то, что нельзя защитить.

– Он исполняет свой долг! –

ответила Найнив. — Но... меня волнует его опрометчивость. Он настоял на том, чтобы я доставила его в Порубежье. Я так и сделала, но только переправила его в Салдэйю. Мне хотелось оставить его как можно дальше от Ущелья. По пути ему придется преодолеть немало сложностей прежде, чем попадет туда, куда собрался.

Ранд почувствовал полное безразличие при мысли о Лане, направившемся в Тарвиново Ущелье. Возможно, навстречу собственной смерти. Но он ничего не мог с этим поделать.

— Мне жаль, Найнив, — сказал он, хотя не чувствовал этого. В

последнее время у него не ладилось со всеми эмоциями.

— Думаешь, я отправила его одного? — рывкнула она. — Вы оба — шерстеголовые болваны! Я позаботилась, чтобы у него была собственная армия, даже если он был против.

Да, ей вполне было по силам такое. Возможно, она разослала послания от лица Лана всем уцелевшим Малкири. Лан сочетал в себе странную смесь — он отказывался поднимать знамя Малкири и потребовать то, что ему принадлежит по праву из страха, что это приведет последних уцелевших его подданных к гибели. Вместо

этого, он во имя чести предпочитал встретить смерть лично.

«Разве я поступаю иначе? – подумал Ранд. – Разве во имя чести я не мчусь навстречу смерти? Хотя, нет. Здесь есть разница. У Лана есть выбор». В пророчествах нет упоминания про гибель Лана, несмотря на его собственные предположения о ждущей его судьбе.

– Но все равно ему бы не помешала помощь, – с неловкостью в голосе произнесла Найнив. Просьбы о помощи всегда давались ей с трудом. – Его армия будет невелика. Сомневаюсь, что они долго продержатся против троллоков.

– Он станет атаковать? –

уточнил Ранд.

Найнив запнулась.

– Он не уточнил, – сказала она, – но думаю, что станет. Он считает, Ранд, что ты здесь напрасно теряешь время. Если он доберется до места, соберет армию и обнаружит в Тарвиновом Ущелье собирающихся троллоков... да, он будет атаковать.

– Значит, он заслуживает то, что получит, отправившись туда без нас, – ответил Ранд.

Найнив бросила на него сердитый взгляд.

– Как ты можешь так говорить?

– Я должен, – тихо ответил Ранд.

– Последняя Битва неминуема. Возможно, моя собственная атака на

Запустение состоится одновременно с Ланом. А может, нет, — задумавшись, он сделал паузу. Если Лан с теми силами, что сумеет собрать, войдет в Ущелье... возможно, это отвлечет внимание. Если Ранд не станет там атаковать, это собьет Тень с толку. Он сможет ударить туда, где его не ждут, пока их взгляды будут прикованы к Лану.

— Да, — раздумчиво произнес Ранд. — Его смерть может сослужить мне отличную службу.

Глаза Найнив расширились от ярости, но Ранд не обратил на нее внимания. Глубоко внутри в полной тишине его пронзила боль за друга. Он должен был отбросить это

беспокойство, утихомирить его. Но оно тихо шептало:

«Он называл тебя другом. Не бросай его...»

Найнив справилась со своим гневом, что произвело на Ранда впечатление.

– Мы поговорим об этом позже, – сказала она резко. – Возможно, после того, как удосужишься подумать, что будет означать для тебя отречение от Лана.

Ему нравилось думать о Найнив как о прежней воинственной деревенской Мудрой, которая изводила его в Двуречье. Казалось, раньше она действовала столь напористо лишь потому, что думала,

что из-за юного возраста остальные не будут к ней прислушиваться. С тех пор она сильно повзрослела.

Они добрались до дворца, ворота которого охраняли пять десятков воинов Башира. Когда Ранд проехал мимо, они синхронно отдали честь. Он проехал сквозь лагерь Айил, спешил в конюшне и переложил ключ доступа из петли у седла в увеличенный карман своего кафтана, который был скорее сумкой, пришитой к кафтану специально для статуэтки. Из глубины кармана возвышалась поднятая рука с лежащей в ней сферой.

Ранд вернулся в тронный зал. С тех пор, как сюда доставили трон

короля, он уже не называл эту комнату иначе. Трон был огромным, позолоченным и инкрустированным драгоценными камнями в деревянных подлокотниках, спинке и изголовье. Они выпирали, словно вылупленные глаза, придавая трону вычурную роскошь, которую Ранд ненавидел. Трон был найден не во дворце. Один из местных купцов «сохранил» его от беспорядков. Возможно, он так же рассматривал возможность захватить его в более фигуральном смысле.

Несмотря на безвкусный внешний вид трона, Ранд сел на него, сдвинув фигурку в кармане так, чтобы она не упиралась в бок.

Влиятельные лица города не знали, что думать на его счет, и это его устраивало. Он не назвался королем, но, вместе с тем, его армия захватила столицу. Он говорил о восстановлении власти Алсалама и в то же время восседал на его троне, словно имел на это право. Однако он не перебрался в королевский дворец. Ему хотелось, чтобы они сомневались.

На самом деле он еще не принял решения. Многое будет зависеть от полученных в последующие дни донесений. Он кивнул вошедшему Руарку, и мускулистый айилец ответил тем же. После этого Ранд спустился с трона, и они с Руарком

сели на круглом ковре с цветной спиралью перед тронным местом, укрытым зеленым ковром. Когда они сделали так впервые, то вызвали приглушенный переполох среди придворных-доманийцев и слуг растущего двора.

— Мы нашли и захватили еще одну, Ранд ал'Тор, — сообщил Руарк. — Аламиндра Катрен пряталась в поместье своей кузины недалеко от северной границы. Мы кое-что узнали у нее дома, и это привело нас прямо к ней.

Это значит, что у него есть в наличии четверо членов Совета.

— Что слышно о Мишан Дубарис? Ты говорил, что напал и на

ее след тоже.

— Погибла, — ответил Руарк. — От рук разъяренной толпы неделю назад.

— Ты уверен? Возможно, это обман, чтобы сбить нас со следа.

— Я лично не видел тела, — сказал Руарк. — Но его видели те, кому я доверяю, и, по их словам, оно соответствует приметам. Я имею все основания думать, что след был подлинным.

Четверо захвачены и двое мертвы. Остается разыскать еще четверых, чтобы набрать достаточное число голосов для новых выборов короля. Это будут не самые честные выборы в доманийской истории, но

кого это волнует? Он мог бы назначить им короля или сам занять их трон. С какой стати он так беспокоится о том, что подумают доманийцы?

Руарк с задумчивым видом наблюдал за ним. По всей видимости, вождь айильцев думал о том же.

— Продолжайте поиски, — произнес Ранд. — Я не собираюсь оставлять Арад Доман себе. Мы либо найдем истинного короля, либо убедимся, что Совет изберет нового. Мне наплевать, кто это будет, лишь бы он не был Приспешником Темного.

— Как скажешь, Кар'а'карн, —

ответил Руарк, поднимаясь.

— Порядок важен, Руарк, — сказал Ранд. — У меня нет времени лично наводить здесь порядок. На нас скоро обрушится Последняя Битва, — он посмотрел на Найнив, которая присоединилась к нескольким Девам в дальней стороне небольшой комнаты. — Я хочу получить еще четверых членов Совета Торговцев до конца месяца.

— Ты переходишь на приказной тон, Ранд ал'Тор, — заметил Руарк.

Ранд встал.

— Просто найди для меня этих купцов. Люди заслужили предводителей.

— И короля?

Ранд посмотрел туда, где под тщательным надзором айильцев стояла Милисайр Чадмар. Она выглядела... изможденной. Ее некогда великолепные волосы цвета воронова крыла были собраны в пучок, по всей видимости, потому, что так за ними было проще ухаживать. Ее платье, все еще великолепное, было сильно измято от длительного ношения. Глаза женщины покраснели. Она по-прежнему была красива, как остается красивым великолепное полотно, которое измяли, а затем постарались разгладить на столе.

— Да обрешь ты всегда воду и прохладу, Руарк, — пожелал Ранд на

прощание.

– Да обретешь ты всегда воду и прохладу, Ранд ал’Тор, – высокий айилец вышел, и несколько воинов последовали за ним. Ранд сделал глубокий вдох, взошел на возвышение и сел на аляповатый трон. Руарка он принял с заслуженным уважением, что до остальных... что ж, они тоже получают то, что заслужили.

Он подался вперед, сделав Милисайр знак приблизиться. Одна из Дев подтолкнула ее в спину, заставив шагнуть вперед. Представ сегодня перед Рандом, она выглядела более напуганной, чем в прошлый раз.

– Итак? – спросил он.

– Милорд Дракон... – начала было она, оглядываясь в поисках поддержки доманийцев – слуг и придворных, стоявших рядом. Они делали вид, что не замечают ее – даже щеголь лорд Рамшалан смотрел в другую сторону.

– Говори, женщина, – приказал Ранд.

– Тот курьер, о котором вы спрашивали, – ответила она, – мертв.

Ранд сделал глубокий вдох.

– И как же это случилось?

– Это всё люди, которых я приставила за ним следить, – быстро произнесла она. – Я даже не представляла, как плохо они за ним ухаживали! Они несколько дней не

давали ему пить, и начавшаяся
лихорадка...

– Другими словами, – перебил ее Ранд, – вы не смогли добиться от него информации, поэтому бросили его гнить в темницу и вспомнили, где он, только когда я приказал привести его ко мне.

— *Кар'а'карн*, — выйдя вперед, обратилась к нему одна совсем молоденькая Дева по имени Джалани. — Когда мы нашли ее, она упаковывала вещи, словно собиралась сбежать из города.

Милисайр явственно поблелела.

– Лорд Дракон, – произнесла она, – это была минутная слабость!

Я...

Ранд жестом заставил ее замолчать.

— И что прикажешь теперь с тобой делать?

— Ее следует казнить, милорд! — воскликнул Рамшалан, быстро выйдя вперед.

Ранд поднял хмурое лицо. Он не ждал ответа на свой вопрос. У долговязого Рамшалана над тонкими черными доманийскими усами торчал носище, который явно указывал на салдэйские корни лорда. На нем был надет совершенно невероятный кафтан, сшитый из разноцветных тканей — синей, оранжевой, желтой и белой — из-под

которого торчали пышные белоснежные кружева. По всей видимости, подобные вещи были в моде у определенной части доманийского высшего класса. Кроме того, у него в ушах были серьги с изображением родового герба, а на щеке красовалась черная мушка в виде парящей птицы.

Ранд повидал множество подобных ему льстецов с минимумом мозгов, но обладающих широкими родственными связями. Видимо, дворяне разводят ему подобных также, как жители Двуречья — овец. Рамшалан был особенно надоедлив из-за гнусавого голоса и острого желания предать кого угодно, лишь

бы угодить Ранду.

С другой стороны, от подобных людей порой тоже бывает польза.

— Что скажешь, Милисайр? — задумчиво поинтересовался Ранд. — Следует ли тебя казнить за измену, как предлагает этот человек?

Женщина не разрыдалась, но, очевидно, была до предела напугана — она стояла не мигая, широко распахнув глаза и протянув к нему трясущиеся руки.

— Нет, — наконец произнес Ранд. — Ты нужна мне, чтобы избрать нового короля. Какой смысл рыскать по окрестностям в поисках членов Совета, если казнить тех, кого уже нашли?

Она вздохнула с облегчением, когда этот груз упал у нее с плеч.

– Заприте ее в той же темнице, куда она бросила королевского посланца, – приказал Ранд Девам. – Удостоверьтесь, что ей не уготована та же судьба, по крайней мере, пока я с ней не закончу.

Милисайр отчаянно закричала. Девы утащили вопящую женщину из комнаты, но Ранд уже выбросил ее из головы. Рамшалан с удовлетворением проследил за удалением соперницы. Очевидно, женщина неоднократно публично его унижала. Одно очко в ее пользу.

– Что до остальных членов Совета, – обратился Ранд к

придворным. — Были ли у них контакты с Королем?

— Ни у кого за последние четыре-пять месяцев, милорд, — ответил один из них, коренастый доманиец с огромным животом по имени Нореладим. — Хотя нам ничего не известно про Аламиндру, потому что ее совсем недавно... отыскали.

Возможно, у нее будут какие-нибудь новости, хотя вряд ли у нее найдется для него лучший след, чем посланец, заявивший, что прибыл от самого Алсалама. Чтоб этой бабе сгореть за то, что она уморила его до смерти!

«Если посланца отправила Грендаль, — внезапно встрял Льюс

Тэрин, – мне ни за что не удалось бы его расколоть. Она мастерски владеет Принуждением. Виртуозно, просто виртуозно».

Ранд помедлил. Хорошее замечание. Если посланец действительно был под Принуждением Грендаль, то у него было чрезвычайно мало шансов предать ее убежище. Если только не снять паутину Принуждения, что потребовало бы мастерства Исцеления, выходящего за пределы умений Ранда. Грендаль всегда умела замечать следы.

Но он не был уверен, что она находится в стране. Если б ему удалось обнаружить посланца и на

нем следы Принуждения, этого было бы достаточно для уверенности.

— Мне нужен любой, кто утверждает, что у него было послание от Короля, — сказал он. — Любой горожанин, с кем у него были контакты.

— Их разыщут, лорд Дракон, — чопорно заявил Рамшалан.

Ранд рассеяно кивнул. Если Нэфф договорится, как он надеется, о встрече с Шончан, тогда Ранду придется в скором времени покинуть Арад Доман. Он надеялся оставить им короля, а еще отыскать и уничтожить Грендаль. Но главное — заключить мир с Шончан и накормить этих людей. Он не станет

решать все проблемы. Все, что ему нужно – принудить их повиноваться вплоть до его гибели у Шайол Гул.

И пусть мир снова раскалывается, после того, как его не станет. Он сжал зубы. Он и так уже потратил слишком много времени на беспокойство о том, что не в силах исправить.

«Может поэтому я отказываюсь назначить им Короля? – подумал он. – С моей смертью он потеряет власть, и Арад Доман вновь вернется к хаосу. Если я не оставлю здесь короля, которого поддержит купечество, значит после смерти я своими руками отдам королевство Шончан».

Так много нужно урегулировать. Так много проблем. Он не в силах справиться со всеми делами. Не в силах.

— Ранд, я не одобряю этого, — заявила стоящая у входа Найнив, сложив руки на груди. — И еще мы не закончили разговор о Лане.

Ранд отмахнулся от нее.

— Он же твой друг, Ранд, — сказала она. — Свет! А как же Перрин с Мэтом? Ты хоть знаешь, где они? Что с ними происходит?

Перед его взглядом завертелись цветные пятна, показав ему стоявших возле палатки Перрина с Галадом. С какой стати Перрин связался именно с Галадом, а не с кем-то еще? И когда

это сводный брат Илэйн успел стать Белоплащником? Цветные пятна сменились, показав ему Мэта, проезжающего верхом по улицам знакомого города. Кэймлин? Рядом с ним был Том.

Ранд нахмурился. Он чувствовал тянущее напряжение со стороны Перрина и Мэта. Они казались далекими. Это было частью их природы та'верен, пытавшейся собрать их вместе. Они оба должны были присоединиться к нему для Последней Битвы.

— Ранд? — позвала Найнив. — Ответишь что-нибудь?

— Насчет Мэта с Перрином? — переспросил Ранд. — Они живы.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю, – он вздохнул, покачав головой. – И лучше им остаться в живых. Они оба мне понадобятся до того, как все закончится.

– Ранд! – сказала она. – Они твои друзья!

– Они нити в Узоре, Найнив, – поднимаясь, пояснил он. – Я уже почти их не знаю и подозреваю, что то же самое они могут сказать обо мне.

– И ты о них не беспокоишься?

– Не беспокоюсь? – Ранд спустился по ступеням тронного места вниз. – О чем я беспокоюсь, так это о Последней Битве. Я

беспокоюсь о перемирии с проклятыми Светом Шончан, чтобы перестать отвлекаться на их укусы и заняться настоящей войной. По сравнению с этими тревогами пара ребят из моей деревушки не играют роли.

Он посмотрел на нее с вызовом во взгляде. Рамшалан с другими присутствующими безмолвно отпрянули, не желая вступать между ним и Найнив.

Она промолчала, хотя на ее лице отразилась огромная печаль.

— О, Ранд, — наконец сказала она. — Ты не можешь продолжать в том же духе. Твоя черствость -тебя доконает.

– Я делаю то, что должен, – ответил он, чувствуя, как внутри прокрадывается гнев. Неужели он никогда не перестанет слышать жалобы на собственный выбор?

– Этого ты делать не должен, Ранд, – ответила она. – Так ты уничтожишь себя. Ты...

Гнев затопил Ранда. Он резко обернулся, ткнув в нее пальцем.

– Хочешь быть изгнана как Кадсуане, Найнив? – проревел он. – Не стоит со мной играть! Хватит. Давай советы, когда тебя просят, и не опекай меня в остальное время!

Она отпрянула, и Ранд закрипел зубами, загоня гнев вглубь. Он опустил руку, но понял,

что та, рефлекторно, тянется в карман к ключу доступа. Найнив впилась в нее взглядом широко открытых глаз, но он превозмог себя и медленно отвел руку от статуэтки.

Этот взрыв его удивил. Он считал, что взял свой нрав под контроль. Думал, что усмирил его, и вдруг не смог с ним справиться. Он развернулся и вышел прочь, оставив дверь нараспашку. Его Девы припустили за ним.

— На сегодня аудиенции закончены, — сказал он кинувшимся было следом придворным. — Идите, выполняйте то, что я вам сказал! Мне нужны остальные члены Совета Торговцев. Идите!

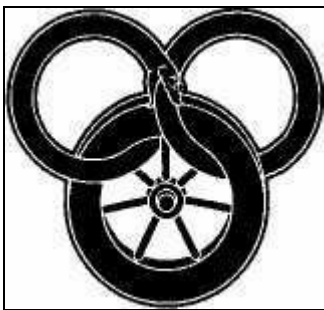
Они заспешили прочь, остались только Айил, охранявшие Ранда по пути к его апартаментам во дворце.

Еще чуть-чуть. Ему нужно продержаться только еще чуть-чуть. Потом все закончится. Он понял, что перенял у Льюса Тэрина взгляд на грядущее завершение.

«Ты обещал, что мы сможем умереть», – произнес Льюс Тэрин между отдаленными всхлипами.

«Обещал, – ответил Ранд. – И мы умрем».

Глава 32. Реки Теней

Глядя вниз на темный город, Найнив стояла на широкой крепостной стене Бандар Эбана. Стена находилась с материковой стороны города, но Бандар Эбан был построен на склоне, поэтому она видела его весь вплоть до океана. Ночной туман клубился над водой,

нависая над рябым черным зеркалом моря. Он был похож на отражение облаков в вышине, пылавших призрачным жемчужным светом невидимой луны.

Туман, как обычно, не добрался до города. Он, клубясь, висел над океаном, словно призрак лесного пожара, остановленного невидимой преградой.

Она всё так же чувствовала бурю на севере. Что-то взывало к ней, требуя нестись по улицам, вопя об опасности. Прячьтесь в подвалы! Запасайтесь едой, пока не грянула беда! К сожалению, против *этой* бури не помогли бы ни земляные валы, ни укрепленные стены. *Эта*

буря была совершенно другого вида.

Зачастую морской туман являлся предвестником ветров, и эта ночь не была исключением. Найнив закуталась в шаль, чувствуя в воздухе соленый привкус. Он смешивался с неизменными «ароматами» перенаселенного города: отбросов, немытых тел, сажи и дыма от костров и печей. Она скучала по Двуречью. Ветра там были холодными зимой, но всегда свежими. Ветер в Бандар Эбане всегда казался несколько *несвежим*.

В Двуречье для нее нет больше места. Она это знала, и от этого было больно. Теперь она – Айз Седай, и то, кем она стала, для нее теперь

важнее, чем ранее быть Мудрой. С помощью Единой Силы она могла Исцелять, что по-прежнему казалось чудом. А с властью Белой Башни, стоящей за ее спиной, она стала одной из самых влиятельных персон в мире, сравнимая только с другими сестрами и – изредка – с монархами.

И если говорить про монархов – она сама была замужем за королем. Да, может Лан и не имел королевства, но он *был* королем. Пусть даже и для нее одной. Жизнь в Дворчье его бы не устроила. И, что еще вернее, не устроила бы и ее тоже. Та простая жизнь – все, что она когда-то была в состоянии вообразить – теперь казалась

скучной и не приносящей удовлетворения.

Однако было трудно не тосковать о прошлом, особенно наблюдая за ночными туманами.

— Там, — произнесла Мериса резким от напряжения голосом. Она вместе с Кадсуане и Кореле стояла, глядя в другом направлении — не на юго-запад в сторону города и океана, а на восток. Найнив едва не отказалась их сопровождать, поскольку подозревала, что в своем изгнании Кадсуане частично винит ее. Однако возможность понаблюдать за появлением призраков была слишком соблазнительна.

Найнив отвернулась от города и

пересекла стену, присоединяясь к остальным. Кореле мельком глянула в ее сторону, а Мериса и Кадсуане даже не заметили. Что ж, это устраивало Найнив. Хотя ее раздражало то, что Кореле, такая же Желтая Сестра, по-прежнему относилась к ней настороженно. Кореле была славной, отзывчивой, но наотрез отказывалась считать Найнив одной из Желтых. Что ж, в конечном счете, этой женщине придется изменить свое мнение, как только Эгвейн захватит Белую Башню.

Найнив посмотрела поверх крепостных зубцов, разглядывая темную местность за чертой города.

Она едва смогла рассмотреть остатки лачуг, что еще недавно теснились возле стен. Опасности – реальные и мнимые – вынудили большинство беженцев из окрестных деревень заполнить улицы города. Ранд большую часть времени тратил на то, чтобы с ними справиться, а так же на борьбу с болезнями и голодом, которые они принесли с собой.

За разрушенными трущобами были только кусты, чахлые деревья и темный обломок, который, возможно, раньше был тележным колесом. Поля по соседству пустовали. Они были вспаханы и засеяны – и всё же пустынно. О, Свет! Почему больше не всходят

посевы? Где искать пропитание следующей зимой?

В любом случае, она здесь не за этим. Что увидела Мериса? И где?

Теперь Найнив тоже увидела. Над землей, словно частица морского тумана, плыло маленькое пятнышко света. Оно росло, набухая, как крошечное грозное облако, сияя жемчужным светом, мало отличающимся от сияния облаков над головой. Оно приняло форму идущего человека, затем светящийся туман обрел форму еще нескольких фигур. Через пару мгновений по черным полям траурным шагом, сияя, двигалась целая процессия.

Найнив пробрала дрожь, и она

строго отчитала себя за слабость. Может, они и призраки, но на таком расстоянии они не опасны. Но как она ни пыталась, так и не смогла избавиться от мурашек, бегущих по коже.

Процессия находилась от нее слишком далеко, чтобы она смогла разобрать детали. В рядах идущих были и женщины, и мужчины, одетые в сияющие одежды, которые развевались и мерцали, словно городские флаги. Призраки были бесцветными и блеклыми, в отличие от других привидений, появлявшихся в последнее время.

Они состояли из странного потустороннего света. Несколько

фигур процессии – которая теперь насчитывала примерно две сотни – несли крупный предмет. Что это, паланкин? О, нет... То был гроб. Значит, это похоронная процессия из далекого прошлого? Что случилось с этими людьми и почему их втянуло обратно в мир живых?

В городе ходили слухи, что впервые эта процессия появилась в ночь приезда Ранда в Бандар Эбан. Заслуживающие доверия стражники – из тех, что несли службу на городских стенах – подтвердили это дрожащими голосами.

– Не вижу причины для подобного ажиотажа, – скрестив руки на груди, сказала Мериса с

привычным тарабонским акцентом. – Да, это призраки, но мы уже все к ним привыкли, не так ли? По крайней мере, эти не заставляют людей плавиться или воспламеняться.

Донесения из города говорили о том, что «происшествия» участились. Только за последние несколько дней Найнив проверила три достоверных сообщения о людях, убитых выбравшимися из-под кожи насекомыми. Еще одного мужчину нашли утром в собственной постели, превратившимся в пережженный уголь. При этом постельное белье не было опалено. Она видела это тело собственными глазами.

Привидения не были повинны в происшествиях, но люди во всем обвиняли их. «Все лучше, чем если бы они начали винить Ранда», — подумала она.

— Это сидение в городе расстраивает, — продолжала Мериса.

— Действительно, время, проведенное нами в этом городе, кажется потерянным зря, — согласилась Кореле. — Мы должны двигаться дальше. Вы же слышали, он заявил, что Последняя Битва близко.

Найнив почувствовала острое беспокойство за Лана, а затем злость на Ранда. Он до сих пор считал, что если нападет одновременно с ударом

Лана в Тарвиновом ущелье, то этим собьет с толку своих врагов. Атака Лана, скорее всего, станет началом Последней Битвы. Почему бы тогда Ранду не направить войска ему на помощь?

– Да, – задумчиво ответила Кадсуане. – Возможно, он прав.

Почему она не снимет этот капюшон? Ранда явно нет поблизости.

– Значит, у нас есть еще одна веская причина двигаться дальше, – решительно сказала Мериса. – Ранд ал'Тор – глупец! И Арад Доман не важен. Есть король или нет – какое это имеет значение?

– Нельзя забывать про Шончан,

– фыркнула Найнив. – Как быть с ними? Ты хочешь заставить нас выдвинуться в Запустение и оставить наши государства беззащитными перед вторжением?

Мериса не ответила. Кореле улыбнулась и пожала плечами, затем посмотрела на Дамера Флинна, который стоял, прислонясь к стене позади них со скрещенными на груди руками. Небрежность позы старика говорила о том, что он не видел в привидениях ничего особенного. И в данный момент он, возможно, был прав.

Найнив вновь посмотрела на процессию призраков, которая шла огибая городскую стену. Прочие Айз

Сeday продолжили разговор, Мериса и Кореле воспользовались случаем еще раз выразить недовольство Рандом, хотя по-разному: одна — резко, другая — мягко.

Из-за этого Найнив захотелось его защитить. Хотя в последнее время он стал неуправляемым и непредсказуемым, ему нужно завершить в Арад Домане важную работу. Не за горами была встреча с Шончан в Фалме. Кроме того, было необходимо побеспокоиться о доманийском троне. А что если, как он и подозревает, Грендаль действительно здесь? Многие считали, что он ошибался насчет Отрекшихся, но Ранд находил их

почти в каждом государстве. Почему не в Арад Домане? Куда-то пропавший король, земли, охваченные смутой, голодом и раздором. Все это очень напоминало беды, случавшиеся в присутствии Отрекшихся.

Остальные продолжали беседовать. Найнив уже решила было уйти, когда заметила, что Кадсуане смотрит на нее. Она помедлила, оборачиваясь к одетой в плащ женщине. Лицо Кадсуане было плохо видно в свете факела, но среди теней Найнив заметила ее гримасу – словно Кадсуане была раздражена жалобами Мерисы и Кореле. На мгновение взгляды Найнив и

Кадсуане встретились, затем та резко кивнула. Прямо посреди одной из тирад Мерисы насчет Ранда старая Айз Седай развернулась и пошла прочь.

Остальные Айз Седай поспешили ее догнать. Что означал этот взгляд? Кадсуане привыкла относиться к другим Айз Седай так, словно они заслуживали уважения не больше обыкновенного мула. Будто в ее глазах все прочие были только детьми.

Хотя, учитывая, как в последнее время вели себя многие Айз Седай...

Нахмурившись, Найнив пошла в противоположную сторону, кивнув по пути часовым. Тот кивок Кадсуане

вряд ли был сделан из уважения. Для подобного Кадсуане была *чересчур* высокомерна и убеждена в собственной правоте.

Как быть с Рандом? Он не хотел принимать помощь от Найнив или от кого-либо еще, но в этом не было ничего удивительного. Он еще в Дворечье был упрямым пастухом, и его отец был таким же. Это никогда не останавливало Найнив-Мудрую, и это определенно не остановит Найнив-Айз Седай. Ей удавалось переспорить Коплинов и Конгаров; она сумеет сделать то же с занесшимся Рандом. Она подумывала, не отправиться ли в его «дворец» и не устроить ли ему

выволочку.

Хотя... Ранд ал'Тор был не просто каким-нибудь Коплином или Конгаром. Двуреченские упрямы не обладали удивительно зловещей аурой, которую имел Ранд.

Она и раньше имела дело с опасными людьми. Ее Лан был опасен, как охотящийся волк, и мог быть столь же вспыльчивым, даже если он хорошо умел скрывать это от окружающих. Но каким бы угрожающим и пугающим ни бывал Лан, он скорее бы отрубил себе руку, чем поднял ее на Найнив.

Ранд был иным. Найнив дошла до лестницы и направилась вниз, отмахнувшись от предложения

часового взять с собой солдата для эскорта. Стояла ночь, под покровом которой пряталось много беженцев, но Найнив едва ли была беспомощной. Однако она взяла фонарь у другого караульного. Использование Единой Силы для освещения пути могло заставить прохожих чувствовать неудобство.

Ранд. Когда-то она думала, что он благороден, как Лан. То рвение, с которым он защищал женщин, было почти смешным в своей невинности. Того Ранда больше не было. Найнив снова вспомнила тот момент, когда он прогнал Кадсуане. Она поверила, что он убьет Кадсуане, если снова увидит ее лицо, и воспоминания о

том моменте до сих пор вгоняли ее в дрожь. Конечно, это было только игрой ее воображения, но в тот момент ей показалось, что в комнате стало темнее, словно туча заслонила солнце.

Ранд ал'Тор стал непредсказуем. Приступ ярости, обрушившийся на саму Найнив несколько дней назад – всего лишь еще один пример. Конечно, несмотря на сказанное, ее он никогда не прогонит и не станет для нее угрозой. Он же не настолько бессердечен. Верно?

Спустившись по каменным ступеням, она вышла на тротуар, испачканный грязными следами вечерних прохожих. Она плотнее

закуталась в шаль. На противоположной стороне приютились кучки людей. Входы в лавки и в узкие переулки служили им укрытием от ветра.

От одной из дальних групп она услышала кашель ребенка. Найнив застыла, и вновь услышала кашель. Он был неестественным. Бурча под нос, Найнив пересекла улицу и стала пробираться через тела спящих беженцев, освещая фонарем одну группу дремлющих людей за другой. Судя по медному цвету кожи, многие из них были доманийцами, но среди них было и немало тарабонцев. И... Неужели это салдэйцы? Неожиданно.

Большинство беженцев лежали,

закутавшись в рваные одеяла, рядом со своими скудными пожитками. То там, то здесь валялись котлы и лоскутные одеяла. У одной маленькой девочки была небольшая тряпичная куколка, которая когда-то, вероятно, была красивой, но теперь у неё не хватало одной ручки. Ранд, безусловно, преуспел в покорении стран, но его государства нуждались не только в поставках хлеба. Им нужна была стабильность, им было нужно во что-то — или в кого-то — верить. Ранд все хуже справлялся и с тем, и с другим.

Откуда раздавался тот кашель? Немногие из беженцев решались говорить с ней, но и они с неохотой

отвечали на ее вопросы. Когда, в конце концов, она разыскала мальчика, то была уже порядком раздражена. Его родители устроили себе лежаки в углублении между двумя деревянными лавками, и едва Найнив приблизилась к ним, отец встал на их защиту. Он был доманийцем, весьма грязным, с темной, клочковатой бородой и густыми усами, которые, должно быть, когда-то были пострижены по доманийской моде. На нем не было кафтана, а от рубашки остались одни лохмотья.

Найнив смерила его взглядом, которому научилась задолго до того, как стала Айз Седай. Право слово,

мужчины бывают такими глупыми! Его сын, возможно, на последнем издыхании, а он, тем не менее, оказывал сопротивление одному из немногих в городе людей, кто мог ему помочь. Жена оказалась более здравомыслящей, впрочем, так обычно и бывает. Она заставила мужа посмотреть вниз, дотронувшись до его ноги. В конце концов, он отвернулся, бурча что-то себе под нос.

Черты лица женщины было сложно различить сквозь покрывавшую ее лицо грязь с дорожками от слез. Очевидно, у нее выдалась пара нелегких ночей.

Найнив опустилась на колени,

игнорируя маячившего рядом отца, и сдвинула одеяло с лица ребенка, лежавшего на руках у женщины. Ну, конечно же, он был худым и бледным, а взгляд его распахнутых глаз метался, словно в бреду.

— Как давно он кашляет? — спросила Найнив, вынимая из сумки несколько пакетиков с травами. Запасы Найнив были невелики, но им этого должно хватить.

— Уже неделю, госпожа, — ответила женщина.

Найнив прицокнула языком от раздражения и указала на лежащую рядом оловянную чашку.

— Наполни ее, — рывкнула она отцу ребенка. — Вам повезло, что с

белой трясучкой мальчик прожил так долго. Без вмешательства он, скорее всего, не пережил бы этой ночи.

Несмотря на прежнее нежелание, отец поспешил послушаться и наполнить чашку в ближайшей бочке. По крайней мере, благодаря частым дождям недостатка воды не было.

Найнив взяла чашку и смешала в ней ацему и жарогон, затем сплела ниточку Огня и нагрела воду. От кружки пошел пар, и отец снова что-то забормотал. Найнив покачала головой. Ей говорили, что доманийцы были прагматиками, когда речь заходила об использовании Единой Силы.

Видимо, беспорядки в городе действительно добрались и до них.

– Пей, – сказала она мальчику, опускаясь на колени, и использовала все пять Сил в сложном переплетении для Исцеления, которое у неё выходило инстинктивно. Ее способность поражала одних Айз Седай и вызывала презрение у других. Так или иначе, ее метод работал, даже если она не могла объяснить, почему она делала то, что делала. Это было одним из благословений и проклятий дичка: она могла инстинктивно делать то, чему другой Айз Седай нужно было упорно учиться. Однако Найнив было трудно отучиться от

некоторых дурных привычек.

Мальчик, хотя и был в полубессознательном состоянии, глотнул из прижатой к губам чашки. Ее плетение Исцеления накрыло его, пока он пил, и мальчик застыл, резко вдохнув. Для Исцеления необходимости в травах не было, но они помогут и придадут сил после безжалостной процедуры. Найнив преодолела привычку постоянно использовать травы во время Исцеления, но все же она чувствовала, что иногда они могут быть уместны и полезны.

Отец угрожающе опустился на колени, но Найнив, прижав кончики пальцев к его груди, оттолкнула его

назад.

– Дайте ребенку воздуха.

Мальчик моргнул, и Найнив увидела, что его взгляд стал осмысленным. Ребенок слабо дрожал. Найнив плетением Искательства проверила, насколько хорошо подействовало Исцеление.

– Жар прошел, – сказала она, поднявшись и отпуская Единую Силу. – В течение следующих нескольких дней он должен хорошо питаться. Я дам ваше описание начальнику дока, и вы получите дополнительный паек. Не смейте продавать еду, иначе я узнаю и сильно разозлюсь. Вы меня поняли?

Женщина стыдливо потупила

глаза.

– Мы бы ни за что...

– Я уже ничему не верю, – ответила Найнив. – В любом случае, сделаете, как я сказала – и он будет жить. Продолжайте поить его этим лекарством всю ночь. Если придется – по глоточкам. Если жар появится снова, принесите его ко мне во Дворец Дракона.

– Да, миледи, – сказала женщина, а ее муж опустился на колени, с улыбкой взяв ребенка.

Найнив подхватила свой фонарь и поднялась.

– Госпожа, – сказала женщина. – Спасибо вам.

Найнив обернулась.

– Вы должны были принести его ко мне несколько дней назад. Мне плевать, что за глупые суеверия распространяют люди, но Айз Седай вам не враги. Если вы знаете еще кого-то, кто болен, уговорите их прийти к нам.

Женщина кивнула, а ее муж выглядел испуганным. Найнив гордо вышла из переулка на темную улицу, и люди, мимо которых она проходила, смотрели на нее со смешанным чувством благоговения и ужаса. Вот глупцы! Неужели они скорее позволят своим детям умереть, чем быть Исцеленными?

Вернувшись на улицу, Найнив успокоилась. Отклонение от пути не

заняло много времени, а его, по крайней мере, сегодня, у нее было в избытке. Ей не удалось разобраться с Рандом. Единственным утешением было то, что Кадсуане, будучи его советницей, справилась еще хуже.

Как справиться с Возрожденным Драконом? Найнив знала, что прежний Ранд остался, но затаился где-то глубоко внутри. Просто его так часто били и пинали, что он спрятался, позволив управлять своей более жесткой ипостаси. Как бы ее ни выводил из себя данный факт, просто запугать его не получится. Но как ей заставить его делать то, что он должен, раз уж он слишком упрям, чтобы поддаваться на обычные

уговоры?

Найнив остановилась, освещая фонарем пустую улицу. Был один человек, которому удавалось работать с Рандом и одновременно учить и воспитывать его. Это была не Кадсуане и не одна из тех Айз Седай, что пытались схватить его и обманом или силой заставить его что-то делать.

Это была Морейн.

Найнив продолжила свой путь. В последние дни своей жизни Голубая лебезила перед Рандом. Ради того, чтобы заставить его избрать ее своей советницей, она согласилась подчиняться его приказам и предлагала совет, только когда ее об

этом просили. Что хорошего в совете, который дают, когда о нем просят? Людям больше всего нужны советы тогда, когда они их не хотят!

Но, несомненно, Морейн преуспела. Благодаря ей Ранд начал преодолевать свое отвращение к Айз Седай. Не прими Ранд Морейн, и маловероятно, чтобы Кадсуане смогла стать его советницей.

Найнив не собиралась вести себя с Рандом ал'Тором в том же духе — независимо от того, сколько у него будет причудливых титулов. Однако на примере Морейн ей и впрямь есть чему поучиться. Возможно, Ранд слушал Морейн, потому что ему льстило ее подобострастие, или,

может, он просто устал от помыкавших им людей. Вокруг Ранда и в самом деле слишком много тех, кто пытается им управлять. Должно быть, они раздражали его и этим усложнили задачу Найнив, так как она единственная, к кому ему бы следовало прислушиваться.

Возможно, он просто видел в ней еще одного манипулятора? С него станется.

Найнив требовалось доказать Ранду, что у них общие цели. Ей и не хотелось указывать ему, что делать. Она лишь хотела, чтобы он перестал вести себя, как идиот. А кроме этого, чтобы он был в безопасности. А также, чтобы Ранд стал правителем,

которого люди уважают, а не боятся. Похоже, он не видит, что избранный им путь ведет к тирании.

Быть королем или мэром Двуречья — не одно и то же, но разница невелика. Мэру нужно, чтобы его уважали и любили. Мудрая и Круг Женщин могли исполнять неприятные задачи, такие как наказание тех, кто нарушил заведенные порядки. А мэр, тем временем, должен был быть всеобщим любимцем. Это залог покоя и безопасности города.

Но как донести это до Ранда? Она не могла силой заставить его прислушиваться к ней, ей нужен другой способ. В голове Найнив

начал зреть план. К тому времени, как она добралась до дворца, она уже придумала, что ей делать.

Ворота дворца охранялись салдэйцами. Айильцы предпочитали находиться ближе к Ранду, охраняя комнаты и коридоры. Дежурный офицер, Хастер Налмат, поклонился подошедшей Найнив. Некоторые знали, как нужно вести себя в обществе Айз Седай. Дворцовые уголья были ухожены и изысканны. Когда в свет фонаря Найнив попадали деревья, подстриженные в форме причудливых животных, они отбрасывали на траву странные тени. Они двигались в такт со светом, призрачные фигуры то удлинялись,

то сливались с ночной темнотой. Это было похоже на реки теней.

На посту у фасада дворца оказалась большая группа салдэйцев — намного больше, чем нужно. Когда бы солдаты ни заступали на пост, вокруг них начинали толпиться друзья, чтобы поболтать. Найнив приблизилась, заставив некоторых солдат отлепиться от дворцовых колонн, к которым они лениво прислонялись до этого.

— Кто из вас сейчас не на дежурстве? — спросила она.

Конечно, трое из девяти подняли руки. Выглядели они при этом довольно робко.

— Прекрасно, — сказала Найнив,

вручая свой фонарь одному из них. — Вы трое — со мной.

Она вошла во дворец, трое солдат последовали за ней.

Было уже поздно — ведь призрачная процессия появилась только в полночь — и дворец уже спал. Замысловатый канделябр на входе был погашен, и коридоры погрузились в темноту. Положившись на память, она выбрала направление и пошла туда. Стены были безукоризненно выбелены, как и в других частях дворца, но не были украшены. Интуиция ее не подвела, вскоре она вошла в маленькую буфетную, где прислуга обычно занималась окончательным

украшением блюд прежде, чем нести их в столовую. Коридор, по которому она пошла, вел в гостиные залы дворца. Другой коридор за спиной — на кухни. В комнате стоял большой прочный деревянный стол и несколько высоких табуретов. На них сидела компания играющих в кости людей. Они были одеты в зеленые с белым льняные рубашки — ливреи дома Милисайр — и плотные рабочие штаны.

Они потрясенно уставились на Найнив, когда она, широко шагая, вошла в комнату. Один слуга вскочил на ноги, опрокинув табурет на пол. Он сдернул шляпу — кривобокий коричневый убор, который даже Мэт

постеснялся бы носить — с видом ребенка, застуканного за тем, что отковырял кусочек от пирога до обеда.

Найнив было всё равно, чем они занимались. Она нашла слуг, и это было главное.

— Мне нужно видеть досан, — заявила она, употребив местное название домоправительницы, — приведите ее ко мне.

Солдаты вошли в комнату следом. Все трое были салдэйцами, и даже будучи слегка туповатыми, они ходили с важным видом поднаторевших в драках людей. Она сомневалась, что для устрашения недалеких слуг нужен еще кто-то,

кроме Айз Седай, но солдаты, возможно, пригодятся позже.

– Досан? – наконец выговорил слуга со шляпой. – Вы уверены, что не хотели бы встретиться с дворецким или...

– Досан, – повторила Найнив. – Приведите ее ко мне прямо сейчас. Дайте ей время накинуть халат, но не более того, – она указала на одного из солдат. – Ты, пойдешь с ним. Проследи, чтобы он ни с кем больше не разговаривал и не позволил женщине сбежать.

– Сбежать? – взвизгнул рабочий. – Зачем это Лорал? Госпожа, что она натворила?

– Надеюсь, ничего. Идите!

Оба мужчины поспешили выйти, остальные трое слуг со смущенным видом остались сидеть за столом. Найнив скрестила руки на груди, обдумывая свой план. Ранд решил, что со смертью гонца его поиски доманийского короля зашли в тупик. Найнив не была в этом так уверена. В дело были вовлечены и другие люди, и несколько правильно заданных вопросов могут многое прояснить.

Не похоже, чтобы досан сделала что-то плохое. Просто Найнив не хотелось, чтобы слуга, которого она за ней послала, трепал своим языком со встреченными людьми. Чтобы он молчал, лучше его припугнуть и

отправить с ним солдата. Не говоря уж о том, что это заставит его поторопиться.

Ее предусмотрительность оказалась верной. Не прошло и нескольких минут, как слуга спешно вернулся в комнату, таща за собой растрепанную пожилую женщину в голубом спальном халате. Седые волосы выбивались из-под наспех повязанного на голове красного платка, а лицо пожилой доманьйки было абсолютно белым от страха. Найнив почувствовала себя виноватой. Как должна была чувствовать себя эта женщина, разбуженная посреди ночи испуганным слугой, объявившим, что

одна из Айз Седай хочет ее немедленно видеть!

Салдэйец вошел следом и встал, охраняя дверь. Он был кривоногий и коренастый и носил длинные усы. Двое других отирались возле двери, в которую вошла Найнив, и их присутствие делало обстановку еще напряженной. Кажется, они даже разгадали ее намерения.

— Мир тебе, добрая женщина, — сказала Найнив, кивком указывая на место за столом. — Ты можешь присесть. Остальные, идите к главному входу и оставайтесь там. Ни с кем не разговаривайте.

Слуг не нужно было долго уговаривать. Найнив приказала

одному из солдат последовать за ними и проследить, чтобы они выполнили то, что было сказано. Поздний час был ей на руку – пока большинство слуг и придворных Ранда спит, она может провести расследование, не спугнув тех, кто может оказаться виновным.

Уход слуг заставил досан нервничать сильнее. Найнив присела за стол на один из освободившихся табуретов. В спешке мужчины забыли игральные кости, но, конечно, не забыли прихватить деньги. Комната была освещена маленькой лампой, стоявшей на подоконнике. Салдэйец, ушедший со слугами, забрал ее фонарь с собой.

– Тебя зовут Лорал, не так ли? –
спросила Найнив.

Досан осторожно кивнула.

– Знаешь ли ты, что Айз Седай
никогда не лгут?

Домоправительница снова
утвердительно кивнула головой.
Большинство Айз Седай
действительно не могли лгать, хотя
Найнив, строго говоря, могла, так как
не держала в руках Клятвенный жезл.
Это было одной из причин, по
которым ее статус был ниже в глазах
остальных Айз Седай. Незаслуженно
ниже. Клятва на Жезле была просто
формальностью. Двуреченцы не
нуждались ни в каких *тер'ангриалах*,
чтобы быть честными.

– Тогда ты согласишься, если я скажу, что не подозреваю лично тебя ни в чем плохом. Мне просто нужна твоя помощь.

Женщина, казалось, немного расслабилась.

– Какого рода помощь вам нужна, Найнив Седай?

– По опыту я знаю, что домоправительница знает обо всех происходящих в доме делах больше, чем дворецкий и даже больше, чем сами хозяева. Ты давно здесь работаешь?

– Я служила трем поколениям семьи Чадмар, – ответила пожилая женщина с гордостью в голосе. – И надеялась прослужить еще одному,

если бы Ее светлость...

Домоправительница осеклась. Ранд заточил «Ее светлость» в ее собственную темницу. Что отнюдь не сулило этой семье нового поколения, которому можно было бы служить.

– Да, хорошо, – сказала Найнив, прерывая неловкую паузу. – Прискорбные обстоятельства, касающиеся вашей госпожи, этой ночью являются частью моей задачи.

– Найнив Седай, – произнесла пожилая женщина, более воодушевленно, – Вы полагаете, что сможете ее освободить? Сможете вернуть ей благосклонность Лорда Дракона?

– Возможно.

«Сомневаюсь, — подумала про себя Найнив, — но всё возможно».

— Мои действия могут помочь. Ты когда-нибудь видела посланца — того, которого твоя госпожа бросила в темницу?

— Того, который был отправлен королем? — уточнила Лорал. — Я никогда не говорила с ним, Айз Седай, но я его видела. Высокий, красивый парень, и для доманийца удивительно чисто выбрит. Я проходила мимо него в коридоре. У него было одно из самых красивых лиц, какие я только видела у мужчин.

— А дальше? — спросила Найнив.

— Ну, он прошел побеседовать прямо к леди Чадмар, а потом... —

Лорал замолчала. – Найнив Седай, я не хочу навлекать на свою госпожу еще больше неприятностей, и...

– Его отправили на допрос, – резко оборвала Найнив. – У меня нет времени на глупости, Лорал. И я здесь не жду показаний против твоей госпожи и не проверяю твою преданность ей. На кону стоят вещи поважнее. Ответь на мой вопрос.

– Да, госпожа, – побледнев, сказала Лорал. – Мы все, конечно, знаем, что случилось. Неправильно отдавать человека короля подобному дознавателю. Особенно такого. Досадно портить такое красивое лицо, и не только.

– Ты знаешь, где находится

дознатель и эта темница?

Лорал помедлила, но затем неохотно кивнула. Хорошо. Она не собиралась скрывать информацию.

— Тогда пойдем, — сказала Найнив, поднимаясь.

— Миледи?

— В темницу, — сказала Найнив. — Полагаю, ее нет на территории дворца — если, конечно, Милисайр Чадмар настолько предусмотрительна, как я о ней думаю.

— Она недалеко, в Столе Чаек, — сказала Лорал. — Вы хотите идти прямо сейчас, ночью?

— Да, — ответила Найнив, затем, помедлив, добавила, — если только не

решу вместо этого нанести визит дознавателю домой.

– Он живет там же, миледи.

– Прекрасно. Идем.

У Лорал не было выбора. Найнив позволила ей под охраной солдата вернуться в комнату, чтобы одеться.

Вскоре Найнив с солдатами вывели досан, а также тех самых четверых слуг, чтобы они случайно не проболтались, из дворца. Все пятеро выглядели недовольными. Возможно, они верили суевериям, что ночью небезопасно. Найнив была не так глупа. Ночью, может, и небезопасно, но не больше, чем в остальное время суток. В

действительности, ночью может быть даже безопаснее. Чем меньше людей вокруг, тем меньше вероятность, что у кого-нибудь сквозь кожу прорастут шипы или он вспыхнет свечой, или умрет какой-то иной ужасной случайной смертью.

Они покинули территорию дворца. Найнив шла уверенно, надеясь, что это поможет успокоить остальных. Она кивнула страже у ворот и пошла в направлении, указанном Лорал. По деревянному тротуару гулко стучали их шаги. Закрытое тучами ночное небо едва озарялось лунным светом.

Найнив не позволяла себе роскоши подвергать сомнению свой

план. Она взяла определенный курс, и пока всё шло хорошо. Правда, Ранд может разозлиться за то, что она подчинила себе его солдат и устроила беспорядок. Но иногда, чтобы узнать, что находится на дне бочки с мутной дождевой водой, нужно взболтать воду, чтобы это что-то всплыло со дна. Подобное совпадение маловероятно. Милисайр Чадмар заточила посланца несколько месяцев назад, но умер он незадолго до того, как Ранд захотел его видеть. Он был единственным в городе, кто знал тайну местонахождения короля.

Совпадения случались. Иногда, когда у одного из враждующих фермеров ночью умирала корова, это

была всего лишь случайность. Но иногда небольшое расследование открывало прямо противоположное.

Лорал вела группу к Столу Чаек, также известному как Район Чаек — той части города, рядом с которой рыбаки сваливали отходы от улова. Подобно большинству здравомыслящих людей, Найнив избегала этой части города, и как только они приблизились, нос напомнил ей причину. Рыбьи потроха, возможно, великолепное удобрение, но Найнив почувствовала вонь от компостных куч за несколько кварталов. Даже беженцы держались подальше от этого места.

Путь был довольно долгим — и

по понятной причине: зажиточные кварталы города возводили в отдалении от Стола Чаек. Найнившла, не обращая внимания на темные переулки и дома, а ее свита, не считая солдат, трусливо сбилась вокруг в кучу. Салдэйцы, напротив, держали свои змеевидные клинки наготове, стараясь смотреть одновременно во всех направлениях.

Жаль, что у нее не было новостей из Белой Башни. Когда она последний раз получала новости от Эгвейн или кого-то еще оттуда? Она чувствовала себя слепой. Это была ее вина. Она сама настояла на том, что должна пойти с Рандом. Кто-то должен был за ним присмотреть, но

это означало, что она лишалась возможности присматривать за всеми остальными. Была ли Башня до сих пор разделена? Была ли Эгвейн по-прежнему Амерлин? От уличных слухов мало толку. Как всегда, на каждый дошедший до нее слух приходилось по два его опровергающих. Белая Башня вела междоусобную войну. Нет, она воевала с Аша'манами. Нет, Айз Седай были уничтожены Шончан. Или Возрожденным Драконом. Нет, все те слухи — ложь, которую распространяла сама Башня, в качестве приманки врагам, чтобы те напали на Башню.

Очень мало говорилось

конкретно об Элайде или Эгвейн, хотя ходило много искаженных до неузнаваемости новостей про обеих Амерлин. И это было проблемой. Ни одна из группировок Айз Седай не хотела что-либо рассказывать про другую Амерлин. Истории про неурядицы среди Айз Седай навредили бы всем.

Наконец Лорал остановилась. Обеспокоенные слуги столпились за ее спиной. Найнив взглянула на Лорал.

— Итак?

— Там, госпожа, — женщина указала костлявым пальцем на здание на противоположной стороне улицы.

– Свечная лавка? – уточнила Найнив.

Лорал утвердительно кивнула.

Найнив подозвала одного из кривоногих салдэйцев.

– Эй, ты, присмотри за этой пятеркой и проследи, чтобы с ними ничего не случилось. Остальные двое, пойдете со мной.

Она пошла через улицу, но, не услышав позади шагов, нахмурившись, обернулась. Солдаты стояли, уставившись на единственный фонарь и, вероятно, проклиная себя за то, что не захватили еще один.

– О, ради Света! – воскликнула Найнив, взмахнув рукой и обнимая

Источник. Над кончиками пальцев она сплела шар света, излучающий вокруг холодное ровное сияние. — Оставьте фонарь здесь.

Солдаты подчинились и поспешили следом. Найнив подошла к двери лавки, затем сплела стража от подслушивания и поместила его вокруг себя, захватив дверь и обоих солдат.

Она обратилась к одному из них:
— Как тебя зовут?

— Трибен, миледи, — ответил он.

У него было ястребиное лицо с коротко стриженными усами и шрамом, идущим поперек лба. — А это Лурц, — добавил он, указав на второго солдата, похожего на гору и, к

удивлению Найнив, носившего форму кавалериста.

– Хорошо, Трибен, – сказала Найнив. – Выбей дверь.

Трибен не стал спрашивать зачем, он просто поднял обутую в сапог ногу и пнул.

Рама легко раскололась, и дверь грохнула, открывшись нараспашку, но если страж был размещен правильно, никто в доме не услышал ни звука. Она заглянула внутрь. Комната пахла воском и духами. Деревянный пол был покрыт многочисленными отметками – следами от капель. Воск, даже отчищенный, часто оставлял следы.

– Быстрее, – бросила она

солдатам, распуская стража, но оставив светящийся шар. — Лурц, иди к задней двери и наблюдай за переулком. Удостоверься, что никто не сбежит. Трибен, за мной.

Тот, кого называли Лурцем, двигаясь с удивительной для его размеров скоростью, занял положение в задней части лавки. Светящийся шар позволял увидеть бочки для изготовления маканых свечей и груды огарков в углу, выкупленных за пенни на переплавку. Ведущая наверх лестница находилась справа. Крохотный альков в передней части мастерской использовался как склад, в котором хранились различные по

размерам и форме свечи, от обычного белого стержня до ароматного и украшенного бруска. Если Лорал ошиблась с местом....

Но у любого тайного дела должно быть легальное прикрытие. Найнив поспешила вверх по лестнице, которая заскрипела под ее весом. Здание было вытянутым в длину. На верхнем этаже они с Трибеном обнаружили две комнаты. Одна дверь была чуть приоткрыта, поэтому она приглушила свет шара и сплела стража от подслушивания вокруг комнаты. Затем она нырнула внутрь, следом Трибен с хищным лицом, вытягивая заскрипевший меч из ножен.

В комнате оказался всего один человек — толстяк, спавший на тюфяке, брошенном прямо на полу, одеяло запуталось в его ногах. Найнив сплела еще несколько потоков Воздуха, связав мужчину легким движением руки. Мужчина выпучил глаза и открыл рот, собираясь закричать, но Найнив заткнула его очередным плетением Воздуха.

Она обернулась к Трибену и кивнула, завязав плетения. Оставив связанного мужчину биться в невидимых путах, они направились ко второй двери. Перед тем как войти, Найнив сплела другого стража вокруг комнаты, и хорошо, что так

сделала. Так как находившиеся внутри двое молодых ребят проснулись намного быстрее. Один тут же сел в постели, вскрикнув при виде Трибена, метнувшегося через комнату. Трибен двинул ему в живот, выбив воздух из легких.

Найнив связала его плетением Воздуха и следом проделала то же самое со вторым парнем, который еще сонно ворочался на своем лежаке. Она подтащила обоих к себе поближе, сделала свет поярче и подвесила молодых людей в нескольких дюймах над полом. Оба были доманийцами с темными волосами и грубоватыми чертами лиц, украшенных тонкими усиками.

На обоих не было ничего, кроме нижнего белья. Они казались слишком взрослыми для подмастерьев.

— Думаю, мы попали туда, куда нужно, Найнив Седай, — сказал Трибен, обходя парочку, чтобы встать рядом с ней.

В ответ она вскинула бровь.

— Они не похожи на подмастерьев свечника, — пояснил Трибен. Он вбросил меч в ножны. — На руках есть мозоли, но ни следа от ожогов? У них крепкие руки, и они слишком взрослые. У того, что слева, по крайней мере, один раз был сломан нос.

Она пригляделась. Трибен был

прав. — «Я должна была заметить это сама», — но все же, она тоже отметила несоответствие возраста.

— Как думаешь, кого мне следует выслушать, — спокойно поинтересовалась она, — а кого убить?

Оба парня, выпучив глаза, принялись извиваться в путях. Им следовало знать, что Айз Седай никогда на подобное не пойдут. На самом деле ей, возможно, не стоило бы намекать на такое, но подобные частные тюремщики вызывали в ней сильную злость.

— Тот, что левее, госпожа, кажется более сговорчивым, — предположил Трибен. — Возможно,

он расскажет все, что хотите.

Она кивнула и освободила парня от кляпа. Тот немедленно принялся говорить:

— Я сделаю все, что скажете! Пожалуйста, не запускайте мне в живот жуков! Я не сделал ничего дурного, клянусь вам. Я...

Она вернула кляп из Воздуха на место.

— Слишком много скулит, — пояснила она. — Возможно, другой знает лучше, когда помолчать, и говорит только, если его спросят.

Она убрала кляп.

Парень глотал ртом воздух, очевидно напуганный до глубины души, но не издал ни звука. Единая

Сила может заставить понервничать даже самого закоренелого убийцу.

– Как мне попасть в темницу? – задала она вопрос.

Он выглядел неважно, но уже должен был догадаться, что ее интересует темница. Вряд ли Айз Седай станет врываться посреди ночи в свечную лавку, потому что купила скверные свечи.

– Люк, – произнес парень, – под половиком в мастерской.

– Отлично, – сказала Найнив. Она закрепила плетения на руках парней, затем вернула говорившему кляп на место. Она не стала оставлять их болтаться в воздухе – ей не хотелось тащить их за собой – а

ВМЕСТО ЭТОГО ПОЗВОЛИЛА ИМ ИДТИ СВОИМИ НОГАМИ.

Найнив отправила Трибена вытащить толстяка из первой комнаты и погнала всех троих вниз по лестнице. Внизу они встретили мускулистого Лурца, внимательно наблюдавшего за черным ходом и переулком. Перед ним на полу сидел юнец — шар Найнив высветил перепуганное доманийское лицо с необычно светлыми волосами и руки в пятнах ожогов.

— Ага, а вот и подмастерье свечника, — заявил Трибен, почесав щрам на лбу. — Видимо он для прикрытия выполнял за них всю черновую работу в лавке.

– Он спал под теми одеялами, – подошедший Лурц кивнул в сторону темной кучи в углу. – Пытался сбежать через переднюю дверь, едва вы поднялись по лестнице.

– Тащи его сюда, – сказала Найнив. На складе в передней части мастерской Трибен откинул в сторону половики и, используя кончик меча, потыкал в щели между половицами, пока не уперся во что-то под ними – в петли люка, как догадалась Найнив. После недолгой осторожной возни он открыл лаз в полу. Вниз, теряясь в темноте, вела лестница.

Найнив начала было спускаться, но Трибен решительно ухватил ее за

руку.

— Госпожа, лорд Башир повесит меня на моих собственных стремянах, если я позволю вам пойти первой, — сказал он. — Не говоря уже о том, что может таиться внизу.

Он нырнул в отверстие, держась одной рукой за лестницу, а второй сжимая обнаженный меч. Когда солдат с гулким звуком соскочил на землю внизу, Найнив закатила глаза. Мужчины! Она сделала Лурцу знак присматривать за тюремщиками и освободила их от пут, чтобы они могли спуститься самостоятельно. Найнив грозно посмотрела на каждого и, без глупых выкрутасов Трибена, начала спускаться вниз,

оставив пленных тюремщиков на Лурца.

Она подняла светящийся шар повыше и оглядела темницу. Стены были каменными, что позволило ей несколько успокоиться насчет веса находившегося над ними здания. Пол был из утрамбованной земли. Перед ней находилась вделанная в стену деревянная дверь. Трибен прислушивался к чему-то, находившемуся позади двери.

Она кивнула, и мужчина распахнул дверь, яростно бросившись внутрь. Видимо, салдэйцы нахватались привычек от айильцев. Найнив вошла следом, подготовив на всякий случай потоки

Воздуха. За ее спиной, сопровождаемые Лурцом, приунывшие тюремщики начали спуск.

В этой комнате не на что было смотреть. Две камеры с массивными деревянными дверьми, стол с парой стульев и большой деревянный сундук. Найнив направила шар в угол, пока, похожий на ястреба, Трибен обследовал сундук. Он поднял крышку и выгнул бровь, вытащив на свет несколько сверкающих ножей. Помощники при расспросах. Найнив поежилась. Она грозно посмотрела на стоявших позади тюремщиков.

Найнив убрала кляп одному из

НИХ.

– Где ключи? – спросила она.

– На дне сундука, – ответил громила. Толстяк, который, без сомнения, был главарем банды, поскольку ни с кем не делил комнату, наградил сообщника разъяренным взглядом. Найнив вздернула главаря в воздух.

– Не провоцируй меня, – прорычала она. – Все благоразумные люди давно уже спят.

Она кивнула Трибену, он выудил ключи и открыл двери камер. Первая оказалась пустой. Во второй находилась растрепанная женщина в перепачканном дорогом доманийском платье. Сонная леди

Чадмар, свернувшаяся калачиком в углу у стены, выглядела грязной и оборванной. Она едва заметила, что дверь открыта. Найнив уловила запах, который до этого момента был скрыт вонью протухшей рыбы — запах человеческих экскрементов и немытого тела. По всей видимости, это было одной из причин поместить темницу в Столе Чаек.

Увидев, в каких условиях содержали женщину, Найнив резко вздохнула. Как Ранд мог позволить подобное? Да, эта женщина поступала подобным образом с другими, но это не дает ему права опускаться до ее уровня.

Она махнула Трибену рукой,

чтобы тот закрыл дверь, и села на один из стульев, повернувшись к ожидавшим тюремщикам. За их спинами Лурц охранял выход наружу, приглядывая за беднягой подмастерьем. Толстый главарь по-прежнему висел в воздухе.

Ей была нужна информация. Она могла бы утром спросить у Ранда разрешения навестить темницу, но этим она рисковала их спугнуть. Она рассчитывала на внезапность и устрашение, чтобы вытянуть из них то, что они скрывали.

— Итак, — обратилась она к троице. — Я задам вам несколько вопросов. А вы мне на них ответите.

Я еще не решила, как с вами поступить, поэтому для вас же лучше постараться быть со мной кристально честными.

Двое, стоявшие на земле, разом взглянули на мужчину, подвешенного на невидимых потоках Воздуха. И кивнули.

— Тот человек, которого передали вам, — продолжила она, — Посланник короля. Когда он впервые появился?

— Два месяца назад, — ответил один из громил со сломанным носом и крупным подбородком. — Его, как и прочих заключенных, привезли в мешке со свечными огарками из поместья леди Чадмар.

– Какие были инструкции?

– Содержать его, – ответил второй. – Живым. Мы мало что знаем, э... госпожа Айз Седай. Все допросы проводил Йоргин.

Она подняла глаза на толстяка.

– Ты – Йоргин?

Тот неохотно кивнул.

– И какие тебе были даны инструкции?

Йоргин не ответил.

Найнив вздохнула.

– Слушай, – обратилась она к нему. – Я – Айз Седай и связана клятвами. Если ты расскажешь мне то, что я хочу знать, я постараюсь, чтобы тебя избавили от подозрения в убийстве. Дракону на вас троих

наплевать, иначе ты не остался бы заправлять этим... своим приютом.

— Если мы все расскажем, вы нас отпустите? — посмотрев на нее, спросил толстяк. — Даете слово?

Найнив с недовольным видом оглядела комнатку. Они оставили леди Чадмар в темноте, и дверь обита сукном, чтобы не было слышно криков. Эта камера — темная, глухая и маленькая. Те, кто работают здесь, вряд ли заслуживали жизнь, не говоря уже про свободу.

Но ей приходилось справляться и с куда большим отвращением.

— Даю, — ответила Найнив, почувствовав горечь во рту. — И тебе хорошо известно, что это больше,

чем ты заслуживаешь.

Йоргин заколебался, но потом кивнул.

— Опустите меня, Айз Седай, и я отвечу на все ваши вопросы.

Она сделала это. Толстяк мог не знать, но у нее было недостаточно власти для противостояния с ним. Она не стала бы прибегать к его собственным методам вытягивания ответов, и к тому же не поставила Ранда в известность о своем плане. Вполне возможно, что Дракон не одобрит, если ему откроется, что Найнив вмешивается в его дела, если только она не явится к нему с результатом.

Йоргин обратился к громиле со

сломанным носом.

— Морд, подай стул, — тот повернулся к Найнив за ее одобрением, которое было получено кратким кивком головы. Устроив свою тушу на стуле, Йоргин подался вперед, сцепив руки перед собой. Он был похож на поставленного на попа гигантского жука. — Я не понимаю, что вы от меня хотите, — продолжил он. — Похоже, вам уже все известно. Вы знаете про мое заведение и о моих постояльцах. Что еще тут узнавать?

Заведение? Новое слово для подобного места.

— Это уже мое дело, — ответила Найнив, наградив его взглядом,

который, как она надеялась, напомним ему, что дела Айз Седай его не касаются. — Ответь, как посланец умер?

— Без лишнего пафоса, — ответил Йоргин. — Как и все, кто попадал ко мне.

— Расскажи поподробнее, или я снова тебя подвешу.

— Пару дней назад я открыл камеру, чтобы его покормить. Он был мертв.

— Сколько прошло времени с момента последней кормежки?

Йоргин фыркнул.

— Я не морю голодом своих гостей, госпожа Айз Седай. Просто... я воодушевляю их открыть

мне то, что им известно.

— И как сильно ты воодушевил посланца?

— Недостаточно, чтобы его убить, — парировал тюремщик.

— О, да ладно! — ответила Найнив. — Парень несколько месяцев находился в твоей власти и, по-видимому, все это время был относительно здоров. И вдруг, за день до того, как он потребовался Возрожденному Дракону, он внезапно умер? Я уже дала слово, что отпущу тебя. Ответь, кто нанял тебя убить его, и я прослежу, чтобы ты не пострадал.

Тюремщик покачал головой.

— Все было не так. Говорю же,

он просто умер. Иногда такое случается.

– Я устала от твоих уверток.

– Это не шутки, чтоб вам сгореть! – выпалил Йоргин. – Думаете, человек моей профессии сможет чего-то достичь, если о нем станет известно, что его подкупили убить гостя? Вы сможете доверять ему не больше, чем лгуну-айильцу!

Она оставила последнее высказывание без внимания, хотя подобным людям никогда нельзя «доверять».

– Слушайте, – продолжил Йоргин, – все равно, этот заключенный был не из тех, кого нужно убивать. Все хотят знать, куда

подевался король. Кто же убивает единственного, кто владеет этой тайной? Парень стоил большую кучу денег.

— Значит, он не умер, — предположила Найнив. — Кому ты его перепродал?

— О, он точно умер, — усмехнувшись, ответил тюремщик. — Если бы я его продал, то долго не протянул бы. В нашем деле этому быстро учат.

Она повернулась к паре громил.

— Он не лжет? — спросила она. — Сто золотых тому, кто докажет, что лжет.

Морд посмотрел на босса и поморщился.

– Ради сотни золотых, госпожа, я бы продал родную мать. Чтоб мне сгореть, вот вам слово. Но Йоргин говорит чистую правду. Это был именно тот парень, и он сдох. Люди Дракона, когда привели сюда леди, все проверили.

Значит, Ранд уже проверил эту возможность. Однако у нее не было доказательств, что они говорят правду. Если им есть, что скрывать, они очень постараются это спрятать. Она решила зайти с другого конца.

– И что вы сумели выяснить? – спросила она – Насчет убежища короля?

Йоргин только вздохнул в ответ.

– Как я уже объяснял людям

лорда Дракона и самой леди Чадмар до того, как она сама очутилась в темнице – этот парень что-то знал, но не рассказывал.

– Да ладно, – сказала Найнив, стрельнув глазами в сторону сундука с его острым содержимым. Ей пришлось быстро отвести взгляд, пока внутри снова не стал закипать гнев. – Человеку с вашими... навыками? И вам не удалось вытащить из него ни одного стоящего факта?

– Забери меня Темный, если я лгу! – тюремщик покраснел, словно это был вопрос чести. – Никогда не видел такого стойкого человека! Такие симпатяги, как он, должны

поддаваться и вовсе без
значительного нажима. Но этот — нет.
Он говорил о чем угодно, но только
не о том, о чем его спрашивали! —
Йоргин подался вперед. — Не знаю,
госпожа, как он это делал, чтоб мне
сгореть. Не знаю! Но это была
словно... некая сила, которая не
давала его языку говорить. Такое
впечатление, что он не мог, даже
если хотел!

Оба громилы, выглядевшие
испуганно, что-то разом
забормотали. Видимо, вопрос
Найнив задел их за живое.

— Значит, ты давил на него
слишком сильно, — предположила
Найнив, — и от этого он скончался.

— Да чтоб ты провалилась, женщина! — прорычал толстяк. — Кровь и проклятый пепел! Я же говорю, что не убивал его! Иногда люди просто умирают.

К сожалению, она начинала ему верить. Йоргин был чудовищем, которому нужны десятки лет на исправление под присмотром Мудрой, но он не лгал.

Такая незадача для ее грандиозного плана. Она вздохнула, поднимаясь, и поняла, насколько она устала. Свет! Таким путем она скорее вынудит Ранда обругать ее, чем заставит прислушаться к своим советам. Ей нужно вернуться во дворец и поспать. Возможно, завтра

она сумеет придумать способ получше, как показать Ранду, что они заодно.

Она дала знак солдатам увести тюремщика с его подручными наверх. После этого она сплела поток Воздуха, чтобы закрыть камеру Милисайр Чадмар. Найнив лично присмотрит, чтобы для нее улучшили условия содержания. Сколь бы презренным человеком она ни являлась, никому не позволено обращаться с ней подобным образом. Ранду придется согласиться, если она ему все хорошенько растолкует. Тем более Милисайр выглядела такой бледной, что того и гляди забьется в конвульсиях! Найнив отрешенно

подошла к смотровой дверце в верхней части тюремной двери и, чтобы убедиться, что с женщиной все в порядке, сплела из потоков Духа зонд Искательства.

Едва начав проверку, Найнив застыла на месте. Она рассчитывала обнаружить, что тело Милисайр истощено. Она ожидала найти какую-нибудь болезнь, голод, наконец.

Но совсем не ожидала найти яд.

Выругавшись и внезапно насторожившись, Найнив распахнула дверь и ворвалась внутрь камеры. Да, теперь с помощью Искательства она ясно это видела. Лист щитовника гнилостного. Найнив сама

использовала его, чтобы усыпить слишком злобного пса. Это было довольно распространенное растение, и у него был очень горький привкус. Не самый лучший яд — у него такой отвратительный вкус, что эту дрянь еще надо суметь проглотить.

Да, плохой выбор яда — если только тот, кого вы собираетесь отравить, не является вашим пленником и не имеет иного выбора, кроме как есть предложенную пищу. Найнив начала Исцеление, используя все пять Сил, подавляя действие яда и одновременно укрепляя организм Милисайр. Исцеление шло довольно легко, поскольку щитовник —

довольно слабый яд. Чтобы он возымел эффект, нужно либо использовать его в большом количестве, как она поступила с собакой, либо применять раз за разом. Но если давать его постепенно, как в данном случае, смерть человека будет казаться естественной.

Как только жизнь Милисайр оказалась в безопасности, Найнив выбежала прочь из камеры.

— Стоять! — прокричала она мужчинам. — Йоргин!

Лурц, шедший в хвосте, удивленно обернулся. Он взял тюремщика за руку и развернул обратно.

– Кто готовит заключенным еду?

– подойдя вплотную, резко спросила Найнив.

– Еду? – переспросил Йоргин, смутившись. – Это одна из обязанностей Кербба. А что?

– Кербб?

– Тот паренек, – пояснил Йоргин. – Ничего из себя не представляет. Он подмастерье, которого мы нашли среди беженцев пару месяцев назад. Надо сказать, очень удачная находка. Наш прошлый подмастерье от нас сбежал, а этот был уже умелым и...

Внезапно забеспокоившись, Найнив заставила его замолчать, подняв руку.

– Мальчишка! Куда он делся?

– Он же только что был здесь...

– ответил Лурц, оглядываясь. – Шел рядом с...

Внезапно сверху донесся шум. Найнив выругалась и крикнула Трибену, чтобы он поймал мальчишку. Сама она протолкалась к лестнице и полезла наверх. Она влетела в мастерскую наверху, сопровождаемая светящимся шаром. Оба громилы в замешательстве стояли, съежившись, посреди комнаты под нацеленным на них мечом салдэйца. Солдат вопросительно посмотрел на Найнив.

– Мальчишка! – выпалила она.

Трибен посмотрел в сторону входной двери в лавку. Она была распахнута. Подготовив потоки Воздуха, Найнив бросилась наружу.

Там она обнаружила лежащего в уличной грязи мальчишку Керба, которого крепко держали четверо игроков в кости, приведенных ею из дворца. В тот момент, когда она сошла с тротуара на дорогу, они пытались поставить отчаянно сопротивлявшегося мальчугана на ноги. Третий салдэйец стоял у входа с обнаженным оружием, словно собирался броситься внутрь на ее спасение.

— Он сиганул из дверей, Айз Седай, — объяснил один из слуг, —

словно за ним гнался сам Темный. Ваш солдат побежал посмотреть, все ли в порядке, а мы решили, что будет лучше поймать паренька, пока совсем не сбежал. На всякий случай.

Найнив выдохнула, чтобы успокоиться.

— Вы все сделали верно, — сказала она. Юнец слабо брыкался. — Определенно.

Глава 33. Разговор с Драконом

– Твоему делу, – заявил Ранд, – лучше действительно быть важным.

Наинив обернулась и увидела Дракона Возрожденного, стоявшего в дверях гостиной. На нем был темно-красный халат с вышитыми на рукавах черными драконами. Складки левого рукава скрывали

культю. Хотя его волосы были взъерошены после сна, взгляд Ранда был настороженным.

Он шагнул в гостиную, как всегда, по-королевски – даже сейчас, несмотря на то, что было далеко за полночь и его только что разбудили, он шел как абсолютно уверенный в себе человек. Кто-то из слуг предусмотрительно принес чайник с горячим чаем, и Ранд налил его себе в чашку. Следом за ним в комнату вошла Мин. Она тоже была одета по доманийской моде в халат – из желтого шелка, более тонкого, чем у Ранда. У дверей свой пост заняли Девы в угрожающе-расслабленных позах.

Ранд сделал глоток чая. Было всё труднее и труднее разглядеть в нем знакомого по Двуречью мальчишку. Всегда ли в его стиснутых челюстях была подобная решимость? Когда его походка стала столь уверенной, а осанка — такой величественной? Этот мужчина казался... лишь подобием знакомого ей Ранда. Словно высеченная из камня статуя какого-то героя, отдаленно похожего на него.

— Ну? — требовательно спросил Ранд. — И кто это?

Юный подмастерье, Керб, связанный потоками Воздуха, сидел на одной из обитых подушками скамей. Бросив на него быстрый

взгляд, Найнив коснулась Источника и сплела малого стража от подслушивания. Ранд резко взглянул на неё.

— Ты направляла? — спросил он. Ранд мог почувствовать, когда она делала это, даже не предпринимая мер предосторожности: согласно наблюдениям Эгвейн и Илэйн его кожа покрывалась мурашками.

— Страж от подслушивания, — ответила она, отказываясь бояться его. — Насколько я помню, раньше мне не требовалось твое дозволение, чтобы коснуться Источника. Ты вырос большим и сильным, Ранд ал'Тор, но не забывай, что я не раз шлепала тебя по заднице, когда ты

еще под стол пешком ходил.

Когда-то подобные слова вызывали у него хоть какую-то реакцию — пусть даже просто раздраженное фырканье. Сейчас же он просто смотрел на неё. Иногда казалось, что более всего в Ранде изменились именно глаза.

Он вздохнул.

— Зачем ты разбудила меня, Найнив? Кто этот тощий испуганный мальчишка? Если бы кто-то другой вызвал меня в столь поздний час ночи, я бы отправил его к Баширу для порки.

Найнив мотнула головой в сторону Кербана.

— Думаю, что этот «тощий

испуганный мальчишка» знает, где король.

Это заинтересовало Ранда, и Мин тоже. Она налила себе чашку чая и прислонилась спиной к стене. Почему они никак не поженятся?

– Король? – переспросил Ранд. – А значит и Грендаль. Как ты узнала об этом, Найнив? Где ты отыскала его?

– В темнице, куда ты отправил Милисайр Чадмар, – ответила Найнив, изучая его взглядом. – Это ужасно, Ранд ал'Тор. У тебя нет права так обращаться с человеком.

Он не ответил и на это её замечание. Вместо этого Ранд просто подошел к Кербу.

– Он услышал что-то во время допроса?

– Нет, – сказала Найнив. – Но, думаю, это он убил посланника. Я точно знаю, что он пытался отравить Милисайр. Если бы я ее не Исцелила, она была бы мертва уже к концу этой недели.

Ранд посмотрел на Найнив, и она почти почувствовала, как он мысленно связывает все её слова в единую картину того, что она сделала.

– Вынужден признать, у вас, Айз Седай, – наконец сказал он, – немало общего с крысами. Вы всегда появляетесь там, куда вас не звали.

Найнив фыркнула.

— Если бы я не вмешалась, Милисайр была бы мертва, а Кербсбежал.

— Полагаю, ты уже спросила его, кто отдал ему приказ убить посланника.

— Еще нет, — сказала Найнив. — Но я нашла яд среди его вещей и убедилась, что еду для посланника и Милисайр готовил именно он.

Она помедлила, прежде чем продолжить.

— Ранд, я не уверена, что он в состоянии ответить на вопросы. Я обследовала его при помощи Искательства, и хотя он здоров телесно, с ним... что-то не так. С его разумом.

— Что ты имеешь в виду? — тихо спросил Ранд.

— Какой-то блок, — ответила Найнив. — Кажется, тюремщик был недоволен и даже удивлен, что посланник смог сопротивляться его «расспросам». Думаю, на том мужчине тоже был некий блок, что-то, что не давало ему выдать слишком много.

— Принуждение, — небрежно заметил Ранд, поднеся чашку к губам.

Принуждение было злой, отвратительной штукой. Однажды она испытала его на своей шкуре, и до сих пор, стоило ей только вспомнить, что с ней сделала Могидин, ее

бросало в дрожь. А это было лишь слабое плетение, призванное стереть часть воспоминаний.

— Мало кто так мастерски владеет Принуждением, как Грендаль, — задумчиво продолжил Ранд. — Возможно, это и есть то самое подтверждение, которое я искал. Что ж... это и в самом деле может быть важным открытием, Найнив. Таким важным, что я забуду, каким образом ты его добыла.

Ранд обошел вокруг скамьи и наклонился, чтобы взглянуть в глаза юноше.

— Отпусти его, — приказал он Найнив.

Она подчинилась.

— Скажи мне, — обратился к Кербу Ранд, — кто велел тебе отравить тех людей?

— Я ничего не знаю! — взвизгнул мальчишка. — Я всего лишь...

— Хватит, — тихо перебил его Ранд. — Веришь ли ты, что я могу убить тебя?

Мальчик замолчал и — Найнив даже представить себе не могла, что можно так вытаращиться — еще шире распахнул свои голубые глаза.

— Веришь ли ты, что мне достаточно произнести одно слово, — продолжил Ранд зловещим тихим голосом, — и твое сердце тут же остановится? Я Дракон Возрожденный. Веришь ли ты, что

стоит мне только захотеть, я могу забрать твою жизнь или даже твою душу?

Найнив снова увидела его — ореол тьмы вокруг Ранда — эту ауру, о которой Найнив не могла с уверенностью сказать, была ли она на самом деле. Она поднесла чашку к губам — и обнаружила, что чай внезапно стал горьким и несвежим, будто он настаивался слишком долго.

Керб сжался в комочек и зарыдал.

— Говори, — приказал Ранд.

Юноша открыл было рот, но из него вырвался лишь стон. Он настолько остолбенел от ужаса перед Рандом, что даже не смахнул — или

просто не смог смахнуть – текущий в глаза пот.

– Да, – задумчиво сказал Ранд. – Это Принуждение, Найнив. Она здесь! Я был прав.

Он посмотрел на Найнив.

– Тебе придется распустить сеть Принуждения, вырвать её из его разума, прежде чем он сможет рассказать нам всё, что знает.

– Что? – не веря своим ушам, переспросила она.

– У меня мало опыта в работе с подобными плетениями, – махнув рукой, ответил Ранд. – Думаю, что ты сможешь снять Принуждение, если попробуешь. В какой-то мере оно сродни Исцелению. Используй те же

потоки, с помощью которых создается Принуждение, только обращенные.

Она нахмурилась. Исцелить бедного мальчика казалось хорошей идеей – в конце концов, каждая рана должна быть Исцелена. Но попытка сделать что-то, чего она никогда прежде не делала, да еще и прямо на глазах у Ранда, казалась не слишком привлекательной. А что если она ошибется и каким-то образом навредит мальчику?

Ранд присел на скамью с подушками напротив юноши, к нему подошла Мин и села рядом. Она тоже скривилась, попробовав чай; очевидно, её чай испортился столь

же внезапно, как и у Найнив.

Ранд наблюдал за Найнив и ждал.

— Ранд, я...

— Просто попробуй, — сказал Ранд. — Не могу объяснить тебе, как именно это делается у женщин, но ты сообразительная. Уверен, ты справишься.

Его непреднамеренно снисходительный тон привел её в бешенство. Навалившаяся усталость только всё усугубила. Стиснув зубы, Найнив повернулась к Кербу и сплела потоки всех пяти сил. Его взгляд заметался, хоть он и не мог видеть потоков.

Укрепляя его, Найнив наложила

на него легкое Исцеление. Она со всей возможной осторожностью запустила щуп Искательства – отдельную нить Духа – ему в голову, дотронувшись ею до потоков, стиснувших разум Кербана. Да, теперь она могла видеть её – сложную сеть из переплетенных Духа, Воздуха и Воды. Своим внутренним оком она видела это жуткое переплетение опутавших мозг юноши потоков. Тут и там, словно крошечные крючки, глубоко вонзившиеся в мозг, выглядывали отдельные фрагменты плетений.

Ранд посоветовал обратить плетение. Это было не так-то просто. Ей придется снимать сеть

Принуждения слой за слоем, и любая её ошибка может легко его убить. Она была готова опустить руки.

Но кто, если не она? Принуждение было запретным плетением, и она сомневалась, что Кореле или кто-то из других сестер с ним сталкивался. Если Найнив отступится сейчас, Ранд просто пошлет за другими и прикажет сделать это им. И они подчинятся ему, тайком потешаясь над Найнив, над Принятой, которая вообразила себя полноправной Айз Седай.

Что ж, это она открыла новый способ Исцеления! Это она помогла очистить от порчи Единую Силу! Это она Исцелила усмирение и

укрошение!

Справится и с этим!

Она работала споро, создав зеркальный образ верхнего слоя Принуждения. Каждый фрагмент был точной, но обращенной копией плетения, наложенного на мозг парнишки. Найнив нерешительно и осторожно наложила свои потоки — и, как Ранд и говорил, оба плетения испарились, исчезли.

Откуда он узнал? Она вздрогнула, вспомнив, что говорила о нем Семираг. Воспоминания из другой жизни, воспоминания, на которые он не имел прав. Была какая-то причина, почему Создатель позволил всем забыть их прошлые

воплощения. Никто не должен помнить неудачи Льюса Тэрина Теламона.

Она продолжила слой за слоем снимать потоки Принуждения, словно знахарка — бинты с пораненной ноги. Это было утомительно, но выполнимо. Каждое наложенное плетение устраняло зло, по капле исцеляя юношу, исправляя пусть на волосок, хоть что-то в этом мире.

Весь процесс занял почти целый час, и он был изнурительным. Но она справилась. Как только последний слой Принуждения исчез, она устало вздохнула и отпустила Единую Силу в уверенности, что не сможет

направить больше ни струйки, даже для спасения собственной жизни. Она рухнула в кресло и сползла по спинке. Найнив заметила, что Мин свернулась калачиком на скамье рядом с Рандом и уже спит.

Но сам он не спал. Дракон Возрожденный смотрел так, будто видел вещи, недоступные взору Найнив. Он поднялся и подошел к Кербу. От потрясения Найнив сперва не заметила лица подмастерья: оно было странно бледным, словно у человека, получившего сильный удар по голове.

Ранд встал на одно колено и приподнял рукой подбородок юноши, заглянув ему в глаза.

– Где? – тихо спросил он. – Где она?

Юноша открыл рот, и из уголка губ потекла струйка слюны.

– *Где она?* – повторил Ранд.

Керб замычал с отсутствующим видом, слегка высунув язык.

– Ранд! – не выдержала Найнив.

– Прекрати это! Что ты делаешь с ним?

– Я – ничего, – спокойно ответил Ранд, не глядя на неё. – Это сделала ты, Найнив, сняв с него то плетение. Принуждение Грендаль – штука действенная, но в некотором роде грубая. Она заполняет разум Принуждением настолько, что стирает личность и интеллект,

превращая человека в марионетку, подчиняющуюся только её прямым приказам.

— Но он же мог общаться всего пару мгновений назад!

Ранд покачал головой.

— Если ты расспросишь охранников темницы, они скажут тебе, что этот парень был тугодумом и редко разговаривал. В этой голове не было настоящего человека — только множество слоев Принуждения. Только тонко заданные инструкции, которые стерли всю личность бедняги и заменили её существом, которое будет поступать только так, как того захочет Грендаль. Я видел это много

раз.

«Много раз? - с дрожью подумала Найнив. – Ты сам видел это, или всё же Льюс Тэрин? Чьи воспоминания управляют тобой сейчас?»

Её замутило, едва она посмотрела на Керба. Его взгляд был не просто бессмысленным – от потрясения, как ей сначала показалось; он был даже еще более пустым. Когда Найнив была моложе и только-только стала Мудрой, к ней принесли женщину, которая выпала из своего фургона. Эта женщина проспала много дней, а когда, наконец, очнулась, взгляд у неё был такой же, как у Керба. В нем не было

ни единого намека на узнавание, ни следа души в этой пустой скорлупе, в которую превратилось её тело.

Неделю спустя та женщина умерла.

Ранд снова заговорил с Кербом.

– Мне нужно место, – сказал он.
– Хоть что-то. Если в тебе еще осталась хоть малейшая искра сопротивления, малейший осколок души, что боролся с ней, я обещаю тебе отмщение. Место. Где она?

С дрожащих губ юноши закапала слюна. Ранд поднялся и словно вырос в размерах, приковав к себе взгляд парнишки. Кербба била дрожь, но он прошептал два слова.

– Курган Натрина.

Ранд тихо выдохнул и отпустил Кербэ едва ли не с почтением. Юноша соскользнул со скамьи на пол, изо рта его на ковер потекла струйка слюны. Найнив с проклятием вскочила с кресла и покачнулась, когда комната поплыла у неё перед глазами. Свет, как же она устала! Она обрела равновесие, прикрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов-выдохов, а затем опустилась на колени рядом с парнишкой.

– Не стоит, – сказал Ранд. – Он мертв.

Найнив лично убедилась в том, что Кербэ мертв, затем резко обернулась и посмотрела на Ранда.

Да как он смеет выглядеть таким же измотанным, как она сама? Он же почти ничего и не делал!

— Что ты...

— Ничего я не сделал, Найнив.

Полагаю, как только ты сняла с него Принуждение, единственным, что еще поддерживало в нем жизнь, был его глубоко затаенный гнев на Грендаль. Какая бы крохотная крупица личности в нем ни оставалась, она понимала, что всё, чем можно помочь, это сказать те два слова. А потом она ушла. Больше мы ничего не могли для него сделать.

— Я так не считаю, — расстроено сказала Найнив. — Его можно было бы Исцелить!

Ей следовало постараться помочь ему! Идея снять Принуждение Грендаль казалась такой хорошей, такой правильной. Это не должно было закончиться так!

Она содрогнулась, почувствовав себя испачканной. Использованной. Чем лучше она того тюремщика, который делал такие ужасные вещи, чтобы выбить информацию? Она посмотрела на Ранда. Он мог бы и сказать ей, к чему приведет снятие Принуждения!

— Не смотри на меня так, Найнив.

Он подошел к дверям и подал знак Девам забрать тело Керба. Они унесли его, а Ранд тихо попросил

принести новый чайник чая.

Он вернулся и присел на скамью рядом со спящей Мин. Девушка подложила одну из подушек со скамьи себе под голову. Одна из двух ламп в комнате почти погасла, и половина лица Ранда оставалась в тени.

— Это был единственно возможный исход событий, — продолжил он. — Колесо плетет так, как желает Колесо. Ты же Айз Седай. Разве это не одно из ваших убеждений?

— Не знаю, что это, — резко ответила Найнив, — но оно не оправдывает твоих действий.

— Каких действий? — спросил он.

– Ты привела этого парня ко мне. Принуждение на него наложила Грендаль. А я убью её за это – и только это будет на моей совести. А теперь оставь меня. Я попробую снова заснуть.

– Неужели ты вообще не чувствуешь никакой вины? – спросила она.

Они встретились взглядами. Найнив – расстроенная и беспомощная, и Ранд... Кто знает, что Ранд чувствовал в последнее время!

– Я должен мучиться из-за них всех, Найнив? – спокойно спросил он и встал, половину его лица всё еще скрывала тень. – Повесь на меня его

смерть, если хочешь. Она будет лишь одной из многих. Сколько камней можно навалить на одного человека, прежде чем их вес перестанет иметь значение? Сколько нужно жарить кусок мяса, пока дополнительный жар перестанет что-то значить? Если я позволю себе чувствовать вину за этого мальчика, тогда мне придется винить себя и за остальных. И это раздавит меня.

Найнив разглядывала его в полумраке. Определенно, он — король. И солдат, хоть он и редко видел войну. Она подавила свой гнев. Разве всё это было не для того, чтобы доказать, что он может доверять ей?

— Ох, Ранд, — сказала она,

отвернувшись. — То, во что ты превратился... В твоём сердце нет ничего, кроме гнева. Это погубит тебя.

— Да, — тихо ответил он.

Она потрясенно обернулась к нему.

— Не перестаю удивляться, — сказал он, взглянув на Мин, — почему вы все считаете, что я настолько тупоголовый и не вижу того, что очевидно вам. Да, Найнив. Да, эта твердость погубит меня. Я знаю.

— Тогда почему? — спросила она.

— Почему ты не позволишь нам помочь тебе?

Он поднял взгляд — но не на неё, а в никуда. Служанка, одетая в цвета

дома Милисайр, белый и оливковый, тихо постучала в дверь. Войдя, она поставила новый чайник с чаем, забрала старый и удалилась.

— Когда я был маленьким, — тихо сказал Ранд, — Тэм рассказал мне историю, которую он слышал, путешествуя по миру. Он говорил о Драконовой Горе. В то время я не знал, что он и вправду видел её, и что нашел меня именно там. Я был всего лишь пастушком, и Драконова Гора, Тар Валон и Кэймлин были для меня почти сказочными местами.

Он рассказывал мне, между прочим, что гора так высока, что наш родной Двурогий Пик по сравнению с ней покажется карликом. По

словам Тэма, ни один человек еще не смог забраться на вершину Драконовой Горы. Но не потому, что это невозможно, а потому, что попытка достичь вершины выжмет из человека все силы до последней капли. Гора так высока, что на её покорение потребуется усилие, которое высушит человека до дна.

Он замолчал.

— И? — наконец спросила Найнив.

Он взглянул на неё.

— Неужели ты не понимаешь? Легенды гласят, что ни один человек не забрался на эту гору, потому что, если бы он достиг вершины, у него не осталось бы сил на возвращение.

Скалолаз мог бы покорить гору, добраться до самого её верха, увидеть то, что до него не видел ни один человек. Но это убило бы его. Самые сильные и мудрые исследователи знали это. И поэтому никогда не пытались взобраться на гору. Они всю жизнь хотели этого, но выжидали, каждый раз откладывая это путешествие на следующий день. Потому что знали – этот день станет для них последним.

– Но это всего лишь сказание, – возразила Найнив. – Легенда.

– Я именно такой и есть, – сказал Ранд. – Сказание. Легенда. То, о чем будут шепотом рассказывать детям много лет спустя.

Он покачал головой.

— Бывает так, что нельзя повернуть назад. Нужно идти только вперед. И бывает так, что ты знаешь — это восхождение станет для тебя последним.

— Вы все твердите, что я стал слишком черствым, что я неминуемо не устою или сломаюсь, если зайду еще дальше. Вы считаете, что от меня должно что-то остаться. Что, добравшись до вершины, я должен после этого спуститься с горы.

— Вот в чем дело, Найнив. Теперь я понимаю. Я не переживу этого, поэтому мне и не стоит беспокоиться, что будет со мной после Последней Битвы. Мне не

нужно стараться, не нужно спасать даже клочок своей души. Я знаю, что должен умереть. Те, кто хочет, чтобы я был мягче, был готов идти на уступки, — это те, кто не может принять то, что со мной должно случиться.

Он снова посмотрел на Мин. Много раз прежде Найнив видела любовь в его глазах, когда он смотрел на Мин, но в этот раз его взгляд был пустым. Пустые глаза на всё том же бесстрастном лице.

— Мы можем найти выход, Ранд, — сказала Найнив. — Непременно должен быть способ победить и остаться в живых.

— Нет, — тихо прорычал он в

ответ. – Не сбивай меня с пути снова. Это ведет лишь к боли, Найнив. Я... Я привык думать о том, что оставлю после своей смерти что-то, что поможет миру выжить, но это было лишь попыткой цепляться за жизнь. Я не могу себе в этом потакать. Я заберусь на эту проклятую гору и встречу там рассвет. А вам всем придется смириться с тем, что произойдет дальше. Вот как всё должно быть.

Она снова открыла было рот, чтобы возразить, но Ранд одарил её суровым взглядом.

– Вот как всё должно быть, Найнив.

Она захлопнула рот.

– Ты хорошо справилась сегодня,
– продолжил Ранд. – Ты избавила нас
от множества проблем.

– Я сделала это, потому что хочу,
чтобы ты доверял мне, – сказала
Найнив и тут же себя обругала. Зачем
она сказала это? Неужели она
действительно так устала, что
выпалила первое, что пришло в
голову?

Ранд просто кивнул.

– Я действительно доверяю тебе,
Найнив. Настолько, насколько
вообще могу доверять кому-либо, и
больше, чем я доверяю другим. Ты
считаешь, будто знаешь, что для меня
лучше, невзирая на мои желания, но
я могу принять это. Разница между

тобой и Кадсуане в том, что ты действительно заботишься обо мне. Её заботит лишь мое место в её планах. Она хочет, чтобы я участвовал в Последней Битве. Ты хочешь, чтобы я жил. Я благодарен тебе за это. Мечтай вместо меня, Найнив. Мечтай о том, о чем я мечтать не могу.

Ранд наклонился, чтобы взять Мин на руки. Он справился с этим, даже несмотря на отсутствие одной кисти. Подсунув здоровую руку под девушку, он поднял Мин, прижав её к себе покалеченной рукой. Та зашевелилась, затем прижалась к нему сильнее, проснувшись и проворчав, что могла бы идти сама.

Он не отпустил её, возможно, из-за усталости в её голосе. Найнив знала, что большинство ночей Мин проводит за книгами, загоняя себя едва ли меньше, чем Ранд.

Ранд направился к дверям, неся на руках Мин.

— Сперва мы разберемся с Шончан, — сказал он. — Будь готова к этой встрече. О Грендаль я позабочусь немного позже.

Затем он ушел. Мерцавшая лампа, наконец, погасла, осталась гореть лишь та, что была на столе.

Ранд снова её удивил. Он был всё тем же шерстеголовым болваном, но на удивление хорошо себя изучившим. Как может человек

понимать так много и в то же время
знать так мало?

Но почему же она не смогла
найти доводов против его слов?
Почему она не смогла заставить себя
накричать на него, убедить что он не
прав? Всегда есть надежда.
Отказавшись от этого
наиважнейшего чувства, он может
стать сильнее, но при этом рискует
потерять то, ради чего стоит
заботиться об исходе всех своих
сражений.

Но почему-то не могла найти
слов, чтобы ему возразить.

Глава 34. Легенды

– Ну, ладно, – сказал Мэт, разворачивая одну из лучших карт мастера Ройделле на столе. Остальные – Талманес, Том, Ноэл, Джуилин и Мандеввин – сидели на стульях вокруг него. Помимо карты местности, Мэт выложил набросок плана среднего по размеру городка.

Пришлось постараться, чтобы отыскать купца, который согласился нарисовать план Трустейра. После Хиндерстапа Мэт решил больше не соваться в город, не зная, с чем ему придется столкнуться.

Шатер Мэта разместился под сенью соснового леса, и денек выдался прохладным. При каждом порыве ветра небольшой ливень из сухих иголок, шелестя по крыше шатра, падал на землю. Снаружи доносились окрики солдат и стук котелков при раздаче обеда.

Мэт внимательно разглядывал план города. Пришло время поумнеть. Весь мир решил обернуться против него, и в эти дни

даже дикие горские поселения стали смертельными западнями. В следующий раз, решил он, придорожные маргаритки отрастят зубы и попытаются его съесть.

Эта мысль навела его на воспоминание о бедняге-торговце, сгинувшем в призрачной шиотской деревне. Когда проклятое видение растаяло без следа, на его месте остался лужок с бабочками и цветочками. Включая маргаритки. «Чтоб меня», – пронеслось у него в голове.

Что ж, Мэтрим Коутон не собирается закончить свои дни на какой-то задрипанной дороге. На этот раз у него будет план, и он

хорошенько подготовится.
Довольный, он кивнул своим
мыслям.

— Здесь находится таверна, —
сказал Мэт, ткнув пальцем в схему
городка. — Называется «Грозящий
кулак». Два разных путешественника
подтвердили, что это приличное
место — лучшее из трех в городе.
Разыскивающая меня женщина даже
не попыталась скрыть свое
местонахождение, значит, она
считает, что ей нечего опасаться.
Надо ждать усиленной охраны.

Мэт вытащил другую карту
мастера Ройделле, на которой были
детально изображены окрестности
Трустейра. Городок расположился в

небольшой долине, окруженной пологими холмами, на берегу небольшого озера, которое подпитывали горные источники. По слухам, в озере водилась превосходная форель, которую горожане солили на продажу. Это было основным источником дохода города.

— Здесь мне нужны три взвода легкой кавалерии, — сказал Мэт, указывая на северный склон. — Они будут прикрыты деревьями, но смогут отлично видеть, что у них над головой. Если увидят красный ночной цветок, они должны переместиться на подмогу сюда, вдоль главной дороги. Чтобы

прикрыть кавалерию, с каждой стороны города поставим по сотне арбалетчиков. Если ночной цветок будет зеленым, кавалерии надлежит войти в город и перерезать основные дороги здесь и здесь.

Мэт поднял голову, указав на Тома.

— Том, ты возьмешь с собой Гарнана, Ферджина и Мандеввина в качестве учеников, а Ноэл будет твоим охранником.

— Прости, охранником? — переспросил Ноэл. Он был почти беззубым стариком с крючковатым носом. Но вместе с тем крепким, словно древний, иззубренный в битвах меч, передающийся от отца

сыну. — Зачем менестрелю охранник?

— Ладно, — ответил Мэт. — Будешь его братом, который одновременно является его слугой. Джуилин, а ты...

— Постой-ка, Мэт, — сказал Мандеввин, почесав шрам на лице. — Я буду изображать ученика менестреля? Не уверен, подходящий ли у меня для пения голос. Ручаюсь, что ты меня слышал. И к тому же я одноглазый. Сомневаюсь, чтобы у меня хорошо получилось жонглировать.

— А ты новый ученик, — заявил ему Мэт. — Том знает, что ты обделен талантом, но взял тебя из жалости, поскольку твоя двоюродная бабка, с

которой ты жил после трагической смерти твоих родителей, затоптанных испуганными быками, заболела клеверной оспой и сошла с ума. Она стала считать тебя своей собакой, Кляксиком, который сбежал, когда тебе было семь, и начала кормить объедками.

Мандеввин почесал затылок. Его волосы уже начали седеть.

— И, тем не менее, не староват ли я для ученика?

— Ерунда, — отмахнулся Мэт. — В душе ты юн, а так как ни разу не женился, потому что любовь всей твоей жизни сбежала с сыном кожевника, то появление Тома дало тебе шанс начать все сначала.

— Но я не хочу бросать свою двоюродную бабушку, — возразил Мандеввин. — Она заботилась обо мне с малых лет! Нечестно бросать старую женщину только оттого, что она немного запуталась.

— Да нет у тебя никакой двоюродной бабушки! — с чувством ответил ему Мэт. — Это такая легенда! Просто история, чтобы подкрепить вымышленное имя.

— А нельзя ли выдумать историю, в которой я буду выглядеть более благородно? — поинтересовался Мандеввин.

— Слишком поздно, — ответил Мэт, порывшись в бумагах на столе, где разыскал пяток страниц,

исписанных каракулями. — Уже поздно тебя менять. Я потратил полночи, выдумывая тебе историю. Поверь мне, эта лучшая. Стало быть, запомни ее хорошенько. Вот.

Он передал листки Мандеввину, затем взял другую стопку бумаги и начал ее изучать.

— А ты уверен, что не переборщил, парень? — спросил Том.

— Не хочу, чтобы нас снова застали врасплох, Том, — сказал Мэт. — Чтоб мне спореть, но я не собираюсь им этого позволить. Я устал лезть в западную неподготовленным. Поэтому решил позаботиться о своем будущем сам, чтобы меня перестало бросать от

одной опасности к другой. Настало время взять жизнь в свои руки.

— И ты решил начать с... — начал Джуилин.

— С того, что выдумал нам псевдонимы и биографии, — ответил Мэт, раздавая Тому и Ноэлу листки. — Треклято-умный поступок с моей стороны.

— А я? — спросил Талманес. Искра веселья вновь появилась в его глазах, хотя говорил он абсолютно серьезным тоном. — Дай догадаюсь, Мэт. Я странствующий купец, который когда-то связался с айильцами и пришел в этот городок, потому что слышал, что именно в местном озере живет та форель, что

оскорбила его отца.

— Чепуха, — ответил Мэт, передавая ему листок. — Ты — Страж.

— Звучит подозрительно, — сказал Талманес.

— Тебе и нужно выглядеть подозрительно, — ответил ему Мэт. — У человека легче выиграть в карты, если его голова занята чем-то другим. Вот ты и будешь этим «чем-то». Страж, проезжающий через город по загадочному делу — это не настолько большое событие, чтобы привлечь к себе чрезмерное внимание, но для тех, кто знает, что искать, это будет прекрасным отвлекающим маневром. Можешь взять плащ Фена. Он разрешил мне

его позаимствовать, потому как чувствует вину за то, что позволил тем служанкам сбежать.

— Естественно, ведь ты не стал ему рассказывать, что они просто растаяли у него под носом, — добавил Том. — И он никак не смог бы им в этом помешать.

— Не видел смысла, зачем ему об этом рассказывать, — ответил Мэт. — Мой девиз: не пеняй за прошлое.

— Значит, Страж, да? — уточнил Талманес, пробежав глазами листок бумаги. — Мне нужно попрактиковаться, как правильно хмуриться.

Мэт с сомнением покосился на него:

– Ты ведь это не серьезно?

– А почему ты спрашиваешь?

Разве здесь есть хоть кто-то, кто воспринимает это всерьез? – проклятые смешинки в глазах. «А я-то дурень, решил, – подумал Мэт, – что Талманес слишком строг и поэтому никогда не смеется, а он просто-напросто прятался под напускной серьезностью. И это бесит больше всего».

– Свет, Талманес! – сказал Мэт.

– В этом городе есть какая-то женщина, которая разыскивает нас с Перрином. Она знает наши приметы так хорошо, что сумела наладить выпуск картинок, на которых я выгляжу точнее, чем меня помнит

собственная матушка. Меня от всего этого бросает в холодный пот, словно за моим плечом стоит сам Темный. И я не могу соваться в треклятое место сам, поскольку у каждого треклятого ребенка в городе, не считая мужчин и женщин, будет рисунок с моей физиономией и обещанием награды за информацию! Может быть, меня немного занесло с приготовлениями, но я хочу найти эту особу до того, как она прикажет своим дружкам, Приспешникам Тени, или кому похуже, перерезать мне ночью глотку. Это ясно?

Мэт посмотрел каждому из пятерых в глаза, кивнул и направился было к выходу, но задержался рядом

со стулом Талманеса. Он прочистил горло и вполголоса пробормотал:

– Тебе втайне нравятся картины, и ты жаждешь сменить свой посвященный смерти образ жизни, на который ты себя обрек. Ты направляешься на юг через Трустейр вместо того, чтобы избрать более прямой путь, поскольку тебе нравятся горы. Ты рассчитываешь навести справки о своем младшем брате, которого не видел с тех пор, как он пропал, охотясь на юге Андора много лет назад. У тебя очень мрачное прошлое. Посмотри четвертую страницу.

Мэт быстро вышел, но успел уловить, как Талманес закатил глаза.

Чтоб ему сгореть! На тех страницах описана настоящая драма!

На улице стоял тенистый полдень. Насколько он мог рассмотреть сквозь кроны сосен, небо было облачным. Вновь. Когда-нибудь это кончится? Мэт покачал головой и пошел через лагерь. По пути он кивал солдатам, приветствовавшим «лорда Мэта» и отдававшим ему честь. Отряд задержался на этой стоянке на день, чтобы подготовиться к финальному броску, расположившись на уединенном, поросшем лесом склоне холма, в половине дневного перехода до города. Сосны здесь росли высокие, развесистые, поэтому в

такой тени подлеска почти не было. Палатки расставили группами вокруг стволов деревьев. Воздух был прохладным, и пах землей и сосновой смолой.

Он обошел лагерь, удостоверившись, что все заняты делом и работа идет как надо. Древние воспоминания, полученные им от Илфинн, уже почти растворились среди его собственных, и теперь он с трудом мог отличить свои привычки от чужих.

Как здорово было вновь оказаться среди бойцов Отряда. Он даже не представлял, как он по ним соскучился. Еще лучше будет, когда они соединятся с остальными

войсками, которые ведут Истин и Дайрид. Может, им повезло больше, чем отряду Мэта.

Первыми он навестил кавалеристов. Они стояли отдельно от остального лагеря, потому что всадник всегда считает себя лучше пехотинца. Сегодня, как часто в последнее время, все были озабочены кормом для лошадей. Для хорошего кавалериста лошадь всегда на первом месте. Животным пришлось нелегко на пути от Хиндерстапа, особенно из-за того, что им практически негде было пастись. Этой весной мало что выросло, а пережившая зиму трава попадалась на удивление редко. И

даже тогда лошади отказывались ее есть, словно она испортилась так же, как прочая еда. Фуража не хватало. Они надеялись прожить на подножном корме и ехать быстро, поэтому не стали брать телеги с зерном.

Что ж, видимо ему придется придумать, что с этим делать. Мэт убедил людей, что работает над проблемой, и они поверили ему на слово. Лорд Мэт еще ни разу их не подводил. Конечно — те, кого он подвел, уже гнили в могилах. На вопрос, нельзя ли расчехлить знамена, он ответил отказом. Может быть позже — после рейда на Трустейр.

На данный момент с ним не было настоящей пехоты. Она вся осталась с Истином и Дайридом. Талманес разумно рассудил, что им понадобится быть подвижными, и взял три знамени кавалерии и четыре тысячи конных арбалетчиков. Следующими в списке Мэта значились они, и он задержался на импровизированном стрельбище, устроенном на задворках лагеря, где тренировалось несколько отделений.

Мэт прислонился к стволу высокой сосны. Ее нижние ветви оказались в добрых двух футах над головой. Шеренга арбалетчиков не столько тренировала меткость, сколько отрабатывала слаженность

действий. В бою не часто приходится целиться, именно поэтому арбалет имеет преимущество. С ним меньше возни, чем с длинным луком. Конечно, лучник может стрелять быстрее и дальше, но если нет времени на обучение, то арбалет — отличная замена.

Кроме того, из-за особенностей перезарядки арбалетов солдат куда легче обучить залповой стрельбе. Капитан, командовавший отделением, стоял с дальней стороны шеренги, каждые две секунды отбивая ритм по стволу дерева палкой. Каждый удар означал смену команды. Поднять арбалет к плечу — на счет раз, выстрел на два, опустить

на три, взвести на четыре, снова к плечу на счет пять. Ребята справлялись все лучше. Скоординированные залпы убивали большее количество врагов. Каждый четвертый удар отправлял в гущу деревьев очередной ливень стрел.

«Нам нужно больше стрел», — решил Мэт, заметив, сколько арбалетных болтов расходуется на занятиях. Они тратят больше боеприпасов на тренировках, чем в бою, но каждая стрела, потраченная сейчас, в битве будет стоить двух или даже трех. Ребята в самом деле очень хороши. Будь у него когда он сражался у Кровавых Водопадов, хотя бы несколько знамен, равных этим

парням, возможно, Насиф получил бы по заслугам гораздо раньше.

Конечно, будет еще полезнее, если они научатся стрелять быстрее. Узким местом был взвод арбалета. И даже не из-за вращения рукояти, а из-за необходимости постоянно опускать и поднимать арбалет. На это тратилось четыре секунды. Механизм взводной рукояти, секрет изготовления которого Талманес узнал от одного механика из Муранди, сильно ускорил процесс. Но механик собирался продать свою идею в Кэймлине, и кто знает, кому еще удастся перекупить его по пути туда? Очень скоро точно такие же арбалеты будут у каждого встречного.

А стало быть, раз у тебя и твоего врага одинаковое оружие, не будет преимущества.

В Алтаре эти механизмы дали Мэту нужное превосходство над Шончан, и он не собирался уступать. Можно ли найти способ еще повысить скорострельность этих арбалетов?

Задумавшись, он проверил в лагере еще кое-что — недавно рекрутированные в Отряд алтаранцы неплохо расположились, да и припасов было достаточно, если не считать корма для лошадей и арбалетных болтов. Удовлетворенный увиденным, он направился к Алудре.

Она расположилась в тылу лагеря вдоль небольшой расщелины в каменистом склоне холма. Хотя прогалина была меньше, чем поляна, на которой устроились Айз Седай с их спутниками, она, бесспорно, была более уединенной. Мэту пришлось пробираться к ней между трех кусков материи, развешанных среди деревьев специально, чтобы заслонить рабочее место Алудры от посторонних глаз. Но ему пришлось остановиться, когда Байл Домон поднял руку, удерживая его на месте, чтобы дождаться от Алудры позволения пройти.

Стройная темноволосая Иллюминаторша сидела на пне

посреди своего крохотного лагеря. На земле вокруг нее на кусках материи были аккуратно разложены порошки, бумажные свитки, планшет для записей и какие-то инструменты. Она больше не заплетала косички, и ее длинные волосы свободно спадали на плечи. На взгляд Мэта это было странно, хотя и привлекательно.

«Чтоб тебе сгореть, Мэт. Ты теперь женат», – сказал он себе. И все же Алудра действительно была привлекательной.

Эгинин тоже была здесь, она ровно держала оболочку ночного цветка, с которым работала Иллюминаторша. Личико Алудры с пухлыми губками было хмурым от

сосредоточенности. Она легонько постукивала по оболочке. У Эгинин отрастали ее темные волосы, оставляя в ней все меньше и меньше черт шончанской знати. Мэт еще путался, как же ему обращаться к этой женщине. Она хотела, чтобы ее звали Лейлвин, и иногда он даже думал о ней, как о Лейлвин. Глупо было менять свое имя просто потому, что кто-то велел тебе так сделать, но он не стал ее винить за то, что она не посмела рассердить Туон. Последняя была треклятущей упрямицей. Он понял, что снова смотрит на юг, но заставил себя отвернуться. Кровь и пепел! С ней все будет в порядке.

В любом случае, Туон теперь

далеко. Так с какой стати Эгинин продолжает глупый фарс, называя себя Лейлвин? После отъезда Туон Мэт как-то раз или два назвал ее старым именем, но получил на это резкую отповедь. Женщины! У них нет ни капли здравого смысла, а у шончанок он вовсе напрочь отсутствует.

Мэт посмотрел на Байла Домона. Мускулистый бородатый иллианец стоял, прислонившись к дереву у входа в лагерь Алудры. По обе стороны от него расходилось два длинных куска ткани. Он не опускал предупредительно поднятую руку. Разве весь лагерь не находится в подчинении у Мэта?

Но Мэт не стал силой прокладывать себе путь внутрь. Он не мог позволить себе чем-нибудь обидеть Алудру. Она была ужасно близка к завершению конструкции своих драконов, а ему очень хотелось их заполучить. Но, ради Света, как же глупо быть задержанным в собственном лагере!

Алудра оторвала взгляд от своего занятия, заправив выбившийся локон за ухо. Она заметила Мэта, затем вернулась к своему ночному цветку и начала постукивать по нему молоточком. Проклятый пепел! Это напомнило ему, почему он навещает Алудру не так уж часто. Как будто мало этого пропускного пункта при

входе. Неужели ей обязательно нужно бить по чему-то взрывоопасному молотком? У нее совсем нет мозгов? Наверное, все Иллюминаторы такие. «Из плохого табуна сойдет лишь пара стригунков, и те дурные», – как сказал бы его отец.

– Он может пройти, – сказала Алудра. – Спасибо, мастер Домон.

– С удовольствием, госпожа Алудра, – ответил Байл, опуская руку и приветливо кивнув Мэту. Мэт расправил кафтан и прошел внутрь, собираясь спросить про арбалеты. Но его внимание тут же оказалось приковано к другому. На земле за спиной Алудры были разложены аккуратные листочки с детальными

рисунками, к которым были сделаны пояснения и сноски с номерами.

– Это чертежи драконов? – нетерпеливо поинтересовался Мэт. Он опустился на колено, чтобы получше разглядеть листочки, не прикасаясь к ним. Алудра была очень строга в таких вопросах.

– Да, – она, не останавливаясь, постукивала молоточком. Потом взглянула на него, слегка смутившись. Он подозревал, что причина в Туон.

– А что это за цифры? – Мэт постарался не обращать внимания на неловкость ситуации.

– Требуемые ингредиенты, – пояснила Алудра. Она отложила

молоток и осмотрела цилиндр
ночного цветка со всех сторон.
Потом кивнула Лейлвин.

Проклятый пепел! Однако
цифры приличные. Целая гора угля,
серы и... гуано летучих мышей? В
заметках также значился город к
северу от гор Тумана, в котором
можно достать его. Ну, какой город
будет специально заниматься сбором
гуано летучих мышей? В списке еще
значились медь и олово, хотя по
каким-то причинам напротив них не
было требуемых цифр. Только
небольшая пометка в виде звездочки.

Мэт покачал головой. Что бы
сказали простые обыватели, если б
узнали, что величественные ночные

цветки – это просто немного бумаги, порошок и, представьте себе – мышинное дерьмо? Не удивительно, что Иллюминаторы держат свое искусство в таком секрете. Дело вовсе не в конкуренции. Чем больше знаешь о процессе, тем менее чудесным кажется результат.

– Здесь целая куча материалов, – отметил Мэт.

– Ты ведь просил меня о чуде, Мэтрим Коутон, – откликнулась она, передав ночной цветок Лейлвин и взяв планшет. Она сделала какие-то пометки на приколотом к нему листочке. – Это чудо я превратила в список с ингредиентами. Разве этот подвиг сам по себе не подобен чуду?

Так что не жалуйся на жару, если кто-то тебе преподнес солнце на ладони.

— Как-то все это выглядит несколько неподъемно, — пробормотал Мэт тихо. — Эти цифры — цены?

— Я тебе не счетовод, — ответила Алудра. — Это только предварительная оценка. Расчеты я сделала, как смогла, точные цифры должны подсчитать более умелые люди. Дракон Возрожденный сможет позволить себе эти расходы.

Лейлвин с любопытством разглядывала Мэта. Она тоже изменилась из-за Туон. Но не так, как он мог ожидать.

Упоминание о Ранде вызвало цветной вихрь, и он, подавив вздох, постарался прогнать его прочь. Наверное, Ранд сможет себе позволить подобные расходы, но Мэт — уж точно нет. Чтобы получить столько денег, ему придется сыграть в кости с самой королевой Андора!

Но это проблемы Ранда. Чтоб ему сгореть, но ему лучше оценить по достоинству, через что Мэту пришлось пройти ради него.

— Сюда не включены расчеты на работу, — отметил Мэт, снова пробежав взглядом страницы. — Сколько литейщиков колоколов тебе понадобится для этого проекта?

— Все, сколько найдешь, — сухо

ответила Алудра. — Разве ты не это мне пообещал — каждый литейщик колоколов от Андора до Тира?

— Полагаю, да, — ответил Мэт. Он и подумать не мог, что она поймет его буквально. — А что насчет меди и олова? Ты не проставила рядом цифры.

— Мне понадобится все, что есть.

— Все, что... Ты имеешь в виду все?

— Все, что есть, — повторила она просто и спокойно, словно просила подать джем из голубики для своей овсянки. — Каждый кусочек меди и олова, который ты сможешь наскрести по эту сторону Хребта

Мира, – она на мгновение замолчала.
– Возможно, это выглядит слишком
амбициозно.

– Проклятье, вот именно!
Амбициозно, – проворчал Мэт.

– Да, – согласилась Алудра. –
Представим, что Дракон подчинил
себе Кэймлин, Кайриэн, Иллиан и
Тир. Если он даст мне доступ ко всем
медным и оловянным копиям и ко
всем запасам металла этих четырех
государств, то, думаю, этого будет
достаточно.

– Все запасы металла, – уныло
повторил Мэт.

– Да.

– Четырех крупнейших
государств мира.

– Да.

– И ты «полагаешь», этого будет достаточно.

– Думаю, именно так я и выразилась, Мэтрим Коутон.

– Отлично. Я подумаю, что можно с этим сделать. Может позвать самого проклятого Темного, чтобы он явился почистить тебе ботинки? Или выкопать Артура Ястребиное Крыло, чтобы он мог с тобой станцевать?

При упоминании Артура Ястребиное Крыло Лейлвин наградила его пронзительным взглядом. Алудра закончила свои записи и повернулась к Мэту. Она заговорила спокойно, но слегка недружелюбно:

— Мои драконы дадут кому-нибудь огромную военную силу. Ты же утверждаешь, что мои запросы чрезмерны. А это только самое необходимое, — она смерила его взглядом. — Прямо скажу, не ожидала от тебя подобного пренебрежения, мастер Коутон. Твой пессимизм, из-за подружки?

— У тебя не спросили, — пробурчал Мэт, снова разглядывая рисунки. — Я едва ее знаю. Скорее мы просто знакомые. И я дал тебе слово.

Услышав это, Байл фыркнул. Было ли это удивлением или насмешкой, нельзя было сказать точно, не обернувшись и не взглянув в лицо. Мэт не стал оглядываться.

Алудра не сводила с него глаз. Их взгляды встретились на мгновение, и Мэт понял, что был с ней излишне резок. Может быть, ему просто было неуютно рядом с ней? Немножко. Они сблизились еще до появления Туон. Возможно, это боль прячется в ее глазах?

– Алудра, прости меня, – сказал он. – Мне не следовало это говорить.

Она пожала плечами.

Он глубоко вздохнул:

– Послушай, я знаю, что... ну, так странно, что Туон...

Она махнула рукой, оборвав его на полуслове.

– Ничего. У меня есть мои драконы. Ты дал мне шанс их

сделать. Все остальное не важно. Желаю счастья.

– Что ж, – произнес Мэт. Он почесал подбородок, затем вздохнул. Может, лучше оставить как есть. – В любом случае, надеюсь, что я справлюсь. Ты требуешь очень много ресурсов.

– Литейщики и материалы, – сказала она, – это то, что мне нужно. Ни больше, ни меньше. Я сделала все, что могла без материалов. Мне еще потребуется несколько недель на испытания – поэтому нужно сделать одного дракона для пробы. Так что у тебя есть время, чтобы все подготовить. Однако на все уйдет много времени, а ты отказался

сказать, когда тебе потребуются мои драконы.

– Не могу сказать того, чего не знаю сам, Алудра, – ответил Мэт, посмотрев на север. Он чувствовал странное притяжение, словно кто-то поймал его за внутренности на рыболовный крючок и потихоньку, мягко, но настойчиво, начал тянуть леску к себе. – «Ранд, это ты, чтоб тебе сгореть?» – Цвета закружились. – Скоро, Алудра, – он понял, что сказал это вслух. – Время на исходе. Совсем на исходе.

Она помедлила, словно что-то почувствовала в его голосе.

– Что ж, – сказала она наконец. – Раз такое дело, значит, мои запросы

не столь уж чрезмерные, так? Если весь мир движется к войне, значит, все кузницы скоро понадобятся для изготовления наконечников стрел и подков. Лучше им сейчас поработать над моими драконами. Позволь тебя уверить, каждый из них будет стоять в битве тысячи мечей.

Мэт вздохнул, поднялся и слегка коснулся шляпы в знак прощания.

— Ладно тогда, — сказал он. — Это честно. Если Ранд не испепелит меня в тот же треклятый момент, когда я явлюсь к нему с этой идеей, то посмотрим, что я смогу сделать.

— Было бы разумно оказать госпоже Алудре должное уважение, — сказала Лейлвин с тягучим

шончанским акцентом, посмотрев на Мэта. — А не быть с ней столь непочтительным.

— Это было от чистого сердца! — воскликнул Мэт. — По крайней мере, последняя часть. Что б мне сгореть, женщина, разве ты различаешь, когда говорят искренне?

Она смерила его взглядом, словно решала, была ли последняя фраза издевательством. Мэт закатил глаза. Женщины!

— Госпожа Алудра — умница! — сурово сказала Лейлвин. — Ты даже не представляешь, что за чудо она изобразила на этих чертежах. Если б у Империи было такое оружие...

— Ладно, смотри, чтоб оно им не

досталось, Лейлвин, – ответил Мэт. – Не хочется однажды проснуться и обнаружить, что тебя и след простыл вместе с этими чертежами, потому что тебе пришло в голову восстановить свое имя.

Она выглядела оскорбленной подобным предположением, хотя оно было вполне логичным. У Шончан странное чувство чести – Туон ни разу не пыталась от него сбежать, хотя имела массу возможностей.

Конечно, Туон почти с самого начала подозревала, что выйдет за него замуж. Она знала про предсказание своей дамани. Чтоб ему сгореть, но он даже не взглянет в сторону юга. Не станет!

– Мой корабль теперь несут другие ветра, мастер Коутон, – просто ответила Лейлвин, отвернувшись и посмотрев на Байла.

– Но ты не поможешь нам сражаться против Шончан, – сказал Мэт. – Похоже, что ты...

– Ты, парень, сейчас плаваешь в глубоком море, – тихо вмешался Байл. – Ага, в глубоком море, где много рыб-львов. Может, пора перестать громко плескаться.

Мэт закрыл рот.

– Ну, ладно, – сказал он. Почему бы этой парочке не относиться к нему с большим уважением? Разве он не кто-то вроде шончанского принца? Хотя он был уверен, что с

Лейлвин и ее бородатым моряком ему это не поможет.

Ладно, он и в самом деле был искренним. В словах Алудры был смысл, какими бы сумасшедшими они ни показались вначале. Им нужно нанять огромное количество литейщиков. Недели пути до Кэймлина теперь казались ему еще более раздражающими. Те недели, потраченные на дорогу, могли быть потрачены на драконов! Мудрый человек сказал бы, что не стоит раздражаться на длинные переходы, но Мэту в последнее время было не до умных мыслей.

— Ладно, — снова сказал он и оглянулся на Алудру. — Хотя и по

абсолютно иным причинам, я заберу чертежи с собой и спрячу понадежнее.

— По абсолютно иным причинам? — спокойно переспросила Лейлвин, словно ища новое оскорбление.

— Да, — ответил Мэт. — И эти причины следующие — я не желаю, чтобы они оставались рядом с Алудрой, когда она не так долбанет молотком по ночному цветку, и взрывом её забросит к Тарвинову ущелью!

Услышав это, Алудра рассмеялась, хотя Лейлвин снова выглядела оскорбленной. Тяжело чем-либо не обидеть Шончан. Их и

треклятых Айил. Как ни странно, они могут быть противоположностью друг другу и одновременно во многом похожи.

— Можешь забрать их, Мэт, — сказала Алудра. — Если только спрячешь их в свой сундук с золотом. Это единственная вещь во всем лагере, к которой приковано твое самое пристальное внимание.

— Спасибо, ты очень добра, — ответил он, собирая лежащие страницы и пропустив мимо ушей скрытое оскорбление. Разве они только что не помирились? Треклятая женщина! — Кстати, чуть не забыл, Алудра. Ты что-нибудь понимаешь в арбалетах?

– В арбалетах? – переспросила она.

– Да, – сказал Мэт, складывая страницы. – Я подумал, что должен быть способ заряжать их быстрее. Ну знаешь, как те вертушки, что мы используем, только быстрее – пружина или что-то вроде того. Или вертушка, которую можно крутить, не опуская оружия.

– Вряд ли я в этом хорошо разбираюсь, Мэт, – ответила Алудра.

– Знаю, но ты разбираешься в похожих штуках, и я подумал, что может быть...

– Найди кого-нибудь еще, – сказала Алудра, повернувшись к другому незаконченному ночному

цветку. — А я очень занята.

Мэт почесал голову под шляпой.

— Это...

— Мэт! — раздался клич. — Мэт, идем со мной! — Мэт повернулся навстречу вбежавшему в лагерь Алудры Олверу. Байл предостерегающе поднял руку, но Олвер, конечно, проскользнул под ней.

Мэт выпрямился.

— Что? — спросил он.

— Кто-то приехал в лагерь, — возбужденно ответил Олвер. Мальчик представлял собой то еще зрелище: его уши были слишком велики для головы, нос нависал крючком, рот был слишком большим. Для ребенка

его возраста безобразие было довольно милым. Но с возрастом подобное счастье улетучится. Возможно, бойцы были правы, начав обучать его обращению с оружием. С таким лицом лучше уметь постоять за себя.

— Пстой-ка, угомонись, — сказал Мэт, запихивая чертежи за пояс. — Кто-то приехал? А кто? И зачем там я?

— Талманес послал меня разыскать тебя, — пояснил Олвер. — Он считает, что она какая-то важная шишка. Он сказал, что у нее какие-то бумаги с твоим изображением, и у нее «характерное» лицо, что бы это ни значило. Это...

Олвер продолжал, но Мэт уже не слушал. Он кивнул Алудре и остальным и бросился прочь, мимо занавесок в лесную чащу, поспешив в основной лагерь. Олвер увязался следом.

Там обнаружилась похожая на бабушку, полненькая женщина в коричневом платье и с пучком седеющих волос, сидящая верхом на коротконогой белой кобыле. Ее окружила группа солдат во главе с Талманесом и Мандеввином, которые стояли прямо перед ней, словно две каменные колонны, отмечающие вход в гавань.

У женщины было лицо Айз Седай. Рядом с ее лошадью стоял

пожилой Страж. Несмотря на седину в волосах, от этого коренастого мужчины исходило не меньшее чувство опасности, чем от любого другого Стража. Он немигающим взглядом изучал бойцов Отряда, сложив руки на груди.

Завидев приближающегося Мэта, Айз Седай улыбнулась.

— А! Очень хорошо, — строго сказала она. — Ты высоко взлетел с тех пор, как мы последний раз виделись, Мэтрим Коутон.

— Верин, — произнес чуть запыхавшийся Мэт. Он взглянул на Талманеса, который держал в руках знакомый листок бумаги с напечатанным портретом Мэта. — Ты

узнала, что кто-то раздает мои портреты в Трустейре?

Она улыбнулась.

— Можешь сказать и так.

Он посмотрел на нее, встретившись взглядом с темно-кариими глазами Айз Седай.

— Кровь и проклятый пепел, — пробормотал он. — Значит, это ты? Ты — та, кто меня разыскивает!

— Уже давно, — беспечно ответила Верин. — И против своей воли.

Мэт закрыл глаза. Вот вам и хитроумный план налета. Чтоб ему сгореть! Но план был хорош.

— А как ты меня здесь нашла? — спросил он, открыв глаза.

– Час назад ко мне в Трустейр явился добрый купец и объяснил, что имел с тобой приятную беседу и ты хорошо заплатил ему за план города. Я решила избавить бедный город от нападения твоих... последователей и явиться самой.

– Час назад? – нахмурившись, уточнил Мэт. – Но Трустейр находится в половине дня пути отсюда!

– Именно, – улыбнулась Верин.

– Чтоб мне сгореть, – сказал он.

– Ты умеешь Перемещаться. Так?

Ее улыбка стала шире.

– Я подозреваю, ты собираешься со своей армией в Андор, мастер Коутон?

– Как сказать, – ответил Мэт. – А ты можешь нас туда доставить?

– И очень быстро, – подтвердила Верин. – Могу переправить твоих людей в Кэймлин к вечеру.

Свет!

Избежать двадцатидневного марша? Да он сможет в самом скором времени наладить производство драконов Алудры! Он помедлил, покосившись на Верин и постаравшись сдержать свое воодушевление. Когда в дело вовлечены Айз Седай, всегда приходится платить.

– И чего ты от нас хочешь? – спросил он.

– Честно говоря, – ответила она, слегка вздохнув, – чего я хочу,

Мэтрим Коутон, так это избавиться от твоих та'веренских сетей! Знаешь, сколько ты заставил меня ждать в этих горах?

— Заставил?

— Да, — подтвердила она. — Пойдем-ка! Нам нужно многое обсудить.

Она тряхнула поводьями, направляя лошадь в лагерь. Талманесу с Мандеввином пришлось неохотно подвинуться, чтобы дать ей дорогу. Мэт стоял рядом с ними, провожая взглядом уезжающую в сторону походных костров женщину.

— Полагаю, налет на город отменяется, — сказал Талманес. Он не выглядел опечаленным этим

фактом.

Мандеввин поправил повязку через глаз.

— Значит, я могу вернуться к своей старенькой двоюродной бабке?

— Нет у тебя никакой двоюродной бабки, — прорычал Мэт. — Пойдем, послушаем, что она нам скажет.

— Отлично, — ответил Мандеввин. — Но в следующий раз я буду Стражем. Ладно, Мэт?

Мэт только вздохнул и пошел следом за Верин.

Глава 35. Ореол ТЬМЫ

Прохладный морской ветерок овеял Ранда, едва он проехал через врата. Легкий, как перышко, этот ветер нес с собой запахи тысяч разогреваемых завтраков со всего

города Фалме.

Ошеломленный

воспоминаниями, которые в нем
пробудили эти запахи, Ранд
придержал Тай'дайшара.

Воспоминаниями о времени, когда
он все еще не был уверен в своей
роли в мире. Воспоминаниями о
времени, когда Мэт постоянно
подтрунивал над ним из-за его
красивых курток, несмотря на то, что
Ранд вовсе не хотел их надевать.
Воспоминаниями о времени, когда
он стеснялся тех знамен, которые
теперь развевались у него за спиной.
Когда-то он настаивал на том, чтобы
прятать их ото всех, как будто так он
мог скрыться от собственной судьбы.

Процессия дожидалась его, скрипя сбруей под фыркание лошадей. Однажды Ранд уже посещал Фалме, но тот визит был кратким. Тогда он не мог задерживаться где-нибудь надолго. Он проводил те месяцы, преследуя или скрываясь от преследователей. Фейн привел его в Фалме, унеся с собой Рог Валир и кинжал с рубином, с которым был связан Мэт. При мысли о Мэте опять вспыхнули цветные пятна, но Ранд пренебрег ими. В данный момент мыслями он был далек от настоящего.

Фалме знаменовал поворотный момент в жизни Ранда — столь же основательный, как и тот, что

произошел с ним позже, в пустынных землях Айил, когда он подтвердил свое право на титул Кар'а'карна. После Фалме он больше не прятался, не боролся с тем, чем он был. В этом месте он впервые осознал себя убийцей, впервые понял, какую опасность он несет для окружающих. Он попытался сбежать от них. Но они упорно следовали за ним.

В Фалме мальчишка-пастух сгорел, а его пепел был развеян и унесен океанскими ветрами. Из этого пепла восстал Возрожденный Дракон.

Ранд послал Тай'дайшара вперед, и процессия продолжила шествие. Он приказал открыть Врата

в отдалении от города – в надежде появиться вне пределов внимания дамани. Конечно, их открыл Аша'ман, таким образом скрывая плетение от женщин, но Ранд не хотел давать им даже намек о Перемещении. Неспособность Шончан Перемещаться была одним из главных его преимуществ.

Фалме стоял на маленьком клочке земли – Мысе Томан – выступавшем в Океан Арит. Волны разбивались о выраставшие по обеим сторонам высокие скалы, рождая тихий, отдаленный гул. Полуостров, словно галька речное дно, покрывали темные каменные строения города. Большинство из них были

приземистыми, одноэтажными, широко раскинувшимися зданиями, как будто их жители ждали, что волны перехлестнут через скалы и обрушатся на их дома. Здесь трава казалась не настолько увядшей, как на севере, но весенние побеги уже слегка пожелтели и пожухли, как будто ростки сожалели о том, что пробились из почвы.

Полуостров оканчивался естественной гаванью, в которой стояли на якоре множество шончанских кораблей. Над городом, объявляя его частью Империи, реяли шончанские флаги. На знамени с синей бахромой, развевавшемся выше всех остальных, был изображен

летающий золотой ястреб, держащий в когтях три молнии.

По отдаленным улицам передвигались необычные создания, привезенные Шончан с их стороны океана, но они находились слишком далеко от Ранда, чтобы он мог рассмотреть детали. В небе кружили ракены – очевидно, у Шончан здесь их было много. Мыс Томан находился на южной границе Арад Домана, и этот город, несомненно, был основным перевалочным пунктом для шончанской кампании на севере.

Это завоевание закончится сегодня. Ранд должен заключить мир, должен убедить Дочь Девяти Лун отозвать ее армии. Этот мир станет

затишьем перед бурей. Ранд не будет защищать своих людей от войны — он просто сохранит их, чтобы те могли умереть за него в другом месте. Но он будет делать то, что необходимо.

Найнив поравнялась с ним, едва они продолжили путь к Фалме. Ее простое, но изящное бело-голубое платье было сшито по доманийской моде, но из более плотной — и намного более пристойной — ткани. Похоже, она перенимала моду из всех уголков мира, нося платья посещенных городов, но прикладывая к ним свое собственное понимание о пристойности. Наверное, когда-то Ранд счел бы это забавным. Но это чувство, похоже,

было больше ему недоступно. Он чувствовал внутри только холодное спокойствие. Спокойствие, покрывавшее фонтан замороженной ярости.

Он сумеет надолго сохранить спокойствие и ярость в равновесии. Должен суметь.

– Вот мы и вернулись, – сказала Найнив. Ее разноцветные драгоценности-тер’ангриалы несколько портили впечатление от великолепно пошитого платья.

– Да, – сказал Ранд.

– Я помню наш последний визит, – отрешенно продолжила Найнив. – Полный хаос и сумасшествие. И в конце концов мы

нашли тебя с этой раной в боку.

– Да, – прошептал Ранд. Здесь, сражаясь с Ишамаэлем в небе над городом, он получил первую из своих незаживающих ран. От этой мысли рана стала нагреваться. Нагреваться и болеть. Он начал относиться к этой боли как к старому другу, напоминанию о том, что он еще жив.

– Я видела тебя в небе, – сказала Найнив. – Я не верила своим глазам. Я... пыталась Исцелить твою рану, но тогда у меня еще был блок, и я не смогла разозлиться. А Мин не отходила от тебя ни на шаг.

Сегодня Мин не поехала. Она оставалась с ним, но что-то между ними изменилось. Чего он всегда и

боялся. Ранд знал, что когда она смотрит на него, то видит, как он ее убивает.

Всего несколько недель назад ему, несмотря ни на что, не удавалось отговорить ее от совместной поездки -. Теперь она осталась без единого возражения.

Безразличие. Скоро все закончится. Нет места для сожаления и печали.

Айильцы бежали впереди, проверяя, нет ли засады. Многие из них носили красную повязку на голове. Ранд не волновался о засадах. Шончан не станут нарушать слова — если, конечно, среди них нет еще одного Отрекшегося.

Ранд потянулся к поясу, тронув
висящий там меч. Он был изогнутым,
в черных, расписанных
извивающимся красно-золотым
драконом ножнах. По целому ряду
причин это наводило его на мысли о
последнем посещении Фалме.

– В этом городе я впервые убил
человека мечом, – тихо сказал Ранд.
– Я никогда об этом не рассказывал.
Он был шончанским лордом и
мастером клинка. Верин сказала
мне, чтобы я не направлял в городе,
так что я сражался с ним только
мечом. Я его победил. Убил его.

Найнив подняла бровь.

– Значит, ты на самом деле
имеешь право носить клинок,

отмеченный цаплей.

Ранд покачал головой.

– Там не было свидетелей. Мэт и Хурин дрались в другом месте. Они видели меня сразу после боя, но не были свидетелями смертельного удара.

– Что значат свидетели? – фыркнула Найнив. – Ты победил мастера клинка, а значит, стал им. Видел это кто-нибудь или нет – несущественно.

Он взглянул на нее.

– Зачем носить цаплю, как не для того, чтобы ее видели другие, Найнив?

Она не ответила. Впереди, сразу за чертой города, Шончан воздвигли

шатер в черно-белую полосу. Казалось, открытый с боков павильон окружали сотни пар сул'дам и дамани: дамани — в характерных серых платьях, сул'дам — в красно-синих, с молнией на груди. Ранда сопровождало всего несколько способных направлять человек: Найнив, три Хранительницы Мудрости, Кореле, Наришма и Флинн. Только малая часть того, что у него было, даже без привлечения войск, находящихся на востоке.

Но нет, лучше было привести с собой только символическую охрану, чтобы это выглядело так, будто он пришел с миром. Если эта встреча

превратится в битву, единственной надеждой Ранда станет быстрое отступление через Врата. Или так... или сделать что-нибудь самому, чтобы прекратить сражение.

Перед ним у седла висела фигурка мужчины, держащего в поднятой руке шар. С ней он сумеет выстоять против сотни дамани. Двух сотен. Он мог вспомнить ту Силу, которую удерживал во время очищения саидин. Эта Сила была способна сравнять с землей города и уничтожить любого, кто ему противостоял.

Нет. До этого не дойдет. Он не может позволить, чтобы до этого дошло. Конечно же Шончан

понимали, что нападение на него приведет к катастрофе. Ранд снова пришел к ним на встречу, зная, что предатель в их рядах пытался его убить или захватить в плен. Они должны видеть его искренность.

Но если нет... Он протянул руку, схватил ключ доступа и на всякий случай засунул его в нашитый увеличенный карман кафтана. Потом, глубоко вздохнув, он покрепче уселся в седле и призвал пустоту. Там он ухватился за Единую Силу.

Тошнота и головокружение грозили сбросить его на землю. Ранд зашатался, ногами цепляясь за Тай'дайшара, а рукой сжимая ключ

доступа в кармане. Он стиснул зубы. В глубине сознания возник Льюс Тэрин. Безумец пытался перехватить Силу. Это была отчаянная битва, и когда Ранд наконец победил, то обнаружил, что сполз с седла.

И снова он неразборчиво разговаривал сам с собой.

– Ранд? – спросила Найнив.

Ранд выпрямился. Он ведь Ранд, не так ли? Иногда после такой битвы он с трудом вспоминал, кто он. Неужели он в конце концов задвинул в угол захватчика-Ранда и стал Льюсом Тэрином? Накануне он проснулся в полдень, сжавшись в углу своей комнаты, плача и шепча про себя об Илиене. Он чувствовал

мягкий шелк ее длинных золотых волос в своих руках, помнил, как обнимал ее. Помнил, как видел ее мертвую у своих ног, убитую Единой Силой.

Кто же он?

Важно ли это?

— Ты в порядке? — снова спросила Найнив.

— Мы в порядке, — Ранд не осознал, что использовал множественное число, до тех пор, пока слова не слетели с его губ. Его зрение восстанавливалось, хотя все по-прежнему казалось слегка расплывчатым. После той битвы, в которой Семираг лишила его руки, все виделось чуть искаженным.

Теперь он едва это замечал.

Он выпрямился и, наполняя себя саидин, потянул еще немного силы через ключ доступа. Она была так сладостна, несмотря на вызванную ею тошноту. Ему хотелось зачерпнуть больше, но он сдержался. Он уже удерживал больше Силы, чем сумел бы любой человек без посторонней помощи. Этого хватит.

Наинив взглянула на фигурку. Сфера наверху слегка светилась.

— Ранд...

— Я лишь удерживаю немного больше Силы — из предосторожности, — чем больше ты держишь Единой Силы, тем труднее тебя оградить. Если дамани

попытаются захватить его, они будут поражены его устойчивостью. Возможно, он смог бы устоять против полного круга.

— Им не захватить меня снова, — прошептал он. — Больше никогда. Они не застанут меня врасплох.

— Может нам следует вернуться, — сказала Найнив. — Ранд, нам нет нужды встречаться с ними на их условиях. Это...

— Мы останемся, — тихо сказал Ранд. — Мы разберемся с ними здесь и сейчас.

Впереди он мог видеть фигурку, сидящую за столом на помосте, выстроенном внутри шатра. Напротив фигурки — на одном с ней

уровне – стояло еще одно кресло. Это его удивило. То, что он знал о Шончан, позволяло ожидать, что ему предстоит спор о равенстве с одним из Высокородных.

Неужели это Дочь Девяти Лун? Этот ребенок? Едва они приблизились, Ранд нахмурился, но понял, что на самом деле это не ребенок, а просто очень маленькая женщина. Она была одета в черные одежды, и у нее была темная кожа, как у людей Морского Народа. Спокойное круглое лицо с серо-белыми полосами пепла на щеках. При ближайшем рассмотрении оказалось, что она примерно одного с ним возраста.

Он глубоко вздохнул и спешился.
Пришло время закончить войну.

* * *

Возрожденный Дракон был молод. Туон об этом говорили, но что-то в этом по-прежнему удивляло.

Почему же ее удивила его молодость? Герои-завоеватели часто бывали молоды. Сам Артур Ястребиное Крыло, великий прародитель Империи, был молод, когда начал свои завоевания.

Те, кто завоевывают, кто

господствуют в мире, быстро сжигают себя, как лампа с неотрегулированным фитилем. Он был одет в черное с золотой и красной отделкой. Пуговицы на его кафтане сверкали, когда он спешивался со своего большого черного жеребца и подходил к шатру. На обшлагах рукавов черного кафтана была красно-золотая вышивка, и при взгляде на них бросалось в глаза отсутствие кисти одной руки. Кроме вышивки, на его одежде не было украшений. Как будто он не считал нужным чем-то отвлекать внимание от своего лица.

Его волосы были темно-рыжими, цвета позднего заката. У

него была величественная осанка, твердая походка, уверенные шаги, устремленный вперед взгляд. Туон учили так ходить, поступью давая понять, что пощады не будет. Интересно, кто учил его. Скорее всего, у него были лучшие учителя, учившие его держаться подобно королям и вождям. Но в докладах говорилось, что он рос фермером в глухой деревне. Может быть, это легенда, тщательно распространяемая для того, чтобы вызвать к нему доверие у простолюдинов?

Он приближался к шатру, слева от него шла марат'дамани. На женщине было платье, цветом

похожее на небо в ясный день, с отделкой, напоминавшей облака. Она заплела свои темные волосы в одну косу и украсила себя безвкусными побрякушками. Женщина выглядела чем-то недовольной, ее брови были нахмурены, а губы сжаты в линию. Ее присутствие заставило Туон поежиться. Можно было подумать, что после ее путешествия с Мэтримом она должна была бы привыкнуть к марат'дамани. Но не настолько же. Они были неестественны. Опасны. Рядом с дамани без поводка Туон чувствовала отвращение, словно кожу на лодыжке щекотал языком обвивший ногу травозуб.

Но если мара́т'дамани тревожила, то двое мужчин, шагавшие справа от Дракона, были гораздо хуже.

Один — молодой человек, почти юноша — носил волосы заплетенными в косички с колокольчиками. Другой был пожилым, с белыми волосами и загорелым лицом. Несмотря на разницу в возрасте, оба двигались с небрежной угрозой, как люди, хорошо знакомые с битвой. И оба носили черные куртки со сверкающими значками на высоких воротниках. Их называли Аша'ман. Мужчины, способные направлять. Мерзость, которую лучше побыстрее

уничтожить. В Шончан очень редко бывали такие, кто, в жажде заполучить невиданное преимущество, пытались тренировать этих Тсоров'анде Дун, Ураганов Черной Души. Эти глупцы быстро гибли, зачастую уничтоженные теми сами орудиями, которые они пытались контролировать.

Туон собралась с духом. Карид и Стражи Последнего Часа вокруг нее напряглись. Это было едва уловимо: сжатые по бокам кулаки, затаенное дыхание. Туон не повернулась к ним, но подала тайный знак Селусии.

— Вам следует соблюдать спокойствие, — тихо сказала

мужчинам Голос.

Они так и сделают — они же Стражи Последнего Часа. Туон неприятно было делать это замечание, потому что это опустит их глаза. Но она не допустит происшествий. Встреча с Возрожденным Драконом будет опасной. Этого нельзя избежать. Даже с двадцатью сул'дам и дамани по каждую сторону шатра. Даже с Каридом за ее спиной и капитаном Музенге с отрядом лучников, наблюдающих из укрытия на крыше на расстоянии прицельного выстрела. Даже с Селусией, стоящей справа от нее, напряженной и готовой атаковать, как ягвин на

горных кручах. Даже со всем этим, Туон была очень уязвима. Возрожденный Дракон – это пожар, беспричинно вспыхнувший в доме. Невозможно помешать ему повредить комнату. Можно только надеяться спасти здание.

Он подошел прямо к креслу напротив Туон и сел, не удивляясь, что она отнеслась к нему, как к равному. Она знала, что остальные недоумевали, почему она продолжала носить траурный пепел, почему не объявила себя Императрицей. Время траура кончилось, но Туон не заняла свой трон.

Это произошло из-за этого человека. Императрица никого не

может принимать как равного себе – даже Возрожденного Дракона. Однако для Дочери Девяти Лун... этот конкретный человек может быть ей ровней, поэтому она медлила. Наверно, Возрожденному Дракону не очень бы понравилось, если бы кто-то поставил себя выше него – даже имея на это абсолютно законные основания.

Когда он сел, между двумя тучами промелькнула далекая вспышка молнии, хотя Малаи – одна из дамани, умевшая предсказывать погоду – настаивала на том, что дождя не предвидится. Молния без дождя. «Ступай очень легко, – думала она, истолковывая примету, – и будь

осторожна в том, что говоришь». Не самая понятная примета. Если бы она ступала еще легче, чем сейчас, ей пришлось бы парить в воздухе!

— Ты Дочь Девяти Лун, — сказал Возрожденный Дракон. Это было утверждение, а не вопрос.

— Ты Возрожденный Дракон, — ответила она. Глядя в эти серые глаза, она поняла, что ошибалась в своем первом впечатлении. Он не был молодым человеком. Да, его тело могло принадлежать юноше. Но эти глаза... это были глаза старика.

Он слегка наклонился вперед. Ее Стражи Последнего Часа напряглись, закрипела кожа.

— Мы заключим мир, — сказал

ал'Тор. – Сегодня. Здесь.

Селусия тихонько зашипела. Его слова сильно напоминали требование. Туон оказала ему огромное уважение, приняв его наравне с собой, но никто не смеет приказывать члену Императорской семьи.

Ал'Тор взглянул на Селусию.

– Ты можешь сказать своей телохранительнице, что она может расслабиться, – сухо сказал он. – Эта встреча не превратится в стычку. Я этого не позволю.

– Она мой Голос, – осторожно сказала Туон. – И моя Говорящая Правду. Мой телохранитель – это мужчина за моим креслом.

Ал'Тор тихонько фыркнул. И так, он был наблюдателен. Или удачлив. Немногие правильно разгадывали сущность Селусии.

— Ты хочешь мира, — сказала Туон. — Есть ли у тебя условия для твоего... предложения?

— Это не предложение, а необходимость, — сказал ал'Тор. Эта фраза прозвучала сдержанно. Все эти люди произносили слова так быстро, но ал'Тор добавлял им весомости. Он напомнил ей о ее матери.

— Последняя Битва приближается. Несомненно, твой народ помнит пророчества. Ведя эту свою войну, ты подвергаешь опасности нас всех. Мои силы — силы

всех и каждого – нужны в борьбе с Тенью.

Последняя Битва будет между Империей и силами Темного. Это всем известно. Пророчества явно указывали на то, что Императрица победит тех, кто служил Тени, а потом она пошлет Возрожденного Дракона на поединок с Пожирателем Света.

Как много он уже исполнил? Пока что он не выглядел ослепшим, так что это еще впереди. Эссанский Цикл утверждал, что он будет стоять на собственной могиле и рыдать. Или это пророчество относилось к тому, что мертвые будут ходить, как они уже и делают? Несомненно,

некоторые из этих духов ходили по собственным могилам. Порой писания бывали неясны.

По-видимому, эти люди забыли многие из пророчеств — так же, как они забыли свои клятвы ожидать Возвращения. Но она не сказала этого. *«Внимательно следи за словами...»*

— Так ты веришь, что Последняя Битва близко? — спросила она.

— Близко? — спросил ал'Тор. — Она так же близко, как убийца, чье омерзительное дыхание ты чувствуешь на своей шее, пока его нож скользит по твоей коже. Она так же близко, как последний удар колокола в полночь, когда остальные

одиннадцать уже отзвучали. Близко? Да, она близко. Ужасно близко.

Овладело ли им уже безумие? Если да, все станет намного сложнее. Она изучала его в поисках признаков сумасшествия. Похоже, он себя контролировал.

Морской ветерок подул через полог, колыхая парусину, и принес с собой запах гниющей рыбы. Казалось, в последнее время гниет все вокруг.

«Эти твари,- думала она. — Троллоки». Что предвещало их появление? Тайли уничтожила их, и разведчики не нашли других. Глядя, как напряжен этот человек, она колебалась. Да, Последняя Битва

была близка – возможно, так близка, как он говорил. Это делало еще более важной задачу объединения этих земель под ее знаменем.

– Ты должна видеть, как это важно, – сказал Возрожденный Дракон. – Почему ты воюешь со мной?

– Мы – Вернувшиеся, – сказала Туон. – Предзнаменования указали, что пришло время возвращаться, и мы ожидали найти здесь единое королевство, готовое приветствовать нас и предоставить нам свои войска для Последней Битвы. Вместо этого мы нашли расколотые земли, забывшие свои клятвы и ни к чему не готовые. Как ты не можешь понять,

что мы вынуждены воевать? Нам не доставляет удовольствия вас убивать, не больше, чем родителю — необходимость наказать сбившегося с пути ребенка.

Ал'Тор выглядел изумленным.

— Так мы для вас дети?

— Это была просто метафора, — сказала Туон.

Минуту он просто сидел, потом потер рукой подбородок. Винил ли он ее за потерю другой руки? Фалендре это упоминала.

— Метафора, — сказал он. — И, пожалуй, подходящая. Да, в этих землях не было единства. Но я сковал их воедино. Возможно, эти узы слабоваты, но они продержатся

достаточно долго. Если бы не мои заботы, твоя объединительная война была бы достойна похвалы. Но сейчас вы отвлекаете внимание. У нас должен быть мир. Наш союз должен длиться только до тех пор, пока не закончится моя жизнь, — он встретился с ней взглядом. — Я тебя уверяю, это не продлится слишком долго.

Она сидела за широким столом, скрестив руки перед собой. Если бы ал'Тор протянул руку, он не смог бы достать до нее. Она села так намеренно, хотя предосторожность и казалась смехотворной задним числом. Если он решит её убить, ему не понадобится рука. Лучше об этом

не думать.

— Если ты понимаешь значение объединения, — сказала она, — тогда, возможно, тебе следует объединить свои земли под Шончанским знаменем. Пусть твои люди примут клятвы, и... — пока она говорила, женщина, стоявшая за спиной ал'Тора, марат'дамани, широко раскрыла глаза.

— Нет, — сказал ал'Тор, прерывая Туон.

— Но, конечно же, ты понимаешь, что один правитель, с...

— Нет, — сказал он тихо, но тверже. Опаснее. — Я не позволю, чтобы еще кого-нибудь посадили на ваши мерзкие поводки.

– Мерзкие? Они единственное средство справиться с теми, кто может направлять!

– Мы выживали без них столетиями.

– И вы...

– Я не отступлю в этом вопросе,
– сказал ал'Тор.

Охрана Туон, включая Селусию, сжала зубы, а Стражи опустили руки на рукоятки мечей. Он прервал ее дважды подряд. Ее, Дочь Девяти Лун. Как он мог быть таким дерзким?

Он был Возрожденным Драконом, вот как. Но его слова были глупостью. Он склонится перед ней, когда она станет Императрицей. Этого требовали Пророчества.

Конечно же, это означает, что его королевства присоединятся к Империи.

Она позволила разговору выскользнуть из-под ее контроля. Марат'дамани были чувствительным вопросом для многих по эту сторону океана. Скорее всего, они понимали смысл того, зачем нужно обуздать этих женщин, но им трудно было отказаться от своих традиций. Без сомнения, именно поэтому разговоры о подобных вещах выводят их из себя.

Ей надо было подтолкнуть разговор в другом направлении. Туда, где она сможет застать Возрожденного Дракона врасплох.

Она разглядывала его.

— И это все, о чем будет идти наш разговор? — спросила она. — Мы будем сидеть друг напротив друга и говорить только о наших различиях?

— А о чем еще нам говорить? — спросил ал'Тор.

— Возможно о чем-то, что у нас общего.

— Сомневаюсь, что есть что-то, что имеет значение.

— О? — сказала Туон. — А как насчет Мэтрима Коутона?

Да, это его потрясло. Возрожденный Дракон моргнул, слегка приоткрыв рот.

— Мэт? — сказал он. — Ты знаешь Мэта? Как...

– Он похитил меня, – сказала Туон. – И протащил меня через половину Алтары.

Возрожденный Дракон в изумлении распахнул рот, потом захлопнул его.

– Теперь я вспомнил, – тихо сказал он. – Я тебя видел. С ним. Я не связал тебя с тем лицом. Мэт... что вы делали?

«Ты видел нас?» – скептически подумала Туон. Все-таки безумие проявилось. Будет ли теперь им легче манипулировать – или труднее? К сожалению, наверное, второе.

– Ладно, – наконец сказал ал'Тор. – Я полагаю, у Мэта были

свои причины. Они у него всегда есть. И когда он что-то делает, они кажутся ему очень логичными...

Итак, Мэтрим и вправду знаком с Возрожденным Драконом. Он будет для нее превосходным источником информации. Возможно, для того Мэт и был послан ей, чтобы у нее появилась возможность изучить Возрожденного Дракона. Ей нужно заполучить его обратно, чтобы он смог помочь ей в этом вопросе.

Мэтриму это не понравится, но он должен понять причину. Он стал Первым Принцем Воронов. Он должен быть возведен в Верховные Высокородные, должен обрить голову и научиться надлежащему образу

жизни. Почему-то от всего этого ей стало стыдно, но она не смогла найти этому объяснение.

Она не смогла удержаться, чтобы не расспросить о нем побольше. Частично потому, что эта тема, кажется, выводила ал'Тора из равновесия, а частично потому, что ей было любопытно.

— Что он за человек, этот Мэтрим Коутон? Должна признать, он мне представляется чем-то вроде праздного негодяя, слишком быстрого в поиске оправданий, чтобы избежать выполнения принятых на себя клятв.

— Не смейте так о нем говорить!
— удивительно, но эти слова

послышались со стороны стоявшей рядом с креслом ал'Тора марат'дамани.

— Найнив... — начал ал'Тор.

— Не затыкай мне рот, Ранд ал'Тор, — сказала женщина, скрещивая руки на груди. — Он и твой друг тоже, — женщина смотрела на Туон, скрестив с ней взгляды. Глядя прямо в глаза. Марат'дамани!

Она продолжила:

— Мэтрим Коутон, Ваше Высочество — один из лучших людей, которых вы когда либо знали или узнаете, и я не желаю слушать, как о нем дурно отзываются. Что верно, то верно.

— Найнив права, — неохотно

добавил ал'Тор. — Он хороший человек. Временами Мэт может выглядеть грубовато, но он верный товарищ, о каком только можно мечтать. Хоть он и недоволен тем, на что его толкает собственная совесть.

— Он спас мне жизнь, — сказала марат'дамани. — Спас меня, заплатив большую цену и подвергнув себя опасности, когда больше никто не думал прийти мне на помощь, — ее глаза от гнева полыхали огнем. — Да, он слишком много пьет и играет. Но не говорите о нем так, как будто вы его знаете, потому что это не так. Подо всем наносным у него сердце из чистого золота. И если вы причинили ему вред...

– Причинила ему вред? –
выпалила Туон.- Он меня похитил!

– Если он это сделал, значит, на
то была причина, – сказал ал’Тор.

Какая преданность! Она еще раз
была вынуждена пересмотреть свои
взгляды на Мэтрима Коутона.

– Но это несущественно, –
сказал ал’Тор, неожиданно встав.
Один из Стражей Последнего Часа
обнажил свой меч. Ал’Тор
пристально посмотрел на Стража, и
Карид быстро сделал тому знак.
Страж вернул меч в ножны,
пристыжено опустив глаза.

Ал’Тор положил руку на стол
ладонью вниз. Он наклонился
вперед, захватывая своим взглядом

глаза Туон. Кто смог бы отвести взгляд от этих сверкающих серых глаз, похожих на сталь?

— Ничего из этого не имеет значения. Мэт не имеет значения. Наши сходства и различия не имеют значения. Все, что имеет значение — это необходимость. И ты необходима мне.

Он, нависая над ней, еще больше наклонился вперед. Его фигура не изменилась, но неожиданно он стал выглядеть, словно имел сотню футов роста. Он говорил всё тем же спокойным, пронизывающим голосом, но теперь в нем была угроза. Резкость.

— Ты должна отменить все атаки,

– сказал он, почти шепотом. – Ты должна заключить со мной договор. Это не просьбы. Это моя воля.

Туон неожиданно обнаружила, что горит стремлением ему подчиниться. Угодить ему. Договор. Договор – это будет великолепно, это даст ей возможность укрепить свою власть на этих землях. Она сможет спланировать, как восстановить порядок дома, в Шончан. Она сможет набирать и тренировать войска. Перед ней открывалось так много возможностей, как будто ее разум внезапно решил увидеть все преимущества союза – и никаких недостатков.

Она пыталась найти эти

недостатки, пыталась увидеть проблемы от союза с этим человеком. Но они растворялись в ее сознании и ускользали. Она не могла ухватиться за них и сформулировать возражения. В шатре воцарилась тишина, ветер перестал дуть.

Что с ней происходит? Она не могла вздохнуть, как будто на груди лежал груз. Она ощущала себя так, как будто не могла сделать ничего иного, кроме как склониться перед волей этого человека!

Выражение его лица было зловещим. Несмотря на полуполуденный свет, его лицо было скрыто тенью — в большей степени, чем что-либо другое в

шатре. Он приковывал ее взгляд, ее дыхание стало быстрым и частым. Ей показалось, что краем глаза она видит вокруг него нечто. Темный туман, ореол тьмы, исходящий от него. Он искажал воздух, как это делает сильный жар. Ее горло сжалось, и в нем начали формироваться слова. Да. Да. Я сделаю, как ты просишь. Да. Я должна. Я должна.

— Нет, — сказала она едва слышным шепотом.

Его лицо еще сильнее потемнело, и она увидела с какой яростью он прижал свою руку к столу — его пальцы дрожали от напряжения. С какой силой он

стиснул челюсти. Как расширились его глаза. Какая сила...

– Мне нужно... – начал он.

– Нет, – повторила она с растущей уверенностью. – Ты преклонишь колени передо мной, Ранд ал'Тор. И не будет никак иначе.

Какая тьма! Как может один человек вмещать ее? Казалось, он отбрасывает тень размером с гору.

Она не может вступить в союз с таким существом. Эта кипящая ненависть ужасала ее, а ужас был чувством, с которым она была незнакома. Этому человеку нельзя позволять свободно делать то, что он хочет. Его следует контролировать.

Ал'Тор еще мгновение смотрел

на нее.

— Отлично, — произнес он ледяным тоном.

Он развернулся и, не оглядываясь, широкими шагами пошел прочь из шатра. Его свита последовала за ним. Все они, включая марат'дамани с косой, выглядели встревоженными. Как будто они сами не были уверены в том, кому — или чему — они следуют в лице этого человека.

Тяжело дыша, Туон смотрела, как он уходил. Она не могла позволить остальным видеть, в каком она была замешательстве. Они не должны знать, что в последний момент она его испугалась. Она

смотрела до тех пор, пока фигура на лошади не скрылась за гребнем холма. И все равно ее руки тряслись. Она не доверяла своему голосу.

За время, пока она успокаивалась, никто не проронил ни слова. Возможно, они были потрясены так же, как и она. Может быть, они чувствовали ее беспокойство. Наконец, спустя некоторое время после ухода ал'Тора, Туон поднялась. Она повернулась и осмотрела собравшихся Высокородных, генералов, солдат и Стражей.

— Я — Императрица, — произнесла она тихим голосом.

Как один, они пали на колени, и

даже Верховные Высокородные
распростерлись ниц.

Это была единственная
церемония, которая была
необходима. Да, будет еще
официальная коронация в Эбу Дар, с
шествиями, парадами и
аудиенциями. Она примет личные
клятвы верности от каждого
Высокородного и будет иметь
возможность, в соответствии с
традицией, без причины казнить
любого из них собственной рукой —
тех, кто, по ее мнению, противостоял
ее восхождению на трон.

Будет все это — и еще многое
другое. Но подлинной коронацией
было ее объявление, произнесенное

Дочерью Девяти Лун после периода траура.

Празднества начнутся, как только она позволит всем подняться. Будет неделя ликования. Необходима разрядка. Мир нуждался в ней. Он нуждался в Императрице. С этого момента все изменится.

Как только да'ковале поднялись и начали петь гимн ее коронации, Туон подошла к генералу Галгану.

— Передай генералу Юлану, — тихо сказала она. — Скажи ему подготовить атаку на тарвалонских марат'дамани. Мы должны ударить по Возрожденному Дракону — и быстро. Этому человеку нельзя позволить набрать еще больше силы,

чем у него уже есть.

Глава 36. Смерть Туон

– Я отправилась из Тира, – сказала Верин, усаживаясь на лучший стул Мэта из темного ореха с мягкой подушкой бронзового цвета. Томас занял позицию за ее спиной, положив руку на рукоять меча. – И

собиралась в Тар Валон.

— А как ты очутилась здесь? — с подозрением поинтересовался Мэт, устраиваясь на положенной поверх скамьи подушке. Он ненавидел эту скамью: на ней совершенно невозможно было расположиться с удобством. Никакие подушки не помогали. Более того, каким-то образом они делали ее еще неудобнее. Проклятую штуку должно быть придумал какой-то безумный, косоглазый троллок и сделал ее из костей проклятых. Это было единственное разумное объяснение.

Он поерзал на скамье и едва не попросил принести другой стул, но Верин уже продолжала рассказ.

Мандеввин с Талманесом были тут же в шатре – первый стоял, скрестив руки на груди, второй уселся прямо на полу. Том сидел на земле в другом конце палатки, изучая Верин оценивающим взглядом. Они все разместились в малом шатре Мэта, который предназначался для скоротечных встреч с офицерами. Мэт не решился вести Верин в свой основной шатер для совещаний, так как в нем до сих пор были разложены планы рейда на Трустейр.

– Я задаю себе тот же вопрос, мастер Коутон, – с улыбкой сказала Верин. Ее пожилой Страж стоял у нее за спиной. – Как я здесь очутилась? Уж точно не по своей

воле. И все же я здесь.

— Вы сказали это так, будто очутились здесь случайно, Верин Седай, — сказал Мандеввин. — Но мы говорим о расстоянии в несколько сот лиг!

— Плюс к этому, — добавил Мэт, — ты умеешь Перемещаться. И если ты собиралась попасть в Белую Башню, почему, просто-напросто, не Переместилась прямо туда — и всех делов?

— Отличные вопросы, — сказала Верин. — В самом деле. Можно мне чаю?

Мэт вздохнул и, снова поерзав на пыточной скамье, махнул Талманесу, чтобы тот распорядился

на этот счет. Его приятель встал, выглянул на секунду наружу, чтобы отдать приказ, и вернулся на место.

— Спасибо, — поблагодарила Верин. — Чувствую себя выжатой.

У нее был привычный — для большинства сестер из Коричневой Айя — рассеянный вид. Из-за прорех в памяти, Мэт смутно помнил свою первую встречу с Верин. На самом деле, он вообще смутно помнил эту Айз Седай. Но ему казалось, он припоминает, что у неё характер ученого.

Сейчас, наблюдая за ней, он решил, что ее манеры слишком нарочиты. Словно она, опираясь на распространенные стереотипы о

Коричневых, пользуется ими, дурача окружающих, как уличный катала деревенских олухов – в три карты.

Она разглядывала его. Что значит эта ее улыбка, притаившаяся в уголках губ? Она была похожа на улыбку шулера, которому все равно, что ты разгадал его приемы. А раз уж теперь ты все понимаешь, вы можете вместе насладиться игрой, и, возможно, надуть кого-то еще.

– Ты понимаешь, насколько сильный ты та'верен, молодой человек? – спросила Верин.

Мэт пожал плечами:

– О таких вещах лучше спрашивать Ранда. Честно говоря, мне и близко не стоит с ним тягаться.

Проклятые цветные пятна!

– О, я не собиралась принижать важность Дракона, – посмеиваясь, ответила Верин. – Но тебе не скрыть свой свет в его тени, Мэтрим Коутон. Разве что от полных слепцов. В любое другое время, ты, несомненно, был бы самым сильным живущим та’вереном. Возможно, сильнейшим за многие века.

Мэт поерзал на скамье. Проклятый пепел, как же ему не нравилось, что он ерзает так, словно нервничает от ее слов. Может, ему лучше подняться.

– О чем ты толкуешь, Верин? – вместо этого спросил Мэт. Он скрестил руки и попытался сделать

вид, что все в порядке и ему удобно.

— Я говорю о том, как ты выдернул меня через полконтинента.

Ее улыбка стала еще шире, когда в шатер вошел солдат с чашкой горячего мятного чая. Она с благодарностью приняла ее, и солдат удалился.

— Выдернул? Я? — переспросил Мэт. — Это ты меня разыскивала.

— Только после того, как поняла, что Узор куда-то меня тянет. — Верин пригубила чай. — А это означало тебя или Перрина. И это не могло быть по вине Ранда, так как от него я преспокойно уехала.

— От Ранда? — уточнил Мэт, отмахнувшись от очередного вихря

цветных пятен. — Ты была с ним?

Верин кивнула.

— Как... он там? — спросил Мэт.

— Он не... ну, ты понимаешь...

— Не сошел ли с ума? — уточнила

Верин.

Мэт кивнул.

— Боюсь, что так, — ответила Айз

Седай, ее улыбка слегка поблекла. —

Однако думаю, что он все еще себя

контролирует.

— Треклятая Единая Сила, —

выпалил Мэт, для успокоения

прикоснувшись к медальону под

рубашкой.

Верин подняла взгляд на Мэта:

— О, не уверена, Мэтрим, что

проблемы юного ал'Тора только из-за

Силы. Многие бы предпочли видеть лишь в саидин причину его дурного нрава, но нельзя забывать и про невероятную ответственность, которую мы взвалили на плечи бедного мальчика.

Мэт вскинул бровь, поглядев на Тома.

— Все равно, — Верин снова отпила чая, — нельзя все валить на порчу, так как она больше на него не действует.

— Не действует? — переспросил Мэт. — Он что, решил перестать направлять?

Она рассмеялась.

— Скорее рыба перестанет плавать. Нет, он не перестал, но

порча на него не действует, так как ее больше нет. Ал'Тор очистил саидин.

– Что? – резко выпалил Мэт, подскочив от удивления.

Верин сделала глоток чая.

– Ты серьезно? – спросил он.

– Вполне, – ответила она.

Мэт снова посмотрел на Тома. Затем одернул кафтан и провел рукой по волосам.

– Что ты делаешь? – изумленно спросила Верин.

– Не знаю, – смутившись, ответил Мэт. – Я думал, что должен почувствовать себя как-то иначе, или что-то в этом роде. Весь мир из-за нас летит вверх тормашками и меняется, ведь так?

— Можно сказать и так, — ответила Верин, — хотя я бы поспорила, потому что очищение само по себе похоже на камень, брошенный в пруд. Волнам нужно какое-то время, чтобы достичь его берегов.

— Камень? — переспросил Мэт. — Обычный камень?

— Ну, возможно, это больше похоже на валун.

— Треклятая гора, вот что я тебе скажу! — пробормотал Мэт. Он снова уселся на чудовищную скамью.

Верин тихо засмеялась. Проклятые Айз Седай. Разве им полагается быть такими? Видимо это какая-то другая клятва, которую они

приносят и никому о ней не говорят — все делать, напуская побольше таинственности. Он устоял на нее.

— Чему ты смеешься? — наконец спросил он.

— Так, ничему, — ответила она. — Просто подозреваю, что тебе скоро предстоит пережить нечто близкое к тому, что случилось со мной за последние пару дней.

— И что это?

— Что ж, — начала она, — полагаю, я начала рассказывать именно об этом как раз перед тем, как меня отвлекли несущественными вопросами.

— Ага, проклятым очищением

треклятого Истинного Источника, – проворчал Мэт. – Действительно, несущественно.

– Я столкнулась с весьма необычными событиями, – продолжила Верин, конечно, не обращая на Мэта никакого внимания. – Вероятней всего вы не знаете, но для того, чтобы воспользоваться Перемещением из какого-то места, нужно провести там некоторое время. Обычно достаточно провести в этом месте ночь. Так вот, после того, как покинула Дракона Возрожденного, я отправилась в ближайшую деревню и сняла комнату в местной гостинице. Я устроилась, изучила комнату и подготовилась

наутро открыть Врата.

— Однако посреди ночи появился хозяин гостиницы. Он с досадой сообщил, что мне необходимо перебраться в другую комнату. Оказалось, что в крыше над моей комнатой обнаружилась течь, и скоро вода начнет сочиться сквозь потолок. Я протестовала, но он был настойчив.

— И вот я очутилась в комнате напротив через холл и приступила уже к ее изучению. Когда я почти считала, что знаю ее достаточно хорошо, чтобы открыть Врата, меня снова прервали. На этот раз хозяин — еще более сконфуженный — принялся объяснять, что его жена потеряла

здесь кольцо во время утренней уборки. Женщина поднялась посреди ночи и была сильно расстроена. Хозяин, выглядевший сильно уставшим, рассыпаясь в извинениях, попросил меня вновь переехать.

— И? — спросил Мэт. — Совпадение, Верин.

Она выгнула бровь и улыбнулась, когда он заерзал на скамье. Чтоб всему сгореть, он не нервничает!

— Я отказалась, Мэтрим, — продолжила она. — И ответила, что он может искать сколько угодно после моего отъезда, и пообещала, что не стану брать никаких колец, если найду их. Затем я твердо захлопнула дверь перед его носом, —

она сделала глоток чая. — Спустя пару минут гостиница загорелась. Уголек из камина попал на пол, и закончилось все тем, что здание сгорело дотла. К счастью, все спаслись, но гостиница пропала. Уставшие, со слипающимися глазами, мы с Томасом были вынуждены ехать в соседнюю деревню и искать ночлега там.

— Ну и что? — сказал Мэт. — Все еще похоже на совпадение.

— Так продолжалось три дня, — ответила Верин. — Меня постоянно прерывали, даже когда я пыталась изучить местность вне зданий. Случайные прохожие просили приютить их у огня, дерево падало на

нашу стоянку, к нам забредала заблудившаяся отара овец, прямо над нашим лагерем возникал ураган. Много случайных событий, не дававших мне хорошенько узнать место.

Талманес тихо присвистнул. Верин кивнула.

– Каждый раз, когда я пыталась изучить местность, что-то шло не так. Мне настойчиво мешали по неизвестным мне причинам. Наконец, когда я решила, что не стану ничего делать, чтобы лучше узнать местность, и не стану открывать Врата, все прекратилось. Другой на моем месте бросил бы попытки Переместиться и

отправился бы дальше, но моя натура снова проявила себя, и я занялась изучением данного феномена. Он был весьма постоянен.

Проклятый пепел. Такие вещи проворачивал с людьми Ранд, а не Мэт.

– Судя по твоим словам, ты до сих пор должна была оставаться в Тире.

– Да, – ответила она. – Но скоро я почувствовала притяжение. Что-то влекло меня, тащило. Словно...

Мэт снова заерзал:

– Словно кто-то всадил в тебя треклятый рыболовный крючок? И тащит потихоньку, стоя в сторонке, но не отпускает, да?

— Да, — сказала Верин и улыбнулась. — Какое точное описание.

Мэт не ответил.

— Я приняла решение использовать более привычный способ путешествия. Возможно, решила я, моя неспособность Переместиться каким-то образом связана с близостью к ал'Тору или с постепенным распадом Узора из-за влияния Темного. Я договорилась с купцом, который отправлялся на север в Кайриэн, о месте для себя в его караване. У него имелся фургон, который он согласился сдать за приемлемую цену. Я едва не валилась с ног по причине недосыпа

из-за постоянных пожаров, плачущих детей и переездов из одного гостиничного номера в другой. Таким образом, боюсь, я проспала дольше, чем следовало бы. Томаса тоже сморило.

— Когда мы проснулись, мы с удивлением обнаружили, что наш караван свернул на северо-запад, вместо того, чтобы двигаться к Кайриэну. Я поговорила с караванщиком, и он объяснил, что в последнюю минуту получил совет — в Муранди их товар можно продать выгодней, чем в Кайриэне. Как он объяснил, он собирался рассказать мне об этом изменении, но это выскочило у него из головы.

Она сделала еще глоток чая:

— Вот тогда я уже не сомневалась, что меня куда-то направляют. Подозреваю, другой на моем месте этого бы не заметил, но я-то занималась исследованием природы та'верен. Караван недалеко продвинулся к Муранди — всего на день пути — но, связав его с притяжением, мне все стало ясно. Я поговорила с Томасом, и мы решили попытаться избежать места, в которое нас настойчиво тянуло. Скольжение не лучшая замена Перемещению, но для него не нужно так хорошо знать местность. Я открыла Врата, но когда мы закончили путешествие, мы

оказались не в Тар Валоне, а в небольшой деревушке в северной Муранди!

— Такое невозможно. Однако мы вспомнили, что в тот момент, когда я открывала Врата, Томас любовно рассказывал о чудесной охоте, на которой он когда-то побывал в окрестностях городка Трустейр. Должно быть, я случайно сосредоточилась не на том месте.

— И вот мы здесь, — заявил Томас, с недовольным видом стоявший за спиной Айз Седай, сложив руки на груди.

— Верно, — сказала Верин. — Забавно, не так ли, юный Мэтрим? Случайно я оказалась здесь, прямо у

тебя на пути, именно в тот момент, когда ты отчаянно нуждаешься в ком-то способном создать Переходные Врата для твоей армии.

— Это все равно может быть совпадением.

— А как же притяжение?

Он не нашелся, что ответить.

— Именно с помощью совпадений и работает та'верен, — пояснила Верин. — Ты можешь найти оброненный кем-то предмет, в котором остро нуждаешься, или встретить кого-то в самый нужный момент. Случайные события случайным образом срабатывают в твою пользу. Или ты раньше этого не замечал? — она улыбнулась. — Не

хочешь посоревноваться в игре в кости?

– Нет, – с неохотой ответил он.

– Однако меня беспокоит еще одна вещь, – продолжила Верин. – Неужели никто, кроме меня, не мог попасться тебе на пути? Ал'Тор заставил этих Ашаманов прочесывать все окрестности в поисках способных направлять мужчин, и подозреваю, глухие уголки вроде этого в верхних строчках их списков, поскольку в такой глухомани направляющему проще остаться незамеченным. Один из них мог бы попасться вам по пути и создать для вас Врата.

– И близко ничего треклятого не

было, — ответил Мэт, поежившись. — Я бы не доверил свой Отряд одному из этих.

— Даже ради того, чтобы попасть в Андор в мгновение ока? — удивилась Верин.

Мэт заколебался. Что ж, возможно.

— Должна быть причина, по которой я здесь оказалась, — задумчиво сказала Верин.

— И все же, я считаю, что все это надумано, — ответил он, снова поерзав на треклятой скамье.

— Возможно, а возможно нет. Сперва мы должны разобраться с ценой за то, что я доставлю вас в Андор. Полагаю, вы хотите попасть в

Кэймлин?

— С ценой? — уточнил Мэт. — Но ты же считаешь, что это Узор сам притащил тебя сюда! С какой стати ты спрашиваешь цену с меня?

— Потому, — ответила она, подняв палец, — что пока я ждала твоего появления — и если честно, то я не знала, тебя я увижу или Перрина — я поняла, что смогу предложить тебе нечто, чего не сможет никто другой.

Она полезла в карман платья и достала несколько листков бумаги. На одной был портрет Мэта.

— Ты так и не спросил, где я его достала.

— Ты — Айз Седай, — ответил Мэт, пожав плечами. — Полагаю,

ты... ну, знаешь, его «насаидарила».

— Насаидарила? — невозмутимо переспросила она.

Он пожал плечами.

— Я получила эту бумагу, Мэтрим...

— Зови меня Мэт, — сказал он.

— Я получила эту бумагу, Мэтрим, от Приспешника Темного, — продолжила она, — который, приняв меня за прислужницу Тени, рассказал, что один из Отрекшихся приказал убить людей, изображенных на этих портретах. Вы с Перрином в смертельной опасности.

— Я не удивлен, — ответил он, скрыв холодок, пронзивший его при

этом известии. — Верин, Приспешники Темного пытаются убить меня с момента моего отбытия из Двуречья, — он помолчал, — Чтоб мне сгореть. Даже за день до того, как я покинул Двуречье. И что это меняет?

— Это совсем другое, — более строго ответила Верин. — Степень опасности, в которой вы оказались... Я... Что ж, давай просто согласимся, что ты в очень и очень серьезной опасности. Советую тебе быть очень осторожным в следующие несколько недель.

— Я всегда осторожен, — сообщил Мэт.

— Значит, будь еще осторожнее, —

сказала она. – Спрячься. Не давай им шанса. Ты скоро очень понадобишься.

Он пожал плечами. Спрятаться? Это он мог бы. С помощью Тома он мог бы так изменить свою внешность, что его не опознали бы даже родные сестры.

– Это я могу, – сказал он. – Это совсем низкая цена. И как скоро ты сможешь доставить нас в Кэймлин?

– Это была не цена, Мэтрим, – улыбнувшись, сказала она. – Это было предложение. К которому, думаю, ты должен внимательно прислушаться.

Она вытащила из-под портрета небольшой конверт. Он был запечатан каплей кроваво-красного

воска.

Мэт неохотно взял его в руки:

– Что это?

– Инструкции, – ответила

Верин. – Которые ты выполнишь на десятый день после того, как я оставлю вас в Кэймлине.

Нахмурившись, он почесал шею, затем собрался сломать печать.

– Тебе не следует открывать его до нужного дня, – остановила его Верин.

– Что? – возмутился Мэт. – Но...

– Такова моя цена, – просто ответила Верин.

– Проклятая женщина, – сказал он, разглядывая конверт. – Я не собираюсь ни в чем клясться, пока не

узнаю, в чем дело.

— Не думаю, что ты сочтешь мои инструкции чрезмерными, Мэтрим, — заметила она.

Мэт секунду хмуро смотрел на печать, затем встал.

— Я проживу без этого.

Она надула губы:

— Мэтрим, ты...

— Зови меня Мэт, — повторил он, забирая шляпу с подушки. — И я говорю: сделки не будет. Я так и так окажусь в Кэймлине через двадцать дней своими ногами, — он откинул полог шатра. — Я не собираюсь позволять тебе прицепить ко мне свой поводок, женщина.

Она не сдвинулась с места, но

нахмурилась.

— Я и позабыла, как с тобой тяжело.

— И тем горжусь, — ответил Мэт.

— А не можем ли мы достичь компромисса? — спросила Верин.

— Расскажешь, что в этой проклятой бумаге?

— Нет, — ответила она. — Потому что, возможно, мне не понадобится, чтобы ты смотрел, что в ней. Я надеюсь вернуться и забрать письмо, чтобы ты мог идти своим путем. Но в противном случае...

— И в чем же компромисс? — спросил Мэт.

— Ты можешь не открывать письмо, — заявила Верин. — Просто

сожги его. Но в этом случае ты должен остаться и ждать в Кэймлине пятьдесят дней, на тот случай, если мое возвращение займет больше времени, чем я рассчитывала.

Это предложение вызвало у него замешательство. Пятьдесят дней — долгий срок. Но, с другой стороны, оставаясь в Кэймлине, а не путешествуя сам по себе...

В городе ли Илэйн? Он беспокоился за нее после ее бегства из Эбу Дар. Если она там, он, по крайней мере, сможет быстро наладить производство драконов Алудры.

Но пятьдесят дней? Ждать? Или так, или он откроет треклятое

письмо и исполнит то, что в нем сказано? Ни один из вариантов не был ему по душе:

— Двадцать дней, — сказал он наконец.

— Тридцать, — парировала она, вставая, затем подняла палец, прерывая его протест. — Компромисс, Мэт. Думаю, среди Айз Седай, я самая сговорчивая из всех, — она протянула руку.

Тридцать дней. Он может прождать тридцать дней. Он взглянул на письмо в руках. Он может сдержаться и не открывать его, и тридцать дней ожидания на самом деле небольшая потеря. Это всего на несколько дней больше, чем

добираться до Кэймлина своим ходом. Но на самом деле это была треклятая выгодная сделка! Ему нужно время, чтобы наладить изготовление драконов, и еще немного, чтобы побольше разузнать про Башню Генджей, змей и лисиц. Том не станет жаловаться, раз путь до Кэймлина так и так занял бы две недели.

Верин с едва заметным волнением следила за ним. Он не станет показывать ей, как он рад. Дай женщине понять это, и она отыщет способ заставить тебя заплатить.

— Тридцать дней, — неохотно согласился Мэт, пожимая ей руку, —

но когда они истекут, я могу уйти.

— Или ты можешь открыть письмо через десять дней, — сказала Верин. — И сделать то, что в нем сказано. Одно из двух, Мэтрим. Даешь слово?

— Даю, — ответил он. — Но я вовсе не собираюсь открывать треклятое письмо. Я собираюсь подождать тридцать дней и отправиться по своим делам.

— Увидим, — сказала она, улыбнувшись своим мыслям и отпуская его руку. Она сложила его портрет, затем достала из кармана небольшой плетеный кожаный кошель. Она открыла его и вложила сложенный рисунок внутрь, в это

мгновение он заметил, что в нем лежит еще несколько таких же крохотных, запечатанных воском конвертов, как тот, что получил он. А каково предназначение остальных?

Когда письма были надежно спрятаны в ее карман, она вынула резную фигурку из полупрозрачного камня — это была брошь в виде лилии.

— Сворачивайте лагерь, Мэтрим. Я должна открыть Врата как можно скорее. Мне самой вскоре понадобится Переместиться.

— Отлично, — Мэт опустил взгляд на запечатанный конверт в руках. Зачем Верин вся эта таинственность? «Чтоб все сгорело! — подумал он.

– Я не собираюсь его открывать! Не собираюсь!»

– Мандеввин! – сказал он. – Предоставь Верин Седай палатку, чтобы она могла подождать, пока мы снимем лагерь, и назначь пару бойцов выполнять все ее запросы. И еще, предупреди остальных Айз Седай, что она здесь. Возможно, им будет интересно узнать новость о ее появлении. Айз Седай всегда Айз Седай.

Мэт записнул конверт за пояс и направился к выходу:

– И сожгите, наконец, эту проклятую скамью! Поверить не могу, что мы тащили ее с собой так далеко.

Туон умерла. Ушла, отброшена, забыта. Туон была Дочерью Девяти Лун – теперь она не более, чем строчка в хронике.

Императрицей стала Фортуона.

Фортуона Атаэм Дэви Пейндраг легонько поцеловала в лоб склонившегося перед ней солдата, стоящего на коленях в редкой траве. Из-за влажной алтарской жары казалось, что лето уже настало, но трава, которая еще неделю назад

казалась свежей и полной жизненных соков, стала чахнуть и желтеть. Где сорняки и всякий чертополох? Посеянные семена не давали всходов. Как и зерно, семена портились и умирали, не успевая по-настоящему прорасти.

Коленопреклоненный солдат, находившийся перед Фортуюной, был первым в шеренге из пяти человек. За спиной у этой пятерки построились две сотни Небесных Кулаков – элита ее ударной армии. На них были темные кожаные доспехи и облегченные похожие на головы насекомых шлемы из кожи и древесины. На доспехах и шлемах была нанесена одинаковая эмблема –

сжатый кулак. Пять десятков пар сул'дам с дамани, включая Дали и ее сул'дам Малагавану, которых Фортуона выделила для этого дела. Она чувствовала, что ради этой важнейшей операции ей нужно пожертвовать чем-то личным.

Неподалеку в загонах ждали сотни то'ракенов, сопровождаемые дрессировщиками, готовившими животных к грядущему полету. Небольшая группа ракенов уже грациозно кружила в воздухе.

Фортуона посмотрела на солдата у ног и возложила свои пальцы на его лоб там, куда только что его поцеловала.

— Пусть твоя смерть принесет

победу, — тихо произнесла она ритуальную фразу. — Пусть твой нож напьется крови. Пусть твои дети славят тебя вплоть до последнего рассвета.

Он еще ниже склонил голову. Как и на остальных четырех солдатах в ряду, на нем были доспехи из черной кожи. С его пояса свисали три ножа, и у него не было ни плаща, ни шлема. Как и все Небесные Кулаки, он был невысок и легок. Большую часть бойцов в этих войсках составляли женщины. В любых действиях, где подразумевалось участие то'ракенов, основной проблемой был вес. В быстром налете лучше иметь двух

отлично тренированных, но легких бойцов, чем одного здоровяка в тяжелом доспехе.

Вечер едва начался, солнце только собиралось заходить. Лейтенант-Генерал Юлан, собиравшийся лично возглавить атаку, считал, что лучше вылететь как можно позже. Рейд начнется в темноте, скрытно от возможных наблюдателей в Эбу Дар. Когда-нибудь такие предосторожности будут излишни. Что с того, что жители Эбу Дар увидят взлет сотен то'ракенов? Слухи не имеют крыльев и не могут лететь быстрее ракена.

Однако их враги умели передвигаться намного быстрее, чем

им следовало. Что бы это ни было — тер'ангриал, плетение или нечто иное, что давало это преимущество — оно было весьма опасно. Лучше действовать скрытно. Перелет до Тар Валона займет несколько дней.

Фортуона подошла к следующему бойцу в шеренге. Темные волосы женщины были заплетены в косу. Фортуона поцеловала ее в лоб и произнесла те же ритуальные фразы. Эти пятеро были Кровавыми Ножам. Простое черное каменное кольцо, которое носил каждый из них, было особым тер'ангриалом, который давал им силу и скорость, а так же прятал их в темноте, позволяя буквально

растворяться в тенях.

Но такие невероятные способности имели высокую цену — кольца высасывали жизнь из своих обладателей, убивая их за считанные дни. Сняв кольцо, можно было приостановить процесс, но, однажды запущенный каплей крови носителя кольца, он был необратим.

Эти пятеро не вернутся. Они останутся, вне зависимости от исхода операции, чтобы убить как можно больше марат'дамани. Это было ужасной расточительностью — тех дамани следовало бы обуздать — но лучше их убить, чем оставлять в руках Возрожденного Дракона.

Фортуона перешла к

следующему в коротком строю, целуя и благословляя его.

Многое изменилось со дня ее встречи с Возрожденным Драконом. Ее новое имя было только частью провозглашения ее императрицей. Теперь даже Верховные Высокородные простирались перед ней ниц. Ее со'джин, включая Селусию, сбрили остатки волос со своих голов. Начиная с этого времени, они будут сбривать волосы с правой стороны и заплетать в косу с левой, как только они отрастут. Сейчас они закрывали левую сторону головы накидками.

В поведении простолюдинов стало больше гордости и

уверенности. У них снова появилась императрица. Несмотря на царивший в мире хаос, хотя бы одно это вернулось в рамки порядка.

Фортуона поцеловала последнего в пятерке Кровавых Ножей, приговорив его к смерти, и, одновременно, к подвигу. Она отступила назад, Селусия встала рядом. Генерал Юлан шагнул вперед и низко склонился.

– Пусть Императрица, да живет она вечно, знает, что мы ее не подведем.

– Она знает, – ответила Селусия. – Свет вам в помощь. Знайте же, что Ее Величество, да живет она вечно, сегодня в саду видела весеннюю розу,

обронившую три лепестка. Нам
явлено знамение вашей победы.
Исполните его, генерал, и ваша
награда будет достойной.

Юлан встал и отдал честь,
приложив кулак к груди, звякнув
железом. Он направил первыми к
загонам то'ракенов пятерых
Кровавых Ножей, за ними остальных
солдат. Спустя мгновение первая
тварь уже разбегалась по длинному
лугу, размеченному вешками и
флажками, и затем взмыла в воздух.
Следом последовали остальные
твари — целая армия, больше, чем
Фортуона видела разом в небе за
целую жизнь. Едва угас последний
дневной свет, все они направились на

север.

Ракенов с то'ракенами обычно не использовали таким образом. Как правило, рейды выполнялись путем высадки солдат на площадке подскока, где то'ракены оставались ждать возвращения бойцов из боя. Но этот рейд был жизненно важным. План Юлана подразумевал дерзкую по замыслу атаку. То'ракены, несущие сул'дам и дамани на спинах, должны были атаковать с воздуха. Это может послужить началом новой смелой тактики. Или приведет к провалу.

— Мы все изменили, — тихо произнесла Фортуона. — Генерал Галган был неправ. Это не ухудшит

позиции Возрожденного Дракона на переговорах. Это обратит его против нас.

— А разве до того он нам не противостоял? — спросила Селусия.

— Нет, — ответила Фортуона. — Это мы противостояли ему.

— Разве есть разница?

— Да, — ответила Фортуона, провожая едва видимые в небе полчища то'ракенов взглядом. — Есть. И боюсь, скоро мы узнаем, насколько она велика.

Глава 37. Сила Света

Мин тихо сидела, наблюдая за тем, как одевается Ранд. Его движения были напряженными и осторожными, как шаги канатоходца по веревке, натянутой высоко над ареной. Он расправил левую манжету на своей хрустящей белой рубашке неспешными, обдуманными движениями пальцев. Правая

манжета уже была в порядке – за этим проследили его слуги.

За окном сгущались сумерки. Стемнело еще не полностью, однако ставни уже закрыли на ночь. Взяв черную с золотом куртку, Ранд всунул руку в один рукав, потом вторую в другой. Затем начал застегивать одну за другой пуговицы. С этим у него затруднений не было, ему все лучше удавалось управляться одной рукой. Так, пуговица за пуговицей, первая, вторая, третья, четвертая...

Мин хотелось завывать.

– Хочешь об этом поговорить? – спросила она.

Ранд даже не отвернулся от

зеркала.

– О чем?

– О Шончан.

– С ними мира не будет, – сказал он, поправляя воротник куртки. – У меня ничего не вышло.

Его голос звучал безжизненно и как-то напряженно.

– Неудивительно, что ты расстроен, Ранд.

– Расстраиваться бесполезно, – ответил он. – И злиться бесполезно. Ни одна из эмоций не изменит случившегося и того, что у меня больше нет времени, чтобы тратить его впустую на Шончан. Без стабильности в Арад Домане мы рискуем быть атакованными с тыла,

когда отправимся на Последнюю Битву. Это не воображаемый риск, это то, что обязательно случится.

Воздух над Рандом замерцал, и появился образ горы. Образы вокруг Ранда были настолько нормальным явлением, что Мин обыкновенно заставляла себя не обращать на них внимания, если только это не было чем-то новым — хотя бывали дни, когда она часами пыталась упорядочить их и понять. Это видение было новым и привлекло ее внимание. Высокая гора, расколотая с одной стороны давним страшным взрывом, с зияющим неровным провалом, идущим вдоль склона. Гора Дракона? Она была скрыта

мрачными тенями, словно тучи высоко над ней закрывали ее от света. Это было странно – всякий раз, когда она видела гору, та была выше облаков.

Гора Дракона в тени. В будущем это может оказаться важным для Ранда. А что это за тонкий лучик света, льющийся с небес на вершину горы?

Образ пропал. Хотя Мин знала, что означают некоторые из них, этот поставил ее в тупик. Она вздохнула, откинувшись на спинку кресла с красными подушками. Пол был усеян её книгами; она посвящала все больше и больше времени своим изысканиям, отчасти из-за того, что

чувствовала, как это необходимо Ранду, отчасти – потому что не знала, чем еще заняться. Ей нравилось думать, что она может сама о себе позаботиться. И она начала было воображать себя последней защитой Ранда.

И вдруг обнаружила, насколько полезна была в качестве «линии обороны» на самом деле. От нее было не больше толку, чем от ребенка! На самом деле она была помехой, инструментом, использованным Семираг против Ранда. Она возмущалась, когда Ранд предлагал ей уехать, и задала ему взбучку за одну только мысль об этом. Отослать ее! Чтобы уберечь?

Какая глупость! Она сама может о себе позаботиться.

Так она думала когда-то. Теперь Мин поняла, что он был прав.

От этой мысли становилось дурно. Вот она и занималась изысканиями, стараясь не путаться под ногами. В тот день он изменился, словно что-то светлое погасло у него внутри. Светильник потух, масло кончилось, осталась только оболочка. Теперь он смотрел на нее по-другому. Видел ли он одну лишь обузу, когда смотрел на нее такими глазами?

Она вздрогнула, пытаясь выкинуть эту мысль из головы.

Ранд надел сапоги, затем

застегнул пряжки.

Он встал, потянувшись к мечу, прислоненному к сундуку с одеждой. Черные ножны с покрытым лаком изображением красно-золотого дракона сверкали в лучах света. Какое необыкновенное оружие нашли ученые под затопленной статуей. Чувствовалось, что меч старинный. Взял ли его сегодня Ранд как некий символ? Может быть, как знак того, что он отправляется на битву?

— Ты идешь за ней, так ведь? — Мин обнаружила, что спрашивает. — За Грендаль?

— Я должен решать те задачи, которые могу решить, — ответил

Ранд, вынимая древний меч из ножен и проверяя лезвие. На нем не было клейма цапли, но превосходный стальной клинок блеснул в свете ламп, сделав видимыми волнистые линии слоев прокованного металла. Он утверждал, что меч выковали с помощью Силы. Казалось, он не рассказывает все, что о нем знает.

Глядя на нее, Ранд вложил меч в черные ножны.

— Делай, что можешь, и не беспокойся о том, чего сделать не в силах. Так когда-то сказал мне Тэм. Арад Доману придется справляться с Шончан своими силами. Единственное, что я могу сделать для его населения — убрать с их земли

одну из Отрекшихся.

— Она может поджидать тебя, Ранд, — сказала Мин. — Тебе не приходило в голову, что мальчик, которого нашла Найнив, — приманка? Приманка, позволившая себя обнаружить только для того, чтобы заманить тебя в западню?

Он помедлил, затем покачал головой.

— Он был искренен, Мин. Могидин могла бы придумать такую уловку, но не Грендаль. Она слишком беспокоится, как бы ее не выследили. Мы должны действовать быстро, пока до нее не дошел слух, что она в опасности. Я должен напасть сейчас.

Мин встала.

— Ты что, тоже идешь? — удивленно спросил Ранд.

Она покраснела. «А если дела с Грендаль обернутся так же плохо, как с Семираг? Что, если меня опять используют против него?»

— Да, — ответила она, больше для того чтобы доказать себе, что не намерена отступать. — Конечно, иду. Не думай, что сможешь оставить меня здесь!

— И не мечтаю, — безразлично отозвался он. — Идем.

А она думала, что придется спорить.

Из тумбочки возле кровати он извлек статуэтку мужчины,

держашего над собой шар. Он повертел тер'ангриал в руке, изучая, затем, будто сомневаясь, посмотрел на Мин. Она промолчала.

Он сунул статуэтку в большой карман куртки и вышел из комнаты. Древний меч, выкованный с помощью Силы, висел у него на поясе.

Мин поспешила за Рандом. Он взглянул на пару Дев, охранявших дверь.

— Я иду на битву, — произнес он. — Возьмите с собой не больше двадцати бойцов.

Девы быстро обменялись знаками на языке жестов, затем одна из них вприпрыжку побежала вперед,

а другая двинулась вслед за Рандом, твердо шагавшим по коридору. Мин с колотящимся сердцем торопливо шагала рядом с ним, ее сапожки стучали по деревянным половицам. Он и раньше так же стремительно бросался в бой с Отрекшимися, но обычно намного дольше планировал атаку. Прежде чем уничтожить Саммаэля в Иллиане, он лавировал вокруг него несколько месяцев. На решение, что делать с Грендаль, ему понадобилось меньше одного дня!

Мин проверила свои ножи, убеждаясь, что они надежно закреплены в рукавах, но это была всего лишь действующая на нервы привычка. Ранд дошел до конца

коридора, затем начал спускаться по ступеням; его шаги были быстрыми, но размеренными, лицо все так же невозмутимо. Сейчас он был подобен грозе, сконцентрированной и заключенной в оболочку, каким-то образом сдерживаемой и направленной к конкретной цели. Как же ей хотелось, чтобы он взорвался и, как обычно, выпустил пар! Тогда он доводил ее до белого каления, но никогда не пугал как сейчас — этим ледяным взглядом, в котором она не могла прочесть ничего, кроме скрытой угрозы. После случая с Семираг, он постоянно твердил о выполнении любой ценой «всего, что необходимо», и она знала,

что он должен быть в ярости из-за неудачи в переговорах с Шончан. На какие действия может толкнуть его эта смесь горечи поражения и решимости?

У подножия широкой лестницы Ранд заговорил со слугой.

– Найди Найнив Седай и лорда Рамшалана. Приведи их ко мне в гостиную.

Лорда Рамшалана? Напыщенного болвана из бывшего окружения Леди Чадмар?

– Ранд, – тихо спросила Мин, спустившись следом, – что ты задумал?

Он ничего не ответил, прошагал через лестничную площадку из

белого мрамора и вошел в гостиную, которая была декорирована в темно-красных тонах, контрастировавших со светлым полом. Он не стал садиться, а остался стоять, заложив руки за спину, изучая карту Арад Домана, которую приказал разместить на стене. Ветхая карта заняла место прекрасной картины и казалась чем-то чужеродным.

На юго-востоке, на кромке маленького озера черными чернилами была нанесена пометка. Ранд поставил ее на следующее утро после смерти Кербя. Она отмечала Курган Нэтрина.

— Когда-то это был форт, — отрешенно сказал Ранд.

– Город, в котором спряталась Грендаль? – спросила Мин, подходя и встав рядом.

Он отрицательно покачал головой.

– Это не город. Я посылал разведчиков. Это просто одинокий замок, возведенный в давние времена, чтобы следить за Горами Тумана и охранять перевалы от нападений со стороны Манетерен. Его не использовали со времен Троллоковых Войн; едва ли стоило беспокоиться о нападении двуреченцев – тех, кто даже не помнит слова Манетерен.

Мин кивнула:

– Тем не менее, теперь Арад

Доман и вправду завоеван пастухом из Двуречья.

Когда-то это заставило бы его улыбнуться. Она постоянно забывала, что больше он не улыбается.

— Несколько веков назад, — сказал Ранд, прищулив в раздумье глаза, — король Арад Домана отвоевал Курган Нэтрина и вернул его во владения Короны. Незадолго до этого его занимала незнатная дворянская семья с Мыса Томан, которая пыталась основать свое собственное королевство. На Равнине Алмот временами случается подобное. Доманийскому королю приглянулось это место, и он

использовал его вместо дворца.

Он проводил там очень много времени – так много, что несколько его конкурентов обрели слишком большую власть в Бандар Эбане. Король пал, но его преемники тоже пользовались замком, и он стал любимым убежищем Короны, если королю было необходимо отдохнуть. В течение последних ста лет, или около того, эта традиция постепенно забывалась, пока, наконец, примерно пятьдесят лет назад замок не был пожалован дальнему родственнику короля. С того времени поместьем пользуется его семья. Большинство доманийцев о Кургане Нэтрина практически забыли.

– Кроме Алсалама? – спросила Мин.

Ранд покачал головой:

– Нет. Сомневаюсь, что он вообще знал об этом. Я услышал эту историю от королевского архивариуса, вынужденного потратить много часов на выяснение имени семьи, владеющей замком. Много месяцев с ними не было никакой связи, хотя обычно кто-то из них появлялся в городах по своим делам. Несколько окрестных фермеров утверждают, что во дворце, кажется, поселился кто-то другой, хотя никто не знает, куда подевался прежний хозяин. И они, казалось, удивились тому, что никогда не

задумывались, как это необычно.

Он пристально посмотрел на Мин.

– Именно такое место выбрала бы Грендаль для своего логова. Это настоящее сокровище: всеми забытый древний замок, символ красоты, королевской власти и могущества. Он расположен достаточно близко к Бандар Эбану, чтобы вмешиваться в управление Арад Доманом, но достаточно далеко, чтобы оставаться уединенным и хорошо защищенным местом. Я сделал ошибку – предположил, что она выберет красивое поместье с садами и парками. Я должен был понять, что

она коллекционирует не столько прекрасное, сколько престижное. Изумительный королевский замок подходит ей ничуть не меньше изысканного поместья. И уж тем более теперь, когда он скорее стал дворцом, чем крепостью.

Звуки шагов на лестничной площадке позади Мин привлекли ее внимание, и, несколько секунд спустя, слуга возвестил о приходе Найнив и Рамшалана, напыщенного пижона с острой бородкой и тонкими усиками. На кончике бородки у него сегодня были крошечные колокольчики, а на щеке красовалась черная бархатная мушка тоже в виде колокольчика. На нем

был свободный зелено-голубой шелковый костюм с удлиненными рукавами, под ним виднелась рубашка с кружевными оборками. Мин веяния моды не волновали, но мужчина выглядел просто смешно. Как взъерошенный павлин.

— Милорд звал меня? — спросил Рамшалан, экстравагантно кланяясь Ранду.

Ранд даже не отвернулся от карты.

— У меня есть задачка для тебя, Рамшалан, — ответил он. — Я хочу знать твое мнение.

— Пожалуйста, продолжайте, милорд!

— Тогда скажи: как мне

перехитрить врага, который заведомо умнее меня?

– Милорд, – Рамшалан отвесил еще один поклон, словно опасаясь, что первого поклона Ранд не заметил.

– Вы, несомненно, пытаетесь меня разыграть! На свете нет никого мудрее вас.

– Хотелось бы, чтобы это было правдой, – тихо произнес Ранд. – Я сталкивался с самыми коварными из когда-либо живших людей. Но мой нынешний враг понимает, как мыслят другие настолько хорошо, что я и не надеюсь когда-нибудь с ней сравняться. И как же мне победить ее? Едва почуяв угрозу с моей

стороны, она исчезнет, спрячется в одно из дюжины подготовленных загодя убежищ. Она не будет сражаться в открытую. И даже если я разрушу ее замок внезапной атакой, есть риск, что ей удастся улизнуть, а я никогда не узнаю, покончил ли с ней.

— Действительно — задача, милорд, — произнес Рамшалан. Выглядел он сконфуженным.

Ранд кивнул, словно сам себе.

— Я должен заглянуть в ее глаза, в ее душу и знать, что это именно ей я смотрю в лицо, а не какой-то там приманке. Мне необходимо сделать это так, чтобы она не пустилась в бега, испугавшись. Как? Как мне

убить врага хитрее меня, врага, которого невозможно заставить врасплох, врага, который, к тому же, не желает сражаться лицом к лицу?

Рамшалан выглядел ошеломленным подобным вопросом.

— Я... Милорд, если ваш враг настолько умен, тогда, возможно, наилучший вариант — попросить помощи у кого-то еще умнее?

Ранд повернулся к нему.

— Превосходный совет, Рамшалан. Возможно, я уже сделал именно это.

Мужчина раздулся от гордости. «Он решил, что Ранд вызвал его именно с этой целью», — догадалась Мин. Ей пришлось отвернуться и

прикрыть рукой улыбку.

— Если бы у тебя был такой враг, Рамшалан, что бы сделал ты? — настаивал Ранд. — Я сгораю от нетерпения. Отвечай.

— Я бы заключил с ним союз, милорд, — тут же выпалил Рамшалан. — Любого настолько могущественного человека лучше сделать своим другом, чем врагом.

«Идиот, — подумала Мин. — Если твой враг настолько хитер и жесток, конец союзу будет один: удар ножом тебе в спину».

— Еще один превосходный совет, — тихо ответил Ранд. — Но меня больше интересует твое первое высказывание. Ты сказал, что мне

нужны союзники умнее меня, и это — правда. Значит, твой час настал.

— Милорд? — переспросил Рамшалан.

— Ты будешь моим посланником, — пояснил Ранд, махнув рукой. В дальнем конце комнаты неожиданно рассекла воздух щель переходных врат, разрезав при этом красивый ковер на полу. — По всей стране прячется слишком много родовитых доманийцев. Я хочу сделать их своими союзниками, но розыск каждого персонально — это наипустейшая трата моего времени. К счастью, есть ты, чтобы действовать от моего имени.

Кажется, Рамшалана

взволновали открывающиеся перспективы. Через ворота Мин видела тянущиеся к небу сосны, а воздух на той стороне был холодным и бодрящим. Мин повернулась и взглянула на Найнив — вновь облаченную в голубое и белое. Айз Седай с задумчивым видом следила за разговором, и выражение ее лица было отражением собственных эмоций Мин. Что за игру затеял Ранд?

— За этими воротами, — продолжал Ранд, — ты обнаружишь склон, ведущий к древнему дворцу, принадлежащему неродовитому семейству доманийских торговцев. Это первое из тех мест, куда я тебя

отправляю. Иди и от моего имени отыщи тех, кто правит этим замком. Выясни, не желают ли они присоединиться ко мне, и вообще — знают ли обо мне. Предложи им награду за союз, а поскольку ты доказал свое здравомыслие, то я разрешаю тебе самому определять сроки и условия. Я не собираюсь лично заниматься подобного рода переговорами.

— Да, милорд! — воскликнул мужчина, еще больше раздуваясь от гордости — между тем, его взгляд в сторону врат был обеспокоено-подозрительным, как и у большинства людей в отношении всего, что касалось Единой Силы,

тем более, если ее использовал мужчина. Этот человек перевернется на другую сторону при первой же возможности, как тогда, когда леди Чадмар утратила свое могущество. О чем думает Ранд, посылая этого хлыща на встречу с Грендаль?

– Ступай, – сказал Ранд.

Рамшалан непроизвольно сделал пару шагов в сторону врат.

– Ээ... милорд Дракон, может быть, мне взять с собой что-то вроде эскорта?

– Не стоит пугать или беспокоить людей, – возразил Ранд, не отворачиваясь от карты. Из переходных врат всё так же дул холодный ветер. – Иди и возвращайся

быстрее, Рамшалан. Я оставлю ворота открытыми до тех пор, пока ты не вернешься. Мое терпение не безгранично, и для этой миссии я могу выбрать кого-нибудь другого.

— Я... — казалось, мужчина оценивал возможные последствия. — Конечно, Лорд Дракон.

Он глубоко вздохнул и прошел через портал, шагая брезгливо, словно домашняя кошка, рискнувшая выбраться погулять и угодившая в лужу. Мин почувствовала, что испытывает жалость к этому человеку.

Когда Рамшалан вошел в лес, под его ногами затрещала опавшая хвоя. В деревьях шумел легкий

ветерок. Было странно слышать этот звук, находясь в уюте большого особняка. Ранд, все так же уставившись в карту, держал ворота открытыми.

— Ну, хорошо, Ранд, — требовательно сказала Найнив несколько минут спустя, скрестив руки на груди. — Что за игру ты затеял?

— А как бы против нее действовала ты, Найнив? — ответил вопросом Ранд. — Ее не удастся вовлечь в схватку, как Равина или Саммаэля. Заманить ее в ловушку тоже не удастся. Грендаль понимает людей лучше, чем кто бы то ни было. Быть может она и извращена, но

коварна, и недооценивать ее не следует. Тоос Марджин, как мне помнится, допустил такую ошибку, и тебе известна его участь.

Мин нахмурилась.

— Кто? — переспросила она, глядя на Найнив. Айз Седай пожала плечами.

Ранд взглянул на них.

— Я полагаю, в истории он известен как Тоос Сломленный.

Мин опять покачала головой. Найнив присоединилась к ней. Ни та, ни другая не были знатоками истории, это правда, но Ранд говорил так, словно они должны были знать это имя. Лицо Ранда застыло, и, отворачиваясь от них, он залился

едва заметным румянцем смущения.

— Вопрос остается, — сказал он тихим, но напряженным голосом. — Как ты будешь сражаться с ней, Найнив?

— Я не собираюсь играть в твои игры, Ранд ал'Тор, — гневно ответила та. — Ты, очевидно, уже решил, что собираешься делать. Меня-то зачем спрашивать?

— Потому что меня должно пугать то, что я собираюсь сделать, — ответил он. — Но не пугает.

Мин пробрал озноб. Ранд кивнул Девам, стоявшим в дверях. Легко двигаясь, они пересекли комнату, прыгнули во ворота и рассредоточились по сосновому бору,

моментально пропав из виду. Двадцать Дев одновременно производили меньше шума, чем один Рамшалан.

Мин ждала. Далекое солнце по другую сторону врат почти скрылось из виду, освещая последними вечерними лучами затененный лесной настил. Через несколько мгновений показалась седая Сулин и кивнула Ранду. Все чисто.

— Идем, — сказал Ранд и шагнул к вратам. Мин последовала за ним, однако Найнив, сорвавшись с места, ее опередила.

Они ступили на ковер из бурых сосновых иголок, ставший грязным за время долгого сна под уже

исчезнувшими зимними снегами. Ветви постукивали друг о друга под дуновениями легкого ветра, а горный воздух был холоднее, чем можно было судить по ветерку. Мин подумала о плаще, но возвращаться было некогда. Ранд широко шагал напрямик через лес, Найнив торопливо шла следом, что-то тихо ему говоря.

Ничего полезного от Ранда Найнив не узнает, тем более, когда он в подобном настроении. Им придется только увидеть то, что обнаружил Ранд. Мин заметила в лесу кого-то из Айил — мелькнувший силуэт — и это когда они не слишком заботились о скрытности. Они замечательно

приспособились к жизни в мокрых землях. Как могли люди, выросшие в Пустыне, на уровне инстинктов знать, как следует скрываться в лесу?

Впереди деревья расступались. Мин поспешила присоединиться к Ранду с Найнив, остановившимся на вершине пологого склона гребня. Отсюда, сверху, был виден лес, простиравшийся дальше вниз подобно морю зеленого и коричневого. Бор заканчивался на берегах маленького горного озера, расположившегося в треугольной низине.

На самой вершине холма, высоко над водой располагалось впечатляющее белокаменное

сооружение. Высокое и прямоугольное, оно было составлено из нескольких башен, расположенных ярусами одна над другой так, что каждая новая была чуть тоньше предшествующей. Это придавало замку изысканный вид — вид крепости, но крепости роскошной.

— Он прекрасен, — сказала она, затаив дыхание.

— Его построили в другое время, — сказал Ранд. — В то время люди еще считали, что величественность строения придает ему силу.

Расстояние до дворца было не настолько велико, чтобы Мин не могла различить фигурки мужчин,

ходивших в карауле на зубчатых стенах, алебарды на их плечах, нагрудники кирас, отражавшие свет заходящего солнца. В ворота въезжала припозднившаяся группа охотников с привязанной к вьючной лошади превосходной оленьей тушей; неподалеку несколько рабочих рубили поваленное дерево, вероятно, на дрова. Две служанки в белом несли вверх от озера корзины на коромыслах, в окнах по всей длине замка мелькали огни. Это было живое и процветающее поместье, и не раскинувшееся по территории, а заключенное в одном огромном здании.

— Как думаешь, Рамшалан нашел

дорогу? – спросила Найнив, скрестив на груди руки и явно стараясь скрыть потрясение.

– Даже такой дурень, как он, не сможет не заметить этого, – ответил Ранд, прищурив глаза. Он так и носил статуэтку в кармане. Мин захотелось, чтобы он оставил ее там, за воротами. Она чувствовала неловкость, видя, как он прикасается к ней. Ласкает ее.

– Значит, ты отправил Рамшалана на смерть, – подытожила Найнив. – Чего ты этим добьешься?

– Она его не убьет, – сказал Ранд.

– Как ты можешь быть так уверен в этом?

– Это не в ее стиле, – ответил Ранд. – Особенно, если она может использовать его против меня.

– Ты же не думаешь, что она поверит в то, что ты наплел ему, – сказала Мин. – О том, что он послан проверить преданность доманийских лордов?

Ранд медленно покачал головой.

– Нет. Я надеюсь, что она поверит хоть чему-то из этой небылицы, но не жду этого. Ты же помнишь, что я говорил о ней, Мин: она гораздо коварнее меня. И, боюсь, она знает меня гораздо лучше, чем я ее. Она подчинит Рамшалана и вытянет из него весь наш разговор. А потом придумает, как использовать

мои слова против меня.

— И как? — поинтересовалась Мин.

— Не знаю. А хотел бы. Она придумает что-нибудь заумное, затем наложит на Рамшалану едва различимое Принуждение, чтобы я не смог его заметить. У меня будет выбор: держать Рамшалану поблизости и следить за его действиями или отослать прочь. Конечно же, она обдумает и этот вариант, и все, что бы я ни сделал, подтолкнет к исполнению другие ее планы.

— Ты говоришь так, словно не можешь победить, — возразила Найнив, нахмурившись. Казалось,

она совсем не замечала холода, как, в сущности, и Ранд. Чем бы ни был этот фокус с нечувствительностью к холоду и жаре, Мин он никогда не удавался. Они уверяли ее, что никакого отношения к Силе он не имеет, но если так, то почему он удавался только Ранду и Айз Седай? Кстати, айильцев холод тоже не беспокоил, ну да они не в счет. Их, кажется, никогда не волновало то, что заботит обычных людей, хотя многие случайные, пустяковые вещи могли их сильно задеть.

— Говоришь, мы не можем победить? — спросил Ранд. — А мы разве это собираемся сделать? Победить?

Найнив приподняла бровь.

— Ты больше не отвечаешь на вопросы?

Ранд обернулся, глядя на Найнив. Мин, стоявшая по другую сторону от него, не могла видеть выражения его лица, зато увидела, как побледнела Найнив. Сама виновата. Неужели не чувствовала, что Ранд на грани? Возможно, и озноб Мин вызван не только холодом. Она подошла к нему, но он не обнял ее, как раньше. Когда он, наконец, отвернулся от Найнив, Айз Седай слегка обмякла, словно у нее из-под ног выбили опору.

Ранд какое-то время молчал, и так, в тишине, они ждали на гребне

холма, пока солнце продолжало свой путь к линии горизонта. Тени удлиннились — словно пальцы, тянущиеся прочь от солнца. Внизу, у крепостных стен, группа конюхов вывела на прогулку лошадей. В окнах замка зажигалось все больше огней. Сколько же там у Грендаля людей? Десятки, если не сотни.

Неожиданно донесшийся из кустарника треск, сопровождаемый проклятиями, привлек внимание Мин. Она даже подпрыгнула — так внезапно оборвался шум.

Спустя несколько мгновений появилась небольшая группа айильцев, ведущих растрепанного Рамшалана — его нарядный костюм

был весь облеплен иголками и кое-где разорван сучьями. Он отряхнулся и шагнул было к Ранду.

Девы удержали его на месте. Он взглянул на них, вызывающе вскинув голову.

– Милорд Дракон?

– Он заражен? – спросил Ранд у Найнив.

– Чем? – поинтересовалась она.

– Прикосновением Грендаль.

Найнив подошла к Рамшалану, присмотрелась к нему на мгновение, сердито зашипела и сообщила:

– Да. Ранд, на нем сильное Принуждение. Там целое море плетений. Не так сложно, как было с подмастерьем свечника, или, может,

просто поменьше.

— Милорд Дракон, — сказал Рамшалан, — что происходит? Леди в том замке была весьма дружелюбна — она наш союзник, милорд. Вам нечего бояться её! Очень благородная, должен я вам сказать.

— Правда? — тихо спросил Ранд. Спускались сумерки, за далекими горами садилось солнце. Кроме его тусклых лучей, единственным источником света были остававшиеся открытыми ворота у них за спиной. Из них лился свет ламп, словно приглашая обратно в тепло, подальше от этого места, обитатели теней и холода.

Голос Ранда звучал слишком

твердо. Хуже, чем Мин доводилось слышать когда-либо раньше.

– Ранд, – сказала она, тронув его за руку. – Давай вернемся.

– Мне нужно кое-что сделать, – сказал он, не глядя на неё.

– Подумай еще немного, – попросила Мин. – Или спроси у кого-нибудь совета. Мы могли бы обратиться к Кадсуане, или...

– Кадсуане держала меня в сундуке, Мин, – очень тихо сказал он. Его лицо скрывала тень, но когда он повернулся к ней, в глазах отразился свет из открытых врат. Оранжевый и красный. В голосе прозвучали гневные нотки. «Мне не следовало упоминать Кадсуане», – поняла она.

Имя этой женщины было одним из немногo, что всё ещё вызывало у него эмоции.

— В сундуке, Мин, — прошептал Ранд. — Хотя у сундука Кадсуане стены были невидимые, он сковывал меня так же, как и любой другой. Ее язык бил сильнее любой розги, которая когда-либо прикасалась к моей коже. Теперь я это понял.

Ранд отшатнулся от прикосновения Мин.

— Чего ты хочешь добиться этим? — требовательно спросила Найнив. — Ты послал этого мужчину, чтобы на него наложили Принуждение, понимая, что оно сотворит с ним? Я не собираюсь смотреть, как из-за

этого будет корчиться от боли и умрет еще один человек! К чему бы она ни принудила его, я этого не исправлю! И ты сам будешь виноват, если из-за этого погибнешь!

— Милорд? — переспросил Рамшалан. От ощущения растущего ужаса в его голосе Мин стало не по себе....

Солнце село, теперь был виден лишь силуэт Ранда. Замок казался темным контуром с сияющими в проемах стен лампами. Ранд шагнул на край гряды, доставая из кармана ключ доступа, который начал слабо сиять красноватым светом, исходящим из самого его сердца. У Найнив вырвался резкий вдох.

– Никого из вас не было рядом, когда меня подвел Калландор, – сказал он в темноту. – Это произошло дважды. В первый раз я пытался оживить мертвого, но вышла лишь бездушная марионетка. Во второй раз я воспользовался им, чтобы уничтожить Шончан, но убил друзей не меньше, чем врагов.

– Кадсуане объяснила, что причиной второй неудачи был изъян в самом Калландоре. Мужчина не может управлять им в одиночку, вот так-то. Он будет работать, только если мужчина заперт в сундуке. Калландор – соблазнительный поводок, призванный заставить меня с готовностью уступать.

Сфера ключа доступа внезапно вспыхнула ослепительно ярким светом, став почти прозрачной. Внутри она сияла алым, в центре сверкало ядро — словно кто-то бросил раскаленный добела камень в бассейн с кровью.

— Я вижу другое решение моих проблем, — произнес Ранд едва ли не шепотом. — Оба раза, когда Калландор подвел меня, я был охвачен чувствами. Я позволил своей ярости управлять собой. Я не могу убивать в гневе, Мин. Я должен держать этот гнев внутри. Я должен направлять его, как я направляю Единую Силу. Каждое убийство должно быть тщательно обдуманым.

Умышленным.

Мин потеряла дар речи. Не могла выразить свои страхи, не могла подобрать слова, чтобы остановить его. Каким-то образом его глаза оставались в тени, несмотря на сияющий прямо перед ним яркий свет. Этот свет разметал в стороны тени от его фигуры, словно сам Ранд был центром беззвучного взрыва. Мин повернулась к Найнив; Айз Седай следила за происходящим с широко распахнутыми глазами и слегка приоткрытым ртом. Она тоже не могла найти слов.

Мин снова повернулась к Ранду. Когда он едва не убил ее своими собственными руками, она не

боялась его. Тогда она знала, что это не Ранд причинял ей боль, а Семираг.

Но этот Ранд – с пылающим в руках огнем и решительным, но бесстрастным взглядом – приводил её в ужас.

– Я уже делал это прежде, – прошептал он. – Однажды я сказал, что не убивал женщин, но это была ложь. Я убил женщину задолго до того, как столкнулся с Семираг. Её звали Лиа. Я убил её в Шадар Логоте. Убил и назвал это милосердием.

Он повернулся к дворцу-крепости внизу.

– Простите меня, – сказал он, но эти слова, казалось, не были обращены к Мин, – за то, что и это я

назову милосердием.

В воздухе перед ним появилось нечто невероятно яркое, и Мин, попятившись, закричала. Казалось, сам воздух исказился, словно пытаясь в ужасе отшатнуться от Ранда. С земли вокруг него кольцом взметнулась пыль, и заскрипели деревья, озаренные ярким белым светом, сосновые иглы стрекотали, словно сто тысяч насекомых, лезущих друг на друга. Мин больше не могла различить Ранда, только ослепительную силу света. Чистая сконцентрированная мощь, от чьей скрытой энергии волосы на руках Мин встали дыбом. В это мгновение ей показалось, что она может понять,

что такое Единая Сила. Она была здесь, прямо перед ней, воплощенная в человеке по имени Ранд ал'Тор.

И затем со звуком, похожим на вздох, он высвободил её. Из него вырвался столб чистого белого света и, сверкая, пронесся через тихое ночное небо, волной осветив деревья внизу. Быстрее щелчка пальцами, он ударил в стену далекого замка. Камни засветились, словно впитав в себя силу энергии. Вся крепость замерцала, превращаясь в живой свет, удивительный, впечатляющий дворец чистейшей энергии. Это было прекрасно.

А затем всё исчезло. Было выжжено из пейзажа — и из Узора —

будто никогда и не существовало. Целый замок, сотни футов камня и все те, кто в нем жил.

Что-то толкнуло Мин — что-то вроде ударной волны. Это не был физический удар, и не он заставил её споткнуться, но все её внутренности скрутило. Лес вокруг них, всё еще озаренный сверкающим в руках Ранда ключом доступа, казалось, корчился и содрогался. Как будто весь мир корчился в агонии.

Это чувство пропало, но Мин всё еще могла ощущать то напряжение. В тот момент казалось, что едва не распалась сама реальность мира.

— Что ты наделал? — прошептала

Найнив.

Ранд не ответил. Мин снова смогла видеть его лицо, когда исчез ужасный столб Погибельного Огня, оставив после себя лишь мерцающий ключ доступа. Ранд стоял в исступленном восторге, разинув рот, и держал над собой ключ доступа, словно в знак победы. Или в знак благоговения.

Затем он стиснул зубы, широко распахнув глаза, его губы приоткрылись, словно от нечеловеческого напряжения. Свет вспыхнул еще один раз и немедленно исчез. Всё погрузилось во тьму. Из-за внезапной темноты Мин заморгала, пытаясь дать зрению

приспособиться. Яркий образ Ранда, казалось, до сих пор стоял у неё перед глазами. Неужели он и вправду сделал то, о чем она подумала? Выжег целый замок Погибельным Огнем?

Всех людей. Возвращавшихся с охоты мужчин... женщин, несущих воду... солдат на стенах... слуг снаружи...

Они исчезли. Выжжены из Узора. Убиты. Мертвы навечно. От ужаса Мин пошатнулась и оперлась спиной о дерево, чтобы не упасть.

Так много жизней прервано в одно мгновение. Мертвы. Уничтожены Рандом.

Заметив свечение со стороны

Найнив, Мин повернулась и увидела Айз Седай, освещенную мягким теплым сиянием сферы над её ладонью. Её глаза, казалось, пылали внутренним огнем.

— Ты спятил, Ранд ал'Тор, — заявила она.

— Я делаю то, что должен, — ответил он, оставаясь в тени. Его голос звучал устало. — Проверь его, Найнив.

— Что?

— Этого идиота, — сказал Ранд. — Её Принуждение всё еще на нем? Или прикосновение Грендаль исчезло?

— Я ненавижу то, что ты сделал, Ранд, — прорычала Найнив. — Нет.

«Ненавижу» – слишком слабое слово. Я проклинаяю то, что ты сотворил. Что с тобой стряслось?

– Проверь его! – угрожающе прошептал Ранд. – Прежде чем осуждать меня, изволь сначала проверить, добился ли я своими прегрешениями чего-то, помимо проклятия.

Найнив глубоко вдохнула и посмотрела на Рамшалана, которого всё ещё держали несколько Дев. Найнив подошла и дотронулась до его лба, сосредоточившись.

– Оно пропало, – объявила она. – Исчезло без следа.

– Значит, она мертва, – раздался голос Ранда из темноты.

«Свет! — подумала Мин, осознав, что он сделал. — Он использовал Рамшалана не как курьера или наживку. Он использовал этого человека, как способ удостовериться, что Грендаль мертва». Погибельный Огонь полностью выжигал кого-то из Узора так, будто их самые последние действия никогда не совершались. Рамшалан мог помнить визит к Грендаль, но её Принуждения больше не существовало. В каком-то смысле, она была убита еще *до того*, как Рамшалан пришел к ней.

Мин потрогала свою шею, на которой еще не прошли синяки от пальцев Ранда.

– Я не понимаю, – едва ли не пропищал Рамшалан.

– Как сражаться с тем, кто умнее тебя? – тихо спросил Ранд. – Ответ прост. Заставь её думать, что ты сел с ней за стол, готовый играть в её игру. А затем ударь её в лицо со всей силы. Ты хорошо послужил мне, Рамшалан. Я прощаю тебе твоё бахвальство перед лордами Вивианом и Каллсвеллом о том, что ты якобы можешь вертеть мной, как тебе угодно.

От потрясения Рамшалан чуть не упал, и Девы позволили ему опуститься на колени.

– Милорд! – взмолился он. – Я перебрал вина той ночью, и...

– Тихо, – прервал его Ранд. – Как я уже сказал, сегодня ты хорошо послужил мне. Я не собираюсь тебя казнить. В двух днях пути на юг отсюда ты найдешь деревню.

С этими словами Ранд развернулся. Для Мин он был всего лишь тенью в лесу. Он направился к переходным вратам и прошел через них. Мин поспешила следом вместе с Найнив. Девы ушли последними, оставив стоящего в оцепенении на коленях Рамшалана. Когда последняя из Дев прошла сквозь врата, они плавно схлопнулись, оборвав хныканье Рамшалана в темноте.

– То, что ты сделал, Ранд, – это мерзость, – заявила Найнив в тот же

миг, как врата закрылись. — Во дворце жили десятки, возможно, сотни людей!

— И все, как один, превращенные в идиотов Принуждением Грендаль, — ответил Ранд. — Она никогда никого не подпускает к себе близко, не разрушив предварительно его разум. Мальчишка, которого она послала работать в темнице, едва ли познал часть тех мучений, которым подвергается большинство её любимцев. Она не оставляет им способности самостоятельно думать или двигаться — всё, что они могут, лишь стоять на коленях и преклоняться перед ней, возможно, быть на посылках по её приказу. Я

оказал им услугу.

— Услугу? — переспросила Найнив. — Ранд, ты использовал Погибельный Огонь! Они были выжжены из бытия!

— Как я уже сказал, — тихо ответил Ранд. — Это была услуга. Временами я желаю и себе подобного благословения. Доброй ночи, Найнив. Выпись, насколько это возможно, ведь наше пребывание в Арад Домане подошло к концу.

Мин наблюдала, как он уходит, желая броситься следом, но удержалась. Как только он вышел из комнаты, Найнив рухнула в одно из бордовых кресел, со вздохом опустив голову на руку.

Мин хотелось сделать то же самое. До этого самого момента она и не понимала, насколько измотана. Всё из-за того, что она в последнее время постоянно была рядом с Рандом, даже когда он не был занят такими ужасными вещами, как этим вечером.

— Если бы только Морейн была здесь, — тихо пробормотала Найнив и замерла, пораженная тем, что услышала от себя подобное.

— Мы должны что-то делать, Найнив, — сказала Мин, глядя на Айз Седай.

Найнив рассеянно кивнула.

— Возможно.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, а что если он прав? — спросила Найнив. — Хотя он и шерстеголовый болван, но что если он и вправду должен вести себя так, чтобы одержать победу? Прежний Ранд никогда бы не уничтожил полный людей замок, чтобы убить одну Отрекшуюся.

— Конечно, он не сделал бы такого, — сказала Мин. — Тогда он все еще не был безразличен к убийствам! Найнив, все эти жизни...

— Но сколько людей осталось бы в живых, если бы он был столь же безжалостен с самого начала? — спросила Найнив, отвернувшись. — Если бы он был способен подвергать опасности своих сторонников, как

этого Рамшалана? Если бы он мог атаковать, не беспокоясь о тех, кого убьет? Если бы он направил свои войска в крепость Грендаль, её люди бы фанатично сопротивлялись и всё равно погибли. А сама она сбежала.

— Может быть, он и должен быть таким. Последняя Битва уже совсем рядом, Мин. Последняя Битва! Осмелимся ли мы отправить сражаться с Темным человека, который не пожертвует ничем для того, что должно быть сделано?

Мин покачала головой.

— Осмелимся ли мы отправить его таким, какой он есть сейчас, с подобным выражением во взгляде? Найнив, ему всё равно. Для него

больше ничего не имеет значения, кроме победы над Темным.

— Ведь это то, что мы от него ждем, не так ли?

— Я... — она осеклась. — Победа вовсе не будет победой, если Ранд станет чем-то таким же ужасным, как Отрекшиеся... Мы...

— Я понимаю, — внезапно прервала её Найнив. — Сожги меня Свет, но я понимаю, и ты права. Мне просто не нравятся ответы, к которым приводят мои умозаключения.

— Какие?

Найнив вздохнула.

— Что Кадсуане была права, — сказала она и вполголоса добавила. —

Несносная женщина.

Она поднялась из кресла.

– Пойдем. Нам нужно найти её и разузнать её план.

Мин встала, присоединяясь к Найнив.

– Ты уверена, что у неё есть план? Ранд был груб с ней. Возможно, она остается с нами, просто чтобы наблюдать, как без неё он будет барахтаться и потерпит крах.

– У неё есть план, – сказала Найнив. – Единственное, в чем мы можем быть уверены насчет этой женщины, так это то, что она что-то замышляет. Нам всего лишь нужно убедить её посвятить нас в это.

— А если она откажется? — спросила Мин.

— Не откажется, — сказала Найнив, глядя на то место, где ворота, открытые Рандом, разрезали ковер. — После того, как мы расскажем ей о том, что произошло сегодня вечером, она не откажется. Не люблю эту женщину и подозреваю, что это взаимно, но ни одна из нас не управится с Рандом в одиночку.

Она поджала губы.

— Боюсь, мы не сможем управиться с ним даже все вместе. Пойдем.

Мин пошла за ней. «Управиться» с Рандом? Это была еще одна проблема. И Найнив, и

Кадсуане были так заинтересованы в том, чтобы управлять им, что они не замечали, что, возможно, вместо этого будет лучше помогать ему. Найнив волновалась за Ранда, но она видела в нем проблему, которую нужно решить, а не человека, которому нужна помощь.

Поэтому Мин последовала за Айз Седай прочь из особняка. Они прошли через темный двор – Найнив создала шар света – и быстро обогнули особняк, пройдя мимо конюшни к домику привратника. По пути они встретили Аливию: бывшая дамани выглядела разочарованной. Очевидно, Кадсуане и остальные снова дали ей от ворот поворот.

Женщина тратила много времени, уговаривая Айз Седай научить её новым плетениям.

Наконец, они дошли до домика привратника – по крайней мере, это место было домиком привратника, пока Кадсуане не вынудила его перебраться. Это было одноэтажное деревянное здание с соломенной крышей, выкрашенное в желтый цвет. Сквозь прикрытые ставни пробивался свет.

Найнив шагнула ко входу и постучала в крепкую дубовую дверь; почти сразу на пороге показалась Мериса.

– Да, дитя? – спросила Зеленая, будто намеренно пытаясь позлить

Найнив.

– Мне нужно поговорить с Кадсуане, – прорычала Найнив.

– Кадсуане Седай нет дела до тебя сейчас, – сказала Мериса, закрывая дверь домика. – Приходи завтра, и возможно, она примет тебя.

– Ранд ал'Тор только что выжжет Погибельным Огнем из бытия целый дворец, полный людей, – Найнив говорила достаточно громко, чтобы её слышали находившиеся внутри домика. – Я была с ним.

Мериса застыла на месте.

– Впусти её, – раздался изнутри голос Кадсуане. Мериса неохотно распахнула дверь. Мин увидела Кадсуане, сидящую на подушках на

полу вместе с Эмис, Бэйр, Мелэйн и Сорилеей. На полу гостиной — главной комнаты дома — лежал простой коричневый ковер, который был почти весь занят сидящими женщинами. В задней части комнаты мирно горел камин, выложенный из серого камня, дрова догорали, огонь почти погас. На табурете в углу стоял чайник с чаем.

Найнив едва одарила Хранительниц Мудрости взглядом. Она проложила себе путь в домик, и Мин нерешительно последовала за ней.

— Расскажи нам, что произошло, дитя, — потребовала Сорилея. — Мы почувствовали искажение мира даже

отсюда, но не знали, что стало тому причиной. Мы предположили, что это дело рук Темного.

— Я расскажу вам, — сказала Найнив и сделала глубокий вдох, — но я хочу принять участие в ваших планах.

— Посмотрим, — ответила Кадсуане. — Поделись своими впечатлениями.

Мин присела на стул у стены, пока Найнив отчитывалась о произошедшем у Кургана Нэтрина. Хранительницы Мудрости слушали её, поджав губы. Кадсуане лишь изредка кивала. Мериса, с перекошенным от ужаса лицом, разлила из чайника по стоявшим на

табурете чашкам чай – судя по запаху, тремалкинский черный – и снова подвесила чайник над огнем. Найнив, всё так же стоя, закончила свой рассказ.

«Ох, Ранд, - подумала Мин. - *Это должно раздирать тебя на части изнутри*». Но она ощущала его через узы; его чувства казались очень холодными.

– С твоей стороны было разумно прийти к нам после случившегося, дитя, – сказала Сорилея Найнив. – Можешь идти.

Глаза Найнив широко распахнулись от ярости.

– Но...

– Сорилея, – спокойно сказала

Кадсуане, перебив Найнив. – Это дитя может быть полезно в наших планах. Она всё ещё близка с мальчиком ал’Тором; он достаточно доверяет ей, раз взял её с собой сегодня вечером.

Сориля посмотрела на остальных Хранительниц Мудрости. Пожилая Бэйр и солнцеволосая Мелэйн обе кивнули. Эмис выглядела задумчивой, но не стала возражать.

– Что ж, возможно, – сказала Сориля. – Но может ли она быть послушной?

– Ну? – Кадсуане обратилась к Найнив. Казалось, все игнорировали присутствие Мин. – Можешь?

Глаза Найнив всё ещё были

широко раскрыты от гнева. «Свет! – подумала Мин. – Найнив? Подчиняться Кадсуане и остальным? Да она сейчас просто наорет на них!»

Найнив дернула себя за косу, костяшки её пальцев побелели от усилия.

– Да, Кадсуане Седай, – процедила она сквозь стиснутые зубы. – Я могу быть послушной.

Казалось, Хранительницы Мудрости были удивлены её словами, но Кадсуане снова кивнула, будто ожидала такого ответа. Кто бы мог подумать, что Найнив может быть такой... хм... благоразумной?

– Присядь, дитя, – сказала

Кадсуане, указав рукой. — Посмотрим, как ты умеешь подчиняться приказам. Похоже, ты единственная из всего урожая, кого еще можно спасти.

Эти слова заставили щеки Мерисы вспыхнуть.

— Нет, Кадсуане, — сказала Эмис. — Не единственная. У Эгвейн много чести.

Две другие Хранительницы Мудрости кивнули в знак согласия.

— Так каков план? — спросила Найнив.

— Твое участие в нем заключается в том... — начала Кадсуане.

— Подождите, — перебила её

Найнив. – Мое участие? Я хочу знать все.

– Узнаешь, когда мы будем готовы рассказать, – отрезала Кадсуане. – И не заставляй меня сожалеть о своем решении: заступиться за тебя.

Найнив заставила себя захлопнуть рот, её глаза горели. Но она не сорвалась на них.

– Твое участие, – продолжила Кадсуане, – заключается в том, чтобы найти Перрина Айбару.

– И какая в этом польза? – спросила Найнив, затем добавила. – Кадсуане Седай.

– Это наше дело, – сказала Кадсуане. – Недавно он был где-то на

юге, но мы не можем точно определить, где именно. Мальчик ал'Тор может знать, где он. Выясни это для нас, и, возможно, я объясню, зачем это нужно.

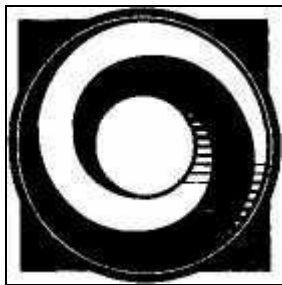
Найнив нехотя кивнула, и остальные женщины начали обсуждать, насколько может деформироваться Узор от Погибельного Огня, прежде чем распадется окончательно. Найнив молча слушала их, пытаясь понять хоть что-то о замыслах Кадсуане, хотя, кажется, уцепиться было не за что.

Мин слушала вполуха. Каков бы ни был тот план, кто-то должен присмотреть за Рандом. То, что он

сотворил сегодня, будет разрушать его изнутри – что бы он ни говорил. Немало других людей беспокоится о том, что ему делать в Последней Битве. Её же долг состоит в том, чтобы на Последнюю Битву Ранд вышел живым, в своем уме и со спокойной душой.

Каким угодно образом.

Глава 38. Новости из Тел'аран'риода

— Эгвейн, подумай, — сказала Суан, казавшаяся полупрозрачной из-за кольца-тер'ангриала, которое она использовала, чтобы попасть в Тел'аран'риод. — Какая польза оттого, что ты гниёшь в этой клетке? После того, что ты, по твоим же

словам, сделала на том ужине, Элайда позаботится, чтобы тебя никогда не выпустили, – Суан покачала головой. – Мать, иногда просто необходимо взглянуть правде в глаза. Можно чинить сеть много раз, но однажды ее придётся выкинуть и сплести новую.

Эгвейн на трёхногом табурете расположилась в уголке торгового зала, находившегося в передней части лавки сапожника. Она выбрала это место наобум, просто чтобы не встречаться в Белой Башне. Отрекшиеся знали, что Эгвейн и другие посещают Мир Снов.

В присутствии Суан Эгвейн могла немного расслабиться и стать

более похожей на саму себя. Они обе понимали, что сейчас Эгвейн — Амерлин, а Суан — ее подчиненная, но в то же время что-то их связывало. Чувство товарищества, возникшее из-за того положения, в котором они обе оказались. Это чувство странным образом превратилась в нечто похожее на дружбу.

Но сейчас Эгвейн была почти готова задушить подругу.

— Мы уже обсудили это, — твёрдо сказала девушка. — Я не могу бежать. Каждый день, который я провожу в заточении, не поддавшись — удар по правлению Элайды. Если я исчезну до суда над ней, это разрушит всё, над чем мы работали!

– Суд будет фикцией, Мать, – возразила Суан. – А даже если и нет, наказание будет лёгким. Судя по тому, что ты мне рассказала, она не переломала тебе кости, когда била, даже кожу не повредила.

Это было правдой. Эгвейн поранилась о битое стекло, удары Элайды были ни при чём.

– Даже формальное порицание Совета подорвёт её репутацию, – сказала Эгвейн. – Моё сопротивление, мой отказ от побега что-то значит. Восседающие лично приходят меня навестить! Если я сбегу, это будет выглядеть, как будто я уступила Элайде.

– Разве она не объявила, что ты

— Приспешница Тёмного? —
парировала Суан.

Эгвейн задумалась. Да, Элайда сделала это. Но у нее нет доказательств.

Закон Башни был запутан, и выбор подходящих наказаний и толкований мог оказаться сложным. Три Клятвы не позволили бы Элайде использовать Единую Силу как оружие, так что Элайда должна была считать, что не нарушает обетов своими действиями. Либо она зашла дальше, чем собиралась, либо считала Эгвейн Приспешницей Тёмного. В свою защиту Элайда могла привести доводы в пользу обеих точек зрения. Вторая сняла бы

с неё большую часть обвинения, но первую было бы гораздо легче доказать.

— У неё может получиться, и тебя признают виновной, — сказала Суан, очевидно повторяя ход мыслей девушки. — Тебя приговорят к казни. Что тогда?

— У неё не получится. У нее нет доказательств, что я Приспешница Тёмного, и потому Совет никогда этого не допустит.

— А что если ты ошибаешься?

Эгвейн помедлила.

— Замечательно. Если Совет приговорит меня к казни, я позволю тебе меня вытащить. Но не раньше, Суан. Не раньше.

Суан фыркнула.

– Возможности может и не представиться, Мать. Если Элайда запугает их, то будет действовать быстро. Наказания этой женщины могут быть стремительны, как ветер в шторм, и обрушиться неожиданно. Это я знаю наверняка.

– Если это произойдёт, – резко ответила Эгвейн, – моя смерть будет победой. Сдавшейся стороной будет Элайда, не я.

Суан тряхнула головой, бормоча:

– Непокколебима, как причальная тумба.

– Закончим этот спор, Суан, – строго произнесла Эгвейн.

Суан вздохнула, но ничего не

сказала. Похоже, она была слишком взволнована, чтобы сидеть, поэтому не обратила внимания на табуретку в другом конце комнаты, а вместо осталась стоять у окна лавки по правую руку от Эгвейн.

Судя по всему, лавку навещало много посетителей. Крепкий прилавок делил комнату пополам, в стене за ним было сделано несколько десятков ниш для ботинок. Порой большая их часть была забита прочными рабочими ботинками из кожи или парусины со свисавшими спереди шнурками или с пряжками, поблескивавшими в призрачном свете Тел'аран'риода. Но каждый раз, когда Эгвейн смотрела на стену,

ботинки менялись: некоторые исчезали, другие появлялись. По-видимому, в реальном мире они не задерживались в своих нишах подолгу и поэтому оставляли после себя в Мире Снов только смутный образ.

В передней половине магазина было много табуреток, которыми могли воспользоваться клиенты. На задней стене находились ботинки различных фасонов и расцветок, а также специальные ботинки для определения размера. Покупатель приходил в лавку, надевал пробные ботинки, а потом выбирал подходящий фасон. Затем сапожник — или, скорее, его подмастерья —

изготавливали пару, за которой клиент приходил позже. На широких стеклянных витринах на фасаде здания белой краской было выведено имя сапожника: «Наорман Машинта». Рядом с именем красовалась маленькая цифра «три». Род Машинта уже три поколения содержал эту лавку. Что для горожан было делом обычным. На самом деле, той части Эгвейн, которая всё ещё оставалась под влиянием Двуречья, казалось странным, что кто-то может решить не продолжать дело отца, а заняться чем-то другим, если, конечно, он не третий или четвёртый ребёнок в семье.

— Теперь, когда мы закончили с

очевидным, — сказала Эгвейн, —
какие у тебя новости?

— Ну, — сказала Суан,
прислонившись к окну и
установившись на зловеще пустую
улицу Тар Валона, — твой старый
знакомый недавно прибыл в лагерь.

— Правда? — рассеянно спросила
Эгвейн. — Кто?

— Гавин Траканд.

Эгвейн вздрогнула. Это
невозможно! Во время мятежа Гавин
был на стороне Элайды. Он бы не
перешёл на мятежную сторону.
Может быть, он захвачен? Но тогда
Суан сообщила бы об этом иначе.

На миг Эгвейн превратилась в
затрепетавшую девочку, которой

завладели его произнесённые шёпотом обещания. Несмотря на это, ей удалось сохранить свой образ Амерлин и сконцентрироваться на разговоре, чтобы непринуждённо ответить:

— Гавин? Как странно. Не ожидала, что он там появится.

Суан улыбнулась.

— Неплохо сработано, — произнесла она. — Хотя пауза слишком затянулась, и когда ты, наконец, спросила о нём, то выглядела чересчур равнодушной. Благодаря этому тебя было нетрудно прочитать.

— Ослепи тебя свет, — не выдержала Эгвейн. — Ещё одна

проверка? Он на самом деле там?

— Благодаря тебе я стараюсь придерживаться клятв, — обиженно сказала Суан. Эгвейн одна из немногих знала, что в результате Усмирения и последующего Исцеления Суан была свободна от Трёх Клятв. Но, как и Эгвейн, она, тем не менее, приняла решение не лгать.

— Так или иначе, — сказала Эгвейн. — Я думаю, время проверок для меня миновало.

— Каждый встречный всё время будет проверять тебя, Мать, — сказала Суан. — Ты должна быть готова к неожиданностям: в любой момент кто-нибудь может устроить тебе

испытание, просто чтобы посмотреть, как ты отреагируешь.

— Благодарю, — холодно произнесла Эгвейн. — Но мне не нужно об этом напоминать.

— Правда? — ответила Суан. — Немного в стиле Элайды.

— Так нечестно!

— Докажи, — чопорно заявила Суан.

Эгвейн заставила себя успокоиться. Суан была права. Чем жаловаться, лучше принять совет, особенно если это хороший совет.

— Конечно ты права, — сказала Эгвейн, расправляя платье на коленях и стирая разочарование с лица. — Расскажи мне подробнее о

приезде Гавина.

– Я почти ничего больше не знаю, – призналась Суан. – Я должна была упомянуть об этом вчера, но нашу встречу рано прервали.

С момента заточения Эгвейн они виделись гораздо чаще – каждую ночь, но накануне что-то разбудило Суан прежде, чем они закончили разговор. Как она объяснила, это был пузырь зла в лагере мятежниц. Палатки оживали и пытались задушить людей. Три человека погибло, среди них одна Айз Седай.

– Так или иначе, – продолжила Суан, – при мне Гавин говорил немного. Думаю, он здесь, потому что от кого-то слышал, что тебя

захватили. Его появление вызвало впечатляющий переполох, но теперь он остается у Брина при штабе и регулярно навещается к Айз Седай. Он что-то задумал и постоянно приходит поговорить с Романдой и Лилейн.

– Это настораживает.

– Ну, они обладают очевидной властью в лагере, – сказала Суан. – Хотя Шириам и остальным иногда удаётся урвать немного. Без тебя дела идут не слишком хорошо, лагерь нуждается в руководстве. На самом деле, мы жаждем его, как голодный рыбак жаждет улова. Айз Седай приверженцы порядка. Это...

Она остановила себя. Похоже,

Суан намеревалась напугать Эгвейн в надежде, что та согласится на освобождение. Она взглянула на девушку и продолжила.

— Что ж, у нас все будет хорошо, когда ты вернёшься, Мать. Чем дольше ты находишься вне лагеря, тем сильнее становятся противоборствующие фракции. Сейчас можно практически увидеть проведённые поперёк лагеря линии противостояния. Романда с одной стороны, Лилейн с другой, и уменьшающаяся с каждым днём прослойка, которая не хочет принимать чью-либо сторону.

— Мы не можем допустить ещё один раскол, — сказала Эгвейн. —

Особенно среди нас. Мы должны показать, что мы сильнее Элайды.

– По крайней мере, наш раскол происходит не по принципу Айя, – защищаясь, сказала Суан.

– Разделение на фракции, – произнесла, вставая, Эгвейн, – Пререкания и распри. Мы выше этого, Суан. Скажи Совету, что я хочу поговорить с ними. Возможно, через два дня. Завтра мы должны с тобой встретиться снова.

Суан нерешительно кивнула.

– Отлично.

Эгвейн пристально посмотрела на неё.

– Ты думаешь, это неблагоприятно?

– Нет, – сказала Суан, – я беспокоюсь о том, что ты себя не жалеешь. Амерлин должна научиться распределять свои силы. Часть тех, кто до тебя был на этом посту, потерпели поражение не потому, что им не доставало сил, но потому что быстро выдохлись, переходя на бег, когда следовало идти шагом.

Эгвейн удержалась от замечания, что сама Суан большую часть своего пребывания на посту Амерлин неслась сломя голову. Но на это легко можно было возразить, что как раз из-за того, что Суан работала на износ, она в результате и потерпела поражение. Кто лучше поведает о подобных вещах, как не

тот, кто столь сильно от них пострадал?

– Я ценю твой совет, дочь, – сказала Эгвейн. – Но на самом деле, едва ли есть причина для беспокойства. Я провожу дни в одиночестве, с периодическими порками на закуску. Наши ночные встречи помогают мне выжить, – отвернувшись от Суан, она поежилась, глядя в окно на пустую грязную улицу.

– Тяжело выносить всё это? – тихо спросила Суан.

– Камера настолько узкая, что я могу одновременно коснуться противоположных стен, – сказала Эгвейн. – И не очень длинная. Чтобы

лечь, мне приходится подгибать колени. Я не могу встать, поскольку потолок так низок, что я вынуждена наклоняться, и я не могу сидеть без боли, потому что они больше не Исцеляют меня между побоями. Солома старая и вызывает зуд. Дверь толстая, и сквозь щели проникает мало света. Я не знала, что в Башне есть камеры, подобные этой, — она оглянулась на Суан. — Как только меня утвердят полноправной Амерлин, эта камера и все подобные ей будут уничтожены, двери сняты, а сами камеры заложены кирпичом.

Суан кивнула:

— Мы позаботимся об этом.

Эгвейн снова отвернулась и, к

своему стыду, заметила, что позволила платью смениться на кадин'сор айильских Дев, а за спиной возникли копья и лук. Глубоко вдохнув, она вернула своё платье.

— Никто не должен содержаться в подобных условиях, — сказала она, — даже...

Суан нахмурилась, когда Эгвейн замолкла.

— Что это было?

Эгвейн покачала головой.

— Да вот, пришло в голову... Наверное, Ранд чувствовал себя так же. Нет, хуже. По слухам, он был заперт в ящике меньшем, чем моя камера. И, по крайней мере, я могу

проводить часть вечеров, болтая с тобой. У него не было никого. Не было веры, что эти избиения что-то значат.

Да ниспошлет Свет, чтобы ей не пришлось терпеть всё это так же долго, как ему. Её заключение длилось всего несколько дней.

Суан промолчала.

– В любом случае, – сказала Эгвейн, – у меня есть Тел'аран'риод. Днём моё тело томится в заключении, но по ночам моя душа свободна. И каждый прожитый день без уступок служит доказательством, что желание Элайды не закон. Она не может меня сломить. Остальные поддерживают её всё меньше.

Доверься мне.

Суан кивнула.

— Отлично, — сказала она, поднимаясь. — Ты и вправду Амерлин.

— Конечно, — рассеянно произнесла Эгвейн.

— Нет, Эгвейн, — сказала Суан. — Я говорю это от чистого сердца.

Эгвейн с удивлением обернулась.

— Но ты всегда в меня верила!

Суан подняла бровь.

— По крайней мере, — сказала Эгвейн, — почти с самого начала.

— Я всегда верила в твой потенциал, — поправила её Суан. — Что ж, ты его реализовала. По

крайней мере, часть. Приличную часть. Как бы ни свирепствовал этот шторм, ты доказала одну вещь. Ты заслужила место, которое занимаешь. Свет, девочка, ты можешь стать лучшей Амерлин со времён Артура Ястребиное Крыло! – Она поколебалась. – И, имей в виду, мне нелегко это признать.

Эгвейн с улыбкой взяла руки Суан в свои. Похоже, от гордости у Суан навернулись слёзы на глаза!

– Всё, что я сделала – оказалась запертой в клетке.

– И ты, Эгвейн, сделала это, как подобает Амерлин, – сказала Суан. – Мне пора возвращаться. Некоторые не могут отдыхать целыми днями,

как ты. Нам нужен настоящий сон, иначе мы можем свалиться без чувств прямо в воду для умывания.

Она поморщилась, освобождаясь из рук Эгвейн.

– Ты могла бы просто сказать ему...

– И чтобы я больше ничего подобного не слышала, – перебила её Суан, погрозив пальцем. Неужели она забыла, что только что хвалила Эгвейн за превращение в Амерлин?

– Я дала слово и скорее стану рыбьими потрохами, чем нарушу его.

Эгвейн моргнула.

– Я бы никогда не стала заставлять тебя делать это, – сказала она, скрыв улыбку, когда заметила,

что в волосах полупрозрачной Суан появилась ярко-красная лента. — Тогда закончим разговор.

Суан резко кивнула, села и закрыла глаза, а затем медленно растаяла, покинув Тел'аран'риод.

Эгвейн помедлила, глядя на то место, где только что была Суан. Возможно, пора возвращаться к нормальному сну, чтобы дать разуму отдохнуть. Но возвращение к нормальному сну будет шагом к пробуждению, а когда она проснётся, вокруг будет только тесный карцер и душная темнота. Девушка хотела побыть в Мире Снов ещё немного. Она подумала о том, не проникнуть ли в сон Илэйн, чтобы договориться

о встрече... но нет, это займёт слишком много времени, даже если предположить, что Илэйн сумеет заставить свой тер'ангриал работать. Последнее время ей это редко удавалось.

Эгвейн обнаружила, что шагнула прочь из Тар Валона, лавка сапожника пропала.

Девушка оказалась в лагере мятежных Айз Седай. Возможно, глупо было здесь появляться. Если в Мире Снов находились друзья Тёмного или Отрекшиеся, они запросто могли изучать лагерь в поисках информации, так же как Эгвейн иногда появлялась в кабинете Амерлин в Тел'аран'риоде, чтобы

выяснить что-нибудь о планах Элайды. Но Эгвейн нужно было сюда прийти. Она не задумывалась над причинами, просто чувствовала, что так надо.

Улицы лагеря были грязными, изборозждёнными колеями от проезжавших фургонов. Когда-то бывшее просто полем, это место было обустроено Айз Седай и превратилось в... нечто. Отчасти в военный лагерь с солдатами Брина, расположившимися вокруг Айз Седай. Отчасти в город, хотя никакой город не мог бы похвастаться таким количеством Айз Седай, послушниц и Принятых. Отчасти в памятник слабости Белой Башни.

Эгвейн шла по главной улице лагеря. Трава здесь была втоптана в грязь, а та, в свою очередь, превратилась в дорогу. Вдоль неё были сделаны тротуары, а по сторонам ровные участки земли покрывали палатки. Здесь никого не было, за исключением мимолётных появлений спящих людей, которых случайно занесло в Тел'аран'риод. Тут ненадолго мелькнула женщина в изящном зелёном платье. Должно быть, спящая Айз Седай, хотя с той же степенью вероятности это могла быть и служанка, вообразившая себя королевой. Там женщина в белом — с тонкими светлыми волосами, слишком старая для послушницы.

Это больше не имело значения. Книгу Послушниц следовало открыть для всех еще много лет назад. Белая Башня слишком слаба, чтобы отвергать какой бы то ни было источник силы.

Обе женщины исчезли так же быстро, как и появились. Немногие задерживались в Тел'аран'риде надолго. Для того чтобы пробыть здесь дольше, необходимо либо особое умение – такое, как у Эгвейн, либо тер'ангриал вроде кольца, которым воспользовалась Суан. Был и третий путь. Оказаться пойманным в оживший кошмар. Поблизости не было ни одного, хвала Свету.

Странно было видеть лагерь

таким пустынным. Эгвейн уже давно перестало беспокоить зловещее отсутствие людей в Тел'аран'риоде. Но этот лагерь был другим. Он выглядел так, как мог бы выглядеть военный лагерь после того, как всех солдат перебили в бою. Безлюдный, но с поднятым знаменем, напоминающем о бывших хозяевах. Эгвейн казалось, что она видит разделение, о котором говорила Суан: палатки стояли группами, как цветы в букетах.

Хотя людей и не было, она могла видеть узоры и проблемы, которые они создавали. Эгвейн могла бы обвинить Элайду в возникновении трещин между Айя в Белой Башне, но

её собственные Айз Седай тоже начинали разобшение. Что ж, три Айз Седай едва ли могут собраться вместе без того, чтобы две из них не заключили союз. Нет ничего плохого в том, что эти женщины строят планы и готовятся. Проблема появляется тогда, когда они начинают считать других таких же как они врагами, а не просто соперниками.

К сожалению, Суан была права. Эгвейн не могла больше тратить время, уповая на примирение. Что если Белая Башня не лишит Элайду палантина? Что если, несмотря на успехи Эгвейн, трещины между Айя не исчезнут? Что тогда? Война?

Был ещё один вариант, который никто из них не предлагал: окончательно отказаться от мысли о примирении. Основать вторую Белую Башню. Это означало бы оставить Айз Седай расколотыми, возможно, навсегда. Эгвейн вздрогнула при мысли о такой перспективе, и её кожа начала зудеть, протестуя против такой возможности.

Но что если другого варианта не будет? Она должна была рассматривать и такие перспективы и находила их пугающими. Как убедить Родню или Хранительниц Мудрости объединиться с Айз Седай, если сами Айз Седай не были единым целым? Две Белые Башни

стали бы противоборствующими силами, сбивающими с толка правителей, когда каждая из соперничающих Амерлин пыталась бы использовать народы в собственных целях. Благоговейный страх перед Айз Седай покинул бы врагов и союзников, и короли запросто могли бы основать собственные школы для способных направлять женщин.

Эгвейн заставила себя собраться с мыслями, шагая по грязной дороге. Палатки вокруг менялись, их клапаны были то открыты, то закрыты, то снова открыты в той странной недолговечной манере, свойственной Миру Снов. Эгвейн

почувствовала, что палантин Амерлин, появившийся на её шее, очень тяжёл, как будто сделан из свинца.

Она сумеет заставить Айз Седай Белой Башни принять её сторону. Элайда будет низложена. А если нет... тогда Эгвейн сделает все необходимое, чтобы спасти мир и людей перед лицом грядущей Последней Битвы.

Эгвейн шагнула прочь из лагеря. Палатки, колеи и пустые улицы исчезли. Опять она была не уверена в том, куда попадёт. Такое путешествие по Миру Снов, когда позволяешь необходимости направлять себя, может быть опасным, но также

может многое объяснить. Сейчас она искала не вещи, а знания. Что необходимо знать, что необходимо увидеть?

Окружающая местность расплылась и резко обрела новые очертания. Эгвейн оказалась в середине маленького лагеря, перед ней в яме для костра вяло горел огонь, испуская в небо тонкий язык дыма. Это было удивительно. Обычно огонь был слишком переменчив и не отражался в Тел'аран'риоде. Языков пламени не было, только дым и красные угли, нагревающие гладкие камни, которые окружали яму. Девушка взглянула наверх на слишком тёмное

предвещающее бурю небо. Этот беззвучный шторм был ещё одной странностью Мира Снов, хотя для Эгвейн он в последнее время стал настолько привычным, что она практически его не замечала. Разве есть в этом месте хоть что-то нормальное?

С удивлением девушка обнаружила вокруг себя разноцветные фургоны: зелёные, красные, оранжевые и жёлтые. Были ли они здесь мгновение назад? Она находилась на большой поляне в лесу из призрачных белых осин. Подлесок был густой, высокая трава пробивалась неровными клочками. По правую руку между деревьями

извивался широкий тракт. Яркие фургоны образовывали кольцо вокруг костра. Приземистые повозки, крышами и стенами напоминавшие небольшие дома, были раскрашены яркими красками. Волы не отражались в Море Снов, но тарелки, чашки и ложки появлялись и исчезали около костра или на козлах фургонов.

Это был лагерь Странствующего Народа, Туата'ан. Почему именно это место? Разглядывая фургоны, Эгвейн лениво прошла вокруг костра. Краска на фургонах была свежей, на ней не было ни трещин, ни пятен. Этот караван был значительно меньше, чем тот, в котором они с

Перрином когда-то побывали, но производил очень похожее впечатление. Девушка почти слышала флейты и барабаны и могла представить, что это мерцание костра — тени танцующих мужчин и женщин. Танцевали ли Туата'ан по-прежнему теперь, когда небо затянуто мраком, а ветры разносят плохие новости? Где могли они найти своё место в мире, готовящемся к войне? Троллокам плевать на Путь Листа. Пыталась ли эта группа Туата'ан найти укрытие от Последней Битвы?

Эгвейн уселась на боковую лесенку фургона, которая была обращена в сторону находившегося

неподалёку кострища. На мгновение она позволила своему платью смениться на простой двуреченский наряд из зелёной шерсти – такой, в каком она была у Странствующего Народа. Погрузившись в воспоминания и размышления, девушка смотрела на это несуществующее пламя. Что произошло с Айрамом, Райном и Илой? Скорее всего, они в безопасности в таком же лагере, как этот, ожидают, что станет с миром после Тармон Гай’дон. Эгвейн улыбалась, размышляя о тех днях, когда она флиртовала и танцевала с Айрамом, несмотря на хмурые неодобрительные взгляды Перрина. В

то время всё было проще, хотя, казалось, Лудильщики всегда жили просто и могли себе это позволить.

Да, этот караван так же будет танцевать. Они будут танцевать, пока не наступит день, когда весь Узор будет выжжен, неважно, найдут ли они свою песню, будут ли орды троллоков опустошать мир или его разрушит Возрождённый Дракон.

Неужели она позволила себе забыть о том, что дороже всего? Почему она так борется за сохранность Белой Башни? Ради власти? Из самолюбия? Или потому что чувствует, что это действительно нужно миру?

Готова ли она выжать себя до

капли в этой битве? Она выбрала – или скорее выбрала бы – Зелёную Айя, а не Голубую. Дело было не только в том, что ей нравилось, как Зелёные сражались, она считала Голубых слишком
целеустремлёнными. Жизнь больше, сложнее, чем единственная цель. Жизнь нужна для того, чтобы жить. Чтобы мечтать, смеяться и танцевать.

Гавин в лагере Айз Седай. Она говорила, что выбрала бы Зелёную за её воинственную направленность – это была Боевая Айя. Но более глубокая, более честная часть её признавала, что одной из причин ее решения был Гавин. Среди Зелёных браки со Стражами были обычным

делом. Эгвейн сделает Гавина Стражем. И мужем.

Она любит его. Она свяжет его узами. Эти желания её сердца были не так важны, как судьба мира, но всё же они были важны.

Эгвейн встала со ступенек, и её одежда снова превратилась в белосеребристое платье Амерлин. Она сделала шаг вперёд и позволила миру вокруг сдвинуться.

Девушка стояла перед Белой Башней. Она подняла глаза и пробежалась взглядом сверху вниз по мощному, но изысканному белому стержню башни. Несмотря на то, что небо было черным и беспорядочно бурлящим, Башня почему-то

отбрасывала тень, и та падала прямо на Эгвейн. Было ли это каким-то своего рода знамением? Башня заставляла её ощущать себя ничтожной, Эгвейн чувствовала её вес, словно держала его на себе. Упиралась в эти стены, не давая им разрушиться и упасть.

Она долго простояла на этом месте, небо бурлило, великолепный шпиль Башни отбрасывал тень вниз на Эгвейн. Она смотрела на его вершину, пытаясь решить, не пришло ли время просто позволить Башне упасть.

«Нет, – подумала она вновь. – Не сейчас. Ещё несколько дней».

Эгвейн закрыла глаза – и

открыла их в темноте. Её тело внезапно начала разрывать боль, её зад был исполосован ремнём, руки и ноги сводили судороги оттого, что приходилось лежать, скрючившись, в крохотной комнатке. Пахло прелой соломой и плесенью, и она знала, что если бы её нос не привык, то она бы почувствовала и вонь своего немытого тела. Девушка подавила стон — снаружи находились женщины, которые охраняли и поддерживали её щит. Она не позволит им услышать её жалоб — даже в виде стоны.

Эгвейн села. На ней было то же платье послушницы, в котором она была на ужине у Элайды. Рукава

платья заскорузли от засохшей крови, которая трескалась при движении и царапала кожу. Хотелось пить. Они никогда не давали ей достаточно воды. Но она не жаловалась. Никаких криков или плача, никаких просьб. Несмотря на боль, она заставила себя сесть, улыбаясь тому, что может отстраниться от болезненных ощущений. Эгвейн скрестила ноги, отклонилась назад и по одной выпрямила руки, потягиваясь. Потом она встала и наклонилась, разминая спину и плечи. Наконец она легла на спину и выпрямила ноги, подняв их вверх, непроизвольно морщась от их возражений. Она должна сохранять подвижность конечностей. Боль —

ничто. Абсолютно ничто, по сравнению с опасностью, в которой находится Белая Башня.

Девушка снова села, поджав ноги, и сделала несколько глубоких вздохов, повторяя себе, что она хочет быть запертой в этой комнате. Если бы она пожелала, то могла бы сбежать, но она осталась. Оставшись, она подорвала авторитет Элайды. Оставшись, она доказала, что есть те, кто не согнутся и не станут спокойно смотреть на падение Белой Башни. Это заточение что-то значило.

Слова, повторявшиеся в её голове, помогали подавить страх от мысли, что ей предстоит провести новый день в этой клетке. Что бы она

делала без снов, чтобы сохранить рассудок? И снова она подумала о бедном Ранде, запертом в сундуке. Теперь у них было что-то общее. Какое-то родство помимо совместно проведённого в Двуречье детства. Они оба пострадали от рук Элайды. И обоих это не сломило.

Оставалось только ждать. Около полудня они откроют дверь и вытащат её наружу, чтобы избить. Наказание приведёт в исполнение не Сильвиана. Возможность выпороть её, похоже, была наградой — компенсацией Красным сёстрам за то, что им приходилось целыми днями сидеть в подземельях и её охранять.

После порки Эгвейн отправится обратно в клетку и получит миску безвкусной каши. Изо дня в день происходило одно и то же. Но она не сломается, особенно пока может проводить ночи в Тел'аран'риоде. На самом деле, теперь ночи во многом походили на день – там она была свободна и деятельна, а дни становились ночами, проведёнными в темноте и бездействии. Так она себя успокаивала.

Утро тянулось медленно. В конце концов, щёлкнули железные ключи, поворачиваясь в старинном замке. Дверь открылась. За ней показалась пара стройных Красных сестёр – свет был так непривычен

для Эгвейн, что она не могла разглядеть их лиц, только смутные силуэты. Красные грубо схватили её за руки, хотя она никогда не сопротивлялась. Они выволокли её наружу и бросили на землю. Эгвейн услышала, как одна из них шлёпнула ремнём по руке в предвкушении, и приготовилась к ударам. Они услышат её смех, как и в каждый из предыдущих дней.

— Подождите, — прозвучал чей-то голос.

Руки, удерживавшие Эгвейн, как будто одеревенели. Эгвейн нахмурилась, касаясь щекой холодных плиток пола. Этот голос... он принадлежал Кэтрин.

Сёстры, удерживавшие Эгвейн, медленно ослабили хватку и подняли девушку на ноги. От яркого света ламп она прищурилась, чтобы разглядеть Кэтрин, которая, сложив руки под грудью, стояла в коридоре неподалеку.

— Её приказано освободить, — сказала Красная; как ни странно, её голос прозвучал самодовольно.

— Что? — переспросила одна из тюремщиц Эгвейн. Глаза девушки привыкли к свету, и теперь она видела, что это долговязая Барасин.

— Амерлин поняла, что наказывает не того человека, — сообщила Кэтрин. — Вина лежит главным образом не на этой...

ничтожной послушнице, а на той, кто должна была справиться с ней.

Эгвейн уставилась на Кэтрин. И вдруг головоломка встала на свои места.

– Сильвиана, – сказала она.

– Именно, – подтвердила Кэтрин. – Если послушницы выходят из-под контроля, разве вина не должна падать на того, кто был обязан их обучать?

Значит, Элайда всё-таки поняла, что не сможет доказать, что Эгвейн – Приспешница Тёмного. Привлечение внимания к Сильвиане – разумный шаг. Если бы Элайда была наказана за использование Силы для избиения Эгвейн, а Сильвиана наказана

гораздо сильнее за то, что позволила Эгвейн выйти из-под контроля, это спасло бы лицо Амерлин.

— Думаю, Амерлин сделала мудрый выбор, — сказала Кэтрин. — Эгвейн, с настоящего момента тебя будет... обучать только Наставница Послушниц.

— Но, как ты сказала, Сильвиана не справилась, — в замешательстве сказала Эгвейн.

— Не Сильвиана, — ответила Кэтрин, было видно, что её самодовольство даже выросло. — Новая Наставница Послушниц.

Эгвейн встретила взгляд женщины.

— А, — сказала она, — и ты

веришь, что добьёшься успеха там, где не справилась Сильвиана?

— Увидишь, — Кэтрин повернулась и пошла по выложенному плиткой коридору. — Отведите её в её комнату.

Эгвейн покачала головой. Элайда оказалась умнее, чем считала Эгвейн. Она поняла, что заточение не работает, и нашла козла отпущения, чтобы наказать его вместо Эгвейн. Но чтобы им стала смещённая с должности Наставницы Послушниц Сильвиана? Это будет ударом по моральному состоянию всей Башни, поскольку многие сёстры считали Сильвиану идеальной Наставницей Послушниц.

Красные неохотно повели Эгвейн в комнаты послушниц, которые теперь располагались на двадцать втором этаже. Кажется, они были раздосадованы тем, что не смогли её выпороть.

Девушка не обращала на них внимания. После такого длительного заключения было чудесно просто пройтись. Это еще не было свободой – под конвоем пары охранниц – но, несомненно, очень похоже! Свет! Она не была уверена в том, сколько ещё дней смогла бы продержаться в этой сырой дыре!

Но она победила. Осознание этого только начало ей открываться. Она победила! Она противостояла

худшему наказанию, которое только могла выдумать Элайда, и вышла победительницей! Амерлин будет наказана Советом, а Эгвейн — освобождена.

Каждый знакомый коридор, казалось, празднично сиял, и каждый ее шаг казался победным маршем тысячной армии по полю боя. Она победила! Война ещё не окончена, но эта битва осталась за Эгвейн. Они поднялись на несколько этажей, прежде чем вошли в более людную часть башни. Вскоре она заметила проходящую группу послушниц; завидев Эгвейн, те начали перешёптываться, а потом разбежались в стороны.

Через несколько минут небольшая процессия во главе с Эгвейн начала встречать всё больше и больше людей в коридорах. Сестры всех Айя, выглядевшие занятыми — однако, их шаги замедлялись, когда они замечали проходившую мимо Эгвейн. Принятые в платьях с семицветной каймой маскировались гораздо меньше: они стояли на пересечениях коридоров, таращась на проходившую мимо Эгвейн. В глазах каждой из них было удивление. Почему она на свободе? Они выглядели напряжёнными. Может быть, произошло нечто, о чём Эгвейн не была осведомлена?

— А, Эгвейн, — раздался голос,

когда они шли по коридору. — Великолепно, ты уже свободна. Я хочу с тобой поговорить.

Эгвейн удивленно повернулась и увидела Саэрин, целеустремлённую Восседающую от Коричневой Айя.

Шрам на щеке женщины всегда делал её более... пугающей, чем прочих Айз Седай. Впечатление усиливалось седыми локонами, свидетельствовавшими о её внушительном возрасте. Немногих сестёр из Коричневой Айя можно было описать как устрашающих, но Саэрин несомненно относилась к этой группе.

— Мы ведём её в её комнаты, — сообщила Барасин.

– Хорошо, я поговорю с ней по дороге, – спокойно ответила Саэрин.

– Ей не позволено...

– Ты отказываешь мне, Красная?

Восседающей? – спросила Саэрин.

Барасин покраснела.

– Амерлин не обрадуется, когда узнает об этом.

– Тогда беги и Расскажи ей, – сказала Саэрин. – А пока я обсужу некоторые важные вопросы с юной ал'Вир, – она уставилась на Красных. – Дайте нам немного места, если не возражаете.

Не сумев смутить её взглядом, Красные немного отстали. Эгвейн с любопытством наблюдала. Оказалось, что авторитет Амерлин –

даже в её собственной Айя – оказался очень слабым. Саэрин повернулась к Эгвейн, сделала ей знак, и они вместе пошли по коридору, в сопровождении отставших Красных.

– Ты рискуешь быть увиденной, разговаривая со мной вот так запросто, – сказала Эгвейн.

Саэрин фыркнула.

– В наши дни покинуть свои комнаты уже риск. Меня слишком расстраивает происходящее, чтобы беспокоиться о мелочах, – она помолчала и взглянула на Эгвейн. – Кроме того, быть увиденной в твоей компании сейчас может стоить этого риска. Я хотела кое-что выяснить.

— Что именно? — с любопытством спросила Эгвейн.

— Что ж, на самом деле я хотела проверить, получится ли их запугать. Большинство сестер из Красной Айя не одобряют твоё освобождение. Они считают это проявлением слабости со стороны Элайды.

— Ей следовало казнить меня, — кивнула Эгвейн. — много дней назад.

— Это было бы расценено как провал.

— Такой же провал, как вынужденное смещение Сильвианы? — спросила Эгвейн. — Внезапное решение свалить все на Наставницу Послушниц через неделю после случившегося?

– Это то, что они тебе сказали?
– глядя вперёд и улыбаясь, спросила
Саэрин на ходу. – Что Элайда
«внезапно» пришла к такому
решению самостоятельно?

Эгвейн подняла бровь.

– Сильвиана потребовала слова
во время заседания Совета в полном
составе, – объяснила Саэрин. – Она
выступила перед нами, перед самой
Элайдой и настояла на том, что
обращение с тобой незаконно. Каким
оно, скорее всего, и было.

– Пусть даже ты не Айз Седай,
тебя нельзя было держать в таких
отвратительных условиях, – Саэрин
взглянула на Эгвейн. – Сильвиана
потребовала твоего освобождения.

Должна отметить, что, похоже, она тебя очень уважает. Она с гордостью рассказывала, как ты принимала свои наказания, как будто ты была студентом, который хорошо выучил её урок. Она обвиняла Элайду, призывая низложить её с поста Амерлин. Это было... довольно необычно.

— Во имя света... — выдохнула Эгвейн. — Что с ней сделала Элайда?

— Приказала ей надеть платье послушницы, — сказала Саэрин. — Практически вызвала волнение в самом Совете, — Саэрин помедлила. — Разумеется, Сильвиана отказалась. Элайда заявила, что тогда она должна быть подвергнута усмирению

и казни. Совет не знает, что делать.

Эгвейн почувствовала укол паники.

– Свет! Она не должна понести наказание! Нужно это предотвратить.

– Предотвратить это? – переспросила Саэрин. – Дитя, Красная Айя рассыпается. Её члены обращаются друг против друга, как волки, атакующие собственную стаю. Если Элайде будет позволено убить женщину из собственной Айя – неважно, какую поддержку она получит от самой Айя, их порядки расстроятся. Что ж, я не удивлюсь, увидев, когда уляжется пыль, что Айя настолько подорвала себя, что ты сможешь просто расформировать её

и покончить с ними.

— Я не хочу их расформировывать, — сказала Эгвейн. — Саэрин, это в первую очередь одна из проблем в логике Элайды! Чтобы встретить то, что грядёт, Белая Башня нуждается во всех Айя, даже в Красной. И, безусловно, мы не можем позволить себе потерять такую женщину, как Сильвиана, просто в назидание другим. Окажи ей всю поддержку, которую сможешь. Мы должны действовать быстро, чтобы остановить этот фарс.

Саэрин моргнула.

— Ты действительно думаешь, что командуешь здесь, дитя?

Эгвейн встретила с ней

ВЗГЛЯДОМ.

– Хочешь взяться сама?

– Свет, нет!

– Что ж, тогда не мешай и приступай к работе! Элайду необходимо сместить, но мы не можем позволить развалиться всей Башне, когда это произойдёт. Ступай в Совет и выясни, что ты можешь сделать, чтобы это остановить!

Как ни странно, Саэрин кивнула в знак уважения, прежде чем исчезнуть в боковом коридоре. Эгвейн взглянула назад, на двух Красных конвоиров.

– Вы много слышали?

Они взглянули друг на друга. Конечно, они слушали.

– Вы хотели бы пойти выяснить для себя, что произошло, – сказала Эгвейн. – Почему бы вам именно так и не поступить?

Парочка взглянула на неё с раздражением.

– Щит, – сказала Барасин. – Нам дали указание всегда поддерживать его как минимум вдвоём.

– Ах, ради... – Эгвейн сделала глубокий вдох. – Если я дам клятву не обнимать Источник до тех пор, пока я не буду, как положено, под надзором другой Красной сестры, будет ли этого для вас достаточно?

Парочка одарила её подозрительным взглядом.

– Так я и думала, – сказала

Эгвейн. Она повернулась к группе послушниц, которые стояли в боковом коридоре, притворяясь, что чистят плитку на стене, пока глазели на Эгвейн.

– Так, ты, – сказала Эгвейн, указывая на одну из них. – Марсиал, правильно?

– Да, Мать, – пропищала девочка.

– Ступай и достань нам немного чая из корня вилочника. У Кэтрин он должен быть в кабинете Наставницы Послушниц. Это недалеко. Скажи ей, что его просит Барасин, чтобы дать мне. Принеси в мою комнату.

Послушница убежала исполнять распоряжение.

– Я выпью отвар, и тогда, по крайней мере, одна из вас сможет идти, – сказала Эгвейн. – Ваша Айя разваливается. Похоже, им понадобятся все ясные головы, на которые они могут рассчитывать. Возможно, вам удастся убедить сестёр, что глупо позволять Элайде казнить Сильвиану.

Красные неуверенно переглянулись. Затем тощая сестра, чьего имени Эгвейн не знала, тихонько выругалась и поспешила прочь, всплеснув шелестящими юбками. Барасин окликнула её, но женщина не вернулась.

Барасин взглянула на Эгвейн, пробормотала что-то себе под нос,

но осталась на месте.

— Мы ждём корень вилочника, — сказала она, глядя Эгвейн в глаза. — Иди к себе.

— Замечательно, — сказала Эгвейн. — Но каждая минута, которую ты потеряешь, может дорого тебе обойтись.

Они поднялись по лестнице в новые покои послушниц, которые были разделены остатками Коричневой секции Башни, и остановились перед дверью в комнату Эгвейн, ожидая корень вилочника. Пока они стояли, вокруг начали собираться послушницы. В дальних коридорах с озабоченным видом носились сёстры и их стражи.

Может, Совет сможет что-то сделать, чтобы сдержать Элайду. Если она действительно зайдёт так далеко, чтобы казнить несогласных с ней сестёр...

Послушница с широко распахнутыми глазами, наконец, вернулась с чашкой и маленьким пакетом трав. Барасин изучила пакет и, по-видимому, его содержимое ее удовлетворило, поскольку она высыпала его в чашку с водой и нетерпеливо передала её Эгвейн. Девушка, вздохнув, приняла её и выпила залпом целую чашку тёплого чая. Этой дозы было достаточно, чтобы она не смогла направить и струйки силы, но девушка надеялась,

что всё же недостаточно для того, чтобы лишить ее сознания.

Барасин повернулась и поспешила прочь, оставив Эгвейн в коридоре одну. Не просто одну, но одну и свободную делать всё, что она захочет. Правда, выбор был невелик.

Что ж, посмотрим, что можно предпринять. Но, прежде всего, нужно снять это грязное, измазанное кровью платье, да и помыться не помешает. Она толчком распахнула дверь в свою комнату.

И обнаружила, что внутри кто-то сидит.

– Здравствуй, Эгвейн, – сказала Верин, делая маленький глоток из чашки с чаем, над которой

поднимался пар. – Надо же! А я уже было решила, что для того, чтобы с тобой поговорить, придётся вломиться в твою камеру.

Эгвейн оправилась от шока. Верин? Когда эта женщина вернулась в Белую Башню? Сколько времени прошло с их последней встречи?

– У меня сейчас нет времени, Верин, – сказала она, быстро открывая маленький шкафчик, в котором хранились сменные платья. – У меня много дел.

– Хмм, да, – ответила Верин, спокойно прихлебывая чай. – Догадываюсь, что так и есть. Кстати, платье, что сейчас на тебе – зелёное.

Посмотрев на свое платье,

Эгвейн задумалась над прозвучавшей бессмыслицей. Конечно же, оно не было зелёным. О чём это Верин? Неужели она совсем...

Девушка застыла, уставившись на Верин.

Это была ложь. Верин может лгать.

— Ага, как я и думала, это смогло привлечь твоё внимание, — улыбаясь, произнесла Верин. — Тебе стоит присесть. Нам многое надо обсудить, а времени у нас мало.

Глава 39. Визит Верин Седай

– Ты никогда не держала в руках Клятвенный жезл, – обвинила ее Эгвейн, все еще стоя у шкафа. Верин осталась сидеть на краешке кровати, потягивая чай. На полной женщине было простое коричневое платье с подобающим почтенной даме

вырезом на груди, широким кожаным поясом на талии и юбкой-штанами. Судя по грязным ботинкам, выглядывающим из-под подола, она только что вернулась в Белую Башню.

– Не глупи, – Верин поправила выбившуюся из пучка прядь; в её каштановых волосах густо пробивалась седина. – Дитя, я держала Клятвенный Жезл и поклялась на нем до того, как родилась твоя бабушка.

– Значит, ты сняла Клятвы, – сказала Эгвейн. С Клятвенным Жезлом это было возможно – в конце концов, Юкири, Саэрин и другие сняли с себя клятвы и принесли их заново.

– Что ж, да, – в голосе Верин появились материнские нотки.

– Я не доверяю тебе, – внезапно выпалила Эгвейн, – и не думаю, что когда-либо доверяла.

– Очень мудро, – сказала Верин, сделав небольшой глоток чая, запах которого Эгвейн не могла распознать. – В конце концов, я из Черной Айя.

Эгвейн внезапно почувствовала укол холода, словно её насквозь через спину до самой груди пронзил ледяной шип. Черная Айя. Верин была Черной. Свет!

Эгвейн немедленно потянулась к Единой Силе. Но, конечно же, из-за корня вилочника эта попытка была

тщетной. И Эгвейн сама настояла на том, чтобы ей его дали! Свет, о чем она только думала? Воодушевленная своей победой, она вовсе не думала, что будет, если она столкнется с Черной сестрой. Но кто бы мог даже предположить подобное? Обнаружить одну из них спокойно сидящей на твоей кровати, попивающей чай и смотрящей на тебя глазами, которые — как всегда казалось — знают слишком много. Что может быть лучшим прикрытием, чем скромная Коричневая, на которую остальные сестры обычно не обращают внимания из-за ее рассеянности, так свойственной ученым?

– Да уж, это и впрямь хороший чай, – сказала Верин. – Когда в следующий раз увидишь Ларас, пожалуйста, поблагодари ее от моего имени за него. Она клялась, что у нее еще сохранились припасы, не затронутые порчей, но я ей не поверила. Сейчас немногим можно верить, не так ли?

– Что, и Ларас – Друг Темного? – спросила Эгвейн.

– О небо, нет, – ответила Верин. – Она много кто, но только не Друг Темного. Скорее Белоплащик женится на Айз Седай, чем Ларас принесет клятву Великому Повелителю. Очень необычная женщина. К тому же неплохо

разбирается в чае.

– Что ты собираешься со мной сделать? – спросила Эгвейн, заставляя себя говорить спокойно. Если бы Верин хотела убить ее, она бы уже это сделала. Очевидно, Верин хотела использовать Эгвейн, и это давало девушке шанс. Шанс сбежать, шанс изменить ситуацию. Свет, все это было так не вовремя!

– Что ж, – сказала Верин, – прежде всего я попрошу тебя сесть. Я бы предложила тебе немного чая, но я искренне сомневаюсь, что тебе понравится то, что я пью.

«Думай, Эгвейн!» – приказала она себе. Звать на помощь было бесполезно – крик слышали бы

только послушницы, поскольку обе ее Красные надсмотрщицы убежали. Надо же, повезло остаться одной! Она бы никогда не подумала, что захочет, чтобы тюремщицы были неподалеку.

В любом случае, если она закричит, Верин несомненно свяжет ее и заткнет рот кляпом из потоков Воздуха. Даже если кто-то из послушниц и впрямь услышит, они прибегут посмотреть, в чем дело — и попадут прямиком в лапы Верин. Так что Эгвейн выдвинула единственный в комнате деревянный табурет и села на него, хотя ее зад и протестовал против жесткого дерева.

Маленькая комната была

спокойной и тихой, холодной и чистой, поскольку в ней никто не жил четыре дня. Эгвейн отчаянно искала путь к спасению.

— Я восхищена тем, чего ты достигла здесь, Эгвейн, — сказала Верин.

— Я следила за некоторыми безрассудствами, происходящими между фракциями Айз Седай, однако, я решила не принимать в них участия лично. Важнее было продолжать мои исследования и приглядывать за юным ал'Тором. Он вспыльчивый человек, должна сказать. Я беспокоюсь о юноше. Не уверена, что он понимает, как действует Великий Повелитель. Не

все зло столь... очевидно, как Избранные. Или Отрекшиеся, как вы их зовете.

– Очевидно? – сказала Эгвейн. – Отрекшиеся?

– Что ж, все относительно, – Верин улыбнулась и погрела руки о чашку с чаем. – Избранные похожи на ватагу ссорящихся ребятишек, каждый из которых пытается перекричать другого, чтобы привлечь родительское внимание. Очень легко определить, чего они хотят: власти над другими детьми, доказательств, что они самые важные. Я убеждена, что не ум, хитрость или мастерство делают кого-либо Избранным – хотя, конечно, эти вещи важны. Нет, я

считаю, Великий Повелитель ищет в своих главных лидерах именно эгоизм.

Эгвейн нахмурилась. Они и в самом деле так спокойно беседовали об Отрекшихся?

— Почему он выбрал это качество?

— Это делает их предсказуемыми. Инструмент, от которого всегда знаешь, чего ожидать, более ценен, чем тот, который ты понять не можешь. Или, возможно, потому, что когда они борются между собой, выживают только сильнейшие. Я не знаю, честно. Избранные предсказуемы, но Великий Повелитель — нет. Даже

после стольких лет изучения я не могу быть в точности уверена, чего он хочет и почему он хочет именно этого. Я лишь знаю, что эта битва пройдет не так, как ожидает ал'Тор.

— И какое отношение все это имеет ко мне? — спросила Эгвейн.

— Да почти никакого — ответила Верин, прицокнув языком. — Боюсь, я позволила себе увести разговор в сторону, а у нас так мало времени. Я и впрямь должна быть более внимательной.

Она все еще казалась приятной, ученой Коричневой сестрой. Эгвейн всегда думала, что Черные сестры должны быть... иными.

— Как бы то ни было, —

продолжила Верин, – мы говорили о том, чего ты добилась здесь, в Башне. Я боялась, что найду тебя все еще возящейся с твоими друзьями снаружи. Представь мое изумление, когда я обнаружила, что ты не только проникла к сторонницам Элайды, но и успела настроить половину Совета против нее. Могу сказать, что ты, безусловно, рассердила некоторых моих... коллег. Многие из них недовольны.

Верин покачала головой, сделав очередной глоток чая.

– Верин, я... – Эгвейн запнулась.
– Что за...

– Я боюсь, нет времени, – перебила её Верин, подавшись

вперед. Вдруг что-то в ней переменялось. Хотя она и оставалась пожилой – иногда по-матерински – женщиной, выражение ее лица стало более решительным. Она встретила глазами с Эгвейн, и глубина взгляда поразила девушку. Неужели это та же самая женщина?

– Спасибо, что благосклонно выслушала бабью болтовню, – мягко сказала Верин. – Было очень приятно тихо побеседовать за чашечкой чая, по меньшей мере, еще разок. Сейчас мы перейдем к вещам, которые ты должна узнать. Много лет назад передо мной встал выбор. Я оказалась в положении, когда я могла или принести клятвы Темному, или

же признаться, что никогда не хотела и не собиралась этого делать, после чего меня ждала смерть.

– Возможно, другой и нашел бы выход из этой ситуации. Многие просто выбрали бы смерть. Я, однако, узрела в этом возможность. Видишь ли, редко выпадает такой шанс как этот, изучить сердце зверя изнутри, увидеть воочию, что заставляет кровь циркулировать по его телу. Обнаружить, куда ведут все эти мелкие вены и капилляры. Очень необычный опыт.

– погоди, – сказала Эгвейн, – ты присоединилась к Черной Айя, чтобы изучать их?

– Я присоединилась к ним,

чтобы сохранить свою шкуру, — сказала Верин. — Она мне очень дорога, хотя Томас мне все уши прожужжал насчет моих седых волос. В любом случае, после присоединения к ним, шанс изучить их и стал моим способом извлечь из ситуации все, что только можно.

— А Томас? Он знает, что ты сделала?

— Он сам был Приспешником Темного, дитя, — сказала Верин. — И искал выход. Но, по правде говоря, если Великий Повелитель запустил в тебя свои когти, то пути назад нет. Но был путь бороться, хоть немного компенсировать сделанное. Я предложила этот шанс Томасу, и я

верю, что он был более чем благодарен мне за это.

Эгвейн не знала, как поступить, пытаясь переварить все сказанное. Верин была Другом Темного... но в то же время и не была им.

— Ты сказала, что он «был» более чем благодарен тебе?

Верин ответила не сразу. Она просто сделала еще один глоток чая.

— Клятвы, что приносят Великому Повелителю, весьма специфичны, — продолжила она наконец. — И если их приносит тот, кто может направлять, они весьма прочны. Их невозможно нарушить. Ты можешь вести двойную игру против других Друзей Темного,

можешь выступить против
Избранных, если сможешь найти
этому оправдание. Эгоизм
приветствуется. Но ты никогда не
сможешь предать его. Ты никогда не
сможешь выдать самую организацию
посторонним. Но клятвы
специфичны. Очень специфичны, —
она подняла глаза, встретив взгляд
Эгвейн. — «Я клянусь не предавать
Великого Повелителя и хранить свои
секреты, пока не наступит час моей
смерти». Вот в чем я поклялась. Ты
понимаешь?

Эгвейн посмотрела на пар над
кружкой в руках Верин.

— Яд?

— Нужен особенный чай, чтобы

подсластить змеиную гниль, — сказала Верин, делая очередной глоток. — Как я просила, пожалуйста, поблагодари Ларас от моего имени.

Эгвейн закрыла глаза. Найнив упоминала змеиную гниль, единственная капля которой смертельна. Это была быстрая смерть, тихая и обычно наступавшая... в течение часа после отравления.

— Забавная прореха в клятвах, — тихо произнесла Верин, — чтобы позволить кому-то предательство в последний час жизни. Я не перестаю размышлять о том, знает ли об этом Великий Повелитель. Почему он не прикрыл эту лазейку?

– Возможно, он не видит в этом угрозы, – Эгвейн открыла глаза. – В конце концов, какой Приспешник Темного убьет себя ради общего блага? Это не похоже на то, как мыслят его последователи.

– Может, ты и права, – Верин отставила чашку с чаем в сторону. – Будет разумно убедиться, что чашку потом тщательно вымоют, дитя.

– Что, это все? – похолодев, спросила Эгвейн. – А что с Томасом?

– Мы попрощались. Он проводит свой последний час с семьей.

Эгвейн покачала головой, чувствуя печаль.

– Ты пришла ко мне с признанием, покончив с собой в

поиске последнего искупления?

Верин засмеялась:

– Искупления? Мне кажется, его не так-то просто заслужить. Свет знает, что я сделала достаточно, чтобы требовать особого искупления. Но это стоило уплаченной цены. Действительно стоило. Хотя, возможно, это всего лишь то, что мне хотелось бы услышать.

Она достала кожаную сумку из-под одеяла, сложенного в ногах кровати Эгвейн. Верин бережно развязала шнурки и вынула два предмета: две книги, переплетенные в кожу. Одна была побольше, как справочник, но без заглавия на красном переплете. Другая оказалась

тонкой синей книжицей. Обложки обеих были слегка потерты от использования.

Верин передала их Эгвейн. Помедлив, та взяла их, большую и тяжелую правой рукой, легкую синюю – левой. Нахмурившись, она провела пальцем по гладкой коже. Затем посмотрела на Верин.

– Каждая женщина из Коричневой Айя, – сказала Верин, – стремится оставить что-то после себя. Научный труд или исследование, которое было бы значимым. Другие часто обвиняют нас, что мы игнорируем мир вокруг. Они считают, что мы смотрим лишь в прошлое. Что ж, это не так. Если

мы рассеянные, то лишь потому, что мы смотрим в будущее, на тех, кто придет после нас. И информация, знания, что мы собираем... мы оставляем ее для них. Другие Айя беспокоятся об улучшении дня сегодняшнего; мы стремимся сделать лучше день завтрашний.

Эгвейн отложила синюю книжечку, сначала заглянув в красную. Слова были написаны мелким, аккуратным, но убористым почерком, в котором она узнала почерк Верин. Ни одно из предложений не имело смысла. Сплошная тарабарщина.

— Книга поменьше — это ключ, Эгвейн, — объяснила Верин. — В ней

содержится шифр, который я использовала, чтобы написать этот том. Этот том – это... труд. Мой труд. Труд всей моей жизни.

– Что это? – тихо спросила Эгвейн, подозревая, что знает ответ.

– Имена, места, пояснения, – сказала Верин. – Все, что я о них узнала. О лидерах Приспешников Темного, о Черных Айя. Пророчества, в которые они верят, цели и мотивы отдельных течений. В конце – список всех сестер из Черной Айя, что я смогла обнаружить.

Эгвейн вскинулась:

– Всех?

– Сомневаюсь, что вычислила

всех, — улыбнулась Верин. — Но я думаю, что нашла подавляющее большинство. Я клянусь тебе, Эгвейн. Я могу быть очень тщательной.

Эгвейн с благоговением посмотрела на книги. Невероятно! Свет, да это сокровище ценнее, чем казна любого короля. Сокровище, столь же ценное, как сам Рог Валир. Со слезами на глазах она подняла взгляд, представляя себе жизнь среди Черных, постоянные наблюдения, записи и работу на общее благо.

— О, только не начинай, — сказала Верин. Ее лицо начало заметно бледнеть. — У них множество агентов среди нас, они

как черви, поедающие плод изнутри. Что ж, я подумала, что настало время завести хотя бы одного нашего среди них. Это стоит жизни одной женщины. У немногих людей был шанс сделать что-нибудь столь же полезное и столь же удивительное, как книга, что ты держишь. Мы все стремимся изменить будущее, Эгвейн. Думаю, мне как раз выпал шанс сделать это.

Глубоко вздохнув, Верин поднесла руку к голове.

— Надо же. Как быстро сработало. Я должна сказать тебе еще одну вещь. Открой красную книгу, пожалуйста.

Эгвейн сделала это и

обнаружила тонкий кожаный ремешок со стальными грузиками на концах. Такие обычно используются, чтобы заложить нужную страницу в книге, но этот был длиннее виденных ею ранее.

— Оберни его вокруг книги, — сказала Верин, — помести его между страницами, затем оберни свободные концы вокруг обложки.

Эгвейн с любопытством проделала это, заложив ремешком первую попавшуюся страницу и закрыв книгу. Она положила маленькую книгу на большую, затем взяла длинные свисающие концы закладки и переплела их между собой. Грузики, как она отметила,

подходили друг к другу. Она замкнула их. И книги исчезли.

Эгвейн остолбенела. Книги были невидимыми, хотя она и могла ощущать их в руках.

– Боюсь, работает только на книгах, – сказала Верин, зевая. – Кто-то из Эпохи Легенд, по-видимому, очень заботился о том, чтобы скрыть свои записи от посторонних глаз.

Она едва заметно улыбалась, бледнея на глазах.

– Спасибо, Верин, – сказала Эгвейн, раскрывая защелку и вытаскивая закладку. Книги снова появились. – Как бы я хотела, чтобы был какой-то иной способ...

– Должна признаться, яд был

запасным вариантом, – сказала Верин. – Я не жажду смерти; нужно сделать еще много вещей. К счастью, я позаботилась, чтобы за их выполнением... проследили, если я не вернусь. Во всяком случае, мой первый план заключался в том, чтобы найти Клятвенный Жезл и попробовать снять клятвы Великому Повелителю. К сожалению, Клятвенного Жезла, по-видимому, нет на месте.

«Саэрин, – подумала Эгвейн, – и остальные. Они, должно быть, взяли его снова».

– Мне жаль, Верин, – сказала она.

– В любом случае, это могло не

сработать, – сказала Верин, ложась на кровать и пристраивая подушку под свои каштановые с проседью волосы. – Процедура принесения клятв Великому Повелителю была... особенной. Мне очень хотелось узнать для тебя еще кое-что интересное. Одна из Избранных в Башне, дитя. Это Месана, я уверена в этом. Я надеялась, что смогу дать тебе имя, под которым она скрывается, но оба раза, когда я с ней встречалась, она так маскировалась, что мне нечего тебе сказать. Все, что я видела, записано в красной книге.

– Смотри, куда идешь. Смотри, куда бьешь. Я оставляю за тобой решение взять их всех разом или

выловить наиболее важных тайно и по отдельности. Возможно, ты решишь понаблюдать и посмотреть, сможешь ли ты противостоять их козням. Хороший допрос может пролить свет на множество вопросов, на которые не смогла ответить я. Ты должна принять так много решений, а ты ведь так молода.

Она зевнула, и тут гримаса боли исказила ее лицо.

Эгвейн поднялась и подошла к Верин.

– Спасибо, Верин. Спасибо за то, что выбрала меня, чтобы нести эту ношу.

Верин слабо улыбнулась.

– Ты очень хорошо справилась с

теми намеками, что я подбрасывала тебе раньше. Это была довольно интересная ситуация. Амерлин приказала дать тебе информацию, чтобы охотиться за Черными сестрами, которые покинули Башню, так что мне пришлось это выполнить, хотя руководство Черных было недовольно этим приказом. Никто не мог предположить, что я дам тебе тер'ангриал для хождения по снам. Но у меня всегда было насчет тебя особое предчувствие.

– Не уверена, что заслуживаю такого доверия, – Эгвейн посмотрела на книгу. – Такого доверия, которое ты мне оказала.

– Чушь, дитя, – Верин вновь

зевнула; у нее закрывались глаза. — Ты будешь Амерлин, я уверена в этом. А Амерлин должна быть вооружена знаниями. Среди прочего, одна из наиболее священных обязанностей Коричневых — вооружать мир знаниями. Я все еще одна из них. Пожалуйста, проследи, чтобы они знали -несмотря на то, что мое имя навсегда запятнано словом «Черная», моя душа осталась Коричневой. Скажи им...

— Я скажу, Верин, — пообещала Эгвейн. — Но твоя душа не Коричневая, я вижу это.

Нахмутив брови, Верин открыла подрагивающие веки, встретившись взглядом с Эгвейн.

– Твоя душа ослепительно белая, Верин, – мягко сказала Эгвейн, – как сам Свет.

Верин улыбнулась, и ее глаза закрылись. Настоящая смерть наступит через несколько минут, но забвение уже пришло. Эгвейн села, держа женщину за руку. Элайда и Совет сами о себе позаботятся; Эгвейн хорошо подготовила почву. Объявиться сейчас и выдвигать требования стало бы настоящим испытанием на прочность для её авторитета.

Когда пульс Верин исчез, Эгвейн взяла чашку с отравленным чаем и отставила ее в сторону, затем поднесла блюдо к носу Верин.

Блестящая поверхность не помутнела. Такая проверка казалась жестокой, но существовали зелья, которые могут помочь казаться мертвым и сохранять неглубокое дыхание, и если Верин хотела запутать Эгвейн, дав наводку не на тех Сестер, то это был замечательный способ. В самом деле, жестоко было перепроверять, и от этого Эгвейн стало дурно, но она была Амерлин. Она делала то, что было трудно, и рассматривала все возможности.

Конечно, никакая по-настоящему Черная сестра не стала бы умирать, только чтобы направить ее по ложному пути. Ее сердце

верило Верин, но ее разум хотел удостовериться. Она бросила взгляд на свой непритязательный стол, где оставила книги. В этот момент дверь без предупреждения распахнулась, и в комнату заглянула молодая Айз Седай – недавно получившая шаль и потому еще не приобретающая безвозрастной внешности. Турезе, одна из Красных сестер. Наконец кого-то направили присматривать за Эгвейн. Недолгий период свободы подошел к концу. Что ж, бесполезно плакать о том, чему не бывать. Время было потрачено с пользой. Хотелось бы, чтобы Верин навестила ее неделей раньше, но сделанного не воротить.

Увидев Верин, Красная сестра нахмурилась, и Эгвейн быстро поднесла палец к губам, кинув на молодую сестру строгий взгляд.

Эгвейн поспешила к двери.

– Она просто вошла и хотела поговорить со мной о задании, которое дала мне давно, еще до раскола в Башне. Эти Коричневые сестры порой чрезмерно преданы своему делу.

Правдивые слова, каждое из них. Турезе уныло кивнула, услышав комментарий о Коричневых.

– Я бы предпочла, чтобы она выбрала собственную кровать, чтобы прилечь, – сказала Эгвейн. – Я не вполне представляю, что теперь с

ней делать.

И снова только правда. Эгвейн действительно было необходимо заполучить Клятвенный Жезл. В подобные моменты ложь начинала казаться слишком удобным выходом.

– Должно быть, она очень устала с дороги, – сказала Турезе мягким, но уверенным голосом. – Ты должна позволить ей делать все, что она пожелает; она Айз Седай, а ты всего лишь послушница. Не беспокой ее.

С этими словами Красная закрыла дверь, и Эгвейн удовлетворенно улыбнулась себе. Затем она взглянула на тело Верин, и ее улыбка угасла. Со временем, ей придется сообщить, что Верин

умерла. Как она объяснит это? Что ж, она что-нибудь придумает. Под давлением она может даже сказать правду. Однако сначала ей нужно провести немного времени с этой книгой. Велики шансы, что в ближайшем будущем книгу отберут, даже с тер'ангриалом-закладкой. Возможно, ей стоит хранить ключ к шифру отдельно от сокровенной книги. Возможно, надо запомнить и уничтожить ключ. Всё это было бы легче спланировать, если бы она знала, что произошло в Совете! Была ли Элайда смещена? Жива Сильвиана или ее казнили?

Находясь под стражей, она мало, что могла разузнать. Ей оставалось

только ждать. И читать.

Код оказался довольно сложным, и для его расшифровки требовалась едва ли не вся маленькая книга. Это обнадеживало и расстраивало одновременно. Его было крайне сложно разгадать без ключа, но также его и практически невозможно было запомнить. До утра ей не справиться, а тогда ей придется раскрыть правду о Верин.

Она взглянула на женщину. Верин в самом деле выглядела так, словно она мирно спит. Эгвейн вытащила одеяло и укрыла ее по шею, затем сняла с женщины туфли и поставила перед кроватью, чтобы сделать иллюзию более

правдоподобной. Это было несколько неуважительно, но она решила перевернуть Верин на бок. Красная сестра уже заглядывала пару раз, и у нее будет меньше подозрений, если она увидит Верин в другом положении.

Покончив с этим, Эгвейн взглянула на свечу, чтобы понять, сколько времени уже прошло. В комнате не было окон, как и во всех покоях послушниц. Она подавила желание обнять Силу и создать шар света, чтобы читать при его сиянии. Ей придется довольствоваться пламенем единственной свечи.

Она погрузилась в свою первую задачу: расшифровать имена Черных

сестер, список которых был в конце книги. Это было даже более важно, чем запомнить шифр. Она должна была знать, кому она может доверять. Следующие несколько часов были самыми беспокойными и страшными в ее жизни. Часть имен была ей неизвестна, многие — едва знакомы. Другие же принадлежали женщинам, с которыми она работала, которых уважала, и которым доверяла. Она выругалась, когда почти в начале списка обнаружила имя Кэтрин, затем присвистнула от удивления, встретив имя Алвиарин. Она слышала об Элзе Пенфелл и Галине Касбан, но не знала некоторые из последующих имен.

Когда она прочла имя Шириам, ее замутило. Эгвейн уже подозревала ее однажды, это правда, но было это в ее бытность послушницей и Принятой. В те дни – дни, когда она только начала охоту на Черную Айя – еще было свежо предательство Лиандрин. Тогда Эгвейн подозревала всех и каждого.

Во время изгнания в Салидаре Эгвейн тесно работала с Шириам, и ей начала нравиться эта женщина. Но она была Черной. Хранительница Эгвейн была Черной. «Будь твердой, Эгвейн», – подумала она, продолжая читать список. Она работала, преодолевая ощущение предательства, горечи и сожаления.

Она не должна была позволить эмоциям встать на пути ее долга.

Черные сестры были рассеяны по всем Айя. Некоторые были Восседающими, другие были самыми слабыми и занимали самое низкое положение среди Айз Седай. И их были сотни, немногим более двухсот, по подсчетам Верин. Двадцать одна Голубая, двадцать восемь Коричневых, тридцать Серых, тридцать восемь Зеленых, семнадцать Белых, двадцать одна Желтая и ошеломляющее количество – сорок восемь – Красных. Также там были имена послушниц и Принятых. В книге была приписка, что они, вероятно, были Приспешницами

Темного до того, как пришли в Белую Башню, поскольку Черная Айя принимала в свои ряды только Айз Седай. Более подробное объяснение приводилось на предыдущих страницах, но Эгвейн продолжила читать список Сестер. Она должна была знать имя каждой женщины. Она должна знать.

Черные сестры были как среди мятежных Айз Седай, так и в Белой Башне, и даже несколько среди тех неопределившихся, которых не оказалось в Башне во время раскола. Помимо Шириам, наибольшее беспокойство вызвали имена сестер, которые были Восседающими как в Башне, так и среди мятежниц.

Духара Басахин. Велина Бехар. Седоре Дадженна. Конечно, Делана Мосалейн и Талене Минли. Мейдани призналась Эгвейн, что Талене была Черной, что и обнаружили Саэрин с остальными, но женщина сбежала из Башни.

Морайя Карентанис. Эта была из Голубой Айя, женщина, проносившая шаль более чем сотню лет, известная своей мудростью и рациональностью. Эгвейн консультировалась с ней по многим вопросам, используя ее опыт, считая, что на нее – Голубую – можно было положиться. Морайя была одной из тех, кто активно выступал за избрание Эгвейн Амерлин, и кто

быстро вставал в поддержку Эгвейн в нескольких решающих моментах.

Каждое имя было как шип, впивавшийся под кожу Эгвейн. Дагдара Финчи, однажды исцелившая Эгвейн, когда та споткнулась и подвернула лодыжку. Заника, которая занималась с Эгвейн на уроках и казалась такой милой. Ларисса Линдел. Мийаси, для которой Эгвейн колола орехи. Несита. Населле Кайяма. Налаене Форрелл, которая — как и Элза — принесла клятву Ранду. Бирлен Пена. Мелвара. Чай Руган...

Список продолжался. Несколько раздражало, что ни Романда, ни Лилейн не оказались Черными.

Возможность заковать в цепи одну из них или сразу обеих была бы как нельзя кстати. Почему Шириам, но ни одна из них?

«Остановись, Эгвейн, — подумала она. — Ты ведешь себя нерационально». Желание, чтобы определенные сестры оказались Черными, ни к чему не ведет.

Кадсуане также не было в списке. Равно как и никого из ближайших друзей Эгвейн. Она и не ожидала их там встретить, но было все же неплохо закончить чтение списка, не обнаружив там их имен. Группа Айз Седай, охотящихся на Черную Айя в Белой Башне, также была подлинной, поскольку их имен

в списке тоже не оказалось. Не было там и имен шпионок из Салидара.

И имени Элайды также не было в списке. В конце было пояснение, что Верин очень тщательно присматривалась к Элайде, выискивая доказательство, что она была Черной. Но высказывания Черных Сестер твердо убедили ее в том, что сама Элайда не была Другом Темного. Просто неуравновешенная женщина, которая временами мешала Черным так же, как и остальной Башне.

К сожалению, это имело смысл. Зная, что Галина и Алвиарин были Черными, Эгвейн подозревала, что не встретит имени Элайды в списке.

Черные, по-видимому, выбрали в качестве Амерлин ту, которой было легко манипулировать, затем внедрили Черную Хранительницу, чтобы ею управлять.

Вероятно, они как-то повлияли на Элайду через Галину – как поясняла Верин, той, видимо, удалось стать главой Красных – или Алвиарин. Запугиваниями или подкупом они заставили Элайду делать то, что пожелают, а она и не догадывалась, что служит Черным. И это объясняло странное падение Алвиарин. Возможно, она зашла слишком далеко? Перешла границы, вызвав гнев Элайды? Это выглядело правдоподобно, но они не могли

знать наверняка, пока сама Элайда не расскажет, или Эгвейн не расспросит Алвиарин. Что она собиралась сделать как можно скорее.

Задумавшись, она закрыла толстую красную книгу. Свеча к тому времени догорела практически до основания. День подходил к концу. Возможно, самое время настоять на получении информации о состоянии дел в Башне.

Прежде, чем она решила, как подступиться к этому, в дверь постучали. Эгвейн, подняв глаза, поспешно переплела концы закладки, и книги исчезли. Стук означал, что за дверью есть еще кто-

то, помимо Красной.

– Войдите, – сказала она.

Дверь открылась, и из-за нее показалась Николь, стройная женщина с большими темными глазами, стоящая под внимательным взглядом Турезе. По-видимому, Красной не нравилось, что у Эгвейн посетитель, но исходящий от чаши в руках Николь пар объяснял, почему той позволили постучать.

Николь, колыхнув белыми юбками, сделала реверанс Эгвейн, что заставило Турезе еще больше нахмуриться. Николь, однако, не обратила на это внимания.

– Для Верин Седай, – тихо сказала она, кивнув в сторону

кровати. — Госпожа Кухонь распорядилась, когда узнала, насколько уставшей вернулась Верин Седай из своих путешествий.

Эгвейн кивнула, скрывая возбуждение, и жестом указала на стол. Николь быстро подошла, поставила поднос на стол и прошептала:

— Я должна спросить, доверяете ли вы ей.

Она снова взглянула на кровать.

— Да, — ответила Эгвейн, скрыв слова за скрипом отодвигаемого табурета. Итак, ее союзники не знали, что Верин мертва. Это хорошо; секрет был в безопасности. Пока.

Николь кивнула, затем сказала погромче:

– Было бы лучше, если бы она съела это горячим, так что я оставляю это тебе, чтобы не будить ее. Мне велено предупредить тебя, чтобы ты не трогала еду сама.

– Я и не буду, пока не выяснится, что ей это не понадобится, – ответила Эгвейн, отворачиваясь. Спустя мгновение, за Николь закрылась дверь. Эгвейн провела несколько мучительных минут за умыванием и переодеванием, пока Турезе не открыла дверь и не проверила ее. Наконец, убедившись, что ее не прервут, она взяла ложку и принялась шарить в чашке с супом.

Ну конечно, вот маленький стеклянный сосуд со свернутой бумажкой внутри.

Умно. Ее союзники, по-видимому, слышали о том, что Верин в комнате Эгвейн, и решили воспользоваться этим как предлогом, чтобы пронести что-то внутрь. Она развернула бумажку, на которой было написано только одно слово. «Жди».

Она вздохнула, но больше ей ничего и не оставалось. Она не осмелилась достать книгу и продолжить чтение. Вскоре она услышала голоса снаружи; похоже, о чем-то спорили. В дверь снова постучали.

— Войдите, — с любопытством

сказала Эгвейн.

Дверь открылась, и в комнату вошла Мейдани. Она закрыла дверь прямо перед носом Турезе.

— Мать, — она сделала реверанс. На стройной женщине было облегающее серое платье, пожалуй, слишком очевидно подчеркивающее ее пышную грудь. Должна ли она была ужинать с Элайдой этим вечером?

— Прошу прощения, что заставила вас ждать.

Эгвейн отмахнулась.

— Как ты смогла пройти мимо Турезе?

— Известно, что Элайда... благоволит ко мне, — сказала она, — а

закон Башни гласит, что ни один пленник не может быть лишен посетителей. Она не могла остановить сестру, пожелавшую навестить простую послушницу, хотя и попыталась поспорить.

Эгвейн кивнула, а Мейдани, нахмутив брови, посмотрела на Верин. Потом побледнела. Черты Верин приобрели восковой оттенок и оплыли. Было очевидно, что что-то не в порядке. Хорошо, что Турезе ни разу не взглянула на «спящую» женщину повнимательнее.

– Верин Седай мертва, – сказала Эгвейн, бросив взгляд на дверь.

– Мать? – переспросила Мейдани. – Что произошло? На вас

напали?

– Верин Седай была отравлена Приспешником Темного незадолго до нашего с ней разговора. Она знала о яде и в последние минуты своей жизни пришла сообщить мне некую важную информацию

Невероятно, как же мало правдивых утверждений необходимо для маскировки.

– Свет! – воскликнула Мейдани.
– Убийство внутри Белой Башни? Мы должны кому-нибудь сообщить! Собрать стражу и...

– С этим разберутся, – твердо проговорила Эгвейн. – Успокойся и соберись. Я не хочу, чтобы надзирательница снаружи услышала,

о чем мы говорим.

Мейдани побледнела, затем посмотрела на Эгвейн, похоже, удивляясь, как та может быть столь бесчувственной. Хорошо. Пусть она увидит собранную, уверенную Амерлин. Пусть она не заметит и намека на печаль, смятение и тревогу.

— Да, Мать, — поклонилась Мейдани. — Конечно. Я прошу прощения.

— Полагаю, ты принесла новости?

— Да, Мать, — Мейдани взяла себя в руки. — Саэрин велела мне прийти к вам. Она сказала, что вы должны узнать о сегодняшних

событиях.

– И я слушаю, – сказала Эгвейн, стараясь не показывать свое нетерпение. Свет, она уже сама догадалась об этом. Могла ли женщина наконец-то перейти к делу? Ей еще нужно разобраться с Черной Айя!

– Элайда все еще Амерлин, – сказала Мейдани, – но висит на волоске. Совет Башни собрался и формально осудил ее. Они известили Элайду, что Амерлин не является абсолютным правителем, и что она не может продолжать издавать указы и требования, не посоветовавшись с ними.

Эгвейн кивнула.

– Вполне ожидаемый поворот, – сказала она. Не одна Амерлин стала всего лишь марионеткой, перейдя границы дозволенного. Именно к этому шла Элайда, и это могло бы принести удовлетворение, не будь так близка Последняя Битва. – Что решили с наказанием?

– Три месяца, – сказала Мейдани. – Один за то, что она сделала с тобой. Два – за поведение, не подобающее ее статусу.

– Интересно, – Эгвейн задумалась.

– Некоторые требовали большего, Мать. На мгновение показалось, что ее могут сместить прямо сейчас.

– Ты смотрела? – изумилась
Эгвейн.

Мейдани кивнула.

– Элайда потребовала, чтобы
процедура была Запечатана
Пламенем, но ее не поддержали. Я
думаю, в этом виновата ее
собственная Айя, Мать. Всех трех
Красных Восседающих сейчас нет в
Башне. Я ума не приложу, куда могла
деться Духара с остальными.

«Духара. Черная. Что она
задумала? А остальные две? Вме-
сте ли все они, и если да, то могут ли две
другие тоже быть Черными?»

Надо будет подумать об этом
позже.

– Как Элайда восприняла все

это?

— Она была не многословна, Мать, — ответила Мейдани. — В основном, сидела и смотрела. Она не выглядела слишком довольной; я удивлена, что она на них не накричала.

— Это Красные, — сказала Эгвейн. — Если она и впрямь теряет поддержку собственной Айя, то им следовало потребовать от неё какое-то время посидеть тихо.

— Саэрин думает точно так же, — сказала на это Мейдани. — Она отметила, что твое собственное требование, что Красная Айя не должна исчезнуть — про что растрезвонили подслушавшие тебя

послушницы – во многом и спасло Элайду от низложения.

– Ну, я бы не возражала против ее низложения, – сообщила Эгвейн. – Я лишь против того, чтобы расформировывать саму Айя. Однако, это может быть к лучшему. Падение Элайды должно произойти так, чтобы не позволить Башне рухнуть вместе с ней.

Несмотря на это, будь у нее такая возможность, Эгвейн взяла бы те слова обратно. Она не хотела, чтобы кто-нибудь подумал, будто Эгвейн поддерживает Элайду.

– Я полагаю, приговор Сильвиане отменен?

– Не полностью, Мать, – сказала

Мейдани. – Она все еще под арестом, пока Совет не решит, что с ней делать. Она все же публично выступила против Амерлин, так что поговаривают о наказании.

Эгвейн нахмурилась. Это было похоже на компромисс; Элайда, вероятно, тайно обсуждала детали с главой Красных – кто бы это ни был сейчас, когда Галина исчезла; Сильвиану все же накажут, но не так строго, а Элайда подчинится воле Совета. Это говорило о том, что позиции Элайды шатки, но она еще может настаивать на своем. Она не до конца утратила поддержку собственной Айя, на что так надеялась Эгвейн.

Тем не менее, это удачный поворот событий. Сильвиана будет жить, а Эгвейн, по-видимому, вернется к своей жизни в качестве «послушницы».

Восседающие недовольны Элайдой достаточно, чтобы сделать ей выговор. Будь у Эгвейн чуть больше времени, она была уверена в том, что смогла бы свергнуть эту женщину и объединить Башню. Но есть ли у нее нужное время?

Она посмотрела на стол, где лежали бесценные книги, скрытые от глаз. Если она организует массовую атаку на Черную Айя, не приведет ли это к битве? Не расшатает ли Башню еще больше? И

может ли она в самом деле надеяться нанести удар сразу по всем Черным? Ей нужно время, чтобы обдумать информацию. Сейчас, это означало оставаться в Башне и работать против Элайды. И, к несчастью, это означало позволить большинству Черных сестер разгуливать на свободе.

Но не всем.

– Мейдани, – сказала Эгвейн. – Я хочу, чтобы ты сообщила остальным. Они должны захватить Алвиарин и проверить ее при помощи Клятвенного Жезла. Скажи им пойти на любой разумный риск, чтобы добиться этого.

– Алвиарин, Мать? – спросила

Мейдани. – Почему ее?

– Она Черная, – сказала Эгвейн, чувствуя тошноту. – И находится близко к верхушке их организации в Башне. Верин умерла, чтобы сообщить мне именно это.

Мейдани побледнела.

– Вы уверены, Мать?

– Я уверена, что Верин можно доверять, – сказала Эгвейн. – Но все же было бы лучше, если бы остальные сняли, а затем заменили клятвы Алвиарин и спросили ее, не Черная ли она. Каждой женщине должен быть дан шанс, несмотря на очевидность. Я полагаю, Клятвенный Жезл у вас?

– Да, – сказала Мейдани, – он

был нужен, чтобы удостовериться в честности Николь. Остальные хотели привлечь нескольких Принятых и послушниц, чтобы они могли проносить сообщения туда, куда не могут сестры.

Это было мудро, особенно учитывая разногласия между Айя.

— Почему ее?

— Из-за того, как часто она говорит остальным о вас, Мать, — сказала Мейдани. — Известно, что она — одна из самых яростных ваших защитниц среди послушниц.

Было странным слышать это о женщине, которая предала ее, но девочку нельзя винить за это, учитывая обстоятельства.

– Конечно, они не позволили ей принести все три клятвы, – сказала Мейдани. – Она не Айз Седай. Но она принесла клятву, касающуюся лжи, и подтвердила, что не является Приспешницей Темного. Потом клятву сняли.

– А с тебя, Мейдани? – спросила Эгвейн. – Они сняли с тебя четвертую клятву?

– Да, Мать. Спасибо, – улыбнулась женщина.

Эгвейн кивнула.

– А теперь ступай. Передай мое сообщение. Алвиарин должна быть захвачена, – она взглянула на тело Верин. – Боюсь, мне придется попросить тебя забрать ее с собой.

Будет лучше, если она исчезнет, чтобы мне не пришлось объяснять ее смерть в моей комнате.

— Но...

— Используй ворота, — сказала Эгвейн. — Скользи, если не знаешь помещение достаточно хорошо.

Мейдани кивнула и обняла Источник.

— Сначала сплети что-нибудь другое, — подумав, сказала Эгвейн. — Все равно что; что-нибудь, требующее много Силы. Например, одно из ста плетений теста на Айз Седай.

Мейдани нахмурилась, но сделала, как было сказано, сплетая нечто сложное и мощное. Вскоре

после того, как она начала, Турезе с подозрением заглянула в комнату. К счастью, плетение закрыло от нее лицо Верин, но Турезе и не посмотрела на «спящую» Коричневую. Она уставилась на плетение, открыв было рот.

— Она показывает мне плетения, которые понадобятся, если я буду проходить испытание на Айз Седай, — коротко сказала Эгвейн, не дав Турезе произнести ни слова. — Это запрещено?

Турезе пристально посмотрела на нее, но закрыла дверь и исчезла.

— Это чтобы не дать ей полюбопытствовать не вовремя и увидеть плетение врат, — сказала

Эгвейн. — Быстрее. Возьми тело. Когда Турезе снова заглянет, я скажу ей правду: вы с Верин ушли через ворота.

Мейдани посмотрела на тело Верин.

— Но что я должна сделать с телом?

— Что-нибудь подходящее, — сказала Эгвейн, раздражаясь. — Я оставляю это на тебя. У меня нет времени разбираться с этим. И возьми с собой чашку. Чай отравлен, осторожно избавься от него.

Эгвейн посмотрела на мерцающую свечу, догоревшую почти до самого стола. В стороне Мейдани тяжело вздохнула, затем создала

врата. Потоки Воздуха перенесли тело Верин через отверстие, и Эгвейн проводила ее взглядом, полным боли и сожаления. Женщина заслуживала лучшего. Однажды все узнают, что она испытала и что совершила. Но пока не время.

Как только Мейдани ушла с телом Верин и чаем, Эгвейн зажгла новую свечу и легла на кровать, стараясь не думать о теле, что лежало здесь недавно. Она расслабилась, думая о Суан. Женщина скоро должна была лечь спать. Ее необходимо предупредить о Шириам и других.

Эгвейн открыла глаза в Тел'аран'риоде. Она была в своей

комнате, точнее, в ее отражении в Море Снов. Кровать была застелена, дверь закрыта. Она сменила платье на зеленое, более подходящее Амерлин, затем перенеслась в Весенний Сад Башни. Суан еще здесь не было, но, возможно, еще было рано для их встречи.

По крайней мере, отсюда нельзя было увидеть грязь и отбросы, заполнившие город, или разложение, пустившее корни в единство Айя. Садовники Башни казались природной силой, засеивающей, пропалывающей и собирающей, не обращая внимания на взлеты и падения Амерлин. Весенние Сады были самыми маленькими из садов

Башни: всего лишь треугольный клочок земли, зажатый меж двумя стенами. Возможно, в другом городе этот участок использовали бы как склад или просто заложили бы камнем. Но в Белой Башне оба этих варианта выглядели бы уродливо.

Решение нашлось в виде маленького садика, заполненного тенелюбивыми растениями. Гортензии карабкались на стены и вздымались над декоративными горшками. Дицентры росли рядками, их крошечные розовые цветки свисали с нежных трехпалых листьев. Цветущие щетинники, с тонкими листьями-пальчиками, и другие миниатюрные деревья

произрастали вдоль стен маленького треугольника, сходясь в одной точке. Прохаживаясь в ожидании туда и обратно между рядами деревьев, Эгвейн думала о том, что Шириам оказалась Черной. Сколь многое держала эта женщина под контролем? Она годами была Наставницей Послушниц, пока Суан пребывала на посту Амерлин. Использовала ли она свое положение, чтобы запугивать – или даже переманивать на свою сторону – других сестер? Не она ли стояла за давним нападением Серого Человека?

Шириам была в группе, которая исцелила Мэта. Разумеется, она не

могла сделать ничего дурного, пока находилась в Круге со столькими женщинами, но все, во что она была вовлечена, вызывало подозрения. И этого так много! Шириам была членом правящей группы Салидара перед возвышением Эгвейн. Что Шириам сделала, как много манипулировала, сколько тайн выдала Тени?

Была ли она в свое время предупреждена о планах Элайды сместить Суан? Галина и Алвиарин были Черными, и они были двумя из главных зачинщиц, так что остальные Черные, вероятно, были предупреждены. Были ли бегство половины Башни, сбор в Салидаре и

последующие ожидания и обсуждения частью плана Темного? А собственно возвышение Эгвейн? За сколько ниточек, привязанных к ней, дергала Тень, а она и не знала?

«Эти рассуждения ведут в никуда, — твердо сказала она себе. — Не стоит идти по этому пути». Даже без книг Верин, Эгвейн предполагала, что раскол Башни — дело рук Темного. Конечно, в его интересах было разбить Айз Седай на две группировки, а не видеть их объединенными, ведомыми одним лидером. Просто сейчас это было более... личным. Эгвейн чувствовала себя испачканной, одураченной. На мгновение, она почувствовала себя

той деревенской девочкой, которой многие её и считали. Если Элайда была пешкой в руках Черных, то и сама Эгвейн была такой же. Свет! Как, должно быть, смеялся Темный, видя двух соперничающих Амерлин — и у каждой преданные ему слуги — стравливая их между собой.

«Я не могу быть в точности уверена, чего он хочет и почему он хочет именно этого, — сказала Верин. — Даже после стольких лет изучения. Я не могу быть уверена». Кто знает, может ли Темный смеяться? Она вздрогнула. Каким бы ни был его план, она будет бороться. Сопротивляться. Плюнет ему в глаза, даже если он победит, как говорят

Айил.

— О, что за видок, — сказал голос Суан.

Эгвейн обернулась, с досадой обнаружив, что платье Амерлин сменилось на полный боевой доспех. В руке она держала пару айильских копий.

Сосредоточившись, она избавилась от доспехов и копий и вернула себе платье.

— Суан, — коротко сказала она, — тебе может понадобится создать себе стул. Кое-что произошло.

— Что? — нахмурилась Суан.

— Во-первых, Шириам и Морайя — Черные.

— Что? — изумилась Суан. — Что

за чушь? — она застыла. — Мать, — добавила она с запозданием.

— Это не чушь, — сказала Эгвейн. — Боюсь, что это истинная правда. Есть и другие, но их имена я назову тебе позже. Мы пока не можем взять их под стражу. Мне нужно время, чтобы подумать и все спланировать — возможно, до вечера. Мы ударим уже скоро. Но прежде я хочу, чтобы за Шириам и Морайей наблюдали. Не оставайся с ними наедине.

Суан недоверчиво покачала головой.

— Насколько ты уверена в этом, Эгвейн?

— Вполне уверена, — сказала Эгвейн. — Присмотри за ними, Суан,

и подумай, что можно сделать. Я хочу слышать твои предложения. Нам нужен способ взять их тихо, а затем доказать Совету, законность своих поступков.

– Это может быть опасно, – Суан потерла подбородок.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Мать, – она выделила последнее слово.

– Если я ошибаюсь, – сказала Эгвейн, – то ответственность ляжет на меня. Но я так не думаю. Как я уже сказала, многое изменилось.

Суан склонила голову.

– Ты все еще в заключении?

– Не совсем. Элайда... – Эгвейн запнулась, нахмурившись. Что-то

пошло не так.

— Эгвейн? — забеспокоилась Суан.

— Я... — начала было Эгвейн, но вздрогнула. Что-то затыгивало ее разум, затуманивая его. Что-то...

Тянуло ее назад. Тел'аран'риод, моргнув, пропал, и Эгвейн открыла глаза в своей комнате, где испуганная Николь трясла ее за плечо.

— Мать, — повторяла она, — Мать!

На щеке девушки алел кровоточащий порез. Эгвейн резко села, и буквально в этот момент сама Башня содрогнулась, словно от взрыва. Николь схватила ее за руку, визжа от страха.

— Что происходит? —

потребовала ответа Эгвейн.

– Отродья Тени! – разрыдалась Николь. – В воздухе, змеи, изрыгающие пламя и плетения Единой Силы! Они убивают нас! О, Мать. Это Тармон Гай’дон!

Эгвейн охватил приступ первобытной, почти неконтролируемой паники. Тармон Гай’дон! Последняя Битва!

Она услышала крики вдалеке, а затем возгласы солдат или Стражей. Нет... Нет, она должна сосредоточиться! Змеи в воздухе. Змеи, направляющие Единую Силу... или находящиеся на них всадники, направляющие Единую Силу. Эгвейн отбросила одеяло и вскочила на ноги.

Это не Тармон Гай'дон, но лишь немногим лучше. Шончан все-таки напали на Белую Башню, как Эгвейн и Предсказывала.

А она даже свечу зажечь не в состоянии, не говоря уже о том, чтобы сражаться.

Глава 40. Башня сотрясается

Суан вздрогнула и проснулась. Что-то пошло не так. Что-то пошло совсем не так, как должно было. Она вскочила со своего соломенного тюфяка и тут же заметила движение

темной фигуры на другом краю палатки; металл заскрежетал по металлу. Суан замерла, машинально обняв Источник и создав световой шар.

Встревоженный Гарет Брин стоял, держа наготове обнаженный меч со знаком цапли. Он был в одном белье, и Суан пришлось сделать над собой усилие, чтобы не смотреть на его мускулистое тело — таким мог похвастать далеко не каждый мужчина даже вдвое моложе его.

— Что случилось? — напряженно спросил он.

— Свет! — воскликнула Суан. — Ты что, спишь в обнимку с мечом?

— Всегда.

– Эгвейн в опасности.

– В какой опасности?

– Я не знаю, – призналась она. –

Мы разговаривали, и она внезапно исчезла. Я думаю... Я думаю, вдруг Элайда решила казнить ее. Или, по крайней мере, вытащить ее из камеры и... что-то с ней сделать.

Брин не стал выпрашивать подробности. Он просто вложил меч в ножны и принялся надевать штаны и рубашку. Суан все еще была в синей юбке и блузке, теперь помятых – она обычно переодевалась после встреч с Эгвейн, когда Брин уже крепко спал.

Она испытывала необъяснимое беспокойство. Почему же ей так тревожно? Любого человека может

что-то разбудить, когда он видит сон.

Но Эгвейн не такая, как остальные. Она виртуоз Мира Снов. Если бы ее что-то неожиданно разбудило, она бы разобралась с этим, а потом вернулась, чтобы успокоить Суан. Но она не вернулась, несмотря на то, что Суан прождала, казалось, целую вечность.

Брин подошел к ней. На нем теперь были плотные серые штаны и форменная куртка с наглухо застегнутым высоким воротником, тремя звездами слева на груди и золотыми эполетами на плечах.

Снаружи раздался встревоженный возглас: «Генерал Брин! Милорд Генерал!»

Брин глянул на Суан и повернулся ко входу в палатку.

– Войдите!

Молодой солдат с ухоженными черными волосами ворвался в палатку и коротко отсалютовал. Он не извинился за позднее время – люди Бриана знали, что могут будить его в случае необходимости.

– Милорд, – сказал он. – Разведчики докладывают. В городе что-то происходит.

– «Что-то», Тидс? – переспросил Брин.

– Разведчики не уверены, милорд, – ответил тот, поморщившись. – Тучи сгустились, ночь очень темная, в подзорную

трубу ничего не видно. Около Башни заметили вспышки света, как на представлении Иллюминаторов. И черные силуэты в воздухе.

— Отродья Тени? — спросил Брин, выходя из палатки. Солдат и Суан, сопровождаемая светящимся шаром, последовали за ним. Месяц едва родился, и из-за этой вечной облачности было сложно что-либо разглядеть. Палатки офицеров казались дремлющими сгустками темноты на темном же фоне, и единственный различимый свет исходил от сторожевых костров караульных у ворот частокола.

— Это могут быть Отродья Тени, милорд, — сказал солдат, поспешив за

Брином. — Рассказывают о созданиях Тени, которые летают так же, как эти. Разведчики не могут точно описать, что они видели. Но вспышки света они видели хорошо.

Брин кивнул, направляясь к кострам.

— Поднимай ночной караул. Я хочу, чтобы они вооружились и были наготове, на всякий случай. Пошли гонцов к городским укреплениям. И добудь мне более точные сведения!

— Да, милорд, — солдат отсалютовал и убежал.

Брин глянул на Суан — его лицо осветил шар света над ее ладонью.

— Отродья Тени не посмели бы напасть на Белую Башню, — сказал

он. — Разве только с мощной наземной поддержкой, а я искренне сомневаюсь, что на ближайших голых равнинах прячется сотня тысяч троллоков. Так что же, испепели меня Свет, происходит?

— Шончан, — ответила Суан, почувствовав в животе ледяной ком. — Рыбий потрох, Гарет! Это должны быть они. Эгвейн это предсказывала.

Он кивнул.

— Да. По слухам, они летают на Отродьях Тени.

— На летающих животных, — поправила Суан, — а не на Отродьях Тени. Эгвейн говорила, что их называют ракенами.

Он с сомнением посмотрел на

нее, но спросил только одно:

— Что же могло заставить Шончан быть настолько безрассудными, чтобы напасть без поддержки наземного отряда?

Суан покачала головой. Она всегда думала, что удар Шончан по Белой Башне означает широкомасштабное вторжение, а Эгвейн полагала, что до него еще несколько месяцев. Свет! Похоже, Эгвейн ошибалась.

Брин повернулся к кострам, которые теперь горели ярче, отбрасывая свет на частокол. Внутри деревянного ограждения просыпались офицеры и будили соседей по палаткам. Мигали лампы

и фонари.

— Что ж, — сказал Гарет, — раз они атакуют Тар Валон, нас это не касается. Нам просто нужно...

— Я вытащу ее оттуда, — вдруг сказала Суан, удивляясь самой себе.

Брин крутанулся к Суан, его лицо опять осветил ее шар. На его подбородке темнела вечерняя щетина.

— Что?

— Эгвейн, — сказала Суан. — Мы должны пойти за ней. Это нападение отвлечет их внимание, Гарет! Мы можем пробраться и вытащить ее так, что никто не заметит.

Он уставился на нее.

— Что?

– Ты дала слово не вызволять ее, Суан.

Свет, но как приятно слышать, как он произносит её имя!

«Соберись!» – одернула она себя.

– Сейчас это не имеет значения. Она в опасности и нуждается в помощи.

– Она не хочет помощи, – твердо сказал Брин. – Мы должны убедиться, что наше собственное войско в безопасности. Амерлин уверена, что сама может о себе позаботиться.

– Я тоже думала, что могу о себе позаботиться, – сказала Суан. – И посмотри, куда это меня завело.

Она покачала головой, глядя на далекий силуэт Белой Башни. Она еле-еле различала освещавшие строение на короткое время вспышки света.

— Когда Эгвейн упоминает Шончан, она всегда вздрагивает. Мало что может вывести ее из себя — и это не Отрекшиеся и не Возрожденный Дракон. Гарет, ты не знаешь, что Шончан делают с женщинами, способными направлять, — она посмотрела ему в глаза. — Мы должны пойти за ней.

— Я не буду в этом участвовать, — упрямо сказал он.

— Прекрасно, — фыркнула Суан. Глупый мужчина! — Иди, разбирайся

со своими людьми. Думаю, я знаю кое-кого, кто захочет мне помочь.

Она зашагала прочь, направляясь к одной из палаток внутри частокола.

* * *

Когда Башню в очередной раз потрянуло, Эгвейн прижалась к стене коридора, чтобы не упасть. Вокруг дрожал каждый камень. Куски штукатурки сыпались с потолка, а со стены вдруг отвалилась расшатанная плитка и, упав, разлетелась по полу

дюжиной кусков. Николь пронзительно вскрикнула и вцепилась в Эгвейн.

— Темный! — завопила Николь. — Последняя Битва! Это она!

— Николь! — одернула ее Эгвейн, выпрямляясь. — Держи себя в руках. Это не Последняя Битва. Это Шончан.

— Шончан? — переспросила Николь. — Но я думала, это только слухи!

«Глупая девчонка», — подумала Эгвейн, спеша по боковому коридору. Николь бежала за ней с лампой в руках. Память не подвела Эгвейн, и следующий коридор с окнами вел вдоль наружной стены Башни, давая

ей возможность оглядеться. Она сделала знак Николь встать у стены и рискнула выглянуть в окружающую темноту.

Вполне различные, темные крылатые фигуры летали в небе. Они были слишком большими для ракенов. Значит, это то'ракены. То один, то другой пикировал, и Эгвейн видела, что вокруг многих из них переливались и вибрировали плетения саидар. То и дело возникающие в воздухе огненные взрывы освещали пары женщин, на спинах то'ракенов. Дамани и сул'дам.

Внизу крылья Башни кое-где были освещены пожарами, и, к своему ужасу, Эгвейн увидела

несколько зияющих дыр в стенах самой Башни. На ее глазах то'ракен зацепился за стену Башни, карабкаясь вверх, как это делают летучие мыши, и выгрузил солдат и дамани внутрь здания. Эгвейн видела, как то'ракен оттолкнулся от стены, а высота помогла ему отправиться в полет без обычного разбега. Животное было не таким грациозным, как более мелкие ракены, но пилот мастерски направлял его полет. Оно пролетело как раз мимо окна Эгвейн, и порыв ветра от взмаха крыльев разметал ее волосы. Эгвейн услышала приглушенный крик, когда то'ракен пронесся мимо. Крик ужаса.

Это не полномасштабное нападение — это налет! Налет с целью захватить марат'дамани! Эгвейн отпрянула в сторону, когда огненный взрыв попал в стену рядом с окном. Она услышала, как рушатся камни, почувствовала, как трянуло Башню. Из бокового прохода поплыло облако пыли и дыма.

Скоро сюда ворвутся солдаты. Солдаты и сул'дам. С теми поводками. Эгвейн задрожала и обхватила себя руками. Холодный бесшовный металл. Тошнота, деградация, паника, отчаяние и позорное чувство вины за то, что не служишь своей госпоже изо всех сил. Она помнила загнанный взгляд Айз

Седай, когда та была сломлена. Более того — она помнила свой собственный ужас.

Ужас от понимания того, что со временем она станет такой же, как другие. Просто еще одна рабыня, которая счастлива служить.

Башня сотрясалась. В отдаленных коридорах вспыхивал огонь, сопровождаемый криками и воплями отчаяния. Эгвейн чувствовала запах дыма. О Свет! Неужели это происходит на самом деле? Она не дастся. Она не позволит им опять посадить себя на цепь. Нужно бежать! Нужно спрятаться, скрыться, затаиться...

Нет!

Эгвейн заставила себя выпрямиться.

Нет, она не сбежит. Она – Амерлин.

Николь съежилась у стены, хныча.

– Они идут за нами, – шептала девушка. – О Свет, они идут!

– Пусть идут! – прорычала Эгвейн, открываясь Источнику. К счастью, прошло уже достаточно времени, чтобы действие корня вилочника слегка притупилось, и она смогла ухватить слабую струйку Силы. Она была очень тонкой – возможно, наименьшим количеством Силы, которое она когда-либо направляла. Она не сможет сплести

даже язычок Воздуха, чтобы сдвинуть лист бумаги. Но этого будет достаточно. Должно быть.

— Мы будем сражаться!

Николь только шмыгнула носом, глядя на нее снизу вверх.

— Вы едва можете направлять, Мать! — стенала она. — Я вижу это. Мы не можем с ними сражаться!

— Можем и будем, — твердо сказала Эгвейн. — Встань, Николь! Ты — посветившая свою жизнь служению Белой Башне, а не какая-нибудь испуганная молочница.

Девушка подняла на нее глаза.

— Я защищу тебя, — добавила Эгвейн. — Обещаю.

Девушка встала и, казалось,

собралась с духом. Эгвейн глянула в сторону дальнего коридора, куда ударил взрыв. Было темно, настенные лампы не горели, но ей показалось, что она заметила тени. Они придут и посадят на привязь любую женщину, которую найдут.

Эгвейн повернулась в другую сторону. Оттуда все еще доносились крики. Те, которые она слышала, проснувшись. Она не знала, куда делись стражи от ее двери, но ей это было безразлично.

– Пошли, – сказала она, шагая вперед и удерживая свою тонкую струйку Силы, словно тонущая женщина, вцепившаяся в спасительную веревку. Николь

последовала за ней – она все еще хлюпала носом, но шла следом. Пару мгновений спустя Эгвейн обнаружила то, что надеялась найти. Коридор был заполнен девушками – некоторые в белых платьях, остальные в одних сорочках. Послушницы сбились в кучки, многие вскрикивали при каждом сотрясавшем Башню взрыве. Наверно, им очень хотелось оказаться внизу, где раньше располагались комнаты послушниц.

– Амерлин! – воскликнули сразу несколько девушек, когда Эгвейн появилась в коридоре. Жалкого вида толпу освещали свечи в дрожащих руках. Вопросы полезли из них, как

грибы-гнилушки по весне.

– Что происходит?

– На нас напали?

– Это Темный?

Эгвейн подняла руки, и девушки, к счастью, притихли.

– На Башню напали Шончан, – сказала она спокойным голосом. – Они пришли захватить женщин, которые могут направлять. Они способны заставить этих женщин служить себе. Это не Последняя Битва, но мы в смертельной опасности. Я не позволю им забрать ни одну из вас. Вы мои.

В коридоре воцарилась тишина. Взмолнованные девушки глядели на нее с надеждой. Их было около

пятидесяти, возможно даже больше. Они должны справиться.

– Николь, Жасмин, Этери, Инала, – сказала Эгвейн, назвав несколько самых сильных послушниц. – Выйдите вперед. Остальные смотрите внимательно. Я собираюсь кое-чему вас научить.

– Чему, Мать? – спросила одна из девушек.

«Только бы получилось», подумала Эгвейн.

– Я хочу научить вас объединяться в круг.

Последовали вздохи удивления. Послушниц таким вещам не учили, но Эгвейн позаботится, чтобы сул'дам не нашли легкой поживы в

этом секторе!

Обучение заняло некоторое время под звуки постоянных взрывов и крики. Послушницы были напуганы, поэтому некоторым из них было трудно дотянуться до Источника, а тем более научиться новой технике. То, что Эгвейн усвоила всего за несколько попыток, потребовало от послушниц пяти полных волнения минут, пока им хотя бы удалось начать.

Николь очень помогла — ее обучили соединению еще в Салидаре. В качестве примера Эгвейн соединилась в круг с Николь. Молодая послушница открылась Источнику, но держалась на грани

его объятия и позволила Эгвейн черпать Силу через себя. Получилось, благословение Свету! Эгвейн почувствовала прилив возбуждения, когда Единая Сила — слишком долго не дозволенная ей в значительных количествах — хлынула в нее. Как восхитительно! Мир вокруг стал более живым, звуки приятней, цвета насыщенней.

Это возбуждение вызвало у нее улыбку. Она могла чувствовать Николь, ее страх, переполняющие ее эмоции. Эгвейн достаточно часто соединялась в круг, чтобы знать, как отделить свои ощущения от ощущений Николь, но вспомнила свой первый опыт, когда

почувствовала себя затянутой в нечто
намного большее, чем она сама.

Чтобы войти в круг требовалась
особая сноровка. Этому было не так
уж сложно научиться, но у них было
мало времени. Вскоре, к счастью, у
нескольких девушек получилось.
Первой оказалась Этери, изящная
блондинка, которая все еще была в
ночной рубашке. Следом за ней
вышло у Иналы, долговязой
меднокожей доманийки. Эгвейн с
нетерпением образовала круг с
Николь и двумя другими
послушницами. Сила хлынула в нее.

Затем она стала помогать
учиться остальным, как
сформировать круги. Из разговоров с

послушницами за время нахождения в Башне она получила некоторое представление, кто из них наиболее искусен с плетениями и наиболее хладнокровен. Это не обязательно были самые сильные, но в кругу это не важно. Эгвейн спешно разбила их на группы, объясняя, как в кругу принять контроль над Источником. Оставалось надеяться, что хотя бы некоторые из них разберутся, что к чему.

Главное, теперь у Эгвейн была Сила. Почти столько же, сколько она сама черпала без воздействия корня вилочника. Она улыбнулась в предвкушении, затем начала плетение, сложность которого

привела в благоговейный трепет не одну послушницу.

– Не пытайтесь повторять, – предупредила Эгвейн, – то, что вы видите. Это касается и возглавляющих круги. Это слишком сложно и опасно.

Светящаяся линия прорезала воздух в конце галереи, вращаясь вокруг своей оси. Эгвейн надеялась, что Врата откроются там, где нужно. Она основывалась на указаниях Суан, которые были довольно туманными, хотя еще у нее было представление об искомом месте со слов Илэйн.

– И еще, – строгим голосом сказала Эгвейн послушницам, – вы не должны показывать это плетение

кому-либо без моего особого разрешения, даже другим Айз Седай.

Она сомневалась, что возникнет такая проблема; плетение было сложным, и пока что немногие из послушниц смогли бы его повторить.

— Мать? — пискнула Тамала, девочка с ястребиным профилем. — Вы уходите?

Ее голос был напряжен от страха, и в нем не было ни капли надежды на то, что Эгвейн возьмет ее с собой.

— Нет, — ответила Эгвейн твердо. — Я вернусь через минуту. И, вернувшись, я хочу увидеть сформированными по меньшей мере пять полноценных кругов!

В сопровождении Николь и двух помощниц Эгвейн шагнула через Врата в темную комнату. Она сплела шар света, при котором стала видна кладовка с множеством полок вдоль стен. Девушка облегченно вздохнула. Она попала в нужное место.

Эти полки, также как и два коротких стеллажа, стоящих на полу, были заполнены необычного вида предметами. Хрустальные шары, маленькие причудливые статуэтки, вот — стеклянная подвеска, синяя в отраженном свете, там — большой выбор металлических перчаток и наручей с огневиками. Эгвейн прошествовала по комнате, предоставив трем послушницам с

удивлением глазеть по сторонам. Они, вероятно, чувствовали то, что Эгвейн и так знала — это были предметы Силы. Тер'ангриалы, ангриалы, са'ангриалы. Реликты Эпохи Легенд.

Эгвейн внимательно изучала содержимое полок. Как известно, Предметы Силы было опасно использовать, не зная точно их назначения. Любой из них мог убить ее. Если только...

Она широко улыбнулась, шагнув к стеллажу и вытащив с верхней полки белый рифленый жезл длиной с ее предплечье. Она нашла его! Почтительно подержав жезл несколько секунд, Эгвейн потянулась

через него к Единой Силе. Фантастический, почти ошеломляющий поток Силы хлынул через нее.

Почувствовав это, Этери шумно вздохнула. Немногие женщины когда-либо удерживали столько Силы. Она вливалась в Эгвейн, как воздух при глубоком вдохе. Ей остро захотелось расхохотаться во все горло. Широко улыбаясь, Эгвейн посмотрела на послушниц.

— Теперь мы готовы, — объявила она.

Пусть сул'дам попробуют оградить ее щитом, когда у нее в руках один из самых могущественных са'ангриалов,

которыми располагают Айз Седай. Белая Башня не падет, пока она Амерлин! Она не сдастся без боя, сравнимого с самой Последней Битвой.

* * *

Суан нашла палатку Гавина освещенной, с прыгающими по стенам тенями — в такт движениям юноши внутри нее. Его палатка располагалась подозрительно близко к посту стражи. Гавину разрешили остаться внутри частокола, возможно

для того, чтобы Брин – и караульные – могли за ним присматривать.

Брин, как упрямая рыба-дьявол, которой он и был, не пошел на свой пост, как ему было сказано. Он, сыпля проклятиями и вынуждая своих людей искать его, последовал за ней.

Даже когда она остановилась у палатки юного Гавина, Брин встал рядом, положив ладонь на рукоять меча. Он выглядел недовольным. Хорошо. Она не позволит ему судить о ее чести! Она будет делать то, что пожелает.

Хотя, скорее всего, из-за этого Эгвейн будет очень, очень ею недовольна. «Позже она будет мне

благодарна», — подумала Суан.

— Гавин! — рявкнула она.

Красивый юноша, подпрыгивая, выскочил из палатки, натягивая левый сапог. В руке у него были ножны с мечом, а пояс болтался на плече.

— Что? — спросил он, оглядывая лагерь. — Я слышал крики. Нас атакуют?

— Нет, — сказала Суан, бросив взгляд на Брина. — Но Тар Валон — скорее всего да.

— Эгвейн! — воскликнул Гавин, поспешно затягивая пояс. Свет, у этого мальчишки только одно на уме.

— Мальчик, — сказала Суан, скрещивая руки на груди. — Я в долгу

перед тобой за то, что вытащил меня из Тар Валона. Согласен ли ты в качестве оплаты долга принять мою помощь в проникновении в Тар Валон?

— С удовольствием! — пылко воскликнул Гавин, вешая меч на пояс. — Расплата с лихвой!

Она кивнула.

— Тогда иди, приведи нам лошадей. Похоже, нас будет только двое.

— Я готов рискнуть, — сказал Гавин. — Наконец-то!

— Я не дам своих лошадей для этой глупой затеи, — решительно заявил Брин.

— Гавин, в конюшнях есть

лошади, принадлежащие Айз Седай, – не обращая внимания на Брина, продолжила Суан. – Приведи одну из них для меня. Спокойную, запомни. Очень, очень спокойную.

Гавин кивнул и убежал в темноту. Суан неспешным шагом направилась за ним, обдумывая план. Все было бы намного проще, если бы она могла создать Врата, но для этого она была недостаточно сильна. До укрощения она бы смогла, но в мечтании о несбыточном не больше смысла, чем в желании, превратить пойманную щуку-серебрянку в клыкастую рыбу. Ты продаешь, что поймала, и рада любому улову.

– Суан, – мягко сказал Брин, идя

рядом с ней. Ну почему бы ему не оставить ее в покое! – Послушай меня. Это безумие! Как ты собираешься пробраться внутрь?

Суан взглянула на него.

– Шимерин же выбралась.

– Это было до начала осады,

Суан, – голос Бриана выдавал раздражение. – Теперь попасть туда намного труднее.

Суан тряхнула головой.

– Шимерин была под пристальным наблюдением. Она выбралась через Речную калитку. Могу поспорить, что она не охраняется даже сейчас. Я никогда про неё не слышала, а ведь я была Амерлин. У меня есть карта с

указанием её расположения.

Брин заколебался. Потом его лицо стало тверже.

– Это не важно. В одиночку у вас двоих все равно нет шансов.

– Тогда пошли с нами, – сказала Суан.

– Я не буду помогать тебе вновь нарушить клятву.

– Эгвейн сказала – мы можем действовать, если окажется, что ей грозит казнь, – возразила Суан. – Она сказала мне, что в этом случае разрешит себя вызволить! А судя по тому, как она исчезла во время встречи со мной сегодня ночью, я думаю, она в опасности.

– Это не из-за Элайды, а из-за

Шончан!

– Мы не знаем этого наверняка.

– Незнание – не оправдание, – строго сказал Брин, шагнув ближе. – Нарушать клятвы для тебя стало слишком удобно, Суан, и я не хочу, чтобы это вошло у тебя в привычку. Все равно – для Айз Седай, для бывшей Амерлин и для обычных людей должны быть правила и границы. Не говоря уже о том, что при попытке сделать это тебя могут убить!

– И ты меня остановишь? – она все еще удерживала Источник. – Думаешь, это тебе по плечу?

Он скрипнул зубами, но ничего не сказал. Суан повернулась и пошла

прочь, прямо к кострам у ворот
частокола.

— Треклятая женщина, —
произнес за спиной Брин. — Ты меня
погубишь.

Она повернулась, вскинув бровь.

— Я пойду, — сказал он, сжимая
рукоять меча на поясе. Его силуэт в
ночи выглядел внушительно, прямые
линии плаща сочетались с
застывшими чертами его лица. — Но
при двух условиях.

— Назови их, — сказала она.

— Во-первых, ты сделаешь меня
своим Стражем.

Суан вздрогнула. Он хочет...
Свет! Брин хочет стать ее Стражем?
Она почувствовала внезапное

волнение.

Но со времени смерти Алрика она и не думала о том, чтобы взять Стража. Его потеря оказалась ужасным испытанием. Хотела ли она пойти на такой риск снова?

Посмеет ли она упустить возможность связать узами этого мужчину, чувствовать его эмоции, держать его рядом с собой? После всего, о чем она мечтала и чего желала?

В сильном волнении она шагнула назад, к Брину, положила руку ему на грудь, свила нужные плетения Духа и наложила на него. Он резко вдохнул, когда внутри у обоих расцвело новое ощущение,

новая связь. Она могла чувствовать его эмоции, его заботу о ней, поразительно сильную. Она перекрывала тревогу за Эгвейн и беспокойство о его солдатах! «О, Гарет», – подумала она, чувствуя, что улыбается от сладости его любви к ней.

– Меня всегда интересовало, на что будет похоже это чувство, – сказал Брин, подняв руку и несколько раз сжав кулак в свете факелов. Его голос выдавал изумление. – Хотел бы я дать это каждому бойцу в моей армии!

Суан фыркнула.

– Я очень сомневаюсь, что их жены и семьи одобрили бы это.

– Одобрят, если это сохранит солдатам жизнь, – возразил Брин. – Я могу пробежать тысячу лиг и не сбить дыхание. Я могу играючи сразиться с сотней врагов за раз.

Суан закатила глаза. Мужчины! Она дала ему глубоко личную и эмоциональную связь с другим человеком – подобную которой никогда не узнают даже мужья с женами – а все, о чем он может думать, это насколько лучше он, должно быть, стал владеть мечом!

– Суан! – раздался голос. – Суан Санчей!

Она обернулась. Верхом на вороном мерине к ней подъехал Гавин. За ним в поводу трусила

вторая лошадь — косматая гнедая кобыла.

— Бела! — воскликнула Суан.

— Подходит? — спросил слегка запыхавшийся Гавин. — Я помню, Бела когда-то была лошадью Эгвейн, а конюх сказал, что она самая спокойная.

— То, что надо, — ответила Суан, снова поворачиваясь к Брину. — Ты сказал, что у тебя два условия?

— Второе я скажу тебе позже, — Брин еще не вполне отдышался.

— Это весьма расплывчато. — Суан скрестила руки на груди. — Мне не нравится давать обещания вслепую.

— Ну, тебе все же придется это

сделать, – сказал Брин, встретившись с ней взглядом.

– Хорошо, но надеюсь, Гарет Брин, это не что-то непристойное.

Он нахмурился.

– Что?

– Странно, – сказал он, улыбаясь. – Я теперь могу чувствовать твои эмоции. Например, я мог бы сказать...

Он не договорил, и она почувствовала, как он слегка смутился.

«Он понял, что я почти хочу, чтобы он потребовал от меня что-нибудь непристойное! – с ужасом поняла Суан. – Проклятый пепел!» Она ощутила, как заливается

румянцем. Похоже, это доставит много беспокойства.

— Ох, ради Благословенного Света... Я согласна на твои условия, ты, деревенщина. Пошевеливайся! Нам пора.

Он кивнул.

— Позволь мне отдать распоряжения офицерам, чтобы они приняли командование в случае, если сражение выплеснется за пределы города. Я возьму нам в сопровождение сотню моих лучших солдат. Такой отряд будет достаточно маленьким, чтобы пробраться внутрь, если предположить, что через эти ворота действительно можно пройти.

– Можно, – сказала она. – Иди!

Он даже отсалютовал ей с серьезным лицом, но она чувствовала, что про себя он улыбается – и Брин, вероятно, знал об этом. Несносный мужчина! Она повернулась к сидящему на коне озадаченному Гавину.

– Что происходит? – спросил Гавин.

– Нам не придется идти в одиночку. – Суан глубоко вздохнула, затем взяла себя в руки, забравшись в седло Белы. Лошадям нельзя доверять, даже Беле, хотя она лучше большинства из них. – Это означает, что наши шансы остаться в живых до того, как мы вызволим Эгвейн,

только что выросли. Что очень кстати, так как после того, что мы собираемся сделать, она, несомненно, захочет прикончить нас своими собственными руками.

* * *

Аделорна Бастин бежала по галереям Белой Башни. Сейчас она проклинала то, что связь с Источником обостряет чувства. Запахи казались ей более резкими, но все, что она могла почувствовать, это горящее дерево и мертвую плоть.

Цвета были более насыщенными, а все, что она могла увидеть — обугленные шрамы битого камня там, куда попали потоки или шары огня. Звуки были более четкими, но все, что она слышала — это крики, проклятия и хриплые вопли этих ужасных летающих тварей.

Прерывисто дыша, она пробралась по темному коридору до пересечения с другим проходом. Остановилась, приложив ладонь к груди. Ей нужно найти очаг сопротивления. Свет, не могли же они все пасть, ведь так? Рядом с ней сражались несколько Зеленых. Она видела, как погибла Джосейн, когда стену рядом с ней разрушило

плетение Земли, и как с помощью
какого-то металлического ошейника
была захвачена Матера. Аделорна не
знала, где находились ее Стражи.
Один был ранен. Другой жив.
Последний... О том, что случилось с
последним она не хотела думать.
Помоги Свет, чтобы ей поскорее
удалось найти хотя бы раненого
Талрика.

Она заставила себя встать,
стерев кровь со лба, оцарапанного
осколком камня. Захватчиков было
так много, с их странными шлемами
и с женщинами, которых они
использовали как оружие. И они
были так искусны с этими
смертоносными плетениями!

Аделорне стало стыдно. Да уж, Боевая Айя! Зеленые во главе с ней продержались всего несколько минут, прежде чем их разбили.

Тяжело дыша, она направилась дальше по коридору. Она держалась подальше от внешней стены Башни, где вероятней всего можно было встретиться с захватчиками. Сумела ли она оторваться от своих преследователей? Где она сейчас? На двадцать втором этаже? Убегая, она потеряла счет лестничным пролетам.

Аделорна замерла, почувствовав, что справа от нее кто-то направляет. Это могли быть захватчики или сестры. Она заколебалась, но затем решительно стиснула зубы. Она —

Капитан-Генерал Зеленой Айя! Она не может просто убежать и спрятаться.

В коридоре, перед которым она остановилась в раздумье, показался свет факелов, и вместе с ним — зловещие тени людей в странных доспехах. Отряд захватчиков выскочил из-за угла — и с ними пара женщин, соединенных поводком. Аделорна неожиданно для себя взвизгнула и бросилась прочь так быстро, как только могла. Женщина почувствовала, как на нее давит щит, но она слишком крепко держалась за саидар и успела скрыться за углом до того, как его смогли поставить. Она продолжала бежать, ошеломленная и

задыхающаяся.

Аделорна очередной раз свернула и, оступившись, чуть не вывалилась в пролом в стене Башни. Она пошатнулась на самом краю, глядя в полное ужасных чудовищ и огненных штрихов небо. Вскрикнув, она попятилась, отходя от пролома. Справа от нее коридор был завален обломками стены. Она стала карабкаться по ним. Коридор продолжался с той стороны! Она должна...

Вдруг, между ней и Источником оказался щит, на этот раз прочно встав на место. Она задохнулась в немом крике и, споткнувшись, упала. Её ни за что не захватят! Не могут

захватить! Только не так!

Она пыталась проползти дальше, но поток Воздуха сжал ее лодыжку и потащил обратно по полу с разбитой плиткой. Нет! Ее тащило прямо к отряду солдат, с которыми теперь было две пары женщин, соединенных поводком. В каждой паре одна из женщин была в сером платье, а другая – в красно-синем, с узором в виде молний.

К ним подошла еще одна женщина в красно-синем. В руках она держала нечто серебристое. Аделорна протестующе закричала, пытаясь пробить щит. Третья женщина спокойно опустилась на колени и защелкнула серебряный

ошейник на шее Аделорны.

Это все не реально. Не может быть реальным.

— О, отлично, — сказала третья женщина, растягивая слова. — Меня зовут Грегана, а ты будешь Сиви. Сиви будет хорошей дамани. Я знаю это. Я давно ждала этого момента, Сиви.

— Нет, — прошептала Аделорна.

— Да, — широко улыбнулась Грегана.

Вдруг неожиданно ошейник на Аделорне растянулся и упал на пол. Секунду Грегана выглядела потрясенной, а затем исчезла в огненном взрыве.

Аделорна широко распахнула

глаза и отпрянула от внезапного жара. Труп в почерневшем красно-синем платье осыпался на пол перед ней, дымясь и воняя горелой плотью. И в тот же миг Аделорна почувствовала невероятно мощный поток саидар, направляемой у неё за спиной.

Захватчики закричали, женщины в сером поспешно начали плести щиты. Но это было ошибкой, так как ошейники обеих женщин раскрылись от проворных закрученных потоков Воздуха. Всего через один удар сердца спустя одна из женщин в красно-синем исчезла во вспышке молнии, а другую, словно атакующие змеи, охватили языки пламени. Она

вопила, умирая, и один из солдат что-то крикнул. Должно быть, это была команда отступить, так как солдаты побежали, оставив двух испуганных женщин, освобожденных от привязи потоками Воздуха.

Аделорна нерешительно обернулась. Неподалеку, на груде камней, стояла женщина в белом. Ее окружал невероятно яркий ореол Силы, рука была вытянута вслед убегающим солдатам, взгляд напряжен. В окружающем вихре саидар женщина казалась олицетворением возмездия. Казалось, вокруг неё светился сам воздух, а ее каштановые волосы развевались на ветру, врывающемся

через пролом в стене рядом с ней. Эгвейн ал'Вир.

– Быстрее, – сказала Эгвейн. Группа послушниц перебралась через завал, они подошли к Аделорне и помогли ей подняться на ноги. Пораженная, она встала. Она свободна! Несколько других послушниц поспешили схватить двух освобожденных женщин в сером, которые, как ни странно, всё так же стояли на коленях в коридоре. Они могли направлять – Аделорна чувствовала это. Почему они не сопротивлялись? Вместо этого они, казалось, плакали.

– Отведите их к остальным, – сказала Эгвейн, спускаясь с вала

камней и выглядывая через брешь в стене коридора. — Я хочу... — Эгвейн замерла, потом вскинула руки.

Внезапно вокруг Эгвейн снова возникли плетения. Свет! Что это за белый рифленый жезл у нее в руке? Неужели са'ангриал Воры? Где Эгвейн его взяла? Молнии сорвались со свободной руки Эгвейн, сверкнув в проеме разбитой стены, что-то пронзительно завизжало и упало снаружи. Обнимая Источник, Аделорна подошла к Эгвейн, чувствуя себя глупо из-за того, что попала в плен. Эгвейн снова нанесла удар, и еще один летающий монстр упал вниз.

— Что если они несут на себе

пленных? – спросила Аделорна, наблюдая, как одно из чудовищ, объятые пламенем от молний Эгвейн, падает вниз.

– В таком случае, им лучше умереть, – сказала Эгвейн, повернувшись к ней. – Поверь. Я знаю, что говорю, – она обернулась к остальным. – Всем отойти от дыры. Эти вспышки могли привлечь внимание.

– Шанал и Клара, наблюдайте за проломом с безопасного расстояния. Если здесь приземлится то'ракен, бегите к нам. Не нападайте.

Две девушки кивнули и заняли позиции около пробоины. Другие послушницы поспешили прочь,

подгоняя двух странных женщин, что были с Шончан. Эгвейн шагала по коридору позади них, как генерал на переднем крае. И, похоже, она на самом деле была им. Аделорна поспешила присоединиться к ней.

— Что ж, — сказала она. — Ты отлично все организовала, Эгвейн, однако хорошо, что Айз...

Эгвейн замерла. Ее взгляд был очень спокоен и властен.

— Я буду командовать, пока не исчезнет нависшая над нами угроза. Ты будешь называть меня «Мать». Накажешь меня позже, если это необходимо, но сейчас мое старшинство не должно оспариваться. Ясно?

– Да, Мать, – с удивлением услышала Аделорна собственный голос.

– Хорошо. Где твои Стражи?

– Один ранен, – ответила Аделорна. – Другой в безопасности рядом с первым. Третий погиб.

– Свет, женщина, и ты все еще держишься на ногах?

Аделорна выпрямилась.

– А какой у меня остается выбор?

Эгвейн кивнула. И почему уважение в ее взгляде заставило Аделорну почувствовать гордость?

– Что ж, я рада, что ты с нами, – сказала Эгвейн, снова двинувшись вперед. – Мы спасли всего шесть Айз

Седай, но ни одной из Зеленых, и нам трудно сдерживать Шончан на лестницах с восточной стороны. Я прикажу одной из послушниц показать тебе, как открывать браслеты, но не рискуй понапрасну. Обычно легче — и намного безопасней — убить дамани. Насколько хорошо ты знаешь хранилища ангриалов в Башне?

— Очень хорошо, — ответила Аделорна.

— Отлично, — сказала Эгвейн, небрежно создавая самое сложное из когда-либо виденных Аделорной плетений. Линия света разрезала воздух, затем развернулась, создавая дыру в черноте. — Люсейн, беги и

передай нашим, чтобы держались.
Скоро я принесу еще ангриалы.

Темноволосая послушница кивнула и бросилась прочь. А Аделорна все таращилась на дыру в воздухе.

— Перемещение, — без выражения сказала она. — Ты действительно заново его открыла. Я думала, что это только слухи, выдающие желаемое за действительность.

Эгвейн взглянула на нее.

— Я бы никогда не показала тебе этого, если бы только что не получила сведений о том, что Элайда распространяет знание об этом плетении. Знание о Перемещении

уже не секрет. Шончан скорее всего уже им владеют, если предположить, что они захватили одну из обученных Элайдой женщин.

– Все материнское молоко им в чашу!

– Точно, – сказала Эгвейн, взгляд ее был ледяным. – Мы должны остановить их и уничтожить любого то'ракена, которого увидим – с пленными или без. Если есть хоть какой-то шанс не дать им вернуться в Эбу Дар с кем-то, кто знает Перемещение, мы должны его использовать.

Аделорна кивнула.

– Идем, – сказала Эгвейн. – Мне нужно выяснить, какие из предметов

в этой кладовой – ангриалы.

Она шагнула в дыру.

Аделорна стояла потрясенная, все еще обдумывая услышанное.

– Ты могла убежать, – сказала она. – Ты могла сбежать в любой момент.

Эгвейн обернулась к ней, глядя через ворота.

– Сбежать? – переспросила она. – Если бы я ушла, то я бы не сбежала от вас, Аделорна, я бы бросила вас. Я – Престол Амерлин. Мое место здесь. Я уверена, ты слышала, что у меня было Сновидение об этом нападении.

Аделорна почувствовала озноб. Конечно, она слышала.

– Идем, – повторила Эгвейн. – Мы должны торопиться. Это только набег. Они хотят захватить как можно больше способных направлять и скрываться. Я хочу убедиться, что они потеряют больше дамани, чем захватят Айз Седай.

Глава 41.

Воплощение Силы

– Ух, ты! Повяжите мне на лицо платок и зовите айильцем! – пробормотал один из солдат Брина, стоявший на коленях на носу их узкой лодки. – Она здесь и вправду есть.

Гавин сидел, пригнувшись, на носу своей лодки. Темная вода журчала и била в борт суденышка. Чтобы перевезти всех сразу, им потребовалось тринадцать плоскодонок, и они спустили их на воду бесшумно и быстро... но только после того, как Суан Санчей проверила все лодки и убедилась, что они не утонут. Может быть.

В каждой лодке зажгли по одному потайному фонарю. Гавин едва мог различить скользящие рядом по черной как смоль воде соседние суденышки. Проплывая мимо каменной дамбы на юго-западной стороне Тар Валона, солдаты стали грести абсолютно

бесшумно. Вспышки в небе отвлекали внимание, и Гавин поймал себя на том, что поглядывает вверх на летающих змееподобных чудовищ, на мгновение высвеченных мертвенно-белыми вспышками молний и взрывами алого пламени.

Казалось, горит сама Белая Башня. В небе светился смутный бело-багровый силуэт, озаренный отблесками огня. Из многих открытых окон вырывались яркие языки пламени, черные клубы дыма поднимались в темное ночное небо. Судя по отсветам на основании Башни, прилегающие строения и деревья так же были охвачены огнем.

Лодка Гавина грациозно

скользнула рядом с посудиною Брина под нависающим над рекой выступом древней кладки, и солдаты сложили весла. Камни закрывали от Гавина картину яростной схватки, хотя он по-прежнему мог слышать грохот и хлопки, а так же дробь периодически сыпавшихся на мостовую каменных осколков — словно шумел далекий дождь.

Гавин поднял фонарь, рискнув выпустить из-за заслонки узкий луч света. С его помощью он увидел, что имел в виду солдат Брина. Берега Тар Валона были опоясаны валами огирской работы, которые являлись частью городских построек, они же предохраняли остров от размывания.

Как и все, за что брались огир, эти валы были прекрасны. В этом месте камень был тщательно обтесан в виде арки, выступающей из скалы наружу и возвышающейся над водой на пять или шесть футов, формируя словно бы пенный гребень вздыбившейся волны. В приглушенном свете фонаря Гавина поверхность камня казалась настолько естественной, что трудно было отличить, где кончается камень и начинается вода.

Один из подобных каменных изгибов прятал за собой расщелину, которую невозможно было бы заметить даже с близкого расстояния. Солдаты Брина направили лодку в

узкий проход, который с боков и сверху был закрыт скалой. Следом туда вошла лодка Суан, и Гавин дал знак своим гребцам следовать за ней. Расщелина превратилась в узкий туннель, в котором Гавин, наконец, следом за Суан и Брином смог пошире открыть заслонку фонаря. Покрытые лишайником стены туннеля по обеим сторонам были испещрены темными отметинами уровня реки. Долгие годы этот туннель был полностью скрыт под водой.

— Скорее всего, его сделали специально для рабочих, — слышался спереди голос Бриана, эхом разносясь по сырому туннелю.

Даже звуки от каждого движения весел по воде, далекий плеск волн и шум падающих капель гулко отдавались под сводами. — Чтобы выбираться наружу и следить за состоянием внешних стен.

— Мне плевать, зачем они его сделали, — откликнулась Суан. — Я просто рада, что он существует. И ужасно уязвлена тем, что ничего не знала о нем раньше. Одним из преимуществ безопасности Тар Валона было наличие охраняемых мостов. Всегда можно отследить, кто входит и выходит из города.

Брин тихо фыркнул, что вызвало новое гулкое эхо в туннеле.

— В таком огромном городе,

Суан, нельзя контролировать все. Те же мосты, к примеру, дают тебе призрачное чувство контроля. Конечно, для нападающей армии этот город неприступен, и все же, даже в этом месте есть лазейки, как в плотной ткани найдется с дюжину дыр, через которые внутрь могут пробраться блохи вроде нас.

Суан промолчала. Гавин успокоился и выровнял дыхание. Наконец-то он делал что-то, что могло помочь Эгвейн. На это ушло больше времени, чем он рассчитывал. Ниспошли ему Свет, чтобы он успел вовремя!

Туннель содрогнулся от далекого взрыва. Гавин оглянулся на идущие

следом десять лодок, заполненных встревоженными солдатами. Они подплывали прямо к зоне боевых действий, где оба противника были сильнее них, у обеих сторон было мало причин их любить, к тому же и те, и другие пользовались Единой Силой. Для подобного дела требовались люди особого склада, способные бросить вызов, несмотря на неравенство сил.

— Приехали, — сказал Брин, его силуэт на мгновение закрыл свет фонаря. Он поднял руку, подавая знак остальным лодкам остановиться. Туннель расширялся вправо, где их ожидал каменный выступ — причал с лестницей. Сам же туннель

продолжался дальше.

Брин встал, пригнувшись, шагнул на пристань и пришвартовал лодку к скобе в стене. За ним последовали солдаты из его лодки с небольшими темными свертками в руках. Что в них было? Гавин не заметил, как их клали в лодки. Когда из судна выбрался последний солдат, он толкнул его вперед и бросил буксирный конец солдату в лодке Суан. Так, продолжая линию, они связали все лодки одну за другой. Последний солдат позаботится о том, чтобы привязать свой швартовый к причалу, и таким образом закрепить их всех вместе.

Дождавшись своей очереди,

Гавин выбрался на пристань и поспешил к лестнице, которая вела в небольшой переулок. Судя по всему, этот спуск был давно заброшен, если не считать нескольких бродяг, которые использовали его в качестве укрытия. Солдаты как раз вязали небольшую группу этих людей на задворках переулка. Гавин поморщился, но не стал возражать. Очень часто бездомные продавали секреты тем, кто готов был их выслушать, а подобная новость — про сотню проникших в город солдат — стоила бы неплохого вознаграждения от гвардейцев Башни.

Брин стоял рядом с Суан у выхода из переулка, проверяя улицу

за углом. Гавин, взявшись за меч, присоединился к ним. Улицы были пустынные. Люди, без сомнения, попрятались по домам, молясь, чтобы налет поскорее закончился.

Отряд постепенно собрался в переулке. Брин тихо передал приказ одному отделению из десятка человек остаться охранять лодки. Следом за этим остальные открыли замеченные ранее Гавином свертки и вытащили наружу сложенные белоснежные табарды. Они натянули их через голову на плечи и завязали на груди. На каждом из них красовалось пламя Тар Валона.

Гавин тихо присвистнул, а Суан возмущенно выпрямилась, уперев

руки в бока.

— Где ты это взял?

— Приказал женщинам из лагеря сшить их, — ответил Брин. — Никогда не помешает иметь про запас несколько экземпляров вражеской униформы.

— Так нельзя, — возразила Суан, скрещивая руки на груди. — Служба в Гвардии Башни — это святое. И они...

— Они твои противники, Суан, — твердо ответил Брин. — По крайней мере, сейчас. А ты — больше не Амерлин.

Она не сводила с него глаз, но прикусила язык. Брин оглядел свой отряд и удовлетворенно кивнул.

— Вблизи это никого не одурачит,

но издали сойдем за своих. Теперь всем построиться на улице. Поторопимся к Башне, словно спешим в бой на выручку. Суан, шар света или даже пара будут очень кстати к нашей маскировке. Если кто-то станет приглядываться, то увидит не только нас, но и Айз Седай во главе, а значит, скорее всего, решит, что так и надо.

Она фыркнула, но исполнила все, как он попросил — создала два световых шара и разместила их с обеих сторон над головой. Брин отдал приказ, и весь отряд выбрался из переулка на улицу, построившись в колонну. Гавин, Суан и Брин заняли позицию во главе — мужчины встали

чуть впереди Суан, словно они были ее Стражами – и скорым шагом поспешили по улице.

В общем и целом, иллюзия была полной. С первого взгляда даже Гавин купился бы на этот фокус. Что может быть естественнее, чем отряд гвардейцев Башни в сопровождении Айз Седай и ее Стражей, спешащий к месту нападения? Определенно, это было лучше, чем пытаться протащить незамеченными через весь город сотню вооруженных людей, скрываясь по темным переулкам.

Едва вступив на территорию, принадлежащую Башне, они столкнулись с настоящим кошмаром. Вздвигающиеся клубы дыма

отражали багровый свет пожарища, обволакивая Башню грозным алым туманом. В стенах некогда прекрасного здания зияли дыры и проломы. Из нескольких вырывались языки пламени. В воздухе господствовали ракены, устремляясь к земле и описывая петли вокруг Башни, словно чайки над качающимся на волнах дохлым китом. Кругом раздавались крики и вопли, а от едкого дыма у Гавина запершило в горле.

Приблизившись, солдаты Брина замедлили ход. Похоже, в ходе налета схватка распалась на две. Одна происходила в основании Башни и в крыльях здания по обе стороны от

нее — там виднелись вспышки света, вся окрестная территория была завалена трупами и ранеными. И вторая — высоко наверху, почти посередине Башни, где из нескольких зияющих проломов в захватчиков били цепочки огненных шаров и стрелы молний. Остальная Башня казалась тихой и вымершей, хотя, наверняка, бой в ее коридорах продолжался до сих пор.

Отряд задержался перед кованными воротами, не вступая на территорию Башни. Ворота были распахнуты настежь и никем не охранялись. Это был зловещий знак.

— И что теперь? — прошептал Гавин.

— Будем искать Эгвейн, —
ответила Суан. — Начнем внизу,
потом направимся еще ниже, в
подвалы. Еще сегодня ее держали
там, и это первое место, которое
надо осмотреть.

* * *

Башня вздрогнула от очередного
взрыва, и с потолка прямо на стол
посыпался град из каменных
осколков. Саэрин мысленно
выругалась и смахнула камешки
прочь, затем расправила лист

пергамента и придавила его по краям обломками плитки.

Комната вокруг нее была погружена в невообразимый хаос. Они закрепились на нижнем этаже в просторном прямоугольном помещении, расположенном на стыке восточного крыла с основанием Башни. Гвардейцы оттащили столы в сторону, чтобы расчистить место для прохода отрядов. Наблюдавшие за небом Айз Седай осторожно выглядывали из окон. Стражи кружили по комнате, словно посаженные в клетку звери. Но что они могли поделать с летучими тварями? Лучшее применение им было здесь, на

страже штаба, как сейчас. Саэрин только что прибыла.

К ней метнулась Сестра в зеленом платье. Морадри была нескладной темнокожей майенкой. За ней по пятам ходили два симпатичных Стража, оба ее земляки. Сплетни утверждали, что они ее братья, которые явились в Башню на защиту сестры, но Морадри не обсуждала эту тему.

— Сколько? — потребовала отчета Саэрин.

— На нижнем этаже по крайней мере сорок семь сестер, разделившихся по своим Айя, — ответила Морадри. — Это все, кого я смогла найти и сосчитать — они

сражаются небольшими группами. Я передала им, что мы создаем здесь официальный штаб. В основном все согласны, что это хорошая идея, хотя многие либо совсем вымотаны, либо в шоке, либо слишком потрясены, чтобы отреагировать чем-то кроме кивка.

– Отметь их позиции на плане, – сказала Саэрин. – Ты нашла Элайду?

Морадри покачала головой.

– Проклятье, – пробормотала Саэрин, когда Башню тряхнуло от нового взрыва. – А Восседающих от Зеленых?

– Никого не нашла, – ответила Морадри, оглядываясь через плечо, очевидно желая вернуться в бой.

– Жаль, – сказала Саэрин. – Все-таки они так любят называть себя Боевой Айя. Что ж, не остается ничего иного, как мне самой организовывать отпор.

Морадри пожала плечами.

– Видимо, так.

Она вновь оглянулась.

Саэрин посмотрела на Зеленую и постучала пальцем по плану.

– Отметь позиции, Морадри. Скоро ты сможешь вернуться в бой, но сейчас твои знания гораздо важнее.

Зеленая вздохнула, но быстро начала делать пометки на плане. Пока она была занята работой, Саэрин с удовольствием отметила

появление в зале капитана Чубейна. Для своих сорока с лишним зим мужчина выглядел моложаво, без малейшего следа седины в темных волосах. Некоторые были склонны принижать его достоинства из-за симпатичного лица, и Саэрин не раз довелось слышать об унижении от его меча, которому они подверглись в ответ на оскорбления.

— А, отлично, — сказала она. — Наконец-то хоть что-то хорошее. Сюда, Капитан, если вам не трудно.

Он, хромя, направился к ней, припадая на левую ногу. Его белый табард, накинутый поверх кольчуги, был опален, а лицо вымазано в саже.

— Саэрин Седай, —

поклонившись, произнес он.

— Вы ранены.

— Для такой битвы, как эта, рана незначительная, Айз Седай.

— В любом случае, не забудьте обратиться за Исцелением, — приказала она. — Будет глупо рисковать жизнью нашего капитана гвардии из-за какой-то «незначительной» раны. Если в опасный момент вы из-за нее оступитесь, мы можем вас лишиться.

Мужчина приблизился и заговорил приглушенным голосом:

— Саэрин Седай, гвардейцы Башни в подобном бою абсолютно беспомощны. Когда Шончан используют этих... ужасных женщин,

мы даже близко не успеваем к ним подобраться – нас разносят на куски или сжигают дотла.

– Значит, Капитан, нужно сменить тактику, – твердо ответила Саэрин. Свет, какой бардак! – Прикажите своим людям использовать луки. Не рискуйте приближаться к вражеским направляющим. Обстреливайте их на расстоянии. Единственный выстрел может решить исход битвы в нашу сторону. У нас численный перевес в солдатах.

– Да, Айз Седай.

– Как сказала бы Белая, это всего лишь обычная логика, – ответила она. – Капитан, наша

главная задача создать штаб. И Айз Седай, и солдаты сражаются каждый сам по себе, словно крысы среди волков. Нам необходимо организовать единый отпор.

Что она не упомянула, так это то, в каком смятении она находилась. Айз Седай веками наставляли королей и влияли на ход войн, а теперь, когда они были атакованы в святая святых, они показали прискорбную неспособность ее защитить. «Эгвейн была права, — подумала она. — И не только в предсказании этого нападения, но и в своих упреках за наше разделение». Саэрин не нуждалась в донесениях Морадри или разведчиков, чтобы

удостовериться, что каждая Айя сражается отдельно от другой.

— Капитан, — сказала она. — Сейчас Морадри Сeday отмечает на плане позиции наших бойцов. Уточните у нее, какой из Айя принадлежит каждая из групп. У нее превосходная память, и она сможет рассказать подробности. Отправьте посыльных от моего имени к каждой группе Желтых и Коричневых сестер. Передайте им, чтобы они вернулись сюда, в этот зал.

— Затем, отправьте посыльных к остальным группам и передайте, что мы направим к ним по одной Коричневой или Желтой сестре для Исцеления. Здесь также останется

группа сестер для Исцеления. Обо всех раненых докладывать немедленно мне лично.

Он отдал честь.

— А, — вспомнила она. — И отправьте кого-нибудь наружу осмотреть основные бреши наверху. Нам нужно точно знать, как глубоко проникли напавшие.

— Айз Седай... — ответил он, — снаружи небезопасно. Эти летуны обстреливают сверху всех, кого заметят.

— Значит, отправьте тех, кто умеет прятаться, — прорычала она в ответ.

— Да, Айз Седай. Мы...

— Это катастрофа! — завопил

чей-то яростный голос.

Саэрин обернулась, обнаружив четверых Красных, входящих в зал. На Ноташе было белое платье, залитое кровью с левой стороны, хотя, если это и была ее собственная кровь, ее уже Исцелили. Пышные, длинные, темные волосы Кэтрин были растрепаны и засыпаны каменной крошкой. Остальные две были в разодранной одежде, с лицами, покрытыми пеплом.

— Как они только посмели напасть на нас здесь! — продолжила Кэтрин, пересекая зал. Солдаты разбегались с ее пути, а несколько малозначительных сестер, собранных по приказу Саэрин, внезапно нашли

себе неотложные дела в разных углах комнаты. Вдали раздавались взрывы, по звуку напоминающие представление Иллюминаторов.

— Очевидно, они посмели потому, что хотели и могли, — ответила Саэрин, пряча поглубже свое раздражение и с трудом успокаиваясь. — Пока что их атака проходит очень результативно.

— Что ж, я принимаю командование на себя, — прорычала Кэтрин. — Мы должны обшарить всю Башню и всех уничтожить!

— Ты не принимаешь здесь командование, — твердо ответила Саэрин. Что за несносная женщина! Спокойствие, только спокойствие. —

И мы не переходим в наступление.

— Ты посмеешь меня остановить? — выпалила Кэтрин, и ее окутало яркое свечение саидар. — Ты, Коричневая?

Саэрин вскинула бровь.

— С каких это пор, Кэтрин, Наставница Послушниц стала главнее Восседающей Совета?

— Эгвейн ал'Вир все это предсказывала, — поморщившись, продолжила Саэрин. — И можно предположить, что все прочее, что она рассказывала про Шончан, тоже правда. Шончан ловят способных направлять женщин и используют их в качестве оружия. Они не привели с собой наземные силы. В любом

случае, было бы невозможно провести их так далеко через враждебные территории. Что означает, что это всего лишь налет, направленный на то, чтобы захватить как можно больше сестер.

— Для налета бой сильно затянулся, возможно, потому что мы плохо справляемся с обороной, и они чувствуют, что у них еще есть время. В любом случае, нам нужно образовать единый фронт и удерживать позиции. Едва сражение станет напряженнее, они отступят. Пока что мы не в том положении, чтобы «обшаривать Башню» и выбивать их отсюда.

Обдумывая услышанное, Кэтрин

заколебалась. Снаружи раздался очередной взрыв.

– Откуда все это исходит? – раздраженно спросила Саэрин. – Разве мало дыр они понаделали?

– Удары направлены не в сторону Башни, Саэрин Седай! – крикнул один из солдат у дверного проема, ведущего прямо в сад.

«Он прав», – поняла Саэрин. – «Башня не сотрясается. И в прошлый раз тоже».

– В кого тогда они стреляют? В людей внизу?

– Нет, Айз Седай! – ответил гвардеец. – Думаю, это выстрел изнутри Башни, с какого-то из верхних этажей, по летающим

творям.

— Что ж, по крайней мере, хоть кто-то еще отбивается, — сказала Саэрин. — Откуда именно стреляли?

— Мне не видно, — ответил солдат, не отрывая глаз от неба. — Свет, вот опять! И снова!

Красные и желтые отблески отразились от дыма наверху, окрасив сад едва видимым через оконный и дверной проемы светом. Раздался вопль раненого ракена.

— Саэрин Седай! — обратился капитан Чубейн, вернувшийся от группы раненых солдат. Саэрин не заметила, как они прибыли. Она была слишком занята с Кэтрин.

— Эти ребята спустились с

верхних этажей. Судя по всему, там образовалась вторая линия обороны, и они держатся очень хорошо. Шончан отозвали своих нападающих снизу и сконцентрировались там.

– Где именно? – резко спросила Саэрин. – Где?

– Двадцать второй уровень, Айз Седай. Северо-восточная сторона.

– Что? – переспросила Кэтрин. – Сектор Коричневых?

Нет. Там они были раньше. Теперь же, после перемещения этажей и коридоров, в этой части Башни были...

– Комнаты Послушниц? – уточнила Саэрин. Это еще невероятнее. – Какого...

До нее дошло, и ее глаза
распахнулись чуть шире.

«Эгвейн».

* * *

Каждый убитый Эгвейн
безликий шончанин для ее
внутреннего взора представлялся
Ринной. Эгвейн стояла в проломе,
зияющем в стене Башни. Ветер
трепал ее белое платье, хватал за
волосы, завывал в такт ее гневу.

Но ее ярость не вырвалась из-
под контроля. Она была холодной и

чистой. Башня горела. Она это Предсказывала, у неё было Сновидение об этом, но реальность оказалась куда хуже ее страхов. Подготовься Элайда к нападению — и разрушений было бы куда меньше. Но теперь не было смысла цепляться за то, чего не случилось.

Вместо этого она перенацелила свою ярость, праведный гнев, кару Амерлин. Она сбивала одного то'ракена за другим. Они были менее верткими, чем их мелкие сородичи. Она уже сбива около дюжины, и ее действия привлекли внимание остававшихся снаружи. Бой внизу стих, и теперь все нападавшие сосредоточились против Эгвейн.

Послушницы отбивали шончанские атаки на лестнице, раз за разом отбрасывая их назад. В воздухе мелькали то'ракены, описывая круги вокруг Башни, их седоки пытались отрезать Эгвейн щитом или ударить огнем. Мимо проносились ракены поменьше, с их спин в нее летели арбалетные стрелы.

Но она была воплощением Силы, почерпнутой из глубин рифленого жезла в ее руках и направленной через группу соединенных с ней в Круг послушниц и Принятых, которые прятались в соседней комнате. Эгвейн сама была частью бушевавшего в Башне огня,

окрасившего небо кровавыми сполохами, прокоптившего воздух едким дымом. Она сейчас ощущала себя не человеком из плоти и крови, а чистой Силой, вершащей суд над теми, кто посмел развязать войну в сердце самой Башни. С неба, сотрясая облака, били разряды молний. С ее рук слетали потоки пламени.

Возможно, ей следовало опасаться нарушить Три Клятвы, но она не боялась. Это был бой, который необходимо выиграть; она не испытывала жажды убийства, хотя, возможно, ее ненависть к сул'дам была близка к тому. Солдаты и дамани были всего лишь

случайными жертвами.

На священный приют Айз Седай, Белую Башню, напали. Все они были в большой опасности, гораздо большей, чем смерть. Серебряный ошейник хуже смерти. Эгвейн должна была защитить себя и каждую женщину в Башне.

Она заставит Шончан отступить.

Снова и снова она чувствовала их попытки отсечь ее от Источника щитом, но они были словно детские ручки, пытающиеся перегородить ревущий водопад. С подобной мощью ее не остановить ничем, кроме как с помощью полного круга, а Шончан не используют круги, потому что

этого не позволяет делать ай'дам.

Атакующие готовили плетения, чтобы смести её, но Эгвейн каждый раз их опережала, то отклоняя запущенные огненные шары порывом воздуха, то сбивая то'ракена с пытавшимися убить ее женщинами.

Часть чудищ скрылись в ночном небе, унося на своих спинах пленниц. Эгвейн сбила кого смогла, но участвующих в рейде то'ракенов оказалось слишком много. Некоторым удастся скрыться. Сестры попадут в плен.

Она создала по огненному шару в каждой руке и сбила очередное подобравшееся чересчур близко чудовище. Да, некоторым удастся

сбежать. Но они дорого заплатят. Это вторая цель. Чтобы никогда впредь они не решились на повторное нападение.

Этот рейд должен стоить им очень дорого.

* * *

— Брин! Сверху!

Гарет плюхнулся на бок и с утробным звуком перекатился в сторону. Его кираса глубоко врезалась в бока и живот, когда он оказался на мостовой. Что-то

огромное пролетело в воздухе прямо над ним и с жутким грохотом врезалось в землю. Он поднялся на одно колено и уставился на пылающего ракена, который бился на земле прямо на том месте, где он только что стоял. Наездник, убитый тем же огненным шаром, что прикончил тварь, свалился с нее, словно тряпичная кукла. Еще дымящийся, труп ракена застыл у стены Башни. Его всадник лежал там, где упал. Его шлем укатился в темноту. Один сапог на ноге трупа тоже отсутствовал.

Брин с усилием поднялся на ноги и выхватил кинжал из ножен на поясе. Свой меч он обронил, когда

был вынужден броситься на землю. Он быстро обернулся в поисках опасности. Чего-чего, а этого вокруг было предостаточно. Ракены пикировали вниз — и крупные, и мелкие — но большинство из них сконцентрировалось на верхней части Башни. Внутренний газон перед фасадом Башни был завален обломками камня и телами, замершими в чудовищных позах. Отряд Брина схватился с группой Шончан. Нападающие в странных доспехах, похожих на панцири насекомых, выбежали из Башни мгновение назад. Может они спасались бегством или просто хотели подраться? Их было добрых

три десятка.

А может они собирались во дворе для того, чтобы их забрали? Что ж, в любом случае, в лице солдат Брина они встретили неожиданное препятствие. Хвала Свету, в этой группе не оказалось ни одного направляющего.

С перевесом два на одного отряд Брина должен был легко с ними справиться. К несчастью, сверху с нескольких ракенов покрупнее на сражающихся во дворе швыряли камни и огненные шары. А эти Шончан были хорошими бойцами. Очень хорошими.

Брин приказал своим людям держаться, а сам стал оглядываться в

поисках меча. Рядом с мечом оказался Гавин — именно он предупредил Брина ранее — сражаясь одновременно с двумя Шончанинами. У парня совсем нет ума? Напор Гавина давал плоды. Ему нужен кто-то, кто бы его прикрывал. Он...

Одним плавным движением Гавин расправился с обоими Шончанами. Это было «Лотос Закрывает Бутон»? Брину еще ни разу не приходилось видеть, чтобы его так действенно применяли против двух противников сразу. Традиционным финальным жестом Гавин очистил лезвие и убрал меч в ножны, затем подбросил ногой обороненный меч

Брина и подхватил его рукой. С мечом наготове он встал в оборонительную стойку. Люди Брина удерживали позиции, несмотря на атаки с неба. Гавин кивнул Брину, указывая мечом вперед.

По всему двору раздавался звон металла о металл, на растерзанном газоне лежали тени, отбрасываемые бушующим наверху пламенем. Брин забрал свой меч, и Гавин вновь вынул из ножен свой.

— Взгляни наверх, — сказал он, показывая мечом.

Брин прищурился. У пролома на одном из верхних этажей что-то явно происходило. Он вынул свою зрительную трубу, направив её на это

место, доверяя Гавину приглядывать вокруг за возможной опасностью.

– Во имя Света... – прошептал он, глядя в окуляр на брешь. В стенном проломе стояла одинокая фигура в белом. Было слишком далеко, чтобы разглядеть ее лицо, но кем бы она ни была, она определенно нанесла Шончан значительный ущерб. Между ее поднятыми вверх руками горел огонь, ослепительный свет отбрасывал от нее тени на внешние стены Башни. Огненные взрывы гремели не переставая, сметая раkenов с небес.

Брин поднял трубу повыше, обследуя Башню во всю вышину и отыскивая другие очаги

сопротивления. На плоской круглой крыше он заметил какое-то движение. Она была так высоко, что он едва ли мог что-либо различить. Было похоже, что там подняли какие-то шесты, затем вниз сорвался ракен и... Что это? Каждый такой пикирующий ракен улетал, унося что-то с собой.

Это пленники, с ужасом понял Брин. Они доставляют пленных Айз Седай на крышу, обвязывают веревками, а потом ракен подхватывает эти веревки и поднимает женщин в воздух. О, Свет! Он даже разглядел одну из уносимых пленниц. Похоже, на ее голову был надет мешок.

– Нам нужно пробраться в Башню, – сказал Гавин. – Этот бой всего лишь отвлекающий маневр.

– Согласен, – ответил Брин, опуская зрительную трубу. Он посмотрел в сторону двора, где Суан должна была ждать, пока мужчины не закончат сражаться. Пора было брать ее и...

Ее не было. Брин почувствовал потрясение и приступ страха. Куда она делась? Если эта женщина позволила себя убить...

Хотя нет. Он чувствовал, что она где-то внутри Башни. Она была невредима. Эта связь – чудесная штука, но он еще совсем к ней не привык. Он должен был

почувствовать, что она ушла! Брин оглядел ряд своих солдат. Шончан были отличными бойцами, но теперь они явно были разбиты наголову. Их ряды сломались, они бросились врассыпную, и Брин отдал приказ не преследовать их.

— Первое и второе отделения, собрать раненых. Быстро! — приказал он. — Перенесите их к краю двора. Те, что могут передвигаться самостоятельно, пусть направляются прямо к лодкам, — он поморщился. — Те, что ходить не могут, должны остаться ждать Исцеления Айз Седай.

Солдаты кивнули. Тяжелораненых придется бросить на

милость врага, но они знали, на что согласились, когда шли на это задание. И освобождение Амерлин было важнее всего остального.

Некоторые не дождутся помощи и умрут от ран. И он ничего не мог с этим поделать. Только надеяться, что большую часть Исцелят Айз Седай Белой Башни. Вслед за Исцелением последует арест, но иного выбора нет. Их отряд должен оставаться мобильным, и времени возиться с носилками для раненых у них нет.

– Третье и четвертое отделения, – быстро продолжил он, но тут же замолк, увидев выскочившую из Башни знакомую фигуру в голубом платье, тащившую за собой девушку в

белом. Конечно, теперь Суан сама выглядела едва старше этой девушки. Порой он с трудом мог представить ее в образе жесткой женщины, встреченной им много лет назад.

Почувствовав сильное облегчение, он тут же накинулся на подросевшую Суан.

— Кто это? — спросил он. — Куда ты ходила?

Она прищелкнула языком, велела послушнице подождать и затем оттащила Брина в сторону, чтобы тихонько переговорить с ним.

— Твои солдаты были заняты, и я решила, что будет неплохо собрать кое-какую информацию. И должна заметить, нам стоит поработать над

твоим отношением, Гарет Брин. Страж так не разговаривает со своей Айз Седай.

— Я стану беспокоиться об этом тогда, когда ты станешь вести себя как человек, у которого есть капля разума в голове, женщина. Что если б ты наткнулась на Шончан?

— Тогда бы я действительно попала в переплет, — ответила она, уперев руки в бедра. — И такое случилось бы не впервые. Я не могла рисковать быть замеченной другими Айз Седай с тобой и твоими солдатами. Столь простенькая маскировка не одурачит ни одну сестру.

— А если бы тебя узнали? —

спросил он. — Суан, эти люди пытались тебя казнить!

Она фыркнула.

— Даже Морейн не смогла бы узнать меня с таким лицом. Женщины в Башне увидят всего лишь молодую Айз Седай со смутно знакомым лицом. Кроме того, я никого не встретила. Только это дитя.

Она оглянулась на послушницу. Темные волосы девушки были коротко подстрижены. Она с ужасом уставилась на происходящую высоко в небе битву.

— Хашала, подойди к нам, — позвала Суан.

Послушница поспешила к ним.

— Расскажи этому мужчине все,

что рассказала мне, – приказала Суан.

– Да, Айз Седай, – с быстрым реверансом выпалила послушница. Бойцы Брина окружили Суан кольцом охраны, а Гавин встал сбоку от генерала. Взгляд молодого человека продолжал обшаривать смертоносные небеса.

– Амерлин, Эгвейн ал'Вир, – начала послушница дрожащим голосом. – Ее сегодня рано утром выпустили из тюрьмы и разрешили вернуться к послушницам. Когда началось нападение, я была внизу, в нижних кухнях, поэтому я не знаю, что с ней случилось. Но, скорее всего, она наверху, где-то на двадцать

первом или двадцать втором этаже. Там теперь находятся покои послушниц, — она поморщилась. — Последнее время в Башне беспорядок. Все находится не на своих местах.

Суан встретила взглядом с Брином.

— Эгвейн в ударных дозах дают корень вилочника. Она едва ли способна направлять.

— Нам нужно к ней пробраться! — заявил Гавин.

— Конечно, — ответил Брин, почесав подбородок. — Именно за этим мы здесь. Следовательно, я полагаю, нам нужно вверх, а не вниз.

— А вы тут для того, чтобы ее

освободить, да? — в голосе послушницы звучало нетерпение.

Брин оглядел девушку. — «Дитя. Лучше бы тебе не делать подобных выводов». Ему была ненавистна сама мысль оставлять послушницу связанной посреди этого хаоса. Но они не могли себе позволить оставить ее на свободе, где она могла бы предупредить Айз Седай Белой Башни.

— Я хочу с вами! — пылко продолжила послушница. — Я на стороне Амерлин. Истинной Амерлин. И большинство нас тоже за нее.

Брин вскинул бровь, покосившись на Суан.

– Пусть идет, – ответила Айз Седай. – Это самый простой вариант.

Она повернулась, чтобы расспросить девушку поподробней.

Один из капитанов по имени Вестас подошел к ним, и Брин обернулся к нему.

– Милорд, – взволнованно обратился Вестас громким шепотом. – Сортировка раненых завершена. Наши потери двенадцать человек. Еще пятнадцать ходячих, они отправлены к лодкам. Шестеро ранены тяжело и не могут передвигаться самостоятельно, – Вестас помедлил. – Трое из них, милорд, не протянут больше часа.

Брин скрипнул зубами.

— Мы уходим.

— Я чувствую твою боль, Брин, —
вмешалась Суан, оборачиваясь к
мужчинам и взглянув ему в лицо. — В
чем дело?

— У нас нет времени. Амерлин...

— Может подождать. Что
случилось?

— Трое людей, — ответил он, —
мне нужно бросить троих бойцов
умирать.

— Этого не будет, если их
Исцелить, — ответила Суан. — Ведите
меня к ним.

Брин не стал препираться, хотя
бросил взгляд на небо. Еще
несколько ракенов приземлились
где-то в парке вокруг Башни. Они

казались нечеткими тенями, освещенными мерцающими оранжевыми всполохами огня. Вокруг них собирались отступающие Шончан.

Он решил, что это были отряды, атаковавшие с земли. Они действительно отступали. Их рейд подходил к концу.

А это значит, что у его людей мало времени. Как только Шончан сбегут, Белая Башня оживет. Им нужно срочно добраться до Эгвейн! Ниспошли им Свет, чтобы ее не захватили!

И все же, раз Суан решила Исцелить раненых, значит, таково ее решение. Все, на что он мог

надеяться, что жизнь этих троих не будет оплачена ценой жизни Амерлин.

Вестас поместил раненых под раскидистым деревом на краю газона. Оставив на Гавина командование остальными бойцами, Брин захватил с собой отделение солдат и последовал к раненым вслед за Суан. Она встала на колени возле первого из них. Она и раньше предупреждала Брина, что ее навыки Исцеления не на высоте. Но, возможно, она сумеет привести всех троих в порядок настолько, чтобы они сумели протянуть достаточно долго, пока их не найдут и не доставят в Белую Башню.

Суан действовала быстро, и Брин отметил, что она была по отношению к себе несправедлива. По всей видимости, она хорошо справлялась с Исцелением. И все же, это отняло драгоценное время. С растущим нетерпением он оглядел двор. Несмотря на то, что наверху не стихал обмен ударами, нижние этажи словно вымерли. Единственным звуком были стоны раненых поблизости и потрескивание пламени.

«О, Свет! — подумал он, оглядывая разрушения в основании Башни. Крыша над восточным крылом и дальняя стена были обрушены, внутри здания бушевал

пожар. Двор был завален обломками и пестрел воронками. В воздухе висел дым — едкий и густой. Согласятся ли огир вернуться и заново отстроить это великолепное здание? Будет ли оно таким, как прежде, или казавшийся вечным памятник сегодня пал? Станет ли он впоследствии сожалеть или гордится, что был этому свидетелем?

В темноте за деревьями мелькнула какая-то тень.

Не раздумывая, Брин двинулся навстречу. В нем слились воедино три вещи — годы тренировок в фехтовании с мечом, закаленные в долгих боях рефлексy и вновь обретенная и усиленная узами

Стража настороженность. Все это соединилось в едином порыве. В мгновение ока его меч вылетел из ножен и Брин нанес «Последний Бросок Копьеголовки», вонзив меч прямо в горло темной фигуры.

Все замерли. Потрясенная Суан подняла голову от очередного раненого. Меч Бриана находился как раз над ее плечом, вонзенный в горло шончанина в угольно-черных доспехах. Человек беззвучно выронил неприятно зазубренный короткий меч, покрытый какой-то вязкой жидкостью. Содрогаясь в конвульсиях, он потянулся к мечу Бриана, словно пытаясь от него освободиться. На какое-то мгновение

его пальцы вцепились в запястье Брина.

Затем человек соскользнул с меча и упал на землю. Его пронзила очередная судорога, и он что-то прошептал, несмотря на пузырящуюся в горле кровь: «Марат... дамани...»

— Испепели меня Свет! — выдохнула Суан, прижав руку к груди. — Что это было?

— Этот одет иначе, — покачав головой, заметил Брин. — Доспехи другие. Похож на убийцу.

— Свет! — произнесла Суан. — Я его даже не заметила! Он кажется едва ли не частью самой тьмы!

Убийцы. Они везде одинаковы,

невзирая на культурные различия. Брин вложил меч в ножны. В первый раз в жизни он использовал «Последний Бросок Копьеголовки» в бою. Это был простейший прием, предназначенный только для одного – быстрота. Просто выхвати меч и бей в горло одним плавным движением. Если ты промазал, ты – покойник.

– Ты спас мне жизнь, – глядя снизу вверх, сказала Суан. Ее лицо было скрыто тенью. – Во имя всех полночных морей! – выругалась она. – Проклятая девчонка была права.

– Кто? – переспросил Брин, настороженно проверяя, не притаились ли в тенях еще убийцы.

Он коротко взмахнул рукой, и его люди послушно открыли шире заслонки потайных фонарей. Атака убийцы произошла настолько внезапно, что они едва успели тронуться с места. Если б не даруемая узами Стража скорость и реакция...

— Это Мин, — устало ответила Суан. Видимо, Исцеление отняло у нее много Сил. — Она сказала мне оставаться с тобой рядом, — она сделала паузу. — Если бы ты не отправился со мной этой ночью, я бы уже была мертва.

— Что ж, — сказал Брин. — Я твой Страж. Подозреваю, это не последний раз, когда мне придется

тебя спасти.

Почему это вдруг стало так жарко?

— Да, — поднимаясь, ответила Суан. — Но тут другое. Мин говорила, что я бы погибла, и... Нет, постой-ка. Мин говорила вовсе не так. Она сказала, если я не буду держаться рядом с тобой, мы оба погибнем.

— О чем это ты... — произнес Брин, оборачиваясь к ней.

— Тш! — перебила его Суан, обхватывая его голову ладонями. Он почувствовал странное покалывание. Она что, использует на нем Силу? Что происходит? Он узнал это шокирующее ощущение, словно по венам разлился холод! Она его

Исцелила! Но зачем? Он не был ранен.

Суан отняла руки от его головы и слегка покачнулась с заметной усталостью на лице. Он подхватил ее, но она покачала головой и выпрямилась самостоятельно.

– Вот, – сказала она, взяв его за правую руку и повернув кисть ладонью вверх. Под кожу там был воткнут тонкий черный шип. Она выдернула его прочь. Брин почувствовал озноб, который никак не был связан с Исцелением.

– Он отравлен? – спросил он, оглядываясь на мертвеца. – Значит, когда он протянул ко мне руку, это не было всего лишь конвульсией.

– Возможно, парализующий яд,
– гневно пробормотала Суан, позволяя усадить себя на землю. Она отбросила шип, и он внезапно вспыхнул ярким пламенем, выжигая яд жаром ее плетения.

Брин провел рукой по волосам. На лбу выступил пот.

– Ты это... Исцелила?

Суан кивнула.

– Это было на удивление просто. В тебя попало совсем чуть-чуть. Но он все равно убил бы тебя. Ты, Брин, должен сказать Мин спасибо, когда вновь ее увидишь. Она только что спасла наши жизни.

– Но если б я не пошел, меня бы не отравили!

– Не пытайся применять логику к предсказаниям, – поморщившись, ответила Суан. – Ты жив. Я жива. Предлагаю, давай оставим все как есть. Ты в порядке? Можешь идти дальше?

– Какая разница? – спросил Брин. – Я не собираюсь отпускать тебя одну.

– Тогда, вперед, – ответила Суан. Сделав глубокий вздох, она поднялась на ноги. Отдых был слишком коротким, но он не стал ее упрекать. – Эти трое переживут эту ночь. Я сделала для них все, что могла.

Обессиленная Эгвейн сидела на куче битого камня, уставившись в дыру в стене Белой Башни на бушующий внизу пожар. На фоне пламени мелькали чьи-то фигуры, и постепенно один за другим пожары погасли. Кто бы ни возглавил сопротивление, он был достаточно сообразителен, чтобы понять, что огонь представляет не меньшую угрозу, чем Шончан. Всего лишь несколько сестер, используя плетения Воздуха и Воды, могли быстро справиться с пожаром, сохранив Белую Башню. Все, что от

нее осталось.

Эгвейн закрыла глаза и прислонилась спиной к стене, прижавшись к уцелевшему ее фрагменту, чувствуя, как ее овевает свежий ветерок. Шончан ушли. Последний то'ракен исчез в ночном мраке. В этот момент, наблюдая, как он улетаёт, Эгвейн поняла, как сильно она выжата сама и насколько вымотала бедных послушниц, через которых она черпала Силу. Она отпустила всех, приказав немедленно отправляться спать. Остальные собравшиеся тут женщины занимались ранеными и тушили пожары на верхних этажах.

Эгвейн хотела помочь. Какая-то

ее часть порывалась броситься на помощь. Небольшая крупица. Но, Свет, как же она устала! Она не могла направить даже крохотную струйку Силы, даже с помощью са'ангриала. Она выжала из себя всё, что могла, и даже больше, но теперь она была настолько истощена, что не смогла бы обнять Источник, даже если бы постаралась.

Она сражалась. Она была великолепна и разрушительна — воплощение правосудия Амерлин и ее гнева, символ Зеленой Айя до кончиков ногтей. Но Башня все равно сожжена. И большая часть то'ракенов не сбита, а скрылась. Число раненых среди собравшихся

вокруг нее женщин вселяло оптимизм. Погибли всего три послушницы и одна Айз Седай. Они же сумели захватить десять дамани и убили десятки солдат. Но что творится на других этажах? В этой битве победа явно не на стороне Белой Башни.

Теперь Белая Башня была разбита не только духовно, но и физически. Для восстановления им понадобится сильный предводитель. Следующие несколько дней окажутся решающими. Эта мысль и размышление о размерах предстоящего дела еще сильнее истощили ее.

Она сумела многих защитить.

Она сопротивлялась и сражалась. И все равно этот день войдет в историю как крупнейшее поражение Айз Седай.

«Не думай об этом, – приказала она себе. – Лучше сконцентрируйся на том, как это исправить...»

Скоро она поднимется. Она возглавит послушниц и Айз Седай на этих верхних этажах, пока они будут оценивать повреждения и заниматься уборкой. Она будет волевой и основательной. Остальные могут поддаться унынию, но ей нужно сохранять оптимизм. Ради общего блага.

Но сейчас она имеет право на несколько минут отдыха. Ей всего

лишь нужно немного отдохнуть...

Она едва заметила, что ее кто-то поднял на руки. Она с трудом приоткрыла глаза и... несмотря на полное оцепенение разума, обнаружила, что её несет Гавин Траканд. Его лоб был испачкан засохшей кровью, но в лице чувствовалась решимость.

— Я держу тебя, Эгвейн, — сказал он, взглянув вниз, — я тебя защищу.

«О, как хорошо, — подумала она, вновь закрыв глаза. — Какой прекрасный сон».

Она улыбнулась.

Постой-ка. Нет. Что-то не так. Она не собиралась покидать Башню. Она попыталась заявить об этом, но

получилось жалкое бормотание.

– Рыбий потрох, – услышала она голос Суан Санчей. – Что они с ней сделали?

– Она не ранена? – другой голос. Гарет Брин.

«Нет, – вяло подумала Эгвейн. – Нет, отпустите меня. Мне нельзя уходить. Только не сейчас...»

– Они бросили ее здесь, Суан, – ответил Гавин. Как приятно слышать его голос. – Абсолютно беспомощную прямо в коридоре! Здесь на нее мог напасть кто угодно. Что если бы ее нашли Шончан?

«Я их разбила, – подумала она в ответ с улыбкой, мысли ускользали от нее. – Я была проклятым воином,

героем, призванным Рогом. Они ни за что не посмеют встретиться со мной вновь». Она почти погрузилась в сон, но тряска от шагов несущего ее Гавина не давала уснуть. По крайней мере, совсем.

— Ого! — услышала она далекий голос Суан. — Что это? О, Свет, Эгвейн! Где ты это взяла? Это же самая могущественная штука во всей Башне!

— Что это, Суан? — раздался голос Брина.

— Это наш пропуск обратно, — ответил далекий голос Суан. Эгвейн что-то почувствовала. Кто-то направляет. Направляет много Единой Силы. — Ты спрашивал, как

нам пробраться обратно мимо суеты во дворе? Что ж, с помощью этой вещицы у меня хватит сил для Перемещения. Давай соберем твоих солдат и лодки и рванем обратно в лагерь.

«Нет! — подумала Эгвейн, продираясь сквозь дремоту, стараясь открыть глаза. — Я побеждаю, разве вы не видите? Если я возглавлю их сейчас, когда только начали разбирать завалы, они точно признают меня своей Амерлин! Я должна остаться! Я должна...»

Гавин пронес ее сквозь ворота перехода, и коридоры Белой Башни остались позади.

Саэрин наконец позволила себе сесть. Зал, выбранный ею в качестве штаба, теперь превратился в госпиталь для сортировки и Исцеления раненых. Желтые и Коричневые сестры обходили ряды солдат, слуг и сестер, концентрируясь в первую очередь на самых тяжелых случаях. Было пугающе большое число мертвых, включая больше двадцати Айз Седай. Но Шончан отступили – как и предсказывала Саэрин. И на том спасибо Свету.

Саэрин	принимала
поступающие	рапорты,

примостившись на крохотном стуле в северо-западном углу зала прямо под прекрасным полотном, на котором был изображен весенний Тир. Раненые стонали, в зале пахло кровью и бальзамом, который использовали для тех ран, которые не требовали немедленного Исцеления. Еще в комнате стоял запах гари. Сегодня ночью он был вездесущ. К ней приходило все больше и больше солдат с рапортами о жертвах и разрушениях. У нее уже не было сил их читать, но это было лучше, чем слушать стоны. Где же, во имя Света, Элайда?

Никто не видел Амерлин во время боя, но ведь большая часть

верхних этажей Башни была отрезана от нижних. Есть надежда, что скоро Амерлин и Совет соберутся, чтобы сильной рукой возглавить их во время этого кризиса.

Саэрин приняла следующий рапорт и удивленно вскинула брови, прочитав его. Из группы Эгвейн погибло всего три послушницы из шестидесяти? И всего одна сестра из почти четырех десятков, которые она сплотила вокруг себя? Захвачено десять шончанок, способных направлять, и сбито более трех десятков ракенов? О, Свет! В сравнении с этим собственные заслуги Саэрин откровенно бледнели. И это все сделала

женщина, которую Элайда упорно называет обыкновенной послушницей?

— Саэрин Седай? — позвал мужской голос.

— Хммм? — рассеянно переспросила она.

— Вам нужно послушать, что рассказывает эта Принятая.

Саэрин подняла голову, поняв, что голос принадлежит Капитану Чубейну. Он стоял, положив руку на плечо молоденькой арафелки с голубыми глазами и пухленьким круглым личиком. Как там ее имя? Мэйр, точно. Бедное дитя выглядело потрепанным. На ее лице было много порезов и царапин, которые скоро

превратятся в синяки. Платье Принятой было порвано на плече и на рукаве.

— Да, дитя? — обратилась Саэрин, посмотрев на встревоженное лицо капитана Чубейна. — Что случилось?

— Саэрин Седай! — прошептала девушка, присев в реверансе, и поморщилась от боли. — Я...

— Живее, дитя, — приказала Саэрин. — Неподходящее время, чтобы мямлить.

Мэйр опустила глаза.

— Это насчет Амерлин, Саэрин Седай. Я сегодня вечером прислуживала Элайде Седай, делала для нее копии. А потом...

— И что потом? —
поинтересовалась Саэрин, чувствуя
нарастающий озноб.

Девушка расплакалась.

— Вся стена вдруг взорвалась,
Саэрин Седай. Меня засыпало
обломками. Думаю, они решили, что
я мертва. Я ничего не могла
поделать! Простите!

«Помилуй Свет! — подумала
Саэрин. — Не может же она сказать
то, что я думаю. Или нет?»

* * *

Элайда очнулась со странным чувством. С какой стати ее кровать движется? Качается и извивается? И так ритмично. И еще этот ветер! Неужели Карлия оставила окно открытым? Если так, горничной не миновать порки. Ее предупреждали. Ее...

Это не кровать. Элайда открыла глаза и обнаружила, что смотрит на темный пейзаж, лежащий в сотне футов под ней. Она была привязана к спине какой-то странной летающей твари. И не могла пошевелиться. Почему она не может пошевелиться? Она потянулась к Источнику, но почувствовала внезапную острую боль, словно каждый дюйм ее тела

одновременно ударили тысячей палок.

Оглушенная, она дернулась, почувствовав на своей шее ошейник. Рядом с ней в седле сидела темная фигура. Здесь не было фонаря, но Элайда каким-то образом могла ее чувствовать. Элайда с трудом могла припомнить как – то проваливаясь в забытье, то выходя из него, она какое-то время висела в воздухе, привязанная к веревке. Когда ее успели посадить на спину животного? Что произошло?

Среди ночной тиши слышался шепот:

– Я забуду про твой мелкий проступок. Ты так долго была

марат'дамани, поэтому
неудивительно, что у тебя плохие
манеры. Но ты не будешь снова
тянуться к Источнику без моего
разрешения. Ясно?

— Отпусти меня! — завопила
Элайда.

Боль вернулась с десятикратной силой, и от ее мощи Элайду вырвало. Ее рвота и желчь попала на бок твари и улетела вниз к далекой земле.

– Ну, ну! – произнес тот же голос, терпеливый, словно у воспитательницы, беседующей с очень маленьким ребенком. – Тебе придется научиться. Теперь тебя зовут Суффа. И Суффа будет хорошей

дамани. Да, будет. Очень, очень хорошей дамани.

Элайда вновь закричала, но на этот раз, когда на нее вновь нахлынула боль, она не замолчала. Она просто продолжала кричать в равнодушную ночную темноту.

Глава 42. Перед Тирской Твердыней

«Мы не знаем имен женщин, находившихся во дворце Грендаль, — сказал Льюс Тэрин. — Мы не сможем добавить их в список».

Ранд попытался не обращать на безумца внимания, но безуспешно.

Льюс Тэрин продолжал.

«Как продолжать список не зная

имен? В бою мы искали павших Дев и нашли каждую! Список не полон! Я не могу продолжать!»

«Это не твой список! – прорычал Ранд. – Он мой, Льюс Тэрин! МОЙ!»

«Нет! – бессвязно забормотал безумец. – Кто ты такой? Он мой! Я создал его. Они мертвы, а я не могу продолжать список. О Свет! Погибельный огонь? Зачем только мы применили погибельный огонь! Я обещал, что больше никогда этого не сделаю...»

Ранд зажмурился и стиснул поводья Тай'дайшара. Боевой конь сам отыскивал путь вниз по улице, стуча копытами по утоптанной

земле.

«Во что мы превратились? — шептал Льюс Тэрин. — Мы сделаем это снова, так ведь? Убьем их всех. Всех, кого любили. Снова, снова, снова...»

— Снова и снова, — шепотом ответил Ранд. — Это не важно, если выживет остальной мир. Раньше они проклинали меня, клялись Драконовой Горой и моим именем, но они жили. Мы здесь и готовы сражаться. Снова и снова.

— Ранд? — позвала Мин.

Он открыл глаза. Мин ехала рядом с Тай'дайшаром на мышастой кобыле. Он не мог позволить ей — или кому угодно из окружающих —

видеть, как он ошибается. Они не должны знать, как он близок к фиаско.

«Столько имен остались неизвестны, — прошептал Льюс Тэрин. — Столько погибших от нашей руки».

И это самое начало.

— Со мной все в порядке, Мин, — произнес Ранд. — Я размышлял.

— О людях? — спросила Мин. Деревянные мостовые Бандар Эбана были полны людей. Ранд уже не мог разобрать, какого цвета их одежда — он только видел, как она изношена. Он видел прорехи в великолепной материи, места, протершиеся до подкладки, грязь и пятна.

Практически все в Бандар Эбане были беженцами. Они неотступно преследовали его затравленными взглядами.

Раньше, каждый раз, когда он захватывал королевство, он оставлял его в лучшем положении, чем было до того. Ранд сместил тиранов-Отрекшихся, прекратил осады и войны. Он выгнал захватчиков-Шайдо, привез продовольствие, обеспечил стабильность. Когда он разрушал каждое из тех государств, он в то же время, по сути, спасал его.

В Арад Домане все было по-другому. Он привез еду — но она привлекла еще больше беженцев, и он уже не справлялся со снабжением

города. Ему не только не удалось привести их к миру с Шончан — он присвоил их единственное войско и отправил его приглядывать за Порубежьем. Моря не стали более безопасными. Юная императрица Шончан не доверяла ему. Она будет продолжать атаки — и, возможно, удвоит усилия.

Доманийцы будут растоптаны копытами войны, раздавлены между нашествием троллоков на севере и Шончан на юге. А Ранд их бросает.

Каким-то образом люди понимали это, и Ранду было очень тяжело встречать их взгляды. Их голодные глаза обвиняли его: зачем ты принес надежду, но дал ей

высохнуть, будто свежевыкопанному колодцу во время засухи? Зачем заставил людей принять себя как правителя только затем, чтобы теперь отказаться от них?

Флинн и Нэфф поехали вперед. Он видел их черные плащи, пока они, верхом на лошадях, поджидали Ранда и его спутников у городской площади. На их высоких воротниках сверкали знаки меча и дракона. Фонтан на площади все еще омывал блестящих медных коней, вынырывающих из медных волн. Кто из этих безмолвных доманийцев продолжал начищать фонтан, пока не было ни короля, ни половины Совета Торговцев?

Айильцам Ранда не удалось отыскать достаточно членов Совета, чтобы набрать большинство голосов. Он подозревал, что Грендаль или захватила их, или убила, чтобы наверняка предотвратить любые возможные выборы короля. Если кто-либо из членов Совета Торговцев был — или была — достаточно милостивым, они, должно быть, пополнили ряды ее питомцев — а это значит, что Ранд убил их.

«Ага, — сказал Льюс Тэрин. — Вот имена для списка. Да...»

Башир подъехал к Ранду, поглаживая усы. Он выглядел задумчивым.

— Твоя воля исполнена, — сказал

ОН.

– Леди Чадмар? – спросил Ранд.

– Вернулась в свой особняк, – ответил Башир. – Так же мы поступили и с теми четырьмя членами Совета, которых айильцы держали неподалеку от города.

– Они понимают, что им следует делать?

– Да, – вздохнул Башир. – Но не думаю, что они станут делать это. Если тебя интересует мое мнение, то как только мы уедем, они стрелой вылетят из города как воры, бегущие из тюрьмы, из которой только что ушла охрана.

Ранд никак не отреагировал. Он приказал Совету Торговцев избрать

новых членов, а затем выбрать короля. Но, судя по всему, Башир был прав. Ранд уже получил донесения из других прибрежных городов, откуда по его распоряжению ушли айильцы. Спасаясь от неминуемого нападения Шончан, правители тут же исчезали,.

С королевством Арад Доман было покончено. Оно скоро рухнет, как стол под непомерной ношей. «Это не моя проблема, – подумал Ранд, не глядя на людей. – Я сделал все, что мог».

Это не было правдой. Он, конечно, хотел помочь доманийцам, но истинные причины его появления состояли в том, чтобы разобраться с Шончан, выяснить, что случилось с

королем, и выследить Грендаль. И еще защитить ту часть Порубежья, какую сможет.

– Какие новости от Итуралде? – спросил Ранд.

– Боюсь, ничего хорошего, – мрачно сказал Башир. – У него были стычки с троллоками, но тебе это уже известно. Отродья Тени всегда быстро отступают, но он предупреждает, что что-то готовится. Его разведчики пару раз заметили огромные армии, способные с ним разделаться. Если троллоки собираются там, то, скорее всего, они собираются везде. Особенно возле Ущелья.

«Будь прокляты эти

Порубежники! — подумал Ранд. — Мне придется что-то с ними делать. И скоро». Добравшись до площади, он натянул поводья Тай'дайшара и кивнул Флинну и Нэффу.

По его сигналу каждый открыл большие Врата на городской площади. Ранд собирался уйти прямо из поместья леди Чадмар, но это значило бы исчезнуть, как вор — один день тут, а на другой тебя уже нету. По крайней мере он покажет людям, что уходит, и они поймут, что предоставлены сами себе.

Они стояли вдоль дощатой мостовой — совсем как в тот день, когда Ранд впервые вошел в город. Но теперь они вели себя тише, если

такое возможно. Женщины в элегантных платьях, мужчины в ярких кафтанах и рубашках с гофрированными рукавами. Многие не были меднокожими, как доманийцы. Ранд наводнил город людьми, обещая еду.

Время пришло. Он двинулся к одним из Врат, и тут раздался голос:

— Лорд Дракон!

Голос было нетрудно услышать, поскольку толпа безмолвствовала. Ранд обернулся в седле, выискивая человека, окликнувшего его. Стройный мужчина в красном доманийском камзоле, застегнутом на талии и расходящемся выше, со сборчатой рубашкой под ним.

Сверкнув золотыми серьгами, он локтями прокладывал себе путь через толпу. Айильцы перехватили его, но Ранд узнал в нем одного из хозяев доков. Ранд кивнул айильцам, и они пропустили этого человека — его звали Иралин.

Иралин подбежал к Тай'дайшару. Он был чисто выбрит, что необычно для доманийца, а под его глазами залегли тени из-за недосыпа.

— Милорд Дракон, — сказал он приглушенным голосом, остановившись рядом с конем Ранда. — Провизия! Она испортилась.

— Какая провизия? — спросил Ранд.

— Вся, — выдавил мужчина. —

Каждая бочка, каждый тюк, каждая крошка у нас в хранилищах и на судах Морского Народа. Милорд, она не просто полна долгоносиков — она стала черной и горькой, и людей выворачивает от нее!

— Вся? — повторил потрясенный Ранд.

— Вся, что ни есть, — тихо сказал Иралин. — Сотни и сотни бочек. Это произошло внезапно — глазом моргнуть не успели. В один миг она была в порядке, а в следующий... Милорд, столько людей явилось в город потому, что слышали, что тут есть еда! Теперь у нас ничего не осталось. Что нам делать?

Ранд закрыл глаза.

– Милорд? – повторил Иралин.

Ранд открыл глаза, прищепил Тай'дайшара и въехал в Переходные Врата, оставив хозяина доков позади с разинутым ртом. Ранд больше не мог ничего сделать. И больше ничего не стал бы делать.

Он выбросил из головы предстоящий голод. Поразительно, как просто это оказалось.

Бандар Эбан исчез, исчезли и слишком молчаливые люди. В момент, когда он прошел через Врата, стоявшая в ожидании толпа разразилась приветственными криками.

От неожиданности и поразительного контраста

ошеломленный Ранд осадил Тай'дайшара.

Перед ним раскинулся Тир. Это был один из великих городов, громадный, разросшийся во все стороны, и Врата привели его прямо в Обжорный ряд – на одну из главных площадей города. Короткая шеренга Аша'манов отсалютовала, прижав к груди кулак. Ранд отправил их ранним утром, чтобы приготовить город к его появлению и очистить площадь для Врат.

Народ продолжал приветствовать Ранда. Собрались тысячи людей, и на дюжинах шестов хлопали Знамена Света , которые толпа подняла в воздух. Приветствия

ударили по Ранду, будто волна упреков. Он не заслуживал подобных восхвалений. Не после того, что он натворил в Арад Домане.

«Надо продолжать двигаться», — подумал он, вновь пришпорив Тай'дайшара. Здесь конские копыта цокали по каменным плитам, а не хлюпали по грязи, размокшей от дождя. Бандар Эбан был большим городом, но Тир был чем-то совершенно иным. Улицы как змеи расползались по всему городу. Стоящие на них здания, привычные для тайренцев, любой деревенский житель посчитал бы стиснутыми друг между другом. На карнизах многих остроконечных крытых

сланцем и черепицей крыш сидели взрослые и мальчишки, которым хотелось получше разглядеть Дракона Возрожденного. Строительный камень здесь был светлее, чем в Бандар Эбанае, и дома предпочитали строить из него скорее всего из-за крепости, возвышавшейся над городом. Она называлась Тирской Твердыней. Реликт прошлой эпохи, но по-прежнему впечатляющий.

Ранд поехал рысью. Рядом не отставали Мин и Башир. Толпа кричала. Очень громко. Невдалеке два хлопавших вымпела сцепились на ветру и необъяснимо перепутались. Люди в передней

части толпы, что держали флаги, опустили их и попытались распутать, но те каким-то образом завязались в скрученный ветром тугой узел. Ранд проехал мимо, практически не обратив на это внимания. Его перестали удивлять причуды, порождаемые его природой та'верен.

Его удивило, сколько в толпе чужеземцев. Само по себе это не было странным — Тир всегда посещало много чужаков, торговцев город привлекал своими пряностями и шелками с востока, фарфором с морей, зерном и табаком с севера и рассказами отовсюду, где их можно собрать. Тем не менее, Ранд обнаружил, что чужестранцы — не

важно, в каком городе – во время его визитов обращали на него меньше внимания. Это относилось даже к гостям из тех стран, которые он завоевал. Когда он был в Кайриэне, кайриэнцы обхаживали его – но если он оказывался в Иллиане, то кайриэнцы его избегали. Возможно, им не нравились напоминания о том, что их господин и господин их врагов – один и тот же человек.

И тем не менее, здесь он без труда определял чужеземцев: Морской Народ с темной кожей и в ярких, свободных нарядах; мурандийцы в длинных кафтанах и с покрытыми воском усами; бородатые иллианцы с поднятыми

воротниками; бледные кайриэнцы с цветными полосами на одеяниях. Здесь также были мужчины и женщины в одежде из простой андорской шерсти. Чужаки приветствовали его спокойней, чем местные, но они были здесь — и внимательно наблюдали.

Башир изучал толпу.

— Люди похоже удивлены, — неожиданно для себя сказал Ранд.

— Тебя долго не было, — Башир в задумчивости разгладил усы. — Без сомнения, слухи летели быстрее стрел, и не один хозяин постоянного двора рассказывал историю о твоём исчезновении или смерти, чтоб посетители еще разок заказали

выпивку.

— Свет! Мне кажется, что я полжизни провел, опровергая тот или иной слух. Когда это кончится?

Башир расхохотался.

— Когда ты остановишь появление слухов, я слезу с лошади и вскочу верхом на козла! Ха! И вдобавок удеру к Морскому Народу!

Ранд умолк. Его сопровождающие продолжали непрерывной струей выезжать из Врат. Входящие в Тир салдэйцы почти все до единого старались ровнее держать копыя, их лошади гарцевали. Айз Седай не прихорашивались демонстративно, но они всё же выглядели не такими

понижшими, их безвозрастные лица пронизательно взирали на толпу. И крадущиеся шаги айильцев казались чуть менее осторожными, а выражения лиц чуть менее напряженным, казалось, под шквалом приветствий они чувствовали себя спокойнее, чем под молчаливыми, обвиняющими взглядами доманийцев.

Башир и Ранд отступили в сторону, за ними безмолвно последовала Мин. Она выглядела растерянной. Когда Ранд объявил о своем отъезде, Найнив и Кадсуане в особняке не было. Что они замыслили? Он сомневался, что они вместе — каждая из них на дух не

переносила другую. В любом случае, они услышат, куда он отправился, и найдут его. С этого момента Ранда будет легко найти. Он больше не станет прятаться в усадьбах, скрытых в лесной глуши. Он больше не станет путешествовать в одиночку. Особенно теперь, когда Лан и его Малкири скажут к Ущелью. Осталось слишком мало времени.

Башир наблюдал за открытыми Вратами, через которые, бесшумно ступая, проходили айильцы. Этот способ путешествовать потихоньку становился им привычен.

— Ты собираешься сказать Итуралде? — в конце концов спросил Башир. — О своем уходе?

– Он услышит, – сказал Ранд. – Его курьеры получили приказ доставлять доклады в Бандар Эбан. Они скоро обнаружат, что меня там больше нет.

– А если он покинет Порубежье, чтобы возобновить войну с Шончан?

– Тогда он задержит Шончан, – ответил Ранд, – и они перестанут щипать меня за пятки. Такое применение для него не хуже, чем любое другое.

Башир воззрился на Ранда.

– Что ты хочешь, чтобы я делал, Башир? – тихо спросил Ранд. Во взгляде салдэйца был вызов, пусть даже едва уловимый, но Ранд его не примет. Его гнев по-прежнему был

скован льдом.

Башир вздохнул.

– Не знаю, – сказал он. – Все это – полный кавардак, и я не вижу, как нам из него выпутаться. Мы идем на войну, оставив Шончан за спиной – и худшей позиции даже не могу себе представить.

– Знаю, – сказал Ранд, глядя на город. – Когда это кончится, Тир окажется в их руках – и, вероятно, Иллиан тоже. Чтоб мне сгореть, нам повезет, если они не захватят все вплоть до Андора, пока мы повернулись к ним спиной.

– Но...

– Придется предположить, что Итуралде оставит свой пост, когда до

него дойдут новости о моей неудаче. Это значит, что сейчас мы должны двигаться в сторону армии Порубежников. Какие бы претензии твои родичи ни предъявляли ко мне, с ними нужно быстро разобраться. Не терплю людей, которые бросают свои обязанности.

«Мы тоже так сделали? — спросил Льюс Тэрин. — Кого мы бросили?»

«Тихо! — прорычал Ранд. — Возвращайся к своим слезам, безумец, и оставь меня в покое!»

Башир в задумчивости откинулся назад в седле. Если он и думал о том, как Ранд бросил доманийцев на произвол судьбы, то

он ничего не сказал. В конце концов он покачал головой.

– Я не знаю, что на уме у Тенобии. Может, просто злится на меня за то, что я сбежал, последовав за тобой, а может, хуже, потребует чтобы ты покорился воле правителей Порубежья. Я даже не представляю, что могло увести ее и остальных от Запустения в подобное время.

– Скоро узнаем, – сказал Ранд. – Я хочу, чтобы ты взял парочку Аша'манов и выяснил, где лагерь Тенобии и остальных. Может, они бросили этот парад шутов и вернулись туда, где их место.

– Ну, ладно, – сказал Башир. – Тогда я прослежу, чтобы мои люди

устроились, и сразу же отправлюсь.

Ранд резко кивнул, затем развернул коня и пустил его по улице рысью. По обеим сторонам выстроились люди, провожая его. В последний раз, когда он был в Тире, он попробовал переодеться – но от этого оказалось мало толку. Любой, кто понимал знаки, понял бы, что Ранд в городе. Странные происшествия – флаги связываются вместе, люди падают с построек и оказываются на земле, не получив ни царапины – это только начало. Его влияние та'верен, казалось, усиливается и порождает все большие искажения. И более опасные.

Во время его последнего визита Тир осаждали мятежники, но город не пострадал. Тир был слишком занят торговлей, чтобы отвлекаться на что-то столь незамысловатое, как осада. Большинство горожан жило как обычно, едва замечая мятежников. Благородные могли играть в свои игры, пока они не мешали более честному люду.

Кроме того, все знали, что Твердыня устоит, как было почти всегда раньше. Да, с открытием Перемещения она потеряла свою прежнюю значимость, но если захватчики не могли использовать Единую Силу, то взять Твердыню было практически невозможно. Сама

по себе она была больше, чем иные города – гигантский разрастающийся массив стен, башен и отвесных укреплений без единой щели в камне. В Твердыне были кузницы, склады, тысячи защитников и собственный укрепленный док.

И ничего из этого нельзя толком противопоставить армии Шончан с дамани и ракенами.

Толпы выстроились вдоль улицы вплоть до Границы Твердыни – большого открытого пространства, окружавшего Твердыню с трех сторон. «Это простреливаемая область», – сказал Льюс Тэрин.

Здесь Ранда приветствовала еще одна толпа. Врата Твердыни были

открыты, и его встречала целая делегация . Дарлин — когда-то Благородный Лорд, а теперь король Тира — сидел на ослепительно белом жеребце. Тайренец был ниже Ранда по крайней мере на голову, у него была короткая черная бородка и коротко стриженные волосы. Из-за крупного носа его трудно было назвать красивым, но Ранд знал, что это умный и благородный человек. В конце концов, в самом начале Дарлин противостоял Ранду, а не присоединился к тем, кто поторопился перед ним преклоняться. Часто бывает, что если чью-то верность трудно завоевать, то она будет незыблемой, даже когда ты

потерял человека из виду.

Дарлин поклонился Ранду. Рядом с королем на чалом мерине ехал бледный Добрэйн, одетый в синий кафтан и белые штаны. Его лицо ничего не выражало, но Ранд подозревал, что Добрэйн все еще разочарован тем, что его так быстро отозвали из Арад Домана.

У стены, держа перед собой мечи, выстроились ряды Защитников Твердыни. Их кирасы и остроконечные шлемы были начищены до блеска. У них были пышные черные рукава с золотыми полосками. А над Защитниками реяло знамя Тира — наполовину красное, наполовину золотое поле с

тремя серебряными полумесяцами. Ранд видел, что площадь за стеной полна солдат — многие носили цвета Защитников, но часть была без униформы, просто с красно-золотой полоской, обвязанной вокруг предплечья. Должно быть, это и есть новобранцы, которых Ранд приказывал набрать Дарлину.

Все это устроили напоказ, чтобы внушить благоговение. Или, возможно, чтобы потешить чье-то самолюбие. Ранд остановил Тай'дайшара перед Дарлином. К сожалению, короля сопровождал забияка Вейрамон, чья лошадь стояла как раз позади Дарлина. Вейрамон был настолько туп, что Ранд с трудом

бы доверил ему без присмотра вспахать поле — не говоря уже о командовании военным отрядом. Да, приземистый лорд был храбр, но, вероятно, лишь потому, что он слишком медленно соображал, чтобы осознать опасность. Как всегда, Вейрамон выглядел полным шутком гороховым, поскольку попытался нарядиться так, чтобы его не приняли за идиота: его борода была напояжена, волосы тщательно уложены так, чтобы скрыть обширную лысину, роскошная одежда — камзол и брюки скроены как полевая форма, но никто не пойдет в битву в таком шикарном наряде. Никто — разве что Вейрамон.

Льюс Тэрин прошептал:

«Он мне нравится!»

Ранд вздрогнул.

«Тебе не нравится никто!»

«Он честный, — ответил Льюс

Тэрин и засмеялся. — Уж точно честнее меня! Когда человек идиот, это не его выбор — но верность каждый выбирает сам. Мы совершили ошибки и хуже, чем оставив его в рядах наших последователей».

Ранд промолчал. Спорить с безумцем бесполезно. Льюс Тэрин принимал решения, не опираясь на рассудок. Сейчас он хотя бы не бормотал о хорошенькой женщине — это мешало бы Ранду.

Дарлин и Добрэйн поклонились

Ранду, а Вейрамон скопировал их движение. Позади короля, разумеется, находились остальные. Само собой, тут была леди Каралайн; стройная кайриэнка была так же красива, как помнил Ранд. На лбу у нее висел белый опал, его золотая цепочка вплетена в темные волосы. Ранд заставил себя отвести взгляд. Она была слишком похожа на свою кузину Морейн. И, разумеется, Льюс Тэрин начал перечислять имена из списка — а тот начинался с Морейн.

Слушая мертвеца на задворках сознания и разглядывая остальных членов группы, Ранд взял себя в руки. Все оставшиеся Благородные Лорды и Леди Тира присутствовали здесь —

верхом на своих лошадях. Жеманная Анайелла улыбалась со спины гнедой лошади подле Вейрамона. И... неужели она в знак благосклонности повязала себе платок, расшитый в его цвета? Ранд считал, что она немного более разборчива. Рябое лицо Ториана лучилось улыбкой. Как жаль, что он до сих пор жив, а куда лучшие люди из Благородных Лордов погибли. Симаан, Истанда, Тедозиан, Геарн — все четверо противостояли Ранду, руководя осадой Твердыни. А теперь они преклонялись перед ним.

Аланна тоже была здесь. Ранд не взглянул на нее. Она чувствовала себя несчастной — Ранд ощущал это через узы. Так ей и надо.

— Милорд Дракон, — Дарлин выпрямился в седле, — благодарим вас за то, что вы послали Добрэйна с вашими пожеланиями.

Его голос выражал неудовольствие. Он кинулся собирать армию по срочному приказу Ранда, а потом неделю за неделей Ранд заставил его бездействовать. Что ж, скоро люди обрадуются, что у них были несколько дополнительных недель для тренировок.

— Армия готова, — помедлив, продолжил Дарлин. — Мы готовы отправиться в Арад Доман.

Ранд кивнул. Сначала он собирался послать Дарлина в Арад Доман, чтобы забрать оттуда Айил и

Аша'манов и отправить их куда-нибудь еще. Он повернулся и взглянул на толпу, вдруг отстраненно сообразив, почему в ней столько чужестранцев. Большинство

тайренцев забрали в армию, и теперь они рядами стояли внутри Твердыни.

Может быть, люди на площади и на улицах пришли туда не затем, чтобы поприветствовать Ранда. Возможно, они думали, что подбадривают армию, отправляющуюся в поход к победе.

— Вы хорошо справились, король Дарлин, — сказал Ранд. — Пора бы кому-нибудь в Тире научиться повиноваться приказам. Я знаю, ваши люди полны нетерпения, но им

придется подождать еще немного. Приготовьте для меня комнаты в Твердыне и проследите за размещением солдат Башира и Айил.

Дарлин еще больше растерялся.

– Хорошо. Значит, мы не нужны в Арад Домане?

– То, что нужно Арад Доману, никто не сможет ему дать, – ответил Ранд. – Ваши войска пойдут со мной.

– Разумеется, милорд. И... куда мы выступаем?

– На Шайол Гул.

Глава 43. Запечатано Пламенем

Эгвейн спокойно сидела в своей палатке, сложив руки на коленях. Она справилась со своим потрясением, жгучей яростью и недоумением.

Пухленькая, симпатичная Чеза молча сидела в углу на подушке,

вышивая узор на подоле одного из платьев Эгвейн. Она выглядела самым довольным человеком на земле, ведь ее госпожа вернулась. Палатка уединенно стояла посреди небольшой рощицы в лагере Айз Седай. Этим утром Эгвейн не допустила к себе никого из приближенных, кроме Чезы. Она прогнала даже Суан — несомненно, та приходила, чтобы извиниться. Но Эгвейн требовалось время подумать, подготовиться и справиться со своим поражением.

А это было самое настоящее поражение. Да, виноваты в этом другие, но они — ее последователи и друзья. И за этот провал они еще

почувствуют на собственных шкурах силу ее гнева. Но сначала она должна разобраться в себе, решить, как ей следовало поступить.

Она сидела в деревянном кресле с высокой спинкой и резными подлокотниками. Ее шатер остался точно таким, каким она его оставила: на столе порядок, одеяла свернуты, подушки сложены в углу. Несомненно, Чеза их регулярно выбивала. Совсем как в музее, куда водят детей, чтобы рассказать им о минувших днях.

На каждой встрече в Тел'аран'риоде Эгвейн как могла вдалбливала Суан свой приказ, и все равно они поступили наоборот.

Возможно, она была слишком скрытной. В секретах таится опасность. Именно они стали причиной падения Суан. Годы, когда она возглавляла сеть «глаз-и-ушей» Голубой Айя, научили эту женщину придерживать информацию, выдавая ее по крохам, словно прижимистый хозяин — плату поденщику. Если бы остальные Айз Седай узнали о том, насколько важна работа Суан, то, пожалуй, они бы не выступили против нее.

Эгвейн пробежалась пальцами по гладкому, плотно сотканному кошельку, привязанному к поясу. Внутри находился длинный, узкий предмет, тайком унесенный ранним

утром из Белой Башни.

Не угодила ли она в ту же ловушку, что и Суан? Это было опасно. В конце концов, она училась именно у Суан. Если бы Эгвейн подробно объяснила, насколько хорошо шли ее дела в Белой Башне, возможно, ее сторонники воздержались бы от поспешных действий?

Здесь была тонкая грань. Амерлин должна хранить множество секретов. Быть откровенной значит утратить часть своей власти. А вот Суан следовало бы открыться больше. Женщина слишком привыкла действовать самостоятельно. То, что она оставила у себя тер'ангриал для

Мира Снов, не поставив в известность Совет и вопреки его желанию, было тому свидетельством. И все же Эгвейн одобрила ее действия, тем самым неосознанно поощряя самоуправство Суан.

А пока она вернулась к более важной проблеме. Катастрофа уже случилась. Ее вытащили из Белой Башни, когда она почти добилась успеха. Но что поделаешь? Взяв себя в руки, она не вскочила и не начала ходить взад и вперед, размышляя. Расхаживая, она покажет свою неуверенность или сомнение. Ей надо научиться быть всегда сдержанной, чтобы ненароком не приобрести дурных привычек.

Поэтому она осталась сидеть в кресле, положив руки на подлокотники, облаченная в красивое шелковое платье зеленого цвета с желтыми узорами на корсете

Странно, что на ней это платье. Неправильно. Ее белые платья, хоть и навязанные ей, стали чем-то вроде символа сопротивления. Смена одежды сейчас означала конец борьбы. Эгвейн эмоционально и физически устала от ночной битвы. Но она не смела поддаваться усталости. Для нее это будет не первая бессонная ночь перед важным днем — днем решений и проблем.

Она обнаружила, что постукивает по подлокотнику, и

заставила себя прекратить.

Вернуться послушницей в Белую Башню невозможно. Ее демонстративное неповиновение сработало только потому, что она была пленной Амерлин. Если она вернется добровольно, ее будут считать либо покорной, либо заносчивой. Более того, на этот раз Элайда непременно добьется ее казни.

Следовательно, она зашла в тупик точно так же, как тогда, когда угодила в лапы Айз Седай из Белой Башни. Она стиснула зубы. Раньше она ошибочно считала, что Амерлин не так подвластна случайным сплетениям Узора. Предполагалось,

что она должна контролировать ситуацию. Все остальные плыли по течению, Амерлин же была человеком дела!

Но всё лучше и лучше она понимала, что жизнь Амерлин ничем не отличалась. Жизнь – это буря, будь ты дояркой или королевой. Просто посреди этой бури королевы искуснее изображали, что все под контролем. Если Эгвейн и выглядела, как неподверженная ветрам статуя, то только потому, что понимала – надо поддаться вихрю. Это создавало иллюзию управления.

Нет. Не только иллюзию. Амерлин действительно обладала большей властью хотя бы потому, что

она сохраняла самообладание и не позволяла хаосу влиять на себя. Порой она сгибалась под тяжестью насущных проблем, но ее действия всегда были обдуманными. Она обязана быть последовательной, как Белая, вдумчивой, как Коричневая, столь же страстной, как Голубая, решительной, как Зеленая, сострадательной, как Желтая, и дипломатичной, как Серая. И да, при необходимости — не менее мстительной, чем Красная.

Возвращение в Белую Башню в качестве послушницы невозможно, и она не может дожидаться переговоров. Особенно сейчас, когда Шончан осмелели настолько, что

посмели напасть на Белую Башню, когда Ранд остался без присмотра, когда мир катится в хаос, а Тень собирает силы для Последней Битвы. Всё это подводит ее к трудному решению. У нее есть пятидесятитысячная армия, а Белой Башне был нанесен неслыханный удар. Айз Седай будут уставшими, а Гвардия Башни разбита и изранена.

Через пару дней женщины закончат Исцелять и отдохнут. Неизвестно, пережила ли Элайда атаку, но Эгвейн должна исходить из того, что та все еще находится во главе Башни. Это оставляло девушке мало простора для действий.

Она знала, каким было

единственно правильное решение. У нее не было времени ждать, пока сестры в Белой Башне примут это решение, поэтому она должна заставить их признать ее.

Она надеялась, что история, в конце концов, ее оправдает.

Она встала, распахнула полог палатки и замерла. Прямо напротив нее на земле сидел мужчина.

Симпатичный до кончиков ногтей, как и в ее воспоминаниях, Гавин поднялся на ноги. Он не был настолько красив, как его сводный брат. Но Гавин был более основательным, более реальным. Поразительно – сейчас для Эгвейн это делало его привлекательнее

Галада. Тот был словно из другого мира, как персонаж легенд и сказаний. Словно стеклянная статуэтка, которую следовало поставить на столик, любоваться ею, но не прикасаться.

Гавин был другим. Милым, с блестящими рыжевато-золотистыми волосами и с ласковым взглядом. В то время как Галад казался витающим в облаках, забота Гавина делала его более земным. Как, к сожалению, и его способность совершать ошибки

— Эгвейн, — произнес он, поправляя меч и отряхивая штаны. Свет! Неужели он спал прямо здесь, у входа в палатку? Солнце уже было

на полпути к зениту. Этому мужчине следовало пойти немного отдохнуть!

Эгвейн подавила в себе тревогу и беспокойство за него. Сейчас не время быть изнемогающей от любви девчонкой. Время быть Амерлин.

— Гавин, — откликнулась она, останавливая его поднятой рукой, едва он шагнул навстречу. — Пока я даже не представляю, что с тобой делать. У меня есть другие дела. Совет собрался, как я просила?

— Думаю, да, — ответил он, поворачиваясь к центру лагеря. За низкорослыми деревьями она с трудом могла разглядеть большой шатер Совета.

— Тогда я должна предстать

перед ним, – сказала Эгвейн, сделав глубокий вдох, и шагнула вперед.

– Нет, – воскликнул Гавин, преграждая ей путь. – Эгвейн, нам необходимо поговорить.

– Позже.

– Нет, сгори оно все, не позже! Я ждал столько месяцев. Я должен знать, что между нами происходит. Я должен знать, что ты...

– Стой! – сказала она.

Он замер. Она не будет одурманена этими глазами, чтоб ему сгореть! Сейчас не время.

– Я же сказала, что еще не разобралась в своих чувствах, – холодно ответила она, – и я не шучу.

Он стиснул зубы.

– Я не верю твоей невозмутимой маске Айз Седай, Эгвейн, – ответил он. – Твои глаза тебя выдают. Я пожертвовал...

– Ты пожертвовал? – перебила его Эгвейн, добавив нотку гнева. – А как же то, чем пожертвовала я ради восстановления Белой Башни? То, что ты перечеркнул, действуя против моих желаний, при том предельно ясно выраженных? Разве Суан тебе не говорила, что я запретила меня спасать?

– Говорила, – сухо ответил он. – Но мы за тебя волновались!

– Что ж, это волнение и было той жертвой, которую я требовала, Гавин! – раздраженно сказала она. –

Неужели ты не видишь, какое недоверие мне ты проявил? Как я могу доверять тебе, если ты способен послушаться меня ради собственного спокойствия?

Гавин не выглядел пристыженным, он выглядел смущенным. Это был хороший знак – как Амерлин, ей был нужен человек, который мог бы высказаться откровенно. Наедине. Но неужели он не понимал, что она нуждалась в ком-то, кто бы поддерживал ее на публике?

– Ты любишь меня Эгвейн, – упрямо сказал он. – Я это вижу.

– Эгвейн-женщина любит тебя, – ответила она. – Но Эгвейн-Амерлин

в ярости. Гавин, если ты будешь рядом со мной, тебе придется быть с обеими: и с женщиной, и с Амерлин. Полагаю, что мужчина, которого воспитывали как Первого Принца Меча, понимает, в чем разница.

Гавин отвел взгляд.

— Ты не веришь в это, не так ли?

— спросила она.

— Во что?

— Что я Амерлин, — ответила

она. — Ты не признаешь мой титул.

— Я пытаюсь, — сказал он, опять посмотрев на нее. — Но, кровавый пепел, Эгвейн! Когда мы расстались, ты была всего лишь Принятой, и это было не так уж давно. А теперь они провозгласили тебя Амерлин? Я не

знаю, что и думать.

— А ты не понимаешь, что твоя неуверенность разрушает все, что могло бы у нас быть?

— Я могу измениться. Но ты должна помочь мне.

— Вот поэтому я и хотела поговорить позже, — отрезала она. — Ты дашь мне пройти?

Гавин с явной неохотой уступил ей дорогу.

— Мы еще не закончили этот разговор, — предупредил он. — Я наконец-то на кое-что решился и не отступлюсь, пока не заполучу.

— Прекрасно, — сказала Эгвейн, проходя мимо. — Сейчас мне не до того. Я должна пойти и отдать

людям, о которых я забочусь, приказ вырезать других людей, о которых я тоже забочусь.

— Значит, ты это сделаешь? — спросил Гавин за ее спиной. — По лагерю ходят слухи. Я их слышал, хотя все утро не сходил с этого места. Кое-кто считает, что ты отдашь Брину приказ штурмовать город.

Она замешкалась.

— Очень жаль, если это произойдет, — продолжил он. — Мне плевать на Тар Валон, но я знаю, что подобный приказ значит для тебя.

Девушка повернулась к нему.

— Я исполню то, что следует, Гавин, — произнесла Эгвейн, встретив его взгляд. — Во благо Айз

Седай и Белой Башни. Даже если это причинит мне боль. Даже если это решение разорвет меня на части. Я сделаю это, если это должно быть сделано. Непременно.

Юноша медленно кивнул. Она направилась к шатру в центре лагеря.

* * *

– Это была твоя вина, Джесси, – сказала Аделорна. Ее глаза были все еще красными: прошлой ночью она, как и многие другие, потеряла Стража. Но она, к тому же, была

вынослива, как дикая собака, и, без сомнения, полна решимости скрыть свою боль.

Джесси Билал грела руки о кружку с крыжовниковым отваром, отказываясь поддаваться на подначки. Вопрос Аделорны был неизбежен. И, возможно, Джесси заслужила выговор. Безусловно, так или иначе, они все его заслужили. Кроме, пожалуй, Тсутамы, которая в момент, о котором шла речь, не была главой Айя. Отчасти именно поэтому она и не была приглашена на собрание. Поэтому, а также потому, что Красные сейчас были не в лучших отношениях с остальными.

Крошечная, тесная комнатуха

едва вмещала пять стульев и маленькую пузатую печку у стены, излучающую умиротворяющее тепло. Тут не было места для стола, не говоря уже о камине — едва достаточно пространства для пяти женщин. Самых могущественных женщин в мире. И, по-видимому, самых глупых.

Этим утром они были жалким сборищем сестер, утром, рассвет которого ознаменовал самую крупную катастрофу в истории Белой Башни. Джесси взглянула на женщину рядом. Феране Нехаран — Первая Рассуждающая Белой Айя — была маленькой полной женщиной, которая, казалось, чаще

прислушивалась к велениям души, чем к логике, что было странно для Белых. Сегодня был один из таких дней: Феране сидела, нахмурившись и скрестив руки на груди. Она отказалась от чашки чая.

Следующая за ней – Суана Драганд, Первая Плетельщица Желтой Айя. Она была тощей, кожа да кости, но у нее был непреклонный нрав. Аделорна – та самая, обвинившая Джесси – сидела возле Суаны. Кто мог упрекнуть за язвительность Капитан-Генерала Зеленых? Ту, кого высекла Элайда и которая прошлой ночью чуть не погибла от рук Шончан? Стройная женщина выглядела растрепанной,

что было ей несвойственно. Ее светлое платье было измято, а волосы стянуты для удобства в узел на затылке.

Последней в комнате была Серанха Колвин, Старший Секретарь Серой Айя. Она была шатенкой с узким лицом, на котором всегда было такое выражение, словно она съела что-то кислое. Кажется, сегодня она проглотила что-то особенно неприятное.

— Она права, Джесси, — сказала Феране, ее размеренная речь контрастировала с ее раздражением. — Ты предложила этот план.

— «Предложила» — это слишком громко сказано, — Джесси отхлебнула

чаю. — Я просто упомянула, что в некоторых... менее официальных документах Башни, упоминалось о прецедентах, когда вместо Амерлин Башней управляли главы Айя.

Тринадцатое Хранилище было известно всем главам Айя, хотя посещать они его могли, если только одновременно являлись Восседающими. Но это не мешало большинству из них отправлять туда Восседающих для сбора информации.

— Может, я и была той, кто высказал идею, но это обычная роль Коричневых. Вы все не сильно колебались, и никто не принуждал вас принять этот план.

После этих слов несколько женщин отвели взгляды и, воспользовавшись случаем, устали на свой чай. Да, они все были замешаны и понимали это. Джесси не возьмет вину за эту катастрофу на себя .

— Нет смысла искать виновных,
— Суана попыталась всех успокоить, и все же ее голос отдавал горечью.

— Меня не так-то легко заставить замолчать! — не выдержала Аделорна. Одни реагировали на утрату Стража с грустью, другие со злобой. Не оставалось сомнений, какой путь выбрала Зеленая. — Была совершена ужасная, смертельная ошибка. Белая Башня в огне, Амерлин в руках

напавших, а Возрожденный Дракон по-прежнему свободно разгуливает по земле. Скоро весь мир узнает о нашем позоре!

— И какой прок во взаимных обвинениях? — бросила Суана. — Неужели мы настолько незрелы, что проведем это собрание, пререкаясь о том, кого повесить, в бесполезных попытках увильнуть от ответственности?

Джесси безмолвно поблагодарила костлявую Желтую за ее слова. Конечно, Суана была первой из глав Айя, согласившейся с планом Джесси. Стало быть, она оказалась следующей в метафорическом списке на виселицу.

— Она права, — Серанха отхлебнула чай. — Между нами должен быть мир. Башня нуждается в руководстве, и мы не дождемся его от Совета.

— Отчасти это и наша вина, — признала Феране с нездоровым видом.

Так и было. План казался блестящим. Раскол Башни, бегство многих Айз Седай к мятежникам и провозглашение новой Амерлин — все это случилось не по их вине. Но это предоставляло ряд возможностей. За первую из них ухватиться было легче всего: направить к мятежникам Восседающих, чтобы руководить ими

и ускорить воссоединение. Были выбраны самые молодые Восседающие – предполагалось, что их потребуется заменить в Башне лишь на короткое время. Главы Айя были уверены, что эту рябь мятежа можно легко загладить.

Они не воспринимали происходящее всерьез. Это была их первая ошибка. Вторая была куда хуже. Действительно, были времена, когда Айз Седай возглавляли не Престол Амерлин и не Совет Башни, а Главы Айя. Конечно же, это делалось тайком, но очень успешно. Если бы не вмешались Главы Айя, правление Кемайл Соренфейн обернулось бы полной катастрофой.

Казалось, что сейчас похожий случай. Приближаются дни Последней Битвы, особое время, требующее особого внимания. Внимания разумных, здравомыслящих женщин с огромным опытом. Женщин, которые могут втайне договариваться друг с другом и определять лучший курс, не допуская споров, в которые вступает Совет.

— Как вы думаете, где мы ошиблись? — тихо спросила Серанха.

Женщины умолкли. Никто из них не хотел открыто признать, что план не сработал так, как было задумано. Аделорна откинулась на спинку стула, скрестив руки на

груди. Она все еще кипела гневом, но больше не разбрасывалась обвинениями.

— Это Элайда, — ответила Феране. — Она никогда не отличалась... последовательностью.

— Она была проклятой ходячей катастрофой, вот кем она была, — проворчала Аделорна.

— Не только это, — признала Джесси. — Взамен отправленных к мятежницам, мы лично выбирали тех Восседающих, кого могли контролировать; это было превосходным решением, но, возможно, слишком очевидным. Женщины из наших собственных Айя стали подозрительны. Я знаю, что

сёстры из Коричневой Айя отпускали по этому поводу кое-какие комментарии. Мы не настолько погружены в себя, как думают другие.

Серанха кивнула.

— От всего этого несло заговором, — подтвердила она. — Поэтому сестры стали недоверчивыми. И потом были еще мятежницы, контролировать которых оказалось труднее, чем предполагалось.

Женщины закивали. Они, как и Джесси, считали, что при надлежащем руководстве мятежницы найдут способ вернуться в Башню и попросят прощения. В конце концов,

этот раскол должен был закончиться, не повредив ничему, кроме уязвленного самолюбия нескольких человек.

Но они не рассчитали, насколько упрямыми или успешными окажутся мятежницы. Настоящая армия, вдруг появившаяся на берегах Тар Валона среди снежной бури? И возглавляемая одним из величайших военных умов Эпохи? Во главе с новой Амерлин, начавшей неприятно эффективную осаду? Кто мог ожидать подобного? А некоторые из направленных ими Восседающих стали склоняться на сторону мятежниц, а не Белой Башни!

«Ни в коем случае не следовало

разрешать Элайде распускать Голубую Айя, – подумала Джесси. – Если б не это, Голубые, наверное, вернулись бы в Башню. Но после подобного оскорбления они начали защищаться». – Только Свет знал, насколько это было опасно. История была полна рассказами о том, насколько упорными могут быть Голубые в достижении цели, особенно если загнать их в угол.

– Думаю, настало время признать, что нет никакой надежды спасти наш план, – сказала Суана. – Согласны?

– Согласны, #8209; ответила Аделорна.

Одна за другой сёстры кивнули,

так же поступила и Джесси. Даже в этой комнате было тяжело признать ошибку. Но пришло время забыть о потерях и начать восстановление.

– Существует и другая проблема, – более спокойным тоном сказала Серанха. Остальные женщины также выглядели более уверенными. Эти пятеро не доверяли друг другу, но они были куда ближе к доверительным отношениям, чем у любой другой влиятельной группы в Совете.

– Должны быть приняты меры, – добавила Феране. – Раскол должен быть устранён.

– Восстание началось против Элайды, – сказала Аделорна. – Если

она больше не Амерлин, тогда против кого бунтовать?

– Стало быть, мы её бросаем? – спросила Джесси.

– Она это заслужила, – ответила Аделорна. – Она много раз повторяла, что Шончан для нас не угроза. Что ж, теперь она расплачивается за свою глупость собственной шкурой.

– Элайду уже не спасти, – добавила Феране. – Совет это обсуждал. Амерлин затерялась где-то среди пленников Шончан, и у нас нет ни сил, ни нужной информации для ее спасения.

«Не говоря уже про полнейшее нежелание», – добавила Джесси про

себя. Многие из Восседающих, приводивших эти доводы перед Советом, ранее подвергались наказаниям Элайды. Джесси не была одной из них, но соглашалась, что Элайда заслужила свою судьбу. Хотя бы за то, что довела Айя до желания вцепиться друг другу в глотки.

– Тогда ее нужно заменить, – сказала Серанха. – Но кем?

– Это должен быть кто-то сильный, – предложила Суана. – Но, в отличие от Элайды, осмотнительный. Кто-то, вокруг кого могут сплотиться сёстры.

– Как насчет Саэрин Аснобар? – спросила Джесси. – За последнее время она проявила поразительную

сообразительность, и ее все любят.

— Конечно, ты предпочтешь Коричневую, — сказала Аделорна.

— А почему бы и нет? — озадаченно спросила Джесси. — Думаю, вы все знаете, как хорошо она справилась, приняв командование во время атаки прошлой ночью ?

— Сине Херимон возглавила собственный очаг сопротивления, — отметила Феране. — Думаю, пришло время для бесстрастного лидера. Для той, кто могла бы руководить рационально.

— Вздор, — парировала Суана. — Белые слишком бесстрастны. Нам нужно не оттолкнуть сестёр, а

объединить их. Исцелить! Пожалуй, Жёлтые...

– Вы все кое о чём забываете, – вставила Серанха. – Что сейчас необходимо? Примирение. Именно Серая Айя веками практиковалась в искусстве переговоров. Кто лучше поладит с расколотой Башней и самим Возрождённым Драконом?

Аделорна сжала подлокотники своего кресла и выпрямилась. Среди других тоже росло напряжение. Как только Аделорна открыла рот, чтобы заговорить, Джесси её оборвала.

– Достаточно! – вмешалась она. – Мы так и будем пререкаться, как это делает Совет с раннего утра? Каждая Айя будет предлагать своего

кандидата, а другие не задумываясь отвергать?.

В комнате воцарилась тишина. Это была правда – Совет заседал уже несколько часов и только совсем недавно сделал короткий перерыв. Ни одна Айя даже близко не набрала достаточно голосов за своих кандидатов. Восседающие не поддержат никого из других Айя – слишком много враждебности между ними. Свет, ну и бардак!

– В идеале, это должна быть одна из нас пятерых, – сказала Феране. – Это разумно.

Пять женщин посмотрели друг на друга, и Джесси сумела прочесть ответы по их глазам. Они были

Главами Айя, самыми влиятельными женщинами в мире. Сейчас они сохраняли равновесие власти, и хотя они доверяли друг другу больше, чем остальные, никто из них ни за что не допустит возведения главы другой Айя на Престол Амерлин. Это дало бы той женщине слишком много власти. Когда их план провалился, доверие начало сходиться на нет.

— Если мы не решим быстро, — заметила Суана, — Совет может принять решение за нас.

— Чушь! — Аделорна махнула рукой. — Они настолько разобщены, что не могут прийти к согласию, какого цвета небо. Восседающие не имеют ни малейшего понятия о том,

что творят.

— По крайней мере, некоторые из нас не стали выбирать Восседающими тех, кто был слишком молод, чтобы заседать в Совете, — заметила Феране.

— Да ну? — сказала Аделорна. — И как ты этого избежала, Феране? Избрав Восседающей себя?

Глаза Феране расширились от ярости. Сердить эту женщину — плохая идея.

— Все мы делали ошибки, — быстро вмешалась Джесси. — Во многом выбранные нами сёстры были случайными. Нам хотелось иметь Совет, который бы делал в точности то, что мы скажем, но

вместо этого получили кучу вздорных соплячек с раздутым самомнением, слишком незрелых, чтобы влиять на более сдержанные умы.

Аделорна и Феране подчеркнуто не смотрели друг на друга.

— Но проблема остается нерешенной, — напомнила Суана. — Нам нужна Амерлин. Исцеление — во что бы то ни стало — должно начаться незамедлительно.

Серанха покачала головой:

— Если честно, я не могу назвать ни одной женщины, которую бы поддержало достаточное число Восседающих...

— Я могу, — тихо произнесла

Аделорна. — Её несколько раз сегодня упоминали на Совете. Вы знаете, о ком я говорю. Она молода, и её обстоятельства необычны, но в настоящий момент всё необычно.

— Не уверена, — хмуро ответила Суана. — Верно, о ней упоминали — но те, чьим мотивам я не доверяю.

— Саэрин, кажется, полностью ею очарована, — признала Джесси.

— Она слишком молода, — сказала Серанха. — Разве мы только что не упрекали себя за то, что выбрали недостаточно опытных Восседающих?

— Да, она молода, — отметила Феране, — но вы должны признать, у нее есть некий... дар. Не думаю, что

кроме нее в Башне кто-то противостоял Элайде так эффективно, как это делала она. Да еще и в подобном положении!

— Вы все слышали отчет о её действиях во время нападения, — сказала Аделорна. — Я могу подтвердить, что это правда. Я была с ней почти всё время.

Джесси вздрогнула. Она не сообразила, что во время боя Аделорна была на двадцать втором этаже.

— Наверняка кое-что из рассказанного преувеличено.

Аделорна решительно покачала головой.

— Нет. Это не так. Звучит

невероятно... но это... что ж, так все и было. Всё это.

– Все послушницы едва ли не поклоняются ей, – сказала Феране. – Если Восседающие не поддержат кого-то из другой Айя, как насчёт женщины, которая никогда не выбирала Айя? Женщины, имеющей некоторый – пусть и неправомерный – опыт именно в обсуждаемой нами должности?

Джесси поняла, что кивает. Но каким образом юная мятежница заслужила такое уважение у Феране и Аделорны?

– Я не уверена, – сказала Суана. – Мне это кажется еще одним поспешным решением.

– Разве не ты говорила, что мы должны исцелить Башню любой ценой? – спросила Аделорна. – Ты и правда полагаешь, что есть лучший способ вернуть мятежниц обратно? – Она повернулась к Серанхе. – Какой лучший способ успокоить обиженную сторону? Разве не уступками и признанием их правоты?

– А это мысль, – признала Суана. Она скривилась и одним глотком допила чай. – Свет, она права, Серанха. Мы должны это сделать.

Серая обвела всех взглядом:

– Вы же не настолько наивны, чтобы предполагать, будто эта

женщина позволит держать себя на коротком поводке? Я не поддерживаю эту затею, если мы просто пытаемся создать новую марионетку. Тот план провалился. С треском.

— Сомневаюсь, что мы снова окажемся в подобной ситуации, — с легкой улыбкой возразила Феране. — Она не из тех... кто позволяет себя запугать. Только посмотрите, как она справилась с ограничениями Элайды.

— Да, — к собственному удивлению произнесла Джесси. — Сёстры, если мы пойдем на это, то нашей мечте править из тени придет конец. К худу ли, к добру ли, мы возведем сильную Амерлин.

– Я «за», – сказала Аделорна. –
Думаю, что это великолепная идея.
Упущено слишком много времени.

Одна за другой, остальные
согласились.

* * *

Суан неподвижно стояла под
ветвями небольшого дуба. Дерево
росло посреди лагеря, и его тень
стала любимым местом для
обедающих Принятых и послушниц.
Сейчас здесь не было ни одной из
них. На этот раз Сёстры приняли на

удивление разумное решение,
загрузив их работой, чтобы те не
толпились возле шатра, где заседал
Совет.

Поэтому она в одиночестве
наблюдала, как Шириам задернула
полог большого шатра. Теперь, когда
вернулась Эгвейн, Шириам могла
присутствовать на Совете. Суан легко
определила, когда свили страж от
подслушивания, Запечатав собрание
Пламенем и защитив от любопытных
ушей.

На плечо опустилась рука. Суан
не подскочила, поскольку заранее
почувствовала приближение Брина.
Генерал подобрался незаметно, хотя
в этом и не было никакой

необходимости. Из него получится прекрасный Страж.

Брин встал рядом, не убирая уютно лежавшую на её плече руку, и она позволила себе роскошь сделать маленький шажок поближе к нему. Приятно было чувствовать его рядом, высокого и надежного. Все равно, что знать: несмотря на штормовое небо и бушующее море, корпус твоей лодки просмолен, а парус изготовлен из самой лучшей парусины.

— Как думаешь, что она им скажет? — тихо спросил Брин.

— Если честно, не имею понятия. Полагаю, она может потребовать, чтобы меня усмирили.

— Сомневаюсь, — ответил Брин. —

Она не мстительна. Кроме того, она знает, что ты сделала то, что считала своим долгом. Для её же блага.

Суан скривилась:

— Никто не любит, когда ему не повинуются, и меньше всех это нравится Амерлин. Я заплачу за прошлую ночь, Брин. Пусть, не публично, тут ты прав, но, боюсь, доверие девочки я потеряла.

— Оно того стоило?

— Да, — ответила Суан. — Она не осознавала, насколько близка эта шайка была к тому, чтобы от нее улизнуть. И мы не знали, была ли она в безопасности в Башне во время нападения. Если меня чему и научило пребывание в Белой Башне,

так это тому, что есть время для собраний и планирования, а есть время для действий. Нельзя вечно ждать определённости.

Она сумела через узы почувствовать улыбку Бриана. Свет, как же хорошо снова иметь Стража. Она даже не подозревала, насколько ей не хватало этого уютного клубка чувств на задворках сознания. Этой надёжности. Мужчины мыслили иначе, чем женщины, и вещи, которые ей казались сложными и загадочными, Бриану виделись простыми и понятными. Прими решение и иди дальше. В ходе его мыслей была некая полезная ясность. Он вовсе не был простаком

– просто менее склонен сожалеть о принятых решениях.

– А как насчет другой цены? – добавил Брин.

Она чувствовала его сомнения, беспокойство. Суан повернулась к нему и улыбнулась в изумлении:

– Ты болван, Гарет Брин.

Он насупился.

– То, что я связала тебя узами, никогда не было расплатой, – ответила Суан. – И чем бы для нас с тобой ни кончилась наша авантюра, этот результат наших ночных приключений мне только на пользу.

Он хмыкнул.

– Что ж, тогда мне придется удостовериться, что мое второе

требование куда более
неблагоразумно.

«Рыбий потрох», – подумала Суан. Она едва об этом не забыла. Однако, вряд ли Брин, чтоб ему сгореть, способен забыть.

– И когда же именно ты предъявишь это неблагоразумное требование?

Он ответил не сразу, вместо этого долго смотрел на нее сверху вниз, потирая подбородок:

– Знаешь, – сказал он. – Думаю, что я на самом деле понимаю тебя, Суан Санчей. Ты женщина чести. Просто ничьи требования к тебе никогда не смогут быть жестче или придирчивее, чем твои собственные.

Ты добровольно возложила на себя такие обязательства, что я сомневаюсь, что какой-либо смертный сможет их выполнить.

— Звучит так, будто я сосредоточена только на себе, — сказала она.

— По крайней мере, я больше не сравниваю тебя с боровом.

— Значит, ты считаешь меня эгоцентричной! — добавила Суан. Чтоб он сгорел! Скорее всего, он почувствовал, что его заявление на самом деле ее задело, а не то, что она спорит ради спора. Чтоб он сгорел еще раз!

— Ты одержимая женщина, Суан Сачей, #8209; сказал Брин. — Ты

одержима желанием спасти мир от него самого. Вот почему ты так легко уклоняешься от исполнения приказов и клятв.

Суан глубоко вздохнула.

— Этот разговор слишком быстро стал утомительным, Гарет Брин. Ты собираешься назвать мне второе требование или заставишь меня ждать?

Он задумчиво изучал ее окаменевшее лицо.

— Что ж, если честно, я собираюсь потребовать, чтобы ты вышла за меня замуж.

Она удивленно моргнула. Свет! Узы говорили, что он был честен.

— Но только после того, как ты

почувствуешь, что мир может позаботиться о себе сам. Суан, не раньше. Ты посвятила чему-то свою жизнь. Я прослежу, чтобы ты выжила. И надеюсь, что когда ты покончишь с этим, взамен, ты пожелаешь посвятить свою жизнь чему-то другому.

Она справилась с потрясением. Она не позволит глупому мужчине лишить её дара речи.

— Ну, — выдавила она. — Я вижу, в тебе все же есть здравый смысл. Посмотрим, соглашусь я на это «требование» или нет. Я над этим подумаю.

Брин хмыкнул, когда она развернулась к шатру в ожидании,

когда появится Эгвейн. Он мог ощутить, что она чувствует на самом деле, так же как и она чувствовала его. Свет! Теперь она знала, почему Зеленые так часто выходили замуж за своих Стражей. Ощущать его любовь, одновременно испытывая то же самое по отношению к нему — от этого кружилась голова.

Он был глупым мужчиной. А она — такой же глупой женщиной. Суан печально покачала головой, но позволила себе слегка прислониться к нему, а Брин вернул руку на её плечо. Нежно, несильно. Готовый ждать. Он на самом деле понимал её.

Эгвейн стояла перед группой женщин с безмятежными лицами, которые преуспели в умении скрывать свое беспокойство. По обычаю, она приказала Квамезе свить стража от подслушивания, так как остроносая Серая была самой молодой Восседающей внутри большого шатра. Он выглядел почти пустым — столь мало мест было занято. Дюжина женщин, по две из каждой Айя. Должно было быть по три, но все Айя направили по одной Восседающей с делегацией в Чёрную Башню. Серые уже заменили Делану

Наорисой Камбрал.

Двенадцать Восседающих вместе с Эгвейн и еще одной женщиной. Эгвейн не смотрела на Шириам, сидящую на своем месте чуть в стороне. Когда Шириам вошла, она казалась встревоженной. Может, догадалась, что Эгвейн все известно? Нет, не могла. Если бы она поняла, то никогда бы не явилась на Совет.

И все же знание того, что она здесь — и что она собой представляет — заставляло Эгвейн нервничать. В хаосе атаки Шончан Суан не могла наблюдать за Шириам. Почему у Хранительницы повязка на левой руке? Эгвейн не поверила в отговорку о несчастном случае во

время верховой прогулки, в то, что ее мизинец запутался в поводьях. Почему она отказалась от Исцеления? Проклятая Суан! Вместо того, чтобы приглядывать за Шириам, она отправилась похищать Эгвейн!

В Совете воцарилась тишина, женщины ждали, какой будет реакция Эгвейн на её «освобождение». Чопорно сидела Романда, нарядившаяся в желтое платье, ее тронутые сединой волосы были стянуты в узел. Она источала удовлетворение, в то время как на противоположной стороне комнаты дулась Лилейн, пытавшаяся выглядеть обрадованной

возвращением Амерлин. После того, что Эгвейн пережила в Белой Башне, эти свары воспринимались до смешного мелкими.

Эгвейн сделала глубокий вдох, затем обняла Источник. Это было прекрасно! Больше не было горького корня вилочника, оставлявшего ей только струйку силы, не было нужды, одалживать силу, касаясь Источника через других женщин. Не было необходимости в са'ангриале. Как бы ни была сладостна сила жезла, гораздо больше удовлетворения давала собственная сила.

Несколько женщин неодобрительно нахмурились, и часть из них сами машинально

обняли Источник, оглядываясь по сторонам, словно чувствуя опасность.

– В этом нет необходимости, – заявила Эгвейн. – Пока нет. Прошу вас, отпустите Источник.

Айз Седай колебались, но, пусть и для видимости, они признавали ее Амерлин. Одна за другой они отпустили Единую Силу. Сама же Эгвейн этого не сделала.

– Я очень рада, что вы вернулись невредимой, Мать, – произнесла Лилейн. Она обошла Три Клятвы, прибавив слово «невредимой».

– Спасибо, – спокойно сказала Эгвейн.

– Вы сказали, что вам нужно

сообщить нечто важное, #8209; добавила Варилин. – Это относится к нападению Шончан?

Эгвейн сунула руку в кошелек на поясе и вытащила его содержимое – гладкий белый жезл с изображенной символами Эпохи Легенд цифрой три у основания. Кто-то ахнул.

Эгвейн направила поток Духа в Жезл и громко проговорила:

– Я клянусь, что не скажу ни слова неправды. – Она почувствовала как клятва легла на ее плечи, словно тяжкий груз, кожа туго натянулась и ее начало пощипывать. Эта боль была ничем по сравнению с тем, что она пережила, и было легко не обращать на нее внимания. – Я клянусь, что не

создам оружия, которым один человек может убить другого. Я клянусь, что никогда не использую Единую Силу в качестве оружия, кроме как против Друзей Темного и Отродий Тени, или в качестве крайнего средства для защиты собственной жизни, жизни своего Стража или жизни другой сестры.

Члены Совета молчали. Эгвейн отпустила плетение. Она чувствовала, что с ее кожей произошло что-то странное: казалось, будто кто-то защемил ее у основания шеи и вдоль хребта, дернув ее на себя и зафиксировав в натянутом состоянии.

— И впредь, пусть никто даже не

помыслит, что я могу уклониться от соблюдения Трёх Клятв, – объявила Эгвейн. – Пусть никто даже не шепнёт, что я не полноправная Айз Седай.

Никто не сказал ни слова о том, что она не прошла испытание на шаль. Она позаботится об этом позже.

#8209; А теперь, когда вы видели, как я поклялась на Жезле, и знаете, что я не могу лгать, я вам кое-что расскажу. Когда я была в Белой башне, ко мне пришла сестра и призналась, что она из Чёрной Айя.

Женщины вытаращили глаза, а некоторые из них тихонько ахнули.

– Да, – подтвердила Эгвейн. – Я

знаю, мы не любим о них говорить, но может ли ктонибудь из нас искренне утверждать, что Чёрной Айя не существует? Можете ли вы, соблюдая клятвы, сказать, что вы никогда не рассматривали возможность, даже вероятность, существования среди нас Друзей Темного?

Никто не посмел возразить. В шатре было жарко, несмотря на ранний час. Душно. Никто из присутствующих, конечно же, не потел — они знали старый трюк, помогавший подобного избежать.

— Да, — продолжала Эгвейн, — это позорно, но это правда, которую мы, как предводители, должны

признать. Не публично, но в нашем общем кругу этого избежать нельзя. Я видела собственными глазами, что могут сделать с людьми недоверие и тайные интриги. И не позволю той же болезни заразить нас. Мы из разных Айя, но у нас общая цель. Мы должны быть уверены, что можем доверять друг другу безоговорочно, потому что в этом мире слишком мало тех, кто заслуживает доверия.

Эгвейн посмотрела на Клятвенный Жезл, который утром раздобыла у Саэрин, и потерла его большим пальцем. — «Как жаль, что ты не нашла его, Верин, — подумала она. — Возможно, он бы не спас тебя, но я бы хотела попробовать. Вдруг у

меня бы вышло?»

Эгвейн подняла глаза:

– Я не Приспешница Темного, – объявила она собравшимся. – И вы знаете, что это не может быть ложью.

Восседающие выглядели ошеломленными. Что ж, скоро они поймут, в чем дело.

– Пришло время вас испытать, – сказала Эгвейн, – До этого додумались несколько умных женщин в Белой Башне, и я намерена развить эту идею. Каждая из нас по очереди, используя Клятвенный Жезл, освободит себя от Трёх Клятв, а потом поклянется снова. Как только мы все сделаем это, то

сможем поклясться, что не являемся слугами...

Шириам обняла Источник. Эгвейн ожидала этого и отрезала Шириам от Источника щитом, исторгнув из нее полузадушенный всхлип. Берана потрясённо вскрикнула, и несколько других женщин обняли Источник, оглядываясь по сторонам.

Эгвейн повернулась и встретила взглядом с Шириам. Лицо той стало пунцовым, почти таким же, как и ее волосы, она учащенно дышала, словно пойманный в силки кролик, а глаза расширились от страха. Женщина стиснула свою перевязанную руку.

«Ах, Шириам, – подумала Эгвейн. – Я так надеялась, что Верин ошибалась насчет тебя».

– Эгвейн? – неловко спросила Шириам. – Я просто...

Эгвейн сделала шаг вперёд:

– Ты из Чёрной Айя, Шириам?

– Что? Конечно, нет!

– Ты сотрудничаешь с Отрекшимися?

– Нет! – воскликнула Шириам, оглядываясь по сторонам.

– Ты служишь Тёмному?

– Нет!

– Тебя освободили от твоих клятв?

– Нет!

– Твои волосы рыжие?

– Конечно же нет, я никогда... –

Она застыла на месте.

«И еще раз спасибо тебе, Верин, за этот трюк», – подумала Эгвейн, вздохнув про себя.

В шатре воцарилась мёртвая тишина.

– Я просто оговорилась, – сказала Шириам, нервничая и потея. – Я не знала, на какой вопрос отвечаю. Конечно же, я не могу лгать. Никто из нас не может...

Она умолкла, когда Эгвейн протянула ей Клятвенный Жезл.

– Докажи это, Шириам. Женщина, которая пришла ко мне в Башне, назвала твое имя в числе лидеров Черной Айя.

Шириам взглянула в глаза Эгвейн.

— Ах, ну тогда... — тихо произнесла женщина, с печалью во взгляде. — Кто приходил к тебе?

— Верин Матвин.

— Так, так, — сказала Шириам, усаживаясь обратно в кресло. — Не ожидала подобного от нее. Как она обошла клятвы, данные Великому Повелителю?

— Она выпила яд, — ответила Эгвейн, и ее сердце сжалось.

— Очень умно. — Пламенноволосяя женщина кивнула. — Я б никогда не решилась на подобное. В самом деле никогда...

Эгвейн свила из Воздуха путы и

связала ими Шириам, потом завязала потоки. Она повернулась к побледневшим женщинам, которые не верили своим глазам. Многие были напуганы.

– Мир движется к Последней Битве, – сурово сказала Эгвейн. – Вы ожидали, что наши враги оставят нас в покое?

– Кто еще? – прошептала Лилейн. – Кто еще был упомянут?

– Многие, – ответила Эгвейн. – Среди них были и Восседающие.

Морайя вскочила и бросилась к выходу. Она едва успела сделать пару шагов. Дюжина разных сестёр отгородили бывшую Голубую щитами и связали ее потоками Воздуха. В

считанные секунды ее подвесили в воздухе и заткнули рот кляпом. Слезы полились по щекам ее овального лица.

Романда прищелкнула языком, обходя вокруг пленницы.

– Обе из Голубой, – заметила она. – Какой драматический способ разоблачения, Эгвейн.

– Обращайся ко мне «Мать», Романда, – сказала Эгвейн, спускаясь с помоста. – И нет ничего странного в том, что их так много среди Голубых, поскольку вся эта Айя бежала из Белой Башни. – Она подняла перед собой Клятвенный Жезл. – Причина, по которой я разоблачила их таким образом, очень

проста. Как бы вы поступили, если бы я просто объявила их Чёрными без каких-либо доказательств?

Романда кивнула головой.

– Вы правы в обоих случаях, Мать, – признала она.

– Тогда, полагаю, ты не будешь против первой дать повторную клятву?

Романда колебалась недолго, взглянув на двух связанных Воздухом женщин. Почти все в помещении удерживали Источник, бросая друг на друга такие взгляды, словно в любую минуту у их соседок вместо волос вырастут змеи-медноголовки.

Романда взяла Клятвенный Жезл и выполнила все инструкции,

освобождая себя от клятв. Процесс, безусловно, был болезненным, но она держала себя в руках, со свистом втягивая воздух. Остальные внимательно наблюдали, высматривая подвох, но Романда просто поклялась еще раз и вернула жезл Эгвейн.

– Я не Приспешница Тёмного, – сказала она, – и никогда ей не была.

Эгвейн приняла Клятвенный Жезл обратно:

– Спасибо Романда, – сказала она. – Лилейн, желаешь быть следующей?

– С удовольствием, – ответила женщина. Вероятно, она считала долгом оправдать Голубых. Одна за

другой, охая или шипя от боли, женщины отрекались от клятв, а затем приносили их вновь и громко провозглашали, что они не Приспешники Тёмного. Каждый раз Эгвейн выпускала тихий вздох облегчения. Верин подчеркнула, что будут сёстры, которых она не раскрыла, и что среди Восседающих Эгвейн может обнаружить других Чёрных.

Когда последняя, Квамеза, отдала Жезл Эгвейн и объявила, что не служит Тёмному, напряжение в помещении явно уменьшилось.

— Очень хорошо, — сказала Эгвейн, возвращаясь к помосту во главе комнаты. — Отныне и впредь

мы будем двигаться вперед как единое целое. Больше никаких споров. Больше никаких свар. В сердце каждая из нас стремится к благу Белой Башни и всего мира. По крайней мере, двенадцать из нас, уверены друг в друге.

— Очищение никогда не бывает легким. Чаще всего оно проходит болезненно. Сегодня мы очистили себя, но следующее, что мы должны сделать, будет не менее мучительно.

— Вы... знаете имена других? — спросила Такима, на этот раз выглядевшая менее растерянной.

— Да, — ответила Эгвейн. — Всего более двух сотен, понемногу в каждой Айя. Около семидесяти из

них здесь, в лагере, среди нас. Я знаю их имена. — Ночью она вернулась, чтобы забрать записи Верин из своей комнаты. Сейчас они, невидимые, были надёжно спрятаны в палатке. — Я предлагаю арестовать их, хотя это и будет нелегко, поскольку мы должны схватить их по возможности одновременно.

Кроме внезапности, самым большим преимуществом, по существу, была подозрительность Чёрной Айя. Верин и другие источники указывали на то, что мало кто из Черных сестёр знал больше горстки других имен. В книге был целый раздел про организацию Черных Айя и систему их ячеек,

известную как «сердца», которые, ради сохранения тайны, имели минимум контактов друг с другом. Можно надеяться, что подобная система помешает им быстро понять, что происходит.

Восседающие выглядели ошеломленными.

– Во-первых, – сказала Эгвейн, – мы провозгласим, что нам надо донести важную новость до каждой Сестры, но она не должна быть услышана солдатами в лагере. Мы призовем всех сестёр, отдельно каждую Айя, в этот шатёр – он достаточно велик, чтобы вместить около двухсот человек. Я сообщу каждой из вас имена всех Чёрных

сестёр. Перед каждой Айя я повторяю то же, что поведала вам, и скажу, что они все должны повторно поклясться на Жезле. Мы будем готовы схватить тех Черных, которые попытаются сбежать. Мы свяжем их и поместим в палатку для приемов.

Тот шатёр, поменьше, был соединён с палаткой Совета и мог быть закрыт так, чтобы входящие Сёстры не видели арестованных.

— Мы должны что-то сделать со Стражами, #8209; решительно сказала Лилейн. — Думаю, пусть заходят вместе с Сестрами, а мы будем готовы схватить их.

— Некоторые из них будут Друзьями Темного, — ответила

Эгвейн, – но не все. И я не знаю, кто из них кто.

У Верин были на этот счет кое-какие записи, но, к сожалению, немного.

– Свет, что за бардак, – пробормотала Романда

– Это должно быть сделано, – сказала Берана, покачав головой.

– И это должно быть сделано быстро, – подтвердила Эгвейн. – Чтобы у Черных не было времени сбежать. На всякий случай, я предупрежу лорда Брина, чтобы он расставил по периметру лагеря лучников и сестер, которым мы доверяем. Они остановят любого, кто попытается бежать. Но это сработает

только с теми, кто слишком слаб, чтобы создать переходные врата.

— Мы не должны этого допустить, — сказала Лилейн. — Схватка внутри лагеря...

Эгвейн кивнула.

— А что же насчет Белой Башни? — спросила Лилейн.

— После того, как мы очистим собственные ряды, — сказала Эгвейн, — мы должны сделать то, что должно быть сделано, чтобы воссоединить Айз Седай.

— Вы имеете в виду...

— Да, Лилейн, — ответила Эгвейн, — Я собираюсь сегодня вечером начать штурм Тар Валона. Передай приказ и скажи лорду Брину

— пусть готовит своих людей. Новости отвлекут находящихся среди нас членов Черной Айя и снизят вероятность, что они заметят то, что мы затеяли.

Романда взглянула на висящих в воздухе у стенки шатра Шириам и Морайю. Обе открыто плакали, их рты были заткнуты кляпами из Воздуха.

— Это должно быть сделано. Я предлагаю Совету поддержать предложение, выдвинутое Амерлин.

В шатре воцарилась тишина. Потом, медленно, каждая женщина встала, чтобы выразить согласие. Решение было принято единодушно.

— Сохрани нас Свет, —

прошептала Лилейн, – и прости за то, что мы собираемся сделать.

«Точь-в-точь мои мысли», – добавила про себя Эгвейн.

Глава 44.

Неизвестный запах

– Тарвиново Ущелье – вот самое подходящее место! – настаивала Найнив.

Они с Рандом ехали по заросшей дороге, проходящей через равнину Маредо, в сопровождении

отряда Айил. Найнив была единственной Айз Седай. Угрюмые Наришма и Нэфф ехали замыкающими. Ранд заставил их Айз Седай остаться. В последнее время он, казалось, был полон решимости доказать им свою независимость.

Найнив ехала верхом на белоснежной кобыле по кличке Луносветка, позаимствованной из конюшен Ранда в Тире. Все еще казалось странным, что у Ранда вообще может быть своя конюшня, не говоря уже о том, что у него они в каждом большом городе мира.

– Тарвиново Ущелье, – повторил Ранд, покачав головой. – Нет. Чем больше я думаю об этом, тем больше

понимаю, что сражаться там не желательно. Лан оказывает мне услугу. Если я смогу согласовать свою и его атаки, то сумею добиться большого преимущества. Но я не хочу выделять войска для Ущелья. Это было бы пустой тратой сил.

Пустая трата сил? Ущелье было местом, к которому, как стрела, выпущенная из длинного двуреченского лука, устремился Лан. Он направляется туда, чтобы умереть! А Ранд говорит, что помощь будет «пустой тратой сил»? Вот шерстеголовый болван!

Стиснув зубы, она заставила себя успокоиться. Если б Ранд ругался, а не говорил этим

отрешенным тоном, который не изменялся в последнее время. Он казался таким бесстрастным, но Найнив видела, как зверь вырывался на свободу и ревел на нее. Сейчас же он затаился, и если вскоре Ранд не даст волю своим чувствам, то зверь уничтожит его изнутри.

Но как заставить его уступить здравому смыслу? В Тире она приводила довод за доводом, четко обосновала и спокойно разъяснила каждый из них. Ранд же полностью проигнорировал их, проводя последние два дня на встречах со своими генералами и разрабатывая план Последней Битвы.

Каждый день на один шаг

приближал Лана к бою, который он не мог выиграть. С каждым днем росло ее беспокойство. Несколько раз она чуть было не отправилась на север, бросив Ранда. Если Лан намерен сражаться в заведомо безнадежной битве, то она хочет быть рядом с ним. Но она осталась. Свет бы побрал Ранда ал'Тора! Она осталась. Какой толк в помощи Лану, если этим она позволит миру пасть перед Тенью из-за упрямого пастуха и его упрямого ... упрямства!

Она с силой дернула себя за косу. Браслеты и кольца на ее руках сверкнули в тусклом дневном свете — небо, конечно же, оставалось таким же облачным, как и на протяжении

многих недель до того. Все старались не замечать, насколько это неестественно, но Найнив по-прежнему чувствовала собирающуюся на севере бурю.

Как мало осталось времени до прибытия Лана в Ущелье! Свет, пусть его задержат пришедшие ему на выручку Малкири. Свет, пусть он будет не один. Думать о том, как он едет в Запустение навстречу армии Отродий Тени, наводнившей его родину...

— Мы должны ударить там, — повторила Найнив. — Итуралде говорит, что Запустение кишит троллоками. Темный собирает силы. Могу побиться об заклад, что

большая их часть окажется возле Ущелья, откуда легче всего прорваться и напасть на Андор и Кайриэн.

— Вот именно поэтому мы и не будем атаковать в Ущелье, Найнив, — холодным и ровным голосом ответил Ранд. — Мы не можем позволить врагу навязывать нам поле боя. Последнее, что нам нужно — это сражаться там, где нас ждут или хотят они. — Он устремил взор на север. — Да, пусть собираются. Они ищут меня, но я им не дамся. Зачем сражаться в Тарвиновом Ущелье? Куда разумнее будет перекинуть большую часть наших войск прямо в Шайол Гул.

– Ранд, – сказала она, пытаюсь в очередной раз его образумить. Разве он не замечает, насколько она стала рассудительной? – Нет ни единого шанса, что Лан сумеет собрать настолько крупные силы, чтобы сдержать массовое наступление троллоков, особенно когда большая часть армии Порубежников, Свет только знает почему, торчит здесь. Его сомнут, и троллоки прорвутся!

При упоминании о Порубежниках лицо Ранда посуровело: они как раз ехали на встречу с одним из их посланников.

– Троллоки прорвутся, – повторил Ранд.

– Да!

– Вот и хорошо, – сказал Ранд. – Это займет их, пока я делаю то, что необходимо.

– А как же Лан? – спросила Найнив.

– Его удар будет нанесен в отличном месте, – кивнул Ранд. – Он отвлечет внимание моих врагов на Малкири и Ущелье, а также убедит их, что я тоже там. Отродья Тени не могут пройти через переходные врата, стало быть, они не могут двигаться так же быстро, как я. К тому времени, как они вступят в бой с Ланом, я проскочу мимо них и ударю Темного прямо в сердце.

– Я не собираюсь бросать южные земли. Ни в коем случае.

Когда троллоки пробьются сквозь Ущелье и начнут свое вторжение, они разобьются на кулаки. Вот тогда-то мои армии, возглавляемые Баширом, ударят по ним. Пройдя через ворота, они атакуют каждую группу троллоков во фланг или с тыла. Таким образом, мы сможем сами выбирать поле боя, которое нам больше подходит.

— Ранд, — произнесла Найнив, ее гнев уступил место ужасу. — Ведь тогда Лан погибнет!

— Кто я такой, чтоб отказывать ему в этом? — ответил Ранд. — Мы все заслуживаем шанса обрести покой.

Найнив обнаружила, что слушает с разинутым ртом. Он на

самом деле в это верил! Или, во всяком случае, он убеждал себя поверить.

– Мой долг – убить Темного, – сказал Ранд, как будто разговаривая сам с собой. – Убью его, а потом умру. Вот и все.

– Но...

– Хватит, Найнив, – тихо проговорил Ранд тем самым, опасным, тоном. Он не позволит давить на себя дальше.

Найнив в смятении откинулась в седле, пытаясь решить, как же его убедить. Свет! Неужели он бросит народ Порубежья страдать и погибать под пятой прорвавшихся троллоков? Людям будет все равно, побежден

Темный или нет – они будут вариться в котлах. В итоге Лану с Малкири придется драться в одиночестве, горстка бойцов будет противостоять мощи всех чудовищ, которых только может породить Запустение.

Шончан будут воевать на юге и западе. Троллоки нападут с севера и востока. В итоге они встретятся. И Андор, и вместе с ним другие королевства превратятся в сплошное поле боя. Люди – хорошие люди, такие же, как те, что живут в Двуречье – в такой мясорубке не будут иметь ни единого шанса. Их просто сметут.

Так что же сделать, чтобы изменить это? Ей нужно придумать

новую стратегию влияния на Ранда. Она всем сердцем стремилась защитить Лана. Она должна раздобыть ему подмогу!

Их группа ехала по открытой равнине, на которой изредка попадались фермы. Они только что проехали мимо одной из них, оставив ее справа. Это была одинокая усадьба, которая мало чем отличалась от множества точно таких же в Двуречье. Вот только там, в Двуречье, Найнив никогда не встречала фермера, наблюдавшего за путниками с такой явной враждебностью. Рыжебородый мужчина в грязных штанах, с закатанными почти до плеч рукавами

опирался на недостроенную изгородь, а его топор как бы случайно, но вполне открыто, оказался на бревнах поблизости.

Его поля видели и лучшие времена, хотя земля была умело вспахана и проборожена. В бороздах едва пробились крохотные ростки. На поле виднелись пустые участки, на которых, по неясной причине, семена отказались всходить, а уже проросшие растения были желтоватого оттенка.

На соседнем поле группа мужчин помоложе корчевала пень, и все же, для опытного глаза Найнив, на самом деле они не особенно стремились выполнить работу. Они

не запрягли быка и не окопали пенёк по кругу, ослабляя корни. А эти жерди, валяющиеся в траве, выглядели слишком прочными и гладкими для инструментов. Боевые посохи. Это представление было почти смешным, учитывая тот факт, что с Рандом было две сотни Айил, но оно говорило о многом. Эти люди ожидали неприятностей и были к ним готовы. Без сомнения, они тоже чувствовали бурю.

Здесь, недалеко от Тира и торговых путей, разбойников почти не было. И расположена эта местность достаточно далеко к северу, чтобы ее не затронули свары между Иллианом и Тиром. Так что у

этих фермеров нет нужды тратить хорошую древесину на боевые посохи и настороженно следить за проезжими.

Эта осторожность пригодится, когда до них доберутся троллоки, если, конечно, к тому времени их не завоюют Шончан и не завербуют в свою армию. Найнив снова дернула себя за косу.

Ее мысли вернулись к Лану. Она должна что-то сделать! Но Ранд не понимал ее. Оставался только таинственный план Кадсуане. Глупая женщина отказывается его раскрыть. Найнив первой сделала шаг навстречу, проявив лояльность, и как же отреагировала Кадсуане?

Естественно, с нахальным высокомерием. Как она смела позвать Найнив в свою крохотную группу Айз Седай словно заблудившегося в лесу ребенка!

Каким образом данное ею Найнив задание – разузнать, где находится Перрин – поможет Лану? Всю прошлую неделю Найнив пыталась выжать из Кадсуане больше информации, но потерпела неудачу. «Справься с заданием, дитя, – повторяла Кадсуане, – и, возможно, мы расширим твои обязанности в будущем. Порой ты упрямишься, а мы этого не приемлем».

Найнив вздохнула. Узнать, где находился Перрин. Как ей это

сделать? Двуреченцы тут мало чем могут помочь. Многие из них путешествовали с Перрином, но их уже давно не видели. Они, вероятно, были где-то на юге, в Алтаре или Гэалдане. Но это была очень большая область для поисков.

Найнив могла заранее догадаться, что в Двуречье она не найдет простого ответа. Безусловно, Кадсуане уже сама пыталась разыскать Перрина, но, должно быть, потерпела неудачу. Вот почему она дала задание Найнив. Может, Ранд отправил Перрина на какое-то секретное задание?

— Ранд? — позвала она.

Он что-то тихо бормотал себе

под нос.

Наинив вздрогнула.

— Ранд, — она повысила голос.

Он прекратил бормотать и взглянул на нее. Она решила, что сумела разглядеть прячущийся глубоко внутри него гнев, вспышку раздражения от ее вмешательства. Потом гнев снова спрятался, и его сменило пугающе холодное самообладание.

— Да? — спросил он.

— Ты знаешь... где Перрин?

— Ему поставлены задачи, он их выполняет, — отворачиваясь, ответил Ранд. — Почему ты интересуешься?

Лучше не упоминать о Кадсуане.

— Я по-прежнему о нем

беспокоюсь. И о Мэте.

— А, — произнес Ранд. — Ты не привыкла лгать, не так ли, Найнив?

Она почувствовала, как ее лицо залилось краской смущения. Когда только он научился так хорошо читать людей!

— Я волнуюсь за него, Ранд ал'Тор, — сказала она. — Он мирный и скромный, и слишком часто позволял своим друзьям помыкать собой.

Вот. Пусть Ранд подумает об этом.

— Скромный, — задумчиво повторил Ранд. — Да, полагаю, он таким и остался. Но мирный? Перрин теперь совсем... не мирный.

Значит, он не так давно

связывался с Перрином. Свет! Откуда Кадсуане это узнала, и каким образом Найнив пропустила их контакт?

— Ранд, если ты отправил Перрина с поручением, зачем хранить это в секрете? Я заслуживаю того...

— Я не встречался с ним, Найнив, — ответил Ранд. — Успокойся. Просто есть вещи, которые я знаю. Мы связаны, Перрин, я и Мэт.

— Как? Что ты...

— Это все, что я могу об этом сказать, Найнив, — тихим голосом перебил ее Ранд.

Найнив откинулась и вновь заскрежетала зубами. Другие Айз

Седай говорили, что надо контролировать свои эмоции, но, несомненно, им не приходилось иметь дело с Рандом ал'Тором. Найнив тоже могла быть спокойной, если от нее не ожидали, что она справится с самым упрямым болваном из всех мужчин, когда-либо надевавших пару сапог.

Некоторое время они ехали молча. Затянутое тучами небо висело над ними словно далекое поле серого болотного мха. Место встречи с Порубежниками было недалеко от перекрестка. Они могли Переместиться прямо туда, но Девы уговорили Ранда открыть переходные ворота немного раньше и

приближаться с осторожностью. Перемещение было чрезвычайно удобным, но могло быть и опасным. Если твои враги знают, где ты появишься, то можно, выйдя из врат, попасть в засаду лучников. Даже отправка через врата разведчиков не была безопаснее Перемещения в неожиданное место.

Айил быстро учились и приспособлялись. В самом деле, поразительно быстро. Пустыня была жутко однообразной, каждый уголок выглядел как любой другой. Правда, Найнив случайно подслушала, как айильцы, стоявшие на страже, говорили нечто похожее про мокрые земли.

До этого самого перекрестка годами никому не было дела. Если бы Верин или кто-нибудь еще из Коричневых сестер вдруг оказался поблизости, они наверняка бы объяснили, почему это именно так. Найнив же только знала, что королевство, некогда владевшее этими землями, давным-давно перестало существовать. Единственное, что осталось, это независимый город Фар Мэддинг. Колесо Времени повернулось. Большинство крупных королевств пали, покрылись ржавчиной и, в конечном счете, превратились в заброшенные поля, которыми правили только фермеры, решившие

вырастить приличный урожай ячменя. Так было с Манетерен, то же самое случилось и здесь. Великие тракты, по которым когда-то маршировали легионы, ныне превратились в безвестные сельские дороги, нуждающиеся в ремонте.

Они проехали мимо, Найнив позволила Луносветке отстать от Ранда. И оказалась рядом с Нарিশмой, темные волосы которого были заплетены в косички и украшены позвякивающими колокольчиками. Он, как и большинство Аша'манов, был одет в черное, а на его воротнике сверкали Меч и Дракон. С тех пор как он стал Стражем, Нарішма изменился.

Взглянув на него, она больше не видела мальчишку. Это был мужчина с грацией солдата и с настороженным взглядом Стража. Человек, заглянувший в глаза смерти и дравшийся с Отрекшимися.

— Ты Порубежник, Нарিশма, — сказала Найнив. — У тебя есть хоть малейшее представление о том, почему они оставили свой пост?

Внимательно оглядывая окрестности, он покачал головой: — Я был сыном сапожника, Найнив Седай. Я не знаю, что на уме у лордов и леди. — Он помедлил. — Кроме того, я больше не Порубежник.

Вывод был ясен. Он будет

защищать Ранда, независимо от того, в какую сторону его потянет верность. Мышление истинного Стража.

Найнив медленно кивнула.

— У тебя есть хоть малейшее представление о том, во что мы ввязываемся?

— Они сдержат свое обещание, — ответил Наришма. — Порубежник скорее умрет, чем нарушит свое слово. Они обещали послать делегацию на встречу с Лордом Драконом. Именно это они и сделают. Однако жаль, что нам не было разрешено взять своих Айз Седай.

Донесения отмечали, что с

армией Порубежников находится
тринадцать Айз Седай. Опасное
число – именно столько необходимо
для усмирения женщины или
укрощения мужчины. Круг из
тринадцати женщин может оградить
щитом самых сильных
направляющих. Ранд настоял, чтобы
делегация, высланная на встречу с
ним, включала в себя не больше
четырех из тех тринадцати Айз
Седай; взамен он обещал, что
приведет не более четверых человек,
способных направлять. Двумя из них
были Аша'маны – Нарিশма и Нэфф,
остальные двое – Найнив и сам Ранд.

Когда Ранд запретил им идти,
Мериса и остальные закатили

айзседайский вариант истерики, который включал множество гримас и таких вопросов, как: «Ты точно уверен, что хочешь это сделать?»

Найнив заметила напряженную позу Наришмы.

— Не похоже, чтобы ты им доверял.

— Место Порубежника — охранять Порубежье, — ответил Наришма. — Я был сыном сапожника, но все же меня обучали обращению с мечом, копьем, луком, топором и пращей. Даже до присоединения к Аша'манам я мог одолеть один на один четырех из пяти обученных солдат-южан. Мы живем, чтобы защищать. И, тем не менее, они

ушли. Именно сейчас, в такое время. С тринадцатую Айз Седай. — Он взглянул на нее своими темными глазами. — Я хочу им доверять. Я знаю, что они хорошие люди. Но хорошие люди могут поступать неправильно. Особенно, когда дело в мужчине, способном направлять.

Найнив умолкла. Нарисма был прав, но с чего бы Порубежникам желать Ранду зла? На протяжении сотен лет они противостояли Запустению и его Отродьям Тени, и борьба против Темного была впечатана в их души. Они бы не повернули против Возрожденного Дракона.

На Порубежниках лежал особый

долг. Это могло разочаровывать, это верно, но они те, кем они являются. Любовь Лана к своей родине — особенно в то время, когда многие другие Малкири отказались от своих корней — часть того, что она в нем полюбила. — «О, Лан. Я найду кого-нибудь, кто тебе поможет. Я не позволю тебе бросаться в пасть Тени в одиночку».

Когда они приблизились к невысокому зеленому холму, вернулись несколько айильцев-разведчиков. Ранд остановил отряд, поджидая, пока приблизятся воины в кадин'сор, некоторые из них носили красные головные повязки с изображением старинного символа

Айз Седай. Разведчики даже не запыхались, несмотря на то, что пробежали всю дорогу к месту встречи, а потом обратно.

Ранд наклонился вперед в седле.

— Они сделали все так, как я просил? Привели не больше двухсот человек и не больше четырех Айз Седай?

— Да, Ранд ал'Тор, — ответил один из разведчиков. — Да, они в точности выполнили условия. У них много чести.

В словах мужчины Найнив слышалась нотка странного айильского юмора.

— Что? — спросил Ранд.

— Там всего один человек, Ранд

ал'Тор, — сказал айильский разведчик. — Из него и состоит их делегация. Это щуплый мужчина, однако, он, похоже, знает, как танцевать с копьями. Перекресток прямо за этим холмом.

Найнив посмотрела вперед. Теперь, когда она знала, что искать, то смогла разглядеть другую дорогу, идущую с юга и, наверное, пересекающуюся с их трактом сразу за холмом.

— В чем подвох? — спросил Нэфф, подъезжая к Ранду с другой стороны. На худом лице солдата была видна тревога. — Засада?

Ранд поднял руку, требуя тишины. Он ударил пятками своего

мерина, заставляя его двинуться с места.

Разведчики дисциплинированно последовали за ним. Найнив едва не осталась позади. Луносветка была куда более смирным животным, чем она бы выбрала для себя. Позже, после возвращения в Тир, она перекинется парой словечек со зрителем конюшен.

Они обогнули холм, обнаружив излюбленное место ночевки торговых караванов, пыльное и испещренное костровыми ямами. Примыкающая к тракту, по которому они двигались, более узкая дорога поворачивала на север, а потом на юг. Посреди перекрестка стоял

одиноким шайнарец, наблюдая за приближающимся отрядом. Его худое лицо, которое было под стать фигуре, обрамляли седые волосы, свободно свисавшие до плеч. Лицо было покрыто сетью морщин, а глаза были маленькими, поэтому казалось, что он косил.

«Хурин?» — с удивлением подумала Найнив. Они не виделись с ловцом воров после событий в Фалме — с тех самых пор, как он сопровождал их с группой Айз Седай обратно в Белую Башню.

Ранд натянул поводья, позволив Найнив и Аша'манам себя догнать. Айил, как листья, гонимые порывом ветра, рассеялись вокруг

перекрестка, занимая наблюдательные посты. Она была совершенно уверена, что оба Аша'мана потянулись к Источнику и, вероятно, Ранд сделал то же самое.

Хурин неловко переминался с ноги на ногу. Он выглядел точно таким же, каким его помнила Найнив. В его волосах стало немного больше седины, но на нем была все та же простая коричневая одежда, мечелом и короткий меч на поясе. Его лошадь была привязана к лежащему неподалеку бревну. Айил наблюдали за животным с тем же подозрением, как другие могут наблюдать за сворой сторожевых собак.

– Лорд Ранд, – позвал Хурин неровным голосом. – Это вы! Должен заметить, вы лихо вознеслись! Хорошо, что...

Хурин замолк, когда его оторвали от земли. Он издал возглас удивления, когда невидимые потоки Воздуха развернули его вокруг оси. Найнив подавила дрожь. Перестанет ли ее когда-нибудь беспокоить вид направляющего мужчины?

– Кто нас преследовал, Хурин? – спросил Ранд. – В то время, когда мы попали в тот далекий мрачный мир. Людей какой национальности я застрелил из лука?

– Людей? – едва ли не выкрикнул Хурин. – Лорд Ранд, в том

месте не было людей! Мы не встречали никого, только леди Селин, и все. Все, что я помню, так это тех чудовищ, похожих на жаб, в точности как те, на которых, по слухам, ездят Шончан!

Рассматривая Хурина холодным взглядом, Ранд еще немного покрутил его в воздухе. Потом он направил к нему свою лошадь. Найнив и Аша'маны последовали его примеру.

— Вы не верите, что я — это я, Лорд Ранд? — спросил висевший в воздухе мужчина.

— Сейчас я почти ничего не принимаю на веру, — ответил Ранд. — Полагаю, что Порубежники выбрали

тебя из-за нашего близкого знакомства?

Хурин кивнул, вспотев. Найнив почувствовала укол жалости. Он был полностью предан Ранду. Они так много времени провели вместе, преследуя Фейна и Рог Валир. На обратном пути в Тар Валон она едва могла заставить Хурина замолчать, чтобы не болтать о великих подвигах Лорда Ранда. Подобное обращение от человека, которого он боготворил, вероятно, очень расстроило ловца воров.

— Почему ты один? — тихо спросил Ранд.

— Ну, — вздохнув, ответил Хурин.
— Они же говорили вам... — Он

заколебался, казалось, чем-то сбитый с толку. Потом шумно втянул в себя воздух. — А вот это... это странно. Никогда не чувствовал подобного запаха раньше.

— Что? — спросил Ранд.

— Не знаю, — сказал Хурин. — Воздух... он пахнет множеством смертей, насилием. Даже не так. Мрачнее. И ужаснее.

Он явственно вздрогнул. Его способность чуть насилие была одной из тех странностей, которые была не в силах объяснить Белая Башня. Это не было связано с Силой, но, безусловно, и не было чем-то естественным.

Но Ранда, казалось, совсем не

заботило, что унюхал ловец воров:

— Скажи, Хурин, почему они прислали только тебя?

— Я как раз собирался сказать, Лорд Ранд. Видите ли, мы здесь, чтобы обсудить условия.

— Условия возвращения вашей армии туда, где ей и надлежит быть? — сказал Ранд

— Нет, Лорд Ранд, — неловко возразил Хурин. — Условия организации настоящей встречи с ними. Я полагаю, эта часть в их письме оказалась несколько туманной. Они предупреждали, что вы можете разгневаться, обнаружив здесь только меня.

— Они ошибались, — сказал Ранд

еще тише.

Найнив обнаружила, что, пытаясь расслышать его слова, подается вперед.

– Я больше не чувствую гнева, Хурин, – продолжил Ранд. – Он не приносит никакой пользы. Зачем нам нужно обсуждать «условия встречи»? Я предполагал, что мое предложение привести небольшие отряды сторонников будет приемлемым.

– Ну, Лорд Ранд, – сказал Хурин, – видите ли, они на самом деле очень хотят с вами встретиться. То есть, мы прошли весь этот путь, прошагали всю проклятую зиму, прошу прощения, Айз Седай. Но это была действительно проклятая Зима! И

худшая из всех, несмотря на то, что долго к нам добиралась. Как бы то ни было, мы проделали этот путь ради вас, Лорд Ранд. Так что поймите, они хотят встретиться с вами. Очень хотят.

— Но?

— Но, ну, в общем, в прошлый раз, когда вы были в Фар Мэддинге, то там был...

Ранд поднял палец. Хурин замолк и замер. Даже лошади, казалось, затаили дыхание.

— Порубежники в Фар Мэддинге? — спросил Ранд.

— Да, Лорд Ранд.

— Они хотят встретиться со мной там?

– Да, Лорд Ранд. Видите ли, вы должны войти внутрь под защиту Хранителя, и...

Ранд отрывисто махнул рукой, прерывая Хурина. Мгновенно открылись врата. Однако оказалось, что они вели не в Фар Мэддинг, а назад, на дорогу, по которой Ранд со спутниками проезжали некоторое время тому назад.

Ранд освободил Хурина, подал Айил знак, чтобы те позволили мужчине сесть на лошадь, а потом двинул Тай'дайшара сквозь врата. Что происходит? Все последовали за ним. Ранд создал еще одни врата, которые открылись в крохотную лесную лощину. Найнив решила, что

узнала ее. Это было место, где они с Кадсуане встали лагерем после посещения Фар Мэддинга.

«Зачем были нужны первые врата?» – подумала сбитая с толку Найнив. А затем она поняла. Чтобы Переместиться на короткое расстояние, не требуется изучать местность, но Перемещение в определенную точку позволяет изучить это место в достаточной степени для открытия из нее переходных врат куда-либо еще.

Таким образом, Переместившись на небольшое расстояние, Ранд достаточно хорошо запоминал место, чтобы открыть Врата куда угодно, не тратя времени

на изучение всей местности! Это было чрезвычайно умно, и Найнив вспыхнула от стыда оттого, что не догадалась об этом прежде. Как давно Ранд знал об этой уловке? Неужели это воспоминания от... голоса в его голове?

Въехав на Тай'дайшаре в проход, Ранд углубился в подлесок. Опавшие листья зашуршали под копытами лошади. Найнив следовала за ним, пытаясь заставить свою смирную кобылу не отставать от Ранда. Она определенно поговорит со смотрителем конюшен. И когда она с ним закончит, у него из ушей будет идти дым!

Хурин также перевел коня на

рысь, Айил следовали рядом, незаметно стараясь держать его под охраной. Их лица были закрыты вуалями, копья и луки они держали наготове. Миновав деревья и подлесок, Ранд остановил Тай'дайшара на краю широкого луга, глядя на лежащий перед ним древний город Фар Мэддинг.

По меркам Великих Городов он не был крупным. Да и красивым, по сравнению с виденными Найнив чудесными постройками Огир. Но он был достаточно большим и, конечно, являлся образцом прекрасной архитектуры и вместилищем древних реликвий. Расположенный на острове посреди озера, он чем-то

напоминал Тар Валон. Три широких моста изогнулись над спокойными водами, они были единственным способом попасть в город.

Вокруг озера, занимая даже большую площадь, чем Фар Мэддинг, расположилась лагерь огромная армия. Найнив насчитала несколько дюжин разных флажков, отмечающих дюжину разных домов. Ряды коновязей и палатки тянулись друг за другом, словно аккуратно окученные грядки в ожидании сбора урожая. Армия Порубежников.

— Я слышал об этом месте, — подъезжая, сказал Нэфф. Его коротко подстриженные темно-рыжие волосы взъерошились на ветру. Он

прищурил глаза, на его угловатом лице появилось недовольное выражение.

— Оно как стеддинг, только менее безопасно.

Огромный тер'ангриал Фар Мэддинга, известный как Хранитель, создавал невидимые глазу защитные пузыри, не дававшие прикоснуться к Единой Силе. Это ограничение можно было обойти с помощью очень редкого тер'ангриала, один из которых случайно оказался у Найнив. Но помощь от него была невелика.

Похоже, армия расположилась так, чтобы оказаться в пределах защитного пузыря. Он простирался приблизительно на милю вокруг

города.

— Скоро они узнают о нашем прибытии, — сузив глаза, тихо произнес Ранд. — Этого они и ждут. Они хотят, чтобы я сам залез в их сундук.

— Сундук? — нерешительно переспросила Найнив.

— Город — это сундук, — ответил Ранд. — Весь город и местность вокруг него. Они хотят, чтобы я пришел туда, где они смогли бы управлять мною, но они не понимают. Мной никто не управляет. Больше никто. Хватит с меня сундуков и плена, оков и веревок. Я ни за что не позволю никому собой управлять.

Не сводя глаз с города, он потянулся к седлу и выхватил из сумки статуэтку мужчины, держащего над головой сферу. Найнив похолодела. Разве это нужно носить всюду, куда бы он ни направился?

— Возможно, им надо преподать урок, — сказал Ранд. — Подтолкнуть их к лучшему исполнению собственных обязанностей и к повиновению.

— Ранд... — Найнив лихорадочно размышляла. Она не могла вновь допустить подобное!

Ключ доступа начал слабо светиться.

— Они хотят схватить меня, —

тихо бормотал он. — Держать меня в заточении. Избивать. Однажды они уже это сделали в Фар Мэддинге. Они...

— Ранд! — резко сказала Найнив.

Он остановился, взглянув на нее, словно впервые увидел.

— Они не рабы, чей разум выжгла Грендаль. Это целый город, полный невинных людей!

— Я не навредил бы горожанам, — бесстрастно ответил Ранд. — Это армия заслуживает урока, а не город. Огненный дождь, быть может, или удар молнией.

— Они не сделали ничего плохого, только просили тебя о встрече! — сказала Найнив, направив

лошадь поближе к нему. Этот тер'ангриал был похож на гадюку, зажатую в руке. Однажды он помог очистить Источник. Почему только он не расплавился, как женский аналог!

Она не была уверена, что произойдет, если он направит поток в защитный пузырь Фар Мэддинга, но подозревала, что это все-таки сработает. Хранитель не мог предотвратить создания потоков. Найнив прекрасно могла сплестать их, черпая Силу через свой Колодец.

Так или иначе, она знала, что необходимо помешать Ранду обрушить свой гнев, или что он там вместо него чувствовал, на

собственных союзников.

— Ранд, — мягко начала она. — Если ты это сделаешь, то пути назад не будет.

— Для меня уже нет пути назад, Найнив, — ответил он с горящим взглядом. Эти глаза постоянно менялись. Иногда они казались серыми, иногда голубыми. Сегодня они были похожи на серое железо. Он продолжил ровным тоном: — Я ступил на этот путь в тот момент, когда Тэм нашел меня плачущим на той горе.

— Ты не должен сегодня никого убивать. Пожалуйста.

Он повернулся и вновь посмотрел на город.

Смилостивившись, ключ доступа медленно прекратил сиять.

– Хурин! – рявкнул Ранд.

«А ведь он вот-вот сорвется, – подумала Найнив. – В его голосе прорывается гнев».

Ловец воров подъехал к ним. Айил, однако, все так же сохраняли дистанцию.

– Да, Лорд Ранд?

– Возвращайся к своим хозяевам в их сундук, – сказал Ранд, опять полностью владея голосом. – Ты передашь им от меня послание.

– Какое послание, Лорд Ранд?

Ранд на мгновение замешкался, затем сунул ключ доступа обратно на место.

– Скажи им, что уже недолго осталось до того момента, когда Возрожденный Дракон поскачет на битву к Шайол Гул. Если они желают вернуться на свои позиции с честью, то я доставлю их обратно в Запустение. В противном случае они могут остаться здесь и прятаться. И пусть потом сами объясняют своим детям и внукам, почему они оказались в сотнях лиг от переднего края, когда был повержен Темный и исполнены пророчества.

Хурин выглядел потрясенным:

– Хорошо, Лорд Ранд.

После этого Ранд развернул свою лошадь и поехал обратно к поляне. Найнив последовала за ним,

но слишком медленно. Да, Луносветка красивая, но Найнив не задумываясь сменила бы эту красавицу-кобылу на послушную и надежную двуреченскую лошадь, вроде Белы.

Хурин остался позади. Он все еще выглядел потрясенным. Очевидно, его воссоединение с "Лордом Рандом" прошло далеко от ожидаемого. Когда его фигура скрылась за деревьями, Найнив стиснула зубы. На поляне Ранд открыл новые переходные ворота, прямо в Тир.

Они попали на площадку для Перемещения, устроенную рядом с конюшнями Тирской Твердыни.

Несмотря на пасмурное небо, в Тире было жарко и душно. Воздух был наполнен звуками упражняющихся людей и воплями чаек. Ранд с бесстрастным выражением лица подъехал к поджидающему их зрителю конюшен и слез с лошади.

Когда Найнив спешила с Луносветки и передала поводья краснолицему конюху, Ранд прошел мимо нее:

— Ищи статую, — произнес он.

— Что? — удивленно

переспросила она.

Он оглянулся на нее, останавливаясь:

— Ты спрашивала, где Перрин.

Он с армией встал лагерем под тенью огромной разрушенной статуи в форме меча, воткнутого в землю. Уверен, ученые могут подсказать тебе, где она находится. Она очень приметная.

— Откуда... откуда ты знаешь об этом?

Ранд только пожал плечами:

— Просто знаю.

— Почему ты рассказал мне? — спросила она, пристраиваясь с ним рядом по пути через вытоптанный двор. Она никак не ожидала, что Ранд что-то расскажет — у него появилась привычка держать в секрете все, что он знал, даже если это не имело значения.

– Потому что, – произнес он едва слышным голосом, направляясь к цитадели. – Я... в долгу перед тобой за то, что ты беспокоишься, когда я не могу. Если ты разыщешь Перрина, передай ему, что скоро он мне понадобится.

После этого он ее оставил.

Найнив стояла посреди конного двора, наблюдая, как уходит Ранд. Воздух был влажным, пахло недавним дождем, и она почувствовала, что пропустила мелкий дождик. Его было недостаточно, чтобы очистить воздух или развести на дорогах грязь, но хватило, чтобы оставить мокрые следы на камнях в затененных углах.

Справа от нее под пасмурным небом скакали галопом всадники на песчаной площадке меж барьеров. Твердыня Тира была единственной известной ей крепостью, где были тренировочные площадки для кавалерии, но Твердыня была не совсем обычной крепостью.

Грохот копыт походил на отзвук далекой бури, и она поняла, что смотрит на север. Буря казалась ближе, чем прежде. Раньше Найнив считала, что та собирается в Запустении, но теперь она не была настолько уверена.

Женщина вздохнула и заторопилась к цитадели. Она миновала Защитников Твердыни в

безупречных мундирах с пышными полосатыми рукавами и надетых поверх мундиров гладких чеканных нагрудниках. Прошла мимо мальчишек — помощников конюхов, каждый из которых, вероятно, мечтал однажды надеть такую же униформу, однако в данный момент ведущих лошадей на конюшню для кормления и чистки. Миновала несколько дюжин слуг в льняной одежде, которая, несомненно, была гораздо удобней, чем темно-бордовое шерстяное платье Найнив.

Здание цитадели, зияя бойницами, возвышалось отвесной монолитной скалой над прочими постройками. Но она еще могла

различить то место, где Мэт, отправляясь спасать Найнив с подругами из плена, взорвал участок стены своими фейерверками Иллюминаторов. Глупый мальчишка. Где же он? Она не видела его... не видела с того самого времени, как под ударом Шончан пал Эбу Дар. В каком-то смысле Найнив чувствовала, будто бросила его, хотя она никогда себе в этом не признается. Она и так достаточно себя опозорила перед Дочерью Девяти Лун, защищая этого прохвоста! Найнив так и не поняла, что на нее тогда нашло.

Мэт мог сам о себе позаботиться. Вероятно, он сейчас

пьянствует в какой-нибудь таверне или играет в кости, пока остальные спасают мир. Вот Ранд – другое дело. Как просто с ним было иметь дело, когда он вел себя как любой другой мужчина – упрямый и незрелый, но такой предсказуемый. Этот новый Ранд, без эмоций и с холодным голосом, действовал ей на нервы.

Найнив не удосужилась запомнить дорогу через узкие коридоры Твердыни, поэтому часто терялась. Ее блуждания усугублялись еще и тем, что коридоры и стены иногда меняли расположение. Она пыталась пропускать подобные рассказы мимо ушей как суеверную ерунду, но, проснувшись вчера,

обнаружила, что ее комната в самом деле внезапно и загадочно переместилась. Ее дверь открывалась на гладкую стену из того же цельного камня, что и сама Твердыня. Найнив была вынуждена выйти через ворота и была потрясена, узнав, что ее окно оказалось на два этажа выше, чем было прошлой ночью!

Кадсуане сказала, что всему виной прикосновение к миру Темного, которое расплетает Узор. Кадсуане много чего говорила, но мало того, что хотелось бы слышать Найнив.

Пробираясь по коридорам, девушка дважды заблудилась, но в конечном счете добралась до

комнаты Кадсуане. По крайней мере, Ранд не запретил своим заместникам предоставлять той комнаты для проживания. Найнив постучала, потому что уже поняла, что лучше это делать, и потом вошла.

В комнате сидели Айз Седай из группы Кадсуане. Мериса и Кореле вязали и попивали чай, пытаясь делать вид, будто совсем не ждут, какая еще прихоть взбредет в голову этой проклятой женщине. Кадсуане тихонько разговаривала с Мин, которую чуть ли не присвоила в последнее время. Сама Мин, казалось, не возражала, возможно, потому, что в эти дни рядом с Рандом было нелегко. Найнив

посочувствовала девушке. Ей самой приходилось иметь дело с Рандом только как с другом. Для того, кто разделяет его сердце, все это должно быть намного труднее.

Как только Найнив закрыла за собой дверь, все взгляды обратились к ней.

— Думаю, я нашла его, — объявила она.

— Кого именно, дитя? — уточнила Кадсуане, листая одну из книг Мин.

— Перрина, — ответила Найнив. — Вы были правы, Ранд действительно знал, где он находится.

— Превосходно! — сказала Кадсуане. — Ты справилась. Оказывается, ты можешь быть

полезной.

Найнив не была уверенна, что раздражало ее сильнее — сомнительный комплимент или тот факт, что после похвалы ее сердце раздулось от гордости. Она была не какой-то там девчонкой, не заслужившей косы, чтобы ей льстили подобные слова этой женщины.

— Итак? — Кадсуане оторвала взгляд от книги. Остальные молчали, хотя Мин одарила Найнив ободряющей улыбкой. — Где он?

Найнив открыла было рот, чтобы ответить, но вовремя спохватилась. Что такого было в этой женщине, что заставляло хотеть ей повиноваться? Это была не Единая Сила или что-то,

имеющее к ней отношение. Кадсуане просто создавала впечатление строгой, но справедливой бабушки. Той, кому вы не смеее возразить, но которая в награду за уборку пола даст вам печенье.

— Для начала, я хочу знать, почему Перрин так важен. — Найнив гордо прошествовала в комнату и села на единственный свободный крашеный табурет. Усевшись, она обнаружила, что сидит на несколько дюймов ниже уровня глаз Кадсуане. Как ученица перед учителем. Найнив едва не вскочила на ноги, но поняла, что это привлечет еще больше внимания.

— Ха! — воскликнула Кадсуане. —

Ты утаила бы это знание, даже если б от этого зависели жизни тех, кем ты дорожишь?

— Я хочу знать, во что я ввязываюсь, — упрямо ответила Найнив. — Я хочу быть уверенной, что эта информация в итоге не навредит Ранду еще больше.

Кадсуане фыркнула:

— Ты полагаешь, что я могу навредить глупому мальчишке?

— Я не собираюсь предполагать обратного, — огрызнулась Найнив. — Пока не расскажете мне, что вы задумали.

Кадсуане закрыла книгу "Эхо Его Династии", она была возмущена:

— Может, хотя бы расскажешь,

как прошла встреча с Порубежниками? – спросила она. – Или эта информация также придержана для обмена?

Она считает, что легко может отвлечь Найнив?

– Прошла плохо, как и следовало ожидать, – ответила Найнив. – Они засели у Фар Мэддинга и отказались встретиться с Рандом, пока он не въедет в пределы действия Хранителя, тем самым отрезая себя от Источника.

– Как он это воспринял? – спросила Кореле со своей накрытой подушкой скамейки у стены. Она слабо улыбнулась. Похоже, она была единственной, кто считал изменения

в Ранде забавными, а не ужасающими. Но, с другой стороны, она была одной из женщин, связавших Аша'мана узами Стража при первой возможности.

— Как он это воспринял? — невыразительно повторила Найнив. — Да как сказать. То, что он вынул этот проклятый тер'ангриал и начал угрожать пролить на армию огненный дождь, звучит как «воспринял хорошо»?

Мин побледнела. Кадсуане приподняла бровь.

— Я остановила его, — сказала Найнив. — Но справилась с трудом. Даже не знаю. Возможно... уже слишком поздно пытаться его

изменить.

— Этот мальчик будет снова смеяться, — тихо, но твердо сказала Кадсуане. — Не для того я прожила так долго, чтобы теперь потерпеть неудачу.

— Какое это имеет значение? — спросила Кореле.

Потрясенная Найнив повернулась к ней.

— Ну? — Кореле отложила свое шитье. — Какое это имеет значение? Ведь очевидно, что мы преуспеем.

— О, Свет! — сказала Найнив, — С чего ты это взяла?

— Мы провели весь день, расспрашивая эту девочку о ее видениях. — Кореле кивнула в

сторону Мин. — Они всегда сбываются, и она видела вещи, которые, очевидно, не могут случиться до окончания Последней Битвы. Таким образом, мы знаем, что Ранд победит Темного. Узор уже это решил. Мы можем больше не волноваться.

— Нет, — ответила Мин. — Ты ошибаешься.

Кореле нахмурилась.

— Дитя, ты хочешь сказать, что солгала о том, что видела?

— Нет, — сказала Мин. — Но если Ранд проиграет, то Узора не станет.

— Девочка права, — Кадсуане казалась удивленной. — То, что видит это дитя — плетения Узора в

отдаленном будущем, но если Темный победит, он полностью уничтожит Узор. Это единственная причина, почему видения могут не осуществиться. То же касается других пророчеств и Предсказаний. Наша победа ни в коем случае не бесспорна.

В комнате воцарилась тишина. Они играли не в деревенские интриги или мировое господство. Под угрозой было само бытие.

«Свет. Могу ли я утаить эту информацию, если есть хоть малейший шанс, что это поможет Лану?» – Мысли о нем разрывали ей сердце, у нее было немного вариантов. Фактически

единственная надежда Лана, по всей видимости, заключалась в армиях, которые мог собрать Ранд, и вратах, которые могли создать его люди.

Ранд должен измениться. Ради Лана. Ради всех. И, к сожалению, она не имела понятия, что делать, кроме как довериться Кадсуане. Найнив проглотила свою гордость и заговорила:

– Знаете, где находится статуя в виде огромного меча, воткнутого в землю?

Кореле и Мериса в замешательстве переглянулись.

– Рука аман'рукане. – Кадсуане отвернулась от Мин, подняв бровь. – Как говорят ученые, статуя так

никогда и не была окончена. Она находится возле джеханнахского тракта.

— Перрин расположился лагерем в ее тени.

Кадсуане поджала губы.

— Я предполагала, что он пойдет в восточном направлении, к землям, которые захватил ал'Тор. — Она глубоко вздохнула. — Хорошо. Мы идем за ним прямо сейчас. — Она заколебалась, а затем поглядела на Найнив. — Вот ответ на твой ранее заданный вопрос, дитя: Перрин, в общем-то, для наших планов не важен.

— Не важен? — спросила Найнив.
— Но...

Кадсуане подняла палец.

— Но с ним люди, которые
жизненно важны. Особенно один.

Глава 45. Башня выстояла

Эгвейн в алом платье для верховой езды медленно шла по лагерю мятежниц. Цвет платья вызывал немалое удивление. Учитывая то, что натворила Красная Айя, здешние Айз Седай отнюдь не

горели желанием носить одежду таких оттенков. Это заметила даже прислуга, находившаяся при лагере: красные и бордовые платья были быстренько проданы или пущены на тряпки.

Эгвейн, в отличие от остальных, специально потребовала себе алое платье. Привычка одеваться только в цвета собственной Айя, недавно появившаяся у Сестер, лишь углубляла раскол в Башне. С одной стороны, это позволяло гордиться своей принадлежностью к определенной Айя, но с другой – грозило появлением недоверия ко всем, носящим иные цвета.

Эгвейн как Амерлин

представляла все Айя. Сегодня для нее красный цвет платья символизировал многое. Грядущее примирение с Красной Айя. Напоминание о расколе, который должен быть устранен. Цвет крови, которая могла бы пролиться – крови многих хороших людей, защищающих Белую Башню.

Кровь погибших Айз Седай, час назад обезглавленных по приказу Эгвейн.

Суан разыскала ее кольцо Великого Змея, и теперь было здорово вновь ощущать его на пальце.

Небо было серо-стального цвета, в воздухе пахло пылью, чему весьма способствовала бурная активность в

лагере. Прачки спешно постирывали белье, словно их хозяйки могут из-за них опоздать на какой-то праздник. Послушницы буквально бегали с урока на урок. Айз Седай, сложив руки на груди, наблюдали за ними горящими глазами, готовыми испепелить каждую, кто не поторопится.

«Все чувствуют напряженность момента, – решила Эгвейн. – И только нервничают сильнее». Ночью был налет Шончан, потом – возвращение Амерлин, которая все утро чистила ряды Айз Седай. А в днем раздался гром военных барабанов.

Она сомневалась, что в лагере

Брина творится то же самое. Его люди всегда готовы к бою. Вполне вероятно, что он мог начать штурм Белой Башни в любой день осады, едва получив приказ. Его солдаты решили бы исход этой войны. Эгвейн же не была готова бросить своих Айз Седай в бой, заставив их маневрировать вокруг клятвы не использовать Силу для убийства. Они подождут здесь, и помогут с Исцелением.

Или присоединятся к войскам, если их сестры из Белой Башни всерьез вступят в бой. Да ниспошлет Свет, чтобы у Элайды хватило ума запретить им подобный шаг. Если Айз Седай обратят Силу друг против

друга, это совершенно точно станет самым черным днем в истории.

«Может ли этот день стать еще чернее?» – подумала Эгвейн. Многие Айз Седай, мимо которых она прошла, смотрели на нее с уважением, благоговением и даже с некоторым страхом. Амерлин вернулась после долгого отсутствия и принесла с собой правосудие и разрушение.

Более пятидесяти Черных были усмирены и казнены. При одной мысли об этих смертях Эгвейн становилось тошно. Шириам, когда пришел ее черед, казалось, почувствовала облегчение, хотя совсем скоро начала сопротивляться

и плакать от отчаяния. Она призналась в нескольких вызвавших тревогу преступлениях, словно ее желание выговориться могло дать надежду на помилование.

Но ее голова легла на плаху и скатилась с нее так же, как и головы остальных. Эта сцена, как ее бывшая Хранительница Летописей в голубом платье кладет голову на плаху, навсегда запечатлелась в памяти Эгвейн, и как внезапно вспыхивают золотом ее огненно-рыжие волосы, когда на миг расходятся облака, закрывающие солнце. Затем, собирая свою дань, в воздухе серебром мелькает опускающееся лезвие топора. Быть может в следующий

раз, когда она будет вплетена в его великий гобелен, Узор будет к ней более милостив. А может, и нет. Смерть – ненадежное убежище от Темного. И, должно быть, предсмертный ужас Шириам – свидетельство осознания этого в тот самый миг, когда топор снес ей голову с плеч.

Вот теперь Эгвейн в полной мере осознала, почему айильцы только смеются от обычных побоев. Почему только вместо приказа казнить женщин, которые ей нравились, и вместе с которыми она работала, она не могла провести несколько дней под ударами палки?

Кое-кто из Восседающих вместо

казни настаивал на допросе с пристрастием, но Эгвейн не уступила. Пяти десятков женщин было слишком много, чтобы оградить их от Источника и охранять. А сейчас, когда Усмирение можно было Исцелить, и такой вариант не подходил. Нет, она на собственном горьком опыте убедилась, насколько опасными и изворотливыми могут быть Черные. Эгвейн устала бояться. На примере с Могидин она уяснила, что у любой жажды есть цена, даже если это жажда знаний. Они с подругами слишком увлеклись и слишком возгордились своими «открытиями» вместо того, чтобы просто избавить мир от одной из

Отрекшихся.

Что ж, теперь она не допустит подобной ошибки. Закон известен. Совет огласил свой приговор, и он не был тайным. Чтобы остановить этих женщин, Верин пришлось умереть, и Эгвейн постарается, чтобы ее жертва не была напрасной.

«Ты молодец, Верин. Какая ты молодец!» #8209; Каждая Айз Седай в лагере вновь принесла Три Клятвы, и, кроме тех, что были в списке Верин, были раскрыты всего три Черные. Ее исследование было доскональным.

Стражи Черных были взяты под охрану. Позднее придется тщательно отделить действительно Черных от

тех, кто был в ярости от потери своей Айз Седай. Большинство из них будут искать смерти – даже невинные. Возможно, последних удастся убедить пожить еще немного, чтобы броситься в Последнюю Битву.

Несмотря на все принятые предосторожности, примерно двадцати Черным из списка Верин удалось сбежать. Эгвейн понятия не имела, как они пронюхали. Стражники Брина поймали несколько беглянок послабее, и солдаты ценой своих жизней сумели их задержать. Но большая часть все равно скрылась.

Нет смысла плакать об этом. Пятьдесят Черных мертвы, и это

победа. Пугающая, но, несомненно, победа.

И теперь она шла через лагерь в сапожках для верховой езды и красном платье, со свободно развевающимися за спиной каштановыми локонами с вплетенными алыми лентами — в знак ручьев крови, что были пролиты ею час назад. Она не винила окружающих сестер за тревожные взгляды, скрытое беспокойство и страх. И уважение. Если ранее и было какое-то сомнение в том, что Эгвейн — Амерлин, то теперь оно развеялось. Они приняли ее и побаивались. Теперь она уже никогда не будет одной из них. Она

отделилась, и это навсегда.

Навстречу Эгвейн решительной походкой направилась фигура в голубом платье. Величаяя женщина сделала подобающий реверанс, хотя они шли слишком быстро, и Эгвейн не стала останавливаться, чтобы позволить ей поцеловать кольцо Великого Змея.

— Мать, — сказала Лилейн. — Брин прислал сообщение, что все готово к атаке. Он заявил, что западные мосты будут идеальным местом, однако предлагает открыть ворота в тылу защитников Белой Башни. Он спрашивает, возможно ли это устроить.

Это не значило использовать

Силу в качестве оружия, но подходило очень близко. Тонкий нюанс, но Айз Седай привыкли жонглировать нюансами.

– Передай ему, я лично создам врата, – ответила она.

– Превосходно, Мать, – сказала Лилейн, склонив голову – ну в точности как идеальный, преданный сторонник. Удивительно, как быстро изменилось ее поведение перед Эгвейн. Видимо, она осознала, что ей осталось одно #8209; полностью связать себя с Эгвейн и бросить попытки зацепиться за власть. Только в этом случае ее не будут считать лицемерной. Возможно, она даже получит какой-нибудь пост –

если Эгвейн проявит себя как сильная Амерлин.

Это было хорошее предположение.

Лилейн, должно быть, была обескуражена тем, как изменился характер Романды. И словно по заказу, Желтая поджидала их впереди у дороги. На ней также было платье цвета ее собственной Айя. Волосы были собраны в элегантный пучок. Когда Эгвейн подошла, она сделала реверанс, едва удостоив Лилейн взгляда, и заняла место справа от Эгвейн, подальше от соперницы.

— Мать, — обратилась к ней Романда. — Я все разузнала, как вы просили. От сестер, отправленных в

Черную Башню, известий не было.
Ни слова.

– Разве это вас не удивило? –
спросила Эгвейн.

– Да, Мать. Зная Перемещение,
они уже должны были прибыть туда
и вернуться обратно. По крайней
мере, им следовало отправить
весточку. Это молчание очень
настораживает.

Верно, настораживает. И даже
хуже. В делегацию входили Нисао,
Мирелле, Фаолайн и Теодрин. Все
эти женщины принесли личную
клятву Эгвейн – удивительное
совпадение. А отправка Фаолайн и
Теодрин была вдвойне
подозрительна. Подразумевалось, что

они отправились в Черную Башню по той причине, что у них еще не было Стражей. Но сестры в лагере не считали их полноправными Айз Седай, хотя никто не смел открыто сказать подобное в присутствии Эгвейн.

Так почему же в делегацию попали именно эти четверо – из сотен Айз Седай в лагере? Было ли это простым совпадением? С большой натяжкой. Тогда что это могло означать? Мог ли кто-то намеренно отослать лояльных Эгвейн женщин? Если это так, почему не отправили Суан? Было ли это происками Шириам? Женщина призналась перед казнью в ряде

преступлений, но ни о чем подобном не упоминала.

В любом случае, с этими Аша'манами что-то творилось. С Черной Башней необходимо разобраться.

— Мать, — снова привлекла ее внимание Лилейн. Голубая не удостоила свою соперницу даже взглядом. — У меня есть и другие новости.

Романда тихо фыркнула.

— Говори, — ответила Эгвейн.

— Шириам не солгала, — продолжила Лилейн. — Тер'ангриалы для сновидений пропали. Все до единого.

#8209; Как это возможно? —

спросила Эгвейн, придав голосу нотку гнева.

— Шириам была Хранительницей Летописей, Мать, — быстро пояснила Лилейн. — Согласно закону Белой Башни, мы хранили все тер'ангриалы вместе, , под надежной охраной. Но... какой резон охране не пускать Шириам?

— И как, по-твоему, она бы нам все объяснила? — поинтересовалась Эгвейн. — Эту кражу быстро бы раскрыли.

— Не знаю, Мать, — покачив головой, ответила Лилейн. — Стражники утверждают, что Шириам была... не в себе... когда забирала тер'ангриалы. Это произошло как раз

прошлой ночью.

Эгвейн сжала зубы, обдумывая признания Шириам, излитые ею напоследок. Кража тер'ангриалов стала бы не самым шокирующим из них. Илэйн будет в ярости. Кольцо-оригинал тоже украдено, и Эгвейн сомневалась, что копия, припрятанная Суан, сможет послужить достойным образцом для копирования. Она уже с изъязном. Вряд ли ее копии могли получиться более совершенными.

– Мать, – гораздо тише добавила Лилейн. – А что на счет... другого признания Шириам?

– О том, что одна из Отрекшихся находится в Белой Башне, выдавая

себя за Айз Седай? – уточнила Эгвейн. Шириам заявила, что отдала тер'ангриалы этой... личности.

Лилейн с Романдой шли безмолвно, глядя прямо перед собой, словно подобная гипотеза была слишком пугающей.

– Да. Подозреваю, что это правда, – ответила Эгвейн. – Они проникли не только в наш лагерь, но и в аристократию Андора, Иллиана и Тира. Почему одной не оказаться в Белой Башне? – Она не стала рассказывать, что в книге Верин подтверждалось присутствие в Башне одной из Отрекшихся. Лучше пока хранить остальные записи Верин в тайне.

– Я бы не стала сильно об этом беспокоиться, – продолжила Эгвейн. – После штурма Башни и нашего возвращения, для Отрекшейся, кем бы она ни являлась, будет лучше исчезнуть и поискать для интриг цель попроще.

Ни Лилейн, ни Романду это ничуть не утешило. Они втроем добрались до границы лагеря Айз Седай, где их ждали оседланные верховые лошади, группа солдат и по одной Восседающей от каждой Айя, кроме Голубой и Красной. Голубых не было, поскольку в лагере оставалась только одна Лилейн. А причина отсутствия в лагере Красных была очевидна. Отчасти и

это послужило для Эгвейн поводом надеть красное платье, явный намек, что в запланированном деле должны быть представлены все Айя. Это было для общего блага.

Едва Эгвейн оказалась в седле, она заметила, что Гавин снова следует за ней, но на почтительном расстоянии. Откуда он взялся? Они не разговаривали с раннего утра. Она села в седло, он тоже вскочил на коня. Когда она в сопровождении Лилейн, Романды, Восседающих и эскорта солдат выехала из лагеря, Гавин поехал следом на безопасном расстоянии. Эгвейн все еще не решила, как с ним поступить.

Солдаты покинули лагерь.

Палатки опустели, земля была вытоптана ногами и копытами — едва ли здесь остался хоть один солдат. Выехав из лагеря, Эгвейн почти сразу обняла Источник и теперь удерживала его, подготовив плетения на случай внезапного нападения по дороге. Она не верила, что Элайда не воспользуется вратами, чтобы помешать штурму. Впрочем, после шончанского рейда у фальшивой Амерлин забот полон рот. Но подобные надежды, и, в первую очередь, надежды на мнимую безопасность, в прошлый раз привели к пленению Эгвейн. Она — Амерлин. Она не смеет рисковать своей жизнью. На нее как гром среди

ясного неба обрушилось обескураживающее понимание, что настал конец ее борьбе в одиночку. Несколько недель назад ее могли убить, а не схватить живьем. Тогда солидарский мятеж был бы подавлен, а Элайда осталась бы Амерлин.

Но сейчас ее войска собирались в боевые порядки у предместья Дарейн. Белая Башня еще дымилась. Вокруг центра острова кольцом поднимались клубы дыма, закрывая белый шпиль. Даже с большого расстояния на зданиях были видны шрамы шончанской атаки. Чернели провалы, как червоточины в румянном яблоке. Казалось, что Башня стонет. Она была такой древней, столько

повидала. И теперь так сильно изранена, что даже день спустя истекает кровью.

Но она выстояла. Благослови их Свет, она выстояла! Искалеченная, она возвышалась над ними, указывая на скрытое в вышине за облаками солнце. Она стояла укором тем, кто пытался ее разрушить – изнутри и снаружи.

Брин с Суан поджидали Эгвейн в арьергарде армии. Нелепая парочка. Закаленный в боях генерал с посеребренными сединой висками и похожим на непробиваемый доспех, волевым, иссеченным морщинами, лицом. А рядом – миниатюрная Суан в голубом платье с милым личиком,

казавшаяся его юной внучкой, хотя они были примерно одного возраста.

Суан, сидя в седле, поклонилась приближающейся Эгвейн, а Брин отсалютовал. Он выглядел встревоженным, и, видимо, стыдился своего участия в ее спасении, хотя Эгвейн ни в чем его не винила. Он был человек чести. Если он был вынужден согласиться, чтобы защитить бесшабашных Суан и Гавина, значит, Брина нужно поблагодарить за то, что сохранил им жизнь.

Когда Эгвейн присоединилась к ним, то заметила, что Брин с Суан едут рядом. Неужели Суан наконец признала, что этот мужчина ее

привлекает? И... В Брине появилась знакомая грация. Она была почти неуловимой, так что, возможно, Эгвейн всего лишь почудилось, но если учесть связь между ними...

– Ты наконец-то взяла нового Стража? – спросила она у Суан.

Женщина сузила глаза.

– Ага.

Брин выглядел удивленным и чуточку пристыженным.

– Сделай все возможное, чтобы удержать ее подальше от неприятностей, генерал, – сказала Эгвейн, глядя Суан в глаза. – Совсем недавно у нее их было выше головы. Я даже подумывала, не отдать ли ее к тебе в армию, в пехоту, чтобы

напомнить ей, что иногда инициатива наказуема.

Суан сникла и отвела взгляд.

— Я еще не решила, Суан, что с тобой делать, — тихо сказала Эгвейн. — Мой гнев не утих, и мое доверие тобой потеряно. Если ты по-прежнему хочешь входить в круг моих доверенных лиц, тебе предстоит остудить первое и вернуть второе.

Она повернулась от Суан к генералу, который выглядел больным — возможно оттого, что был вынужден ощущать стыд Суан.

— А вас нужно похвалить за храбрость, генерал, за то, что позволили ей связать себя, — заявила

Эгвейн, обращаясь к Брину. — Я понимаю, что удержать ее от неприятностей — задача почти невыполнимая, но в вас я уверена.

Генерал расслабился.

— Я постараюсь сделать все возможное, Мать, — ответил он. Потом развернул лошадь, посмотрев на шеренги солдат. — Вам нужно кое-что увидеть. Позволите?

Она кивнула, повернув лошадь и направившись по дороге рядом с ним. Улицы в деревне, из которой эвакуировали всех жителей, были мощеными. Главную улицу заполонили тысячи солдат Брина. Суан последовала за Эгвейн, Гавин за ними. Лилейн с Романдой,

повинуясь движению руки Эгвейн, остались с остальными Восседающими. Их вновь обретенная покорность была очень кстати, особенно с тех пор, как они решили превзойти друг друга в споре за одобрение Эгвейн. Возможно, после казни Шириам они обе решили посоперничать за пост ее новой Хранительницы.

Генерал подвел Эгвейн к передовой шеренге, и она подготовила потоки Воздуха на тот случай, если в ее направлении выпустят стрелу. Суан покосилась на нее, не одобряя такую предосторожность, но не сказала ни слова. Может, этого и не следовало

делать – Гвардия Башни никогда не выстрелит в Айз Седай, даже во время подобного конфликта. Однако этого нельзя было с уверенностью сказать про Стражей, а от несчастного случая никто не застрахован. Элайде очень повезет, если ее сопернице пронзит горло случайная стрела.

Когда они проехали Дарейн, брусчатка на дороге перешла в квадратные каменные плиты, которые затем уступили место мраморной плитке, ведущей к Алиндарскому мосту – грандиозной белоснежной конструкции, перекинутой через реку к Тар Валону. Здесь находилось то, на что

Брин просил ее взглянуть. За баррикадой из камней и огромных стволов деревьев собрались силы Гвардии Башни с Пламенем Тар Валона на табардах. И их набралось не больше тысячи человек.

Силы Брина превосходили их десятикратно.

— Я знаю, что их всегда не хватало, чтобы сдержать нашу атаку, — сказал Брин. — Но Гвардия Башни способна выставить гораздо больше людей, учитывая новобранцев из города. Сомневаюсь, что все это время они били баклуши и вспоминали былое, сидя у костра. Если Чубайн не полоумный, он успел обучить новобранцев.

– Так где же остальные? – спросила Эгвейн.

– Только Свету известно, Мать, – покачал головой Брин. – При прорыве мы потеряем часть людей, но не много. Это будет резня.

– Не могли ли Шончан нанести им столь заметный ущерб?

– Не знаю, Мать, – ответил Брин. – Прошлой ночью было паршиво. Много огня, много трупов. Но я бы сказал, что погибших сотни, а не тысячи. Возможно, Гвардейцы заняты разбором завалов и тушением пожаров, но все равно я считаю, что увидев нас, собирающих утром войска, они должны были вывести больше людей. Я посмотрел на тех

ребят в зрительную трубу, и у многих заметил красные глаза, как у невыспавшихся людей.

Эгвейн сидела в задумчивости, радуясь бризу, дующему против течения реки.

– Вы не спросили, разумно ли начинать атаку, Генерал.

– Не в моих правилах задавать вопросы, получив приказ, Мать.

– И что бы вы ответили, если б вас спросили?

– Если бы спросили? – уточнил Брин. – Что ж, атака имеет тактический смысл. Мы потеряли преимущество Перемещения, и раз наш противник может по своему усмотрению осуществлять подвоз

продовольствия и отправлять посланцев куда захочет, тогда какой смысл в осаде? Настало время или штурмовать, или собирать вещи.

Эгвейн кивнула. И все же она чувствовала себя неуверенно. Этот зловещий дым в небе, истерзанная Башня, напуганные солдаты, оставшиеся без подкрепления — все это было похоже на шепот предупреждения.

— Сколько мы можем ждать, прежде чем атака станет абсолютно необходима, генерал? — спросила она.

Брин нахмурился, но ни о чем не спросил. Он посмотрел на небо.

— Темнеет. Возможно час?

Позже будет совсем темно. С таким перевесом я бы не стал полагаться на непредсказуемый ночной бой.

— Значит, мы ждем час, — решила Эгвейн, откидываясь в седле. Остальные выглядели озадаченными, но не проронили ни слова. Престол Амерлин высказалась.

«Чего я жду? Что мне подсказывают инстинкты?» — думала Эгвейн в эти долгие минуты, постепенно понимая, что заставило ее приостановить атаку. Как только этот шаг будет сделан, пути назад не будет. Прошлой ночью Белая Башня уже пострадала: впервые вражеские войска использовали против нее Единую Силу. Атака Эгвейн тоже

будет первой: впервые одна группа Айз Седай поведет в бой войска против другой группы. В Башне и раньше случались бои между фракциями, схватки между одной Айя и другой порой доходили до кровопролития, совсем как во время свержения Суан. В Секретных хрониках упоминались подобные события.

Но раздоры никогда не выходили за пределы самой Башни. Никогда еще Айз Седай не вели войска через эти мосты. Как только это случится, оно станет неразрывно связано с правлением Эгвейн на посту Амерлин. Все, чего бы она ни достигла в будущем, будет омрачено

этим днем.

Она хотела освободить и объединять, а вместо этого принесла войну и порабощение. Если потребуется, то она отдаст приказ. Но она будет ждать до последнего. Если это означает, что нужно переждать страшный час под хмурым небом, слушая фыркание лошадей, чувствующих напряжение своих седоков – да будет так.

Час, объявленный Брином, прошел и завершился. Эгвейн прождала еще несколько минут – столько, сколько посмела. Подкрепление бедным солдатам на той стороне моста так и не подошло. Они просто решительно смотрели

поверх небольшой баррикады.

Эгвейн с неохотой повернулась, чтобы отдать приказ.

— Взгляните-ка, — Брин наклонился в седле вперед. — А это еще что такое?

Эгвейн обернулась к мосту. Вдалеке на дороге появилась едва различимая на таком расстоянии процессия. Может, она ждала слишком долго? Может, Белая Башня отправила подкрепление? Неужели ее упрямство будет оплачено кровью ее соратников?

Нет. Эта группа не солдаты, а женщины в юбках. Айз Седай!

Эгвейн подняла руку,

останавливая солдат. Процессия направлялась прямо к баррикаде Гвардейцев Башни. Спустя мгновение перед баррикадой появилась женщина в сером платье, сопровождаемая Стражем. Эгвейн прищурилась, пытаясь разглядеть ее лицо, и Брин торопливо подал ей зрительную трубу. Эгвейн с благодарностью ее приняла, но она уже узнала женщину. Андайя Форей, одна из новых Восседающих в Совете, избранных уже после раскола. Серая Айя. Значит, они собираются вести переговоры.

Вокруг женщины возникло сияние Силы, и Суан зашипела, заставив несколько стоящих рядом

солдат вскинуть луки. Эгвейн снова подняла руку:

– Брин! – сказала она резко. #8209; Я не желаю, чтобы первый выстрел был сделан без моего приказа.

– Отставить! – рявкнул Брин. – Я с вас шкуру спущу, если кто-то даже тетиву натянет! – Бойцы опустили изготовленные к стрельбе луки.

Женщина на другом берегу сплела плохо различимое на таком расстоянии плетение и вдруг заговорила несомненно усиленным голосом.

– Мы хотим поговорить с Эгвейн ал'Вир, – сказала Андайя. – Она среди вас?

Эгвейн сплела собственное плетение, усиливающее голос:

– Я здесь, Андайя. Пусть выйдут и остальные. Я хочу их видеть.

Удивительно, но они подчинились. Появилось еще девять женщин, и Эгвейн рассмотрела каждую.

– Десять Восседающих, – сказала она, вернув Брину зрительную трубу и отпуская потоки, чтобы голос больше не усиливался. – Две от каждой Айя, за исключением Голубой и Красной.

– Звучит многообещающе, – сказал Брин, почесав подбородок.

– Ну, может, они явились сюда, чтобы потребовать от меня сдаться, –

отметила Эгвейн. — Ну ладно, — сказала она, вновь усилив голос с помощью Силы. — Что вам от меня нужно?

— Мы пришли, — начала Андайя. И остановилась в нерешительности. — Мы пришли, чтобы сообщить вам, что Совет Белой Башни выбрал вас для возвышения на Престол Амерлин.

Суан потрясенно открыла рот, а Брин тихо выругался себе под нос. Несколько солдат пробормотали что-то о возможной ловушке, но Эгвейн только закрыла глаза. Смела ли она надеяться? Она думала, что ее нечаянное спасение произошло слишком рано. Но разве до ее

похищения Суан и Гавином, она не заложила хороший фундамент?

– А что с Элайдой? – спросила Эгвейн, открыв глаза, ее голос разнесся повсюду. – Неужели вы свергли еще одну Амерлин?

На другой стороне на мгновение повисла тишина.

– Они совещаются, – произнес Брин, подняв зрительную трубу к глазам.

Андайя снова заговорила спустя мгновение:

– Элайда до Аврини а Ройхан, Хранитель Печатей, Пламя Тар Валона, Престол Амерлин... была похищена во время рейда прошлой ночью. Ее местонахождение

неизвестно. Возможно, она мертва или по другим причинам не способна исполнять свои обязанности.

— Ради Света! — воскликнул Брин, опустив трубу.

— Так ей и надо, — пробормотала Суан.

— Ни одна женщина не заслуживает такого, — ответила Эгвейн Брину и Суан. Непроизвольно она поднесла руку к шее. — Лучше бы она умерла.

— Это может быть ловушкой, — предупредил Брин.

— Не вижу, как, — сказала Суан. — Андайя связана клятвами. Ее не было в твоём списке Черных, не так ли,

Эгвейн?

Эгвейн покачала головой.

— И все-таки я сомневаюсь, Мать, — сказал Брин.

Эгвейн восстановила плетение:

— Вы позволите моей армии войти? Вы примите остальных Айз Седай обратно и восстановите Голубую Айя?

— Мы предвидели эти требования, — ответила Андайя. — Они будут выполнены.

Повисшую тишину нарушал только звук бьющихся о берег внизу волн.

— Тогда я согласна, — сказала Эгвейн через мост.

— Мать, — осторожно сказала

Суан. — Это может быть опрометчиво. Возможно, вам следует поговорить с...

— Это не опрометчиво, — ответила Эгвейн, отпустив плетение, и почувствовала прилив надежды. — Это то, чего мы ждали, — она посмотрела на Суан. — Кроме того — кто ты такая, чтобы говорить мне про опрометчивость? — Суан опустила глаза. — Генерал, подготовьте своих людей к переходу и препроводите Восседающих в голову колонны. Отправьте курьеров в лагерь Айз Седай с этой новостью и убедитесь, что ваши люди у других мостов стоят смирно.

— Да, Мать, — Брин отвел свою

лошадь и отдал необходимые приказы.

Вздохнув поглубже, Эгвейн пришпорила лошадь и направилась к мосту. Суан пробормотала какое-то рыбацкое проклятье и последовала за ней. Гавин, естественно, тоже. Затем, подчиняясь короткому приказу Бриана, прошагал взвод солдат.

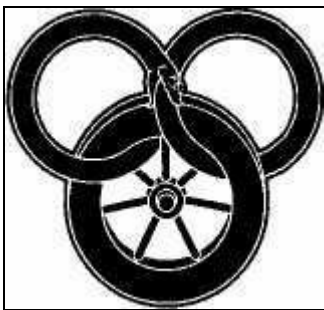
Эгвейн проехала над водой, за ее спиной развевались волосы, перевитые красными лентами. Она чувствовала нечто странное: тяжесть понимания, чего именно они только что избежали. Вскоре оно сменилось нарастающим чувством удовлетворения и радости.

Ее белая кобыла чуть вздернула

голову, окутав руки Эгвейн шелковистой гривой. На другом конце моста ее безмолвно поджидали Восседающие. Прямо впереди над ними возвышалась Белая Башня. Израненная, истекающая кровью.

Но она выстояла. Свет, она выстояла!

Глава 46. Перековать

Остаток дня после того, как она победно проехала по Тар Валлонскому мосту, Эгвейн провела словно в тумане. Она спешила в Белую Башню, и Суан с Гавином едва за ней поспевали. Восседающие ожидали в Зале Совета, а у входа в Башню встречала группа слуг.

Они проводили ее в простой зал, обшитый деревянными панелями, где стояла пара кожаных кресел. Раньше Эгвейн никогда здесь не бывала; очевидно, это какая-то приемная рядом с Залом Совета. Здесь витал запах кожи и тлеющих в крохотной жаровне в углу угольков.

Вскоре появилась невысокая, похожая на лягушку, Коричневая Сестра по имени Лейрейн, которая принялась посвящать Эгвейн, в тонкости предстоящей церемонии. Эту маленькую кудрявую женщину, которую, казалось, совсем не волновала важность момента, Эгвейн никогда раньше не встречала. Скорее всего, она была из тех Коричневых,

что всю жизнь проводят, роаясь в запасниках библиотек, и появляются на людях лишь раз в сто лет, чтобы процитировать порядок церемонии предполагаемой Амерлин. Эгвейн слушала внимательно. Однажды она уже проходила подобную церемонию, но предстоящая была очень замысловатой.

Она еще не забыла, как нервничала в тот день несколько месяцев назад, когда ее избрали в Салидаре. Тогда она была очень смущена происходящим. Как? Ее избрали? Амерлин?

Теперь беспокойства не было. Она и в самом деле не волновалась, что церемония пойдет не так.

Судьбоносное решение принято, осталась пустая формальность. Слушая Лейрейн, Эгвейн краем уха уловила из-за дверей голос Суан, доказывающей сестрам снаружи, что Эгвейн уже избрана и церемония не нужна. Эгвейн подняла руку, останавливая Лейрейн, и громко позвала Суан.

Та заглянула в дверь.

– Меня избирали мятежницы, Суан, – резко сказала Эгвейн. – Но и эти женщины достойны того, чтобы встать в мою поддержку. Иначе я никогда не смогу рассчитывать на их верность. Церемонию следует повторить.

Суан поморщилась, но кивнула:

– Хорошо.

Лейрейн открыла рот, чтобы продолжить инструктаж, но Эгвейн опять остановила ее жестом, заработав в ответ очередное фыркание:

– Какие новости, Суан?

– Что ж, – начала Суан, приоткрыв дверь чуть пошире. – Брин перебросил почти всю армию и сместил Гвардейцев с постов на внешних укреплениях. Он пополнил их ряды своими бойцами и отправил подмогу тушить пожары в городе. Шончан для прикрытия отступления подожгли несколько домов.

Это объясняло нехватку войск на баррикадах – это, а также известия о

горячих спорах на заседании Совета Башни о том, возвышать Эгвейн или нет. Похоже, что до них еще не дошло, как близки они были к открытому столкновению.

— Что делать с сестрами из лагеря, Мать? — спросила Суан. — Они начинают волноваться.

— Передай им: пусть соберутся перед Закатными Воротами, — сказала Эгвейн. — Они должны построиться по своим Айя с Восседающими в первом ряду. Сразу после церемонии я поприветствую их, приму формальные извинения за их мятеж, и приглашу обратно в Башню.

— Их извинения? — недоуменно

переспросила Суан.

– Они, Суан, восстали против Башни, – посмотрев на нее, пояснила Эгвейн. – Какая бы на то ни была причина, есть все основания покаяться.

– Но ты же была вместе с ними!

– Теперь я представляю не только их, Суан, – твердо ответила Эгвейн. – Я представляю всю Башню целиком. И Башня хочет видеть, что мятежницы сожалеют о расколе. Не нужно лгать, что они хотели остаться, но я считаю, что сожаление о нанесенном мятежом ущербе вполне уместно. Я прощу их, и мы сможем начать исцеление.

– Да, Мать, – покорно ответила

Суан. Эгвейн заметила стоявшую за ее спиной Тесан, которая кивала в такт словам Амерлин, покачивая своими тарабонскими косичками.

Эгвейн позволила Лейрейн продолжить инструктаж, а потом повторила для нее все, что должна была сказать и сделать. Когда Коричневая была удовлетворена, Эгвейн поднялась и открыла двери, обнаружив, что Суан уже убежала исполнять ее приказы. Тесан стояла в холле и, сложив руки на груди, оценивающе поглядывала на Гавина. Тот застыл неподалеку, прислонившись к стене, положив руку на эфес убранного в ножны меча.

– Твой Страж? – спросила она у Эгвейн.

Та посмотрела на Гавина и постаралась разобраться в мешанине своих чувств. Злость, привязанность, страсть и сожаление. Какой странный клубок.

– Нет, – ответила она и посмотрела ему в глаза. – Ты не можешь присутствовать, Гавин. Жди здесь.

Он попытался было возразить, но передумал, натянуто выпрямился и сухо поклонился. Эти движения выглядели нахальнее, чем препирательства с ней.

Эгвейн тихонько фыркнула, но так, чтобы он услышал, и позволила

Тесан проводить себя в Совет Башни. Советом называли и помещение, и женщин, заседающих в нем. Для всех они были едины, так же как Престол Амерлин и кресло, в котором та восседала.

Чувствуя, как предательски забилося сердце, она остановилась перед дверьми в Совет, вырезанными из темной древесины, инкрустированной серебряным Пламенем Тар Валона. Неожиданно появилась Суан с парой туфель, напоминая, что Эгвейн нужно переобуться. Ну, конечно же, пол Зала Совета был слишком искусно отделан, чтобы уродовать его. Она надела туфли, и Суан забрала ее

сапожки для верховой езды. «Не стоит нервничать! Я уже проходила это прежде, — внезапно подумала она. — И не только в Салидаре, но и во время испытания на Принятую. Я стояла перед этими дверьми, а за ними находились противостоящие мне женщины. Во время испытания...

Внезапно прозвучал гонг. Казалось, он прозвучал с такой силой, что потряс саму Башню, предупреждая о том, что сейчас будет возвышена Амерлин. Гонг прозвучал вновь и вновь. Наконец украшенные пламенем двери отворились. Да, по сравнению со скромной хижинкой, в которой ее

возвышали салидарские Айз Седай, здесь было совсем иное ощущение. По большому счету, ее выступление в Салидаре оказалось всего лишь репетицией.

Двери распахнулись настежь, и Эгвейн застыла от удивления. В стене раскинувшегося за ними огромного зала со сводчатым потолком прямо напротив входа теперь зияла дыра. Сквозь нее была видна Гора Дракона. В отличие от других помещений, сам зал не получил заметных повреждений во время нападения — не считая стены урон был минимальным. Была разрушена только внешняя стена. Невысокий помост все так же

проходил по всей окружности зала. Ни одно из стоящих на нем восемнадцати кресел не было повреждено, они стояли группами по три, мягкие подушки на них были цвета той Айя, чьи Восседающие занимали эти места.

Престол Амерлин стоял у дальней стены — прямо перед проломом, спинкой к открывающемуся виду на далекую Гору Дракона. Будь удар какой-то шончанской дамани чуточку сильнее, охвати он пространство побольше, и взрыв уничтожил бы Престол. Хвала Свету, тот оказался неповрежденным.

Эгвейн почувствовала в воздухе

легкий запах краски. Может быть, они в спешке перекрасили Престол, чтобы снова отобразить на нем все семь цветов? Если это так, они сделали все очень быстро. Однако у них не хватило времени принести кресла Голубых Восседающих.

Эгвейн заметила Саэрин, Дозин и Юкири, сидящих на местах своих Айя. Сине тоже была тут, рассматривая Эгвейн оценивающим взглядом голубых глаз. Как сильно повлияли эти четверо на недавние события? Круглолицая Суана, Желтая, улыбнулась Эгвейн с откровенным удовлетворением. И, хотя большинство Восседающих сохраняли невозмутимость, в их

позах она заметила одобрение или, по меньшей мере, отсутствие враждебности. Значит, решение принимали не одни только охотницы за Черными.

В Коричневом секторе из кресла поднялась Саэрин:

– Кто дерзнул предстать перед Советом Башни? – спросила она звонким голосом.

Эгвейн помедлила, все еще рассматривая Восседающих. Их кресла были равномерно расставлены по кругу на внешнем возвышении. Слишком много кресел пустовало. Присутствовали только две Восседающие от Зеленых: Талене скрылась несколько недель назад. У

Серых не хватало Эванеллейн, которая исчезла днем раньше. Велина с Седоре также отсутствовали. Это не предвещало ничего хорошего — две последние были в списке Верин. Может, их предупредили? Означает ли исчезновение Эванеллейн, что Верин ее просто пропустила?

Красных не было ни одной. Вздвогнув, Эгвейн припомнила, что Духара, как утверждали некоторые, уехала из Башни несколько недель назад, по особому заданию Элайды. Но вполне возможно, что она просто отправилась по делам Черных. Две другие Восседающие от Красных — Джавиндра и Певара — таинственно

исчезли.

Осталось только одиннадцать Восседающих. По старому закону Башни этого числа было бы недостаточно, чтобы возвысить Амерлин, но он был пересмотрен после того, как Элайда распустила Голубую Айя. Чем меньше общее количество Восседающих, тем меньше их требуется для возвышения Амерлин – теперь всего одиннадцать. Этого достаточно. По крайней мере, все и вся в Башне знают о происходящем, и церемония не проводится в тайне, как при возвышении Элайды. И еще Эгвейн была твердо уверена, что ни одной Черной Восседающей не встанет в ее

поддержку.

Саэрин прочистила горло, неуверенно посмотрела на Эгвейн, и снова спросила:

— Кто дерзнул предстать перед Советом Башни?

Тесан, стоявшая сбоку, наклонилась вперед, словно собираясь подсказать Эгвейн верный ответ шепотом, однако та остановила ее, подняв руку.

Эгвейн решилась на кое-что весьма дерзкое, но, тем не менее, уместное. Она чувствовала, она знала, что это правильно.

— Красная Айя в опале? — тихо спросила она Тесан.

Белая кивнула, заплетенные в

косички волосы коснулись щек.

— Вам не нужно волноваться о Красных, — ответила она с легким тарабонским акцентом. — Сразу после исчезновения Элайды они заперлись у себя. Присутствующие Восседающие беспокоились, что Красные быстро выберут новых представительниц и направят сюда. Но уверена, что пары... кратких посланий от Совета Башни было достаточно, чтобы их приструнить.

— А Сильвиана Брехон? Все еще под стражей?

— Да, Мать, насколько мне известно, это так, — ответила Тесан. Она слегка оговорила, используя этот титул, ведь формально Эгвейн

еще не была возвышена Советом. — Не беспокойтесь, Лиане на свободе. Мы позаботились, чтобы ее проводили наружу к остальным мятежницам ожидать вашего прощения.

Эгвейн задумчиво кивнула.

— Немедленно доставьте Сильвиану сюда, на Совет Башни.

Тесан нахмурилась:

— Но, Мать, я не думаю, что сейчас уместно...

— Выполняй, — процедила Эгвейн и повернулась к Совету. — Та, кто явилась покорно, во имя Света, — объявила она твердым голосом.

Саэрин расслабилась:

— Кто дерзнул предстать перед

Советом Башни?

– Та, кто явилась смиренно, во имя Света, – ответила Эгвейн. Она посмотрела на каждую из Восседающих. Твердая рука. Ей придется быть твердой. Им нужен лидер.

– Кто дерзнул предстать перед Советом Башни? – последний раз спросила Саэрин.

– Та, кто явилась по призыву Совета, во имя Света, – ответила Эгвейн, – готовая со смирением и покорностью принять волю Совета Башни.

Церемония продолжалась. Поочередно Восседающие оголили грудь до талии, подтверждая

присутствующим, что являются женщинами. Эгвейн сделала то же самое, едва не покраснев при мысли о Гавине, который был почти уверен, что она пригласит его на эту церемонию.

— Кто поручится за эту женщину? — спросила Саэрин, после того, как Восседающие снова оделись. Теперь только Эгвейн оставалась обнаженной по пояс под холодным ветром, проникающим сквозь пролом в стене. #8209; Кто поручится сердцем за ее сердце, душою за ее душу, жизнью за ее жизнь?

Юкири, Сине и Суана быстро поднялись.

– Я поручусь! – ответила каждая из них.

Когда Эгвейн впервые проходила через эту церемонию, она была шокирована. С каждым шагом она пугалась все больше, как бы не совершить какую-нибудь ошибку. Хуже того – она боялась, что в любой момент выяснится, что все это розыгрыш или мистификация.

Теперь страха не было. По мере того, как были произнесены все ритуальные фразы, шагнув вперед на три шага и преклонив колени в центре гладкого пола, перекрашенного по приказу Элайды в шесть цветов, спиралью расходящихся от Пламени Тар

Валона, Эгвейн сумела отбросить помпезность и заглянуть в суть происходящего. Эти женщины были напуганы, так же было и в Салидаре. Престол Амерлин — это символ стабильности, и они бессознательно к нему потянулись.

Почему избрали именно ее? Похоже, что в обоих случаях ответ был один. Потому, что она была единственной, кто устраивал все стороны. Вокруг нее появились улыбающиеся лица, но это были улыбки тех, кто сумел уберечь Престол от посягательства своих конкуренток. Либо это были улыбки облегчения оттого, что кто-то сделал шаг вперед и берет на себя бремя

лидерства. А возможно, кто-то из них улыбался потому, что на Престол избрали не ее. История правления нескольких последних Амерлин была наполнена опасностями, раздором и двумя трагедиями.

В Салидаре Эгвейн сперва решила, что эти женщины просто идиотки. Теперь она приобрела опыт и, хотелось думать, стала мудрее. Она видела, что они отнюдь не были дурами. Они были Айз Седай, скрывавшими свои страхи за неимоверной осторожностью и бесстыдством одновременно. Можно выбрать кого-то, кого не жалко. Согласиться на риск, но уберечь от опасности себя.

Эти женщины поступали так же. Они спрятали свой страх за внешним спокойствием и контролем. Когда пришло время Восседающим вставать, Эгвейн ничуть не была удивлена, увидев, что поднялись все одиннадцать. Ни одна не осталась сидеть. На этой церемонии никому не пришлось омыть ноги.

Нет, она не удивилась. Они знали, что другого выбора нет, учитывая стоящую на пороге армию и пропавшую без вести все равно что мертвую Элайду. Излюбленный метод Айз Седай – поступать так, словно никаких споров не было и в помине. Во всем достигать согласия.

Саэрин выглядела удивленной

тем, что ни одна Восседающая не решила остаться сидеть, пусть даже затем, чтобы доказать, что не позволит давить на нее. В самом деле, удивленными казались многие Восседающие, и Эгвейн стала подозревать, не сожалеют ли они о своем решении подняться так быстро. Одна из них могла бы усилить свое влияние, если бы осталась сидеть, вынудив Эгвейн омыть ей ноги и выпрашивать разрешения служить. Конечно, это бы выделило бы ее из всех и вызвало неприязнь новой Амерлин.

Женщины медленно заняли свои места. Эгвейн не были нужны подсказки, и их никто не предложил.

Она поднялась с колен и, шагая по изображению Пламени, беззвучно пересекла зал. Порыв ветра пронесся по помещению, срывая шали, овеявая обнаженную кожу Эгвейн. То, что Совет все-таки решил собраться здесь, несмотря на головокружительный вид из пролома в стене, кое-что говорило о силе его духа.

Саэрин ожидала Эгвейн возле Престола. Смуглая алтаранка аккуратно застегнула пуговички на платье Эгвейн, а затем с благоговением сняла палантин с Престола. Этот палантин был с семью полосами, восстановленный, как бы Элайда его ни отвергала.

Саэрин некоторое время смотрела на Эгвейн, держа палантин на весу, словно оценивая ношу.

— Ты уверена, что желаешь взвалить на себя эту ношу, дитя? — очень тихим голосом спросила Саэрин. Это не было частью церемонии.

— Я уже несу ее, Саэрин, — ответила Эгвейн шепотом. — Элайда пыталась отмахнуться от нее, когда пыталась отрезать часть и разделить по своему усмотрению. Я подхватила ее, и несу с тех самых пор. И собираюсь нести до самой смерти. И буду нести.

Саэрин кивнула.

— Думаю, именно поэтому ты ее

заслуживаешь, — сказала она. — Сомневаюсь, что какие-либо исторические события могут сравниться с тем, что грядет. Подозреваю, что в будущем ученые, оглядываясь на эти дни, будут считать их даже суровее Времени Безумия и Разлома, настоящим испытанием для тела, ума и души.

— Значит хорошо, что у мира есть мы, не так ли?

Саэрин промолчала, затем кивнула:

— Полагаю, да. — Она подняла палантин и возложила его на плечи Эгвейн. — Ты возвышена на Престол Амерлин! — объявила она, остальные хором присоединились к ней. — Во

имя Света, да высится вечно Белая Башня. Да славится Эгвейн ал'Вир, Хранительница Печатей, Властвующая над Пламенем Тар Валона, Восседающая на Престоле Амерлин!

Эгвейн повернулась и посмотрела на женщин, затем села в кресло. Она почувствовала себя так, словно вернулась домой после долгой дороги. Мир сотрясаясь от прикосновений Темного, но в тот момент, когда она заняла свое место, для нее он стал немного правильнее, немного безопаснее.

Женщины выстроились перед ней по возрасту, Саэрин – как самая молодая – заняла место в конце. По

очереди они присели перед ней в глубоком реверансе и попросили разрешения служить ей. Потом каждая поцеловала кольцо Великого Змея на руке Эгвейн и отошла в сторону. Когда закончила последняя, Эгвейн обнаружила, что Тесан вернулась. Та заглянула внутрь, чтобы убедиться, что все одеты, и, спустя мгновение, вернулась в зал, возглавляя группу из четырех гвардейцев Башни со сверкающим белым шевроном Пламени Тар Валона на груди. Эгвейн сдержала вздох. Они вели Сильвиану, закованную в цепи.

Поцеловав кольцо,
Восседающие вернулись в свои

кресла. Оставалось немного, но самая важная часть церемонии была позади. Наконец, Эгвейн стала Амерлин — настоящей и полноправной. Она так долго ждала этого мгновения.

А сейчас настало время для пары сюрпризов.

— Снимите с узницы цепи, — приказала Эгвейн.

Солдаты за дверью, звякнув металлом, неохотно выполнили приказ. Восседающие были в смятении.

— Сильвиана Брехон! — объявила Эгвейн, поднявшись на ноги. — Ты можешь приблизиться к Престолу Амерлин.

Гвардейцы разошлись в стороны и позволили Сильвиане пройти. Ее когда-то превосходное красное платье не очень хорошо перенесло тяготы тюремного заключения — оно было помято, подол перепачкан. Ее черные волосы, обычно собранные в пучок, были заплетены в неаккуратную косу, но лицо Сильвианы сохраняло невозмутимое спокойствие.

Пройдя через зал, она внезапно встала перед Эгвейн на колени. Эгвейн опустила руку и позволила ей поцеловать кольцо.

Восседающие смущенно смотрели на то, как Эгвейн нарушает церемонию.

– Мать, – наконец произнесла Юкири. – Подходящее ли сейчас время, чтобы вершить суд?

Эгвейн отняла руку от коленопреклоненной Сильвианы и посмотрела в глаза Юкири, потом оглядела всех Восседающих, застывших в ожидании.

– Вы все покрыли себя великим позором, – сказала она.

На напряженных лицах Айз Седай широко распахнулись глаза, брови поднялись вверх. Они были рассержены. Но у них не было на это права! Их гнев – ничто по сравнению с ее гневом.

– За это, – Эгвейн ткнула в пролом в стене. – И за это, несете

ответственность лично вы. – Она показала на Сильвиану, оставшуюся стоять на коленях. – Вы несете ответственность за все это, и за то, как сестры ведут себя, встречаясь в коридорах, и за то, что позволили Башне так долго оставаться разделенной. И, в первую очередь, часть из вас несет ответственность за само разделение!

– Вы опозорены. Из-за вас Белую Башню, гордость Света, силу, ведущую к стабильности и торжеству истины с Эпохи Легенд, едва не разрушили до основания.

Глаза вытаращились сильнее, кто-то из Восседающих закашлялся..

– Элайда... – начал кто-то.

– Элайда была безумна, и вы все это знаете! – резко ответила Эгвейн, вытянувшись во весь рост и глядя на них сверху вниз. – Вы знали это уже несколько месяцев, пока ее бездумные действия вели нас к разрушению. Во имя Света, многие из вас знали это, когда вы ее возвышали!

– И раньше в истории Башни встречались глупые Амерлин, но еще ни одна не была настолько близка к разрушению Башни в целом! Вы должны присматривать за Амерлин. Вы должны предостерегать ее от подобных действий! Как вы позволили ей упразднить целую Айя? О чем вы думали? Как вы

позволили Башне пасть так низко? И это в тот момент, когда по миру шествует сам Дракон Возрожденный!

— Вы должны были сместить Элайду в тот самый момент, когда вы узнали об ее губительной попытке захватить Ранда ал'Тора! Вы должны были сместить ее, когда увидели, что ее сварливость и мелочность обратили Айя друг против друга. И вы должны были непременно сместить ее, когда она отказалась сделать все возможное для воссоединения Башни вновь в единое целое!

Эгвейн смотрела сверху вниз на сестер, на всех по очереди, глядя каждой в глаза, пока та не отводила

взгляд. Долго не смог выдержать никто. В конце концов, она заметила, что стыд стал проступать сквозь их маски. Наконец-то!

— Никто из вас не встал бы в ее поддержку, — фыркнула Эгвейн. — И вы еще смеееете называть себя Советом Башни? Вы, такие запуганные Элайдой? Вы, до дрожи боящиеся сделать то, что должно? Вы, слишком поглощенные собственными спорами и интригами, и из-за этого проглядевшие, что творится у вас под носом?

Эгвейн посмотрела на Сильвиану.

— Только одна женщина в этой комнате посмела отстаивать то, что

считала правильным. Только одна женщина посмела перечить Элайде, и согласилась за это заплатить. И вы считаете, что я призвала ее ради личной мести? Или вы настолько слепы и считаете, что я собираюсь наказать ту единственную во всей Башне, кто сделал что-то стоящее за последние несколько месяцев?

Теперь они потупились все. Даже Саэрин отводила глаза.

Сильвиана подняла голову.

— Ты исполняла свой долг, Сильвиана, — произнесла Эгвейн. — И исполняла его достойно. Встань.

Женщина поднялась на ноги. Она выглядела изможденной, с опухшими от недосыпания глазами,

и, как подозревала Эгвейн, ей было трудно стоять. Догадался ли кто-нибудь в хаосе последних дней принести ей пищу и воду?

— Сильвиана, — продолжила Эгвейн. — Возвышена новая Амерлин. И, к моему стыду, она была возвышена при тех же оговорках закона, что и Элайда. Из семи Айя были представлены только пять. Если бы Голубые присутствовали, я уверена, что они бы меня поддержали. Но Красным не было предоставлено даже шанса подать возражение или голос в поддержку.

— На то есть веские причины, Мать, — ответила Сильвиана.

— Это может быть верно, —

согласилась Эгвейн, — но это наверняка означает, что мое правление будет ознаменовано трениями между мной и Красными. Они увидят злой умысел там, где его нет, а я потеряю поддержку сотен женщин. Женщин, которые нам жизненно необходимы.

— Я... не знаю, что с этим поделать, Мать, — честно призналась Сильвиана.

— Я знаю, — ответила Эгвейн. — Сильвиана Брехон, я хочу назвать тебя своей Хранительницей Летописей. Пусть никто не скажет, что я отвергаю Красных.

Сильвиана захлопала глазами от удивления. Со стороны Восседающих

раздались удивленные охи, хотя Эгвейн не удалось определить, от кого именно.

Она смотрела в глаза Сильвиане. Еще недавно эта женщина секла ее по приказу Элайды на своем столе. А только что Сильвиана стояла на коленях, и сделала это без приказа. Она приняла волю Совета, возвысившего Эгвейн. Но примет ли она саму Эгвейн?

Предложение Эгвейн толкнет ее на опасный и трудный путь. Красные могут решить, что это путь предательства. Каков будет ответ Сильвианы? Эгвейн возблагодарила трюк с контролем, который не давал ей потеть, иначе она бы уже

обливалась потом.

— Это честь для меня, Мать, — ответила Сильвиана, снова опускаясь на колени. — Истинная честь.

Эгвейн выдохнула. Ее работа по объединению разрозненных Айя будет трудна, но если Красные будут видеть в ней врага, она едва ли выполнима. С поддержкой Сильвианы у нее появится посланник к Красным, которого они не посмеют отвергнуть. Наверное.

— Это будет тяжелое время для Красной Айя, дочь моя, — произнесла Эгвейн. — Их призвание всегда было в обуздании мужчин, способных направлять, но, по моим сведениям, саидин теперь очищена.

– Все равно могут появляться дикие направляющие, Мать, – ответила Сильвиана. – И мужчинам нельзя доверять.

«Когда-нибудь мы пойдем дальше последнего высказывания, – подумала Эгвейн. – Но на сегодня достаточно признания его истинным».

– Я не говорю, что ваше призвание полностью отпадет, только то, что оно изменится. Я вижу в будущем великие дела, которые предстоит свершить Красной Айя – расширение представления и обновление долга. Я рада видеть тебя рядом со мной – ты поможешь мне направлять их.

Эгвейн оглянулась на Восседающих, которые наблюдали за ней в молчаливом оцепенении.

— Я бы отправила всех вас отбывать наказание, — сказала им Эгвейн, — но я знаю кое-кого среди вас, кто незаметно трудился, заделывая трещины в Белой Башне. Вы сделали недостаточно, но вы делали хоть что-то. Кроме того, я считаю, что наказания, которые мы назначаем себе, порой глупы. Что значит для Айз Седай физическая боль?

Эгвейн сделала глубокий вдох.

— И я виновата не меньше вас. Я разделяю с вами часть того позора, потому что именно за срок моего

правления произошли все эти несчастья. Я присоединилась к мятежницам, позволила им возвысить себя, но только потому, что иного выхода не было. И в этом избрании я виню и себя.

— Примите ваш позор, Восседающие, но примите его с решимостью. Не дайте ему вас сломать. Настало время исцеления, и нет смысла указывать пальцем на виновных. Вы не справились, но вы все, что у нас есть. Мы все, что есть у мира.

Женщины начали поднимать головы.

— Идем, — сказала Эгвейн, пересекая зал. Сильвиана тихо

проследовала следом за ней. — Давайте поприветствуем мятежниц.

Они прошли коридорами Башни, в которых до сих пор пахло гарью и валялись обломки. Эгвейн старалась не смотреть на пятна крови. Восседающие шли следом, собравшись группами по цветам Айя, несмотря на недавнюю отповедь Эгвейн. Ей предстоит много работы, чтобы их исцелить.

— Мать, — тихо обратилась к ней Сильвиана по пути. — Я предполагала, что у вас уже есть Хранительница Летописей среди мятежниц. Вы собираетесь держать двоих? — Ее напряженный тон ясно давал понять, что именно она думает

о таком неподобающем положении.

– Нет, #8209; ответила Эгвейн, #8209; моя предыдущая Хранительница была казнена за принадлежность к Черной Айя.

Сильвиана побледнела.

– Понятно.

– Мы не можем ходить вокруг да около этой темы, Сильвиана, – продолжила Эгвейн. – Прямо перед моим... освобождением ко мне приходила очень важная посетительница. Она была из Черной Айя, и она передала мне имена своих Черных Сестер. Я проверила всех, кого она перечислила среди мятежных Айз Седай, используя Клятвенный Жезл.

— Клятвенный Жезл? —
воскликнула Сильвиана.

— Да, — подтвердила Эгвейн, выходя на лестницу. — Мне передала его прошлой ночью союзница в Башне. Однако мне очевидно, что нам следует перенести хранилище тер'ангриалов. И держать новое место в секрете и под надежной охраной. Уже недалеко то время, когда каждая сестра, обладающая достаточной силой, изучит плетение Перемещения, и я не исключаю, что многие из них, даже те, кому я доверяю, будут являться туда «позаимствовать» ангриал-другой.

— Да, Мать, — ответила Сильвиана. Затем, понизив голос,

добавила: – Полагаю, мне придется привыкать к тому, что многое изменится.

– Боюсь, да, – ответила Эгвейн.
– И самое малое, с чего нужно начать, это выбрать новую Наставницу Послушниц, которая сумеет справиться с сотнями новых учениц, многие из которых не совсем обычны. Я уже начала принимать на обучение всех женщин, имеющих какие-то способности к направлению Силы, независимо от их возраста. Подозреваю, что спустя немного времени, Белая Башня будет трещать по швам от послушниц.

– Тогда, я быстро что-нибудь придумаю, Мать, – ответила

Сильвиана.

Эгвейн одобрительно кивнула. Романда с Лилейн позеленеют, когда обнаружат, что она сделала, выбрав Сильвиану, но чем больше она об этом думала, тем большее удовлетворение чувствовала. И не только потому, что Сильвиана — Красная, а потому, что она была очень способной. Саэрин была бы тоже хорошим выбором, но тогда многие увидели бы в ней наставницу Эгвейн, и возможную реальную силу, стоящую за Престолом Амерлин. Выбор Голубой мог бы усилить текущий конфликт в Башне. Кроме того, если Амерлин выбрана из мятежниц, а Хранительница будет из

лагеря лоялисток, про это не скоро забудут. Что бы Эгвейн ни говорила и ни делала, это значительно ускорит ее путь к налаживанию отношений.

Вскоре они добрались до Главной площади на восточной стороне Башни. Как и было приказано, площадь была заполнена рядами построенных по цветам Айя женщин. Эгвейн выбрала это место потому, что здесь была длинная лестница, ведущая к Башне, которая возвышалась над широкой площадью. Она встала наверху, спиной к великолепным резным дверям — отличная позиция для того, чтобы обращаться к большим скоплениям людей.

Кроме того, она находилась между двух крыльев здания, больше всего пострадавших в ночной атаке. Восточное крыло все еще дымилось, купол над ним обрушился, а одна из стен обвалилась. Однако с этого угла на Башне было относительно мало повреждений, и сквозных дыр не было видно.

Эгвейн заметила лица, прильнувшие к окнам на нижних ярусах. Айз Седай наравне с послушницами собрались на нее посмотреть. Похоже, что наряду с мятежницами Эгвейн выпал шанс обратиться к основной массе обитателей Башни. Она сплела потоки, усиливающие звук — не до

громогласного состояния, но достаточно, чтобы ее смогли слышать люди и внизу, и за спиной.

— Сестры, — обратилась она, — дочери. Меня по всем правилам возвысили на Престол Амерлин. Обе конфликтующие стороны избрали меня. Обе действовали согласно предписанным правилам, и обе приняли меня в качестве своей Амерлин. Настало время вновь воссоединиться.

— Я не стану делать вид, что нашего разделения не было. Мы в Белой Башне иногда с большой страстью забываем то, что не желаем принять. Этот факт не удастся скрыть от нас #8209; тех, кто его

пережил. Мы были расколоты. Мы едва не начали междоусобную войну. Мы себя обесчестили.

— Вы, стоящие передо мной мятежницы, совершили ужасное преступление. Вы раскачали устои Башни, и возвысили собственную Амерлин. Впервые в истории Айз Седай вели войска против своих сестер. И их возглавляла я. И я признаю этот позор.

— Неважно, насколько это было необходимо, позор остается позором. И коль это так, я требую от вас признать свою вину. Вы должны принять на себя ответственность за эти преступления, даже за те, что были совершены во имя добра.

Она посмотрела вниз на выстроившихся Айз Седай. Если их еще не подготовило к предстоящему ее требованию собраться группами, а затем дожидаться ее волеизъявления, то, возможно, помогут ее слова.

— Вы явились сюда не в свете славы, — продолжила Эгвейн. — Вы явились сюда не победителями. Потому что нет, и быть не могло победы там, где сестры воюют с сестрами, а Страж убивает Стража. — Она заметила Суан, стоявшую в первых рядах, и встретила с ней взглядом с этого расстояния. Среди стоявших была и Лиане, осунувшаяся после своего длительного заключения, но державшаяся прямо.

— Обе стороны совершали ошибки, — сказала Эгвейн. — И нам предстоит тяжелейший труд по исправлению содеянного нами. Кузнецы говорят, что меч, однажды сломанный, никогда не станет целым. Его нужно полностью перековать — переплавить металл в заготовку, а затем выковать заново.

— Следующие несколько месяцев уйдут на наше восстановление. Мы были расколоты и разорваны на части почти до корней. Надвигается Последняя Битва, и пока она не пришла, я желаю видеть нас вновь мечом — могучим, целым и единым! Я буду многого требовать. И мои требования будут жесткими. Они

выжмут из вас все возможное и даже
#8209; на ваш взгляд #8209;
невозможное. Я принимаю эти
горящие проломы и обязуюсь
заполнить их! Нам придется
уживаться вместе, хотя у нас
появилось слишком много
Восседающих и пять лишних глав
Айя. Некоторым из вас придется
уступить и покорно склониться
перед теми, кого вы недолюбливаете.

— Эти дни — наше испытание! Я
заставлю вас работать с теми, кого вы
всего час назад считали своими
врагами. Вы пойдете рядом с теми,
кто ненавидел вас, отталкивал вас,
причинил вам боль.

— Но мы сильнее наших

слабостей. Белая Башня выстояла, и мы выстоим вместе с ней! Мы вновь станем едины, и наше объединение войдет в историю! Когда я закончу, о Белой Башне не смогут написать, что она оказалась слаба. Пред нашими достижениями померкнет и забудется раскол. Нас будут помнить не как Белую Башню, погрязшую в междоусобице, а как Башню, которая неколебимо стояла на пути Тени. Эти дни станут легендарными!

Раздались приветственные крики, в основном со стороны послушниц и солдат, поскольку Айз Седай, в основном, слишком сдержанны для подобного поведения. Те, что помоложе, кричали вместе со

всеми, охваченные воодушевлением. Хвала Свету, крики раздавались с обеих сторон. Эгвейн дала им немного покричать, а затем подняла руки, призывая к тишине.

– Да узнает об этом весь мир! – крикнула она. – Пусть говорят, надеются и помнят – Белая Башня цела и едина. И никто – ни мужчина, ни женщина, ни создание Тени – никогда не увидит нашего разделения!

На этот раз крики почти оглушали, и, к ее удивлению, к ним присоединились большинство Айз Седай. Эгвейн опустила руки.

Она могла только надеяться, что они с таким же воодушевлением

будут приветствовать ее и через несколько месяцев. У них впереди очень много работы.

Глава 47. Его потеря

Ранд не стал сразу же возвращаться в свои покои. Неудавшаяся встреча с Порубежниками выбила его из колеи. Расстроила даже не их коварная попытка заманить его в Фар Мэддинг #8209; этого стоило ожидать, его всегда пытались контролировать и управлять им. В этом Порубежники

ничем не отличались от остальных.

Нет, его тревожило что-то еще, нечто такое, чего он не мог точно определить. Поэтому он бродил по Тирской Твердыне в сопровождении двух айильских Дев. Появление Ранда пугало слуг и заставляло волноваться Защитников Твердыни.

Коридоры вились и переплетались. Между гобеленами проглядывали стены цвета влажного песка. Но они, чуждые и странные, были намного крепче любого известного Ранду камня. Каждый спан гладкой стены напоминал о неестественности этого места.

Ранд чувствовал себя таким же. Он выглядел как человек, у него были

человеческие привычки и прошлое. Но понять его не мог никто, даже он сам. Он был персонажем легенд, творением Единой Силы, таким же искусственным, как тер'ангриал или кусок квейндияра. Его раздели, как короля – так же как застелили эти коридоры коврами с золотой и красной бахромой. Так же как украсили стены гобеленами с изображением прославленных тайренских генералов. Все убранство не только украшало, но и скрывало чуждость этого места. Участки голой стены ее только подчеркивали. С коврами и гобеленами Твердыня выглядела более... человеческой. Как он сам в короне и богатом кафтане,

позволяющем людям принять его. Предполагалось, что короли немного отличаются от остальных людей. Не важно, что у него за короной сокрыта чуждая другим сущность. Не важно, что у него в груди бьется сердце давно умершего человека, что на плечи давит бремя пророчества, а душу гнетут нужды, желания и надежды миллионов людей.

Две руки. Одна — чтобы уничтожать, другая — чтобы спасать. Какую из них он потерял?

В Твердыне было легко заблудиться. Еще задолго до того, как Узор начал распускаться, в мешанине коридоров из бурого камня можно было запутаться. Так и было

задумано, чтобы сбить с толку нападающих. Пересечения коридоров возникали внезапно, ориентиры встречались очень редко, а во внутренних коридорах и окон не было. Айильцы поразились, с каким трудом им удалось захватить Твердыню. И поразила их не доблесть Защитников Твердыни, а грандиозность и планировка чудовищного строения.

К счастью, у Ранда не было определенной цели. Он хотел просто пройтись

Он ведь примирился с тем, кем ему суждено стать. Что же тогда его так беспокоит? Где-то глубоко – не в голове, а в сердце – возник голос,

который не соглашался с тем, что он делал. Он не был похож на громкий, неистовый голос Льюса Тэрина. Он тихо зудел, словно позабытая болячка. Что-то не так. Что-то не так...

«Нет! – подумал он. – Я должен быть сильным. Я наконец стал тем, кем должен!»

Стиснув зубы, он остановился посреди коридора. В глубоком кармане кафтана Ранд держал ключ доступа. Пальцами он прикасался к нему, к его холодной и гладкой поверхности. Ранд не смел оставить его на хранение никому из слуг, какими бы достойными доверия те ни были.

«Хурин, – осознал Ранд. – Вот что беспокоит меня. Встреча с Хурином».

Выпрямившись, он продолжил идти по коридору. Он должен быть сильным, или, по крайней мере, казаться таким – постоянно.

Хурин был отголоском его прошлой жизни. Тех дней, когда Мэт смеялся над куртками Ранда, дней, когда Ранд надеялся, что женится на Эгвейн и как-нибудь вернется в Двуречье. Он путешествовал с Хурином и Лойалом, твердо намереваясь остановить Фейна и вернуть кинжал Мэта, тем самым доказав, что он его друг. Тогда все было намного проще, хотя Ранд еще

не понимал этого. Он бы очень удивился тому, что ненависть друзей – это еще не самое страшное.

Цвета закружились у него перед глазами. Перрин шагал по ночному лагерю, в воздухе над ним темнели очертания каменного меча. Видение сменилось: Мэт, который по-прежнему оставался в том городе. Кэймлин? Почему Мэт может находиться рядом с Илэйн, а Ранд вынужден оставаться от нее так далеко? Через Узы он едва чувствовал её эмоции. Ему так ее не хватало. Когда-то они украдкой целовались в коридорах этой самой крепости.

«Нет, – подумал он. – Я

сильный». Страсть не для него – она бессмысленна. И тоска по прошлому – путь в никуда. Он попытался прогнать оба чувства, нырнул в шахту лестницы и поспешно начал спускаться по ступенькам, стараясь сбить дыхание.

«Значит, мы убегаем от прошлого? – тихо спросил Льюс Тэрин. – Да. Это правильно. Лучше убежать, чем с ним столкнуться».

Время дружбы с Хурином истекло в Фалме. Ранд смутно помнил те дни. Там он изменился. Осознал необходимость убивать, невозможность возврата к прошлой жизни, которую он так любил. Он устремился в Тир в полубреду, один,

без друзей, преследуемый во снах Ишамаэлем.

И вот опять.

Тяжело дыша, Ранд ворвался в один из нижних ярусов крепости. Девы следовали за ним, даже не запыхавшись. Широкими шагами он спустился по коридору и вошел в огромный зал с рядами колонн, мощных и широких — шире человеческого обхвата. Сердце Твердыни. Несколько Защитников заметили Ранда и отсалютовали, когда он прошел мимо.

Он вышел в центр Сердца. Когда-то, сверкая, здесь висел Калландор. Сейчас хрустальный меч находился во власти Кадсуане. К

счастью, хоть тут она не оплошала и не потеряла его, как мужской ай'дам. На самом деле Ранд о Калландоре и не беспокоился. Не так уж он был и хорош. Используя его, мужчине приходилось покоряться воле женщины. Да и мощь его не шла ни в какое сравнение с Чойдан Кэл. Ключ доступа гораздо лучше. Ранд спокойно поглаживал его, рассматривая место, где раньше висел Калландор.

Это всегда его беспокоило. Калландор — оружие, о котором говорилось в пророчествах. Согласно Кариатонскому Циклу, Твердыня не падет, пока Возрожденный Дракон не овладеет Калландором. По мнению

некоторых ученых, в отрывке подразумевалось, что мечом не овладеют никогда. Но так пророчества не работают — они созданы для того, чтобы исполниться.

Ранд изучал Кариатонские Пророчества. К несчастью, понять их смысл было не проще, чем распутать верёвку длиной в сотню ярдов. Одной рукой.

Взяв Меч, Которого Нельзя Коснуться, Ранд выполнил первое из основных пророчеств. Но было ли это бессмысленным знаком или все же шагом? Это пророчество знали все, но мало кто задавался неизбежным вопросом. Почему?

Почему Ранд должен взять меч? Предназначен ли он для Последней Битвы?

Как са'ангриал меч был хуже, а в том, что его возможно использовать как обычный меч, Ранд сомневался. Почему же в пророчествах ничего не говорится о Чойдан Кэл? Именно их он использовал для очищения саидин. Ключ доступа позволял Ранду направлять гораздо большую силу, чем Калландор, и никто при этом не тянул за ниточки. Статуэтка — это свобода, а Калландор — всего лишь еще один ящик. Но, тем не менее, в пророчествах не упоминались ни Чойдан Кэл, ни ключи к нему.

Это разочаровывало Ранда. В каком-то смысле пророчества — самый большой, самый душный ящик из всех. Они поймали его в ловушку. В конце концов они задушат его.

«Я говорил им...» — прошептал Льюс Тэрин.

«Говорил им что?» — спросил Ранд.

«Что план не сработает, — очень тихо ответил Льюс Тэрин. — Что грубая сила не сдержит его. Они назвали мой план опрометчивым, но то оружие, которое они создали, было слишком опасным. Слишком пугающим. Никто не должен распоряжаться таким количеством Силы».

Ранд боролся с мыслями, с голосом, с воспоминаниями. Он почти не помнил, как Льюс Тэрин намеревался запечатать Узилище Темного. Был ли Чойдан Кэл создан именно для этой цели?

Не это ли ответ? Выходит, Льюс Тэрин сделал неправильный выбор? Почему тогда о Чойдан Кэл нет ни единого упоминания в пророчествах?

Ранд развернулся, чтобы покинуть пустой зал.

— Больше не охраняйте это место, — сказал он Защитникам. — Здесь нет ничего ценного. И сомневаюсь, что когда-то было.

Защитники выглядели потрясенными и униженными, будто

дети, которых только что выпорол любимый отец. Но приближалась война, и он не собирался оставлять солдат охранять пустой зал в тылу.

Ранд стиснул зубы и широким шагом вышел в коридор. Калландор. Где Кадсуане его прячет? Ранд знал, что она занимает комнату в Твердыне, вновь испытывая границы своего изгнания. Ему нужно что-то с этим делать. Возможно, вышвырнуть ее из Твердыни. Он ускорил шаг, поднимаясь по ступенькам каменной лестницы, и вышел на первом попавшемся этаже, продолжая двигаться. Если он сейчас останется на одном месте, то сойдет с ума.

Он так старался освободиться от

нитей, но в конце концов пророчества заставят его сделать то, что полагается. Они манипулировали и водили его за нос почище любой Айз Седай.

Внутри закипал гнев, резко протестуя против оков. А в сердце этой бури трепетал тихий голос. Левой рукой Ранд оперся о стену и, склонив голову, заскрипел зубами.

– Я буду сильным, – прошептал он. Но гнев не отступал. Да и с чего бы? Порубежники бросили ему вызов. Шончан пренебрегли им. Айз Седай притворялись, что подчиняются ему, и за его спиной по-прежнему пили чай с Кадсуане и плясали под ее дудку.

Кадсуане была самой неподдающейся. Оставаясь всегда неподалеку, она пренебрегала его приказами и путала его замыслы. Ранд вынул ключ доступа и повертел его в руках. Последняя Битва уже недалеко, а он тратит драгоценное время на встречи с людьми, которые оскорбляют его. С каждым днем Темный все больше распускал Узор, а те, кто поклялся защищать границы, прятались в Фар Мэддинге.

Он глубоко вздохнул и огляделся. Что-то именно в этом коридоре казалось знакомым. Ранд не был уверен, почему — коридор выглядел таким же, как и все остальные. Красные и золотистые ковры.

Перекресток коридоров впереди.

Может быть, ему не стоило спускать с рук Порубежникам их неповиновение. Возможно, стоит вернуться и убедиться, что они научились бояться его. Но нет – они ему не нужны. Он предоставит Шончан разбираться с ними. Армия Порубежников пригодится, чтобы замедлить продвижение врагов Ранда здесь, на юге. Возможно, это заставит Шончан держаться подальше от его флангов, пока он разбирается с Темным.

Но... возможно, существовал способ окончательно остановить Шончан? Он посмотрел на ключ доступа. Однажды, сражаясь с

захватчиками, Ранд попытался использовать Калландор. Тогда он не понимал, почему меч так трудно контролировать. Только после провальной атаки Кадсуане рассказала то, что она о нем знала. Чтобы безопасно использовать меч, который не меч, Ранд должен объединиться в круг с двумя женщинами.

Это было его первое крупное поражение как военачальника.

Но сейчас у него есть инструмент получше. Самый мощный из когда-либо созданных. Никто, без сомнения, не сможет удержать Силы больше, чем он во время очищения саидин. Чтобы

выжечь Грендаль и Курган Нэтрина, потребовалась лишь крупица той Силы, которую мог использовать Ранд.

Если он обратит его против Шончан, тогда можно будет с уверенностью начинать Последнюю Битву и не беспокоиться о том, что подбирается к нему с тыла. Он дал им шанс. Несколько шансов. Он предупредил Кадсуане, сказал ей, что привяжет к себе Дочь Девяти Лун. Так... или иначе.

Это не займет много времени.

«Здесь, – сказал Льюс Тэрин. – Мы стояли здесь».

Ранд нахмурился. О чем бормотал безумец? Он огляделся.

Пол широкого коридора был выложен красной и черной плиткой. На стенах колыхались несколько гобеленов. Пораженный Ранд понял, что на некоторых изображено, как он захватывает Твердыню и с Калландором в руках убивает троллоков.

«Нашим первым поражением было не сражение с Шончан, — прошептал Льюс Тэрин. — Нет, наше первое поражение произошло здесь. В этом коридоре».

Он, измученный, продолжает сражение с троллоками и Мурдраалами. Боль пульсирует в боку. Твердыня еще звенит от криков раненых. И это ощущение, что он

может сделать что угодно. Что угодно.

Он стоит над трупом девочки. Совсем еще ребенок. Калландор сияет у него в руках. Внезапное движение ее тела.

Мореин остановила его. Оживить мертвеца превыше его сил, сказала она.

«Как хочется, чтобы она по-прежнему была рядом», – подумал Ранд. Она частенько раздражала его, но именно она лучше прочих понимала, что именно ему предначертано совершить. Даже когда он на нее злился, она заставляла его еще сильнее желать исполнения этого.

Ранд прогнал эти мысли. Морейн была права. Он не может вернуть жизнь тем, кто уже мертв. Но он очень хорошо нес смерть живым.

– Соберите своих сестер по копьё, – приказал Ранд через плечо своей айильской охране. – Мы готовимся к бою.

– Сейчас? – спросила одна из них. – Но уже сумерки!

«Я гулял так долго?» – с удивлением подумал Ранд.

– Да, – сказал он. – Темнота мне не мешает; я создам достаточно света.

Он потрогал ключ доступа и ощутил одновременно возбуждение и

ужас. Однажды он уже сбросил Шончан обратно в океан. Он сделает это снова. В одиночку.

Да, он заставит их отступить — по крайней мере, тех, кого оставит в живых.

— Идите! — крикнул он Девам. Они покинули его и убежали по коридору. Что случилось с его самообладанием? В последнее время лед стал тоньше.

Ранд вернулся к лестнице и поднялся на несколько пролетов прямо к своим покоем. Шончан познают его ярость. Они посмели рассердить Возрожденного Дракона? Он предложил им мир, а они насмеялись над ним?

Он рывком распахнул дверь в покои и, резко подняв руку, приказал замолчать Защитникам, которые охраняли комнату снаружи. Ранд был не в настроении выслушивать их болтовню.

Он ворвался внутрь и был раздосадован тем, что стража кого-то впустила. Спinoй к Ранду стояла незнакомая фигура и смотрела в открытые двери балкона.

— Что... — начал Ранд.

Мужчина развернулся. Этот человек ему знаком. Очень хорошо знаком .

Это Тэм. Его отец.

Ранд отступил. Видение? Хитроумная уловка Темного? Да нет,

это Тэм. Эти добрые глаза не дадут ошибиться. Будучи на голову ниже Ранда, Тэм, тем не менее, всегда казался надежнее всех окружающих, несмотря на широкую грудь и крепкие ноги, и не потому, что был силен – во время своих путешествий Ранд встречал людей и посильнее. Сила – ускользающая вещь. Просто Тэм #8209; настоящий. Надежный и реальный. Едва взглянув на него, можно ощутить покой.

Но покой противоречил тому, чем стал Ранд. Столкнулись его миры – человек, которым он был, и человек, которым он стал – столкнулись, словно струя воды и раскаленный добела камень. И

камень разбивается вдребезги, а вода превращается в пар.

Тэм в нерешительности стоял в проеме балкона, освещенный мерцающим огнем двух светильников на подставках. Ранд понимал нерешительность Тэма. Они не были родными отцом и сыном. Родной отец Ранда — Джандуин — был клановым вождем Таардад Айил. А Тэм — лишь тот, кто нашел Ранда на склонах Драконовой Горы.

Лишь тот, кто воспитал его. Лишь тот, кто научил его всему, что знал. Лишь тот, кого любил и уважал Ранд, и всегда будет любить и уважать, невзирая на степень их родства.

– Ранд, – выдавил из себя Тэм.

– Прошу тебя, – едва справившись с потрясением, сказал Ранд. – Прошу тебя, сядь.

Тэм кивнул. Он закрыл двери балкона, сделал несколько шагов и устроился на одном из стульев. Ранд тоже сел. Они уставились через комнату друг на друга. Каменные стены были голыми; Ранд предпочитал стены без украшений – гобеленов или картин. На полу лежал красно-желтый ковер – такой большой, что полностью закрывал пол от стены до стены.

Комната казалась слишком совершенной. Ваза со свежесрезанными лилиями дара и

цветками калимы стояла именно там, где нужно. Стулья в центре комнаты расставлены слишком правильно. Комната не выглядела обжитой, как и множество мест, где он останавливался. Это не было домом. С тех пор, как он покинул Двуречье, у него не было настоящего дома.

Тэм сидел на одном стуле, Ранд на другом. Ранд осознал, что он по-прежнему держит ключ доступа в руке, так что он поставил его перед собой на ковер с вышитым солнцем. Тэм бросил взгляд на культу Ранда, но ничего не сказал. Он сжал руки, словно хотел их чем-нибудь занять. Тэму всегда было приятнее

разговаривать о неприятном, когда его руки были заняты каким-нибудь делом, будь то проверка ремней в упряжи или стрижка овцы.

«Свет», – подумал Ранд, ощутив неожиданное желание обнять Тэма. Чувство близости и воспоминания захлестнули Ранда. Вот Тэм привозит бренди в гостиницу «Винный Ручей» к Бэл Тайн. Удовольствие, с каким он раскуривает свою трубку. Его терпение, его доброта. И полная неожиданность – клейменный цаплей меч. – «Я знаю его так хорошо. И все же в последнее время я редко думал о нем».

– Как... – сказал Ранд. – Тэм,

как ты добрался сюда? Как ты нашел меня?

Тэм тихо рассмеялся.

— Последние несколько дней ты безостановочно посылал гонцов во все большие города, приказывая им готовить свои войска к войне. Думаю, нужно быть слепым, глухим и пьяным, чтобы не понять, где тебя найти.

— Но я не посылал гонцов в Двуречье!

— Я был не в Двуречье, — сказал Тэм. — Некоторые из нас сражались вместе с Перрином.

«Ну конечно», — подумал Ранд. Найнив наверняка встречалась с Перрином — цвета тут же

закружились водоворотом – она так беспокоилась о нем и Мэте. Тэм легко мог вернуться вместе с ней.

Неужели он действительно беседовал с отцом? Ранд уже и не надеялся вернуться в Двуречье и когда-нибудь снова его увидеть. Ему было приятно, несмотря на неловкость. На лице Тэма стало больше морщин, чем раньше, а немногочисленные упрямые пряди черных волос наконец-то сдались и покрылись серебром. Но сам Тэм остался прежним.

Слишком многие изменились – Мэт, Перрин, Эгвейн, Найнив – и как здорово встретить человека из старой жизни, который остался

прежним. Тэм научил Ранда искать пустоту. Тэм казался Ранду скалой, что крепче самой Твердыни.

Тут настроение Ранда слегка омрачилось.

– Постой. Перрин использовал двуреченцев?

Тэм кивнул.

– Мы были нужны ему. Этот мальчик так великолепно балансировал на канате, что впечатлил бы любого артиста бродячего цирка. Он имел дело с Шончан и людьми Пророка, не говоря уже о Белоплащиках и королеве...

– Королеве? – сказал Ранд.

– Да, – сказал Тэм. – Хотя она

говорит, что больше не королева.
Мать Илэйн.

— Так она жива? — спросил Ранд.

— Жива, хотя благодарить надо не Белоплащников, — с отвращением ответил Тэм.

— Она уже виделась с Илэйн? — спросил Ранд. — Ты упоминал Белоплащников, как он наткнулся на Белоплащников? — Тэм начал было отвечать, но Ранд жестом прервал его. — Нет. Постой. Я могу получить отчет от Перрина, когда захочу. Я не желаю тратить наше общее время на то, чтобы ты работал гонцом.

Тэм слабо улыбнулся.

— Что? — спросил Ранд.

— Ах, сынок, — сказал он,

покачав головой и сведя перед собой широкие натруженные ладони, — они действительно все испортили. Они взяли и сделали из тебя короля. Что случилось с тем неуклюжим мальчишкой с удивленными глазами, встречающим Бэл Тайн? Где тот нерешительный паренек, которого я воспитывал все те годы?

— Он мертв, — немедленно сказал Ранд.

Тэм медленно кивнул.

— Я вижу. Ты... тогда должен знать... О...

— Что ты не мой отец? — предположил Ранд.

Тэм кивнул, опустив взгляд.

— Я знаю это с того дня, как

покинул Эмондов Луг, – ответил Ранд. – Ты говорил об этом в бреду. Какое-то время я отказывался верить в это, но в конце концов убедился.

– Да, – сказал Тэм. – Я вижу как. Я... – Он крепче сжал ладони. – Я никогда не хотел лгать тебе, сынок. Или, ну я полагаю, мне не стоит тебя так называть, не так ли?

«Ты можешь называть меня сыном, – подумал Ранд. – Ты мой отец». Не имеет значения, кто и что говорит. Но он не смог выдать из себя эти слова.

У Возрожденного Дракона не может быть отца. Отец – это слабость, которой могут воспользоваться, слабость даже

большая, чем женщина вроде Мин. Любовницы ожидаемы. Но Возрожденный Дракон должен быть легендарной личностью, созданием почти таким же значительным, как и сам Узор. Ему было сложно заставлять людей повиноваться и в сложившихся обстоятельствах. А что будет, если станет известно, что он держит поблизости своего отца? Если станет известно, что Возрожденный Дракон ищет поддержки у пастуха?

Тихий голосок в его сердце превратился в крик.

— Ты поступил правильно, Тэм, — неожиданно для себя сказал Ранд. — Не сказав мне правду, ты, вероятно,

спас мне жизнь. Если бы люди узнали, что я найденныш, да еще обнаруженный у Горы Дракона... непременно пошли бы слухи. Меня, скорее всего, убили бы еще в детстве.

— О, — сказал Тэм. — Ну, тогда я рад, что поступил так.

Ранд взял ключ доступа — с ним он чувствовал себя увереннее — и встал. Тэм поспешно последовал за ним, все больше напоминая слуг Ранда или его придворных.

— Ты сослужил мне хорошую службу, Тэм ал'Тор, — сказал Ранд. — Защитив и вырастив меня, ты возвестил о начале новой Эпохи. Мир перед тобой в долгу. Я прослежу, чтобы о тебе заботились

до конца твоей жизни.

— Я ценю это, милорд, — сказал Тэм. — Но это лишнее. У меня есть все, в чем я нуждаюсь.

Неужели он прятал усмешку? Возможно, это и правда прозвучало чересчур высокопарно. В комнате стало душно; Ранд повернулся, прошел по ковру и вновь распахнул двери балкона. Солнце и вправду село, и на город опустилась темнота. Свежий океанский бриз подул на Ранда, и он вышел к ограде балкона, в ночь.

Тэм подошел сзади.

— Боюсь, я потерял твой меч, — внезапно произнес Ранд. Это прозвучало глупо.

– Все в порядке, – произнес Тэм.

– В любом случае, не думаю, что хоть когда-нибудь был достоин этой вещи.

– Ты на самом деле мастер клинка?

Тэм кивнул.

– Полагаю, да. Я убил человека, который был им, убил на глазах многих свидетелей, но я никогда не простил себе этого. Хотя это и было необходимо.

То, что должно быть сделано, часто оказывается тем, что делать хочется меньше всего.

– Это чистейшая правда, насколько только это возможно, – сказал Тэм, тихо вздохнув и опершись на перила балкона. Внизу в

темноте начинали загораться огоньки окон. — Это так странно. Мой мальчик — Возрожденный Дракон. Я стал частью сказок, которые слышал, путешествуя по миру.

— Подумай, а что это значит для меня, — сказал Ранд.

Тэм усмехнулся.

— Да. Да, я думаю, ты в точности понимаешь, что я имею в виду, не так ли? Разве это не забавно?

— Забавно? — потряс головой Ранд. — Нет. Не сказал бы. Моя жизнь мне не принадлежит. Я марионетка в руках Узора и пророчеств, вынужденная плясать перед миром до тех пор, пока не перережут мои нити.

Тэм нахмурился.

— Это не так, сынок. То есть, милорд.

— Именно так.

Тэм сложил руки на гладких каменных перилах.

— Думаю, что могу понять. Я помню, как солдатом и сам испытывал подобные чувства. Ты знаешь, что я сражался против Тира? Думаешь, прибытие сюда вызывает у меня тягостные воспоминания? Но один враг часто становится похож на другого. Я ни на кого не держу зла.

Ранд поставил ключ доступа на перила, но крепко держал его. Он не опирался на ограждение, а продолжал стоять прямо.

– Солдату тоже не оставляют большого выбора, – сказал Тэм, тихо барабанив пальцами по перилам. – Все решения принимают люди поважнее. Полагаю такие, как ты.

– Но за меня выбор сделал сам Узор, – сказал Ранд. – У меня меньше свободы, чем у солдата. Ты мог сбежать, дезертировать. Или, по крайней мере, выбраться оттуда законным способом.

– А ты сбежать не можешь? – спросил Тэм.

– Не думаю, что Узор меня отпустит, – ответил Ранд. – То, что я делаю, слишком важно. Узор лишь втянет меня обратно. Это происходило уже десятки раз.

— А ты действительно хочешь убежать? — спросил Тэм.

Ранд не ответил.

— Я мог бросить те войны. Но, в то же время, и не мог, не предав самого себя. Я думаю, и ты считаешь так же. Имеет ли значение то, что ты можешь убежать, если знаешь, что этого не сделаешь?

— Когда все это закончится, я умру, — сказал Ранд. — И у меня нет выбора.

Нахмурившись, Тэм выпрямился. На мгновение Ранд снова почувствовал себя двенадцатилетним.

— Мне не нравятся подобные речи, — сказал Тэм. — Хоть ты и

Возрожденный Дракон, я не собираюсь это слушать. У тебя всегда есть выбор. Возможно, ты не можешь выбирать, куда идти, но выбор у тебя все же есть.

– Какой?

Тэм положил руку на плечо Ранда.

– Иногда выбор не в том, что делать, сынок, а в том, почему ты это делаешь. Когда я был солдатом, некоторые сражались просто из-за денег. Были и другие, которые сражались из преданности – или своим товарищам, или короне, или чему-то еще. Одни умирали за деньги, другие – из верности, и хотя и те, и другие умирали, но между

ними была разница. Одна смерть что-то значила. А другая – нет.

– Я не знаю, должен ли ты умереть, чтобы все это закончилось. Но мы оба знаем: ты не станешь от этого убегать. Как бы ты ни изменился, я вижу, что некоторые вещи остались прежними. Так что я не потерплю никаких жалоб.

– Я не жаловался... – начал Ранд.

– Я знаю, – сказал Тэм. – Короли не жалуются, они советуются. Казалось, он кого-то цитировал, хотя Ранд не мог понять, кого именно. Тэм коротко усмехнулся.

– Не бери в голову, – продолжил Тэм.- Ранд, я думаю, ты сможешь

выжить. Я не верю, что Узор не даст тебе хоть немного покоя, учитывая услугу, которую ты оказываешь всем нам. Но ты солдат, идущий на войну, а первым уроком для солдата является то, что он может умереть. И пусть тебе не дано выбирать свои обязанности. Но тебе дано выбирать, ради чего ты их исполняешь. Зачем ты вступаешь в битву, Ранд?

— Потому что должен.

— Это никуда не годится, — сказал Тэм. — К воронам эту женщину! Как бы я хотел, чтобы она пришла ко мне раньше. Если бы я знал...

— Какую женщину?

— Кадсуане Седай, — сказал Тэм.

— Она привела меня сюда и сказала, что мне нужно поговорить с тобой. До этого я держался подальше, так как думал, что последнее, в чем ты нуждаешься — это шатающийся неподалеку отец.

Тэм все говорил, но Ранд уже не слышал.

Кадсуане. Тэм пришел из-за Кадсуане. Не потому, что встретил Найнив и ухватился за эту возможность. Не потому, что просто хотел провести сына. Только потому, что его умело заставили прийти.

Эта женщина никогда не оставит Ранда в покое!

Его чувства при встрече с Тэмом вспыхнули с такой силой, что

растопили лед. Любовь и ненависть так похожи. И даже поодиночке они заставляют его чувствовать — а на это он отважиться не мог.

Но все же отважился. И неожиданно чувства едва не овладели им. Он вздрогнул, отворачиваясь от Тэма. Был ли их разговор очередной уловкой Кадсуане? Какова в ней роль Тэма?

— Ранд? — произнес Тэм. — Прости. Мне не стоило говорить об Айз Седай. Она сказала, если я упомяну ее имя, ты можешь разозлиться.

— Что еще она сказала? — требовательно спросил Ранд, развернувшись обратно к Тэму.

Крепкий мужчина нерешительно отступил. Его обдувал ночной воздух, город внизу был усеян огнями.

— Ну, — начал Тэм, — она попросила меня поговорить о твоём детстве, напомнить тебе о лучших временах. Она считает...

— Она мной управляет! — тихо сказал Ранд, встретившись с Тэмом взглядом. — И она управляет тобой. Все привязывают ко мне нити!

Внутри вскипела ярость. Он постарался усмирить ее, но это было так сложно. Куда делся лед, бывшее спокойствие? В отчаянии Ранд искал пустоту. Он попытался, как давным-давно учил его Тэм, сжечь все свои эмоции в пламени свечи.

Саидин ждала. Не задумываясь, Ранд ухватился за нее, и когда он сделал это, его захлестнули те самые чувства, которые, как он думал, отбросил. Пустота разбилась вдребезги, но сражающаяся саидин каким-то образом осталась с ним. Почувствовав подступившую тошноту, Ранд закричал и направил свой гнев против нее.

— Ранд, — сказал Тэм. — Ты должен прекрасно понимать, что...

— ЗАМОЛЧИ! — взревел Ранд, швырнув Тэма на пол потоком Воздуха. Ранд боролся и со своей яростью и с саидин. Они грозили раздавить его.

Вот почему он должен быть

сильным. Разве они не видят? Как человек может смеяться, когда ему противостоят такие силы?

– Я Дракон Возрожденный! – удерживая саидин, зарычал Ранд. На Тэма, на Кадсуане, на самого Создателя.

– Я не буду твоей марионеткой! – Он указал на Тэма ключом доступа. Его отец лежал на каменном полу балкона. – Ты явился от Кадсуане с притворной любовью. Но ты приготовил очередную из ее ниток, чтобы затянуть ее вокруг моей шеи! Почему вы не даете мне покоя?

Ранд потерял самообладание. Но ему было все равно. Они хотели, чтобы он чувствовал #8209; значит,

он будет чувствовать! Они хотели, чтобы он смеялся? Так он будет смеяться, глядя, как они горят!

Закричав, он сплел нити Воздуха и Огня. Льюс Тэрин истошно вопил у него в голове, саидин пыталась уничтожить их обоих, а тихий голосок в сердце Ранда пропал.

Перед Рандом, вырастая из центра ключа доступа, разгорался сгусток света. Ранд зачерпывал все больше силы, ключ доступа сиял все ярче, а перед ним свивались плетения погибельного огня.

Сквозь этот свет Ранд видел лицо смотревшего на него отца.

Смотревшего с ужасом.

Что я делаю?

Ранда начало трясти, и он расплел Погибельный Огонь, прежде чем пришло время выпустить его. Он отступил, охваченный ужасом.

«Что Я ДЕЛАЮ?» – спросил себя Ранд.

«Ничего такого, чего бы я не делал раньше», – прошептал Льюс Тэрин.

Тэм все еще смотрел на Ранда, его лицо было скрыто ночной тенью.

«О, Свет, – с ужасом, удивлением и яростью подумал Ранд. – Опять. Я чудовище».

С трудом цепляясь за саидин, Ранд сплел Переходные Врата в Эбу Дар и проскользнул в них, убегая от ужаса в глазах Тэма.

Глава 48. Изучая Комментарии

Сидя в крохотной комнате Кадсуане, Мин с остальными терпеливо дожидалась результатов встречи Ранда с отцом. Слабый огонь камина и светильники по углам комнаты освещали женщину,

пытавшихся отвлечься и скоротать время за вышивкой, вязанием или штопкой.

Мин уже перестала жалеть о том, что когда-то решила объединиться с Кадсуане. Сожаление приходило к ней раньше – в первые дни, когда Кадсуане держала Мин при себе и выпытывала все о видениях, касавшихся Ранда. Несносная женщина оказалась дотошной любой Коричневой, скрупулезно документируя каждое видение и его толкование. Все равно что снова оказаться в Белой Башне!

Каким образом заискивание Найнив перед Кадсуане позволило последней допрашивать Мин,

осталось загадкой. Тем не менее, именно так это восприняла Кадсуане. Из-за неловкости, которую Мин в последнее время испытывала рядом с Рандом, и непреодолимого желания докопаться до планов Кадсуане и Хранительниц Мудрости на его счёт, Мин практически постоянно находилась рядом с ней.

Последние сожаления об альянсе исчезли, уступив место покорности с ноткой отчаяния. Оказывается, Кадсуане была настоящим экспертом во всём, что касалось тем, упорно изучаемых Мин по книгам, но знаниями делилась как ежевичным вареньем – по ложечке за раз в награду за примерное

поведение. И всякий раз давала понять, что в «банке» осталось ещё много. Этим Кадсуане крепко подцепила Мин на крючок – она обязана раздобыть ответы!

Ранд в них нуждается!

С такими мыслями Мин склонилась над очередной книгой – работой Саджиус под общим названием «Комментарий к Дракону». Один отрывок чрезвычайно заинтриговал Мин несмотря на то, что авторы книг редко обращали на него внимание: «...И вознесёт он клинок Света в руках своих, и трое станут одним...»

Все толкователи считали его

слишком туманным по сравнению с другими пророчествами, провозглашавшими о взятии Рандом Твердыни или его кровью, пролитой на скалы Шайол Гул. О последнем она старалась не думать.

Основа всех пророчеств заключалась в том, что, приняв во внимание обстоятельства и пораскинув мозгами, они были довольно логичны. Даже строки, метившие Ранда Цаплями и Драконами, описывали реальные события.

Но что означала эта строка? Клинок Света практически точно означал Калландор. Но что такое «три станут одним»? Некоторые

учёные заявляли, что «трое» – это три великих столицы: Тир, Иллиан и Кэймлин. Или, если учёный происходил из Кайриэна, они превращались в Тир, Иллиан и Кайриэн. Проблема подобного толкования заключалась в том, что Ранд уже объединил гораздо больше, чем три столицы. Бандар Эбан уже под его контролем, и это не учитывая, что ему понадобится объединить Порубежные страны под его знаменем.

Но если подумать, то правил он лишь в трёх королевствах. Он отказался от Андора, но Кайриэн, Иллиан и Тир были непосредственно под его личным контролем, хотя

корону он носил всего одну. Возможно, для этого пассажа толкования учёных отражают истину, и Мин беспокоится попусту.

Может её исследования столь же бесполезны для Ранда, как и защита, которую она надеялась ему обеспечить? «Мин, – отдёрнула она себя, – жалость к себе не приведёт тебя никуда». Все, что ей осталось – исследовать, размышлять и надеяться.

– Это неправильно, – она случайно произнесла свои мысли вслух.

Услышав оскорбительное хмыканье Белдейн с противоположного конца комнаты,

Мин, нахмурившись, подняла глаза.

Поклявшиеся в верности Ранду Эриан, Несан, Сарен и Белдейн первыми почувствовали на себе перемену, возникшую вследствие его потери доверия к Айз Седай. Лишь Найнив разрешалось навещать Ранда регулярно. Ничего удивительного, что остальные оказались в «лагере» Кадсуане.

Что тогда сказать об её отношениях с Рандом? Он по-прежнему был рад обществу Мин — это не изменилось. Но что-то было неправильно, что-то сломалось. В её присутствии он отгораживался стеной — не прячась от неё, а запирая истинного себя внутри. Как будто

опасаясь того, что его сущность сотворит #8209; или способна сотворить #8209; с дорогими ему людьми...

Он вновь страдает, почувствовала через узы Мин. Какая ярость! Что там происходит? Она почувствовала укол страха, но подавила его. Она обязана положиться на план Кадсуане. Это хороший план.

Кореле и Мериса, теперь постоянно сопровождавшие Кадсуане, продолжали вышивать, расположившись в одинаковых креслах у камина. Именно Кадсуане предложила им занять чем-то руки, пока они ожидают. Похоже, что

легендарная Айз Седай редко делала что-либо без цели преподать урок. Из присутствующих Айз Седай только Белдейн дала клятву Ранду. Кадсуане, сидя рядом с Мин, также читала. Найнив бродила из угла в угол, изредка дёргая себя за косу. Царящее в комнате напряжение никем не обсуждалось.

О чем разговаривают Ранд и Тэм? Сможет ли отец Ранда на него повлиять?

В комнате было очень тесно. С тремя креслами у камина, скамьей у стены и Найнив, патрулирующей до двери и обратно, подобно сторожевой собаке, в комнате было не повернуться. Гладкий камень стен

создавал ощущение коробки с единственным окном, открытым за спиной Кадсуане. Комнату освещали угли в камине и лампы. В соседнем помещении шепотом переговаривались Стражи.

Да, комнатка тесновата, но, приняв во внимание изгнание Кадсуане, ей крупно повезло разжиться в Твердыне даже такой.

Вздохнув, Мин вернулась к *«Комментариям к Дракону»*. Непонятная фраза вновь заняла её мысли: *«И вознесёт он клинок Света в руках своих, и трое станут одним»*. Что же это означает?

– Кадсуане, – произнесла Мин, прикрыв книгу. – Я думаю, что

интерпретация этой фразы ошибочна.

Белдейн вновь, едва слышно, хмыкнула.

— Ты, кажется, что-то собиралась сказать, Белдейн? — произнесла Кадсуане, не отрываясь от чтения увесистого фолианта под названием *«Должное овладение Силой»*.

— Ничего особенного, Кадсуане Седай, — осторожно ответила Белдейн. Зелёная обладала смазливой мордашкой, выдающей её салдэйское происхождение. Слишком молодая для безвозрастных черт лица, она часто чрезмерно старалась доказать собственную значимость.

– Но ты, безусловно, что-то подумала, когда Мин заговорила, Белдейн, – повторила Кадсуане, перевернув страницу. – Ну же!

Белдейн слегка покраснела: только тот, кто провёл много времени с Айз Седай, способен подобное заметить. Они выражали эмоции, но внешне те почти не проявлялись. Если, конечно, речь не идет о Найнив. Хотя в последнее время она стала справляться лучше, всё же она осталась... Найнив.

– Я подумала, что, судя по тому, как она штудирует все эти трактаты, дитя возомнило себя учёным, – произнесла Белдейн. Мин расценила бы подобное как оскорбление, ответь

так большинство других, однако из уст Белдейн это прозвучало как констатация факта.

Кадсуане перевернула следующую страницу.

– Понятно. Мин, ты, кажется, хотела мне что-то сказать?

– Ничего важного, Кадсуане Седай.

– Я не спрашивала, было ли это важно, девочка, – резко продолжила Кадсуане. – Я попросила тебя повторить уже сказанное тобой. Ну же!

Мин вздохнула. Лишь Айз Седай способна настолько унижить собеседника – ведь она делала это без какого-либо злого умысла.

Однажды Морейн доходчиво объяснила причину подобного поведения: большинство сестёр считали своим долгом установить контроль над ситуацией, даже когда в этом не было большой нужды #8209; чтобы на случай кризиса люди знали, к кому обращаться. Мин это просто бесило.

— Я сказала, что толкование следующего отрывка неверно, #8209; повторила Мин. — В своих комментариях к Кариатонскому циклу Саджиус утверждает, что *«трое станут одним»* означает объединение трёх королевств под знаменем Дракона. Я же считаю, что он ошибается.

— Что же заставило тебя возомнить себя умнее уважаемого исследователя пророчеств? — поинтересовалась Кадсуане.

— Потому что, — вскинулась Мин, — в этом нет никакого смысла. Корона у Ранда всего одна. Не отдай он Тир Дарлину, тогда бы всё выглядело по-другому, но сейчас теория не в ладах с действительностью... Я думаю, фраза подразумевает какой-то способ, которым Ранд должен использовать Калландор.

— Должна признать, что это довольно нетрадиционная трактовка, — произнесла Кадсуане, перевернув следующую страницу. Белдейн, тонко

улыбнувшись, вернулась к вышивке. — Тем не менее, — добавила Кадсуане, — ты абсолютно права.

Мин удивлённо подняла голову.

— Именно этот отрывок вдохновил меня на исследование Калландора, — продолжила Кадсуане. — Изучив огромное количество трактатов, я обнаружила, что единственный безопасный способ использовать меч #8209; круг из трёх. Вероятно, это и есть правильное толкование пророчества.

— То есть это подразумевает, что Ранд использует Калландор в круге, — произнесла Мин, вновь взглянув на отрывок. Насколько она знала, до сих пор он не делал ничего подобного.

– Однозначно, – ответила Кадсуане.

Мин охватило радостное возбуждение. Найти такую подсказку! Она сможет помочь Ранду, сообщив о пророчестве! Хотя... Кадсуане нашла её раньше, соответственно, ничего действительно важного она не обнаружила.

– Смею надеяться, – продолжила Кадсуане, – что извинения не заставят себя ждать – дурные манеры неприемлемы.

Оставив вышивку, с потемневшим лицом Белдейн внезапно покинула комнату. Её страж, юный Ашаман-Солдат

Карлдин, покинув боковое помещение, пересек полную Айз Седай комнату и последовал за ней в коридор. Кадсуане демонстративно фыркнула и возобновила чтение. Дверь закрылась. Задержав на Мин тяжёлый взгляд, Найнив возобновила «патрулирование» комнаты. На взгляд Мин выражение лица Найнив в тот момент было очень красноречивым. Найнив обиделась, что всем кроме неё удаётся скрывать нервозность. Её также не радовало, что им не удалось обнаружить способ подслушать беседу Ранда и Тэма. И она до смерти боялась за Лана. Мин понимала – такой же клубок чувств связывал её и Ранда.

И вдруг... над головой Найнив возникла новая аура: она скорбно склонилась над чьим-то телом, в следующее мгновение видение пропало. Мин с досадой вздохнула. Если расшифровать это видение ей не удалось, то и тратить время на него и ему подобные не стоит. Например, недавно появившийся над головой Белдейн чёрный кинжал мог обозначать что угодно.

Она сосредоточилась на книге. Значит, Ранд должен использовать Калландор в круге? Трое станут одним? Но с какой целью и с кем? Если ему предстоит сразиться с Тёмным, тогда передать контроль кому-либо другому просто не имеет

смысла, или имеет?

— Кадсуане, — произнесла Мин. — Это всё равно неверно. Чего-то не хватает. Что-то мы упустили.

— О Калландоре? — поинтересовалась старуха. Мин кивнула. — Я также подозреваю, что трактовка неполная, — ответила Кадсуане. Такая откровенность с её стороны шокировала! — Что именно мы упустили, я не обнаружила. Ах, если бы этот глупый мальчишка отменил моё изгнание, можно было бы заняться более важными...

Дверь в комнату с грохотом распахнулась, заставив Мерису вздрогнуть от неожиданности. Найнив едва успела отскочить в

сторону от двери.

— Что, во имя Света, ты с ним сотворила? — прорычал с порога взбешенный Тэм ал'Тор. Кадсуане оторвалась от чтения:

— Ничего я с мальчишкой не делала, только попыталась обучить его хорошим манерам, которые, как я вижу, это семейное. Не помешало бы научиться вести себя и другим членам семьи.

— Попридержи свой язык, Айз Седай, — огрызнулся Тэм, — Ты хоть взглянула на него? Комната как будто потемнела, лишь он зашёл. Чего только стоят его глаза, во взгляде трупа и то больше эмоций! Что стряслось с моим сыном?

— Насколько я поняла, —
произнесла Кадсуане, —
воссоединение не состоялось?

Тэм глубоко вдохнул, и вдруг
гнев как будто вытек из него.
Несмотря на скованность движений
и недовольный взгляд, ярость
прошла. До случившегося в Бандар
Эбане Ранд не раз демонстрировал
подобный мгновенный
самоконтроль.

— Он пытался убить меня, —
бесстрастно произнёс Тэм, — Мой
сын. Когда-то он был добрым и
отзывчивым парнем, о котором
может мечтать любой отец. Этой
ночью он направил Единую Силу
против меня.

Мин в ужасе прикрыла рот рукой. Воспоминание о Ранде, сжавшем мёртвой хваткой её горло, вновь встало перед глазами. Но ведь это был не он! То была Семираг!

«О, Ранд, – подумала Мин, вспомнив неожиданную волну боли, просочившуюся ранее сквозь узы, – что же ты наделал?»

– Интересно, – ледяным голосом процедила Кадсуане, – ты сказал всё точно, как я велела?

– Поначалу, – ответил Тэм, – но сразу осознал, что это не сработает. Он отказывался говорить со мной по душам, да я и не виню его. Только подумать, общаться с сыном по сценарию Айз Седай! Не знаю, что

ты с ним сотворила, но ненависть я узнаю сразу. Тебе многое придётся объяснить...

Речь Тэма прервалась, когда он неожиданно взлетел к потолку.

— Я, кажется, предупреждала тебя насчёт манер, мальчишка? — спросила Кадсуане.

— Кадсуане! — промолвила Найнив, — нет никакой надобности...

— Всё в порядке, Мудрая, — успокоил её Тэм. Он впился взглядом в Кадсуане. Ранда выводило из себя, когда с ним обращались подобным образом. Насколько помнила Мин, остальные в ужасе вопили.

Тэм, не отрываясь, следил за ней.

— Я встречался с людьми, привыкшими решать все проблемы кулаками. Я никогда не любил Айз Седай, и с радостью от них избавился, вернувшись на ферму. Громила — он громила и есть, использует он кулаки или иные средства.

Кадсуане хмыкнула, но её задела слова Тэма, и она опустила его на пол.

— А теперь, — произнесла Найнив, словно именно она прервала пререкания Кадсуане с Тэмом, — вернёмся к делам по-настоящему важным. Как раз от тебя, Тэм ал'Тор, я ожидала другого результата. Разве мы тебя не предупредили, что Ранд

немного неуравновешен?

— Неуравновешен? #8209; переспросил Тэм. — Найнив, да этот парень почти обезумел. Что с ним случилось? Я помню, что бывает с людьми на войне, но это...

— Это не имеет значения, — промолвила Кадсуане. — Осознаёшь ли ты, дитя, что последняя возможность спасти твоего сына, скорее всего, безвозвратно упущена?

— Если бы ты заранее позаботилась объяснить, как он к тебе относится,- ответил Тэм, — я бы попробовал другой подход. Да испепели меня Свет! Вот оно, наказание, за то, что я следовал указкам Айз Седай.

— Это наказание за твою набитую шерстью башку и игнорирование наших инструкций! — вставила Найнив.

— Это урок нам всем, — сказала Мин, — за заблуждение в том, что *мы можем склонить* Ранда делать то, что пожелаем.

Комната мгновенно смолкла. Мин почувствовала Ранда далеко на западе.

— Он ушёл.

— Да, — скривился Тэм. — Он открыл один из этих проходов прямо на балконе. Оставил меня в живых, хотя, судя по выражению глаз, могу поклясться, собирался прикончить. Я прежде видел подобный взгляд у

мужчин. Обычно это заканчивалось трупом на залитой кровью земле.

– Что же произошло? – спросила Найнив.

– Он... казалось, вдруг что-то его отвлекло, – сказал Тэм. – Он схватил ту статуэтку и рванул через проход.

– Тебе, случайно, не удалось заметить, куда вёл этот проход? – выгнув бровь, спросила Кадсуане.

«Запад, – подумала Мин, – далеко на запад».

– Я не уверен, – признался Тэм, – было довольно темно, но мне показалось...

– Что показалось? – потребовала Найнив.

– Эбу Дар, – огорошила всех Мин, – он отправился уничтожить Шончан, как и пообещал Девам.

– Не знаю насчёт Шончан, – ответил Тэм, – но это место и, правда, было похоже на Эбу Дар.

– Храни нас Свет, – прошептала Кореле.

Глава 49. Просто человек

Ранд шел, спрятав культю в карман куртки и опустив голову. Ключ доступа, плотно завернутый в белую льняную тряпицу, висел в петле сбоку на поясе. На Ранда никто

не обращал внимания – просто еще один прохожий, бредущий по улицам Эбу Дар. Ничего особенного, разве что ростом повыше большинства. А что до рыжевато-золотистого цвета волос, то он, возможно, связан с примесью айильской крови. С недавних пор город был наводнен странным людом, приехавшим в поисках защиты у Шончан. Подумаешь, одним больше.

Любой человек, не способный направлять, мог обрести здесь стабильность. И безопасность.

Это его беспокоило. Они были его врагами. Завоевателями. Ранд был уверен, что на завоеванных землях не может быть мира. Там

должны царить ужас и страдание под пятой деспотичной власти. Но все было совсем не так.

Правда, если ты не способен направлять. То, что Шончан делали с этой частью жителей, ужасало. Не все было хорошо за этой ширмой благоденствия. И все равно — осознание того, как хорошо они обращались с остальным населением, шокировало.

Под стенами города разбили лагеря крупные таборы Лудильщиков. Группы фургонов, неделями не двигавшихся с места, начинали походить на деревеньки. Бродя среди них, Ранд слышал, как некоторые рассуждали о том, не осесть ли

здесь. Другие, разумеется, возражали... Они же были Лудильщиками, Странствующим Народом. Как им найти Песню, если не искать ее? Ведь в этом их призвание, как и в Пути Листа.

Прошлую ночь Ранд провел у одного из костров в их лагере, вслушиваясь в разговоры. Они приняли и накормили его, не спрашивая, кто он такой. Ранд смотрел на прогоравший до углей костер, пряча знак Дракона на руке. Ключ доступа был тщательно укрыт в кармане куртки.

Прежде он никогда не был в самом Эбу Дар, только на холмах к северу, где с Калландором в руках

противостоял Шончан. То было место его поражения. И вот он вернулся в Алтару. Но зачем?

Утром, едва открылись ворота, Ранд вместе с другими, прибывшими ночью, вошел в город. До рассвета всех приютили Лудильщики, которые, судя по всему, получали от Шончан продовольствие для припозднившихся путешественников. Лудильщики занимались не только этим. Они чинили котлы, шили форменную одежду и выполняли разную случайную работу. Взамен, впервые за свою долгую историю, они получили покровительство властей.

Ранд провел достаточно времени

среди айильцев, чтобы перенять некоторую долю их пренебрежения к Лудильщикам. Но это пренебрежение в нем боролось с его знанием о том, что Туата'ан во многих отношениях следовали более истинным, традиционным путям Айил. Ранд мог вспомнить, на что похожа подобная жизнь. В видениях Руидина он следовал Пути Листа. К тому же он видел Эпоху Легенд. Пусть и за несколько кратких мгновений, но он прожил эти жизни — жизни других людей.

Он шел по переполненным улицам влажного и душного города, пребывая в некотором изумлении. Прошлой ночью Ранд обменял у

Лудильщика свой ладный черный кафтан на простую коричневую куртку, оборванную понизу и местами заштопанную. Эта куртка была не из тех, что надел бы Лудильщик, тот просто взялся ее зашить для кого-то, кто так за ней и не вернулся. В этой куртке он не так выделялся, пусть даже и приходилось тащить ключ доступа в петле на поясе, а не прятать в глубоком кармане. Лудильщик дал и дорожный посох, на который Ранд, слегка сутулясь, опирался при ходьбе. Его рост мог привлечь внимание, а Ранд хотел быть неприметным.

Он чуть не убил отца. Его не принуждали к этому ни Семираг, ни

влияние Льюса Тэрина. Этому не было ни оправданий, ни отговорок. Он, Ранд ал'Тор, пытался убить своего собственного отца. Он зачерпнул Единую Силу, сплел потоки и едва не пустил их в дело.

Ярость ушла, сменившись отвращением. Он хотел стать твердым. Он нуждался в твердости. И вот к чему это привело. Льюс Тэрин мог свалить свои зверства на безумие. У Ранда подобного оправдания не было — от себя самого ни спрятаться, ни укрыться.

Эбу Дар. Оживленный, разросшийся город, разделенный надвое широкой рекой. Ранд шел по западной его части через

обрамленные красивыми статуями площади, по улицам с тянущимися ряд за рядом белыми домами, преимущественно многоэтажными. Он часто проходил мимо дерущихся на кулаках или ножах мужчин, и никто не делал попыток их разнять. Даже женщины носили подвешенные на шее кинжалы в украшенных драгоценными камнями ножнах, покоившихся в глубоких вырезах платьев с разноцветными нижними юбками.

Ранд ни на кого не обращал внимания. Он размышлял о Лудильщиках. Здесь они в безопасности, а в его империи не был в безопасности даже

собственный отец Ранда. Друзья Ранда боялись его, он видел это в глазах Найнив.

Местные жители не были напуганы. Офицеры Шончан в этих насекомоподобных шлемах проходили сквозь толпу, и люди уступали им дорогу из уважения, а не из страха. Из разговоров обывателей Ранд слышал, что окружающие были рады стабильности. Да они превозносили Шончан за то, что те завоевали их!

Ранд прошел по короткому мостику через канал. По воде лениво проплывали маленькие лодки, лодочники приветствовали друг друга. Похоже, город застраивался

беспорядочно, безо всякой планировки: там, где Ранд ожидал увидеть жилые дома, обнаруживались лавки — самые разные — и не сгруппированные по товарам, как в большинстве городов, а раскиданные как попало. По другую сторону моста он прошел мимо высокого белого особняка, а затем мимо расположенной прямо рядом с ним таверны.

На какой-то улице Ранда толкнул мужчина в ярком жилете, а потом длинно и слишком вежливо извинялся. Ранд поспешил уйти, пока мужчина не вызвал его на поединок.

Народ не выглядел угнетенным.

Не было скрытого недовольства. Шончан властвовали в Эбу Дар куда лучше, чем Ранд в Бандар Эбане, а люди здесь были довольными — даже процветающими! Конечно, Алтара никогда не была сильным королевством. От своих наставников Ранд знал, что далеко за пределы города власть Короны не распространялась. Во многом это относилось и к другим захваченным Шончан местам. Тарабон, Амадиция, Равнина Алмот. Где-то положение было более устойчивым, чем в Алтаре, где-то дела обстояли хуже, но все они хотели уверенности в будущем.

Остановившись,

Ранд

прислонился к очередному белому зданию, на этот раз лавке коновала. Он поднял культю к голове, пытаясь прояснить мысли.

Он не хотел вспоминать о том, что чуть не сделал там, в Твердыне. И не хотел думать о том, что сделал: как швырнул Тэма потоками воздуха на пол, как угрожал ему и буйствовал.

Ранд не мог на этом сосредотачиваться. Он прибыл в Эбу Дар не для того, чтобы таращить глаза, как какой-нибудь мальчишка из деревни. Он прибыл уничтожить своих врагов! Они бросили ему вызов и должны быть уничтожены. На благо всех народов.

Но если он зачерпнет через ключ доступа столько Силы, то какие вызовет разрушения? Сколько жизней прервет? И не зажжет ли он маяк для Отрекшихся, как при очищении саидин?

«Пусть приходят». Он выпрямился. Он мог их уничтожить.

Пришло время атаковать. Время выжечь Шончан с этой земли. Он отложил посох в сторону и вытащил ключ из петли на поясе, но не смог заставить себя выпутать его из льняной тряпицы. Некоторое время Ранд смотрел на него, держа в руке, потом пошел дальше, бросив посох валяться на улице. Странно ощущать себя просто чужеземцем, одним из

многих. Мимо этих людей шел Дракон Возрожденный, а его не узнавали. Для них Ранд ал'Тор был далеко. Последняя Битва была менее важной по сравнению с тем, довезут ли они своих цыплят до рынка, выздоровеет ли их сын от кашля, будет ли им по карману новый шелковый наряд, которого им так хотелось.

Они не узнают Ранда, пока он их не уничтожит.

«Это будет милость, — прошептал Льюс Тэрин. — Смерть всегда милость». Безумец не казался таким сумасшедшим, как раньше. Фактически его голос стал до ужаса похож на голос самого Ранда.

Ранд остановился на середине очередного моста, рассматривая огромный белоснежный дворец, обитель шончанского двора. Он возвышался на четыре этажа. Основания четырех куполов были окольцованы золотом, и еще больше золота сияло на макушках множества шпилей. Там могла находиться Дочь Девяти Лун. Ранд может придать этим стенам чистоту, которой они никогда не знали, совершенство. Здание, в каком-то смысле, станет на мгновение завершенным – перед тем, как уйдет в небытие.

Ранд развернул ключ доступа: просто еще один чужестранец, стоящий на грязном мосту. После

разрушения дворца ему придется действовать быстро. Он отправит несколько вспышек погибельного огня уничтожить корабли в гавани, затем использует что-нибудь более приземленное, обрушив огненный дождь на сам город, чтобы создать панику. Хаос задержит ответный удар врага. После этого он Переместится к казармам у городских ворот и уничтожит их. Он отрывочно помнил доклады разведчиков о военных лагерях к северу, хорошо укомплектованных и солдатами, и продовольствием. Затем Ранд расправится с ними.

Оттуда он должен будет отправиться в Амадор, потом в

Танчико и далее. Он будет Перемещаться быстро, никогда не задерживаясь на одном месте надолго, чтобы Отрекшиеся его не поймали. Как мерцающий свет смерти, как тлеющий уголек, оживающий то здесь, то там. Погибнут многие, но большинство из них будут Шончан. Захватчики.

Ранд пристально посмотрел на ключ доступа. Затем схватился за саидин.

Дурнота накатила на него сильнее, чем когда-либо прежде. Ее сила сбила Ранда на землю, словно ударив физически. Он закричал, едва заметив, когда упал на камни. Он стонал, крепко сжимая ключ

доступа, свернувшись вокруг него. Казалось, все его внутренности жжет огнем. Он повернул голову, переворачиваясь на бок, и его вырвало на мостовую.

Но он удержал саидин. Сила была нужна ему. О, эта сочная, прекрасная сила. Когда он был полон Силы, даже вонь его собственной рвоты казалась более реальной, более сладостной.

Ранд открыл глаза. Вокруг него собирались обеспокоенные люди. Приближался шончанский патруль. Пора. Он должен ударить.

Но он не мог. Эти люди выглядели встревоженными, взволнованными. Им было

небезразлично, что с ним.

Закричав от отчаяния, Ранд открыл врата, заставив потрясенных людей отскочить. Он поднялся и, спотыкаясь, на четвереньках бросился сквозь проход, пока шончанские солдаты выхватывали мечи и выкрикивали что-то непонятное.

Ранд приземлился на большом каменном черно-белом диске. Его окружала темная пустота. Портал закрылся, оставив Эбу Дар позади, и диск двинулся. Он плыл сквозь пустоту, освещаемый каким-то странным рассеянным светом. Ранд, баюкая ключ доступа и, глубоко дыша, свернулся на диске калачиком.

«Почему я не могу быть сильным? — Он не знал, чья это мысль — его или Льюса Тэрина. Они двое стали единым целым. — Почему я не могу сделать то, что должен?»

Площадка перемещалась недолго, единственным звуком в пустоте было его дыхание. Диск выглядел как одна из печатей на узилище Темного, разделенный пополам волнистой линией, отделяющей черное от белого. Ранд лежал прямо посередине. Черную половину называли Клыком Дракона. Для людей это был символ зла. Разрушения.

Но Ранд был необходимым разрушением. Для чего тогда Узор

так усердно направлял его, если ему не нужно было разрушение? Вначале он пытался избегать любых убийств, но безуспешно. Потом запретил себе убивать женщин. И это тоже оказалось невозможным.

Он был разрушением. Он просто должен был принять это. Кто-то же должен быть достаточно твердым, чтобы сделать то, что должно – разве нет?

Врата открылись, и, вцепившись в ключ доступа, Ранд, шатаясь, поднялся на ноги. Он сошел с платформы для Скольжения на пустой луг. То самое место, где он с Калландором в руке сражался против Шончан. И проиграл.

Он долго его разглядывал, глубоко дыша, затем сплел другой проход. Он открывался на покрытую снегом площадку. На Ранда обрушился порыв ледяного ветра. Хрустя снегом под ногами, он прошел через врата и закрыл их за собой.

Перед ним распростерся весь мир.

«Почему мы пришли сюда?» – подумал Ранд.

«Потому, – ответил Ранд. – Потому что мы сделали это. Здесь мы умерли».

Он стоял на самой вершине Горы Дракона, одинокого пика, возникшего там, где три тысячи лет

назад покончил с собой Льюс Тэрин. С той стороны, где склон горы открывался разорванной изнутри бездной, он мог заглянуть на сотни футов вниз. Отверстие было громадным — намного больше, чем казалось сбоку. Широкий овал, полный багрового, пылающего, бурлящего камня. Будто бы кусок горы просто-напросто отсутствовал, был выдран: вершина все так же возносилась в небо, но часть горы просто исчезла.

Ранд пристально смотрел в эту бурлящую бездну. Точь-в-точь как в пасть зверя. Снизу тянуло жаром, и в небо, закручиваясь, взлетали хлопья пепла.

Сумрачное небо над его головой затянули тучи. Земля казалась столь же далекой, едва видимой, похожей на лоскутное одеяло. Вот зеленый лоскут — это лес. А там шов — река. К востоку на реке он увидел маленькую точку, похожую на плывущий лист, подхваченный крошечным потоком. Тар Валон.

Ранд сел, снег заскрипел под его весом. Он поставил ключ доступа перед собой в сугроб и сплел потоки Воздуха и Огня, чтобы сохранить тепло.

Потом положил локти на колени, а подбородок на руки, и уставился на статуэтку мужчины со сферой.

Надо поразмыслить.

Глава 50. Золотые ЖИЛЫ

Ветер свистел вокруг Ранда, сидящего на крыше мира. Плетение из Воздуха и Огня растопило снег вокруг него, обнажив зазубренную темно-серую верхушку скалы в три шага шириной. Пик был похож на сломанный ноготь, торчащий в небо, и Ранд сидел на его вершине. Он не

сомневался, что это была самая макушка Драконовой Горы. Возможно, высочайшая точка мира.

Он сидел на небольшой очищенной от снега площадке, прямо перед ним на камне стоял ключ доступа. Воздух здесь был разрежен, и Ранду сперва было тяжело дышать, пока он не сообразил, как направить Воздух, чтобы сгустить его вокруг себя. Он не был точно уверен, что знает каким образом сделал это — как и в случае с плетением, которое согревало его. Он смутно припоминал, что Асмодиан пытался научить его подобному плетению, но в то время Ранд не был способен выполнить его правильно. А теперь

это пришло само по себе. Было ли это влияние Льюса Тэрина, или же он просто стал опытней во владении Единой Силой?

Изломанный, распахнутый зев Драконовой Горы лежал в нескольких сотнях футов внизу чуть левее Ранда. Едкий запах пепла и серы ощущался даже на таком расстоянии. Пасть горы была черной от пепла и красной от расплавленного камня и вспыхивающих огней.

Он всё еще удерживал Источник, не осмеливаясь отпустить его. Последний раз, когда он ухватился за саидин, был хуже всех, что он мог припомнить, и он боялся, что

тошнота свалит его, если он попытается еще раз.

Он находился здесь уже несколько часов и всё еще не чувствовал усталости. Он смотрел на тер'ангриал. И думал.

Что он есть на самом деле? Что такое Дракон Возрожденный? Символ? Жертва? Меч, призванный уничтожить всё? Рука, укрывающая и защищающая?

Марионетка, раз за разом играющая свою роль в спектакле?

Он был зол. Зол на весь мир, на Узор, на Создателя, который бросил человечество сражаться с Темным, не оставив никаких указаний. По какому праву все они требовали от

Ранда отдать его жизнь?

Что ж, Ранд предложил им свою жизнь. Прошло немало времени, прежде чем он смог принять неизбежность собственной смерти, но он смирился с этим. Разве этого недостаточно? Неужели он должен страдать до самого конца?

Он считал, что если станет достаточно твердым, то перестанет испытывать эту боль. Если он не сможет чувствовать, то не будет и страдать.

Раны в боку пульсировали, причиняя мучения. На какое-то время он смог забыть о них. Но смерти, причиной которых он стал, оставили на его душе кровоточащие

следы. Список начинался с Морейн. Всё пошло наперекосяк с её смертью. До того момента у него еще была надежда.

До того момента он еще ни разу не был в сундуке.

Он понимал, что от него потребуется, и изменился так, как ему казалось необходимым. Все эти изменения были призваны уберечь его от поражения. Умереть, чтобы защитить неизвестных ему людей? Быть избранным, чтобы спасти человечество? Избранным, чтобы заставить страны объединиться под его началом, уничтожив тех, кто отказывается повиноваться? Избранным, чтобы стать причиной

смерти тысяч людей, сражавшихся под его знаменами, чтобы держать на своих плечах их души, бремя, которое он должен нести? Какой человек сможет сделать всё это и остаться в своем уме? Он видел единственный способ справиться с этим. Отключить все эмоции, сделать себя квейндияром.

Но он потерпел неудачу. Он не смог искоренить все свои чувства. Голос внутри был очень тихим, но он терзал его, будто иглой, делая маленькие ранки в его сердце. Даже через самую маленькую ранку будет вытекать кровь.

Через эти ранки из него вытечет вся кровь до последней капли.

Теперь тот тихий голос исчез. Пропал, когда он швырнул Тэма на пол и едва не прикончил его. Без этого голоса осмелится ли Ранд продолжить начатое? Если тот голос был последним остатком прежнего Ранда – Ранда, который верил, что знает, как отличить правильное от неправильного – то что означает его молчание?

Ранд взял ключ доступа и поднялся, скрипнув сапогами по камню. Стоял полдень, хоть солнце всё ещё было скрыто облаками. Далеко внизу были видны холмы и леса, озера и селения.

– А что если я не хочу, чтобы Узор продолжал плестись? – заорал

он. Он шагнул на самый край скалы, прижимая статуэтку к груди.

— Мы живем одни и те же жизни! — закричал он им всем. — Снова, снова и снова. Делаем те же ошибки. Королевства совершают одни и те же глупости. Правители подводят своих людей раз за разом. Люди причиняют боль и ненавидят, умирают и убивают!

Ветер бил его, трепал его коричневый плащ и богатые тайренские штаны. Но его слова, подхваченные ветром, разнеслись эхом по изломанным скалам Драконовой Горы. Свежий воздух был морозным и бодрящим. Плетение согревало Ранда

достаточно, чтобы он выжил, но не ограждало его от царившего здесь холода. Да он и не хотел этого.

— Что если я считаю всё это бессмысленным? — громко спросил он королевским тоном. — Что если я не хочу, чтобы оно вращалось? Мы живем за счет крови других! И про них забывают. Что хорошего в том, что всё, о чём мы знаем, исчезнет? Великие деяния или великие трагедии — всё это ничего не значит! Они станут легендами, потом об этих легендах забудут, и всё начнется снова!

Ключ доступа в его руках начал мерцать. Облака над ним, казалось, сгустились и потемнели.

Гнев Ранда бился в такт с его сердцем, желая высвободиться.

– Что если он прав? – орал Ранд.
– Что если и вправду лучше, чтобы всё это закончилось? Что если Свет всегда был одной лишь ложью, и все это только наказание? Мы живем снова и снова, слабея, умирая, навечно пойманные в эту ловушку. Мы всё время вынуждены страдать!

Сила наполнила Ранда, как поднявшиеся волны – новый океан. Он вернулся к жизни, упиваясь сладостью саидин, нисколько не заботясь о том, что его сияние должно быть великолепно видно любому способному направлять мужчине, где бы тот ни находился.

Он чувствовал, как сияет Силой, словно солнце над миром.

– НИЧТО ИЗ ЭТОГО НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ!

Он закрыл глаза, вбирая в себя всё больше и больше Силы, чувствуя себя так, как прежде было лишь дважды. Один раз – когда очистил саидин. Другой – когда сотворил эту гору.

Затем он зачерпнул еще больше.

Он знал, что так много Силы уничтожит его, но это уже перестало его тревожить. Ярость, что годами копилась в нем, наконец-то вскипела, ничем не сдерживаемая, окончательно вырвавшись на волю. Он широко раскинул руки, сжав в

правой ключ доступа. Льюс Тэрин поступил правильно, убив себя и создав Драконову Гору. Но он зашел недостаточно далеко.

Ранд помнил тот день. Дым, грохот, острая боль Исцеления, вернувшего ему ясность рассудка, когда он лежал на полу полуразрушенного дворца. Но та боль померкла в сравнении с мукой осознания того, что он наделал. Невыносимо было видеть некогда прекрасные стены разбитыми и изуродованными. Видеть груды знакомых тел, разбросанных по полу, словно ненужное тряпье.

Видеть
Илиену,
распростершуюся неподалеку, а её

золотые волосы разметались по полу.

Он чувствовал, как дворец вокруг него содрогается от рыданий самой земли. Или это Драконова Гора трепетала от огромного количества Силы, которое он зачерпнул?

Он чувствовал переполнявшие воздух запахи крови, копоты, смерти и боли. Или то был запах раскинувшегося перед ним умирающего мира?

Ветры, кружась, принялись хлестать его, огромные облака над ним закручивались, словно древние левиафаны, проплывающие в темных морских пучинах.

Льюс Тэрин ошибся. Он умер,

но оставил этот мир живым, хоть и раненым, но продолжающим с трудом двигаться вперед. Он позволил Колесу Времени продолжить поворачиваться, вращаться, гнить и раз за разом возвращать его к жизни. Этого он избежать не смог. Не смог, не покончив со всем сразу.

— Почему? — прошептал Ранд заворачивающимся вокруг него ветрам. Мощь, текущая к нему через тер'ангриал, была даже больше, чем та, которую он удерживал при очищении саидин. Возможно, больше, чем когда-либо удерживал любой человек. Мощь, достаточная для того, чтобы разрушить сам Узор и

принести миру окончательный покой.

– Почему нам приходится делать это снова? – зашептал он. – Я уже однажды потерпел поражение. Она погибла от моей руки. Почему вам так нужно заставлять меня снова проходить через это?

Небо над ним расколола молния, ударил гром. Ранд закрыл глаза, возвышаясь над проломом, который обрывался на тысячи футов вниз, в самом сердце ледяной бури. Сквозь прикрытые веки он мог ощущать ослепительный свет ключа доступа. Сила, переполнявшая его, заставляла этот огонек казаться крошечным. Он был само солнце. Он был сам огонь.

Он была сама жизнь и смерть.

Почему? Почему они должны проходить через это снова и снова? Мир не мог дать ему ответа.

Ранд воздел руки, он был средоточием мощи и энергии. Воплощением смерти и разрушения. Он покончит с этим. Покончит со всем этим и позволит людям наконец-то отдохнуть от их страданий.

Прекратит все эти бесконечные проживания жизней заново – снова и снова. Почему? Почему Создатель сотворил с ними такое? Почему?

– *Почему мы живем снова?* - внезапно спросил Льюс Тэрин. Его голос был четким и ясным.

– Да, – взмолился Ранд. –

Ответь. Почему?

– *Возможно...* – на удивление здраво ответил Льюс Тэрин, в его голосе не было и намека на безумие. Он говорил мягко и благоговейно. – *Почему? Разве что... Может быть, нам дается второй шанс.*

Ранд застыл. Ветры хлестали его, но им не по силам было сдвинуть его. Сила внутри замерла в ожидании, словно занесенный, дрожащий над шеей осужденного топор палача. «Возможно, тебе не дано выбирать свои обязанности, – воспоминанием отозвался в его голове голос Тэма. – Но тебе дано выбрать, почему ты выполняешь их».

Почему, Ранд? Почему ты идешь на битву? Ради чего?

Так почему?

Все замерло. Даже несмотря на бурю, ветра, раскаты грома. Всё стихло.

«Почему? - удивленно подумал Ранд. – Потому что каждый раз мы живем и каждый раз любим.»

Вот ответ. Все пронеслось перед его глазами: прожитые жизни, совершенные ошибки – и любовь, что всё меняла. Он видел внутренним взором весь мир, освещенный сиянием в его руках. Он вспомнил жизни – сотни, тысячи, бессчетное количество жизней. Он вспомнил любовь, покой, радость и надежду.

В этот миг ему пришло на ум нечто удивительное. «Если я снова живу, значит, и она тоже может!»

Вот почему он сражается. Вот почему он живет снова. И это ответ на вопрос Тэма. «Я сражаюсь, потому что в последний раз я проиграл. Я сражаюсь, потому я хочу исправить всё, что сделал неправильно. Я хочу поступить верно на этот раз».

Сила внутри него достигла своего пика, и он направил её обратно, пропустив через ключ доступа. Этот тер'ангриал был соединен с намного большей силой – с огромным са'ангриалом на юге, созданным, чтобы остановить

Темного. Слишком могущественным, как поговаривали. Слишком могущественным, чтобы когда-либо быть использованным. Слишком пугающим.

Ранд обратил собственную мощь са'ангриала против него самого, давя далекую сферу, раскалывая её, словно в хватке гигантских ладоней.

Чойдан Кэл взорвался.

Сила вытекла из Ранда.

Буря прекратилась.

А Ранд впервые за долгое время открыл глаза. Каким-то образом он знал, что больше никогда не услышит голос Льюса Тэрина в своей голове. Ведь они не два разных человека и никогда ими не были.

Он посмотрел на мир далеко внизу. В затянувших небо облаках наконец-то появился просвет, пусть только и над его головой. Мгла рассеялась, и он увидел солнце прямо над собой.

Ранд поднял к нему взгляд. Потом улыбнулся. И наконец, разразился низким смехом, чистым и искренним.

Он так давно не смеялся.

Эпилог. Проблеск Света

Эгвейн работала при свете двух бронзовых ламп. Они представляли собой скульптуры женщин, поднявших вверх сцепленные руки. На ладонях каждой женщины помещался фитиль лампы с огоньком. Мягкий желтый свет отражался на изгибах их кистей, руках и лицах. Олицетворяли ли они Белую Башню и Пламя Тар Валона или являлись изображением Айз Седай, сплетающих потоки Огня? Возможно, они были просто пережитком предпочтений

предыдущей Амерлин.

Они стояли по обе стороны ее письменного стола — наконец-то приличного стола с соответствующим креслом. Она работала в кабинете Амерлин, который очистили от всех напоминаний об Элайде. В итоге он остался почти пустым с оголенными стенами из деревянных панелей без единого гобелена или рисунка, а на столе не осталось никаких предметов. Даже книжные полки опустошили, чтобы никакая вещь, оставшаяся от Элайды, не могла оскорбить Эгвейн.

Едва Эгвейн увидела, что они наделали, она приказала собрать все

вещи Элайды и спрятать под замок, под надежную охрану женщин, которым она доверяла. Возможно, нечто, спрятанное в ее вещах, поможет натолкнуть на разгадку ее планов. Это могут быть просто записки, оставленные в книгах для дальнейшей работы. Или удастся найти связь между книгами, которые она читала, или вещами в ящиках ее письменного стола. Ведь у них не было возможности допросить саму Элайду, и не осталось никаких подсказок, какие из ее интриг позднее обернулись бы поражением Белой Башни. Эгвейн собиралась взглянуть на эти вещи и опросить каждую Айз Седай в Белой Башне,

чтобы вытрясти из них все, что они могут скрывать.

Но сейчас у нее нет времени. Она покачала головой, перевернув страницу доклада Сильвианы. Женщина полностью оправдала ее надежду на то, что она будет ценной Хранительницей, значительно лучшей, чем была Шириам. Лоялистки очень уважали Сильвиану, и даже Красные, хотя бы частично, приняли от Эгвейн предложение мира путем избрания Хранительницы из их числа.

Конечно же, была и ложка дегтя. Эгвейн получила пару резких недовольных писем — одно от Романды, второе от Лилейн. Обе

прекратили свою, и без того шаткую, поддержку почти так же быстро, как когда-то ее предложили. Теперь обе горячо обсуждали, как поступить с *дамани*, плененными Эгвейн во время рейда на Белую Башню, и ни одной из них не нравился план Эгвейн их учить, чтобы сделать из них Айз Седай. Похоже, что Романда с Лилейн еще многие годы будут доставлять ей беспокойство.

Она отложила доклад. Был ранний вечер, и сквозь ставни на ее балконе в комнату проникал свет. Она не открывала их, предпочитая спокойный полумрак. Она наслаждалась уединением.

Сейчас ей была безразлична

скудность обстановки. Действительно, та слишком отчетливо напоминала ей кабинет Наставницы Послушниц — но никакие украшения на стенах не смогут заставить ее забыть, что пост Хранительницы Летописей Эгвейн занимает Сильвиана собственной персоной. И это хорошо. С какой стати Эгвейн забывать те дни? Они хранят память об одних из самых радостных ее побед.

Хотя, конечно, она предпочитает сидеть не морщась.

Она слабо улыбнулась, проглядывая следующий доклад Сильвианы. Потом нахмурилась. Большая часть Черной Айя из Белой

Башни сумела скрыться. В этом отчете, написанном аккуратным, слитным подчерком Сильвианы, говорилось, что за время, прошедшее после возвышения Эгвейн, им удалось схватить несколько Черных, но только самых слабых. Большинство – около шестидесяти Черных сестер – сумело сбежать, включая, как и заметила ранее Эгвейн, одну Восседающую, имени которой не было в списке Верин. Исчезновение Эванеллейн недвусмысленно указывало на ее принадлежность к Черным.

Нахмурившись своим мыслям, Эгвейн взяла следующий доклад. Это был длинный список на несколько

листов, содержащий имена всех женщин в Башне, разбитый по их Айя. Многие имена были помечены: «Черная, бежала»; «Черная, схвачена» или «Захвачена Шончан».

Последняя группа вызывала горечь. Саэрин, весьма прозорливо, сразу после нападения составила перечень всех похищенных.

Той ночью были схвачены и похищены почти сорок воспитанниц Башни, свыше двух дюжин из них — Айз Седай. Это было похоже на страшные истории, которые рассказывают детишкам на ночь про Исчезающих или Полулюдей, крадущих непослушных детей. Этих женщин будут избивать, лишат

свободы и превратят в не более чем инструмент.

Эгвейн сдержалась, не позволив руке потянуться к шее, где когда-то ее стягивал ошейник. Она не станет сосредотачиваться на этом прямо сейчас, чтоб им сгореть!

Всех Черных из списка Верин видели целыми и невредимыми сразу после атаки Шончан. Но большая часть из них сбежала до прибытия Эгвейн в Башню и занятия Престола. Сбежала Велина, так же, как Чаи, Бирлен... и Алвиарин. Охотницы за Черными не сумели вовремя ее перехватить.

Что их испугнуло? К сожалению, вероятно, это было связано с

расправой Эгвейн над Черными в лагере мятежниц. Она опасалась, что не справится. А что ей оставалось делать? Ее единственной надеждой было схватить всех Черных в лагере и надеяться, что слухи не доберутся до Белой Башни.

Но вышло наоборот. Она поймала оставшихся и казнила их. После она настояла на повторном принесении клятв на Клятвенном Жезле каждой сестрой в Башне. Конечно, им все это не понравилось. Но известие о том, что через это прошли все мятежницы, заставило их подчиниться. Если не это, то, возможно, новость о том, что Эгвейн казнила собственную Хранительницу

Летописей. Для всех было явным облегчением, когда Сильвиана вызвалась первой и поклялась перед всем Советом. Эгвейн была следующей, вновь принеся все клятвы, после чего честно рассказала Совету, что видела собственными глазами, как каждая женщина в лагере подтвердила, что не является Приспешницей Темного. Они выявили еще троих Черных, не оказавшихся в списке Верин. Всего троих. Какая тщательность! Верин вновь подтвердила свою надежность.

Эгвейн отложила этот доклад. Знание об ускользнувших Черных до сих пор жгло ей нутро. Ей были известны имена шестидесяти

Приспешниц Темного, и все они ускользнули из ее хватки. Общий список, включая сбежавших из лагеря мятежниц, вырос до восьмидесяти имен.

«Я найду тебя, Алвиарин, — подумала Эгвейн, постукивая по списку пальцем. — Я найду каждую. Вы были гнилью в Башне, и наихудшей из возможных. Я не позволю вам ее распространять».

Она отложила бумагу в сторону и взяла следующий лист. На нем было всего несколько имен. Список всех женщин, которых не оказалось в списке Верин и кто был похищен Шончан или пропал сразу после рейда.

Верин полагала, что в Башне прячется одна из Отрекшихся — Месана. Признание Шириам это подтверждало. Повторное принесение клятв каждой Айз Седай под присмотром Эгвейн не выявило ни одного сильного Приспешника Тени. Возможно, совместное принесение клятв уже само по себе снизит напряженность между Айя. Они перестанут бояться, нет ли среди них Черных. Конечно, в первую очередь признание того, что Черная Айя существует, ослабит всех Айз Седай.

В любом случае, у Эгвейн на руках была проблема. Она просмотрела лежавший перед ней

список. Каждая женщина в Башне подтвердила, что не является Приспешницей Темного. Каждая женщина из списка Верин была посчитана: эту казнили; эта схвачена; эта сбежала из Башни в день возвышения Эгвейн; эта похищена Шончан или находилась вне Башни и пробыла там какое-то время. Сестры были проинструктированы за ними проследить.

Возможно, им повезло, и Отрекшая оказалась среди тех, кого захватили Шончан. Но Эгвейн не верила в такую удачу. Отрекшуюся нельзя так просто схватить. И скорее всего, ей было известно про

нападение заранее.

Это сокращало список, лежащий перед Эгвейн, до трех имен: Наласия Меран, Коричневая; Терамина, Зеленая; и Джамилила Норсиш, Красная. Все трое были чрезвычайно слабы в Силе. И все эти женщины были в Башне долгие годы. Невероятно, чтобы Месана притворялась одной из них и делала это так хорошо, что никто не заметил ее уловку.

У Эгвейн было чувство, возможно, предчувствие, или, по меньшей мере, опасение. Только кто-то из этих трех мог быть Отрекшейся, но ни одна из них совершенно не подходила. От этого

мороз пробирал по коже. Может, Месана по-прежнему прячется в Башне?

Раз так, ей известен какой-то способ нейтрализовать Клятвенный Жезл.

В дверь тихонько постучали. Спустя мгновение она приоткрылась.

— Мать? — позвала Сильвиана.

Эгвейн подняла взгляд, вскинув брови.

— Полагаю, что вам стоит на это взглянуть, — сказала, входя, Сильвиана. Ее черные волосы были тщательно уложены в пучок, плечи окутывал красный палантин Хранительницы.

— Что там?

– Вам нужно посмотреть самой.

Заинтригованная Эгвейн поднялась. В голосе Сильвианы не было тревоги, значит, ничего страшного не случилось. Они обе вышли из кабинета и обошли здание по кругу в направлении Зала Совета. Добравшись до него, Эгвейн вопросительно вскинула бровь. Сильвиана жестом пригласила ее войти.

В зале Совета не было заседания, кресла стояли пустыми. Разбросанные инструменты каменщиков валялись на белых тряпицах в углу. Группа рабочих в плотной коричневой рабочей одежде и белых рубашках с закатанными

рукавами собралась перед проломом в стене, оставленным Шончан. Эгвейн распорядилась сделать в этом месте окно-розетку, а не заделывать пролом полностью — в память о дне, когда на Башню напали. И как напоминание, чтобы предотвратить его повторение. Но до того, как окно займет свое место, каменщикам требовалось выровнять края и создать подходящий проем.

Эгвейн с Сильвианой скользнули в зал и спустились с небольшого помоста на пол, который теперь был вновь правильно окрашен в цвета всех семи Айя. Каменщики заметили их и почтительно посторонились. Один мужчина

стащил с голову шапку и прижал ее к груди. Добравшись до стены зала и встав прямо перед проломом, Эгвейн наконец увидела то, ради чего Сильвиана ее привела.

Облака, так долго наглухо закрывавшие небо, наконец разошлись. Чистое небо открывалось кольцом вокруг Драконовой Горы. Ее покрытую снегом вершину освещало далекое, яркое солнце. Ее жерло на самом верху расколотой вершины было омыто светом. Впервые за много недель, а может, дольше, Эгвейн увидела прямые солнечные лучи.

— Первыми это заметили послушницы, Мать, — пояснила

Сильвиана, вставшая на шаг позади. – Новость быстро распространилась. Кто бы мог подумать, что такое крохотное проявление солнечного света способно вызвать подобный переполох? Это же такая мелочь, не правда ли? Ничего такого, чего бы мы не видели раньше. Хотя...

В этой картине было нечто прекрасное. Свет струился вниз колонной – сильный и чистый. Далекий, но яркий. Он казался чем-то давно забытым, но вместе с тем, таким знакомым, снова принесшим из далеких воспоминаний свое тепло.

– Что бы это значило? – спросила Сильвиана.

– Не знаю, – ответила Эгвейн. – Но мне нравится его видеть. – Она поколебалась мгновение. – Этот разрыв в облачности слишком правильный, чтобы быть естественным. Отметь этот день в календаре, Сильвиана. Что-то наверняка случилось. Возможно, со временем мы узнаем правду.

– Да, Мать, – ответила Сильвиана, снова выглядывая в пролом.

Эгвейн стояла рядом, не желая сразу возвращаться в кабинет. Так спокойно было глядеть на этот далекий свет, такой зовущий и величественный. «Грядет буря, – как бы говорил он. – Но пока я здесь».

«Я здесь».

* * *

Когда конец времен настанет,
И многое одним однажды станет,
То ветры соберут последней
бури вихрь злой,

Чтобы добить лежащий мир, еле
живой.

Тогда слепец в ее очнется
сердцевине,

Прозрев, он встанет на своей
могиле,

И завопит о сотворенном

собственной рукой...

Из Пророчеств о Драконе,
Эссанский цикл. Официальный
перевод Малхавиша, имперский дом
летописей Синдара, Четвертый цикл
Вознесения.

Конец двенадцатой книги
Колеса Времени